Роберт
СИЛЬВЕРБЕРГ

На дальних мирах

Роберт
СИЛЬВЕРБЕРГ

Robert

SILVERBERG

Collected Stories

ЭКСМО
Москва
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2010

Роберт

СИЛЬВЕРБЕРГ

На дальних мирах

ЭКСМО
Москва
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
С 36

Robert Silverberg
COLLECTED STORIES, VOL. 2

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Сильверберг Р.

С 36 На дальних мирах ; пер. с англ. / Роберт Сильверберг. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 848 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-45364-1

Имя классика современной фантастики Роберта Сильверберга стоит в одном ряду с такими знаменитыми именами, как Клиффорд Саймак, Генри Каттнер, Роджер Желязны, и другими прославленными мастерами жанра. Неоднократный лауреат престижных фантастических премий, включая «Хьюго» и «Небьюла», писатель отметился мастерством во многих направлениях фантастики — от твердой НФ до больших фэнтезийных циклов, самый известный из которых, Маджипурский, стал подлинной жемчужиной в его творчестве.

Многие рассказы, вошедшие в настоящий том, впервые переведены на русский язык.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Бакинов В., Орлов А., Вебер В., Огульчанская Л., Монахов С., Гузман А., Жужунава Б., Гинзбург Т., Галь Н., Корженевский А., Полоцк И., Иванова Н., Жаворонков А., Зверева О., Теремзаева С., перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-45364-1

Песни лета

1

КЕННОН

Я спешил присоединиться к Хору и получить обещанное от Кориланны. Честер Дуган появился, когда я пересекал широкое поле. Он возник внезапно, будто упал с неба.

Я смотрел, как он шатается, пытаясь устоять на ногах. Откуда и каким образом он вдруг появился, я не понимал. Невысокий, ниже любого из нас, Честер Дуган был небрит и слишком тучен, его лицо бороздили неприятные складки. Я боялся опоздать к началу Хора и не остановился, когда Честер Дуган упал. На варварском, исковерканном языке — я с трудом понял, что это наш язык,— он потребовал:

— Эй ты! Дай-ка мне руку!

Я подумал, что коротышке и правда плохо, подошел и помог ему встать. Дышал он тяжело и казался потрясенным. Убедившись, что Дуган стоит на ногах и более во мне не нуждается, я пошел своей дорогой. Мне не хотелось опаздывать на Хор и связываться с этим человеком. Я впервые принял участие в Хоре дома Дандрина в прошлом году, к великой своей радости. Именно тогда Кориланна пообещала мне себя. Я сгорал от нетерпения.

© Перевод А. Орлова.

Но Честер Дуган не успокоился.

— Не оставляй меня здесь! — кричал он.— Ты не можешь меня бросить!

Пришлось вернуться. Одежда у него была странная, уродливая и обтягивающая; идти прямо он не мог.

— Где я? — спросил он.

— На Земле, где же еще?

— Ты что, идиот? — огрызнулся Дуган.— Понятно, что на Земле. Но где именно?

Для меня вопрос не имел смысла. Где именно на Земле? Здесь, на широкой равнине, между моим домом и домом Дандрина, где собирается Хор. Мне стало не по себе. Человек, кажется, тяжело болен, и не ясно, что с ним делать. Как хорошо, что меня ждет Хор. Не знаю, что бы я делал в одиночку. Оказывается, я не настолько самодостаточен, как мне казалось.

— Я иду на Хор,— объяснил я.— Хочешь со мной?

— И не подумаю, пока не объяснишь, где я и как сюда попал! Тебя как зовут?

— Меня зовут Кеннон. Мы сейчас на великой равнине, по дороге к дому Дандрина, где собирается Хор, как всегда летом. Я тороплюсь, но ты можешь идти со мной, если хочешь.

Дуган молча пошел за мной.

— Скажи мне, Кеннон,— заговорил он, когда мы прошли сотню шагов.— Минуту назад я был в Нью-Йорке, а теперь я здесь. Далеко ли отсюда до Нью-Йорка?

— Что такое Нью-Йорк? — спросил я.

Услышав это, Дуган занервничал и даже разозлился. Мне стало не по себе.

— Из какой больницы ты сбежал? Никогда не слышал о Нью-Йорке? О Нью-Йорке?! Ладно. Нью-Йорк — город на берегу Атлантического океана, на Восточном побережье Соединенных Штатов Америки. В Нью-Йорке живут около восьми миллионов человек. Скажи мне еще раз, что никогда о нем не слышал!

— Что такое город?..

В ответ на мой недоуменный вопрос Дуган рассердился еще больше и замахал руками, не находя слов.

— Пошли быстрее,— призвал я.

Я понял, что не договорюсь с этим человеком, и заторопился еще больше. Может, Дандрин или еще кто-нибудь из старейших сумеет его понять. По дороге Дуган задавал мне новые вопросы, но вряд ли остался доволен ответами.

2

ЧЕСТЕР ДУГАН

Как так вышло, я не знаю, но в один прекрасный момент я оказался здесь. Способа выбраться отсюда, похоже, нет, но я об этом не жалею: у меня есть все необходимое. Я еще покажу этим идиотам, кто здесь главный.

Последнее, что помню, это как спустился в метро. Потом яркая вспышка, обморок — и вот я здесь, посреди широкого чистого поля, а вокруг — пустота. Несколько минут приходил в себя; кажется, я упал, но помню плохо. Мне не свойственно расклеиваться, но такое не каждый день случается.

Я быстро пришел в себя, осмотрелся и увидел мальчишку в широких одеждах. Он спешил куда-то мимо меня и не собирался останавливаться. Поэтому я окликнул его. Мальчишка подошел, помог мне встать и намылился дальше, как ни в чем не бывало. Пришлось окликнуть его еще раз; засранец вернулся, хоть и без особой охоты.

Когда я захотел узнать, где мы находимся, мальчишка прикинулся дурачком. Якобы он не знает, где мы, не знает, где Нью-Йорк, не знает даже, что такое город. Я бы решил, что он сумасшедший, если бы точно знал, что же случилось со мной. Вполне возможно, что я сам сошел с ума.

Я понял, что толку от мальчишки не добьешься, и оставил его в покое. Узнал только, что его ждет хор; точнее, Хор с большой буквы, судя по благоговению в голосе. Там мне помогут, сказал мальчишка.

Но сколько я ни спрашивал, никакого объяснения происшедшему не получил. Как можно сесть в метро в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году и вывалиться посреди чистого поля где-то в тридцать пятом веке? Никто не знает. Они даже насчет века не уверены, сбились со счета.

Но это не важно. Важно то, что я здесь, и мое прошлое не имеет значения. Пятьдесят шестой год давно похоронен, мне предстоит делать карьеру заново. В очередной раз Честер Дуган начинает с нуля. То есть уже начал и не думает останавливаться.

Так я и шел за этим мальчишкой Кеннoном, пока, ближе к вечеру, не услышал поющие голоса. Забыл сказать: в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году был конец ноября, а здесь вроде бы лето, воздух вкусный и пряный. Не сравнить с той дрянью, которую мы называли воздухом.

Голоса становились все громче, но как только нас заметили, пение оборвалось.

Певцы сидели кружком — человек двадцать или тридцать в легких просторных одеждах. На меня смотрели во все глаза.

Мне показалось, они заглядывают прямо в душу.

Через несколько минут они запели снова. Вел Хор высокий мальчишка, остальные следовали за ним, не обращая на меня внимания. Я молчал, обдумывая следующий шаг: предпочитаю сначала думать, потом действовать.

Когда певцы малость притихли, я крикнул: «Стой!» И шагнул в середину круга.

— Меня зовут Дуган,— объявил я громко, четко и раздельно.— Честер Дуган. Не знаю, как я сюда попал и что это за место, но намерен задержаться тут на некоторое время. Кто здесь главный?

Они долго смотрели друг на друга с недоумением. Потом из круга вышел старик с худым лицом.

— Меня зовут Дандрин,— прошелестел он негромко.— Буду говорить за всех как старший. Откуда ты пришел?

— В том-то и дело,— ответил я.— Город Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки, планета Земля, Вселенная. Эти слова тебе о чем-нибудь говорят?

— Все это названия, конечно,— кивнул Дандрин.— Только чего? Нью-Йорк? Соединенные Штаты Америки? Мы никогда не слышали...

— Не слышали о Нью-Йорке?

Ровно то же самое говорил глупый мальчишка Кеннон, и это меня не обрадовало.

— Нью-Йорк,-- объявил я,— величайший город в мире, а Соединенные Штаты — богатейшая страна.

По кругу хористов пролетел шепот. Дандрин улыбнулся.

— Кажется, я понял. Города, страны...— Он посмотрел на меня с интересом.— Скажи, из какого ты времени?

— Тысяча девятьсот пятьдесят шестой год.

Вопрос меня чуть не убил. Честно скажу, в тот момент мне сделалось совсем нехорошо.

— Сейчас тридцать пятый век.— Дандрин, кажется, ничему не удивлялся.— Мы так полагаем. На самом деле люди сбились со счета в годы Бомбардировок. Честер Дуган! Мы мешаем Хору своей болтовней, поэтому отойдем в сторону и поговорим, пока остальные поют.

Мы отошли, и Дандрин объяснил, как было дело. Цивилизация рухнула в результате чудовищной атомной войны. Живущие сейчас — потомки тех немногих, кто не погиб тогда. Не осталось ни столиц, ни городов. Люди живут по двое, по трое, далеко друг от друга, вместе собираются нечасто. Они и не любят собираться вместе. Только летом, как сейчас, обычно в доме кого-то из стариков, чаще всего — у Дандрина. Они поют, потом расходятся по домам.

Похоже, на всю Америку осталось несколько тысяч человек, разбросанных по огромной площади. Нет ни торговли, ни производства, ни культуры — ничего, кроме людей, живущих мелкими кучками. Они поют, ковыряются в земле понемногу, и все. Слушая старика, я начал потирать руки — мысленно, разумеется. В голове моей рождались планы, один другого лучше.

Старик понятия не имел, как меня занесло сюда. Я, собственно, тоже. Думаю, это был тот самый один шанс на триллион — дыра в пространстве или что-то вроде. Я просто шагнул туда в нужный момент и оказался посреди чистого поля. Но Честер Дуган никогда не боялся неизвестности. Я все принимаю как есть.

Итак, мне, вооруженному деловыми навыками двадцатого века, предстояло блестящее будущее. Начать придется с устройства деревень. То, как они живут, совсем не похоже на цивилизацию. Нужно будет потихоньку восстанавливать достижения, которые этот упадочный народец растерял: деньги, развлечения,

спорт, бизнес. Стоит машине покатиться, ее не остановишь. Построим город и двинемся дальше.

Могу только сказать спасибо тому, кто забросил меня сюда. Эти люди станут глиной в моих руках. Такая возможность предоставляется раз в жизни.

3

КОРИЛАННА

Кеннон вполне одобрил мой поступок. Вечером после Хора ко мне подошел Дуган, и по его разговору было ясно, что он хочет провести со мной ночь. Я уже обещала себя Кеннону, но Дуган не отступал, и я попросила Кеннона одну ночь подождать. Кеннон легко согласился.

Дуган почему-то ни о чем не просил внятно и ничего не говорил прямо. Все, что он делал той ночью, было мне противно. К тому же он уродлив.

— Держись за меня, крошка,— повторял он все время.— Вместе мы далеко пойдем!

Я так и не поняла, что он имеет в виду.

На следующий день девочки не оставляли меня в покое: нас не так много, и новый человек в постели это настоящая редкость. Они все хотели знать. И я сказала им, что получила удовольствие.

Я солгала — Дуган был мне мерзок. Однако я пришла к нему назавтра и на следующую ночь... Бедняга Кеннон. Я ничего не могла с собой поделать. Что-то в Дугане неудержимо притягивало меня. Хотя он был отвратителен.

4

ДАНДРИН

Удивительно смотреть, как стоят ровными шеренгами люди, не знавшие до сих пор порядка и особых правил. Удивительно смотреть, как Дуган ими командует. На рассвете позапрошлого дня мы были свободны, а потом появился Дуган.

Пока я сидел в тени, Дуган объяснял свои планы перед строем. Мы очень старались понять, о чем он говорит. Старики ко-

гда-то рассказывали странные истории, но я поверил в них только сейчас, увидев Дугана в действии.

— Нет, я не могу вас понять! — кричал Дуган.— Перед вами целый мир, великолепный и богатый. Он ждет, чтобы вы сделали шаг, протянули руку и взяли его! Вместо этого вы поете. Поете! Декаденты вы сраные, вот вы кто. Вам нужно правительство, хорошая, крепкая власть. И вы ее получите! Я появился здесь, чтобы об этом позаботиться.

Утром ко мне подошел Кеннон и еще несколько человек. Они недоумевали: что происходит? Я настоятельно порекомендовал ничего не предпринимать и делать все, как скажет Дуган. Тогда со временем мы сможем понять его и принять надлежащие меры. Должен сознаться, мне было любопытно, как он поведет себя среди нас.

Когда Дуган приказал нам после Хора не расходиться по домам, а остаться здесь, я промолчал. Мы останемся здесь, сказал Дуган, чтобы построить город. Он, Дуган, вернет нам драгоценное наследие двадцатого века.

Мы слушали спокойно. Все, кроме бедняги Кеннона. Это Кеннон привел его — Кеннон, который пришел сюда ради Хора и Кориланны. Надо же было так случиться, что именно ее Дуган забрал себе в качестве единоличной собственности. Кеннон не возражал против одной ночи с ним, потому что полагал, что завтра Кориланна вернется к нему. Но вышло по-другому: Кориланна осталась с Дуганом.

Чтобы спланировать город, ему хватило пары дней. Зачем? Думаю, никто этого не понимал. Он уверен, что мы должны сделать множество странных вещей. Чего ради?

Нам следует дать ему время для реализации планов. Если он не попытается нанести непоправимый вред, мы не станем мешать. Мы будем искать ответ на вопрос: зачем?

5

ЧЕСТЕР ДУГАН

Кориланна действительно оказалась особенной. Дома таких, как она, я не помню! Как только Данлрин показал мне, где сидят свободные женщины, я направился к ним. Выбирал недолго: все

были хороши, все до единой, но ни одна не сравнилась бы с Кориланной. Я тогда не знал, что Кориланна обещана Кеннону, иначе воздержался бы, скорее всего: незачем сразу же восстанавливать людей против себя.

Боюсь, Кеннон теперь имеет на меня зуб, ведь я забрал себе его девушку. К тому же он явно не одобряет мои методы. Почему бы не подойти к нему психологически? Сделаю его своим заместителем, может быть.

Проект строительства города развивается неплохо. На Хор собрались сто двадцать человек: пятнадцать стариков, согласно моей «переписи», и молодежь, в основном парами. Так что жилье я спланировал семейное.

Дети у местных рождаются нечасто, но я что-нибудь придумаю. Скажем, привилегии для тех, у кого семья больше. Прирост населения увеличивает перспективы.

Насколько я понял, в пятистах милях к северу живет племя дикарей. А может быть, еще ближе — я до сих пор понятия не имею, где мы находимся. Говорят, у них сохранились какие-то машины. Когда мы обустроимся как следует, обязательно отправлю туда экспедицию. Покорим дикарей и вернем машины.

Думаю, во главе экспедиции лучше поставить Кеннона. Он получит ответственный пост — и шанс не вернуться из похода. От мальчишки надо ждать неприятностей. Нет, не следовало забирать его девушку...

Так или иначе, переигрывать поздно. А еще мне нужен сын, и как можно скорее. Не знаю, что буду делать, если Кориланна родит девочку. Династии нужен наследник.

Еще меня беспокоит парень по имени Джубилайн. Он не похож на других, чувствительный и хрупкий, и относятся к нему по-особому. Его дело — вести за собой Хор. Приспособить Джубилайна к строительству пока не удалось, и я не уверен, что когда-нибудь удастся.

В остальном все идет гладко. Дандрин и не думает мне мешать, что удивительно. Хор давно должен был разойтись, а они никуда не рвутся и работают, будто я им плачу.

В каком-то смысле так оно и есть: ребята получают обратно блага погибшей великой цивилизации из рук ее представителя. Честер Дуган, человек из прошлого. Руками горстки бродяг я

создаю крепкий город. Выгодно народу — выгодно мне. Особенно мне, потому что я впереди и выше всех.

Только насчет ребенка меня грызут сомнения. Если родится девочка, мальчика придется ждать еще год. Или дольше. Потом пройдет не меньше десяти лет, пока от наследника будет хоть какой-нибудь толк. А если мне взять вторую жену? Джаринну, например. Вчера смотрел, как она переодевается для работы, и я вам скажу: Джаринна еще красивее Кориланны. Похоже, этот народец не имеет твердого понятия о браке, поэтому я не знаю, будут они возражать или нет. Что ж, в случае чего — если Кориланна родит девочку,— я верну ее Кеннону.

За вопросом брака стоит вопрос религии: ее здесь нет. Не то чтобы я сильно верил в Бога, но религия весьма полезна для поддержания общественного порядка. Когда новая жизнь наладится, надо будет подумать о духовенстве.

Не думал, что основание цивилизации — такая тяжелая работа. Ничего, когда все утрясется, я смогу расслабиться и отдыхать до конца жизни.

Работать с этими людьми — одно удовольствие. Еще немного — и дела пойдут сами собой. За два месяца я достиг большего, чем за сорок лет жизни там. Вдохнуть жизнь в цивилизацию способен только большой человек, и я знаю: Честер Дуган — именно то, что нужно этому народу!

6

КЕННОН

Кориланна сказала, что у нее будет ребенок от Дугана. Мне стало грустно, ведь это мог быть мой ребенок... Однако я сам привел Дугана и сам за все в ответе. Если бы не мое желание участвовать в Хоре, Дуган вполне мог погибнуть на равнине. Но сейчас об этом поздно говорить.

Дуган не разрешает людям разойтись по домам, хотя сезон Хора прошел. Дома меня ждет отец, нам надо охотиться, пока не наступила зима. Но Дуган запрещает... Дандрину пришлось объяснять значение этого слова, но я до сих пор не понял, как один человек может говорить другому, что тот должен делать. На самом деле никто из нас не понимает Дугана. В том числе и Дандрин,

по-моему. Дандрин очень старается, но Дуган для нас — существо настолько чуждое, что мы ничего не можем уяснить.

Он заставил нас построить то, что называет городом: скопление домов, стоящих рядом. По его словам, город позволяет обороняться от врагов. Правда, у нас нет врагов. Мне кажется, Дуган понимает нас еще меньше, чем мы его. А меня ждут дома к осенней охоте — время Хора прошло и лето подходит к концу... Я так надеялся привести Кориланну домой, но мне некого винить, кроме себя, и не на кого обижаться.

Не знаю, почему Дуган держится со мной так холодно, хотя именно я привел его сюда. Возможно, он думает, что я захочу отобрать у него Кориланну. Кажется, он боится меня и злится на меня.

Если бы я мог это понять!

7

КЕННОН

Дуган явно заходит слишком далеко. Всю прошедшую неделю я пытался вызывать его на разговор, чтобы понять цели и мотивы его поступков. Спрашивать полагалось бы Дандрину, но Дандрин как будто снял с себя ответственность за происходящее: сидит в сторонке и молча смотрит. Дуган не заставляет старика работать.

Нет, я решительно не понимаю Дугана. Вчера он сказал мне: «Мы будем править миром!» Что он имел в виду? Править? Действительно ли он собирается определять для каждого человека на Земле, что можно и чего нельзя? Если в его время все люди были такие же, стоит ли удивляться, что их цивилизация погибла? А если два человека потребуют от третьего разных вещей, как быть тогда? Если двое будут приказывать друг другу? Я представляю себе, что мир населен плотными толпами людей и все они командуют друг другом. Не безумие ли это?

Так хочется вернуться к отцу, отправиться на осеннюю охоту. Я надеялся привести ему дочь, но не судьба, наверное.

Дуган предложил мне взять Джаринну. По словам Джаринны, она была с Дуганом и Кориланна об этом знает. Дандрин говорит, что мне следует отказаться от Джаринны, чтобы не злить

Дугана. Но если Дугану неприятно, зачем он предлагает? Кстати — как я сразу не подумал! — по какому праву он предлагает мне другого человека?

Джаринна, конечно, хороша. Можно ли ради нее забыть Кориланну? Наверное.

Потом Дуган объявил о походе на север. Мы возьмем в руки оружие и покорим тамошних дикарей. У дикарей есть машины, которые нужны для нашего города, сказал Дуган. Я объяснил ему, что мне давно пора домой, помогать отцу на охоте. Откладывать возвращение уже невозможно. Другие говорят то же самое: Хор этим летом продлился слишком долго.

Сегодня я попытался уйти. Собрал друзей и сказал, что хочу домой, предложил Джаринне идти со мной. Она напомнила мне, что была с Дуганом, и согласилась. Когда я заметил, что об этом можно не говорить, Джаринна сказала, что понимает это (кто бы не понял?) и не стала бы напоминать — если бы речь шла о ком угодно другом, кроме Дугана. Я попрощался с Кориланной, уже заметно округлившейся. Она всплакнула.

Опасаясь потерять решимость, я не стал говорить с Дандрином. Открыл ворота, недавно поставленные Дуганом, и вышел.

— Куда это ты собрался? — спросил скверным голосом неизвестно откуда появившийся Дуган.— Бросаешь общее дело?

— Пришло время помогать отцу на охоте. Я ведь говорил. Не могу больше задерживаться ни на минуту.

Я обошел Дугана, Джаринна последовала за мной. Но Дуган быстро преградил мне путь.

— Все остаются здесь, никто не уходит! — прорычал он, сжимая кулаки.— Если каждый будет уходить, когда хочет, как мы построим город?

— Я должен идти. Ты и так задержал меня сверх всякой меры.

И я пошел, но далеко уйти не смог: ударом в лицо Дуган сбил меня с ног.

Остальные молча смотрели, как я размазываю по лицу кровь из разбитого носа, потом поднимаюсь на ноги. Я выше ростом и гораздо сильнее Дугана, но мне до сих пор не приходило в голову, что один человек может ударить другого. Новый обычай появился в нашем мире.

За себя я не особо огорчался: боль проходит быстро. Но Джубилайну не следовало видеть, как меня бьют. Те, кто ведет Хор, не похожи на остальных, у нас принято их беречь. Боюсь, Джубилайн не выдержал такого зрелища.

Справившись со мной, Дуган ушел, не оглядываясь, а я вернулся в город. Охота подождет; мне пора поговорить с Дандрином. Пора принимать меры.

8

ДЖУБИЛАЙН

От лета к осени, от осени до каждого, пой зиму, пой тишину, пой ребенка упавшего. Моя голова голова болит. Моя моя голова болит. Кеннон весь в крови.

Кеннон в крови, Дуган зол, от лета к осени.

Джубилайн в печали. Болит голова. Дуган ударил Кеннона в лицо. Рукой, рукой, рукой, сжатой в кулак, Дуган ударил Кеннона. За воротами. Помысли о воротах. Помысли.

Они лишили голоса песню. Как я могу петь, когда Дуган бьет Кеннона? Болит голова. Пой от лета к осени, пой каждого. Хорошо, что лето кончается, ибо конец песне. Как я могу петь? Кеннон в крови.

У Джубилайна болит голова. Раньше голова не болела, не болела. Будут ли новые Дуганы?

И новые Кенноны. Джубилайнов не будет. Песен не будет. Песни лета немые и скользкие. Болит голова. Болит болит болит. Не могу больше петь. Нетнетнетнетнет.

9

ДАНДРИН

Это настоящая трагедия, а я старый дурак.

Я сидел в тенечке, как старая высохшая мумия, и не мешал Дугану уничтожать нас. Сегодня он ударил человека. Кеннона. К нему Дуган был несправедлив с самого начала. Бедняга Кеннон. Дуган принес нам раздор вместе с городом и воротами.

Но это еще не самое скверное. Джубилайн все видел, и мы потеряли нашего певца. Джубилайн не смог пережить случившееся.

Певец не таков, как остальные: его разум — инструмент нежный и хрупкий. Насилие для него непостижимо. Наш певец сошел с ума, и Хора больше не будет.

Мы обязаны уничтожить Дугана. Скверно, что нам приходится опуститься до его уровня и думать об уничтожении, но деваться некуда. Дуган собирается осчастливить нас войной, а такой подарок нам не нужен. Свирепый народ севера — серьезный противник для тех, кто не воевал уже тысячу лет. Почему нас нельзя предоставить самим себе? Вчера мы были мирными и счастливыми людьми, а сегодня вынуждены говорить о гибели.

Я даже знаю, как надо. Если мой мозг не высох под солнцем за эти годы, я смогу указать путь. Мы избавимся от Дугана, оставаясь людьми.

Старый дурак. Но, надеюсь, не совсем бесполезный. Если мне удастся соединиться с Кенноном...

10

ЧЕСТЕР ДУГАН

Сопротивление подавлено. Теперь я, Честер Дуган, пожизненный властелин мира. Не такой уж огромный мир, но какого черта? Он мой!

Удивительно, как легко прекратилось недовольство. Даже Кеннон поддался, и теперь он моя правая рука — после того, как я его проучил. Очень жаль, что пришлось ломать такой благородный нос, но дезертирство следует решительно пресекать.

Завтра Кеннон возглавит экспедицию на север. Джаринна остается здесь. Так будет лучше: Кориланна занята младенцем, а мне не повредит немножко разнообразия. Младенец, кстати, просто прелесть, вылитый папа. Не перестаю удивляться, как удачно все выходит.

Я даже надеюсь провести электричество, но не знаю... Речка тут воробью по колено; придется, наверное, устроить запруду. Да, наверняка, иначе никак... Об этом и поговорю с Кенноном, пока он не ушел.

Строить цивилизацию с нуля — полезное занятие. Я похудел! На брюхе больше нет ничего лишнего. Наверное, отсутствие пива играет роль, но это не навсегда. Я приму меры, и довольно

скоро. Только посмотрю, что Кеннон привезет с севера. Надеюсь, он не испортит машины, срывая их с фундаментов. Гидравлический пресс или генератор — вот это было бы здорово! Так и будет, если моя удача не пропадет.

С религией, похоже, придется пока подождать. С Дандрином я поговорил, но перспектива стать жрецом его не соблазняет. Думаю, это бремя я смогу взять на себя, когда дела пойдут на лад. Еще неплохо бы наладить отопление к зиме... По моим прикидкам, здесь Нью-Джерси или Пенсильвания. Зимой будет холодно, если климат не изменился.

Забавно, если город варваров на севере окажется Нью-Йорком. А почему бы нет?

Удивительно, как эти люди поднимают лапки кверху и немедленно делают все, что я им скажу. Совершенно бесхребетный народ, в этом их беда. Еще одно достоинство цивилизации: ее не сберечь, если у тебя кишка тонка. Ничего, я об этих кишках позабочусь. Меня будут помнить не одно столетие. Может быть, в далеком будущем меня сочтут мессией? Запросто — я ведь спустился к ним с облака.

Мессия Дуган. Видели бы меня друзья и коллеги! Не могу привыкнуть, что вот так легко и просто вершатся великие дела. Как во сне. Следующую весну мы встретим за стенами настоящего города. А потом устроим суперхор, куда соберется вся округа — и останется здесь. Я приму меры.

С Джубилайном получилось нехорошо, мне действительно жаль. Впрочем, он ведь был ненормальным? Я сразу заметил, что парень с тараканами в голове. А почему бы мне самому не поучить их старым песням? Это добавит популярности. Хотя я уже невероятно популярен, при виде меня все улыбаются в любое время суток.

11

— *Кеннон? Кеннон? Слышишь меня?*

— *Слышу тебя, Дандрин. Сейчас свяжусь с Джаринной.*

— *Я здесь. Кориланна?*

— *Да, Джаринна. Тянусь изо всех сил. Попробуем-ка достать Оннара.*

— *Взяли!..*

— *Оннар здесь. Джеккаман здесь. Здравствуй, Дандрин.*

— *Здравствуйте!*

— *Все здесь?*

— *Сто двадцать.*

— *Сосредоточились. Как следует. Есть.*

— *Начинаем. Никто не отвлекается.*

— *Ты здесь, Дуган? Приветствуем тебя. Слушай нас, Дуган. Слушай. Слушай внимательно. Не отвлекайся. Слушай.*

— *В полную силу, взяли!*

— *Ты слушаешь, Дуган?..*

12

ДАНДРИН. КЕННОН. ДЖАРИННА. ВСЕ

Думаю, для нас не составит труда оставаться единым целым неопределенно долго. Тогда появление Дугана следует считать необыкновенным, неправдоподобным везением. Если бы не он, сплести такую плотную сеть, находясь в тысячах миль друг от друга, мы бы не смогли. .

Несомненно, нам следует сохранить этот гештальт (полезное слово; оно всплыло, когда я внедрился в разум Дугана) и после того, как Дуган умрет. Сейчас он мирно спит и видит сны о неведомых битвах и завоевательных походах. Не думаю, что ему суждено проснуться. Дуган может проспать многие годы; нам придется вместе поддерживать иллюзию бытия, пока он не умрет. Надеюсь, мы сумели наконец сделать его счастливым. Похоже, до нас ему этого очень не хватало.

Я подумал: мне следует оставаться единым и впредь, на случай появления новых Дуганов. Не знак ли мы получили из прошлого? Наверное, все они были такими же, как он. Та бомба взорвалась во благо.

И город его мы, конечно, сохраним. Дуган все-таки внес свой вклад в наше благосостояние — создал меня. Огромный вклад. Без него я бы не сформировался, пребывая в рассеянии. Кеннон у себя на ферме, Дандрин здесь, Кориланна там... Разумеется, мы не остались бы в одиночестве, как не были одиноки до прихода Дугана, но разве сравнится это с нынешним великолепием?

Еще предстоит решить судьбу ребенка Дугана. Сейчас о нем заботятся Кеннон, Кориланна и Джаринна. Семьи больше не нужны, когда у нас есть я. Пусть растет с нами, а мы будем смотреть внимательно, чтобы вовремя усыпить его, если сын окажется похожим на отца. Они разделят одни и те же сны.

Что, интересно, Дуган видит сейчас? Неотвратимый успех его невиданных проектов: город будет расти, пока не покроет собой мир; мы будем воевать, истреблять и захватывать добычу; самого Дугана ожидает безмерное счастье. Правда, в пределах черепной коробки, куда заключен этот плодовитый мозг.

Нет, мы Дугана никогда не поймем. Однако я счастлив дарить ему мечты — пока они не могут вырваться на свободу.

Еще предстоит вернуть Джубилайна. Какая жалость, что он не может сейчас же воссоединиться с нами. Каким я был бы изысканным и прекрасным, если бы во мне жил певец! Но всему свое время. Осторожно и терпеливо распутаю клубок больной мысли, бережно приведу певца домой.

Пройдет несколько месяцев, и снова наступит лето. Лето и сезон Хора. На этот раз мы не отвыкнем друг от друга за зиму. Хор не станет для нас такой свежей новостью, как раньше, зато в этом году я буду с нами и мы все будем — я. Песни наши будут трижды прекрасны в городе Дугана, где Дуган спит день и ночь, ночь и день, день и ночь.

Звероловы

С высоты пятидесяти тысяч миль планета выглядела очень привлекательно. Земного типа, с преобладанием зеленых и голубых тонов, без видимых признаков цивилизации. Что же касается фауны...

Я повернулся к Клайду Холдрету, приникшему к термоскопу.

— Ну, что ты можешь сказать?

— Температура подходящая, много воды. Мне кажется, надо садиться.

В рубку вошел Ли Дэвидсон. На его плече сидела одна из тех голубых мартышек, которых мы поймали на Альферазе.

— У нас есть свободные вольеры? — спросил я.

— На целый зоопарк!

— Я за посадку,— вмешался Холдрет.— Нельзя же возвращаться на Землю лишь с парой мартышек и муравьедами.

Кроме поисков внеземных животных для Зоологического управления Министерства межзвездных дел мы попутно занимались и картографированием планет, а в эту систему еще не залетали земные звездолеты. Еще раз взглянув на голубой шар, медленно вращающийся на обзорном экране, я занялся расчетом посадочной траектории. Из вольеров доносились сердитые вопли голубых мартышек, которых Дэвидсон привязывал к противоперегрузочным креслам, и недовольное похрюкивание муравьедов с Ригеля...

Не успел корабль коснуться поверхности планеты, как вокруг начали собираться представители тамошней фауны.

— Посмотрите, да тут не меньше тысячи видов! — воскликнул Дэвидсон.— О таком можно только мечтать!

© Перевод В. Вебера.

— Кого же из них взять с собой? — немного растерянно спросил я, прикинув, сколько у нас свободного места.

— Я считаю, мы должны отобрать самых необычных животных и вернуться на Землю,— ответил Холдрет.— Остальных оставим до следующего раза.

— Эй, посмотрите сюда! — позвал нас Дэвидсон.

Из густого леса появилось существо ростом не менее двадцати футов, похожее на жирафа, с миниатюрной головой на грациозной шее. Оно передвигалось на шести длинных ногах. Поражали глаза, огромные фиолетовые шары, чуть выступающие вперед. Животное подошло к кораблю и, казалось, взглянуло прямо на нас. У меня возникло ощущение, будто оно пытается нам что-то сказать.

— Великовато? — прервал молчание Дэвидсон.

— Уж ты-то не отказался бы взять его с собой.

— Возможно, нам удастся уместить детеныша.— Дэвидсон повернулся к Холдрету.— Как по-твоему, Клайд?

— Попробуем,— пробурчал тот.

Жираф, похоже, удовлетворил свое любопытство и, подогнув ноги, опустился на траву. Маленький собакообразный зверек недовольно залаял, но тот даже не повернул головы.

— Ну, как анализ атмосферы? — спросил Дэвидсон.

— Отличный,— возвестил Холдрет.— Пора на охоту.

Я вдруг почувствовал смутную тревогу. Слишком тут было хорошо...

— Никогда ничего подобного не видел,— повторил Дэвидсон по крайней мере в пятнадцатый раз.— Сущий рай для звероловов.

Подошел Холдрет, держа в руках собаку с блестящей, без единого волоска кожей и выпуклыми, как у насекомых, глазами.

— Как дела, Гас?

— Нормально,— ответил я без особого энтузиазма.

— Ты что-то не в духе. В чем дело?

— Мне здесь не нравится.

— Почему?

— Животные сами идут в руки. Будто рады, что их возьмут на корабль. Я вспоминаю, как нам пришлось погоняться за муравьедами...

— Перестань, Гас. Если хочешь, мы быстро погрузимся. Но для нас эта планета — золотая жила.

Холдрет беззаботно рассмеялся и потащил собаку к вольерам. Чувствуя себя лишним, я решил обследовать окрестности и через полчаса поднялся на высокий холм. Оказалось, мы сели на огромном острове или сильно вытянутой косе. По обе стороны вдали виднелось море. Справа до самого берега темнел лес, слева простиралась степь. У подножия холма блестело небольшое озеро. Не остров, а рай для всякой живности.

Я не считал себя зоологом, мои знания ограничивались лишь беседами с Дэвидсоном и Холдретом. Но и меня не могло не поразить удивительное многообразие всех этих странных существ и их поразительное дружелюбие. По дороге мне встретился еще один жираф. И снова у меня возникло ощущение, будто он пытается мне что-то сказать.

Вернувшись на звездолет, я увидел, что вольеры забиты до отказа.

— Как дела? — поинтересовался я.

— Заканчиваем.— ответил Дэвидсон.— Теперь приходится выбирать, кого взять, а кого оставить.

Он вынес из вольера двух собакообразных и заменил их пеликанами.

— Зачем они тебе? — спросил Холдрет.

— Одну минуту,— вмешался я.— Какая странная птица. У нее восемь ног!

— Ты становишься зоологом.— хмыкнул Холдрет.

— Нет, но у меня возникают сомнения. Почему у одних животных восемь ног, у других — шесть, а третьи обходятся четырьмя?

Холдрет и Дэвидсон смотрели на меня, не понимая вопроса.

— Я хочу сказать, что процесс эволюции, как правило, отличает определенная логика. Для животного мира Земли характерны четыре конечности, а для четвертой планеты беты Центавра — шесть...

— Ну, всякое случается,— возразил Холдрет.— Вспомни симбиоз Сириуса-три или червей Мизара. Но, вероятно, ты прав. Налицо очень странное отклонение. Мне кажется, нам стоило бы остаться и провести некоторые исследования.

Я понял, что допустил серьезную ошибку, и предпринял обходной маневр.

— Не согласен. Наоборот, мы должны вылететь немедленно, а потом вернуться с более подготовленной экспедицией.

— Перестань, Гас,— возмутился Дэвидсон.— Такой случай выпадает раз в жизни.

— Ли, звездолетом командую я. Нам положено сделать короткую остановку и лететь дальше. Запасы продовольствия строго ограничены. Никаких научных исследований, иначе нам придется есть тех, кого мы поймали.

— Против такого довода не поспоришь,— после некоторого молчания ответил Холдрет.

— Ну, ладно,— неохотно согласился Дэвидсон.

Я решил рассчитать режим взлета и пошел в рубку. Там меня ждал сюрприз. Кто-то выдрал из гнезд пульта управления все провода. Несколько минут я не мог прийти в себя, а потом кинулся к вольерам.

— Дэвидсон! — позвал я.

— Что случилось, Гас?

— Срочно в рубку!

Он появился лишь через несколько минут, недовольно хмурясь.

— В чем дело? Я занят и...

— Посмотри на пульт!

Дэвидсон замер с открытым ртом.

— Немедленно позови Холдрета!

Пока он привел Холдрета, я снял панель и внимательно все осмотрел. Мое настроение несколько поднялось. За пару дней повреждения можно было устранить...

— Ну что? Чьих рук это дело? — набросился я на Дэвидсона и Холдрета, когда они вошли в рубку.

— Если ты намекаешь на то, что это сделал кто-то из нас,— начал Дэвидсон,— то...

— Я ни на что не намекаю. Но мне кажется, что вы с удовольствием продолжили бы исследования. И наилучший способ сделать это — заставить меня чинить систему управления. Вы своего добились!

— Гас,— Дэвидсон положил руку мне на плечо,— мы этого не делали. Ни он, ни я.

Я понял, что он говорит правду.

— Кто же тогда?

Дэвидсон пожал плечами.

Они ушли к животным, а я постарался сосредоточиться на ремонте. Через несколько часов работы мои пальцы стали дро-

жать от усталости, и я решил отложить ремонт до следующего дня.

В ту ночь я спал плохо. Из вольеров доносились стоны муравьедов, визг, шипение, блеяние и фырканье других животных. Наконец около четырех утра я провалился в глубокий сон. Проснулся я оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза, я увидел бледные лица Холдрета и Дэвидсона.

— Вставай, Гас!

— Какого черта!..

Но меня уже тащили в рубку. Там я мгновенно пришел в себя.

Все провода, ведущие к пульту управления, опять лежали на полу!

— Необходимо охранять рубку,— сказал я.— Один из нас должен постоянно бодрствовать. Кроме того, всех животных следует немедленно удалить из звездолета.

— Что? — негодующе воскликнул Холдрет.

— Он прав,— согласился со мной Дэвидсон.

Весь день я чинил пульт, а к вечеру первым заступил на вахту, с трудом подавляя желание вздремнуть. Когда Холдрет вошел в рубку, чтобы сменить меня, он ахнул и указал на пульт. Провода вновь валялись на полу...

Ночью мы все остались в рубке. Я чинил этот проклятый пульт. Но к утру оказалось, что все труды пропали даром. Никто не заметил, как это произошло.

Я вылез из звездолета и уселся на большой камень. Одна из собакообразных подошла ко мне и потерлась мордой о колено. Я почесал ее за ухом.

На одиннадцатый день животные перестали интересоваться нами. Они бродили по равнине, подбирая комочки белого тестообразного вещества, каждую ночь падавшего с неба. Мы назвали его манной небесной. Провизия кончилась. Мы заметно похудели. Я уже давно не подходил к пульту управления.

К вечеру Дэвидсон набрал ведерко манны, и мы устроили пир.

— Надо сказать,— заметил Холдрет,— звездолет мне порядком надоел. Хорошо бы вернуться к нормальной жизни.

— Пошли спать,— предложил я.— Утром мы еще раз попробуем выбраться отсюда. Надеюсь, нам это удастся.— Моим словам явно не хватало былой уверенности.

Утром я встал пораньше с твердым намерением починить пульт. Войдя в рубку, я взглянул на обзорный экран и замер. Потом вернулся в каюту и разбудил Холдрета и Дэвидсона.

— Посмотрите в иллюминатор,— попросил я.

Они кинулись смотреть.

— Похоже на мой дом,— пробормотал Холдрет.— Мой дом на Земле!

Мы вышли из звездолета. Вокруг собрались животные. Большой жираф подошел поближе и печально покачал головой. Дом стоял посреди зеленой лужайки, чистенький, сверкающий свежей краской. Ночью чьими-то заботами его поставили около звездолета, чтобы мы могли в нем жить.

— Совсем как мой дом,— изумленно повторял Холдрет.

— Естественно,— буркнул я.— Они воссоздали его по твоей памяти.

— О ком ты говоришь? — спросили в один голос Холдрет и Дэвидсон.

— Неужели вы до сих пор не сообразили, в чем дело? — Я облизал пересохшие губы, поняв, что остаток жизни нам придется провести на этой планете.— Неужели не ясно, что означает этот дом? Это наша клетка. Нас, звероловов, здешний разум умудрился загнать в свой космический зоопарк!

Я взглянул на безоблачное, теперь уже недостижимое небо, поднялся на веранду и тяжело опустился на стул. Я смирился и представил себе табличку на изгороди:

Земляне, звероловы.
Естественная среда обитания — Солнечная система

Деловая хватка

Когда они поняли, что миниатюрный корабль больше не сдвинуть с места, Коннелли обратил лицо к инопланетянину и широко улыбнулся, признавая свое поражение.

— Вы это хитро придумали, нидляне. Пожалуй, я еще не встречал столь искусной ловушки.

Он впился взглядом в экран, разглядывая унылую поверхность крошечной планеты, по которой разгуливал яростный ветер, потом снова посмотрел на нидлянина. Тот уютно устроился в хвосте маленькой ракеты. Он сидел чуть сгорбившись и прямо-таки сиял от самодовольства.

— Моим коллегам не по душе, когда земляне похищают начальника штаба,— проговорил нидлянин.— Они принимают меры.

Коннелли согласно кивнул.

— И весьма действенные меры. Я так спешил убраться с вами подальше от Нидлы, что не заметил западни. Должно быть, мы попали в гигантское силовое поле, которое втягивает каждый корабль, застигнутый врасплох. Я не ошибся? — Он подмигнул нидлянину.— Как вы думаете, Ломор?

— Я ничего не думаю,— ответил пленник, пожав плечами.— Я знаю лишь одно: вы насильно вырвали меня из дома и скоро я буду на свободе.

Нидлянин встал и, покачиваясь, пошел через салон к обзорному окну.

Корабль пропахал крутой склон горы; гироскопы здесь почему-то стабильно грешили на десять градусов, что затрудняло по-

© Перевод Л. Огульчанской.

лет. Инопланетянин пристально всматривался в скудный пейзаж.

— Славно,— проговорил Коннелли.

— Очень славно,— самоуверенно повторил пленник.— Ваша небольшая шпионская вылазка, видно, не совсем удалась, а, Коннелли?

— Пожалуй,— коротко ответил землянин.— Ну, мы и влипли; надо же — застрять в половине светового года от Нидлы!

— Да,— подтвердил Ломор.— Мои подчиненные примчатся сюда, как только узнают, что ловушка захлопнулась. Мы предвидели, что земляне попытаются проникнуть через наши оборонительные сооружения, и усеяли подступы к ним этими... как их... мышеловками. У нас хорошая противоразведывательная система.

— Это уж точно,— добродушно согласился Коннелли.— Очень хорошая система.

Он подошел к приборной доске и принялся нажимать на кнопки. Нидлянин внимательно следил за ним, безуспешно пытаясь прочитать незнакомые земные обозначения на панели.

— Что вы делаете? — не выдержал он.

— Нацеливаю орудия,— пояснил Коннелли.— Как только я с этим покончу, мы превратимся в настоящую крепость. Позади нас — скалы, впереди — равнина, не так-то вас легко будет выручить, Ломор.

Он выразительно посмотрел на инопланетянина, тот нахмурился.

— Вы, земляне, уж очень все усложняете,— раздраженно сказал Ломор.

Коннелли сдержанно улыбнулся своим мыслям, продолжая отработанными движениями нажимать на кнопки. Через обзорное окно нидлянин видел, как небольшие, но мощные орудия корабля быстро смещаются вниз, занимая позицию, выбранную Коннелли.

С одной стороны корабль защищала обрывистая скала, с другой — он прямо-таки ощетинился стволами. Нидлянин недовольно покачал головой. Земляне, казалось, умудрялись найти выход из самого трудного положения. Благодаря этому Коннелли удалось опуститься на Нидлу в одноместном корабле, дерзко похитить такую важную персону в военной иерархии нидлян, как

Ломор дал Говним, а потом благополучно покинуть чужую планету.

Но на сей раз Коннелли все-таки угодил в космическую мышеловку нидлян, из которой вряд ли выберется. Их ловушки можно было обойти, уж кто-кто, а Ломор достаточно хорошо это знал. Коннелли совершил грубый промах, напоминавший о том, что и земляне могут ошибаться.

Только они умели, к несчастью инопланетян, превращать крупнейшие промахи в блистательные победы. И это было досадно.

— Ну как, закончили? — спросил Ломор.

Коннелли согласно кивнул.

— Когда ваша спасательная команда явится сюда, чтобы вас вызволить, мы им устроим веселенькую встречу.

Он стукнул себя ребром ладони чуть ниже затылка.

— Как по-вашему, когда они заметят, что мы в ловушке?

— Довольно скоро,— холодно бросил пленник.

Ломор был раздосадован и резок; нидлянина выводило из себя то, что вначале даже понравилось ему в Коннелли — неизменная вежливость и выдержка. Землянин был на удивление спокоен, и Ломор терялся в догадках: случайно ли он попал в ловушку или, быть может, по заранее намеченному плану.

— Думаете, у нас есть еще в запасе денек-другой? — поинтересовался Коннелли.

— Не знаю,— отрезал Ломор.

Коннелли усмехнулся.

— Не хотите говорить. Ну и не надо. Другого я от вас и не ждал.

Он повернулся к передатчику и начал быстро давать позывные. Через минуту-две аппарат засветился и загудел.

— Что вы делаете? — удивился Ломор.

— Хочу, чтобы нас кто-нибудь вызволил из этого гиблого местечка,— пояснил Коннелли.— Какой-нибудь надежный парень.

Красная подсветка в верхней части приборной доски подтверждала, что аппарат работает. Коннелли бросил на нее взгляд, убедился, что все в порядке, приветливо улыбнулся, чем привел в ярость нидлянина, и откашлялся.

Затем он принялся подавать сигналы SOS по самой широкой волне. Коннелли поверял свою неудачу всей Вселенной, сообщая о том, что он, Пол Коннелли, землянин, попал в ловушку нидлян на такой-то необитаемой планете, что его корабль поврежден и не может взлететь и что он ожидает помощи.

Пилот подробно объяснил, как нужно садиться и взлетать, чтобы не угодить в западню.

Он повторил свое послание дважды и выключил передатчик. Затем повернулся на своем вращающемся стуле и со спокойной улыбкой встретил полный ужаса взгляд Ломора.

— Откуда вам известно, как устроена ловушка? — спросил нидлянин.

— Мой друг, вы только что допустили промах,— невозмутимо начал Коннелли.— Кто знает, может, я лишь делал вид, что передавал инструкции, а вы подтвердили мои догадки. Только,— продолжал землянин, заметив, как краска залила лицо Ломора,— я на самом деле знаю принцип действия вашей западни. Ведь все-таки я попал в нее.

— И зачем же? Умышленно?

Коннелли пожал плечами.

— Нет, конечно нет. Допустим, я пострадал по рассеянности. Если это так, то я по крайней мере извлек какую-то пользу для себя, запомнив, как устроена ловушка. Теперь ваша очередь, попробуйте-ка проделать что-нибудь в этом роде.

Нидлянин сердито дернул головой, но удержался от колкости. Стоило ли пускать в ход насмешки, если земляне лишь улыбались в ответ?

— Ваш SOS,— поинтересовался Ломор,— передан по широкой волне?

— По широчайшей. Кто-нибудь обязательно да примет.

И кое-кто принял.

Нидляне, жившие ближе всех к коварной планете, перехватили его первыми. Послание землянина попало в штаб Дрилома дал Круша, первого заместителя Ломора, который и заменил своего начальника после его злополучного исчезновения; оно пришло почти одновременно с сообщением о том, что ловушка захлопнулась.

Дрилом взглянул на молодого офицера, принесшего обе вести.

— Сигналы поступили только что, я не ошибся?

— Так точно,— ответил подчиненный.— Один за другим.

Дрилом прикусил кончик старого обломанного карандаша.

— Хм. Этот землянин, Коннелли, отвратительный проходимец. Сначала он бесцеремонно, неизвестно с какой целью, прямо у нас из-под носа выкрал начальника штаба, а теперь, когда мы его поймали, нагло дает SOS на широкой волне. Вся Галактика узнает о конфликте между Землей и Нидлой.

— Да, сэр,— согласился подчиненный.

Дрилом свирепо посмотрел на него.

— Кто вас просил со мной соглашаться?!

— Нет, сэр,— растерянно пробормотал офицер.

Дрилом, казалось, забыл о нем. Он долго разглядывал оба донесения, теребя золотой галун на рукаве, в то время как мозг лихорадочно отыскивал оперативное решение, которого от него ждали. Наконец он поднял глаза.

— Позвать ко мне Конно дал Прогва,— приказал он.

— Есть, сэр.

Заместитель Дрилома прибыл через полминуты. Дрилом быстро ввел его в курс дела.

— Понятно,— глубокомысленно заключил Конно, когда начальник замолчал.

Жилистый, сухопарый нидлянин слыл талантливым стратегом.

— Землянин застрял на планете-ловушке, и, возможно, вместе с захваченным в плен Ломором.

— Так точно.

— Возможно также, что какой-нибудь корабль землян принял SOS и направляется к этой планете, чтобы спасти Коннелли и с превеликой радостью доставить Ломора на Землю, где его как следует выпотрошат.

Дрилом мрачно кивнул.

— Так оно и есть,— проговорил он.

Конно наморщил свой длинный тонкий нос, что служило признаком глубокомысленных раздумий.

— Направив нашу военную экспедицию, чтобы схватить Коннелли, мы рискуем прибыть одновременно с землянами, что приведет к столкновению с ними и, пожалуй, даже к преждевременному вооруженному конфликту.

По лицу Дрилома струился пот.

— Я в отчаянии, Конно. Что же нам предпринять? Я мог бы обратиться к правительству, но это повредит моей карьере и...

Его собеседник упреждающе поднял руку.

— Успокойтесь, Дрилом. Послушайте, а что, если послать туда замаскированную ловушку?

— Замаскированную ловушку?

— Ну да. Предположим, мы пошлем туда корабль землян, например одну из тех небольших торговых ракет, которые попали к нам в западню в прошлом месяце, и подберем экипаж — несколько молодых людей, похожих на землян. Во всяком случае, их корабли не отличить друг от друга.— Колючие глазки Конно ярко засветились.— Предположим, мы выдадим себя за «купцов». Если мы успеем прилететь на планету раньше землян и убедим Коннелли в том, что мы — настоящие спасатели...

Дрилом дал Круш осматривал кабину захваченного корабля землян, пронизывая членов своего экипажа придирчивым, оценивающим взглядом. Докладывая о плане освобождения Ломора, он не ожидал, что его самого назначат главой мнимой спасательной экспедиции.

У Дрилома не было выхода; он тщательно подобрал экипаж из рослых двухметровых молодцев, внешне похожих на землян, и отправился с ними на крошечную планету. Прежде чем приземлиться, он, как ему посоветовали, нейтрализовал силовое поле, поскольку ошибочно полагал, что землянин разгадал принцип действия ловушки, изложив его в своем SOS на всю Галактику.

Ракета нидлян замерла на песчаной равнине, упиравшейся в гряду скал, среди которых упал корабль Коннелли. Дрилом не отрывал взгляда от экрана, слабо надеясь различить тусклое красноватое свечение плененного корабля.

Он повернулся к главному радисту Прибору, человеку с сухими конечностями.

— Свяжитесь с Коннелли,— повелительно приказал он и нервно зашагал взад-вперед по салону.

Пока Прибор крутил диск настройки радиостанции землян, смело сражаясь с незнакомыми переключателями, Дрилом повернулся к высокому Хуомпору дал Ворнику, стоявшему рядом.

— Я спущусь вниз, чтобы выйти из зоны обзора контрольного экрана. Если землянин вдруг заметит меня, он мигом разгадает наш план. Все зависит от вас. Будьте осторожны, помните о значении нашей миссии.

— Есть, сэр,— с готовностью козырнул Хуомпор.

— Не забудьте,— с волнением в голосе предупредил Дрилом,— вы — землянин, капитан торгового корабля. Вы примчались сюда так быстро, потому что курсируете в нейтральной зоне. Говорите с ним как можно меньше и побыстрее. Захватив Коннелли и Ломора, мы тут же отбросим маскировку и возвратимся на Нидлу. Ясно?

— Да, сэр,— ответил Хуомпор.

— Все готово, сэр,— крикнул радист.

Дрилом нырнул в люк, бросив последний грозный взгляд на Хуомпора. Он проследовал к контрольному экрану, установленному внизу, и приступил к наблюдению.

На верхней части экрана появилось лицо Коннелли. Молодой спокойный землянин по привычке лениво моргал глазами, что крайне раздражало Дрилома. Землянин был простодушен на вид, и в голове Дрилома никак не укладывалось, что он мог доставить столько неприятностей. Дрилом надеялся, что такой несерьезный противник вполне может попасться на хитрость. Но если Коннелли все-таки вернется на Землю вместе с Ломором, о территориальных претензиях нидлян не может быть и речи.

Наверху Хуомпор дал Ворник вступил в зону действия экрана и по-земному приветствовал командира пострадавшего корабля.

— Лейтенант Коннелли?

— Да,— дружелюбно подтвердил землянин.

— Моя фамилия Смит,— представился Хуомпор.— Капитан торгового корабля. Я совершил посадку неподалеку от вас.

— Да ну?

— Мы перехватили ваш SOS, когда шли в нейтральной зоне с обычным торговым рейсом. Теперь поговорим о том, как вас спасти,— чересчур уж заботливо предложил Хуомпор.

— Вы хотите меня спасти? — поинтересовался Коннелли.

— А зачем же мы прилетели сюда? Перейдем к делу: лучше всего вам оставить корабль и перебраться к...

Коннелли поднял руку.

— Побереги силы, приятель. Оставь свои сказки для других.

Экран внезапно опустел.

Немного позже щедрый поток сияющих лазерных лучей вырвался из орудий по правому борту ракеты Коннелли и прошел прямо под носом корабля Дрилома, едва не задев его и так накалив все внутри, что чуть не вышла из строя система охлаждения.

— Вызывающе враждебен,— мрачно констатировал Дрилом.

Корабль нидлян находился уже вне досягаемости орудий Коннелли, и помрачневший руководитель «спасательной экспедиции» хладнокровно обдумывал сложившееся положение.

— Что означает этот выстрел? — спросил Хоумпор.— Возможно, земляне так приветствуют друзей?

Дрилом чуть не задохнулся от ярости.

— Этот выстрел означает лишь одно даже у землян, молодой человек: убирайтесь прочь и не лезьте не в свое дело. Не знаю, в чем наша ошибка, но Коннелли наверняка разгадал наши замыслы. Вы только начали переговоры, и он тут же понял: что вы — обманщик.

— Странно, что он меня разгадал,— сказал Хоумпор.— Я как никогда хорошо исполнил свою роль,— добавил он тоскливо.

— Кому это нужно,— бросил Дрилом.— Коннелли вам не поверил. И Ломор все еще у него.

К командиру подошел один из членов экипажа.

— Сэр, только что приземлился еще один корабль! — сообщил он, отдав честь.

— Где?

— Почти на полкилометра ближе к Коннелли, чем мы. Около десяти минут назад мы засекли его радаром. Это такой же корабль, как и наш, и он так же нейтрализовал силовое поле.

Дрилом нахмурился, его отнюдь не забавляло это «веселенькое» дельце.

— Такой же корабль? Значит, это и есть настоящий спасательный корабль землян.

Он высоко вскинул голову.

— Нам не уйти от стычки, если они поймут, зачем мы сюда прилетели. Смею надеяться, что из-за нас не вспыхнет преждевременная война.

— Ваши приказания, сэр? — обратился к нему Хоумпор.

— Сидите себе спокойно,— проговорил упавший духом Дрилом.— Сидите спокойно и ничего не предпринимайте. Делать нечего! Посмотрим, что будет дальше.

Он подошел к ближайшему экрану и дрожащей рукой отрегулировал его.

Маленькое чахлое солнце, освещавшее безымянную планету-ловушку, давно уже село, при мерцающем зеленоватом свете одинокой луны Дрилом увидел корабль-близнец. Такой же легкий, как и посудина нидлян. Он опустился на корму у края пустыни.

Дрилом окликнул радиста.

— Настройтесь и выясните, что они говорят!

— Торговое судно с Земли. Настоящая спасательная экспедиция, разумеется,— ответил немного позже радист.

Дрилом молча наблюдал. Он ждал, когда Коннелли и Ломор покинут свое убежище в горах и зашагают к кораблю землян. Дрилом лениво размышлял о том, нельзя ли как-нибудь их перехватить на пустынной равнине. Но через минуту великолепная багровая вспышка вдруг опять озарила туманную, освещенную тусклой луной планету.

— Черт побери,— пробормотал изумленный Дрилом.— Их он тоже обстрелял.

Дрилом терялся в догадках, пытаясь объяснить происходящее: может, Коннелли просто-напросто сошел с ума, может, Ломор как-то захватил поврежденный корабль, может, Коннелли и пилот с Земли действовали по заранее намеченному плану, пытаясь обмануть Дрилома.

Этот поток беспорядочных мыслей остановил внезапно появившийся Прибор. Дрилом мрачно взглянул на радиста.

— Ну, что там еще?

— Сэр, нас только что вызвали с вновь прибывшего корабля. Его командир хочет с нами поговорить. Он предлагает, чтобы вы и еще четыре человека из нашего экипажа встретились с ним на полпути между двумя кораблями.

Дрилом наморщил лоб, обдумывая слова радиста. Землянам никогда не следовало доверять, и тем не менее их предложение казалось заманчивым. Вероятно, прикидывал Дрилом, земляне настолько поражены выстрелом Коннелли и так растерялись,

что хотят с кем-нибудь все это обсудить. Вероятно, они полагают, что и корабль Дрилома прилетел с Земли, а может быть, знают правду, и нидлянину удастся добиться многообещающего компромисса, благодаря которому он продвинется ступеньки на две по служебной лестнице.

Всего не предусмотреть. Но встреча, видимо, была неопасной.

— Ответь, что я согласен,— приказал Дрилом.

Чуть позже команда Дрилома, тщательно подготовившись, направилась по пустынной равнине к заранее намеченному месту. Нидляне были настороже и вооружились до зубов. В условленном месте их уже ждали парламентеры. Дрилома встретили люди, очень похожие на нидлян, только несколько покрупнее; в отдалении виднелся корабль, такой же, как и тот, на котором он прилетел.

— Ледрэш,— представился низким грудным голосом командир вновь прибывшего космолета.

Дрилом с трудом различил под гермошлемом его лицо с резкими, неправильными чертами.

— Он обстрелял вас,— начал Дрилом.— С нами он поступил точно так же. Я ничего не могу понять.

— И я не понимаю,— ответил Ледрэш.— Мы отклонились от нашего курса, чтобы подобрать его со скалистой глыбы. Подумать только, как он встречает нас.

— Откуда вы? — поинтересовался Ледрэш.

— С Земли,— солгал Дрилом.

— Значит, мы оба с Земли,— подчеркнул Ледрэш.

Командиры обменялись холодными взглядами. У Дрилома зародились неясные подозрения. Коннелли обстрелял второй корабль вслед за первым. А что, если Ледрэш и его команда тоже не земляне и по каким-то своим причинам ведут такую же игру? Наверно, так оно и есть, решил Дрилом.

— Мне кажется, центр вряд ли согласился бы на посадку двух спасательных кораблей,— решился высказать он сомнения.— Зачем терять понапрасну время стольких людей, если с подобной работой справится и один экипаж.

— Я только что пришел к этому же выводу,— грубо отрезал Ледрэш.— Кто-то из нас говорит неправду.

— Мы примчались сюда на помощь, — стоял на своем Дрилом.

— И мы тоже,— бросил Ледрэш.

Он скрестил руки с бугристыми мускулами. Дрилом уловил тень мрачной улыбки, скользнувшей по лицу за гермошлемом.

— Один из нас лжет.

Дрилом бросил тревожный взгляд на своих людей. Казалось, парламентеры вот-вот бросятся друг на друга; нидлянин решил блефовать и дальше.

— Если вы на самом деле земляне...— начал он, но его тут же прервали.

Один из людей Ледрэша, неотрывно смотревший на скалы за спиной своего командира, внезапно показал рукой наверх.

— Еще корабль, сэр! — крикнул он.

Ледрэш опешил.

— Где?

Его подчиненный неопределенно взмахнул рукой.

— Там... Вон там... точно такой же, как наш,— пояснил он, с трудом ворочая языком от волнения.

Наконец он справился с собой и облек свои мысли в слова:

— За скалами, он взлетает!

Ледрэш, а за ним и Дрилом отбежали на несколько ярдов, чтобы лучше видеть новый корабль. Оба командира ошеломленно уставились на скалы; длинный огненный шлейф постепенно таял над зубчатой грядой. Третий корабль-спасатель, совершивший посадку, улетел.

Ледрэш медленно обернулся.

— Вернитесь на корабль, пусть Дорни попробует связаться с Коннелли.

Ралист бросился выполнять приказание, остальные, столпившись, замерли в ожидании посреди равнины. Через несколько минут он вернулся.

— Коннелли не отвечает, сэр. Его передатчик молчит.

Ледрэш тяжело опустился на выветренный обломок скалы.

— Не отвечает?

— Нет, сэр.

Дрилом провел языком по жарким губам.

— Улетел.

Ледрэш сухо кивнул.

— Не хотите пройти на мой корабль? Там и поговорим,— предложил он.

Дрилом было отказался, заявив, что предпочитает беседовать у себя в салоне, но потом махнул рукой и согласился: не стоило опасаться Ледрэша. Ниллянин с удивлением почувствовал, что ему нравится этот богатырь. Дрилом был потрясен ходом событий, но и Ледрэша поразило исчезновение Коннелли, что подтверждало догадку: оба они — товарищи по несчастью. Теперь у Дрилома не было сомнений — Ледрэш такой же мнимый землянин, как и он сам. И пока они препирались друг с другом, настоящие земляне опустились на планету-ловушку, подобрали Коннелли и улетели.

Командиры молча поднялись на узкий мостик и взошли на борт корабля, ничем не отличающегося, как убедился нидлянин, от его собственного. Они сняли скафандры.

Недавние соперники Дрилома были гуманоидами и легко могли сойти и за землян, и за нидлян. Высокого роста, ширококостные, смуглые.

Ледрэш провел рукой по волосам.

— Нас надули,— хрипло сказал он и криво улыбнулся Дрилому.— Обвели вокруг пальца.

— Надо сначала проверить,— не сдавался Дрилом.

— Но как?

— Осмотреть корабль Коннелли.

Ледрэш нахмурился и, подумав, вызвал двух подчиненных.

— Одевайтесь, вы, оба. Возьмите еще и этих двоих,— он указал на людей Дрилома.— отправляйтесь туда вчетвером и быстро все разузнайте.

Дрилом кивнул нидлянам.

— Ступайте с ними,— приказал он.— Одна нога здесь, другая там.

Потянулись тягостные минуты, пока разведчики трусили по голой равнине. Дрилом потерял их из виду, когда все четверо подошли к туманным предгорьям и принялись отыскивать проход к кораблю Коннелли.

Шло время, напряжение росло. Наконец, когда, казалось, миновал не один час, разведчики вернулись.

— Ну что? — спросил Дрилом, заранее зная ответ.— Нашли кого-нибудь?

— Ни души,— доложил один из посланных.— Они бросили входной люк открытым. Корабль пуст.

— Конечно же, Коннелли улетел,— констатировал Ледрэш.

— Они оба улетели,— поправил его Дрилом.

— Оба? Я-то думал, что там один землянин.

— Нет, не один,— пояснил Дрилом.— На борту корабля находился пленник — высокопоставленный нидлянин.

— Ну и ну!

Они сконфуженно улыбнулись друг другу, понимая, что их провели.

— Вы не землянин, я не ошибся? — проговорил наконец Дрилом.

Ледрэш покачал головой.

— Нет смысла притворяться, когда и так все ясно. Я — корилянин. И бьюсь об заклад, что вы прилетели с Нидлы.

Дрилом кивнул. Они сидели в корабле корилян, пристально глядя друг на друга. Им было о чем побеседовать. Кориляна — огромная планета, расположенная почти посередине между Землей и Нидлой. Разведка нидлян доносила, что соотечественники Ледрэша проводили действенную политику, которая могла принести им существенную выгоду в случае столкновения двух других крупнейших держав Галактики. Поэтому они приняли SOS Коннелли и выработали план, точно такой же, как у нидлян. План обмана и похищения Коннелли. Но у них ничего не вышло.

SOS с крошечной планеты был принят и землянами.

— Зачем вы сели здесь? — поинтересовался Дрилом.

— Чтобы захватить землянина,— ответил Ледрэш.— А вы?

— За тем же.

— Я не буду больше вас расспрашивать,— проговорил Ледрэш.— Мы и так попали в весьма щекотливое положение.

Дрилом улыбнулся квадратному, грубо скроенному корилянину.

— Я вам признаюсь. Как только Коннелли вернется на свою планету с нашим начальником штаба, все военные секреты Нидлы попадут к землянам.

— Печально,— посочувствовал корилянин.— Очень печально для вас.— Он встал и пересек салон.— Нам стало известно, что вы хотели напасть на землян. Теперь этот план отпадает.

— Не будем больше говорить об этом,— предложил Дрилом.— Должны же мы хранить секреты в тайне. Вы ведь знаете, что наши планеты — потенциальные противники.

— Нам-то какое дело? — проговорил Ледрэш. Он повернулся лицом к нидлянину.— Мы оба человеческие существа,— вымолвил он торжественно.— И у нас есть нечто общее — земляне нас великолепно надули.

— Пожалуй, вы правы,— согласился Дрилом.

Он улыбнулся и протянул руку корилянину.

— Товарищи по несчастью,— сказал он.

Несколько мгновений они молчали, глядя на встающее солнце. Рассвет был вялый, над планетой-ловушкой поднялась невзрачная, третьестепенная звезда, породив тусклую желтоватую зарю. Дрилом внезапно почувствовал, что дьявольски устал, ведь он всю ночь провел на ногах.

— А теперь заглянем ко мне,— предложил Дрилом.

— Неплохая мысль,— кивнул Ледрэш.

Они молча брели по песку.

— Странно все это, понимаете, странно,— вдруг произнес Дрилом.

— Что именно?

— Видите ли, мы опустились на эту планету в одинаковых кораблях, одинаково нейтрализовали силовое поле, чтобы избежать ловушки. И Коннелли сразу после переговоров обстрелял нас обоих.

— А вот настоящие земляне,— подхватил Ледрэш,— прибыли на таком же корабле, выглядели точно так же, как и мы, делали то же самое, но Коннелли с ними улетел.

— Какое это имеет теперь значение,— отозвался озабоченно Дрилом, когда они подошли к узкой лестнице, ведущей на корабль.— Мы вели себя одинаково. Только цели у нас были разные. Он не знал о них. И тем не менее сразу определил подлинных землян.

— Да,— подтвердил корилянин.— Но как?

Дрилом протиснулся через воздушный шлюз, за ним последовал Ледрэш. Они сбросили скафандры, и Дрилом вынул из шкафчика бутылку. Нидлянин наполнил две рюмки.

— Знаете, почему я предложил зайти ко мне? — сказал он.— Нам просто необходимо выпить.

Дрилом успел лишь поднести рюмку к губам, как услышал взволнованный возглас Прибора.

— Зайдите сюда,— приказал командир нидлян.

Прибор влетел в командный отсек и сразу отпрянул, увидев рослого корилянина, развалившегося в кресле, но Дрилом нетерпеливо махнул рукой, заставив его говорить.

— Я прослушивал ленты перехвата, сэр. По-видимому, мы записали разговор между пилотом третьего корабля и Коннелли.

Дрилом бросил многозначительный взгляд на Ледрэша и приказал:

— Немедленно включите!

Прибор поставил ленту на прямое воспроизведение и замер. Скоро послышался шелест пленки, потом раздались голоса.

— Коннелли? — спросил командир корабля землян.

— Так точно,— ответил знакомый голос Коннелли.

— Меня зовут Данверс. Я капитан торгового флота. Мы стояли в Мокрине, конечном пункте нашего челночного рейса, когда поймали ваше послание. Мы сейчас у силового поля планеты-ловушки, на которой вы застряли. Хотите, чтобы мы сели?

— Конечно,— ответил Коннелли.— Я жду не дождусь, как бы поскорее отсюда убраться.

Последовала долгая пауза. Наконец капитан Данверс прервал молчание.

— Прежде уточним кое-что, Коннелли.

— Выкладывайте!

— Эта небольшая прогулка обойдется нам в немалые денежки. Что с вашей посудиной?

— Вдрызг разбита.

— Хм... Может, лучше вызвать патруль? Вы уверены в том, что ваша контора оплатит спасательную операцию? Наш бюджет лопнет, если мы будем расходовать столько горючего.

— Не беспокойтесь, все будет в порядке. Я перехожу на глубокий канал информации, выходите первыми.

— Вас понял,— сказал капитан торгового корабля.— Мы опускаемся.

— Слава богу. Наконец-то услышал голос настоящего землянина, который знает, что почем.

Дрилом кинулся к переключателю и с яростью нажал на кнопку.

— Вот в чем наша ошибка.

— В чем же?

— В том, как мы себя вели. Мы неплохо имитировали облик землян, но не способ их мышления. Вот почему Коннелли нас разгадал. Мы разговаривали по-военному — энергично, сжато, по существу. Настоящий капитан торгового судна сразу бы начал торговаться. Даром он никогда на такое дело не пойдет.

Ледрэш уныло кивнул.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Возвращусь обратно и подам рапорт,— проговорил Дрилом сникшим голосом.— Мы не готовы к конфликту с земля-нами, совсем не готовы.

— Надо прежде изучить их уловки,— язвительно посоветовал Ледрэш,— а уж затем начинать войну.

Дрилом отрицательно потряс головой.

— Нет,— ответил он.— Пустая затея. Они изобретут с полдюжины новых. Так их никогда не победить.— Нидлянин неожиданно улыбнулся.— Но возможно, что когда-нибудь мы настолько поумнеем, что у нас просто-напросто отпадет желание их побеждать!

Археологические находки

Волтасианец, низенький, сморщенный, розовокожий гуманоид, нервно подрагивал, будто мысль об археологических раскопках доставляла ему несказанное удовольствие. Он махнул одной из четырех рук, предлагая мне поспешить.

— Сюда, друг, сюда. Тут могила императора.

— Иду-иду, Долтак,— прохрипел я, сгибаясь под тяжестью рюкзака и лопаты.

Несколько шагов, и я увидел едва возвышающийся круглый холмик.

— Вот она,— указал Долтак.— Я сохранил ее для тебя.

Сунув руку в карман, я достал пригоршню стреловидных монет и протянул одну волтасианцу. Поблагодарив, тот зашел сзади, чтобы помочь мне снять рюкзак.

Вооружившись лопатой, я вогнал ее в холмик и начал осторожно копать. Я всегда волнуюсь, приступая к раскопу. Вероятно, это чувство свойственно всем археологам в момент, когда лопата впервые вонзается в грунт.

— Вот он! — воскликнул волтасианец.— Ну и красотища! О Джаррелл-сэр, как я рад за тебя.

Я оперся на лопату, чтобы немного передохнуть, и, смахивая со лба капельки пота, подумал о великом Шлимане, раскопавшем руины Трои в удушливой жаре Малой Азии. Я всегда старался походить на Шлимана, одного из первых археологов матери-Земли.

Опустившись на колени, я очистил от песка блестящий предмет на дне неглубокой ямки.

© Перевод В. Вебера.

— Амулет,— сказал я, осмотрев его со всех сторон.— Третий период. Охраняет от злых чар. С изумрудами чистейшей воды.— Я повернулся к волтасианцу и пожал ему руку.— Как мне отблагодарить тебя, Долтак?

Маленький гуманоид пожал плечами.

— Это не обязательно. Амулет купят за высокую цену. Какая-нибудь земная женщина с гордостью украсит им свой наряд.

— Это точно,— с горечью вздохнул я.

Долтак, как говорится, наступил мне на больную мозоль. Меня уже давно возмущало, что археологию превратили в источник безделушек для украшения домов богачей и их жен. Хотя я никогда не был на Земле, мне льстила мысль о том, что я продолжаю дело Шлимана, чьи великие находки экспонировались в Британском музее, а не болтались на груди дамы, чековая книжка которой позволяла ей следовать моде на творения древних.

Когда внезапно все начали интересоваться далеким прошлым и сокровищами, погребенными под толстым слоем грунта, я испытал глубокое удовлетворение, полагая, что избранная мною профессия наконец-то получит заслуженное признание. Как же я ошибся! Я подписал контракт в надежде скопить денег, чтобы полететь на Землю, но вместо этого превратился в поставщика товара для скупщика женских украшений, а Земля оставалась все такой же недостижимой.

Я вздохнул и вновь заглянул в яму. Амулет лежал на песке, безупречный в своем совершенстве, наследие великой расы, когда-то населявшей Волтас. Нагнувшись, я достал амулет из могилы, в которой он покоился не одну тысячу лет.

— Ну, на сегодня хватит,— сказал я, пряча добычу в рюкзак.— Пора возвращаться. Узнаем стоимость амулета, а потом ты получишь комиссионные. Идет?

— Я согласен, сэр,— ответил Долтак и помог мне надеть рюкзак.

Мы пересекли равнину и вошли в городок космопорта. Пока мы брели по узким улочкам, нас буквально осаждали орды юных волтасианцев, предлагавших купить различные сувениры. Некоторые из них поневоле привлекали внимание. Волтасианцы, без сомнения, были превосходными мастерами. Но я даже не подал виду, что мне нравятся эти безделушки. Я взял за правило не замечать их — ни тонкой работы по металлу, ни воздушной

резьбы по кости. Они не представляли никакой ценности на Земле, а мне, человеку с весьма ограниченными средствами, предметы роскоши были не по карману.

Оценочное бюро еще работало, и у дверей толклись трое землян, каждый с волтасианским проводником.

— Привет, Джаррелл,— хриплым голосом поздоровался высокий мужчина. Это был Дэвид Стурджес, самый беспринципный из археологов компании. Ни минуты не колеблясь, он мог вломиться в святая святых планеты и разорить это святилище дотла ради какой-нибудь ерунды, годной на продажу.

— Привет, Стурджес,— холодно ответил я.

— Хорошо потрудился, старик? Нашел что-нибудь достойное внимания?

Я слабо улыбнулся и кивнул.

— Амулет Третьего периода. Хотелось бы сейчас же сдать его, если не возражаете. В противном случае я отнесу амулет домой и оставлю на ночь на туалетном столике. Тогда вам не придется переворачивать весь дом, чтобы найти его.

— Мне это ни к чему,— ухмыльнулся Стурджес.— Я нашел тайник с дюжиной эмалевых чаш. Эра экспансии, орнамент на платине.— Он хлопнул по плечу своего проводника, хмурого волтасианца по имени Квейвур.— Мой парень обнаружил его. Квейвур просто молодец. Он вывел меня прямо на тайник, будто в носу у него спрятан радар.

Я только хотел похвалить Долтака, как открылась дверь бюро и на пороге появился оценщик Звейг.

— Ну, кто следующий? Ты, Джаррелл?

Мы вошли в небольшую комнатенку, я достал из рюкзака амулет и положил его на стол. Звейг внимательно осмотрел находку.

— Неплохо,— пробормотал он.

— Красивая вещица?

— Да-да,— рассеянно кивнул он.— Я дам за нее семьдесят пять долларов.

— Что? Я рассчитывал по меньшей мере на пятьсот! Звейг, побойся бога. Посмотри, как сверкают эти изумруды!

— Красивые камни,— согласился Звейг,— но ты должен понимать, что рынок переполнен изумрудами и цены на них упали. Я должен учитывать не только историческую ценность, но и номинальную стоимость.

Я нахмурился. Теперь мне предстояло услышать длинную лекцию о том, как неблагоприятно обстоят дела со спросом и предложением, как возросла стоимость доставки наших находок на Землю, как увеличились накладные расходы и прочее, прочее, прочее. И я заговорил прежде, чем Звейг успел раскрыть рот.

— Я уступаю, Звейг. Сто пятьдесят долларов, или я оставляю амулет у себя.

Он слабо улыбнулся.

— И что ты с ним будешь делать? Подаришь Британскому музею?

Стрела попала в цель. Я опустил глаза.

— Я дам тебе сотню.

— Сто пятьдесят, или я оставлю его у себя.— упорствовал я.

Звейг выдвинул ящик, достал десять десятидолларовых банкнот и разложил на столе.

— Это все, что может предложить компания.

Я ответил долгим взглядом, криво улыбнулся, сгреб банкноты и пододвинул амулет к Звейгу.

— Бери. В следующий раз можешь дать мне тридцать сребреников.

— Напрасно ты сердишься на меня, Джаррелл. Это моя работа.

Я бросил одну десятку стоящему рядом Долтаку, кивнул Звейгу и вышел на улицу.

В свое жалкое жилище на окраине городка я вернулся в состоянии глубокой депрессии. Каждый раз, передавая Звейгу очередное сокровище, а за восемнадцать месяцев, с тех пор как я приступил к этой проклятой работе, такое случалось довольно часто, я чувствовал себя Иудой. У меня щемило сердце, когда я представлял себе длинный ряд стеклянных витрин, скажем, в зале Британского музея, где на бархатных подложках могли бы храниться мои находки с Волтаса. Изумительные хрустальные блюда с затейливыми ручками, великолепные шлемы из обсидиана, бесподобные подвески с потрясающей филигранью — творения удивительной цивилизации древнего Волтаса. А теперь эти сокровища рассеялись по всей Галактике как безделушки.

Сегодняшний амулет, что я с ним сделал? Отдал прокуратору для отправки на Землю и продажи с аукциона какому-нибудь денежному мешку.

Я оглядел комнату. Выцветшие обои, обшарпанная мебель и ни одного свидетельства древнего искусства. Каждую находку я передавал Звейгу, ничего не оставляя для себя. И предвкушение чуда, которое охватывает каждого археолога, откидывающего первую лопату грунта, умирало во мне, задушенное духом коммерции, окутавшим меня с того момента, как я подписал контракт с компанией.

Я взял с полки книгу Эванса «Дворец Миноса» и долго смотрел на нее, прежде чем положил на место. После дня, проведенного под ярким солнцем, у меня болели глаза. Казалось, меня выжали как лимон.

Кто-то постучал в дверь, сначала тихо, потом громче.

— Войдите! — крикнул я.

Открылась дверь, и в комнату вошел маленький волтасианец. Я узнал его: безработный проводник, слишком неналежный, не заслуживающий доверия.

— Что тебе надо, Кашкак? — спросил я.

— Сэр? Джаррелл-сэр?

— Да?

— Вам нужен проводник, сэр? Я могу показать вам удивительные захоронения. Вы получите хорошую цену за те сокровища.

— У меня уже есть проводник,— ответил я,— Долтак. Пока мне не нужен другой. Спасибо тебе.

Волтасианец, казалось, ссохся еще больше. Все его четыре руки повисли как плети.

— Извините, что потревожил вас, Джаррелл-сэр. Извините.

Он попятился назад. Все эти сморщенные волтасианцы казались мне стариками, даже молодые. Угасающая раса, давно утратившая величие тех дней, когда создавались найденные нами шелевры. Удивительно, думал я, что целая цивилизация могла деградировать до такой степени.

Время приближалось к полуночи, когда мои невеселые размышления вновь прервал стук в дверь.

На этот раз на пороге появилась сутулая фигура Джорджа Дарби, моего коллеги. В отличие от других он разделял мое страстное желание увидеть Землю и так же, как и я, тяготился условиями контракта.

— Что-то ты припоздпился, Джордж,— заметил я.— Как твои сегодняшние успехи?

— Успехи? Ах, успехи! — чересчур возбужденно воскликнул он.— Ты знаешь моего проводника, Кашкака?

Я кивнул.

— Он приходил ко мне в поисках работы, но я не знал, что ты нанимал его.

— Я взял его лишь два дня назад и только потому, что он согласился работать за пять процентов.

Я промолчал.

— Так он заходил к тебе? — нахмурился Дарби.— И ты нанял его?

— Разумеется, нет! — ответил я.

— А я нанял. Но вчера он водил меня кругами пять часов, прежде чем признался, что не знает, где лежат сокровища. Поэтому я выгнал его.

— А с кем же ты ходил сегодня?

— Ни с кем,— резко ответил Дарби.— Я ходил один.

Тут я заметил его дрожащие пальцы и побледневшее лицо.

— Один? — повторил я.— Без проводника?

Дарби нервно провел рукой по волосам.

— Я не смог найти проводника и решил попытать счастья сам. Как ты знаешь, они всегда ведут нас в Долину захоронений. Я пошел в другую сторону.— Он замолчал.

Я никак не мог понять, почему он так волнуется.

— Помоги мне снять рюкзак,— наконец сказал он.

Я отстегнул лямки и опустил на стул тяжелый брезентовый мешок. Он развязал тесемки и осторожно достал из него какой-то сосуд.

— Вот.— Дарби передал сосуд мне.— Что ты об этом думаешь, Джаррелл?

Это был кривобокий горшок из черной глины, на стенках которого виднелись четкие отпечатки пальцев древнего гончара. Давно я не видел столь грубой работы.

— Об этом? — переспросил я.— Несомненно, доисторическая штука.

Дарби усмехнулся.

— Ты в этом уверен, Джаррелл?

— Конечно. Посмотри сам. Можно подумать, что горшок сделал ребенок, если б не размер отпечатков пальцев на глине. Горшку не одна тысяча лет, если только его не слепил какой-нибудь псих.

— Логично,— кивнул Дарби.— Только... вот это я нашел в слое земли под горшком.— И он протянул мне великолепный обсидиановый шлем Третьего периода.

— Под горшком? — удивился я.— Ты хочешь сказать, что шлем древнее горшка?

— Не знаю.— Он нервно потер руки.— Джаррелл, это только мое предположение. Психи, разумеется, не имеют никакого отношения к этому горшку. И не похоже, чтобы он представлял собой период упадка волтасианской цивилизации, о которой нам ничего не известно. Мне кажется, что горшок действительно создан три тысячелетия назад, а вот шлем покинул мастерскую максимум в прошлом году.

Я едва не выронил реликвию из рук.

— Ты утверждаешь, что волтасианцы надувают нас?

— Да,— кивнул Дарби.— В этих хижинах, куда не пускают людей, они трудятся не покладая рук, чтобы удовлетворить спрос на древние сокровища. А потом зарывают их в землю, чтобы мы находили эти мнимые древности с помощью проводников.

При мысли о том, что слова Дарби соответствуют действительности, по моей спине пробежал холодок.

— И что ты собираешься делать? — спросил я.— Какие у тебя доказательства?

— Пока никаких. Но я их добуду. Я выведу волтасианцев на чистую воду. Сейчас я найду Кашкака и вытрясу из него всю правду. Я докажу, что сокровища Волтаса — подделка и в древности они не создали ничего, кроме грубых глиняных горшков, не представляющих никакой ценности ни для кого, кроме нас, истинных археологов.

— Браво, Джордж! — зааплодировал я.— Выстави их перед всем светом. Пусть филистимляне знают, что купленные ими драгоценности так же современны, как инфракрасные плиты на их кухнях. Это послужит им хорошим уроком.

— Точно.— Дарби довольно хмыкнул. В его голосе я уловил нотку триумфа.— Пойду за Кашкаком. Я заставлю его заговорить. Составишь мне компанию?

— Нет-нет,— быстро ответил я. Всякое насилие претило моей натуре.— Мне надо написать несколько писем. Ты справишься сам.

Дарби вернул шлем и горшок в рюкзак, завязал тесемки и вышел на улицу.

На следующее утро городок клокотал, как потревоженный улей. Кашкак признался.

Оказалось, что волтасианцы много лет пытались продавать на Земле свои искусные поделки, но те не находили спроса. Покупатели отворачивались от современных изделий, гоняясь за антикварными.

И тогда находчивые волтасианцы перешли на производство древних сокровищ, благо что предки не оставили им ничего, кроме грубых глиняных горшков. Они написали заново историю планеты, отобразив в ней периоды, когда их цивилизация вставала вровень с Египтом и Вавилоном. А потом сокровища упрятали в землю на соответствующую глубину, восстановили последующие слои, и опытные проводники начали ловко отыскивать готовые захоронения.

Маленьким волтасианцам пришлось стать превосходными археологами, иначе им никогда не удалось бы воссоздать естественного расположения культурных слоев. И торговля поддельными сокровищами процветала до тех пор, пока Дарби не нашел подлинное творение древних волтасианцев.

Я поспешил к оценочному бюро, возле которого бесцельно слонялись археологи и их проводники. Прошел слух, будто Звейг покончил с собой, тут же опровергнутый появлением оценщика, очень расстроенного, но живого. Он вошел в бюро, и вскоре на окне появилась картонка с торопливо нацарапанной надписью: «Сегодня покупка не производится».

Мимо проходил Долтак.

— Не пора ли нам идти? — спросил я, остановив его и прикинувшись, что мне ничего не известно.

— Сэр, разве вы ни о чем не слышали? — печально спросил он.— Теперь никто не пойдет в Долину захоронений.

— О? Так это правда?

— Да.— В его глазах стояли слезы.— Это правда.

От волнения он не мог говорить и, повернувшись, пошел прочь. Тут я заметил Дарби.

— Ты оказался прав,— сказал я.— Их затея развалилась.

— Естественно. Услышав признания Кашкака, они поняли, что проиграли. Им нечего ответить на наши обвинения.

— Эй, приятель,— раздался громкий голос.

Повернувшись, мы увидели Дэвида Стурджеса.

— Что вам угодно? — спросил Дарби.

— Я хочу знать, почему ты не мог держать язык за зубами? — прорычал Стурджес.— По какому праву ты все разрушил? Какая нам разница, подлинные наши находки или нет? Зачем поднимать шум, если на Земле за них платили хорошие деньги?

Дарби презрительно взглянул на него, но промолчал.

— Как нам теперь зарабатывать на жизнь? — продолжал бушевать Стурджес.— У тебя есть деньги на обратный билет?

— Я поступил так, как считал нужным,— упрямо ответил Дарби.

Стурджес плюнул и отошел от нас. Я взглянул на Дарби.

— Знаешь, в его словах есть доля правды. Нам всем придется перебираться на другие планеты. Теперь на Волтасе мы не заработаем ни гроша. Одним ударом ты подорвал наше благосостояние и экономику целой планеты. Возможно, тебе следовало молчать.

Дарби ответил долгим взглядом.

— Джаррелл, от тебя я этого не ожидал.

На следующий день за Звейгом пришел звездолет, и оценочное бюро закрылось навсегда. Компания не хотела иметь дело с Волтасом. Нам сообщили, что она готова воспользоваться нашими услугами на других планетах при условии, что мы сами оплатим проезд.

Мы оказались в ловушке. Никто из нас не откладывал денег на черный день, да и расценки компании едва позволяли свести концы с концами. И я все больше склонялся к мысли, что Дарби погорячился, выдав тайну волтасианцев. Нам это не принесло пользы, а Волтас просто погубило, подорвав основу их экономики.

Три дня спустя мне принесли короткую записку от Стурджеса: «Сегодня вечером у меня на квартире будет собрание».

Когда я пришел, все археологи были в сборе, даже Дарби.

— Добрый вечер, Джаррелл,— приветствовал меня Стурджес.— Раз все на месте, можно начинать.— Он откашлялся.— Джентльмены, некоторые из вас обвиняли меня в беспринципности. Даже называли бесчестным. Не буду этого отрицать. Пусть я беспринципный,— он нахмурился,— но беда свалилась одна на всех, независимо от наших принципов. И пока никто не нашел выхода из возникшего кризиса. Поэтому позвольте мне

сделать одно предложение. Сегодня утром ко мне пришел волтасианец и поделился своей идеей. Должен признать, хорошей идеей. Он хочет, чтобы мы, опытные археологи, научили волтасианцев изготовлять произведения искусства древних земных цивилизаций. Продукции Волтаса закрыт выход на галактический рынок. Но почему не воспользоваться их мастерством, когда археологические находки Земли отрывают с руками? Мы сможем переправить их на Землю, зарыть в соответствующий культурный слой, вырыть и продать. При этом мы получим всю прибыль, а не жалкие гроши, которые платила нам компания.

— Это темное дело,— прохрипел Дарби.— Мне не нравится эта идея. Я...

— А как тебе нравится перспектива умереть с голоду? — оборвал его Стурджес.— Мы сгнием на Волтасе, если ничего не придумаем.

Я встал.

— Позвольте мне разъяснить доктору Дарби ситуацию. Джордж, нас загнали в угол, и мы должны приложить все силы, чтобы найти выход. У нас нет денег, чтобы покинуть Волтас, и мы не можем остаться на этой планете. Приняв план Стурджеса, нам за короткое время удастся собрать необходимые средства. Мы вновь обретем свободу.

Дарби покачал головой.

— Я не могу пойти на подделку земных древностей. Нет, если вы изберете этот путь, я тут же предам гласности ваши намерения.

По комнате пробежал возмущенный ропот.

— Похоже, ты не до конца понял, что мы собираемся сделать,— продолжил я, облизав пересохшие губы.— Реализация нашего плана вдохнет жизнь в истинную археологию. Сначала мы выроем в долине Нила полдюжины поддельных скарабеев. Их купят, а на вырученные деньги мы организуем не одну экспедицию. И тогда придет черед и настоящим скарабеям.

Глаза Дарби сверкнули, но я чувствовал, что все еще не убедил его, и использовал последний козырь.

— Кроме того, Джордж, кто-то из нас должен отправиться на Землю, чтобы руководить нашим проектом.— Я взглянул на Стурджеса, который молча кивнул.— Думаю, мы все согласимся, что с этим сложным делом может справиться только наш лучший экс-

перт по древнейшим земным цивилизациям, доктор Джордж Дарби.

Как я и предполагал, он не устоял против такого соблазна.

Через шесть месяцев около небольшой деревушки Гизе, там, где проходит граница между зеленой долиной Нила и желтыми песками Сахары, археолог нашел чудного скарабея, украшенного необычными драгоценными камнями.

В статье, опубликованной в научном журнале, он высказал предположение, что его находка является продуктом неизвестного до сих пор периода истории Египта. Суммы, вырученной за скарабея, с лихвой хватило на финансирование раскопок по всей Нильской долине.

Вскоре в Греции нашли великолепный щит времен Троянской войны.

И археология, казалось, канувшая в Лету, как алхимия, неожиданно обрела новую жизнь. Земляне поняли, что в недрах родной планеты можно найти немало сокровищ, ничуть не хуже тех, что различные компании привозили с Волтаса и Дориака.

Волтасианские мастерские работают с полной нагрузкой, и единственным ограничивающим нас фактором является сложность доставки на Землю изготовленных ими подделок. Однако наши доходы и так достаточно велики. Дарби по-прежнему на Земле, и каждый месяц он посылает нам денежный чек. После расчета с волтасианцами всю прибыль мы делим поровну.

Теперь я даже сомневаюсь, а стоило ли сожалеть о том, что на Землю полетел не я, а Дарби. Для археолога на Волтасе открыто широкое поле деятельности, и здешняя цивилизация заинтересовала меня не меньше Рима или Греции.

Поэтому, скорее всего, я останусь на Волтасе и напишу книгу о наших находках, тех самых глиняных горшках, не имеющих коммерческой ценности. А завтра я собираюсь показать Долтаку, как делать ацтекскую керамику времен Чичимека. Полагаю, она будет пользоваться спросом.

Огонь славы

Джон Марчисон причислен к величайшим героям космоса: отважный человек, он пожертвовал жизнью ради спасения своего корабля и экипажа. Бессмертие Марчисон завоевал на пути домой с планеты Шаула-II.

Официальная точка зрения не вполне отражает истину. Марчисон не был трусом, но и добровольной жертвой он не был. Полагаю, мы имеем дело с убийством — или, возможно, с казнью. Так сказать, с использованием дистанционного управления.

Не уверен, но мне кажется, что экипажи звездолетов комплектуются случайным образом. Кто-то берет колоду карт из большого компьютера и бросает ее в потолок Космического бюро. Те карты, что прилипли к потолку, получают назначение. При другом подходе человека вроде Марчисона на Шаулу-II не отправили бы.

Марчисон выглядел космонавтом старой школы: рослый, невоздержанный на язык, с квадратной челюстью и бычьей шеей над широкими плечами. Такими изображают звездопроходцев в комиксах для детей. Похоже, и сам он больше ничего не читал.

На нашем корабле он служил начальником службы связи. Не знаю где, но знания по специальности он приобрел исключительные: с любыми коммуникационными системами Марчисон управлялся со сверхъестественной легкостью. Однажды на моих глазах он за несколько минут заставил работать кафийский приборчик, пролежавший под землей полмиллиона лет. Археологическая находка прекрасно ловила «водородную песню» на волне двадцать один сантиметр. Откуда ему было известно, что артефакт представляет собой звездный детектор, я уже никогда не узнаю.

© Перевод А. Орлова.

К несчастью, Марчисон обладал не только специальными знаниями. Раздражительность в сочетании с медленно копившейся на дне души желчью приводила к непредсказуемым вспышкам ярости, которые делали его серьезным фактором риска на Шауле-II. В общем-то, его предохранители работали ненадежно: нельзя было сказать, когда посыплются искры и Марчисон сбросит пару мегаватт скверного расположения духа.

Такого человека не стоило отправлять на планету, обитатели которой характеризуются, согласно Каталогу внеземных цивилизаций, как «мудрые, в известной степени уставшие от жизни, исключительно мягкосердечные, неагрессивные и, таким образом, подверженные риску эксплуатации. К шаулианцам следует относиться терпимо и с пониманием, уважать их как представителей одной из древнейших рас Галактики».

Аборигены Шаулы, где я никогда не был, рисовались мне престарелыми меланхолическими философами, готовыми рассыпаться в пыль от громкого возгласа, и потому я немало удивился, когда пришло время расписываться в судовом реестре «Фелицифика». Строчкой выше моей фамилии стояли каракули: «Марчисон, Джон Ф., связист первого класса».

«Лейб, Эрнест Т., второй помощник»,— расписался я и, получив денежный сертификат, отошел в недоумении. Мне уже довелось увидеть своими глазами, как Марчисон без всякого повода выбивал пыль из похожего на лягушку денебианца. «Этот дождь сводит меня с ума»,— вот и все, что Марчисон соблаговолил впоследствии объяснить. Лягушатник выжил, а Большой Джон отделался записью в психологической карте.

Такого человека отправили в рейс на Шаулу? Допустим, так надо... Не могу сказать, что моя вера в компьютер, подбирающий экипажи, укрепилась.

Наша экспедиция на Шаулу-II была уже пятой или шестой. Сама планета — вторая из семи, вращавшихся вокруг самой яркой звезды в хвосте Скорпиона,— имела важное стратегическое значение как форпост этого сектора Галактики, несмотря на серость и заурядность. В свое время, поторговавшись немного, мы создали там военную базу, благо туземцы ничего не имели против нашего присутствия.

На борту «Фелицифика», оборудованного стандартным гиперпространственным приводом, находилось двадцать восемь

специалистов, которым предстояло заменить коллег на базе, и восемь членов экипажа. Корабль стартовал погожим летним днем третьего июля две тысячи пятьсот тридцатого года. Перейдя с ионного привода на гиперпространственный за пределами системы, «Фелицифик» вернулся в обычное пространство три недели спустя, на удалении в двести световых лет. Самый обычный рейс.

Корабли с гиперпространственным приводом хорошо приспособлены для полетов как на длинные, так и на короткие дистанции. На коротких по-прежнему очень эффективен добрый старый ионный привод; дополнительный вес вспомогательной силовой установки с лихвой компенсируется высокой маневренностью и сокращением общего времени полета.

Гиперпространственная часть полета рассчитывается заранее. Можно сказать, что мы проходим ее на автопилоте. А вот после возврата в обычное пространство — в нашем случае это произошло в половине светового года от Шаулы — вступает в силу человеческий фактор. Фактор по имени Джон Марчисон.

Его дело — обеспечивать работу масс-детекторов, телеметрических систем, заменяющих кораблю глаза, и линий связи между навигатором, капитаном и машинным отделением. Короче говоря, от действий Марчисона зависит, сможем ли мы сесть.

На борту любого корабля есть запасной связист, на всякий случай. В обычных условиях у него не так много работы.

Когда пришло время посадки, капитан вызвал меня по интеркому и велел проинструктировать экипаж. Я начал с Марчисона.

— Да? — лениво ответил он скрипучим голосом.

— Второй помощник Лейб. Подготовиться к посадке. Немедленно. Навигатор Хенрикс подготовил карту и ожидает вызова.

— Мне не хочется никого вызывать, Лейб,— ответил Марчисон после длинной паузы.

Теперь паузу пришлось сделать мне. Я зажмурился и медленно сосчитал до трех, глубоко дыша.

— Будьте добры, повторите ваши слова, Марчисон.

— Да, сэр. То есть нет, сэр! Черт побери, Лейб, я занят ремонтом. Неужто надо садиться прямо сейчас?

— Я не составляю расписаний, Марчисон.

— А кто составляет? Скажи этому засранцу, что я занят!

— Занят чем? — спросил я, уменьшая громкость интеркома.

— Плюю в потолок! Освободи линию, я вызову Хенрикса.

Я вздохнул и отключился. Марчисон издевается надо мной. Снова и снова хамит просто ради хамства. Думаю, недолго осталось ждать того дня, когда он откажется работать на посадке.

Что ж, тогда мы упакуем его в ящик и выбросим через мусорный шлюз.

Марчисон всегда был одиноким островом в океане. Он знал свое дело и мастерски использовал знания — когда был в настроении. Когда считал, что дело достойно его, Марчисона. Но если у него не было мотива и желания, исходившего изнутри, он бездействовал. Заставить его никому еще не удавалось.

Мы терпели его, что было весьма опрометчиво с нашей стороны. Если бы попался бездушный и непонятливый капитан, дурной характер довел бы Марчисона до обвинения в мятеже. А за мятеж в рейсе полагается смерть.

Когда Марчисон милостиво согласился сотрудничать с экипажем, мы вышли на орбиту вокруг Шаулы-II, находившейся в перигелии. В своей маленькой кабине Марчисон лихо управлялся с посадочными системами корабля. Когда он хотел, он мог.

Красный шар планеты поворачивался перед нашими глазами, открывая пятна трех континентов с берегами, гладко вылизанными неспокойным углеводородным океаном. На земной базе третьего континента включили приводной маяк. Марчисон аккуратно поймал сигнал и скормил его центральному компьютеру. Используя эти данные, навигатор Хенрикс успешно посадил корабль.

Земная база состояла из пары блокгаузов, одноэтажной казармы и большой параболической антенны. Периметр базы представлял собой правильную окружность на идеально плоской равнине. Шаула-II не знала недостатка в равнинах. Колумбу пришлось бы долго доказывать жителям этого мира, что он не плоский.

Марчисон успешно вывел корабль на блестящую, как стекло, площадку недалеко от базы. Коснувшись неподатливого грунта, «Фелицифик» закряхтел, устраиваясь на посадочных опорах. На всех пультах вспыхнули зеленые огни: можно выходить!

Встречающая делегация состояла из восьми человек в шортах и тропических шлемах. На Шауле-II, жаркой, как духовка, полевая форма не прижилась. Но в форме или нет, нам здесь были рады, вне всякого сомнения.

Со стороны базы бежали по песку еще человек пятнадцать — впереди всех остальных. Их можно было понять: смена прибыла! Полный год на Шауле-II отслужили двадцать восемь человек. По условиям контракта им полагалось двенадцать месяцев отпуска — есть чему радоваться.

За людьми приближались *другие*. Неторопливо и достойно. Я так и думал, что они произведут на меня сильное впечатление.

При росте около четырех футов их длинные руки свисали до колен. Серая кожа была загрубелой и шершавой, три сумрачных, глубоко посаженных глаза располагались треугольником. Ходили аборигены прямо, на двух ногах. От плеч поднимался мясистый капюшон, напоминавший о рассерженной кобре, который прикрывал круглый голый череп. Всего их было шестеро, и даже самый молодой казался древним стариком.

Смуглый молодой мужчина в шортах, тропическом шлеме и татуированных звездах представился, сделав шаг вперед:

— Генерал Глостер. Я здесь главный.

— Найт, капитан «Фелицифика». Привезли вам смену.

— От души надеюсь, что так оно и есть. Да и глупо было бы столько пролететь порожняком!

В ответ раздался дружный смех. К этому моменту нас плотным кольцом окружили человек пятьдесят землян — весь личный состав базы, наверное. Плюс шестеро туземцев. Не всем нашим повезет улететь домой: персонал никогда не меняют целиком. Вновь прибывшие присматривались с любопытством и опаской к плоскому, сухому и жаркому миру, который будет их домом в течение звездного года. Незаметно для себя весь экипаж «Фелицифика» собрался у трапа. Думаю, каждого грела перспектива через пару дней отправиться домой. И меня в том числе.

Марчисон, не отрываясь, смотрел на шестерых чужаков. Не знаю, что он тогда думал.

Полмили до жилого комплекса мы шли прогулочным шагом. Мне и капитану Найту составил компанию Глостер, болтавший без остановки о том, как на базе кипит работа. Старая и новая

смены знакомились; Марчисон сердито топал отдельно, поднимая облака красной пыли, а шестеро аборигенов сильно отстали.

— Строительство идет без остановки,— объяснял Глостер.— Размещаем новое оборудование, чиним старое. Когда прилетела та смена, которую вы увозите, большой параболической антенны еще не было.

— Это впечатляет, генерал,— согласился я. Странно называть генералом человека вдвое моложе себя, но на службе и не такое бывает.— Когда вы планируете ввести в строй телескоп?

— В будущем году, скорее всего.— Глостер посмотрел в окно, за которым расстилалась пустыня.— Без дела здесь можно сойти с ума, но за работой время проходит незаметно.

— А туземцы? — спросил капитан Найт.— С ними у вас тесные контакты?

— Настолько тесные, насколько они позволяют.— Глостер пожал плечами.— Старая мудрая раса, но их почти не осталось. Посмотреть бы на эту цивилизацию во времена расцвета, но, увы...

Мальчишеский энтузиазм Глостера начал меня утомлять, и я спросил:

— Можно поговорить с кем-нибудь из них, пока мы не улетели?

— Попробую устроить.— кивнул Глостер, берясь за телефонную трубку.— Макгенри? Из туземцев на базе есть кто-нибудь? Хорошо. Попроси его подняться ко мне, пожалуйста.

Очень скоро появился человек в шортах рука об руку с аборигеном. Вблизи обитатель Шаулы казался еще старше: глубокие морщины бороздили безносое лицо, опускаясь от глаз к ноздрям, от ноздрей — к толстым губам вялого рта.

— Азга,— представил туземца Глостер.— Азга, это капитан «Фелицифика» Найт и второй помощник Лейб.

Древнее существо неуклюже присело, будто сделало реверанс.

— Встретить капитана Найта и второго помощника Лейба — поистине высокая честь для меня,— проскрежетал Азга.

Его голос оказался глубоким и звучным, почти человеческим.

Выпрямившись, Азга молча уставился на меня. Под этим взглядом хотелось поежиться: как будто смотришь в зеркало, а там отражается кто-то другой.

Чуть позже неловкость прошла: близость аборигена внушала доверие. Уродец, на вид невероятно хрупкий, светился мудро-

стью и покоем. Грубая шкура теперь больше походила на умело выделанную дорогую кожу, капюшон над черепом смотрелся надежной защитой от мелкой суеты и превратностей судьбы. По комнате ненавязчиво поплыл запах старых книг.

Помимо воли мы переглянулись — я, Глостер, Макгенри и капитан Найт. Вот среди нас житель Шаулы, и что мы можем ему сказать? Что нового узнает от нас это древнее существо?

Перед таким и на колени встать не зазорно... Зазвенел телефон, не давая додумать мысль и подобрать слова. По кивку Глостера Макгенри снял трубку.

— Капитан Найт?..— сказал он.

Несколько секунд капитан слушал, потом повернулся ко мне:

— Лейб, одолжи у кого-нибудь джип и немедленно на корабль! Марчисон поссорился с туземцем...

Я сбежал вниз по лестнице, прыгая через две ступени. Во дворе солдат заводил джип; пришлось реквизировать, благо я был старше по званию. Минутой позднее, бросив джип у борта «Фелицифика», я уже карабкался вверх по крутой сходне.

В дверях шлюзовой камеры нервничал молодой матрос.

— Где Марчисон? — потребовал я.

— В радиорубке. Чужой вместе с ним, и они...

Помня Денеб и несчастного лягушатника, я скатился вниз по трапу.

Радиорубка, царство Марчисона, представляла собой небольшую кабинку недалеко от мостика. Оттуда он управлял всеми системами связи «Фелицифика».

Я рванул дверь. С разводным ключом в руках Марчисон стоял в дальнем углу лицом ко мне, свирепо глядя на аборигена. Со спины тот казался маленьким и беззащитным.

— Тебе здесь делать нечего, Лейб,— сказал мне Марчисон как ни в чем не бывало.— Не твое дело.

— Что здесь происходит? — рявкнул я.

— Туземец шпионит! Собираюсь проучить его этим ключом...

— Я не имел в виду ничего дурного,— печально пророкотал туземец.— Философский интерес, не более того. Странные машины. Если я нарушил ваши обычаи, приношу глубочайшие извинения. Наш народ никогда никого не оскорбляет.

Я шагнул вперед и встал между ними, но так, чтобы Марчисону нелегко было достать меня ключом. Тяжело дыша и разду-

вая ноздри, он сверлил меня взглядом. Во гневе Марчисон был страшен.

— Я сказал, тебе здесь делать нечего, Лейб! — Он двинулся прямо на меня.— Это моя радиорубка, и ни ты, ни он мне здесь не нужны.

— Положи ключ, Марчисон! Это приказ.

— По должности я не обязан подчиняться никому, кроме капитана, если считаю, что корабль подвергается опасности,— презрительно скривился Марчисон.— А я так считаю! На борту находится опасный чужак!

— Включи мозги, Марчисон. Аборигены Шаулы не опасны. Попался один любопытный, вот и все.

В ответ Марчисон угрожающе повертел ключ в руках. И почему я не захватил бластер? Абориген между тем наблюдал нас безмятежно и доброжелательно, будто не верил, что кто-то может тронуть его, такого старого и безобидного.

— Вам лучше уйти,— посоветовал я туземцу.

— Еще чего! — проревел Марчисон, отталкивая меня в сторону.

Абориген ждал, не двигаясь. Остановить разъяренного быка не вышло, хотя я пытался. Брошенный ключ загрохотал по полу, Марчисон в последний момент передумал и ограничился увесистой пощечиной. Из угла рта его хрупкого противника поползла голубоватая струйка.

— Что ты вынюхиваешь? — Марчисон замахнулся. Замахнулся и ударил.— Я отучу тебя шпионить!

На этот раз туземец рухнул на пол, будто из него выпустили воздух. Три глаза не закрылись, но продолжали смотреть на Марчисона с укором. Через некоторое время тот не выдержал и отвел взгляд.

— Убирайся,— буркнул Марчисон.

Незваный гость поднялся на ноги и ушел, прихрамывая. Он не был искалечен. Похоже, они не такие уж хрупкие.

— Посадишь меня в карцер? — спросил Марчисон.— Ладно, сам пойду...

В карцер мы его сажать не стали, так как пользы от этого не предвиделось. С самого начала было ясно: неприятности неизбежны. Вы не станете наказывать гидразин за пожар, если сами

бросили в ведро спичку. В каком-то смысле Марчисон не был виноват.

Вместо наказания ему объявили бойкот. Это вышло само собой. Люди на базе за год привыкли уважать аборигенов, их чуть ли не боготворили. Человека, способного на физическое насилие, просто перестали замечать.

На борту «Фелицифика» его тоже сторонились. Так он и ходил, молча закипая, высокий, огромный и одинокий. Чужих он тщательно обходил стороной.

Марчисон получил вторую запись в психологической карте. Теперь, согласно правилам Космического бюро, ему никогда больше не доведется побывать на планете, где есть разумная жизнь. В бюро много таких правил: они закрывают двери амбара, когда все уже случилось.

Так прошло три дня. На четвертый, приняв на борт двадцать восемь человек, мы попрощались с Глостером, его ветеранами и новичками, которых мы высадили здесь. Попрощались и с аборигенами, не без неловкости.

Все шестеро, включая пострадавшего, остались посмотреть, как мы стартуем. Счастливого пути они желали нам серьезно, без затаенной горечи. В сотый раз я подивился их мудрости, терпению и пониманию.

С Азгой я прощался, пожимая его шершавую руку. Давно, с самой первой встречи, я собирался и наконец сказал ему... Выразил надежду, что наша раса когда-нибудь достигнет мудрости и душевного равновесия жителей Шаулы. Азга улыбнулся в ответ. Попрощавшись, я переступил порог шлюзовой камеры.

Контрольную карту прочитали без единой заминки, никаких сбоев не обнаружилось. Марчисон на этот раз не ворчал и не жаловался. В общем, стартовали мы за рекордное время.

Два дня на ионной тяге, три недели в гиперпространстве, еще два дня торможения ионной тягой — и мы дома, на Земле.

Три недели казались бесконечностью: когда впереди Земля, время тянется нестерпимо медленно. Наконец заработал генератор Болинга и нас тряхнуло. Выход из неподвижной серости гиперпространства всегда сопровождается выворачивающей тряской и ощущением соскальзывания в пропасть.

Тронув клавишу интеркома на подлокотнике, я услышал голос навигатора Хенрикса:

— Марчисон, дайте мне, пожалуйста, координаты.

— Сейчас,— буркнул Марчисон недовольно.— Погоди немного, Сэм. Будут координаты, скоро получишь.

— Что значит «будут», Марчисон? — спросил капитан Найт после длинной паузы.— Где мы находимся? Включить обзорные экраны!..

— Погодите, капитан. Пожалуйста! — ответил Марчисон на удивление мягко, но тут же все испортил: — Нельзя ли заткнуться и дать человеку подумать?

— Марчисон!..— взревел капитан.

Взревел и заткнулся. Одно про нашего связиста мы знали точно: он все делает так, как считает нужным. Никому еще не удавалось навязать ему свою волю.

И мы ждали, болтаясь в консервной банке где-то в окрестностях Земли, слепые, как котята. Пока Марчисон не даст координаты, нам на посадку не зайти.

Через три минуты зажегся огонек особой линии интеркома, связывавшей капитана непосредственно со мной.

— Лейб, иди в радиорубку. Выясни, что там Марчисона... задерживает. Мы не можем торчать здесь вечно.

— Есть, сэр!..

Прихватив бластер — не надо повторять свои ошибки,— я вышел из каюты. Коридор, трап, поворот налево, дверь в переборке, радиорубка.

Я постучал.

— Убирайся отсюда, Лейб! — прорычал Марчисон из-за двери.

Да, я и забыл, что у него где-то здесь камера слежения.

— Открывай, Марчисон,— сказал я.— Открывай, или я отопру эту дверь бластером.

— Тогда заходи,— отозвался Марчисон, вздохнув.

Опасливо толкнув дверь, я сунулся внутрь с бластером наготове. Вдруг он прыгнет на меня сверху?.. Но обошлось: Марчисон сидел за столом, заваленным всякой электроникой, и царапал ручкой в блокноте. Удивительно. Я ждал, когда он соизволит на меня посмотреть.

Когда Марчисон поднял на меня глаза, я поразился. Такого Марчисона никто до сих пор не видел: бледный, загнанный, постаревший.

— Что происходит? — спросил я негромко.— Нам необходимы координаты...

— Хочешь знать, что происходит, Лейб? — Марчисон развернулся ко мне всем корпусом.— Я тебе скажу. Корабль ослеп. Ни телеметрии, ни камер, ничего. Если нужны координаты, можешь попробовать сам.

Через полчаса в кают-компании состоялся совет: капитан Найт, Марчисон, я, навигатор Хенрикс и трое из «пассажиров».

— Как это могло случиться? — потребовал капитан Найт.

— Не знаю.— Марчисон пожал плечами.— Что-то случилось в гиперпространстве. Электромагнитный импульс, например. Все приборы откинули копыта.

— Ты про такое слышал когда-нибудь? — обратился капитан к штурману. Похоже, Найт был готов заподозрить Марчисона в чем угодно.

— Нет, кэп. И неудивительно: те, с кем могло случиться подобное, не возвращаются на базу с рапортом.

Так и есть. Без выхода во внешний мир и без возможности сориентироваться домой не попадешь. Радио тоже вышло из строя, кто бы сомневался. Нельзя даже подать сигнал бедствия.

— И все-таки. Что могло произойти? — спросил капитан Найт, сильно постаревший за последние полчаса.

— Физика гиперпространства плохо изучена,— нехотя ответил Хенрикс.— Электромагнитный импульс, как предположил Марчисон... Да что угодно! С тем же успехом межпланетный слизень мог обгрызть наши антенны. Простите, капитан, речь не о том, как это вышло. Речь о том, как вернуться домой.

— Хорошо сказано. Марчисон, ты точно не можешь починить приборы?

— Не могу.

— Не могу, и все? Раньше ты справлялся с самой безнадежной ситуацией.

— Нет,— повторил Марчисон кисло.— Я уже пробовал. Ничего не вышло.

— Иными словами, нам конец? — спросил Рамирес, один из «пассажиров». Голос его срывался.— Надо было остаться на Шауле! Не сдохли бы, по крайней мере...

— Дело дрянь,— хмуро согласился Хенрикс.— Вслепую корабль не посадишь. Никак.

— Есть одна возможность,— привлек общее внимание Марчисон.

— Какая? — спросил капитан Найт.

— Высадить человека в скафандре на обшивку. Там можно закрепиться как следует... Он будет направлять нас по телефону. Это лучше, чем никак.

— Вряд ли,— скривился Хенрикс.

— По-другому не выйдет,— огрызнулся Марчисон.— Другой надежды у нас нет.

— Он сгорит, когда мы войдем в атмосферу,— напомнил я.— Потеряем человека, а садиться все равно придется вслепую.

— Ну, о высоте можно судить по температуре корпуса,— предположил Марчисон, выпятив нижнюю губу.— А ниже ионосферы заработает обычное радио и вернется телеметрия, нас доведут до самой земли... Фокус в том, чтобы в атмосферу войти.

— Думаю, стоит попробовать,— сурово заключил капитан Найт.— Будем тянуть жребий. Лейб, вели принести соломинки с камбуза.

— Не нужно,— подал голос Марчисон.

— Это как?

— Не надо никаких соломинок. Пойду я.

— Марчисон!..

— Не берите в голову. Проблема в моем хозяйстве, я и пойду. Добровольцем, понятно? Может, еще кто хочет вызваться? Я не против...

Марчисон просмотрел каждому из нас в глаза. Никто не шевельнулся.

— Других претендентов нет? — На щеке Марчисона блеснула капелька пота. Блеснула и поползла вниз.— Это моя работа, по справедливости.

Гробовую тишину нарушил Рамирес, сделавший самое идиотское замечание, какое мне когда-либо приходилось слышать:

— Хочешь искупить вину, Марчисон? За то, что ударил беззащитного аборигена? Станешь героем, а героям многое прощается...

Если бы Марчисон убил дурака на месте, мы бы наградили его аплодисментами. Вместо этого он лишь повернулся к Рамиресу и ответил:

— Ничего ты не понял, как и все остальные. Каковы на самом деле эти беззащитные аборигены и что они со мной сделали.— Марчисон сплюнул.— Меня от вас тошнит.

Марчисон отвернулся и пошел надевать скафандр.

По указаниям снаружи Хенрикс успешно вывел корабль на посадочную траекторию. Прекрасная работа, вылающийся образец четкого взаимодействия.

На высоте в пятьдесят тысяч футов Марчисон замолчал. К тому времени уже установилась радиосвязь с землей, и посадка прошла без осложнений. Позднее нам рассказали, что при входе в плотные слои атмосферы на обшивке вспыхнул яркий огонь, совсем ненадолго.

Прошли годы, но я не могу отделаться от ощущения, что в поступке Марчисона добровольности не было совсем. Я слишком хорошо помню выражение его лица... Нет, это не походило на его собственный выбор.

Никому и никогда не удавалось загнать Марчисона в угол — до того дня.

Мы привыкли считать жителей Шаулы мягкими, кроткими, беззащитными. На одного Марчисон напал, но прожил потом недолго. Мягкие и кроткие — разумеется. Беззащитные? Марчисон так не думал.

Могли они вывести из строя приборы и наказать Марчисона проклятием мученичества? Вполне возможно.

Если так, слава героя тусклее, чем принято считать. Порой мне кажется, что Марчисон все же правильно оценил аборигенов.

Скрытый талант

Космопорт Мондаррана-IV был невелик. Впрочем, чего вы хотите от захолустной окраинной планетки? Райгор Дейвисон подхватил с багажного транспортера свой одинокий чемоданчик и шагнул в сухой и ветреный зной полудня. Солнце, жаркое, типа «Г», висело высоко над головой, и пыльная коричневая дорога бежала, извиваясь, к маленькой серой деревушке, находящейся примерно в километре от аппендикса космопорта.

Поблизости, конечно же, не оказалось никого, кто бы его поприветствовал. Не слишком-то впечатляющая встреча, подумал он и зашагал по грязной дороге к деревушке, которой суждено было на пять лет стать его домом... Если он выживет.

Он не успел пройти и десяти футов, как услышал за спиной звук шагов, обернулся и увидел дочерна загорелого мальчишку, идущего по дороге. Лет ему было около одиннадцати, и вся его одежда состояла из золотистых плавок. Он, похоже, куда-то очень торопился.

— Эй, малыш! — окликнул его Дейвисон.

Мальчишка вопросительно посмотрел на него, замедлил шаг и остановился, слегка задыхаясь.

— Оттуда? — ткнул он большим пальцем в небо.— Я видел, как садился корабль.

Дейвисон улыбнулся.

— Оттуда. Куда спешим?

— Колдун,— вздохнул мальчишка.— То-то повертится! Начнут в полдень, не опоздать бы. Пойдемте быстрее...

Дейвисон напрягся.

© Перевод С. Монахова.

— А что будет, малыш?

— Будут сжигать колдуна,— ответил мальчишка, отчетливо произнося слова.— Если хотите успеть, идемте быстрее. Пожалуйста, не задерживайте меня.

Дейвисон поднял свой чемоданчик и быстро зашагал рядом с мальчишкой, поглядывая на него без особого энтузиазма.

Сожжение колдуна? Ничего себе! Он внутренне содрогнулся. Уж не послала ли его лига эсперов на верную смерть?

Лига эсперов действовала тихо, но эффективно. Дейвисона нашли, обучили, развили его необычайные способности к телекинезу. Потом послали в захолустье научиться, как не пользоваться ими.

Объяснение Дейвисон услышал от Ллойда Кечни, своего наставника. Кечни был жилистым ясноглазым человеком с ястребиным носом и бровями гориллы. Он работал с Дейвисоном восемь лет.

— Вы чертовски хороший телекинетик,— сказал ему Кечни.— Лига больше ничего не может дать вам. Через несколько лет вас можно будет выпускать.

— Несколько лет? Но я думал...

— Вы лучший телекинетик из всех, что я видел,— сказал Кечни.— Вы настолько хороши, что сейчас использование вашей силы стало для вас второй натурой. Вы не знаете, как спрятать ее. Однажды вы об этом пожалеете. Вы не обучены умеренности.

Кечни навалился грудью на стол.

— Рай, мы решили бросить вас в воду. Либо вы потонете, либо поплывете. Вы не первый, с кем мы так поступаем. Мы собираемся послать вас в мир, где не знают пси, где эта энергия еще не обнаружена. Вам придется скрывать свой дар, иначе вас забросают камнями, как колдуна.

— Нельзя ли, чтобы меня обучали на Земле? — с надеждой спросил Дейвисон.

— Как же! Это слишком легкий путь. Там вам придется постоянно ходить по краю. Поэтому давайте отправляйтесь-ка.

Дейвисон сел на первый же корабль. Здесь, на Мондарране-VI, он должен был либо научиться, либо...

— Откуда вы? — спросил мальчуган после того, как они молча прошли несколько минут.— Вы будете здесь жить?

— Некоторое время,— ответил Дейвисон.— Я с Дариака-три.— Он не собирается выдавать свое земное происхождение. На Дариаке-III не знали пси, и это было всем известно. Если в нем заподозрят эспера, Дариак-III мог означать для него жизнь.

— Дариак-три? — спросил мальчишка.— Хорошая планета?

— Не особенно,— ответил Дейвисон.— Одни дожди.

Неожиданно над деревушкой вспыхнуло слепящее пламя, озарив полуденное небо подобно низкой молнии.

— Ух ты! — огорченно воскликнул мальчишка.— Началось, так и знал, что опоздаю. Надо было мне выйти пораньше.

— Опоздали? — Дейвисон почувствовал немалое облегчение. Он облизнул сухие губы.— Похоже, самого интересного мы и не увидим.

— Там бывает очень здорово! — с энтузиазмом воскликнул парнишка.— Особенно когда попадаются хорошие колдуны и они выделывают всякие штуки, пока не сгорят. Сами увидите, когда будут кого-нибудь поджаривать.

«Могу представить»,— подумал Дейвисон мрачно. Но вслух он не сказал ничего.

Они продолжали идти, теперь уже медленно. Деревня приближалась. Он уже отчетливо видел крайние дома и даже мог различать расхаживающих по улицам людей. Солнце припекало просто немилосердно.

Они дошли до последнего поворота и увидели фигуру в лохмотьях, шаркающую ногами навстречу им.

— Привет, Дурачок Джо,— радостно сказал мальчишка, когда они подошли поближе.

Дурачок пробормотал в ответ нечто неразборчивое, продолжая идти. Он был длинный и тощий, с густой порослью бороды, обутый в мокасины без шнурков и драную кожаную рубаху. Он остановился, поравнявшись с Дейвисоном, заглянул ему в лицо и осклабился, показывая желтые зубы.

— Не подкинешь ли медячок, приятель? — спросил Дурачок Джо глубоким, звучным голосом.— Подай монетку бедному человеку.

Дейвисон порылся в кармане и вытащил медяк. Он поймал неодобрительный взгляд мальчишки, но все же бросил монетку в протянутую ладонь попрошайки.

— Всего хорошего, мистер,— произнес тот и побрел дальше. Сделав несколько шагов, он остановился и обернулся.— Очень жаль, что вы не попали на представление, мистер. Было очень интересно.

Они вошли в селение. Дейвисон увидел, что оно состояло из шаткой группки двухэтажных домиков, расположившихся вокруг центральной площади. В центре ее, как отметил Дейвисон, был вбит стальной кол, у подножия которого тлело нечто на редкость малоприятное. Он вздрогнул и отвел взгляд.

— В чем дело, мистер? — ехидно поинтересовался мальчишка.— Разве на Дариаке-три не сжигают колдунов?

— Не часто,— ответил Дейвисон. Он вдруг обнаружил, что у него дрожат пальцы, и с усилием взял себя в руки.

Он подумал о Кечни, удобно устроившемся на Земле, тогда как он находился здесь, в этой грязной дыре. Пять лет ему суждено было прожить в убогой деревушке, свистя в кулак, словно его приговорили к заключению в тюрьме.

Даже хуже. В тюрьме не надо ни о чем беспокоиться. Ты долбишь скалу и получаешь трижды в день жратву, а ночью преспокойненько спишь. Никаких тебе мучений.

Здесь другое дело. Дейвисон чуть не выругался. Находиться под постоянным наблюдением, подавляя пси, скрывая свою силу... или нечаянно дать повод приковать себя к стальному колу на центральной площади и развлекать эту деревенщину, пока пламя не положит тебе конец.

Он усмехнулся. Кечни знает, что делает, признал он вопреки своим невеселым мыслям. Если я тут выживу, мне больше ничего не будет страшно.

Он расправил плечи, изобразил на лице широкую улыбку и зашагал вперед.

Высокий мужчина с обветренным лицом цвета застывшей живицы направился в его сторону, дружелюбно улыбаясь.

— Хэлло,— произнес незнакомец.— Меня зовут Домарк. Я здешний мэр. Впервые у нас?

Дейвисон кивнул.

— Только что с Дариака-три. Решил попытать счастья здесь.

— Рад заполучить вас,— довольным тоном сказал Домарк.— Очень жаль, что вы опоздали на наш маленький спектакль. Вы, наверное, видели из космопорта пламя.

— Да, я тоже жалею,— заставил себя произнести Дейвисон.— Колдуны, наверное, доставляют вам много забот?

Лицо Домарка потемнело.

— Не так чтобы очень. Но время от времени появляется какой-нибудь парень, который выкидывает разные фокусы. Приходится без задержки отправлять его к его Повелителю. Нам не нужны такие ребята, братец.

— Не собираюсь порицать вас,— сказал Дейвисон.— Человеку не полагается делать такие штуки, которые выкидывают они.

— Совершенно верно,— согласился мэр.— Мы всякий раз замечаем, когда они это делают. Был тут у нас в прошлом году парень с Ланаргона-семь, работал пасечником. Хороший парень... молодой, и голова варила. Мы и не подозревали, что он знается с нечистым.

— Колдун?

— Вот именно. У него вырвался рой. Пчелы набросились на него, начали жалить. И что же мы увидели? Он как-то чудно на них посмотрел, и с кончиков его пальцев полетел огонь.— Домарк покачал головой, вспоминая.— Он превратил их в угли. Он даже не сопротивлялся, когда мы его вздергивали.

— Вздергивали? А почему вы не стали его сжигать? — У Дейвисона вдруг пробудилось естественное любопытство.

Домарк пожал плечами.

— Какой же смысл? Все эти ребята, которые в ладах с огнем... лучше и не пытаться сжигать их. Мы их вешаем прямо на месте.

«Наверное, один из ребят Кечни, — подумал Дейвисон.— Пиротик, посланный сюда научиться управлять своей силой. Он оказался не очень способным учеником».

Он пожевал губами и сказал:

— Пожалуй, самое время позаботиться о себе. С кем бы мне поговорить насчет жилья?

Жилье ему нашли на небольшой ферме минутах в десяти ходу от деревни; на прибитой к столбу бумажке значилось, что семейство Рейнхартов нуждается в рабочих руках.

Он распаковал свои скромные пожитки и повесил кофту в отведенный ему крохотный чуланчик. Потом сошел вниз, к хозяевам.

Семья состояла из пяти человек. Сам Рейнхарт — лысеющий мужчина лет пятидесяти пяти, темнокожий от долгого пребыва-

ния под обжигающим солнцем. Его тяжелая челюсть контрастировала с удивительно общительным нравом. Его жена Ма производила впечатление грозной женщины. На ней был восхитительно старомодный фартук. Она говорила густым сочным басом и излучала атмосферу простоты и традиционной сердечности. Это был, подумал Дейвисон, образец нрава, давным-давно исчезнувшего на такой суетной планете, как Земля.

У них было трое детей: Джейн, длинноногая девочка лет шестнадцати с вполне уже сложившейся фигуркой, Бо, крепко сбитый парень семнадцати лет с угрюмым лицом, и Малыш, круглолицый мальчуган одиннадцати лет. Дейвисону показалось, что это была очень дружная семья.

Он вышел из своей комнаты, открыв и закрыв дверь рукой — это непривычное движение отозвалось резкой болью,— и стал спускаться по ступенькам. На четвертой снизу он поскользнулся и стал падать, но удержался. Он привычным способом восстановил равновесие, выпрямился — и тут до него дошло, что он сделал! Он замер... и почувствовал на лбу горошины холодного пота.

Никто не видел. На этот раз — никто.

Но вдруг он поскользнется еще раз?

Он постоял, приходя в себя, подождал немного, пока кровь не прихлынет обратно к щекам, и только тогда преодолел оставшиеся ступеньки и вошел в комнату. Рейнхарты уже собрались.

Джейн появилась в дверях, лениво глянула на Дейвисона и объявила:

— Суп готов.

Дейвисон сел. Рейнхарт, возглавляющий стол, пробормотал короткую, но искреннюю молитву, закончив ее благодарностью за ниспосланного им работника. После этого показалась Джейн, неся на подносе плошки с дымящимся супом.

— Горячо,— сказала она, и Бо с Малышом отодвинулись в стороны, чтобы дать ей поставить поднос. Она стала опускать его... и тут это и случилось. Дейвисон видел, как все это началось, и закусил губу, чтобы не закричать.

Одна из дымящихся плошек скользнула к краю подноса. Он видел, почти как при замедленной съемке, как она подъезжает к самому краю, наклоняется и выплескивает часть своего обжигающего содержимого прямо на его голую правую руку.

У него выступили слезы... и он не понял, какая боль сильнее — от ожога или же от того шока, который он испытал, принуждая себя не останавливать плошку на полпути. Он сильно прикусил губу и сидел, дрожа от внутреннего усилия, которое ему приходилось прилагать, чтобы сдержать свою силу.

Джейн поставила поднос и захлопотала вокруг него.

— Ой, Рай, я ведь не хотела! Вы обожглись?

— Я остался жив,— ответил он.— И не стоит из-за этого беспокоиться.

Он вытер со стола пролитый суп, чувствуя, как постепенно утихает боль.

«Кечни, Кечни, не на пикник ты меня послал!»

Договорились, что Дейвисон должен помогать Рейнхарту в полевых работах.

Основной статьей дохода Мондаррана-IV была культура, именуемая длинными бобами,— стручковое растение, зерна которого здешние жители в огромных количествах употребляли в сыром виде, делали из них крупу, муку и приготовляли еще с дюжину разных блюд. Это было жесткое деревянистое растение, приносящее под жарким солнцем Мондаррана-IV три урожая в год.

Ферма Рейнхарта была невелика — что-то около десяти акров — и частично захватывала крутой пригорок, с которого открывался вид на грязный пруд. Близилось время второго урожая, и это значило, что вскоре предстояло обрывать со стеблей скрюченные стручки с бобами.

— Ты нагибаешься, вот так, и рвешь,— сказал Рейнхарт, обучая Дейвисона.— Потом поворачиваешься и бросаешь стручок в корзину за спиной.

Рейнхарт повесил на спину Дейвисону корзину, потом приладил свою, и они пошли по полю. Солнце висело высоко над головой. На этой планете, похоже, всегда полдень, подумал Дейвисон, начиная потеть.

Лиловокрылые мухи с громким жужжанием вились вокруг стручков. Дейвисон шел по полю, таща свою корзину, и старался не отставать от Рейнхарта. Тот двигался по соседней борозде, обогнав его уже футов на десять, нагибаясь, выпрямляясь, поворачиваясь и бросая стручок в корзину равномерно и быстро, словно заведенный.

Это была тяжелая работа. Дейвисон почувствовал, что его ладони начинают гореть от соприкосновения с жесткой, словно наждачная бумага, поверхностью листьев, а спина заныла от постоянного повторения непривычных движений. Вниз, вверх, руку назад. Вниз, вверх, руку назад.

Он стиснул зубы и заставил себя продолжать идти. Боль билась в руках, мускулы которых не работали годами. Пот катился по лбу, застилал глаза, стекал за воротник. Одежда намокала все больше и больше.

Он наконец добрался до края борозды и поднял голову. Рейнхарт стоял руки в боки, поджидая его. Он выглядел таким же свежим, как и вначале, и усмехался.

— Тяжеловато, а, Рай?

Дейвисон кивнул, слишком усталый, чтобы сказать хоть слово.

— Ты, главное, не робей. Пара недель — и ты окрепнешь. Я знаю, как вы, городские, начинаете.

Дейвисон провел ладонью по лбу.

— Никогда бы не подумал, что обрывать стручки так трудно,— сказал он.

— Это тяжелая работа, я этого не отрицаю,— ответил Рейнхарт. Он снисходительно похлопал Дейвисона по спине.— Ты привыкнешь. Пойдем, я налью тебе пива.

Назавтра Дейвисон уже должен был работать полный день. Было очень жарко, как и вчера.

В поле вышла вся семья: двое старших Рейнхартов, Джейн, Бо и Малыш. У каждого из них за спиной висела корзина.

— Начнем с восточной стороны,— сказал Рейнхарт, и все без рассуждений двинулись за ним. Каждый взял по борозде. Слева от Дейвисона оказалась Джейн, справа — Бо Рейнхарт. Невдалеке был виден Дирк Рейнхарт, бесстрашно прокладывающий путь между плотно сомкнутыми рядами растений: двуногая уборочная машина и ничего больше. Он глядел на легкие движения Рейнхарта, и тут до него дошло, что Джейн и Бо уже в нескольких шагах впереди, и он включился в работу.

Солнце еще только начинало карабкаться по небосклону и жара еще не достигла максимума, но Дейвисон уже начал потеть после первых же наклонов и выпрямлений. Он остановился вытереть пот со лба и услышал звонкий, язвительный смех.

Он густо покраснел, поднял голову и увидел Джейн, вставшую на своей борозде, уперев руки в бока и смеясь над ним. Вот так же вчера над ним стоял ее отец. Дейвисон невольно почувствовал раздражение. Ничего не ответив, он склонился над бороздой и принялся за работу.

Начало болеть правое плечо. Это, конечно, из-за постоянного напряжения мускулов, которые он никогда раньше не утруждал работой. А тут постоянно приходится заворачивать правую руку за спину, чтобы бросить стручок.

В его голове всплыли насмешливые слова Кечни: «Ты ведь не хочешь, чтобы твои мускулы атрофировались, сынок?» Это были слова, сказанные легко, не всерьез... но сейчас Дейвисон хорошо понимал, какая изрядная доля правды в них была.

Он полагался на пси в своих повседневных делах, упивался властью над этой силой, облегчающей его жизнь в мелочах: открыть дверь, поднять подушку, передвинуть мебель. Дейвисон всегда считал, что переместить предмет гораздо легче, чем перенести его. Почему же не воспользоваться силой, если владеешь ею в совершенстве?

Все дело в том, что он не владел ею в совершенстве... пока. Совершенство подразумевает нечто большее, нежели абсолютную власть над предметами. Оно означает владение умеренностью, знанием, когда стоит применять пси, а когда — нет.

На Земле, где не надо было скрываться, Дейвисон использовал свой дар почти непроизвольно. Здесь он не мог рисковать, и болящие мышцы были платой за предыдущую леность. Кечни отлично знал, что он делал.

Они наконец дошли до края поля. Дейвисон и Малыш разделили последнее место, далеко отстав от остальных. Но Малыш, похоже, даже и не запыхался. Дейвисону показалось, что он уловил следы недовольства на лице Рейнхарта, словно тот был разочарован в способностях нового работника. Впрочем, может быть, и нет. Зато на лице Джейн явно читалась издевка; ее глаза из-под тяжелых век вспыхивали огнем презрения.

Он отвел взгляд в сторону и увидел, что Рейнхарт высыпает свою корзину в грузовик, стоящий посреди поля.

— Освобождайся, пока не начали следующую борозду,— коротко бросил он.

Поле отсюда казалось бесконечным. Дейвисон взял корзину одеревеневшими руками, опрокинул ее в кузов и взглянул на серо-зеленую груду стручков. Потом надел лямки на плечи, чувствуя странную легкость от того, что на него больше не давил тяжкий груз.

Он встал на следующую борозду, и в голове у него мелькнула мысль: «Как просто было бы перемещать стручки в корзину! Не гнись, не вертись. А тут руки того и гляди отвалятся».

Просто. Ясно, что просто... Только если Джейн, или Бо, или кто-нибудь другой вдруг вздумает оглянуться и увидит стручки, таинственным образом плывущие по воздуху в корзину Дейвисона, его сожгут раньше, чем зайдет солнце.

«Чертов Кечни»,— подумал он яростно и смахнул со лба блестящие бусины пота.

То, что полчаса назад казалось неумной шуткой, теперь искушающе маячило перед глазами Дейвисона как вполне реальная возможность.

Он отстал почти на борозду от всех и страшно устал. А его бедное слабое тело безжалостно ныло.

Он обладал силой и не мог воспользоваться ею. Он загонял ее внутрь, и это было больно. Его словно снова ошпарили горячим супом. Он не мог понять, что больнее — продолжать гнуться и совать онемевшую руку в обжигающую гущу листьев или сдерживать пси, готовую разорвать его мозг.

Дейвисон заставлял себя сосредоточиться на работе, забыть про свою силу.

— Это учебный процесс,— мрачно твердил он.— Я учусь. Кечни знает, что делает.

Они дошли до конца борозды, и он услышал сквозь туманную пелену изнеможения, как Рейнхарт сказал:

— О'кей, давайте отдохнем. Все равно сейчас слишком жарко, чтобы работать.

Он снял с себя корзину, бросил ее там, где стоял, и зашагал к дому. С невыразимым облегчением Дейвисон сбросил кожаные лямки и выпрямился.

Он побрел по краю и столкнулся с Джейн.

— Вы выглядите очень измотанным, Рай,— сказала она.

— Так оно и есть. Я так считаю: чтобы привыкнуть к этой работе, нужно время.

— Конечно,— согласилась девушка. Она ковырнула носком ноги ком земли.— Вы окрепнете,— сказала она.— Иначе вам придется уйти. Работник, который был до вас, ушел. Но вы выглядите лучше.

— Надеюсь, ты права,— ответил он, думая о том, кто же был этот работник, и о силе, которая пропадала в нем. Для некоторых в этом не было бы ничего плохого. Провидцу вообще не нужно подобное обучение, но провидцев — один на квадрильон. Телепату тоже, поскольку у того, кто обладает телепатией, мозг имеет настолько высокий потенциал, что этот детсад им абсолютно ни к чему.

«Пожалуй, только эсперам с развиваемыми способностями необходимы такие путешествия на не знающие пси планеты,— думал Дейвисон.— Телекинетикам, пиротикам да еще некоторым другим, чьи простые, неспециализированные способности создают ложное впечатление всемогущества».

Дейвисон брел по полю, поглядывая на мелькающие за стеблями ноги Джейн, и в голову ему пришла новая мысль. Нормальный мужчина должен время от времени находить какой-то выход своим сексуальным устремлениям; длительное подавление их требует особой организации мозга, и большинство мужчин просто лопается от постоянного напряжения.

А как насчет нормального эспера? Может ли он держать свои силы взаперти пять лет? Он испытывал напряжение организма уже сейчас, а ведь прошло всего два дня.

«Всего два дня»,— подумал Дейвисон.

Всего два дня скрывал он свою силу. Он заставил себя не думать о том, сколько дней в пяти годах, и только теперь почувствовал, что вспотел.

Два последующих дня работы в поле закалили его настолько, что уборка не казалась ему больше кошмаром. У него было здоровое тело, и мускулы его без большого протеста привыкли к новому режиму. Он уже отлично держался на борозде и чувствовал, как крепли его мышцы, росла его энергия, и почему-то развитие примитивной физической силы было ему очень приятно.

— Гляньте-ка, как он ест,— сказала однажды Ма Рейнхарт за ужином.— Уплетает все так, словно никогда больше не увидит съестного.

Дейвисон только ухмыльнулся и положил себе добавки. Ма была права: он никогда столько не ел. Вся его жизнь на Земле казалась теперь бледным существованием послушника, не то что здесь, на Мондарране-IV. Физически он вошел в великолепную форму.

Но то, что происходило с мозгом, начинало его тревожить.

Он четко держал телекинез под контролем, несмотря на постоянное искушение использовать его. Он страдал, но продолжал жить, не прибегая к помощи своей силы. Это было не достижением, а шагом назад.

На пятый день своего пребывания на Мондарране-IV он проснулся резко, словно от толчка, сел на кровати и тяжело уставился в темноту перед собой. Мозг полыхал огнем; он протер глаза, прогоняя сон, и поднялся с кровати.

Он постоял с полминуты, обдумывая случившееся и прислушиваясь к ударам сердца. Потом протянул руку, нащупал на стуле брюки и влез в них. Подошел к окну и выглянул наружу.

До восхода было еще далеко. Солнце едва озаряло краешек горизонта, а высоко над головой неспешно шествовали по небу две луны. Они бросали на поля льдистый, мерцающий свет. Снаружи было совершенно тихо.

Дейвисон понял, что случилось. Это его страдающий, подавляемый мозг пробудил его ото сна, чтобы выкрикнуть свой протест против подобного обращения. Нельзя так сразу перестать пользоваться своей силой. Иначе ты свихнешься.

«Вот что это,— подумал Дейвисон,— сумасшествие».

Дейвисон осторожно спустился по лестнице, замирая всякий раз, как только под ногой скрипела ступенька, и вышел через боковую дверь. Он направился к маленькому амбарчику на краю поля, полному бобовых стручков.

Он вскарабкался в предрассветной тишине по приставной лестнице и оказался в амбаре. Вокруг стоял теплый и немного пыльный запах стручков. Он спрыгнул с лестницы прямо в их кучу.

Дейвисон осторожно привел в действие телекинез и сразу же почувствовал громаднейшее облегчение. Он нагнулся, поднял рукой стручок и силой мысли заставил его взмыть в воздух. Потом

позволил ему упасть. Затем переместил еще один, потом — два одновременно. Около пятнадцати минут он наслаждался своей силой, просто разбрасывая стручки по углам.

Только одно тревожило его. Похоже, у него уже не было прежних способностей. Ему стоило некоторых трудов привести свою силу в действие, а теперь, после нескольких минут активности, он чувствовал легкую усталость. Такого с ним раньше не случалось.

Его поразила ужасная мысль: может быть, воздержание повредило его способность? Может быть, пять лет строгого воздержания — если только он протянет столько — способны навсегда *лишить* его силы?

Это было бы ужасно. Впрочем, другие ведь прошли через подобную ссылку и вернулись с неповрежденными способностями. Они воздерживались... или не воздерживались? Может, попав в подобный переплет, они заставляли себя просыпаться в ранние часы и укрывались в чьем-нибудь амбаре, чтобы перемещать предметы или вызывать огонь?

У Дейвисона не было на это ответа. Он мрачно переместил еще несколько стручков, подошел к окну и стал спускаться по лестнице.

Внизу стоял Малыш Рейнхарт и с любопытством глядел на него.

Дейвисон задержал дыхание и продолжил спуск.

— Привет,— сказал Малыш.— Что ты там делаешь, Рай? Почему ты не спишь?

— То же самое я могу спросить у тебя,— ответил Дейвисон, решив избрать тактику нападения.

Руки его дрожали. Что, если Малыш следил за ним, видел, как он использовал пси? Поверят ли ребенку в таком серьезном обвинении? На этой планете, где все помешались на колдовстве, пожалуй, поверят.

— Что ты здесь делаешь, Малыш? Мама нашлепает тебя, если узнает, что ты по ночам убегаешь из дому.

— Ничего,— ответил тот. Он держал в руке банку, наполненную белыми скользкими червями.— Я копал червей. Их только сейчас и копают, в полночь, когда светят луны.— Он хитро подмигнул Дейвисону.— А ты что скажешь?

— Мне не спится. Я вышел и стал работать,— нервно ответил Дейвисон, проклиная необходимость оправдываться перед мальчишкой.— Вот и все.

— Так я и думал. Бессонница? — осведомился Малыш.— Я знаю, что с тобой, Рай, ты втюрился в мою сестру. Она свела тебя с ума, и ты не можешь спать. Верно?

Дейвисон тотчас же кивнул.

— Только не говори ей, ладно? — Он вытащил из кармана монетку и вложил ее в ладонь мальчишки. Пухлые пальцы молниеносно сжались, и монета исчезла.— Я не хочу, чтобы она знала о моих чувствах, пока я не побуду здесь подольше,— пояснил Дейвисон.

— Я буду молчать,— пообещал Малыш. Глаза его засверкали в свете лун. Он покрепче сжал банку с червями. Он обладал теперь тайной, и ему не стоялось на месте.

Дейвисон повернулся и с кривой усмешкой зашагал к дому. Петля затянулась туже, подумал он. Он дошел до необходимости изображать роман с длинноногой фермерской дочкой, чтобы спасти свою шкуру.

Сейчас это сработало. Но второй раз лучше не пробовать. Эти тайные упражнения в амбаре придется прекратить. Не хватало, чтобы его засек кто-нибудь из взрослых.

Когда настало утро, Дейвисон спустился вниз, поговорить с Рейнхартом.

— Не отпустите ли вы меня сегодня, сэр? Я бы хотел отдохнуть сегодня, если вы не имеете ничего против.

Фермер нахмурился и потер пальцами мочку уха.

— Отпустить тебя? Во время уборки? Так ли это тебе необходимо, парень? Мне не хотелось бы лишаться сейчас рабочих рук, хотя бы на день. Знаешь, ведь и посевная не за горами.

— Я знаю,— ответил Дейвисон.— Но мне нужно хотя бы свободное утро. Я должен кое-что сделать.

— О'кей, Рай. Я не рабовладелец. Бери утро, если хочешь. Ты можешь наверстать время в воскресенье.

Жара только начиналась, когда он миновал грязный пруд и зашагал к дальней границе владений Рейнхарта. Он пересек ее и двинулся к густому лесу, разделяющему земли Рейнхарта и богатого лорда Габриэльсона.

Он вошел в восхитительную прохладу леса. Деревья с толстыми стволами и красными листьями сплетали свои ветви, образуя труднопроходимую чашу. Земля была темна, плодородна и обильно покрыта растительностью. Над головой щебетали разноцветные птицы и время от времени перелетали с ветки на ветку смешные существа с крыльями летучих мышей.

Он знал, зачем он прилетел на Мондарран-IV: научиться умеренности. Научиться держать в руках свою силу. Это-то было ясно. Но как здесь выжить?

Местная религия воспитывала ревностных ортодоксов, и, похоже, существующий моральный кодекс не оставлял ни малейшей лазейки для не свойственных обычному человеку способностей. Пси была в глазах здешних жителей колдовством — обычное убеждение миров, не знающих пси. У местных фермеров был плохой контакт с более развитыми планетами, с которых они прилетели десять-двадцать веков назад и каким-то образом достигли точки культурного равновесия, в котором пси не было места.

Это означало, что Дейвисон вынужден был подавлять свою силу. Только... он не мог подавлять ее. Пять дней постоянного контроля над собой, и он уже наполовину свихнулся от напряжения. А что, если он окажется в положении, когда надо будет выбирать: либо применить пси, либо быть убитым? Предположим, вон то дерево будет падать прямо на него; он отклонит его, но будет ли в этом прок, если кто-то будет стоять рядом и глядеть на него... кто-то, кто завопит:

— Колдун!

Однако люди прибывали на Мондарран-IV и возвращались обратно. Они выживали. Значит, они находили какой-то выход. Дейвисон углублялся все дальше в лес, стараясь привести мысли в порядок.

Он взглянул перед собой. Извилистая речка тихо текла меж деревьями. Ему показалось, что над кустарником поднимается облачко дыма. Чей-то костер?

Он осторожно, на цыпочках, стал красться в направлении дыма, шипя всякий раз, когда под ногами хрустел сучок. Спустя несколько напряженных минут он миновал поворот тропинки и увидел, откуда шел дым.

У самой кромки воды со сковородкой в руках сидел на корточках Дурачок Джо — попрошайка, повстречавшийся ему по дороге из космопорта. Он был одет во все те же кожаные лохмотья и, похоже, поджаривал на слабом огне пару рыбин.

Облегченно вздохнув, Дейвисон подобрался поближе. И тут он остановился с открытым ртом.

Дурачок Джо поджаривал рыбу. Но под сковородкой не было огня... кроме того, что срывался с кончиков его пальцев.

Дурачок Джо был пирогиком.

Дейвисон сделал нерешительный шаг, чувствуя, как по его телу пробежал озноб. Дурачок Джо, грязный, слабоумный попрошайка, сидел на корточках в лесной чащобе и жарил рыбу на завтрак. Чуть дальше виднелась грубо сплетенная хижина, которая, по-видимому, служила домом Дурачку Джо.

В одно мгновение в голове Дейвисона возник ответ. Все стало на свои места.

Прожить в мондарранском обществе пять полных лет, обладая пси, было невозможно. Слишком тяжело сдерживать силу от невольного проявления, а испытываемое при этом напряжение оказывалось непосильным для большинства людей.

Но можно жить рядом с обществом — например, как этот бродяга, жаривший рыбу в лесу,— и никто не заметит, никого не окажется рядом, чтобы увидеть проявление ваших способностей. Никто не заподозрит завшивевшего бродягу в колдовстве. Конечно же нет!

Дейвисон шагнул вперед и собрался было окликнуть Дурачка Джо. Но тот сам поднял голову при звуке шагов. Он увидел Дейвисона, стоящего в каких-нибудь двадцати футах от него, злобно сверкнул глазами, и сковорода полетела в сторону. Рука его метнулась к бедру. Он выхватил из кармана охотничий нож с блестящим, словно зеркало, лезвием и без малейшего колебания метнул его в Дейвисона.

В то самое мгновение, когда нож вырвался из руки Дурачка Джо, мозг Дейвисона пронзила мысль. Дурачок Джо должен быть землянином, как и он сам, посланным на пять лет на Мондарран. А значит, нет необходимости скрывать от него пси, нет необходимости позволять лезвию...

Дейвисон отклонил нож в сторону и заставил его по рукоятку воткнуться в землю у его ног. Он пагнулся, поднял нож и взглянул на Дурачка Джо.

— Ты... отклонил его,— пробормотал тот, не веря своим собственным глазам.— Ты не шпион!

Дейвисон улыбнулся:

— Нет, я телекинетик. А ты пиротик?

Слабая улыбка появилась на заросшем щетиной лице Дурачка Джо. Он бросился к Дейвисону и сжал его руку.

— Ты землянин, настоящий землянин,— восторженно проговорил, почти прошептал он.

Дейвисон кивнул.

— Ты тоже?

— Да,— ответил Дурачок Джо.— Я прожил здесь три года, и ты первый, с кем я рискнул заговорить. Всех, кого я видел до тебя, сожгли.

— Всех? — переспросил Дейвисон.

— Я не это имел в виду,— сказал Дурачок Джо.— Совсем всех сжечь трудно. Лига теряет не так уж много людей, как ты думаешь. Но тех, которых я знал, поджарили. Я не рисковал даже приближаться к тем, в ком не был уверен. Ты первый... и ты первый меня засек. Я не должен был быть таким беззаботным, но никто до сих пор не забирался сюда, кроме меня.

— Или еще одного свихнувшегося землянина,— добавил Дейвисон.

Он не рискнул долго разговаривать с Дурачком Джо, чье земное имя, как он узнал, было Джозеф Фланаган.

Во время их торопливого разговора Фланаган обрисовал ему положение вещей. Все было логично. Оказалось, что в большинстве своем земляне, посланные на такие планеты, принимали облик бродяг и плелись по дорогам, куда глаза глядят, никогда подолгу не оставаясь на одном месте, никогда не утруждая свои руки работой, кроме той, к которой они были приспособлены.

Они могли часто исчезать в лесах и тайно высвобождать свою силу, сбрасывая напряжение воздержания. Ничего страшного. Никто за ними не подглядывал, никому и в голову не приходило заподозрить в них колдунов. Это был превосходный камуфляж.

— Лучше все время двигаться,— говорил Фланаган.— Даже этот способ небезопасен. А я хочу дожить оставшиеся два года. Господи, как это хорошо: регулярно принимать ванну!

Дейвисон усмехнулся:

— Да уж, могу тебя понять.

— Это простейший путь,— сказал Фланаган, – ты не можешь постоянно биться головой о стену. Я попробовал жить в деревне, как ты. Я чуть не свихнулся за месяц, а то и меньше. Нельзя опуститься до их уровня и надеяться выжить; надо держаться выше их уровня, там, где они не ожидают найти колдунов. Только тогда тебя оставят в покое.

Дейвисон, соглашаясь, кивнул.

— В этом есть смысл.

— Мне надо идти,— сказал Фланаган. Он расслабил мускулы, входя в образ сгорбленного Дурачка Джо, и, не сказав ни слова на прощание, углубился в лес. Дейвисон постоял немного, провожая его взглядом, а потом повернулся и зашагал по тому же пути, по которому пришел.

Но теперь, как он считал, у него был ответ.

К тому времени, как он вышел из леса и почувствовал зной полуденного солнца, его уверенность поколебалась. Кечни однажды сказал ему: «Только не убегай». Он не объяснил... но теперь Дейвисон знал, что он имел в виду.

Дурачок Джо Фланаган собирался прожить пять лет, прилагая минимум усилий, и, вернувшись на Землю, получить диплом и стать членом лиги. Но достигнет ли он этим цели обучения? Только формально, сказал себе Дейвисон. Невозможно всю жизнь скрываться под личиной попрошайки, когда-нибудь ему придется действовать в качестве члена общества, и тогда пять лет бродяжничества сослужат Фланагану плохую службу.

Должен быть какой-то другой выход, пронизала Дейвисона неожиданная мысль. Какой-то способ прожить пять лет, не пряча голову, подобно страусу. Какой-то способ, позволяющий возвращаться или даже жить в обществе, не знающем пси, и тем не менее держать свою силу под контролем...

Он шагал по горячей почве. Вдалеке уже можно было различить Рейнхартов, кончающих борозду. Был полдень, так что больше работать они не будут. Когда он поглядел снова, он увидел коренастого Дирка Рейнхарта, закончившего свою борозду и высыпающего стручки в поджидающий грузовик. И раньше, чем он подошел на расстояние, с которого можно было бы услышать

его крик, остальные тоже закончили свою работу и окружили главу семейства, расслабляясь после тяжелого труда.

— Глядите-ка, кто пришел! — воскликнула Джейн, когда Дейвисон подошел поближе.— Ну, как отдохнулось?

— Меня одолевали тяжелые мысли, Джейн,— тихо ответил Дейвисон.— Я наверстаю свое время в воскресенье, когда вы будете отдыхать. Так что будем в расчете.

Старый Рейнхарт, улыбаясь, подошел к нему.

— Прогнал свои мысли, юноша? Надеюсь, что так, потому что после полудня нам предстоит тяжелая работа.

— Я буду с вами,— ответил Дейвисон. Он плотно сжал губы, стараясь не слушать того, что говорят остальные, и сосредоточился на поиске правильного выхода.

— Эй, поглядите на меня! — донесся сзади детский голос.

— Ну-ка, брось сейчас же! — сурово приказал Дирк Рейнхарт.— Слезай, пока не сломал себе шею!

Дейвисон обернулся и увидел Малыша Рейнхарта, стоящего на кабине грузовика. В руках у него было несколько стручков, которые он энергично подбрасывал вверх.

— Глядите на меня! — завопил он, гордый своим умением.— Я жонглирую!

В следующее мгновение он не сумел справиться со стручками. Они посыпались на землю и покатились в разные стороны. Мгновение спустя он уже вопил от боли: отцовская ладонь весьма энергично наказала его за непослушание.

Дейвисон хмыкнул. Потом расхохотался громче, осознав, что же случилось.

Он наконец нашел ответ.

Дейвисон объявил о своем решении в конце недели, после того как была сделана особенно трудная работа на поле. Он почувствовал себя немного виноватым за то, что покидал ферму как раз перед посевной, да и Рейнхарты нравились ему все больше и больше. Но нужно было уходить.

Он сказал Дирку Рейнхарту, что покинет его, когда кончится та неделя, и, хотя фермера вряд ли обрадовала эта новость, он не протестовал. Когда неделя прошла, Дейвисон ушел пешком, сложив свои пожитки в чемоданчик.

Он должен был уйти далеко... Достаточно далеко от этой деревушки, чтобы никто не мог найти его след. Он нанял сына одного из соседних фермеров, чтобы тот отвез его в соседнюю деревню, расплатившись с ним одной из оставшихся монет. В кармане его брюк лежала тощая пачка мятых бумажек — плата за работу на Рейнхарта за вычетом платы за комнату и стол. Он не собирался трогать эти деньги.

Парнишка вез его по плоской и монотонной мондарранской равнине, пока они не подъехали к окраине селения чуть большего, чем первое, а в остальном полностью идентичного.

— Спасибо,— просто сказал Дейвисон, спрыгнул на землю и зашагал к деревне. Он вошел в нее — здесь тоже был кол для колдунов — и принялся за поиски жилья. Ему нужно было как следует подготовиться.

Полгода спустя в округе стали появляться афиши. Надпись на них была аляповатой, оттиснутой в три цвета, яркой и режущей глаза. Она гласила:

ПРЕСТИДИЖИТАТОР ПРИЕХАЛ!

Это вызвало суматоху. Когда Дейвисон въехал на разолоченной изукрашенной повозке в первую на своем пути деревушку — кучку разбросанных там и сям домиков на границе владений лорда Габриэльсона, вокруг собралась толпа, сопровождающая его выкриками и свистом. Не каждый день заглядывает в такую деревушку странствующий маг.

Он торжественно проследовал на площадь, развернул повозку и остановил ее прямо напротив стального кола. Он поставил повозку на ручной тормоз, опустил небольшую платформу, на которой собирался выступать, и вышел, одетый в красно-золотой костюм с ниспадающим плащом, к публике. Он заметил пробежавшую по толпе слабую рябь неприязни.

Мужиковатый верзила впереди выкрикнул:

— Эй, ты действительно этот самый престиг... престир... как тебя там?

— Я Мариус Престидижитатор.— произнес Дейвисон загробным голосом. Ему самому это понравилось.

— Что вы делаете, мистер Мариус? — заорал этот деревенский мужик.

Дейвисон усмехнулся. Это лучше, чем нанимать кого-то за деньги или прятать в толпу компаньонов.

— Молодой человек, я владею искусством, которое потрясает воображение, изумляет разум и опрокидывает привычные представления! — Он воздел руки в стремительном и величественном жесте.— Я вызываю духов из глубочайших глубин! — объявил он громоподобным голосом.— Я владею тайнами жизни и смерти!

— Ну, вы это все так говорите,— протянул со скукой голос кого-то, стоящего сзади.— Мы хотим посмотреть, прежде чем платить.

— Очень хорошо, мистер маловер! — встретил его слова Дейвисон.

Он сунул руку за спину, вытащил пару восковых свечей, чиркнул спичкой и зажег их.

— Смотрите внимательно, как я буду жонглировать этими свечами, не причиняя пламени ни малейшего вреда.

Он подбросил свечи в воздух и телекинетически заставил их вращаться так, чтобы каждый раз, когда они падали, в руках у него оказывался нижний конец. С минуту он жонглировал двумя свечами, потом потянулся назад, достал третью и присоединил ее к первым двум. Толпа затихла, глядя, как Дейвисон прыгает по сцене, притворяясь, что номер дается ему с трудом. Наконец, когда воск обгорел настолько, что жонглировать стало трудно, он заставил огарки опуститься и схватил их. Потом поднял руки над головой, показывая горящее пламя. Толпа отозвалась звяканьем монет.

— Спасибо, спасибо,— поблагодарил он. Потом вынес ящик, полный разноцветных шаров и без слов начал жонглировать ими. Через несколько секунд в воздухе мелькало уже пять шаров (на самом деле поддерживаемых телекинезом, тогда как он выразительно, но без толку махал руками). Потом он подбросил вверх шестой, затем седьмой.

Он жонглировал и довольно улыбался. Вполне возможно, что эти люди и раньше встречали телекинетиков и сжигали их как колдунов. Но то были настоящие телекинетики. Он же был лишь ловким артистом, человеком с необычайной координацией движений, странствующим шарлатаном... обманщиком. Все знают,

что маги — обманщики, и то, что он так здорово жонглирует шарами,— ловкость рук и не более.

Когда звон монет поутих, он схватил шары и побросал их обратно в ящик. Он начал новый трюк — трюк, подготовка к которому сопровождалась барабанным боем. Поставив на торцы толстых досок стулья и взгромоздив на них прочую мебель из повозки, стараясь сделать сооружение как можно более ненадежным, он соорудил шаткую пирамиду, футов двенадцати высотой. Он быстро обошел ее, придерживая руками, на самом же деле держа ее под строгим телекинетическим контролем.

Наконец он был удовлетворен балансировкой. Он начал медленно взбираться наверх. Когда он дотянулся до верхнего стула, чудом балансирующего на одной ножке, то пригнулся, подпрыгнул и, телекинетически взмыв в воздух, ухватился за спинку стула и некоторое время балансировал на одной руке. Потом он оттолкнулся и мягко спрыгнул на землю. Ответом был звон монет.

«Вот это выход»,— подумал Дейвисон, слушая одобрительный рев толпы.

Они никогда не заподозрят, что он прибегает к настоящей магии. Он может сдерживать пси в повседневной жизни, а эти выступления будут как бы необходимой ему отдушиной. Когда он вернется на Землю, он будет более приспособлен к жизни, нежели те, кто пошел по пути Дурачка Джо. Дейвисон остался в обществе. Он не сбежал.

Стоящий в первом ряду мальчишка шагнул вперед.

— А я знаю, как ты это делаешь,— завопил он ехидно.— Это просто фокус. Они у тебя все...

— Только не выдавай меня, сынок.— прервал его Дейвисон сценическим шепотом.— Давай сохраним это в тайне... между нами, артистами? Идет?

Старик

Корабль приземлился на самом краю посадочного поля; Старик спустился по трапу и замер, озираясь. Приятно было снова увидеть Землю. Четверть своей жизни это удавалось ему только урывками, между полетами.

Он стоял, держась за прохладный металлический поручень, и смотрел на поле. С Каллисто он взлетал ночью, и космодром на спутнике был ярко освещен блестящими точками натриевых прожекторов, мерцающими созвездиями сигнальных огней. Без яркого света было никак: чтобы посадить корабль, пилоту требовались чертовски хорошие рефлексы, все решалось за доли секунды. Старик опустил взгляд на свои руки, которые ни разу еще его не подвели, и гордо улыбнулся.

Потом он подобрал вещмешок и зашагал через поле.

Не успел он и несколько шагов пройти, как из-за тележки техобслуги выступил кто-то в сером и широко улыбнулся ему.

— Привет, Картер!

— Привет,— добродушно отозвался Старик: он явно не узнавал того, кто его поприветствовал.

— Я Селвин. Джим Селвин. Вспомнил?

На лице Старика, покрытом космическим загаром и морщинами — свидетельство постоянного нервного напряжения,— вспыхнула улыбка.

— Конечно, помню, лейтенант.

— Больше не лейтенант,— покачал головой Селвин.— Меня списали, подчистую.

— А-а...— произнес Старик.

(c) Перевод А. Гузмана

Селвина он помнил еще с кадетских времен — лейтенант Джеймс Селвин был тогда одним из самых известных людей в Космическом Патруле; как-то он посетил Академию и беседовал с новобранцами, в числе которых был Старик. Старик слегка покраснел, вспомнив, какими глазами восторженного идолопоклонника смотрел тогда на Селвина.

И вот Селвин снова перед ним. Списан. Бывший...

— А чем вы сейчас занимаетесь? — спросил Старик.

— Теперь я механик. Занимаюсь всяким техобслуживанием — к ракетам все равно тянет, хоть ты тресни. А списали меня после очередного полета к Плутону. Похоже, я немного замешкался с разворотом, или что-то в таком роде. Хорошо еще, это успели засечь, пока я аварию не устроил.

— Да,— сказал Старик.— Хорошо. Управляться с такой махиной — это ж какие нужны зрение и реакция! Как только рефлексы начнут сдавать — все, на выход.— Вдруг он вопрошающе покосился на Селвина.— Кстати, Селвин, а скажи мне одну вещь.

— Какую?

— Не было обидно, что тебя так вот взяли и выперли — в смысле, списали? Ну, не больно смотреть, как корабли взлетают, а ты остаешься?

— Ни черта подобного! — каплянув, отозвался Селвин.— Сначала я отбрыкивался, как только мог, но потом все прошло. Конечно, чего-то не хватает; но я понимаю, что было уже пора. Ты же помнишь Леса Хаддлстона?

Старик, помрачнев, кивнул. Хаддлстон был одним из немногих, кому удалось врачей одурачить. Всех пилотов его возраста давно списали, а он продолжал летать — до того самого злополучного старта с Марса. Замешкался он всего-то на одну пятую секунды, но это обошлось в сто человеческих жизней и 50 миллионов долларов. После этого контроль ужесточили.

— А как полет прошел? — спросил Селвин.

— Нормально,— кивнул Старик.— Я летел с Каллисто. Там все замерзшее, сплошной голубой лед. Ничего особенного.

— Да,— кивнул Селвин. Глаза его почему-то затуманились.— Ничего особенного. Просто голубой лед.

— И все. Но полет прошел нормально. Следующий рейс, похоже, на Нептун. Неплохо.

— Да, Нептун — интересное место,— произнес Селвин и облокотился на ручку тележки.— Мне, правда, больше всего нравилась Венера. Там...

Внезапно с треском ожили громкоговорители.

— Лейтенанту Картеру срочно явиться в Административный корпус, – разнеслось над полем.— Лейтенанту Картеру срочно явиться в Административный корпус.

— Это меня,— сказал Старик.— Пожалуй, пора. Наверно, дадут новое назначение плюс чек за прошлый рейс. На кругленькую сумму, кстати.

— Счастливо, Картер,— улыбнулся Селвин и похлопал Старика по плечу.— Задай им там.

— А то как же! — отозвался Старик, подобрал вещмешок и направился через поле к огромному белому блестящему куполу Административного корпуса.

По пути ему встретились несколько пилотов — совсем еще зеленых юнцов, только из Академии, без той ауры посвященности, что излучают пилоты-ветераны. Они куда-то бежали, от избытка энергии вприпрыжку, словно на пружинах; может, торопились в один из первых рейсов — или даже в самый первый.

— Привет, Старик! — крикнули они, проносясь мимо.— Как дела, лейтенант?

— Не могу пожаловаться,— ответил Старик и пошагал дальше.

Он опять думал о Селвине. Значит, вот это как, когда тебе дают пинка под зад? Слоняешься, значит, по космодрому, толкаешь тележку, возишься с топливопроводом и благодарен еще за то, что тебе дают понюхать, как ракеты пахнут, почувствовать, как содрогается под ногами земля в момент старта. Ты смотришь на пилотов, у которых до сих пор нормальные зрение и реакция, и завидуешь им черной завистью.

Старик грустно покачал головой. Ну и паршивая ж это подчас работенка — космические корабли водить! Одни тесты, например, чего стоят: предвзлетный, послепосадочный... Последний раз он проверялся на Каллисто, и скоро снова предстоит — перед тем, как на Нептун лететь. Да уж, учет и контроль — на высоте.

— Приветствую, лейтенант Картер. Как полет?

Это был Хэлворсен, главврач базы.

— Все нормально, док. Жаловаться не на что.

— Очередной осмотр скоро, лейтенант?

— Наверно, скоро,— отозвался Старик.— Говорят, следующий мой рейс — к Нептуну.— Он широко улыбнулся и отправился дальше.

Через несколько минут он уже был у входа в Административный корпус; пластиковая дверь при его приближении распахнулась. Навстречу Старику поднялся крайне делового вида секретарь в отутюженном мундире и сверкнул рядом ослепительно белых зубов.

— Добрый вечер, лейтенант Картер. Командующий базой ждет вас.

— Сообщите, что я уже здесь,— произнес Старик, подошел к автомату газированной воды (ничего более крепкого он себе не позволял, чтобы рефлексы не подсаживать), спокойно выпил стакан и направился к деревянной двери с табличкой «Д. Л. Джекобс. Командующий базой».

Старик на мгновение остановился, отряхнул летную куртку, разгладил галстук, расправил плечи, потом постучал.

— Кто там?

— Лейтенант Картер, сэр.

— Входите, лейтенант.

Старик отворил дверь и вошел. Командор Джекобс застыл у стола, в позе его читалась въевшаяся в плоть и кровь военная выправка. Рука Старика резко вздернулась в приветствии. Командор отсалютовал в ответ.

— Садитесь, лейтенант.

— Спасибо, сэр.

Старик выдвинул стул, сел и выжидательно уставился на Джекобса. В прошлом, знал Старик, Джекобс и сам был космонавтом.

«Интересно,— подумал он,— как так получилось, что Селвин тележку толкает, а Джекобс базой командует?»

Впрочем, по сравнению с работой пилота ни то ни другое гроша ломаного не стоит.

Командор Джекобс порылся в ящике стола и извлек оттуда длинный коричневый конверт. Старик широко улыбнулся: в конверте должен был быть чек за полет с Каллисто.

— Как прошел полет, лейтенант?

— Хорошо, сэр. Я заполню бортовой журнал чуть позже. Но все прошло нормально.

— Все и должно было быть хорошо, лейтенант; чуть хуже — это уже катастрофа. Вы, конечно, в курсе.

— Конечно, сэр.

Командор нахмурился и вручил Старику коричневый конверт.

— Оплата за выполненный рейс.

Старик взял конверт и сунул в нагрудный карман. Обычно после этого выдавалось назначение на следующий полет — в толстом зеленом конверте.

Но командор Джекобс покачал головой.

— Пожалуйста, лейтенант, вскройте конверт. Я хочу, чтобы вы взглянули на чек сейчас.

— Но электронный кассир не ошибался еще ни разу,— недоуменно поморщился Старик.— Готов поспорить...

— Вскройте конверт, лейтенант.

— Есть, сэр.

Кончиком пальца Старик распечатал конверт и вытряхнул на стол содержимое. Придвинув к себе голубой чек, он взглянул на сумму и присвистнул.

Потом прочел прилагающуюся распечатку.

«Картер Рэймонд Ф., лейтенант.
Рейс Земля — Каллисто — Земля, расц. станд.— 7431,62 $.
Выходное пособие — 10 000,00 $.
Итого — 17 431,62 $».

— Выходное пособие?!! — Ошарашенный, Старик поднял глаза. Голос его упал до хриплого шепота.— Но это значит, что я... я...

— Боюсь, что так,— кивнул командор Джекобс.— Тест, который ты проходил на Каллисто...

— Но я же прошел его!

— Но он показал, что ты завалишь следующий. Я просто стараюсь обойтись без неприятной, но неизбежной сцены.

— Так вы что, вышвыриваете меня? — спросил Старик. Когда-нибудь этого следовало ожидать, но он оказался не готов. Ему показалось, весь мир вокруг начинает неудержимо вращаться.

— Увольняем в отставку,— поправил его Джекобс.

— Но у меня же есть еще время! Дайте слетать еще хоть разок, к Нептуну!

— Это будет уже рискованно,— отрезал командор.— Послушай, Картер, не мне тебе объяснять, что пилот обязан быть только в превосходной форме, и никак иначе. Ты больше не в превосходной форме. Все мы через это проходим.

— Но я еще молодой.

— Молодой? — усмехнулся Джекобс.— Молодой? Чушь, Картер. Ты ветеран. У тебя даже прозвище Старик, не так разве? Взгляни только на эти морщинки около глаз! Да ты просто живая окаменелость, тебе в музее место! Боюсь, мы должны-таки тебя списать. Но место на базе для тебя всегда найдется.

Старик сглотнул подступивший к горлу ком, стараясь сдержать слезы. Внезапно ему вспомнился Джим Селвин, и он осознал, что ничем не отличается от остальных. Старикам не место в космосе. Пилотом может быть только молодой, и реакция у него должна быть молниеносной.

— Хорошо, сэр,— хрипло выдавил он.— Сдаюсь. Я зайду дня через два... поговорить насчет работы на базе. Мне надо немного прийти в себя.

— Мудрое решение, лейтенант. Я рад, что вы понимаете.

— Конечно.— сказал Старик.— Конечно, понимаю.

Он подобрал чек, сунул в карман, вяло отсалютовал и двинулся к выходу. Выйдя на поле, он обвел взглядом ряд сияющих кораблей, готовых рвануться к звездам.

«Это не для меня,— подумал он.— Никогда больше».

Но, мысленно признал он, Джекобс был прав. Как бы сам он этого ни отрицал, несколько последних полетов вымотали его основательно.

Скрывать это больше смысла не было. Он махнул рукой Джиму Селвину и направился к тому поделиться новостью.

Плохо, конечно, но что поделаешь. Для пилота он уже стар; на его месте ожидать чего-то другого и не приходится. Когда-нибудь это непременно должно было случиться. Да, он действительно настоящая живая окаменелость.

Подумать только, ему уже почти двадцать!

Дорога в один конец

За надежными стенами штаб-квартиры «Земля-Импорт» на Коллидоре коммандер Леон Уоршоу нервно перебирал отчеты психиатра, лежащие на его зеркально гладком столе. Коммандер Уоршоу размышлял о космонавте Мэтте Фолке и о себе. Такое поведение коммандера было весьма предсказуемо.

Час назад лейтенант Крисч рассказал ему о том, что случилось с Фолком. Уоршоу, как и следовало ожидать, тут же посовещался с Куллинаном, угрюмым психиатром «Магиара», послал за молодым человеком и теперь дожидался его.

Дневальный позвонил и доложил:

— Космонавт Фолк прибыл, сэр.

— Пусть подождет несколько минут,— чуть-чуть слишком поспешно ответил Уоршоу.— Я позвоню, когда буду готов принять его.

Он тянул время. Удивляясь, с какой стати он, офицер, испытывает такую напряженность перед разговором с обычным солдатом, Уоршоу зашуршал стопкой бумаг из досье Мэтта Фолка. «Осиротел в 2543 году... Академия... два года на коммерческой службе... военный контракт... ранение по пути на Коллидор...»

К сему прилагались всеобъемлющие медицинские данные о ранении Фолка и «добро» доктора Ситстрома. А также дисциплинарная карта, полностью положительная, и общая психологическая характеристика в том же духе.

Уоршоу нажал кнопку звонка.

— Позовите Фолка.

© Перевод Б. Жужунавы.

Сработал фотоэлемент двери, и она открылась. Вошел Мэтт Фолк и с каменным выражением лица замер перед командиром. Уоршоу пристально смотрел на него, внимательно изучая лицо молодого человека, словно видел его в первый раз. Фолку только что исполнилось двадцать пять: очень высокий, с очень светлыми волосами, широкими мускулистыми плечами и проницательными голубыми глазами. Шрам вдоль левой половины лица был почти неразличим, однако даже химиотерапевтическая инкубация не смогла восстановить симметрию челюсти. Лицо Фолка выглядело странно кривобоким, неповрежденная правая его сторона выглядела вполне нормально, а вот другая по-прежнему несла на себе следы ужасного несчастного случая на борту корабля.

— Вы хотели меня видеть, коммандер?

— Мы покидаем Коллидор завтра, Мэтт,— сказал Уоршоу.— Лейтенант Крисч доложил мне, что ты не вернулся на корабль, чтобы подготовить снаряжение. Почему?

Пострадавшая и подправленная челюсть слегка задрожала.

— Вы же знаете, сэр. Я не собираюсь возвращаться на Землю, сэр. Остаюсь здесь... с Зетоной.

Воцарилась мертвая тишина. Потом, с заранее просчитанной грубостью, Уоршоу спросил:

— Ты всерьез, что ли, запал на эту плоскомордую?

— Может, и так,— пробормотал Фолк.— На эту плоскомордую. На эту чучмечку. И что с того?

В его негромком голосе звучали горечь и вызов.

Уоршоу напрягся. Он хотел действовать деликатно, чтобы не причинять молодому Фолку еще большего вреда. Бросить психически неуравновешенного члена экипажа в чужом мире — это немыслимо. Однако если насильно оторвать Фолка от Коллидора, шрамы останутся не только в душе молодого человека, но и в сердце капитана.

Уоршоу пробил пот.

— Ты же землянин, Мэтт. Неужели тебе...

— Не хочется домой? Нет.

На губах коммандера мелькнула слабая улыбка.

— А ты упорно стоишь на своем, сынок.

— Да,— сухо ответил Фолк.— Вы же знаете, почему я хочу остаться здесь. И я останусь здесь. Теперь можно мне идти, сэр?

Уоршоу побарабанил пальцами по столу и после мгновенного колебания кивнул.

— Вы свободны, мистер Фолк.

Не было смысла продолжать разговор, исход которого, как он понимал, заранее предрешен.

После ухода Фолка он выждал несколько минут и включил коммуникатор.

— Пожалуйста, пришлите ко мне майора Куллинана.

Психиатр с глазами-бусинками появился почти мгновенно.

— Ну?

— Парень остается,— сказал Уоршоу.— Полностью поглощен ею. Давай... разрушь это.

Куллинан пожал плечами.

— Может, лучше оставить его здесь, и дело с концом? Ты встречался с девушкой?

— Коллидорианка. Чужеземка. Страшная, как смертный грех. Я видел ее фотографию. Она висела у Фолка над койкой, пока он не перебрался к ней. И мы не можем оставить его здесь, майор.

Куллинан вопросительно вскинул кустистую бровь.

— Можно, конечно, попытаться вразумить его, если ты настаиваешь... но ничего не получится. Только искалечим парня.

Уоршоу стал насвистывать, стараясь не смотреть психиатру в глаза.

— Настаиваю,— заявил он в конце концов.— У нас нет выбора.— Он включил коммуникатор.— Лейтенанта Крисча, пожалуйста.— Последовала короткая пауза.— Крисч, это Уоршоу. Скажите людям, что вылет откладывается на четыре дня. Пусть Молхауз пересчитает орбиту. Да, четыре дня. Четыре.

— Это круто, Леон.

— Знаю. Однако я не собираюсь бросать тут Фолка.— Уоршоу поднялся, с тревогой глядя на Куллинана.— Не хочешь присоединиться ко мне? Я отправляюсь в Коллидор-Сити.

— Зачем?

— Хочу поговорить с девушкой.

Позже, в безумном переплетении бесцельно извивающихся улочек чужеземного города, Уоршоу пожалел, что не приказал Куллинану пойти с ним. Прокладывая путь в толпе безмятежных,

безобразных, широколицых коллидорианцев, он очень сожалел, что оказался тут один.

Уоршоу не знал, что будет делать, когда доберется до квартиры, где живут Фолк и коллидорианская девушка. Он не привык самостоятельно улаживать личностные проблемы такого сорта. Он не придумал, что сказать девушке. Может, удастся образумить Фолка?

«Коммандер должен относиться к члену экипажа как отец к собственному ребенку»,— сказано в инструкции.

Уоршоу застенчиво улыбнулся. Сейчас он отцом себя не чувствовал — скорее, каким-нибудь занудным родственником.

Он продолжал идти. Коллидор-Сити раскинулся перед ним, развертываясь сразу во всех направлениях; складывалось впечатление, что его закладывали почти наобум. Однако Уоршоу хорошо знал город. Это был его третий прилет к Коллидору; три раза он привозил груз с земли, три раза ждал, пока коллидорианцы загрузят экспортируемые товары.

Над головой ярко сияло бело-голубое солнце. В этой звездной системе Коллидор был тринадцатой планетой, кружащей на орбите на расстоянии около четырех миллиардов миль от своего светила.

Уоршоу засопел, и это напомнило ему, что скоро нужно сделать противоаллергическую инъекцию. Эти инъекции защищали его, как и весь экипаж, от большинства чужеземных болезней.

«Но как защитить человека в положении Фолка?»

На этот вопрос коммандер пока не мог ответить. Как правило, не возникало необходимости делать космонавтам прививку от влюбленности в чужеземных женщин, особенно если эти женщины смахивали на коров, но...

— Добрый день, коммандер Уоршоу,— внезапно произнес бесстрастный голос.

Уоршоу оглянулся удивленно и раздраженно. Человек у него за спиной был высок и строен, его скулы сильно выступали, что выглядело несколько гротескно на фоне молочно-белой кожи, похожей на пергамент. Уоршоу узнал и этот генетический тип, и самого человека. Домник Кросс, торговец с бывшей земной колонии на Ригеле-IX.

— Привет, Кросс,— угрюмо поздоровался Уоршоу и остановился, дожидаясь, пока тот нагонит его.

— Что привело вас в город, коммандер? Мне казалось, вы собираетесь в обратный путь.

— Мы... задерживаемся на четыре дня.

— Да? Какие-то новые товары? Не то чтобы меня это интересовало...

— Бросьте, Кросс.— Уоршоу чувствовал нетерпение.— В этом сезоне наши торговые дела завершены. Все карты вам в руки. А теперь оставьте меня в покое, ладно?

Он пошел быстрее, но Кросс, холодно улыбаясь, не отставал.

— Похоже, вы чем-то расстроены, коммандер.

Уоршоу бросил на ригелианина нетерпеливый взгляд, раздраженный тем, что никак не может отвязаться от него.

— У меня дело особой важности, Кросс. Вам непременно нужно и дальше сопровождать меня?

На тонких губах ригелианина заиграла хитрая улыбка.

— Вовсе нет, коммандер Уоршоу. Я просто подумал, что вежливость обязывает меня пройти с вами часть пути и обменяться новостями. В конце концов, раз вы через четыре дня улетаете, мы больше не конкуренты, и...

— Это точно.

— Ваше дело имеет отношение к одному из членов вашего экипажа, живущему с туземкой? — внезапно спросил Кросс.

Уоршоу резко развернулся и сердито уставился на него.

— Не имеет никакого отношения. Слышите? Никакого!

Ригелианин усмехнулся, и Уоршоу опять отметил про себя, что в беспощадном соперничестве Земли и Ригеля Кросс застрял на промежуточной стадии. Появление таких вот Домников Кроссов стало результатом генетического сдвига. Одна крошечная частица хромосомы на колонизированной планете чуть-чуть изменилась, на протяжении более десяти поколений происходило межродственное скрещивание — и вот, пожалуйста, появился новый биологический подвид. Чужеземный подвид, не испытывающий особой любви к прародителям.

Они добрались до сложной развилки улицы, и коммандер инстинктивно свернул влево. По счастью, Кросс за ним не последовал.

— Увидимся в будущем году! — бросил он.

Уоршоу пробормотал что-то уклончивое и пошел дальше по грязной улице, радуясь, что отвязался от Кросса. На ходу он размышлял о том, что ригелиане — очень неприятные клиенты, всегда завидующие миру прародителей и его обитателям, всегда озабоченные тем, как бы обскакать землян по части выгодных сделок на планетах типа Коллидора.

«Из-за таких, как Кросс,— думал Уоршоу,— я и иду сейчас туда, куда иду».

Давление со стороны ригелиан заставляло землян очень заботиться о том, как выглядит образ землянина в глазах жителей Галактики. «Бремя землянина», так неофициально именовали это люди. Бросить дезертира на Коллидоре означало бы поставить под угрозу престиж Земли. Можно не сомневаться, практичные ригелиане позаботятся о том, чтобы вся вселенная узнала о случившемся.

Уоршоу чувствовал себя загнанным в угол. Когда он добрался до квартиры Фолка, по его спине обильно тек липкий пот.

— Что вам угодно?

Уоршоу стоял на пороге лицом к лицу с коллидорианкой, потрясенный открывшимся зрелищем и запахами.

«Господи! — подумал он.— Мягко говоря, далеко не красавица».

— Я... коммандер Уоршоу. С «Магиара», корабля Мэтта. Можно войти?

Рот, похожий на сфинктер, изобразил подобие любезной улыбки.

— Конечно. Я надеялась, что вы придете. Мэтт много рассказывал о вас.

Она отступила от двери, и Уоршоу вошел внутрь. Характерный для коллидориан резкий запах ударил в ноздри. Это была простенькая двухкомнатная квартира; из той комнаты, где они находились, Уоршоу видел вторую, чуть больше и еще неопрятнее, с разными кухонными приспособлениями. Груда немытых тарелок громоздилась в раковине. Уоршоу с удивлением заметил в дальней комнате неубранную постель... и еще одну в первой. Нахмурившись, он посмотрел на девушку.

Ростом она была почти с него, но гораздо толще. Смуглая кожа казалась грубой, тусклой и больше напоминала шкуру; лицо

широкое и плоское, с двумя также плоскими глазами, лишенными блеска, гротескным бугорком носа и сложно устроенным многогубым ртом. Бесформенное черное платье девушки свисало до толстых лодыжек. Насколько Уоршоу знал, это был апофеоз красоты по-коллидориански,— однако, при всем «очаровании», такая женщина вряд ли могла пробудить желание нормального землянина.

— Вы Зетона?

— Да, коммандер Уоршоу.

Голос невыразительный, отметил он.

— Можно присесть?

Он осторожно прощупывал ситуацию. Тихо сел, брезгливо подобрав под себя ноги. Девушка, похожая на корову, осталась стоять, не сводя с него пристального взгляда.

Неловкое молчание затягивалось. Потом девушка спросила:

— Вы хотите, чтобы Мэтт вернулся с вами домой?

Уоршоу покраснел и сердито поджал губы.

— Да. Наш корабль улетает через четыре дня. Я пришел за Мэттом.

— Его здесь нет.

— Знаю. Он на базе, но скоро вернется к вам.

— Вы ничего с ним не сделали? — спросила она, внезапно испугавшись.

Уоршоу покачал головой.

— С ним все в порядке.— Он помолчал, потом неожиданно спросил, вперив в нее взгляд: — Он любит вас?

— Да,— ответила она, но неуверенно.

— И вы любите его?

— О да! — горячо воскликнула Зетона.— Несомненно.

— Понимаю.— Уоршоу облизнул губы. Все оказалось не так-то просто.— Вы не расскажете, как это произошло... ну, как вы влюбились друг в друга? Любопытно, знаете ли.

Она улыбнулась... По крайней мере, он счел это улыбкой.

— Я встретила его через два дня после того, как вы, земляне, прилетели сюда. Я шла по улице и увидела его. Он сидел на тротуаре у края дороги и плакал.

— Что?

Ее плоские глаза как будто подернулись влагой.

— Да, сидел и плакал. Раньше мне никогда не приходилось видеть плачущего землянина. И мне стало ужасно жалко его. Я подошла к нему. Он выглядел как маленький потерявшийся мальчик.

Уоршоу изумленно и недоверчиво смотрел в безмятежное лицо чужеземной девушки. На протяжении десяти лет он имел дело с коллидорианцами, но ни разу не подходил к ним так близко, предоставляя личные контакты другим. Однако...

«Черт побери, она же почти человек! Почти...»

— Он плохо себя чувствовал? — внезапно охрипшим голосом спросил Уоршоу.— Почему он плакал?

— От одиночества,— невозмутимо ответила Зетона.— От страха. Он боялся меня, вас — всех. Ну, я поговорила с ним там же, на улице. Мы долго беседовали. Он пошел со мной. Я жила тогда одна. И... спустя три дня остался здесь.

— И хочет остаться навсегда?

Девушка горячо закивала.

— Мы очень привязаны друг к другу. Он одинок, и ему нужен кто-нибудь...

— Хватит! — внезапно раздался новый голос.

Уоршоу обернулся. В дверном проеме стоял Фолк, мрачный и суровый. Казалось, что его шрам воспалился, хотя Уоршоу был уверен, что это невозможно.

— Что вы здесь делаете? — спросил Фолк.

— Пришел повидаться с Зетоной,— миролюбиво ответил Уоршоу.— Не ожидал, что ты вернешься так быстро.

— Конечно, не ожидали! Я ушел, как только Куллинан начал крутиться вокруг меня. Ну, я и подумал, что вы ушли.

— Ты говоришь со старшим офицером,— напомнил Уоршоу.— Если я...

— Десять минут назад я уволился со службы! — взорвался Фолк.— Вы для меня больше не старший офицер! Уходите!

Уоршоу оцепенел и с мольбой перевел взгляд на чужеземную девушку. Та положила шестипалую руку на плечо Фолка и погладила его. Молодой человек увернулся.

— Перестань. Ну... Вы уходите? Мы с Зетоной хотим остаться наедине.

— Пожалуйста, уходите, комманцер Уоршоу,— мягко сказала девушка.— Не заставляйте его волноваться.

— Волноваться? Кто здесь, интересно, волнуется? — взорвался Фолк.— Я...

Уоршоу сохранял внешнее спокойствие, не реагируя на происходящее. Он взвешивал и анализировал.

Фолка необходимо доставить на корабль для лечения. Другого выхода нет. Эти странные отношения с коллидорианкой нужно прекратить.

Уоршоу встал и поднял руку, призывая всех к молчанию.

— Мистер Фолк, позвольте мне высказаться.

— Валяйте. Только поторопитесь, потому что через две минуты я выставлю вас вон.

— Две минуты мне не потребуются. Я объявляю вам, что вы арестованы, а следовательно, должны немедленно вернуться на базу под моей охраной. Если вы откажетесь, придется...

Предложение так и осталось незаконченным. Глаза Фолка яростно вспыхнули. Тремя быстрыми шагами он пересек маленькую комнату, навис над невысоким Уоршоу, схватил его за плечи и с силой встряхнул.

— Убирайтесь!

Уоршоу сконфуженно улыбнулся, отступил на шаг, молниеносно достал из кармана пистолет-глушитель и обрушил на Фолка мощный заряд. Тот стал заваливаться, как мешок, однако Уоршоу подхватил его и опустил в кресло.

Зетона расплакалась. Из ее глаз выкатились огромные капли янтарной жидкости и потекли по шероховатым щекам. Душераздирающее зрелище!

— Простите,— сказал Уоршоу.— Это было необходимо.

Это было необходимо.

Это было необходимо.

Это было необходимо.

Уоршоу расхаживал по каюте. Его взгляд метался с ряда блестящих заклепок на потолке к серым стенам, потом к фигуре спящего Мэтта Фолка и, наконец, к сердитому психиатру Куллинану.

— Хочешь разбудить его? — спросил Куллинан.

— Нет. Пока нет.

Продолжая шагать по каюте, Уоршоу пытался выработать план действий. Прошло еще несколько минут. Куллинан отошел от койки, где лежал Фолк, и взял Уоршоу за руку.

— Леон, расскажи, что тебя гложет.

— Не дави на меня! — выпалил Уоршоу, но потом с сожалением покачал головой.— Прости. Я не хотел тебя обидеть.

— Прошло два часа с тех пор, как ты притащил его на корабль,— сказал Куллинан.— Зачем? Что ты собираешься предпринять?

— Скажи, что мы можем сделать? Бросить его, оставить с этой чужеземной девушкой? Убить? Может, это лучший выход — сунуть его в конвертор и взлететь?

Фолк зашевелился.

— Оглуши его снова,— глухо сказал Уоршоу.— Он просыпается.

Куллинан достал свой пистолет-глушитель, и Фолк затих.

— Нельзя же усыпить его навечно.

— Да... нельзя.

Уоршоу понимал, что время уходит. Через три дня подойдет уже перенесенная дата отлета, откладывать еще раз рискованно.

Но если они бросят Фолка тут, мгновенно распространится весть о шатающемся по Коллидору безумном землянине. Или просто о землянине, сошедшем с ума...

Что же делать?

— Терапия,— сказал Куллинан.

— У нас нет время на анализы. Три дня — вот все, что мы имеем.

— Я не имею в виду всеобъемлющее исследование. Можно вкатить ему наркотик, заблокировать враждебность к нам и вернуть его назад во времени, к воспоминаниям прошлого. Вдруг удастся обнаружить там что-то такое, что нам поможет?

Уоршоу вздрогнул.

— Гипноз?

— Называй это как угодно. Давай попытаемся понять, что именно выбило его из колеи, иначе плохо придется всем нам. Тебе, мне — и девушке.

— Думаешь, получится?

— Почему бы не попытаться? Ни один землянин в здравом уме никогда не вступит в сексуальные отношения с чужеземной женщиной. Да что там! У него не возникнет даже эмоциональной привязанности. Если мы выясним, что именно подтолкнуло Фолка к этому, мы попробуем разрушить эту явно невротиче-

скую фиксацию. Тогда он по доброй воле полетит с нами. Все это, конечно, имеет смысл обсуждать, если мы решим не оставлять его тут. Я категорически против того, чтобы увозить его в таком состоянии.

— Согласен.— Уоршоу вытер пот и бросил взгляд на Фолка, по-прежнему пребывающего в бессознательном состоянии после оглушающего лучевого удара.— Стоит попробовать. Если ты считаешь, что есть шанс на успех, приступай. Отдаю его в твои руки.

На губах психиатра заиграла улыбка.

— Другого пути нет. Раскопаем, что с ним произошло, а потом объясним ему. Тогда, уверен, броня даст трещину.

— Надеюсь,— сказал Уоршоу.— Теперь все в твоих руках. Разбуди его и заставь говорить. Ты умеешь это делать.

Когда Куллинан закончил свои приготовления, в каюте повисло плотное наркотическое облако. Фолк зашевелился и начал приходить в себя. Куллинан вручил Уоршоу ультразвуковой инжектор, наполненный поблескивающей прозрачной жидкостью.

Когда веки Фолка затрепетали, Куллинан склонился к нему и заговорил негромко, успокаивающим тоном. Тревожное выражение исчезло с лица Фолка, он обмяк.

— Сделай ему инъекцию,— прошептал Куллинан.

Уоршоу неуверенно приставил инжектор к загорелому предплечью Фолка. Коротко прожужжал ультразвук, проникая в кожу. Уоршоу ввел три кубика и отдернул руку.

Фолк негромко застонал.

Стрелки часов медленно бежали по кругу. Наконец набрякшие веки Фолка затрепетали, он открыл глаза и поднял взгляд, по-видимому, не отдавая себе отчета, где находится.

— Привет, Мэтт. Мы хотим поговорить с тобой,— сказал Куллинан.— Точнее, мы хотим, чтобы ты поговорил с нами.

— Хорошо.

— Не возражаешь, если мы начнем с твоей матери? Расскажи, что ты помнишь о ней. Вернись, так сказать, в прошлое.

— О моей... матери? — Просьба поставила Фолка в тупик, и он почти минуту молчал. Потом облизнул губы и спросил: — Что вы хотите знать о ней?

— Расскажи нам все,— попросил Куллинан.

Новая пауза. Уоршоу затаил дыхание.

Наконец Фолк заговорил.

— Тепло. Приятно. Возьми меня. Ма-ма-ма... Я один. Ночь, и я плачу. Я отлежал ногу, ее покалывают мурашки. Ночной воздух кажется холодным. Мне три года, я один. Возьми меня, мама! Я слышу, как мама спускается по ступеням. Мы живем в старом доме рядом с космодромом, где со свистом взлетают большие корабли. Сейчас приятный мамин запах обволакивает меня. Мама большая, розовая, мягкая. Папа тоже розовый, но от него не пахнет теплом. То же относится и к дяде. «Ау, ау, детка!» — говорит мама и прижимает меня к себе. Это хорошо. Меня клонит в сон. Через минуту-другую я усну. Я очень люблю мамочку.

— Это твои самые ранние воспоминания о матери? — спросил Куллинан.

— Нет. Мне кажется, есть еще более ранние... Темно. Темно, и очень тепло, и сыро, и приятно. Я не двигаюсь. Я один и не знаю, где я. Как будто плаваю в океане. В большом океане. Весь мир — один огромный океан. Здесь хорошо, очень хорошо. Я не плачу. Теперь во тьме возникают голубые иголочки. Цвета... самые разные... красный, зеленый, лимонно-желтый. И я двигаюсь! Боль, толчки и — господи! — становится холодно. Я задыхаюсь! Я упираюсь, но меня тащат отсюда! Я...

— Хватит! — поспешно сказал Куллинан и объяснил: — Родовая травма. Тяжелая вещь. Нет необходимости снова проводить его через это.

Уоршоу слегка вздрогнул и потер лоб.

— Продолжать? — спросил Фолк.

— Да.

— Мне четыре, снаружи дождик кап-кап. Как будто весь мир стал серым. Мамы и папы нет, я снова один. Дядя спускается по лестнице. Я его плохо знаю, но, кажется, он все время здесь. Мамы и папы часто нет. Когда я один, это все равно что попасть под холодный ливень. Здесь часто идут дожди. Я в кровати, думаю о маме. Хочу, чтобы она пришла. Мама улетела на самолете. Когда я вырасту, то тоже полечу на самолете куда-нибудь... где

тепло и нет дождя. Внизу звонит телефон, дзинь-дзинь. Внутри головы у меня как будто экран, яркий, полный красок, и на нем я пытаюсь нарисовать мамино лицо. Но не получается. Я слышу голос дяди, низкий, бормочущий. Я решаю, что не люблю дядю, и начинаю плакать. Дядя здесь. Он говорит, что я слишком большой, чтобы плакать. Что я не должен больше плакать. Я говорю, что хочу к маме. Дядя делает недовольную гримасу, и я плачу еще громче. Ш-ш, говорит дядя. Успокойся, Мэтт. Ну вот, ну вот, малыш Мэтт. Он поправляет мне одеяло, но я молочу ногами и снова сбиваю его, потому что знаю, что это раздражает дядю. Мне нравится раздражать его, потому что он не мама и не папа. Однако на этот раз он не кажется раздраженным. Он просто поправляет одеяло и похлопывает меня по голове. Руки у него потные, и пот липнет ко мне. Хочу к маме, говорю я ему. Он долго глядит на меня сверху вниз. А потом говорит, что мама не вернется. Никогда не вернется, спрашиваю я? Да, говорит он. Никогда. Я не верю ему, но начинаю плакать, потому что не хочу, чтобы он понял, как сильно напугал меня. А где папа, спрашиваю я? Хочу папу. Папа тоже больше не вернется, говорит он. Я не верю тебе, говорю я. Я не люблю тебя, дядя. Я ненавижу тебя. Он качает головой и покашливает. Лучше научись любить меня, говорит он. У тебя теперь никого больше нет. Я не понимаю его, но мне не нравятся его слова. Ногами я скидываю с постели одеяло, и он снова накрывает меня. Я снова скидываю одеяло, и он бьет меня. Потом быстро наклоняется и целует меня, но пахнет он неправильно, и я начинаю плакать. Идет дождь. Хочу к маме, кричу я, но мама и правда больше не приходит. Никогда.

Фолк на мгновение замолкает и закрывает глаза.

— Она умерла? — подталкивает его Куллинан.

— Она умерла,— отвечает Фолк.-- Они с папой погибли в авиакатастрофе, на обратном пути из Бангкока, где проводили отпуск. Мне тогда было четыре. Вырастил меня дядя. Мы с ним не очень хорошо ладили, и, когда мне исполнилось четырнадцать, он отдал меня в Академию. Там я провел четыре года, потом еще два года изучал технику и устроился на работу в «Земля-Импорт». Два года оттрубил на Денуфаре, потом перевелся на «Магиар», корабль коммандера Уоршоу, где... где...

Он резко умолк.

Куллинан бросил взгляд на Уоршоу и сказал:

— Он разговорился, и мы можем перейти непосредственно к делу.— Потом добавил, обращаясь к Фолку: — Расскажи, как ты встретился с Зетоной.

— Я один в Коллидоре, брожу по городу. Он огромный, беспорядочный, с забавными коническими домами и запутанными улицами, но, несмотря на внешнюю разницу, очень похож на Землю. Люди везде люди. Здешние жители странные, да, но у них одна голова, две руки и две ноги, что делает их больше похожими на людей, чем многих других чужеземцев, которых я видел. Уоршоу дал нам свободный день. Не знаю, почему я ушел с корабля, но я здесь, в городе, один. Один. Один, черт побери!.. Улицы здесь замощены, а пешеходные дорожки — нет. Внезапно я чувствую сильную усталость и головокружение. Сажусь на край тротуара, обхватываю голову руками. Чуже земцы просто проходят мимо, как люди в любом большом городе. Мама, думаю я. И потом: что со мной такое? Внезапно внутри взрывается огромное пустое одиночество, оно затопляет меня целиком, и я начинаю плакать. Я очень давно не плакал. Но теперь плачу, задыхаюсь, хриплю, слезы катятся по лицу и скапливаются в уголках рта. На вкус они соленые. Как будто идет дождь. Там, где меня ранило, возникает боль — начинается около уха и, словно голубое пламя, охватывает все тело до самых бедер. Чертовски больно! А ведь доктора говорили, что боли больше не будет. Обманули, значит. Одиночество кажется мне герметическим скафандром, в котором я замкнут, отрезан от всех. Мама, снова думаю я. Что-то внутри бормочет: «Веди себя как взрослый», но все тише и тише. Я продолжаю плакать и отчаянно хочу, чтобы мама снова была со мной. До меня внезапно доходит, что я практически не знал ее, не считая первых нескольких лет жизни. Потом возникает мускусный, немного тошнотворный запах, и я понимаю, что рядом кто-то из чужеземцев. Сейчас он схватит меня за загривок и потащит прочь с общественного места, каким является улица, как слезливого пьянчужку. Достанется же мне от Уоршоу! «Ты плачешь, землянин»,— говорит ласковый голос. Коллидорианский язык вообще мягкий, текучий и прост в изучении, но эти слова звучат в особенности тепло. Я поворачиваюсь и вижу крупную

женщину. Местную. Да, плачу, говорю я и отворачиваюсь. Большие руки опускаются мне на плечи, крепко сжимают их, и я вздрагиваю. Немного странное чувство — когда тебя касается чужеземная женщина. Она садится рядом и говорит: «Ты очень грустный». Так оно и есть, говорю я. «Почему тебе грустно?» Тебе не понять, говорю я, отворачиваюсь и чувствую, как снова начинают течь слезы, и она сильнее сжимает мне плечи. От ее запаха меня чуть не выворачивает наизнанку, однако через несколько мгновений я осознаю, что он сладковатый и в каком-то смысле приятный. На ней платье, делающее ее похожей на мешок с картошкой, от него исходит резкий запах, но она притягивает мою голову к своей большой теплой груди. «Как тебя звать, грустный землянин?» Фолк, говорю я. Мэтт Фолк. «Я Зетона,— говорит она.— Я живу одна. А у тебя есть кто-нибудь?» Не знаю, говорю я. Кажется. На самом деле я не знаю. «Но как можно не знать, есть у тебя кто-нибудь или нет?» — спрашивает она. Она отодвигает мою голову от своей груди, и наши взгляды встречаются. Чистая фантастика. У нее глаза, как тусклые половинки доллара. Мы смотрим друг на друга. Она протягивает руку и вытирает мои слезы. Она улыбается. Ну, я думаю, что это улыбка. Под носом у нее штук тридцать идущих по кругу бороздок, и это рот. Все бороздки сморщены и оттянуты, открывая блестящие зубы, похожие на иглы. Я снова перевожу взгляд на ее глаза, и на этот раз они не кажутся такими уж тусклыми. Они блестящие, как ее зубы, глубокие и теплые. Теплые. И запах у нее теплый. Вся она теплая. Я снова начинаю плакать — прямо как маньяк какой-то, сам не знаю почему и что творится со мной. Ее образ расплывается, и мне кажется, что здесь сидит и баюкает меня земная женщина. Я смаргиваю слезы. Нет. Всего лишь безобразная чужеземка. Только она больше не безобразная. Она теплая и прекрасная, пусть на свой особенный лад. Если внутри меня что-то возражает, то этот голос едва слышен. Нет, пытается сказать тот голос, но потом обрывается и замолкает. Внутри раскрывается что-то странное. И я не препятствую этому. Раскрывается, словно цветок, роза или фиалка, и вместо ее запаха я чувствую запах этого цветка. Я обнимаю ее. Хочешь пойти ко мне домой, спрашивает она? Да, да, говорю я. Да!

Внезапно Фолк замолчал, глаза его остекленели и закрылись. Куллинан снова применил пистолет-глушитель, и напряженное тело парня обмякло.

— Ну? — хрипло спросил Уоршоу.— После этого рассказа я чувствую себя так, будто вывалялся в грязи.

— Вполне естественно,— ответил психиатр.— Отвратительнейшая история. И ты ведь ничего не понял?

Коммандер медленно покачал головой.

— Да. Почему он так повел себя? Влюбился в нее, ясное дело. Но почему?

Куллинан усмехнулся.

— Скоро поймешь. Но я хочу, чтобы здесь присутствовали еще двое, когда я снова возьмусь за него. Во-первых, эта девушка... а во-вторых, Сигстром.

— Доктор? За каким чертом?

— Если я не ошибаюсь, доктору будет интересно услышать продолжение.— Куллинан загадочно усмехнулся. — Пусть Фолк отдохнет, ладно? После такого долгого разговора он нуждается в этом.

— И я тоже,— заметил Уоршоу.

Когда Фолк снова вошел в наркотический транс, за ним наблюдали четверо. Уоршоу внимательно изучал лицо Зетоны в поисках той особенной теплоты, о которой говорил Фолк. И ему удалось разглядеть ее. Позади девушки сидел Сигстром, главный врач «Магиара», справа от него — Куллинан. Мэтт Фолк распростерся на койке в дальнем углу каюты, с раскрытыми, но невидящими глазами.

— Мэтт, ты меня слышишь? — спросил Куллинан.— Я хочу, чтобы ты снова вернулся в прошлое... Примерно на месяц назад. Сейчас ты на борту корабля. Вы в конвертерном отсеке, ты и Дейв Мафф. Работаете с горячим материалом. Понимаешь меня?

— Да,— ответил Фолк.— Я знаю, что вы имеете в виду.

— Я в конвертерном отсеке АА, достаю торий из хранилища и загружаю его в реакторы. Должен же корабль двигаться. Со мной Дейв Мафф. Мы с ним хорошо сработались. С помощью ковшей мы небольшими порциями достаем торий и укладываем его в накопитель ядерного реактора. Это нелегко — приходится

на расстоянии управлять механическими руками, но я не боюсь. Это моя работа, и я умею ее делать. Я думаю об этом Уоршоу. Ничего плохого о нем сказать не могу, но он меня раздражает. Смешно, как он напрягается каждый раз, когда нужно приказать кому-нибудь сделать что-то. Он напоминает мне дядю. Да, моего дядю. Очень похож на него. Уоршоу мне не нравится. Если бы он сейчас зашел сюда, я бы мог ударить его ковшом. Несильно, просто чтобы подпалить его шкуру. Черт знает зачем. Я всегда хотел треснуть дядю, тоже черт знает зачем. «Эй! — кричит Мафф. — Подрегулируй ковш номер два». Не волнуйся, говорю я. Мне не впервой иметь дело с этими малышками, с этими дурашками. Я, конечно, надежно защищен, но в воздухе странный запах, словно торий ионизирует его, и я спрашиваю себя: а может, что-то не так? Я поднимаю ковш номер два и сгружаю торий в реактор. Вспыхивает зеленый свет. Это значит, что торий уже внизу и во все стороны от него разлетаются нейтроны. Потом Мафф сигналит мне, я опускаю в хранилище ковш номер один и достаю еще тория. Мафф снова кричит, а потом ковш номер два, уже пустой, выходит из-под контроля. Большая рука описывает дугу в воздухе, и я вижу маленькие пальцы из искусно сочлененных металлических костей, которые несколько мгновений были сомкнуты на «горячем» тории-двести тридцать три. А теперь такое чувство, будто они вот-вот схватят меня. Я ору. Господи, как я ору! Я полностью теряю контроль над механизмом. Мафф тоже кричит и кидается к пульту управления, чтобы перехватить у меня рукоятку ковша. Но на пути у него я, застывший в оцепенении, и он не может прорваться. Потом механическая рука пробивает защитный экран, Мафф резко откланяется назад и падает на пол. Я по-прежнему стою неподвижно, словно окаменел. Застыл на месте. Маленькие пальцы вспарывают мне левую челюсть, и я кричу. Я горю. Металлическая рука проводит борозду вдоль всей левой стороны тела, и, хотя она едва касается меня, ощущение такое, будто плоть взрезает бритва. Боль такая, что я ее даже не чувствую. Нервы отключаются. Не передают сигнал мозгу. А потом боль захлестывает меня. Помогите! Я горю! Помогите!

— Хватит! — резко говорит Куллинан, и крик Фолка обрывается.— Перешагни через боль и иди дальше. Что произошло, когда ты очнулся?

— Голоса. Я слышу их над собой, когда начинаю прорываться сквозь пелену боли. Радиационный ожог, говорит низкий потрескивающий голос. Это док Сигстром. Док говорит: он ужасно обгорел, Леон. Не думаю, что выживет. Проклятье, говорит другой голос. Это коммандер Уоршоу. Он должен выжить, говорит Уоршоу. До сих пор я никогда не терял людей. За двадцать лет не потерял ни одного человека. Его поджарила рука дистанционного управления, говорит третий голос. Это психиатр Куллинан, по-моему. Он потерял управление, продолжает Куллинан. Очень странно. Да, думаю я. Очень странно. Я отключился всего на мгновение, и этот ковш будто ожил. Я чувствую, как волны боли разрывают тело. Такое ощущение, будто половины головы нет, а рука в огне. Если это ад, то где сера, спрашиваю себя я. Потом док говорит: надо попробовать питательную ванну. Что это за штука, спрашивает Уоршоу. Новая технология, отвечает док. Химиотерапевтическая инкубация. Погружение в раствор гормонов. Эту ванну используют на Земле в тяжелых случаях радиационных ожогов. Не думаю, что к ней когда-либо прибегали в космосе, но рано или поздно это должно было случиться. Он будет в невесомости, и гравитация не сможет осложнить ситуацию. Если это спасет его, говорит Уоршоу, я «за». Потом все снова расплывается. Разрывающая бок жгучая боль длится целую вечность. Время от времени я слышу, как разговаривают разные люди, чувствую, как меня переносят с места на место. В меня вставляют трубки и через них кормят. Интересно, на что я похож — с наполовину поджаренным телом? Внезапно ощущаю прохладное тепло. Понимаю, это звучит странно. Однако тут есть тепло и питание, но и прохлада тоже. Все это омывает меня и уносит боль из тела. Я даже не пытаюсь открыть глаза, но знаю, что вокруг тьма. Я полностью неподвижен в самом сердце тьмы, но тем не менее понимаю, что нахожусь на корабле, который мчится к Коллидору. Он охватывает меня со всех сторон, он защищает меня. Я внутри корабля, мягко покачиваюсь, и я в безопасности. Внутри чего-то внутри корабля. Колеса внутри колес, двери внутри дверей. Китайская головоломка, и я внутри. Мягкая жидкость омывает меня, проникает туда, где от жара порвались ткани и плоть пошла пузырями. Ласкает каждую клеточку, омывает орган за органом, и я начинаю выздоравливать. Я плаваю в океане. Тело быстро исцеляется. Боль исчезает. Я не замечаю, как идет вре-

мя. Одна минута незаметно сменяется другой, поток времени бесконечен, он баюкает меня в тишине и мраке. Вот оно, счастье, думаю я. Безопасность. Мир и покой. Мне здесь нравится. Меня со всех сторон окружает жидкость. Вокруг нее паутина из металлических полосок. Вокруг нее космический корабль в форме сфероида, а вокруг него вселенная. А что вокруг нее? Я не знаю, и мне все равно. Здесь я в безопасности, здесь нет ни боли, ни страха. Тьма. Полная, совершенная тьма. И еще безопасность, мягкость и тишина. Но потом... Что они делают? Что происходит? Голубые стрелы света на фоне тьмы, водоворот красок. Зеленый, красный, желтый. Вспыхивают огни, вызывая головокружение. Запахи, звуки, ощущения. Колыбель качается. Я совершаю движение. Нет — это меня вытаскивают. Наружу! Холодно, и я не могу дышать. Задыхаюсь! Пытаюсь сопротивляться, но они не отпускают! Они продолжают вытаскивать меня — наружу, наружу, наружу, в мир огня и боли! Я борюсь. Не хочу выходить. Но я ничего не могу с этим поделать. В конце концов оказываюсь снаружи. Я оглядываюсь. Надо мной две нечеткие фигуры. Я вытираю глаза и теперь вижу яснее. Уоршоу и Сигстром, вот кто это. Сигстром сияет. Ну, он замечательно исцелился, говорит он. Чудо, говорит Уоршоу. Просто чудо. Я дрожу. Хочу упасть, но уже и так лежу. Они продолжают говорить, а я в ярости начинаю плакать. Однако пути назад нет. Все кончено. Все, все кончено. И я ужасно одинок.

Голос Фолка внезапно оборвался. Уоршоу с трудом подавил позыв к рвоте. Лицо покрылось холодным липким потом. Он бросил взгляд на Сигстрома и Куллинана, тоже бледных и взволнованных. Позади них сидела Зетона. Как обычно, ее лицо ничего не выражало.

Затянувшееся молчание прервал Куллинан.

— Леон, ты был свидетелем того, что было раньше. Понимаешь, о чем он только что рассказал?

— Родовая травма,— безучастно ответил Уоршоу.

— Несомненно.— Сигстром провел дрожащими пальцами по густой копне седых волос.— Химиотерапия... для него это была материнская утроба. Мы поместили его в утробу.

— А потом вытащили оттуда,— сказал Уоршоу.— Можно сказать, приняли роды. И он отправился на поиски матери.

Куллинан кивнул на Зетону.

— И нашел ее.

Уоршоу облизнул губы.

— Ну, теперь мы знаем, в чем дело. И что предпримем?

— Мы записали все его откровения, пусть он прослушает их. Его разум поймет, что эти взаимоотношения с Зетоной — невротическая попытка взрослого человека, насильственно помещенного в искусственную утробу, найти свою мать. Как только это понимание поднимется из области, так сказать, подвала, то есть подсознания, на чердак, то есть в сознание, думаю, с ним все будет в порядке.

— Но ведь корабль и был его матерью,— сказал Уоршоу.— Именно в нем находился инкубационный резервуар... то есть материнская утроба.

— Корабль выбросил его из себя. Ваш образ слился для него с образом дяди и заменителем матери быть не мог. Он сам это говорил. Он отправился на поиски в другое место и нашел Зетону. Давайте дадим ему прослушать записи.

Много позже Мэтт Фолк по-прежнему сидел в каюте со всеми четырьмя. Он слушал собственный голос, излагающий события его жизни. И уже все осознавал.

Последовало долгое молчание, когда кончилась последняя запись, когда голос Фолка произнес: «Все, все кончено. И я ужасно одинок».

Эти слова повисли в воздухе. Потом Фолк сказал — холодным, напряженным, безжизненным голосом:

— Спасибо.

— Спасибо? — тупо повторил Уоршоу.

— Да. Спасибо за то, что открыли мне глаза, позволили увидеть то, что таилось в моей голове. Конечно... спасибо.

Лицо у него было угрюмое, полное горечи.

— Ты, конечно, понимаешь, что это необходимо,— заговорил Куллинан.— Понимаешь, зачем мы...

— Да, понимаю. И могу вместе с вами вернуться на Землю. Ваша совесть чиста.

Он перевел взгляд на Зетону, смотревшую на него с беспокойным любопытством, ясно отразившемся на ее широком лице. Фолк еле заметно вздрогнул, когда его взгляд встретился со взгля-

дом девушки. Уоршоу заметил эту реакцию и кивнул. Терапия оказалась успешной.

— Я был счастлив,- - продолжал Фолк.— Пока вы не решили, что должны заставить меня вернуться на Землю. Тогда вы прогнали меня через эту мясорубку, выбили из моей головы все заскоки, и... и...

Зетона грузно подошла к Фолку и положила руки ему на плечи.

— Нет,— пробормотал он и отпрянул от нее.— Неужели ты не понимаешь, что все кончено?

— Мэтт...— начал Уоршоу.

— Не называйте меня Мэттом, капитан! Я больше не в материнской утробе, я снова член вашего экипажа.— Он обратил на Уоршоу грустный взгляд.— У нас с Зетоной было что-то хорошее, теплое и прекрасное, но вы уничтожили это. Разбитую чашку не склеить. Ладно. Теперь я готов вернуться на Землю.

Не добавив ни слова, он покинул каюту. Уоршоу сумрачно посмотрел на Куллинана, на Зетону и опустил взгляд.

Он боролся, чтобы сохранить Мэтта Фолка, и победил... или нет? Формально — да. Но вот что касается духа... Фолк никогда не простит ему содеянного.

Уоршоу пожал плечами, вспомнив слова из инструкции: «Коммандер должен относиться к члену своего экипажа как отец к собственному ребенку».

Нет, он не допустит, чтобы печальные глаза Фолка расстраивали его. Огорчение парня было вполне предсказуемо.

Ведь ни один ребенок не прощает родителям того, что его вытащили из материнской утробы.

– Пойдемте со мной, Зетона, – обратился Уоршоу к крупной, загадочно ухмыляющейся чужеземной девушке.— Я отведу вас в город.

Зачем?

Проведя на Капелле-XXII шесть месяцев, мы длинными прыжками отправились на другой край Галактики, где во лбу созвездия Скорпиона горит звезда по имени Дскубба. Восемь планет были осмотрены и классифицированы, собранные материалы подготовлены к передаче на Землю. После этого мы отправились дальше, Брок и я.

Из гиперпространства мы вышли у альфы Павлина, ярчайшей звезды этого созвездия — если смотреть с Земли. Альфа оказалась лишенной планет, если не считать шара в метановой атмосфере, покрытого грязью, на орбите радиусом в миллиард миль. Определив объект исследований как бесперспективный, мы ненадолго задумались.

Среди нас двоих существует разделение труда: Брок координирует процесс, а я занимаюсь деталями, въедливо и дотошно. Ему целое, мне частности. Так работаем вместе уже одиннадцать лет. За спиной у нас семьдесят восемь звезд и сто шестьдесят три планеты. И конца, в общем, не видно.

Пока мы висели в пустой и безвидной серости гиперпространства, Брок предложил:

— Маркаб.

— Альфа Пегаса? Да ну... Этамин.

К сожалению, гамма Дракона не слишком интересовала моего напарника.

— Тогда колесо.— Брок пригладил костлявой рукой ежик волос.

— Хорошо,— кивнул я.— Колесо.

© Перевод А. Орлова.

Колесо это наш проводник. Трехмерная карта Галактики, подробная и сверкающая. Когда я тронул переключатель, сорвавшийся со стены лучик света заиграл на звездном диске. Взявшись за рукоятку, Брок раскрутил колесо: два, три, четыре, пять оборотов — стоп. В луче со стены блеснула Альфекка.

— Альфекка, стало быть,— кивнул Брок.

Альфекка. Сделав запись в журнале, я начал вводить координаты для гиперпространственного привода.

— Не смогли прийти к согласию...— Брок нахмурился.— По такому элементарному вопросу, как следующий пункт назначения.

— Хорошо. Разъясняй. Истолковывай. Проливай свет. Какую закономерность ты здесь видишь?

— Несогласие ради несогласия это нездорово,— мрачно объявил Брок.— В конфликте есть творческое начало, но не в таком бессмысленном. Вот что меня тревожит.

— Мы слишком долго мотаемся по Галактике,— предположил я.— Разорвем контракт, уволимся из корпуса исследователей, вернемся на Землю. Будем жить.

— Нет! — поспешно возразил побледневший Брок.— Ни в коем случае.

Из гиперпространства мы вышли вблизи Альфекки, яркой звезды в окружении четырех планет. Брок в это время решал задачи по матанализу, потея при взятии каждого интеграла. Глядя в толстое кварцевое стекло обзорного иллюминатора, я считал планеты.

— Четыре. Раз, два, три, четыре.

Минуту я смотрел на худое лицо Брока, плохо скрывавшее боль и напряжение.

— Выбери какую-нибудь,— потребовал он.

— Я? Зачем?

— Просто выбери.

— Альфекка-два.

— Отлично! Садимся. Не возражаю и не спорю. Слышишь, Хаммонд? Я хочу высадиться на Альфекке-два.

Брок улыбнулся, показав зубы, нехорошо блестя глазами. Впрочем, так и надо. Устраняя первопричину конфликта и смягчая напряжение, Брок поступал правильно. Когда двое живут на корабле одиннадцать лет, иначе нельзя.

Спокойно и тщательно запеленговав Альфекку, я ввел данные в компьютер и запустил программу посадки. Такова стандартная процедура, именно так мы с Броком приземлялись уже сто шестьдесят три раза.

Ожил ионный привод, и мы устремились «вниз». Альфекка поднялась навстречу бледно-зеленой игле корабля, снижавшегося кормой вперед.

Посадка прошла нормально. Я пометил место на карте — крупно написал «164». Мы надели скафандры. Брок замешкался у входа в шлюзовую камеру, разглаживая лиловую ткань скафандра и подтягивая ремни. Губы его нервно подергивались; прозрачный шлем не скрывал ни страха, ни усталости.

— Ты скверно выглядишь,— сказал я.— Может, не будем торопиться с прогулкой?

— А может, сразу вернемся на Землю? — горько возразил Брок.— Жить в муравейнике, дышать серыми помоями? Нет уж, пошли.

Он нажал на кнопку, и дверь шлюза откатилась в сторону.

В шлюзовой камере, а потом в лифте Брок упорно молчал, *отводя глаза. Жаль, что я лишен его дара улавливать закономерности:* наверняка ему было плохо уже давно и неспроста.

Но я не находил для этого никаких причин, хотя за одиннадцать лет должен бы изучить Брока, как самого себя или лучше. Однако я ничего не понимал. Вслед за Броком я спрыгнул на грунт.

Начался исследовательский этап сто шестьдесят четвертой экспедиции.

Тускло-оранжевая равнина простиралась до самого горизонта. На сухой каменистой почве росли редкие деревья с голыми стволами и синеватой корой; по земле стлались зеленые узловатые лианы.

Больше ничего.

— Еще одна пустая планета,— сказал я.— Сто восьмая из ста шестидесяти четырех.

— Не делай поспешных выводов. Нельзя судить о мире по нескольким акрам. Было бы ошибкой считать планету ледяной пустыней, высадившись на полюсе. Недостаточно данных для установления закономерности.

— Знаешь, даже я заметил одну закономерность: планета не населена. Уж больно здесь тихо.

— Готов согласиться,— рассмеялся Брок.— Но не забывай Адхару-одиннадцать.

Да, Адхара, старая маленькая планета, засыпанная песком. Невысокие дюны, медленно перетекающие на запад вокруг экватора. Мы еще шутили о пустынном мире, где живут только не знающие покоя дюны. Когда отчет уже отправили сквозь гиперпространство на Землю, на восточном континенте обнаружился крохотный оазис, где воздух был напоен ароматами волшебного сада. Ничего похожего на остальную Адхару. В кристальном озере плавали чешуйчатые твари, а под деревом, обремененным плодами, спал старый ленивый дракон...

— Сейчас Адхара, наверное, кишит туристами,— вздохнул я.— Хотя наш исправленный отчет остался неопубликованным. Мне все же кажется, нам не стоило сообщать о том оазисе на Землю. Было бы куда вернуться, когда устанем исследовать Галактику.

— Устанем? — Брок резко обернулся.— А разве ты уже не устал, Хаммонд? Одиннадцать лет и сто шестьдесят четыре планеты.— Брок отшипнул побег толстой кожистой лианы.

Вот она, закономерность... Я покачал головой, уходя от разговора.

— Не сейчас, Брок. Надо работать.

Для высадки существует стандартная процедура. Собранные статистические данные вносятся в земной каталог исследованных миров — гигантский каталог.

«ГРАВИТАЦИЯ — 1,02g. СОСТАВ АТМОСФЕРЫ — аммиак/двуокись углерода, тип ab7, непригодна для дыхания. ПЛАНЕТАРНЫЙ ДИАМЕТР — 0,87. РАЗУМНАЯ ЖИЗНЬ — отсутствует».

Стандартные формы, стандартные анализы, стандартные пробы грунта. Деятельность первопроходца давно стала рутиной.

Первая вылазка заняла около трех часов. Галька на склонах невысоких холмов неприятно скрипела под подошвами тяжелых ботинок. Альфекка стояла высоко над горизонтом, а корабль ни разу не исчез из виду.

Говорили мы только по необходимости: если людей объединяет столько воспоминаний, болтовня ни к чему. Когда за спи-

ной одиннадцать лет и сто шестьдесят четыре планеты, достаточно сказать «Фомальгаут» или «тета Эридана» — и образы прошлого потянутся безмолвной многочасовой процессией.

Альфекка-II пока не обещала ничем запомниться. Здесь точно не будет такого восхода лун, как на Фомальгауте-VI, когда пять сотен лун торжественно поднимаются в небо стройной вереницей, сверкая каждая своим цветом. Четыре года назад нас поразило это зрелище, и оно не поблекло до сих пор. Но мертвый — или пока не оживший — мир Альфекки-II не задержится в нашей памяти.

Брок, однако, лишь копил желчь. Закономерность? Мне было очевидно, что в глубине его рассудка неотвратимо зреет некий вопрос.

Вопрос всплыл на четвертый день. Четыре дня на Альфекке-II. Четыре дня созерцания узловатых зеленых лиан. Четыре дня наблюдений за тем, как сонно делятся простейшие в лужах — похоже, единственная форма животной жизни на планете.

— Зачем? — Глядя мне в глаза, Брок задал вопрос, который вообще не следует задавать.

Семя этого безответного вопроса упало на благодатную почву одиннадцать лет и сто шестьдесят четыре планеты назад. Я только что закончил Академию, длинный остроносый мальчишка двадцати трех лет, многих раздражавший своим педантизмом.

Должен сказать, мне очень не нравилось, когда меня называли педантом. Еще меня обвиняли в «тевтонской неуклюжести», даже одна девушка. Когда наши отношения с этой девушкой подошли к неизбежному концу, я объявил, негодующе глядя на ее носик, усыпанный веснушками:

— В моих жилах не течет ни капли тевтонской крови! Мое имя, по всей видимости, имеет скандинавское происхождение. Если бы ты взяла на себя труд подумать...

Тут она влепила мне пощечину.

Вскоре я встретился с Броком. Уже тогда, в двадцать четыре года, он был таким же, каким я знаю его сейчас. Суровый, внешне неприветливый, смуглый, на дне темно-синих глаз прячется беспокойство и неуверенность. Брок никогда не называл меня тевтоном. Если я, бывало, извлекал из памяти какой-нибудь забавный пустяк, он смеялся, но в смехе всегда сквозило уважение.

Мы оба недавно закончили Академию, обоим хотелось свершений. У Брока это было написано на лице, и я наверняка смотрел такими же голодными глазами. На Земле для нас не было ничего, кроме тесноты, грязи и толп народа, а в небе каждую ночь издевательски мерцали и манили звезды — если им удавалось пробиться сквозь смог и зарево городов.

Мы всегда были вместе. Снимали на двоих комнату в Аппалача-Норт, сидели за одним столом в библиотеке, делились электронными книгами и музыкальными записями, а иногда и возлюбленными. Вот так и вышло, что спустя восемь недель после моего двадцать третьего дня рождения и за семь недель до двадцать четвертого дня рождения Брока мы доехали до центра города, где располагалось управление внешних исследований.

Там нас встретил, улыбаясь, добродушный человек с протезом ноги (он сам этим похвастался) и искусственной левой рукой воскового цвета.

— Это меня на Сириусе-четыре отделали,— объяснил он.— Но я исключение: исследовательские экипажи странствуют годами, и ничего им не делается. Маккиз и Хогмут летают уже двадцать шесть лет, пока это рекорд. Сообщения идут каждые несколько месяцев, а ребята уходят все дальше от Земли.

— Хорошо,— кивнул Брок.— Что там нужно подписать? Давайте бумаги.

Первым расписался Брок. Я поставил ниже свой лихой росчерк и аккуратно сложил пакет документов в трех экземплярах, чтобы передать его нашему полусинтетическому вербовщику.

— Замечательно! Великолепно! Добро пожаловать в корпус!

Ветеран протянул нам руки: Броку правую, волосатую, мне левую, восковую. Я стиснул ее, гадая, чувствует ли он силу моего пожатия.

Три дня спустя мы покинули Землю. С тех пор как сама идея уйти родилась в наших головах, ни Брок, ни я ни на минуту не остановились, чтобы задать себе ядовитый вопрос: «Зачем?»

Мы вступили в корпус, мы оставили Землю. Мотив не указан или неизвестен. Мы одиннадцать лет без передышки странствовали от одного диковинного мира к другому. Привыкли и почти перестали удивляться.

На четвертый день пребывания на Альфекке-II Брок сломался. Мучительная боль вырвалась наружу. Короткое слово, ска-

занное шепотом в корабельной лаборатории, разрушило одиннадцать лет бесцветного покоя.

Я смотрел Броку в глаза долго, не меньше полминуты. Облизнув губы, спросил:

— Что ты имеешь в виду, Брок?

— Ты прекрасно знаешь.

В его голосе не было раздражения. Брок сообщал мне очевидную истину.

— Об одном только мы не спрашивали себя одиннадцать лет, поскольку знали, что ответа не найти. Мы ведь любим узнавать ответы. Так зачем же мы здесь, на Альфекке? Для чего за спиной у нас сто шестьдесят три планеты?

— К чему этот разговор, Брок? — Я пожал плечами.

За бортом солнце поднималось к зениту, а мне было холодно и першило в горле, будто аммиачная атмосфера просачивалась внутрь.

— К чему? Ну да, можно ничего не говорить. Можно позволить этому гноиться еще одиннадцать лет. Ладно. Раз уж вырвалось само — давай решим сейчас. Нам не нравилось на Земле, поэтому мы улетели. Так?

Я кивнул.

— Но это плохой ответ на вопрос,— продолжал Брок.— Что тут исследовать? Зачем блуждать от планеты к планете? Нигде нельзя дышать, нигде нет ни людей, ни городов. На Ригеле-пять есть зеленые крабы, на Кафе — песчаные рыбы. Какого черта мы ищем, Хаммонд?

— Может, себя? — спросил я очень тихо и спокойно.

— Не мути воду,— презрительно скривился Брок.— Мы ищем себя? Да мы стараемся себя потерять.

— Неправда!

— Лучше признайся...

За кварцевым иллюминатором на каменистой земле, усыпанной щебнем, вились грубые лианы, почти как древесные стволы. Они шевелились, вяло и неуклюже.

— Мы покинули Землю, потому что не сумели приспособиться. Слишком людно и слишком грязно для наших деликатных натур. Выбор у нас был простой: либо спрятаться в собственную раковину лет на восемьдесят, либо сбежать к звездам. Мы сбежали. Но здесь никого нет, кроме нас двоих.

— Мы хорошо приспособились друг к другу,— заметил я.

— И что с того? Сможем ли мы вписаться в земное общество? Вот ты, например, хочешь обратно? Помнишь ту команду, Маккиза и Хогмута? Они вернулись на Землю после тридцати трех лет в космосе. Согласно отчету, крыша у них поехала через восемь минут после посадки.

— Хорошо, вот тебе вопрос попроще: с чего ты вдруг решил ныть? Именно сейчас. Мог бы сдержаться.

— Попроще? Видишь ли, это часть того же самого вопроса. Я нашел ответ, и он мне не нравится. Мы здесь потому, что на Земле нам ничего не светит. Мы там не справимся.

— Ерунда!

— Ерунда? — Брок кисло улыбнулся.— Ладно, предложи что-нибудь другое. Хаммонд, мне действительно нужен ответ. Немедленно.

— Почему бы нам не выпить? — кивнул я в сторону синтезатора.

— Потом. Когда закончу искать ответ.

В моей голове детали происходящего понемногу сложились в четкую картину. Брок, всегда полагавшийся на себя, Брок, вечно уверенный в себе, исчерпал до дна свою самодостаточность, заглянув слишком глубоко.

— В восемь лет мне пришло в голову спросить отца, что находится за пределами вселенной,— сказал я.— Ну, если вселенная содержит по определению все на свете, что лежит за ее пределами? Отец посмотрел на меня, рассмеялся и посоветовал об этом не думать. Но не получилось: я размышлял до глубокой ночи и проснулся с головной болью. До сих пор не знаю, что там, снаружи.

— Вселенная бесконечна,— насупился Брок.— Она замыкается на себя.

— Вполне возможно. Но я все думал об этом. Меня беспокоила Первопричина. Беспокоила, пока не повзрослел.

— Или пока не освоил растительный образ жизни,— ядовито улыбнулся Брок.— Укоренился в болоте своего невежества и сидишь тихо, потому что вырываться на свободу слишком больно. Угадал?

— Ты ошибся, Брок. Я вступил в корпус исследователей.

День подошел к концу. Я заснул в гамаке и увидел сон, яркий и неприятный. На следующее утро сон долго не хотел отпускать меня, оставшись наростом на теле реальности.

Брок хмуро молчал до самого вечера, и долгая пешая прогулка по унылой «тундре» не улучшила его настроения. Набрав код на панели, он взял пару коктейлей, поставил диск Сибелиуса, воткнул наушник в ухо и мрачно уставился в темнеющее небо за стеклом иллюминатора. У Альфекки-II нет луны, потому ночь здесь черна, как в космосе, только звезд гораздо меньше из-за мутной атмосферы.

Помню, что я наконец задремал. Слева хрипло дышал Брок, и моя сила воли растворилась в полусне, я не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Когда я погрузился еще глубже, пришли сны.

Наверное, их породило горькое замечание Брока о том, что я «укоренился в болоте своего невежества».

Я освоил растительный образ жизни в буквальном смысле. Пустил материальные корни в почву, оставаясь самим собой.

Приковал себя к месту помимо желания.

Пойманный за ноги, я не мог вырваться, как ни старался. Оставалось только размышлять.

В воздухе качались руки — или ветки?

Я прикован.

Корчась, я мечтал достать до каменной гряды на горизонте, продвинуться хотя бы на ярд, хотя бы на дюйм. Тщетно. Меня зажало в могучем капкане с бархатными челюстями. Ни боли, ни мучений, ни возможности пошевелиться. Я просто врос в землю.

Я проснулся, мокрый от пота. Брок спал в своем гамаке — кажется, мирно. Хотелось рассказать о кошмаре, но я не стал его будить.

И в конце концов заснул опять.

Без сновидений.

Будильник зазвонил в семь ноль-ноль, почти за час до рассвета.

Брок встал сразу. В полусне мне слышалось, как он расхаживает по каюте. Продолжит ли он вчерашнее, думал я, стряхивая с себя остатки пережитого. Будет ли снова жадно искать ответа? Будет ли исходить желчью?

Надеюсь, что нет. Если Брок сломается, нашему экипажу конец. После одиннадцати лет совместной работы другой партнер мне не нужен.

— Хаммонд? Ты проснулся?

Вчерашнего раздражения в его голосе не было, но появились другие нотки. Неясные, пугающие.

— А? Ага.— Я зевнул.— Набери там... закажи мне завтрак. Пожалуйста.

— Уже сделано. Вылезай из мешка да иди-ка сюда. Посмотри.

Неуклюже вывалившись из гамака, я потряс головой, прикидывая, куда идти.

— Ты где, Брок?

— У окна на втором уровне. Есть на что посмотреть.

По винтовой лестнице я поднялся на обзорную площадку. Брок, смотревший в иллюминатор, не обернулся.

— Знаешь, какой странный сон мне приснился? — начал я.

— Ерунда. Ты сюда посмотри,— перебил Брок.

Поначалу я не заметил ничего особенного. Пестрый ландшафт вроде бы не изменился: оранжевая каменистая почва, темно-синие деревья, путаница зеленых лиан, утренний сумрак. Через мгновение я понял свою ошибку: надо смотреть не так далеко.

Извиваясь, вверх по корпусу полз шишковатый зеленый канат, едва видимый с правой стороны иллюминатора. Лиана — других канатов здесь нет.

— Весь корабль оплели, я проверил,— сообщил Брок.— Ночью выползли, как змеи, и намотались где только можно. Наверное, решили, что мы тут навсегда и можно использовать нас в качестве опоры, как те деревья.

Со смесью гадливости и восхищения я смотрел на грубую кору и нежные присоски, державшие лианы на гладком металле обшивки.

— Любопытно,— заметил я.— Скажи, что это не нападение внеземных чудовищ!

Надев скафандры, мы вышли, чтобы посмотреть на «атаку» снаружи. На расстоянии ста ярдов корабль выглядел дико. Плавные обводы были обезображены зелеными щупальцами, выброшенными из толстого комля поблизости. Побеги, лежавшие на грунте, шевелились и пытались ухватить нас — пока безуспешно.

Припомнив сон, я не без колебаний решился рассказать его Броку.

— Врос в землю? — рассмеялся он.— В то самое время, когда лианы делали свое дело? Многозначительное совпадение.

— Возможно,— кивнул я, задумчиво разглядывая крепкие стебли.— Нам лучше перелететь в другое место. Еще немного, и мы не сможем оторваться.

— Мы сможем оторваться, даже если корабля под лианами не будет видно.— Опустившись на колени, Брок мял в пальцах зеленый отросток.— У главного привода черт знает какой запас тяги...

Щелкнула плеть.

Узкий отросток лианы поднялся в воздух и обвился вокруг талии Брока. Щелк! Щелк!

Как ожившая веревка, как покрытая древесной корой змея, лоза охватила моего друга. Отступив на шаг, я застыл. Брок не то удивился, не то обрадовался.

— Знаешь, у нее силенок хватает!

Он криво улыбнулся, пораженный тем, что примитивное существо способно ограничить его свободу передвижения. Еще немного, и улыбка превратилась в гримасу боли.

— Сжимается...— прошипел он.

Лиана дернулась в направлении родного дерева, и Брок потерял равновесие. Некоторое время он балансировал, размахивая руками, на левой ноге, неуклюже отставив правую. Жилистая лиана рванула еще раз...

Брок упал.

Я приплясывал рядом, уворачиваясь от невинных с виду нежных побегов. Выбрав момент, я наступил на лозу, удерживавшую Брока за талию, ухватился за ее конец, потянул. Брок напрягся, отталкивая стебель от себя; зеленая змея ослабила хватку.

— Отпускает,— прохрипел Брок.— Еще немного!

— Лучше схожу за бластером,— сказал я.

— Нет! Мало ли что может случиться, пока тебя не будет. Меня пополам могут разорвать. Тяни!

Я потянул. Лоза упиралась, извиваясь, но вместе мы ее одолели. Лиана обмякла и откатилась в сторону, оставив Брока в покое.

Он поднялся на ноги и стоял, растирая поясницу.

— Больно?

— Нет, скорее потрясение от неожиданности. Тропизм — гормональная реакция со стороны растения. Каким-то образом мне удалось послать сигнал. Химический, наверное.

Брок разглядывал притихшую лозу с уважением.

— На нас и раньше нападали,— заметил я.— Альфераз-три.

— Помню.

Действительно, такое не скоро забудешь. Адские джунгли. Уверен, перед нашими глазами возникла одна и та же картина: желто-коричневое животное размером с козу поднимается в воздух, намертво схваченное коренастым деревом. Еще мгновение, и оно проваливается в пасть хищного растения...

А через несколько секунд отросток подхватил меня. Брок успел выстрелить из бластера, и только поэтому меня не съели.

На корабль мы вернулись через люк, еще не перекрытый лианами — ближайшая вилась всего в нескольких футах. Когда Брок снял скафандр, обнаружилась красная полоса вокруг туловища.

— Растение попыталось...

— Убить меня? — усмехнулся Брок.

— Нет. Оно хотело отправиться в дорогу. Узнать, что там, за холмами.

— Как это? — Брок нахмурился.

— Пока не уверен. Закономерности не по моей части, но картина вырисовывается. Брок, я начинаю понимать! У меня есть ответ на твой вопрос!

— Давай, давай,— потирая поясницу, подбодрил меня Брок.— Можешь думать вслух.

— Мой сон, плюс твои слова, плюс эти лианы внизу,— начал я, неторопливо расхаживая по каюте.— Растения, они и есть растения: где их корни, там они останутся навсегда. Можно раскачиваться, виться, но не более того.

— Можно расти в длину.

— Разумеется. Но не до бесконечности. До другой планеты им не дотянуться. Они надежно прикованы к месту. А представь, Брок, что у них есть мозги.

— Какое это имеет отношение к...

— Имеет. Допустим, эти лианы разумны. Им хочется путешествовать, но не судьба. И вот одна из них скручивает тебя, рассвирепев от зависти.

— Понимаю.— кивнул Брок.— Без корней мы запросто летаем куда захотим. Сто шестьдесят четыре планеты, и по каждой можно гулять сколько угодно.

— Зачем? Тебе нужен ответ? Пожалуйста! — Я перевел дыхание.— Знаешь, почему мы странствуем? Ради чего исследуем планеты? Не потому, что хотим от кого-то сбежать. Не потому, что какая-то сила толкает изнутри. Просто мы *можем*, и этого достаточно. Зачем? Да затем, что для нас это возможно!

— То есть мы особенные.— Лицо Брока смягчилось.— Мы способны перемещаться с места на место, и это привилегия человечества. Вот что, оказывается, делает людей людьми.

Сказанного достаточно. После одиннадцати лет вместе не надо подробно проговаривать каждую мысль. Ясно, чему так позавидовали цепкие лианы: нашей подвижности.

Покинув Альфекку-II, мы исследовали другие планеты системы и отправились дальше, в направлении от Земли. Настолько далеко, насколько нас мог забросить гиперпространственный прыжок. А потом снова, от солнца к солнцу, не останавливаясь.

С Альфекки-II мы прихватили сувенир: лиана, обвившаяся вокруг корабля, держалась так крепко, что не оторвалась на старте. Она вырвала корни из почвы и ушла с нами в пространство. Через некоторое время мы устали смотреть на мертвую лозу. Брок вышел наружу в скафандре и оторвал лиану от обшивки. Толкнул ее несильно, и она полетела к звезде.

Покинув родной мир, лоза добилась, чего хотела,— ценой собственной жизни. Пересекая межзвездные пропасти, мы всегда будем помнить об этом.

Мир тысячи красок

Когда Джолвар Холлинред обнаружил, что сидящий напротив него стройный бледный молодой человек отправляется в Мир тысячи красок, чтобы пройти Испытание, он усмотрел в этом блестящую возможность для себя. И в этот момент судьба стройного бледного молодого человека была решена.

Худые пальцы Холлинреда сомкнулись на фляжке, он устремил взгляд на своего визави.

— Испытание, говорите?

Молодой человек застенчиво улыбнулся.

— Да. Надеюсь, я готов. Я ждал много лет — и теперь вот он, мой главный шанс.

Он уже слегка перебрал сладкого ликера: в глазах появился стеклянный блеск, язык выбалтывал то, о чем разумнее было бы помолчать.

— Мало званых, еще меньше избранных,— задумчиво сказал Холлинред.— Позвольте угостить вас.

— Нет, я...

— Это будет честь для меня. Не каждый день возникает возможность угостить допущенного к Испытанию.

Усыпанной драгоценностями рукой Холлинред сделал знак роботу, и тот принес еще две фляжки. Холлинред проколол одну и послал ее по полированной поверхности стола молодому человеку, а другую, не открывая, зажал в руке.

— Извините, запамятовал ваше имя.— сказал он.

— Дерверан Марти. Я с Земли. А вы?

© Перевод Б. Жужунавы.

— Джолвар Холлинред. Оттуда же. Путешествую от мира к миру в интересах своего бизнеса. Сегодня вот оказался на Ниприоне.

— И какой у вас бизнес?

— Торгую драгоценностями.

Холлинред продемонстрировал сверкающую коллекцию на своих пальцах. Там были морфокопии, не оригиналы, хотя обнаружить это позволил бы только тщательный химический анализ. Однако Холлинред сомневался, что кто-то станет рубить ему руку из-за такой выставки.

— Я был клерком,— заговорил Марти.— Но это в прошлом. Теперь я на пути в Мир тысячи красок, чтобы пройти Испытание! Испытание!

— Испытание! — эхом повторил Холлинред, приветственным жестом поднял так и не вскрытую фляжку и сделал вид, что осушил ее.

По ту сторону стола Дерверан Марти закашлялся, когда ликер потек по горлу. Он поднял взгляд, пьяно улыбнулся и причмокнул губами.

— Когда отбывает ваш корабль? — спросил Холлинред.

— Завтра в полдень. «Звездный скиталец». Жду не дождусь. Просто лымлюсь от нетерпения из-за этой остановки на Ниприоне.

— Не сомневаюсь. Может, перекинемся в вист, чтобы скоротать время? — спросил Холлинред.

Спустя час в номере отеля Холлинреда Дерверан Марти лежал на мозаичном карточном столе, все еще сжимая в руках горсть восковых карт. Сложив руки на груди, Холлинред внимательно изучал тело.

Они были примерно одного роста, он и мертвец, и химиотермическая маска изменит лицо Холлинреда в достаточной мере, чтобы он сошел за Марти. Он включил воспроизведение последних фрагментов магнитофонной записи их разговора.

— Не хотите еще выпить, Марти?

— Наверно, нет, старина. Похоже, я уже пьян. Нет, пожалуйста, не наливайте мне. Я же сказал, что не хочу... ну ладно. Хватит, хватит. Спасибо.

Последовала пауза, потом негромкий стук — это тело Марти упало на стол под воздействием быстродействующего яда, расслабившего его синапсы. Улыбаясь, Холлинред переключил магнитофон на запись и сказал, подражая Марти:

— Наверно, нет, старина. Похоже, я уже пьян.

Он снова включил воспроизведение, критически вслушиваясь в звучание своего голоса и, для сравнения, голоса Марти, мягкого и жизнерадостного. Очень похоже. Еще немного постараться, и он почти достигнет совершенства. Включив голосовой анализатор, Холлинред пропустил через него голос Марти, а потом сам произнес те же слова.

Голоса совпадали до третьего десятичного знака. Достаточно, чтобы обмануть самый чувствительный детектор; три десятичных знака — обычное изменение голоса любого человека в течение дня.

Существовала пустячная проблема расхождения в весе на несколько граммов, но это можно будет легко исправить завтра утром в гимнастическом зале. Что касается манеры жестикулировать, Холлинред не сомневался, что сумеет имитировать Марти: он почти четыре часа внимательно приглядывался к молодому клерку.

Закончив приготовления, он отступил и посмотрел в зеркало. Бросил последний взгляд на собственное лицо — теперь он его не увидит, пока не пройдет Испытание. Надел маску и превратился в Дерверана Марти.

В ванной он отмотал большой кусок бумажного полотенца и обернул тело Марти. Взвесил труп, добавил еще немного обертки, чтобы вес Марти в точности сравнялся с весом Джолвара Холлинреда. Облачился в одежду Марти, натянул на юношу свою и, с грустной улыбкой глядя на такие убедительные, но дешевые копии драгоценностей, надел свои кольца на уже окостеневающие пальцы Марти.

— Вот и все,— пробормотал он и отнес тело к утилизатору.— Прощай, старина! — с чувством воскликнул Холлинред и ногами вперед подтолкнул Марти с края ската.

Покойник поехал вниз, медленно и почти грациозно устремляясь к всеядной глотке атомного конвертора глубоко в недрах пересадочной планеты Ниприон.

Холлинред инстинктивно отвернулся от утилизатора. Собрал карты, поставил на место ликер и вылил в утилизатор остатки отравленного напитка.

«Удивительная вещь — атомный конвертор»,— с удовольствием отметил он про себя.

К этому моменту тело Марти уже распалось на молекулы, которые совсем скоро разделятся на атомы, а в дальнейшем — на субатомные частицы. В течение часа от главного доказательства преступления не останется ничего, кроме множества протонов, электронов, нейтронов, и будет невозможно сказать, какой из двух людей в номере отправлен в утилизатор, а какой остался в живых.

Холлинред еще раз включил магнитофон, записал свою версию голоса Марти и прогнал ее через анализатор. Все те же три десятичных знака; неплохо. Он уничтожил магнитофонную ленту.

Нажал кнопку коммуникатора и сказал:

— Я хочу сделать сообщение о смерти.

На экране возникло бесстрастное лицо робота.

— Да?

— Несколько минут назад Джолвар Холлинред, у которого я был в гостях, скончался от острой эмболии. Он потребовал, чтобы в случае смерти его тело было немедленно уничтожено, что я и сделал.

— Ваше имя?

— Дерверан Марти. Допущенный к Испытанию.

— Допущенный к Испытанию? Вы последний, кто видел Холлинреда живым?

— Совершенно верно.

— Клянетесь, что переданная вами информация точна и правдива?

— Клянусь,— ответил Холлинред.

Дознание длилось недолго и прошло гладко. Слово допущенного к Испытанию не подвергается сомнению. Холлинред описал все подробности их встречи в точности так, как их описал бы Марти. Регистрационный журнал утилизатора проверили и выяснили, что во время, указанное свидетелем, была утилизирована масса, равная весу Холлинреда. На этом дознание завершили

лось. Холлинред сказал чиновникам, что до сегодняшнего дня не был знаком с торговцем драгоценностями и судьбой его имущества не интересуется, после чего был отпущен.

Поскольку умерший не оставил завещания, его имущество отходило галактическому правительству.

«Какая разница, пускай»,— сказал себе Холлинред, прикладывая руку в плотно прилегающей химиотермической перчатке к дверной пластинке номера Дерверана Марти. Теперь он Дерверан Марти, допущенный к Испытанию. А когда пройдет Испытание, какое значение для него будет иметь потеря нескольких миллионов кредитов?

На следующий день псевдо-Дерверан Марти с легким сердцем покинул номер, чтобы проследовать на борт «Звездного скитальца» для путешествия к Миру тысячи красок.

— Тяжелая история. Вчера этот господин умер у вас на глазах, сэр.— Клерк за стойкой отеля сочувственно посмотрел на него.— Надеюсь, это не повлияет на исход Испытания.

Холлинред одарил его слабой улыбкой.

— Конечно, это был шок — такая внезапная смерть. Но я уже пришел в себя и готов к Испытанию.

— Удачи вам, сэр.

Холлинред покинул отель и по наклонному пандусу зашагал к кораблю.

Стюард у люка для пассажиров проверял идентификационные карточки каждого. Холлинред с небрежным видом вручил ему свою. Стюард ввел ее в компьютер и сделал Холлинреду знак встать под пучок световых лучей: его внешность сравнивали с подробным описанием на идентификационной карточке.

Он ждал, весь в напряжении. Наконец механизм перестал вибрировать, и бесстрастный голос произнес:

— Идентификация подтверждена. Дерверан Марти, входите.

— Все в порядке, как и следовало ожидать,— сказал стюард.— Купе номер одиннадцать. Роскошное, должен заметить. Однако допущенные к Испытанию этого заслуживают. Желаю вам удачи, сэр.

— Спасибо.— Холлинред улыбнулся.— Не сомневаюсь, она мне понадобится.

Он вошел в корабль. Купе и впрямь оказалось роскошным, и Холлинред, человек бережливый, изумленно присвистнул при

виде его. Оно имело восемь футов в высоту и почти двенадцать в ширину и обеспечивало полное уединение, с непрозрачным экраном в дверном проеме. Стены были красиво задрапированы занавесками из черной синтетической пены с Равенсмака-VIII, противоперегрузочное кресло защищено золотистой бриозоной. Положение допущенного к Испытанию давало такие привилегии, которых покойный Дерверан Марти наверняка никогда не имел в своей частной жизни — как и Джолвар Холлинред.

В 11.43 из-за дверного экрана послышался звон колокольчиков. Холлинред излишне нервно соскочил с кресла и сделал экран прозрачным. Снаружи стоял один из членов экипажа.

— У вас все в порядке, сэр? Взлетаем через семнадцать минут.

— Все отлично,— ответил Холлинред.— Жду не дождусь, когда окажусь на месте. Сколько времени займет полет?

— Прошу прощения, сэр, но эта информация не разглашается. Желаю приятного полета. Если что, без колебаний вызывайте меня.

Архаичная манера речи этого человека позабавила Холлинреда, и он улыбнулся.

— Никаких колебаний, не беспокойтесь. Огромное спасибо.

Он снова сделал дверной экран непрозрачным и вернулся в кресло.

Ровно в двенадцать двигатели «Звездного скитальца» начали тяжело пульсировать. Бледно-зеленый свет над дверью купе на мгновение ярко вспыхнул, сигнализируя о старте. Холлинред вытянулся в противоперегрузочном кресле.

Спустя мгновение последовал толчок ускорения. Заработала антигравитационная защита, и по мере ее воздействия сила давления уменьшалась. Вскоре Холлинред снова почувствовал себя вполне комфортно. Увеличив угол наклона кресла, он устремил взгляд за иллюминатор.

Ниприон быстро уменьшался, и вот уже не осталось ничего, кроме усеянного золотыми и серыми точками шара, плывущего в пространстве, смутно различимого сквозь облака атмосферы. Приземистое металлическое здание отеля было уже не разглядеть.

Холлинред мысленно переключился на предстоящее Испытание. Он мало знал о нем — на удивление мало, учитывая то обстоятельство, что желание пройти его подтолкнуло Холлинреда к убийству. Он знал, что Испытание проводится раз и кандидаты отбираются по всей Галактике. Место, где оно происходит, называется Миром тысячи красок, но его точного расположения никто из обычных людей не знал.

Что касается самого Испытания, его природа тоже неизвестна — поскольку тот, кто его выдержал, уже не возвращался из Мира тысячи красок. Некоторые неудачники вернулись, однако их разум был тщательно очищен от воспоминаний об этой планете. Победители же не возвращались никогда.

Значит, природа Испытания покрыта тайной. Относительно награды известно лишь, что она превосходит все самые смелые чаяния любой души. Победители не просто не возвращаются в свой родной мир — они уже не хотят туда возвращаться.

Естественно, многие люди игнорировали Испытание: дескать, пусть другие принимают в нем участие. Однако миллионы, миллиарды по всей Галактике пытались пройти предварительный отбор. И раз в пять лет шесть-семь из них оказывались избранными.

Джолвар Холлинред не сомневался, что выдержит Испытание, хотя трижды потерпел неудачу на предварительных экзаменах и был навсегда отстранен от дальнейшего участия. Экзамены были просты; их было трудно даже назвать экзаменами в обычном смысле слова. Они сводились к интенсивному сканированию сознания. На каком-то этапе триггерная схема выдавала «да» или «нет».

Если «да», сканирование продолжалось. В итоге по всей Галактике лучевой связью рассылалось сообщение о том, что соискатели нынешнего года избраны.

Холлинред угрюмо смотрел в космическую тьму. Его отстранили несправедливо. Он так хотел получить неизвестную награду, а ему отказали в самом праве бороться за нее. И когда перед ним возник шанс в виде Дерверана Марти, Холлинред не устоял перед искушением и воспользовался этой возможностью.

И теперь он на пути к цели.

Конечно, рассуждал он, ему позволят пройти Испытание, даже если обнаружат, что он самозванец. А если его допустят, он

победит, нет сомнений. Он всегда добивался того, чего хотел, и нет никаких причин, чтобы сейчас это изменилось.

Лицо Холлинреда под маской Дерверана Марти напряженно застыло. Он грезил о том, что пройдет Испытание, победит — и наступит конец долгим годам скитаний и тяжкого труда.

Голос за дверью произнес:

— Мы прибыли, господин Дерверан. Пожалуйста, откройте.

Холлинред заворчал, поднялся с кресла и открыл дверь. Там его ждали три темнолицых космонавта.

— Где мы? — нервно спросил он.— Полет окончен?

— Мы доставим вас на планету, где проходит Испытание, сэр,— ответил один из космонавтов.— «Звездный скиталец» на орбите, но садиться он не будет. Следуйте за нами.

— Хорошо.

Они перешли в спасательную шлюпку, представляющую собой тонкий серый цилиндр около тридцати метров в длину, сели в противоперегрузочные кресла и пристегнулись. Иллюминаторов здесь не было, и Холлинред испытал неприятное ощущение замкнутого пространства.

Шлюпка бесшумно заскользила по катапультирующему каналу, пронеслась через весь «Звездный скиталец» и вырвалась в космос. Холлинреда вжало в кресло, когда шлюпка сделала плотный разворот и устремилась вниз, влекомая притяжением мощного гравитационного поля.

Потом шлюпка остановилась. Холлинред лежал без движения, стуча зубами от волнения.

— Успокойтесь, сэр. Поднимайтесь и выходим.

Ему помогли встать и бережно провели через шлюзовую камеру. Его ноги онемели.

— Удачи вам, сэр! — пожелал за спиной голос, в котором послышалась нотка зависти.

Буйные волны красок хлынули на него со всех сторон.

Он стоял в центре того, что больше всего походило на лунный кратер: уходящие вверх края выглядели как круглая, покрытая трещинами массивная стена. Почва под ногами была скалистая, красновато-коричневая, кое-где раскрошившаяся, лишенная растительности.

В небе ярко пламенело единственное солнце — голубовато-белая звезда типа А. И это солнце никак не могло создавать такое половодье красок.

Казалось, что скалистая почва испускает длинные узкие ленты всех оттенков, окрашивая далекую стену оливково-серым, светло-вишневым и темно-зеленым. Всевозможные краски плавали в воздухе, который то мерцал струями ярко-розового, то вспыхивал алым, то пульсировал безупречно белым.

Глаза Холлинреда медленно приспосабливались к буйству красок. Мир тысячи красок, так называют эту планету? Явная недооценка. Здесь сотни тысяч красок. Миллионы. Миллиарды. Бесконечно разнообразные оттенки смешивались, создавая все новые и новые цвета.

— Ты Дерверан Марти? — спросил голос.

Вздрогнув, Холлинред оглянулся. Возникло чувство, будто с ним говорит одна из цветных лент. Вон та: коричневая лента глубокого, насыщенного тона, без устали вращающаяся перед ним.

— Ты Дерверан Марти? — повторил голос, исходящий, как окончательно стало ясно Холлинреду, от коричневой ленты.

Он почувствовал, что это святотатство — лгать в мире такой удивительной красоты, и испытал искушение сказать правду. Однако это можно сделать и позже.

— Да. Я Дерверан Марти.

— Приветствую тебя, Дерверан Марти. Испытание вскоре начнется.

— Где?

— Здесь.

— Прямо здесь?

— Да,— ответила коричневая лента.— Твои соперники уже собрались.

Сощурившись, Холлинред устремил взгляд в сторону далекой стены. Да, так и есть — он разглядел крошечные фигурки, стоящие далеко друг от друга по краю кратера. Одна, две, три... всего их было семь, включая его самого. Всего семь, и это со всей Галактики!

Рядом с каждым из шести остальных покачивалось цветовое пятно. Холлинред разглядел великана с квадратными плечами из одного из Внутренних миров, окруженного ободком ярко-оран-

жевого. Слева от него стояла грациозная женщина, похожая на сильфиду,— скорее всего, с одного из миров Дабха, одетая чисто символически, как это принято у ее народа, однако укрытая от любопытных взглядов чистейшим голубым сиянием. Были и другие. Холлинред желал им удачи. Он знал, что выиграть может каждый, и теперь, когда давняя вожделенная цель была совсем рядом, ни на кого не держал зла. Его затопило чувство жалости к покойному Дерверану Марти, принесенному в жертву ради того, чтобы Джолвар Холлинред смог оказаться в этом месте в это время.

— Дерверан Марти,— произнес голос,— ты избран среди людей Земли, чтобы принять участие в Испытании. Этой чести удостаиваются немногие. Мы, обитатели этого мира, надеемся, что ты высоко оцениваешь ее.

— Конечно,— робко ответил Холлинред.

— Мы сами когда-то удостоились той награды, которой ты добиваешься,— продолжал голос.— Некоторые из нас входили в состав первой экспедиции, открывшей этот мир тысячу сто лет назад. Видишь ли, в нашем теперешнем состоянии жизнь не ограничена сроками. Другие появились позднее. Бледно-фиолетовая лента слева и выше тебя — победитель предыдущего состязания. Здесь, в Мире тысячи красок, мы можем предложить редчайший дар: полную гармонию сознания. Мы существуем вне физического тела как поток фотонов. Нам доступна полная свобода и вечное наслаждение. Раз в пять лет мы увеличиваем свою численность за счет соискателей со всей Галактики. Мы хотим поделиться с другими тем, что доступно нам,— и будем рады приветствовать их в нашей среде.

— Вы имеете в виду,— потрясенно спросил Холлинред,— что все эти лучи света... когда-то были людьми?

— Да, пока не присоединились к нам. Больше они не люди. Это и есть та награда, которую получает победитель.

— Понимаю.

— Тебе не обязательно принимать участие в состязании. Тот, кто попал в наш мир и решил остаться в материальном состоянии, возвратится домой, а его воспоминания о том, что он здесь видел и слышал, будут стерты. Кроме того, его разум будет свободным и счастливым до конца жизни. Что ты выбираешь?

Холлинред помолчал, скользя потрясенным взглядом по пламенеющим краскам, освещающим этот суровый скалистый мир. Потом он ответил:

— Я остаюсь.

— Хорошо. Испытание вот-вот начнется.

Коричневая лента устремилась от Холлинреда вверх и там, в небе, присоединилась к своим товарищам, находящимся в беспрестанном движении. Напряженно замерев, Холлинред ждал, что произойдет дальше.

«Вот ради чего я убил человека»,— подумал он и задумался над тем, о чем рассказывала коричневая лента.

Очевидно, много сотен лет назад исследовательская экспедиция наткнулась в дальнем уголке вселенной на уникальный природный феномен. Возможно, это произошло случайно: они набрели на озеро света, которое дематериализовало их, превратило в танцующие бессмертные полоски красок. Однако это получило продолжение.

Вся система Испытания была развита для того, чтобы позволить и другим людям войти в это уникальное сообщество, сбросить оковы плоти и жить в виде чистой энергии. Пальцы Холлинреда задрожали: да, понимал он, ради такого стоило убить!

Можно понять, почему предусмотрительные люди отвергают это предложение: они предпочитают сохранить смертные тела, вернуться в родной мир и прожить отведенный им срок.

«Но не я!»

Он вскинул голову, ожидая начала Испытания. Его быстрый ум находился сейчас на пике своих способностей; Холлинред чувствовал, что готов ко всему, что может обрушиться на него. Он сомневался, был ли среди прибывавших в Мир тысячи красок хотя бы один кандидат, исполненный такой же решимости победить?

Скорее всего, нет. Большинство из них получили право на участие по чистой удаче — просто ментальное сканирование вскрыло в их сознании какие-то таинственные качества, приемлемые для обитателей здешнего мира. Им не пришлось прикладывать никаких усилий, чтобы попасть в число номинантов. Им не пришлось ради этого убивать.

А Холлинред сам пробил себе путь в этот мир — и был полон решимости победить.

Он ждал.

Коричневая полоска отделилась от искрящейся разноцветной массы над головой, спустилась и веретеном завертелась перед ним.

— Испытание вот-вот начнется, Джолвар Холлинред.

Он вздрогнул. За прошедшую неделю он так слился с личностью Дерверана Марти, что собственное имя практически исчезло из сознания.

— Значит, вы знаете,— сказал он.

— Знаем с того самого момента, как ты оказался здесь. Это прискорбно; мы хотели бы видеть среди нас Дерверана Марти. Но раз уж ты здесь, мы подвергнем тебя Испытанию как Джолвара Холлинреда.

Это как раз то, что нужно. Обман рано или поздно обнаружился бы, и Холлинред не хотел добиваться победы или терпеть поражение под чужой личиной.

— Выйди на середину кратера, Джолвар Холлинред,— скомандовала коричневая лента.

Холлинред медленно двинулся вперед. Прищурившись, чтобы лучше видеть сквозь разноцветный туман, он разглядел, что остальные шесть претендентов делают то же самое. Они встретились в центре.

— Испытание начинается,— произнес новый, гораздо более звучный голос.

Итак, их семеро. Холлинред оглянулся. Здесь был гигант с одного из Внутренних миров... с Фонделфора, сейчас это стало ясно. Рядом почти обнаженная сильфида с Дабха, а бок о бок с ней — обитатель Алфераза-VII с одним сверкающим фасеточным глазом во лбу.

Те, кто производил отбор, широко раскинули свои сети. Холлинред увидел еще одного землянина, темнокожего, с блестящими глазами, и существо с Денеба-IX, приземистое и мускулистое. Шестой испытуемый представлял собой колышущийся шар с десятого мира Спики. Седьмым был он, Джолвар Холлинред, странник с Земли.

Круглая диадема фиолетового света над их головами начала излагать условия Испытания.

— Каждый из вас получит в свое распоряжение тот или иной цвет. Он будет спроецирован перед вами в форме шара. Ваша задача — смешать семь красок в одну. Если получится, сможете присоединиться к нам.

— Можно узнать, какова цель Испытания? — холодно спросил Холлинред.

— Суть нашего сообщества — гармония... полная гармония всех и внутренняя гармония тех временных союзов, которые возникают в определенных ситуациях. Естественно, если вы, семеро, неспособны достигнуть гармонии даже в этом очень ограниченном смысле, то полная гармония для вас тем более недоступна. Тогда вы будете отвергнуты.

Несмотря на недовольные нетерпеливые взгляды товарищей-соискателей, Холлинред задал новый вопрос:

— Значит, вы оцениваете нас как союз? Как единое целое?

— И да, и нет,— ответил голос.— А теперь Испытание.

К своему удивлению, Холлинред увидел, как из его руки вырвалась струя краски и повисла перед ним в виде черного шара, темнее мрака космоса. Первой реакцией был шок; потом Холлинред осознал, что может контролировать окрашенный шар, заставлять его двигаться.

Он оглянулся по сторонам. Перед каждым из его товарищей схожим образом повис сгусток цвета. У гиганта с Фонделфора красный, у девушки с Дабха оранжевый, алферазианин изумленно глядел на вращающийся шар темно-желтого цвета, землянин — на зеленый, спиканин — на лучисто-фиолетовый и денебец — на шар жемчужно-серого цвета.

Холлинред перевел взгляд на свой черный шар. Ему показалось, что голос над ним прошептал:

— У Марти был бы голубой шар. Теперь спектр разрушен.

Он выбросил эти слова из головы и подтолкнул свой шар в центр круга; то же самое сделали остальные.

Цвета встретились, столкнулись, завертелись колесом и, казалось, даже заискрились. А потом начали вращаться, образуя парящую в воздухе сияющую арку.

Холлинред ждал, затаив дыхание. Казалось, его черный шар был противопоставлен остальным шести. Красный, оранжевый, желтый, зеленый, фиолетовый, Жемчужно-серый шар денебца

дружественно окутывал все другие краски — кроме Холлинреда. Черный шар висел отдельно.

Потом, к его удивлению, оранжевый шар девушки-дабхианки начал меняться. Сама она стояла напряженно, закрыв глаза. Ее тело было обнажено, по коже струился пот. Оттенок ее оранжевого шара смещался в сторону серого цвета у денебца.

С остальными происходило то же самое. Один за другим они достигали контроля над своим цветом — сначала спиканин, потом алферазианин.

«Почему я так не могу?» — в ярости думал Холлинред.

Он напрягался, стараясь изменить оттенок своего черного, но ничего не получалось. Остальные цвета уже почти смешались, продолжая вращаться; преобладал серый, но это был не серый денебца, а другой, ближе к белому. Охваченный нетерпением, Холлинред удвоил усилия; для победы группы было необходимо, чтобы его упрямый черный смешался с остальными.

— Черный по-прежнему в стороне,— произнес кто-то.

— Мы не выиграем, если его не будет с нами.

Сейчас темное пятно резко выделялось на фоне нарастающей молочной белизны остальных. Не осталось и намека на первоначальные цвета, все они изменились, кроме черного. Холлинред истекал потом; его цвет был единственным, в своем упорстве лишающим других возможности пройти Испытание.

— Черный все еще не с нами,— произнес напряженный голос.

— Черный — цвет зла,— сказал другой.

— Черный это вообще не цвет,-- заявил третий.— Черный это отсутствие цвета. Белый включает в себя все цвета.

И четвертый добавил:

— Черный не дает нам стать белым.

Холлинред переводил взгляд с одного кандидата на другого, безмолвно взывая к ним. От усилия на лбу у него выступили вены, но черный оставался таким, каким был, и не смешивался с остальными.

Сверху донесся голос наблюдателя, в котором внезапно зазвучали обвиняющие нотки:

— Черный — цвет убийства.

Вторя ему, девушка с Дабха почти пропела эти ужасные слова:

— Черный — цвет убийства.

— Разве можно позволить, чтобы среди нас находился убийца? — спросил денебец.

— Ответ очевиден,— сказал спиканин, кивнув на непокорный мазок черного, пятнающий почти белый шар в центре группы.

— Нужно изгнать убийцу до того, как Испытание закончится,— проворчал великан с Фонделфора и с угрожающим видом двинулся в сторону Холлинреда.

— Смотрите! — в отчаянии воскликнул Холлинред.— Взгляните на красный!

Шар великана откололся от серого и стал стремительно, очень заметно чернеть.

— Значит, так действовать нельзя.— Великан остановился.— Мы должны сделать это вместе, или все потерпим неудачу.

— Держитесь от меня подальше,— сказал Холлинред.— Это не моя вина, что...

Но они уже схватили его — четыре пары рук, две когтистые лапы, два извивающихся щупальца. Холлинред почувствовал, что его поднимают в воздух. Стараясь вырваться, он отчаянно извивался, но они продолжали поднимать его...

... а потом с силой бросили на суровые, жесткие камни.

Он лежал и чувствовал, как жизнь покидает тело. Он знал, что для него все кончено,— и глядел, как остальные вернулись на свои места и снова образовали круг. Черного больше не было.

Глаза Холлинреда стали закрываться, но он еще успел увидеть, как шесть цветов смешались в один. Теперь, когда они изгнали убийцу из своей среды, ничто не препятствовало им слиться в гармонии. Жемчужно-серый превратился в чистейший белый — единство всех цветов. Когда это произошло, угасающий взгляд Холлинреда зафиксировал, как все шестеро выскользнули из тел и устремились вверх, к собратьям, парящим в небесах в половодье сияющих красок.

Два сапога — пара

Был первый день вербовки на этой планете, и у снятого мной в аренду бюро очередь растянулась на сотни футов. Я видел, слышал и обонял ее, идя сюда из отеля.

Трое моих людей, Очинлек, Стеббинс и Ладлоу, шли впереди, прикрывая меня, как щитом. Вглядываясь в просветы между ними, я оценивал улов. Здесь были представлены экзоты всех размеров и форм, всех цветов и структур, и каждый мечтал о контракте с Корриганом. В Галактике полным-полно диковинных созданий, но едва ли найдется хоть один вид, способный противиться соблазну выставить себя напоказ.

— Запускай их по одному,— велел я Стеббинсу. Я прошмыгнул в бюро, сел за стол и приготовился к приему претендентов.

Планета называлась Мак-Тэвиш-IV (если пользоваться официальным каталогом) или Хрин (если пользоваться местным названием). Про себя я думал о ней как о Мак-Тэвише-IV, а публично именовал Хрином. Я за то, чтобы ладить с туземцами.

Напротив моего окна торчал большой, объемный, яркий транспарант: «ТРЕБУЮТСЯ ВНЕЗЕМНЫЕ!» Мы еще за месяц до прибытия сюда подняли рекламную шумиху, наводняя Мак-Тэвиш-IV такой, к примеру, чепуховиной: «Хотите посетить Землю — самый изысканный и восхитительный мир в Галактике? Хотите иметь хороший заработок, короткий рабочий день, удовольствие от волнующего шоу на романтической Терре? Если вы инопланетянин, у вас есть надежда попасть в Институт морфологии Корригана. Нужны только нормальные экзоты. С третье-

© Перевод Т. Гинзбург.

го по пятый день десятого месяца Дж. Ф. Корриган лично будет проводить отбор. Впредь до 2937 года он не посетит Каледонию Кластер, так что не зевайте! Спешите! Вам может открыться богатая и чудесная жизнь!»

Подобная трескотня, переведенная на полтысячи языков, приносит свои плоды. И Корригановский институт имеет огромный успех у публики. А как же иначе? Он ведь единственное достойное место, где земляне могут поглазеть на других обитателей Вселенной.

Раздался звонок. Очинлек почтительно доложил:

— Первый претендент готов к приему, сэр.

— Пусть он, она или оно войдет.

Дверь отворилась, и я увидел робкого экзота на веретенообразных ножках с двойными коленками. Это было кругленькое желто-зеленое создание величиной с баскетбольный мяч. Пять рук с двойными локтевыми суставами равномерно распределялись вокруг всего его туловища. Один глаз без век был на темечке, а пять — с веками — по одному на каждой руке. Портрет этот дополнял большой, широко раскрытый беззубый рот.

— Вы мистер Корриган? — раздался неожиданно зычный бас.

— Да.— Я потянулся за бланком анкеты.— Прежде всего мне необходимо получить некоторую информацию о...

— Я с Регула-два,— *солидно прогудел он, прежде чем я успел* достать бланк.— Мне не нужен специальный уход, и я не разыскиваюсь за нарушение закона какой-либо планеты.

— Ваше имя?

— Лоуренс Р. Фицджералд.

Я кашлянул, стараясь скрыть изумление.

— Вы не могли бы повторить?

— Охотно. Лоуренс Р. Фицджералд. «Р» — это от Раймонда.

— Но ведь при рождении вас не могли так назвать.

Существо, не сходя с места, сделало полный оборот вокруг своей оси: на его планете это эквивалентно улыбке смущения.

— Моего прежнего имени больше не существует. Отныне и навсегда я Лоуренс Р. Фицджералд. Я, понимаете ли, геррафил.

Он, можно сказать, был уже принят. Остались только некоторые формальности.

— Вам понятны наши условия, мистер Фицджералд?

— Я буду экспонирован в вашем институте. Вы оплачиваете мои услуги, транспортировку и прочее. Продолжительность ежедневной экспозиции не больше одной трети звездных суток.

— А оклад... э-э... пятьдесят галактических долларов в неделю.

Сферическое создание восторженно захлопало руками — тремя с одной стороны и двумя — с другой.

— Чудесно! Наконец я увижу Землю! Я принимаю условия!

Я вызвал Ладлоу и условным сигналом сообщил ему, что экзот согласен на половинную плату, и Ладлоу увел его подписывать контракт.

Я усмехнулся, довольный собой. Нам требовался зеленый уроженец Регула; имевшийся у нас представитель этой планеты уволился четыре года назад. Но то, что он был нужен нам, вовсе не значило, что мы должны переплачивать ему. Такой поклонник Терры, который даже переименовал себя на земной лад, пошел бы к нам и даром, а то еще и сам заплатил бы за возможность попасть на Землю. Совесть не позволяет мне по-настоящему эксплуатировать экзотов, но и привычки швыряться деньгами у меня нет.

Следующим претендентом был тучный урсиноид с Альдебарана-IX. У нас таких урсиноидов было вдоволь, мы были обеспечены ими на несколько десятилетий вперед, так что я в две минуты от него отделался. За ним последовал пухлый синекожий гуманоид с планеты Донована, весивший пятьсот фунтов при росте четыре фута. Парочка таких созданий у нас уже была, но публике эти веселые толстяки по нраву. Я отфутболил его Очинлеку для контракта по умеренной ставке.

Затем явился потрепанный паук с Сириуса, искавший не столько работу, сколько милостыню. Чего у нас действительно перебор — это таких вот серебристых пауков. Я спровадил его за полминуты, не дав ему ни гроша. Не терплю попрошаек.

Поток претендентов не оскудевал. Хрин расположен в самом центре Каледонии Кластер, на перекрестке межзвездных дорог. И мы не напрасно рассчитывали на обильный урожай.

Изоляционизм, утвердившийся с конца XXIX века, помог мне после нескольких лет стажировки на карнавалах в системе Бетельгейзе стать преуспевающим владельцем Института Корри-

гана. В 2903 году Всемирный конгресс объявил Терру заповедником, недоступным для внеземных существ.

Раньше каждый мог посетить Землю. Но с тех пор как ворота захлопнулись, инопланетянин, чтобы попасть туда, должен был сделаться экспонатом научной коллекции — попросту говоря, зверинца.

Зверинец — вот что на самом деле представляет собой Институт морфологии Корригана. Но мы не отлавливаем экзотов, мы зазываем их, и они летят к нам тучами. Каждому хочется хоть разок повидать Землю, а это для них единственный путь.

Коллекция у нас не очень большая. Перед этой экспедицией мы имели 690 экзотов, представляющих 298 внеземных высокоразвитых форм жизни. Моя цель — иметь 500 таких форм. Тогда я смогу сидеть спокойно, и пусть конкуренты догонят меня, если смогут!

После часа напряженной работы мы имели одиннадцать новых контрактов. За то же время мы отвергли дюжину урсиноидов, пятьдесят рептилий — аборигенов Хрина, семь пауков с Сириуса и не меньше девятнадцати хлородышащих проционитов в скафандрах.

К сожалению, мне пришлось отказаться и от предложенного хринским агентом уроженца Веги, который украсил бы нашу коллекцию. Эти четырехсотфутовые и страшные на вид экзоты — по натуре кроткие и милые создания, но поди прокорми такого, если ему ежедневно надо подавать буквально тонны свежего мяса.

— Примем еще одного,— сказал я Стеббинсу,— чтобы до ланча иметь для ровного счета дюжину.

Он как-то странно поглядел на меня и кивнул. Вошел следующий претендент. Я окинул его долгим и пристальным взглядом, а потом посмотрел еще раз, не понимая, что это за шутки. Насколько я мог судить, он был самым натуральным землянином.

Вошедший, не дожидаясь приглашения, сел напротив меня и закинул ногу на ногу. Высокий, необычайно худой, со светло-голубыми глазами и пепельными волосами, он, несмотря на чистую и достаточно приличную одежду, выглядел довольно убого. Заговорил он на обыкновенном земном языке:

— Я насчет места в вашей коллекции, мистер Корриган.

— Здесь какое-то недоразумение. Нас интересуют только инопланетяне.

— Я Илдвар Горб с планеты Ваззеназз-тринадцать.

Я и сам не прочь иногда подурачить публику, но не люблю, чтобы дурачили меня.

— Вот что, приятель, я занят и мне не до шуток. Не рассчитывайте также и на мою щедрость.

— Я пришел не за подаянием. Я ищу работу.

— Тогда поищите ее в другом месте. И не отнимайте у меня времени. Вы такой же землянин, как и я сам.

— Я никогда не был ближе чем в двенадцати парсеках от Земли,— невозмутимо заявил он.— Я представитель единственного в Галактике вида, идентичного земному. Ваззеназз-тринадцать — малоизвестная планета в Крабовидной туманности. Случайно эволюция пошла там по тому же пути, что и на Земле. Так разве я не подхожу для вашего цирка?

— Нет. И это не цирк. Это...

— Научный институт. Простите, я обмолвился.

Было что-то привлекательное в этом наглом мошеннике. Должно быть, я угадал в нем родственную душу. Поэтому и не выгнал его взашей, а даже подыграл ему:

— Где это вы в вашем захолустье научились так хорошо говорить по-английски?

— Я не говорю. Я телепат, но я не читаю чужие мысли, я проецирую свои. Я передаю вам символы, а уж вы преобразуете их в слова.

— Ловко, мистер Горб! — Я с усмешкой покачал головой.— Вы мастак на выдумки, но я на них не куплюсь. Для меня вы просто Сэм Джонс или Фил Смит, севший на мель вдали от родины. Вам нужен бесплатный проезд на Землю. Не выйдет! Спрос на экзотов с Ваззеназза-тринадцать в данный момент отсутствует. Прощайте, мистер Горб!

Он нацелил на меня палец и сказал:

— Вы совершаете большую ошибку. Я для вас находка. Представитель неизвестного доселе вида, ничем не отличающегося от земного! Посмотрите на мои зубы. Ну чем не человеческие? И...

Я отшатнулся от его разинутого рта.

— Прощайте, мистер Горб!

— Я ведь прошу у вас только контракта, Корриган. Это не так уж много. Я буду прекрасным экземпляром. Я...

— Прощайте, мистер Горб!

С укоризной поглядев на меня, он встал.

— Я думал, вы человек с головой, Корриган. Подумайте хорошенько. Может, вы пожалеете о своей поспешности. Я загляну сюда еще разок, чтобы дать вам возможность исправить ошибку.

Когда дверь за ним закрылась, я невольно улыбнулся. Это был лучший финт, какой я когда-либо видел: человек притворяется инопланетянином, чтобы получить работу!

Но, отдавая ему должное, я не намеревался уступать. Нет планеты Ваззеназз-XIII, и во всей Галактике только один человеческий род — на Земле. Нужна была по-настоящему серьезная причина, чтобы я обеспечил попавшему в беду землянину бесплатный проезд домой.

Я не знал тогда, что еще до исхода дня у меня появится такая причина. Вместе с полным коробом неприятностей.

Первый предвестник беды возник после ланча в образе каллерианина. Я завернул уже трех новых урсиноидов, нанял какое-то мыслящее растеньице с Майцена и отказал чешуйчатому псевдоармадилу из созвездия Дельфина. Едва этот опечаленный армадил выкатился, как ко мне без доклада ворвался каллерианин.

Огромный даже для своего вида — примерно девяти футов ростом и с тонну весом,— он прочно расставил свои три ноги, вытянул в каллерианском приветствии массивные руки и гаркнул:

— Я Валло Хираал, полноправный гражданин Каллера-четыре. Вы немедленно подпишете со мной контракт.

— Садитесь, полноправный гражданин Хираал. Я привык сам принимать решения.

— Вы обеспечите мне контракт!

— Может, все-таки присядете?

Он угрюмо отозвался:

— Я постою.

— Как угодно.

В моем столе имелись некоторые замаскированные приспособления: с иными собеседниками без этого не обойтись. Я сжал пальцами спуск разбрызгивателя, просто на всякий случай.

Каллерианин стоял неподвижно. Все они волосатые создания, а этот был весь покрыт жесткой, густой шерстью, точно голубым

ковром. Только сквозь две дырочки в сплошном меховом покрывале злобно горели глаза. На посетителе был национальный наряд: короткая юбочка, пояс и неизменный у этого народа бластер.

Я сказал:

— Вы должны понять, полноправный гражданин Хираал, нашему институту не требуется больше нескольких представителей одного вида. В частности, каллериане нам сейчас не нужны, потому что...

— Вы возьмете меня, или у вас будут неприятности!

Я развернул перед ним инвентарную опись, в которой значилось уже четверо каллериан, то есть больше чем достаточно.

Глаза-бусинки сверкнули еще ярче.

— Да, у вас четверо представителей клана Вердрокх! И ни одного из клана Герсдринн! Три года я ждал случая отомстить за такое оскорбление благородного клана Герсдринн!

При слове «месть» я приготовился окатить каллерианина липкой пеной, едва он схватится за свой бластер. Но он только проревел:

— Я дал страшную клятву, землянин! Возьми меня на Землю, пусть у тебя будет один Герсдринн, не то жди беды!

Как всякий честный жулик, я человек принципиальный, и один из моих основных принципов — не позволять себя запугать.

— Глубоко сожалею, что непреднамеренно нанес обиду вашему клану, гражданин Хираал. Примите мои извинения!

Он молча пялился на меня. Я продолжал:

— Прошу вас верить, что я загладжу эту обиду при первой возможности. Сейчас мы не в силах ничего сделать. Но я отдам предпочтение клану Герсдринн, как только вакансия...

— Нет. Вы примете меня сейчас.

— Это невозможно, гражданин Хираал. Наш бюджет...

— Вы пожалеете! Я пойду на крайние меры!

— Угрозами вы ничего не добьетесь, гражданин Хираал. Даю слово связаться с вами, как только в нашем предприятии будет место для еще одного каллерианина. А сейчас, прошу вас... там ведь еще другие ждут...

По-вашему, быть экспонатом в зверинце оскорбительно, но у большинства внеземных форм это считается честью. И мы ни-

когда не могли быть уверены, что контракт с данным экзотом не окажется обидой для каких-то его соплеменников.

Я нажал на кнопку сигнала тревоги, вмонтированную в стол, и Очинлек и Лаллоу одновременно возникли в дверях справа и слева от меня. С льстивыми уговорами они вывели громадного каллерианина. Он, хоть и продолжал честить нас на все корки, физического сопротивления не оказал, не то от взмаха его лапищи мои охранники пролетели бы до другого города.

Я отер пот со лба и хотел просигналить Стеббинсу, чтобы он вызвал следующего. Но прежде чем я дотянулся до кнопки, дверь с шумом распахнулась, и стремглав вбежал крохотный экзот, преследуемый разгневанным Стеббинсом.

— А ну пошел вон!

— Стеббинс? — мягко произнес я.

— Простите, мистер Корриган. Я только на секунду отвернулся, как он уже...

— Пожалуйста, пожалуйста! — умоляюще пропищал малыш.— Мне необходимо побеседовать с вами, уважаемый сэр!

— Не его очередь,— запротестовал Стеббинс.— Там не меньше пятидесяти впереди него.

— Ладно,— сказал я устало.— Раз он уже здесь, я приму его. А вообще надо быть внимательнее, Стеббинс.

Стеббинс вышел с опущенной головой.

Экзот имел жалкий вид. Это был похожий на белку стортулианин ростом около трех футов. Его мех, которому полагалось быть глянцево-черным, посерел и потускнел; печальные глаза слезились; хвост повис. И как ни старался он повышать голос, я слышал лишь слабое хныканье.

— Покорнейше прошу прощения, достопочтенный сэр. Я со Стортула-двенадцать, и я истратил все до последнего гроша, чтобы попасть на Хрин и обратиться к вашей милости.

Я сказал:

— Лучше я сразу сообщу вам, что стортулиан у нас полный комплект. Мы имеем особей как мужского, так и женского пола и...

— Это мне известно. Женская особь — случайно не Тайресс?

Я заглянул в инвентарную опись.

— Да, это ее имя.

У маленького экзота вырвался душераздирающий стон:

— Это она! Она!

— Боюсь, у нас нет места для...

— Вы меня не совсем поняли. Тайресс... Она... была... моей собственной, навеки связанной со мной супругой, моим утешением и моей радостью, моей жизнью и моей любовью.

— Странно. Три года назад, когда мы заключали с ней контракт, она сказала, что не замужем. Здесь так и написано.

— Она солгала! Она покинула мою норку, завороженная мечтой о Земле. А наши священные обычаи не дозволяют мне жениться снова. Я обречен на одиночество до конца жизни. Я увядаю, я чахну от тоски по ней. Вы должны взять меня на Землю!

— Но...

— Мне необходимо увидеть ее и этого ее бесчестного любовника. Я должен урезонить ее. Землянин, неужели вы не понимаете, что я должен вновь пробудить в ней пыл? Я должен привезти ее назад!

Лицо мое сделалось каменным.

— Значит, вы вовсе не намерены работать у нас — вам надо просто попасть на Землю?

— Да, да! Найдите кого-нибудь другого с нашей планеты, если вам надо! Верните мне мою жену, землянин! Неужели у вас нет сердца?

Сердце у меня есть, но второй мой принцип — не поддаваться сантиментам. Мне было жаль это создание с его семейными невзгодами, но я не собирался из-за какой-то там инопланетной белки жертвовать своей выгодой, а уж о том, чтобы возить кого-то за свой счет, и говорить нечего!

Я сказал:

— Не представляю, что мы можем сделать. Закон категорически запрещает провоз на Землю инопланетян, кроме как для научных целей. И могу ли я, заведомо зная, что ваша цель не связана с наукой, поступиться своей совестью?

— Но...

— Конечно нет,— не давая ему опомниться, продолжал я.— Возможно, если бы вы просто попросили меня о контракте, я из жалости пошел бы вам навстречу. Однако вам зачем-то понадобилось изливать мне свою душу.

— Я думал, моя искренность тронет вас.

— Она меня тронула. Но ведь сейчас вы, по существу, толкаете меня на преступное мошенничество. Нет, дружище, на это я пойти не могу. Мне слишком дорога моя репутация,— с чувством заключил я.

— Так вы мне отказываете?

— Сердце мое разрывается, но взять вас я не могу.

— Тогда, может быть, вы отошлете назад мою жену?

В контракте всегда имеется оговорка, позволяющая мне отделаться от нежелательного экзота. Для этого достаточно заявить, что он не представляет больше научного интереса. Правительство тут же вернет его на родную планету. Но я не собирался проделывать это недостойный трюк с нашей стортулианкой.

Я сказал:

— Я спрошу ее, хочет ли она вернуться назад. Но не стану отсылать насильно. Может быть, ей лучше на Земле.

Он весь съежился и, едва сдерживая слезы, поплелся к двери, безвольно, как тряпка. Под конец он уныло сказал:

— Итак, надежды нет. Все пропало. Я никогда больше не увижу радость моего сердца. Всего хорошего, землянин!

Он так разжалобил меня, что я и сам едва не заплакал. Некоторая совесть у меня есть, и мне было не по себе от предчувствия, что это создание из-за меня покончит самоубийством.

Следующие пятьдесят претендентов не причинили нам хлопот. Затем жизнь снова начала осложняться.

Девятерых из пятидесяти мы приняли. Остальные по той или иной причине не подошли и достаточно спокойно это восприняли. Общий итог за день приближался к двум дюжинам.

Я начал уже забывать и возмущенного каллерианина, и историю с неверной стортулианкой, когда ко мне снова неожиданно явился так называемый Илдвар Горб с несуществующего Ваззеназза-XIII.

— А вы как сюда попали? — требовательно спросил я.

— Ваш человек не туда смотрел,— весело откликнулся он.— Ну как, не изменили еще своего решения насчет меня?

— Убирайтесь, пока я не велел вас вышвырнуть.

Горб пожал плечами.

— Раз вы не изменили своего решения, я изменю постановку вопроса. Не хотите верить, что я с Ваззеназза-тринадцать, я согласен признать себя землянином и поступить к вам на работу.

— Мне все равно, что вы сочините. Убирайтесь или...

— ...вы велите меня вышвырнуть. Ладно, ладно. Дайте мне только полсекунды. Корриган, мы с вами оба не дураки, но тот малый, что стоит за дверью,— дурак. Он не умеет обращаться с инопланетянами. Сколько их вошло к вам сегодня без вызова?

Я сердито глянул на него.

— Чертовски много.

— Видите? Он не годится. Что, если вы уволите его и возьмете на это место меня? Я полжизни провел вне Земли; я знаю об инопланетянах все, что можно о них знать. Я вам пригожусь, Корриган.

Я глубоко вздохнул и поднял глаза к потолку.

— Слушайте, Горб, или как вас там, у меня был трудный день. Один каллерианин почти угрожал мне убийством, и один сторгулианин, возможно, из-за меня покончит с собой. У меня есть совесть, и она не дает мне покоя. Поймите: я хочу только одного — поскорее со всем разделаться и убраться отсюда. Так что не путайтесь у меня под ногами. Мне не нужны ни новые сотрудники, ни — на случай, если вы снова вспомните о своем инопланетном происхождении — экзоты с Ваззеназза-тринадцать. Ну, уберетесь вы или...

В этот момент дверь снова распахнулась, и ко мне вломился Хираал, каллерианин, закутанный с головы до пят в блестящую фольгу и с длиннющей шпагой вместо прежнего бластера. Стеббинс и Очинлек, уцепившись за пояс гиганта, беспомощно волочились сзади.

— Извините, шеф,— просипел Стеббинс.— Я пытался...

Но Хираал, остановившись прямо напротив меня, заглушил его своим рыком:

— Землянин, ты нанес клану Герсдринн смертельную обиду!

Я обеими руками вцепился в разбрызгиватель, чтобы пустить его в ход при первом намеке на действительную агрессию.

Хираал гремел:

— Ты повинен в том, что сейчас произойдет. Я сообщил властям, и ты ответишь за гибель разумного существа! Горе тебе, земная обезьяна! Горе тебе!

— Осторожно, шеф! — завопил Стеббинс.— Он собирается...

Прежде чем мои непослушные пальцы смогли нажать на спуск, Хираал, взмахнув шпагой, с дикой яростью пронзил себя насквозь и ничком упал на ковер. Клинок фута на два торчал из

его спины, а по ковру медленно растеклось пятно синевато-лиловой крови.

Я не успел еще среагировать на это неожиданное харакири, как дверь снова отворилась, пропуская трех скользких рептилий с зелеными перевязями — форма местной полиции. Выпученные золотистые глаза обратились сначала на лежавшую на полу фигуру, а затем на меня.

— Вы Джи-Эф Корриган? — спросил командир отряда.

— Д-да.

— Мы получили жалобу на вас. Заявитель указал...

— ...что ваше неэтичное поведение служит непосредственной причиной безвременной гибели разумного существа,— подхватил второй хринский полисмен.

— И вот доказательство,— снова вступил запевала,— труп несчастного каллерианина, несколько минут назад жаловавшегося на вас.

— А посему,— сказала третья ящерица,— наш долг арестовать вас и наказать штрафом в размере ста тысяч галактических долларов или тюремным заключением сроком на два года.

— Постойте! — вспылил я.— Выходит, каждый может явиться сюда с другого конца Вселенной и выпустить из себя кишки, а мне за это отвечать?

— Таков закон. Вы отрицаете, что своим упорным отказом на просьбу покойного вызвали эту прискорбную кончину?

— Ну... нет... однако...

— Невозможность отрицать является признанием. Вы виновны, земляпин.

В изнеможении закрыв глаза, я пытался найти выход из создавшегося положения. Я мог бы, конечно, наскрести сотню тысяч долларов, но такая непредвиденная трата все же чувствительно отразилась бы на моем годовом доходе. И я содрогнулся при мысли, что в любую минуту сюда может явиться еще и тот малыш-стортулианин, чтобы тоже прикончить себя в моем бюро. Что же, мне так и платить по сто тысяч за каждое самоубийство? Да при подобных расценках я буду разорен еще до захода солнца!

Мои кошмарные размышления были прерваны появлением самого стортулианина. Пронырнув в открытую дверь, он застыл у порога. Трое хринских полисменов и трое моих ассистентов на миг забыли о мертвеце и повернулись к вновь вошедшему.

Я уже предвидел нескончаемые конфликты со здешним законодательством и твердо решил никогда больше не приезжать сюда, а если уж придется, заранее надежно оградить себя от помешанных.

Стортулианин душераздирающим тоном объявил:

— Жизнь лишилась смысла. Мне не на что больше надеяться. Остается только одно.

У меня мороз побежал по коже при мысли о новой сотне тысяч, брошенной кошке под хвост.

— Остановите его кто-нибудь! Он убьет себя! Он...

И тут кто-то прыгнул на меня, нокаутировал и свалил под стол. Грохнувшись головой об пол, я, должно быть, на несколько секунд потерял сознание.

Когда я понемногу пришел в себя, в стене за моим столом зияла огромная дыра, на полу валялся дымящийся бластер, а трое хринских полисменов сидели верхом на обезумевшем стортулианине. Человек, назвавшийся Илдваром Горбом, встал, отряхнулся и помог встать мне.

— Сожалею, что вынужден был блокировать вас, Корриган. Но дело в том, что этот стортулианин намеревался покончить не с собой, а с вами.

Кое-как я добрался до своего кресла. Осколок, отлетевший от стены, пробил надувное сиденье. Удушливо пахло жженым пластиком. Полицейские надежно фиксировали отчаянно сопротивлявшегося маленького экзота, заворачивая его в прочную сетку.

— Я вижу, вы напрасно считаете себя знатоком стортулианской психологии, Корриган,— небрежно бросил Горб.— Самоубийство у них полностью исключается. И если они попадают в беду, они убивают виновника этой беды. В данном случае речь шла о вас.

Я хихикнул — не потому, что развеселился, просто это была разрядка после тяжкого напряжения.

— Забавно,— сказал я.

— Что именно? — спросил мнимый ваззеназзианин.

— Грозный верзила Хираал убил себя, а жалкий и кроткий с виду малыш-стортулианин едва не лишил меня головы.— Я вздрогнул.— Спасибо, что вы меня блокировали.

Я свирепо зыркнул на хринских полисменов.

— Ну? Чего вы ждете? Уберите этого сумасшедшего звереныша! Или убийство не противоречит местным законам?

— Он понесет заслуженное наказание,— спокойно ответствовал командир хринских копов.— Но как насчет мертвого каллерианина и штрафа в...

— ...сотню тысяч долларов. Знаю! — гаркнул я и повернулся к Стеббинсу.— Свяжись по телефону с консульством Терры. Пусть пришлют советника по правовым вопросам. Узнай, нельзя ли как-нибудь выкрутиться из этой заварухи.

— Слушаюсь, шеф.— Стеббинс направился к видеотелефону.

Горб преградил ему дорогу.

— Стойте! Консульство не может вам помочь. Могу я.

— Вы? — спросил я.

— Я могу вызволить вас дешевле.

— Насколько дешевле?

Горб задорно усмехнулся.

— Пять тысяч наличными плюс контракт на роль экзота. Деньги, конечно, вперед. Ну разве не лучше для вас раскошелиться таким образом, чем платить сотню тысяч?

Я с сомнением посмотрел на него. Особых надежд на консульство Терры я не питал: они там избегали вмешиваться в местные конфликты, разве что дело было по-настоящему серьезным, и по прошлому опыту я знал, что никакой чиновник не станет беспокоиться из-за моего кошелька. Но, с другой стороны, доверять этому проныре было рискованно.

— Знаете что,— сказал я наконец,— я согласен на сделку, но и пять тысяч и контракт я гарантирую вам, только если вы меня выручите. Никаких авансов!

Горб пожал плечами.

— Что я теряю?

Прежде чем полицейские успели вмешаться, Горб подскочил к неподвижному каллерианину и с силой пнул его в бок.

— Вставай, мошенник! Хватит симулировать! Тут дураков нет!

Хриниане, бросив связанного агрессора, кинулись к Горбу.

— Прошу прощения,— мягко начал один из них,— но так не положено обращаться с мертвыми.

Горб сердито обернулся к нему.

— С мертвыми — может быть, но этот тип не мертв! — Наклонившись к огромному, как тарелка, уху каллерианина, он

громко сказал: — Кончай волынку, Хираал! Эй ты, гора мяса, твоя мать прислуживает клану Вердрокх!

Мнимый покойник дернулся так, что пол задрожал, и, выдернув из своего тела шпагу, угрожающе взмахнул ею. Но пока он вставал на ноги, Горб был уже возле брошенного стортулианином бластера, поднял его и ловко нацелил прямо в шею гиганта. Тот с ворчанием опустил шпагу.

У меня голова пошла кругом. До сих пор я считал, что неплохо разбираюсь в этих инопланетянах, но сегодня многое оказалось для меня совершенно новым.

— Я не понимаю. Как могло...

Полицейские с досады посинели.

— Тысяча извинений, землянин! Похоже, здесь ошибка.

— Похоже,— спокойно заметил Горб,— здесь групповое мошенничество.

Я снова полностью овладел собой.

— Хотели просто надуть меня на сотню тысяч? Вот так ошибочка! Скажите спасибо, что я незлопамятен. Не то сидеть бы вам всем в кутузке за попытку обжулить землянина! Вон отсюда! Живо! И заберите с собой этого горе-самоубийцу!

Они выкатились — выкатились быстро и с извинениями. Они пытались надуть землянина, а это дело нешуточное. Спеленутого стортулианина они унесли с собой. Воздух как будто стал чище, и все вернулось на свои места. Сделав знак Очинлеку, чтобы тот закрыл дверь, я вопросительно посмотрел на Горба.

— Ну вот. А теперь объясните мне, как он это проделал? — Я ткнул пальцем в сторону каллерианина.

Горб откровенно наслаждался ситуацией.

— Каллериане из клана Герсдринн усиленно тренируются, закаляя свою волю и полностью подчиняя ей свой организм. В Галактике мало кому известно, что они в совершенстве владеют своим телом. Они способны на целые часы останавливать у себя кровообращение и задерживать все нервные рефлексы, в точности имитируя картину смерти. Ну и конечно, когда Хираал пронзал свое тело шпагой, он не задел ни одного из жизненно важных органов.

Каллерианин, все еще стоявший под дулом бластера, пристыженно поник головой.

— Так... Хотел, значит, одурачить меня? Сговорился с этими копами и симулировал самоубийство?

На его рану все еще было страшно смотреть, хотя понемногу она уже стала затягиваться.

— Я глубоко раскаиваюсь, землянин. Я опозорен навеки. Будь милостив, уничтожь меня, недостойного.

Предложение выглядело заманчиво, но как человек деловой я задумал уже кое-что получше.

— Нет, я тебя не уничтожу. Скажи, как часто ты можешь повторять этот трюк?

— Ткани полностью регенерируют через несколько часов.

— Как ты насчет того, чтобы убивать себя каждый день, Хираал? И дважды по воскресеньям?

— Ну,— не без опаски ответил он,— ради чести моего клана, пожалуй...

— Босс, вы хотите...— начал Стеббинс.

— Заткнись. Я беру тебя, Хираал... семьдесят пять долларов в неделю плюс издержки. Стеббинс, укажи в контракте, что Хираал обязуется инсценировать самоубийство от пяти до восьми раз в неделю.

Я чувствовал себя на подъеме. Нет ничего приятнее, чем обратить мошеннический трюк в сенсационное зрелище.

— Вы ничего не забыли, Корриган? — с тихой угрозой спросил Илдвар Горб.— Кажется, у нас с вами было свое соглашеньице.

— О! Да.— Я облизал губы и посмотрел по сторонам. При стольких свидетелях отступать было невозможно. Я должен был выписать чек на пять тысяч и взять Горба на роль экзота. Если только...

— Секундочку! — сказал я.— Чтобы вас допустили на Землю в качестве экзота, вы должны будете доказать свое инопланетное происхождение.

Он с усмешкой вытащил кипу документов.

— Бумаги у меня в полном порядке, все печати на месте, а тот, кто захочет доказать, что они фальшивые, должен будет сначала найти Ваззеназз-тринадцать!

Только когда оба контракта были уже составлены и подписаны, мне вдруг пришло в голову, что разыгравшиеся здесь недавно события имели, возможно, еще более глубокую подоплеку, чем та, что вскрылась при развязке. Уж не был ли сам Горб застрельщиком всего дела? Не он ли подлинный автор и постановщик спектакля с участием Хираала и полисменов?

Да, это было вполне возможно. И в таком случае я, значит, попался, как последний болван, которого я сам когда-либо надувал.

Следя за своим лицом и тщательно соблюдая непроницаемость игрока в покер, я дал себе клятву, что этот Горб, или как там его на самом деле зовут, у меня поплачет — придется-таки ему исполнять предусмотренную контрактом роль экзота!

Мы покинули Хрин в конце недели, просмотрев больше тысячи инопланетян и отобрав пятьдесят два. Теперь в нашем зверинце — простите, институте — было 742 экзота, представляющих 326 различных внеземных видов разумных существ.

Илдвар Горб (признавшийся, что он Майк Хиггинс из Сан-Луиса) был для нас на обратном пути главной опорой. Он действительно знал об инопланетянах все, что только можно было знать о них.

Услыхав, что я отверг четырехсотфунтового вегианина из-за чрезмерных расходов на его содержание, Горб-Хиггинс через агента с Веги моментально раздобыл оплодотворенное яйцо, весившее не больше унции, и заверил меня также, что детеныша можно будет без труда приучить к растительной пище.

Горб-Хиггинс чрезвычайно облегчил мне жизнь на все время этого шестинедельного путешествия с пятьюдесятью двумя внеземными созданиями, чуть не каждому из которых требовалась своя диета. Впрочем, главные трудности создавала неуживчивость этих существ, их взаимное недовольство, обиды из-за ущемленного самолюбия и прочие дурацкие претензии. Каллерианин, например, желал непременно получить место на левом борту, зарезервированном нами для экзотов более легкого веса.

— Путешествие будет совершаться в гиперпространстве,— заверил упрямого каллерианина Горб-Хиггинс.— У нас будет обратная космическая полярность.

— Чего? — растерялся Хираал.

— Обратная космическая полярность. То есть, заняв койку на левом борту, вы фактически всю дорогу будете справа!

— Вот как! Я не знал. Спасибо, что объяснили.

И он с благодарностью принял отведенную ему каюту.

Поистине Хиггинс умел находить с этими созданиями общий язык. Мы рядом с ним выглядели просто жалкими любителями, а ведь я больше пятнадцати лет занимался этим делом!

Каким-то образом он всегда оказывался на месте, где бы и из-за чего ни вспыхнула ссора. Необычайно вздорный норвиннит прицепился к паре с Вэньяна, которая, по его мнению, вела себя недостойно. Однако Горб убедил возмущенного экзота, что в туалете подобное поведение естественно. В общем он был прав, но я ни за что не додумался бы до такого сравнения.

Я мог бы привести еще полдюжины примеров, когда Горб-Хиггинс с его тонким пониманием психологии инопланетян избавлял нас от досадных конфликтов. Впервые в мое окружение затесался человек, у которого, как и у меня, варил котелок, и меня это начинало беспокоить.

Я основал институт в начале 2920-х годов на мои собственные средства, накопленные в предприятии по сравнительной биологии на Бетельгейзе-IX, и позаботился о том, чтобы остаться единоличным владельцем и дальше. В штат я набирал людей старательных, но не блещущих умом — таких, как Стеббинс, Очинлек и Ладдоу.

Теперь же я пригрел на своей груди змею. Илдвар Горб (Майк Хиггинс) умел думать собственной головой. У него была цепкая хватка, и он не упускал своей выгоды. Мы с ним были птицами одного полета. И я сомневался, что для двоих, таких как Хиггинс и я, в нашей кормушке хватит места.

Перед самым приземлением я позвал его, угостил несколькими стаканчиками бренди, а затем приступил к делу.

— Майк, во время путешествия я наблюдал, как ловко вы управляетесь с экзотами.

— С *другими* экзотами,— подчеркнул он.— Я ведь тоже один из них.

— Ваш статус инопланетянина придуман, чтобы миновать иммиграционные рогатки. Но у меня есть к вам предложение, Майк.

— Что же, предлагайте.

— Я уже стараюсь, чтобы и дальше мотаться по космосу,— сказал я.— До сих пор я сам возился с вербовкой, но лишь потому, что не мог доверить эту работу никому другому. Однако вы, мне думается, с ней справитесь.— Я загасил сигарету и взял новую.— Знаете что, Майк, я разорву наш прежний контракт и зачислю вас в штат с окладом вдвое выше прежнего. Вы будете объезжать планеты и подбирать для нас новый материал. Ну, что вы на это скажете?

Контракт у меня был уже заготовлен, и я протянул его через стол. Но Хиггинс, мило улыбаясь, накрыл мою руку своей.

— Бесполезно.

— Как? Даже за двойную плату?

— Скитаний с меня хватит,— сказал он.— Не стоит больше повышать цену. Я хочу только прочно осесть на Земле, Джим. Деньги меня мало интересуют. Честное слово!

Это было очень трогательно и очень неправдоподобно, но делать было нечего. Отвязаться от него таким путем я не смог. Пришлось тащить его с собой на Землю.

Иммиграционные власти усомнились в его бумагах, но он так умно все обставил, что опровергнуть его легенду насчет Ваззеназза-XIII было невозможно.

Хираал у нас теперь один из ведущих исполнителей. Ежедневно в два часа пополудни он демонстрирует перед публикой самоубийство, а затем под звуки фанфар воскресает снова. Четверо других каллериан, попавших к нам раньше, отчаянно завидуют его популярности, но сами они этому трюку не обучены.

Однако гвоздем программы, бесспорно, является обаятельный мошенник Майк Хиггинс. Он объявлен у нас представителем единственного инопланетного мира, идентичного земному, и, хотя мы хорошо ему платим, выгода нам от него немалая.

Забавно, что в нашем редкостном зрелище публику больше всего интересует Человек, но уж таков этот зрелищный бизнес!

Через пару недель после нашего приезда Майк отколол новый номер: нашел где-то белокурую красотку, которая выступает теперь вместе с ним как женщина с Ваззеназза. Ему так веселее, ну и сама по себе идея тоже, конечно, неглупа.

Он вообще чересчур умный. Я уже говорил, что ценю толковых мошенников,— примерно так, как иные ценят хорошее вино. Но лучше бы мне оставить Илдвара Горба на Хрине, чем заключать с ним контракт.

Вчера он после представления заглянул ко мне. На лице его была та милая улыбка, которая появляется у него всякий раз, когда он что-то затевает.

Он, как обычно, пропустил стаканчик, а затем сказал:

— Джим, у меня был разговор с Лоуренсом Р. Фицджеральдом.

— С кем? А-а, это тот зеленый мячик с Регула?

— Он самый. Оказывается, он получает только пятьдесят долларов в неделю. И у многих других ребят тоже очень низкий заработок.

Под ложечкой у меня заныло от дурного предчувствия.

— Майк, если вы желаете прибавки — я ведь не раз говорил, как высоко я вас ценю,— хотите накину еще двадцатку в неделю?

Он протестующе поднял руку.

— Речь идет не о моей прибавке, Джим.

— О чем же тогда?

Улыбка его стала еще шире.

— Вчера вечером мы устроили небольшое собрание и... в общем, организовались в союз. Меня ребята выбрали лидером. Я хотел бы обсудить с вами вопрос о повышении заработной платы всем экзотам.

— Вы шантажист, Хиггинс, ну как я могу...

— Спокойно. Вам ведь не понравится, если на несколько недель придется прикрыть всю лавочку?

— Вы хотите сказать, что устроите забастовку?

Он пожал плечами.

— Если вы меня к этому вынудите. Как иначе могу я защищать интересы членов профсоюза?

Я, конечно, еще поторговался, но в конце концов он выжал из меня прибавку для всей компании, прозрачно намекнув, что скоро поставит вопрос о новом повышении. Он не скрыл, впрочем, что готов дать мне возможность откупиться. Он хочет стать моим компаньоном и получать свою долю прибыли.

В этом случае он в качестве члена правления должен будет отказаться от профсоюзной деятельности. И значит, я не буду иметь в его лице противника.

Но я буду иметь Хиггинса в самом центре предприятия, а он ведь не угомонится, пока совсем не вытеснит меня.

Однако ему меня не одолеть! Не для того я всю жизнь упражнялся в обмане и надувательстве! По-настоящему ловкий человек покажет себя, было бы только за что зацепиться! Я дал такую возможность Хиггинсу. Теперь он дает ее мне.

Он вернется через полчаса за ответом. Что же, он его получит. Я намереваюсь воспользоваться той самой лазейкой, которую он оставил мне, подписав типовой договор на роль экзота. Я в любой момент могу заявить, что он не представляет больше

научной ценности, а значит, подлежит возврату на родную планету.

Это ставит его перед дилеммой, где оба решения одинаково гибельны.

Поскольку на Землю его официально допустили в качестве инопланетянина, не моя забота, как его отправят обратно. Это уж пусть у него самого и у ФБР голова болит.

Если же он признается в подделке документов, он будет сидеть в тюрьме, пока не посинеет.

Итак, я предложу ему третий выход: он подписывает признание без даты, которое я прячу в свой сейф, гарантируя себя таким образом от дальнейших неприятностей.

Я не рассчитываю жить вечно, хотя с помощью секрета, открытого мне на Римбо-II, я, если не случится какой-нибудь беды, протяну еще довольно долго. Однако я давно подумываю, кому передать корригановский Институт морфологии. Хиггинс может стать моим преемником.

Да, он должен будет подписать еще одно обязательство: пока институт существует, он будет носить имя Корригана.

Ну вот, а теперь пусть Майк Хиггинс попытается меня перехитрить. Перехитрит он меня, как вы думаете?

Рукою владыки

Накануне вечером закат был кроваво-красен, и потому полковник Джон Диволл провел прескверную ночь. Атмосфера планеты Маркин не способствует красным закатам, но изредка, если свет голубого солнца рассеивался лучше обычного, они все же случались. А жители планеты считают красный закат предвестием беды. Полковник Диволл возглавлял на Маркине научно-просветительное и военное представительство Земли и, сам скорее человек науки, чем военный, склонен был согласиться с маркинцами, что красный закат сулит неприятности.

Диволл — высокий, ладно скроенный, статный, у него ясный, проницательный взгляд и четкие движения заправского военного. Он усердно и не без успеха изображает властного командира, и подчиненные верят этому обличью, уважают его и побаиваются.

Его научная специальность — антропология. Получить еще и военное образование он надумал позже, но это была удачная мысль: потому-то он и стал начальником миссии на планете Маркин. Департамент внеземных дел требовал, чтобы все миссии на планетах со сравнительно неразвитой цивилизацией состояли из военных и возглавлялись военными,— но, рассуждал Диволл, пока я играю роль бравого вояки, кто распознает, что на самом деле я не такой? Маркин — довольно мирная планета. Здешние жители — народ разумный, технология у них не бог весть какая, но культура довольно высокая, и с ними совсем не трудно поддерживать отношения на равных.

© Перевод Норы Галь

Вот потому-то Диволл и спал плохо в ночь после красного заката. Несмотря на всю свою выправку и безупречную манеру держаться, он считал себя книжником, человеком глубоко штатским. И вовсе не уверен был, как поведет себя в критическую минуту. Он знал: случись непредвиденное, от маски закаленного командира, пожалуй, и следа не останется.

Под утро, сбросив на пол одеяло и смяв в комок простыни, он все же задремал. Ночь была теплая, как почти всегда на этой планете, но Диволл продрог.

Проснулся он поздно, за считаные минуты до завтрака, и торопливо оделся, чтобы явиться в офицерскую столовую вовремя. Разумеется, как старший по чину он вправе спать сколько угодно, но подниматься тогда же, когда все,— это входит в роль, которую он себе сам навязал. Он надел легкую летнюю форму, поспешно снял бритвенной эссенцией щетину, пробившуюся со вчерашнего дня на смуглых щеках, нацепил портупею с неизбежным лучевым пистолетом и подал вестовому знак, что он встал и приступает к своим обязанностям.

Миссия землян размещалась на пространстве десяти акров в получасе езды от одного из крупнейших поселений планеты. Вездеход уже стоял наготове подле отдельного командирского домика; Диволл уселся, коротко кивнул вестовому:

— Здравствуйте, Харрис.

— Доброе утро, сэр. Хорошо спали?

— Прекрасно,— машинально ответил Диволл.

Обычный обмен приветствиями. Тотчас загудели двигатели и маленький вездеход помчался через всю территорию миссии к столовой. К соседнему сиденью, как всегда по утрам, приколот был листок — распорядок дня, заготовленный дежурным офицером, пока начальник спал. Сегодняшний распорядок подписал Далли, на редкость энергичный майор — образцовый космический служака, будто созданный для военной карьеры и ни для чего другого. Диволл вникал в распорядок на утро, старательно выписанный угловатым почерком Далли:

Кеели, Дорфмен, Мэллорс, Стебер — как обычно, подразделение лингвистики. Маршрут вчерашний — в город.

Хаскел — медицинская служба. Анализы крови и мочи.

Мацуоко — ремонтные работы (до среды включительно).

Джолли — зоопарк.

Леонардс, Мейер, Родригес — предусмотренный выезд на два дня для ботанических исследований в полевых условиях. Придается запасной вездеход для образцов.

Диволл изучил список до конца, но, как и следовало ожидать, Дадли распределил обязанности безупречно, каждого человека направил туда, где тот будет всего полезней и получит наибольшее удовлетворение. Только одно заставило чуть задуматься — Леонардс направлен на ботанические полевые исследования. Двухдневная поездка — пожалуй, придется пересечь опасный дождевой лес на юге; Диволла кольнула тревога. Этот мальчик — его племянник, сын родной сестры, вполне толковый свежеиспеченный ботаник, только-только получивший это звание. Он впервые направлен во внеземную экспедицию и в отряд Диволла попал случайно, как новичок. Диволл скрыл от подчиненных, что они с Леонардсом родня, ведь это могло поставить юношу в неловкое положение, а все-таки поневоле хотелось бы его поберечь.

К черту, подумал он, малыш вполне самостоятелен; нацарапал внизу листа свои инициалы и приколол на прежнее место; пока рядовые убирают жилые помещения, а командиры завтракают, распорядок будет доведен до всеобщего сведения и к девяти утра каждый займется своим делом. Столько надо сделать, подумал Диволл, а времени так мало. Так много неисследованных миров...

Он соскочил с вездехода и вошел в офицерскую столовую. Это была небольшая ярко освещенная ниша слева от общего зала; когда вошел Диволл, семь человек, встречая его, уже вытянулись по стойке «смирно».

Конечно же, они не простояли так все утро, они вскочили и вытянулись, когда кто-то, стоявший на страже — скорее всего, самый молодой из всех, младший лейтенант Леонардс,— подал знак о приближении начальства.

Ладно, пустяки, подумалось Диволлу. Лишь бы соблюсти вилимость. Форму.

— Доброе утро, джентльмены,— отчеканил он и занял свое место во главе стола.

Поначалу казалось, день пойдет как по маслу. Солнце поднималось в безоблачном небе, и термометр, прикрепленный к флагштоку, показывал девяносто три. На Маркине уж если жара, так жара. Диволл по опыту знал: к полудню дойдет этак до ста десяти в тени, а потом температура станет медленно снижаться до восьмидесяти — восьмидесяти двух в полночь.

Группа ботаников отбыла вовремя — с грохотом покатили прочь их два вездехода, Диволл постоял на крыльце столовой, глядя им вслед, посмотрел, как расходятся по местам остальные. Бородатый сержант Джолли на ходу отдал ему честь и рысцой направился к «зоопарку» — здесь, в небольшом зверинце, на его попечении содержится кое-какая местная живность; возвращаясь с Маркина, экспедиция захватит ее на Землю. Прошел мимо жилистый маленький Мацуоко, нагруженный плотницким инструментом. Группа лингвистов забралась в вездеход и направилась в город продолжать изучение маркинского языка.

Все заняты по горло. Экспедиция провела на Маркине ровно четыре месяца, остается еще восемь. Если срок не продлят, они вернутся на Землю, полгода отведено на отчет и отдых, а потом предстоит прожить год на какой-нибудь другой планете.

Диволлу совсем не хотелось улетать с Маркина. Вполне приятный мир; правда, здесь жарковато, но кто знает, каков окажется мир, куда попадешь в следующий раз. Быть может, ледяной шар замерзшего метана, где весь год будешь ходить, упакованный в скафандр с кислородным баллоном, пытаясь вступить в контакт с какими-нибудь моллюсками, которые дышат сероводородом. Диволл предпочитал уже знакомую чертовщину неизвестной.

Однако не сидеть же на одном месте. Маркин — его одиннадцатая планета, а впереди ждут другие. На Земле едва хватает специалистов, чтобы хоть как-то обследовать десять тысяч миров, а жизнь изобилует на десятке миллионов! Надо будет сохранить тех участников нынешней команды, чья работа его удовлетворяет, заменить неподходящих и через восемь месяцев возглавить новую экспедицию.

Диволл включил в своем кабинете вентилятор и достал вахтенный журнал; раскрыл папку, вложил первый чистый лист в печатающий автомат; на сей раз он избежал привычной ошибки: сперва откашлялся, а уже потом включил автомат и тем самым

не заставил машинку опять и опять тщетно подыскивать слово, которым можно передать его вечное «эгр-хмм!».

Мягко засветилась красная лампочка, и Диволл заговорил:

— Четвертое апреля две тысячи семьсот пятого. Докладывает полковник Джон Диволл. Сто девятнадцатый день нашего пребывания на Маркине, седьмой планете системы тысяча сто семь-а. Температура в девять утра девяносто три градуса, ветер южный, слабый...

Он диктовал еще долго, как всегда по утрам. Покончив с необходимыми подробностями, взял пачку отчетов, оставленных для него с вечера специалистами отдельных служб, и начал диктовать данные для вахтенного журнала; машинка весело пощелкивала, и где-то в Рио-де-Жанейро в подвале высоченного здания Департамента внеземных дел подключенная к ней по радио машина воспроизводила каждое его слово.

Нудная это была работа. Диволлу нередко думалось: быть может, куда больше радости он получал бы, занимаясь, как когда-то, прямыми антропологическими изысканиями, вместо того чтобы нести бремя текучки, к которой обязывает положение администратора. Но должен же кто-то нести это бремя!

Бремя землянина. Мы опередили всех на пути цивилизации — и помогаем другим. Но ведь никто не заставляет нас из-под палки лететь к далеким мирам и делиться тем, что у нас есть. Назовем это внутренней потребностью.

Он собирался работать до полудня; позднее к нему явится один из маркинских верховных жрецов, и, скорее всего, беседа затянется почти дотемна.

Но около одиннадцати Диволла прервал грохот неожиданно возвратившихся вездеходов и громкие голоса: кричали наперебой земляне и маркинцы. Похоже, кипел яростный спор, но спорщики были еще далеко, и Диволл не настолько хорошо знал маркинский язык, чтобы разобрать, из-за чего шум. Не без досады он выключил печатающий аппарат, встал, подошел к окну и выглянул во двор.

Вернулись два вездехода — группа ботаников, а ведь и двух часов не прошло, как они уехали. Трех землян обступили четыре маркинца. Двое сжимают в руках копья с зазубренными наконечниками. Третья — женщина, четвертый — старик. Все горячо что-то доказывают.

Диволл нахмурился: люди в джипах бледны, лица встревоженные и подавленные, совершенно ясно — что-то стряслось. Тот кроваво-красный закат не зря предвещал недоброе, подумал Диволл, выскочил из кабинета и сбежал по лестнице.

Широким шагом он направился к спорящим, и семь пар глаз обратились на него: блестящие глаза маркинцев цвета расплавленного золота и смущенные, неуверенные взгляды землян.

— Что здесь происходит? — властно спросил Диволл.

Туземцы заговорили все сразу, сбивчиво, торопливо, застрекотали, как белки. Никогда еще Диволл не видел жителей Маркина в таком волнении.

— Тише! — загремел он.

И когда все смолкло, спросил совсем спокойно, не повышая голоса:

— Лейтенант Леонардс, можете вы объяснить толком, из-за чего такой переполох?

Казалось, юноша перепуган насмерть — челюсти стиснуты, губы побелели.

— Д-да, сэр,— заикаясь вымолвил он.— Прошу прощения, сэр. Так получилось, я убил маркинца.

У себя в кабинете, в относительном уединении, Диволл снова оглядел своих: Леонардса, который как сел, так и застыл, не сводя глаз с начищенных до блеска башмаков, Мейера и Родригеса — его спутников по злосчастной ботанической разведке. Маркинцы остались во дворе, их он успокоит после.

— Ну, так,— сказал Диволл.— Леонардс, сейчас вы повторите все в точности, как рассказали мне, и я сделаю запись. Начнете говорить, когда я подам знак.

Он включил печатающий аппарат.

— Показания младшего лейтенанта Пола Леонардса, ботаника, данные в присутствии командира четвертого апреля две тысячи семьсот пятого года,— произнес он и ткнул пальцем в сторону Леонардса.

Казалось, лицо юноши вылеплено из воска; бледный лоб в крупных каплях пота и на нем вздулись вены, светлые волосы спутаны и взъерошены. Он сжал губы в мучительной гримасе, стиснул руки так, что ногтями одной впился в кисть другой, и наконец заговорил:

— Так вот, мы выехали из лагеря сегодня около девяти утра, курсом на юго-запад, объезжать дальние районы. Задача была

собрать ботанические образцы. Я... я был старшим, в группу входили еще сержанты Мейер и Родригес.

Он чуть помолчал.

— Мы... в первые полчаса мы мало что успели, поблизости еще раньше все обследовали. А примерно в девять сорок пять Мейер заметил неподалеку, слева от большой дороги, участок, густо поросший деревьями, и показал мне. Я предложил остановиться и разведать, что это за лес. На вездеходах въехать было невозможно, мы пошли пешком. Родригеса я оставил присмотреть за нашей машиной и снаряжением.

Мы прошли через сплошную полосу лиственных цветковых деревьев, этот вид уже исследован раньше, потом попали в замкнутую естественную рощу и сразу заметили несколько видов, которые нам прежде не встречались. Один нам показался особенно интересным — растение высотой фута в четыре, всего один плотный сочный стебель, а верхушка — громадный, сложный зеленый с золотом цветок. Мы в подробностях засняли его на пленку, взяли образчики запаха, оттиски пыльцы и срезали несколько листьев.

Диволл вдруг перебил его:

— Но самый цветок вы не срезали? Говорит Диволл.

— Нет, конечно. Другого такого поблизости не было, а мы не уничтожаем единственные экземпляры ради коллекции. Но несколько листьев со стебля я взял. И в эту самую минуту из-за густых кустов вроде папоротника на меня бросился туземец. У него было такое злешнее копье, зазубренное. Мейер первый его увидал и крикнул, и я отскочил, а тот на меня с копьем. Я размахнулся, удалось оттолкнуть копье, меня не задело. Маркинец отступил на несколько шагов и что-то кричал, но я еще плохо понимаю их язык. Потом он вскинул копье и нацелил на меня. У меня был при себе обычный лучевой пистолет. Я выхватил его и по-маркински велел туземцу опустить копье и сказал, что мы не хотели сделать ничего плохого. А он не слушал и опять бросился на меня. Пришлось защищаться, я выстрелил, я только пытался уничтожить копье, в крайнем случае ранить того в руку, а он повернулся, хотел размахнуться сильнее, он тут же умер.— Леонардс пожал плечами.— Вот и все, сэр. Мы сразу вернулись.

— Гм. Говорит Диволл. Сержант Мейер, подтверждаете вы, что суть дела рассказана верно?

Мейер — темноволосый, худощавый, улыбчивый, но сейчас на его худом лице ни следа улыбки.

— Говорит Мейер. Я так скажу, по сути лейтенант Леонардс все рассказал верно. Только, по-моему, туземец был не так уж свиреп, хоть и грозился копьем. Я-то подумал, оба раза он, когда нападал, просто хотел взять на испуг, я немного удивился, когда лейтенант Леонардс его застрелил. Это все, сэр.

Полковник нахмурился.

— Говорит Диволл. Записывались показания касательно того, что сегодня лейтенантом Леонардсом убит маркинец.

Он выключит аппарат, поднялся и, наклонясь над столом, сурово посмотрел в лица трех молодых ботаников.

— Сержант Родригес, поскольку вы не были очевидцем, вы не несете никакой ответственности за случившееся и показаний от вас не требуется. Явитесь к майору Дадли и получите новое задание на остаток недели.

— Спасибо, сэр! — Родригес отдал честь, расплылся в благодарной улыбке и исчез.

— Что до вас двоих, придется вам оставаться на базе впредь до окончательного решения по этому делу. Вряд ли надо вам объяснять, насколько серьезно это может обернуться независимо от того, совершено ли убийство при самозащите или нет. Очень многие народы не знают понятия самозащиты.— Он провел языком по внезапно пересохшим губам.— Я не предвижу чересчур больших осложнений. Но мы на чужой планете, жители ее нам чужды, и трудно сказать, как они себя поведут.

Он бросил беглый взгляд на Леонардса.

— Лейтенант, ради вашей же безопасности я вынужден просить вас впредь до нового распоряжения никуда не отлучаться.

— Слушаю, сэр. Надо считать, что я под арестом?

— Пока нет,— сказал Диволл.— Мейер, до конца дня присоединяйтесь к ремонтникам. Возможно, прежде чем с этим делом будет покончено, нам опять понадобятся ваши показания. Оба свободны.

Когда они вышли, Диволл бессильно откинулся в кресле и уставился на кончики собственных пальцев. Руки его дрожали, словно зажили своей отдельной жизнью.

«Джон Диволл, доктор философии, антрополог, получивший ученую степень в Колумбии в 82-м и звание офицера Космиче-

ской службы в 87-м, впервые вы попали в скверную историю. Как-то ты с этим справишься, Джек? — спросил он себя.— Сумеешь ли доказать, что серебряный орел на плече — знак твоего достоинства — принадлежит тебе по праву?»

Его бросило в пот. Одолела безмерная усталость. На минуту он закрыл глаза, вновь открыл и приказал по внутренней связи:

— Пришлите ко мне маркинцев.

Вошли пятеро, церемонно поклонились и с плохо скрываемым беспокойством стали в ряд у дальней стены, будто новобранцы, снаряженные для расстрела. С ними явился Стебер, лингвист, спешно вызванный из города, чтобы служить Диволлу переводчиком. Познания полковника в маркинском языке, достаточные для повседневного обихода, были все же поверхностны; Стебер пусть будет под рукой, если какие-либо тонкости потребуют уточнения.

По строению тела маркинцы — гуманоиды, происходят от обезьян и потому, казалось бы, физиологически должны быть сродни людям Земли. Но это не так. Кожа у них грубая, жесткая, шероховато-зернистая, как песок, обычно темная, буро-коричневая, а бывает и густо-фиолетовая. Челюсти в ходе эволюции приобрели подвижность, свойственную рептилиям, подбородка почти нет, но рот раскрывается так широко, что они заглатывают пищу огромными кусками, землянин от такого бы задохнулся; глаза как расплавленное золото, расставлены очень широко, и у них превосходное боковое зрение; нос плоский, пуговкой, в иных случаях этот крохотный бугорок над ноздрями почти неразличим.

Перед Диволлом стояли двое помоложе, очевидно воины; оружие они оставили за дверью, но челюсти их угрожающе выпятились, а один, с более темной кожей, от ярости челюсть чуть не вывихнул. Женщина, как все женщины на планете, облаченная в потрепанный меховой балахон, казалась усталой, бесформенной. И еще двое — жрецы, один старик, другой уж вовсе древний старец. К нему-то Диволл и обратился с первыми своими словами:

— Я очень сожалею, что наша сегодняшняя встреча окрашена скорбью. Ранее я надеялся на приятную беседу. Но не всегда возможно предвидеть, что ждет впереди.

— Смерть ждала того, кто убит.— Голос старшего жреца прозвучал сухо, пронзительно. Диволл знал, что это знак гнева и презрения.

Женщина вдруг дико взвыла, с полдюжины слов слились в одно рыдание, Диволл не понял да и не успел ничего разобрать.

— Что она сказала? — спросил он Стебера.

Тот прижал ладонь к ладони, чуть подумал.

— Она жена убитого,— перевел он.-- Она... требует отмщения.

Молодые воины, по-видимому, были друзьями убитого. Диволл пытливо всматривался в чужие, враждебные лица всех пятерых.

— То, что произошло, весьма прискорбно,— сказал он на языке маркинцев.— Но я верю, что это не повредит добрым отношениям, какие до сих пор существовали между землянами и жителями Маркина. Это недоразумение...

— Пролитую кровь надо искупить,— сказал жрец поменьше ростом и в не столь внушительном одеянии, как старец. Наверно, местный священнослужитель, подумал Диволл, и, наверно, он рад и счастлив, что тут с ним старейшина, который его поддержит.

И полковник смахнул пот со лба.

— Молодой человек, виновный в случившемся, безусловно, понесет наказание. Вы, конечно, понимаете, что убийство при самозащите нельзя считать предумышленным и злонамеренным, но я признаю, что молодой человек поступил неразумно, и он за это ответит.

Диволл и сам чувствовал, что слова его не слишком убедительны, и на маркинцев они явно не произвели впечатления.

С губ верховного жреца слетели два резких, отрывистых слога. Диволл не понял и вопросительно посмотрел на Стебера.

— Он сказал, Леонардс вторгся в священное место. Он сказал, они возмущены не убийством, а святотатством.

Несмотря на жару, Диволла охватил озноб. Не убийством?

«Тогда все очень осложнится»,— мрачно подумал он.

Жрецу он сказал:

— Разве это меняет суть дела? Мы все равно покараем виновника, его поступок непростителен.

— Вы можете покарать его за убийство, если хотите.— Верховный жрец говорил очень медленно, чтобы Диволл разобрал каждое слово.

У вдовы вырвались горькие рыдания, совсем так же плакала бы земная женщина; молодые воины смотрели угрюмо и злобно.

— Убийство нас не касается,— продолжал верховный жрец.— Убийца отнял жизнь. Жизнь принадлежит Им, и Они забирают ее обратно, когда сочтут нужным и теми средствами, какими Они пожелают. Но он еще и вторгся в священное место и осквернил священный цветок. Вот его тяжкие преступления. И вдобавок он пролил в священном месте кровь Стража. Выдайте нам его, и суд жрецов будет судить его за двойное святотатство. Быть может, потом вы станете судить его по вашим законам, если он преступил какой-то из них.

Не сразу Диволл сумел отвести взгляд, прикованный к неумолимому жесткому лицу верховного жреца; потом обернулся и заметил, как побледнел Стебер — воплощенное изумление и отчаяние.

Лишь через несколько секунд слова жреца проникли в его сознание, и еще секунды прошли, прежде чем потрясенный Диволл понял, чем это чревато.

«Они хотят судить землянина,— ошеломленно подумал он.— Судить по своим законам. В своем судилище. И определить кару по своему усмотрению».

Все это разом перестало быть просто случаем местного значения, который можно уладить, занести в вахтенный журнал и забыть. Дело уже не в том, чтобы как-то возместить нечаянное убийство инопланетянина.

Теперь, тупо думал Диволл, это вопрос всегалактической важности. И принимать все решения придется ему, Диволлу.

В тот вечер после ужина он зашел к Леонардсу. На базе все уже знали о случившемся, но о требовании маркинцев выдать им Леонардса для суда по здешним законам Диволл приказал Стеберу молчать.

Когда полковник вошел, юноша поднял глаза, собрался с духом и не слишком бодро вытянулся.

— Вольно, лейтенант.— Диволл присел на край койки и, прищурясь, посмотрел снизу вверх на Леонардса.— Ты влип в скверную историю, сынок.

— Сэр, я...

— Знаю. Ты не замышлял рвать листья священного растения и не мог не выстрелить в туземца, когда он на тебя напал. Будь все так просто, я отчитал бы тебя за опрометчивость, на том бы и кончилось. Но...

— Но что, сэр?

Диволл нахмурился и, сделав над собой усилие, посмотрел на юношу в упор.

— Но здешний народ хочет сам тебя судить. Их не так уж возмутило убийство, но ты совершил двойное святотатство. Верховный жрец требует, чтобы ты предстал перед судом маркинских священнослужителей.

— Ну, этого-то вы, конечно, не допустите, полковник?

Леонардс явно не сомневался, что такое просто немыслимо.

— Я не так уж в этом уверен, Пол,— негромко возразил Диволл, нарочно называя Леонарда просто по имени.

— Что вы говорите, сэр?!

— Совершенно ясно, что проступок твой очень серьезен. Верховный жрец созывает для суда над тобой целый маркинский синод. Он сказал, что за тобой придут завтра в полдень.

— Но вы же не отдадите им меня, сэр! В конце концов, я только исполнял свои обязанности; я понятия не имел, что нарушаю какие-то там законы. Да с какой стати им меня судить!

— Попробуй-ка им это доказать,— отрезал Диволл.— Они — жители другой планеты. Земные правила и порядки им непонятны. Они и слышать не желают о наших законах. По их законам ты совершил святотатство, а за святотатство полагается кара. Народ Маркина неуклонно соблюдает свои законы. Технология у них не развита, но в этическом отношении это высокоразвитое общество. В смысле этическом они ничуть не ниже нас.

В лице Леонардса не осталось ни кровинки.

— Вы отдадите меня им?

Диволл пожал плечами.

— Пока я этого не сказал. Но попробуй стать на мое место. Я возглавляю научную и военную экспедицию. Наша задача — жить среди маркинцев, изучить их нравы и обычаи и, насколько позволяет отпущенный нам недолгий срок, как можно большему их научить. Понимаешь, нам нужно хотя бы попытаться вести себя так, как будто мы уважаем их права — права отдельной личности и всего вида.

Так вот, сейчас суть именно в этом. Кто мы — друзья, которые живут среди них и им помогают, или владыки, чья тяжелая рука их придавила?

— Мне кажется, это все слишком упрощенно, сэр,— неуверенно заметил Леонардс.

— Может быть. Но суть ясна. Если мы сейчас им откажем, между Землей и жителями этой планеты разверзнется пропасть: выйдет, что мы только разглагольствуем о братстве, а по существу считаем себя господами. Весть разнесется и по другим планетам. Мы прикидываемся друзьями, но своим поведением в знаменитом деле Леонардса разоблачили свое истинное лицо. Мы — надменные завоеватели, империалисты, смотрим на всех свысока, и... видишь, что получается?

— Значит, вы отдадите меня им на суд,— тихо сказал Леонардс.

Диволл покачал головой.

— Не знаю. Я еще не решил. Конечно, это означало бы создать опасный прецедент. Но если не отдать... уж не знаю, что тогда будет.— Он пожал плечами.— Я доложу обо всем на Землю. Тут решать не мне.

Но нет, решать надо самому, думал Диволл, пока, выйдя от Леонардса, на деревянных, негнущихся ногах шагал к домику, где размещался Отдел связи. Он — здесь, на месте, и только он может оценить все переплетение обстоятельств, определяющих исход этого дела. Земля почти наверняка на него и взвалит всю ответственность.

Одно хорошо: Леонардс по крайней мере не воззвал к его родственным чувствам. Диволл ощутил и гордость, и некоторое облегчение. Пока со всей этой историей не покончено, он обязан попросту забыть, что кашу заварил его племянник.

Связист хлопотал над пультом в глубине домика. Диволл выждал минуту и негромко откашлялся.

— Мистер Рори?

Рори обернулся.

— Слушаю, полковник?

— Немедленно соедините меня с Землей. С директором Департамента внеземных дел Торнтоном. Как только установите связь, кликните меня.

Двадцать минут понадобилось посланному через подпространство импульсу, чтобы ололеть измеряемое световыми годами расстояние до приемника на Земле, еще десять минут ушло, пока там он был переключен на Рио-де-Жанейро. Когда Диволл вернулся в Отдел связи, его уже ждало, переливаясь зеленоватым светом, поле настроенного стереопередатчика. Он шагнул внутрь и очутился в трех шагах перед столом главы Департамента внеземных дел. Изображение Торнтона было четким, но края стола словно расплывались. Плотные неодушевленные предметы при передаче всегда получались неважно.

Диволл кратко обрисовал положение. Торнтон терпеливо, не шелохнувшись, дослушал до конца; пальцы рук переплетены и крепко сжаты, худощавое лицо застыло — не человек, а статуя.

— Неприятная история,— сказал он, когда Диволл умолк.

— Вот именно.

— Так вы говорите, маркинец вернется завтра? Боюсь, полковник Диволл, на то, чтобы созвать совещание и всесторонне исследовать этот вопрос, времени у нас маловато.

— Пожалуй, я мог бы уговорить его несколько дней подождать.

Тонкие губы Торнтона сжались в бескровную полоску. Он ответил не сразу:

— Нет. Действуйте, как сочтете нужным, полковник. Если психология этого племени такова, что отказ предоставить им для суда вашего лейтенанта повлечет нежелательные осложнения, вам, безусловно, придется его им выдать. Если этого возможно избежать, разумеется, постарайтесь избежать. В любом случае виновник должен быть наказан.— Директор невесело улыбнулся.— *Вы — один из лучших наших людей, полковник. Я уверен,* что в конечном счете вы найдете самый правильный выход из создавшегося положения.

— Благодарю вас, сэр,— нетвердым голосом произнес Диволл.

Он кивнул и отступил за пределы поля. Изображение Торнтона пошло рябью. Диволл уловил сказанное на прощанье: «Когда все уладите, доложите мне»,— и поле связи погасло.

Он постоял один в жалком домишке, поморгал, привыкая к внезапной темноте, нахлынувшей на него после яркого света стереополя, потом ощупью стал пробираться в тесноте среди всяческого оборудования к дверям.

Все получилось, как он и предвидел. Торнтон неплохой человек, но он штатский и над ним стоят правительственные чиновники. Ему совсем не по вкусу принимать решения величайшей важности, да еще когда можно заставить некоего полковника на расстоянии сотен световых лет сделать это вместо него.

На другое утро в девять пятнадцать Диволл созвал совещание командного состава. Работы на базе почти прекратились: группе лингвистов велено было никуда не отлучаться, у всех выходов по приказу Диволла поставили часовых. Внезапный взрыв жестокости возможен даже среди самых миролюбивых инопланетян; нельзя предсказать, когда сдерживающие центры откажут и расовая несовместимость разрешится взрывом ненависти.

Собравшиеся молча выслушали запись показаний Леонардса, пояснений Мейера и недолгой встречи Диволла с пятью маркинцами. Диволл нажал клавишу выключателя и обвел быстрым взглядом сидящих за столом: его штаб составляли два майора, капитан и четверка лейтенантов, из которых один находился под домашним арестом.

— Вот такая картина. Около полудня верховный жрец явится ко мне за ответом. Я решил сначала обсудить это с вами.

Слова попросил майор Дадли.

Плотный, приземистый, с темными сверкающими глазами, Дадли в прошлом не раз ожесточенно оспаривал стиль отношений Диволла с инопланетянами. Несмотря на это, Диволл четыре раза кряду выбирал его в спутники для дальних полетов: разногласия бывают полезны, полагал он, притом Дадли еще и великолепный организатор.

— Да, майор?

— Я считаю, сэр, тут не может быть двух мнений. Не отдавать же Леонардса им на суд! Это... не по-человечески и... и не по-земному!

Диволл сдвинул брови.

— Пожалуйста, уточните, майор.

— Очень просто. Не кто-нибудь, а мы вышли в космос, стало быть, мы — наиболее передовая и развитая раса во всей Галактике. Я считаю, это яснее ясного.

— Отнюдь,— заметил Диволл.— Но продолжайте.

Дадли зло скривился.

— Что ни говорите, сэр (обращение прозвучало почти как вызов), а все инопланетяне, с которыми мы до сих пор сталкива-

лись, никогда не сомневались в нашем превосходстве. Я считаю, это бесспорно, и этому есть одно-единственное объяснение: мы и в самом деле высшая раса. А выдать Леонардса им на суд — значит ослабить наши позиции. Показать себя слабыми, бесхарактерными. Мы...

— Так вы полагаете,— перебил Диволл,— что мы владыки всей Галактики и в чем-то уступить нашим рабам — значит потерять над ними власть? Так вы полагаете, майор? — Он гневно, в упор смотрел на Дадли.

Тот невозмутимо встретил грозный взгляд полковника.

— По сути — так. Черт возьми, сэр, я пытаюсь втолковать вам это еще со времен экспедиции на Хигет. Не для того же мы вышли к звездам, чтобы собирать коллекции мотыльков да белок! Мы...

— К порядку! — сухо перебил Диволл.— Наша экспедиция не только военная, но и научная, майор, и, покуда командую я, она останется прежде всего научной.— Он почувствовал, что вот-вот потеряет самообладание. Отвел глаза от Дадли.— Майор Грей, что скажете вы?

Грей, пилот их корабля, в месяцы между полетами руководил строительством базы и составлял карты местности. Он был невысокий, жилистый, торчали острые скулы; никто не видывал на его докрасна загорелом лице улыбки.

— По-моему, нам надо быть поосторожнее, сэр,— сказал он.— Если выдать им Леонардса, это нанесет непоправимый ущерб престижу Земли.

— Ущерб?! — взорвался Дадли.— Да нам после такого удара не оправиться. Да мы обесчестим себя на всю Галактику, мы больше не сможем высоко держать голову, если...

— Майор Дадли, я уже один раз призвал вас к порядку,— спокойно сказал Диволл.— Покиньте совещание, майор. Позже мы поговорим о понижении вас в чине.— И, не взглянув больше на Дадли, опять обратился к Грею: — Не думаете ли вы, майор, что такой поступок, напротив, возвысил бы нас в глазах жителей тех миров, где к Земле относятся с опаской?

— Это очень и очень трудно предсказать заранее, сэр.

— Что ж, хорошо.— Диволл поднялся.— Согласно уставу, я доложил о положении дел властям на Земле и вынес вопрос на обсуждение моих офицеров. Благодарю за внимание, джентльмены.

— А разве насчет наших дальнейших действий не будет никакого голосования, сэр? — неуверенно заговорил капитан Маршал.

Диволл холодно усмехнулся.

— В качестве командующего базой ответственность за решение по данному вопросу я полностью беру на себя. Так будет проще для всех нас, если отвечать придется перед военным судом.

Да, это единственный путь, думал он, сидя у себя в кабинете в напряженном ожидании верховного жреца. Видно, ради престижа Земли его офицеры настроены против каких-либо шагов к примирению. Едва ли справедливо было бы взвалить на них часть ответственности за решение, которое они всем своим существом отвергают.

Скверно получилось с Далли, размышлял далее полковник. Но подобное неподчинение недопустимо; придется в следующем полете обойтись без него. Если сам я еще когда-нибудь полечу, мысленно прибавил Диволл.

Мягко засветилась лампочка внутренней связи.

— Да?

— Пришла делегация туземцев, сэр. — послышался голос дежурного.

— Не посылайте их ко мне, пока я не скажу.

Диволл подошел к окну и посмотрел во двор. В первую минуту показалось, будто там полно маркинцев. Потом он понял — их всего с десяток, но они облачились в парадные одеяния, ярко-красные и ядовито-зеленые, в руках копья и мечи — последние скорее не оружие, а украшение для торжественных случаев. Издали за ними беспокойно наблюдают человек шесть солдат экспедиции, явно готовые, чуть что, мигом выхватить пистолеты.

В последний раз Диволл взвесил «за» и «против».

Если выдать маркинцам Леонардса, на сегодня гнев их утихнет — но, быть может, на будущее это нанесет урон престижу Земли. Диволл давно считал, что по природе своей он человек слабый и лишь особое чутье помогает ему превосходно маскировать свою слабость... но не будет ли его уступка инопланетянам означать в глазах Вселенной, что слаба Земля?

С другой стороны, предположим, он откажется отдать Леонардса на их суд. Тогда, в сущности, он придавит их рукой вла-

дыки и вся Вселенная узнает, что люди Земли отвечают за свои действия только перед собой и ничуть не считаются с народами тех миров, куда прилетели.

Так ли, эдак ли по всей Галактике пойдет о землянах дурная слава. Либо они выставят себя слишком покладистыми, просто тряпками, либо тиранами. Вспомнилось прочитанное когда-то определение: «мелодрама — это столкновение правоты и неправоты, трагедия — столкновение правоты с правотой». Здесь, сейчас правы обе стороны. И какое решение ни примешь, осложнений не избежать.

И еще одно: Пол Леонардс. Вдруг они казнят мальчика? Родственные соображения сейчас кажутся до нелепости мелкими, а все же отдать родного племянника инопланетянам, быть может, на казнь...

Диволл перевел дух, расправил плечи, придал взгляду жесткость. Мельком посмотрел в зеркало над книжной полкой и удостоверился: вид самый что ни на есть командирский, ни намека на душевный разлад.

Он нажал клавишу внутренней связи.

— Впустите верховного жреца. Остальные пускай подождут во дворе.

Верховный жрец был неправдоподобно крохотный и сморщенный — не человек, а гном, преклонный возраст изрыл, иссек его лицо невообразимым, загадочным лабиринтом морщин. На безволосом черепе — зеленый тюрбан, Диволл знал: это знак глубокого траура.

Старец низко поклонился, почтительно отвел за спину под острым углом иссохшие тощенькие ручки. Потом выпрямился, резко вскинул голову и маленькими круглыми глазками впился в глаза Диволлу.

— Судьи уже избраны, мы готовы начать. Где виновный?

Диволл мимолетно пожалел, что не прибегнул для этой последней беседы к услугам переводчика. Но иначе нельзя, тут надо справляться одному, без чьей-либо помощи.

— Обвиняемый у себя в комнате,— медленно произнес он.— Сначала я хотел бы кое о чем тебя спросить, старик.

— Спрашивай.

— Если я отдам этого молодого человека вам на суд, может ли случиться, что его ждет смертная казнь?

— Все может быть.

Диволл помрачнел.

— Нельзя ли сказать точнее?

— Как можем мы знать приговор, прежде чем состоялся суд?

— Ладно, оставим это.— Диволл понял, что определенного ответа не получит.— Где вы будете его судить?

— Недалеко отсюда.

— Можно ли мне присутствовать на суде?

— Нет.

Диволл успел уже достаточно изучить маркинскую грамматику, и сейчас он понял — форма отрицания, которую употребил жрец, дословно звучала так: «Я-сказал-нет-и-это-значит-нет». Он провел языком по пересохшим губам.

— Что, если я откажусь передать лейтенанта Леонардса вашему суду? Как бы отнесся к этому ваш народ?

Наступило долгое молчание. Потом старый жрец спросил:

— Ты так поступишь?

— Я говорю предположительно. (Буквально ответ Диволла звучал так: «Мои-слова-в-облаках».)

— Это будет очень плохо. Мы долгие месяцы не сможем очистить священный сад. И притом...

Он прибавил еще несколько незнакомых землянину слов. Долгую минуту Диволл безуспешно пытался разгадать смысл услышанного. Наконец спросил:

— Что это значит? Выскажи другими словами.

— Это название обряда. Вместо человека Земли судить будут меня — и я умру,— просто сказал жрец.— И тогда тот, кто станет верховным жрецом после меня, велит вам уйти из нашего мира.

В кабинете стало очень тихо; Диволл слышал только хриплое дыхание старого жреца, да нестройно стрекотали за окном, в густой траве, несчетные насекомые — подобие земных кузнечиков.

Искать примирения? — спрашивал он себя. Или действовать рукою владыки?

И вдруг стало совершенно ясно, как надо поступить; непостижимо, как мог он столько времени колебаться.

— Я выслушал твои пожелания, старик, и чту их,— произнес он формулу отречения от притязаний, которой научил его

Стебер.— Этот молодой человек — ваш. Но могу я обратиться к тебе с просьбой?

— Проси.

— Он не знал, что нарушает ваши законы. У него не было недоброго умысла; он глубоко сожалеет о содеянном. Теперь он в ваших руках, но я прошу, будьте милосердны. Он не мог знать, что совершает преступление.

— Это решит суд,— холодно сказал старый жрец.— Если тут есть место милосердию, его помилуют. Я ничего не обещаю.

— Очень хорошо,— сказал Диволл. Достал бумагу, набросал приказ о передаче лейтенанта Пола Леонардса маркинскому суду, поставил свою подпись — полностью имя, фамилия и звание.— Вот, возьми. Отдай это землянину, который тебя впустил. Он позаботится, чтобы виноватого привели к вам.

— Ты мудр,— сказал жрец. Церемонно поклонился и направился к выходу.

— Еще минуту,— в отчаянии окликнул Диволл, когда старик уже отворил дверь.— Еще один вопрос.

— Спрашивай.

— Ты сказал, что, если я откажусь отдать вам юношу, ты предстанешь перед судом вместо него. А нельзя ли заменить его кем-нибудь другим? Что, если...

— Ты нам не подходишь,— сказал жрец, будто прочитав его мысли, и скрылся за дверью.

Пять минут спустя полковник Диволл выглянул из окна и увидал торжественное шествие маркинцев, они миновали стражу у выхода и покинули базу. Окруженный ими, невозмутимо шел Леонардс. К облегчению Диволла, он не обернулся.

Долго смотрел полковник Диволл невидящим взглядом на книжную полку, на катушки потрепанных пленок, что кочевали с ним от планеты к планете: от сумрачного Дейнелона до планеты бурь Ларрина, и на мертвенный, лишенный влаги Корвел, и дальше, на Хигет и М'Куолт, и еще на другие миры, и, наконец, сюда, под жаркое синее небо Маркина. Потом покачал головой, повернулся и тяжело опустился в уютное поролоновое кресло за столом.

Он свирепо ткнул в клавишу записывающего аппарата, продиктовал полный, подробный отчет о своих действиях с самого начала вплоть до рокового решения и горько усмехнулся; на пе-

редачу требуется некоторое время, но очень скоро защелкает воспроизводящий аппарат в подвале Департамента внеземных дел в далеком Рио — и Торнтон узнает, как поступил Диволл.

И Торнтон вынужден будет отныне держаться той же политики, и департамент — тоже.

По микрофону внутренней связи он сказал:

— Не беспокоить меня ни при каких обстоятельствах. Если будет что-нибудь срочное, известите майора Грея; пока я не отменю этого распоряжения, командует базой он. И если придут какие-либо сообщения с Земли, их тоже передайте Грею.

Любопытно, отстранят его от командования немедленно или подождут, пока он вернется на Землю. Вероятно, второе; хотя Торнтон не слишком искусный дипломат, на это его хватит. Но безусловно, будет расследование и кому-то не сносить головы.

Диволл пожал плечами и откинулся на спинку кресла.

«Я поступил по справедливости,— твердо сказал он себе.— В этом-то я уверен. Только бы мне никогда больше не пришлось смотреть в глаза сестре».

Немного погодя он задремал, полуприкрытые веки тяжело опустились. Сон одолел его, и он от души обрадовался сну, потому что устал смертельно.

Внезапно его разбудил многоголосый крик. Расколов послеполуденную тишину, из доброй дюжины глоток разом вырвался ликующий вопль. На мгновение Диволл растерялся, но тотчас очнулся и бросился к окну.

В распахнутых воротах показался одинокий пешеход. Военная форма на нем была порвана в нескольких местах и с нее текло ручьями. Светлые волосы облепили голову, словно он только-только вынырнул из воды; он казался очень утомленным.

Леонардс.

Полковник Диволл кинулся было во двор, да уже на пороге спохватился, что форменная одежда на нем не в надлежащем порядке. Он заставил себя вернуться, одернул куртку и снова, олицетворяя собою неколебимое достоинство, чеканным шагом вышел во двор.

Леонардса окружали сияющие улыбками люди, солдаты и офицеры вперемешку. Юноша устало улыбался в ответ.

— Смирно! — гаркнул Диволл.

Мигом все стихло. Полковник подошел ближе.

Леонардс через силу вскинул руку, отдавая честь. Диволл заметил на его лице и руках изрядные кровоподтеки.

— Я вернулся, полковник!

— Вижу. А вам понятно, что я должен буду все равно вернуть вас маркинцам, от суда которых вы, проявив, без сомнения, немалую храбрость, сбежали?

Юноша улыбнулся и покачал головой.

— Нет, сэр. Вы не поняли, сэр. Суд окончен. Меня уже судили и оправдали.

— Как так?

— Они осудили меня на испытание, полковник. С полчаса молились, а потом бросили меня в озеро, там, у дороги. Два брата убитого кинулись за мной и старались меня утопить, но я плаваю лучше и добрался до другого берега.

Он отряхнулся, точно попавшая под дождь кошка, с мокрых волос на несколько шагов разлетелись брызги.

— Была минута, когда они меня едва не одолели. Но раз я переплыл озеро и остался жив, это доказывает, что у меня не было злого умысла. Вот судьи и объявили, что я невиновен, извинились и отпустили меня. Когда я уходил, они еще молились.

В том, как он говорил и держался, не чувствовалось ни малейшей горечи. Видно, понял, чем вызвано было решение выдать его на этот суд, и не затаит на меня обиды, подумал Диволл. Это отрадно.

— Пойдите к себе, лейтенант, и обсушитесь. А потом зайдете ко мне в кабинет. Я хотел бы с вами поговорить.

— Есть, сэр.

Диволл круто повернулся и зашагал через площадку. Захлопнул за собой дверь кабинета и включил печатающий аппарат. В доклад Земле надо внести кое-какие изменения.

Едва он кончил, засветился сигнал вызова. Диволл включил внутреннюю связь и услышал голос Стебера:

— Сэр, пришел тот старый жрец. Он хочет перед вами извиниться. Он одет по-праздничному и принес нам искупительные дары.

— Передайте, что я сейчас же к нему выйду,— распорядился Диволл.— И созовите всех. Включая Далли. Главное — Далли. Я хочу, чтобы он это видел.

Диволл снял потемневшую от пота форменную куртку и достал свежую. Посмотрелся в зеркало, одобрительно кивнул.

«Так, так,— думал он.— Стало быть, мальчик остался цел и невредим. Отлично».

Но он знал, что судьба Пола Леонардса во всей этой истории существенна разве только для семьи. Последствия случившегося куда значительнее.

Впервые Земля на деле доказала свою верность принципу, который издавна провозглашала: что все разумные существа равноправны. Он, Диволл, проявил уважение к законам Маркина в той форме, какая принята у жителей этой планеты, и тем самым завоевал их расположение. А что они вернули юношу живым и невредимым — это выигрыш, о котором и мечтать не приходилось.

Но создан прецедент. И возможно, на какой-нибудь другой планете дело кончится не столь благополучно. Есть миры, где преступников предают смертной казни весьма неприятными способами.

Да, бремя, возложенное на земные исследовательские экспедиции, станет отныне во много раз тяжелей... Теперь земляне будут подчиняться законам каждого мира, который посетят, и никто не потерпит легкомысленных ботанических экскурсий по священным садам. Но в конечном счете это на благо, думал Диволл. Мы показали народу чужой планеты, что мы над ними не владыки и большинство из нас такой власти не хочет. И теперь вся тяжесть ложится на нас.

Он распахнул дверь и вышел. Во дворе собрались все люди базы, а перед крыльцом смиренно преклонил колена старый жрец; в руках у него было нечто вроде эмалевой шкатулки — примирительный дар. Диволл улыбнулся, ответно поклонился и осторожно помог старику встать.

«Отныне мы должны будем вести себя безупречно,— подумал он.— Строго следить за каждым своим шагом. Но будем за это вознаграждены».

Точка отсчета

Если при первом взгляде на Меллидан-VII посланник Федерации Холис Борк и ощутил некоторое беспокойство, то не потому, что сомневался в своих силах. И не потому, что находил авторитет Федерации недостаточным.

Значение Федерации как двигателя цивилизации неоспоримо. Холиса Борка беспокоило что-то другое. Но что именно?

Пока боевой корабль маневрировал и готовился к посадке, офицеры штаба, видя мрачную сосредоточенность посланника, избегали обращаться к Борку. Он понимал, что это было естественной данью уважения его миссии: присоединить еще одну планету к необъятным просторам Федерации.

С обзорной палубы открывался вид на желто-зеленый шар, окутанный непроницаемым туманом. Офицеры, стоявшие неподалеку, разговаривали. Борк прислушался.

— Вы только посмотрите! — сказал Вин Кумагон.— Это суп, а не атмосфера...

— Интересно, каково это — вдыхать хлор? — отозвался Ху Сдрин.— И выдыхать четыреххлористый углерод вместо углекислого газа?

— Им-то что? Им без разницы,— буркнул Кумагон.

Посланник Борк отвел взгляд. Он понял, что не давало ему покоя столько времени.

Все народы Федерации, в том числе обитателей четырех миров Солнечной системы, не входящих в Федерацию, объединяла одна общая черта: они дышали кислородом. В отличие от аборигенов Меллидана, чья жизнь была основана на химическом цикле «хлор — четыреххлористый углерод». Что естественно для

© Перевод А. Орлова.

туземцев, то дико для остальных. Видимо, на подсознательном уровне принять это было трудно даже ему, Борку.

Холис Борк вернулся к текущим делам и нажал клавишу на браслете интеркома.

— Сколько осталось до посадки?

— Последний виток начинается через тридцать девять минут,— ответили с мостика.— Меллидан обеспечивает снижение.

Холис Борк устроился в противоперегрузочном коконе и расслабился, переплетя двенадцать тонких пальцев. О чем беспокоиться? Как бы ни был чужд Меллидан, все будет в порядке. До посадки осталось несколько минут, и уже скоро Федерация пополнится четыреста восемьдесят шестым миром. Опыт посланника говорил об этом ясно и недвусмысленно.

Незадолго до приземления, когда перегрузки закончились, Борк подошел к обзорным экранам. Ему хотелось разглядеть сверху планету, тонувшую в зеленом сумраке. «Наша миссия — нести цивилизацию. Предлагать гарантии, демонстрировать преимущество...»

Впервые исследовательский корабль Федерации побывал на Меллидане-VII четыре галактических года назад — по чистой случайности. Заниматься планетой на орбите вокруг белого карлика, с атмосферой из хлора, нет особого смысла, в чем специалисты легко соглашались с разведкой. Кислородная жизнь там немыслима.

Непросто было предположить, что возможен некислородный метаболизм. В четырехстах восьмидесяти пяти мирах Федерации атмосфера состоит из кислорода и азота; кислород выделяется при фотосинтезе, двуокись углерода — при дыхании. Таковы же четыре населенных мира Солнечной системы, не входящие в Федерацию. Исключений из правила неизвестно.

Положение изменилось, когда корабль первичной разведки под командованием Доса Ноллибара, следовавший от Вроника-XII, нырнул в хлорную атмосферу Меллидана и совершил вынужденную посадку из-за аварии гиперпространственного привода: три ультрона расплавились и не подлежали ремонту. Спасательному кораблю потребовалось шесть недель, чтобы обнаружить и принять на борт одиннадцать разведчиков Федерации. К тому времени старший разведчик Дос Ноллибар и его люди вступили в контакт с меллиданцами.

Пока корабль в грохоте двигателей погружался в плотный саван атмосферы Меллидана, Холис Борк глядел на экраны, ослепшие от зеленой мути, и припоминал отрывки из рапорта Ноллибара.

«Аборигены отдаленно напоминают гуманоидов, но, по-видимому, в гораздо меньшей степени состоят из мягких тканей. Это можно будет уточнить, когда появится образец для вскрытия.

Атмосфера состоит из водорода, хлора, азота и гелия с незначительной примесью других газов. Кислород отсутствует...

Средняя температура составляет двести шестьдесят градусов по Кельвину. Животные выдыхают четыреххлористый углерод, который разлагается растениями на хлор и сложные углеводороды. Аборигены питаются растениями и мелкими животными; пьют соляную кислоту...

Столица, где работает планетарное правительство, расположена неподалеку от места посадки, если туземцы не ввели нас в заблуждение намеренно и если мы правильно их поняли. Должен повторить, что наши данные это по большей части предположения, которые предстоит проверить, когда Меллидан войдет в состав Федерации и будет доступен для дальнейших исследований».

В этом последнем как раз и состояла задача посланника Борка.

Все четыре года, прошедшие с тех пор, как Ноллибар подал свой рапорт, Холис Борк готовился присоединить Меллидан-VII к Федерации. Ноллибар записал образчики туземной речи, подходящие для фонемного анализа. Нескольких месяцев работы хватило, чтобы сопоставить язык Меллидана с языком Федерации. Не во всех подробностях, но достаточно, чтобы Борк научился говорить по-меллидански.

В случае успеха, несомненно, его ожидало продвижение по служебной лестнице. Суперинтендант галактического сектора, или третий хранитель,— звучит неплохо. Из десяти посланников, в чьи обязанности входит присоединение вновь открытых планет к Федерации, первый хранитель выбрал именно Борка. Это имело особое значение: во всех других мирах посланники могли устанавливать личные контакты с местными лидерами. С другой стороны...

Додумать Борк не успел, ощутив чье-то присутствие за спиной.

Это оказался Вин Кумагон, старший офицер связи. Борк почувствовал прилив желчи. Как давно он здесь стоял? Нарушить уединение посланника — это граничит с дерзостью.

Кроме того, характерный разрез глаз указывал на присутствие гиралинской крови в родословной Кумагона. Как чистокровный венгол — представитель расы Первой планеты Федерации — Борк смотрел на помощника свысока.

— Что такое? — спросил он негромко, с нотой презрения в голосе.

— Сэр,— сказал Кумагон, твердо глядя узкими глазами в глаза Борка,— меллиданцы передают запрос...

— Какой?

— Они хотят знать, насколько близко к куполу земной станции мы желаем сесть, сэр.

— Земной станции?

Совладав с собой, Борк перевел дыхание.

— Да. По их словам, земляне построили базу несколько месяцев назад... Сэр? С вами все в порядке?

— Скажи, что мы хотим сесть не ближе пяти и не дальше десяти миль от земного купола,— сказал Борк, веско роняя слова.— Можешь объяснить им, что такое миля?

— Так точно, сэр.

— Исполняйте!

Борк чуть не взвыл от ярости. Департамент напутал? Иначе как объяснить то, что землянам позволили появиться в этом мире, намеченном для присоединения к Федерации?

Немыслимо.

Такой унылой планеты Борк за всю свою жизнь опытного посланника еще не видел. Стоя внутри панорамного экрана в головной части корабля, он как будто находился снаружи: безрадостный Меллидан-VII лежал под ногами.

Голая серо-коричневая равнина простиралась во все стороны до самого горизонта, где виднелись низенькие холмики. Убогая почва подразумевала наличие бактерий — анаэробных, разумеется, не нуждающихся в кислороде.

В неглубоких низинах стояли мелкие лужи четыреххлористого углерода — местные «моря». Они не были безжизненными: по поверхности дрейфовали растения, похожие на толстые воло-

сатые веревки, увешанные гроздьями серых пузырей. На глазах Борка крепкий туземец собирал эти растения, укладывая веревки на плечи. Фермер, вне всякого сомнения.

На таком расстоянии можно было разглядеть, что абориген напоминает человека, но покровы его сегментированы: плотный кожистый панцирь, немного похоже на рака. Панцирь блестел, как навощенный паркет. Согласно рапорту Ноллибара, меллиданская протоплазма базировалась на углеводородах парафинового ряда, что походило на правду.

Хлорные облака закрывали небо плотным желто-зеленым одеялом. Прямо над головой пылало свирепое солнце Меллидана: белый карлик, от безжалостных лучей которого спасало только расстояние и непроницаемая облачная завеса.

Пейзаж перед глазами Борка дополняла крупная, хорошо заметная деталь: фиолетовый пластиковый купол примерно в восьми милях к западу. Борку довелось увидеть такие купола более сорока лет назад, когда он служил в составе последней миссии на Терру.

В те далекие времена Борк был всего лишь пятым атташе, а теперь дослужился до высокого звания посланника Федерации. Тогдашний посланник Морвил Брек на протяжении своей выдающейся карьеры присоединил к Федерации дюжину планет. Ему предстояло в пятый раз попытаться пригласить в Федерацию землян.

Миссия закончилась полным провалом: правительство Терры ответило решительным отказом. Посланник Брек объявил Солнечную систему обособленной от Федерации на вечные времена и произнес краткую речь с оттенком горечи, рассчитанную на то, что земляне передумают. Эти последние слова не подействовали, и миссия покинула Терру. Тогда, на обратном пути, Борку и случилось увидеть фиолетовые купола на заснеженных равнинах Девятой планеты.

И вот теперь они же — на Меллидане-VII. Как такое могло произойти?..

— Связь с лидерами Меллидана установлена,— негромко доложил Кумагон.

Сделав над собой усилие, Борк отвел от купола глаза. Ему уже казалось, что он различает внутри землян, волосатых до омерзения, с десятью пальцами и хитрыми бледными лицами.

Вот наваждение.

— Переключи сюда,— вздохнул Борк.— Буду говорить, сидя в кресле.

Раскрытый кокон паутинного кресла принял усталое тело Борка. Достаточно тронуть клавишу, и кресло оживет, помассирует усталые мышцы и прогонит токсины, накопившиеся от напряжения.

Экран коммуникатора засветился, давая панорамное изображение унылого пейзажа. Трое меллиданцев смотрели прямо в лицо Борку, белые как мел и безволосые: круглые черепа; глубокие глазницы окружены толстыми валиками; глаза время от времени застилаются на миг мигательными перепонками; рот (если это рот, конечно) безгубый и узкий; три ноздри образуют приплюснутый треугольник между глазами и ртом, а выступы в форме кофейных чашек по бокам головы, по-видимому, соответствуют ушам. Общее сходство с человеком Борка не удивило: прямоходящие гуманоиды повсюду устроены примерно одинаково.

— Приветствую вас от имени Федерации миров. Меня зовут Борк, я посланник.

Безгубый рот стоявшего в центре меллиданца приоткрылся, и послышались слова. Речь также была типичной для гуманоида.

— Я лидер этого месяца. Мое имя не имеет значения. Чего Федерация хочет от нас?

Вполне ожидаемый формальный вызов. Опыт двадцати лет посланнической деятельности со временем превратился для Борка в цепь условных рефлексов: на стимул А следует реакция Б, после чего остается применить методику В, только и всего.

— Федерация включает в себя четыреста восемьдесят пять миров,— объяснил Борк.— Расстояние между самыми дальними из них достигает тридцати тысяч световых лет. Столица и первая планета — Венго в системе Даркира. Народы Федерации живут в мире и единстве; общая численность населения — двадцать семь миллиардов. Членство в Федерации гарантирует Меллидану свободу, равные права, полноценное представительство и все блага галактической цивилизации, накопленные за одиннадцать тысяч лет.

Борк торжественно замолчал, давая прозвучать воображаемым фанфарам. Статистика всегда производит впечатление и

дает нужное направление. За тысячелетия психометристы Федерации довели методы воздействия словом до совершенства.

Однако лидер ответил не так, как предполагалось.

— Почему Терра не входит в Федерацию? — спросил он.

Борка, готового плавно перейти к следующей фазе переговоров, такой поворот выбил из колеи. Пережив краткий момент головокружения, он складно объяснил:

— Отказавшись от вступления в Федерацию, земляне продемонстрировали недостаток мудрости и зрелости. Им еще предстоит научиться мыслить категориями Галактики.

По неподвижным лицам меллиданцев определить эффект его слов было совершенно невозможно. Борк почувствовал, что его начинает трясти. По возвращении на Венго необходимо пройти полное психическое кондиционирование, решил он.

— Из ваших слов следует, что миры Федерации превосходят миры, находящиеся в сфере влияния Терры. В каком отношении?

Нервы Борка вновь натянулись до предела. Черт бы побрал эту Терру! И службу безопасности, позволившую землянам закрепиться на Меллидане — как раз накануне визита посланника!

По оливково-зеленому лицу Борка сбегали струйки пота. Наверное, стоячий воротник мундира раскис, но проверить на ощупь было нельзя... Потратив целую вечность на лихорадочный поиск аргументов, Борк начал:

— Преимущество миров Федерации в единстве менталитета, чувств и целей. Интеллектуальные начинания и коммерческая деятельность подчиняются установившимся обычаям. У нас общие законы; мы разделяем эстетические вкусы и образ мыслей друг друга. Земляне умышленно исключили себя из нашего братства — отрезали от всех цивилизованных миров Галактики...

— Они не отрезали себя от нас. Они пришли сюда по своей воле и живут здесь в течение трех лидерских сроков.

«Черт бы побрал этих землян!»

— Вас хотят обмануть,— возразил Борк, скрывая отчаяние.— Отвратить от правильного пути. Они завистливы и злонамеренны. Собственные грехи мешают землянам вступить в галактическое сообщество — так им нало утянуть ничем не запятнанный мир за собой...

Борк замолчал. Руки его тряслись, белье размокло от пота. Впервые на протяжении долгой карьеры он решительно не знал, что говорить дальше.

Что же это? Былые свершения, слава, продвижение по службе — все насмарку из-за идиотского провала здесь и сейчас? Борк сглотнул.

— Продолжим наши переговоры завтра,— сказал он хрипло.— Не хочу нарушать течение ваших дел...

— Не возражаю. С завтрашнего дня обязанности лидера будет выполнять тот, кто стоит слева от меня. Обращайтесь к нему.

Разбитый и подавленный, Борк торопливо отключил связь: ему было не до протокола. Погрузившись в податливую паутину кресла, посланник нашарил в кармане кителя три золотисто-зеленые капсулы. Хорошо, что есть хотя бы метаболические компенсаторы. Пока лекарство делало свое дело, приводя расстроенный организм в порядок, Борк мрачно размышлял о бесславном начале своей миссии.

Процесс переговоров записывался и подлежал мониторингу. Иными словами, провал Борка на первом раунде переговоров уже наблюдал Вин Кумагон и кое-кто из персонала рангом пониже, всего шесть или семь человек. Поскольку запись делается навечно, с ней ознакомится масса народу — длинная, длинная цепь отсюда до Венго. До первого хранителя.

Надо искупить вину, решительно и бесповоротно.

Кто мог представить, что Терра ведет контрпропаганду на Меллидане? Борку оказали высокое доверие, а он не оправдал...

Необходимо изменить подход. Думай, Борк!

Земляне пришли сюда раньше нас, это факт. Несомненно, они что-то пообещали меллиданцам. Но что именно? Не зная этого, нельзя двигаться дальше. Нет основы для рассуждений: неизвестно, чего хотят пришельцы с Терры.

Далеко идущие стратегические планы? Маловероятно. Меллидан-VII непригоден для жизни, землянам всегда будут нужны защитные купола. Если только они не собираются превратить Меллидан в еще одну Терру. Как они это сделали со второй и четвертой планетами своей системы и с одной из лун шестой. Аборигенов Меллидана придется уничтожить или выселить, но смутит ли это землян?

С другой стороны, для чего им возиться с населенным миром, когда в их собственной системе есть безжизненная планета? Борк неохотно выбросил из головы идею колонизации.

Может статься, у Терры на Меллидане неизвестный пока экономический интерес. Или...

У Борка разболелась голова. Даже праздные размышления сейчас давались нелегко. Он встал и отправился вниз, в свою каюту. Разумнее всего будет выспаться.

Принимать новые миры в состав Федерации разрешено только при соблюдении определенного порядка, сложившегося на протяжении тысячелетий. История Федерации восходит к тому дню, когда мир Венго распространился на три соседние планеты. Это случилось одиннадцать тысяч галактических лет тому назад. Процесс присоединения, как правило, проходил безболезненно.

Поначалу Федерация росла очень медленно: две новых системы за первую тысячу лет, итого пять населенных миров. Три системы на протяжении второй тысячи — еще четыре планеты. Следующие два тысячелетия принесли одиннадцать и семнадцать планет соответственно... И так вплоть до настоящего времени, когда в материнских объятиях Федерации собралось четыреста восемьдесят пять миров, из них девятнадцать — при жизни Борка. За всю историю отказались присоединиться только четыре планеты: четыре мира Терры. За последние двести лет Федерация начинала переговоры с ними пять раз, и каждая попытка заканчивалась провалом. А теперь упорство начал проявлять Меллидан-VII. Что ж, на стороне Борка — методы убеждения, которые гораздо старше его самого.

Насилие, разумеется, вышло из употребления тысячелетия назад — но есть и другие средства.

На следующий день посланник Борк встретил меллиданскую делегацию во всеоружии: отдохнувший и готовый к любым непредвиденным обстоятельствам.

И действительно, обстоятельства со вчерашнего дня изменились: в центре тройки стоял другой абориген. Ежемесячная смена планетарного лидера произошла.

— Вчера мы обсуждали преимущества, которые получит ваша планета при вступлении в Федерацию,— сказал Борк.— У меня сложилось впечатление, что Меллидан склоняется на сторону Терры. Не могли бы вы рассказать, какого рода гарантии готовы предоставить вам земляне?

— Никаких.

— В смысле?..

— Терра не рекомендует нам вступать в Федерацию. Нас предупреждают, что ваши обещания неискренни. Вы обманете нас, проглотите и переварите. Федерация достаточно велика для этого.

— Предлагала ли вам Терра подписать с ней какой-нибудь договор? — спросил Борк осторожно.

— Нет. Никакого.

— Можно тогда поинтересоваться, что они здесь делают все это время, со дня высадки?

— Изучают нашу планету. Земляне рассказали нам кое-что о Федерации. Объяснили, почему вам не следует доверять.

— У них нет никакого права сеять предубеждение против Федерации! Мы пришли с миссией доброй воли. Наша единственная цель — показать, насколько выиграет Меллидан, если вступит в Федерацию.

— Земляне тоже пришли с миссией доброй воли, чтобы показать противоположное,— возразил абориген с ледяным безразличием.

Борк внезапно ощутил, насколько чужд ему этот абориген с его углеводородной биохимией и легкими, спокойно фильтрующими хлор. Неподвижное лицо чужака казалось маской, за которой скрываются другие маски.

— Кому нам верить, Федерации или Терре? — прозвучал бесстрастный вопрос.

— Земляне лгут, это очевидно.— Борк облизнул сухие губы.— Мы привезли вам фильмы и другие материалы, наглядно демонстрирующие движение Галактики по пути прогресса. Трудно усомниться в том, что Федерация предпочтительнее одиночества, на которое обрекла себя Терра. Будьте благоразумны, друзья мои! Стоит ли отвергать прямой фарватер галактической жизни, отказываясь от вхождения в Федерацию? С первого взгляда я оценил ваш острый ум — так зачем упорствовать? Вы не сможете участвовать в культурной и деловой жизни Федерации, пока не присоединитесь. Вам...

— Мы хотели бы услышать ответ,— перебил меллиданец, не повышая голоса.— Для чего нужна ваша Федерация?

— Как?..

— Почему культурные и экономические связи невозможны без присоединения к ней?

— Ну... потому что...

Борк задохнулся, как рыба, вырванная из родной стихии. Вопрос прошел между натянутых нервов, как нож между ребер.

Опять он не мог найти ни одного подходящего довода. Второй день подряд — это слишком. Чтобы не потерять лицо окончательно, Борк применил вчерашнюю тактику.

— Содержательный ответ требует специальной подготовки. Я буду говорить завтра, в это же время.

Изображение потускнело и пропало. Посланник нажал на клавишу. Как только на экране появилось изображение адъютанта Кумагона, Борк приказал:

— Свяжитесь с базой землян. Мне необходима немедленная встреча с их командованием.

— Слушаюсь!

Кумагон не выглядел обеспокоенным. Борк нахмурился. Не тень ли улыбки мелькнула на губах адъютанта?

Ближе к вечеру в борту корабля Федерации, у самых торпедных аппаратов, открылся люк, выпуская блестящий, похожий на жука, гусеничный транспортер. Внутри находились посланник Холис Борк и два адъютанта: пятый атташе Ху Сдрин и третий атташе Брюл Дирриб.

Бесплодная почва Меллидана стремительно наматывалась на гусеницы, лужи четыреххлористого углерода разлетались брызгами. Через несколько минут транспортер остановился у сиреневого купола под мутно-зеленым небом.

Люк шлюзовой камеры открылся, пропуская транспортер, и с шипением закрылся вновь. Тут же разошлась внутренняя диафрагма, и оттуда пошел воздух — настоящий воздух из кислорода и азота. Несколько землян стояли, ожидая, пока Борк с адъютантами покинут транспортер.

Посланника внешность чужаков не успокоила: подтянутые, решительные люди, одетые примерно одинаково. Тот, что постарше, шагнул вперед, приветствуя Борка формальным салютом Федерации. Он машинально ответил.

— Генерал-майор Гэмбрелл,— представился землянин на языке Федерации.

Говорил он чисто: вторая миссия на Терру принесла землянам галактический язык, и те его не забывали.

— В настоящее время базой командую я,— продолжал Гэмбрелл.— Почему бы нам не подняться в мой кабинет, чтобы обсудить имеющиеся вопросы?

Борк и генерал вместе прошли по аккуратной улочке, образованной одноэтажными металлическими домиками. Апартаменты Гэмбрелла располагались в здании повыше.

Устроившись за обшарпанным деревянным столом, Гэмбрелл извлек из кармана пачку сигарет.

— Не желаете? — предложил он.

— Увы.— Посланник с трудом подавил отвращение.— Мы не курим.

— Конечно... Простите, я забыл.— Генерал улыбнулся.— А я закурю, не возражаете?

— Нисколько.— Борк пожал плечами.

Приложив воспламеняющую капсулу к кончику сигареты, Гэмбрелл секунду подождал, потом вдохнул дым. Генерала явно ничто не беспокоило — в отличие от Борка, чьи нервы были натянуты с самого утра.

— Итак,— начал землянин.— Встреча происходит по вашей инициативе, посланник Борк. Чего вы хотите?

— Терре известно, зачем мы прибыли на Меллидан-семь?

— Разумеется. Ваша миссия — склонить Меллидан к вступлению в Федерацию.

— Стало быть, наша цель вам понятна,— кивнул Борк.— Тогда встречный вопрос. Что вы здесь делаете, генерал-майор Гэмбрелл? Терра построила на Меллидане базу — для чего?

Землянин провел рукой по ежику седых волос, покрывавших большую часть черепа. Борк подумал о небольшой пряди волос на своем темени — собственном наследии далекого прошлого — и улыбнулся не без самодовольства.

— Мы здесь для того, чтобы помешать Меллидану присоединиться к Федерации,— объяснил Гэмбрелл, помолчав немного.— Ясно и понятно?

— Вне всякого сомнения,— желчно ответил Борк.— Могу я спросить, что вы надеетесь выгадать, вмешиваясь в чужие дела? Хотите установить здесь свое военное присутствие?

— Нет.

— Тогда коммерческий интерес? — немедленно предположил Борк. Уроки последних дней приучили его мыслить нестандартно.— Какой?

— У меня нет нужды лгать вам.— Землянин покачал головой.— Поверьте, нам от Меллидана-семь нет никакого проку. Кислородные формы жизни не могут использовать его без преобразования.

— Никакого проку от Меллидана.— Борк нахмурился.— Экспедиция, купол, база — и только для того, чтобы...

— Совершенно верно, посланник. Чтобы Меллидан не достался Федерации.

Высокомерие землянина оглушило Борка. Возможно ли, чтобы Терра вмешалась в дела Федерации просто так? Добиваться провала миссии без причины?..

— Это очень серьезный разговор, генерал.

— Знаю. Даже серьезнее, чем вы думаете, посланник Борк. Вот, к примеру: могли бы вы объяснить, зачем Федерации Меллидан-семь?

— Ну, прежде всего...— Борк запнулся, свирепо глядя на отвратительно безмятежного землянина.

Тот же вопрос задавал вчера лидер. Это самый главный, основной вопрос. И на него почему-то нет ни одного ответа.

— Не так просто ответить? — вкрадчиво осведомился Гэмбредл.— Я помогу: «Меллидан просто еще не съеден». Этого достаточно. В течение одиннадцати тысяч лет Федерация проглатывала каждую планету, до которой могла дотянуться. Проглатывала и переваривала, заключая в материнские объятия. Культура поглощенного мира исчезала, растворяясь в сером океане. Так было всегда, и вы не видите причин останавливаться сейчас. Вам ведь тоже эта планета ни к чему. Не будете торговать, не сможете ни колонизировать, ни курорт устроить. Впервые за долгую историю на пути Федерации оказался населенный мир, совершенно бесполезный для нее. Но вас это не останавливает.

— Мы...

— Помолчите,— резко оборвал Борка генерал.— Не умеете вы спорить, потому что разучились. И думать разучились. С Венго никто не спорил так давно, что ваши мыслительные процессы деградировали, сделались цепочками условных рефлексов. И вот теперь, встретив исключение из правил, вы не смущаетесь, а идете напролом. Попалась планета — надо проглотить заживо. А польза от Федерации — в чем?

На этот вопрос готовый ответ у Борка был.

— Федерация служит объединяющей силой. Она дает общую меру для всех вещей и создает порядок из хаоса.

— Хорошо. Принимаю как аргумент, пусть и отрепетированный заранее.— Землянин наклонился вперед, глядя в глаза Борку холодно и испытующе.— Федерация настолько велика и сложна, что не замечает главного: ее больше нет. Она испустила дух три тысячи лет назад. Ее функции исчерпаны. Торговые пути проложены, культурные контакты установлены на века, война забыта. Если ли нужда в просвещенной тирании? Так ли необходимы усилия ее столицы, Венго, направленные на сохранение целостности и порядка? К чему задавать себе глупые вопросы? Надо нести счастье и процветание от планеты к планете, будто еще не прошли времена ваших предков, баронов-разбойников. Тогда они отправились покорять вселенную, пользуясь варварской дикостью и хаосом. А сейчас?

Землянин сошел с ума, подумал Борк. Федерация умерла? В этих словах нет и тени смысла.

— Я всегда знал, что земляне дураки, но не думал, что они еще и безумцы,— покачал головой Борк, не в силах даже обидеться.— Федерация жива, Федерация здорова, и ей ничто не грозит ближайшую вечность.

— Федерации не живут так долго. Даже половина вечности — слишком большой срок. Ваша давно не живет. У крупных чудовищ нервные импульсы распространяются так медленно, что на осознание смерти им нужно несколько часов. Вашей Федерации понадобится пару тысяч лет, настолько велика инерция, но она уже мертва.

— У меня нет больше времени на глупости,— вздохнул Борк устало и встал.— Пора возвращаться на корабль.— Коснувшись платинового шитья на кителе со стоячим воротничком, он объявил: — Моя миссия продолжается, как бы вы не пытались меня остановить.

— Да пожалуйста! — Смех Гэмбрелла прозвучал очень обидно.— Рассказывайте мелдиданцам ваши прописные истины, пробуйте спорить. Только не удивляйтесь, если ваши пустые доводы рассыплются от первого возражения. Мы уже предупредили аборигенов. Они, впрочем, и сами умеют думать, их не так-то легко обмануть гладкой речью и красивыми словами. Нет, вам здесь придется нелегко.

Борк долго смотрел в серые холодные глаза Гэмбрелла, пытаясь разглядеть ускользающую суть.

— Что это, генерал? — спросил он наконец.— Бессильная злоба? Мелкая гадость? Зачем вы это делаете? Можете не любить Федерацию сами, но склонять других?.. Держались бы в стороне, никто не неволит.

— Тут другое, посланник. В нашей Галактике Меллидан — единственный в своем роде. Мы понимаем его уникальную ценность, даже если вы не понимаете. Знаете, что будет, если Меллидан примут в Федерацию? Лет через сто вы их либо уничтожите, либо исключите из союза. Они чужаки, Борк. С этим ничего нельзя поделать. Они не дышат вашим воздухом, не едят вашу еду. Мозг у них тоже работает иначе...

— Какое отношение это имеет...

— Они — космическая случайность, Борк,— перебил Гэмбрелл.— Некислородная жизнь, другой такой в Галактике, возможно, и нет. Позволить Федерации уничтожить их — это было бы преступлением. А вы их уничтожите, поскольку различий, которых нельзя сгладить идеологией, депортацией или генной инженерией, Федерация не потерпит.

— Я бы поспорил, но не хочу тратить впустую свое и ваше время,— огрызнулся Борк.— Прошу меня простить...

— Вы просто не в состоянии услышать меня,— вздохнул Гэмбрелл.

— Почему же? Я слушал внимательно. И не понял, что особенного в этом народе. Их самобытность бесценна?

— Ладно, Борк. Если вы настаиваете... Закройте правый глаз. Вы ведь правша?

— Да, но...

— Закройте правый глаз. Хорошо. Мир стал плоским. Зрение должно быть стереоскопическим, иначе теряется пространственное восприятие. Так вот, Борк: мы видим мир плоским, вся Галактика. Мы смотрим глазами существ, которые дышат кислородом и пьют воду. Мы не видим мир таким, как он есть: в наших глазах он искажается в соответствии с особенностями нашего зрения. Меллиданцы же могут быть нашим вторым глазом, поскольку они глядят на мир со своей уникальной точки зрения. Стереоскопия — вот что они могут нам дать. Поэтому мы, земляне, решили их сохранить. Если мы позволим Федерации

раздавить Меллидан, бросив его в плавильную печь, мы навсегда потеряем возможность когда-либо найти столь же чуждую расу — как не можем восстановить выколотый глаз. Вот зачем мы восстановили аборигенов против вас. Вот почему мы решили построить меллиданскую базу до вашего появления. Нет, Меллидан-семь не присоединится к Федерации.

— Ерунда! — сердито возразил Борк.— Они войдут в нашу семью!

— Ладно.— Гэмбрелл пожал плечами.— Обещайте туземцам все, что хотите, и посмотрим, что получится. Видите ли, это особенный народ... Да, нынешний лидер слышал наш разговор по особой линии.

Окончательно униженный, Борк поспешно выскочил за дверь. Стереоскопия! Мертвая Федерация!.. Как бы не так.

— Возвращаемся на корабль! — приказал Борк, разыскав адъютантов.— Я буду говорить с меллиданцами. Еще не все потеряно...

Рассекая липкий зеленый туман, транспортер подкатился к острой игле корабля Федерации. По дороге Борк не смог придумать ничего нового, и стоит ли этому удивляться?

В груди Борка билась о ребра и вскипала паника. В сверкающей броне самоуверенности появлялись первые темные трещины. Может быть, это тускнел престиж несокрушимой Федерации?

Слова землянина отдавались эхом, грубо и настойчиво. «Меллидан-VII вы не получите. Федерация мертва. Стереоскопия. Точка зрения чужаков. Необходимость. Перспектива».

В конце концов одиннадцать тысяч лет галактического господства взяли свое. Борк успокоился. Речь землянина — пустое сотрясение воздуха, как бы он ни старался. Нет, Меллидан-VII не потерян. Еще не потерян.

Мы им покажем, подумал Борк свирепо. Мы им покажем!.. Сердце, однако, не спешило отзываться уверенностью.

Главная заповедь

Возможно, если бы чужеземцы выбрали для прибытия в Мир любую другую, а не безлунную ночь, трагедии удалось бы избежать. Возможно, если бы они прибыли именно этой ночью, но оставили свой корабль на промежуточной орбите и высадились на небольшой шлюпке, ничего бы не случилось.

Однако чужеземцы прилетели в безлунную ночь и на собственном корабле — прекрасном, в тысячу футов длиной, с отливающими золотом боками. Поскольку они были гордыми и заносчивыми, а люди Мира — такими, какие есть, и поскольку бог чужеземцев не был богом Мира — безлунная ночь стала прелюдией к кровавой бойне.

Внизу, около Корабля, должен был вот-вот начаться молебен, когда появились чужеземцы. Корабль лежал, глубоко погрузившись в склон холма, в том самом месте, где он когда-то приземлился. На его боку был открыт люк, через который вышли первые люди Мира.

Пылал костер, отбрасывая резкие тени на проржавевший, изъеденный временем бок Корабля. Лиль из рода Квитни стоял на коленях, почти касаясь лбом теплой плодородной земли Мира, хрипло и монотонно читал Книгу Корабля. Рядом с ним стояла жрица Джин из рода Маккейга — она откинула назад голову, широко развела руки и по памяти произносила литанию Кораблю. Все это сопровождалось восторженными песнопениями.

— В начале был Корабль...

© Перевод Б. Жужунавы.

— Квитни был капитаном, Маккейг пилотом,— загудела в ответ паства — все пятьсот обитателей Мира, припавших к земле в молельной яме вокруг Корабля.

— Квитни и Маккейг по небу привезли людей в Мир...

— И они оглянулись вокруг и увидели, что Мир хорош,— последовал ответ.

— Через все небо пролетели люди...

— Преодолев немыслимое расстояние, они опустились в Мир.

— И вышли из Корабля!

— Вышли из Корабля!

Так и продолжалось — долгий витиеватый пересказ ранних дней Мира, когда Квитни и Маккейг, ведомые самим Кораблем, привели на эту землю первых тридцать восемь человек. Дальнейшая история Мира развивалась на протяжении трехсот лет. Шесть дней в году, когда не было луны, происходила церемония пересказа. В ту безлунную ночь, когда приземлились чужеземцы, в церемонии принимали участие пятьсот тринадцать человек.

Джин из рода Маккейга первой увидела их, поскольку стояла перед Кораблем в ожидании, когда ее подхватит волна экстаза, чтобы начать танец поклонения. Совсем молодая — это был лишь четвертый ее молебен,— она испытывала некоторое нетерпение, поскольку состояние дикого восторга никак не наступало.

Внезапно в темном небе возникла вспышка света. Джин не могла оторвать от нее взгляда. За свои двадцать лет она ни разу не видела свет в небе безлунной ночью.

Своим острым зрением она различала, что свет приближается и с неба что-то падает. Дрожь пробежала по ее спине, и всем едва прикрытым одеждой телом Джин ощутила холод ночного ветра. Позади беспокойно зашевелились люди.

«Может, это чудо? — подумала она.— Может, еще одно проявление божественной природы Корабля?»

Сердце бешено заколотилось, по телу заструился пот. Молебен достиг высшей точки. Джин почувствовала, как ею овладевает лихорадка танца, нарастающая все сильнее по мере приближения странного света к земле.

Чувственно вращая животом и ягодицами, она начала танец поклонения, завершавший церемонию. За спиной послышались

радостные крики — остальные тоже поклонялись Кораблю, каждый на свой лад. Одна из заповедей, которые оставил им старый Лорессон, гласила: «Будьте счастливы, дети мои». И пока чудосвет приближался к земле, люди Мира радовались жизни, как могли.

В одиннадцати милях от холма Корабля странный свет коснулся земли. Не свет, конечно, а космический корабль с золотистым корпусом в тысячу футов длиной, с восемьюстами мужчинами и женщинами церкви Нового Воскрешения на борту. Они пролетели целую пропасть световых лет в поисках мира, где могли бы беспрепятственно исповедовать свою веру, вдали от миллиардов неверующих.

Блаженный Мирон Браун был вождем этих людей и капитаном их корабля «Новая Галилея». Пятый по прямой линии потомок самого блаженного Лероя Брауна, Мирон Браун имел величественную осанку и громоподобный голос. Его слова колоколом зазвенели из всех громкоговорителей корабля:

— Здесь мы найдем покой, здесь будем жить.

И все восемьсот прихожан церкви Нового Воскрешения сдержанно возликовали в свойственной им суровой манере и начали готовиться к высадке.

Они были непокорными людьми. Их вера основывалась на двух доктринах: во-первых, мессия снова пришел на Землю, снова умер, воскрес и провозгласил, что Золотой век близок. Во-вторых, он избрал тех, кому предстояло построить Новый Иерусалим.

И говорил он устами блаженного Лероя Брауна, в две тысячи девятьсот семидесятом году со дня своего первого рождества, а Лерой Браун назвал имена тех, кто избран для святого дела и потому спасется. Многие избранные отказались от этой чести — одни со словами благодарности, другие с презрением. Блаженный Лерой Браун умер рано, первый мученик своей церкви; но его дело жило.

И прошло сто лет, и к этому времени прихожан в его церкви стало восемьсот — восемьсот осененных благодатью мужчин и женщин, отвергнувших греховную мирскую жизнь и признавших, что божий суд близок. Были и другие мученики, так что блаженному приходилось нелегко. Однако община упорно добива-

лась своего и собирала деньги (некоторые прихожане в прежней греховной жизни нажили немалое богатство). Когда стало ясно, что Земля так погрязла в позоре и бесстыдстве, что невозможно больше мириться с этим, они построили свой собственный ковчег «Новая Галилея» и улетели в неведомую даль к новому миру, где могли бы жить спокойно и счастливо, не страдая от гонений и насмешек.

Это были гордые упрямые люди, следовавшие тем путем веры, который считали правильным. Они одевались в серое, поскольку яркие цвета греховны, полностью, не считая лица и рук, скрывали тела под одеждой и допускали близость между мужчинами и женщинами исключительно ради рождения детей. Они не поклонялись идолам и изваяниям, соблюдали субботу как день отдохновения и все надежды возлагали на то, что обретут мир на Бета-Андромеде-XII.

Однако через пятнадцать минут после приземления они поняли, что это не так. Дело в том, что, пока женщины разбивали лагерь, а мужчины добывали пропитание, блаженный Енох Браун, сын Мирона, отправился в полет на вертолете, чтобы посмотреть, какая планета им досталась.

Когда он вернулся, его суровое лицо больше обычного выражало страдание. Заговорил он поистине погребальным тоном:

— Господь посылает нам новое несчастье, даже здесь, в этой дикой местности.

— Что такое? — спросил блаженный Мирон.

— Этот мир населен людьми!

— Немыслимо! Мы получили гарантии, что это девственная планета, что тут нет ни колонистов, ни туземцев.

— Тем не менее,— с горечью сказал блаженный Енох,— здесь есть люди. Я видел их. Обнаженные дикари, по виду похожи на землян. Они танцуют и резвятся в свете огромного костра вокруг гниющего корпуса покинутого космолета, наполовину погрузившегося в склон холма.— Он нахмурился.— Я низко пролетел над ними. Почти голые, тела смазаны жиром, дико скачут и в открытую совокупляются, как животные.

На мгновенье Мирон Браун утратил дар речи и просто стоял, мрачно глядя на сына. Кровь отхлынула от его худого лица. Потом он заговорил хриплым от гнева голосом:

— Даже здесь дьявол преследует нас.

— Что это могут быть за люди?

Блаженный Мирон пожал плечами.

— Какая разница? Может, потомки колонистов с Земли... Какой-нибудь корабль, направлявшийся вдаль, разбился здесь и не послал сообщения на Землю.— Он поднял взгляд к темному безлунному небу и пробормотал короткую молитву.— Завтра мы посетим этих людей и побеседуем с ними. А пока займемся лагерем.

Утро выдалось свежее и ясное. Солнце встало рано, стало тепло, и сразу после утренней молитвы группа из одиннадцати мужчин, прихожан церкви Нового Воскрешения, двинулась в путь через труднопроходимую лесистую местность, отделявшую их лагерь от дикарей. Коленопреклоненные женщины предались очищающим душу молитвам, а оставшиеся в лагере мужчины занялись повседневными делами.

Отряд возглавлял блаженный Мирон Браун, с ним были его сын Енох и еще девять человек. Не разговаривая, они шагали по лесу. По мере того как огромное желтое солнце поднималось в небе и в лесу становилось жарче, блаженный Мирон чувствовал все больший дискомфорт и обильно потел под толстой шерстяной и, конечно же, серой одеждой. Однако это был всего лишь физический дискомфорт, переносить его было нетрудно.

Но то, что они обнаружили в новом мире людей,— вот настоящая мука. Он рвался увидеть их собственными глазами, убедиться, что это правда.

Около полудня показалась деревня туземцев. Блаженный Мирон первым заметил ее. Деревня представляла собой кучку грубо сколоченных низких хибар вокруг средних размеров холма, из верхушки которого торчал нос ржавого космического корабля, врезавшегося в землю годы или столетия назад. По указанию блаженного Мирона все направились к селению.

Навстречу им выступили двое туземцев — девушка, юная и красивая, и мужчина в узкой набедренной повязке. Такая же повязка и еще одна на груди прикрывали наготу девушки. Остальные части стройных и загорелых тел были обнажены. Мирон пробормотал молитву, чтобы уберечься от греха.

Девушка выступила вперед.

— Я жрица Джин из рода Маккейга,— сказала она,— а это Лиль из рода Квитни, он тут главный. Кто вы?

— Вы... вы говорите по-английски? — удивился блаженный Мирон.

— Да. Кто вы и что делаете в Мире? Откуда прибыли? Что вам здесь нужно?

Девушка явно не знала стыда; при виде ее гладких бедер на скулах блаженного Мирона заиграли желваки.

— Мы с Земли,— холодно ответил он.— Хотим поселиться здесь.

— С Земли? Где это?

Блаженный Мирон улыбнулся с оттенком высокомерия и бросил взгляд на сына и остальных, с неодобрением отметив, что Енох с излишним интересом разглядывает стройную гибкую девушку.

— Земля это планета далеко-далеко в небе, откуда первоначально прилетели и вы,— сказал он.— Задолго до того, как впали в дикость.

— Вы прилетели оттуда же, откуда и мы? — Девушка нахмурилась.— И мы вовсе не дикари.

— Вы ходите обнаженными, а по ночам совершаете странные церемонии. Это и есть дикость. Все это необходимо изменить. Мы поможем вам снова стать настоящими землянами. Покажем, как строить дома, а не жалкие хибары. И вы должны научиться носить одежду.

— Не нужна нам никакая одежда, кроме той, что у нас есть,— удивленно сказала Джин, двумя пальцами захватила складку серого шерстяного одеяния блаженного Мирона и пощупала ткань.— Твоя одежда промокла от пота. Как можно ходить в таком по жаре? Это же глупо!

— Нагота — грех! — прогремел блаженный Мирон.

Внезапно в разговор вмешался мужчина по имени Лиль.

— Кто ты такой, чтобы учить нас? Зачем вы пришли в Мир?

— Чтобы свободно служить Богу.

Туземцы обменялись взглядами. Джин кивнула на мерцающий в полуденном солнце, наполовину погрузившийся в склон холма космический корабль.

— Вместе с нами?

— Конечно нет! Вы поклоняетесь кораблю, куску металла. Ваша религия дегралировала.

— Мы поклоняемся тому, что привело нас в Мир, и, значит, оно свято,— горячо возразила Джин.— А вы?

— Мы тоже поклоняемся тому, кто привел нас в мир. Ничего, мы научим вас. Мы...

Блаженный Мирон смолк — распинаться ему было уже не перед кем. Джин и Лиль внезапно развернулись и бросились обратно в деревню.

Верующие выжидали более получаса. В конце концов блаженный Мирон сказал:

— Они не придут. Они испугались нас. Давайте возвращаться и решать, что делать.

Наверху послышался смех. Блаженный Мирон резко вскинул голову.

Деревья были усеяны обнаженными людьми, незаметно окружившими их со всех сторон. Среди них блаженный Мирон заметил насмешливое личико той девушки, Джин.

— Возвращайтесь к своему богу и оставьте нас в покое, глупые люди! — крикнула она.— Покиньте Мир к завтрашнему утру, не то мы убьем вас!

Блаженный Мирон яростно потряс кулаком в сторону деревьев.

— Вы просто болтливые обезьяны! Но ничего, мы снова сделаем из вас людей!

— Заставите носить эту безобразную одежду и поклоняться ложному богу? Тогда вам придется сначала убить нас — если сумеете!

— Уходим,— сказал блаженный Мирон.— Возвращаемся в лагерь. Больше нам тут нечего делать.

Тем же вечером в грубо сколоченном здании церкви Нового Воскрешения старейшины собрались на совещание, чтобы обсудить проблему лесных жителей.

— Очевидно, они потомки колонистов, потерпевших крушение на том корабле,— заявил блаженный Мирон.— Однако они возвели грех в добродетель, опустились до уровня животных. Со временем их тлетворное влияние может оказать пагубное воздействие и на нас.

Слова потребовал старейшина Соломон Кейн — аскетический суровый человек с холодным строгим разумом математика и теолога.

— Насколько я понимаю, брат, перед нами три пути: можно вернуться на Землю и подать прошение о новой планете; можно попытаться переделать этих людей по нашему образу и подобию; и можно уничтожить их до последнего мужчины, женщины и ребенка.

— Возвращение на Землю невозможно,— возразил блаженный Доминик Агнелло.— У нас не хватит топлива.

— И я свидетельствую,— сказал блаженный Мирон,— что эти создания неисправимы. Им ничто не поможет. Не обращать же их в рабство? А жить на равных с нами они недостойны.

— Значит, остается один путь,— отозвался блаженный Соломон Кейн.— Уничтожить их под корень, как вредоносное поветрие. Сколько их там?

— Триста или четыреста. Может, пятьсот, но не больше. Мы определенно превосходим их числом.

— И у нас есть оружие. Мы скосим их, как сорную траву.

В глазах блаженного Мирона Браупа вспыхнул свет.

— Это будет акт очищения. Мы сотрем этих дикарей с лица нашего нового мира. Он должен быть чистым, ведь здесь мы построим Новый Иерусалим!

Блаженный Леонид Маркелл, худощавый мистик с длинными золотистыми волосами, мягко улыбнулся.

— Было сказано, брат Мирон: «Не убий».

Блаженный Мирон резко повернулся к нему.

— Нам даны заповеди, да, но они требуют интерпретации. Скажешь ли ты «Не убий» мяснику, занесшему нож над коровой? Скажешь ли ты...

— Эта доктрина относится только к человеческой жизни,— кротко сказал блаженный Леонид.— Но...

— Я считаю нужным толковать ее иначе,— заявил блаженный Мирон. В его глубоком голосе зазвучали командные нотки; это был голос не законодателя, а пророка.— Только те, кто поклоняется Богу, могут считаться людьми. Мы сбежали сюда от насмешек и презрения своих соседей, чтобы построить Новый Иерусалим,— и посему просто обязаны смести все препятствия

со своего пути. Сам дьявол послал эти создания, чтобы они искушали нас своей наготой, смехом и греховным образом жизни.

Он обвел их взглядом. Теперь за столом сидели не равные ему — теперь это были его ученики, как и на всем долгом пути сквозь космос.

— Завтра по нашему календарю суббота, день отдохновения, и мы будем отдыхать. Однако через день мы возьмем оружие, пойдем в деревню, где живут идолопоклонники, и уничтожим их. Надеюсь, всем понятно?

— «Мне отмщение, и аз воздам», говорит Господь,— кротко процитировал блаженный Леонид.

Однако когда пришло время голосовать, он не пошел против остальных. Таким образом, было записано, что решение принято единогласно. Когда пройдет суббота, жизнерадостные лесные жители будут стерты с лица земли.

Однако у обитателей Мира были свои законы и своя религия. Тем вечером они тоже собрались у костра на совет, где спорили долго и страстно. Жрица Джин, разрисованная красной краской смерти — никакого другого одеяния на ней не было,— танцевала перед ними, и когда Лиль из рода Квигни провозгласил решение, все согласились с ним.

Долгая ночь закончилась, в Мире наступило новое утро — и из лагеря чужеземцев вернулись лазутчики. Они доложили, что странный бог по-прежнему стоит на поляне, а его приверженцы не проявляют никаких признаков того, что вняли приказу отбыть на рассвете.

— Значит, смерть! — воскликнула жрица.

В танце она повела людей вокруг божественного Корабля, и все, следуя за ней, точили ножи. Когда позже они двинулись через лес. Лиль вооружился мечом, висевшим в каюте капитана Маккейга, а Джин взяла второй клинок.

Чужеземцы спали, когда пятьсот обитателей Мира ворвались в их лагерь. Постепенно они просыпались, не сразу осознавая, что происходит. Тем временем лесные убийцы стремительно перебегали от одного человека к другому, перерезая глотки. Несколько десятков умерли еще до того, как кто-либо понял, что творится вокруг.

Любопытно, что чужеземцы не пытались защитить себя. Джин видела, как огромный бородатый человек — это он говорил, что нужно носить одежду, а сам так странно скользил взглядом по ее телу — громовым голосом обращался к своим сотоварищам:

— Сегодня суббота! Не поднимайте оружия в субботу! Молитесь, братья, молитесь!

И чужеземцы падали под ударами ножей с молитвой на устах, но поскольку молились они ложному богу, он не защитил их. Еще не наступил полдень, когда все восемьсот прихожан церкви Нового Воскрешения погибли и лежали, утопая в крови.

— Они не сопротивлялись,— удивленно сказала жрица Джин.— Позволили убить себя.

— Только твердили, что сегодня суббота,— заметил Лиль из рода Квитни.— Хотя до субботы еще три дня.

Джин пожала плечами.

— Мы избавились от них, это главное. Больше они не будут богохульствовать.

Тела отнесли в море, но впереди было еще много дел. Срубили пятьдесят больших деревьев, очистили их от ветвей и оттащили в сторону. Мужчины племени забрались на утес и совместными усилиями свалили на землю огромный корабль, в котором прибыли чужеземцы.

Потом из пятидесяти бревен сделали настил, и все мужчины и женщины Мира принялись толкать огромный корабль чужеземцев. В конце концов он, ломая под собой бревна, с треском покатился по склону холма и с фонтаном брызг рухнул в море.

Теперь не осталось никого — ни восьмисот захватчиков, ни их корабля, ложного бога. Обитатели Мира вернулись к себе в деревню и, несмотря на усталость, плясали во славу Корабля, истинного бога.

Они не были кровожадны и с радостью приняли бы чужеземцев в свою среду. Однако чужеземцы богохульствовали, и потому пришлось их убить, а их бога уничтожить.

Джин была счастлива — ее вера получила новое подкрепление — и радостно танцевала вокруг изъеденного ржавчиной Корабля. Поскольку ее бог истинный, а бог чужеземцев ложный, повеление истинного бога было исполнено. В Книге Корабля, которую старый священник Лорессон читал людям Мира сто-

летия назад, еще во времена первого Маккейга и первого Квитни, было записано, по каким заповедям людям следует жить.

Одна из этих заповедей была «Не убий», а другая «Свято соблюдай субботу, день отдохновения». Обе заповеди люди Мира нарушили.

Но они были набожны, и Слово было для них свято. Убивая чужеземцев и уничтожая их корабль, они действовали в полном согласии с предписаниями Лорессона, Маккейга, Квитни и самого Корабля, истинного бога. Поскольку главная и первая заповедь гласила: «Не сотвори себе других богов, кроме Меня».

На дальних мирах

Полковник Дин Вартон крепко зажал фотографию между большим и указательным пальцами и пристально вглядывался в ее блестящую поверхность. Лицо его медленно багровело. Космический корабль, по внешним очертаниям принадлежащий внеземной цивилизации, заходил на посадку, чтобы сесть на необитаемой планете, значившейся в звездных каталогах как Барлетт-V. На Барлетте-V располагался наблюдательный пост Земли. Посадка инопланетного корабля нарушала суверенитет Земного сектора. Вартон нахмурился.

— Когда получен этот снимок? — спросил он, переведя взгляд на лейтенанта Кросли.

— Около часа назад, сэр. Но вы находились в капсуле глубокого сна, и мы не думали...

— Конечно, вы не думали,— язвительно повторил Вартон.— Что же, договаривайте до конца. Надеюсь, вы послали предупреждение?

Кросли кивнул.

— Сразу же, по всему диапазону, на земном, галактическом, лормиранийском, лисорском и фаудийском. На каждом языке мы повторили, что на Барлетте-пять — наблюдательный пост Земли, посадка здесь без специального разрешения запрещена и они должны немедленно покинуть окрестности планеты. Но к тому времени корабль уже сел. Мы полагаем, он опустился на плато Крестона, в ста двадцати милях к северо-востоку от вас.

— Вы получили ответ?

— Несколько минут назад. Брикенридж считает, что их язык представляет собой разновидность фаудийского. Они заявили,

© Перевод В. Вебера.

что, во-первых, не признают права Земли на эту планету, а во-вторых, прибыли сюда для проведения научных экспериментов. После их завершения, через неделю или две, они обещают покинуть Барлетт-пять.

— И как вы отреагировали?

Кросли опустил глаза.

— Пока никак, сэр. Мне доложили, что вы вот-вот выйдете из капсулы и...

— И вы решили подождать. Все правильно, лейтенант. На вашем месте я поступил бы точно так же. Брикенриджа ко мне.

— Есть, сэр.

Лейтенант Кросли отдал честь, повернулся и вышел из кабинета. Оставшись один, Вартон печально покачал головой с всклокоченной шевелюрой. Вот к чему приводит столетний галактический мир. Молодежь, вроде Кросли, уже не знает, что такое война. А кучка инопланетян может позволить себе появиться на принадлежащей Земле планете в полной уверенности, что им все сойдет с рук. Вартон вздохнул. Он-то надеялся спокойно дослужить оставшиеся несколько лет. Ему уже сто двадцать пять, в сто тридцать он мог выйти в отставку. Лишь полтора часа глубокого сна ежесуточно позволяли ему поддерживать форму. Ну что же, хотел он того или нет, ЧП произошло. Нежданно-негаданно. Вартон расправил плечи.

В кабинет заглянул лингвист, капитан Брикенридж, невысокий, ширококостный, с живым энергичным лицом под шапкой рыжих волос.

— Сэр?

— Брикенридж, вы сказали, что звездолет ответил вам на фаудийском языке?

— Фаудийском диалекте, сэр.

— Именно это я и имел в виду. Откуда прибыл звездолет? Фаудийская конфедерация не решилась бы посылать корабль на планету, контролируемую Землей. Если только в ее намерения не входит спровоцировать войну.

— О, это не фаудийцы, сэр,— ответил Брикенридж.— Они просто говорят на фаудийском диалекте. В фаудийском секторе на многих планетах, не входящих в Конфедерацию, говорят на диалектах основного языка.

— Это и так ясно.— Вартон раздраженно жестом остановил Брикенриджа.— Я хочу знать, откуда этот звездолет.

— Могу лишь высказать предположение.

— Говорите.

— Они прилетели из западной части фаудийского сектора. Об этом свидетельствует сдвиг гласных в их разговорной речи. Там есть три обитаемые планеты, где говорят на разных диалектах фаудийского языка. Это Сиросс, Халивану и Дортмуни.— Брикенридж загнул три пальца.— На Сироссе спад технологии. Уже несколько столетий никто не видел их звездолетов. Дортмунийцы исповедуют непротивление насилию в случае конфликта и никогда не станут его зачинщиками. Они тоже не могли послать звездолет на Барлетт-пять. Значит, остается Халивану. Скорее всего, на Барлетт-пять сел корабль с этой планеты. Вам ведь, конечно, известны легенды о халива...

— Это только легенды. И не более.

— Они подтверждены множеством свидетельств. Документально доказано...

— Ничего не доказано, Брикенридж! Слышите? В отношении Халивану ничего не доказано! — Вартон встал, упершись руками в стол и чувствуя, как дрожат ноги.— Меня не интересуют разговоры о сверхъестественных способностях, которыми якобы наделены обитатели Халивану. Мой долг — заставить их покинуть Барлетт. И как можно скорее! Следуйте за мной. Сейчас я вышвырну их отсюда.

О Халивану действительно ходит много легенд, думал Вартон, направляясь к коммуникационному центру. Космонавты, побывавшие в фаудийском секторе, привозили оттуда самые невероятные россказни о вампирах, высасывавших из человека душу, и прочие небылицы. Но доказательств не было. Обитатели Халивану держались обособленно и избегали контактов. Об отшельниках всегда распространяют нелепые слухи, успокаивал себя Вартон. Он отбросил все опасения. Его задача — защищать границы земного сектора Галактики, которые нарушил звездолет с Халивану, если, разумеется, он прилетел именно с этой планеты.

— Установи контакт с кораблем,— приказал Вартон сержанту Маршаллу.

Тот кивнул и начал вращать цилиндрические ручки перелатчика. Через минуту он повернулся к Вартону.

— Я вышел на их волну, но они не отвечают, сэр.

— Ничего. Будь уверен, они нас услышат. Брикенридж, ты лучше разбираешься в этих диалектах. Возьми микрофон и скажи им, что они незаконно находятся на земной территории и ровно — дадим им три часа — и ровно через три часа должны взлететь с Барлетта-пять. В противном случае мы будем рассматривать их посадку как военное вторжение.

Кивнув, Брикенридж начал говорить. Вартон обнаружил, что понимает почти все. Он отчасти знал фаудийский язык, один из пяти основных языков Галактики, а язык Халивану отличался лишь более растянутыми гласными и некоторыми грамматическими упрощениями.

Брикенридж замолчал, некоторое время стояла полная тишина.

— Повтори,— приказал Вартон.

Брикенридж еще раз прочитал ультиматум. И вновь им ответила тишина. Вартон уже собирался просить Брикенриджа вновь передать требование покинуть планету, как в динамике что-то затрещало и хрипловатый голос произнес:

— Эритомор...

На фаудийском языке это означало «земляне». Затем последовало еще много фаудийских слов, с каждым из которых лицо Вартона вытягивалось все больше и больше. Ему вежливо объясняли, что Свободный Мир Халивану не признает права Земли на необитаемую планету, так что капитан звездолета не видит оснований для немедленного взлета. Однако Мир Халивану не намерен предъявлять собственные права на Барлетт-V, и звездолет прибыл сюда лишь для наблюдений за Солнцем. По их завершении, через девять или десять стандартных галактических дней, они сразу же улетят.

— Они сказали, что не признают...— начал Брикенридж, как только голос стих и из динамика донесся треск помех.

Нетерпеливым жестом Вартон остановил его.

— Я все понял, капитан.— Он схватил микрофон и начал говорить на ломаном фаудийском.— Говорит полковник Дин Вартон. Если вы хотите проводить наблюдения за Солнцем, вам необходимо получить разрешение по соответствующим дипломатическим каналам. Я не имею права разрешить вам посадку. Поэтому я требую...

Его прервал голос из динамика.

— Эритомор... вор хелд д'чауки кон деринилак...

Они услышали то же самое, сказанное тем же ровным голосом, будто в разговоре с капризным ребенком. Вартон подождал, пока голос смолкнет, и попытался заговорить вновь. Но едва он произнес несколько слов, как из динамика в третий раз полилась размеренная фаудийская речь.

— Это запись,— пробормотал Маршалл.— Они соединили концы пленки, и она будет крутиться до бесконечности.

— Давайте послушаем,— буркнул Вартон.

После десятого повтора он приказал Маршаллу выключить передатчик. Стало ясно, что радиоультиматумами ничего не добьешься. На звездолете их просто не будут слушать. Оставалось только одно: послать парламентера, чтобы тот лично передал капитану звездолета требование покинуть Барлетт-V. Если это не поможет...

Тогда придется принять другие меры.

— Объявить тревогу,— распорядился Вартон.— Подготовить базу к боевым действиям. На всякий случай.— Помолчав, он повторил: — На всякий случай.

Тридцать семь военнослужащих наблюдательного поста на Барлетте-V с энтузиазмом заняли боевые позиции. Большинству вторжение инопланетян, даже если все силы неприятеля состояли из одного звездолета, казалось развлечением. Каково провести три года на пустой планете в тысяче световых лет от дома! А тут — отступление от рутины дежурств и заполнения никому не нужных бланков.

Полковник Вартон не разделял их радости. Он помнил, что такое война. В 2716, еще новобранцем, он участвовал в сражениях последней галактической войны между Землей и Дормираном. С тех пор, уже почти сто лет, в Галактике царил мир. А так как самому старшему из тех, кто служил под его началом, не исполнилось и девяноста, никто из них не представлял, что такое настоящая война. Звездолеты, корпуса которых лопались в открытом космосе, как воздушные шарики, континенты, стертые в пыль, целое поколение молодых мужчин, так и оставшихся молодыми. Нет, с какой стороны ни посмотри, в войне не было ничего хорошего. Но возможно, долгий мир чересчур успокаивающе действовал на другие цивилизации. Сто лет назад ни один инопланетный корабль не решился бы на такую посадку, думал Вартон. И кто осмелился бы дать подобный ответ на ультиматум офицера Земли?

Ситуацию усложняло и то, что ответственность за все целиком ложилась на него. Гиперграмма могла дойти до Земли лишь за месяц. Столько же времени понадобилось бы для получения ответа. За такой срок территориальная неприкосновенность земного сектора может быть нарушена добрый десяток раз. Поэтому он должен принять решение. Если нарушители будут упорствовать, у него остаются лишь два пути. Либо уничтожить инопланетный звездолет и таким образом начать войну, либо разрешить им остаться, тем самым пригласив всю Галактику безнаказанно нарушать земные границы. Не слишком приятный выбор. А за советом он мог обратиться лишь к командирам соседних наблюдательных постов, таким же полковникам, как и он. Вряд ли они скажут ему что-нибудь, заслуживающее внимания. Нет, полагаться он мог только на себя.

Пока Вартон наблюдал, как мирный лагерь превращается в боевую крепость, к нему подошел Брикенридж.

— Сэр?

— В чем дело, Брикенридж?

— Я готов пойти к звездолету с Халивану. Мне кажется, я лучше других справлюсь с этой миссией.

Вартон кивнул. Он и сам собирался послать Брикенриджа. Капитан облегчил ему задачу.

— Не возражаю, капитан. Прикажите Смитсону подготовить вездеход. Отправляйтесь немедленно.

— Особые инструкции, сэр?

— Для начала повторите им наш ультиматум. Объясните, что мы обязаны уничтожить их, если они не взлетят отсюда в отведенное нами время. Постарайтесь, чтобы до них дошло, что суть нашей службы здесь состоит именно в том, чтобы уничтожать инопланетные звездолеты, оказавшиеся на Барлетте-пять без соответствующего разрешения. Таким образом, ответственность за развязывание возможной войны ложится на них.

— Я понял, сэр.

— Хорошо. Не кипятись, не угрожай, просто постарайся убедить их, что у нас нет другого выхода. Черт побери, я вовсе не хочу в них стрелять, но отдам приказ открыть огонь, как этого требует мой долг! Мне не остается ничего другого, если они не улетят! Скажи, что они могут наблюдать за здешним солнцем сколько угодно, но только после того, как свяжутся с Землей.

Брикенридж кивнул. На его лбу выступили капельки пота. Он явно нервничал.

— Вы не обязаны ехать туда, капитан,— сказал Вартон.— Я могу послать кого-нибудь другого.

— Это моя работа,— ответил Брикенридж.— Я не отказываюсь от своего слова.

— Вас волнуют те безумные истории, которые доводилось слышать, капитан? Я читаю ваши мысли.

— Истории... Всего лишь истории, сэр,— твердо ответил Брикенридж.— Разрешите идти, сэр?

Вартон улыбнулся.

— Ты отличный парень, Брикенридж. Вперед.

Дорога до звездолета займет у Брикенриджа чуть больше часа, рассуждал Вартон. Положим полчаса на переговоры и час на обратный путь. Всего часа три. Значит, если миссия Брикенриджа окажется удачной, звездолет взлетит одновременно с возвращением капитана на базу. Если... Он долго стоял перед экраном радара, глядя на светлое пятнышко звездолета, который находился в ста двадцати милях от них, и на крошечного белого жучка, вездеход Брикенриджа, перемещавшегося на северо-восток.

Потом он прошел в кабинет и попытался заняться обычными делами, но мысли постоянно возвращались к инопланетному кораблю. Накатила невероятная усталость. Больше всего на свете хотелось забраться в капсулу глубокого сна и забыться.

Но Вартон напомнил себе, что сегодня уже провел там полтора часа. Больше одного сеанса в сутки не полагалось. Ну ничего, он выдержит и так.

Полуденные тени начали удлиняться. У Барлетта-V не было луны, и ночь наступала очень быстро. Маленький диск солнца скатывался к горизонту, отбрасывая оранжевый свет на пустую голую равнину. Судя по экрану радара, вездеход Брикенриджа приближался к базе.

Прошло четыре часа. Звездолет с Халивану по-прежнему стоял на плато. Лингвист сразу же направился в кабинет полковника Вартона.

— Ну что? — спросил тот.

Брикенридж широко улыбнулся.

— Все в порядке, сэр. Они улетают на следующей неделе, как только закончат свои наблюдения.

Вартон так и сел от неожиданности.

— Что ты сказал?

— Я счел возможным разрешить им остаться, сэр.

От негодования у Вартона перехватило дыхание.

— Ты счел возможным разрешить им остаться? Как это любезно с твоей стороны! Но я уполномочил тебя передать ультиматум, а не вести переговоры!

— Разумеется, сэр. Однако я обсудил с ними возникшую ситуацию, и мы пришли к общему мнению, что неразумно требовать их отлета до завершения экспериментов. Они не хотят причинить нам вред. На их звездолете даже нет оружия, сэр.

— Брикенридж, ты в своем уме? — спросил Вартон.

— Сэр?

— Как ты смеешь, стоя здесь, нести такую чушь?! Твое мнение об их безобидности не имеет никакого значения, и тебе это хорошо известно! Тебя послали передать ультиматум, и ничего больше. Мне нужен их ответ.

— Мы обсудили это, сэр. От нас не убудет, если мы позволим им задержаться на несколько дней.

— Брикенридж, что там с тобой сделали? Ты говоришь, как сумасшедший. Какое ты имел право...

— Но вы сами сказали, что лучше разрешить им остаться, чем начинать новую войну, сэр. А так как они хотели довести эксперименты до конца, я последовал вашим инструкциям и дал добро при усло...

— Последовал моим инструкциям?! — проревел Вартон. Его пальцы угрожающе забарабанили по столу.— Когда же я говорил об этом?

— Непосредственно перед моим отъездом,— удивленно ответил Брикенридж.

— Теперь мне совершенно ясно, что ты спятил. Я не говорил ни слова о том, чтобы разрешить им остаться. Я просил передать, что буду вынужден уничтожить их, если они не покинут Барлетт-пять к указанному сроку. Ни о каком разрешении не было сказано ни слова. И...

— Позвольте возразить вам, сэр...

Вздохнув, Вартон нажал кнопку, чтобы вызвать дежурного. Мгновение спустя тот сунул голову в дверь.

— Роджерс,— сказал Вартон,— отведи Брикенриджа в изолятор и запри там до психиатрического обследования. Пришли ко мне Симпсона.

Симпсон появился через несколько минут и застыл у двери.

— Расскажи мне, что произошло между Брикенриджем и инопланетянами.

Симпсон покачал головой.

— Мне нечего рассказать, сэр. Я не заходил в звездолет. Капитан Брикенридж приказал мне оставаться возле вездехода.

— Понятно,— кивнул Вартон.— Можешь идти.

— Есть, сэр.

Когда за Симпсоном закрылась дверь, Вартон обхватил голову руками.

Он не давал Брикенриджу никаких инструкций насчет ведения переговоров. Однако лингвист клялся, что получил их. Что заставило сорваться такого испытанного военнослужащего, как Брикенридж?

Вартон печально вздохнул. Чего только не рассказывали о Халивану! Эти странные истории об их еще более странных парапсихических способностях... Но Брикенридж сам назвал все эти вздорные слухи галиматьей. И Вартон придерживался того же мнения. В свое время он слышал о множестве чудес, которые на поверку оказывались пустыми россказнями. Богатое воображение некоторых космонавтов нередко наделяло представителей малоизвестных цивилизаций сверхъестественными силами, а потом, по мере налаживания контактов, все становилось на свои места.

Вартон вновь нажал на кнопку.

— Лейтенанта Кросли ко мне. И поскорее,— приказал он появившемуся дежурному.

Пять минут спустя лейтенант вошел в кабинет. Уже наступили сумерки. Лицо Кросли было бледнее обычного и выражало тревогу. Недавний выпускник академии, он только-только разменял третий десяток.

— У нас возникли некоторые осложнения, лейтенант,— сказал Вартон, наклонившись вперед.— Кстати, я записываю наш разговор на пленку.

Кросли кивнул.

— Сегодня днем я послал Брикенриджа к инопланетному звездолету, чтобы передать наш ультиматум. Я просил подчеркнуть, что они должны улететь не позднее чем через три часа после этого, иначе я открою огонь. Вместо того он разрешил им остаться до завершения их экспериментов. А теперь заявляет, что действовал согласно моим инструкциям.

— А я удивился, почему его заперли в изоляторе.

— Теперь тебе известно, в чем дело. Я не притворяюсь, будто понимаю, отчего он свихнулся, но знаю, что мы должны послать к звездолету с Халивану другого парламентера, чтобы отменить разрешение Брикенриджа и сказать, что они должны незамедлительно покинуть Барлетт-пять.

— Разумеется, сэр.

— Я хочу, чтобы туда поехал ты, Кросли. И немедленно. Возьми с собой еще кого-нибудь и позаботься, чтобы вы оба вошли в звездолет. Скажи им, что предыдущий посланец не имел права вести переговоры, что ты облечен всей полнотой власти и, если они не улетят до рассвета, нам придется ликвидировать их.

Кросли побледнел еще больше, но решительно ответил:

— Я сейчас же выезжаю, сэр.

— Прежде чем ты уйдешь, повтори, что ты там скажешь.

Кросли повторил.

— И никаких переговоров, лейтенант! Это ясно?

— Да, сэр.

— Ты передашь им ультиматум и уедешь. Ответа ждать не надо. Если до утра они не взлетят, мы их уничтожим.

— Да, сэр.

— Тебе все понятно? Потом не станешь утверждать, будто я поручил тебе вести переговоры?

Кросли улыбнулся.

— Разумеется нет, сэр.

— Тогда иди.

Медленно тянулись часы. Прозвучал сигнал отбоя, но Вартон не ложился, меряя кабинет тяжелыми шагами. Звездный свет, достаточно яркий в безлунной темноте, сочился в окна. Сжав кулаки, Вартон вглядывался в ночь.

Он жалел Брикенриджа. Что может быть хуже, чем потеря связи с реальностью? Утверждать, что черное — это белое, а бе-

лое — черное? Результаты психоанализа ничего не дали: Брикенридж твердо верил в то, что получил указание вступить в переговоры. Шизофрения, признал врач. Но ведь шизофрения не возникает внезапно. Это не то что подвернуть ногу. Она заявляет о себе нарастающей неадекватностью поведения. Но ведь ни у кого никогда не возникало сомнений в психической устойчивости Брикенриджа!

Оставалось только предположить, что внезапная болезнь Брикенриджа — следствие его контакта с инопланетянами, однако Брикенридж утверждал, что с ним ничего не делали, а данные обследования исключали прием наркотиков или гипноз. Конечно, врач мог и ошибиться...

Вартон вглядывался в свое отражение в стекле. У обитателей Халивану наверняка нет никаких сверхъестественных способностей. Просто эта цивилизация по каким-то только ей понятным причинам сторонится контактов с разумной жизнью других миров. И нет оснований приписывать им колдовские штучки.

Вдали показались яркие огни. Послышался рев двигателя. Кросли возвращался.

В нетерпении Вартон выскочил навстречу. Ночной воздух холодил разгоряченное лицо. Кросли и его водитель, Родригес, вылезли из кабины.

Увидев Вартона, они отдали честь. Дрожащей рукой Вартон приветствовал их обоих.

— У вас возникли какие-нибудь трудности?

— Нет, сэр. Но мы не смогли его найти,— ответил Кросли.— Мы осмотрели все окрестности...

— Что ты мелешь? — оборвал его Вартон срывающимся голосом.— Кого вы не нашли?

— Разумеется, Брикенриджа,— ответил Кросли и недоуменно взглянул на Родригеса.— Как вы и приказали, мы объезжали базу расширяющимися кругами до тех пор, пока...

У Вартона потемнело в глазах.

— Зачем вы искали Брикенриджа?

— Разве вы не послали нас на розыски? Он заблудился, возвращаясь от инопланетного корабля, и вы приказали нам найти его. Сэр? Сэр, вам нехорошо?

Сердце Вартона, казалось, сжали ледяные пальцы.

— Пошли со мной, лейтенант. И ты, Родригес.

Он привел их в кабинет и включил пленку, на которой записал разговор с Кросли перед отъездом. Лейтенант в замешательстве поглядывал то на полковника, то на Родригеса.

— Вы по-прежнему настаиваете на том, что я послал вас на поиски Брикенриджа? — спросил Вартон, когда пленка кончилась.

— Но... да...

— Брикенридж спит в изоляторе. Он никогда не терялся. Он вернулся давным-давно. Вас я послал передать ультиматум. Кросли, разве ты не узнаешь собственный голос?

— Голос похож на мой, это точно. Но... я не помню... это...

Дальнейшие расспросы ни к чему не привели. Разговор, воспроизведенный на пленке, только смутил Кросли. Он бледнел и бледнел, продолжая упорствовать в том, что они ездили кругами в поисках Брикенриджа. Родригес целиком поддерживал его. Даже когда Вартон сказал, что проследил по радару их путь к звездолету и обратно, они лишь качали головами.

— Мы не приближались к их звездолету, сэр. Вы приказали...

— Достаточно, лейтенант. Оба можете идти спать. Возможно, завтра вы что-нибудь вспомните.

Вартон не мог уснуть. Сначала Брикенридж, потом Кросли и Родригес — все они вернулись от звездолета с какими-то идиотскими баснями. Уверенность Вартона начала улетучиваться. Может, легенды о Халивану вовсе не плоды досужего вымысла?

Нет. Это невозможно.

Но как иначе объяснить то, что произошло с его людьми? Шизофрения не заразная болезнь. Но как трудно смириться с тем, что все трое, встретившись с инопланетянами, вернулись... другими людьми. В них что-то изменилось, это несомненно. Изменилось их восприятие прошлого. Кросли даже пленка не убедила.

К утру Вартон понял, что остался лишь один выход. Он уже не думал о том, что должен сохранить в неприкосновенности границы Земного сектора. Не снимая с себя ответственности, он полагал, что сейчас более важно узнать, каким образом обитатели звездолета воздействуют на людей. И выяснить это он мог только сам. Больше посылать к звездолету некого, иначе наблюдательный пост останется без офицеров.

И потом, все они, в сущности, зеленые юнцы. Только настоящий мужчина, ветеран дормиранской войны, мог разобраться в происходящем.

Однако сначала необходимо принять меры предосторожности.

Утром он послал за капитаном Лоуэллом, последним из старших офицеров, так как ни Брикенриджу, ни Кросли доверять он уже не мог.

— Лоуэлл, я сам отправлюсь к звездолету. До моего возвращения командование базой возлагаю на тебя. Слушай внимательно. Я собираюсь дать им ровно четыре часа, чтобы убраться отсюда. По истечении этого срока я хочу, чтобы ты расстрелял их из тяжелых тепловых орудий, даже если я прикажу тебе не делать этого. Понятно? Если придется, действуй против моего прямого приказа. Но дай команду открыть огонь, как только кончится отведенное им время.

Лицо Лоуэлла выражало полное замешательство.

— Сэр, я не понимаю...

— И не пытайся понять. Только слушай. Я записываю наш разговор на пленку. Держи ее у себя. Когда я вернусь, прокрути ее мне.

Оставив в кабинете совершенно сбитого с толку Лоуэлла, Вартон направился к вездеходу. За рулем сидел Смитсон, ездивший к звездолету с Брикенриджем.

Они ехали молча, тишина нарушалась лишь ревом реактивных двигателей, быстро несущих вездеход по бесконечной равнине. Солнце поднималось все выше. Вартон мечтал о капсуле глубокого сна. Еще несколько часов, думал он. Еще несколько часов — и вопрос будет решен. Так или иначе. Только бы Лоуэллу хватило духу не повиноваться ему в случае, если он вернется другим человеком. Вартон улыбнулся. Он не сомневался, что и по возвращении будет полностью владеть собой.

Вскоре они поднялись на плато, где разбил лагерь экипаж инопланетного корабля. Вартон видел палатки, окружающие звездолет с Халивану; несколько инопланетян, гуманоидов с серовато-зеленой кожей, расставляли какое-то оборудование. Как только вездеход остановился, один из них направился к визитерам.

— Вам, земляне, нравится ездить к нам в гости,— сказал он на фаудийском диалекте.— Кажется, вы уже третьи.

— И последние,— ответил Вартон.

Ему было не по себе. От высокого, ростом не менее семи футов инопланетянина исходил сладковатый, дурманящий запах. Вартону приходилось задирать голову, чтобы видеть его лицо.

— И что вы хотите нам передать? — спросил инопланетянин, и тут же Вартон почувствовал, будто мягкая кисточка коснулась его затылка.

— Я... что вы делаете? — Кисточка все еще щекотала его.

И тут же все подозрения пропали.

— Говорите,— поощрил его инопланетянин.

Вартон улыбнулся.

— Я — командир наблюдательного поста на Барлетте-пять и прибыл сказать вам, что все нормально, что вы можете оставаться, пока не закончите свои дела.

— Благодарю,— с достоинством ответил инопланетянин и улыбнулся, обнажив черные десны.— Это все?

— Да, все.— Вартон взглянул на Смитсона.— Нам нечего добавить, не так ли, Смитсон?

Тот пожал плечами.

— Думаю, что нет, сэр.

— Отлично. Тогда мы можем возвращаться.

Лоуэлл подбежал к вездеходу, как только он остановился.

— Все в порядке, сэр?

— Конечно. Пусть Бейли приготовит мне капсулу глубокого сна. О боже, давно я так не уставал.

— Звездолет улетает?

— Улетает? — Вартон нахмурился.— А почему он должен улетать? Они только начали исследования.

— Но... полковник...

— Что еще? — сердито ответил Вартон.

— Вы оставили приказ... Вы сказали, что через четыре часа мы должны открыть огонь по звездолету, если он к тому времени не взлетит.

Вартон нахмурился и направился к капсуле глубокого сна.

— Должно быть ошибка, Лоуэлл. Приказ отменяется. Бейли! Бейли, готовь капсулу.

Лоуэлл забежал вперед и преградил полковнику путь.

— Извините сэр! Вы велели мне открыть огонь, даже если лично отмените приказ.

— Ерунда!

— Наш разговор записан на пленку в вашем кабинете...

— И что из этого? Звездолету с Халивану разрешено провести исследования на Барлетте-пять. И давайте оставим разговоры о неподчинении моим приказам. Понятно?

Лицо Лоуэлла пошло красными пятнами.

— Полковник, я понимаю, что говорю странные вещи, но вы сами настаивали...

— Я сам и отменил приказ! Я выразился достаточно ясно, капитан? Пожалуйста, дайте мне пройти. Я говорю «пожалуйста», потому что обращаюсь к офицеру, но...

Лоуэлл не двинулся с места. Его лоб покрылся каплями пота.

— Но пленка...

— Я могу пройти?

— Нет, сэр. Вы приказали мне не подчиняться никаким приказам, кроме полученного от вас перед отъездом. И следовательно...

— Командир, не способный отменить собственный приказ, может быть только сумасшедшим! — рявкнул Вартон и знаком подозвал двух солдат.— Отведите капитана Лоуэлла на гауптвахту. Я — добрый человек, но не потерплю неповиновения.

Протестующего Лоуэлла увели. Вартон прошел в кабинет. И, подумав, включил диктофон.

— ...Я собираюсь дать им ровно четыре часа, чтобы убраться отсюда. По истечении этого срока я хочу, чтобы ты расстрелял их из тяжелых тепловых орудий, даже если я прикажу не делать этого. Понятно? Если придется, действуй вопреки моему прямому приказу.

Брови Вартона поползли вверх. Несомненно, это его голос. Но как он мог сказать нечто подобное? Звездолет имел полное право на посадку. Ну как же, у него на столе лежало сообщение с Земли, разрешающее им провести необходимые солнечные наблюдения. Он просмотрел лежащие перед ним бумаги, но не нашел разрешения. Вартон пожал плечами. Наверно, заложил его куда-то. Но он твердо знал, что оно есть. Видел же его своими глазами.

Тогда откуда взялась пленка? Вартон покачал головой и решил, что просто стареет, раз способен отдавать Лоуэллу такие приказы. Где-то в подсознании поднялся тихий голос протеста, но тут же смолк. Потянувшись, Вартон стер запись, выключил диктофон и направился к капсуле глубокого сна. Его ожидали девяносто минут блаженства.

Тень крыльев

От берега озера дети бежали, смеясь, вверх по травянистому склону холма, туда, где доктор Джон Дональдсен лежал на расстеленном одеяле и читал книгу. Увидев, что зажато в кулачке младшего сына, Дональдсен невольно вздрогнул от омерзения.

— Смотри, Джон, что поймал Пол! — крикнула старшая, Джоанна.

За девятилетней брюнеткой, чье личико с каждым днем становилось все темнее от загара, поспевал восьмилетний Дэвид, белобрысый и красный как рак. Шестилетний Пол задыхался на бегу позади остальных, сжимая в пухлом кулачке маленькую зеленую лягушку.

Отложив книгу в сторону («Морфологическая лингвистика» Хейли), Дональдсен поднялся на ноги.

— Джон, она прыгала! — Торжествуя, Пол едва не ткнул доктору лягушкой в лицо.— Я поймал ее!

Свободной рукой Пол продемонстрировал, как.

— Так и было,— подтвердил Дэвид.

Голова лягушки высовывалась между большим и указательным пальцами, перепончатые задние лапки беспомощно свисали, не помещаясь в крепко сжатом мокром кулачке. Тщедушному земноводному явно было несладко. Дональдсену льстило, что его шестилетний сын не по годам ловок, но он хотел, чтобы мальчишка поскорее вернул несчастное создание в озеро.

— Пол, ты бы лучше...

На дальнем конце одеяла запищал радиотелефон. Звонила Марта, оставшаяся в бунгало.

© Перевод А. Орлова.

— Это мамочка! — объявила Джоанна. Так сложилось, что Марту дети никогда не называли по имени, в отличие от отца.— Джон, что ей от нас надо?

Протянув руку, Дональдсен активировал телефон.

— Марта?

— Джон, тебе из Вашингтона звонят. Я сказала, что ты на озере, но они говорят, срочно. Не вешают трубку.

— Из Вашингтона... Кто? — Дональдсен нахмурился.

— Колдуэлл. Управление внеземных дел. Не терпит отлагательства, по его словам.

— Хорошо, сейчас буду,— вздохнул Дональдсен.

Глядя Джоанне в глаза, он объяснил, будто та не слышала разговора:

— Мне надо к телефону в коттедже. Смотри, чтобы твои братья не лезли в воду, пока меня не будет. И еще проследи, чтобы Пол выпустил лягушку обратно.

Прихватив книгу, Дональдсен скорым шагом направился в сторону бунгало, где ждал телефон.

— Сожалею, что вынужден прервать ваш отпуск, доктор Дональдсен.— В решительном голосе Колдуэлла не слышалось никакого сожаления.— Но дело срочное. Мне сказали, именно вы можете нам помочь.

— Допустим. Что именно вам нужно?

— Сейчас... Поправьте, если я ошибаюсь: вы профессор лингвистики в Колумбийском университете, специалист по кетланской группе языков и автор классической монографии, изданной в две тысячи восемьдесят седьмом году.

— Все так, но...

— Доктор Дональдсен, мы захватили живого кетланина. Он проник в Солнечную систему на небольшом корабле. Патрульный крейсер взял его вместе с посудиной, в целости и сохранности. В данный момент он у нас, в Вашингтоне. Необходимо, чтобы вы с ним поговорили.

Потрясенный Дональдсен на время потерял дар речи. Живой кетланин! Это все равно что найти живого шумера или этруска.

Кетланские языки отличались красотой, логической стройностью — и были мертвее мертвого. Когда-то, невообразимо давно, кетлане побывали в Солнечной системе. О визите на Марс и Венеру остались их собственные записи на двух языках. Один из

языков удалось расшифровать благодаря тому, что марсиане когда-то перевели часть записей на свой. На марсианском же языке говорят и сегодня, как сто тысяч лет назад.

Степень доктора наук Дональдсен получил за расшифровку кетланского языка, используя древние тексты, как Шампольон использовал Розеттский камень. Блестящая работа принесла ему славу. Но живой кетланин? Откуда?..

Дональдсен осознал, что давно тупо смотрит на собственное отражение в зеркале над телефонной тумбочкой, а Колдуэлл на другом конце провода требует ответа.

— Думаю, смогу быть в Вашингтоне после обеда,— проговорил Дональдсен.— Дайте мне немного времени на сборы. Надеюсь, я вам нужен не слишком надолго?

— Пока мы не разберемся с кетланином,— твердо ответил Колдуэлл.

— Замечательно. В конце концов, я могу взять отпуск в любое время. Кетлане к нам не каждый день прилетают.

Повесив трубку, Дональдсен снова уставился в зеркало. За пятнадцать лет академической карьеры его рыжие кудри заметно отступили назад и больше не спадали на лоб. Невыразительные глаза, небольшой нос, губы тонкие и бледные. Ученый, а не герой — как, собственно, и должно быть.

— Что там? — спросила Марта.

— Захватили корабль с живым инопланетянином на борту,— пожал плечами Дональдсен.— Выходит, что, кроме меня, языка никто не знает. Требуют прибыть немедленно.

— И ты летишь?

— Разумеется. Это вряд ли займет больше нескольких дней. Ты ведь справишься с детьми? То есть...

— Спорить бессмысленно,— улыбнулась Марта уголками губ. Зайдя Дональдсену за спину, она нежно коснулась его покрасневшей от солнца кожи.— В следующем году отдохнем как следует.

Заведя руку назад, Дональдсен мягко поймал ладонь Марты. Ну конечно, она не будет возражать. Его счастье всегда было ее счастьем, а Дональдсен был счастлив на любимой работе. Само собой, за этим телефонным звонком последует обременительное и ненужное внимание прессы, но и научный успех. А еще До-

нальдсену предоставляется фантастическая возможность узнать, насколько верно он сумел угадать кетланское произношение.

— Сходи, пожалуйста, к озеру и приведи детей,— попросил Дональдсен.— Хочу с ними попрощаться.

Корабль располагался в подвале управления внеземных дел, в здании на Конститьюшн-авеню, напротив Национальной академии наук, подвешенный в стасис-поле. Настоящий склеп, подумал Дональдсен. Золотые лучи генераторов, смонтированных вдоль стен, сходились на парящей в силовом поле торпеде длиной около сорока футов и диаметром десять футов. У Дональдсена мурашки побежали по спине, когда он разглядел голубые завитки кетланской вязи на борту. «Посланец дружбы», прочитал Дональдсен, не веря своим глазам.

— По этой надписи мы и поняли, что это кетланский корабль,— сказал Колдуэлл, перехватив взгляд Дональдсена.

Энергичный коротышка Колдуэлл едва доставал Дональдсену до плеча; будучи заместителем, он распоряжался делами управления в отсутствие его главы.

— Для чего такие сложности? — Дональдсен указал на генераторы.— Отчего просто не опустить корабль на пол?

— Тяжеловат он для этого. Бетон может треснуть. К тому же, так проще манипулировать: поднять, опустить, вывести через ворота...

— Согласен. И вы говорите, что внутри — живой кетланин?

Колдуэлл кивнул и указал на пост связи в дальнем углу подвала.

— Мы на связи. Он может вызвать нас, мы — его. Только мы ничего не понимаем, как и следовало ожидать. Попробуете сами?

После энергичного кивка Дональдсена Колдуэлл провел его к радиостанции, где что-то настраивал подтянутый молодой человек в военной форме.

— Доктор Дональдсен из Колумбийского университета, специалист по кетланскому языку,— представил его Колдуэлл.— Ему необходимо поговорить с нашим другом внутри.

Дональдсен растерянно глянул на микрофон, который ему сунули в руки, на розовое лицо молодого человека, на чужой корабль. Надпись на борту сделана на кетлани-А, что уже хорошо.

Кетланских языков два, совершенно не похожих один на другой: кетлани-А и кетлани-Б. Если кетлани-А изучен достаточно хорошо, то кетлани-Б — почти полная загадка.

— Как этой штукой пользоваться?

— На микрофоне кнопка, нажимаете и говорите, больше ничего не надо. Ответы кетланина будут записаны.— Молодой человек кивнул в сторону магнитофона и громкоговорителя на столе.

Не очень хорошо соображая, Дональдсен придавил кнопку и произнес два слова — приветствие на кетлани-А.

Изучая мертвый язык, Дональдсен разработал для него стройную фонетическую систему. Сейчас предстояло убедиться, имеет ли она что-либо общее с действительностью.

После небольшой заминки громкоговоритель ответил серией грубых и неожиданных звуков. Одна секунда, две — и Дональдсен выхватил из незнакомой речи несколько знакомых слов, как археолог находит драгоценности в раскопе.

— Говори медленно,— сказал Дональдсен на кетлани-А.— Я знаю... мало слов.

Секунд через десять кетланин ответил очень медленно, с расстановкой:

— Откуда — ты — знаешь — наш — язык?

Дональдсен тщетно пытался найти нужные слова, чтобы объяснить, как он изучал кетланские тексты, найденные на Марсе, и сравнивал их со сделанными в древности переводами на марсианский язык.

Краем глаза Дональдсен замечал бледные, мокрые от пота лица служащих управления, теснившихся рядом. Им очень хотелось знать, о чем профессор говорит с пришельцем, но перебивать никто не решался. Дональдсену стало их жалко. До сегодняшнего дня управление занималось пустяками: импорт марсианских древностей, образовательные визы на Венеру и тому подобное. Теперь на них свалился корабль из-за пределов Солнечной системы, а вместе с ним огромные проблемы, о которых пока можно лишь догадываться.

— Узнай, для чего он прибыл в Солнечную систему,— шепнул Колдуэлл.

— Стараюсь,— пробормотал Дональдсен не без раздражения.— Ты проделал немалый путь,— продолжал он на кетлани.

— Да... в одиночку.

— Зачем ты прилетел?

Нервы Дональдсена натянулись до предела, пока тянулась бесконечная пауза. Ситуация казалась потусторонней, нереальной. Давняя и блаженная уверенность в том, что ему никогда не придется всерьез говорить на кетлани, рассыпалась навсегда.

— Я — *прилетел* — зачем?

Правильная грамматическая инверсия свидетельствовала, что вопрос понят.

— Да,— сказал Дональдсен.— Зачем?

После еще одной длинной паузы пришел невразумительный ответ. Дональдсен спросил вновь. Что поделать: и словарь беден, и гласные кетланского языка, оказывается, интерпретированы не совсем верно.

Ответ прозвучал отчетливо и недвусмысленно:

— Я не хочу разговаривать... так. Пройди внутрь моего корабля, будем говорить здесь.

— Чего он хочет? — забеспокоился Колдуэлл.

Потрясенный Дональдсен едва удерживал микрофон непослушными пальцами.

— Он... он говорит, я должен зайти внутрь корабля. Он не любит разговоров по радио.

Отвернувшись, Колдуэлл сказал кому-то из своих:

— Пусть Мэтьюз опустит корабль и выключит стасис. Кетланину надоело сидеть одному.

— То есть... вы хотите меня туда послать? — растерянно моргнул Дональдсен.

— А как же? Кетланин сказал, что иначе говорить не будет. Вы здесь именно для того, чтобы говорить с ним. Почему бы вам не воспользоваться приглашением?

— Э-э-э... скажите, Колдуэлл, а если это небезопасно?

— Все будет хорошо,— успокоил Колдуэлл, безмятежно глядя в глаза Дональдсену.— Никакого риска.

— Мне не хотелось бы показаться трусом,— покачал головой Дональдсен,— но я обязан думать о своих детях. Перспектива остаться один на один с пришельцем на борту его собственного корабля не радует, понимаете?

— Отлично понимаю,— вздохнул Колдуэлл.— Очень хорошо. Хотите домой? Хотите оставить все как есть?

— Разумеется, нет! Просто...

— Просто надо идти туда. Внутрь.

— А чем я буду дышать?

— Воздухом. Состав их воздуха почти как у нас: чуть больше двуокиси углерода, чуть меньше кислорода... Но при необходимости наш воздух ему сгодится. Никаких проблем, никакой опасности. Вчера, когда кетланин открыл шлюзовую камеру, на корабле побывал один человек. Посланец не опасен, вы ничем не рискуете.

— Очень надеюсь,— отозвался Дональдсен.

Идти не хотелось. О походе внутрь корабля, прилетевшего неизвестно откуда, его не предупреждали. Тем не менее ему не оставили выбора. На некоторых лицах уже показалась тень презрения. Дональдсен решил не ронять себя в глазах окружающих.

— Вы идете? — спросил Колдуэлл.

— Да, да! Конечно. Иду.

Нашарив микрофон, Дональдсен нажал непослушным пальцем на кнопку.

— Открой дверь,— сказал Дональдсен пришельцу.— Я иду внутрь.

Сработали генераторы стасис-поля, и корабль мягко опустился на пол. В золотом борту плавно открылся внешний люк; показалась внутренняя дверь шлюзовой камеры.

Вручив микрофон Колдуэллу, Дональдсен нерешительно двинулся вперед, облизывая сухие губы. Вошел в камеру, переступив через комингс. Крышка люка немедленно вернулась на место, запирая Дональдсена в мышеловке высотой семь футов и шириной четыре.

Хорошо, что у него нет клаустрофобии: можно было бы сойти с ума уже сейчас. Впрочем, тогда бы он не пошел...

Прошла бесконечная минута, и глухая дверь откатилась в сторону. Можно входить.

На первый взгляд, внутри было совершенно темно. Когда глаза немного привыкли, где-то в конце узкой трубы корпуса замерцал тусклый огонек. Выплыли из темноты шпангоуты, идущие через равные интервалы от носа до кормы; показалось что-то вроде приборной доски с явно инопланетными приборами. Довольно обширная камера — продовольственный склад?..

«Но где же хозяин?» — подумал Дональдсен.

Он осторожно развернулся на триста шестьдесят градусов, щурясь в темноту. Перед глазами колыхалась какая-то дымка: дыхание кетланина? Ноздри щекотал сладкий мускусный аромат, не особенно приятный, но терпимый.

— Все в порядке? — прозвучал голос Колдуэлла в наушниках.

— Пока да. Только не вижу пришельца. И темнота, будь она неладна.

— Гляньте вверх,— посоветовал Колдуэлл.— Вчера наш человек тоже долго не мог найти.

Озадаченный Дональдсен посмотрел в темноту над головой. И что ему полагается там увидеть?

— Где ты? — громко спросил он по-кетлански.— Я тебя не вижу.

— Здесь,— раздался сверху хриплый голос.

Дональдсен моргнул, отступил, глянул еще раз.

Мохнатая тварь свисала с потолка вниз головой. Приглядевшись, Дональдсен различил свиное рыльце и огромные стоячие уши. В ярко-желтых крошечных глазах, несомненно, блестел свет разума. Тело размером с человеческое, одетое в густой темный мех, цеплялось крепкими короткими ногами за перекладину где-то наверху. Выждав пару секунд, кетланин встряхнулся и распахнул кожистые крылья. За передней кромкой крыла сильные руки с рельефной мускулатурой оканчивались вполне человеческими пальцами.

Со дна души поднялись детские истории о вампирах, и Дональдсена едва не вырвало. К тому же он не любил животных. Пришлось напомнить себе, что перед ним официальный посланник другой цивилизации и слабость может иметь катастрофические последствия не только для самого Дональдсена, но и для всей Земли. Кетланин не должен ничего заметить.

Господи, подумал Дональдсен. Разумная летучая мышь.

Непослушными губами он произнес слова приветствия и услышал ответ. Отведя глаза, увидел необъятную тень крыльев от слабого источника света в стороне. Ноги Дональдсена подгибались, нестерпимо захотелось убежать, выломать закрытую дверь шлюзовой камеры. Душевное равновесие удалось восстановить с большим трудом, но работа есть работа. Отказаться от нее нельзя.

— Я не ожидал, что ты знаешь кетлани,— сказал пришелец.— Теперь мне гораздо проще выполнить свою задачу.

— Что есть твоя задача?

— Принести дружбу моего народа твоему народу. Объединить наши миры узами братства.

Понимание последней концепции далось нелегко: буквально землянам предложили стать «детьми одной пещеры». Дональдсену пришлось задать несколько вопросов, прежде чем ему стал ясен смысл сказанного.

Тем временем глаза привыкли к темноте, и Дональдсен смог разглядеть кетланина как следует. Красивее пришелец от этого не сделался. Впрочем, сам Дональдсен в глазах чужака выглядел, наверное, не лучше. А размах крыльев мощный — семь, даже восемь футов... Дональдсену представился час пик в чужом небе, когда крылатые аборигены спешат на работу.

Видно было, что эволюция поработала над летучей мышью очень основательно. Кроме мозга развились дополнительные пальцы помимо тех, что определяли форму кожистого крыла. Маленькие глаза, типичные для летучей мыши, не предполагали острого зрения, но острый слух наверняка компенсировал подслеповатость.

— Где находится твой мир? — спросил Дональдсен.

— Далеко отсюда. Я...

Дальнейших разъяснений Дональдсен не понял. Он горько пожалел, что не работал усерднее с кетланскими документами, найденными на Большом Сырте, чтобы накопить хороший словарь.

— Ну, как вы там? — раздался в наушниках голос Колдуэлла.— Мы тут слушаем, слушаем. Хотелось бы знать, о чем разговор.

— Не можете подождать, пока я закончу? — огрызнулся Дональдсен. Тут же пожалел о вспышке гнева и извинился: — Мне очень жаль, я не хотел грубить... Нервничаю. Кетланин, как посланец своего народа, хочет установить с нами дружественные отношения. Мне так показалось, во всяком случае. Когда узнаю больше, скажу увереннее.

С многочисленными остановками, то и дело возвращаясь назад, наконец сложилась целостная картина. Прерывая и переспрашивая кетланина, Дональдсен старался запомнить каждое

новое слово, так как записывать было негде. Впрочем, на память он никогда не жаловался.

Кетлане проникли в Солнечную систему очень давно. Дональдсену не удалось сопоставить даты, но с тех пор явно прошли тысячелетия. В то время марсианская цивилизация достигла расцвета, а Землю населяли приматы, понятия не имевшие об одежде. Кетланин не стал скрывать, что Землю тогда не относили к числу планет, где может зародиться цивилизация, поскольку местные летучие мыши не внушали никаких надежд. От приматов же никто ничего не ждал.

Но к сегодняшнему дню ситуация изменилась: Марс в упадке, зато цивилизация третьей планеты совершенно неожиданно достигла весьма высокого уровня. Миры Кетлана готовы принять землян с распростертыми объятиями.

— Сколько планет вы населяете?

— Пятнадцать.— Кетланин для верности пересчитал их по одному.— Еще больше миров, с которыми мы поддерживаем дружественные отношения, но не живем в них. Надеемся на такие же отношения с вашей планетой.

Разговор исчерпал себя. У Дональдсена кончились вопросы, к тому же он смертельно устал. Ничего удивительного: чужой язык, теснота, темнота и собеседник, чей вид никак не вдохновляет.

В голове пульсировала тупая боль, крутило живот, мокрая одежда прилипла к телу. Что бы сказать на прощание? Просто так, неожиданно для самого себя, Дональдсен прочитал по памяти отрывок документа, написанного на кетлани-Б.

Повисла неловкая тишина.

— Откуда ты знаешь этот язык? — спросил кетланин с явным подозрением.

— Вообще-то я его не знаю. Несколько слов, и только.

Дональдсен рассказал про найденные тексты, кетлани-А, кетлани-Б и марсианские переводы; объяснил, что всерьез изучен только кетлани-А.

— Второй язык это не кетлани,— сказал посланник.

— Тогда что это...— пробормотал Дональдсен по-английски.

— Язык наших злейших врагов, наших соперников. Тигпорский язык.

— Но почему? Как вышло, что мы нашли те и другие документы рядом?

— Когда-то Тигнор и Кетлан были союзниками,— ответил кетланин, выдержав паузу.— В свое время мы отправили совместную экспедицию в ваш сектор вселенной. Очень давно, до того, как возникло соперничество. Но сегодня — сегодня мы враги.

Последние слова кетланин произнес, употребляя скорбное наклонение.

Действительно, так многое становится понятным. Для одной и той же расы разница между кетлани-А и кетлани-Б слишком велика. Но совместная экспедиция естественным образом все объясняет.

— Возможно, когда-нибудь тигнорцы нанесут вам визит. Но уже не застанут вас врасплох.

— А как они выглядят, эти тигнорцы?

Кетланин старательно описал своих врагов. Выходило, что тигнорцы это гигантские разумные жабы. Прямоходящие теплокровные амфибии, омерзительные и вонючие.

Жабы, летучие мыши, марсианские ящерицы — по всей видимости, монополия приматов на разум ограничивается пределами Земли. Поводов для гордости негусто. Дональдсен скривился, припомнив лягушку, пойманную Полом у озера.

— Он желает заключить братский союз,— перейдя на английский, Дональдсен объяснил ситуацию Колдуэллу.— Он также говорит, что техника межзвездных перелетов доступна еще одной расе. Это жабы, представляешь? И они запросто могут прилететь к нам в один прекрасный день. Что ему ответить?

— Заключай братский союз,— посоветовал Колдуэлл, почти без заминки.— Хуже не будет. Его никогда не поздно разорвать. Или объявить недействительным. Скажем, держали пальцы крестиком, принося присягу. А когда прилетят лягушки, мы определимся, кого лучше иметь в союзниках.

Дональдсена покоробило от такого цинизма, но в его положении возражать не приходилось.

— Я готов заключить братский союз между Землей и мирами Кетлана,— объявил Дональдсен.

Внезапно отцепившись от перекладины, кетланин слетел вниз, шурша огромными крыльями, и оказался лицом к лицу с Дональдсеном, который невольно отступил на шаг.

— По нашему обычаю, при заключении союза полагается обнять друг друга.— Тон кетланина был спокойным, ободряющим.— Прямой физический контакт обязателен. Он символизи-

рует гармонию и дружбу на всем пространстве космоса. Подойди ближе!

Кетланин распахнул крылья.

От омерзения у Дональдсена закружилась голова, но он заставил себя охватить руками бочкообразное тело кетланина и замереть неподвижно. На мгновение кожаные крылья плотно спеленали его с ног до головы, потом разошлись.

— Теперь мы друзья. И это лишь начало долгих и плодотворных отношений между нашими народами. Надеюсь, мы встретимся, и очень скоро.

Дональдсена наконец отпустили. На непослушных ногах землянин двинулся к шлюзовой камере. На пороге задержался, чтобы произнести слова прощания. Выйдя из корабля, рухнул на подставленные руки.

— Ну что? — потребовал отчета Колдуэлл.— Заключил братский союз?

— Да,— просипел Дональдсен.— Присягнул, как положено.

Терпкий сладковатый запах не хотел выветриваться. Дональдсену казалось, что крылья, пульсирующие теплой кровью, не желают его отпускать.

— Я улетаю прямо сейчас,— сказал он.— У меня есть остаток отпуска, и я хочу им воспользоваться.

В руку ему вложили стакан, и Дональдсен осушил его одним глотком. Лицо его порозовело, нервная дрожь отпустила. Последствия невообразимого объятия отступали. А чего тут бояться? Иррациональный страх, не более того, мысленно поставил себе диагноз Дональдсен.

Пережитый шок уже проходил, когда Дональдсена посетила новая мысль. Настолько ужасная, что утешительный диагноз сразу вылетел из головы.

На Земле существует только один знаток кетлани-Б, или тигнорского языка. Это Джон Дональдсен. В один прекрасный день — не столь далекий, быть может,— на Землю прилетят тигнорцы. И Колдуэлл снова мобилизует его в качестве переводчика.

Интересно, каков ритуал заключения братского союза у прямоходящих жаб?

Мухи

Вот Кэссиди: пригвожденный к столу

Немного от него осталось. Черепная коробка, несколько ниточек-нервов, палец. Неожиданное схлопывание позаботилось об остальном. Тем не менее этого было достаточно, чтобы начать. Золотистым было довольно и этого. Они нашли его в обломках корабля, проплывавшего через их зону на обратной стороне Япета. Он был жив. Он мог быть починен. Для прочих на корабле такой надежды не было.

Починить его? Конечно. Разве обязательно быть гуманоидом, чтобы быть гуманным? Конечно, починить. Всеми доступными средствами. И переделать. Золотистые были творцами. То, что осталось от Кэссиди, лежало в углублении чего-то вроде стола внутри золотистого шара энергии. Здесь не было смены времен года, лишь сияние стен да неизменное тепло. Здесь не существовало ни дня, ни ночи, ни сегодня, ни завтра. Нечеткие формы придвигались к нему и уплывали прочь. Его регенерировали — медленно, шаг за шагом,— а он лежал, погруженный в лишенное мыслей спокойствие. Мозг не был поврежден, но не работал. К нему наращивалось все остальное: сухожилия и связки, кости и кровь, сердце и локти. Продолговатые холмики материи выпускали крохотные росточки, вырастающие в комочки плоти. Клеить клетку к клетке, восстанавливать человека из обломков — для Золотистых это не было ни трудно, ни скучно. У них были свои приемы. Но им многое надо было узнать, и Кэссиди мог им в этом помочь.

День за днем Кэссиди достигал завершенности. Его не будили. Он лежал в теплой колыбели, не тревожимый ни единой

© Перевод С. Монахова.

мыслью, покачиваясь, словно на волнах. Его новая плоть была гладкой и розовой, как у младенца. Эпителий огрубеет позднее. Кэссиди появлялся подобно синьке чертежа. Золотистые воссоздавали его по оставшимся клочкам, отстраивали по сохранившимся полинуклеиновым цепочкам, расшифровывали белковый код и собирали его, пользуясь этим шаблоном. Для них это было просто. Почему нет? Любой комочек протоплазмы способен на это... для себя. Золотистые, которые не были протоплазмой, делали это для других.

Они сделали некоторые изменения в шаблоне. Они были большими умельцами. К тому же им так много хотелось узнать.

Взгляните на Кэссиди: досье

РОДИЛСЯ: 1 августа 2316 года.
МЕСТО РОЖДЕНИЯ: Найак, штат Нью-Йорк.
РОДИТЕЛИ: Разные.
УРОВЕНЬ ДОХОДА: Низкий.
ОБРАЗОВАНИЕ: Среднее.
ПРОФЕССИЯ: Специалист по топливным системам космических кораблей.
СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: Три официальные связи длительностью 8 месяцев, 16 месяцев и 2 месяца.
РОСТ: Два метра.
ВЕС: 96 килограмм.
ЦВЕТ ВОЛОС: Рыжий.
ЦВЕТ ГЛАЗ: Голубой.
ТИП КРОВИ: А+.
УРОВЕНЬ ИНТЕЛЛЕКТА: Высокий.
СЕКСУАЛЬНЫЕ НАКЛОННОСТИ: Нормальные.

Взгляните на него теперь: его переделывают

Перед ними лежал человек, только что законченный, готовый к возрождению. Теперь пришло время для заключительных действий. Они отыскали серое вещество мозга и вошли в него.

Они пустились в плавание по его заливам и бухточкам, задержались вон в той тихой гавани, бросили якорь у того отвесного утеса. Они оперировали мозг, но делали это чисто. Не было ни резекции коры, ни блестящих лезвий, рассекающих хрящи и кость, ни шипящих лазерных лучей, ни надоедливого гудения вспомогательной аппаратуры. Холодная сталь не кромсала синапсы. Золотистые были искусней; они настраивали схему, именуемую Кэссиди, повышали коэффициент усиления, убирали помехи и делали это очень осторожно.

Когда они кончили возиться с ним, он стал более чувствителен. Он должен был испытывать тягу к некоторым новым вещам. Ему даровали определенные способности.

Теперь его разбудили.

— Ты жив, Кэссиди,— произнес нежный голос.— Твой корабль был разрушен. Твои товарищи погибли. Ты один остался в живых.

— Что это за больница?

— Это не Земля. Скоро ты сможешь вернуться. Встань, Кэссиди. Пошевели правой рукой. Теперь левой. Присядь немного. Выпрямись. Вдохни. Открой и закрой несколько раз глаза. Скажи свое имя, Кэссиди.

— Ричард Генри Кэссиди.

— Возраст?

— Сорок один год.

— Взгляни на это отражение. Кого ты видишь?

— Себя.

— У тебя есть вопросы?

— Что вы сделали со мной?

— Починили, Кэссиди. Ты был почти полностью разрушен.

— Вы что-нибудь переделали?

— Мы сделали тебя более восприимчивым к чувствам людей.

— О,— сказал Кэссиди.

Отправимся вместе с Кэссиди назад, к Земле

Он прибыл в день, на который был запрограммирован снег. Легкий, быстро тающий снежок, скорее эстетическое развлечение, нежели подлинное проявление сил природы. Было очень

хорошо снова ступать по родной планете. Золотистые умело организовали возвращение, поместив его в разрушенный корабль и сообщив ему толчок, достаточный, чтобы он оказался в зоне действия локаторов спасательных станций. Мониторы обнаружили его и вывели на него катер. Как получилось, что вы уцелели в катастрофе, космонавт Кэссиди? Очень просто, сэр, я был снаружи, когда это случилось. Раздался хлопок, и все погибли. Мне одному удалось спастись, чтобы рассказать вам об этом.

Его отправили на Марс для проверки, а потом некоторое время продержали в карантине на Луне и в конце концов разрешили вернуться на Землю. Он шагал сквозь снегопад, крупный человек с валкой походкой и аккуратными мозолями везде, где нужно. У него было мало друзей, никого из родственников, чтобы погостить понемногу у каждого, зато были три жены, бывшие жены, к которым он мог отправиться. Согласно законодательству, ему, как попавшему в аварию, полагался годичный отпуск с сохранением жалованья. Он собирался им воспользоваться.

Он пока не использовал свои новые способности. Золотистые сделали так, что его возможности не могли проявиться, пока он не вернется домой. Теперь он был на Земле, и пришло время использовать их. Бесконечно любопытные существа, живущие на Япете, терпеливо ждали, когда Кэссиди найдет тех, кто когда-то любил его.

Он начал поиск в городском округе Чикаго, поскольку тот находился рядом с космопортом Рокфорда. Движущаяся дорожка быстро доставила его к башне, сложенной из известкового туфа, травертина, разукрашенной сияющей мозаикой из металлов эбенового и фиолетового оттенков. Здесь, в местном центре телевектора, Кэссиди взялся за поиски адресов своих бывших жен. Он был терпелив — высоченная живая башня со спокойным лицом и кроткими глазами,— нажимая нужные кнопки и спокойно ожидая, пока где-то в глубине земли не сомкнутся волоски контактов. Кэссиди не был напористым. Он был смирным. Он умел ждать.

Машина сообщила, что Берил Фрейзер Кэссиди Мелон живет в городском округе Бостон. Машина сообщила, что Ларин Холстин Кэссиди живет в городском округе Нью-Йорк. Машина сообщила, что Мирабель Гунрик Кэссиди Милман Роз живет в городском округе Сан-Франциско.

Имена разбудили воспоминания: тепло тела, запах волос, касания рук, звучание голоса. Шепот страсти. Презрительное ворчание. Стоны любви.

Кэссиди, возвращенный к жизни, отправился повидать своих бывших жен.

Вот одна из них: в целости и сохранности

Глаза Берил были молочного цвета вокруг зрачков и зеленоватыми там, где им полагалось быть белыми. За последние десять лет она здорово сбросила вес, и теперь ее лицо было пергаментом, натянутым на кости, изрытым, словно после оспы. Скулы ее разрывали кожу, готовые в любой момент выйти наружу. Кэссиди женился на ней в двадцать четыре года. Они прожили вместе восемь месяцев. Они разошлись после того, как она решила подписать Обязательство о Стерильности. Он не особенно жаждал детей, однако оскорбился, узнав о ее решении. Теперь она лежала в мягкой пенной колыбели и пыталась улыбнуться ему растрескавшимися губами.

— Говорили, что ты погиб,— сказала она.

— Я вывернулся. Ну, как ты, Берил?

— Сам видишь. Лечусь.

— Лечишься?

— Я пристрастилась к трилину. Разве не видишь? Глаза, лицо. Трилин разъедает организм, но дает успокоение. Словно отсоединяется душа. Но еще год — и он убил бы меня. Теперь я лечусь. С того месяца мне уже начали уменьшать дозу. Мой организм подновился. Я теперь вся нашпигована протезами. Но я живу.

— Ты выходила замуж? — спросил Кэссиди.

— Трилин разъел его организм. Это было очень давно. Пять лет я была одна. Только я и трилин. Но теперь с этим покончено,— Берил с трудом моргнула.— Ты выглядишь таким отдохнувшим, Дик. Ты всегда был таким. Такой спокойный, уверенный в себе. Ты бы никогда не попался на эту удочку с трилином. Возьми мою руку.

Он дотронулся до ее высохшей клешни. Он почувствовал исходящее от нее тепло, потребность в любви. В нем забушевали яростно бьющиеся волны, низкочастотные колебания тоски,

проходящие сквозь него и с гулом устремляющиеся к далеким наблюдателям.

— Когда-то ты любил меня,— сказала Берил.— Мы оба тогда были глупыми. Люби меня снова. Помоги мне встать на ноги. Мне нужна твоя сила.

— Конечно, я помогу тебе,— сказал Кэссиди.

Он вышел из ее квартиры и купил три кубика трилина. Вернувшись, он решительно развернул один из них и вложил его в ладонь Берил. Молочно-зеленые глаза ее испуганно заметались.

— Нет,— захныкала она.

Боль, хлестнувшая из ее разбитой души, была невыносимо острой. Кэссиди принял на себя весь удар. Потом она сжала ладонь. Наркотик вошел в ее организм, и она снова успокоилась.

Поглядите на следующую: вдвоем с лучшим другом

Механический голос сказал:

— Пришел мистер Кэссиди.

— Пусть войдет,— ответила Мирабель Гунрик Кэссиди Милман Роз.

Створки двери-сфинктера разошлись, и Кэссиди ступил в мраморно-ониксовое великолепие. Темно-каштановые палисандровые рейки образовывали решетчатую конструкцию, на которой возлежала Мирабель, прямо-таки упиваясь прикосновением твердого дерева к пухлому телу. На ее плечи спадал водопад хрустальных волос. Кэссиди познакомился с ней в 2346 году, и она была с ним шестнадцать месяцев. Тогда она была стройной и робкой девушкой, но теперь облик той девушки угадывался в этой горе изнеженного мяса с огромным трудом.

— Ты нашла себе хорошего мужа,— произнес он.

— Да, на третий раз мне повезло,— согласилась Мирабель.— Сядешь? Выпьешь? Изменишь климат?

— Нет, все отлично.— Он продолжал стоять.— Тебе всегда хотелось иметь особняк, Мирабель. Ты была самой умной моей женой, но ты всегда любила удобства. Сейчас тебе очень удобно.

— Очень.

— Ты счастлива?

— Мне удобно,— ответила Мирабель.— Я не слишком много теперь читаю, зато мне удобно.

Кэссиди заметил у нее на коленях нечто похожее на небрежно брошенное одеяло — пурпурное с золотистыми нитями, мягкое, с лениво спадающими складками, плотно облегающее ее колени. У него было множество глаз. Мирабель не снимала с него рук.

— С Ганимеда? — спросил он.

— Да. Муж купил мне его в прошлом году. Он очень дорог мне.

— Все они дороги. В обоих смыслах.

— Но я его так люблю! — воскликнула Мирабель.— Он почти человек. Такой преданный! Я знаю, ты сочтешь меня глупой, но он в моей жизни — самое главное. Пожалуй, даже главнее мужа. Я люблю его, понимаешь? Я привыкла к тому, что любят меня, но вряд ли найдется много вещей, которые люблю я.

— Можно мне посмотреть? — спросил Кэссиди мягким голосом.

— Только осторожней.

— Конечно.— Он взял в руки существо с Ганимеда. Его тело было необычайно мягким: его пальцы никогда не касались ничего более мягкого. В плоском теле животного что-то опасливо забилось. Кэссиди заметил схожую тревогу на лице Мирабель, появившуюся, когда он брал ее любимца. Он погладил странное существо. Оно свернулось в его ладонях и вспыхнуло золотистыми нитями.

Она спросила:

— Чем ты занят сейчас, Дик? Все работаешь на космических линиях?

Он пропустил ее вопрос мимо ушей.

— Прочти мне строчку из Шекспира, Мирабель. Про мух и шалунов-мальчишек.

Над ее светлыми бровями собрались морщинки.

— Это из «Короля Лира»,— ответила она.— Погоди. Вот. «Что мухи для мальчишек-шалунов, мы для богов. Они нас убивают для забавы».

— То самое,— сказал Кэссиди. Его большие руки стремительно скрутили одеялоподобное существо с Ганимеда. Оно окрасилось в серый цвет, и из его разорванного тела появились похожие на стебли травы жилы. Кэссиди бросил мертвое существо

на пол. Волна ужаса и боли утраты, рванувшаяся от Мирабель, оглушила его, но он принял ее и отправил к Япету.

— Мухи,— пояснил он.— Шалуны-мальчишки. Мои забавы, Мирабель. Я теперь, видишь ли, бог.— Его голос был спокоен и очень приветлив.— До свидания. Всего хорошего. Спасибо тебе.

Еще одна ожидает встречи: набухшая новой жизнью

Лерин Холстин Кэссиди, тридцати одного года, темноволосая, большеглазая и на седьмом месяце беременности, единственная из его жен не выходила больше замуж. Ее комната в Нью-Йорке была маленькой и строгой. Лерин была полной и пять лет назад, когда стала на два месяца женой Кэссиди. Сейчас она располнела еще больше, но сказать, что было полнотой, а что — результатом беременности, Кэссиди не мог.

— Ты вышла замуж? — спросил он.

Лерин, улыбнувшись, покачала головой.

— У меня есть деньги, и я ценю свою независимость. Я не могу позволить себе вновь связать себя с кем-то, как когда-то с тобой. Хватит.

— А ребенок? Ты ведь ждешь ребенка?

Она кивнула.

— Он нелегко мне достался! Думаешь, это просто? Два года осеменения! За счастье деньги и еще раз деньги! Машины, копошащиеся во мне... все эти ускорители зарождения... нет, у тебя сложится неверное представление. Это не случайный ребенок. Это ребенок, о котором я мечтала, ради которого мне пришлось попотеть.

— Интересно,— сказал Кэссиди.— Я побывал у Мирабель и Берилл, и у каждой из них тоже по ребенку. Своего рода. У Мирабель — зверь с Ганимеда. У Берилл — тяга к трилину, которую она с гордостью превозмогает. А у тебя — ребенок, зачатый без посредства мужчины. Все вы что-то нашли. Интересно.

— Ты в порядке, Дик?

— В полном.

— У тебя совершенно бесстрастный голос. Ты просто произносишь слова. Это пугает.

— Гм... Да. Ты знаешь, что я сделал для Берил? Купил ей несколько кубиков трилина. Я взял у Мирабель ее любимца и свернул ему... ну, во всяком случае, не шею. Я проделал это совершенно спокойно. Я ведь никогда не был порывистым человеком.

— Я думаю, ты сумасшедший, Дик.

— Я чувствую твой страх. Ты боишься, что я сделаю что-нибудь твоему ребенку. Страх не представляет интереса, Лерин. Вот горе — да. Это годится для анализа. Отчаяние. Я хочу изучить его. Я хочу помочь им изучить его. Я думаю, что это то, о чем они захотят узнать. Не беги от меня, Лерин. Я не собираюсь причинять тебе зло, по крайней мере то, которого ты боишься.

Она была невелика ростом и не слишком сильная, да к тому же еще и беременная. Кэссиди мягко, но крепко схватил ее за запястья и притянул к себе. Он уже чувствовал появляющиеся в ней новые эмоции — жалость к себе, перебивающую страх, а ведь он ничего еще ей не сделал.

Как можно добиться выкидыша на седьмом месяце?

Тут мог помочь резкий удар в живот. Слишком грубо, слишком грубо. Впрочем, у Кэссиди не было под руками никаких препаратов, чтобы заставить ее скинуть,— ни вытяжки спорыньи, ни чего-то другого, вызывающего спазмы. Поэтому он резко согнул колено, сожалея о грубости принимаемых мер. Лерин осела. Кэссиди ударил ее еще раз. Все это время он оставался совершенно спокойным, ибо вряд ли можно находить радость в насилии. Третий удар оказал желаемое воздействие. Кэссиди отпустил Лерин.

Она была в сознании и корчилась от боли. Кэссиди настроился на восприятие. Ребенок, как он понял, не был мертв. Не умрет он и потом. Но он, несомненно, был искалечен. Все, что он уловил от Лерин, это сожаление, что она родит урода. От ребенка придется избавиться. И начинать все сначала. Это было очень, очень грустно.

— Зачем,— выдавила она,— зачем?

Среди наблюдателей: нечто вроде смущения

Почему-то все пошло не так, как ожидали Золотистые. Оказалось, что даже они способны просчитаться, и причиной тому была дарованная Кэссиди сила. С ним надо было что-то делать.

Они дали ему необычные способности. Он мог воспринимать и транслировать эмоции людей в чистом виде. Золотистым это и было нужно, поскольку они могли теперь выстроить модели поведения человеческих существ. Но, даруя ему нервный центр, включающий эмоции других, они неизбежно должны были отключить его собственные чувства. А это искажало данные.

Он сделался слишком большим разрушителем, идя своим безрадостным путем. Необходимо было ввести коррекцию. Ибо он слишком много перенял от самих Золотистых. Они могли забавляться Кэссиди, поскольку его жизнь принадлежала им. Но он не должен был забавляться другими.

Они связались с ним и передали приказ.

— Нет,— ответил Кэссиди.— Вы достаточно повозились со мной. Мне нет нужды возвращаться.

— Необходима дальнейшая настройка.

— Я отказываюсь.

— Ты не сможешь отказываться долго.

Все еще противясь, Кэссиди сел на корабль до Марса, способный слышать их приказы. На Марсе он зафрахтовал ракетку, совершающую регулярные рейсы на Сатурн, и убедил экипаж свернуть к Япету. Золотистые завладели Кэссиди сразу же, как только он попал в зону их досягаемости.

— Что вы будете делать со мной? — спросил он.

— Реверсируем поток. Ты не будешь больше чувствовать эмоции других. Ты будешь сообщать нам о своих чувствах. Мы возвратим тебе совесть, Кэссиди.

Он протестовал. Это было бесполезно.

Они сделали необходимые приготовления внутри золотистой сферы. Они проникли в него и перестроили его и повернули все его органы чувств внутрь, чтобы он мог питаться собственными переживаниями, подобно стервятнику, рвущему свои внутренности. Вот эта информация должна была быть ценной. Кэссиди сопротивлялся, пока на сопротивление хватало сил и пока не почувствовал, что сопротивляться уже поздно.

— Нет,— пробормотал он. В желтом сиянии он увидел лица Берил, Мирабель, Лерин.— Вы не должны этого делать... Вы мучаете меня... словно муху...

Сопротивляться не имело смысла. Его отослали обратно, на Землю. Его вернули к травентиновым башням и бегущим до-

рожкам-тротуарам, к дому удовольствия на 485-й улице, к островам света, сверкающим в темном небе, к одиннадцати миллионам людей. Его вернули назад, бродить среди них и страдать. А потом докладывать о своих страданиях. Придет время, и его отпустят, но это будет не скоро.

Вот Кэссиди:
несущий свой крест.

Клыки деревьев

Из домика, в котором на вершине серого, острого, словно игла, холма Долана Зену жил Холбрук, была видна вся округа: рощи джутовых деревьев в широкой долине, стремительно несущийся ручей, в котором любила купаться его племянница Наоми, большое неподвижное озеро поодаль. Видно было и зону предполагаемого заражения в северном конце долины в секторе С, где — или это была всего лишь игра воображения? — глянцевитые синие листья джутовых деревьев начинали слегка отливать оранжевым — верный признак ржавения.

Если этот мир должен погибнуть, то начало гибели — здесь.

Он стоял наверху, у прозрачного, слегка вогнутого окна инфоцентра. Было раннее утро. Две бледные луны все еще висели на исполосованном зарей небе, но солнце уже поднималось из-за холмов. Наоми была уже на ногах и плескалась в ручье далеко от дома. До того как выйти из дома, Холбрук всегда исследовал свою плантацию. Сканеры и сенсоры приносили ему сведения о состоянии дел во всех ключевых точках участка. Холбрук, сгорбившись, пробежался толстыми пальцами по клавишам управления, заставив зажечься экраны сбоку от окна. Он владел сорока тысячами акров джутовых деревьев — повезло ему с урожайностью, хотя акций у него было маловато, а расписок — хоть отбавляй. Его королевство. Его империя. Он осматривал сектор Д, свой любимый. Так. Экран показывал длинные ряды деревьев футов пятидесяти высотой, беспрестанно шевелящие своими похожими на веревки конечностями. Это была опасная зона, сектор, от которого исходила угроза. Холбрук внимательно всмот-

© Перевод С. Монахова.

рется в листья. Уже ржавеют? Анализы из лаборатории поступят позднее. Он осматривал деревья, обращая внимание на блеск их глаз, чистоту клыков. Хорошие у него здесь деревья. Живые, сильные, производительные.

Его любимцы. Ему нравилось играть с самим собой в маленькую игру, притворяясь, что у деревьев есть индивидуальности, имена, личности. Не такая уж, впрочем, это была и игра.

Холбрук включил звук.

— Приветствую тебя, Цезарь,— сказал он.— Алкивиад, Гектор. С добрым утром, Платон.

Деревья знали свои имена. В ответ на его приветствие ветви закачались сильнее, словно по роще пронесся шквал. Холбрук посмотрел на фрукты — почти зрелые, длинные, раздувшиеся и тяжелые от галлюциногенного сока. Глаза деревьев — поблескивающие шелушащиеся пятна, которыми были испещрены стволы,— стали вспыхивать и вращаться, ища его.

— Я не в кроне, Платон,— сказал Холбрук.— Я пока дома. Но скоро спущусь. Прекрасное утро.

Из кучки сброшенных листьев вдруг вынырнуло длинное розовое рыльце похитителя сока. Холбрук с досадой смотрел, как дерзкий маленький грызун в четыре стремительных прыжка пересек расстояние до ближайшего дерева, прыгнул на массивный ствол Цезаря и принялся карабкаться, тщательно огибая глаза. Ветки Цезаря яростно затрепетали, но ему не было видно маленького злодея. Похититель сока исчез в кроне и снова появился тридцатью футами выше, там, где висели фрукты. Зверек повел мордочкой, потом уселся на четыре задние лапки и приготовился высосать на восемь долларов грез из почти зрелого плода.

Из кроны Алкивиада рванулась тонкая извивающаяся змея хватательного усика. С быстротой хлыста он покрыл расстояние до Цезаря и обвился вокруг похитителя сока. Зверек успел лишь всхлипнуть перед смертью, поняв, что попался. Описав широкую дугу, усик втянулся в крону Алкивиада; листья разошлись, и в поле зрения оказался разинутый рот дерева. Клыки раздвинулись, усик разжался, тельце зверька полетело в распахнутый зев. Алкивиад изогнулся от удовольствия; частая дрожь листьев, чуть заметная и застенчивая, похвала самому себе за быстрые рефлексы, принесшие такой лакомый кусочек. Он был умным деревом, красивым и очень довольным собой. Прости-

тельное тщеславие, подумал Холбрук. Ты хорошее дерево, Алкивиад. И все деревья в секторе Д хорошие. Что, если у тебя ржавка, Алкивиад? Что останется от твоих сверкающих листьев и гладких конечностей, если я буду вынужден сжечь тебя?

— Неплохо,— сказал он вслух.— Я люблю, когда ты показываешь свое внимание.

Алкивиад продолжал изгибаться. Сократ, растущий через четыре дерева от Алкивиада, плотно сжал конечности, что, как знал Холбрук, было знаком неудовольствия, брюзгливого ворчания. Не всем деревьям были по нраву тщеславие, самолюбование и ловкость Алкивиада.

Вдруг Холбрук почувствовал, что не может больше смотреть на сектор Д. Он нажал на клавишу, переключая экран на сектор Ц, новую рощу в южном конце долины. Эти деревья не имели, да никогда и не будут иметь имен. Холбрук давно уже решил, что это детская забава — обходиться с деревьями так, словно они твои друзья или домашние животные. Они — только средство получения прибыли. Это было ошибкой — позволить себе привязаться к ним. Теперь он почти точно знал, что некоторые из старейших его друзей несут в себе ржавую заразу, прыгающую с планеты на планету и охватывающую плантации джутовых деревьев, словно лесной пожар.

Сектор Ц он осмотрел еще тщательнее.

Думай о них как о деревьях, сказал он себе. Не животные. Не люди. Деревья. С длинными корнями, уходящими на шестьдесят футов в известняковую почву и выкачивающими из нее питательные вещества. Они не могут перемещаться с места на место. Основа их жизнедеятельности — фотосинтез. Они цветут, и опыляются, и приносят крупные фаллосообразные плоды, налитые дикими алкалоидами, которые затуманивают мозг человека. Деревья. Деревья. Деревья.

Но у них есть глаза, зубы и рты. У них есть ветки — конечности, которыми они весьма ловко владеют. Они способны мыслить. Они способны реагировать на внешние воздействия. Ударь дерево — закричит. Они приспособились охотиться на мелких животных. Они знают вкус мяса. Некоторые из них предпочитают ягненка говядине. Некоторые из них задумчивы и важны; некоторые подвижны и стремительны; некоторые медлительны, почти тяжеловесны. Хотя каждое дерево двуполо, некоторые из

них в большей степени мужчины, некоторые — женщины, некоторые амбиваленты. Души. Индивидуальности.

Деревья.

Безымянные деревья сектора Ц искушали его привязаться к ним. Это толстое будет Буддой, то — Эйбом Линкольном, а ты, ты — Вильгельмом Завоевателем, а...

Деревья.

Он сделал над собой усилие и продолжил осмотр рощи, чтобы удостовериться, что за ночь бродящие вокруг животные не нанесли большого ущерба фруктам. Он просматривал информацию, поступающую с сенсоров внутри деревьев, взглянул на мониторы, показывающие уровень сахара, степень ферментации, процент поступающего марганца — все тщательно сбалансированные жизненные процессы, на которых покоились прибыли плантации. Холбрук сдавал фрукты на приемный пункт около прибрежного космопорта, где они перерабатывались в сок, который затем отправлялся на Землю. Холбрук не принимал в этом никакого участия; он был поставщиком фруктов, и все. Он прожил здесь десять лет и не собирался заниматься ничем другим. Это была спокойная жизнь, одинокая жизнь, но жизнь, которую он выбрал сам.

Он переключал сканеры с сектора на сектор, пока не уверился, что на плантациях все в порядке. На прощание он включил ручей и поймал Наоми как раз в тот момент, когда она выходила из воды. Она взобралась на каменный выступ, нависающий над пенистым потоком, и тряхнула длинными, прямыми, шелковистыми с золотистым отливом волосами. Она сидела спиной к сканеру. Холбрук с удовольствием глядел, как подрагивают ее мускулы. На спину ей падала тень. Солнечный зайчик плясал на тонкой талии, вдруг вспыхивал на бедрах, на тугих холмиках ягодиц. Ей было пятнадцать лет. Ее послали провести месяц летних каникул с дядей Зеном; она проводила все время с джутовыми деревьями. Ее отцом был старший брат Холбрука. До этого Холбрук видел Наоми лишь дважды. Один раз — когда она была еще совсем маленькой, другой раз — когда ей было шесть лет. Ему было нелегко согласиться на ее приезд, поскольку он совершенно не знал, как обходиться с детьми, да и не особенно жаждал компании. Но он не мог отклонить просьбу старшего брата. И она уже не была ребенком. Теперь она повернулась, и экран показал

ему круглые яблочки ее грудей, плоский живот, глубоко посаженный пупок и сильные гладкие бедра. Пятнадцать. Не ребенок. Женщина. Она не смущалась своей наготы, купаясь так каждое утро. Она знала про сканеры. Холбруку было нелегко смотреть на нее. Могу ли я на нее глядеть? Не уверен. Ее вид вызывал в нем смутные мысли. Что за черт, я же ее дядя. По его лицу заходили желваки. Он твердил себе, что единственное чувство, испытываемое им при ее виде, было лишь удовольствием и гордостью, что его брат создал нечто настолько прекрасное. Только восторг. Это все, что он мог себе позволить чувствовать. Она была загорелой, с медового цвета волосами, с островками розового и золотого. Она, казалось, излучала сияние, которое было ярче света раннего солнца. Холбрук вцепился в тумблер. Я слишком долго жил один. Моя племянница. Племянница. Совсем ребенок. Ей всего пятнадцать лет. Прекрасная. Он закрыл глаза, приоткрыл их чуть-чуть и закусил губу. Ну давай, Наоми, одевайся же!

Когда она натянула шортики и рубашку, это было словно солнечное затмение. Холбрук отключил инфоцентр, сошел вниз, прихватив по дороге пару капсул с завтраком, и вышел из дому. Из гаража выкатился небольшой блестящий жук. Холбрук вскочил на него и поехал пожелать племяннице доброго утра. Она все еще была у ручья, забавляясь с многоногим пушистым зверьком размером с кошку, извивающимся в невысоком корявом кустарнике.

— Погляди только на него, дядя Зен,— закричала она.— Это кот или гусеница?

— Ну-ка, отойди сейчас же! — рявкнул он с такой неистовостью, что она тотчас же отпрянула в сторону. Игольное ружье было уже у него в руке, и палец его лежал на спусковой кнопке. Зверек продолжал резвиться в кустарнике.

Наоми взяла Холбрука за руку и хрипло сказала:

— Не убивай его, дядя Зен. Он опасный?

— Не знаю.

— Пожалуйста, не убивай его.

— Неписаное правило этой планеты,— сказал он.— Все, что имеет хребет и более дюжины ног, скорее всего, опасно.

— Скорее всего,— насмешливо произнесла она.

— Мы здесь знаем еще не всех животных. Этого вот мне раньше видеть не приходилось. Наоми.

— Он слишком хорошенький, чтобы быть опасным. Ну же, убери свое ружье.

Он спрятал ружье в кобуру и подошел к зверьку. Когтей нет, зубы маленькие, тельце хилое. Плохо: никаких видимых средств защиты, так что, скорее всего, он прячет в своем пушистом хвосте ядовитое жало. Это свойственно большинству местных многоножек. Холбрук сломал длинный прут и ткнул им зверька.

Молниеносный ответ. Шипение, рычание, задний конец туловища изогнулся — ш-ш-а! — и похожее на фитиль жало вонзилось в прут. Когда хвост возвратился на место, по пруту скатывались капли красноватой жидкости. Холбрук шагнул назад; глаза животного со злобой следили за ним и, казалось, молили об одном: чтобы он оказался в зоне досягаемости.

— Пушистый,— произнес Холбрук.— Хорошенький. Наоми, ты хочешь дожить до своего шестнадцатилетия?

Она стояла бледная, потрясенная той яростью, с которой зверек набросился на прут.

— Он казался таким ласковым,— проговорила она.— Почти ручным.

Он на полную мощность повернул регулятор лучевого ружья и прожег зверьку голову. Тот вывалился из кустарника, выпрямился и больше не шевелился. Наоми стояла с опущенной головой. Холбрук позволил своей руке опуститься ей на плечи.

— Мне очень жаль, золотко,— сказал он.— Я не хотел убивать твоего маленького друга. Но глядишь, через минуту он убил бы тебя. Считай ноги, когда играешь с дикими животными. Я уже говорил тебе об этом. Считай ноги.

Она кивнула. Это будет ей хорошим уроком. Не доверяй внешнему виду. Зло есть зло. Холбрук чертил ногой по медно-зеленому дерну и раздумывал, что значит в пятнадцать лет прикоснуться к грязным реальностям Вселенной. Наконец он поднял голову и очень мягко сказал:

— Пойдем-ка, навестим Платона.

Наоми моментально просветлела. Другая сторона молодости: быстрая отходчивость.

Они остановили жука рядом с рощей сектора Д и дальше пошли пешком. Деревьям не нравилось, когда между ними разъезжали моторизованные устройства. На глубине всего в несколько люймов все они соединялись запутанной сетью тонких волоконец, игравших роль нервов. Вес человека не причинял деревьям

никакого беспокойства, въезжающий в рощу жук всегда вызывал хор возмущенных голосов. Наоми шла босой. Следующий за ней Холбрук был обут в высокие шнурованные ботинки. Он чувствовал себя неимоверно большим и неуклюжим всякий раз, когда бывал рядом с ней. Он был довольно грузен, а ее легкость подчеркивала его размеры еще больше.

Она играла с деревьями в свою игру. Он представил ее всем им, и сейчас она шла по роще, приветствуя Алкивиада, Гектора, Сенеку, Генриха VIII, Томаса Джефферсона и Короля Тута. Наоми знала деревья не хуже его самого, а может быть, и лучше. Они тоже ее знали. Она шла меж деревьями, и они слегка дрожали, словно от ветерка, и щебетали, и прихорашивались, вытягивая свои конечности на особый лад, стараясь казаться выше и миловиднее. Даже суровый Сократ, этот старый пень, и тот, казалось, старался приглянуться. Наоми подошла к большому серому ящику посредине рощи, куда роботы каждую ночь складывали нарубленные куски мяса, и вытащила несколько кусков для своих любимцев. Кубики красной сырой плоти. Она взяла, сколько поместилось в руках, и вихрем помчалась по роще, бросая их своим друзьям. «Нимфа в саду твоем»,— подумал Холбрук. Она бросала куски высоко, сильно, энергично. Когда они взлетали, от того или иного дерева протягивался усик, чтобы схватить лакомство на полпути и отправить его в разинутый рот. Мясо не было необходимо деревьям, но они любили его, а всем фермерам было известно, что чем лучше дерево кормить, тем лучший сок оно дает. Холбрук давал деревьям мясо трижды в неделю, только сектор Д был у него на ежедневном довольствии.

— Не пропусти кого-нибудь,— напомнил Холбрук.

— Ты же знаешь, что не пропущу.

Ни один кусок не упал на землю. Когда за один и тот же кусок мяса хватались сразу два дерева, разворачивалась небольшая схватка. Не все деревья были дружны между собой. Так, черная кошка пробежала между Цезарем и Генрихом VIII, а Катон открыто не любил Сократа и Алкивиада, хотя и по разным причинам. До сих пор Холбрук и его помощники находили иногда по утрам на земле оторванные конечности. Обычно же конфликтующие деревья довольно терпеливо переносили соседство друг друга. Иначе они и не могли, приговоренные вечно быть рядом. Холбрук попытался как-то рассадить два дерева сектора Ф, находящихся в состоянии смертельной вражды, и теперь знал, что

выкопать взрослое дерево — это убить его и повредить нервные окончания тридцати его ближайших соседей.

Пока Наоми кормила деревья, разговаривала с ними и поглаживала их чешуйчатые стволы, лаская их так, как можно ласкать ручного носорога. Холбрук потихоньку разложил телескопический пробник, чтобы взять листья для анализа на ржавку. Конечно, в этом было мало толку. Ржавку на листьях не заметишь, пока она не поразит корневую систему дерева. Те оранжевые пятнышки, которые, как он думал, он видел, скорее всего, были просто игрой его воображения. Через час-другой придет ответ из лаборатории, и он будет знать все, что нужно,— либо плохое, либо хорошее. Все же Холбрук не мог удержаться. Он, извинившись, срезал пучок листьев с нижних ветвей Платона и принялся вертеть их в руках, царапая ногтем глянцевитую внутреннюю поверхность. Что это за крохотные красноватые включения? Он всячески старался отмести возможность появления ржавки. Чтобы чума, скачущая с планеты на планету, ударила по нему, выбросила его за борт? Рычаг поддерживал его плантацию: немножко своих денег, но большая часть — из банка. Этот же рычаг мог обернуться против него. Стоит только позволить ржавке пройтись по плантации и убить определенное количество деревьев, как его акции упадут ниже залоговой стоимости и банк лишит его поддержки. В этом случае его могут нанять, и он останется здесь управляющим. Он слыхал, что такие вещи иногда случаются.

Платон тяжело прошелестел листьями.

— Что с тобой, старина? — ласково спросил Холбрук.— Заразился? Что-то чудное кувыркается в кишках? Знаю, знаю. У меня у самого такое же чувство. Нам остается теперь лишь быть философами. И мне, и тебе.— Он бросил срезанные листья на землю и потянулся пробником к Алкивиаду.— Ну-ка, красавчик, ну-ка. Дай-ка взглянуть. Я не буду срезать твоих листьев.— Он представил, как закричало и затряслось бы гордое дерево.— Слегка щекочет здесь, а? И ты заразился. Верно?

Ветви дерева были плотно сомкнуты, словно Алкивиад сжался от сильной боли. Холбрук побрел дальше. Пятна ржавки были более заметны, чем вчера. Итак, это не игра воображения. В секторе Д зараза. Можно не ждать ответа из лаборатории. Он почувствовал странное спокойствие при этой мысли, хотя она означала его крах.

— Дядя Зен!

Он оглянулся. Наоми стояла рядом с пробником, сжимая в руке почти спелый плод. Было в этом нечто противоестественное. Фрукты были ботанической шуткой, форма их была явно фаллической, поэтому дерево с сотней или около того торчащих во все стороны созревающих плодов выглядело словно толпа голых мужчин, и все гости находили это весьма забавным. Но вид руки пятнадцатилетней девочки, так основательно сжимающей подобный предмет, был попросту неприличен и нисколько не забавен. Наоми никогда не обращала внимания на форму фруктов, вот и сейчас она была нимало не смущена. Сперва он объяснил это ее наивностью и застенчивостью, но потом, когда узнал ее лучше, начал подозревать, что она просто делает вид, что не замечает этой похожести, щадя его чувства. Пока он думал о ней, как о ребенке, она и вела себя, как ребенок, понял он. Чарующая сложность своих собственных мыслей по поводу ее позиции несколько дней занимала его воображение.

— Где ты его нашла? — спросил он.

— Здесь. Это Алкивиад уронил.

Грязный шутник, подумал Холбрук. Вслух он спросил:

— Ну и что ты скажешь?

— Он спелый. Пора обирать эту рощу.— Наоми сжала плод рукой, и Холбрук почувствовал, как вспыхнуло его лицо.— Погляди,— сказала она и бросила ему плод.

Она была права: дней через пять в секторе Д можно было собирать урожай. Это не доставило ему радости: налицо был еще один признак болезни, про которую он и так уже знал.

— Что случилось? — спросила Наоми.

Он прыжком преодолел разделяющее их расстояние и подобрал пучок листьев, срезанных с Платона.

— Видишь эти пятнышки? Это ржавка. Бич джутовых деревьев.

— Нет!

— Последние пятьдесят лет она поражает систему за системой. Вот она дошла и сюда вопреки всем карантинам.

— Что происходит с деревьями?

— Ускоряется обмен веществ,— ответил Холбрук.— Поэтому фрукты и стали падать. Деревья ускоряют все свои процессы, пока не начинает проходить год за пару недель. Они становятся стерильными. Они сбрасывают листву. Шесть месяцев спустя

они умирают.— У Холбрука опустились плечи.— Я начал подозревать это уже два или три дня назад. Теперь знаю наверняка.

Она выглядела заинтересованной, но не более.

— Что ее вызывает, дядя Зен?

— Начинается все с вируса, который меняет столько хозяев, что я даже не назову тебе всю цепочку. Тут существуют очень сложные взаимосвязанные отношения. Вирус поселяется в растениях и попадает в их семена, съедается грызунами, попадает в их кровь, дальше его переносят кровососущие насекомые, от которых он попадает к млекопитающим... а, черт, на что нужны эти подробности? Восемьдесят лет уйдет только на то, чтобы проследить всю эту последовательность. Главная беда в том, что не удается изолировать ни одну планету от этой чумы. Она вдруг где-то проскальзывает, приживается на какой-то форме жизни. Теперь она добралась и сюда.

— Я полагаю, ты будешь опрыскивать плантацию...

— Нет.

— ...чтобы убить ржавку. А как от нее лечат?

— Никак.— ответил Холбрук.

— Но...

— Знаешь, мне надо вернуться домой. Ты сможешь заняться чем-нибудь без меня?

— Ну, конечно.— Она показала на мясо.— Я еще не кончила их кормить. Сегодня они что-то особенно голодны.

Он хотел было сказать ей, что теперь-то уж нет никакого смысла кормить деревья, что все они к вечеру будут мертвы. Но инстинкт предостерег его от этого: слишком сложно было бы объяснить все сейчас. Он выдавил быструю безрадостную улыбку и побрел к жуку. Когда он оглянулся, она бросала здоровенный кусок мяса Генриху VIII, стремительно схватившему его и отправившему в рот.

Ответ лаборатории выскользнул из прорези в стене примерно часа через два и только подтвердил страшную догадку Холбрука: ржавка. Весть разнеслась по всей планете, и очень скоро у Холбрука собралось с дюжину гостей. Для планеты с населением менее четырех сотен человек это многочисленная компания. Губернатор округа, Фред Лейтфрид, не поленился прийти первым. Следом за ним явился земельный комиссар, которого тоже звали Фред Лейтфрид. Появилась делегация Союза производи-

телей сока в количестве двух человек. Пришел Мортенсен, человек с резиновым лицом, владеющий перерабатывающим заводом, Химскерк с экспертной линии, представитель банка и страховой агент. Немного позже появились двое соседей. Они сочувственно улыбались, дружески похлопывали его по плечу, но под их сочувствием, если копнуть поглубже, пряталась скрытая враждебность. Конечно, они никогда не сказали бы этого вслух, но Холбруку не надо было быть телепатом, чтобы прочитать их мысли: «Избавляйся от этих деревьев, пока они не заразили всю эту чертову планету».

На их месте и он думал бы точно так же. Хотя зараза и достигла планеты, дела обстояли не так уж и плохо. Все еще можно было поправить; соседние плантации можно было спасти, да и его собственные деревья, не тронутые заразой, тоже... Если только он не будет сидеть сложа руки. Если бы у его соседа появилась ржавка, вряд ли он вел бы себя терпеливее этих двоих.

Фред Лейтфрид, высокий бледнолицый мужчина с голубыми глазами, имеющий подавленный вид, даже если происходило что-то радостное, теперь вообще, казалось, был готов удариться в слезы. Он сказал:

— Зен, я объявил общепланетную тревогу. Минут через тридцать биологи будут готовы начать обрыв цепи переносчиков. Мы начнем с твоей плантации и пойдем по все увеличивающемуся радиусу, пока не изолируем весь квадрат. После этого можно будет надеяться на лучшее.

— Кого же вы собираетесь уничтожать в первую очередь? — спросил Мортенсен, покусывая нижнюю губу.

— Прыгунов,— ответил Лейтфрид.— Они тут самые большие, за ними легче всего охотиться, и мы знаем, что они — потенциальные переносчики ржавки. Если они еще не подцепили вирус, мы сможем оборвать цепь и, возможно, чума нас минует.

Холбрук произнес лишенным выражения голосом:

— Речь идет об уничтожении примерно миллиона особей.

— Я знаю, Зен.

— Вы думаете, что вам удастся это сделать?

— Мы должны будем это сделать. Кроме того,— добавил Лейтфрид,— планы на этот случай давным-давно разработаны, так что все готово. Еще до вечера мы накроем полпланеты смертельным для прыгунов облаком.

— Этот чертов стыд,— пробормотал представитель банка.— Они ведь такие миролюбивые существа.

— Но теперь они опасны,— возразил один из фермеров.— Поэтому лучше от них избавиться.

Холбрук нахмурился. Он любил прыгунов. Это были крупные кроликоподобные животные размером почти с медведя, пасущиеся в никому не нужном кустарнике и не причиняющие никакого вреда человеку. Считалось, что они могут переносить вирус, а из опыта других планет было известно, что уничтожение одного из основных звеньев цепи, по которой шло продвижение вируса, могло остановить распространение ржавки. Вирус погибал, если не мог найти подходящего хозяина для очередной ступени своего жизненного цикла. Наоми без ума от прыгунов, подумал он. Она сочтет нас подонками, если мы их уничтожим. Но мы должны спасти деревья. Будь мы настоящими сволочами, мы выбили бы прыгунов еще до того, как здесь появилась ржавка, просто для того, чтобы на всякий случай обезопасить себя.

Лейтфрид повернулся к нему.

— Ты знаешь, что тебе надо делать, Зен?

— Да.

— Тебе нужна помощь?

— Лучше я сделаю все сам.

— Я могу дать тебе человек десять.

— Когда ты начнешь? — спросил Борден, фермер, чья плантация граничила с землями Холбрука на востоке. Их владения разделяло пятьдесят миль кустарника. И нетрудно было догадаться, почему сосед так беспокоится о защитных мерах.

Холбрук ответил:

— Ну, я думаю через час начать. Я сделаю все сам. Я должен это сделать. Это мои деревья. Но я должен сперва немного посчитать. Фред, ты не поднимешься со мной помочь мне определить зараженную зону?

— Конечно.

Вперед выступил представитель страховой компании.

— Пока вы не ушли, мистер Холбрук...

— Да?

— Я только хотел сказать, что мы полностью вас поддерживаем. Мы всегда с вами.

«Идите вы к черту! — мысленно выругался Холбрук.— Для чего же существуют страховые компании, как не для поддержки?» Но вслух он пробормотал слова благодарности и изобразил на лице дружескую улыбку.

Представитель банка не произнес ни слова. Холбрук был благодарен ему за это. Позднее придет время поговорить об обеспечении, новых векселях и тому подобных вещах. Сперва надо будет посмотреть, что уцелеет от плантации после принятия требуемых мер безопасности.

Они зажгли все экраны инфоцентра. Холбрук отметил сектор Д и вывел результаты моделирования на компьютере. Ввел в машину ответ из лаборатории.

— Вот зараженные деревья,— сказал он, рисуя на экране круг световым карандашом.— Их около пятидесяти.— Он начертил больший круг.— Это зона возможного заражения: еще восемьдесят — сто деревьев. Что ты на это скажешь, Фред?

Губернатор округа взял у Холбрука световой карандаш и коснулся им экрана. Он очертил третий круг, захвативший почти весь сектор.

— Эти тоже, Зен.

— Здесь четыре сотни деревьев.

Холбрук пожал плечами.

— Тысяч семь-восемь. Ты хочешь потерять и все остальные?

— О'кей,— согласился Холбрук.— Тебе нужна полоса безопасности вокруг зараженной зоны. Стерильный пояс.

— Да.

— Что толку? Если вирус может падать с неба, стоит ли беспокоиться...

— Не говори так,— перебил его Лейтфрид. Его лицо все более вытягивалось, воплощая печаль и отчаяние всей Вселенной, крушение всех надежд вообще. Его вид соответствовал глубоко удрученному состоянию души. Но когда он заговорил, голос его прозвучал твердо.

— Зен, у тебя два пути. Либо ты пойдешь в рощу и сожжешь ее, либо ты сдашься, и пусть ржавка жрет все подряд. Если ты выберешь первое, ты спасешь большую часть того, что имеешь. Если ты сдашься, будем жечь мы, чтобы спасти себя. Мы ведь не остановимся на четырехстах деревьях.

— Я иду,— проговорил Холбрук.— Не беспокойся за меня.

— Я и не беспокоюсь. Совершенно.

Пока Холбрук отдавал приказания роботам и готовил необходимое оборудование, Лейтфрид нажимал клавиши пульта, осматривая всю плантацию. Через десять минут Холбрук был готов.

— Там, в зараженном секторе, девушка,— сказал Лейтфрид.— Твоя племянница.

— Да, Наоми.

— Хорошенькая. Сколько ей лет, восемнадцать, девятнадцать?

— Пятнадцать.

— Ну и фигурка у нее, Зен.

— Что она делает? — спросил Холбрук.— Все еще кормит деревья?

— Нет, она лежит под одним из них. Похоже, разговаривает. Может, рассказывает им сказочку? Я включу звук?

— Не надо. Она любит играть с деревьями. Знаешь, она дает им имена и воображает, что у них есть индивидуальности. Чепуха всякая.

— Конечно,— согласно кивнул Лейтфрид. Глаза их на мгновение встретились. Холбрук уставился в пол. Деревья обладали индивидуальностями, и каждый, кто имел дело с соком, знал это. Наверное, было не так уж мало фермеров, которые относились к деревьям лучше, чем к людям. Чепуха? Просто о некоторых вещах не говорят вслух.

Бедная Наоми, подумал он.

Он оставил Лейтфрида в инфоцентре и вышел через задний ход. Роботы сделали все так, как он велел: в кузове грузовика, с которого он обычно опрыскивал деревья, вместо бака с химикатами стоял огнемет. Пара блестящих маленьких аппаратов шныряла рядом, ожидая, что он позволит им запрыгнуть в кузов. Он отогнал их прочь и сел за пульт управления. Холбрук включил приборы, и на щитке зажегся небольшой экран; сидящий в инфоцентре Лейтфрид помахал ему рукой и переключил экран на изображение рощи с тремя концентрическими окружностями, показывая ему зараженные деревья, те, у которых мог сейчас быть инкубационный период, и те, которые надлежало выжечь, чтобы создать зону безопасности.

Грузовик покатил к роще.

Была середина дня, который, казалось, тянулся уже вечность. Солнце, большее по размерам и слегка более оранжевое, чем то,

под которым он родился, неподвижно висело над головой и, похоже, совсем не собиралось заглядывать за горизонт. День был жарким, но чем ближе к роще, где сплошной покров смыкающихся ветвей укрывал почву от яростного жара, тем в кабине становилось прохладнее. Во рту у него пересохло. Левый глаз нервно дергался, и он ничего не мог с этим поделать. Холбрук вел грузовик вручную, объезжая рощи секторов А, Б и Г. Деревья, видя его, тихо шевелили конечностями. Они приглашали его выйти из кабины, походить среди них, похлопать по их стволам, приговаривая, что все они отличные ребята. Но сейчас у него просто не было на это времени.

Пятнадцатью минутами позднее он во второй раз сегодня был на северной стороне сектора Д. Он остановил грузовик у края рощи; оттуда его не было видно, не было видно и огнемет. Совершенно не видно.

Он въехал в обреченную рощу.

Наоми куда-то пропала. Он хотел поговорить с ней до того, как приступит к делу. Еще он собирался сказать прощальную речь. Холбрук вылез из кабины и медленно пошел по центральной аллее.

Как прохладно было здесь, несмотря на полуденный зной! Как сладко пах здешний воздух! Почва под ногами была густо покрыта плодами. За последнюю пару часов их нападало огромное количество. Он подобрал один. Зрелый. Холбрук профессиональным движением разломил его пополам и поднес к губам спелую мякоть. В рот брызнул сок, густой и сладкий. Он перепробовал за свою жизнь достаточно плодов, чтобы сразу же определить: продукция первого класса. То, что он выпил, было гораздо меньше галлюциногенной дозы, однако дало ему состояние слабой эйфории, достаточное, чтобы пройти через предстоящий кошмар.

Он взглянул на кроны деревьев. Все они были туго сжаты. Деревья выглядели встревоженными.

— У нас беда, ребята,— сказал Холбрук.— Ты, Гектор, уже знаешь. В рощу пришла болезнь. Вы и сами, наверное, это чувствуете. Помочь вам нельзя. Все, на что я надеюсь, это спасти остальные деревья, те, которые еще не подхватили ржавку. О'кей? Вы все поняли? Платон? Цезарь? Я вынужден это сделать. Я отниму у вас всего лишь несколько недель жизни, но это может спасти тысячи других деревьев.

Яростный шелест ветвей. Алкивиад презрительно растопырил конечности. Верный и честный Гектор выпрямился, готовясь принять удар. Сократ, приземистый и корявый, казалось, тоже был готов к неизбежному концу. Цикута или огонь, какая разница? Крито, я должен петуха Асклепию. Цезарь, похоже, был в ярости. Платон словно собирался пасть в ноги. Они все поняли. Он ходил по роще, похлопывая их по стволам, поглаживая их шершавую кору. Он начинал с этой рощи. Он надеялся, что эти деревья переживут его.

Наконец он сказал:

— Я не буду говорить долго. Все, что мне остается сказать, это: «Прощайте». Вы были отличными ребятами и принесли много пользы. Теперь пришло ваше время, и мне чертовски вас жаль. Вот и все. Хотел бы я, чтобы этой необходимости не было.— Он обвел рощу взглядом.— Конец речи. Прощайте.

Он повернулся и медленно побрел к грузовику. Залез в кабину, соединился с инфоцентром и спросил Лейтфрида:

— Где сейчас Наоми?

— К югу от тебя, в соседнем секторе. Она кормит деревья.— Он переключил изображение на экран Холбрука.

— Выключи звук.

Когда это было сделано, Холбрук обратился к племяннице:

— Наоми, это я, дядя Зен.

Она оглянулась, остановившись в тот самый момент, когда собиралась бросать кусок мяса.

— Подожди чуть-чуть,— сказала она.— Екатерина-два голодна, а она не простит, если я забуду про нее.— Мясо взмыло вверх, было схвачено и отправлено в рот.— О'кей,— сказала Наоми.— Что там такое?

— Я думаю, тебе лучше было бы вернуться домой.

— Я еще не покормила столько деревьев!

— Покормишь потом.

— Дядя Зен, а что случилось?

— Мне надо сделать кое-какую работу, и лучше бы тебе на это время уйти.

— А ты где сейчас?

— В секторе Д.

— Может, я помогу тебе? Я ведь сейчас совсем рядом и быстро приду.

— Нет. Отправляйся домой.

Вылетевшие слова прозвучали резким приказом. Он никогда раньше так с ней не разговаривал. Она была удивлена, однако послушно села в своего жука и поехала к домику. Холбрук следил за ней, пока она не исчезла с экрана.

— Где она? — спросил он Лейтфрида.

— Едет домой. Вон она на дороге.

— О'кей,— отозвался Холбрук.— Займи ее, пока все не кончится. Я начинаю.

Он повел огнеметом, направляя его куцый ствол в середину посадки. В его приземистом корпусе в магнитной ловушке висел кусочек вещества солнца, энергия которого могла сжечь сотни таких рощ. Огнемет вообще не имел ничего общего с оружием, поскольку он не конструировался как таковое. Пора, впрочем, было начинать. Ему нужна была крупная цель. Он выбрал Сократа, стоящего на опушке, навел огнемет, немного поколебался, соображая, как бы лучше сделать то, что ему предстояло, и положил палец на спусковую кнопку. Нервный центр дерева находился в кроне, за ртом. Один выстрел...

В воздухе зашипела дуга белого пламени. На мгновение уродливая крона Сократа вспыхнула ярчайшим светом. Быстрая смерть, легкая смерть, лучше, чем гнить от ржавки. Теперь Холбрук повел огненную линию вдоль ствола мертвого дерева. Древесина оказалась прочнее, чем он думал. Он водил и водил излучателем, а конечности, ветви и листья скручивались и падали наземь, пока не остался один лишь ствол. Над рощей поднялись маслянистые клубы дыма. Блеск луча перечеркивал черноту обнаженного ствола, и Холбрук удивился тому, насколько мощным оказался ствол старого философа, лишенный ветвей. Теперь он был лишь головешкой, вот он сжался, и только пепел закружился по роще.

Деревья отозвались страшным стоном.

Они знали, что среди них появилась смерть, и они почувствовали боль Сократа своими корнями-нервами. Они кричали в страхе, муке и ярости.

Холбрук навел огнемет на Гектора.

Гектор был большим деревом, бесстрастным, стойким, не нытиком и не жалобщиком. Холбруку хотелось, чтобы смерть его была легка, он заслужил это, но желанию его не было сужде-

ню сбыться. Первый луч прошел в футах восьми выше мозгового центра, и страшный вопль соседних деревьев возвестил о том, что должен был чувствовать Гектор. Холбрук увидел бешено колотящие воздух конечности, открывающийся и закрывающийся в невыносимой муке рот. Второй выстрел положил конец мучениям Гектора. Холбрук был почти спокоен, завершая уничтожение этого благородного дерева.

Он был снова готов открыть огонь, когда в его грузовик чуть не врезался жук, из которого выскочила Наоми — с раскрасневшимися щеками, широко раскрытыми глазами, близкая к истерике.

— Не надо! — закричала она.— Не надо, дядя Зен! Не убивай их!

Она прыгнула в кабину, с неожиданной силой схватила его за руки и крепко прижалась к нему. Она задыхалась, ее грудь тяжело вздымалась, ноздри раздувались.

— Я велел тебе отправляться домой! — рявкнул он.

— Я и поехала. Но я увидела пламя.

— Сейчас же возвращайся.

— Зачем ты сжигаешь деревья?

— Потому что они заражены ржавкой,— ответил он.— Их надо сжечь, пока зараза не пошла дальше.

— Это убийство.

— Наоми, пойми, тебе надо вернуться.

— Ты убил Сократа,— прошептала она, оглядев рощу.— И... Цезаря? Нет, Гектора. Гектора тоже больше нет. Ты убил их!

— Это не люди. Это деревья. Больные деревья, которые все равно скоро умрут. Я хочу спасти остальные.

— Но зачем убивать их? Ведь есть же какое-нибудь лекарство, которое их вылечит, дядя Зен? Опрыскай их чем-нибудь. Ведь сейчас же от всего есть лекарства.

— Только не от ржавки.

— Должно же быть что-нибудь.

— Только огонь,— ответил Холбрук.

Холодные капли стекали по его груди, и он только сейчас почувствовал дрожь в ногах. Тяжело делать такие вещи в одиночку. Он сказал спокойно, как только мог:

— Наоми, это надо сделать, и как можно быстрее. У меня нет выбора. Я люблю эти деревья не меньше твоего, но их надо сжечь.

Это как та многоножка с жалом в хвосте. Я не мог сентиментальничать с ней только потому, что она такая хорошенькая. Она была опасной. Теперь Платон, Цезарь и остальные грозят всему, что я имею. Они чумные. Возвращайся домой и сиди там, пока я не вернусь.

— Я не позволю убить их! — вызывающе воскликнула она со слезами в голосе.

Он раздраженно схватил ее за плечи, тряхнул как следует пару раз и вышвырнул из кабины. Она упала на спину, но, похоже, не ушиблась. Холбрук выпрыгнул следом и остановился над ней.

— Черт тебя подери, Наоми,— сказал он жестко,— не заставляй меня бить тебя. Не лезь не в свое дело. Я должен сжечь эти деревья, и если ты не перестанешь мешать мне...

— Должен же быть другой способ. Ты просто позволил этим людям запугать тебя, дядя Зен. Они боятся заразы и поэтому говорят, что деревья надо поскорее сжечь, а ты, вместо того, чтобы подумать, идешь сюда и убиваешь эти умные, чувствительные, хорошие...

— Деревья,— оборвал он.— Это невыносимо, Наоми. В последнее время...

Вместо ответа она прыгнула в кузов и прижалась грудью к стволу огнемета, к металлу.

— Если ты собираешься стрелять, начинай с меня!

Все его слова были как об стенку горох. Она решила сыграть романтическую роль Жанны д'Арк джутовых деревьев, призванной спасти рощу от нападения варваров. Он снова попытался убедить ее. Она снова ответила, что не видит необходимости в уничтожении рощи. Он, призвав на помощь все самообладание, принялся объяснять ей, почему деревья спасти невозможно. Она с неистовым упрямством возражала, что должен же быть какой-нибудь другой выход. Он ругался. Он называл ее истеричной дурой. Он просил. Он уламывал. Он приказывал. Она только теснее прижималась к огнемету.

— Я не могу больше терять времени,— сказал он наконец.— В моем распоряжении считаные часы, иначе я лишусь всей плантации.— Вытащив из кобуры игольный пистолет, он снял его с предохранителя и навел на Наоми.— Слезай,— холодно приказал он.

Она рассмеялась.

— Неужели ты думаешь, я поверю, что ты выстрелишь?

Она была права. Он стоял, шипя от злости, с побагровевшим лицом, растерянный, чувствуя, что еще немного — и он станет абсолютно невменяемым. Его угрозы были пустыми словами, и она это понимала. Неожиданно Холбрук одним махом взлетел на грузовик, схватил Наоми за плечи и попытался оттащить ее от огнемета.

Она оказалась довольно сильной, и его попытка сорвалась.

Наконец он все-таки оторвал Наоми от огнемета, но сбросить ее на землю оказалось удивительно трудным делом. Он не собирался бить ее всерьез и поэтому никак не мог одержать верх. Ею двигала сила истерики; казалось, вся она состояла из локтей и нацеленных в глаза пальцев. Ему на мгновение удалось схватить ее. Почувствовав с испугом, что он сжимает в ладонях ее грудь, он тут же выпустил ее, смущенный и растерянный. Она отпрыгнула в сторону. Он бросился следом, снова схватил ее и понял, что на этот раз ему удастся перебросить ее через борт грузовика. Наоми прыгнула сама, легко приземлилась и бросилась в рощу.

Итак, она перехитрила его. Он бросился за ней, замешкавшись на мгновение, потому что потерял ее из виду. Он обнаружил ее рядом с Цезарем, к стволу которого она прижималась, не в силах оторвать глаз от куч пепла на месте Гектора и Сократа.

— Ну давай,— сказала она.— Жги рощу! Только заодно тебе придется сжечь и меня!

Холбрук бросился на нее. Она отпрянула в сторону и метнулась мимо него к Алкивиаду. Он поднажал и почти схватил ее, но потерял равновесие и замахал руками, чтобы не упасть, все равно продолжая падать.

Что-то похожее на длинную жесткую проволоку обвилось вокруг его плеч.

— Дяля Зен! — закричала Наоми.— Это дерево... Алкивиад...

Он почувствовал себя парящим над землей. Алкивиад обвил его хватательным усиком и поднимал наверх, к кроне. Дерево едва справлялось с непривычной тяжестью, но на помощь пришел второй усик и Алкивиаду стало легче. Холбрук висел теперь в дюжине футов над землей.

Случаи нападения деревьев на людей чрезвычайно редки. Их известно не более пяти за все то время, что человек выращивает ядовитые деревья. В каждом случае пострадавший делал что-то такое, что воспринималось рощей как враждебные действия. Например, кто-то пытался отсадить больное дерево.

Человек, конечно, великоват для дерева, но не слишком...

Наоми кричала, а Алкивиад поднимал Холбрука все выше и выше. Холбрук уже слышал над собой клацанье клыков. Дерево готовилось расправиться с ним. Алкивиад тщеславный, Алкивиад непостоянный, Алкивиад непредсказуемый... Нечего сказать, подходящее имечко. Но можно ли назвать предательством акт самозащиты? Алкивиаду страшно хотелось жить. Он видел судьбу Гектора и Сократа. Холбрук взглянул вверх, на приближающиеся клыки. Так вот что меня ждет, подумал он. Быть съеденным собственными деревьями. Своими любимцами. Своими друзьями. Стоило ли их так жалеть? Они же хищники. Тигры с корнями.

Алкивиад вскрикнул.

В то же мгновение один из усиков, обвившихся вокруг Холбрука, разжал свою схватку. Он слетел вниз футов на двадцать, прежде чем второй усик, успев напрячься, удержал его в нескольких ярдах от земли. Когда к нему вернулось дыхание, Холбрук посмотрел вниз и понял, что случилось. Наоми подобрала игольный пистолет, выроненный им, когда дерево схватило его, и пережгла усик. Она снова прицелилась. Снова закричал Алкивиад, смятенно задвигал конечностями в кроне. Холбрук пролетел оставшиеся ярды и тяжело ухнул на кучу полуспивших листьев. В то же мгновение он перевернулся и сел. Похоже, переломов нет. Наоми стояла рядом, и руки ее свисали вдоль туловища. В правой руке у нее был пистолет.

— Ты в порядке? — спросила она ровным голосом.

— Похоже, отделался ушибами.— Он начал подниматься.— Я твой должник,— сказал он.— Еще минута, и я был бы во рту Алкивиада.

— Я совсем было позволила ему съесть тебя, дядя Зен. Он просто защищался. Но я не смогла. Мне пришлось отстрелить ему усики.

— Да, да. Я твой должник.— Он поднялся и сделал несколько неуверенных шагов в ее сторону.— Слушай,— сказал он,— отдай-ка мне пистолет, пока ты не сделала себе дыру в ноге.— И он протянул руку.

— Минутку,— сказала она с ледяным спокойствием и шагнула назад, едва он приблизился к ней.

— Ну что еще?

— Деловое предложение, дядя Зен. Я спасла тебя. Мне не надо было этого делать. Но раз уж так получилось, оставь деревья в покое. По крайней мере, посмотри, что даст опрыскивание. Деловое предложение.

— Но...

— Ты сам сказал, что ты мой должник. Плати. Все, что мне надо, это обещание, дядя Зен. Если бы я не выстрелила, ты был бы мертв. Пусть и деревья живут.

Он подумал, не использует ли она пистолет против него.

Он долго молчал, взвешивая все «за» и «против», а потом произнес:

— Хорошо, Наоми. Ты спасла меня, и я не могу отказать тебе в этой просьбе. Я не трону деревья. Я поищу, нельзя ли их чем-нибудь опрыснуть, чтобы убить ржавку.

— В самом деле, дядя Зен?

— Я клянусь. Всем, что есть святого. Ну а теперь отдашь мне пистолет?

— Конечно,— всхлипнула она, и слезы потекли по ее пылающему лицу.— Конечно! Возьми! О господи, дядя Зен, как же все это ужасно!

Он взял оружие и поставил его на предохранитель. Она стояла совершенно безвольная, вся ее решимость вдруг куда-то улетучилась. Она шагнула, почти упала ему на руки, и он крепко сжал ее, ощущая дрожь ее тела. Он тоже задрожал, крепко прижимая ее к себе, чувствуя, как вонзаются в его тело острия ее молодых грудей. Мощная волна того, что он подсознательно определил как желание, захлестнула его с головой. Как мерзко, подумал он. И вздрогнул. Перед глазами закружились утренние видения: обнаженная Наоми и сияние ее влажных после купания, крепких, словно яблочки, грудей, упругих бедер. Моя племянница. Пятнадцать лет. Господи, помоги мне. Рука его скользнула по ее спине, остановилась на талии. Одежда ее была легка, и тело чувствовалось под ней чрезвычайно отчетливо.

Он грубо бросил ее наземь.

Она упала в кучу листьев, перевернулась и прижала руки к губам, когда он рухнул на нее. Она закричала, пронзительно и резко, когда его тело вдавило ее в листья. Во взгляде был страх, что он станет насиловать ее. Но он решился на другое. Он быстро перевернул ее на живот, схватил правую руку и завел ее за спину. Потом заставил ее сесть.

— Вставай,— приказал он и слегка завернул ей руку назад.

Наоми поднялась.

— Теперь иди. К грузовику. Если понадобится, я сломаю тебе руку.

— Что ты делаешь? — чуть слышно прошептала она.

— К грузовику,— повторил он и еще больше заломил ей руку.

Она зашипела от боли, но пошла.

В грузовике он вызвал Лейтфрида, не отпуская ее руки.

— Что случилось, Зен? Мы все видели, но...

— Слишком сложно объяснять. Девочка очень привязана к деревьям, вот и все. Пошли роботов, чтобы увести ее, о'кей?

— Ты же клялся,— с трудом, задыхаясь от гнева, выговорила Наоми.

Роботы появились очень быстро. Исполнительные машины со стальными пальцами схватили Наоми за руки, посадили ее в жука и, не выпуская из своих лап, повезли ее к дому. Когда они скрылись из виду, Холбрук опустился на землю рядом с грузовиком, чтобы расслабиться и привести в порядок мысли. Потом он снова забрался в кабину.

Первый, на кого он направил огнемет, был Алкивиад.

Все заняло чуть больше трех часов. Когда он закончил, сектор Д представлял собой огромное пространство, заваленное пеплом, и широкая полоса пустоты отделяла ближайшую рощу здоровых деревьев от границы с зараженной зоной. Он пока не знал, удалось ли ему спасти плантацию. Но он сделал все, что мог.

Когда он возвращался домой, мозг его был уже не так занят воспоминаниями о теле Наоми, прижатом к его телу, и обо всем том, о чем он думал, когда швырнул ее на землю. Да, у нее было тело женщины. Но сама она ребенок. Все еще ребенок, быстро привязывающийся к домашним животным. Не способный понять, почему в этом мире необходимость может перевешивать привязанность. Чему научилась она сегодня в секторе Д? Тому ли, что Вселенная частенько предоставляет лишь жесточайший выбор? Или только тому, что дядюшка, которого она так любила, оказался способным на предательство и убийство?

Ей дали успокоительное, но она не заснула и, когда он вошел в ее комнату, до подбородка укрылась простыней, закрывая пижаму. Взгляд ее был холоден и угрюм.

— Ты поклялся,— произнесла она с горечью.— А потом обманул меня.

— Я должен был спасти остальные деревья. Потом ты поймешь.

— Я понимаю только то, что ты солгал, дядя Зен.

— Прошу прощения. Ты простишь меня?

— Убирайся к черту,— ответила она, и его пробрал мороз от этих взрослых слов, слетевших с детских губ.

Он не мог больше с ней оставаться. Он вышел, поднялся наверх, где сидел Фред Лейтфрид.

— Все сделано,— тихо произнес он.

— Ты поступил как мужчина, Зен.

— Да, да.

Экран показывал пепел сектора Д. Он почувствовал тепло прижавшейся к нему Наоми. Увидел ее угрюмые глаза. Придет ночь, закружатся в темноте луны, засверкают созвездия, к виду которых он так и не смог привыкнуть. Может быть, он поговорит с ней снова. Постарается, чтобы она поняла. Пора отправлять ее обратно, пока она не закончила свое превращение в женщину.

— Дождь собирается,— сказал Лейтфрид.— Значит, и фрукты скоро созреют.

— Чего уж лучше.

— Чувствуешь себя убийцей, Зен?

— О чем ты?

— Я знаю, знаю.

Холбрук принялся выключать сканеры. Он сделал сегодня все, что было нужно. Он тихо проговорил:

— Фред, они были деревьями. Всего лишь деревьями. Деревьями, Фред, деревьями...

К черной звезде

Мы подошли к черной звезде — микроцефал, приспособленная и я,— и началась наша вражда. Хотя нас было не так много, чтобы ссориться. Микроцефал родился на Квендаре-IV. У тамошних жителей была серая сальная кожа, ненормально развитые плечи и почти начисто отсутствовала голова. Он... оно... было, по крайней мере, абсолютно чужим. Девушка же — нет, поэтому я ненавидел ее.

Она родилась на планете системы Проциона, где воздух был более или менее земного типа, а гравитация в два раза превосходила земную. Были на этой планете и другие отличия. Приспособленная была широка в плечах и широка в талии — куб из плоти. У нас были специалисты по генной инженерии, которые работали с человеческим материалом и превращали его в нечто почти столь же чуждое человеку, как микроцефал. Почти.

Мы назывались научной экспедицией, посланной для наблюдения за последними днями умирающей звезды. Большое достижение межзвездного содружества. Возьмите наугад трех специалистов, суньте их в корабль, запустите их через половину Вселенной посмотреть на то, чего еще не видел никто. Замечательная идея. Благородная. Вдохновляющая. Каждый из нас хорошо знал свое дело и был идеальным кандидатом для полета. Но у нас не было ни малейшего желания сотрудничать — мы ненавидели друг друга.

Приспособленная — Миранда — находилась у приборов в тот день, когда черная звезда действительно вошла в зону нашей видимости. Она изучала ее несколько часов, прежде чем соизволила довести до нашего сведения, что мы у цели.

© Перевод С. Монахова.

Я вошел в рубку. Мускулистый корпус Миранды полностью заполнял глянцевитое кресло. Сбоку стоял микроцефал: коренастая фигура на костлявых, словно у треножника, ногах. Широкие плечи были сгорблены и почти закрывали крохотный бугорок головы. Вообще-то, нет никакого резона в том, что мозг обязательно должен находиться в черепе, а не в безопасной глубине грудной клетки. И все же я так и не смог привыкнуть к виду этого существа. Боюсь, я просто нетолерантен к инопланетянам.

— Погляди,— сказала Миранда, и экран засветился.

Черная звезда неподвижно висела в центре, на расстоянии около восьми световых дней — ближе подходить было небезопасно. Она была не совсем мертвой и совсем не черной. Я рассматривал ее с почтительным благоговением. Это был внушительный, около четырех солнечных масс, остаток гигантской звезды. На экране это походило на необычных размеров лавовое поле. В море раскаленной магмы плавали острова пепла и шлака размерами с планету. Тусклый красный свет озарял экран. Малиновый круг на черном фоне. В гибнущей звезде еще билась былая сила. В глубинах этой кучи шлака стонали и задыхались атомные ядра. Однажды свет этой звезды озарит Солнечную систему. Но я не стал даже и думать ни о биллионах лет, которые пройдут до того времени, ни о тех цивилизациях, которые обнаружат источник этого света и жара накануне его гибели.

Миранда сказала:

— Я уже замерила температуру. В среднем поверхность нагрета до девятисот градусов. Совершить посадку не удастся.

Я проворчал:

— Что толку в средней температуре? Замерь местную. На этих островах...

— Пепел дает двести пятьдесят градусов. Разломы — на тысячу градусов больше. Средний нагрев — градусов девятьсот, и ты сгоришь, как только сядешь. Скатертью дорога, братец. Благословляю тебя.

— Я не говорил...

— Ты имел в виду, что на этом огненном шарике можно найти место для посадки,— огрызнулась Миранда. Голос ее походил на звук тромбона, так как ее грудная клетка была отличным резонатором.— Ты подлым образом бросил тень на мою способность.

— Мы используем для исследований краулер,— сказал микроцефал резонирующим на свой лад голосом.— Никто и не собирался совершать посадку лично.

Миранда утихла. Я благоговейно вперился в экран.

Звезда умирала долго, и реликт, который я разглядывал, потрясал меня своим возрастом. Он пылал миллиарды лет, пока водород — его горючее — не иссяк полностью и термоядерная топка не стала медленно гаснуть. У звезды была защита от охлаждения. Как только горючее кончилось, она начала сжиматься, увеличивая собственную плотность и преобразуя потенциальную энергию гравитации в тепло. Она возродилась к новой жизни, на этот раз — белого карлика, с плотностью, измеряемой тоннами на кубический дюйм. Она довольно стабильно горела, пока не стала черной.

Мы изучали белые карлики сотни лет и знали все их секреты — как мы считали. Кусочек вещества белого карлика, кружащийся сейчас вокруг Плутона, помогал тамошней обсерватории вести за нами наблюдение.

Но звезда на нашем экране была несколько иной.

Она была когда-то огромной звездой и превышала предел Чандрасекара, равный 1,2 солнечной массы. Поэтому она не желала шаг за шагом переходить к ипостаси белого карлика. Плотность звездного ядра нарастала так быстро, что катастрофа наступила раньше равновесия. Как только она превратила весь водород в железо-56, она стала стягиваться в коллапс и превращаться в сверхновую. По ядру прошла ударная волна, преобразуя кинетическую энергию сжатия в тепло. Звезда изрыгнула нейтроны. Температура ее достигла двухсот миллиардов градусов; тепловая энергия превратилась в интенсивное излучение, и агонизирующая звезда на краткий миг затмила все звезды Галактики.

То, что мы наблюдали сейчас, было ядром, уцелевшим после взрыва сверхновой. Но даже то, что осталось от взъярившейся звезды, потрясало своими размерами. Ядро остывало до ионов, до окончательной своей смерти. Для маленькой звезды это было бы простой смертью от охлаждения: полностью погасший черный карлик, плывущий по Вселенной подобно могильному холмику пепла, без света, без тепла. Но это наше ядро все еще превосходило предел Чандрасекара. Для него была припасена необычная смерть, жуткая и неправдоподобная.

Вот почему мы пришли взглянуть на гибель звезды: микроцефал, приспособленная и я.

Я вывел наш маленький кораблик на орбиту, которая всех устраивала. Миранда занялась своими измерениями и вычислениями. Микроцефал делал что-то свое, совершенно непонятное мне. Каждый занимался своим делом.

Из-за огромных расстояний пришлось строго ограничить число членов экспедиции. Нас было только трое: представитель человечества, представительница колонии приспособленных и представитель расы микроцефалов, народа Квендара, единственных разумных существ в известной нам части Вселенной.

Трое самых крупных ученых. То есть трое существ, которые наверняка проживут весь полет в идеальной гармонии, поскольку считается, что у ученых совершенно нет эмоций и они думают исключительно о загадках своей науки. Все это знают. Интересно, кто первый пустил эту пулю?

Я спросил Миранду:

— Где данные по радиальной осцилляции?

Она ответила:

— Просмотри мой доклад. Он был опубликован в начале прошлого года в...

— К чертовой матери твой доклад. Они нужны мне сейчас!

— Тогда дай мне кривую плотности.

— Она еще не готова. У меня только цифровые данные.

— Врешь! Ты гонял компьютер целыми днями! Я сама видела,— громыхнула она.

Я был готов вцепиться ей в горло. Вот это была бы схватка! Ее трехсотфунтовое тельце не очень-то подходило для драки, да и вряд ли у нее был опыт подобных дел, как у меня. Однако, в случае чего, она имела бы преимущество в силе и весе. Успею ли я ударить ее в какое-нибудь уязвимое место раньше, чем она разорвет меня на части? Я взвешивал свои шансы.

Тут появился микроцефал и снова водворил мир несколькими мягкими, словно пух, словами.

Этот чужак был единственным из нас, кто, похоже, подходил под лишенную эмоций абстракцию, называемую ученым. Это, конечно, было не совсем так. Насколько мы знали, микроцефал был знаком с ревностью, вожделением и яростью, мы просто не видели внешних проявлений его чувств. Голос его был ровен, словно доносился из вокодера. Это существо вовремя оказыва-

лось между мной и Мирандой, словно некий миротворец. Я ненавидел его за эту маску спокойствия. Кроме того, я подозревал, что микроцефал презирает нас обоих за нашу постоянную готовность давать выход эмоциям и находит садистское удовольствие в демонстрации собственного превосходства, успокаивая нас.

Мы вернулись к своим исследованиям. У нас осталось не так уж много времени. Скоро звезда должна была сжаться окончательно.

Она остыла почти смертельно. Это необычное ядро еще обладало некоторой термоядерной активностью, достаточной, чтобы пресечь всякую мысль о посадке. Излучало оно, главным образом, в оптической части спектра и, по звездным меркам, уже было ничем, но для нас оно было так же опасно, как жерло вулкана.

Найденная звезда была как тлеющая головешка. Ее яркость была так мала, что различить ее глазом можно было лишь с расстояния не более светового месяца. Засек ее рентгеновский телескоп орбитального спутника, обнаруживший излучение вырожденного нейтронного газа ее ядра. Теперь мы болтались вокруг звезды и делали всевозможные замеры. Мы зафиксировали вещи вроде истечения нейтронов и захвата электронов. Мы вычислили время, оставшееся до превращения ядра в коллапс. При необходимости мы объединялись, но по большей части работали в одиночку. Чем дальше, тем все более отвратительной становилась обстановка на корабле. Миранда выходила из себя, провоцируя меня. И хотя мне нравилось думать, что я выше ее дикарства, должен признать, что я и сам не упускал случая разозлить ее. Око за око. Чужак никогда не давал никакого повода для раздражения. Но косвенная угроза способна свести с ума, и в таком тесном помещении безразличие микроцефала было такой же диссонирующей силой, как неприкрытая сварливость Миранды или мои замаскированные шпильки.

Мы видели на своих экранах кипение агонизирующей звезды. Острова шлака — несколько тысяч миль в диаметре — плавали по огненному морю. Из глубины то и дело извергались огненные потоки. Наши расчеты показывали, что конец близок. Мы были на пороге страшного выбора. Кто-то из нас должен был сесть в посадочный модуль в момент окончательной гибели звезды. Риск был огромен. Исход эксперимента мог оказаться фатальным. Никто из нас не хотел брать на себя инициативу.

Наша работа близилась к завершению. Миранда продолжала всеми силами досаждать мне; явно из-за боязни того, что нам предстояло, она очень нервничала. Как я ненавидел ее! Мы начали это путешествие довольно спокойно, и ничто нас не разделяло, кроме профессиональной ревности. Но месяцы близости превратили наши ссоры в вендетту. Один лишь взгляд на нее приводил меня в бешенство. Уверен, что она испытывала то же самое ко мне. Она, словно ребенок, тратила все свои силы на то, чтобы сделать мне какую-нибудь гадость. Она вдруг вздумала разгуливать по всему кораблю нагишом, как я подозреваю, чтобы зародить во мне сексуальное влечение, на которое она бы ответила грубым и издевательским отказом. Беда в том, что я никак не мог почувствовать влечение к такому уродливому созданию, как Миранда,— раза в два превосходящей меня куче мускулов и костей. Вид ее массивного вымени и монументальных ягодиц не зарождал во мне ничего, кроме отвращения.

Сукина дочь! Делала она это из желания завести меня или из презрения? Так или иначе, она меня достала. И она это поняла.

На третьем месяце нашего кружения вокруг звезды микроцефал объявил:

— Координаты ее говорят о скором достижении ею сферы Шварцшильда. Пришло время послать на поверхность звезды посадочный модуль.

— Кто поведет аппарат? — спросил я.

Пухлая рука Миранды уперлась в меня.

— Ты.

— Спасибо, но ты лучше меня подготовлена для подобных наблюдений,— отозвался я светло и радостно.

— Спасибо, нет.

— Мы можем бросить жребий,— сказал микроцефал.

— Не стоит,— возразила Миранда. Она уперлась в меня взглядом.— Как бы он не выкинул какую-нибудь штуку. Я не доверяю ему.

— Как же еще мы можем сделать выбор? — спросил чужак.

— Мы можем проголосовать,— предложил я.— Я выдвигаю Миранду.

— Я выдвигаю его,— огрызнулась она.

Микроцефал прижал к бугорку черепа веревочки щупалец.

— Поскольку я не собираюсь выдвигать себя,— произнес он тихо,— на меня ложится ответственность выбора одного из вас.

Я снимаю с себя эту ответственность. Попытаемся найти другой выход.

Мы отложили этот разговор. У нас было несколько дней до наступления критического момента.

Я всей душой желал, чтобы в капсуле монитора оказалась Миранда. Если именно ей будет доверено право посадки на агонизирующую звезду, для нее это будет означать в лучшем случае смерть, в худшем — ужаснейшее психическое потрясение. Много бы я дал, чтобы понаблюдать за этим увлекательнейшим и опаснейшим экспериментом.

То, что должно было произойти с нашей звездой, возможно, несколько странно звучит для непосвященного. Эта теория была разработана Эйнштейном и Шварцшильдом тысячу лет назад и многократно подтверждалась, хотя никто до нас не наблюдал ничего подобного с такого близкого расстояния. Когда материя достигает невероятно большой плотности, она искривляет пространство, замыкая его вокруг себя и образуя нечто вроде мешка, изолированного от остальной Вселенной. Сжавшееся ядро сверхновой обладает как раз таким свойством. Остыв почти до абсолютного нуля, достигнув массы Чандрасекара, ядро претерпевает сильнейшее, почти до нуля, сжатие, бесконечно увеличивая свою плотность.

Можно сказать, что оно пожирает само себя и исчезает из Вселенной, ибо как может пространство содержать в себе точку с бесконечной плотностью и нулевым объемом?

Такие коллапсы редки. Большинство звезд достигает состояния холодного равновесия и в нем и остается. Мы стояли у порога необычного и были готовы к отправке на остывающую звезду аппарата-наблюдателя для получения точного описания всего происходящего вплоть до того последнего момента, когда сжавшееся ядро прорвет вещество Вселенной и исчезнет.

Кто-то должен был взять на себя управление аппаратом. Это означало непрямое участие в смерти звезды. Из предыдущего опыта мы уже знали, что сидящему в капсуле довольно трудно различать реальное и видимое. Приходится воспринимать сигналы находящихся где-то далеко датчиков как сигналы своих собственных органов чувств. Возникает нечто вроде психической обратной связи; бывает, что неосторожный исследователь расплачивается собственным мозгом.

К чему могло привести наблюдателя сжатие сознания в одну точку?

Мне очень хотелось это узнать. Но только не на собственном опыте.

Я начал обдумывать, как мне заманить Миранду в капсулу. Она, естественно, желала того же мне. Это она сделала первый шаг, пытаясь сломить меня с помощью наркотика.

Не имею ни малейшего понятия, что за дрянь она применила. Приспособленные — доки по части неаддиктивных (не вызывающих привыкания и пристрастия) галлюциногенов, помогающих им скрашивать однообразие их окоченелого мира-переростка. Миранда ухитрилась влезть в программу, по которой готовилась моя пища, и сляпала один из своих любимых алкалоидов. Я начал чувствовать его действие спустя примерно час после того, как поел. Я подошел к экрану посмотреть на волнующуюся массу звезды — за эти несколько месяцев ее вид успел сильно измениться,— и как только я взглянул на экран, изображение стало растекаться и кружиться, словно в водовороте, и языки пламени пустились в сверхъестественный пляс.

Я вцепился в поручень. По спине потекли струйки пота. Неужели корабль начал плавиться? Пол подо мной ходил ходуном. Я взглянул на тыльную сторону ладоней и увидел на них острова пепла в огненном киселе магмы.

Миранда мгновенно оказалась рядом.

— Пойдем в капсулу,— промурлыкала она.— Модуль готов к посадке. Ты увидишь много интересного.

Я, пошатываясь, пошел за ней по странно изменившемуся кораблю. Миранда выглядела еще более непривычно, чем всегда: ее мускулы растеклись и покрылись рябью; ее золотистые волосы отливали всеми цветами радуги; ее тело покрылось складками и язвами, сквозь кожу проросли какие-то жесткие проволочки. Я совершенно спокойно думал о том, что сяду сейчас в капсулу. Она отдраила люк, открывая моим глазам блестящую панель пульта, и я шагнул внутрь. Тут действие галлюциногена усилилось, и я увидел в глубине капсулы ужаснейшего дьявола.

Я рухнул на пол перед открытым люком и судорожно забился.

Миранда сграбастала меня в охапку. Для нее я был не более чем куклой, и она начала засовывать меня в капсулу. На лбу у меня выступила испарина. В мое сознание вернулась реальность. Я вырвался из ее объятий и со всех ног помчался к носу корабля.

Она угрожающе двинулась за мной, словно доисторическое чудовище.

— Нет! — крикнул я.— Не пойду.

Она остановилась. Ее лицо исказилось от ярости. Она повернулась и ушла к себе, признавая свое поражение. Я лежал, хватая ртом воздух и дрожа, пока мой мозг не избавился от видений. Она почти достигла цели.

Следующий выстрел был за мной. Как аукнется, так и откликнется. Я боялся очередного шага Миранды. Я должен был ее опередить.

Я взял из медицинского набора гипноизлучатель, применяемый для анестезии, и запараллелил его с антенной телескопа Миранды. Я запрограммировал его на внушение послушания и оставил работать. Когда она будет проводить свои наблюдения, гипноизлучатель, словно сладкоголосая сирена, будет напевать свою зловещую песенку, и, возможно, Миранда послушается меня.

Однако ничего не вышло.

Я видел, как она подходила к телескопу. Я видел, как ее телеса заполняют кресло. Мысленно я слышал мягкий шепоток гипноизлучателя: я ведь знал, что он должен был ей нашептывать. Он уговаривал ее расслабиться, подчиниться.

— Капсула... войди в капсулу... ты будешь управлять краулером... ты... ты... ты это сделаешь...

Я ждал. Она поднялась и, словно лунатик, двинулась к поджидающей ее капсуле. Ее коричневатое тело не сделало ни одного протестующего движения. Лишь только слегка подрагивали мускулы под этой непристойно обнаженной плотью. Излучатель сработал! Точно! Он уломал ее!

Нет.

Она вцепилась в телескоп, словно он был стальным осиным жалом, буравящим ее мозг. Тубус спружинил, и она покатилась по полу. В глазах ее вспыхнула ярость. Она вскочила. Точнее, поднялась на дыбы. Она походила на берсерка. Излучатель оказал на нее некоторое действие. Я видел ее заплетающуюся походку и понимал, что она одурманена. Но одурманена недостаточно сильно. Что-то внутри ее отяжелевшего мозга все же дало ей силу сорвать с себя мрачный саван гипноза.

— Это ты! — взревела она.— Это ты колдовал с телескопом?

— Не понимаю, о чем это ты, Миранда?

— Лжец! Трус! Шакал!

— Успокойся. Ты раскачаешь корабль.

— Я еще не то раскачаю! Что это за пакость копошилась у меня в мозгу? Ты присоединил ее к телескопу? Что это было? Гипноизлучатель?

— Точно,— холодно согласился я.— А что это ты подсунула мне в пищу? Что за галлюциноген?

— Он не подействовал.

— Как и мой гипноизлучатель. Миранда, кто-то же должен сесть в капсулу. Через несколько часов создастся критическое положение. Мы не рискнем вернуться, не сделав самых важных наблюдений. Согласись на эту жертву.

— Ради тебя?

— Ради науки,— сказал я, апеллируя к этой благородной абстракции.

В ответ я совершенно заслуженно услышал лошадиное ржание. Потом Миранда шагнула ко мне. Она уже могла полностью координировать свои действия и, похоже, собиралась затолкать меня в капсулу силком. Она обхватила меня своими ручищами. Мне стало дурно от вони ее толстенной шкуры. Я почувствовал, как затрещали мои ребра. Я принялся колошматить ее, надеясь попасть в какой-нибудь болевой центр и свалить ее на пол, словно подрубленное дерево. Мы ворочались в рубке, стараясь причинить друг другу как можно больше боли. Грубая сила схлестнулась с ловкостью. Она не падала, я не поддавался.

Над нами прожужжал лишенный выражения голос микроцефала:

— Отпустите друг друга. Коллапсирующая звезда приближается к радиусу Шварцшильда. Пора действовать.

Руки Миранды соскользнули с моих плеч. Я поспешно шагнул назад, хмуро окинув ее взглядом, и сделал осторожный вдох. Больно. Тело Миранды было разукрашено красноречивыми фиолетовыми синяками. Теперь мы знали силу друг друга; но капсула оставалась пустой. Ненависть витала между нами подобно шаровой молнии. Совсем рядом стояло серое инопланетное существо с сальной кожей.

Не могу даже сказать, кому первому пришла в голову мысль об этом, Миранде или мне. Но действовали мы быстро. Испуганный микроцефал только слабо протестовал, пока мы волокли его по коридору в помещение, где находилась капсула. Миранда

улыбнулась. У меня на душе тоже полегчало. Она крепко держала инопланетянина, пока я открывал люк, а потом мы забросили его внутрь. Задраивали люк мы вместе.

— Запускай краулер, — сказала она.

Я кивнул и пошел к пульту. Словно колючка из духовой трубки, из нашего корабля вылетел носитель с краулером и с огромным ускорением помчался к гаснущей звезде. Внутри носителя была небольшая машина с поджатыми лапами, дистанционно управляемая наблюдателем в капсуле. Когда наблюдатель, охваченный датчиками, шевелил рукой или ногой, сервореле приводили в действие поршни краулера в восьми световых днях отсюда. Он реагировал на все движения оператора, взбираясь на горы шлака, там, где невозможно даже кратковременное пребывание ничего органического.

Микроцефал управлял краулером с большим искусством. Мы прильнули к экранам видеодатчиков, демонстрирующих изображение этого ада в несколько ослабленных тонах. Даже остывшая звезда намного жарче любой обитаемой планеты.

Изображение менялось каждое мгновение: увеличивающееся красное пятно постепенно заполняло весь экран. Происходило что-то совершенно непонятное. Все внимание нашего микроцефала было приковано к невиданному зрелищу. Разбушевавшиеся силы гравитации хлестали извивающуюся звезду. Краулер поднимался, вытягивался, сжимался, подчиняясь силам, медленно растаскивающим его в стороны. Микроцефал тем не менее диктовал все, что он видел и чувствовал: медленно, методично, без малейшего признака страха.

Критический момент приближался. Гравитационные силы увеличились до бесконечности. Микроцефал наконец-то смутился, не в силах описать невиданные топологические явления. Возросшая до бесконечности плотность, нулевой объем — как мог разум воспринять такое? Краулер был расплющен в нечто, не имеющее названия. Все же его датчики продолжали передавать сведения, проходящие через мозг микроцефала, в блоки памяти наших компьютеров.

Затем наступило молчание. Экраны погасли. Немыслимое наконец-то свершилось, радиус черной звезды достиг критической величины. Она сжалась в ничто, и краулер вместе с ней. Инопланетянин в капсуле тоже исчез в мешке гиперпространства, стоящего за пределами человеческого понимания.

Я поднял глаза на экран. Черной звезды не было. Наши детекторы улавливали потоки энергии, оставшейся после ее исчезновения. Нас тряхнула волна, распространяющаяся из того места, где только что была звезда, и все успокоилось.

Мы с Мирандой обменялись взглядами.

— Выпусти его,— сказал я.

Она открыла люк. Микроцефал совершенно спокойно сидел за пультом. Мы не услышали от него ни слова. Миранда вытащила его из капсулы. Глаза его были лишены какого бы то ни было выражения; впрочем, они и раньше ничего не выражали.

Мы на подходе к планетам нашей системы. Наша миссия выполнена. Мы несем бесценные, уникальные сведения.

Микроцефал так и не произнес ни слова с тех пор, как мы вытащили его из капсулы. Не думаю, чтобы он вообще когда-нибудь заговорил.

Наши с Мирандой отношения достигли полной гармонии. Вражды как не бывало. Мы теперь соучастники преступления, спаянные общей виной, в которой не хотим признаться даже самим себе. Каждый относится к другому с любовью и заботой.

В конце концов, кто-то же должен был вести наблюдения. Добровольцев не оказалось. Ситуация потребовала вмешательства грубой силы, иначе роковой круг никогда не был бы разорван.

Хотите понять, почему мы с Мирандой сначала выступали друг против друга, а потом объединились?

Мы оба люди, и Миранда, и я. Микроцефал — нет. Вот в этом-то и дело. Позднее мы с Мирандой решили, что люди должны держаться друг друга. Это связь, которая не рвется.

Такими мы возвращаемся к цивилизации.

Миранда улыбается мне. У меня не осталось больше причин ненавидеть ее. Микроцефал молчит.

Когда нас покинули мифы

Сперва из прошлого мы вызывали великих людей, просто так, из любопытства. (Было это в середине двенадцатого тысячелетия: 12400–12450 примерно.) Призвали Цезаря, и Антония, и Клеопатру. Уинстон Черчилль разочаровал нас (шепелявил и слишком много пил), а Наполеон поразил своим великолепием. Мы прочесали тысячелетия ради забавы.

Но через полвека игра наскучила. Нам тогда легко все приедалось, в середине двенадцатого.

Мы стали вызывать богов и героев. Это казалось более романтичным, более соответствующим духу нашей эпохи.

Пришел мой черед исполнять обязанности куратора Дворца человека. А так как именно там поставили новую машину Леора Строителя, я наблюдал все с самого начала.

Машина Леора сияла хрустальными стержнями и серебряными панелями, огромный изумруд венчал двенадцатиугольную крышку.

— Всего лишь украшения,— признался мне Леор.— Я мог сделать обычный черный ящик, но брутализм вышел из моды.

Машина занимала весь Павильон надежды на северной стороне Дворца человека и закрывала чудесный мозаичный пол, зато прекрасно гармонировала с зеркальными стенами. В 12570 году Леор объявил о готовности.

Мы заказали наилучшую погоду. Мы успокоили ветер и отогнали облака далеко на юг. Мы послали новые луны танцевать в небе, и они вновь и вновь вырисовывали имя Леора. На колоссальной равнине, расстилавшейся у подножия Дворца человека,

© Перевод В. Баканова.

собрались люди со всех концов Земли. Литературные советники вели споры о порядке шествия. Леор заканчивал последние приготовления. Чистый голубой воздух будто искрился от нашего возбуждения.

Мы выбрали дневное время для первой демонстрации и придали небу легкий багряный оттенок для усиления эффекта. Многие облачились в молодые тела, но нашлись и такие, кто хотел выглядеть зрело перед лицом легендарных деятелей из зари веков.

Гостивший у нас прокуратор Плутона поздравил Леора с изобретением. Затем церемониймейстер указал на меня, и я неохотно вышел вперед.

— Вы увидите сегодня воплощение былых надежд и страхов человечества. Мы предлагаем вам встречу с воображаемыми фигурами, посредством которых древние пытались уложить Вселенную в приемлемую систему. Эти боги, эти герои являлись организующими силами, вокруг которых кристаллизовались культуры. Все это необычно для нас и представляет немалый интерес.

Слово взял Леор.

— Некоторые из тех, кого вы сейчас увидите, действительно были лицами чисто вымышленными, созданными древними поэтами, как только что сказал мой друг. Другие, однако, как простые смертные некогда ступали по земле и лишь позднее были возведены в герои. Они будут иметь легкий нимб, тень, сгущение воздуха — неизгладимый след человечности, который не может стереть ни один мифотворец.

И Леор исчез в недрах своей машины.

Одна нота, высокая и чистая, прозвучала в воздухе. Неожиданно из обращенной к равнине сцене появился обнаженный мужчина, пугливо озирающийся по сторонам.

Из машины прозвучал голос Леора:

— Это Адам, первый человек.

Так в залитый солнцем полдень двенадцатого тысячелетия к нам пришли боги и герои. Весь мир наблюдал, затаив дыхание.

Адама торжественно приветствовали и объяснили, где и почему он находится. Его рука стыдливо прикрывала низ живота.

— Почему я обнажен? — спросил Адам.— Это нехорошо.

Я указал ему, что он был наг, когда впервые появился на свет, и мы лишь отдаем дань уважения, призывая его в таком виде.

— Но я съел яблоко,— сказал Адам.— Почему вы вернули меня с сознанием стыда, но не дав ничего прикрыть мой стыд? Разве это правильно? Если вам нужен нагой Адам, вызовите Адама, еще не изведавшего яблока, но...

Его перебил голос Леора:

— Это Ева, мать всех людей.

Ева выступила вперед, тоже обнаженная, хотя изгибы тела скрывались длинными шелковистыми волосами. Не стесняясь, она улыбнулась и протянула руку Адаму, который бросился к ней с криком:

— Прикройся! Прикройся!

— Зачем, Адам? Эти люди также наги. Мы, наверное, снова в Эдеме.

— Это не Эдем,— возразил Адам.— Это мир наших прапрапраправнуков.

— Мне он нравится,— сказала Ева.— Успокойся.

Леор объявил козлоногого Пана.

Надо заметить, что Адам и Ева были окружены темным нимбом человечности. Я был удивлен, так как сомневался, что Первый мужчина и Первая женщина в действительности существовали. Однако можно предположить, что мы столкнулись с неким символическим представлением об эволюции человека. Но Пан — получеловек-полузверь — тоже имел нимб! Разве могло подобное создание водиться в реальном мире?

Тогда я не догадался. И только позже понял: хотя никогда не было человека-козла, жили тем не менее люди, послужившие прообразом бога похоти. Что касается Пана, вышедшего из машины... Он недолго оставался на сцене и кинулся к людям, смеясь, размахивая руками и вскидывая копыта.

— Великий Пан жив! — закричал он, схватил Милиан, годичную жену Дивуда Архивариуса, и унес ее в заросли.

— Он делает мне честь,— сказал Дивуд, годичный муж Милиан.

Леор принес нам Гектора и Ахиллеса, Орфея, Персея, Локи и Авессалома. Он принес Медею, Кассандру, Эдипа. Он вызвал Тота, Минотавра, Шиву и Пандору, Приама, Астарту, Диану, Дионисия. День прошел, сверкающие луны плавали в небе, а Леор продолжал трудиться. Он дал нам Клитемнестру и Агамемнона, Елену и Менелая, Изиду и Озириса. Он дал нам Ваала. Он

дал нам Самсона. Он дал нам Кришну. Он пробудил Кецалькоатля, Адониса, Пта, Кали, Тора, Язона.

Создания мифов переполнили сцену и вылились на равнину. Они смешались друг с другом: заклятые враги обменивались сплетнями, старые друзья жали руки, члены одного пантеона обнимались или искоса поглядывали на соперников. Они смешались с нами — герои выбирали женщин, чудовища старались казаться менее чудовищными, боги жаждали поклонения.

Пожалуй, этого было достаточно. Но Леор не останавливался. То был его звездный час.

Из машины вышли Каин и Авель, Орест и Пилад, Ионафан и Давид. Из машины вышли фурии, гарпии, плеяды, парки, норны. Леор был романтиком и не знал границ.

Но чудеса приедаются. Рог изобилия был далек от истощения, а люди уже поднимались в небо и улетали домой. Друзья Леора остались, разумеется, но и мы были пресыщены этими фантазиями.

Белобородый старик с густым нимбом человечности вышел из машины, держа в руке изящную металлическую трубу.

— Это Галилей,— объявил Леор.

— Кто он? — спросил меня прокуратор Плутона, потому что уставший Леор перестал представлять вызванных.

Пришлось затребовать информацию в справочной машине Дворца человека.

— Древний бог науки,— сказал я прокуратору.— Ему приписывается открытие звезд.

А Леор с новым вдохновением призывал богов науки: Ньютона и Эйнштейна, Гиппократа, Коперника и Оппенгеймера. С некоторыми из них мы встречались раньше, в те дни, когда вызывали великих людей седой старины. Но теперь, пройдя через руки мифотворцев, они предстали в новом обличье. Они бродили среди нас, предлагая исцелить, научить, объяснить. Куда до них настоящим Ньютону, Эйнштейну и Копернику! Светлые челом, исполинского роста, с пронизывающим взглядом.

— Авраам Линкольн.— Леор вызвал высокого бородатого мужчину с окровавленной головой.

— Древний бог независимости,— пояснил я прокуратору.

Затем из машины вышел приятный молодой человек с ослепительной улыбкой. Его голова тоже была окровавлена.

— Джон Кеннеди,— объявил Леор.

— Древний бог юности и весны. Символ смены сезонов, победы лета над зимой.

— Но такой уже есть — Озирис,— возразил прокуратор.— Почему два?

— Их гораздо больше: Балдур. Таммуз, Митра...

— Зачем так много?

Леор сказал:

— Теперь хватит.

Боги и герои были среди нас. Наступило время пиров, гуляний и брожения.

Медея сошлась с Язоном, Агамемнон помирился с Клитемнестрой, Тезей и Минотавр делили одно жилище. Другие предпочитали общество людей. Я побеседовал с Джоном Кеннеди, последним мифом, вышедшим из машины. Как и первого — Адама,— его грызло беспокойство.

— Я существовал на самом деле. Я жил. Я входил в число первых.

— Ты стал мифом. Ты жил, и умер, и в своей смерти был преображен и канонизирован.

Он улыбнулся.

— В Озириса? В Балдура? В них перестали верить за тысячу лет до моего рождения.

— Для меня,— сказал я,— ты, Озирис и Балдур — современники. Вы все вышли из седой старины, из незапамятных времен.

— И я — последний миф, которого вы выпустили из машины?

— Да.

— Почему? Разве люди перестали творить легенды после двадцатого века?

— Надо спросить Леора. Но мне кажется, что ты прав. Мы утратили нужду в мифах. Миновав эпоху бед и потрясений, мы вошли в эру рая. Зачем нам возвеличивать героев?

Он посмотрел на меня странно.

— Вы верите в это? Верите, что живете в раю? Что люди стали богами?

— Поживи в нашем мире,— ответил я,— и посмотри сам.

Он ушел, и мне не довелось больше встретиться с ним. Тем не менее я часто сталкивался с бродящими богами и героями. Некоторые из них ссорились, дрались и крали, но нас это не огорчало, потому что именно этого мы от них и ожидали. Некоторые же были очаровательны. На целый месяц пленила мое сердце Персефона. Как завороженный, слушал я пение Орфея. Для меня танцевал Кришна.

Дионисий возродил утерянное искусство делать вино и научил нас пить и пьянеть.

Локи творил для нас огненные образы.

Ахиллес метал для нас свое копье.

Но легенды и мифы стали надоедать нам. Их было чересчур много, и они оказались слишком шумными, слишком активными, слишком требовательными. Они хотели, чтобы их слушали, любили, почитали, поклонялись им, посвящали поэмы. Они задавали вопросы, подчас касающиеся самой сущности нашего мира, и смущали нас, ибо мы не знали ответов.

Леор предоставил нам великолепное развлечение, но все хорошо в меру. Настала пора и мифам возвращаться домой.

Проще всего было сладить с героями. Мы наняли Локи, и тот хитростью заманил их в машину.

— Великие подвиги ожидают вас! — объявил он, и герои ринулись вперед, спеша показать свою доблесть. Леор отослал их всех: Геракла и Ахиллеса, Гектора и Персея и прочих из этого неугомонного племени.

Многие демоны пришли сами, сказав, что они так же пресыщены нами, как мы ими, и добровольно ступили в машину. Так нас покинули Кали, Легба, Сет и многие другие.

Некоторых приходилось вылавливать и отправлять силой. Одиссей выдавал себя за одного из нас, а когда обман был раскрыт, отчаянно сопротивлялся. Локи задал нам хлопот. Эдип разразился страшными проклятиями, когда мы пришли за ним. Дедал припал к ногам Леора и взмолился:

— Позволь мне остаться, брат! Позволь мне остаться!

Его буквально бросили в машину.

Год за годом мы искали и отлавливали их и наконец покончили со всеми. Последней ушла Кассандра, жившая в уединении на далеком острове.

— Зачем вы послали за нами? — спросила она.— И зачем отправляете нас назад?

— Игра закончена,— ответил я.— Теперь мы обратимся к другим забавам.

— Вам следовало оставить нас,— сказала Кассандра.— Кто успокоит ваши души в грядущие темные времена? Кто укрепит ваш дух в час страдания? Кто поможет вам превозмочь горе? Горе! Горе!

— Горе Земли лежит в ее прошлом,— мягко проговорил я.— Нам не нужны мифы.

Кассандра улыбнулась и ступила в машину.

А потом настал век огня и ужаса, ибо, когда нас покинули мифы, пришли завоеватели, разорвав небеса. И наши башни обрушились, и наши луны упали. Каменноликие чужаки творили с нами, что хотели.

И те из нас, кто остался в живых, воззвали к старым богам, к исчезнувшим героям.

Локи, приди!

Ахиллес, защити нас!

Шива, освободи нас!

Геракл! Тор!

Но боги молчат, герои не приходят. Машина, что сверкала во Дворце человека, сломана. Леор, ее создатель, оставил этот мир. Шакалы рыскают по нашим садам, завоеватели попирают нашу землю, а мы обращены в рабов. И мы одиноки под черным небом. И мы одиноки.

Как хорошо в вашем обществе

Он был единственным пассажиром на борту корабля, единственным человеком внутри изящного цилиндра, со скоростью десять тысяч миль в секунду удаляющегося от Мира Бредли. И все же его сопровождали жена, отец, дочь, сын и другие — Овидий и Хемингуэй, Платон и Шекспир, Гёте и Аттила, и Александр Великий. И старый друг Хуан, человек, который разделял его мечты, который был с ним с самого начала и почти до самого конца.

Кубики с матрицами близких и знаменитостей.

Шел третий час полета. Возбуждение после неистового бегства постепенно спадало, он принял душ, переоделся. Пот и грязь от дикой гонки через потайной туннель исчезли, не оставив и следа, но в памяти наверняка еще надолго сохранятся и гнилостный запах подземелья, и неподдающиеся запоры ворот, и топот штурмовиков за спиной. Однако ворота открылись, корабль был на месте, и он спасся. Спасся.

«Поставлю-ка я матрицы...»

Приемный паз был рассчитан одновременно на шесть кубиков. Он взял первые попавшиеся, вложил их на место, включил. Затем прошел в корабельный сад. Экраны и динамики располагались по всему кораблю. На одном из экранов расцвел полный, чисто выбритый, крупноносый человек в тоге.

— Ах какой очаровательный сад! Я обожаю растения! У вас настоящий дар к выращиванию!

— Все растет само по себе. Вы, должно быть...

— Публий Овидий Назон.

© Перевод В. Баканова.

— Токас Войтленд. Бывший президент Мира Бредли. Ныне в изгнании, надо полагать. Военный переворот.

— Примите мои соболезнования. Трагично! Трагично!

— Счастье, что я сумел спастись. Вернуться, наверное, никогда не удастся. За мою голову, скорее всего, уже назначили цену.

— О, я сполна изведал горечь разлуки с родиной... Вы с супругой?

— Я здесь,— отозвалась Лидия.— Том, пожалуйста, познакомь меня с мистером Назоном.

— Взять жену не хватило времени,— сказал Войтленд.— Но по крайней мере я захватил ее матрицу.

Лидия выглядела великолепно; золотисто-каштановые волосы, пожалуй, чуть темнее, чем в действительности, но в остальном — идеальная копия. Он записал ее два года назад. Лицо жены было безмятежно: на нем еще не запечатлелись следы недавних волнений.

— Не «мистер Назон», дорогая. Овидий. Поэт Овидий.

— Прости... Почему ты выбрал его?

— Потому что он культурный и обходительный человек. И понимает, что такое изгнание.

— Десять лет у Черного моря,— тихо проговорил Овидий. Моя супруга осталась в Риме, чтобы управлять делами и ходатайствовать...

— А моя осталась на Мире Бредли,— сказал Войтленд.— Вместе с...

— Ты что там говоришь об изгнании? — перебила Лидия.— Что произошло?

Он начал рассказывать про Макаллистера и хунту. Два года назад, делая запись, он не объяснил ей, зачем хочет сделать ее кубик. Он уже тогда видел признаки надвигающегося путча. Она — нет.

Пока Войтленд говорил, засветился экран между Овидием и Лидией, и возникло изборожденное морщинами, загрубевшее лицо Хуана. Двадцать лет назад они вместе писали конституцию Мира Бредли...

— Итак, это случилось,— сразу понял Хуан.— Что ж, мы оба знали, что так и будет. Многих они убили?

— Неизвестно. Я убежал, как только...— Он осекся.— Переворот был совершен безупречно. Ты все еще там. Наверное, в подполье, организуешь сопротивление. А я... а я...

Огненные иглы пронзили его мозг.

«А я убежал».

Ожили и остальные экраны. На четвертом — кто-то в белом одеянии, с добрыми глазами, темноволосый, курчавый. Войтленд узнал в нем Платона. На пятом, без сомнения, Шекспир; создатели кубика слепили его по образу и подобию известного портрета: высокий лоб, длинные волосы, поджатые насмешливые губы. На шестом — какой-то маленький, демонического вида человек. Аттила? Все разговаривали, представлялись ему и друг другу.

Из какофонии звуков донесся голос Лидии:

— Куда ты направляешься, Том?

— К Ригелю-девятнадцать. Прежду там. Когда все началось, другого выхода не оставалось. Только добраться до корабля и...

— Так далеко... Ты летишь один?

— У меня есть ты. И Марк, и Линкс, и Хуан, и отец, и все остальные.

— Но ведь это лишь кубики, больше ничего.

— Что ж, придется довольствоваться,— сказал Войтленд.

Внезапно благоухание сада стало его душить. Он вышел через дверь в смотровой салон, где в широком иллюминаторе открывалось черное великолепие космоса. Здесь тоже были экраны. Хуан и Аттила быстро нашли общий язык; Платон и Овидий препирались; Шекспир задумчиво молчал; Лидия с беспокойством смотрела на мужа. А он смотрел на россыпь звезд.

— Которая из них — наш мир? — спросила Лидия.

— Вот эта,— показал он.

— Такая маленькая... Так далеко...

— Я лечу только несколько часов. Она станет еще меньше.

У него не было времени на поиски. Когда раздался сигнал тревоги, члены его семьи находились кто где: Лидия и Линкс отдыхали у Южного Полярного моря, Марк был в археологической экспедиции на Западном плато. Интеграторная сеть сообщила о возникновении «ситуации С» — оставить планету в течение девяноста минут или принять смерть. Войска хунты достигли столицы и осадили дворец. Спасательный корабль находился наготове в подземном ангаре. Связаться с Хуаном не удалось. Шестьдесят из драгоценных девяноста минут ушли на бесплодные попыт-

ки разыскать друзей. Он взошел на корабль, когда над головой уже свистели пули. И взлетел. Один. С ним были только кубики.

Изощренные творения. Личность, заключенная в маленькую пластиковую коробку. За последние несколько лет, по мере того как неизменно росла вероятность «ситуации С», Войтленд сделал записи всех близких ему людей и на всякий случай хранил их на корабле.

На запись уходил час, и в кубике оставалась ваша душа, полный набор ваших личных стандартных реакций. Вложите кубик в приемный паз, и вы оживете на экране — улыбаясь, как вы обычно улыбаетесь, двигаясь, как вы обычно двигаетесь... Матрица запрограммирована участвовать в разговоре, усваивать информацию, менять свои мнения в свете новых данных; короче, она способна вести себя как истинная личность.

Создатели кубиков могли предоставить матрицу любого когда-либо жившего человека или вымышленного персонажа. Почему бы и нет? Вовсе не обязательно копировать программу с реального объекта. Разве трудно синтезировать набор реакций, типичных фраз, взглядов, ввести их в кубик и назвать получившееся Платоном или Аттилой? Естественно, сделанный на заказ кубик какой-нибудь исторической личности обходился дорого — сколько потрачено человеко-часов работы! Кубик чьей-нибудь усопшей тетушки стоил еще дороже, так как мало шансов существовало на то, что он послужит прототипом для других заказов. Каталог предлагал широкий ассортимент исторических личностей, и Войтленд, оснащая свой корабль, выбрал семь из них. Великие мыслители. Герои и злодеи. Он тешил себя надеждой, что достоин их общества, и отобрал самые противоречивые характеры, чтобы не лишиться рассудка во время полета, который, он знал, когда-нибудь ему предстоит. В окрестностях Мира Бредли ни одной обитаемой планеты. Если когда-нибудь придется бежать, бежать придется далеко, а значит, долго.

От нечего делать Войтленд прошел в спальню, оттуда на камбуз, потом в рубку. Голоса следовали за ним из комнаты в комнату. Он мало обращал внимания на их слова, но им, казалось, было все равно. Они разговаривали друг с другом — Лидия и Шекспир, Овидий и Платон, Хуан и Аттила — как старые друзья на вселенской вечеринке.

— ...поощрять массовые грабежи и убийства. Не ради самого себя, нет, но, по моему убеждению, чтобы ваши люди не потеряли порыв, если можно так выразиться...

— ...рассуждая о поэтах и музыкантах в идеальной республике, я делал это, смею вас заверить, без малейшего намерения жить в подобной республике самому...

— ...короткий меч, такой как у римлян, вот лучшее оружие...

— ...резня как метод политической манипуляции...

— ...мы с Томом читали ваши пьесы вслух...

— ...доброе густое красное вино, чуть разбавленное водой...

— ...но больше всех я любил Гамлета, как к сыну родному...

— ...топор, ах, топор!..

Войтленд закрыл глаза. Путешествие только началось, еще очень рано для общества, очень рано, очень рано. Идет лишь первый день. Мир потерян в мгновение ока. Нужно время, чтобы свыкнуться с этим, время и уединение, пока он разбирается в своей душе.

Он начал выбирать из паза кубики — сперва Аттилу, затем Платона, Овидия, Шекспира. Один за другим гасли экраны. Хуан подмигнул ему, исчезая; Лидия промокала глаза, когда Войтленд вытащил ее куб.

В наступившей тишине он почувствовал себя убийцей.

Три дня он молча бродил по кораблю. У него не было никаких занятий, кроме чтения, еды, сна... Самоуправляемый корабль обходился без помощи человека. Да Войтленд и не умел ничего. Он мог лишь запрограммировать взлет, посадку и изменение курса, а корабль делал все остальное. Иногда Войтленд часами просиживал у иллюминатора, глядя, как Мир Бредли исчезает в дымке космоса. Иногда он доставал кубики, но не включал их. Гёте, и Платон, и Лидия, и Линкс, и Марк хранили молчание. Наркотики от одиночества? Что ж, он будет ждать, пока одиночество станет невыносимым.

Войтленд много думал над тем, что происходит сейчас на планете. Повальные аресты, инсценированные судебные процессы, террор. Лидия в тюрьме? А сын и дочь? Хуан? Не проклинают ли его те, кого он оставил? Не считают ли трусом, избравшим удобный и безопасный путь на Ригель? «Бросил свою родину, Войтленд? Убежал, дезертировал?»

Нет, нет, нет. Лучше жить в изгнании, чем присоединиться к славной плеяде мучеников. Тогда можно слать воодушевляющие призывы в подполье, можно служить символом борьбы, можно когда-нибудь вернуться и повести несчастную отчизну к свободе, возглавить революцию и войти в столицу под ликующие крики народа...

Поэтому он бежал. Он остался жить сегодня, чтобы сражаться завтра.

Весомые, здравые рассуждения. Он почти убедил себя.

Войтленду смертельно хотелось узнать, что происходит на Мире Бредли.

Беда в том, что бегство в другую планетную систему — совсем не то что бегство в какое-нибудь укрытие в горах или на отдаленный остров. Так много уходит времени на полет туда, так много уходит времени на победоносное возвращение... Его корабль был, собственно, роскошной яхтой, не предназначенной для межзвездных прыжков. Лишь после долгих недель ускорения он достигал своей предельной скорости — половины световой. Если долететь до Ригеля и тут же отправиться назад, на Мире Бредли пройдет шесть *лет* между его *отлетом* и возвращением. Что произойдет за эти шесть лет?

Что там происходит сейчас?

На корабле стоял тахионный ультраволновый передатчик. С его помощью можно за считаные минуты связаться с любой планетой в радиусе десяти световых лет. Если захотеть, можно передать вызов через всю Галактику и получить ответ меньше чем через час.

Он мог связаться с Миром Бредли и узнать участь своих близких в первые часы установления диктаторского режима.

Однако это значит прочертить тахионным лучом след, словно пылающую линию. Существовал один шанс из трех, что его обнаружат и перехватят военным крейсером. Риск велик, а он не хотел рисковать; нет, пока еще рано, чересчур близко.

Ну а если хунту раздавили в зародыше? Если путч не удался? Если он проведет три года в глупом бегстве к Ригелю, когда дома все благополучно?

Он не сводил взгляда с ультраволнового передатчика. Он едва не включил его.

Тысячи раз за эти три дня Войтленд тянулся к выключателю, терзался сомнениями, останавливался.

«Нет, не смей. Тебя засекут и догонят».

«Но может быть, я убегаю зря?»

«Возникла "ситуация С". Дело потеряно».

«Так сообщила интеграторная сеть. Однако машины могут ошибаться. Может, наши удержались? Я хочу говорить с Хуаном. Я хочу говорить с Марком. Я хочу говорить с Лидией».

«Потому ты и взял их матрицы. Держись подальше от передатчика».

На следующий день он вложил в приемный паз шесть кубиков.

Экраны засветились. Он увидел сына, отца, старого верного друга, Хемингуэя, Гёте, Александра Великого.

— Я должен знать, что происходит дома, – сказал Войтленд.— Я хочу выйти на связь.

— Не надо. Я сам могу тебе все рассказать.— Говорил Хуан, человек, который был ему ближе брата. Закаленный революционер, опытный конспиратор.— Хунта проводит массовые аресты. Верховодит Макаллистер, величающий себя Временным Президентом.

— А может быть, нет. Вдруг я могу спокойно вернуться...

— Что случилось? — спросил сын Войтленда. Его куб еще не включался, и он ничего не знал о происшедших событиях. Запись была сделана десять месяцев назад.— Переворот?

Хуан стал рассказывать ему про путч. Войтленд повернулся к своему отцу. По крайней мере старику не грозили мятежные полковники: он умер два года назад, вскоре после записи. Кубик — вот все, что от него осталось.

— Я рад, что это случилось не при тебе,— сказал Войтленд.— Помнишь, когда я был маленьким мальчиком, а ты — руководителем Совета, ты рассказывал о восстаниях в других колониях? И я сказал: «Нет, у нас все иначе, мы всегда будем вместе».

Старик улыбнулся.

— Увы, Том, мы ничем не примечательны. И нет спасения от тиранов, ненавидящих демократию.

— По словам Гомера, люди предпочитают сон, любовь, пение и танцы,— заметил сладкоголосый учтивый Гёте.— Но все-

гда найдутся возлюбившие войну. Кто скажет, почему боги даровали нам Ахилла?

— Я скажу! — прорычал Хемингуэй.— Вы даете определение человека по присущим ему внутренним противоречиям. Любовь и ненависть. Война и мир. Поцелуй и убийство. Вот его границы и пределы. Действительно, каждый человек есть сгусток противоположностей. То же и общество. И порой убийцы торжествуют над милосердными. Кроме того, откуда вы знаете, что те, кто вас сверг, так уж и не правы?

— Позвольте мне сказать об Ахилле,— промолвил Александр, высоко подняв руки.— Я знаю его лучше, ибо несу в себе его дух. И я говорю вам, что воины больше всех достойны править, пока обладают силой и мудростью, потому что в залог за власть они отдают жизнь. Ахилл...

Войтленд не интересовался Ахиллом. Он обратился к Хуану:

— Мне необходимо выйти на связь. Прошло четыре дня. Я не могу сидеть в корабле отрезанным от всего мира.

— Тебя запеленгуют.

— Знаю. А если путч провалился?

Войтленд дрожал. Он подошел к передатчику.

— Папа, если путч провалился, Хуан пошлет за тобой крейсер.— сказал Марк.— Они не допустят, чтобы ты зря летел до Ригеля.

Да, ошеломленно подумал Войтленд с неимоверным облегчением. Ну да, конечно! Как просто... Почему я сам не догадался?

— Ты слышишь? — окликнул Хуан.— Ты не выйдешь на связь?

— Нет.— пообещал Войтленд.

Шли дни. Он беседовал с Марком и Линкс, с Лидией, с Хуаном. Пустая беспечная болтовня, воспоминания о былом. Ему доставляло удовольствие говорить с холодной элегантной дочерью и взъерошенным долговязым сыном. Он разговаривал с отцом о правительстве, с Хуаном о революции; беседовал с Овидием об изгнании, с Платоном о природе несправедливости, с Хемингуэем об определении отваги. Они помогали ему пережить трудные моменты. В каждом дне были такие трудные моменты.

В часы, определенные хронометром как ночные, было несравненно тяжелей.

Охваченный огнем, он с криком бежал по коридорам. Словно гигантские белые фонари, над ним склонялись лица. Люди в серой форме и начищенных до блеска сапогах маршировали по его телу. Над ним глумились толпы сограждан. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК. Ему являлся Хуан. ТРУС. ТРУС. ТРУС. Жилистое тело Хуана было изувечено; его пытали. Я ОСТАЛСЯ, ТЫ БЕЖАЛ. Я ОСТАЛСЯ, ТЫ БЕЖАЛ. Ему показали в зеркале его собственное лицо — лицо шакала, с длинными желтыми клыками и маленькими подергивающимися глазками. ГОРДИШЬСЯ СОБОЙ? ДОВОЛЕН? СЧАСТЛИВ, ЧТО ЖИВ?

Он обратился за помощью к кораблю. Корабль убаюкивал его в колыбели из серебряных нитей, вводил в его вены холодные капельки неведомых лекарств. Он еще глубже погружался в сон, но все равно к нему прорывались драконы, чудища и василиски, нашептывая издевательства и оскорбления. ПРЕДАТЕЛЬ, ПРЕДАТЕЛЬ, ПРЕДАТЕЛЬ. КАК СМЕЕШЬ ТЫ КРЕПКО СПАТЬ ПОСЛЕ ТОГО, ЧТО СДЕЛАЛ?

— Послушай,— сказал он как-то утром Лидии,— они убили бы меня в первый же час. Не существовало ни единого шанса найти тебя, Марка, Хуана, кого угодно. Был ли смысл ждать дальше?

— Никакого, Том. Ты поступил умно.

— Но я верно поступил, Лидия?

— Отец, у тебя не было выбора,— вмешалась Линкс.— Одно из двух: бежать или погибнуть.

Войтленд бродил по кораблю. Какие мягкие стены, как красива обивка! Умиротворяющие образы скользили по потолку. Чудесные сады радовали душу. У него были книги, игры, музыка...

Каково сейчас в подполье?

— Нам не нужны мученики,— убеждал он Платона.— Благодаря хунте их и так будет много. Нам нужны лидеры. Какой толк от мертвого руководителя?

— Очень мудро, мой друг. Вы сделали себя символом героизма — далекого, совершенного, недосягаемого, в то время как ваши коллеги ведут борьбу. И можете вернуться и послужить своему народу в будущем. Польза же от мученика весьма ограничена, связана с определенным моментом.

— Вынужден с вами не согласиться,— вкрадчиво возразил Овидий.— Если человек желает быть героем, ему надо твердо сто-

ять на своем и не бежать от последствий. Но какой разумный человек желает быть героем? Вы правильно сделали, друг Войтленд! Идите, пируйте, веселитесь, живите долго и счастливо!

— Ты издеваешься надо мной! — обвинил он Овидия.

— Я не издеваюсь. Я утешаю. Я развлекаю. Но не издеваюсь.

Ночами его преследовал колокольный звон, далекий смех. Воспаленным воображением владели смутные фигуры. ведьмы, упыри.

— Помогите мне! — взмолился он.— Зачем я брал вас с собой, если от вас нет помощи?

— Мы стараемся,— ответил Хемингуэй.— Мы согласны, что ты поступил разумно.

— Все это слова, чтобы меня успокоить. Вы неискренни...

— Лучше сформулировать иначе,— деликатно вмешался Хуан.— Том, ты был обязан спасти себя. Таким образом ты внес неоценимый вклад в наше общее дело. Ведь нас всех, возможно, уже уничтожили.

— Да, да.

— Так чего бы ты добился, оставшись? Своей смерти? Ну, отвлекись от ложного героизма! — Хуан покачал головой.— Руководитель в изгнании лучше, чем руководитель в могиле. Ты можешь направлять борьбу с Ригеля, если нас нет. Главное — чувствовать динамику ситуации.

— Ты объясняешь так логично, Хуан...

— Мы всегда понимали друг друга.

Войтленд активировал кубик отца.

— А ты что скажешь? Что мне надо было делать — оставаться или уходить?

— Может быть, оставаться, может быть, уходить. Как я могу решать за тебя? Безусловно, практичнее было спастись. Остаться было бы драматичнее.

— Марк?

— Я бы дрался до конца. Зубами, ногтями... Но это я. Наверное, ты поступил правильно, папа. То есть для тебя это правильно.

Войтленд нахмурился.

— Перестань говорить загадками. Скажи прямо — ты меня презираешь?

— Ты же знаешь, что нет,— ответил Марк.

Кубики утешили его. Вскоре он стал спать более крепко, обрел покой.

— В последние дни тебе лучше,— заметила Лидия.

— Наконец отделался от сознания вины,— проговорила Линкс.

— Стоило лишь по-другому взглянуть на внутреннюю логику событий,— сказал Хуан.— Надеюсь, теперь тебе все ясно? Может быть, ты думал, что боишься, думал, что спасаешься бегством, но на самом деле ты оказывал услугу республике.

Войтленд ухмыльнулся.

— То есть я поступил правильно, исходя из неправильных соображений?

— Именно. Именно.

— Главное — что ты можешь внести большой вклад в наше дело,— раздался голос отца.— Ты еще молод. У тебя есть время вернуть утраченное.

— Да. Безусловно.

— А не погибнуть героической и бессмысленной смертью,— заключил Хуан.

— С другой стороны,— внезапно сказал Марк,— ты планировал свое спасение загодя. Специально готовил записи, выбирал знаменитостей, которых хотел взять...

Войтленд нахмурился.

— Что ты этим...

— Словно давно принял решение броситься наутек при первых признаках опасности,— продолжила Линкс.

— Их слова не лишены смысла,— сказал отец.— Одно дело — разумная самозащита, и совсем другое — неумеренная забота о собственном благополучии.

— Я не хочу сказать, что тебе следовало остаться и погибнуть,— промолвила Лидия.— Я такого никогда не скажу. Но все равно...

— Погодите! — возмутился Войтленд. Кубики неожиданно оборачивались против него.— Что вы несете?!

— Ну и уж из чисто спортивного интереса...— продолжал Хуан.— Если бы стало известно, как заблаговременно ты готовил путь к спасению, с какими удобствами ты направляешься в изгнание...

— Вы должны помогать мне! — закричал Войтленд.— К чему все это? Чего вы хотите добиться?

— Ты знаешь, что мы любим тебя,— сказала Лидия.

— Нам больно видеть твое заблуждение,— произнесла Линкс.

— Разве ты не собирался бежать? — спросил Марк.

— Перестаньте! Остановитесь!

— Исключительно из спортивного интереса...

Войтленд кинулся в рубку и вытащил кубик Хуана.

— Мы пытаемся объяснить тебе, дорогой...

Он вытащил куб Лидии, куб Марка, куб Линкс, куб отца. На корабле воцарилась тишина.

Войтленд скорчился, задыхаясь, и ждал, пока утихнет раскалывающий голову крик.

Через час, взяв себя в руки, он включил передатчик и настроился на частоту, которую могло бы использовать подполье. Раздался шорох, потрескивание, затем настороженный голос произнес:

— Четыре девять восемь три, принимаем ваш сигнал. Кто вы?

— Войтленд. Президент Войтленд. Я хочу говорить с Хуаном. Вызовите мне Хуана.

— Подождите.

Войтленд ждал. Пощелкивания, гудение, треск.

— Вы слушаете? — раздался голос.— Мы вызвали его. Но говорите быстро. Ему некогда.

— Ну, кто это? — Голос Хуана.

— Том. Том Войтленд, Хуан!

— Это в самом деле ты? — Холодно, за тысячи парсеков, из другой вселенной.— Наслаждаешься путешествием, Том?

— Я должен был связаться с тобой. Узнать... узнать, как дела, что с нашими. Как Марк, Лидия, ты...

— Марка нет — убит при попытке застрелить Макаллистера. Лидия и Линкс в тюрьме. Большинство других мертвы. Нас не больше десятка, мы обложены. Разумеется, остался ты.

— Да.

— Сволочь,— тихо проговорил Хуан.— Подлая сволочь. Мы приняли на себя огонь, а ты забрался в корабль и улетел.

— Меня бы тоже убили, Хуан. За мной гнались. Я едва ушел.

— Ты должен был остаться.

— Нет. Нет. Ты говорил другое! Ты говорил, что я прав, что я послужу символом борьбы, воодушевляя...

— Я это говорил?!

— Да! — настаивал Войтленд.— Вернее, твой кубик.

— Убирайся к черту,— сказал Хуан.— Полоумный мерзавец.

— Твоя матрица. Мы обсуждали... ты объяснял...

— Ты сошел с ума? Твои кубики запрограммированы говорить то, что ты хочешь услышать. Если хочешь, убегая, чувствовать себя героем, они докажут тебе, что ты герой.

— Но я... ты...

— Приятного полета, Том.

— Я не мог остаться на верную смерть! Какая была бы от этого польза? Хуан, помоги мне! Что мне теперь делать?

— Меня совершенно не интересует, что ты будешь делать. Обратись за помощью к своим кубикам. Прощай, Том.

— Хуан...

Связь оборвалась.

Войтленд долго сидел не шевелясь. Вот оно что. Кубики запрограммированы говорить то, что ты хочешь услышать. Если хочешь, убегая, чувствовать себя героем, они докажут тебе, что ты герой. А если хочешь чувствовать себя злодеем? И это докажут. Они готовы на все, что тебе нужно.

Он вставил в паз Гёте.

— Поведай мне о мученичестве.

Гете сказал:

— В нем есть соблазнительные стороны. Можно погрязть в грехах, зачерстветь от бездушия, а потом в одной огненной вспышке жертвоприношения навеки прославить свое имя.

Он вставил в паз Хуана.

— Расскажи мне о моральном значении гибели при исполнении долга.

— Это может превратить заурядного политического деятеля в выдающуюся историческую личность,— сказал Хуан.

Он вставил в паз Марка.

— Каким бы ты хотел видеть своего отца: живым трусом или мертвым героем?

— Ты должен биться, папа.

Лидия. Линкс. Его отец. Александр Великий, Аттила, Хемингуэй. Шекспир. Платон. Овидий. Все твердили про отвагу, искупление, самопожертвование, благородство.

Так. Значит, они говорят то, что он хочет услышать.

Он взял кубик сына.

— Ты мертв. Марка больше нет. Это я — думающий его умом, говорящий его голосом...

Войтленд открыл люк конвертера и швырнул туда кубик Марка. Затем кубик Лидии. Линкс. Отца. Александра. Аттилы. Шекспира. Платона. Овидия. Гёте.

Он взял кубик Хуана и вложил его в паз.

— Скажи мне правду. Что случится, если я вернусь к Миру Бредли?

— Ты благополучно доберешься до подполья и возглавишь борьбу. Ты поможешь нам скинуть Макаллистера. С тобой мы победим.

— Ерунда! — отрезал Войтленд. — Я скажу тебе, что будет на самом деле. Меня перехватят еще на орбите и отдалут под трибунал. А потом расстреляют. Верно? Верно? Ну скажи мне правду, хоть один раз! Скажи, что меня расстреляют!

— Ты ошибочно представляешь себе динамику ситуации, Том. Твое возвращение возымеет такое действие...

Он вынул кубик Хуана и бросил его в конвертер.

— Ау! — позвал Войтленд.— Есть тут кто-нибудь?

Корабль молчал.

— Как хорошо в вашем обществе... Мне его будет недоставать. Но я рад, что вас нет.

В рубке он ввел программу «Возвращение к пункту отправления». Его руки дрожали, но программа пошла. Приборы показали изменение курса. Корабль поворачивался. Корабль нес его домой.

В одиночестве.

Путеводная звезда

Планы, которые она строила относительно моей скромной персоны, были совершенно очевидны...

Это была поэтесса с независимым доходом, обитавшая на моем этаже. Наши апартаменты разделяло всего несколько комнат. Никто бы не назвал ее ни молодой, ни привлекательной, скорее она попадала в разряд дам средних лет с ярко выраженными экстравагантными манерами.

На мой взгляд, ей было около тридцати. Она была чуть выше меня, с длинными каштановыми волосами, горящим взором и острым носом.

Ее подчеркнуто потрепанные туалеты вызывали мое недоумение, хотя, должен предупредить, мне всегда было трудно понять вкусы землян, так же как и их представления о сексуальной привлекательности.

Если мы сталкивались в коридоре, она откровенно строила мне глазки. Скромность явно не была одной из ее добродетелей.

«Ты же несчастный, невзрачный человек,— недвусмысленно говорил ее взгляд,— позволь мне разделить бремя твоего одиночества. Дай мне возможность открыть тебе тайну любви, и ты не пожалеешь об этом».

Разумеется, она не произносила ничего подобного вслух, но ее намерения были весьма прозрачны. В тот момент, когда она впивалась в меня взглядом, голодный блеск ее глаз был словно у каннибала, по меньшей мере месяц не видевшего человеческого мяса.

© Перевод И. Новицкого.

Звали ее Элизабет Кук.

— Как вы относитесь к поэзии, мистер Кнехт? — спросила она меня в то утро, когда мы вдвоем поднимались в лифте к себе на этаж.

Не прошло и часа, как она постучалась в дверь моего номера.

— Не хотите почитать? — поинтересовалась она, протягивая мне солидную стопку пожелтевших листков, отпечатанных явно не в типографии.— Это должно заинтересовать вас. Мое собственное произведение. Я назвала его «Путеводная звезда». Ограниченный тираж. Всего сто двадцать пять копий. Если хотите, то можете сохранить этот экземпляр для себя. У меня останется гораздо больше, чем хотелось бы.

Тонкие брюки в обтяжку наилучшим образом подчеркивали основные достоинства ее фигуры. То же самое можно было сказать и о полупрозрачной кофточке. Против воли, я критически обозрел ее фигуру. Заметив мой взгляд, она напряглась, словно молодая кобылка перед стартом.

Я прочел ее вирши. Наверное, лучше не высказывать своего мнения о них. Я никак не могу отнести себя к тонким ценителям поэзии, хотя прожил на этой планете уже одиннадцать лет и изъясняюсь почти на оксфордском английском. В чем ее творчеству, однако, нельзя было отказать, так это в недостатке искренности. Передо мной лежал типичный опус начинающего автора, не слишком избалованного вниманием окружающих. Позволю себе привести лишь начало этой небольшой поэмы.

> Для нее это была первая встреча с грубой реальностью.
> Высокий черный человек с налитыми кровью глазами,
> в изношенном армейском мундире.
> Запах дешевого вина. Нож в кармане. Преступное прошлое.
> Кем она была для него?
> Предметом грубых страстей.
> Или чем-то большим?
> Сестрой? Божьим творением, способным наконец утолить
> его жажду любви?..

Думаю, дальше лучше не продолжать.

Примитивные, незамысловатые эмоции, ничего больше.

Я добросовестно, от первого до последнего слова, передал на свою планету содержание желтоватых листков, хотя не думаю, что там интересуются подобного рода вещами.

Тем не менее я чувствовал своеобразную гордость за Элизабет. Пусть на родине бедной поэтессы ее творения прочло не более дюжины человек, зато теперь полный список ее произведений отныне будет храниться в архивах империи, расположенной в девяноста световых лет от планеты Земля.

Следующий визит поэтессы не заставил долго ждать.

— Что вы думаете о моих стихах? — спросила она напрямик.

— Очень мило,— промямлил я.— Вам не откажешь в сочувствии героям, которых вы изображаете.

Не сомневаюсь, она была уверена, что на этот раз я обязательно приглашу ее зайти.

Я с трудом удержался от соблазна, стараясь не смотреть на маленькие упругие груди, призывно нацеленные на меня из-под прозрачной кофточки.

Наш отель был расположен на тридцать второй улице Запада. Это весьма древнее сооружение, которому никак не меньше сотни лет, с фасадом в стиле барокко и обшарпанным вестибюлем, ориентированным на местную богему. Большинство его постоянных обитателей принадлежало к неудачливым артистам, начинающим художникам, писателям и тому подобной публике. Сам я жил в этом месте уже более девяти лет. Почти всех квартирантов я знал по имени, хотя, как правило, в отношениях с ними старался соблюдать определенную дистанцию. Никто из них никогда не бывал у меня в гостях, хотя сам я порой принимал приглашения на дружеские вечеринки, когда того требовали интересы дела.

Элизабет была первой, кто вполне сознательно попытался взломать невидимый барьер, который я выставил перед собой.

Я до сих пор не вполне понимаю, как ей удалось преуспеть в своем намерении.

Она поселилась в своих апартаментах примерно три года назад, и скоро ее стремление завладеть моим вниманием стало для меня достаточно очевидным. Со временем ее притязания становились все более настойчивыми и откровенными.

Я весьма педантичный человек, если к существу моего типа вообще применимо это понятие.

Каждый день я встаю ровно в семь часов. Затем завтракаю, принимаю душ, хотя мое обыденное тело, по сути дела, всего

лишь обыкновенный муляж, и, естественно, одеваюсь. С восьми до десяти я передаю сообщения на свою планету. Далее я совершаю обязательную утреннюю прогулку, читаю газеты, иногда захожу в библиотеку, чтобы навести необходимые справки. Ровно в час я возвращаюсь в мои апартаменты. Традиционный ланч и второй сеанс связи с моим шефом. Вечером посещение театра или кино, в худшем случае, политического собрания. Как правило, не обходится и без спиртного, хотя мой организм абсолютно не приспособлен к потреблению такого рода напитков. К счастью, благодаря многолетней практике мне удалось найти совершенно безотказный способ освобождения от избытка употребленного алкоголя. В двенадцать я снова дома. Ужин. Очередной сеанс связи с часу до трех. Три часа сна и начало нового цикла. Профессиональному агенту приходится сталкиваться и с более неприятными вещами.

Я точно не знаю, сколько еще моих соотечественников находится на Земле, но льщу себя надеждой, что являюсь наиболее трудолюбивым и добросовестным из своих коллег.

Я вполне доволен судьбой.

Конечно, вдали от привычного для меня мира, в окружении чуждых существ мне приходится непросто. Среди землян я выгляжу некоммуникабельным, замкнутым, и потому временами мне хочется подать прошение о переводе в родимые пенаты. Но, если подумать, чем я стану там зарабатывать на хлеб насущный? Много лет назад я сделал свой выбор, и не в моих правилах сожалеть о свершившемся.

Конечно, существуют и другие неудобства. Например, физическая боль.

Гравитация на Земле почти в два раза выше, чем в моем возлюбленном отечестве. Вопрос существенный, хотя и не смертельный. Мои естественные органы страдают от такой нагрузки, к тому же многократно увеличенной чуждым для меня человеческим телом. К концу дня мускулы невыносимо болят. Я уже не говорю о сердце. Каждое движение дается с огромным трудом. Можно было ожидать, что после одиннадцати лет пребывания на Земле я полностью адаптируюсь к новым условиям, но этого не произошло. Хотя, кто знает, как примет меня отчизна, случись мне вновь увидеть ее пределы. Может быть, я затоскую по Земле. Как знать...

Теперь же у меня иные заботы.

Прежде всего, о моем искусственном теле. Это просто маскарадный костюм: десятки килограммов синтетической плоти, тысячи хитроумных приспособлений, призванных имитировать человеческие органы.

Какая это пытка постоянно передвигаться в вертикальном положении, все мое естество решительно восстает против этого!

Смотреть на мир через мощные линзы!

Ежедневно потреблять пищу, противную самой природе моего организма!

Не хочу сказать ничего плохого о наших специалистах. Они поработали весьма успешно. Никто еще не усомнился в моей человеческой сущности. Приборы работают безукоризненно. Но всему есть предел! Сколько раз меня подмывало сбросить этот ненавистный маскарадный костюм и хотя бы ненадолго вновь обрести свое природное естество.

Увы, это строжайше запрещено нашими правилами.

Одиннадцать лет я не снимаю своей искусственной оболочки. Хожу на двух ногах. Ем, пью и веду дурацкие светские разговоры. Иногда мне кажется, что я настолько привык к своей новой личине, что уже не мыслю себя в ином облике. Но это тоже самообман. Я остаюсь самим собой!

Помимо всего прочего, приходится думать и о поддержании собственных сил, что также требует немало усилий и времени. По меньшей мере три раза в день мне необходимо употреблять привычную пищу. К сожалению, и тут приходится ограничивать себя, поскольку мой рацион включает лишь синтетические концентраты. Да и вкус их, и без того неважный, становится совершенно невыносимым после того, как приходится пропускать их через сложный механизм моего человеческого пищеварительного тракта.

Увы, даже самые лучшие модели человеческого тела пока далеко не совершенны.

Я не стану докучать вам описанием тех трудностей, которые ежедневно возникают у меня с удалением экскрементов. Придется поверить мне на слово, что этот процесс весьма болезненный и неприятный.

А ведь я еще ничего не сказал о постоянном гнетущем чувстве одиночества.

Смотреть на звезды и мечтать о таком далеком и любимом отечестве. О покинутых друзьях, об очаровательных представительницах прекрасного пола, которыми столь богата наша ни с чем не сравнимая планета.

Единственное мое утешение в том, что я делаю полезное и необходимое дело. Иначе мое положение стало бы совершенно нестерпимым.

Впрочем, есть в нем и некоторые приятные моменты. Конечно, Нью-Йорк ужасен с его бесчисленными грохочущими автомобилями и еще более назойливыми двуногими обитателями. Такое не приснится даже в страшном сне. Но его атмосфера, насыщенная большим количеством гидрокарбонатов, необычайно привлекательна для существ нашего строения.

Пожалуй, для меня это единственное напоминание о моей незабвенной отчизне. Я с удовольствием брожу по улицам города, с наслаждением вдыхая его воздух. Он пьянит меня.

Возможно, аборигены считают меня сумасшедшим. Но какое мне дело до их мнения? К счастью, здесь достаточно строгие законы, надежно защищающие меня от их докучливого любопытства.

Элизабет Кук продолжает преследовать меня своим вниманием.

Улыбается в вестибюле.

Бросает многообещающие взгляды.

— Может быть, вы пообедаете со мной наконец, мистер Кнехт? У нас столько общего. Я могла бы показать вам наброски поэмы, над которой в последнее время работаю.

Господи, и что же общего она могла найти со мной?

Скорее всего, основным движущим мотивом ее поведения служило чувство острой жалости ко мне. Может быть, она мечтала стать неким солнечным лучом в жизни старого холостяка, незадачливого мистера Кнехта, влачившего жалкое существование во второразрядном отеле? Кто знает? Поведение земных женщин абсолютно непонятно.

Были ли у меня шансы избежать ее навязчивого внимания?

Или мне стоило подумать о срочной перемене места жительства?

Но я так долго прожил в этом отеле, что сама идея о смене привычной обстановки казалась мне совершенно неприемлемой. С какой стати испытывать судьбу! Можно подумать, у меня и без того не хватает неприятностей.

С другой стороны, не могло быть и речи о том, чтобы завязать с ней банальную интрижку. Высоким назначением наблюдателей было следить за перипетиями жизни на Земле, а не вязываться в интимные отношения с ее обитателями.

Мне оставалось только держать Элизабет Кук на должной дистанции.

Или позорно бежать от нее.

Невероятно, но факт. В отеле появился еще один из моих соотечественников!

Узнал я об этом совершенно случайно.

Я вернулся в отель около полудня, после обычной для меня второй прогулки по городу. Элизабет торчала в холле, для видимости беседуя с управляющим, но определенно поджидая меня. Мои худшие опасения немедленно оправдались.

В тесной кабине лифта она просто атаковала меня своими вопросами.

— Иногда я начинаю думать, что вы просто боитесь меня,— прошептала она, забыв поздороваться.— Если бы вы знали, как глубоко ошибаетесь. Величайшая трагедия человеческой жизни как раз и состоит в том, что некий индивидуум пытается отгородиться от общества в башне из слоновой кости. У вас нет ни малейших оснований опасаться меня.

Не мог же я откровенно объяснить ей мотивировку своих поступков. Чтобы закончить неприятный для меня разговор, я вышел из лифта этажом ниже моего собственного.

Черт с ней! Пусть думает, что хочет. Могу я навестить старого знакомого? Или, в крайнем случае, отправиться к своей любовнице?

Я медленно ступал по коридору, выжидая, пока неугомонная Элизабет не уединится в своем номере.

Мимо меня прошмыгнула горничная. Воспользовавшись обычным для служебного персонала запасным ключом, она открыла ближайший номер, даже не постучав в дверь.

На пороге вырос высокий мускулистый человек, обнаженный до пояса.

— О, простите за нечаянное вторжение, сэр,— промяукала опешившая девчонка и быстро захлопнула дверь.

Но этих нескольких секунд оказалось для меня вполне достаточно.

Непредвиденный случай свел меня с компатриотом, уже готовым к традиционному полуденному ритуалу приема пищи. Ошалевший, я поднялся на следующий этаж. Слава богу, ни малейших следов Элизабет. Я проскользнул в свою комнату и плотно запер дверь.

Чтобы могла означать эта встреча?

Хотя было ли в ней что-то необычное? Ведь мне было прекрасно известно, что я далеко не единственный секретный агент империи на планете Земля. Только в Нью-Йорке их могло оказаться не менее сотни. Но присутствие одного из них в том же самом отеле показалось мне совершенно невероятным.

Я припомнил, что несколько раз мне уже приходилось видеть его: невзрачный угрюмый человек, чем-то похожий на меня самого. Разумеется, мне и в голову не приходило интересоваться именем этого субъекта и родом его занятий.

Правила секретной службы строго запрещают нам любые контакты со своими соотечественниками за исключением случаев крайней необходимости. Полная изоляция — неотъемлемое условие нашей работы. Я не имел права не то что познакомиться, но даже заговорить с ним. Это обстоятельство оказалось для меня еще более трудным испытанием, чем уже вполне привычное чувство одиночества.

Но все-таки я выяснил его имя.

Его зовут Свенсон. Он музыкант, если верить нашему управляющему.

— Очень своеобразный человек. Скромный, замкнутый, никогда не улыбается,— охотно ответила на мои осторожные расспросы давешняя горничная. — Строго следит за тем, чтобы никто не вмешивался в его личную жизнь. Прекрасные манеры. Вполне возможно, что он является членом одной из королевских фамилий, вынужденных жить в изгнании.

Последнее предположение показалось мне излишне романтичным, но вслух подвергать его сомнению я, естественно, не стал.

Хотелось бы мне видеть лицо моей собеседницы, если бы она узнала правду о чопорном постояльце.

Я тоже, как мне казалось, принимал все меры против вторжения в мою личную жизнь. Но Элизабет была способна сокрушить любые бастионы.

— Вы бы не хотели послушать мои новые стихи? — как-то осведомилась она, настигнув меня у самого порога моей двери.— Мне кажется, что они должны вам понравиться. Если пригласите меня к себе, я с удовольствием почитаю...

— Элизабет...

— Жизнь так коротка! Почему вы боитесь хотя бы на минуту сбросить с себя доспехи показной добродетели? Что в мире может быть важнее любви? Разве это не единственный способ понять, что мы действительно живем? Только любовь — наша путеводная звезда в мире жестокой реальности!

Ее голос задрожал, и с этой минуты она больше не обращалась ко мне на «вы».

— У каждого из нас свой собственный путь. Но мы нужны друг другу. Поговори со мной, открой мне свою душу. Если скажешь мне «нет», я никогда больше не буду докучать тебе, но умоляю не делать этого. Сказав «нет», ты навсегда захлопнешь для себя дверь в мир. Это слово станет началом твоего конца, Дэвид.

В чем ей было трудно отказать, так это в настойчивости.

Конечно, я мог посоветовать ей катиться ко всем чертям со своими дружескими чувствами, но что бы я выиграл от этого? Я был одинок, а она искренна и трогательна в своем наивном желании скрасить мое убогое существование.

Осознание того факта, что Свенсон был совсем рядом и тем не менее отделен от меня длинным перечнем запрещающих инструкций, делало категорический отказ еще более трудным. Я сдался.

Почему бы мне не позволить Элизабет стать на время моей подругой, разумеется, соблюдая при этом все необходимые предосторожности. Мое согласие сделает ее счастливее, на какое-то

время избавит меня от ненавистного одиночества и, наконец, придаст моим донесениям на родину еще большую достоверность.

— Вы ошибаетесь, дорогая,— пробормотал я.— Я не хотел обидеть вас. Входите и чувствуйте себя, как дома.

Она не заставила себя упрашивать.

Первый гость за одиннадцать лет!

Мою холостяцкую квартиру трудно назвать комфортабельной. Несколько дешевых книг в мягких переплетах, скромная мебель, ультракоротковолновый передатчик, искусно замаскированный под скульптуру,— вот и все мое достояние.

Не ожидая особого приглашения, Элизабет живописно раскинулась на кушетке. Чисто условная мини-юбка едва прикрывала крутые бедра. Должен признать, весьма аппетитная часть тела, если судить по человеческим стандартам.

Ее откровенная поза внушила мне новые опасения. Я не мог позволить себе никаких интимных отношений с землянками. Это было строжайше запрещено правилами.

— Прочтите свою новую поэму,— предложил я, желая придать ее мыслям безопасное для меня направление.

Она с готовностью откликнулась на предложение и тут же открыла объемистую папку.

> В пустоте ночи, когда я долго не могла заснуть,
> страдая от сомнений и одиночества,
> ко мне явился Дух зла и протянул ко мне свои холодные руки.
> Я содрогнулась, но не отвергла его призыва.
> «Да, да, да!» — прошептала я, обращаясь к звездам,
> И Дух тьмы соединился со мной.
> Так и ты не отвергай моей мольбы.
> Весь смысл жизни сводится к одному короткому слову:
> «Да!»

Только после двух часов непрерывной декламации, пока для нее не стало окончательно ясно, что я отнюдь не горю желанием немедленно уложить ее в постель, она покинула мои апартаменты.

— Я так счастлива, что не ошиблась в тебе, Дэвид,— нежно прощебетала она на прощание.— Наконец-то я нашла родственную душу, способную сострадать и любить. До скорой встречи, Дэвид.

Боже, за что мне такая мука!

Только теперь я по-настоящему осознал, в какую западню позволил себя завлечь.

С этого вечера мы ежедневно проводили вместе часа по два, иногда в моем номере, иногда в ее. Мне пришлось прослушать все ее вирши, что само по себе было нелегким испытанием, но я сумел добиться главного — держать ее на дистанции. После стихов мы перешли к обсуждению различных аспектов искусства, текущей политики и расовых проблем.

Элизабет обладала живым умом и обширными, хотя и поверхностными познаниями. Особенно ее интересовала моя персона: образ жизни, привычки и пристрастия. Мне пришлось немало попотеть, изобретая более или менее правдоподобные ответы на ее бесчисленные вопросы. К тому же она была не прочь выпить. Все настойчивее она приглашала меня пообедать, несмотря на мои постоянные отказы.

Я попробовал объяснить ей, что у меня слабый желудок и поэтому предпочитаю есть в одиночестве, но она не унималась. По ее словам, в нашем отеле был прекрасный испанский ресторанчик. С каждым разом она становилась все настойчивее. Ее вопросы сводили меня с ума.

Где я родился?

Какой университет я окончил?

Есть ли у меня близкие родственники?

Был ли я когда-либо женат?

Чем я зарабатываю на жизнь?

Порой я начинал серьезно задумываться над тем, а не является ли Элизабет агентом наших потенциальных противников, специально приставленным шпионить за мной.

Ее любовные домогательства становились все более откровенными.

Кажется, она вполне искренне полагала, что мы должны обязательно спать вместе, если уж стали столь добрыми друзьями. Очевидно, по ее мнению, секс был столь же обычной нормой социальной жизни, как ежедневный прием пищи и обмен мнениями о погоде на завтра.

Ее туалеты становились все более откровенными, а поведение до неприличия вызывающим. Ее мини-юбки, и без того скандально короткие, превратились в чистую фикцию, а полный отказ от лифчика заставил бы покраснеть и прожженного циника.

— Почему ты отказываешься признаться, что влюблен в меня? — потребовала она однажды.

Было ясно, что мы приближались к кризису наших взаимоотношений. Я прекрасно понимал это, но не мог придумать ничего стоящего.

Между тем небывалая жара обрушилась на город. Мои нервы, впрочем, как и вся миссия, находились на грани срыва. Десятки раз я был готов сообщить в штаб-квартиру о своем преступном легкомыслии и подать прошение об отставке. Я подумывал даже о том, чтобы во всем сознаться Свенсону и смиренно просить его совета.

В этот вечер Элизабет задержалась у меня почти до часу ночи. Мне потребовалось немало труда, чтобы выставить ее за дверь. Час спустя у моей двери на полу оказался конверт с вложенным в него листком бумаги.

Новые стихи!

Любовная поэма, адресованная мне.

Дэвид, ты для меня дороже жизни.
В тебе вся Вселенная,
весь смысл моего существования.
Разреши мне доказать мою любовь.
Прими неизбежное. Оно прекрасно.
Я обожаю тебя.

Черт побери! Какого джинна я выпустил из бутылки!

103 градуса по Фаренгейту в тени!

Четвертый день подряд! Сущий ад!

В полдень встретил в лифте Свенсона и с трудом удержался от желания выложить ему все мои проблемы.

Мне следует быть более осторожным.

Мое ощущение самоконтроля притупляется с каждым днем.

Прошлой ночью, в самую духоту, я едва не поддался искушению сбросить свой маскарадный костюм. В таких условиях мне все труднее переносить повышенную гравитацию. Меня преследует опасение, что мое синтетическое тело может не выдержать. Сегодня я едва не упал на улице. Я был настолько неосторожен, что зашел в ближайший госпиталь и прошел рентгеноскопическое исследование.

И чего же я этим добился?

У вас очень странное строение скелета, мистер Кнехт. Вы должны немедленно обратиться к специалисту.

Только этого мне не хватало!

Я должен быть предельно осторожен...

Я должен...

Это произошло!!!

Одиннадцать лет честной службы пошли коту под хвост.

Я нарушил фундаментальное правило секретной службы.

Как такое могло случиться со мной! И кто поверит моим оправданиям?

Конечно, температура была слишком высокой. Три недели непрерывной, небывалой, рекордной для Нью-Йорка жары. Я едва не изжарился в своей искусственной оболочке. Прибавьте к этому пылкую страсть знойной Элизабет. Неудивительно, что я потерял всякий контроль над своими поступками.

Как-то около полуночи она поскреблась в мою дверь.

У меня не хватило физических сил преградить ей дорогу.

Оказавшись в комнате, она немедленно бросилась к моим ногам. На ней была только короткая прозрачная рубашонка, которая при этом движении, естественно, задралась выше талии, предоставив мне возможность без помех полюбоваться видом ее пышных форм.

— Я сгораю от любви,— прошептала она драматическим шепотом.— Не отвергай меня, Дэвид. Я не переживу этого.

Схватив меня за руки, она повлекла меня к кушетке. Мне стоило немалого труда освободиться из ее объятий. Отскочив в сторону, я с трудом перевел дыхание, а она так и осталась лежать, раскинув ноги и руки, жалкая и трогательная в своей наготе.

Ее маленькая грудь сотрясалась от рыданий.

— Но почему, Дэвид, почему? — всхлипывала она.— Как ты можешь быть таким бесчувственным? Ты человек или робот, наконец?

— Я покажу тебе, кто я такой! — взорвался я.— Смотри, только не пожалей потом об этом.

Так свершилось мое падение. Я рухнул в бездну. Скинул рубашку и брюки.

Она с надеждой наблюдала за мной.

Я нащупал секретные запоры на боках и спине. Жалкие остатки здравого смысла предупреждали меня не делать этого, но я уже не мог остановиться.

Сбросив на пол внешний каркас, я принял привычную для моего естества позу и обернулся к Элизабет.

— Что ж, теперь смотри. Это ты хотела увидеть? — спросил я горько.— Смотри и ужасайся.

Я не стану вам описывать, как выглядит краб. Большой разумный черный краб моего далекого отечества. Краб, он и в космосе краб. В любом случае, это зрелище не для землян.

— Дэвид Кнехт — всего лишь оболочка того создания, каким я являюсь на самом деле. Ты воспевала реальность. Что ты знаешь о ней? Может быть, ты еще хочешь поцеловать меня?

Выражение ее лица менялось с поразительной быстротой. Удивление... Страх... Недоверие... Наконец, любопытство.

— «Ничто человеческое мне не чуждо»,— с чувством процитировала она.— Ты на самом деле пришелец из далекой Галактики? Как интересно! Просто потрясающе! Кто бы мог подумать!

— Я нарушил фундаментальное правило,— сказал я,— и заслуживаю мучительной смерти в морозильной камере. Люди не должны видеть мой реальный облик. Если в результате случайности или аварии я не сумею сохранить в тайне свою истинную сущность, то обязан немедленно уничтожить себя. Таков закон. Взрывное устройство вмонтировано в мою грудь, и детонатор всегда у меня под рукой.

— Невероятно! Но тебе не испугать меня, Дэвид. Или я не должна больше называть тебя Дэвидом?

Теперь уже я почувствовал себя круглым дураком. Я ожидал всего, но только не любопытства.

— Разумеется, твой вид необычаен. Но какое это имеет значение? Личность превыше всего! Во всяком случае меня не испугает краб из далекой Галактики. В конце концов, и без секса можно неплохо прожить. Теперь я понимаю, что полюбила прежде всего твою душу. Одевайся, Дэвид. Я понимаю, что тебе немного не по себе в твоем нынешнем облике. Все-таки мы находимся на Земле, а у здешних девушек существуют свои понятия о том, как должен выглядеть их избранник.

Я неловко проковылял к бренным останкам Дэвида Кнехта и напялил их на себя. Элизабет выглядела вполне удовлетворенной.

— Так лучше...— Она критически обозрела меня.— Гораздо лучше. Ты можешь полностью положиться на меня, Дэвид. Конечно, я понимаю, что твое пребывание здесь совершенно незаконно. Возможно, ты шпион или, может быть, еще хуже. Мне наплевать. Я не признаюсь никому. Расскажи мне о себе. Видишь ли, встреча с тобой — величайшее событие в моей жизни. Только теперь я понимаю ее истинный смысл и свое собственное подлинное назначение. Любовь не спорт, не физическое наслаждение, а высшее слияние душ, пусть и принадлежащих разным Галактикам. В конце концов, меня никто не назовет расисткой...

Мне потребовалось несколько часов, чтобы избавиться от нее.

Излишне говорить, что все эти часы были заполнены одним патетическим монологом Элизабет. Она не останавливалась ни на секунду. Я помалкивал, даже не пытаясь вникнуть в смысл неиссякаемого потока слов. Но ее последние слова я запомнил на всю жизнь.

— Теперь поговорим о деле, Дэвид. Сейчас я пойду прогуляюсь, потом поднимусь в свою комнату, чтобы записать основные впечатления. Этой ночью я должна создать главное творение моей жизни. Но я вернусь к тебе, когда наступит рассвет. Ночь уже на исходе. Полагаю, ты будешь меня ждать и не попытаешься совершить какую-нибудь глупость. Ты не можешь представить, как я люблю тебя! Ты веришь мне, дорогой? До скорой встречи!

Это было что-то новое. Ее нежные слова, поцелуи, которыми она покрыла мое синтетическое тело, никого бы не оставили равнодушным.

Происходившее казалось мне сном, невероятным и в то же время удивительно приятным. Она знала, кто я, но это обстоятельство ничуть не мешало ей любить меня!

Самостоятельно я не мог разобраться в своих мыслях. И направился к Свенсону. Он не сразу ответил на мой стук, без сомнения, заканчивая передачу последнего донесения.

— Свенсон! — рявкнул я.— Свенсон! Черт вас возьми! — повторил я по-английски, добавив несколько выразительных слов на родном языке.

Он приоткрыл дверь и подозрительно уставился на меня.

— Все в порядке,— успокоил я его,— позвольте войти. Похоже, я влип в крупные неприятности.

— Откуда вы знаете, кто я такой? — спросил он, продолжая блокировать проход.

— Несколько недель назад я случайно проходил по коридору, когда горничная без стука ворвалась в вашу комнату.

— Вы должны отдавать себе отчет в том, что подобное поведение не укладывается ни в какие рамки.

— Чрезвычайные обстоятельства! — ответил я весомо.— Если вы так хорошо знаете инструкции, то должны быть информированы и об исключениях из правил.

Он неохотно отступил в сторону, давая мне пройти.

Я коротко изложил мою историю.

Его явно шокировало услышанное, но он не мог отказать в помощи соотечественнику, попавшему в беду.

— Что вы собираетесь предпринять? — кисло осведомился он.— Физическая расправа запрещена инструкциями.

— У меня и в мыслях нет ничего подобного. Я просто хочу освободиться от нее. Лучший способ — заставить полюбить другого человека.

— Безнадежно! Если ее не остановил даже ваш внешний вид...

— Обида! — отрубил я.— Если она увидит, что я изменяю ей с другой женщиной, ее любовь испарится, как лужа в солнечный день. А прочее, в принципе, и неважно. Согласитесь, что никто не поверит ее истории. В ФБР дамочку просто поднимут на смех. Но если мой план провалится, я конченый человек.

— У вас есть подходящая кандидатура?

— Вы! — напрямик брякнул я.— Пусть утром она застанет меня в постели с вами. Если даже это не поможет, то рассчитывать больше не на что.

Эффект превзошел мои ожидания.

Все прошло как по маслу. Разумеется, для этого нам пришлось на время избавиться от своих синтетических тел. Дверь я сознательно оставил незапертой.

Появление Элизабет разрушило инсценированную идиллию.

— Галактическая любовь может выглядеть несколько своеобразной для неискушенного глаза,— невозмутимо пояснил я.—

Извини, но я не ожидал тебя так скоро. Насколько продвинулась твоя поэма?

Взгляд ее глаз говорил сам за себя.

— Я не могу помешать тебе любить меня,— продолжал я,— но вполне естественно, что я предпочитаю особей своего собственного вида. Если хочешь, можешь присоединиться к нам.

— Как ты посмел притащить сюда эту шлюху после того, что произошло между нами?

— Успокойся, это никакая не шлюха. Представители моей расы отдают предпочтение однополой любви.

— Ты омерзителен, Дэвид.

Листки бумаги посыпались на пол из ее внезапно ослабевших рук.

— А я так старалась. Цикл сонетов, посвященных нашей с тобой встрече. Между нами все кончено! Прощай навсегда!

Она выбежала из комнаты, с шумом захлопнув дверь.

Вернулась она меньше чем через десять минут. Мы даже не успели закончить наш туалет и, лежа на кушетке, лениво обсуждали детали моего донесения в штаб-квартиру секретной службы. Я признавал свою вину, но продолжал надеяться, что мне будет дозволено сохранить пост на Земле. К своему удивлению, я почувствовал, что по-своему свыкся с этой негостеприимной планетой.

— Прошу меня простить,— заявила Элизабет.— Я вела себя как глупая провинциалка. Мы, художники, должны быть выше условностей жалкой мелкобуржуазной морали. Я способна разделить вашу любовь. Люби меня, люби Свенсона. Я не стану препятствовать вашим сексуальным взаимоотношениям. У нас есть и другие точки соприкосновения. Не правда ли, мой дорогой?

Мне оставалось только развести руками.

Мы со Свенсоном одновременно подали прошение о переводе. Он — в Африку, я — на родину. Ничего лучшего придумать мы так и не смогли.

Можно было только гадать, как скоро сработает огромная бюрократическая машина секретной службы. А до этого момента мы оставались в полной власти Элизабет. Свенсон пребывал

в ярости, но у него тоже не было выбора. Больше всего его злила необходимость постоянного общения с новой знакомой.

Что касается самой Элизабет, то она, напротив, окружила нас самым нежным вниманием. Похоже, она искренне верила в свое предназначение скрасить своей любовью наше прозябание в чужой стране.

Нам приходилось посещать театр, концерты, даже нудные вечеринки в Гринвич Виллидже.

— Это мои лучшие друзья,— неизменно представляла она нас обществу.

Нам приходилось безропотно сносить все ее фривольные намеки и откровенные колкости светских бездельников.

Свенсон скрежетал зубами, но не мог ничего поделать.

Ответ штаб-квартиры, по обыкновению, запаздывал.

Наступила осень. Элизабет и не думала скрывать своего глубокого удовлетворения новым положением.

— Я никогда еще не была так счастлива,— простодушно призналась она мне, обнимая правой рукой Свенсона, а левой меня.— Я никогда не расстанусь с вами. Для меня вы больше, чем родные братья. Страшно подумать, как плохо было бы вам без меня в этом чужом угрюмом городе. Иногда меня посещает мысль, что я вообще единственное человеческое создание в десятимиллионном Нью-Йорке. Вы разведчики. Ваши сородичи собираются вторгнуться на нашу планету. Как я жду этого момента! Мы установим на Земле царство вечной любви.

— Долго я этого не вынесу,— стонал Свенсон, когда мы оставались одни.

В конце октября он получил долгожданный ответ. Его внезапный отъезд более походил на бегство. Он не сказал мне «до свидания», не оставил адреса.

Где он сейчас? Найроби? Аддис-Абеба? Киншаса?

Что до меня, то я полностью покорился своей судьбе. Отныне все внимание Элизабет было полностью сконцентрировано на мне. У меня не оставалось времени даже для регулярных сеансов радиосвязи. Я жил под угрозой постоянного разоблачения. Скрытность отнюдь не являлась главным достоинством Элизабет.

Я мечтал о свободе. Уже и призрак неизбежного наказания на родной планете не казался мне столь ужасным.

Ответ пришел только 13 ноября.

Мое прошение было категорически отвергнуто. Мне было предписано оставаться на Земле и добросовестно выполнять свое задание.

Я едва не заболел от отчаяния.

— Почему ты сегодня так печален? — ласково поинтересовалась Элизабет.— Что тебе еще надо? Разве я не нахожусь постоянно с тобой?

Право, я был готов ее убить в эту минуту.

— Открой мне свою душу, Дэвид. Сбрось еще раз свою искусственную оболочку.

Пришлось повиноваться.

— Могу я поцеловать тебя? — продолжала она.

Самое удивительное заключалось в том, что этот поцелуй доставил мне настоящее удовольствие.

Если бы Свенсон был рядом со мной! Я так нуждался в его совете, особенно теперь.

Совершенно очевидно, что мне придется сделать выбор между Элизабет и моей горячо любимой отчизной.

Я не могу больше работать.

Приходится снова обратиться с просьбой о немедленном переводе. Прошение снова отвергнуто.

Первый снег в этом году.

— Когда я застала тебя со Свенсоном,— призналась как-то она,— то испытала шок. Я испугалась, что отныне в твоей жизни не будет места для меня. Как я счастлива, что ошиблась.

Хотите верьте, хотите нет, но на ее глаза навернулись слезы радости.

Теперь мое положение изменилось. Мне не нужно ежедневно напяливать свое искусственное тело.

Вчера Элизабет заговорила со мной о возможной поездке на Багамы. В наше полное распоряжение предоставлялся большой комфортабельный коттедж ее старых друзей.

Как жаль, что я не имею права покинуть свой пост без особого разрешения. А для его получения может потребоваться несколько месяцев.

Пора признаться: я люблю Элизабет.

Первое января. Начало нового года. Я подал прошение об отставке. Черт с ним, с нашим благословенным отечеством. Обойдется и без меня. Последняя связь с домом порвана.

Завтра утром, едва откроются городские учреждения, я собираюсь подать заявление о регистрации брака с Элизабет.

Добрые вести из Ватикана

Этого утра, когда робот-кардинал наконец будет избран Папой, ждали все. Сомнений в исходе выборов не оставалось. Конклав очень долго колебался между яростными сторонниками кардинала Асквиги из Милана и кардинала Карпиофо из Генуи, и вот теперь дело, похоже, сдвинулось — нашли компромиссное решение. Все фракции согласились избрать робота. Сегодня утром я прочел в «Оссерваторе Романо», что даже ватиканский компьютер привлекли к обсуждению и он убедительно рекомендовал именно его кандидатуру. Полагаю, не следует удивляться приверженности машин друг другу. И не стоит огорчаться. Совсем не стоит.

— Каждая эпоха имеет того Папу, которого заслуживает,— несколько мрачно заметил сегодня за завтраком епископ Фитцпатрик.— И для наших времен робот, конечно, самый подходящий Папа. В какую-нибудь из грядущих эпох, возможно, Папой станет кит, автомобиль, кот или горный утес.

Ростом епископ Фитцпатрик более двух метров. Его лицо неизменно сохраняет скорбное выражение, отчего трудно определить, отражают ли его реплики экзистенциалистскую безысходность или безмятежное благорасположение. Много лет назад он был баскетбольной звездой и участвовал в соревнованиях на приз Святого Креста. В Рим его привела работа над жизнеописанием святого Марцелла Праведника.

За разворачивающейся драмой папских выборов мы наблюдали, сидя за столиком уличного кафе в нескольких кварталах от площади Святого Петра. Для всех нас выборы оказались сюрпри-

© Перевод А. Корженевского.

зом в добавление к программе римских каникул: ведь предыдущий Папа пребывал в добром здравии, и никому не приходило в голову, что его преемника придется избирать уже этим летом.

Каждое утро мы приезжаем на такси из отеля, что поблизости от виа Венето, и занимаем места за «нашим» столиком. Отсюда хорошо виден дымоход Ватикана, из которого поднимается дым сжигаемых бюллетеней — черный, если Папа все еще не избран, или белый, если заседание конклава завершилось успешно. Луиджи, хозяин кафе и старший официант, уже зная наши вкусы, сам приносит напитки: белое вино для епископа Фитцпатрика, кампари с содовой для раввина Мюллера, кофе по-турецки для мисс Харшоу, лимонный сок для Кеннета и Беверли и перно со льдом для меня. Расплачиваемся мы по кругу, хотя Кеннет с начала нашего дежурства еще не платил ни разу. Вот и вчера, когда пришла очередь мисс Харшоу, она выложила из сумочки все содержимое, и оказалось, что не хватает 350 лир; остались лишь стодолларовые туристские чеки. Все выразительно посмотрели на Кеннета, но тот продолжал невозмутимо потягивать свой сок. Тогда раввин Мюллер достал из кармана тяжелую серебряную монету в 500 лир и раздраженно хлопнул ею по столу. Все знают, раввин весьма вспыльчив и горяч. Ему 28 лет, носит он модную клетчатую сутану и зеркальные очки и постоянно хвастает, что до сих пор не проводил традиционный обряд взросления для своих прихожан в округе Викомико, штат Мэриленд. Он считает обряд вульгарным и устаревшим, а тех, кто настаивает на его проведении, неизменно отсылает в организацию странствующих священников, которая занимается подобными вещами на комиссионных началах. Кроме того, раввин Мюллер большой авторитет по части ангелов.

Наша компания отнюдь не единодушна в отношении кандидатуры робота на пост Папы. Епископ Фитцпатрик, раввин Мюллер и я — за избрание, мисс Харшоу, Кеннет и Беверли — против. Любопытно, что оба служителя церкви, и преклонных лет и молодой человек, поддерживают этот отход от традиций, тогда как трое других, которые, казалось бы, придерживаются современных взглядов, наоборот, не одобряют.

Сам я не знаю, почему присоединился к сторонникам прогресса. Лет мне уже немало, и я веду довольно спокойный образ жизни. Деяния римской церкви тоже меня никогда особенно

не волновали. Я не знаком с догмами католицизма и не слежу за новыми течениями церковной мысли. Тем не менее я надеялся на избрание робота с самого начала конклава.

Почему бы это? Потому ли, что образ создания из металла на троне святого Петра будоражит воображение, вызывая щекотливое чувство несообразности? И вообще, имеет ли моя склонность эстетические основания? Не производная ли это от собственного малодушия? Может, я втайне надеюсь, что тем самым мы откупимся от роботов? Может, я говорю себе: «Дадим им папство, и на какое-то время они уймутся»? Впрочем, нет, я не могу столь недостойно думать о себе. Возможно, я за робота просто потому, что наделен обостренным чувством общественной необходимости.

— В случае избрания,— говорит раввин Мюллер,— он планирует немедленно достигнуть соглашения с далай-ламой о разделе компьютерного времени и совместном подключении к главному программисту греческой ортодоксальной церкви. Это для начала. Мне говорили, что он также намерен установить дружеские отношения с раввинатом, а это уже, без сомнения, то, чего все мы будем ждать с особым интересом.

— Я не сомневаюсь, что в ритуалах и практической деятельности иерархии будет много изменений,— заявляет епископ Фитцпатрик.— Например, когда ватиканский компьютер станет играть более важную роль в делах курии, можно ожидать, что повысится точность информации. Если позволите, я проиллюстрирую...

— В высшей степени отвратительная идея,— перебивает его Кеннет, кричаще одетый молодой человек со светлой шевелюрой и воспаленными глазами.

Беверли доводится ему то ли женой, то ли сестрой. Большей частью она молчит. Кеннет шутовски крестится и бормочет:

— Во имя отца, и сына, и святого автомата...

Мисс Харшоу хихикает, но, встретив мой осуждающий взгляд, тут же замолкает.

Немного обиженно, но делая вид, будто не заметил, что его перебили, епископ Фитцпатрик продолжает:

— Если позволите, я проиллюстрирую вышесказанное недавними данными. Вчера около полудня в газете «Огги» я прочел, что, по словам представителя католической миссии в Югославии, за последние пять лет число прихожан выросло там с де-

вятнадцати миллионов трехсот восьмидесяти одной тысячи четыреста трех до двадцати трех миллионов пятьсот одной тысячи шестидесяти двух человек. Но по результатам государственной переписи, проведенной в прошлом году, общая численность населения этой страны составляет двадцать три миллиона пятьсот семьдесят пять тысяч сто девяносто четыре человека. Всего семьдесят четыре тысячи сто тридцать два человека остается на все другие религиозные и атеистические организации. Зная о большом числе мусульман в этой стране, я заподозрил неточность в опубликованных данных и обратился к компьютеру в соборе Святого Петра, который сообщил,— епископ достает длинную распечатку и раскладывает ее почти через весь стол,— что при последнем подсчете верующих в Югославии, проведенном полтора года назад, численность наших рядов составила четырнадцать миллионов двести шесть тысяч сто девяносто восемь человек. Следовательно, была сделана приписка в девять миллионов двести девяносто четыре тысячи восемьсот шестьдесят четыре человека. Что просто немыслимо. И преступно. Более того — греховно.

— Как он выглядит? — спрашивает мисс Харшоу.— Кто-нибудь представляет?

— Как и все остальные,— говорит Кеннет.— Блестящий металлический ящик с колесами внизу и глазами наверху.

— Вы же его не видели,— вмешивается епископ Фитцпатрик.— Не думаю, что вы вправе...

— Все они одинаковы,— перебивает Кеннет.— Достаточно увидеть одного, чтобы судить обо всех. Блестящие ящики. Колеса. Глаза. И голос, доносящийся из живота, словно механическая отрыжка. А внутри одни колесики да шестеренки.— Кеннет поежился.— Я не могу этого принять! Давайте лучше еще выпьем.

— Если это вас интересует, то я видел его собственными глазами,— вступает в разговор раввин Мюллер.

— В самом деле?! — восклицает Беверли.

Кеннет сердито смотрит на нее. Подходит Луиджи с подносом напитков для всех, и я даю ему банкноту в 5000 лир. Раввин Мюллер снимает очки и дышит на сияющие зеркальные стекла. Глаза у него маленькие, водянистые и сильно косят.

— Кардинал,— говорит он,— был основным докладчиком на проходившем прошлой осенью в Бейруте всемирном конгрес-

се. Его доклад назывался «Кибернетический экуменизм для современного человека». Я присутствовал там и могу сказать, что его преосвященство высок, отличается изысканными манерами, обладает приятным голосом и мягкой улыбкой. В его поведении присутствует какая-то глубокая меланхоличность, чем он немного напоминает нашего друга епископа. Он отличается изяществом движений и остротой ума.

— Но ведь он на колесах? — настаивает Кеннет.

— На гусеницах,— отвечает раввин Мюллер, испепеляя Кеннета взглядом, и снова надевает очки.— Гусеницы, как у трактора. Но я не думаю, что в духовном отношении гусеницы чем-то ниже ног или, если уж на то пошло, колес. Будь я католиком, был бы только горд, имея Папой такого человека!

— Не человека,— вставляет мисс Харшоу, и в голосе ее, когда она обращается к раввину Мюллеру, появляются насмешливые нотки.— Робота. Вы забыли, что он не человек?

— Хорошо, я был бы горд иметь Папой такого робота,— говорит раввин Мюллер, пожимая плечами, и поднимает свой бокал.— За нового Папу!

— За нового Папу! — восклицает епископ Фитцпатрик.

Из кафе выскакивает Луиджи, но Кеннет жестом отсылает его обратно.

— Подождите,— говорит он.— Выборы еще не закончились. Откуда такая уверенность?

— В утреннем выпуске «Оссерваторе Романе»,— говорю я,— сообщается, что все будет решено сегодня. Кардинал Карпиофо согласился снять свою кандидатуру и голосовать за кардинала-робота в обмен на более значительную долю компьютерного времени по новому расписанию, которое должно быть введено на заседании консистории в будущем году.

— Короче, сторговались,— комментирует Кеннет.

Епископ Фитцпатрик печально качает головой.

— Твои слова слишком категоричны, сын мой. Уже три недели мы живем без святого отца. Он должен быть у нас — такова воля божья, и действия конклава, не способного выбрать между кандидатурами кардинала Карпиофо и кардинала Асквиги, противоречат ей. Следовательно, раз возникла такая необходимость, должно действовать согласно реалиям сегодняшнего дня, с тем чтобы воля божья более не оставалась неисполненной. Затянув-

шиеся политические интриги конклава просто греховны. И кардинал Карциофо поступился своими личными амбициями отнюдь не с целью собственной выгоды, как ты пытаешься это представить.

Кеннет продолжает нападать на бедного кардинала Карциофо. Беверли время от времени аплодирует его резким выпадам. Мисс Харшоу несколько раз заявляет о своем нежелании оставаться в лоне церкви, которую возглавит машина. Мне этот спор неприятен, и я поворачиваю свое кресло так, чтобы лучше видеть Ватикан.

В эту минуту кардиналы заседают в Сикстинской капелле. Как бы я хотел оказаться сейчас там! Какие чудесные таинства совершаются в полумраке этого великолепного зала! Каждый из князей церкви сидит на маленьком троне под лиловым балдахином. На столах перед ними мерцают толстые восковые свечи. Через огромный зал церемониймейстеры торжественно несут серебряные чаши, в которых находятся чистые бюллетени. Чаши водружают на стол перед алтарем, и один за другим кардиналы подходят к столу, берут бюллетени и возвращаются на свои места. Теперь они начинают писать: «Я, кардинал ....., избираю в Высший понтификат высокочтимого кардинала .....». Чье имя они вписывают? Карциофо? Асквиги? Или какого-нибудь никому неведомого высохшего прелата из Мадрида или Гейдельберга, которого в отчаянии предложила антироботная фракция? Или они вписывают его имя? Громко скрипят и царапают перья в часовне. Кардиналы заполняют бюллетени, скрепляют подписью, складывают, перегибая снова и снова, и опускают в большой золотой потир. Так они делали каждое утро и каждый полдень много дней подряд, но пока безуспешно.

— Дня два назад я прочла в «Геральд трибюн»,— говорит мисс Харшоу,— что в аэропорту Де-Мойна ожидают новостей о выборах двести пятьдесят молодых роботов-католиков из Айовы. У них наготове заказанный самолет. Если их кандидат побеждает, они собираются просить у его святейшества первую публичную аудиенцию.

— Без сомнения,— соглашается епископ Фитцпатрик,— эти выборы приведут в лоно церкви великое множество людей синтетического происхождения.

— И отвратят множество людей из плоти и крови! — пронзительно восклицает мисс Харшоу.

— Я в этом не уверен,— говорит епископ Фитцпатрик.— Безусловно, кое-кто из нас поначалу будет испытывать некоторую растерянность, боль потери. Но это пройдет. Присущие новому Папе добродетели, о чем свидетельствовал и раввин Мюллер, возьмут свое. Я верю также, что повсеместно резко возрастет интерес к церкви у технически ориентированной молодежи. Весь мир получит мощный религиозный импульс.

— И вы можете себе представить, как двести пятьдесят роботов с лязганьем вваливаются в собор Святого Петра? — стоит на своем мисс Харшоу.

Я разглядываю далекий Ватикан. Утреннее солнце сияет и слепит, но собравшиеся кардиналы, толстыми стенами отгороженные от мира, не могут насладиться его веселым блеском. Сейчас они все уже проголосовали. Вот поднимаются трое из них, избранные сегодня утром для подсчета голосов. Один поднимает потир и встряхивает, перемешивая бюллетени, потом ставит его на стол перед алтарем. Второй достает бюллетени и пересчитывает, подтверждая, что число их соответствует числу присутствующих кардиналов. Теперь бюллетени перекладывают на дароносицу, используемую во время мессы для освященного хлеба. Первый кардинал достает бюллетень, разворачивает и читает, потом передает второму, который тоже читает, и наконец бюллетень попадает в руки к третьему, который зачитывает имя вслух. Аквига? Карциофо? Кто-то еще? Он?!

Раввин Мюллер разглагольствует об ангелах:

— ...Есть еще ангелы престола. Их семьдесят, и все они отличаются главным образом своей стойкостью. Например, Орифиель, Офаниель, Забкиель, Иофиель, Амбриель, Тихагар, Бараель, Келамия, Пасхар, Боель и Раум. Правда, не все они сейчас на небесах: некоторые причислены к падшим ангелам и находятся в аду...

— За стойкость, видимо,— замечает Кеннет.

Наверняка они уже закончили подсчет бюллетеней. Огромная толпа собралась на площади Святого Петра. Солнце отражается в сотнях, если не в тысячах стальных черепов. Видимо, это самый необыкновенный день для роботов — жителей Рима. Но все же большинство на площади — создания из плоти и крови: старые женщины в черном, долговязые молодые воры-карманники, мальчишки с собаками, упитанные продавцы сосисок, поэты, философы, генералы, законодатели, туристы, рыбаки. Как

прошел подсчет? Скоро узнаем. Если ни один из кандидатов не набрал большинства голосов, то, прежде чем бросить бюллетени в камин, они смешают их с мокрой соломой, и из дымохода появится черный дым. Если же Папа избран, солома будет сухой и пойдет белый дым.

Вся эта процедура созвучна моей душе. Она мне импонирует. Подобное удовлетворение я получаю от всякого совершенного творения искусства — будь то аккорды из «Тристана» или зубы лягушки в «Искушении святого Антония» Босха. С трепетом я жду исхода. Я уверен в результате и уже чувствую, как неодолимое чувство восторга просыпается во мне. Но одновременно я еще испытываю и какое-то ностальгическое чувство по тем временам, когда Папа был из плоти и крови. В завтрашних газетах не будет интервью с престарелой матерью его святейшества, живущей на Сицилии, или с его тщеславным младшим братом из Сан-Франциско. И повторится ли когда-нибудь еще эта великолепная церемония избрания? Понадобится ли когда-нибудь другой Папа? Ведь того, которого мы скоро получим, в случае чего легко будет отремонтировать.

О! Белый дым! Настал момент откровения!

На балконе, что на фасаде собора Святого Петра, появляется какой-то человек. Он расстилает золототканую дорожку и исчезает. Она ослепительно сияет, напоминая мне лунную дорожку, застывшую в холодном поцелуе с морем в Кастелламаре. Или полуденное сияние, отражающееся в карибских водах у берегов Земли Святого Иоанна. На балконе появляется второй человек в одеждах из алой ткани и горностая.

— Кардинал-архидиакон,— шепчет епископ Фитцпатрик.

Кто-то падает в обморок. Рядом со мной стоит Луиджи и слушает репортаж о происходящем по крохотному радиоприемнику.

— Все было подстроено заранее,— говорит Кеннет.

Раввин Мюллер шикает на него. Мисс Харшоу начинает всхлипывать. Беверли, непрерывно крестясь, тихо клянется в верности церкви. Великолепное мгновение. Думаю, это поистине самое впечатляющее и соответствующее времени событие, которое мне довелось пережить.

Усиленный динамиками голос кардинала-архидиакона провозглашает:

— Я объявляю вам великую радость. У нас есть Папа!

По мере того как кардинал-архидиакон сообщает миру, что вновь избранный Папа является именно тем кардиналом, той благородной и выдающейся личностью, чьего восхождения на святейший престол мы ждали так долго и с таким напряжением, на площади поднимается и растет ликование.

— Он,— продолжает кардинал-архидиакон,— принял имя...

Конец фразы заглушает восторженный гул толпы, и я поворачиваюсь к Луиджи.

— Кто? Какое имя?

— Систо Сеттимо,— отвечает Луиджи.

Да, вот он, Папа Шестьдесят Седьмой, как мы должны его теперь называть. На балконе появляется небольшая фигурка в золотом одеянии и протягивает руки к собравшимся. Да! Солнце блестит на щеках Папы, на его высоком лбу — и это блеск полированной стали! Луиджи уже на коленях. Я опускаюсь рядом с ним. Мисс Харшоу, Беверли, Кеннет, даже раввин — все становятся на колени, ибо несомненно произошло чудесное событие. Папа подходит к перилам. Сейчас он произнесет традиционное апостольское благословение городу и миру.

— Во имя Господа, который сотворил небеса и землю, труды наши,— произносит он строго и включает реактивные левитаторы под мышками.

Даже с такого расстояния я замечаю два маленьких облачка дыма. Снова белый дым! Папа начинает подниматься в воздух.

— Да благословят вас всемогущий Господь, Отец, Сын и Святой Дух! — провозглашает Папа.

Величественны раскаты его голоса. Тень Папы уже падает на площадь. Он поднимается выше и выше, пока совсем не исчезает из виду. Кеннет толкает в бок Луиджи.

— Всем повторить то же самое,— говорит он и сует в пухлую руку хозяина кафе крупную купюру.

Епископ Фитцпатрик плачет. Раввин Мюллер обнимает мисс Харшоу. Я думаю, новый первосвященник начал свое правление на редкость удачно.

В когтях энтропии

Из туманного золотистого облака громкоговорителей, парящих в воздухе под потолком каюты космического лайнера, доносится потрескивание эфирных помех. Шипение — открываются коммуникационные фильтры. Сообщение с мостика, без сомнения. Потом вкрадчивый механический голос капитана:

— Мы приближаемся к Панамскому каналу. Всем пассажирам оставаться в капсулах до сигнала отбоя, который последует после входа в канал. Выйдя на дальней стороне, мы полетим на скорости восемьдесят световых лет к системе Персея. Спасибо за внимание.

В каюте Джона Скейна вспыхивает сигнальный шар, заливая ее красным, желтым, зеленым светом не только в видимом спектре, но и в инфракрасном и ультрафиолетовом. Не все, купившие билет на этот лайнер, обладают человеческой восприимчивостью. Сигнал не погаснет, пока Скейн не окажется в безопасности своей капсулы. «Ну же! — как бы говорит ему сигнал.— Давай. Полезай. Панамский канал совсем рядом».

Он послушно поднимается и пересекает узкую каюту, направляясь к конусообразному непрозрачному контейнеру в два с половиной метра высотой, защищающему от пространственных перегрузок при входе в канал. Скейн — высокий угловатый человек с тонкими губами, сильной челюстью, смуглой кожей и черными волосами, плотно прилегающими к черепу с высоким сводом. Глаза выдают в нем человека, на долю которого выпало немало бед. Это пятнадцатый год его «второй жизни». Он в одиночестве летит к одному из миров системы Аббонданцы. Возможно, это последний этап путешествия длиной в несколько лет.

© Перевод Б. Жужунавы.

Люк пассажирской капсулы открывается на своих покрытых родием шарнирах, когда сенсоры, уловив массу и тепловое излучение Скейна, сообщают о его приближении. Он залезает внутрь. Капсула герметически закрывается, окутав его однородным магнитным полем.

— Пожалуйста, сядьте,— негромко говорит капсула.— Проденьте руки в стопорные петли, ноги поместите под пластины безопасности. Как только вы сделаете это, автоматически активируются прессорные поля, защищающие от любого повреждения на протяжении всего периода турбулентности.

Скейн, не единожды совершавший путешествия со сверхсветовой скоростью, проделывает все это, не дожидаясь инструкций.

— Хотите послушать музыку? — спрашивает капсула.— Почитать книгу? Посмотреть фильм? Побеседовать?

— Ничего не надо, спасибо,— отвечает Скейн и погружается в ожидание.

Он очень хорошо знает, что такое ожидание. Когда-то он был нетерпелив, но пережитые трудности научили его стоически принимать все происходящее. С благодушием Будды он будет сидеть здесь, пока корабль проходит через канал. Молчаливый, одинокий, самодостаточный. Только бы на этот раз обошлось без «фуг», как он их называет. Или, по крайней мере, пытается он договориться со своими демонами, хотя бы без бросков вперед. Если ему суждено снова выпасть из матрицы времени, пусть его закинет в один из вчерашних дней, а не в будущее.

— Мы почти в канале,— любезно сообщает капсула.

— Все в порядке. Нет необходимости присматривать за мной. Просто сообщи, когда можно будет выйти.

Он закрывает глаза и пытается представить себе корабль: хрупкая мерцающая пурпурная игла, пронизывающая тьму на пути к небесному водовороту, вихрю сталкивающихся друг с другом сил, облаку контравариантных тензоров. Панамский канал, так это называется. Промчавшись через него, лайнер приобретет во время перехода такую энергию, что сможет вырваться из обычного четырехмерного пространства: на дальней стороне канала он войдет в странно спокойную зону вселенной, где скорость света является нижним пределом скорости, а каков верхний, не знает никто.

В коридоре звучит сигнал тревоги, низкий лязгающий звук: они в зоне турбулентности канала. Кожа натягивается. Интересно, что творится снаружи? Складки мерцающего черного бархата, обломки разрушенного континуума сворачиваются вокруг корабля? Гигантские молнии бьют по корпусу? Смеющиеся кентавры рассыпают искры в изогнутых небесах? Унылые маски, застывшие в трагической гримасе, покачиваются среди размазанных по небосводу звезд? Мазки оранжевого, зеленого, малинового, изломанные, кривые радуги?

Мы внутри. Лязгающие звуки не смолкают. Начинается следующая фаза путешествия. Скейн сосредоточивается на месте своего назначения, жестко удерживая его образ в сознании. Картинка четкая и живая, хотя он посещал этот мир лишь в своих временных фугах. Слишком часто. Он попадал туда снова, снова и снова в моменты дезориентации во времени. Цвета в этом мире «неправильные»: песок фиолетовый, деревья с голубыми листьями. Слишком много марганца? Слишком мало меди? Он простит миру «неправильные» цвета, если тот дарует ему ответы. И вдруг...

Скейн чувствует в основании шеи знакомую мерзкую пульсацию, кончик позвоночника разбухает, точно воздушный шар. Он бормочет проклятия. Пытается сопротивляться. Как он и опасался, даже капсула не может защитить от этих бросков. За пределами корабля вселенная разваливается на части: отчасти турбулентность проскальзывает сюда и воздействует на Скейна. Для него пространство-время разрушается. Он уходит в фугу. Он цепляется за настоящее, сражается, как может, хоть и понимает, что все тщетно. Течения времени швыряют его, отбрасывают недалеко в будущее, потом на то же расстояние в прошлое, качают, как пузырек в слизи от насекомого, прилипшей к сухому тростнику. Больше он не в силах сопротивляться. Только не вперед, молит он, сам не понимая, к кому обращена его мольба. Только не вперед. Он перестает цепляться за настоящее. И разваливается на части, которые разлетаются по времени.

Конечно, если событие X происходит раньше события Y, то оно всегда стоит раньше Y, и ничто не может изменить этого. Однако специфическая позиция «сейчас» может быть легко выра-

жена просто потому, что наш язык имеет грамматические времена. Будущее будет, настоящее есть, прошлое было; свет будет красным, сейчас он желтый, а был зеленым. Но описываем ли мы на самом деле в этих выражениях время как процесс? Иногда мы говорим про какое-то событие в будущем времени, затем — что оно настоящее, а в конце концов — что оно прошло. Таким способом мы как бы пренебрегаем грамматическими временами, но все же описываем течение времени. На самом деле это не так, поскольку мы лишь переводим наши грамматические времена в слова «затем» и «в конце концов», причем именно в указанном порядке. Если бы мы опустили эти слова или их эквиваленты и поменяли местами предложения, наши заявления лишились бы смысла. Говорить, что вот это будущее, а это настоящее и прошлое, в некотором смысле означает увиливать от проблемы времени, прибегая к лишенному грамматических времен языку логики и математики. В таком безвременном языке можно сказать, что Сократ смертен, потому что все люди смертны, а Сократ человек, хотя он уже много столетий мертв. Но если мы не можем описать время средствами языка — ни с грамматическими временами, ни без оных, — как нам выразить его?

Он ощущает странное раздвоение, как будто уже был здесь прежде и знает, что это бросок в прошлое. Хоть какое-то утешение. Он зритель, смотрящий глазами Джона Скейна на событие, которое уже переживал и сейчас не властен изменить.

Вот его роскошный офис. Прозрачный купол на верху башни Кеньятта. Благодаря усилителям оттуда видно с одной стороны до самого Серенгети, с другой — до Момбасы. Можно даже сосчитать мух, облепивших слона в парке Тсаво. Стена света на юго-восточной стороне купола, где сосредоточены устройства доступа к данным. Никто не может смотреть на эту стену больше тридцати секунд — слишком много информации, она затопляет. Никто, кроме Скейна; он, напротив, получает от этого поддержку, час за часом.

Проскользнув в душу этого прошлого Скейна, он испытывает мгновенное чувство радости от лицезрения своего офиса — такое чувство мог бы испытать Эней при виде целой и невредимой Трои или Адам, сумевший снова заглянуть в Эдем. Как там хорошо! К его услугам красивый широкий письменный стол с

искусно сделанными рабочими компонентами; мягкий психочувствительный ковер, удобный и красивый; сотканная из волнообразно движущихся лент скульптура, выскальзывающая из оболочки купола и исчезающая в ней, под влиянием молекулярного замещения каждый раз демонстрируя новый, никогда не повторяющийся узор. Это офис богатого человека; в своем стремлении к красоте Скейн не знал меры. Он заработал право на роскошь умелым использованием своих врожденных способностей. Возвратившись сейчас к тому утраченному куполу чудес, он испытывал удовлетворение и понимал, что скоро для него будет еще раз разыграна одна из самых мрачных сцен его жизни. Но какая именно?

— Пригласите Костакиса,— слышит он собственный голос, и эти слова подсказывают ему ответ.

Понятно. Он снова станет свидетелем собственного краха. Конечно, никакой особой необходимости в повторении именно этой сцены нет. Он переживал ее по меньшей мере семь раз; точнее, он потерял счет. Бесконечная спираль боли.

Костакис — лысый, голубоглазый и остроносый. У него отчаянный вид человека, близкого к концу своей первой жизни и не уверенного, что ему будет дарована вторая. Скейн полагает, что ему около семидесяти. Малоприятная личность: одевается просто и безвкусно, передвигается агрессивными быстрыми шажками и каждым жестом, каждым взглядом демонстрирует, что завидует богатству, которым Скейн окружил себя. Впрочем, Скейн не чувствует необходимости любить своих клиентов. Только уважать. А Костакис, безусловно, человек яркий, он вызывает уважение.

— Я и мои сотрудники ознакомились с вашим проектом во всех деталях. Чрезвычайно изобретательная разработка.

— Вы мне поможете?

— Я вижу тут определенный риск,— замечает Скейн.— У Нисенсона очень мощное эго. У вас тоже. Я могу пострадать. Сама концепция синергии[1] содержит в себе риск для коммуникатора. Что не может не учитываться при определении гонорара.

— Никто и не рассчитывает найти дешевого коммуникатора,— бормочет Костакис.

---

[1] Синергия — совместное действие в результате соединения отдельных частей системы в единое целое.

— Я уж точно не дешевый. Но вы, по-моему, можете себе это позволить. Вопрос в том, могу ли я себе это позволить.

— Вы говорите загадками, мистер Скейн. Как все оракулы.

Скейн улыбается.

— К сожалению, я не оракул. Просто канал, через который осуществляется связь. Я не могу предвидеть будущее.

— Вы можете оценить вероятности.

— Только относительно собственного благополучия. И моя оценка может оказаться неточной.

Костакис ерзает.

— Так вы поможете мне или нет?

— Мой гонорар,— говорит Скейн,— составит полмиллиона долларов наличными плюс доля в пятнадцать процентов в корпорации, которую вы учредите с помощью обеспеченного мной контакта.

Костакис покусывает нижнюю губу.

— Так много?

— Не забывайте, я должен разделить гонорар с Нюссенсоном. Такие консультанты, как он, тоже недешевы.

— Пусть так. Десять процентов.

— Прошу прощения, мистер Костакис. Я полагал, что в этом деле мы уже миновали момент обсуждения условий. Мне предстоит нелегкий день, поэтому...

Скейн проводит рукой над черным прямоугольником на письменном столе, и бесшумно открывается секция пола, под которой уходит вниз шахта лифта. Он кивком указывает на нее. Цвета ковра отражают чувства, обуревающие Костакиса: черный означает гнев, зеленый — жадность, красный — тревогу, желтый — страх, голубой — соблазн. Все смешалось в сложный узор вычислений, которые он сейчас лихорадочно производит в уме. Костакис уступит, это ясно. Тем не менее Скейн не сворачивает с выбранного курса, он делает жест в сторону выхода и предлагает Костакису уйти.

— Хорошо,— выпаливает тот,— пятнадцать процентов!

Скейн дает столу указание подготовить контрактный куб.

— Пожалуйста, положите руку вот сюда,— говорит он.

Костакис прикасается к одной грани куба, Скейн к противоположной. Гладкая кристальная поверхность куба темнеет и де-

лается шероховатой по мере того, как два сенсорных потока бомбардируют ее.

— Повторяйте за мной. Я, Николас Костакис, чей отпечаток руки и резонансный узор зафиксированы в этом контракте, заявляю...

— Я, Николас Костакис, чей отпечаток руки и резонансный узор зафиксированы в этом контракте, заявляю...

— ...что сознательно и по доброй воле передаю «Джон Скейн энтерпрайзес» в качестве оплаты за оказанные мне профессиональные услуги право акционерного участия в «Костакис транспорт лимитед» или любой компании-правопреемнике в размере...

— ...что сознательно и по доброй воле передаю...

Они монотонно бубнят по очереди, отчуждая часть компании Костакиса. Отныне она безвозвратно принадлежит Скейну. Потом Скейн регистрирует контрактный куб и говорит:

— Звоните в свой банк и распорядитесь перевести мне наличные деньги. После этого я свяжусь с Ниссенсоном, и мы сможем начать.

— Полмиллиона?

— Полмиллиона.

— Вы же знаете, что у меня таких денег нет.

— Давайте не будем тратить время впустую, мистер Костакис. У вас есть имущество, которое, конечно, примут в качестве обеспечения. Возьмите деньги под его залог. Для вас это не составит труда.

Костакис с хмурым видом делает запрос о выдаче ссуды, получает ее и переводит деньги на счет Скейна. Весь процесс занимает восемь минут; Скейн использует это время, чтобы еще раз ознакомиться с профильным срезом эго Костакиса. Скейну неприятно оказывать столь сильное экономическое давление, однако услуги, которые он предоставляет, подвергают его опасности, и необходимо уменьшить риски высокими гарантийными обязательствами — на случай, если в результате несчастного случая он окажется не у дел.

— Теперь можно приступать,— говорит он, когда перевод денег завершается.

Костакис изобрел систему почти мгновенной транспортировки материи. К несчастью, она не может быть применена к живым существам, поскольку процесс сводится к уничтожению

исходного материального объекта с одновременной реконструкцией его где-то в другом месте. Такая хрупкая субстанция, как душа, не в состоянии выдержать пагубного воздействия электронного луча трансмиттера Костакиса. Но для грузовых перевозок его изобретение имело небывалый потенциал. Трансмиттер Костакиса мог доставлять капусту на Марс, компьютеры на Плутон, а при наличии разработанной системы связи он достиг бы даже населенных планет за пределами Солнечной системы.

Однако Костакис еще не довел до ума свою систему, хоть и бился над ней на протяжении пяти лет. Ему мешала одна непреодолимая проблема: как сделать, чтобы на пути от трансмиттера к получателю луч сохранял цельность. В экспериментах луч «размазывался», что неизменно приводило к хаосу: часть информации рассеивалась, терялась, и пересылаемый объект прибывал к месту назначения в неполном виде. В безуспешных поисках решения Костакис истощил свои ресурсы и был вынужден совершить отчаянный, требующий серьезных денег шаг — обратиться за помощью к коммуникатору.

Скейн должен был установить контакт между Костакисом и человеком, способным решить его проблему. По нескольким мирам у Скейна была разбросана целая сеть консультантов: экспертов в области технологии, финансов, филологии... да практически в любой области. Используя собственный разум в качестве точки фокуса, Скейн собирался установить телепатическую связь между Костакисом и своим консультантом.

— Свяжись с Ниссенсоном,— приказывает он письменному столу.

Костакис быстро мигает, явно взволнованный.

— Прежде позвольте мне прояснить кое-что для себя. Этот человек увидит все, что есть в моем сознании? Получит доступ ко всем моим секретам?

— Нет. Нет. Я тщательно фильтрую связь. До него дойдет исключительно суть той проблемы, которой он должен заняться. А до вас — исключительно его ответ.

— А если он не найдет ответа?

— Найдет.

Скейн не предусматривал никаких выплат в случае неудачи, но у него не бывало неудач. Он не брался за непосильные, по его ощущению, дела. Ниссенсон либо найдет решение, которое

проглядел Костакис, либо выскажет соображения, которые помогут Костакису самому найти решение. Телепатическая связь — жизненно важный элемент процесса. Обычный разговор ничего не дает. Костакис и Ниссенсон могут месяцами изучать чертежи, годами бок о бок барабанить по клавишам компьютеров, десятилетиями обсуждать проблему — и все равно не найти ответа. А связь создает синергию разумов, превосходящую простое сложение их умственных способностей. Объединение разумов всегда усиливает их, рождает таинственную вспышку озарения — и происходит прорыв.

— А если впоследствии он использует то, что узнает, в своих интересах? — спрашивает Костакис.

— Он связан обязательствами. Никакого риска. Давайте приступать. Смелее!

Письменный стол сообщает, что Ниссенсон, находящийся на другой стороне земного шара, в Сан-Пауло, готов. Сила Скейна не зависит от расстояния. Он быстро вводит Костакиса в состояние восприятия и разворачивает кресло лицом к слепящему свету своей информационной системы. Эти крошечные вспышки, искрящиеся и движущиеся, подхлестывают его дар и усиливают электрические импульсы мозга, пока Скейн не поднимается до энергетического уровня, позволяющего установить связь. А в это время другой Скейн из другого времени, наблюдающий за происходящим его глазами, отчаянно пытается помешать установлению роковой связи.

«Не делай этого! Не делай этого! Ты перегоришь. Они слишком сильны для тебя».

Впрочем, легче остановить планету на орбите. Прошлое неизменяемо; все, что произошло, уже произошло. Скейн, вопящий в безмолвной муке, сейчас лишь наблюдатель, лишенный возможности вмешаться, пока калечат его прошлое «я».

Скейн протягивает одно из щупальцев своего сознания и подцепляет Ниссенсона. Другим ловит Костакиса. И постепенно сближает щупальца.

Невозможно предсказать интенсивность сил, которые вскоре пройдут через его мозг. Он тщательно изучил профильные срезы эго клиента и консультанта, но по сути мало что почерпнул из них. Костакис и Ниссенсон как отдельные личности особого значения не имеют: то, чем они смогут стать в связке, вот

чего следует опасаться. Синергетическая мощность непредсказуема. Скейн прожил один отведенный ему срок и половину второго с постоянной угрозой «перегрева».

Щупальца встречаются.

Скейн-наблюдатель содрогается и пытается оградить себя от шока. Увы, это невозможно. Из мозга Костакиса течет поток, описывающий метод пересылки материи и проблемы рассеивания луча. Скейн направляет его Ниссенсону, и тот начинает вырабатывать решение. Однако едва сознания сливаются, становится ясно, что их совместная сила больше того, что способен контролировать Скейн. На этот раз синергия разрушит его. Однако он не может выйти из игры, автоматического ментального выключателя у него нет. Он схвачен, пойман в ловушку, пригвожден. Новое существо Костакис/Ниссенсон не отпустит Скейна, поскольку это привело бы к его собственному разрушению. Волна ментальной энергии течет вдоль вектора связи от Костакиса к Ниссенсону и возвращается от Ниссенсона к Костакису, пульсируя, набирая новую силу. Перекачка началась.

Скейн понимает, что происходит. Поток энергии набирает мощь каждый раз, когда отражается от Костакиса к Ниссенсону, от Ниссенсона к Костакису. Скейн беспомощно наблюдает, как в результате этой перекачки наращивается все более мощная энергия. Скоро, совсем скоро последует разряд, и он обрушится на Скейна. Сколько еще? Сколько? Эта мысль мечется по лабиринтам его мозга. Он перестает понимать, на каком конце Ниссенсон, на каком Костакис, и воспринимает лишь две сверкающие стены ментальной мощи. Между ними он растягивается, становясь все тоньше и тоньше, дергающаяся проволочка его нагревается, нагревается, светится — и взрывается, выделяя иссушающий жар и частички его личности, разлетающиеся во все стороны, как освобожденные ионы...

Потом он, ошеломленный и оцепенелый, лежит на полу офиса, уткнувшись лицом в ковер, а Костакис восклицает снова и снова:

— Скейн? Скейн? Скейн? Скейн?

Как любое другое хронометрическое устройство, наши внутренние часы зависят от собственных специфических неполадок. Несмотря на прочную согласованность между личным и обществен-

ным временем, они могут вдруг разойтись — в результате чистой невнимательности. Многие замечали, что если доктор сосредоточивает все внимание на крови пациента, он видит ее раньше, чем ланцет рассечет кожу. Точно так же более слабый из двух синхронно воздействующих стимулов воспринимается как более поздний... Нормальная жизнь требует, чтобы мы были способны вспоминать свои переживания в надлежащей последовательности, в том порядке, в каком они происходили в действительности. Еще она требует, чтобы наши воспоминания были приемлемы для здравого сознания. Эти воспоминания не только увековечивают внутри нас представления о прошлом, но также непрестанно соотносят их с бесперебойным потоком информации из внешнего мира. Как наше прошлое состоит на службе у нашего настоящего, так и наше настоящее находится под удаленным контролем нашего прошлого.

— Скейн? Скейн? Скейн? Скейн?

Капсула открыта, ему помогают выбраться из нее. В каюте полно посторонних. Скейн узнает робота-капитана, врача и двух пассажиров: невысокого смуглого мужчину с Пингалора и женщину с Пятнадцатой Сферы. Дверь каюты распахнута, входят новые люди. Врач взмахивает рукой, и голову Скейна окутывает плотное облако белых металлических частиц. Возникает легкое ощущение покалывания, он окончательно просыпается.

— Вы не ответили, когда капсула сообщила, что мы покинули канал,— объясняет врач.

— Все прошло нормально? Ну и прекрасно. Прекрасно. Я, наверно, задремал.

— Будьте любезны, пройдемте в лазарет. Всего лишь рутинная проверка.

— Нет-нет. Пожалуйста, идите. Уверяю вас, я в полном порядке.

Все неохотно уходят, переговариваясь. Скейн пьет холодную воду, пока в голове окончательно не проясняется. Он садится посреди каюты, касаясь ногами пола и пытаясь поймать хоть какое-то ощущение движения вперед. Сейчас корабль мчится со скоростью пятнадцать миллионов миль в секунду. Насколько это много — пятнадцать миллионов миль? Насколько это мало — секунда? От Рима до Неаполя по автостраде доедешь за утро. От Тель-Авива до Иерусалима — от начала сумерек до темноты. До-

рога по воздуху от Сан-Франциско до Сан-Диего занимает время от ланча до обеда. Вот я продвигаю правую ногу на два фута вперед — и мы уже пролетели пятнадцать миллионов миль. Откуда куда? И зачем? Скейн двадцать шесть месяцев не видел Земли. Когда путешествие закончится, остатки его накоплений будут исчерпаны. Не исключено, что придется поселиться в системе Аббондандцы — обратного билета у него нет. Правда, он может путешествовать (к собственному огорчению), подчиняясь власти фуг — от точки к точке вдоль временной линии.

Он покинул каюту и направился в комнату отдыха.

Корабль второго класса, не слишком роскошный и не убогий. На нем около двадцати пассажиров, и у большинства из них, как у Скейна, билет в один конец. Он ни с кем не разговаривал, но много чего подслушал в комнате отдыха и теперь в общих чертах представлял биографию каждого. Жена, отважно направляющаяся к мужу-первопроходцу, с которым не виделась пять лет. Переселенец, убегающий с Земли, подальше от родителей. Предприниматель с блеском в глазах, финикийский торговец, опоздавший родиться на шестьдесят столетий, человек, пытающийся пробить себе дорогу как посредник посредника. Туристы. Чиновник. Полковник. В этом собрании Скейн стоит особняком: он единственный, кто не пытается ничего разузнать о других и рассказать о себе. Тайна его сдержанности не даст покоя остальным.

Он носит свою беду, как сморщенный, болтающийся желтоватый жировик. Когда его взгляд встречается с взглядом кого-то из пассажиров, он безмолвно спрашивает: «Видите мое уродство? Я пережил самого себя. Я был уничтожен и живу, чтобы снова и снова оглядываться на прошлое. Когда-то я был богат и могуществен, и вот... посмотрите на меня. Но жалости мне не надо. Понятно?»

Сгорбившись у стойки, Скейн заказывает фильтрованный ром. Вместе с выпивкой появляется переселенец — красивый, молодой, вкрадчивый. Он доверительно подмигивает Скейну, как бы говоря: «Понимаю, ты тоже в бегах».

— Вы с Земли? — спрашивает он Скейна.

— Изначально да.

— Я Пид Роклин.

— Джон Скейн.

— Чем вы там занимались?

— На Земле? Был коммуникатором. Четыре года назад отошел от дел.

— А-а-а... — Роклин заказывает выпивку. — Хорошая работа, если иметь дар.

— У меня был дар.

Слово «был», произнесенное без всякого выражения — максимально допустимое для Скейна проявление жалости к себе. Он пьет, заказывает снова. Большой экран над стойкой показывает космос — сейчас, после прохождения Панамского канала, он пустой, хотя еще вчера на этом угольно-черном прямоугольнике сиял миллион солнц. Скейн воображает, что может слышать, как молекулы водорода со свистом проносятся мимо корабля на скорости восемьдесят световых лет. Он представляет их как ярчайшие шарики, растянувшиеся на миллион миль, издающие свое «вш-ш-ш!», «вш-ш-ш!», «вш-ш-ш!». Внезапно багровое сияние окутывает Скейна, и он так быстро уносится во времени вперед, что не успевает даже попытаться оказать сопротивление.

— С вами все... – слышит Скейн, и вселенная исчезает.

Теперь он в мире, который воспринимает как Аббонданцу-VI. Хорошо знакомый спутник, человек с лицом-черепом, стоит рядом на краю маслянистого оранжевого моря. По-видимому, они снова обсуждают проблему времени. Человеку с лицом-черепом не меньше ста двадцати лет; кажется, что под обтягивающей его кости кожей совсем нет плоти, а лицо — одни ноздри и пылающие глаза. Глазные впадины, резкие плоскости скул, лысый купол черепа. Шея не толще запястья поднимается над ссохшимися плечами.

— Вам никогда не приходило в голову, что причинно-следственная связь это иллюзия, Скейн? — говорит он. — Утверждение, что существует *последовательная цепочка событий*, ложно. Мы сами придаем форму жизни, когда говорим о стреле времени, о том, что существует движение от А через Г и К до Я, и внушаем себе, что все линейно. Но это не так, Скейн. Это не так.

— Вы уже не в первый раз убеждаете меня в этом.

— Я чувствую себя обязанным открыть ваш разум для света истины. Г может произойти раньше А, а Я раньше их обоих. Для большинства из нас понимание этого неприятно, и мы расстав-

ляем события в том порядке, который кажется более логичным, как писатель помещает в романе мотив прежде убийства, а убийство прежде ареста. Однако вселенная не роман. Нельзя заставить природу имитировать искусство. Все случайно, Скейн, все случайно, случайно! Гляньте вон туда. Видите, что дрейфует по морю?

На оранжевых волнах колышется раздутый труп лохматого голубого животного. Обращенные вверх большие круглые глаза, поникший хобот, толстые конечности. Почему он не затонул? Что удерживает его на плаву?

Человек с лицом-черепом говорит:

— Время — океан, и события приплывают к нам по воле случая, как это мертвое животное по волнам. Мы фильтруем их. Не замечаем того, что не имеет смысла, и пропускаем в сознание то, что, как нам кажется, происходит в правильной последовательности.— Он смеется.— Величайшая иллюзия! Прошлое это лишь серия кадров, непредсказуемо проскальзывающих в будущее. И vice versa[1].

— Не могу согласиться с вами,— упрямо говорит Скейн.— Это дьявольская, хаотическая, нигилистическая теория. Это идиотизм. Разве я могу стать дедом раньше, чем стану ребенком? Разве мы умираем до рождения? Разве деревья превращаются в семена? Вы отрицаете линейность. Нам с вами не по пути.

— Как вы можете так рассуждать после всего, что пережили?

Скейн качает головой.

— Да, я продолжаю стоять на своем. Мои переживания — психическое расстройство. Возможно, я безумен, но не вселенная.

— Все в точности наоборот. Вы лишь недавно обрели здравый ум и начали видеть вещи такими, каковы они на самом деле,— настаивает человек с лицом-черепом.— Беда в том, что вы не желаете признавать очевидность того, что ощущаете. Ваши фильтры отключены, Скейн! Вы освободились от иллюзии линейности! У вас есть шанс показать гибкость. Учитесь мириться с настоящей реальностью. Откажитесь от глупого требования искусственного порядка для потока времени. Почему результат должен быть следствием причины? Почему деревья не должны превра-

---

[1] Vice versa — наоборот *(лат.)*.

щаться в семена? Почему вы так вцепились в эту бесполезную, затасканную, достойную презрения систему ложной оценки опыта, если сумели освободиться от...

— Прекратите! Прекратите! Прекратите!

— ...в порядке, Скейн?

— Что произошло?

— Вы стали падать со стула,— отвечает Пид Роклин.— И побелели как мел. Я подумал, вас хватил удар.

— Сколько времени я был без сознания?

— Ну, секунды три-четыре, мне кажется. Я подхватил вас, поддержал — тут вы и открыли глаза. Проводить вас в каюту? Или, может, заглянуть в лазарет?

— Прошу извинить меня,— хрипло отвечает Скейн и покидает комнату отдыха.

Галлюцинации начались вскоре после того, как Скейн перенапрягся с Костакисом, и поначалу он воспринял их как нарушение памяти после шока. В основном это были сцены из прошлого: во время фуги он переживал их заново с такой интенсивностью и яркостью, будто и впрямь возвращался назад во времени. Он не вспоминал, а снова проживал тот или иной отрезок прошлого, следуя сценарию, от которого не мог отступить ни на йоту. Эти странные экскурсы в прошлое были легко объяснимы: его мозг пострадал и теперь вытаскивал в поле зрения сегменты предыдущего опыта, пытаясь очиститься от осколков и залечить раны.

Однако если возврат в прошлое был понятен, то заходы в будущее — нет. Этому он не мог дать никакого объяснения. Сцены скитаний по чужим мирам, призрачные беседы с неизвестными людьми, вид кают космических лайнеров, незнакомых отелей и пассажирских терминалов — все это казалось порождением фантазии, домыслами пострадавшего мозга. Даже когда Скейн различил в этих болезненных проблесках неизведанного определенную структуру, он не понял сути происходящего. Впечатление складывалось такое, будто он что-то разыскивал или совершал паломничество; фрагменты еще не пережитых событий, которые ему было позволено увидеть, встраивались в логически последовательную структуру путешествий и поисков. По-

рой сцены и разговоры повторялись, иногда по нескольку раз в день, всегда по одному и тому же сценарию, так что постепенно он выучил их буквально дословно. Несмотря на немалый объем этих эпизодов, он упорно воспринимал их как короткие сегменты ночных кошмаров. И даже представить себе не мог, с какой стати повреждение мозга привело к тому, что он видит все эти сны наяву о долгих космических перелетах и неизвестных планетах, такие живые, такие реальные.

Только спустя много месяцев после инцидента с Костакисом истина открылась ему. Одно незначительное событие, которое он считал порождением фантазии, он переживал уже семь-восемь раз, в целом или по частям. В этой галлюцинации он жарким весенним утром стоял в каком-то общественном саду перед огромным причудливым зданием, а мимо гуськом проходила гротескная процессия туристов-инопланетян, издающих странные скрипы и лязганье, с ингаляторами, респираторами и масками, распыляющими ионы. Вот и все.

Потом, спустя четырнадцать месяцев после срыва с Костакисом, сложная юридическая коллизия привела его в один из городов Северной Каролины. Выступив в суде, он предпринял долгую прогулку по мрачному, жалкому городу. В конце концов, как бы по волшебству, он оказался перед огромными металлическими воротами, а за ними виднелось нечто вроде темного разросшегося парка — дубы, рододендроны и магнолии, рассаженные в изящном официальном стиле. Согласно вывеске на воротах, это было имение какого-то миллионера девятнадцатого века, открытое для всех и сохраненное в своем древнем состоянии, хотя город настойчиво пытался вторгнуться сюда.

Скейн купил билет, вошел и долго бродил по прохладным тенистым лужайкам. Потом тропинка внезапно свернула, он вышел на яркий солнечный свет и увидел огромный серый особняк с парапетами и шпилями, с массивной галереей и широкими лестницами. Удивленный, он зашагал к нему, поскольку узнал в этом особняке здание из своей повторяющейся фантазии. Приближаясь к дому, он заметил на галерее красные, зеленые и фиолетовые фигуры — те самые, скрюченные и искривленные, уже виденные прежде, фееричекую орду чужеземных путешественников, приехавших подивиться на чудеса Земли. Головы без глаз, глаза без голов, множество конечностей и полное их отсутствие,

тела, похожие на опухоли, и опухоли, похожие на тела — вся фантазия вселенной была представлена в этом сборище жизненных форм, таких чуждых... и не совсем чуждых для него. Это была не фантазия. То, что он видел, естественно и точно вписывалось в последовательность событий текущего дня: ничего беспорядочного, нереального, назойливого. И через несколько мгновений «видение» не растаяло, Скейн не вынырнул из него в реальную жизнь. Потому что это и была сама реальность, только он уже видел все это прежде.

Еще дважды на протяжении нескольких последующих недель с ним происходили похожие случаи, и в итоге он наконец осознал, чем на самом деле были его фуги: прыжки во времени, назад и вперед, и в последних случаях ему открывались проблески собственного будущего.

Т'ан, верховный король Шан, обратился к Хсиа Чи с вопросом:

— В начале уже существовали отдельные сущности?

— Если в начале их не было, откуда бы они взялись потом? — ответил Хсиа Чи.— Если последующие поколения станут исходить из предположения, что в наше время сущностей не было, будут ли они правы?

— Значит, для сущностей не существует «до» и «после»? — спросил Т'ан.

На это Хсиа Чи отвечал:

— Конец и начало любой сущности не имеют границы, от которой они начинаются. Начало одной может быть рассмотрено как конец другой; конец одной может быть рассмотрен как начало следующей. Кто может точно провести различие между этими циклами? А вот что лежит за пределами всех сущностей и до всех событий, мы знать не можем.

Они добираются до Персея и входят в расположенную рядом вращающуюся небесную аномалию, структурно схожую с Панамским каналом, но имеющую меньший потенциал. Она разгоняет корабль до скорости свыше ста световых лет. Это последнее ускорение данного маршрута. Корабль будет мчаться с такой скоростью два с половиной дня, пока не достигнет Сциллы, главной станции торможения в этой части Галактики. Там его поймает упругая силовая сеть диаметром двадцать световых лет в ми-

нуту и замедлит до субсветовой скорости, без чего он не сможет войти в систему Аббонданцы.

Почти все время Скейн проводит в своей каюте; он мало ест и совсем мало спит. Он почти непрерывно читает; руководствуясь, главным образом, прихотью, берет в обширной библиотеке корабля самые разнообразные книги.

Рильке. Кафка. «Природа физического мира» Эддингтона. «Услышь нас, Господь, в раю, обители Твоей» Лаури. Элиас. Дики. «Психология времени» Фресса. «Мечта и иллюзия» Грина. По. Шекспир. Марло. Тернер. «Бесплодная земля». «Улисс». «Сердце тьмы». «Идея прогресса» Бьюри. Юнг. Бюхнер. Пиранделло. «Волшебная гора». «Крах» Эллиса. Сервантес. Бленхейм. Китс. Ницше.

Его сознание переполняют образы, обрывки стихов, диалоги, не всегда доступные пониманию аргументы. Он проглядывает книги бегло, словно сорока, выискивая яркие места. Слова создают несмываемый слой на внутренней поверхности его черепа. Он обнаруживает, что эта словесная перегрузка в какой-то степени помогает отгонять фуги; возможно, его сознание придавлено к настоящему этой свинцовой грудой беспорядочно сваленных чужих гениальных мыслей, и, пока он читает, его не так часто выбрасывает с временной линии.

Его разум бурлит. «Человек — это канат, протянутый между животным и Сверхчеловеком, канат над пропастью»[1]. «Пока у меня еще есть терпение»[2]. «Смотри, смотри! Вот кровь Христа по небесам струится. Одной лишь каплей был бы я спасен»[3]. «Я и не знал, что смерть взяла столь многих»[4]. Эти отрывки помогают мне не рассыпаться окончательно. Hoogspanning. Levensgevaar. Peligro de Muerte. Electricidad. Опасность. «Дайте мне мое копье»[5]. «Древний отче, древний искусник, будь мне отныне и навсегда доброй опорой»[6]. «Нравится вам этот сад? Почему он ваш? Мы изгоняем тех, кто разрушает!»[7] «И они ступили на корабль и на-

---

[1] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Перевод В. Рынкевича.

[2] *Джойс Д.* Улисс. Перевод В. Хинкиса, С. Хоружего.

[3] *Марло К.* Трагическая история о докторе Фаусте. Перевод Е. Бируковой.

[4] *Элиот Т. С.* Бесплодная земля. Перевод А. Сергеева.

[5] *Мэлори Т.* Смерть Артура. Перевод И. Бернштейн.

[6] *Джойс Дж.* Портрет художника в юности. Перевод М. Богословской-Бобровой.

[7] *Лаури М.* У подножия вулкана. Перевод В. Хинкиса.

правили его по волнам, все дальше и дальше по морю праведности»[1]. Не существует «официальной» теории времени, согласующейся с символами веры и признанной всеми христианами. Христианство не волнуют научные аспекты этой проблемы или психологический анализ — только то, как она соотносится с реалистической точкой зрения: христиане не признают, подобно некоторым восточным философам, что временное существование есть иллюзия. «Глубины чресл рождают трепетанье, стена разрушена, все схвачено огнем. Мертв Агамемнон»[2]. «Сановитый, жирный Бык Маллиган возник из лестничного проема, неся в руках чашку с пеной, на которой накрест лежали зеркальце и бритва»[3]. «В небесах иль средь зыбей вспыхнул блеск твоих очей? Как дерзал он так парить? Кто посмел огонь схватить?»[4] Эти отрывки помогают мне не рассыпаться окончательно. «Иеронимо снова безумен»[5]. «Я звездочет, который видит лик неведомой планеты чудных стран»[6].

В последнее время также теоретически допускается, что физическая концепция информации идентична феномену инверсии энтропии. Психолог должен добавить к этому несколько замечаний: мне не кажется убедительным, что информация eo ipso[7] идентична pouvoir d'organisation[8], которая уничтожает энтропию. Datta. Dayadhvam. Damyata. Shantih shantih shantih.

Тем не менее, когда корабль пронесся мимо Сциллы и начал замедленное движение к планетам Аббонданцы, периоды фуг участились, и Скейн снова попал в ловушку между вспыхивающими тенями «вчера» и «завтра».

После перегрузки с Костакисом он, как мог, пытался работать в прежнем духе. Сам вернул Костакису гонорар, поскольку не помог ему и не был способен помочь в дальнейшем. Мгновенный обмен сущностями пока подождет. Скейн стал брать

---

[1] *Паунд Эзра.* Песнь I. Перевод Б. Жужунавы.

[2] *Йейтс У. Б.* Леда и лебедь. Перевод Б. Лейви.

[3] *Джойс Дж.* Улисс. Перевод В. Хинкиса, С. Хоружего.

[4] *Блейк У.* Тигр. Перевод К. Бальмонта.

[5] *Элиот Т. С.* Бесплодная земля. Перевод В. Топорова.

[6] *Китс Дж.* Сонет, написанный после прочтения Гомера в переводе Чапмена. Перевод И. Ивановского.

[7] Тем самым *(лат.)*.

[8] Способность к организации *(фр.)*.

других клиентов. Он все еще мог осуществлять связь, если задачи были не слишком высокого уровня, и даже добивался хорошей синергетической реакции.

Но контакты прерывались в самый неподходящий момент или внезапно включался фильтрующий механизм, не давая потоку сознания клиента хлынуть в мозг консультанта. В итоге Скейн тратил огромные средства на врачей — и на возмещение ущерба. Он был вынужден поставить гонорар в зависимость от результата: нет синергии — нет оплаты. Примерно половина затраченной им энергии не оплачивалась, а накладные расходы меньше не стали: офис с куполом, сеть консультантов, научные сотрудники и все остальное. Усилия по сохранению бизнеса быстро съедали банковские накопления, сделанные на случай как раз таких тяжелых времен.

Никаких органических повреждений в мозгу обнаружено не было. О коммуникационном даре было известно слишком мало, и выяснить что-либо значительное методами медицинского анализа не представлялось возможным. Если врачи не в состоянии найти центр в мозгу, отвечающий за установление связи, как они смогут определить место повреждения? Медицинские архивы тоже не помогли: в прошлом имели место одиннадцать случаев перегрузок, но каждый был психологически уникален. Доктора заверяли Скейна, что в конце концов он поправится,— и отсылали прочь. А иногда начинали «лечить», самым дурацким образом: заставляли считать, ритмически мигать, прыгать то на левой, то на правой ногах, как после инсульта. Но инсульта у него не было.

Какое-то время бизнес Скейна продолжал существовать по инерции; что ни говори, он успел создать себе репутацию. Потом поползли слухи, что он пострадал и уже не так хорош, и клиенты перестали обращаться к нему. Даже договоренность об оплате только в случае успеха не привлекала их. Через полгода он уже считал удачей, если появлялся один клиент в неделю. Скейн понизил ставки, но это лишь ухудшило ситуацию, поэтому он снова поднял их до уровня лишь чуть ниже того, что был до перегрузки. Какое-то время дела шли в гору — похоже, люди поверили, что Скейн пришел в норму. Тем не менее работал он очень нестабильно. Неустойчивая связь, непредсказуемая отдача, проб-

лемы с фильтрацией, неполная или, наоборот, избыточная информация...

И ко всем профессиональным сложностям добавились фуги.

Галлюцинации начинались внезапно. Это могло произойти во время сеанса связи, часто именно так и бывало. Однажды он вернулся в момент соединения Костакиса с Ниссенсоном и принялся уговаривать испуганного клиента переиграть ситуацию с перегрузкой. В другой раз — хотя он не понимал, что именно в тот миг произошло,— Скейн «прыгнул» вперед и прихватил с собой клиента. Они попали в алые джунгли какого-то формальдегидового мира, и когда Скейн вернулся в реальность, клиент остался в тех джунглях. В результате ему был предъявлен иск о причинении ущерба.

Перемещения во времени выбивали его из колеи, и он терял интуицию. Брал клиентов, чьи проблемы были за пределами его возможностей, и впустую тратил на них время и, наоборот, отказывал людям, которым мог бы помочь. Поскольку он больше не был жестко привязан к своему линейному времени, а совершал колебания туда и обратно в пределах двадцати лет в обоих направлениях, он потерял обостренное чувство перспективы, на котором прежде основывались его профессиональные суждения. Он осунулся и похудел. Прошел через бурю духовных сомнений, дойдя сначала до полной покорности божьей воле, а потом до полного неприятия веры. Почти каждую неделю менял адвокатов. Чтобы оплачивать угрожающе растущий поток счетов, в самое неподходящее время обналичивал свои вклады.

Спустя полтора года после срыва он официально объявил об отказе от регистрации и закрыл свой офис. Еще шесть месяцев ушло на то, чтобы разобраться с оставшимися исками о причинении ущерба. Потом, сняв все уцелевшие деньги, он купил билет на космический корабль и отправился на поиски мира с фиолетовым песком и деревьями с голубыми листьями. Там, если фуги не обманывали его, он сможет восстановить свой поврежденный мозг.

Корабль вернулся в обычное четырехмерное пространство и лениво ползет на скорости меньше половины скорости света. На экранах сверкают ожерелья звезд; здесь в космосе тесно. Капитан, отвечая на чей-то вопрос, указывает на Аббонданцу: ли-

монно-желтое солнце, больше земного, окруженное дюжиной ярких пятнышек планет. Пассажиры взволнованы. Они болтают, строят предположения, они полны ожиданий. Скейн — единственный, кто помалкивает. Он в курсе множества завязавшихся романов; за последние три дня он и сам отверг несколько предложений. От чтения он отказался и пытается очистить сознание от всего, чем успел забить его. Фуги мучают его все сильнее. Ему приходится писать самому себе записки: «Ты пассажир на борту корабля, летящего к Аббонданце-VI. Он приземлится через несколько дней»,— чтобы не забыть, какая из трех переплетенных временных линий реальна.

Внезапно он с Ниллой оказывается на острове в Мексиканском заливе, на борту маленького экскурсионного судна. Время словно остановилось, все здесь как в двадцатом столетии. Потрепанные и обвисшие канаты снастей. Громоздкий двигатель, не слишком умело переделанный из двигателя внутреннего сгорания в турбинный. Сегодня их проводниками будут усатые мексиканские бандиты. Нилла нервно наматывает на палец прядь длинных светлых волос.

— Джон, я почувствую морскую болезнь? Судно поплывет прямо по воде? Совсем не будет парить над ней?

— Ужасно архаично, да,— отвечаст Скейн.— Поэтому мы здесь.

Капитан жестом дает понять, что пора подниматься на борт. Хуан, Франциско, Себастьян. Братья. Los hermanos[1]. Ярды сверкающих белых зубов под свисающими по бокам рта усами. С ужасающим ревом судно отплывает от пристани. Вскоре маленький городок, представляющий собой россыпь ветхих домишек пастельных тонов, остается позади. Судно устремляется вдоль побережья на восток; слева зеленоватая прибрежная вода, справа, на глубине, голубая. Утреннее солнце греет все жарче.

— Можно мне позагорать? — спрашиваст Нилла.

Как-то неуверенно спрашивает; он никогда не видел ее такой стеснительной.

— Давай,— отвечает Скейн.— Почему бы и нет?

---

[1] Братья *(исп.)*.

Она снимает одежду. Под ней лишь крошечные трусики; тяжелые груди кажутся белыми и уязвимыми под жарким тропическим солнцем, маленькие соски бледно-розовые. Скейн опрыскивает ее защитным аэрозолем, и она растягивается на палубе. Los hermanos бросают на нее голодные взгляды и переговариваются низкими рокочущими голосами. Не по-испански. Может, на языке майя? Здешние туземцы так и не привыкли к тому, что туристы запросто обнажаются. Нилла, похоже, тоже испытывает неловкость; она перекатывается на живот и ложится лицом вниз. Ее широкая гладкая спина блестит на солнце.

Хуан и Франциско пронзительно вопят. Скейн следит взглядом за их указующими пальцами. Дельфины! Примерно дюжина, держатся впереди судна, высоко выпрыгивая из воды и уходя в нее обратно. Нилла испускает негромкий радостный крик и бросается к борту, чтобы лучше видеть, застенчиво прикрывая руками груди.

— Это необязательно,— бормочет Скейн, но она по-прежнему прикрывается руками.

— Какие красивые! — говорит она.

Себастьян подходит к ним.

— Amigos[1],— говорит он.— Мои друзья.

Дельфины наконец исчезают. Судно быстро мчится вперед, держась близко к прекрасному пустому берегу острова, заросшему пальмами. Позже они бросают якорь, Скейн с Ниллой плавают в масках, рассматривают коралловые сады. Когда они снова вылезают на палубу, уже почти полдень. Солнце жарит немилосердно.

— Обед? — спрашивает Франциско.— Вы не против хорошего обеда?

Нилла смеется. Больше она не прикрывается руками.

— Я ужасно проголодалась! — восклицает она.

— Сейчас будет вам хороший обед,— с улыбкой говорит Франциско, и они с Хуаном прыгают за борт.

Сквозь прозрачную воду ясно различим почти белый песок на дне. У братьев пистолеты, стреляющие дротиками. Они задерживают дыхание, рыщут по сторонам взглядами. До Скейна слишком поздно доходит, что они делают. Франциско вытаскивает

---

[1] Друзья *(исп.)*.

из-под камня бьющегося омара. Хуан пронзает огромного блед-ного краба, находит трех моллюсков и бросает добычу на палу-бу. Франциско швыряет туда же своего омара, Хуан накалывает второго. Животные не мертвы; медленно высыхая, они кругами ползают по палубе. Скейн в смятении поворачивается к Себа-стьяну.

— Вели им прекратить. Мы не так уж голодны.

Себастьян, который готовит что-то вроде салата, улыбается и пожимает плечами. Франциско приносит еще одного краба, больше первого.

— Хватит,— говорит Скейн.-- Basta! Basta![1]

Хуан бросает на палубу еще трех моллюсков.

— Вы хорошо нам платите,— говорит он.— Мы не оставим вас без доброго ланча.

Скейн качает головой. Палуба превращается в бойню океан-ских жителей. Себастьян энергично раскалывает раковины мол-люсков, вытаскивает мясо и бросает в большую чашу с желто-зе-леным маринадом.

— Basta! — кричит Скейн.

Так по-итальянски; но вот как по-испански? Los hermanos выглядят изумленными. «В море полно жизни,— как бы гово-рят их взгляды.— У вас будет хороший обед». Внезапно Франци-ско выскакивает из воды, таща что-то огромное. Черепаха! Со-рок, пятьдесят фунтов! Шутка зашла слишком далеко.

— Нет,— говорит Скейн.— Послушайте, я не допущу этого. Черепахи почти вымерли. Вы меня понимаете? Muerto. Perdido. Desaparecido[2]. Я не ем черепах. Бросайте ее обратно. Бросайте ее обратно!

Франциско улыбается, качает головой и ловко связывает плав-ники черепахи веревкой.

— Не для обеда, сеньор. Для нас. Mucho dinero[3].

Скейн ничего не может поделать. Франциско и Себастьян начинают обрабатывать крабов и омаров. Хуан крошит перец в чашу, где маринуются моллюски. Палуба усеяна кусками мерт-вых животных.

---

[1] Хватит! *(ит.)*

[2] Вымершие. Редкие. Исчезающие *(исп.)*.

[3] Большие деньги *(исп.)*.

— Ох, какая я голодная.— говорит Нилла.

Сейчас она полностью обнажена. Черепаха наблюдает всю сцену печальными глазами-бусинками. Скейн содрогается.

«Освенцим,— думает он.— Бухенвальд. Для животных Бухенвальд каждый день».

Фиолетовый песок, деревья с голубыми листьями. Недалеко под лимонным солнцем поблескивает оранжевое море.

— Уже не так далеко,— говорит человек с лицом-черепом.— Вы сможете. Шаг за шагом, шаг за шагом, вот так.

— Я выдохся,— говорит Скейн.— Эти холмы...

— Я вдвое старше вас и чувствую себя прекрасно.

— Вы в лучшей форме. Я много месяцев провел взаперти в космических кораблях.

— Это недалеко,— повторяет человек с лицом-черепом.— Около ста метров от берега.

Скейн с усилием тащится вперед. Жара страшная. Идти по расползающемуся песку трудно. Дважды он спотыкается о черные ползучие растения, чьи мясистые побеги образуют ковер на глубине нескольких сантиметров под поверхностью песка; петли этих растений торчат там и здесь. Он переживает короткую фугу, семисекундный прыжок в прошлое, на день в Иерусалим. Где-то в глубине сознания эта ситуация забавляет его: перемещение назад внутри перемещения вперед. Концентрические круги галлюцинаций. Вернувшись, он обнаруживает, что стоит и стряхивает песок с одежды. Через десять шагов человек с лицом-черепом останавливает его.

— Это здесь. Посмотрите вон туда, в яму.

Прямо перед собой Скейн видит на уровне земли воронкообразный кратер метров пяти в диаметре, сужающийся книзу примерно наполовину. Глубина — шесть-семь метров. Яма выглядит как серия концентрических кругов, сделанных с помощью усеченного конуса. Ее бока гладкие, жесткие, почти шлифованные; песок имеет коричневый оттенок. На плоском дне ямы мирно покоится что-то похожее на золотистую амебу размером с кота. На выступающей бугром спине выделяется ряд круглых голубовато-черных глаз. По краям тела — мягкое зеленоватое свечение.

— Спускайтесь к ней,— говорит человек с лицом-черепом.— Сила ее воздействия обратно пропорциональна расстоянию в кубе, здесь вы не можете ее ощутить. Спускайтесь. Слейтесь с ней. Установите с ней связь, Скейн, установите связь!

— И это исцелит меня? Я стану таким же, каким был до своих несчастий?

— Если вы позволите ей исцелить вас, да. Она хочет это сделать. Такой, знаете ли, всецело и абсолютно добрый организм. Она расцветает, излечивая сломанные души. Впустите ее в свое сознание, позвольте ей найти поврежденное место. Доверьтесь ей. Спускайтесь.

Скейн трепещет, стоя на краю ямы. Существо внизу течет и клубится, становится сначала длинным и узким, потом высоким и толстым, затем возвращается к первоначальной округлой форме. Его цвет углубляется до почти алого, излучение приобретает желтоватый оттенок. Оно как будто потягивается и прихорашивается. Кажется, оно ждет Скейна. Кажется, оно жаждет встречи с ним. Это то, чего он так долго искал, переходя с одной планеты на другую. Человек с лицом-черепом, фиолетовый песок, яма, существо. Скейн сбрасывает сандалии. «Что мне терять?» Он садится на краю ямы, соскальзывает вниз и мягко приземляется прямо рядом с существом, которое ждет его. И тут же ощущает его мощь.

Он входит в огромный зал в кафедральном соборе в Софии. Несколько не теряющих надежды найти клиента турецких гидов прислонились к гигантским мраморным колоннам. Туристы бродят по залу, читают друг другу объяснения из дешевых пластиковых путеводителей. Сквозь какую-то немыслимую щель проникает луч света и отражается от кафедры проповедника. Скейну кажется, что он слышит звон колоколов и ощущает запах ладана. Но как такое возможно? Тысячу лет здесь не совершался ни один христианский обряд. Перед ним возникает турок.

— Показать вам мозаики? — спрашивает он.— Помочь понять это удивительное здание? Всего доллар. Нет? Может, хотите поменять деньги? Хорошая цена. Доллары, марки, еврокредиты? Вы говорите по-английски? Показать вам мозаики?

Турок исчезает. Колокола звонят громче. Вереница склонивших головы священников в белых шелковых одеяниях проходит

к алтарю, нараспев произнося что-то на... греческом? Потолок инкрустирован драгоценными камнями. Везде мерцают золотые дощечки. Скейн ощущает ужасающую сложность, многоплановость кафедрального собора, полного жизни. Вся вселенная втиснута в этот сумрак: тысячи церквей, множество верующих, под сводами длинные очереди желающих помочиться, рынок на балконе, усыпанные драгоценностями ожерелья переходят из рук в руки под негромкое обсуждение цены, младенцы рождаются позади алебастровых саркофагов, звон колоколов, люди кивают друг другу, под куполом кружатся облака ладана, фигуры мозаичных картин оживают, осеняют себя крестом, улыбаются, посылают воздушные поцелуи, колонны приходят в движение, наклоняются из стороны в сторону, утолщаются посредине, все колоссальное здание колеблется, плывет, тает. И снова турки.

— Показать вам мозаики?

— Поменять деньги?

— Открытки? Стамбульские сувениры?

Полное розовощекое лицо американца.

— Вы Джон Скейн? Коммуникатор? В пятьдесят третьем мы вместе работали над проблемой плавильной камеры.

Скейн качает головой.

— Вы ошибаетесь,— отвечает он по-итальянски.— Я не он. Простите. Простите.

И присоединяется к веренице молящихся нараспев священников.

Фиолетовый песок, деревья с голубыми листьями. Оранжевое море под лимонным солнцем. Глядя с верхней палубы терминала, за час до приземления, Скейн видит ряд высоких отелей вдоль побережья. Он сразу же чувствует неправильность: здесь не должно быть отелей. На нужной ему планете нет таких зданий. Значит, опять не то.

Пытаясь выстроить четкую последовательность, он испытывает чувство полной дезориентации. Где я? На борту лайнера, направляющегося к Аббонданце-VI. Что я вижу? Мир, где уже побывал. Который из миров? Тот, что с отелями. Третий из семи.

Он уже видел эту планету во время скачка в будущее. Задолго до того, как оставил Землю и начал свои поиски, он видел эти отели, это побережье. Теперь он увидел их в скачке назад. Это

вызывает недоумение. Нужно постараться увидеть себя как движущуюся точку, путешествующую сквозь время, посмотреть на пейзаж в этой перспективе.

Скейн видит прежнего себя на терминале. Когда-то это было будущее. Какая путаница, какая ненужная неразбериха!

— Я ищу одного старого землянина,— говорит он.— Ему, должно быть, лет сто или сто двадцать. Лицо похоже на череп — совсем бесплотное. Хрупкий. Нет? Тогда скажите, есть ли на этой планете жизненная форма, похожая на большой желейный шар, обитающий в яме на побережье и... Нет? Спросить у кого-нибудь еще? Конечно. И... можно снять номер в отеле? Пока я не разберусь, что к чему.

Он устал находить «неправильные» планеты. Какая глупость — тратить последние сбережения на поиски мира, увиденного во сне! Он рассчитывал, что планета с фиолетовым песком и деревьями с голубыми листьями уникальна, но нет, в бесконечной вселенной десятки таких планет, и он впустую потратил почти половину своих денег и год жизни, посетив две из них, а теперь еще и эту, но ничего не добился.

Он идет в отель, который ему предложили.

На побережье загорают туристы, в основном земляне. Скейн бродит среди них.

«Послушайте,— хочется ему сказать,— у меня проблемы с головой, старая травма, из-за нее у меня бывают видения прошлого и будущего. В одном из этих видений я встречаюсь с человеком с лицом-черепом, и он отводит меня к созданию типа амебы. Вы следите за моей мыслью? И это происходит на планете с фиолетовым песком и деревьями с голубыми листьями, в точности такой, как эта, и я считаю, что если буду ходить достаточно долго, то непременно найду и человека с лицом-черепом, и амебу. Вы следите за моей мыслью? Возможно, это та самая планета, но я не в той ее области. Что мне делать? Есть ли у меня надежда, как вам кажется?»

Это третий мир. Он понимает, что должен побывать в некотором количестве «неправильных» планет, прежде чем найдет «правильную». Но в скольких? В скольких? И когда он поймет, что попал туда, куда надо?

Он молча стоит на берегу, и его охватывает смятение. Он проваливается во временную фугу, и его выбрасывает в другой мир.

Фиолетовый песок, деревья с голубыми листьями. Толстый дружелюбный пингалорианский консул.

— Человек с лицом, похожим на череп? Нет, не знаю никого с такой внешностью.

«Что это за мир? — спрашивает себя Скейн.— Один из тех, что я уже посетил, или один из тех, где еще не был?»

Множественные слои иллюзии окончательно запутывают его. Прошлое, будущее и настоящее стянулись в тугой узел вокруг горла. Пласты реальности смещаются; события переплетаются. Фиолетовый песок, деревья с голубыми листьями. Какая это планета? Какая? Которая из них? Он снова на заполненном людьми берегу. Лимонное солнце. Оранжевое море. Он снова в каюте космического корабля. Видит записку, узнает свой почерк: «Ты пассажир на борту корабля, летящего к Аббонданце-VI. Он приземлится через несколько дней». Значит, это было видение? Куда его забрасывало? Назад? Вперед? Скейн больше не в состоянии ответить на этот вопрос. Одинаковые миры сбивают его с толку. Фиолетовый песок. Деревья с голубыми листьями. Жаль, что он разучился плакать.

Во время сегодняшнего сеанса связи Скейн связывает не клиента с консультантом, а двух клиентов. Мужчина и женщина, Майкл и мисс Шумпитер. Связь необычно интимного свойства. Майкл был женат шесть раз, и, судя по всему, некоторые из его браков распались при трагических обстоятельствах. Мисс Шумпитер, женщина весьма состоятельная, любит Майкла, но не полностью доверяет ему; она хочет заглянуть в его сознание, прежде чем приложить большой палец к брачному кубу. Скейн в любом случае не останется внакладе — гонорар уже переведен на его счет. Понравится мисс Шумпитер то, что она обнаружит в душе своего возлюбленного, или нет, не важно — Скейну уже уплачено.

Одно щупальце его сознания тянется к Майклу, другое к мисс Шумпитер. Скейн открывает фильтры.

— Сейчас вы встретитесь в первый раз,— говорит он им.

Майкл течет в нее. Мисс Шумпитер течет в него. Скейн становится каналом передачи информации. Через него проходят амбиции, измены, неудачи, тщеславие, ссоры, предательство, вожделение, великодушие, позор и причуды двух человеческих

существ. При желании он может проникнуть в самые тайные грехи мисс Шумпитер и самые темные вожделения ее будущего мужа. Но все это его не волнует. Он каждый день видит такие вещи. Он не получит удовольствия, подглядывая за этими двумя. Разве хирург придет в возбуждение при виде фаллопиевых труб мисс Шумпитер или поджелудочной железы Майкла? Скейн просто делает свое дело. У него нет болезненного стремления к созерцанию эротических сцен, он коммуникатор. Не человек, а общественно полезная функция.

Когда он разрывает контакт, мисс Шумпитер и Майкл плачут.

— Я люблю тебя! — стонет она.

— Оставь меня! — бормочет он.

Фиолетовый песок. Деревья с голубыми листьями. Маслянистое оранжевое море.

Человек с лицом-черепом говорит:

— Вам никогда не приходило в голову, что причинно-следственная связь это иллюзия, Скейн? Утверждение, что существует последовательная цепочка событий, ложно. Мы сами придаем форму жизни, когда говорим о стреле времени, о том, что существует движение от А через Г и К до Я, и внушаем себе, что все линейно. Но это не так, Скейн. Это не так.

— Вы уже не в первый раз убеждаете меня в этом.

— Я чувствую себя обязанным открыть ваш разум для света истины. Г может произойти раньше А, а Я раньше их обоих. Для большинства из нас понимание этого неприятно, и мы расставляем события в том порядке, который кажется более логичным, как писатель помещает в романе мотив прежде убийства, а убийство прежде ареста. Однако вселенная не роман. Нельзя заставить природу имитировать искусство. Все случайно, Скейн, все случайно, случайно!

— Полмиллиона?

— Полмиллиона.

— Вы же знаете, что у меня таких денег нет.

— Давайте не будем тратить время впустую, мистер Костакис. У вас есть имущество, которое примут в качестве обеспечения. Возьмите деньги под залог. Для вас это не составит труда.

— Теперь можно приступать,— говорит он и приказывает письменному столу: — Свяжись с Ниссенсоном.

— Прежде позвольте мне прояснить кое-что для себя,— говорит Костакис.— Этот человек увидит все, что есть в моем сознании? Получит доступ ко всем моим секретам?

— Нет. Нет. Я очень тщательно фильтрую связь. До него дойдет исключительно суть той проблемы, которой он должен заняться. А до вас — исключительно его ответ.

— А если он не найдет ответа?

— Найдет.

— А если он впоследствии использует то, что узнает, в своих интересах?

— Он связан обязательствами,— отвечает Скейн.— Никакого риска. Давайте приступать. Смелее!

— Скейн? Скейн? Скейн? Скейн?

Поднимается ветер. Летящий наверху песок пятнает серое небо. Скейн выбирается из ямы и ложится на краю, тяжело дыша. Человек с лицом-черепом помогает ему встать.

Эту серию образов Скейн видел сотни раз.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает человек с лицом-черепом.

— Странно. Хорошо. Голова такая ясная!

— У вас был контакт?

— О да! Да.

— И?

— Думаю, я исцелился,— удивленно говорит Скейн.— Моя сила вернулась. Прежде я чувствовал себя каким-то... обрубленным. Какая-то мини-версия самого себя. А теперь... А теперь...

Он позволяет щупальцу сознания выскользнуть наружу и коснуться разума человека с лицом-черепом. Однако проникнуть внутрь не может.

— Вы тоже коммуникатор? — потрясенно спрашивает Скейн.

— В каком-то смысле. Я чувствую ваше прикосновение. Вам лучше?

— Гораздо лучше. Гораздо. Гораздо.

— Как я и говорил. Вы получаете второй шанс, Скейн. Ваш дар вернулся. Благодаря нашему другу в этой яме. Им нравится быть полезными.

— Скейн? Скейн? Скейн? Скейн?

———

Мы воспринимаем время как текучее и неразрывное. Проблема в том, как примирить между собой эти концепции. С чисто формальной точки зрения никаких трудностей здесь нет, поскольку эти свойства можно примирить средствами концепции сукцессивности[1]. Каждое устройство измерения времени имеет эту характерную черту текучей неразрывности: час течет, пока он продолжается, и столько, сколько продолжается. Следовательно, его текучесть идентична его длительности. С этой точки зрения, время истекает, но его течение длится.

На ранних стадиях своей болезни во время скачков в будущее он переживал огромное множество всяких сцен. Он видел себя у особняка девятнадцатого столетия, в дюжине адвокатских контор, в отелях, терминалах, космических кораблях; видел себя обсуждающим природу времени с человеком с лицом-черепом, колеблющимся на краю ямы, вылезающим оттуда после исцеления, скитающимся по разным мирам в поисках «правильного» мира с фиолетовым песком и деревьями с голубыми листьями. По мере того как шло время, большинство этих сцен должным образом вливались в поток настоящего; он действительно оказывался у того особняка, действительно бывал в этих отелях и терминалах, действительно скитался по «неправильным» мирам. Сейчас, когда он приближался к Аббонданце-VI, скачков в прошлое было огромное множество, а скачков в будущее относительно мало, и последние ограничивались небольшим отрезком времени: охватывали приземление на Аббонданце-VI, первую встречу с человеком с лицом-черепом, прогулку к яме и появление оттуда уже исцелившимся. Дальше никогда ничего не было. Может, на Аббонданце-VI его время истечет?

Корабль приземлился на Аббонданце-VI на полдня раньше расписания. Пришлось пройти обычную процедуру дезинфекции, во время которой Скейн сидел в своей каюте, считая минуты перед освобождением. Странно, но его не покидала уверенность, что в этом мире он найдет человека с лицом-черепом и добрую амебу. Конечно, такое ощущение уже возникало у него

---

[1] Сукцессивность (в психологии) — развернутая последовательность протекания какого-либо процесса.

прежде, когда он покидал космические корабли на других планетах того же колорита — и ошибался. Однако сейчас эта уверенность была так сильна, что воспринималась как нечто новое. Он не сомневался, что его поиски закончатся здесь.

— Высадка начинается,— объявляет громкоговоритель.

Скейн стоит в очереди покидающих корабль пассажиров. Другие улыбаются, обнимаются, перешептываются; во время полета они обрели друзей или даже возлюбленных. Он в стороне. Никто не говорит ему «до свидания». Он выходит в ярко освещенный терминал, огромный стеклянный куб, один к одному похожий на другие терминалы, разбросанные по тысячам миров, до которых добрался человек. Почти как в Чикаго, Йоханнесбурге или Бейруте: те же носильщики, служба бронирования, таможенники, агенты отелей, водители такси, гиды. Зараза однообразия охватила всю вселенную. Скейн проходит таможенный досмотр, и на него обрушивается вал предложений. Чего он хочет — такси, номер в отеле, женщину, мужчину, гида, частный дом, слугу, билет на Аббонданцу-VII, личный автомобиль, переводчика, банк, телефон? Эта суета забрасывает Скейна в три последовательные десятисекундные фуги, все в прошлое; он видит дождливый день на острове Огненная Земля, устанавливает связь, чтобы помочь создателю небесных спектаклей усовершенствовать сюжет последней феерии, и прикладывает ладонь к кубу, чтобы продиктовать условия контракта с Николасом Костакисом. Потом Костакис тает, снова появляется терминал, и Скейн чувствует, как кто-то берет его за руку. Костлявые пальцы болезненно впиваются в тело. Это человек с лицом-черепом.

— Пойдемте со мной,— говорит он.— Я отведу вас туда, куда вы хотите попасть.

— Это не скачок в будущее? — спрашивает Скейн, как много раз спрашивал в прошлом.— Вы на самом деле здесь и встречаете меня?

И человек с лицом-черепом отвечает, как он уже много раз делал в прошлом:

— Нет, это не скачок в будущее. Я на самом деле здесь и встречаю вас.

— Слава богу. Слава богу. Слава богу.

— Вам вон туда. Паспорт наготове?

Знакомые слова. Скейн с ужасом ждет, что вот-вот выяснится: это опять фуга и в любой момент он может вернуться в ре-

альность. Но нет. Эпизод не прерывается. Он длится. Длится. Наконец-то он «поймал» ее, эту особенную сцену, жемчужину среди прочих сцен, догнал ее и оказался в ней в реальности, в складках настоящего. Он на пути к выходу из терминала. Человек с лицом-черепом помогает ему выполнить все формальности. Какой он морщинистый! Как яростно сверкают глаза, какое костлявое у него лицо! И эти глазные впадины, проступающие под кожей. Эти высохшие щеки. Скейн вслушивается в его хриплое дыхание. Один сильный удар, и не останется ничего, кроме облака белой пыли, медленно оседающей на землю.

— Я знаю, в чем ваша проблема,— говорит человек с лицом-черепом.— Вы оказались в когтях энтропии и были раздавлены. Повреждение в мозгу... оно поставило вас в положение, с которым вам самому не справиться. Вы могли бы с ним справиться, если бы смогли приспособиться к вашим ощущениям. Но это вам не по силам. И вы жаждете исцеления. Ну, здесь вас могут исцелить, все в порядке. По крайней мере, более или менее. Я отведу вас в нужное место.

— Что вы имеете в виду? Вы говорите, я мог бы справиться с моим состоянием, если бы мог приспосабливаться?

— Повреждение в мозгу освободило вас. Показало вам истинную природу времени, но вы отказываетесь принимать ее.

— Какую истинную природу? — спрашивает Скейн.

— Вы по-прежнему думаете, что время течет от альфы к омеге, от вчера через сегодня к завтра,— говорит человек с лицом-черепом, пока они медленно идут через терминал.— Но это не так. Идея прямого потока времени — обман, который мы навязываем себе в детстве. Абстракция, установленная по общему согласию, чтобы легче было справиться с этим феноменом. Истина в том, что события происходят беспорядочно, что хронологический поток — наша общая галлюцинация, и если про время вообще сказать, что оно течет, то течет оно во всех направлениях сразу. Значит...

— Постойте,— прерывает его Скейн.— Как вы, в таком случае, объясняете законы термодинамики? Энтропия возрастает, доступная энергия постоянно уменьшается, вселенная движется к окончательному застою.

— Так ли это?

— Второй закон термодинамики...

— ...абстракция,— договаривает человек с лицом-черепом,— которая, к несчастью, никак не соответствует истинной ситуации во вселенной. Это не божественный закон. Это математическая гипотеза, разработанная людьми, неспособными постигнуть подлинную ситуацию. Они делали, что могли, в рамках системы взглядов, доступных их пониманию. Их законы описывают вероятности, основанные на условиях внутри замкнутой системы, и в пределах такой системы второй закон полезен и многое объясняет. Однако во вселенной в целом он не соответствует действительности. Нет никакой «стрелы времени». Энтропия вовсе не обязательно возрастает. Естественные процессы могут быть обращены вспять. Причина не неизменно предшествует следствию. Концепция причин и следствий вообще не имеет смысла. Не существует ни причин, ни следствий, есть только события, происходящие спонтанно, а мы в своем сознании расставляем их в определенной последовательности — чтобы было понятнее.

— Нет,— бормочет Скейн.— Это безумие!

— Нет никакой четко организованной схемы. Все происходит беспорядочно.

— Нет.

— Почему вы так сопротивляетесь этой идее? Ваш мозг поврежден. В нем разрушен центр восприятия времени, узел, который люди используют для создания несуществующего порядка событий. Ваш фильтр времени сгорел. Для вас, Скейн, прошлое и будущее так же доступны, как и настоящее: вы можете отправиться куда пожелаете, можете наблюдать события прошлого так, как они на самом деле происходили. Но вы не способны отказаться от прежнего образа мыслей. Вы цепляетесь за условный, энтропийный порядок вещей, даже утратив механизм для осуществления этого. И конфликт между тем, что вы воспринимаете на самом деле, и тем, что вы считаете необходимым воспринимать, сводит вас с ума. Так?

— Откуда вам столько известно обо мне?

Человек с лицом-черепом усмехается.

— Я получил такое же повреждение мозга много лет назад, из-за похожей перегрузки. И у меня ушли годы на то, чтобы примириться с новой реальностью. Вначале я был в ужасе, как и вы. Однако теперь я все осознал. Я свободно перемещаюсь с места на место. Поверьте, я знаю, что говорю, Скейн.— Хриплый смех.—

Впрочем, вам нужно отдохнуть. Комната, постель. Хватит ломать голову. Пошли. Спешить больше некуда. Вы там, где нужно, и скоро будете в полном порядке.

Добавим, что связь возрастания энтропии и течения времени это вовсе не директива; скорее, то и другое показывают нам, что будет происходить с природными системами во времени и каким должно быть упорядочение времени для серии состояний системы. Следовательно, во многих случаях мы можем упорядочить время относительно серии каких-то событий, используя связь время-энтропия без всякой ссылки на часы и величины временных отклонений от настоящего. В суждении «прежде-потом» мы часто делаем это на основе собственного опыта (порой не имея никаких серьезных знаний о законе возрастания энтропии): мы знаем, например, что если железо находится на воздухе, то его поверхность сначала чиста, а потом ржавеет, или что одежда высохнет после, а не до того, как повисит на жарком солнце.

Напряженная влажная ночь грозы и временных бурь. Лежа в одиночестве на огромной кровати отеля, в пяти километрах от фиолетового побережья, Скейн переживает целый ряд яростных фут.

— Послушайте, я не допущу этого. Черепахи почти вымерли. Вы меня понимаете? Muerto. Perdido. Desaparecido. Я не ем черепах. Бросайте ее обратно. Бросайте ее обратно!

— Счастлив сообщить, что вы получаете право на вторую попытку, мистер Скейн. Долгой и счастливой новой жизни, сэр.

— Спускайтесь к ней. Сила ее воздействия обратно пропорциональна расстоянию в кубе, здесь вы не можете ее ощущать. Спускайтесь. Слейтесь с ней. Установите с ней связь, Скейн, установите связь!

— Показать вам мозаики? Помочь вам понять это удивительное здание? Всего доллар. Нет? Может, хотите поменять деньги? Хорошая цена.

— Прежде позвольте мне прояснить кое-что для себя. Этот человек увидит все, что есть в моем сознании? Получит доступ ко всем моим секретам?

— Я люблю тебя!
— Оставь меня!

— Вам никогда не приходило в голову, что причинно-следственная связь это иллюзия, Скейн? Утверждение, что существует последовательная цепочка событий, ложно. Мы сами придаем форму жизни, говорим о стреле времени, говорим, что существует движение от А через Г и К до Я, внушаем себе, что все линейно. Но это не так, Скейн. Это не так.

Завтрак на затененной веранде. Утренний свет придает деревьям ультрамариновый оттенок. Человек с лицом-черепом тоже здесь. Скейн внимательно вглядывается в иссохшее лицо. Может, он тоже иллюзия?

Прогулка к морю. Задолго до полудня они добираются до побережья. Человек с лицом-черепом указывает на юг, и они идут туда по берегу. Это нелегко — во многих местах песок смыт, приходится делать крюк от берега, карабкаться по кварцевым обрывам. Чудовищно старый человек неутомим. Остановившись передохнуть, они присаживаются на корточки на фиолетовой прибрежной полосе, сглаженной недавним отливом. Разговор о времени возобновляется, и Скейн слышит слова, которые более четырех лет эхом отдаются в его мозгу. Как будто все, что происходило до сих пор, было репетицией пьесы, и вот теперь он вышел на сцену.

— Вам никогда не приходило в голову, что причинно-следственная связь это иллюзия, Скейн?

— Я чувствую себя обязанным открыть ваш разум для света истины.

— Время — океан, и события приплывают к нам по воле случая, как вот это мертвое животное в волнах.

Скейн ни на йоту не отклоняется от сценария.

— Не могу согласиться с вами. Это дьявольская, хаотическая, нигилистическая теория.

— Как вы можете так рассуждать после всего, что пережили?

— Да, я продолжаю стоять на своем. Все мои переживания — просто психическое расстройство. Возможно, я безумен, но не вселенная.

— Все в точности наоборот. Вы лишь недавно обрели здравый ум и начали видеть вещи такими, каковы они на самом деле. Беда в том, что вы не желаете признавать очевидность того, что начали ощущать. Ваши фильтры отключены, Скейн! Вы освободились от иллюзии линейности! У вас есть шанс показать свою гибкость. Учитесь мириться с настоящей реальностью. Откажитесь от глупого требования искусственного порядка для потока времени. Почему результат должен быть следствием причины? Почему деревья не должны превращаться в семена? Почему вы так вцепились в эту бесполезную, затасканную, достойную презрения систему ложной оценки опыта, если сумели освободиться от...

— Прекратите! Прекратите! Прекратите!

К полудню они уже за много километров от отеля и по-прежнему держатся как можно ближе к берегу. Местность неровная, с вкраплениями шероховатых скал, доходящими почти до самой воды. Поход изматывает Скейна даже больше, чем это бывало в его видениях. Несколько раз он останавливается, тяжело дыша, и спутнику приходится его подталкивать, чтобы заставить продолжить путь.

— Теперь не так уж далеко,— говорит человек с лицом-черепом.— Вы сможете. Шаг за шагом, шаг за шагом, вот так.

— Я выдохся,— говорит Скейн.— Эти холмы...

— Я вдвое старше вас и чувствую себя прекрасно.

— Вы в лучшей форме. Я много месяцев провел взаперти в космических кораблях.

— Это недалеко,— повторяет человек с лицом-черепом.— Около ста метров от берега.

Скейн тащится вперед. Жара страшная. Он вязнет в песке; глаза заливает пот; он переживает короткую фугу, прыжок в прошлое.

— Это здесь,— в конце концов говорит человек с лицом-черепом.— Посмотрите вон туда, в яму.

Скейн видит конический кратер и в нем золотистую амебу.

— Спускайтесь к ней,— говорит человек с лицом-черепом.— Сила ее воздействия обратно пропорциональна расстоянию в кубе, здесь вы не можете ее ощутить. Спускайтесь. Слейтесь с ней. Установите с ней связь, Скейн, установите связь!

— И это исцелит меня? Я стану таким же, каким был до своих несчастий?

— Если вы позволите ей исцелить вас, да. Она этого хочет. Такой, знаете ли, всецело и абсолютно добрый организм. Она расцветает, излечивая сломанные души. Впустите ее в свое сознание, позвольте ей найти поврежденное место. Доверьтесь ей. Спускайтесь.

Скейн трепещет, стоя на краю ямы. Существо внизу течет и клубится, становится сначала длинным и узким, потом высоким и толстым, затем возвращается к первоначальной округлой форме. Его цвет углубляется до почти алого, излучение приобретает желтоватый оттенок. Оно как будто потягивается и прихорашивается. Кажется, оно ждет Скейна. Кажется, оно жаждет встречи с ним. Это то, чего он так долго искал, переходя с одной планеты на другую. Человек с лицом-черепом, фиолетовый песок, яма, существо. Скейн сбрасывает сандалии. «Что мне терять?» Он садится на краю ямы, соскальзывает вниз и мягко приземляется прямо рядом с существом, которое ждет его. И тут же ощущает его мощь.

Что-то слегка задевает мозг. Похожее ощущение возникало в процессе обучения в первой жизни Скейна, когда инструкторы объясняли, как развивать его дар. Пальцы осторожно зондируют сознание. «Давай, входи,— мысленно говорит Скейн.— Я открыт». И тут же чувствует связь с существом в яме. Не выраженную словами. Двухсторонний поток неясных образов: картины проникают в мозг и истекают из него. Вселенная расплывается. Скейн больше не знает, где находится центр его эго. Он всегда воспринимал свой мозг как сферу с самим собой в центре, но теперь кажется, что мозг растягивается, принимает эллиптическую форму, а у эллипса нет центра, лишь два фокуса — один в его собственном черепе, а другой — где? — внутри этой мягкой амебы.

Внезапно он видит себя глазами амебы. Большой двуногий с телом на костной основе. Как странно, как нелепо! Тем не менее он страдает. Тем не менее ему нужно помочь. Он ранен. Он

сломлен. Мы займемся им со всей нашей любовью. Мы исцелим его. И Скейн чувствует, как что-то растекается по обнаженным складкам и бороздам его мозга. Однако он не может вспомнить, человек он или чужеземец, имеет тело или лишен его. Их личности смешиваются. Он проходит через множество фуг, видит бесчисленные вчера и завтра, все бесформенные и бессодержательные; он не способен осознавать себя и понимать услышанные слова. Это не имеет значения. Все случайно. Все иллюзия. Расслабь узел боли, который ты сам завязал внутри себя. Прими. Прими. Прими. Прими.

Он принимает.

Он расслабляет.

Он сливается.

Он отбрасывает клочки собственного эго, этот тесный экзоскелет, и безмятежно позволяет произвести все необходимые корректировки.

Однако возможность термодинамического уменьшения энтропии в замкнутой системе — не имеет значения, насколько низка вероятность такой ситуации — выявляет дефект определения направления времени с точки зрения энтропии. Если изолированная система случайно проходит через уменьшение энтропии, мы должны сказать, что время «пошло вспять» — если наше определение стрелы времени основывалось на постулате возрастания энтропии. А если определять время, исходя из реального наступления событий и с учетом оценки величин временных отклонений от настоящего, никаких противоречий с феноменом уменьшения энтропии не возникает — он становится просто редкой аномалией среди физических процессов естественного мира.

Поднимается ветер. Летящий наверху песок пятнает серое небо. Скейн выбирается из ямы и ложится на краю, тяжело дыша. Человек с лицом-черепом помогает ему встать.

Эту серию образов Скейн видел сотни раз.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает человек с лицом-черепом.

— Странно. Хорошо. Голова такая ясная!

— У вас был контакт?

— О да! Да.

— И?

— Думаю, я исцелился,— удивленно говорит Скейн.— Моя сила вернулась. Прежде я чувствовал себя каким-то... обрубленным. Какая-то мини-версия самого себя. А теперь... А теперь...

Он позволяет щупальцу сознания выскользнуть наружу и коснуться разума человека с лицом-черепом. Однако проникнуть внутрь не может.

— Вы тоже коммуникатор? — потрясенно спрашивает он.

— В каком-то смысле. Я чувствую ваше прикосновение. Вам лучше?

— Гораздо лучше. Гораздо. Гораздо.

— Как я и говорил. Вы получаете второй шанс, Скейн. Ваш дар вернулся. Благодаря нашему другу в этой яме. Им нравится быть полезными.

— Что мне делать? Куда идти?

— Что угодно. Куда угодно. Когда угодно. Вы можете двигаться вдоль временной линии, как пожелаете. Создавать управляемую фугу, так сказать. В конце концов, если время беспорядочно, если не существует жесткой последовательности событий...

— Да.

— Почему бы не выбрать ту последовательность, которая кажется вам самой привлекательной? Зачем цепляться за набор абстракций, доставшийся вам от прежнего «я»? Вы свободный человек, Скейн. Вперед. Радуйтесь. Вернитесь в ваше прошлое. Отредактируйте его. Усовершенствуйте. Ведь все течет, Скейн, все течет. Выберите любой момент, какой предпочитаете.

Скейн проверяет, насколько истинно сказанное человеком с лицом-черепом. Осторожно отступает на три минуты назад и видит себя, выбирающегося из ямы. Ускользает на четыре минуты вперед и видит человека с лицом-черепом, в одиночестве медленно бредущего по берегу. Все течет. Он свободен. Свободен.

— Понимаете, Скейн?

— Теперь да.

Он вырвался из когтей энтропии. Он хозяин времени, а это значит, что он хозяин самому себе. Он может игнорировать иллюзорные силы детерминизма. Внезапно ему становится ясно, что нужно делать. Он отстоит свое право на свободу воли, бро-

сит энтропии вызов на ее площадке. Он покидает текущую временную линию и легко переносится в то, что другие называют «прошлым».

— Свяжись с Ниссенсоном,— приказывает он письменному столу.

Костакис мигает, явно взволнованный.

— Прежде позвольте мне прояснить кое-что для себя. Этот человек увидит все, что есть в моем сознании? Получит доступ ко всем моим секретам?

— Нет. Нет. Я тщательно фильтрую связь. До него дойдет исключительно суть той проблемы, которой он должен заняться. А до вас — исключительно его ответ.

— А если он не найдет ответа?

— Найдет.

— А если он впоследствии использует то, что узнает, в своих интересах? — спрашивает Костакис.

— Он связан обязательствами. Никакого риска. Давайте приступать. Смелее!

Письменный стол сообщает, что Ниссенсон, находящийся на другой стороне земного шара, в Сан-Пауло, готов. Скейн быстро вводит Костакиса в состояние восприятия и разворачивает кресло лицом к слепящему свету своей информационной системы. Вот момент, когда он может прервать осуществление сделки. Снова повернись лицом к Костакису, Скейн. Печально улыбнись и скажи, что связь неосуществима. Верни ему деньги, пусть идет к другому коммуникатору и калечит его разум. И живи себе дальше, здоровый и счастливый. Когда прежде Скейн в своих фугах бесконечное число раз возвращался к той сцене, именно в этот момент он безмолвно и беспомощно призывал себя остановиться. Но сейчас все в его власти, ведь это не фуга, не иллюзия смещения во времени. Он действительно переместился. Он здесь, но знает, что именно должно произойти, и он единственный Скейн, тот самый, действующий Скейн. Вставай. Откажись от контракта.

Он не делает этого. Вот как он игнорирует энтропию. Вот как он разрывает цепь.

Скейн смотрит на крошечные вспышки, искрящиеся и движущиеся: они подхлестывают его дар, усиливают электрические

импульсы мозга, пока он не поднимается до энергетического уровня, позволяющего установить связь. Он начинает действовать. Протягивает одно из щупальцев своего сознания и подцепляет Ниссенсона. Другим ловит Костакиса. Подтягивает щупальца друг к другу. Он понимает, что рискует, но убежден, что справится.

Щупальца встречаются.

Из мозга Костакиса течет поток, описывающий метод пересылки материи и проблемы рассеивания луча. Скейн направляет его Ниссенсону, и тот начинает вырабатывать решение. Комбинированная сила двух разумов очень велика, но Скейн искусно отводит избыточный заряд и поддерживает связь, не прикладывая излишних усилий, соединяя Костакиса и Ниссенсона, пока они обсуждают свои технические проблемы. Скейн не вникает в то, каким именно путем их возбужденные сознания устремляются к ответу.

Если вы... Да, и потом... Но если... Понимаю, да... Это я могу... И... Может, мне следует... Мне нравится... Это приводит к... Конечно... Неизбежный результат... Такое вообще-то осуществимо? Думаю, да... У вас должно получиться... Я смогу. Да. Я смогу.

— Миллион благодарностей,— говорит Костакис Скейну.— Все оказалось просто, когда мы поняли, с какой стороны подойти к проблеме. Мне ничуть не жаль денег, которые я заплатил вам. Нисколько.

Костакис уходит, сияя от восторга. Скейн с облегчением сообщает письменному столу:

— Я решил позволить себе трехдневный отдых. Подкорректируй все назначения.

Он улыбается, широкими шагами пересекает офис, включает усилители и любуется замечательным видом. С кошмарами покончено. Прошлое подправлено. Перегорания удалось избежать. Потребовались уверенность в себе и понимание происходящих процессов.

Внезапно у него возникает знакомое ощущение надвигающейся временной фуги. Не успевает он вмешаться и перехватить контроль, как проваливается во тьму и мгновенно оказывается на планете с фиолетовым песком и деревьями с голубыми листьями. Оранжевые волны лижут берег. Он стоит в нескольких

метрах от глубокой конической ямы. Глядит в нее и видит амебоподобное создание, лежащее рядом с человеческой фигурой. Чужеземная субстанция, похожая на желе, обволакивает человеческое тело. Он узнает в человеке Джона Скейна. Связь в яме завершается, человек начинает выбираться оттуда. Поднимается ветер. Летящий наверху песок пятнает серое небо. Он терпеливо наблюдает за молодым собой, вылезающим из ямы. Теперь он понимает. Круг замкнулся; узел завязан; петля тождества завершена. Он обречен провести долгие годы на Аббонданце-VI, постепенно старея и дряхлея. Он — человек с лицом-черепом.

Скейн выбирается на край ямы и лежит там, тяжело дыша. Он помогает Скейну встать.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает он.

Что мы узнали из утренней газеты

I

В тот вечер я пришел домой с работы, как обычно, в 18.47 и обнаружил, что наша тихая улица целый день гудит, будто пчелиный улей. Оказывается, в каждый дом на Редбад-Кресченд доставили «Нью-Йорк таймс» от 1 декабря. Так как сегодня понедельник, 22 ноября, выходит, что 1 декабря — середина следующей недели. Я спросил жену, ты уверена? Потому что утром перед работой сам просмотрел газету, и она показалась мне вполне обычной.

— Тебе за завтраком хоть на албанском газету подавай — покажется вполне обычной,— ответила жена.— Вот, посмотри.

— Сегодня действительно понедельник, двадцать второе ноября? — спросил я.

— Разумеется,— сказала жена.— Вчера было воскресенье, завтра будет вторник, а мы еще не были на Благодарении.

Я осмотрел газету. Заголовки самые обыденные, должен сказать. Такие мы видим каждый день. «ПРЕЗИДЕНТ С СУПРУГОЙ ПОСЕТЯТ ТРИ КИТАЙСКИХ ГОРОДА». Так. «10 РАНЕНЫХ ПРИ ПЕРЕСТРЕЛКЕ ПОЛИЦИИ С ГАНГСТЕРОМ». Ладно. В общем, обычный выпуск без всяких сюрпризов. Но помеченный 1 декабря, и это в некотором роде сюрприз.

— Просто шутка,— сказал я жене.

— Кто станет так шутить? Напечатать целый номер? Это невозможно, Билл.

© Перевод В. Баканова.

— Так же невозможно получить газету из середины следующей недели, тебе не кажется? — парировал я.

Потом я открыл пятидесятую страницу, где публикуют некрологи, и, признаться, почувствовал себя не в своей тарелке, потому что, кто знает, вдруг это никакая не шутка и каково будет найти свое собственное имя? Слава богу, умерли Гарри Турнер, доктор Фенштейн и Джон Миллис. Не скажу, что смерть этих людей доставила мне удовольствие, но уж лучше они, чем я, разумеется. Потом заглянул на спортивную страницу и увидел: «ПОЧТИ НИЧЬЯ 110:109». Мы собирались взять билеты на эту игру, и я сразу подумал, что теперь не стоит. Затем я вспомнил, что на баскетбольных играх можно делать ставки, а я знал, кто победит, и как-то странно себя почувствовал. Тут же я посмотрел результаты скачек, а потом быстро, флип-флип-флип, открыл биржевую страницу. Вот тогда я по-настоящему вспотел, отдал газету жене и снял пиджак и галстук.

Я поинтересовался, кто еще получил эту газету?

— В каждом доме на Редбад-Кресченд, то есть всего одиннадцать семей, но на всех других улицах получили обычную сегодняшнюю газету,— сказала жена.— Мы проверяли.

— Кто это мы? — спросил я.

— Мэри, и Цинди, и я. Цинди первая обнаружила и позвонила мне, а потом мы встретились и все обсудили. Билл, что будем делать? У нас ведь есть будущий курс акций и все остальное, Билл.

— Если это не шутка,— сказал я.

— Похоже, газета настоящая, разве нет?

Мои руки внезапно задрожали. Хотелось смеяться, потому что как раз в субботу вечером мы все жаловались на рутинное однообразие и предсказуемость жизни. И вот, пожалуйста, газета из середины следующей недели. Как будто Господь, послушав нас, хихикнул в рукав и велел Гавриилу или еще кому малость растормошить это болото с Редбад-Кресченд.

II

После обеда позвонил Джерри Уэсли и сказал: «У нас вечером собирается компания. Билл, ты придешь со своей половиной?»

Я спросил, по какому поводу встреча, и он ответил, по поводу газеты.

Джерри — страховой агент, и очень удачливый. У него лучший дом на Кресченд: двухэтажный, в стиле Тюдор. Мы прибыли седьмыми, а после нас подошли Максвеллы, Брусы и Томасоны. Цинди Уэсли, как обычно, понаделала канапе, а выпивки тут всегда хоть залейся. Джерри ухмыльнулся и поднял вверх газету. Оттуда, где я сидел, был виден лишь один заголовок «10 РАНЕНЫХ ПРИ ПЕРЕСТРЕЛКЕ ПОЛИЦИИ С ГАНГСТЕРОМ». Но этого хватило, чтобы я узнал ту газету.

— Вы понимаете,— начал Джерри,— что эта газета открывает перед нами необычайные возможности для улучшения материального положения?

— Разумеется,— перебил Боб Томасон,— но с чего мы взяли, что это не розыгрыш? Я хочу сказать, газета из будущей недели, кто может поверить?

Встал Майк. Майк настоящий ученый, преподает закон в Колумбийском университете.

— Конечно,— сказал Майк,— на первый взгляд кажется, что над нами пошутили. Но посмотрите на эту газету повнимательней. Ни одной необычной детали. Так что же больше похоже на правду? Что кто-то возьмет на себя труд набора, печати и доставки фиктивного номера «Таймс» или что газета попала к нам через какой-то прокол в четвертом измерении? Лично я нахожу маловероятными оба этих варианта, и все же трудно поверить в розыгрыш.

— Мы можем сделать кучу денег,— заметил Дейв Брус.

Все стали натянуто улыбаться. Очевидно, каждый просмотрел спортивную и биржевую страницы и пришел к тому же выводу.

— Надо прояснить еще кое-что,— сказал Джерри.— Разговаривал ли кто-нибудь о газете с посторонними, то есть с людьми, не находящимися сейчас в этой комнате?

— Нет.

— Хорошо. Мы не станем извещать «Таймс» и не проговоримся даже двоюродному брату в Доджвуд-Лэйнс. Просто спрячем наши газеты в укромное местечко и тихо будем делать свои дела.

Сид Фишер спросил:

— Решим сообща, что делать, или каждый будет действовать самостоятельно?

— Самостоятельно,— сказал Бад Максвелл.

— Конечно, самостоятельно,— сказал Дейв Брус.

Только Чарли Гаррис хотел организовать нечто вроде комитета. Чарли сильно не везет на бирже, и, думаю, он боялся рисковать даже с газетой из будущего. Джерри объявил голосование, и десять против одного были за личную инициативу.

Уже за напитками Джерри напомнил, что в нашем распоряжении всего неделя. К 1 декабря газета станет обычной бумагой. Действовать надо сейчас, пока у нас есть преимущество.

III

Беда в том, что при помощи газеты из следующей недели большого куша на бирже не сорвать. За несколько дней акции, как правило, не могут упасть или подняться на 50 процентов. И все же кое-чем я мог воспользоваться. В дневном номере «Пост» сообщалось, что до закрытия биржи вечером 22 ноября «Доу» шли по 802.15, а декабрьская «Таймс» упоминала «ошеломляющий двухдневный взлет» до 831.34 на 30 ноября. Вовсе недурно. Разложив «Пост» и «Таймс», я начал искать акции, которые поднялись по крайней мере на 10 процентов. Вот что я выписал:

Акции	Ноябрь 22	Ноябрь 30
«Левич»	$89\frac{1}{2}$	$103\frac{3}{4}$
«Баух и Ломб»	$133\frac{3}{8}$	149
«Натомас»	$45\frac{1}{4}$	57
«Дисней»	$99\frac{7}{8}$	$116\frac{3}{4}$
«ЕсиДж»	$19\frac{1}{4}$	$23\frac{3}{4}$

«Не ставь на одну лошадку, Билл»,— сказал я себе.

Позвонил своему маклеру, так, мол, и так, хочу кое-что купить на свободные.

«Не спеши, Билл, биржу лихорадит»,— посоветовал он.

Необычный маклер. Не всякий станет отговаривать вас и лишать себя комиссионных. Но я сказал, нет, у меня предчувствие, и

велел покупать «Левич», «Баух», «Натомас», «Дисней» и «ЕсиДж». Хорошо, решил я, если получится, считай, что подарил себе отпуск в Европе, и новый крайслер, и норку жене, и еще кучу всякого добра. А если нет? Тогда ты только что потерял уйму денег, Билли, дружище.

IV

Я воспользовался и спортивной страничкой. Заключил несколько пари на работе. В столовой побился об заклад на 250 долларов с Батчем Хантером, что «Сент-Луис» выиграет у «Гигантов», а по пути домой поставил на пару лошадок.

V

Во вторник вечером пришел домой, выпил и спросил жену, какие новости, а она ответила, целый день на улице только и разговоров, что о газете. Кое-кто из жен звонили маклерам и даже ставили на лошадей. Хорошо, моя жена не из таких, не женское это дело.

Какие акции они покупали, поинтересовался я.

О, она не помнит названий. Но чуть погодя позвонила Жеан Брус, и моя спросила о бирже, и Жеан ответила, что она купила «Виннебаго», «Ксерокс» и «Трансамерику». Слава богу, подумал я. Было бы подозрительно, если бы в тот же день вся Редбад-Кресченд стала покупать «Левич», «Баух», «Дисней», «Натомас» и «ЕсиДж». С другой стороны, чего беспокоиться, если кто и заметит, можно объяснить, что мы организовали клуб. Да и нет закона, запрещающего играть на бирже с помощью газеты из будущей недели. Впрочем, кому нужен лишний шум?

Я достал газету. Жеан, дура, связалась с «Ксероксом», он поднялся только на шесть процентов, а прибыль-то дают именно проценты. Зато «Виннебаго» больше чем на 10 процентов, а «Трансамерика» чуть ли не на 20. Жаль, что я не заметил, хотя чего жадничать, и я не промахнулся.

Сама газета меня удивила. Шрифт местами расплывался, кое-где я еле разбирал слова. По-моему, этого не было. Кроме того, бумага казалась другого цвета, более серая, более старая.

— Что-то происходит с газетой,— сказал я жене.

— Что ты имеешь в виду?

— Словно она разрушается.

— Все может быть,— вздохнула жена.— Это как сон. Во сне все меняется без предупреждения.

VI

Среда, 24, без перемен. «Доу» даже упали до 798.63. Тем не менее мои потихоньку идут вверх. Я уже выиграл 4 пункта на «Баух», 2 на «Натомас», 5 на «Левич», 2 на «Диснеи», три четверти на «ЕсиДж», и, хотя это далеко от предсказаний нашей газеты, впереди еще «ошеломляющий двухдневный взлет». «Виннебаго», «Трансамерика» и «Ксерокс» тоже немного поднялись. Завтра Благодарение и биржа закрыта.

VII

Благодарение. Днем пошли к Несбитам. Благодарение принято проводить со своими родственниками: дядями, тетями, кузинами и т. д., но это невозможно в новом районе, где народ со всех концов, поэтому мы едим индейку с соседями. Несбиты пригласили Фишеров, Гаррисов, Томасонов и нас с детьми, разумеется. Большое шумное сборище. Фишеры пришли очень поздно, у Эдит глаза покраснели и опухли от слез.

— Боже мой, боже мой,— повторяла она,— я только что нашла мертвой свою сестру.

Все стали задавать обычные бессмысленные вопросы, где она жила, что случилось. А Эдит всхлипнула и сказала, она еще не умерла, она умрет в следующий вторник.

— Эдит читала некрологи,— объяснил Сид Фишер.— Бог знает зачем, из любопытства, я полагаю.

— У нее больное сердце,— всхлипнула Эдит.— В этом году было три приступа.

Лейс Томасон подошла к Эдит, обняла ее нежно, это у Лейс так хорошо получается, и сказала, ну-ну, Эдит, все там будем рано или поздно, в конце концов, бедняжка больше не страдает.

— Как вы не понимаете,— вскричала Эдит,— она еще жива, и, возможно, если сейчас позвонить и отправить в больницу, ее могут спасти. Но что ей сказать? Она посмеется или решит, что

я сошла с ума. Или так расстроится, что упадет замертво. Что же делать, о господи, что делать?

— Скажи, что это предчувствие,— посоветовала моя жена.

— Нет,— оборвал Майк Несбит,— не делай ничего подобного, Эдит. Ее не спасли, когда пришло время.

— Время еще не пришло,— воскликнула Эдит.

— Пришло,— настаивал Майк,— потому что у нас есть газета, описывающая события тридцатого ноября в прошедшем времени.

— Но это моя сестра,— повторила Эдит.

— Будущее изменить нельзя,— сказал Майк.— Для нас события того дня так же реальны, как любое событие прошлого. Будущее, как колода карт. Вытащив одну, мы можем разрушить весь домик. Тебе надо смириться с судьбой, Эдит. Иначе, кто знает, что произойдет.

— Моя сестра,— прошептала Эдит.— Моя сестра умирает, а вы не позволяете мне пальцем шевельнуть, чтобы ее спасти.

VIII

Таким настроением Эдит портила весь праздник. Очень трудно быть радостными и благодарными, если рядом едва не рыдают. Фишеры ушли сразу после обеда. Мы утешали Эдит, как могли, и выражали сочувствие. Вскоре ушли Томасоны и Гаррисы.

Майк посмотрел на мою жену и на меня и сказал:

— Надеюсь, вы-то не собираетесь убегать так рано?

— Нет,— сказал я,— мы не спешим.

Майк говорил об Эдит и ее сестре. Ее нельзя спасти, продолжал настаивать он. Это может быть крайне опасно для всех нас, если Эдит попытается изменить будущее.

Потом мы стали обсуждать дела на бирже. Майк купил «Натомас», «Трансамерику» и «Электронные информационные системы», которые, по его словам, должны подняться с 34 $^{3}/_{4}$ до 47. Так мы беседовали, и он достал декабрьскую газету, чтобы сравнить кое-какие цифры. Заглядывая через его плечо, я обратил внимание, что шрифт очень неразборчивый, а страницы серые и хрупкие.

— Как ты думаешь, что происходит? Газета явно разрушается.

— Это энтропийный сдвиг,— сказал он.

— Энтропийный сдвиг?

— Газета, вероятно, подвергается крайне сильным энтропийным напряжениям из-за своего аномального положения в чужом времени. Я заметил, что шрифт расплывается, и не удивлюсь, если через несколько дней он вовсе исчезнет.

Тут я обратил внимание на «Баух» и «Ломб». 149 3/4.

— Погоди-ка,— сказал я.— Уверен, что тут должно быть сто сорок девять ровно. И «Натомас» — пятьдесят шесть и семь восьмых вместо пятидесяти семи. И еще некоторые другие.

Цифры не соответствовали тем, которые я помнил. Мы по-дружески поспорили, а потом не так уж и по-дружески, когда Майк намекнул, что у меня дырявая память. В конце концов я сбегал домой и принес свою газету. Мы положили их рядом и стали сравнивать. И конечно, на четверть, на восьмую, но они расходились. Что еще хуже, шифры не соответствовали тем, которые я выписал в первый день. Моя газета теперь показывала: «Баух» — сто сорок девять с половиной, «Натомас» — пятьдесят шесть с половиной, «Дисней» — сто семнадцать, «Левич» — сто четыре, «ЕсиДж» — двадцать три и пять восьмых. Все как бы скользило.

— Тяжелый случай энтропийного сдвига,— сказал Майк.

Мы сравнили другие страницы. Заголовки одинаковые, но в тексте были небольшие отличия. Разнились и фамилии в некрологах. В целом газеты были схожи, но не идентичны.

— Как это может быть? — удивился я.— Как напечатанные слова могут день ото дня меняться?

— Как вообще газета из будущего могла попасть к нам? — спросил Майк.

IX

Мы обзвонили других и расспросили о ценах акций. Кое-что уточняем, объяснили мы. Чарли Гаррис сказал, «Натомас» идет 56, а Джерри Уэсли сказал — 57 1/4, а Боб Томасон обнаружил, что страницу невозможно прочитать, все расплылось.

Энтропийный сдвиг.

Чему верить? Что реально?

X

В субботу днем пришел Боб Томасон. Крайне возбужденный, с газетой под мышкой. И с порога закричал, смотри, Билл, как такое может быть? Страницы буквально рассыпались. Будто этой газете миллион лет.

Я достал из шкафа свою. Она была в отвратительном состоянии, но кое-что еще читалось. «Натомас» — $56^{1}/_{4}$, «Левич» — $103^{1}/_{2}$, «Дисней» — $117^{1}/_{4}$. Все время новые цифры.

XI

Понедельник, 29 ноября. Все газеты рассыпались в труху. Съедены энтропией. Цены на бирже полезли вверх. Вчера «Луис» побил «Гигантов» и я за обедом получил свой выигрыш с Хантера. Сид и Эдит Фишеры внезапно уехали отдыхать во Флориду. Там живет сестра Эдит, та, которая должна завтра умереть.

XII

Все время думаю, не затеяла ли что-нибудь Эдит, презрев предупреждения Майка на Благоларении.

XIII

Итак, сегодня среда, 30 ноября, и я дома со свежим номером «Пост». Счастлив заявить, что, несмотря на энтропийный сдвиг, все вышло замечательно. Мой маклер продал акции, и я недурно заработал. Если эта неделя и стоила мне нервов, все с лихвой окупилось.

Завтра 1 декабря. Будет забавно увидеть старую газету.

XIV

Сегодня утром вышел, как обычно, перед завтраком за почтой, но получил газету за 22 ноября, тот номер, который тогда до меня не дошел.

Само по себе неплохо. Но эта газета полна событий, которых я не помню. Словно кто-то протянул руку в прошлое и все пере-

мешал. Наверняка я бы слышал об убийстве губернатора Миссури. И о землетрясении в Перу, погубившем 10 000 человек.

На работе первым делом зайду в библиотеку и сверю эту газету с тамошним номером «Таймс» от 22 ноября. Интересно.

Какую газету я получу завтра?

XV

Непохоже, что я сегодня вовсе попаду на работу. Вышел после завтрака к машине, чтобы ехать на станцию, а машины нет, нет ничего, все серо, просто серо, ни луга, ни деревьев, ни домов, просто густой туман, поглотивший все. Вернулся в дом, разбудил жену, рассказал ей. Что это значит, Билл, спросила она, что это значит, почему все серо? Не знаю, сказал я, давай включим радио. Но радио молчит и молчит телевизор, нет даже заставки, молчит телефон, все молчит, и я не знаю, что происходит, я ничего не понимаю. Должно быть, крайне тяжелый случай энтропийного сдвига. Время, наверное, каким-то сумасшедшим образом замкнулось само на себя.

Эдит, что ты с нами сделала?

Я не хочу здесь жить, я хочу продать дом, я хочу отменить подписку на газеты, я хочу назад в реальный мир, но как, как, я не знаю, все серо, серо, серо, все вокруг серо.

Сезон мутантов

Вчера выпал снег, три дюйма. А сегодня, вздымая поземку, дует с океана хлесткий холодный ветер. Самая настоящая зима, нижняя точка на графике года. В этот сезон и прибывают мутанты. Они появились десять дней назад, все те же шесть семей, что и обычно, и сняли дома возле пляжа, по северную сторону дороги, протянувшейся через дюны. Они любят приезжать сюда зимой, когда нет отпускников и пусты пляжи. Надо полагать, им не нравится, когда вокруг много нормальных. Зимой же здесь остаются лишь немногие, упрямое ядро из тех, что, вроде нас, предпочитают жить тут круглый год. Мы ничего не имеем против мутантов до тех пор, пока они нас не беспокоят.

Вон они на берегу: взрослые играют с детьми. Холод их, похоже, совсем не пугает. Выйди, например, я на улицу — замерз бы сразу, а они даже не одевают теплые пальто. Только легкие куртки и свитеры. Видно, у них кожа толще нашей — ровная, блестящая и зеленая, как яблоки, а может, и другой метаболизм. Можно подумать, они с какой-нибудь далекой планеты, так нет же: как вы и я, тоже граждане США. Одно слово — мутанты. Уроды, как говорили раньше. Но конечно, теперь так говорить не принято.

Занимаются они там своими мутантскими фокусами. Летают, понимаете ли. Не совсем, конечно, летают, скорее просто подпрыгивают и парят, но они могут махнуть футов на двадцать — тридцать вверх и парить там три или четыре минуты. «Левитация» это называется. Целая компания их сейчас левитирует прямо над океаном, зависнув высоко над волнорезами. Свалятся и

© Перевод А. Корженевского.

промокнут — будут тогда знать. Но они никогда не теряют контроля над собой. А вон двое играют в снежки, без всяких там рук, просто силой мысли подбирают снег, скатывают в комок и швыряют. Называется «телекинез».

Я эти слова узнал от старшей дочери Эллен. Ей семнадцать, и, на мой взгляд, она слишком много времени проводит с одним из парней-мутантов. Лучше бы держалась от него подальше.

Левитация. Телекинез. Мутанты, снимающие дома у пляжа. Совсем мир сошел с ума.

Видите, как резвятся? И вроде бы счастливы?

Уже три недели, как они приехали. Синди, моя младшая дочь — ей всего девять,— расспрашивала меня сегодня про мутантов. Кто они? Откуда?

Я сказал, что есть разные типы людей. У одних коричневая кожа и вьющиеся волосы, у других желтая кожа и раскосые глаза, у третьих...

— Это все расы,— сказала она.— Я знаю про расы. Все расы выглядят по-разному снаружи, но внутри они практически одинаковые. А мутанты совсем другие. У них особые способности, и некоторые даже выглядят не так, как мы. Они больше не похожи на нас, чем другие расы, и вот этого я не понимаю.

Я сказал, что это особый вид людей. Они рождаются не такими, как мы.

— Почему?

— Ты знаешь, что такое гены, Синди?

— Немножко знаю. Мы совсем недавно начали это проходить.

— Гены — это то, что определяет, какие у нас будут дети. У тебя глаза карие, потому что у меня гены для карих глаз, понимаешь? Но иногда в передающихся по наследству генах возникают изменения, и тогда получается что-нибудь странное. Желтые глаза, например. Это называется мутацией. А мутанты — это люди, у которых в прошлом с генами случилось что-то необычное, может быть, пятьдесят, сто или триста лет назад, и эти изменения стали постоянными, а потом передались от родителей к детям. Скажем, гены умения летать, как вот у них. Или гены блестящей кожи. Мутации бывают самые разные.

— А откуда мутанты взялись?

— Они всегда были.

— А почему никто никогда о них не говорил? Почему про мутантов нет в моих учебниках?

— Чтобы что-то попало в учебники, нужно время, Синди. Твои — были написаны десять или пятнадцать лет назад. Тогда люди еще очень мало знали про мутантов и никто о них много не говорил, особенно с детьми твоего возраста. Мутанты еще прятались. Они жили в отдаленных местах, таились и скрывали свои способности.

— А почему они больше не прячутся?

— Потому что им больше не нужно прятаться. Времена изменились. Обычные люди стали принимать факт их существования. За последнюю сотню лет мы избавились от множества предрассудков. А когда-то любой, кто хоть немного чем-нибудь отличался, мешал другим людям. Любые отличия: цвет кожи, религия, язык — из-за всего возникали трения, Синди. Теперь, кажется, мы научились принимать людей такими, какие они есть, даже тех, которые на нас не похожи. Теперь мы даже принимаем людей, которые не совсем люди. Как мутанты.

— Если ты принимаешь их,— спросила она,— тогда почему злишься, когда Эллен ходит гулять по берегу с этим... я не знаю, как его зовут.

Сразу после рождественских праздников друг Эллен вернулся в колледж. Тим его зовут. Учится на первом курсе в Корнеллском университете. Я думаю, Эллен тратит слишком много времени на длинные письма, но что я могу поделать?

Жена считает, что нам следует держаться с ними подружелюбнее. Они здесь уже полтора месяца, а мы лишь обмениваемся формальными приветствиями: киваем друг другу при встрече, улыбаемся, но не более. Мы даже не знаем, как их зовут. Я сказал, что мне и так неплохо, но ладно, мол, давай сходим и пригласим их к нам в гости.

Мы двинулись к дому, где живет семья Тима. Дверь открыл мужчина совершенно неопределенного возраста: от тридцати пяти до пятидесяти пяти. Раньше я никогда не видел никого из них так близко. У него было плоское лицо, необычайно широко посаженные глаза и блестящая, словно вощеная, кожа. В дом

он нас не пригласил. За его спиной я разглядел часть комнаты: там кто-то парил под потолком и вообще все выглядело очень странно. Так и оставаясь на пороге, испытывая неловкость, мы мялись и мямлили, пока наконец не высказали то, зачем пришли. Наше предложение его не особенно заинтересовало. Когда люди не хотят с кем-то встречаться, это всегда видно. Весьма сдержанно он сказал, что они сейчас заняты, ждут гостей и не могут к нам заглянуть. Как-нибудь в другой раз.

Готов спорить, мы их не увидим. Но не хотят — не надо. Сами себя отделяют, резервацию себе устраивают.

Ну и ладно. Мне от них ничего не нужно. В любом случае через две недели они уезжают.

Как быстро бегут месяцы! Сегодня пронеслась первая неуверенная метель, но зима по-настоящему еще не наступила. Надо полагать, скоро на побережье снова появятся наши странные соседи.

В пятницу прибыли три семьи, еще три заехали сегодня. Синди у них уже побывала. Говорит, в этом году семья Тима привезла собаку-мутанта — ни больше ни меньше. Что-то вроде пуделя, только с чешуйчатой кожей и яркими красными глазами, похожими на мраморные шарики. Мне стало как-то не по себе. Я не знал, что бывают еще и собаки-мутанты.

Я надеялся, Тима заберут в армию или еще что. Так нет же. К Рождеству приедет на две недели. Эллен уже считает дни.

Видел сегодня на берегу собаку-мутанта. На мой взгляд, это вообще не собака, а какая-то гигантская ящерица. Но она лает. Честное слово, лает. И виляет хвостом. Я видел, как Синди ее ласкала. Она играет с малышами-мутантами, словно это обычные дети. Она их принимает, и они ее тоже. Видимо, это нормально и естественно. Видимо, правы они, а не я. Но что я могу с собой поделать? Я не склонен к предрассудкам, но есть вещи, к которым привыкаешь сызмальства.

Сегодня Эллен гуляла с Тимом и вернулась уже за полночь.

Вечером Тим приходил к нам на ужин. Должен признать, он неплохой парень. Но какой-то странный. Эллен уговорила его показать нам левитацию. Он немного нахмурился и взмыл под

потолок. Феномен. Балаганное чудо. А моя дочь в него влюблена.

Завтра у него заканчиваются зимние каникулы. И слава богу.

Еще одна зима близится к концу. На этой неделе мутанты уезжают. В субботу у них была целая толпа гостей — тоже мутантов, но другого вида. Высокие, тощие, будто ходячие скелеты, очень бледные и сосредоточенные. Эти не разговаривают вслух. Синди говорит, что они общаются мысленно. Телепаты. Так они совершенно безвредные, но меня все это немного пугает. Мне представляются десятки странных видов людей, существующих среди нас, рядом с нами, бездна мутантов самого необычного вида, которые плодятся и размножаются. Теперь, когда они живут открыто, когда мы узнали, как много их на самом деле, я часто задумываюсь, какие еще сюрпризы уготованы нам, так называемым обычным людям? Не окажемся ли мы в меньшинстве через несколько поколений? Не станут ли те из нас, кто лишен этих сверхъестественных способностей, гражданами низшего сорта?

Это меня беспокоит.

Лето. Осень. Зима. Вот они снова прибывают. Может быть, в этом году мы наладим с ними более дружеские отношения.

В прошлом году они сняли семь домов. В этом — девять. Полагаю, это неплохо, когда вокруг много народу. До того как они стали приезжать, зимой здесь было довольно скучно.

Похоже, вот-вот пойдет снег. Скоро они будут здесь. Получил письмо от Эллен: просит подготовить ее старую комнату. Время бежит. Беспрестанно бежит. Все меняется. Всегда меняется. Снова возвращается зима, и с ней прибывают наши странные друзья. Уже девятый год подряд. Очень скучаю по Эллен.

Вчера приехали Эллен и Тим. Глядите, вон они на берегу. Да, они неплохо смотрятся вместе. А рядом с ними мой внук. Вот тот, в голубом комбинезончике. Видите, как он летает? От земли футах в десяти, честное слово! И развивается быстро. Он еще не умеет ходить, но, скажу вам, левитирует уже — будь здоров!

В ожидании катастрофы

До катастрофы, которая должна была уничтожить планету, оставалось одиннадцать недель, два дня и три часа, плюс-минус несколько минут, но неожиданно Мориси поймал себя на мысли, что, может, землетрясения вообще не будет. Он даже остановился. Это пришло ему в голову, когда он бродил по берегу Кольца-Океана, километрах в двенадцати от коттеджа, где жил. Он повернулся к своему спутнику, старому факсу Динуву, и спросил с интересом:

— А что, если планета вообще не будет дрожать?

— Но она будет,— спокойно ответил абориген.

— А что, если предсказание ошибочно?

Небольшое существо, покрытое голубой шерстью, гладкой и плотной, факс держался с холодноватым спокойствием — его давно миновали все штормы и метаморфозы той одиссеи, которую на пути воспроизведения рода в течение жизни претерпевают факсы. Стоя на задних конечностях, единственная пара которых у него осталась, он сказал:

— Вам следовало бы накрывать голову, когда в жаркое время находитесь на солнце, друг Мориси. Его сияние может вызвать некоторое смущение души.

— Вы полагаете, Динув, что я схожу с ума?

— Я полагаю, вы очень расстроены.

Мориси едва кивнул. Он отвернулся и посмотрел на запад, словно, прищурив глаза, мог увидеть за кроваво-красной океанской далью льдистые кристальные берега Дальнего Края, скрытого за горизонтом. В полукилометре от берега колыхались бли-

© Перевод И. Полоцка.

стающие ярко-зеленые пятна — в разгаре было размножение цароров. Высоко над этими расплывающимися пятнами вереница сияющих радужных воздушных созданий кружилась в легкой сарабанде брачного танца. Катастрофа их не затронет. Когда поверхность Медеи вспучится, покроется трещинами и рассыплется в прах, они все так же безмятежно будут парить в вышине, погруженные в свои недоступные миру мечты.

Однако, быть может, вовсе ничего и не произойдет, снова подумал Мориси.

Но он обманывал себя. Всю жизнь он ждал приближения апокалипсиса, который положит конец тысячелетнему обитанию людей на Медее, а сейчас, в его преддверии, ощущал какое-то извращенное удовлетворение, отворачиваясь от правды, которая, он понимал, неизбежна. Землетрясения не будет! Не будет! Жизнь будет продолжаться и продолжаться. Мысли эти вызвали у него острую, колющую боль. Ощущая твердый грунт под ногами, он испытывал странное чувство.

Мориси представил, как он рассылает веселые радостные послания всем тем, кто покинул обреченный мир: «Возвращайтесь, все в порядке, землетрясения не произошло! Возвращайтесь снова на Медею!» И вот он видит, как в небе кружит армада огромных сияющих кораблей, которые ныряют вниз подобно могучим дельфинам; их иглы сверкают в пурпурном небе, и они сотнями спускаются, высаживая исчезнувших обитателей Чонга, и Энрике, и Пеллуцидара, и Порт-Медеи, и Малагоцара. Толпы людей, смех, слезы, объятия старых друзей, встречи — города возрождаются к новой жизни! Мориси вздрогнул. Закрыв глаза, он крепко обхватил руками плечи. Мечты обретали силу галлюцинаций. Закружилась голова, бросило в жар, а задубевшая кожа, покрытая пятнами от ультрафиолетового излучения двух солнц, сделалась влажной.

«Возвращайтесь, возвращайтесь, возвращайтесь! Катастрофа отменяется!»

Он упивался этой картиной, представшей перед внутренним взором, старался сохранить ее подольше, но она стала меркнуть, яркость красок потускнела, и все исчезло.

— Осталось одиннадцать недель,— сказал он факсу.— И затем все, что существует на Медее, погибнет. Отчего вы так спокойны, Динув?

— А отчего быть неспокойным?

— Неужели вас это не волнует?

— А вас?

— Я люблю этот мир. Я не в состоянии перенести зрелище его гибели.

— Тогда почему вы не отправились домой на Землю вместе с остальными?

— Домой? Домой? Мой дом здесь. Я несу в себе гены Медеи. Мы живем здесь тысячу лет. Мои прапрадедушки родились на этой планете, так же как и их предки.

— И другие могли бы сказать то же самое. Но все же с приближением землетрясения они стали возвращаться домой. Почему вы остались?

Мориси, возвышавшийся над хрупким маленьким существом, помолчал, затем хрипло засмеялся и сказал:

— По той же причине, по которой и вы не обращаете внимания на грядущую гибель. Мы оба не можем вести себя иначе. Я ничего не знаю о Земле. Это не мой мир. Я слишком стар, чтобы начинать все сначала. А вы? Вы стоите на последних оставшихся ногах, разве это не так? Потомства у вас больше не будет, страсти утихли, и вас ждет существование в прекрасной, тихой выжженной пустыне.— Мориси хмыкнул.— Мы в равном положении. Будем ждать конца вместе, две старые развалины.

Факс посмотрел на Мориси блестящими бесстрастными глазами, в глубине их скользнула усмешка. Затем он указал вниз по склону, на мыс метрах в трехстах от них, его песчаные откосы уже покрывал плотный ковер режущих мхов и заросли крючковатого кустарника с желтыми листьями. Там резвилась пара факсов, их фигурки резко выделялись на фоне сияющего небосвода. За самкой, молодой, со всеми шестью ногами, готовой принести свой первый помет, покусывая ее за ляжки, прыгал на двух ногах самец, и даже отсюда Мориси видел, как он возбужден.

— Вы видите, чем они заняты? — спросил Динув.

Мориси пожал плечами:

— Брачной игрой.

— Да. А когда у них появятся малыши?

— Через пятнадцать недель.

— Неужели они должны погибнуть? — спросил факс.— Зачем тогда все? Для чего они произведут на свет малышей, если смерть их неизбежна?

— Но они ничего не могут сделать и...

Динув остановил Мориси передней лапой:

— Сегодня для вас этот вопрос не имеет ответа. Пока вы всего не поймете, не отвечайте на него. Пожалуйста.

— Я не...

— Не понимаете. Конечно.— Динув усмехнулся неподражаемой улыбкой факсов.— Прогулка утомила вас. Идемте, я провожу вас до дома.

Они поднялись по тропинке, которая вилась вдоль обрыва над бледно-голубым песком пляжа, а потом, замедлив шаг, спустились к дороге и направились между покинутыми летними домиками к коттеджу Мориси. Когда-то здесь, на дюнах Арговью, размещалась шумная веселая прибрежная коммуна, но это было очень давно. Сейчас Мориси предпочел бы жить в более отдаленном месте, где не так ощущалось вмешательство тяжелой руки человека в естественную красоту пейзажа, но это было рискованно. Даже после десяти столетий колонизации Медея все еще была миром, где можно столкнуться с любой неожиданностью. Неосвоенные места продолжали оставаться неосвоенными, и на то были свои причины. Оказавшись после эвакуации в одиночестве, он был вынужден держаться поближе к поселению с его запасами пищи и материалов. В таких обстоятельствах было не до безмятежного любования живописными видами.

Но дикая природа уже стала стремительно завоевывать покинутое пространство. В давние времена эти низкие берега влажных тропиков кишели самыми разными созданиями. Некоторые из них исчезли в результате систематического уничтожения, а некоторые покинули эти места, отпугнутые близостью человеческих поселений. Теперь прежние обитатели начали возвращаться. Несколько недель назад Мориси наблюдал, как на берег выбралось странное создание — гигантское колбасообразное существо, покрытое черными пятнами; помогая себе причудливо изогнутыми плавниками и вонзая в песок клыки, оно рывками продвигалось вперед. Его гнал неутомимый инстинкт. Чудовищными усилиями оно выбралось на берег, протащив свое тело метров двадцать по лазурному песку, а через несколько часов сотни юных созданий размером не больше руки Мориси появились из огромной туши и, с бешеной энергией буравя песок, устремились к волнам подступающего прибоя. Море снова становилось обителью чудовищ. Мориси ничего не имел против этого. Отдых на волнах давно его не привлекал.

Уже десятилетие он жил сам по себе вблизи океана, в коттедже с низкой крышей, типичной для старого Аркана ветрозащитной конструкции, которая надежно противостояла дьявольским штормам Медеи. Во времена, когда он был женат и работал геофизиком, наносил на карту линии разломов, они с Надей и Пол с Даниел имели дом на окраине Чонга, на Северном мысе, откуда открывался вид на Высокие Водопады, а сюда они приезжали только на зиму. Но Надя ушла от него, чтобы слиться в космической гармонии с сообществом серьезных, благородных и бесстрастных шаров. Даниел на Горячих Землях получила удар от двух солнц и не вернулась, а Пол, старый, грубоватый, несгибаемый Пол, впал в смятение от мысли о грядущем через десятилетие землетрясении. К Рождеству он собрался и поднялся на борт корабля земной линии. Все эти события произошли в течение четырех месяцев, и Мориси понял, что его больше не тянет на свежий морозный воздух Северного мыса. Поэтому он спустился к дюнам Арговью, чтобы провести последние годы в комфорте мягкого тропического климата. Ныне он остался один из всей береговой коммуны. Он взял с собой личные кубики Пола, Нади и Даниел, но включать их было для него слишком мучительно, и давно уже его единственным собеседником был старый Динув. Насколько он знал, людей не осталось на Медее. Вокруг только факсы и шары. Да морские чудовища, горные демоны, пальцы ветра и прочие исконные обитатели этой планеты.

Мориси и Динув молча постояли возле дома, наблюдая заход солнца. Вдали вспыхивали желто-зеленые сполохи зарниц, которые постоянно дрожали в небе Медеи, и двойное солнце, Фрикс и Гелла, горящее красно-оранжевым пятном, спускалось за горизонт. Через несколько часов оно исчезнет, и его сияние прольется на пустыни сухого льда Дальнего Края. На обитаемой стороне Медеи никогда не наступала полная темнота: огромная масса Арго, гигантской газовой планеты, раскаленной до красного сияния, чьим спутником была Медея, находилась всего лишь в миллионе километров. Медея, подчиняясь силе тяготения Арго, все время была обращена к нему одной стороной. Исходящее от Арго тепло позволяло существовать жизни на планете.

Двойное солнце спустилось за горизонт, и на небе проступили звезды.

— Смотри,— сказал Динув,— Арго готов съесть белый огонь.

Факсы предпочитали употреблять собственные астрономические термины, но Мориси понял, что тот хотел сказать. Фрикс и Гелла были не единственными светилами на небосводе Медеи. Два красно-оранжевых карлика в свою очередь зависели от пары величественных бело-голубых звезд — Кастора А и Кастора В. Хотя они находились в тысячу раз дальше от Медеи, чем красно-оранжевые карлики, их холодно-льдистый алмазный свет был виден и днем и ночью. Но сейчас они уходили за огромное тело Арго, чья тень падала на них, и скоро — через одиннадцать недель, два дня и один час плюс-минус несколько минут — должны были совсем исчезнуть за ним.

И следовательно, землетрясение было неизбежно.

Мориси рассердился на самого себя из-за необоснованных слюнявых фантазий, которые посетили его час назад. Землетрясения не будет? В последнюю секунду произойдет чудо? Ошибка в расчетах? Ну конечно. Конечно. Если бы да кабы... Катастрофа неизбежна. Придет день, когда расположение небесных тел станет именно таким, Фрикс и Гелла окажутся тут, а Касторы А и В — там и там, и Горячие Земли почувствуют огромную силу притяжения Арго, тогда вектор сил тяготения всех небесных тел вытянется в одну прямую линию и огромная мощь гравитационных сил взломает чрево Медеи.

Так происходит каждые 7160 лет. И стрелки приближаются к роковому часу.

Когда несколько столетий назад астрономы обратили свое запоздалое внимание на настойчиво повторяющуюся в фольклоре факсов тему апокалипсиса, это не вызвало серьезного беспокойства. Слухи о том, что в ближайшие пятьсот-шестьсот лет мир погибнет, напоминали предупреждения, что вы скончаетесь в ближайшие пятьдесят-шестьдесят лет; разговоры эти никак не влияли на повседневную жизнь. Однако с течением времени, когда задрожали стрелки сейсмографов, люди стали серьезнее относиться к пророчествам. Это, без сомнения, отрицательно сказалось на экономике Медеи последних столетий. Но тем не менее поколение Мориси оказалось первым, которому пришлось реально оценивать размеры надвигающегося бедствия. Пришлось признать, что меньше чем через десятилетие тысячелетняя колония исчезнет с лица планеты.

— Как тихо вокруг.— Мориси посмотрел на факса.— Как вы думаете, Динув, остался ли кто-нибудь еще, кроме меня?

— Как я могу это знать?

— Не лукавьте, Динув. Ваш народ может общаться способом, о котором мы только начали догадываться. Вы все знаете.

— Мир велик,— серьезно сказал факс.— И в нем много городов, выстроенных человеком. Возможно, в них живут и другие представители вашего вида, но точных сведений у меня нет. Вполне вероятно, что вы остались последним.

— Полагаю, непременно должен быть кто-то еще.

— Вы будете удовлетворены, узнав, что являетесь последним человеком на планете?

— По вашему мнению, это свидетельствует либо о моей стойкости, либо о том, что я рассматриваю гибель колонии как благо?

— И о том и о другом,— ответил факс.

— Я далек от этого,— сказал Мориси.— И от того и от другого. Уж если я и оказался последним, то только потому, что не хотел уезжать. Вот и все. Тут мой дом, и я остаюсь здесь. Я не вижу в этом ни благородства, ни мужества, гордиться нечем. Я не хотел бы катастрофы, но я бессилен что-либо изменить, а поэтому не думаю, что меня это должно беспокоить.

— В самом деле? — удивился Динув.— Совсем недавно вы говорили иное.

Мориси улыбнулся.

— Ничто не вечно. Мы считали, что строим на века, но время движется, и все превращается в прах, и от искусства остаются только замшелые памятники, и песок становится песчаником... и что с того? Когда-то здесь существовал мир, но мы превратили его в свою колонию. Однако теперь люди покинули ее, и когда ветры унесут наши следы, здесь снова появится тот же мир.

— Вы говорите, как глубокий старик,— сказал факс.

— Я и есть глубокий старик. Я даже старше вас...

— Это если считать годы. Мы живем стремительнее вас, и в свои лета я уже испытал все, что было мне суждено, и если даже планета не рассыплется в прах, моя жизнь все равно скоро завершится. А у вас еще есть время.

Мориси пожал плечами.

— Я знаю, что в Порт-Медее,— сказал факс,— стоят звездные корабли, заправленные и готовые к старту. Стоит только нажать кнопку.

— Вы уверены? Корабли, готовые к старту?

— Их много. Они никому не нужны. Ахьи видели их и рассказали нам.

— Шары? Что они делали в Порт-Медее?

— Кто понимает ахьев? Они носятся всюду, где им вздумается. Но они видели корабли, друг Мориси. Вы еще можете спастись.

— Конечно,— сказал Мориси.— Покрою на флиттере тысячу километров над Медеей и недрогнувшей рукой направлю корабль, а сам на пятьдесят лет погружусь в анабиоз, чтобы в полном одиночестве объявиться на чужой планете, где когда-то довелось родиться моим далеким предкам. Чего еще желать?

— Я думаю, что, когда планета дрогнет, вы умрете.

— А я думаю, что умру, даже если этого не произойдет.

— Рано или поздно. Но лучше поздно.

— Если бы я хотел покинуть Медею,— сказал Мориси,— я бы это сделал вместе с остальными. Сейчас уже не время.

— Нет,— сказал факс.— В Порт-Медее стоят корабли. Отправляйтесь в Порт-Медею, мой друг.

Мориси молчал. В мерцающем свете сумерек он опустился на колени и коснулся дикого побега, который вторгся в его сад. Когда-то со всех концов Медеи он собрал здесь экзотические растения, способные переносить скудную почву и дожди Мокрых Земель, но сейчас, по мере приближения конца, береговая растительность стала занимать свое исконное место, подавляя его любимые деревья и лианы, и он уже не в состоянии был защитить их.

— Думаю, что я отправлюсь в дорогу, Динув,— сказал он.

— В Порт-Медею? — Факс не мог скрыть удивления.

— И туда, и в другие места. Я хочу попрощаться со всей планетой.— Он сам удивился тому, что сказал.— Я ведь остался последним тут. И шанс у меня последний. Его надо использовать. Сказать Медее последнее прости. Кто-то должен обойти ее из конца в конец и потушить последние огни. И я это сделаю.

— И вы вернетесь домой на звездном корабле?

— Это не входит в мои планы. Я вернусь сюда, Динув. Можете рассчитывать на это. До того, как наступит конец, мы еще увидимся. Я обещаю.

— Я бы хотел, чтобы вы вернулись домой,— настаивал факс,— и спаслись.

— Я вернусь,— сказал Мориси.— И спасу себя. Через одиннадцать недель. Немногим больше или меньше.

Весь следующий день, сумеречный и спокойный, Мориси провел, планируя свое путешествие, читал, упаковывал вещи, а вечером, когда сгустились красноватые сумерки, пошел прогуляться по песчаной полосе пляжа. Ни Динув, ни кто другой из здешних факсов не показывались, только сотни шаров тесными стайками плыли по направлению к морю. В темноте поблекла их мерцающая окраска, но огромные тугие объемы, вытянувшиеся длинными цепочками, представляли собой величественное зрелище. Когда они проплывали над головой Мориси, он приветствовал их, *тихо говоря:*

— Счастливого полета вам, братья.

Но шары, как обычно, не обращали на него внимания.

Ближе к вечеру он вытащил из шкафчика припасы к обеду, которые приберег для особого случая. Мадагоцарские устрицы и филе вандалеура со стручками нового урожая. У него еще оставались две бутылки золотого палинурского, и он открыл одну из них. Он ел и пил, пока его не стало клонить в сон, тогда он забрался в постель, запрограммировал себя на десятичасовой сон, что было почти вдвое больше обычного для его возраста, и закрыл глаза.

Когда он проснулся, было позднее утро гуманного дня, и хотя двойное солнце еще не показалось, но его розоватые лучи уже окрасили гребни дальних холмов на востоке. Быстро позавтракав, Мориси отправился в город пополнить свои припасы. Он набил холодильник провизией месяца на три, так как плохо представлял, что его ждет дальше. На аэродроме, где прежде постоянные обитатели Энрике и Пеллуцидара держали свои флиттеры для полетов на уик-энд, он нашел и свой флиттер. Муаровая окраска на его обтекаемых поверхностях несколько поблекла без ухода. Но силовая установка по-прежнему показывала полную загрузку, однако на всякий случай он снял с соседнего флиттера дополнительный бак и подключил его как запасной. Он не летал уже несколько лет, но это его не беспокоило: флиттер подчинялся командам голосом, и Мориси был уверен, что ошибки

не совершит. К полудню все было готово. Он расположился на пилотском сиденье и приказал:

— Проверка систем к полету.

По контрольной панели пробежали огоньки. Впечатляющее зрелище — хореография технологического века, хотя Мориси подзабыл, что оно означало. Он затребовал звуковую информацию, и флиттер ровным, без интонаций контральто доложил, что готов к взлету.

— Курс — пятьдесят километров точно на запад, на высоте пятьсот метров, затем на северо-северо-восток вплоть до Джейнтауна, на восток до Хоумен-фарм и обратно на юго-запад до Арговью. После этого без посадки — точно на север по кратчайшему пути до Порт-Като. Уяснил?

Мориси напрягся в ожидании взлета. Тишина и молчание.

— Ну? — сказал он.

— Жду разрешения диспетчера,— отозвался флиттер.

— Наземные системы управления полетами отменены.

По-прежнему ничего не происходило. Мориси задумался, как заставить программу действовать. Но флиттер, видимо, принял решение, и через мгновение в кабине зажглись взлетные огни, а с кормы донеслось ровное гудение двигателя. Маленькая машина подняла закрылки, скользнула на взлетную полосу и взмыла в сырой, тяжелый, взвихренный воздух.

Он решил начать свое путешествие с торжественного облета окрестностей — главным образом, чтобы убедиться в способности флиттера держаться в воздухе, однако тем самым он хотел еще и продемонстрировать факсам, что хотя бы одно создание рук человеческих по-прежнему пересекает небесный свод. Через несколько минут он уже был над пляжем, пролетел точно над своим домом, сад которого единственный еще не затопили джунгли, а затем пронесся над темными водами океанского пролива. Теперь — прямо на север, к Джейнтауну, большому портовому городу, в овальной гавани которого ржавели туристские лайнеры, а неподалеку от побережья виднелись заброшенные фермы, где величественные гаттабанги, уже оплетенные лианами, были усеяны сочными пурпурными плодами. И обратно — к Арговью, к крутым песчаным холмам. Пространство под ним было гнетуще пустынным. Повсюду он видел факсов — вереницы шести-

ногих самок (иногда попадались и четырехногие), возглавляемые самцами. Похоже, все направлялись в глубь материка, к Горячим Землям, хотя прежде подобных миграций он не замечал. А может быть... Может, не случайно факсы тянулись к центру материка, ведь самым почитаемым местом для них был величественный остроглавый пик, расположенный прямо под Арго, который колонисты называли Олимпом. Воздух там был так горяч, что вода закипала сама по себе, а жить могли лишь немногие существа, приспособившиеся к таким условиям. На этом плоскогорье, выжженном беспощадным жаром, факсы должны были погибнуть с той же неизбежностью, что и люди, но, быть может, подумал Мориси, когда разразится катастрофа, они хотят быть как можно ближе к своей святыне. Приближающееся завершение жизненного цикла было центральным событием в космологии факсов — тысячелетнее ожидание чуда.

Он насчитал до пятидесяти отдельных групп. Возможно, среди них был и его друг Динув. И тут Мориси понял, как сильно хочет еще раз увидеть Динува, если тот дожидается его на дюнах Арговью.

Облет района занял меньше часа. Вот он снова увидел дюны, флиттер сделал изящный пируэт над городком и устремился вдоль берега прямо на север.

Маршрут, намеченный Мориси, предполагал, что он сначала доберется до Арки на западном берегу, потом через Горячие Земли до Северного мыса и, прежде чем повернуть обратно к дюнам, долетит до другого берега, до Марагоцара, расположенного в тропиках. Тогда ему станет ясно, какой след оставило пребывание человека на Медее.

Планета была разделена на два больших полушария, отделенных друг от друга водным поясом Кольца-Океана. Но Дальний Край представлял собой ледяную пустыню, не знавшую тепла Арго, и здесь никогда не было постоянных поселений, разве что исследовательские базы, да и тех за последние четыреста лет почти не осталось.

Колония на Медее основывалась с целью научных исследований, тщательного, целостного изучения чуждой среды, но с течением времени эти намерения постепенно забылись. Даже в теплом поясе вторжение человека ограничивалось двойной це-

нью поселений вдоль берегов — от тропиков и до тех мест, где позволяла существовать все возрастающая температура, а попытки освоить глубины материка не простирались дальше нескольких сот километров. Пустынное высокогорье было необитаемым, и лишь несколько человек, побывавших на границе Горячих Земель, сочли их достаточно гостеприимными, хотя и шарам, и некоторым кланам факсов их климат нравился. Люди позволили себе расположиться лишь на глади Кольца-Океана, в экваториальных водах которого, заполненных бурыми водорослями, они создали искусственные острова. В течение тысячелетия человеческий анклав на Медее, подобно амебе, расползался в стороны, пока его протяженность не достигла тысячи километров.

Но теперь Мориси видел, как железный пояс городов рассыпается и отступает под напором молодой растительности. Большие пятна оранжевой и желтой листвы уже вторглись на дорожки аэропортов, на городские площади, захватили пригороды, перекрыли скоростные автострады. То, что начали джунгли, подумал он, завершит землетрясение.

На третий день Мориси увидел перед собой Хансонию, темно-оранжевый мазок на поверхности океана, и скоро флиттер уже примеривался к аэродромной дорожке Порт-Като, расположенного на восточном берегу этого большого острова. Мориси попытался связаться с кем-нибудь по рации, но в приемнике стояла тишина, прерывавшаяся лишь статическими разрядами. Он решил садиться.

Хансония никогда не была густо населена. Так повелось еще с тех времен, когда здесь располагалась экологическая лаборатория — в отрыве от материка на острове развились своеобразные формы обитателей. И как-то так получилось, что даже во времена расцвета Медеи остров находился на особом положении.

В аэропорту стояло несколько машин. Мориси нашел среди них заправленную и через десять минут уже был в Порт-Като.

В городе стоял гнилостный запах красной плесени. Строения, плетеные хижины с соломенными крышами, обрушились. Суставчатые стволы деревьев, названия которых Мориси не знал, возвышались посреди улиц, проглядывали сквозь крыши и кроны других деревьев. Со стороны Дальнего Края дул холодный режущий ветер. Два факса, четырехногие самки, которых со-

провождали несколько юных самцов, вышли из полуразрушенного склада и посмотрели на него с нескрываемым изумлением. Шкуры их были настолько сини, что отливали чернью,— островитяне, они отличались от обитателей материка.

— Вы вернулись? — спросил один, совершенно особым образом произнося слова.

— Только навестить. Есть тут какие-нибудь люди?

— Ты,— сказал другой факс. Он подумал, что они смеются над ним.— Скоро земля будет дрожать. Ты знаешь?

— Знаю,— сказал он.

Самки поманили за собой молодых, и все ушли.

Три часа Мориси бродил по городу, стараясь подавить тягостное чувство от вида развалин, следов разрухи и гниения. Казалось, город покинут самое малое лет пятьдесят назад. Хотя, скорее всего, прошло пять-шесть лет.

В конце дня он заглянул в маленький дом на окраине, уже опутанный растениями. Здесь он нашел действующую систему личного кубика.

Кубик был мудрой штукой. Сканирующее устройство запечатлевало не только черты лица, характерные движения, голос, манеру говорить, но и систему вашего мышления и вкладывало все это в кубик. И то, что воссоздавал кубик, было вполне правдоподобной имитацией человеческой личности, лучшее из всех возможных воспоминаний о любимых, друзьях или учителях — электронный фантом, способный усваивать и перерабатывать данные, поддерживать беседу, задавать вопросы, создавая впечатление, что в глубине кубика заключено живое существо.

Мориси вставил кубик в щель приемного устройства. На экране появился щуплый человек с тонкими губами и высоким лбом.

— Меня зовут Леопольд Браннум,— представился он.— Ксеногенетик по специальности. Какой сейчас год?

— Осень девяносто седьмого,— сказал Мориси.— Чуть более десяти недель до катастрофы.

— И что вы хотите?

— Ничего особенного. Просто я оказался в Порт-Като, и мне захотелось с кем-нибудь поговорить.

— Так говорите,— сказал Браннум.— Что происходит в Порт-Като?

— Ничего. Полная тишина. Город пуст.

— Эвакуирован весь город?

— Насколько я знаю, вся планета. Остались только шары, факсы и я. Когда вы уехали отсюда, Браннум?

— Летом девяносто второго.— сказал человек на экране.

— Не понимаю, почему все так заторопились. Ведь было совершенно ясно, что ранее назначенного срока землетрясения не произойдет.

— Я не торопился,— возразил Браннум.— Я покинул Порт-Като, чтобы продолжать свои исследования несколько иным путем.

— Не понимаю.

— Я решил объединиться с шарами.

От слов Браннума у Мориси перехватило дыхание, будто от леденящего порыва ветра.

— Так же поступила и моя жена,— справившись с собой, сказал он.— Возможно, вы ее и знаете. Надя Дютуа — она была из Чонга...

Лицо на экране мрачно усмехнулось.

— Похоже, вы не понимаете, что я — всего лишь электронная запись.

— О, конечно, конечно.

— Я не знаю, где сейчас находится ваша жена. Я даже не знаю, где сейчас я сам. Могу только сказать, что, где бы мы ни были, там царят мир, покой и совершенная гармония.

— Да. Конечно.

Мориси вспомнился тот тяжкий день, когда Надя сказала ему, что не в силах сопротивляться притягательной силе душевных уз, связывающих ее с воздушными созданиями, что она уходит, дабы слиться с коллективным разумом ахьев. За всю историю Медеи так поступили лишь несколько человек. Никто больше никогда их не видел. Люди говорили, что души их вознеслись, а тела остались лежать погребенными где-то в сухих льдах Дальнего Края. Ближе к концу такие случаи стали учащаться — месяц за месяцем все больше колонистов исчезали в потоках небесной гармонии, которую олицетворяли шары. В представлении Мориси это было одной из форм самоубийства, а для Нади, Браннума и подобных им — путем к вечному блаженству. Но кто знает? Может, в самом деле лучше отправиться в нескончаемое путешествие, слившись с необъятным разумом ахьев, чем в панике

кидаться в тот чужой и непонятный мир, которым стала для них Земля.

— Я надеюсь, что вы нашли то, к чему стремились, — сказал Мориси. — Надеюсь, и она тоже.

Он отключил кубик и быстро покинул дом.

Мориси летел на север над морем, затянутым полосами тумана. Внизу проносились плавучие города тропических широт, восхитительное разноцветье крыш и уступов. Там, где берег сплошь затоплен растительностью, прикинул он, должен лежать Порт-Бэксайд, один из самых больших и цветущих городов Медеи. Волны прибоя мерно окатывали волнолом. Других следов человеческого существования не было видно, и он решил не приземляться.

Пеллуцидар, расположенный на материке, был тоже пуст. Мориси провел в нем четыре дня. Он побывал в висящих над морем садах, в знаменитой концертной Колоннаде, наблюдая за ходом светила с вершины Хрустальной пирамиды. В этот последний вечер над ним густым потоком плыли шары, сотни шаров направлялись в сторону океана. Ему мерещилось, будто он слышит мягкий и нежный голос, зовущий его: «Я Надя. Иди ко мне. Здесь вечность. Поднимайся к нам, любовь моя. Я Надя».

Было ли это только плодом его воображения? Ахьи умеют соблазнять. Они взывали к Наде, и в конце концов Надя ушла к ним. Ушел Брашнум. Ушли тысячи. Он и сам чувствовал это притяжение, и оно было совершенно реальным. На какое-то мгновение он был готов поддаться искушению. Вместо гибели в катастрофе ему предлагали нечто вроде вечной жизни. Кто знает, что в самом деле предлагают шары? Полное растворение, отказ от собственного «я», трансцендентальное блаженство — или это только иллюзия, выдумка, и уходивших не ждало ничего, кроме быстрой смерти в ледяной пустыне?

«Иди ко мне. Иди ко мне».

Как бы там ни было, подумал он, это мир и покой.

«Я Надя. Иди ко мне».

Мориси долго смотрел на проплывающие над головой овальные силуэты, и шепот в его мозгу поднимался до крика.

Он тряхнул головой. Симбиоз с космической вечностью не для него. Он не покинул Медею тогда и не сделает этого сейчас. Он личность, и, даже покидая этот мир, он останется личностью.

Только тогда, и не раньше, шарам достанется его душа. Если вообще она будет нужна им.

До катастрофы оставалось девять недель и один день, когда Мориси прилетел в изнемогающий от зноя Энрике, расположенный на экваторе. Город был знаменит легендарной роскошью своего отеля «Люкс». Мориси расположился в самых шикарных апартаментах, и не было никого, кто бы мог ему помешать. Кондиционеры работали по-прежнему, бар был полон припасов, за посадками вокруг отеля ухаживали четверо садовников-факсов, которые не имели понятия, куда делись их хозяева. Исполнительные сервомеханизмы обслуживали Мориси с изысканной элегантностью, которая в старые времена обошлась бы ему в месячный доход. Прогуливаясь по молчаливому и пустынному саду, он думал, как прекрасно было бы пожить здесь с Надей, Полом и Даниел. Сегодня вся эта роскошь казалась ему бессмысленной.

Но был ли он в самом деле один? И в первую ночь, что он провел в отеле, и в следующую в густом пряном ночном воздухе ему слышался смех. Факсы не смеются. И шары тоже.

Утром третьего дня, стоя на веранде своего девяностого этажа, в кустах на краю лужайки он заметил какое-то движение. Пять, семь, дюжина двуногих факсов-самцов пробирались сквозь кусты. И вдруг — человеческая фигура! Бледная кожа, голые ноги, длинные развевающиеся волосы! Преследуемая факсами, она со смехом бежала меж деревьев.

— Алло! — крикнул Мориси.— Эй! Я здесь, наверху!

Он кинулся вниз и весь день обшаривал сад вокруг отеля. Мельком ему удалось увидеть в отдалении очертания беснующихся фигур. Он кричал им, но они не подали виду, что слышат.

В конторе отеля Мориси нашел кубик и включил его. Он увидел молодую темноволосую женщину с маленькими испуганными глазами.

— Что, землетрясение уже настало? — спросила она.

— Еще нет.

— Я бы хотела тогда быть где-нибудь поблизости. Чтобы увидеть, как этот вонючий отель рассыплется на миллион кусков.

— Куда вы ушли? — спросил Мориси.

Она хихикнула.

— В заросли — куда же еще. Играть с факсами. Пусть они за мной охотятся.— Ее лицо вспыхнуло.— Перепутать гены — это

горячая штука. Я с факсами и факсы со мной. Не хотите ли присоединиться к нам? Кто бы вы ни были.

Мориси подумал, что он должен быть шокирован. Но он не испытывал возмущения. Ему уже доводилось слышать нечто подобное. Ему было известно, что в последние годы перед катаклизмом одни колонисты совершали исход на Землю, другие объединялись с коллективным разумом ахьев, а третьи обращались к простой животной жизни. Почему бы и нет? У каждого, кто родился на Медее, основной набор земных генов был дополнен чужеродным. Колонисты в полной мере походили на людей, но несли в себе и что-то от шаров и факсов. Без такой рекомбинации генов колония никогда бы не выжила, ибо земная жизнь была несовместима с условиями Медеи, и только путем тонкой генной инженерии удалось создать расу, которая смогла преодолеть враждебное биологическое окружение. Вот почему с приходом смутного времени немало колонистов просто сбросили одежды и удалились в леса, чтобы жить там бок о бок с факсами, своими дальними братьями и сестрами. И так ли это плохо, думал он, если вместо панического бегства на Землю осознать свою индивидуальность и слиться с шарами? Так ли уж важно, какой путь ты избираешь? Но Мориси не собирался бежать. И меньше всего в джунгли к факсам.

Он направился на север. В Катамаунте мэр города, кубик которого он нашел, сказал ему:

— Все внезапно уехали в День тумана, и я за ними. Здесь никого не осталось.

В Желтых Листьях биолог в кубике рассуждал о генетике, об усилении чуждых генов. В Сенди-Мишиго Мориси не нашел ни одного кубика, но на центральной площади обнаружил около двадцати скелетов, в беспорядке валявшихся посреди широкой центральной площади. Массовое жертвоприношение? Массовое убийство в последние часы существования города? Он собрал кости и похоронил их в сырой рыхлой земле цвета охры. Это заняло у него целый день. Затем он полетел от города к городу дальше вдоль береговой линии.

И где бы он ни останавливался, всюду видел одно и то же — ни следа людей, только шары, плывущие к морю, и факсы, уходящие в глубь материка. Всюду, где ему попадались кубики, он беседовал с их «обитателями», но они мало что могли сообщить ему. Никого не осталось, говорили они. Люди возвращались на

Землю, соединялись с шарами, удалялись в заросли — так или иначе, но уходили, уходили, уходили. Какой смысл слоняться в ожидании конца, в ожидании великого сотрясения?

Мы подавили этот мир, думал Мориси. Мы пришли в него, мы строили наши маленькие исследовательские станции, мы в изумлении смотрели на блистающие небеса и на плывущие по ним солнца, на удивительных созданий, живущих здесь. И мы превратились в жителей Медеи и превратили планету в некое сумасшедшее подобие Земли. Тысячелетие мы селились вдоль берегов — только они подходили для нашего образа жизни. Так мало-помалу мы потеряли представление о цели нашего прихода сюда, которая заключалась в одном — изучать. Но мы все равно остались. Мы просто остались. Мы губили все вокруг себя. А когда обнаружили, что все тщетно, что одно могучее движение плеч этого мира стряхнет нас, перепугавшись, мы стали уносить ноги. Грустно, подумал он. Грустно и глупо.

Он пробыл в Арке несколько дней и совершил путешествие через горячую мрачную пустыню, которая поднималась к Олимпу. До катастрофы оставалось семь недель и один день. На первой тысяче километров своего пути он по-прежнему видел стоянки факсов, медленно прокладывающих путь через Горячие Земли. Почему они позволили, размышлял он, отнять у себя мир? Ведь они могли сопротивляться. Они могли вымотать нас в первые же месяцы. Вместо этого они позволили нам расположиться среди них, позволили, чтобы мы превратили их в забаву, в рабов и лакеев. Факсы наблюдали, как мы осваивали самые плодородные участки, но что бы ни думали о нас эти удивительные существа, они держали свои мысли при себе. Мы даже не знаем, как они сами называли Медею, подумал Мориси. Это говорит о том, как мало они доверяли нам. Но они терпели нас. Почему?

Плоскогорье под ним уже пылало жаром, словно кузнечный горн, мрачное пространство было испятнано красным, желтым, оранжевым, и факсов больше не было видно. Предгорья Олимпа вспучивали пустыню. Он увидел, как черный клык вершины поднимается к тяжелому, нависшему небу, которое почти целиком заполняла масса Арго. Мориси не осмелился приближаться к горе. Святыня факсов сулила опасность. Бешеные горячие потоки воздуха могли подхватить его флиттер и швырнуть вниз, будто бабочку, а он еще не готов был к смерти.

Он снова повернул на север и через пустынные бесплодные места двинулся к полярным районам, углубляясь в сердце континента. Он увидел Кольцо-Океан, извивающееся как гигантская змея, силящаяся проглотить мир, и рывком поднял флиттер как можно выше, почти до предельной высоты, чтобы охватить взглядом как можно больше пространства Дальнего Края, где текли белые реки CO_2, наполняя своим дыханием атмосферу, а в долинах лежали озера сжиженного газа. Когда-то он сопровождал сюда партию геологов, и ему показалось, что это было тысячелетия назад. С какой серьезностью наносили они линии разломов, исследуя следы, оставленные землетрясением! Будто это могло отсрочить смертный приговор, висящий над колонией. Но стоит ли сетовать? Да, они стремились к чистому знанию. Как мало оно значило для него сегодня! Конечно, тогда он был куда моложе. Это было вечность назад. Можно считать, в другой жизни. Мориси планировал полет к Дальнему Краю, чтобы сказать последнее прости тому ученому, которым он был когда-то, но отказался от своего намерения. Он уже попрощался.

Он развернулся на границе полярных районов и пошел на юг, к Северному мысу на восточном берегу; качнув крыльями, он заложил крутой вираж над Высокими Водопадами и приземлился в аэропорту Чонга. До катастрофы оставалось шесть недель и два дня. В этих высоких широтах двойное солнце виднелось смутно и расплывчато даже днем, а чудовищное тело Арго, висевшее на юге, казалось покрытым морщинами. За десять лет в тропиках он забыл, как выглядит небо севера. Но разве он не прожил тридцать лет в Чонге? Эти годы казались ему теперь одним мгновением, словно все время сжалось в одну точку.

Пребывание в Чонге принесло Мориси еще большую боль. Слишком много ассоциаций, слишком много воспоминаний. И все же он пробыл здесь, пока не посмотрел все: и ресторан, куда они с Надей пригласили Пола и Даниел отпраздновать их свадьбу, и дом на улице Владимира, где они жили, и геофизическую лабораторию, и лыжный домик над Водопадами. Все следы прошедшей жизни.

И город, и его окрестности были совершенно пустынны. День за днем Мориси бродил по округе, вспоминая дни, когда он был молод, а Медея полна жизни. Как прекрасно было здесь! Да, со временем произойдет катастрофа — все знали день, с точностью до часа, но никого это не волновало, кроме одержимых и психо-

патов, потому что все были заняты жизнью. И вдруг все прозрели — и все изменилось.

В Чонге Мориси не искал и не включал кубики. Сам этот блистающий город с его плоскими термокрышами был для него одним большим кубиком, оплакивавшим сказку его юности. И когда он больше не мог этого вынести, он двинулся к югу по дуге вдоль восточного берега. У него оставалось еще четыре недели и один день.

Его первой остановкой был Остров Сосредоточения, откуда отправлялись те, кто хотел посмотреть фантастические в своей причудливости ледяные скульптуры Дальнего Края. И сюда приехали четверо новобрачных, и было это миллиард лет назад, и они здесь обнимались и хохотали, глядя на ледяное чудо, сотворенное природой. Мориси было подумал провести ночь на острове, но через час покинул его.

Он летел по направлению к субтропикам, и природа здесь становилась все пышнее. Снова он видел цепочки шаров, позволявших уносить себя в океан, и вереницы факсов, медленно прокладывавших путь в глубь материка.

Оставалось три недели, два дня и пять часов. Плюс-минус минуты.

Он летел низко, почти над головами факсов. По пути они продолжали свои брачные игры, и это упорство перед лицом катастрофы удивило его. Неужели дело только в неодолимом зове природы, который заставляет факсов искать друг друга? Сколько шансов на жизнь у зачатого сейчас потомства? Не лучше было бы матерям перед лицом бедствия знать, что чрево их пусто? И все же Мориси не видел в этом смысла.

И тут ему показалось, что он прозрел. Он впервые понял то, что было для него непонятно в поведении обитателей Медеи. Их сдержанность, их мягкость, их терпимость по отношению к тем, кто нарек их мир Медеей. Конечно, они должны продолжать свою жизнь перед лицом надвигающейся катастрофы. Они жили в ожидании ее, она не была для них катастрофой. Для них это было моментом очищения, святой минутой. Ему захотелось обсудить свое открытие с Динувом. Он испытал искушение тут же развернуться и направиться к Арговью, чтобы разыскать старого факса и проверить только что родившееся предположение. Но нет, не сейчас. Первым делом в Порт-Медею.

Когда шло освоение, восточный берег заселялся одним из первых, и плотность построек здесь была особенно высока. Первые две колонии — Тачдаун и Медея-Сити — давным-давно срослись и, расползаясь, включили в себя третий город, Порт-Медею. Еще издали Мориси увидел гигантский полуостров, на котором раскинулся Порт-Медея и его пригороды; он ощущал тепловые потоки, потряхивавшие его маленький флиттер, когда направлялся к огромному уродливому бетонному мегаполису.

Динув был прав. В Порт-Медее в самом деле стояли четыре звездных корабля, стоимость которых было трудно определить. Почему их никто не использовал во время исхода? А может, они были оставлены для тех, кто ушел к факсам или шарам? Он никогда этого не узнает. Мориси поднялся в один из кораблей и сказал:

— Оперативная готовность.

— К вашим услугам,— ответил ровный механический голос.

— Представьте данные о состоянии корабля. Готовы ли к полету на Землю?

— Полная заправка. Полная готовность.

Мориси оценивающе осмотрелся. Так просто, подумал он, лечь и погрузиться в сон, позволив кораблю доставить себя на Землю. Так просто и так бесцельно.

Помолчав минуту, он спросил:

— Сколько времени нужно, чтобы подготовиться к взлету?

— С момента отдачи команды — сто шестьдесят минут.

— Отлично. Команда отдана. Проверьте все системы и взлетайте. Цель — Земля, куда вы доставите следующее послание: «Медея прощается с вами. Думаю, вам пригодится этот корабль. *Ваш* Дэниел Ф. Мориси. Отправлено за две недели, два дня и семь часов до землетрясения».

— Понятно. Начата подготовка к старту.

— Счастливого полета,— сказал Мориси кораблю.

Он поднялся во второй корабль и отдал ему ту же команду. То же он сделал и в третьем. Перед последним он помедлил, подумав, что, быть может, где-то остались колонисты, которые отчаянно прорываются к Порт-Медее, чтобы до наступления конца успеть на борт корабля. Должны были раньше позаботиться о себе, решил он и отдал приказ и четвертому кораблю отправляться домой на Землю.

Возвращаясь из космопорта в город, он увидел, как с интервалом в несколько минут в небо вонзились четыре огненные струи. Каждый из кораблей помедлил мгновение, четко вырисовываясь на фоне огромного Арго, а затем прочертил дугу по розовому утреннему небу. Через шестьдесят один год они доставят на удивленную Землю груз своих пустых трюмов. И появится еще одна великая тайна космоса, подумал он, которая будет волновать воображение романистов. Путешествие Пустого Корабля.

Со странным чувством внутреннего удовлетворения он покинул Порт-Медею и направился к побережью, к курортам Мадагоцара, где сливки медеанского общества наслаждались прелестями тропического рая. Мориси всегда считал такое времяпрепровождение бессмысленным. Но все тут оставалось нетронутым, все работало с автоматической четкостью, и он решил устроить себе роскошный отдых. Он спустился в винный погреб лучшего из отелей. Он позавтракал цыплячьими ножками и замороженной икрой. Он нежился на жарком солнце. Он купался в шампуне из левкоев. И абсолютно ни о чем не думал.

За день до землетрясения он полетел обратно к дюнам Арговью.

— Значит, в конце концов вы решили не возвращаться домой,— сказал Динув.

Мориси покачал головой.

— Земля никогда не была моим домом. Мой дом на Медее. И я вернулся сюда, потому что здесь мое последнее пристанище. Я рад, что застал вас здесь, Динув.

— А куда мне уходить? — отозвался факс.

— Ваш народ уходит в глубь материка. Я думаю, они стремятся в момент катастрофы быть поближе к святой горе. Это верно?

— Это верно.

— Тогда почему же вы не пошли с ними?

— Здесь и мой дом. У меня осталось так мало времени, что не имеет значения, где я буду, когда задрожит планета. Но скажите мне, друг Мориси, оправдало ли себя ваше путешествие?

— Да.

— Что вы видели? Что вы поняли?

— Я видел все, что есть на Медее,— сказал Мориси.— Я не представлял себе, какой кусок вашего мира был нами захвачен.

Увы, мы заполнили лучшее жизненное пространство. А ваш народ никогда не возразил ни единым словом. Вы просто наблюдали за тем, что происходит.

Факс молчал.

— Теперь я понимаю,— сказал Мориси.— Вы все время ждали катастрофы. Вы знали, что она произойдет, знали задолго до того, как мы стали подозревать об этом. Как часто она происходила с тех пор, как факсы появились на Медее? Каждые семь тысяч сто шестьдесят лет факсы уходили в горы, а шары уплывали в океан, и все рушилось. А затем выжившие давали новую жизнь тем, кто уже был зачат, и все начиналось снова. Сколько раз в истории факсов это случалось? Вы знали это, когда мы пришли сюда, когда мы всюду ставили наши поселения и они превращались в города, когда мы заставляли вас работать на нас, когда мы смешивали свои гены с вашими и наполняли воздух микроорганизмами, которые облегчали наше существование здесь,— ведь вы уже тогда знали, что все наши деяния конечны. Верно? Это было ваше тайное знание, которым вы утешались, ожидая, когда придет срок. А, Динув? И наконец он настал. Мы ушли, и счастливые молодые факсы ликуют в упоении любви. Я остался единственным из моего рода, не считая нескольких сумасшедших, что носятся в зарослях.

В глазах факса сверкнула искра. Веселья? Понимания? Сострадания? Кто может понять выражение глаз факса?

— Все время,— сказал Мориси,— вы ждали прихода катастрофы. Землетрясения, которое сметет все с лица планеты. Ну что ж, оно уже близко. И я хочу быть здесь, рядом с вами и ждать его прихода. Это мой вклад в ту гармонию, что существует между нами, представителями разных рас. Я буду жертвой, которую принесет человечество. Я должен искупить его вину за все, что мы тут сделали. Вы понимаете меня, Динув? Вас удовлетворяют мои слова?

— Я хотел бы,— медленно сказал факс,— чтобы вы поднялись на борт одного из тех кораблей и вернулись на Землю. Ваша смерть не доставит мне радости.

Мориси кивнул.

— Я вернусь через несколько минут,— сказал он, направляясь к своему коттеджу.

Кубики Нади, Пола и Даниел лежали возле экрана. В последний раз он говорил с ними несколько лет назад, но сейчас вста-

вил все три кубика в приемное устройство и включил его. На экране появились три человека, которых он любил больше всех на свете. Они улыбались ему, и Даниел приветствовала его со свойственной ей мягкостью, и Пол подмигнул, а Надя послала ему воздушный поцелуй.

— Осталось немного,— сказал Мориси.— Землетрясение будет сегодня. Я просто хотел попрощаться с вами, вот и все. Я просто хотел сказать, что люблю вас и скоро буду вместе с вами.

— Дан...— сказала Надя.

— Нет. Ничего не говорите. Ведь я знаю, что на самом деле вас здесь нет. Я просто хотел увидеть всех вас еще раз. И сейчас я очень счастлив.

Он отключил кубики и выбросил их из приемного устройства. Экран потемнел. Собрав кубики, он вынес их и тщательно захоронил в сырой влажной земле сада. Факс бесстрастно наблюдал за ним.

— Динув,— позвал Мориси.— Могу ли я задать вам последний вопрос?

— Я слушаю вас, мой друг.

— За все годы, что люди жили на Медее, мы так и не смогли узнать, как вы называете свой собственный мир. Мы пытались выяснить это, но все вы говорили, что это табу, и если даже нам удавалось уговорить одного факса нарушить его, другой называл нам совершенно иное имя — и мы ничего не смогли узнать. Скажите мне, как вы называете ваш мир. Пожалуйста. Мне очень нужно знать.

— Мы называем его Сануном,— сказал старый факс.

— Санун? Правда?

— Правда,— подтвердил Динув.

— Что это значит?

— Ну, это значит просто Мир,— сказал Динув.— А что еще оно должно значить?

— Санун,— сказал Мориси.— Прекрасное имя.

До землетрясения оставалось тридцать минут — плюс или минус еще немного. Масса Арго скрыла солнца. Мориси не заметил их исчезновения. Но теперь он услышал низкий отдаленный гул и почувствовал странное содрогание почвы под ногами, словно в глубинах под ним великан старался встать на ноги, пробуждаясь от забытья. Недалеко в море поднялась и обрушилась на берег чудовищная волна.

— Я думаю, что пришло время,— спокойно сказал Мориси.

Над его головой несколько сияющих шаров качались и подпрыгивали в танце, который казался Мориси пляской триумфа.

Раздался грохот, и мир задрожал в корчах. Через несколько минут на них обрушится вся мощь землетрясения, и грудь планеты, дрожа, поднимется в судорогах и разорвется на части, и море обрушится на берег. На глазах Мориси выступили слезы, но это не были слезы страха. Он попытался улыбнуться.

— Круг завершен, Динув. И на развалинах Медеи поднимется Санун. Теперь это снова ваш мир.

Меж двух миров

Памяти Ф. К. Д.

В тот самый момент, когда за дальней стороной пирамиды открылся потрясающий вид на храм Кецалькоатля, Хилгард почувствовал резкий приступ головокружения и покачнулся, словно памятники Теотиуакана вдруг содрогнулись от легкого землетрясения. Прислонившись к ограждению, он ждал, пока пройдет слабость и охватившее его ощущение растерянности. Жара виновата? Высота? Или пришла расплата за вчерашний ужин с огненными приправами? Здесь, в Мексике, туристы быстро привыкают к мысли, что в любой момент можно ждать расстройства желудка.

Однако вскоре слабость прошла, причем так же неожиданно, как и накатила. Хилгард с замиранием сердца взглянул на колоссальные лестничные ступени храма. Из массивных каменных блоков, словно морды динозавров, торчали головы пернатых змеев. Тут и там еще сохранились следы фресок полуторатысячелетней давности, украшавших некогда стены храма. Хилгард отснял восемь или девять кадров. Но чтобы по-настоящему, всерьез осматривать это удивительное сооружение, было слишком жарко. Хилгард устал и все еще чувствовал себя немного неуверенно после недавнего приступа. Кроме того, поджимало время: в два часа он договорился с шофером встретиться на центральной стоянке и ехать в Мехико. До двух оставалось совсем немного, а стоянка располагалась по меньшей мере в миле к северу. Дорога туда пролегала по открытой солнцу улице, известной как Дорога мертвых. Припомнив все это, Хилгард пожалел, что не начал свою экс-

© Перевод А. Корженевского.

курсию здесь, у потрясающего храма Кецалькоатля, а растратил запас утренней бодрости, ползая по двум огромным пирамидам в дальнем конце археологической зоны.

Но теперь жалеть уже было поздно, и Хилгард торопливо двинулся к стоянке. По пути он остановился только один раз, купил кружку пива, но оно оказалось теплым и противным. В четверть третьего он, запыхавшись и насквозь пропотев, добрался наконец до стоянки. Ни водителя, ни черного побитого такси. Видно, еще не вернулся с ланча, решил Хилгард с облегчением — ему не хотелось чувствовать себя виноватым. Но в то же время он подумал с раздражением: вот еще пример мексиканской пунктуальности. Что ж, теперь есть время сделать несколько снимков Пирамиды Солнца и, может быть...

— Сеньор? Сеньор!

Хилгард обернулся. Из маленького блестящего «фольксвагена» выбрался водитель — не его водитель — и замахал ему рукой.

— Ваша жена, сеньор, будет через несколько минут. Она решила сделать еще снимки с вершины большой пирамиды и просила подождать. Это недолго.

— Я думаю, что вы приняли меня за кого-то другого,— сказал Хилгард.

Водитель посмотрел на него озадаченно.

— Но вы ее муж, сеньор.

— Извините, я вообще ничей не муж.

— Это шутка? Я не понимаю.— На всякий случай водитель неуверенно улыбнулся.— Блондинка. Темные очки. Я вас посадил у отеля «Сенчури», в Зона-Роса, сегодня в десять утра, вы помните? А десять минут назад она сказала мне: «Пусть мой муж немного подождет, я совсем ненадолго. Хочу еще раз снять пирамиды». И...

— Я остановился в отеле «Президенте»,— сказал Хилгард.— И я не женат. Сегодня утром я приехал на черном такси марки «форд», а моего водителя зовут Чучо.

Честная, располагающая улыбка не сошла с лица мексиканца, но рот немного перекосился, и в его взгляде появилось что-то враждебное, словно он решил, будто гринго хочет вовлечь его в какой-то непонятный и недобрый розыгрыш.

— Я знаю Чучо,— медленно произнес он.— Сегодня утром Чучо повез в Хочимилько каких-то американцев. Может быть, он возил вас вчера?

— Мы еще с вечера обо всем договорились и встретились с ним сегодня у отеля «Президенте». Мне это обошлось в тысячу семьсот песо.— Хилгард огляделся по сторонам, опасаясь, что разговор станет еще более запутанным, если Чучо не появится в ближайшее время.— Вы, должно быть, принимаете меня за какого-то другого американца. Я путешествую один и в общем-то не имею ничего против знакомства с интересной блондинкой, но я холост и совершенно уверен, что приехал сюда не с вами, а с другим водителем. Извините, если...

— Вон ваша жена, сеньор,— холодно произнес мексиканец.

Хилгард повернулся. Стройная, привлекательная женщина лет за тридцать, с короткими золотистыми волосами и внимательным открытым лицом пробиралась в их сторону мимо беспорядочно расставленных сувенирных киосков у входа на стоянку.

— Тед! — крикнула она.— Я здесь!

Хилгард смотрел на нее в полном недоумении: никогда раньше он эту женщину не встречал. Но когда она подошла ближе, он все же заставил себя улыбнуться. Что можно сказать в такой ситуации, если он даже не знает, как ее зовут? Извините, мадам, но я вовсе не ваш муж? Может быть, подумалось ему, это какая-нибудь телевизионная программа из тех, чьи создатели разрабатывают сложные сценарии, чтобы разыграть ничего не подозревающую жертву, и он оказался в центре подобного розыгрыша? Видимо, когда им надоест эта игра, его завалят призовыми образцами домашней утвари и билетами бюро путешествий... Извините, мадам, но я на самом деле не тот, кто вам нужен, хотя зовут меня точно так же и мы невероятно похожи... Так и сказать?

Она подошла ближе и заговорила:

— Жалко, что ты не полез со мной на пирамиду. Знаешь, что там происходило последние полчаса? Празднование весеннего равноденствия. Это какой-то ацтекский обряд. Благовония, ритуальное пение, зеленые ветви, две белые голубки, которых только что отпустили... Захватывающее зрелище, и я засняла на пленку практически все. Подержи, пожалуйста,— без перехода добавила она, снимая с плеча тяжелую сумку с аппаратурой и вручая ее Хилгарду.— Боже, какая жара! Тебе понравился тот храм? Мне очень не хотелось тащиться туда по жаре пешком, и я надеюсь, что не пропустила ничего...

— Уже поздно, миссус. Мы едем в город? — влез в разговор водитель, стоявший неподалеку.

— Да, конечно.

Она заправила в брюки выбившиеся полы рубашки, взяла из рук Хилгарда сумку с камерой и двинулась вслед за водителем к «фольксвагену». Хилгард продолжал в растерянности стоять на месте, тщетно высматривая на стоянке Чучо с его старым черным «фордом» и лихорадочно пытаясь сообразить, как ему поступать дальше. Сделав несколько шагов, блондинка обернулась, нахмурилась и спросила:

— Тед? В чем дело?

Хилгард издал какой-то невразумительный звук и в замешательстве махнул рукой. Может быть, сказал он себе, на него нашло затмение? Или же этот приступ головокружения у храма Кецалькоатля случился из-за солнечного удара и теперь у него отшибло память? Может быть, она действительно его жена? Хилгард был совершенно уверен, что прожил холостяком всю свою жизнь, за исключением тех восьми месяцев с Беверли двенадцать лет назад. Он вполне отчетливо представлял себе свою холостяцкую квартиру на Третьей авеню: три симпатичные комнаты, картины, небольшой шкаф со статуэтками доколумбовой эпохи. С такой же легкостью в памяти всплывали любимые рестораны, которые он посещал со знакомыми женщинами — Джудит, Джейн, Дениз. Эта живая, бойкая блондинка совсем не вписывалась в его воспоминания, и все же...

Он совершенно не представлял, что делать дальше. Пальцы рук дрожали, ноги превратились в застывшие глиняные глыбы. Словно в полусне, Хилгард двинулся к «фольксвагену». Открывая перед ним дверцу машины, водитель бросил на него презрительно-ядовитый взгляд, предназначаемый, видимо, для тех гринго, которые так набираются к середине дня, что даже не могут вспомнить, есть у них жена или нет. Но в том-то и дело, что Хилгард не был пьян.

Всю дорогу до Мехико женщина оживленно говорила об их планах. Как понял Хилгард, во второй половине дня они собирались посетить музей антропологии в парке Чапультепек, а на следующее утро должны были отправиться или в Куэрнаваку, или в Гвадалахару — в зависимости от того, кто из них возьмет верх в полусерьезном споре, завязавшемся несколько дней назад. Хилгард, как мог, поддерживал разговор, отвечая намерен-

но общо и невнятно, но в конце концов замолчал совсем, сославшись на то, что он устал и перегрелся на солнце. Вскоре навстречу им поползли серые языки смога, и они въехали в пригороды Мехико. Машин в это воскресенье было на дорогах немного, поэтому шофер лихо промчался по широкой Пасео-де-ла-Реформа, резко свернул к району Зона-Роса и высадил их напротив изящной черно-белой башни отеля «Сенчури».

— Оставь ему на чай побольше, дорогой,— сказала женщина Хилгарду.— Мы задержали его дольше, чем следовало.

Хилгард вручил хмурому водителю две бумажки по тысяче песо, махнул рукой, чтобы тот оставил себе сдачу, и они прошли в отель.

— Возьми ключ, хорошо? — сказала она, входя в холл.— Я пока вызову лифт.

Хилгард подошел к стойке и с просительным выражением лица посмотрел на дежурную.

— Добрый день, мистер Хилгард. Надеюсь, вам понравились пирамиды,— произнесла она на беглом английском и без вопросов вручила ему ключ от номера 177.

Мне это снится, говорил себе Хилгард, вспоминая комфортабельный номер на седьмом этаже отеля «Президенте». Сон, галлюцинация. Он вошел в лифт вместе с блондинкой, она нажала кнопку с цифрой 17, и они медленно доехали к себе всего с одной пугающей остановкой на долю секунды между десятым и одиннадцатым этажом, когда вдруг упало напряжение. Номер 177 оказался компактно, без излишеств обставленной комнатой с полукруглой двуспальной кроватью и небольшим баром, заполненным миниатюрными бутылочками и всем необходимым для коктейлей. Женщина достала из бара бренди, потом спросила:

— Тебе налить рома, Тед?

— Нет, спасибо.

Он принялся бродить по номеру, присматриваясь к деталям. Женская косметика, занимающая почти всю полочку над раковиной: тени, румяна, лосьоны и бог знает что еще. Одинаковые чемоданы в шкафу. Аккуратно развешанные мужские рубашки и пиджак — не его, но такого же типа, что привык носить он. Книга на ночном столике — новый роман Аддайка. Он прочел его несколько месяцев назад, но, очевидно, в каком-то другом

издании, поскольку у этого обложка была красной, а он хорошо помнил, что читал книгу в синей.

— Я пойду приму душ,— сказала она.— А потом мы поедим и отправимся в музей, хорошо?

Хилгард поднял глаза. Уже раздевшись, она проследовала в ванную, и, прежде чем закрылась дверь, он с удивлением успел заметить маленькие круглые груди и ягодицы с ямочками. Выждав, когда зашумит вода, Хилгард достал из открытой сумочки ее бумажник с обычным набором кредитных карточек, несколькими туристическими чеками и толстой пачкой мексиканских банкнотов. Там же лежали и водительские права: Силия Хилгард, тридцать шесть лет, рост — пять футов пять дюймов, волосы — светлые, глаза — голубые, вес — 124 фунта, замужем. Замужем! Домашний адрес — 85-я Ист-стрит. На карточке в первом кармашке бумажника значилось: «Если с владельцем бумажника произойдет несчастный случай, сообщить Теодору Хилгарду по адресу: 85-я Ист-стрит, либо в контору "Хилгард и Хилгард" на 57-й Вест-стрит». Хилгард разглядывал карточку так пристально, словно текст был написан на санскрите... Он всегда жил на углу 62-й Ист-стрит и Третьей авеню, в двух кварталах к северу от своего выставочного зала. В этом Хилгард мог просто поклясться, и ему предельно отчетливо представлялось, как он идет по Третьей авеню, поглядывая на здание «Блумингдейлс», сворачивает на 60-ю Ист...

Два Теда Хилгарда? С совершенно одинаковой внешностью?..

— Что ты ищешь? — спросила Силия, выходя из ванной и вытираясь полотенцем.

Щеки Хилгарда налились краской, и он пристыженно сунул бумажник на место.

— Э-э-э... просто хотел проверить, сколько песо у тебя еще осталось. Я подумал, что завтра утром, когда откроется банк, нам, может быть, придется обменять несколько чеков.

— Я уже обменяла в пятницу. Забыл?

— Ммм, да, видимо, вылетело из головы.

— Тебе нужны песо?

— Нет, у меня пока достаточно,— сказал он.

Поесть они решили в ресторане отеля, и во время ланча Хилгарду постоянно казалось, что он сидит через стол от ящика с динамитом. Он еще не созрел, чтобы признаться в собственном помешательстве, но очень немногое из того, что Хилгард мог ей

сказать, содержало какой-то смысл, и рано или поздно она должна была это заметить. У него возникло такое чувство, словно он вошел в кинозал посреди фильма и теперь пытается понять, что происходит на экране, но здесь ситуация выглядела сложнее, гораздо сложнее, потому что на самом деле он не просто смотрел кино, а исполнял в нем главную роль. С середины фильма Хилгард оказался за столом с совершенно незнакомой женщиной, на которой он, оказывается, женат, и, судя по всему, не первый год. Впрочем, у людей, проживших вместе несколько лет, обычно мало что бывает сказать друг другу за ланчем, и Хилгард горячо благодарил судьбу за продолжительные паузы в разговоре. Когда Силия все же спрашивала что-нибудь, он отвечал осторожно и кратко. Всего один раз он позволил себе назвать ее по имени, просто чтобы показать, что знает, как ее зовут, но обращение «Силия» вызвало у нее мимолетный недоумевающий взгляд, и это еще больше озадачило Хилгарда. Может быть, он должен звать ее каким-то ласкательным именем? Или она привыкла, что все зовут ее не Силией, а как-нибудь еще? Си, может быть? Силли? Или, например, Чарли? Неразрешимая загадка. Медленно допивая кофе, Хилгард снова вспомнил тот краткий приступ головокружения у храма Кецалькоатля, когда все закачалось и завертелось у него в голове. Бывает ли так, чтобы с человеком случился удар, но при этом его не парализовало, а только отшибло память? Возможно, и бывает. Но у него не просто амнезия, поскольку он располагает исчерпывающим набором ясных воспоминаний о другой жизни, без Силии. Жизни, в которой он был вполне устроенным холостяком и преуспевающим владельцем выставочного зала. Настоящей полной жизни с друзьями, любовницами, путешествиями. В той жизни он прилетел в Мексику три дня назад, рассчитывая насладиться неделей благостного одиночества, теплой погоды, острой пищи и, может быть, кое-каких интересных находок для своей коллекции. Каким образом все это может возникнуть в памяти после удара? И еще столь подробно, в деталях: дружелюбный шофер Чучо, черное такси марки «форд», номер на седьмом этаже в отеле «Президенте»...

— Я забыл в комнате одну вещь,— сказал он Силии.— Сейчас быстро сбегаю, и пойдем.

Поднявшись в номер, он позвонил в «Президенте».

— Мистера Хилгарда, пожалуйста.

— Минутку.— Долгая пауза.— Повторите, пожалуйста, фамилию.

— Хилгард. Теодор Хилгард. Если я не ошибаюсь, он в номере семьсот семидесятом.

Еще более долгая пауза.

— Извините, сэр. Мистер Хилгард у нас не останавливался.

— Понятно,— произнес Хилгард, ничего не понимая, и повесил трубку. Потом взглянул на себя в зеркало, пытаясь отыскать какие-нибудь признаки удара — отекшие веки или провисающие щеки... Ничего. Абсолютно ничего. Но лицо у него приобрело странный серый оттенок, и Хилгарду подумалось, что выглядит он на тысячу лет.

Выйдя из отеля, они остановили такси и отправились в археологический музей. Хилгард неоднократно бывал там, причем последний раз за день до того. Но из реплик Силии ему стало ясно, что она тут впервые, и это только прибавило хлопот: приходилось делать вид, будто он совершенно не знаком с музеем. Перемещаясь по залам, он, как мог, изображал удивление и свежий восторг по поводу экспонатов, знакомых ему уже многие годы,— огромные ольмекские головы из камня, устрашающая статуя богини Коатликуэ, инкрустированные нефритом маски... Впрочем, иногда необходимость в фальшивых чувствах отпадала. В ацтекском зале, слева от Камня Солнца, Хилгард обнаружил высокую мраморную стелу, которой еще день назад не было. Совершенно новым для него оказался стеклянный шкаф, заполненный удивительными ольмекскими статуэтками. Зал майя тоже выглядел совсем не таким, каким он его помнил. Хилгард никак не мог понять, в чем дело. Даже огромный фонтан в форме зонтика, расположенный во внутреннем дворике музея, отличался от того, который запечатлелся в его памяти: из сегодняшнего торчали в разные стороны золоченые спицы. От всех этих маленьких странностей, накопившихся за день, Хилгарда буквально лихорадило, и Силия несколько раз спросила, не заболел ли он.

В тот вечер они пообедали в уличном кафе за несколько кварталов от отеля, потом долго гуляли пешком и вернулись в свой номер незадолго до полуночи. Когда пришло время раздеваться и ложиться спать, Хилгарду снова стало не по себе. Может быть, она ждет от него внимания? Это мысль просто сразила его. Не то чтобы Силия была непривлекательна, отнюдь. Но ведь совершенно чужой человек... Он всегда предпочитал длительное ухажива-

ние, ощущение непринужденности в общении со своими избранницами, духовную близость, любовь — скорее не предпочитал, а считал непременным. Но даже если отмахнуться от собственных наклонностей, как мог он рассчитывать на успех, притворяясь мужем этой женщины? Все мужчины ведут себя в таких ситуациях по-разному, и она в два счета поймет, что он кто-то другой, или заподозрит неладное — ведь ему совершенно незнакомы все эти ритуалы и привычки, которые семейные пары вырабатывают и сохраняют годами. Неизвестно еще, как она поведет себя, если он вдруг обнаружит свое полное незнание их семейной жизни...

Хилгард панически боялся признаться, что чувствует себя каким-то перемещенцем из того мира, который по-прежнему считал своей настоящей жизнью. По крайней мере до тех пор, пока сам не разберется, что с ним произошло. К счастью, Силия была не в настроении. Она просто чмокнула его в щеку и кратко, почти по-дружески обняла, затем повернулась на бок и прижалась к нему спиной. Хилгард прислушивался к ее ровному дыханию и долго не мог заснуть, размышляя о той неестественной ситуации, в которую попал, оказавшись в постели с женой другого человека. Даже при том, что Силия действительно была женой Теда Хилгарда, ситуация почему-то ассоциировалась у него с понятием супружеской неверности...

От гипотезы, в которой фигурировал удар, пришлось отказаться. Слишком многое она оставляла без объяснений. Но что тогда? Внезапное помешательство? Он совсем не чувствовал себя сумасшедшим. Вот окружающий мир действительно свихнулся, а сам он казался себе по-прежнему спокойным, уравновешенным и педантичным. Настоящее безумие наверняка должно выглядеть более дико и хаотично. Но если это не потеря памяти и не приступ всепоглощающего самообмана, то что происходит? Может быть, там, в Теотиуакане, открылись вдруг ворота между двумя мирами, подумал он, и в тот момент, когда на него накатило это странное головокружение, он перешагнул в мир другого Теда Хилгарда, а тот, соответственно, очутился в его собственном мире? Бред, конечно. Но происходящее с ним тоже походило на бред.

Утром Силия сказала:

— Я придумала, как разрешить наш спор насчет Куэрнаваки и Гвадалахары. Мы просто отправимся в Оахаку.

— Блестяще! — воскликнул Хилгард.— Мне так нравится Оахака! Нужно будет только позвонить в «Президенте конвенто» и заказать номер. Это прекрасный отель со старинными двориками...

— Когда это ты был в Оахаке, Тед? — спросила она удивленно.

— Э-э-э... довольно давно,— смущенно ответил Хилгард.— Еще до того, как мы поженились...

— А мне казалось, что ты в Мексике первый раз.

— Разве я так говорил? — Хилгард густо покраснел.— Не знаю, о чем я тогда думал. Должно быть, я имел в виду, что мы в первый раз едем сюда вместе. Я едва помню Оахаку, поскольку это было так давно, но я действительно летал туда как-то раз на уик-энд...

Все это звучало крайне неубедительно. Смутные впечатления от поездки, которые при слове «Оахака» вдруг заставили его во всех деталях вспомнить замечательный отель? Силия, конечно, заметила несоответствие, но предпочла не вдаваться в подробности, за что Хилгард был ей очень признателен. Однако он понимал, что эти маленькие противоречия и фальшивые ноты в его высказываниях откладываются у нее в памяти и рано или поздно она потребует объяснений.

Меньше чем через час они закончили приготовления к поездке и в полдень вылетели в Оахаку. Прибыв в отель, Хилгард вдруг испугался, что клерк, запомнив его по визиту двухлетней давности, может сразу обратиться к нему по имени, но все обошлось. Сидя перед обедом в отеле у бассейна, Силия и Хилгард листали путеводители и планировали экскурсии по Оахаке: поездка к руинам Монте-Альбан, вылазка в Митлу, утреннее посещение знаменитого Субботнего рынка,— и снова ему пришлось разыгрывать неосведомленность обо всех этих местах, которые на самом деле он прекрасно знал. Причем теперь его постоянно беспокоило, насколько убедительно он играет. В тот вечер они пообедали на балконе великолепного баскского ресторана, откуда открывался вид на центральную площадь города, и отправились к отелю пешком. Свежий аромат ночного воздуха окутывал улицы, с площади доносились звуки оркестра. На полпути к отелю Силия взяла его за руку. Хилгард едва ее не отдернул, но все же удержался: даже этот совершенно невинный жест заставил его почувствовать себя бессовестным мошенником. Когда они до-

брались до отеля, Хилгард предложил зайти в бар *и выпить* перед сном.

— Уже поздно,— сказала она мягко.— Пойдем к себе.

За обедом они выпили графинчик сангрии и бутылку красного мексиканского вина, отчего у Хилгарда возникло ощущение раскованности и спокойствия. Но это ощущение не заслоняло страха перед ожидающим его испытанием. Он остановился на лестничной площадке и взглянул на сверкающий отражениями бассейн. Тяжелые пурпурные кисти бугенвиллей у древней каменной стены внутреннего дворика казались в лунном свете почти черными. Картину дополняли огромные соцветия гибискуса, беспорядочно разбросанные по лужайке, и странные шипастые цветы, поднимавшиеся из пышной сочной листвы. Силия тронула его за локоть.

— Пойдем.

Хилгард кивнул. Когда они оказались в номере, Силия включила свет и начала раздеваться. Взгляды их встретились, и он заметил, как на ее лице желание сменилось тревогой и недоумением. Что-то было не так, и она это поняла. Притворись, приказал себе Хилгард. Притворись... Он робко обнял ее... Нет.

— Тед? — спросила она.— Тед, что происходит?

— Я не могу этого объяснить. Наверно, я схожу с ума.

— Со вчерашнего дня ты ведешь себя так странно...

Хилгард глубоко вздохнул.

— Вчера я увидел тебя в первый раз в жизни.

— Тед?!

— Но это правда. Я не женат. У меня выставочный зал на Шестилесятой Ист-стрит недалеко от Второй авеню. Я прилетел в Мексику один в прошлый четверг и остановился в отеле «Президенте».

— Что ты такое говоришь, Тед?

— Вчера в Теотиуакане, когда я проходил около храма Кецалькоатля, у меня возникло очень странное ощущение, и с тех пор я, похоже, стал кем-то другим, но с тем же самым именем. Извини, Силия, наверно, я говорю невнятно? Я понимаю, в моих словах мало смысла.

— Мы женаты уже девять лет. Мы с тобой партнеры в фирме по изучению рынка «Хилгард и Хилгард» на углу Пятьдесят седьмой и Шестой.

— Изучение рынка... Странно. У нас есть дети?

— Нет. У нас квартира на Восемьдесят пятой, а летом мы обычно... Боже, Тед! Тед?

— Извини, Силия.

В темноте, смягчаемой лишь лунным светом, Хилгард заметил ее глаза — застывшие, испуганные, блестящие. В комнате стоял запах страха — и его, и ее.

— Ты ничего не помнишь о нашей жизни? — хрипло спросила Силия.— Совсем ничего? В январе мы были с тобой в Сан-Франциско и останавливались в «Стэнфорд корт». Там все время лил дождь, и ты купил три статуэтки из слоновой кости в небольшом магазинчике напротив Гирарделли-сквер. Месяц назад мы получили от Брайса контракт на долгосрочный проект, и ты сказал: «Отлично. Давай махнем в Мексику и отпразднуем это событие. Нам ведь давно хотелось побывать в Мексике, а когда повторится такая возможность, неизвестно». В апреле мы должны представить в Атланте большой отчет, а в мае... Тед? Ты ничего не помнишь, Тед?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Боже, ты меня пугаешь. Обними меня, Тед.

— Извини...

— Нас вдвоем ты тоже не помнишь?

— Вчера в два часа дня я увидел тебя впервые в жизни.

— Нужно завтра же лететь домой. Наверняка есть какой-то способ... Лекарства или, может быть, даже шокотерапия. Первым делом мы переговорим с Джудит Роуз...

— С кем? — Хилгард почувствовал маленький всплеск удивления.

— Ее ты тоже не помнишь?

— В том-то и дело, что помню. Я хорошо знаю Джудит Роуз. Высокая, смуглая, вьющиеся черные волосы. Она профессор нейробиологии в Рокфеллеровском университете...

— В Нью-Йоркском медицинском,— перебила его Силия.— Но все остальное верно. Ты видишь? Ты не все забыл! Ты по-прежнему помнишь Джудит!

— Она в Рокфеллеровском,— сказал Хилгард.— Я знаю ее уже лет пять. И в эту поездку мы собирались вдвоем, но в самый последний момент ей пришлось отказаться, поскольку им предложили крупную дотацию. С самого начала было ясно, что ей придется заниматься этим делом не одну неделю, поэтому я поехал, а она...

— О чем ты говоришь? — удивленно спросила Силия.

— Как о чем? Мы с Джудит встречаемся уже довольно долго и...

Силия расхохоталась.

— О боже! Нет, это уже слишком! Ты и Джудит...

— Конечно, мы оба время от времени видимся с кем-то еще. Но Джудит у меня на первом месте. Ни она, ни я, судя по всему, не созданы для семейной жизни, но у нас в определенном смысле идеальные отношения и...

— Прекрати, Тед.

— Я это говорю не для того, чтобы сделать тебе больно. Просто чтобы ты поняла, какие у нас с Джудит сложились отношения.

— Если ты таким оригинальным образом хочешь сообщить мне, что у тебя бывали романы, то я это переживу. И даже не особенно удивлюсь. Но только при чем тут Джудит? Это абсурд. В нашем мире нет ничего постоянного, но в одном я могу быть уверена на все сто процентов: у Джудит нет никаких любовников. Они с Роном до сих пор как молодожены. Убеждена, Джудит самая верная женщина в мире.

— Кто такой Рон?

— Рон Вольф,— ответила Силия.— Муж Джудит.

Хилгард отвернулся к окну и глухо произнес:

— В том мире, где я живу, у Джудит нет семьи. Так же как и у меня. Она работает в Рокфеллеровском университете. И я не знаю никаких Ронов Вольфов. Или Силий, если уж на то пошло. Я никогда не занимался изучением рынка. Более того, я ровным счетом ничего в этом не понимаю. Мне сорок два года, и я учился в Гарварде, специализируясь по истории искусства. Один раз, уже давно, я был женат на женщине по имени Беверли, но это оказалось ошибкой, которую я не собирался повторять. Мне очень жаль, что я испортил тебе отпуск и вообще поломал жизнь, но я просто не знаю, кто ты такая и откуда взялась. Что ты обо всем этом думаешь?

— Я думаю, что тебе нужна квалифицированная помощь. И я сделаю все возможное, чтобы ты ее получил, Тед. Чем бы ты там ни заболел, я уверена, это можно поправить, если не жалеть терпения, любви, времени и денег.

— Мне вовсе не кажется, что я помешался, Силия.

— А я ничего подобного и не утверждала. Ты сам сказал, что сходишь с ума. На самом деле у тебя просто какой-то нелепый психический срыв, какое-то расстройство памяти...

— Нет,— сказал Хилгард.— Я думаю, это здесь ни при чем. У меня есть другая гипотеза. Представь себе, что перед храмом Кецалькоатля есть какое-то таинственное место, э-э-э... ворота, пространственная воронка — называй как хочешь. Тысячи людей посещают это место ежедневно, и ничего особенного не происходит. Но я оказался жертвой редчайшего случая с вероятностью в одну триллионную. Я отправился в Мексику в своем мире, и точно так же поступил Тед Хилгард твоего мира. Мы попали в Теотиуакан в одно и то же время и по какому-то невероятному совпадению одновременно оказались в той таинственной точке. Мы оба прошли сквозь эти ворота миров и поменялись местами. Это могло случиться только потому, что наши два мира соприкасались и мы оказались достаточно идентичны и взаимозаменяемы.

— Вот это уже действительно походит на помешательство, Тед.

— Почему? Эта гипотеза не безумней других. В этом мире многое не так. Ты, Джудит, Рон. Здесь у романа Алдайка красная обложка. Я занимаюсь не искусством, а исследованиями рынка. В музее не такой фонтан. И может быть, отправить письмо здесь стоит не восемнадцать центов, а двадцать. Здесь почти все похоже, но немного не так, и чем дольше я наблюдаю, тем больше нахожу несоответствий. У меня в памяти полная, живая картина мира по другую сторону этих самых ворот. С мельчайшими подробностями. Такое не может быть просто психическим расстройством. Они не бывают столь детализированными. Сколько здесь стоит отправить письмо?

— Двадцать центов.

— Вот видишь! В моем мире это стоит восемнадцать. Видишь?

— А что тут видеть? — устало произнесла Силия.— Если ты заблуждаешься относительно того, кто ты есть на самом деле, ты так же искренне можешь считать, что эта почтовая услуга стоит восемнадцать центов. Тем более, что расценки постоянно меняются. Что это доказывает? Послушай, Тед, нам нужно обратно в Нью-Йорк. Мы найдем, как тебе помочь. Надо что-то делать. Я люблю тебя, и ты нужен мне таким, каким всегда был. Ты по-

нимаешь это? До сих пор мы были счастливы с тобой, и я не хочу, чтобы все это исчезло как дым.

— Извини, Силия.

— Мы что-нибудь придумаем.

— Может быть. Может быть.

— А теперь давай спать. Мы оба очень устали.

— Отличная идея,— сказал Хилгард, легко касаясь ее запястья.

Она сжалась, словно испугалась мысли о том, что может произойти дальше. Но для Хилгарда это прикосновение было как спасательная веревка, брошенная с борта корабля. Он чуть сжал ее руку, потом отпустил и откатился на край кровати. Несмотря на усталость, он долго не мог заснуть и лежал, настороженно вслушиваясь в тишину. Несколько раз Силия чуть слышно всхлипнула. Потом он все же заснул, но не видел в эту ночь никаких снов.

Хилгард предпочел бы остаться в Оахаке еще на несколько дней, побродить неторопливо по прекрасным древним улицам, подышать свежим воздухом, но Силия настояла на возвращении. Она хотела как можно скорее заняться его памятью, и одиннадцатичасовым самолетом Хилгарды вылетели в Мехико. В аэропорту Силия узнала, что днем есть рейс до Нью-Йорка, но Хилгард покачал головой.

— Сегодня мы останемся в Мехико, а полетим первым самолетом завтра утром.

— Почему?

— Я хочу вернуться в Теотиуакан.

— Боже, Тед! — выдохнула Силия.

— Ну сделай это ради меня. Я не улечу из Мексики, не убедившись до конца, что все потеряно.

— Ты надеешься, что тебе удастся просто перешагнуть в другой мир?

— Я не знаю, на что надеяться, но хочу проверить.

— И ты ожидаешь, что другой Тед Хилгард вдруг выйдет из-за пирамиды сразу, как только ты исчезнешь? — В голосе Силии чувствовалось смятение.

— Я ничего не ожидаю,— спокойно ответил Хилгард.— Но мне необходимо проверить.

— А если ты исчезнешь? Что будет, если ты исчезнешь в этой твоей пространственной воронке, а он так и не появится? Я останусь совсем одна? Отвечай, Тед!

— Ты, кажется, начинаешь верить в мою гипотезу?

— Нет. Нет, Тед, но...

— Послушай,— сказал он,— если это действительно всего лишь сумасшедшая гипотеза, тогда ничего не произойдет. А если нет, то тогда, может быть, я вернусь в свой мир, а твой Тед вернется в этот. Кто знает? Я не могу лететь в Нью-Йорк, пока не проверю. Ну, уступи мне хотя бы здесь. Я прошу тебя, Силия. Пожалуйста.

В конце концов ей пришлось уступить. Они оставили багаж в аэропорту, сняли номер в отеле и заказали билеты на следующее утро. Потом попытались нанять такси до Теотиуакана. Водитель почти не говорил по-английски, и пришлось долго объяснять ему, что они вовсе не собираются бродить среди пирамид до вечера, а едут туда всего на полчаса. Этого он вообще не способен был понять: с какой стати может понадобиться кому-то — даже если это двое богатых гринго — гнать полтора часа в один только конец, чтобы провести там всего тридцать минут. Но все-таки они его убедили. Он припарковал машину на южной стоянке, и Силия с Хилгардом быстрым шагом двинулись по дороге к храму Кецалькоатля. В горле у Хилгарда пересохло. Сердце стучало. Силия выглядела не менее взволнованной и настороженной.

— Я шел здесь,— бормотал Хилгард, пытаясь в точности воспроизвести свой маршрут,— и сразу за углом, как только я увидел фасад...

— Тед, пожалуйста, не надо. Прошу тебя.

— Ты сама хочешь попробовать? Может быть, тебе удастся проскочить к нему.

— Пожалуйста, не надо.

— Я должен.— ответил Хилгард.

Нахмурившись, он прошел по мощеной дорожке, остановился, когда показался фасад храма со свирепыми мордами, и, задержав дыхание, шагнул вперед. Хилгард ожидал нового приступа головокружения или того самого ощущения, что вызвало у него мысль о маленьком локализованном землетрясении... Но ничего не произошло. Он оглянулся. Силия, бледная и расстроенная, смотрела на него, скрестив руки на груди. Хилгард вернулся и попробовал еще.

— Может быть, я ошибся в тот раз дюймов на шесть,— сказал он.— Нужно немного левее...

Снова ничего. И в третий раз. И в четвертый. Мимо, окинув его удивленными взглядами, проследовали несколько туристов, но Хилгард продолжал ходить туда-сюда, стараясь не пропустить ни одного дюйма мостовой. На узкой дорожке укладывалось совсем немного возможных маршрутов, но он так ничего и не почувствовал. Врата пространства оставались закрытыми, и он не мог попасть в свой собственный мир.

— Пожалуйста, Тед. Хватит.

— Еще один раз.

— Но это просто неприлично. Ты ведешь себя, словно олержимый.

— Я хочу вернуться в свой мир,— твердил Хилгард.

Туда — обратно. Туда — обратно. Он тоже уже начинал чувствовать себя неловко. Может быть, она права: это просто безумие, завладевшее его душой. Никаких ворот на самом деле нет. И в конце концов, не может же он ходить вот так туда-сюда весь вечер под взглядами этих устрашающих каменных изваяний.

— Еще один раз,— сказал Хилгард, и снова ничего не произошло.

Он отвернулся и, стоя спиной к Силии, произнес:

— Ничего не получается. Может быть, этот фокус срабатывает, только когда двойник проходит через ту же точку пространства в то же самое время. А организовать такое заранее просто невозможно. Если бы я мог хотя бы отправить ему сообщение, чтобы он был здесь, скажем, завтра ровно в девять... Привязать записку к камню и закинуть ее в эти ворота...

— Пойдем,— попросила Силия.

— Ладно. Пойдем.

Побежденный и подавленный, Хилгард безвольно проследовал за ней через прокаленную солнцем площадь перед храмом к ждущему такси. В Мехико они вернулись, когда на дорогах царило безумие вечернего часа пик. Ехали почти весь путь молча. В номере отеля вместо двуспальной кровати стояли две односпальные. И слава богу, подумал Хилгард. Ему казалось, что между ним и этой женщиной, считавшей себя его женой, протянулась бездна космической пустоты.

Они пообедали в одном из ресторанов Зона-Росы и рано легли спать, а утром встали с первыми лучами солнца и отправились в аэропорт.

— Может быть, когда ты окажешься дома,— сказала Силия,— какая-то часть памяти к тебе вернется.

— Может быть,— сказал он.

Но квартира на 85-й Ист-стрит ничего не изменила. Симпатичная, красиво обставленная квартира на тридцатом этаже, и стоила она, должно быть, целое состояние, но это была чья-то чужая квартира с чужими книгами, одеждой и ценностями. Среди книг оказалось много таких, что стояли и у него, одежда подходила ему как нельзя лучше, а картины и кое-какие предметы искусства примитивных народов вполне соответствовали его вкусу. Хилгарду казалось, что он дома у брата-близнеца. Но по мере того как он переходил из комнаты в комнату, его все сильнее охватывало паническое чувство беспомощности. Где его картотека? Где коробка, в которой он держал сохранившиеся с детства памятные вещи? Где его первые издания? Где коллекция перуанской керамики? Или все это плод фантазии? Призрачные воспоминания о несуществующей жизни? Его словно отрезало от всего, что он считал реальным, и это приводило Хилгарда в крайнее смятение. В Манхэттенской телефонной книге не значилось Теодора Хилгарда с Третьей авеню, и точно так же отсутствовала «Галерея Хилгарда». Вселенная просто поглотила их без следа.

— Я позвонила Джудит,— сообщила Силия,— и рассказала ей кое-что о случившемся. Завтра с утра она хочет тебя видеть.

Он неоднократно бывал в кабинете Джудит в Рокфеллеровском университете, поскольку выставочный зал отделяло от ее места работы всего несколько кварталов. Но это была другая Джудит, и работала она в Нью-Йоркском медицинском, неподалеку от испанского Гарлема. Хилгард дошел до Пятой авеню и сел на автобус, задавая себе бесчисленное множество вопросов. Может быть, в этом мире полагается платить за проезд какими-нибудь жетонами? Остался ли музей «Метрополитэн» на прежнем месте? Какой он увидит Джудит?.. С оплатой за проезд он справился без проблем. Серая приземистая громада музея все еще высилась возле Центрального парка. Верхняя часть Пятой авеню тоже выглядела в общем-то неизменной. Как и все примечательные здания, что были видны из автобуса. Джудит также не изменилась: по-прежнему элегантная, красивая, излучающая душевное тепло. Ясный взгляд все так же выдавал ее проница-

тельный ум. Не хватало только какой-то озорной искорки, заметной лишь ему одному ауры связывающих их отношений, молчаливого признания их чувств. Она поздоровалась с ним как с другом, но не более.

— Что с тобой произошло? — спросила она сразу.

Хилгард печально улыбнулся.

— В какое-то неуловимое мгновение у меня, похоже, произошла полная подмена личности. Раньше я был холостяком и владел выставочным залом за квартал от «Блумингдейлс». Теперь я женатый человек и совладелец фирмы на Пятьдесят седьмой Ист-стрит, занимающейся исследованиями рынка. И так далее и тому подобное. Краткий приступ головокружения среди памятников Теотиуакана — и все в моей жизни перевернулось.

— Ты не помнишь Силию?

— Здесь дело не только в амнезии, если ты это имеешь в виду. Я не помню ни Силию, ни вообще что-либо, имеющее отношение к моей жизни здесь. Зато я помню миллион других вещей, которых теперь, похоже, просто не существует. Полную структуру другой реальности, включая телефонные номера, адреса, детали биографии. Ты, например. Джудит, которую я знаю, работает в Рокфеллеровском университете. Она не замужем и живет в доме триста восемьдесят два по Шестьдесят первой Ист-стрит, а ее номер телефона... Ты понимаешь, что я имею в виду? Кстати, ты, возможно, единственная связь между моей старой жизнью и этой. Почему-то я знаю тебя в обеих реальностях. Можешь себе представить, каковы шансы против такого совпадения.

Джудит смотрела на него внимательно и озабоченно.

— Нам надо сразу провести весь комплекс неврологических тестов, поскольку меня это наводит на мысль о сильнейшем коротком замыкании у тебя в голове. Я в жизни не встречала ничего подобного, хотя уверена, что смогу отыскать в литературе аналогичные случаи. С людьми, которым довелось пережить радикальную диссоциативную реакцию, приводящую к полному разрушению структуры личности.

— Что-то вроде шизоидного припадка, ты это имеешь в виду?

— Психологи теперь не так часто пользуются терминами вроде «шизофрения» или «паранойя», Тед. Они давно потеряли свою строгость под давлением широко распространенных заблуждений, а кроме того, это слишком общие термины. Мы теперь зна-

ем, что мозг — чрезвычайно сложный инструмент, обладающий способностями, которые выходят далеко за пределы нашего рационального понимания. Я имею в виду, например, всякие фокусы с перемножением в уме десятизначных чисел. Вполне возможно, что при наличии определенных стимулов мозг в состоянии выработать абсолютно логичную суррогатную структуру личности, которая...

— Говори проще, я рехнулся?

— Если сказать проще,— ответила Джудит,— ты подвержен устойчивым заблуждениям чрезвычайно подробного характера.

Хилгард кивнул.

— Одно из этих заблуждений, должен тебе сообщить, заключается в том, что за последние четыре года мы с тобой провели вместе не одну ночь.

Джудит улыбнулась.

— В этом нет ничего удивительного. С тех самых пор, как мы с тобой познакомились, ты постоянно и очень мило со мной флиртовал.

— Мы когда-нибудь были близки?

— Конечно нет, Тед.

— Я когда-нибудь видел тебя обнаженной?

— Нет, если только ты каким-то образом не подглядывал за мной.

Хилгард задумался, насколько эта Джудит отличается от той, которую он знал, потом рискнул:

— Тогда откуда я знаю, что у тебя на левой груди есть маленький шрамчик?

— Мне действительно удалили несколько лет назад небольшую доброкачественную опухоль,— сказала Джудит, пожимая плечами.— Тебе об этом могла сообщить Силия.

— И я бы знал, на какой именно груди?

— Вполне возможно.

— Я мог бы рассказать тебе еще кое-какие подробности, которые полагается знать только человеку, очень близко с тобой знакомому. Например, как ты ведешь себя в постели.

— В самом деле?

Игривая, недоверчивая улыбка на лице Джудит исчезла. Губы ее сжались, глаза сузились, а на щеках появились пунцовые пятна. В глаза Хилгарду она уже не смотрела.

— Я не прятал магнитофон под твоей кроватью. И не обсуждал твои привычки с Роном,— сказал Хилгард.— Я его не узнаю, даже если столкнусь с ним на улице. Мысли я тоже не читаю. Но откуда тогда мне это известно?

Джудит молча передвигала по столу бумаги. Руки у нее немного дрожали.

— Может быть, это у тебя диссоциативная реакция? — сказал он.— Ты забыла все, что нас связывало.

— Ты сам знаешь, что это нонсенс.

— Верно. Потому что Джудит Роуз, которую я знал, работала в Рокфеллеровском университете. Но я знал Джудит Роуз, похожую на тебя буквально во всем. Теперь ты в этом не сомневаешься?

Она не отвечала, глядя на него взволнованно и удивленно, и было в ее взгляде что-то еще — какое-то оживление, заинтересованность, отчего Хилгарду подумалось, что он все-таки сумел дотянуться до нее, до этой Джудит, через барьер своего затерянного мира и разжечь в ее душе некое подобие любви, которую они разделяли в другой реальности. Внезапно его воображение захватил дикий фантастический план — освободиться от Силии, увести Джудит от Рона и заново выстроить в этом незнакомом мире те отношения, что отобрала у него судьба. Но идея погасла так же стремительно, как и возникла. Глупо это. Бессмысленно. Невозможно.

В конце концов Джудит сказала:

— Опиши мне все, что с тобой случилось.

Хилгард рассказал о событиях в Мексике со всеми подробностями, которые только *мог вспомнить*: головокружение, ощущение перехода куда-то, постепенное понимание, что все изменилось.

— Мне хотелось бы верить, что это психическое расстройство и что несколько таблеток литиевого препарата вернут все на свои места, но на самом деле я так не думаю. Полагаю, случившееся со мной гораздо хуже обыкновенного шизоидного припадка, и вот в это верить мне как раз не хочется. Гораздо легче было бы считать, что во всем виновата диссоциативная реакция.

— Да. Пожалуй.

— А что ты об этом думаешь, Джудит?

— Разве мое мнение имеет значение? Тут важны доказательства.

— Доказательства?

— Что у тебя было с собой, когда ты почувствовал головокружение? — спросила она.

— Камера,— ответил Хилгард, потом, подумав, добавил: — И бумажник.

— С кредитными карточками, водительскими правами и всем прочим?

— Да,— ответил он, начиная понимать, и внезапно его охватил страх, пронзительный и холодный. Доставая бумажник, он бормотал: — Вот он... здесь...

Хилгард извлек из бумажника права: адрес был с Третьей авеню. Он достал карточку Дайнерс-клуба, Джудит положила на стол свою: карточки отличались оформлением. Тогда он достал двадцатидолларовый банкнот. Джудит взглянула на подписи и покачала головой. Хилгард закрыл глаза, и перед его внутренним взором промелькнуло видение храма Кецалькоатля, огромные тяжелые головы пернатых змеев, массивные каменные ступени. На лице Джудит застыло серьезное, даже суровое выражение, и Хилгард понял, что она поставила его перед решающим доказательством. Словно за его спиной навсегда захлопнулись тяжелые ворота... Он вовсе не жертва психоза. Он действительно перешел из одного мира в другой, и назад дороги нет. Его другая жизнь ушла навечно, умерла.

— Может, я все это подделал? — с горькой усмешкой произнес он.— Пока был в Мексике. Специально отпечатал фальшивые деньги и липовые водительские права, чтобы шутка выглядела убедительнее. Да?

Потом он вспомнил что-то еще, принялся лихорадочно копаться в бумажнике и наконец извлек оттуда визитную карточку Джудит с блестящими выгравированными строками: «Отделение нейробиологии. Рокфеллеровский университет». Старую, затрепанную карточку со следами многочисленных перегибов. Джудит посмотрела на нее так, словно он положил ей на ладонь маленькую ядовитую змейку. Когда она снова подняла взгляд, Хилгард увидел в нем печаль и сострадание.

Спустя какое-то время она сказала:

— Тед, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе.

— Что именно?

— Приспособиться. Узнать свою роль в этом мире. На пару с Силией мы, должно быть, сумеем помочь тебе понять, кем ты до-

жен здесь быть. Это пока единственное, что приходит мне в голову. И ты прав: от литиевых препаратов не будет никакого толку.

— Не надо вовлекать Силию,— сказал Хилгард.

— Но как же...

— Нет. Силия думает, что я ее муж и что у меня диссоциативная реакция, или как ты там еще это называешь. Если она поймет, что я, как уверял раньше, совершенно чужой человек, я пропал. Она вышвырнет меня и будет искать какой-нибудь способ вернуть своего настоящего мужа. Но у меня в этом мире только один путь — продолжать быть Теодором Хилгардом.

— Ты и есть Теодор Хилгард.

— Да. И я намерен им остаться. Намерен заниматься исследованиями рынка, и жить с Силией, и подписывать чеки своей фамилией. Ты поможешь мне приспособиться. Мы договоримся о двух или трех сеансах терапии каждую неделю, и ты будешь рассказывать мне, кто мои друзья, какой колледж я закончил и кто были президенты в этом мире, если у вас тут вообще есть президенты. Для всех остальных — ты помогаешь мне избавиться от непонятного тумана в голове. Ты никому не скажешь, что я из другого мира. Пройдет время, и я действительно стану здесь своим. Верно, Джудит? У меня на самом деле даже нет выбора. Я не смогу вернуться назад. Мне уже удалось доказать одному человеку, что я не свихнулся, но теперь все это лучше оставить позади и начинать жить той жизнью, которая мне досталась. Ты поможешь мне?

— С одним условием.

— С каким?

— Ты в меня влюблен... Я вижу это и не осуждаю тебя, потому что ты невольно думаешь, будто я твоя Джудит. Но это не так. Я не твоя. Я — Рона. Можешь флиртовать со мной, можешь думать обо мне сколько угодно, но никогда не заходи дальше, чем следует. Никогда. Хорошо? Потому что ты, может быть, сумеешь разбудить во мне нечто такое, что я не хочу будить. Понимаешь? Мы останемся друзьями. Даже заговорщиками. Вот и все. Согласен?

Хилгард посмотрел на нее несчастными глазами и лишь после долгой паузы наконец произнес:

— Согласен.

— Пока ты добирался домой, мне позвонила Джудит,— сказала Силия.— Мы разговаривали минут двадцать... Тед, бедный мой...

— Все будет в порядке. Нужно только время.

— Она сказала, что эти амнезии и подобные заблуждения чрезвычайно редки. Твой случай попадет в учебники.

— Замечательно. Но мне будет очень нужна твоя помощь, Силия.

— Все, что смогу.

— Я совершенно пуст. Я не знаю, кто наши друзья, не знаю своей работы, не знаю даже, кто ты. Это стерто начисто, и мне придется все воссоздавать. Джудит поможет, насколько это в ее силах, но основная ежедневная и даже ежечасная работа достанется тебе.

— Я готова.

— Тогда мы начнем все заново. И с самого начала. Сегодня мы обедаем в одном из наших любимых ресторанов — тебе придется рассказать мне, что это за ресторан,— и пьем их лучшее вино, а может быть, возьмем бутылочку-другую шампанского. Затем вернемся домой. Мы будем как самые настоящие молодожены, Силия. Хорошо?

— Конечно,— мягко ответила она.

— А завтра начнется настоящая работа. Будем приучать меня к реальному миру.

— Все вернется, Тед. Не беспокойся. Я помогу тебе всем, чем смогу. Я люблю тебя, Тед. Что бы там с тобой ни случилось, я по-прежнему люблю тебя.

Хилгард кивнул и взял ее руки в свои. Неуверенно, с чувством вины и замиранием сердца одновременно, он заставил себя произнести слова, которые стали теперь единственным его спасением, единственной опорой на неизведанном берегу нового континента.

— И я люблю тебя, Силия,— сказал он незнакомке, которая была его женой.

Не такие, как все

Лучшего дня ранним летом в Сараево и не пожелаешь: воздух искрится, крепкий ветер с гор насыщен пряными ароматами, белоснежные фасады особняков сияют в лучах утреннего солнца. Очарованный красотой города, Рейхенбах бодро шагал по булыжной мостовой в сторону набережной. До десяти часов тридцати минут оставалось совсем немного.

На набережной стояла толпа горожан-боснийцев, молчаливая и угрюмая. На каждом фонарном столбе и на каждом балконе развевались черно-желтые знамена империи Габсбургов. Очень скоро эрцгерцог Франц-Фердинанд, племянник и наследник царствующего императора, проедет здесь в открытом автомобиле со своей супругой. Нехорошо, опасно ему появляться здесь среди недовольных граждан.

Толпа вяло зашевелилась и заворчала. Как жаркое в духовке, подумал Рейхенбах. Ждут своего будущего монарха — безразлично, по обязанности. И кипят при этом революционными страстями.

Рейхенбах внимательно высматривал темноволосых юношей с горящими глазами убийц, но поблизости таких не было. Заскучав, он отвлекся на великолепный вид: подножия холмов, густо поросших кипарисами, старые деревянные дома и турецкие мечети в окружении стройных минаретов. Вновь глянул на реку и народ, рассеянно...

«Кто эта женщина?»

В десяти метрах слева, прямо у фасада Австро-Венгерского банка. Он заметил ее только сейчас.

© Перевод А. Орлова.

Каштановые волосы, высокий рост, поразительная внешность и сила духа, взгляд, светящий подобно маяку над толпой простолюдинов. О, она того же сорта, что и он! Нет никаких сомнений. Рейхенбах пришел сюда в одиночку, не сомневаясь, что подходящий спутник обязательно найдется. Так и вышло.

Он подошел поближе.

Узнав своего, женщина встретила Рейхенбаха кивком и улыбкой.

— Только что прибыли? — спросил он по-немецки.

— Три дня назад,— ответила незнакомка по-сербски.

— Как же я вас раньше мог не заметить? — Рейхенбах без заминки перешел на другой язык.

— Не туда смотрели. Я вас сразу увидела. С утра здесь?

— Да, пятнадцать минут уже.

— И как, нравится?

— Очень. Такое живописное место! Прямо средневековая фантазия. Время тут не движется.

— Время нигде не движется.— С озорным блеском в глазах она перешла на английский.

Улыбнувшись, Рейхенбах ответил на том же языке:

— Понимаю. Кажется, и вы меня понимаете. Прелестная архитектура, красивая река, народные костюмы... С такого дивного места начнется такая ужасная война.

— Да, ирония судьбы. Путешествуя, мы гоняемся за этой иронией, n'est ce pas?[1]

— Vraiment[2].

Они уже стояли вплотную друг к другу. Рейхенбах чувствовал, как между ними пульсирует почти осязаемый поток энергии.

— Выпьем чего-нибудь вместе... потом?

— Само собой. Меня зовут Ильзабет.

— Рейхенбах.

Ему страшно хотелось спросить, в каком времени живет Ильзабет. Но нельзя, разумеется. Табу.

— Смотри,— сказала Ильзабет.— Эрцгерцог и герцогиня.

Автомобиль медленно катился мимо. Надутый и краснолицый Франц-Фердинанд в дурацком опереточном мундире вяло помахивал рукой, встречая мутные взгляды из толпы. Некраси-

---

[1] Не так ли? *(фр.)*

[2] Правда *(фр.)*

вая толстая София в роскошном платье натужно улыбалась рядом. Они были похожи друг на друга: мясистые, краснолицые, неловкие и сильно нервничающие. Того и гляди, прижмутся друг к другу...

— Сейчас начнется,— сказал Рейхенбах.

— Прелюдия.— Ильзабет кивнула и взяла его под руку.

Высокий молодой человек с нездоровым цветом лица появился на мостовой словно ниоткуда. Выпученные глаза, прыгающий кадык — явный террорист. Брошенный им предмет упал позади автомобиля эрцгерцога; мгновение спустя раздался взрыв. Следующий автомобиль остановился в клубах дыма, покореженный; адъютанта выбросило на булыжники.

Кортеж остановился. Царственная пара не пострадала. Эрцгерцог и его супруга вытянулись в струнку, будто от способности держать спину сейчас зависела их жизнь. Сидевший рядом чиновник внятно произнес:

— Бомба взорвалась, ваше высочество.

На что Франц-Фердинанд ответил негромко, с отвращением:

— Следовало ожидать чего-то подобного... Ступайте, помогите раненым.

Пальцы Ильзабет стиснули руку Рейхенбаха. Эксцентрическая комедия продолжалась.

Перескочив через парапет, бомбист прыгнул в неглубокую реку. Его не составило труда задержать; пока полиция била его саблями плашмя, толпа бессмысленно суетилась, а эрцгерцог и София сидели неподвижно. В конце концов разбитый автомобиль оттащили в сторону, а кортеж уехал.

— Конец первого акта,— рассмеялась Ильзабет.

— И сорок минут до начала второго. Самое время выпить.

— Тут недалеко уличное кафе.

Под широким бирюзовым навесом они и выпили: Рейхенбах — рюмку сливовицы, Ильзабет — кружку темного пива. Невозмутимые граждане за соседними столиками больше говорили об охоте и рыбалке, чем о неудавшемся покушении. Как бы невзначай, Рейхенбах жадно разглядывал Ильзабет.

В ее зеленых глазах светился острый трезвый ум; все в ней было сама элегантность и хладнокровие. Ильзабет так походила на самого Рейхенбаха, что ему сделалось не по себе,— новое, неожиданное чувство. Он очень боялся потерять ее внезапно, сказав какую-нибудь глупость. Одновременно в глубине его души

с каждой минутой крепла уверенность, что такого не случится. Они предназначены друг для друга.

Рейхенбаху хотелось верить, что они с Ильзабет современники. Настоящие современники, и останутся вместе по возвращении домой, в родное время. Только об этом нельзя говорить. Совсем.

— Куда ты собираешься после Сараево? — спросил он.

— Посмотреть, как горит Рим. А ты?

— Хочу выпить с Шекспиром в таверне «Морская дева».

— Здорово придумано. Мне вот не пришло в голову...

Рейхенбах осторожно вздохнул.

— Мы можем вместе,— предложил он после некоторого колебания.

Ильзабет никак не выразила несогласия.

— Послушаем, как Нерон выступает на собственном концерте, а потом к Шекспиру,— продолжал Рейхенбах.

— Отличная мысль,— согласилась Ильзабет с явным удовольствием.

— Prosit! — Рейхенбах поднял бокал.

— Zdravlije!

Они чокнулись.

Несколько минут Ильзабет и Рейхенбах непринужденно беседовали. Присматриваясь к ее жестам, прислушиваясь к речи, Рейхенбах пытался определить, живут ли они в одном и том же времени. Тщетно; опытный игрок, Ильзабет не дала ему ни малейшей подсказки.

— Время подошло,— сказал он наконец.— Финал представления.

Ильзабет кивнула. Рейхенбах расплатился, оставив несколько монет на столике, и они вернулись на набережную. Пройдя по Латинскому мосту, повернули на улицу Франца-Иосифа; вскоре показался императорский кортеж, возвращавшийся с приема в городской ратуше.

Маршрут, кажется, кого-то не устраивал: адъютанты шумно спорили с шоферами. Кончилось тем, что автомобиль эрцгерцога остановился. Судя по скрежету передач, водитель попытался дать задний ход; в это время из кафе появился тощий молодой человек. Три метра от автомобиля, десять метров от Ильзабет и Рейхенбаха. Выглядит как сомнамбула, растерянный и ошеломленный, словно его поразила близость наследника престола. Гав-

рило Принцип, мысленно кивнул Рейхенбах. Второй и настоящий убийца. Рейхенбаху стало неинтересно.

Пока Гаврило целился, он наблюдал за Ильзабет. Его куда больше интересовала реакция спутницы, чем судьба двух заурядных людей в нелепых костюмах.

Таким образом, Рейхенбах не видел, как посланная в грудь эрцгерцога пуля пробивает яркий мундир, зато мимолетная жестокая улыбка спутницы не ускользнула от его внимания. Ильзабет получила свое.

В машине эрцгерцог Франц-Фердинанд все еще сидел, выпрямившись, а кровь заливала мундир и появилась на губах; Гаврило Принцип стрелял в герцогиню Софию; адъютанты смотрели в ужасе. Через мгновение водитель пришел в себя, и автомобиль умчался. Одиннадцать часов пятнадцать минут.

— Вот, начинается война,— сказала Ильзабет.— Рушатся династии, гибнет цивилизация. Тебе понравилось?

— Меньше, чем твоя улыбка. Когда он стрелял в эрцгерцога...

— Ну и глупо.

— Отчего же? Твоя улыбка важнее для меня, чем смерть двух надутых ничтожеств.

Не слишком ли я тороплю события, подумал Рейхенбах, но скупая улыбка Ильзабет успокоила его. Все в порядке. Ей понравилось.

— Пошли! — Она взяла Рейхенбаха за руку.

Старая гостиница из серого камня, где жила Ильзабет, стояла на другой стороне реки. Из дорогого номера с балконом на третьем этаже открывался вид на набережную. Обстановка была хороша: газовые светильники, тяжелые шелковые драпировки, широкая кровать под балдахином. Стиль эпохи производил на Рейхенбаха самое благоприятное впечатление: неторопливая, солидная, основательная роскошь — даже в маленьком провинциальном городке.

Тяжелый и тесный костюм Рейхенбах сбросил с удовольствием. Ильзабет... Ильзабет носила таймер — широкую, тугую белую ленту — высоко, прямо под грудью. Блеснув глазами, она потянула Рейхенбаха под балдахин.

В это самое время на другом конце города умирали Франц-Фердинанд и София. Завтра великие державы обменяются дипломатическими нотами; Австро-Венгрия объявит войну Сербии, Германия — России и Франции, Европу охватит пожар; произой-

дут битвы при Марне, Ипре, Вердене и Сомме; бежит кайзер, придет время перемирия, падут монархии... Рейхенбах вложил душу в изучение истории, а теперь, когда на его глазах произошло убийство, с которого все началось,— он потерял интерес к этому. Ильзабет заслонила собой Первую мировую войну.

Ладно, ничего страшного. Для гурманов еще остались великие события. Истории человечества хватит для странствий.

— Теперь можно в Рим,— пробормотал Рейхенбах.

Утром оба приняли ванну, обнялись, подмигнули друг другу, как заговорщики. Их ждут великие дела! Сначала они торопливо собрали в кучу имущество образца тысяча девятьсот четырнадцатого года: жилеты, нижние юбки, ботинки и прочее — как положено, в круг радиусом два метра. Потом синхронизировали таймеры и прижались друг к другу — нагие, смеющиеся, счастливые — на пути в прошлое, сквозь века.

На базовой станции за городской чертой Рима их подготовили, как полагается: постригли, причесали, одели, преподали гипнокурс латыни, вручили кошельки с динариями и сестерциями, сделали прививки от чумы и дали новые имена. Квинт Юний Вераний и Флавия Юлия Лепида.

Рим цезаря Нерона оказался не так велик и не так величествен, как думалось. Колизей еще предстояло возвести, арки Тита не существовало, да и Форум производил впечатление незавершенности. Но вечный город не казался убогим: в первый день Ильзабет и Рейхенбах гуляли по пышным садам и обильным рынкам, глазели на немыслимый мост Калигулы от Палатина до Капитолия, мылись в банях, обедали в гостинице, где им подали каплуна и вепря с трюфелями.

На следующий день пришла очередь цирка и гладиаторов, потом настало время для страстных объятий в комнате, снятой близ Марсова поля. Рейхенбаха опьяняла суета великого города. Ильзабет тоже не осталась равнодушной: ее глаза светились, лицо пылало. Они не могли спать и блуждали по кривым узким улочкам от сумерек до рассвета.

Конечно, они знали заранее, где начнется пожар: в Большом цирке, где сходятся холмы Палатин и Целий. Осталось лишь заранее устроиться на вершине Авентина, откуда открывался прекрасный вид.

Вырвавшись из цирка, неукротимое пламя охватило вершины холмов, затем потекло вниз. С огнем как будто никто не боролся; Рейхенбаху даже показалось, что отдельные пожары вспыхнули сами собой на окраинах, будто настал праздник поджогов. Так или иначе, полотнище огня скоро стало сплошным. С неба сыпалась черная сажа, и без того жаркий летний воздух стал удушающим.

Первые два дня процесс разрушения зачаровывал. Храмы, дворцы и арки превращались в ничто, вечный город на глазах таял, отступал в никуда. Потом неудобства, опасность и однообразие этого зрелища приелись.

— Не пора ли нам? — спросил Рейхенбах.

— Подождем,— ответила Ильзабет.

Огненная стихия, похоже, доставляла ей чувственное удовольствие: Ильзабет трепетала от возбуждения, глядя, как пламя пожирает квартал за кварталом. Лицо ее блестело от пота. Ильзабет прижалась к Рейхенбаху, ненасытно сверкая глазами.

— Нет, не так скоро,— возразила она тихо и страстно.— Хочу видеть императора.

Как и следовало ожидать, цезарь Нерон, отдыхавший в провинции, вернулся в Рим. Торжественная процессия пересекла обугленный город. Император часто сходил с носилок, чтобы осмотреть сгоревший храм или дворец. Ильзабет и Рейхенбах смогли разглядеть его у входа в сады Мецената: толстая шея, заметное брюшко, тонкие лодыжки, нездоровое лицо.

— Смотри! — прошептала Ильзабет.— Разве он не прекрасен? А где его лира?

Лиры, однако, не было. Только нелепый театральный костюм и румяна на щеках.

Нерон бросил в толпу горсть монет и взошел на уцелевшую в саду башню: несомненно, чтобы лучше видеть.

— Горло пересохло,— сказала Ильзабет, прижимаясь к Рейхенбаху.— И легкие забились пеплом. Забери меня с собой в Лондон. Покажи мне Шекспира.

Под потолком тускло освещенной пивной в Чипсайде тоже слоился дым — сладкий дымок от поленьев в камине, такой уместный сырым февральским днем. Ильзабет и Рейхенбах играли в слова, сидя в затянутом паутиной углу и ожидая появления артистов. Ильзабет соображала легко и быстро, не хуже его само-

то, и Рейхенбаху это доставляло удовольствие. Ему нравилась ее стремительность и сила духа.

— Не всякий выдержит такое путешествие,— сказал Рейхенбах.— Но мы особенные.

— Не такие, как все, по эту сторону кривой Гаусса,— усмехнулась Ильзабет.

— Да уж! Такое самомнение ужасно.

— Может быть. Но у него есть основания, милый.

Рейхенбах накрыл ее руку своей — Ильзабет ответила пожатием пальцев. Такой женщины ему встречать не приходилось. С каждым днем Рейхенбаха тянуло к ней все сильнее и сильнее. Мешала счастью только мысль о возвращении за терминатор, в родное настоящее время, где права путешественников не действуют, где нет сладости полной свободы. Где придется забыть об Ильзабет. Правда, его никто не торопит домой.

Послышался шум. Смех и громкие возгласы заполнили таверну. Актеры, наверное, и поэты: Бербилж, Хеминдж, Аллен, Конделл, Кемп, Бен Джонсон, может быть. А это кто? Худой, с высоким лбом, глаза светятся, как фонари во тьме. Право, кто же еще это может быть. Как только они не писали это имя: Шагспер, Чекспер, Шекспайр... Вот он, среди друзей, требующих белого вина и мальвазии. За высоким лбом прямо сейчас теснятся Гамлет, Меркуцио, Отелло, Готспер, Просперо и Макбет. Рейхенбаха одолело то же жаркое волнение, что охватило Ильзабет при виде Нерона. Он повертел головой, пытаясь расслышать обрывок блестящего застольного разговора, поймать строку стихотворения, родившегося тут же, угадать сюжет, обретающий форму прямо сейчас. Тщетно. Издалека ничего не разобрать.

— Надо подойти ближе,— пробормотал Рейхенбах.

— А как же правила?

— Je m'en fous![1] Я быстро. Людям вроде нас не к лицу беспокоиться о правилах. Долго не задержусь, обещаю.

Подмигнув, Ильзабет послала ему воздушный поцелуй. В платье с низким вырезом она выглядела великолепной шлюхой.

Шагая по лежащей на полу соломе, Рейхенбах чувствовал дрожь под коленками. Вот он, дальний стол, где нет ни одного свободного места.

---

[1] Наплевать *(фр.)*.

— Мастер Шекспир! — громко произнес Рейхенбах, перекрывая гомон.

Голоса смолкли, головы повернулись, глаза смотрели холодно и недружелюбно. Рейхенбах заставил себя не отступать. Вынул из кошеля два грубо отчеканенных шиллинга и положил их на стол перед Шекспиром.

— Хочу поставить вам пару бутылей лучшего белого вина,— объявил Рейхенбах,— от имени и ради доброго сэра Джона!

— Сэр Джон? — переспросил Шекспир равнодушно.— Сэр Джон Вудкок? Сэр Джон Холкомб? Я не знаю вашего сэра Джона, сударь.— И покачал головой, сдвинув брови.

Рейхенбах покраснел, чувствуя себя дураком.

Толстяк, сидевший рядом с Шекспиром, неожиданно пихнул того локтем:

— Думается мне, он о Фальстафе говорит, Уилл. Ты не забыл Фальстафа?

— Сказать по правде, никого иного я не имел в виду,— откликнулся Рейхенбах.

— Фальстаф,— повторил Шекспир, мрачно глядя куда-то вдаль.— Я помню имя. Благодарю тебя, мой друг, но шиллинги свои возьми обратно. Угощение от незнакомца я не принимаю.

Рейхенбах попытался возразить, но не настаивал. Ни ему, ни его вину здесь явно были не рады, а случись драка... Ранение, полученное в тысяча шестьсот четвертом году от Рождества Христова, будет иметь в родном времени самые неприятные последствия. Вежливо откланявшись, Рейхенбах отступил к своему столу, где его ждала Ильзабет, улыбаясь, как чеширский кот. Горечь от неудавшейся встречи с Шекспиром усугублялась стыдом: очень неловко было выставить себя перед Ильзабет неотесанным простаком.

— Надо идти, нам здесь не рады.

— Милый! На тебя смотреть жалко.

— Видела бы ты презрение в его глазах...

— Не думаю, что все так плохо. Его, наверное, беспокоят все подряд, к тому же — здесь его таверна. Его крепость. Это не личный выпад против тебя.

— Знаешь, я думал, что он другой. Что он один из нас. Что он позовет меня к себе...

— Нет, конечно,— откликнулась Ильзабет негромко.— У него своя жизнь, своя семья, свои горести и проблемы. Не смешивай

реального человека со своими фантазиями. Не вешай нос, милый! Не печалься так. Стань опять самим собой!

— В другом месте и в другом времени.

— Конечно. В другом времени.

Обида на собственную глупость в таверне «Морская дева» скоро утихла: Ильзабет оказалась умелой утешительницей. Говорили они немного — хватало взгляда, улыбки, легкого прикосновения.

На процессе Сократа им не надо было держаться за руки: прикосновение пальцев рассказывало обо всем. Позднее они занимались любовью под ясным зимним небом Афин, на серо-зеленом склоне холма, поросшего лавандой и миртом. Очнувшись от страстного забытья, Ильзабет и Рейхенбах увидели вокруг невеселых коз с неопрятной клочковатой шерстью. Контраст вышел поразительный, и многие дни они смешили друг друга, напоминая об этом происшествии.

Не подозревая о следившей за ним паре странников из чужой эпохи, старый хромой Магеллан отправился в кругосветное путешествие на пяти маленьких кораблях, вышедших из устья Гвадалквивира.

Повинуясь новому капризу, Ильзабет и Рейхенбах перенеслись в Индию. Темнокожие и черноволосые, они наблюдали прибытие экспедиции Васко да Гамы в гавань Каликута. Оттуда, разумеется, стоило отправиться в Испанию, чтобы жарким сухим летом выпить кислого белого вина и поглядеть, как румяный веснушчатый Колумб выводит в море свою жалкую маленькую флотилию.

Конечно, они не избегали любовных приключений по дороге. Правила игры позволяют, и глупо отказываться от такого деликатеса. В Византии, накануне нашествия франков, Рейхенбах провел ночь со страстной черноглазой гречанкой, натиравшей грудь таинственной мазью, пахнущей мускусом, а Ильзабет достался пахнущий чесноком гигантский швед из императорской дружины. На следующий день, когда венецианская армада ворвалась в Босфор, они нашли друг друга и обменялись впечатлениями. Неутомимый северный красавец в самые жаркие мгновения фальшиво пел свои родные саги; гречанка содрогалась в экстазе, похожем на эпилептический припадок, но утром легко призналась, что отчасти это было притворство.

В Египте Клеопатры, ожидая случая увидеть царицу в обществе Марка Антония, странники утешались обществом черноглазых коптов, брата и сестры: почти дети, они легко и непринужденно заменяли друг друга в постели.

На коронации Карла Великого Ильзабет нашла себе купца-франка, предлагавшего ей имение на берегу Рейна, а Рейхенбах встретил загадочную смуглую женщину. Эта женщина утверждала, что происходит из рода каталонских мавров. Только через несколько дней Рейхенбах сообразил, что имеет дело с путешественницей по времени, вроде него самого. Игра от этого стала еще изысканнее.

Такие приключения лишь добавляли пикантности отношениям Ильзабет и Рейхенбаха. Связывающие их узы становились крепче. Рейхенбах не хотел думать о том, что путешествие когда-нибудь закончится: Ильзабет была идеальным спутником, идеальной парой, она принадлежала ему — до тех пор, пока родное время не призовет их обратно. Но этот горестный миг наступит не скоро. Рейхенбах надеялся, что сумеет обойти неумолимые правила. Надо только не упустить ее след в своем времени, хотя это почти невозможно.

В мире за терминатором время для всех течет как полагается, прыжки туда-сюда допускаются лишь в призрачном царстве истории. К истории же раз и навсегда отнесено то, что предшествует терминатору, то есть две тысячи сто восемьдесят седьмому году. То, что после,— «реальное время», оно идет равномерно и неумолимо.

Что делать, если ее время отодвинуто от его времени на пятьдесят лет в будущее? Или в прошлое? Такую пропасть не перепрыгнешь. Рейхенбах не осмеливался спросить Ильзабет о ее родном времени. Несмотря на близость, он боялся оскорбить ее непростительным нарушением этикета.

Имея целый мир в своем распоряжении, некоторые эпохи они посещали поодиночке. Это была идея Ильзабет: каникулы на каникулах, чтобы не надоесть друг другу. Мысль показалась здравой, и Рейхенбах отправился в Париж тысяча девятьсот двадцатых годов — отведать перно на бульваре Сен-Жермен, посмотреть на Пикассо, Хемингуэя и Джойса. Ильзабет в маске с раскосыми глазами отбыла в Китай, чтобы увидеть Хубилая, с триумфом проезжающего через Великую стену.

После Парижа для него — мыс Кеннеди и «Аполлон», уходящий к Луне; для нее — Лондон и плаха, на которой сложил свою голову король Карл.

После этих мимолетных капризов они воссоединились. Рука об руку, счастливые Ильзабет и Рейхенбах наблюдали падение Трои, бриллиантовый юбилей королевы Виктории, убийство Линкольна и взятие Карфагена.

Возвращаясь из одиночного путешествия, каждый рассказывал свою историю долго и подробно: что видел, о чем думал, над чем смеялся и, разумеется, с кем коротал часы уединения. Они уже сблизились настолько, что выработали собственный язык. Достаточно было сослаться на образ из общей коллекции — козы на холме, вкус жареного хлеба, лопоухий попрошайка,— и они погружались в свой мир, построенный из символов любви и драгоценных воспоминаний. Проводя часы в объятиях друг друга, они неторопливо вплетали новые нити в ткань общего сознания.

Но постепенно Рейхенбах стал понимать: что-то не так.

Вернувшись из Парижа тысяча семьсот девяносто четвертого года, где свирепствовал революционный террор, Ильзабет проявила странную уклончивость. Смерть Робеспьера и разграбление собора Парижской Богоматери она описывала в ярких подробностях, но это был лишь великолепный репортаж, лишенный внутреннего содержания. Детали Рейхенбаху приходилось выяснять. Где она остановилась? Было ли ей страшно? Довелось ли беседовать с парижанами о чем-нибудь интересном? Ильзабет пожимала плечами. Нашла ли она себе любовника? Ну да, конечно. Мимолетная связь, не стоит упоминания. После этого разговор возвращался в привычную колею: толпы, телеги с приговоренными, стук гильотины.

Поначалу Рейхенбах не задумывался, хотя привык к настоящей близости. Не так у них раньше было.

Распятие Христа не развеяло дурного настроения Ильзабет и не помогло ей разговориться. Смотреть вместе средневековую чуму она не захотела: сказала, что ей нужен денек — развеяться. Она собралась в Прагу, на премьеру «Дон Жуана».

Рейхенбах и тогда не обеспокоился. Не будучи любителем музыки, он провел этот день при Ватерлоо, на холме в тылу армии герцога Веллингтона. Когда Ильзабет все-таки присоединилась к нему поздней весной тысяча триста сорок девятого года

в Лондоне, во время чумы, она опять была задумчива и неохотно говорила об опере. И тогда Рейхенбаху стало неуютно и страшно: чудесная близость ускользала неизвестно куда — Ильзабет ушла, оставаясь рядом.

Пораженный чумой город навевал на нее скуку. Ильзабет слегка оживилась только к вечеру, во время ужина на постоялом дворе в Саутварке. Пока они ковыряли жесткую баранину, вошел новый посетитель — рослый, жилистый, с остроконечной бородой. Такой же путешественник по времени, порой это видно сразу. В глазах Ильзабет зажегся огонек. Она наклонилась в сторону незнакомца, совсем чуть-чуть. Рейхенбах разглядел это очень хорошо.

Гость тоже признал Ильзабет и Рейхенбаха и напросился к ним за стол. Его зовут Ставангер; он путешествует всего несколько дней и намерен посмотреть все. Использовать свое время до последней минуты.

Многие годы Рейхенбах не чувствовал такой ревности. Не будучи от природы глух к чувствам других людей, он остро ощущал флюиды, текущие от Ильзабет к Ставангеру. Тем более, он сидел между ними. Он понял, почему Ильзабет не привезла рассказов о любовных приключениях из Парижа и Праги. Эта встреча — куда больше, чем приключение.

— Меня по-прежнему тянет в оперу,— объявила Ильзабет на следующее утро.— Вечером собираюсь в Байрейт. Там премьера, «Сумерки богов».

— Отличная мысль! — презирая себя, подхватил Рейхенбах.— Составлю тебе компанию.

— Ты же не любишь музыку,— поспешно возразила Ильзабет.

— Недостаток моего образования. Начинаю работать над собой.

Мелькнувший в глазах Ильзабет страх сменило холодное отчуждение.

— В другой раз, милый. Я дорожу своим одиночеством. В оперу пойду без тебя.

Что ж, все ясно: время любовных приключений напоказ прошло. Теперь будут тайные свидания и третий лишний. Вынести этого Рейхенбах не мог.

В отчаянии он заказал переход в Байрейт для себя, позаботившись о рыжем парике и густой бороде. Действительно, премье-

ра: из оркестровой ямы «Фестшпильхауса» доносятся первые такты, а Ильзабет и Ставангер сидят рядышком. Рейхенбах не стал слушать дальше.

После этого Ставангер перестал скрываться. Рейхенбах видел его при осаде Константинополя, во время землетрясения в Сан-Франциско и на празднике в Версале. В конце концов Рейхенбах объявил, что таких совпадений не бывает.

— Я действительно предложила ему составить нам компанию,— легко согласилась Ильзабет.— Ему одиноко, и он такой обаятельный! Но если он тебе не нравится, мы вполне можем исчезнуть, не предупредив. Он нас никогда не найдет.

Обезоруживающая тактика! Ильзабет не может сознаться, что они со Ставангером любовники. Их отношения с Рейхенбахом слишком глубоки. Значит, нужно сделать вид, будто Ставангер — всего лишь одинокий скиталец, нуждающийся в человеческом тепле.

Верность не числилась среди условий неписаного договора между Рейхенбахом и его спутницей. Ильзабет имела право встречаться со Ставангером где и когда угодно, но Рейхенбаха возмутило другое. Обман — дело скверное, но она постоянно находит предлоги, чтобы путешествовать втроем! Ради того, чтобы обменяться несколькими взглядами украдкой, она отравляет их близость. Этого допустить невозможно.

Рейхенбах почему-то не сомневался, что Ильзабет и Ставангер — современники. Мучительная уверенность в том, что эти двое закладывают сейчас фундамент отношений, которые продолжатся в реальном мире, где ему места не будет, крепла день ото дня.

Истинная или ложная, перспектива была невыносимой. Рейхенбах не подозревал, что способен на такую мучительную ревность. Настоящая, подлинная эмоция, с которой невозможно бороться. Единственное в своем роде счастье, пережитое с Ильзабет, не допускало чужака.

В какой-то момент Рейхенбах понял, что ищет способ избавиться от соперника.

Просто утащить Ильзабет куда-нибудь в другое время — это ничего не даст. Так или иначе, она найдет способ войти в контакт с любовником. И если окажется, что Ставангер — ее современник, а Рейхенбах нет... Тогда Ставангеру остается только одно: исчезнуть. Всю жизнь уравновешенный и умеренный, Рей-

хенбах не подозревал, что обнаружит в себе способность к убийству. Редкие отступления от правил, позволительные для представителя элиты,— ничего другого Рейхенбах до сегодняшнего дня за собой не знал. Правда, до сегодняшнего дня ему не приходилось терять Ильзабет.

В Борджии Рейхенбах заплатил профессиональному отравителю-флорентийцу, чтобы тот подмешал Ставангеру беллалонны в питье. Получив аванс, злодей растворился в неизвестности, не прельстившись на дукаты, положенные за выполненную работу.

В последовавшей за мартовскими идами неразберихе Рейхенбах попытался указать на Ставангера как на одного из убийц Цезаря, но никто не обратил на это внимания. Не удалось и заинтересовать Ставангером инквизицию в тысяча четыреста восемьдесят пятом году в Кастилии, при Торквемаде, хотя даже самое поверхностное расследование неминуемо вскрыло бы наличие у обвиняемого дьявольских возможностей. Мало-помалу Рейхенбах пришел к отвратительному заключению: решать проблему Ставангера придется собственными руками. А это не просто неприятно, но и опасно. Ставангер холоден и уравновешен, он кажется опасным противником, а преступного опыта у Рейхенбаха нет... Нужен союзник и советчик. Нужен соучастник. Кто бы это мог быть?

Пока вдвоем с Ильзабет они странствовали среди Семи чудес света, от Эфеса к Галикарнасу, от Галикарнаса к Гизе, Рейхенбах размышлял. Наконец, под сенью Колосса Родосского, пришел ответ. Доверять в таком деле можно только одному человеку: себе самому.

— Знаешь, куда я хочу теперь отправиться? — спросил Рейхенбах у Ильзабет.

— Остались сады Семирамиды, Александрийский маяк, статуя Зевса в...

— Нет, я не про Семь чудес. Хочу обратно в Сараево, Ильзабет.

— Сараево? Что мы там забыли?

— Сентиментальное путешествие, милая. К месту нашей первой встречи.

— Там скучно! Кроме того...

— Есть способ развеять скуку. Мы тогдашние ведь тоже там будем. Посмотрим, как они встретятся, как узнают друг друга,

как станут любовниками. Который месяц мы посвящаем себя разным историческим событиям, пренебрегая самым значительным моментом собственной истории.— Рейхенбах улыбнулся лукаво.— Есть еще варианты. Мы можем представиться им. Намекнуть на радости, ожидающие их впереди. Можем даже соблазнить их, знаешь ли... Интересный будет поворот. Потом...

— Мне это не нравится.

— Неприлично, по-твоему?

— Не будь идиотом. Это опасно.

— Почему?

— Проникать в уже занятый тобой отрезок времени запрещено правилами. Инструкции наверняка писаны не зря.

— Ну да! Писаны старыми маразматиками, не пересекавшими терминатор ни разу в жизни. Инструкция существует, чтобы направлять, а не связывать! Правила нужны для того, чтобы избежать *последствий*, нарушая их, если тебе хватает сообразительности.

— А тебе хватает сообразительности? — спросила Ильзабет, помолчав.

— Думаю, да.

— *Понимаю.* Умный, дальновидный, особенный. Элита. Идешь по жизни так, как тебе нравится. Законы писаны не для тебя. Достаточно богат и удачлив, чтобы гулять, где и когда хочешь, и чувствовать себя божком.

— Думаю, ты живешь так же.

— В общем, да. Но в Сараево — это без меня.

— Почему?

— Видишь ли, я не знаю, что там может со мной случиться. Залезть к самому себе в постель, может, и интересно, но не до такой степени. Не люблю неоправданного риска. Не нравится мне эта идея. Ты до конца понимаешь теорию парадоксов?

— А ее кто-нибудь понимает до конца?

— Вот я и говорю. Глупо думать, что...

— Парадоксам придают слишком большое значение, тебе не кажется? По эту сторону терминатора все зыбко и неопределенно, Ильзабет. На твоем месте я бы не стал беспокоиться.

— Я не ты. Я беспокоюсь. И на твоем месте беспокоилась бы больше. Отправляйся в Сараево, если хочешь, но без меня.

Видя упорство Ильзабет, Рейхенбах отступил. К тому же, в одиночку будет проще. С Родоса они вместе отправились в Вави-

лон царя Навуходоносора, где провели четыре счастливых дня, не омраченных присутствием Ставангера. Последний раз им было так хорошо в Карфагене. Затем Ильзабет объявила, что снова нуждается в отдыхе и опере. На этот раз Мантуя, тысяча шестьсот седьмой год, премьера «Орфея» Монтеверди. Возражать Рейхенбах не стал. Оставшись один, он немедленно установил свой таймер на двадцать восьмое июня тысяча девятьсот четырнадцатого года. Сараево, Босния, десять часов двадцать семь минут.

Конечно, в вавилонском костюме его могут принять за сумасшедшего, но появляться на базовой станции было рискованно. Тем более, что оставаться в Сараево Рейхенбах планировал всего несколько минут. Через несколько секунд после материализации в узком переулке, замощенном булыжником, Рейхенбах увидел другого себя — в элегантном костюме эпохи короля Эдуарда. Тот, другой, не слишком удивился.

— Буду говорить быстро. Пойдешь вон туда и у дверей Австро-Венгерского банка встретишь самую замечательную женщину, какую когда-либо видел. Тебе суждено пережить с ней самые прекрасные моменты жизни. А когда влюбишься по уши и окончательно, ее отобьет соперник. Если не поможешь мне — нам — избавиться от него заблаговременно.

— Убийство? — прищурился другой.

— Устранение. Мы создадим для него опасную ситуацию, это его и погубит.

— А женщина действительно хороша? Стоит такого риска?

— Клянусь чем угодно. Если его не устранить, тебе будет очень больно. Ты уж поверь. Мое благополучие это твое благополучие.

— Разумеется,— согласился другой Рейхенбах не без сомнения.— Но почему мы оба должны быть замешаны? В конце концов, это пока не моя проблема.

— Так скоро будет твоей. Он, видишь ли, скользкий. В одиночку мне не справиться. Помоги сейчас, потом скажешь спасибо. Верь мне.

— А если это игра? Комбинация, где у меня роль жертвы?

— Черт бы тебя побрал! Нет, это не игра! Наше счастье на кону, твое и мое. Ты не понимаешь? Мы больше, чем близнецы! Наши судьбы связаны неразрывно! Либо ты мне сейчас помогаешь, либо сам будешь расхлебывать последствия. Что непонятного? Помоги! Пожалуйста.

— Ты просишь не так мало.— Другой Рейхенбах все еще колебался.

— Я не так мало и предлагаю. Послушай, у нас совсем нет времени: ты должен встретить Ильзабет прежде, чем убьют эрцгерцога. Меня найдешь в Париже, в полдень двадцать пятого июня тысяча семьсот девяносто четвертого года на рю де Риволи у отеля «Де Вилль». Соглашайся скорее,— потребовал Рейхенбах, хватая другого за руку.

— Хорошо,— кивнул тот, секунду подумав.

Коснувшись таймера, Рейхенбах исчез.

Снова оказавшись в Вавилоне, он собрал вещи и отправился на базовую станцию при Французской революции. Неприятно было бы встретить там публично, при персонале, себя самого. Такое грубое нарушение правил пришлось бы объяснять. К счастью, станция была слишком велика для таких пересечений — она обслуживала революцию и террор, растянувшиеся на пять лет и привлекавшие массу туристов.

Одетый в крестьянскую одежду, вооруженный знанием языка и революционной риторикой, как настоящий гражданин Республики, Рейхенбах погрузился в убийственную жару того кровавого парижского лета.

Искать самого себя долго не пришлось, хотя свое же лицо выглядело почти незнакомым: в зеркале видишь себя иначе. Вот каково иметь близнеца, подумал Рейхенбах.

— Она появится завтра, чтобы услышать последние слова Робеспьера и увидеть его казнь,— объяснил он охрипшим голосом.— Наш оппонент уже в Париже, остановился в отеле «Британик» на рю Женеро. Пока я за ним слежу, сообщи в Комитет общественной безопасности. Когда он появится здесь, ты должен быть готов объявить его врагом революции. Думаю, особого везения не понадобится, чтобы отправить его на гильотину в одной телеге с Робеспьером. D'accord?[1]

— D'accord.— Глаза другого Рейхенбаха сияли.— Ты был прав насчет Ильзабет,— сказал он негромко.— Ради такой женщины можно пойти на все.

Рейхенбах почувствовал укол ревности, хотя ревновать к самому себе нелепо.

— Где ты с ней успел побывать?

---

[1] Хорошо? *(фр.)*

— После Сараево — Рим. Времен Нерона. Она сейчас спит. Наша третья ночь, я только на секунду отлучился. Потом мы отправимся во времена Шекспира, потом...

— Потом Сократ, Магеллан, Васко да Гама. Самое лучшее у тебя впереди. Но сначала дело.

«Британик» Рейхенбах разыскал без большого труда: скромная гостиница неподалеку от Нового моста. Консьержка, женщина с перекошенным от паралича тонкогубым лицом, не хотела его слушать, пока Рейхенбах не напомнил ей про Комитет общественного спасения, закон о подозрительных личностях и возможные последствия отказа от сотрудничества с революционным трибуналом. Помешкав совсем немного, консьержка согласилась, что рослый брюнет с бородой действительно остановился на пятом этаже. Некий мсье Ставангер.

Рейхенбах снял комнату рядом и стал ждать. Через час в коридоре раздались шаги, за стенкой послышалась возня.

Выйдя из своего номера, Рейхенбах постучал. Дверь открылась.

— Да? — отозвался Ставангер, равнодушно глядя на него.

Он еще не встретил Ильзабет, подумал Рейхенбах. Не обменялся с ней ни словом, не коснулся ее тела. Ни разу они не ходили вместе в эту проклятую оперу. И не пойдут туда, нет.

— Прекрасный выбор для путешественника во времени. Париж...

— Вы кто такой?

— Меня зовут Рейхенбах. Мы с подругой заметили вас на улице; она предложила мне поговорить с вами. Знаете, она нередко пользуется моими услугами в качестве посредника.— Рейхенбах замялся.— Она хотела бы знать, не составите ли вы ей компанию на день-два, вместе ознакомиться с историей Франции. Как насчет встречи после обеда? Ее зовут Ильзабет. Вы наверняка найдете ее очаровательной. Сфера интересов: исторические убийства, архитектура, знаменитые оперные премьеры...

— Питаю особую страсть к опере,— оживился Ставангер.— Обычно я путешествую в одиночку, но ваше предложение выглядит заманчиво. Она внизу? Вы не могли бы проводить ее ко мне?

— Нет, к сожалению. Она ждет у отеля «Де Вилль».

— И хочет, чтобы я сам подошел?

— Да, для нее определенные условности имеют значение,— кивнул Рейхенбах.

— Тогда проводите меня к Ильзабет, пожалуйста,— сказал Ставангер, подумав.— Во избежание недоразумений: я ничего не обещаю.

— Конечно.

На улицах почти никого не было в этот час, вероятно, из-за удушающей жары в сочетании с жуткой вонью. А еще у парижан в полдень бывает dejeuner[1], подумал Рейхенбах. Если к этому добавить духовное опустошение и паралич сил от чудовищного кровопролития последних месяцев.

Ставангер шагал так быстро, что Рейхенбаху приходилось торопиться. На подходе к отелю «Де Вилль» показался другой Рейхенбах в компании нескольких человек, по виду — представителей революционной власти. Очень хорошо. Другой Рейхенбах кивнул: все в порядке. Осталось сделать так, чтобы жертва не смогла дотянуться до таймера, почуяв опасность.

— Где она? — спросил Ставангер.

— Когда я уходил, она разговаривала вон с теми людьми,— объяснил Рейхенбах.

Тот, другой, отвернулся. Весьма предусмотрительно. Они не готовились заранее, но действовали, как единый организм.

— Я обвиняю этого человека в преступлениях против свободы! — закричал другой, указывая пальцем.

Сам Рейхенбах захватил рослого Ставангера сзади, запустив руки под просторную рубаху, чтобы одним движением сорвать таймер. Ставангер взревел, пытаясь высвободиться, но поздно: на него в ту же секунду навалились толпой и потащили в сторону. Потный и довольный Рейхенбах глянул в глаза самому себе, переводя дыхание.

— Этот тоже виновен,— сказал другой.

— Что? — выдавил Рейхенбах.

Поздно. Его схватили за руки; другой нащупал и оборвал таймер. Несмотря на отчаянное сопротивление, Рейхенбаха повалили на землю. Кто-то придавил его грудь коленом, так что невозможно было пошевелиться.

Сквозь пелену боли и страха донеслись слова другого:

— Этот человек — внесенный в проскрипционные списки аристократ Шарль Эвремон по прозванию Дарне, враг Республ-

[1] Обед *(фр.)*.

лики и член семьи тирана. Заявляю, что он использовал свои привилегии с целью угнетения народа!

— Он предстанет перед революционным трибуналом сегодня вечером,— объявил тот, кто упирался коленом в грудь Рейхенбаха.

— Что ты делаешь? — в отчаянии прохрипел Рейхенбах.

Другой присел на корточки и негромко объяснил по-английски:

— Нас двое там, где должен быть один. Как ты думаешь, почему нельзя проникать в тот отрезок времени, где ты уже присутствуешь? Вернуться домой может только один. Вдвоем — никак.

— Неправда!

— Откуда ты знаешь? Так хорошо разобрался в теории парадоксов?

— Не хуже тебя! Как ты можешь поступать так со мной, когда я... я...

— Ты меня разочаровываешь: не замечаешь очевидного. От любого из нас я ожидал бы большего. Ревность, наверное, ослепила тебя, вот и не доходит. Неужели ты вообразил, что я позволю тебе слоняться по времени, где захочешь? Кому из нас в итоге достается Ильзабет?

Рейхенбах почувствовал, как на шею падает нож гильотины.

— Подождите! — крикнул он.— Гляньте на этого человека! Мы братья-близнецы! Если я аристократ, кто тогда он? Схватите его, пусть нас судят вместе!

— А вас и правда не отличить,— сказал один из тех, которые держали Рейхенбаха.

— Нас уже принимали за братьев,— улыбнулся другой.— Но мы не родня. Это аристократ Эвремон, граждане! А я бедняк Сидни Карто, человек незначительный. Счастлив послужить народу и Республике!

Поклонившись, он зашагал прочь и в скором времени исчез.

В Рим, где Нерон и Ильзабет, с горечью подумал Рейхенбах.

— Пошли! — прокричал кто-то над головой.— Трибуналу нынче некогда возиться!

Джанни

— Но почему не Моцарта? — спросил Хоугланд, с сомнением качнув головой.— Почему не Шуберта, например? В конце концов, если вы хотели воскресить великого музыканта, могли бы перенести сюда Бикса Бейдербека.

— Бейдербек — это джаз,— ответил я.— А меня джаз не интересует. Джаз вообще сейчас никого не интересует, кроме тебя.

— Ты хочешь сказать, что в две тысячи восьмом году людей все еще интересует Перголези?

— Он интересует меня.

— Моцарт произвел бы на публику большее впечатление. Рано или поздно тебе ведь понадобятся дополнительные средства. Ты объявляешь на весь мир, что у тебя в лаборатории сидит Моцарт и пишет новую оперу, после чего можешь сам проставлять в чеках сумму. Но какой толк в Перголези? Он совершенно забыт.

— Только невеждами, Сэм. И потом, зачем давать Моцарту второй шанс? Пусть он умер молодым, но не настолько же молодым. Моцарт оставил после себя огромное количество работ, горы! А Джанни, ты сам знаешь, умер в двадцать шесть. Он мог бы стать известнее Моцарта, проживи еще хотя бы десяток лет.

— Джонни?

© Перевод А. Корженевского.

— Джанни. Джованни Баттиста Перголези. Сам он называет себя Джанни. Пойдем, я вас познакомлю.

— И все-таки, Дейв, вам следовало воскресить Моцарта.

— Не говори ерунды,— сказал я.— Ты поймешь, что я поступил правильно, когда увидишь его. К тому же с Моцартом было бы слишком много проблем. Все эти рассказы о его личной жизни, что мне довелось слышать... У тебя парик дыбом встанет! Пойдем.

Мы вышли из кабинета, и я провел его по длинному коридору мимо аппаратной и клети «временного ковша» к шлюзу, разделявшему лабораторию и жилую пристройку, где Джанни поселился сразу же после того, как его «зачерпнули» из прошлого. Когда мы остановились в шлюзовой камере для дезинфекции, Сэм нахмурился, и мне пришлось объяснять:

— Болезнетворные микроорганизмы сильно мутировали за прошедшие три века, и мы вынуждены держать Джанни в почти стерильном окружении, пока не повысим сопротивляемость его организма. Сразу после переноса он мог умереть от чего угодно. Даже обычный насморк оказался бы для него смертельным. А кроме того, не забывай, он и так умирал, когда мы его вытащили: одно легкое было полностью поражено туберкулезом, второго тоже надолго не хватило бы.

— Да? — произнес Хоугланд с сомнением.

Я рассмеялся.

— Не волнуйся, ты ничем от него не заразишься. Сейчас он почти здоров. Мы истратили такие колоссальные средства на его перенос вовсе не для того, чтобы он умер здесь, на наших глазах.

Замок открылся, и мы шагнули в похожий на декорацию для киносъемок кабинет, заполненный рядами сверкающей телеметрической аппаратуры. Клодия, дневная медсестра, как раз проверяла показания диагностических приборов.

— Джанни ждет вас, доктор Ливис,— сказала она.— Сегодня он ведет себя слишком резво.

«Сегодня он ведет себя слишком резво».

— Резво?

— Игриво. Ну, вы сами знаете...

Да уж. На двери в комнату Джанни красовалась табличка, которой еще вчера не было. Выполненная размашистым почерком с вычурными барочными буквами надпись гласила:

ДЖОВАННИ БАТТИСТА ПЕРГОЛЕЗИ
Ези. 04.01.1710 — Поццуоли. 17.03.1736.
Лос-Анджелес. 20.12.2007–
Гений работает!!!!
Per piacere[1], *стучите, прежде чем входить!*

— Он говорит по-английски? — спросил Хоугланд.

— Теперь говорит,— ответил я.— Мы в первую же неделю обучили его во сне. Но он и так схватывает все очень быстро.— Я усмехнулся: — Надо же, «гений работает»! Пожалуй, подобного можно было бы ожидать скорее от Моцарта.

— Все талантливые люди чем-то похожи друг на друга,— сказал Хоугланд.

Я постучал.

— Chi é là?[2] — отозвался Джанни.

— Дейв Ливис.

— Avanti, dottore illustrissimo![3]

— А кто-то говорил, что он владеет английским,— пробормотал Хоугланд.

— Клодия сказала, что у него сегодня игривое настроение, забыл?

Мы вошли в комнату. Как обычно, Джанни сидел с опущенными жалюзи, отгородившись от ослепительного январского солнца, великолепия желтых цветов акации сразу за окном, огромных пламенеющих бугенвиллей, прекрасного вида на долину внизу и раскинувшихся за ней гор. Может быть, вид из окна его просто не интересовал, но, скорее всего, ему хотелось превратить свою комнату в маленькую, запечатанную со всех сторон келью, своего рода остров в потоке времени. За последние недели ему пришлось пережить немало потрясений: обычно люди чувствуют себя неуютно, даже перелетев через несколько часовых поясов, а тут прыжок в будущее на 271 год.

Однако выглядел Джанни вполне жизнерадостно, почти озорно. Роста он был небольшого, сложения хрупкого. Движения грациозны, взгляд острый, цепкий, жестикуляция умеренна и

---

[1] Пожалуйста *(ит.)*.
[2] Кто там? *(ит.)*
[3] Входите, достопочтенный доктор! *(ит.)*

точна. В нем чувствовалась живость и уверенность в себе. Но как же сильно он изменился всего за несколько недель! Когда мы выдернули его из восемнадцатого века, он выглядел просто ужасно: лицо худое, в морщинах, волосы седые уже в двадцать шесть лет, истощенный, согбенный, дрожащий... Собственно, Джанни выглядел, как и положено изнуренному болезнью туберкулезнику, которого всего две недели отделяют от могилы. Седина у него еще оставалась, но в весе он прибавил фунтов десять, глаза ожили, на щеках появился румянец.

— Джанни,— сказал я.— Познакомься. Это Сэм Хоугланд. Он будет заниматься рекламой и освещением нашего проекта в прессе. Capisce?[1] Сэм прославит тебя на весь мир и создаст для твоей музыки огромную аудиторию.

Джанни ослепительно улыбнулся.

— Bene[2]. Послушайте вот это.

Комната, заставленная аппаратурой, являла собой настоящие электронные джунгли: синтезатор, телеэкран, огромная аудиотека, пять различных компьютерных терминалов и множество всяких других вещей, про которые едва ли можно сказать, что они уместны в типичной итальянской гостиной восемнадцатого века. Однако Джанни все это принял с восторгом и освоил с удивительной, даже пугающей легкостью. Он повернулся к синтезатору, перевел его в режим клавесина и опустил руки на клавиатуру. Целая батарея астатических динамиков отозвалась вступлением сонаты, прекрасной, лирической сонаты, на мой взгляд, безошибочно перголезианской и в то же время странной, причудливой. Несмотря на всю ее красоту, в музыке ощущалось что-то натужное, неловкое, недоработанное, словно балет, исполняемый в галошах. Чем дальше он играл, тем неуютнее я себя чувствовал. Наконец Джанни повернулся к нам и спросил:

— Вам нравится?

— Что это? Что-то твое?

— Да, мое. Это мой новый стиль. Сегодня я под влиянием Бетховена. Вчера был Гайдн, завтра займусь Шопеном. Мне нужно попробовать все. А к Пасхе я доберусь до уродливой музыки: Малер, Берг, Дебюсси. Они все сумасшедшие, вы это знали? Безумная музыка, уродливая. Но я все освою.

---

[1] Понятно? *(ит.)*

[2] Хорошо *(ит.)*.

— Дебюсси... уродлив? — тихо спросил Хоугланд, оборачиваясь ко мне.

— Для него Бах — современная музыка,— сказал я.— А Гайдн — голос будущего.

— Я стану очень известен,— произнес Джанни.

— Да. Сэм сделает тебя самым известным человеком в мире.

— Я уже был знаменит после того, как... умер.— Джанни постучал пальцем по одному из терминалов.— Я читал о себе. Я был настолько знаменит, что все подделывали мою музыку и публиковали ее под моим именем. Вы об этом знаете? Я пробовал играть этого «Перголези»... Merda[1] по большей части. Но не все. Например, concerti armonici...[2] Совсем неплохо. Не мое, но неплохо. Хотя остальное по большей части дрянь.— Джанни подмигнул.— Но вы сделаете меня знаменитым при жизни. Хорошо. Очень хорошо.— Он подошел совсем близко к нам и добавил: — А вы скажете Клодии, что гонореи у меня уже нет?

— Что?

— Мне она не поверит. Врач в этом поклялся, я ей так и сказал, но она ответила, что это, мол, все равно небезопасно и что я, мол, не должен распускать руки и вообще не должен ее трогать.

— Джанни, ты что — приставал к нашей медсестре?

— Я выздоравливаю, dottore. И я не монах. Меня действительно отправили в свое время жить в монастырь капуцинов в Поццуоли, но только для того, чтобы хороший воздух этих мест помог мне излечиться от чахотки. Вовсе не для того, чтобы я стал монахом. Так вот я не монах, а теперь я еще и здоров. Вы в состоянии провести без женщины три сотни лет? — Он повернулся к Хоугланду, и во взгляде его сверкающих глаз появилось какое-то хитрое, плотоядное выражение.— Вы сделаете меня очень знаменитым. И у меня снова будут поклонницы. Вы должны всем им сказать, что гонореи теперь не существует. Век чудес!

Позже Хоугланд заметил:

— А кто-то говорил, что с Моцартом было бы слишком много проблем...

Когда мы только-только выдернули Джанни из прошлого, никто не слышал от него этих напористых речей о женщинах, славе или чудесных новых произведениях. Мы выдернули из

---

[1] Дрянь *(ит.)*.

[2] Гармонические концерты *(ит.)*.

прошлого развалину, потрясенную тень человека, опустошенного и выгоревшего внутри. Он долго не мог понять, где очнулся — в раю или в аду, но независимо от этого неизменно пребывал в состоянии либо подавленности, либо крайнего недоумения. Он едва цеплялся за жизнь, и у нас появились сомнения, не слишком ли долго мы ждали, чтобы забрать его оттуда. Возможно, предлагали некоторые, было бы правильнее отправить его обратно и забрать из какой-нибудь более ранней точки времени, скажем, из лета 1735 года, когда он не был так близок к смерти. Но бюджет не позволял нам произвести повторный захват, и, кроме того, нас связывали установленные нами же жесткие принципы. Мы могли бы перетянуть из прошлого кого угодно — Наполеона, Чингисхана, Христа или Генриха VIII, но мы не знали, что станет с ходом истории, если мы выдернем, например, Гитлера из того времени, когда он еще работал обойщиком. Поэтому мы заранее решили взять из прошлого только такого человека, чья жизнь и чьи свершения остались уже позади и чья естественная смерть будет настолько близка, что его исчезновение едва ли нарушит структуру нашей Вселенной. Несколько месяцев подряд я добивался, чтобы этим человеком оказался Перголези, и мне удалось убедить всех остальных. Мы забрали Джанни из монастыря за восемнадцать дней до официальной даты его смерти, после чего оказалось совсем несложно подбросить туда муляж, который был в должное время обнаружен и захоронен. Насколько мы могли судить, в истории ничего не изменилось из-за того, что одного чахоточного итальянца положили в могилу на две недели раньше, чем сообщалось в энциклопедиях.

Однако в первые дни мы даже не были уверены, удастся ли сохранить ему жизнь, и для меня эти несколько дней сразу после захвата стали самыми худшими днями моей жизни. Планировать годами, потратить столько миллиардов долларов, и все для того, чтобы первый же, кого мы вырвали из прошлого, все равно умер в настоящем...

Но он остался в живых. Та самая жизненная сила, что за отпущенные ему судьбой двадцать шесть лет выплеснула из Джанни шестнадцать опер, дюжину кантат и бесчисленное множество симфоний, концертов, месс и сонат, помогла ему теперь выбраться из могилы, разумеется, при участии всех средств современной медицины, благодаря которой удалось буквально воссоздать

его легкие и излечить целый набор других заболеваний. На наших глазах Джанни с каждым часом набирал силы и всего через несколько дней совершенно преобразился. Даже нам самим это показалось волшебством. И очень живо напомнило, как много жизней было потеряно в прежние времена просто из-за отсутствия всего того, что мы давно привыкли считать обыденным: антибиотиков, техники трансплантации, микрохирургии, регенерационной терапии.

Эти дни стали для меня сплошным праздником. Бледного, ослабевшего юношу, что боролся за свою жизнь в одном из наших боксов, окружал сияющий ореол накопленной веками славы и легенд. У нас действительно был Перголези, чудесное дитя, фонтан мелодий, автор ошеломляющей «Стабат Матер» и бесшабашной «Служанки-госпожи», которого десятилетиями после смерти ставили в один ряд с Бахом, Моцартом, Гайдном и чьи даже самые тривиальные работы вдохновили на создание целого жанра легкой оперы. Но его собственный взгляд на свою жизнь был совершенно иным: уставший, больной, умирающий юноша, бедный жалкий Джанни, неудачник, известный лишь в Риме и Неаполе, но даже там обойденный судьбой. Его серьезные оперы безжалостно игнорировали, мессы и кантаты восхваляли, но исполняли редко, лишь комические оперы, которые он набросал почти бездумно, принесли ему хоть какое-то признание. Бедный Джанни, перегоревший в двадцать пять, сломленный в равной степени и разочарованиями и туберкулезом вкупе со всеми остальными болезнями, спрятавшийся от мира в монастыре капуцинов, чтобы умереть там в крайней нищете. Откуда он мог знать, что станет знаменит? Но мы показали ему. Дали послушать записи его музыки: и настоящей и той, что была сработана беспринципными сочинителями, желавшими погреть руки на посмертной славе Перголези. Мы подсовывали ему биографические исследования, критические разборы и даже романы о нем самом. Может быть, и в самом деле он воспринял это как воскрешение в раю. День ото дня набирая силы, наливаясь здоровьем и цветом, Джанни начал буквально излучать жизнелюбие, страстность и уверенность в себе. Поняв, что ничего волшебного с ним не произошло, что его перенесли в невообразимое будущее и вернули к жизни самые обычные люди, он принял все эти объяснения и быстро избавился от сомнений. Теперь его

интересовала только музыка. В течение второй и третьей недель мы преподали ему ускоренный курс музыкальной истории, начав с того, что создавалось после барокко. Сначала Бах, затем отход от полифонии.

— Naturalmente[1],— сказал он.— Это было неизбежно. Я сам бы этого достиг, если бы остался в живых.

После этого он многими часами буквально впитывал в себя целиком Моцарта, Гайдна, Иоганна Себастьяна Баха, впадая при этом просто в исступление. Его живой, подвижный ум сразу же начал собственные искания. Но однажды утром я застал Джанни с покрасневшими от слез глазами: он всю ночь слушал «Дон Жуана» и «Свадьбу Фигаро».

— Этот Моцарт...— сказал он.— Его вы тоже хотите перенести сюда?

— Возможно, когда-нибудь мы это сделаем.

— Я убью его! Если вы оживите Моцарта, я его задушу! Затопчу! — Глаза Джанни горели диким огнем, потом он вдруг рассмеялся.— Он — чудо! Ангел! Он слишком хорош! Отправьте меня в его время, и я убью его там! Никто не должен так сочинять, кроме Перголези! Перголези сделал бы это!

— Я верю.

— Да. Вот «Фигаро» — одна тысяча семьсот восемьдесят шестой год, я мог бы сделать это на двадцать лет раньше! На тридцать! Если бы только у меня был шанс! Почему этот Моцарт так удачлив? Я умер, а он еще столько жил, почему? Почему, dottore?

Эти странные отношения с Моцартом, замешанные на любви и ненависти, длились шесть или семь дней. Потом он перешел к Бетховену, который, на мой взгляд, показался ему слишком ошеломляющим, массивным, давящим, позже — к романтикам, удивившим его своими творениями («Берлиоз, Чайковский, Вагнер — они все лунатики, dementi, pazzi[2], но я восторгаюсь ими! И мне кажется, я понимаю, что они пытались сделать. Безумцы! Восхитительные безумцы!»), затем сразу в двадцатый век: Малер, Шенберг, Стравинский, Барток — и на них он много времени не затратил, сочтя всю их музыку либо уродливой, либо ужасающей, либо невразумительно эксцентричной. Более поздних

[1] Разумеется, естественно *(ит.)*.

[2] Безумцы *(ит.)*.

композиторов. Веберна и сериалистов, Пендерецкого, Штокгаузена, Ксенакиса, Лигети, различных электронщиков и всех, кто пришел после них, он отбросил, пожав плечами, словно то, что они делали, в его понимании просто не было музыкой. Их фундаментальные предпосылки оказались для Джанни слишком чужеродными. При несомненной гениальности их идеи он воспринять все же не мог. В конце концов, Брийя-Саварен или Эскофье тоже вряд ли получили бы удовольствие, отведав инопланетной кухни. Закончив лихорадочный обзор всего того, что произошло в музыке после него, Джанни вернулся к Баху и Моцарту, полностью отдав им свое внимание.

И когда я говорю «полностью», я имею в виду именно это. Внешний мир, начинавшийся за окнами спальни, совершенно его не интересовал. Мы объяснили ему, что он в Америке, в Калифорнии, и показали карту. Он просто кивнул. Тогда мы подключили телеэкран и дали взглянуть на Землю начала двадцать первого века. Взгляд его довольно быстро потускнел. Мы рассказали про автомобили, про самолеты, про полеты к Марсу. «Да,— сказал он,— meraviglioso, miracoloso»[1], и вернулся к Бранденбургскому концерту. Сейчас мне понятно, что отсутствие интереса к современному миру с его стороны было не признаком страха или ограниченности, а, скорее, символом приоритетности: то, что совершил Моцарт, казалось ему удивительнее и интереснее, чем вся технологическая революция. Для Джанни технология стала лишь средством к достижению цели: нажимаешь кнопку, и в твоей комнате звучит симфонический оркестр («miracoloso!»), поэтому он принимал технологию как должное. То, что basso continue[2] устарел через тридцать лет после его смерти, или то, что диатонические гаммы спустя век или около того превратились из священной константы в неудобный анахронизм, имело для него гораздо большее значение, чем термоядерные реакторы, межпланетные корабли или даже та самая машина, что вырвала его со смертного одра и перенесла в этот дивный новый мир.

Через месяц после «воскрешения» Джанни заявил, что снова хочет сочинять, и попросил клавесин. Вместо него мы дали Джанни синтезатор, что его вполне устроило.

---

[1] Удивительно, чудесно *(ит.)*.

[2] Генерал-бас *(ит., муз.)*.

Спустя шесть недель он начал задавать вопросы о внешнем мире, и я понял, что самая сложная часть нашего эксперимента только начинается.

— Довольно скоро нам все же придется предъявить его человечеству,— сказал Хоугланд.— Меня даже удивляет, что нам так долго удавалось избежать огласки.

Хоугланд подготовил грандиозный план. Задача его состояла из двух частей: во-первых, познакомить Джанни с нашим миром, во-вторых, дать миру понять, что путешествия человека во времени (не каких-то там лягушек или котят, перетаскиваемых из прошлого месяца в этот) стали наконец вполне реальным явлением. Планировались пресс-конференции, выступления сотрудников лаборатории, средств массовой информации, интервью с Джанни, фестиваль музыки Перголези в Голливуд-Боул с премьерой симфонии в духе Бетховена, которую Джанни обещал закончить к апрелю, и так далее, и так далее. Но в то же время мы задумали для Джанни серию поездок по Лос-Анджелесу и окрестностям, с тем чтобы постепенно познакомить с обществом, в которое его перетянули, так сказать, без согласования с ним самим. Медики подтвердили, что теперь контакт с микроорганизмами двадцать первого века ничем ему не угрожает. Но будет ли столь же безопасным его контакт с цивилизацией двадцать первого века? Джанни с его запертыми окнами и закрытыми жалюзи, с его разумом восемнадцатого века, целиком поглощенным откровениями, которые вливали туда Бах, Моцарт, Бетховен, как он воспримет мир космических полетов, слайс-притонов, рок-форсажных ансамблей и свободно-групповых браков, когда не сможет больше от него скрываться?

— Оставьте все мне,— сказал Хоугланд.— Я ведь за это и получаю деньги.

Как-то в один из дней февраля, лождливый, но довольно теплый, мы с Сэмом и нашим главным врачом Неллой Брандон вывезли Джанни в первую поездку по новой для него реальности. Вниз к подножию холма, несколько миль по бульвару Вентура, по шоссе до Топанги, затем обратно через зону оползней к тому месту, что раньше называлось Санта-Моникой, и оттуда по Уилширу через весь центр Лос-Анджелеса — добротная, крепкая доза современности. На тот случай, если Джанни вдруг начнет чудить,

доктор Брандон захватила с собой весь свой арсенал снотворного и транквилизаторов. Но он перенес поездку совершенно нормально.

Более того, он был в полном восторге от бесконечного кружения на машине с обзором на все четыре стороны и буквально поедал глазами открывающиеся виды. Я пытался представить себе Лос-Анджелес глазами человека, прожившего всю жизнь среди красот архитектуры ренессанса и барокко, и, как ни крути, впечатление создавалось отвратительное. Но не для Джанни.

— Прекрасно! — вздыхал он.— Удивительно! Чудесно! Восхитительно!

Движение, сами многорядные шоссе, автоматические кафе, облезлые пластиковые фасады, шрамы от большого пожара в Топанге, дома, свисающие на тросах, суперлайнеры, время от времени проплывающие над нами,— все приводило его в восхищение. Никаких мрачных старых соборов, площадей, мраморных фонтанов — все здесь было больше, ярче, бросче, чем в прежней жизни, и все ему нравилось. Единственное, что вызвало у него смятение, это пляж в Топанге. К тому времени, когда мы туда добрались, выглянуло солнце, и, соответственно, на пляж высыпали любители позагорать. У Джанни чуть с сердцем плохо не стало при виде восьми тысяч обнаженных тел, расположившихся на влажном песке.

— Что это? — потребовал он объяснений.— Невольничий рынок? Или владения вашего короля?

— Давление подскочило,— тихо произнесла Нелла Брандон, следя за монитором на запястье.— Растет содержание адреналина. Успокоительного?

Я покачал головой.

— Рабство теперь запрещено,— разъяснил я Джанни.— И у нас нет короля. Обычные граждане нашей страны иногда проводят так свое свободное время.

— Nudo! Assolutamente nudo![1]

— Мы давно уже перестали стыдиться своих тел,— сказал я.— Закон разрешает нам ходить в подобных местах обнаженными.

— Straordinario! Incredibile![2]

---

[1] Голые! Абсолютно голые! *(ит.)*

[2] Невероятно! Уму непостижимо! *(ит.)*

Совершенно потрясенный, Джанни глядел не отрываясь. Потом взорвался множеством вопросов, причем сначала на итальянском, поскольку для английского в такой ситуации ему, очевидно, требовались определенные усилия. Разрешают ли мужья приходить сюда своим женам? Отцы — дочерям? Бывают ли на пляже изнасилования? Дуэли? Если тело потеряло свою таинственность, как сохраняется влечение? И так далее... В конце концов я подал Нелле сигнал, и она ввела ему легкое успокоительное. Немного поостыв, Джанни принялся переваривать идею массовой публичной наготы уже более вдумчиво, но было совершенно очевидно, что она поразила его даже больше, чем Бетховен.

Мы дали ему понаблюдать за пляжем еще минут десять, но, когда решили возвращаться в машину, Джанни вдруг указал на пышную брюнетку, которая прохаживалась вдоль оставленных приливом мелких лагун, и сказал:

— Я хочу ее! Приведите!

— Но, Джанни, мы не можем этого сделать!

— Вы что, думаете — я евнух? Вы думаете, я могу спокойно смотреть на все эти обнаженные тела, думаете, я забыл, что такое женщина? — Джанни схватил меня за руку.— Приведи мне ее!

— Еще рано. Ты недостаточно окреп. И мы не можем просто взять ее и привести. Так сейчас не делают.

— Но она ходит без одежды. Значит, она принадлежит любому.

— Нет,— сказал я.— Ты по-прежнему ничего не понимаешь.

По моему сигналу Нелла Брандон ввела ему еще одну дозу успокоительного, и, когда машина наконец тронулась, Джанни притих. Вскоре мы оказались у барьера с ограничительным знаком в том месте, где дорога обрушилась в море, и пришлось делать объезд через руины Санта-Моники. Я рассказал Джанни о землетрясении и оползне. Он ухмыльнулся.

— A-a-a, il terremoto![1] Значит, и здесь такое бывает? Несколько лет назад в Неаполе тоже произошло землетрясение. Понятно? И после этого меня попросили написать Мессу Благодарения за то, что не все оказалось разрушенным. Это очень знаменитая месса для того времени. Ты слышал ее? Нет? Надо послушать.— Он

[1] Землетрясение *(ит.)*.

повернулся, схватил меня за руку и с волнением, еще более сильным, чем вызвала у него брюнетка на пляже, произнес: — Я создам новую знаменитую мессу. Я снова буду очень знаменит. И богат. Да? Я уже был знаменит, но потом меня забыли, и я умер, а теперь я снова жив и снова стану знаменитым. И богатым. Да? Верно?

Сэм Хоутланд взглянул на него и сказал:

— Недели через две, Джанни, ты будешь самым знаменитым человеком на Земле.

Не задумываясь, он ткнул пальцем клавишу радиоприемника. Машина была прекрасно оборудована для воспроизведения рок-форсажа, и из многочисленных динамиков тут же обрушились на нас знакомые пульсирующие, зудящие звуки «Мембраны» в исполнении «Уилкс Бут Джон». Инфразвук передавался просто бесподобно. Едва только музыка накатила, Джанни выпрямился.

— Что это? — потребовал он.

— Рок-форсаж,— сказал Сэм.— «Уилкс Бут Джон».

— Рок-форсаж? Мне это ничего не говорит. Это музыка? Какого времени?

— Это современная музыка,— ответила Нелла Брандон.

Когда мы проносились по Уилширу, Сэм подключил цвет и огни. В машине завибрировало, засверкало, зашкворчало. Снова Страна чудес для Джанни. Он заморгал, прижал ладони к щекам, покачал головой.

— Словно музыка из снов,— сказал он.— Композитор?.. Кто он?

— Это не композитор,— ответил Сэм.— Группа. Они себя называют «Уилкс Бут Джон». Это не классика. Поп. Популярная музыка. Как правило, у этой музыки нет отдельного композитора.

— Она сама себя сочиняет, эта музыка?

— Нет,— сказал я.— Ее сочиняет вся группа. И сама ее исполняет.

— Оркестр. Поп-музыка и оркестр сочинителей...— Вид у него стал совсем потерянный, как в момент пробуждения, когда он, голый и ослабевший, оказался в клети «временного ковша».— Поп. Такая странная музыка. Такая простая. Снова и снова одно

и то же, громко и бесформенно. Но мне нравится... Кто слушает эту музыку? Imbecili? Infanti?[1]

— Все,— сказал Сэм.

Первая наша вылазка в Лос-Анджелес не только показала, что Джанни вполне способен выдержать натиск современного мира, но и произвела в его жизни довольно значительные изменения. Прежде всего, после увиденного на пляже в Топанге его уже невозможно было удержать в рамках сдержанного образа жизни. Здоровье, сила и непреодолимое влечение Джанни к прекрасному полу (одно из старинных биографических исследований, с которым я ознакомился, приписывало слабое здоровье и раннюю кончину композитора именно его «пресловутому распутству») просто не оставляли нам возможности обращаться с ним и дальше как с пленником или обитателем зоопарка. Вскоре Сэм подговорил одну из своих секретарш составить Джанни компанию.

Кроме того, Джанни впервые столкнулся с расколом между классической и популярной музыкой, с огромной модернистской пропастью между высоким искусством и низкопробным развлечением. Эта новая сторона жизни поначалу здорово его озадачила.

— Что такое «поп»? — спрашивал он.— Музыка крестьян?

Но через какое-то время он сумел охватить идею простой ритмичной музыки, которую слушают все, в отличие от «серьезной» музыки, принадлежащей элите и исполняемой только в официальной обстановке.

— Но у моей музыки была мелодия! — протестовал он.— Люди могли ее просто насвистывать! Она принадлежала всем.

Понимание того, что композиторы забросили мелодику и поставили себя в недосягаемое для широкой публики положение, буквально заворожило его, а когда мы объяснили ему, что нечто подобное произошло и во всех других областях искусства, он с жалостью произнес:

— Бедные безумные futuriomini[2].

Совершенно неожиданно он начал превращаться в поклонника и знатока форсажных групп. После того как в его комнате

---

[1] Недоумки? Дети? *(ит.)*

[2] Люди будущего *(ит.)*.

установили внушительный комплекс аппаратуры, они с Мелиссой часами пропадали там, впитывая волновые формации, которыми окатывали их «Ножницы», «Сверхпена», «Уилкс Бут Джон» и другие первоклассные группы. Когда же я спросил Джанни, как продвигается его новая симфония, он посмотрел на меня очень странно.

Одновременно он открывал для себя и другие маленькие дорожки в современную жизнь. Сэм с Мелиссой провели его по магазинам на Фигуэро-стрит, и Джанни сменил свою лабораторную одежду, в которой ходил с самого «воскрешения», на ацтекский наряд по последнему слову моды. Преждевременно поседевшие волосы он выкрасил в рыжий цвет. Приобрел набор ювелирных украшений, которые вспыхивали, звякали, жужжали и щелкали в зависимости от перемены настроения владельца. Короче, через несколько дней Джанни превратился в обычного молодого жителя Лос-Анджелеса, изящного, щеголеватого, модно одетого юношу, чей образ вполне естественно дополнялся иностранным акцентом и экзотической грамматикой.

— Сегодня мы с Мелиссой идем в «Квонч»,— объявил Джанни.

— Квонч?..— пробормотал я в недоумении.

— Это рок-форсажный зал,— объяснил Хоугланд.— В Помоне. Там всегда играют самые лучшие группы.

— Но у нас на сегодня билеты в филармонию,— попытался возразить я.

Джанни был неумолим.

— «Квонч»,— повторил он.

И мы отправились в «Квонч». Джанни, Мелисса, Сэм, его помешанная на слайсе подружка Орео и я. Джанни с Мелиссой хотели идти вдвоем, но этого я допустить не мог, хотя чувствовал, что напоминаю собой сверхзаботливую мамашу, чей сынок впервые оторвался от ее юбки.

— Не будет сопровождающих — не будет «Квонча»,— заявил я.

«Квонч» оказался гигантских размеров куполом на одном из глубоких подземных уровней Помоны. Сцена вращалась на антигравитационных стабилизаторах, потолок едва просматривался за тучами астатических динамиков, каждое сиденье было подключено к интенсификатору, а публика — в основном подростки лет четырнадцати — до потери сознания накачалась слайсом.

В тот вечер выступали «Воры», «Святые духи» и «Сверхпена». Для этого ли я вернул к жизни композитора «Стабат Матер» и «Служанки-госпожи», потратив бесчисленные средства? Подростки визжали, зал заполнял густой, почти осязаемый, давящий звук, вспыхивали цвета, пульсировал свет, люди теряли разум. А посреди всего этого сумасшествия сидел Джованни Батиста Перголези (1710–1736), выпускник «Консерваторио дей Повери», органист королевской капеллы в Неаполе, руководитель капеллы у принца Стильяно,— сидел подключенный, сияющий, в экстазе улетевший в какие-то высшие сферы.

Несмотря на все это, «Квонч» не показался мне опасным местом, и в следующий раз я отпустил Джанни с одной Мелиссой. И после того тоже. И мне и ему эти его маленькие самостоятельные вылазки шли на пользу. Однако я начинал беспокоиться. Приближалось время, когда мы вынуждены будем объявить публике, что среди нас живет подлинный гений восемнадцатого века. Но где его новые симфонии? Где божественные сонаты? Он не создавал ничего заметного, отдавая все больше и больше времени рок-форсажу. Но ведь я перенес его в наше время отнюдь не для того, чтобы он стал обычным потребителем музыки из публики. Особенно из этой публики.

— Успокойся,— говорил мне Сэм.— У него просто очередная фаза. Он ослеплен новизной всего, что его окружает, и, возможно, в первый раз в жизни ему по-настоящему хорошо, весело и интересно. Но рано или поздно он вернется к творчеству. Никому не дано выйти из характера надолго, и настоящий Перголези возьмет верх.

Потом Джанни исчез.

Тревожный звонок раздался в три после полудня в ту сумасшедшую, жаркую субботу, когда задула Санта-Ана и разразился пожар в Туджунге. Доктор Брандон отправилась в комнату Джанни, чтобы провести обычный профилактический осмотр, но Джанни там не оказалось. Я мчался через весь город от своего дома на побережье, буквально рассекая воздух. Хоугланд, пулей прилетевший из Санта-Барбары, уже сидел в лаборатории.

— Я позвонил Мелиссе,— сказал он.— Его там нет. Но она высказала одно предположение...

— Выкладывай.

— Последние несколько вечеров они бывали за кулисами. Джанни встречался там с парнями из «Сверхпены» и еще какой-

то группы. Мелисса думает, что он сейчас где-нибудь с ними. Работает.

— Если это так на самом деле, то слава богу. Но как мы его найдем?

— Мелисса узнает адреса. Сделаем несколько звонков... Не беспокойся, Дейв.

Легко сказать. Я представлял себе, что его захватили ради выкупа и держат в каком-нибудь гнусном подвале в восточной части Лос-Анджелеса, что наглые здоровенные парни высылают мне по одному в день его пальцы и требуют выплаты пятидесяти миллионов... Эти ужасные полчаса я не мог найти себе места, ходил по комнате и хватался за телефонную трубку, словно за волшебную палочку. Потом наконец нам сообщили, что его нашли с музыкантами из «Святых духов» на студии в Вест-Ковине. Игнорируя протесты дорожных патрулей, мы добрались до места, наверно, за половину допустимого правилами времени.

Студия напоминала «Квонч» в миниатюре: повсюду электроника и аппаратура для форсажных эффектов. Джанни, потный, но с блаженным выражением лица, сидел посреди шестерых практически голых парней ужасающего вида, облепленных считывающими датчиками и увешанных акустическими инструментами. Сам он, впрочем, выглядел ничуть не лучше.

— Эта музыка прекрасна,— вздохнул он, когда я оттащил его в сторону.— Музыка моего второго рождения. Я люблю ее превыше всего.

— Бах,— напомнил я.— Бетховен, Моцарт.

— Это другое. Здесь чудо. Полный эффект, окружение, погло...

— Джанни, никогда больше не исчезай, не поставив кого-нибудь в известность.

— Ты испугался?

— Мы вложили в тебя колоссальные средства. И нам не хотелось бы, чтобы с тобой что-то стряслось или...

— Разве я ребенок?

— В этом городе полно опасностей, которые ты еще просто не в состоянии понять. Хочешь работать с этими музыкантами, работай. Но не исчезай бесследно. Понятно?

Он кивнул, потом сказал:

— С пресс-конференцией придется подождать. Я изучаю эту музыку. И может быть, в следующем месяце буду дебютиро-

вать. Если нам удастся заполучить место в хорошей программе «Квонча».

— Вот, значит, кем ты решил стать? Звездой рок-форсажа?

— Музыка всегда музыка.

— Ноты — Джованни Баттиста Перголези...— Тут меня охватило ужасное подозрение, и я скосил взгляд в сторону «Святых духов».— Джанни, ты, случайно, не сказал им, кто ты...

— Нет. Это пока тайна.

— Слава богу.— Я положил руку ему на плечо.— Ладно, если это забавляет тебя, слушай, играй и делай, что хочешь. Но Господь создал тебя для настоящей музыки.

— Это и есть настоящая музыка.

— Для сложной музыки. Серьезной музыки.

— Я умирал с голоду, сочиняя такую музыку.

— Ты опередил свое время. Теперь тебе не придется голодать. Твою музыку будет ждать огромная аудитория.

— Да. Потому что я стану балаганным дивом. А через два месяца меня снова забудут. Нет, Дейв, grazie[1]. Хватит сонат, хватит кантат. Это не музыка вашего мира. Я хочу посвятить себя рок-форсажу.

— Я запрещаю это, Джанни!

Его глаза сверкнули, и я увидел за хрупкой, щегольской оболочкой что-то стальное, непоколебимое.

— Я не принадлежу вам, доктор Ливис.

— Я дал тебе жизнь.

— Как и мои родители. Но им я тоже не принадлежал.

— Ладно, Джанни. Давай не будем ссориться. Я только прошу тебя не поворачиваться спиной к своему таланту, не отвергать дар, которым наградил тебя Господь для...

— Я ничего не отвергаю. Просто трансформирую.— Он выпрямился и произнес прямо мне в лицо: — Оставьте меня в покое. Я не буду вашим придворным композитором. И не стану сочинять для вас мессы и симфонии. Никому они сегодня не нужны, по крайней мере новые, а старые слушает лишь горстка людей. Для меня этого недостаточно. Я хочу славы, capisce? Я хочу стать богатым. Ты думал, я всю жизнь проживу балаганным чудом, музейным экспонатом? Или научусь писать этот шум, который на-

---

[1] Спасибо *(ит.)*.

зывают современной классикой? Мне нужна слава. В книгах пишут, что я умер нищим и голодным. Так вот, когда ты умрешь один раз нищим и голодным, когда поймешь, что это такое, тогда приходи, и мы поговорим о сочинении кантат. Я никогда больше не буду бедным.— Он рассмеялся.— В следующем году, когда мир узнает обо мне, я соберу свою собственную рок-форсажную группу. Мы будем носить парики, одежду восемнадцатого века и все такое. Группа будет называться «Перголези». Каково? Каково, Дейв?

Джанни настоял на своем праве работать со «Святыми духами» ежедневно после полудня. О'кей. На рок-форсажные концерты он ходил почти каждый вечер. О'кей. Говорил, что выйдет в следующем месяце на сцену. Даже это — о'кей. Он забросил сочинительство и не слушал ничего, кроме рок-форсажа. О'кей. У него просто очередная фаза, сказал Сэм. О'кей. Я вам не принадлежу, сказал Джанни.

О'кей. О'кей.

Я позволил ему поступать, как он захочет. Спросил только, за кого его принимают эти парни из рок-группы и почему они взяли его к себе так быстро.

— Сказал им, что я просто богатый итальянский бездельник,— ответил Джанни.— Я их очаровал, понятно? Не забывай, я привык добиваться расположения королей, принцев и кардиналов. Так мы, музыканты, зарабатывали себе на жизнь. Я их очаровываю, они слушают мою игру и сразу видят, что перед ними гений. Все остальное просто. Я буду очень богат.

Спустя три недели после начала его рок-форсажной фазы ко мне обратилась Нелла Брандон.

— Дейв, он принимает слайс.

Странно, что меня это удивило. Но ведь удивило же.

— Ты уверена?

Она кивнула.

— Это уже заметно по анализам крови, мочи и графикам обмена веществ. Возможно, он делает это каждый раз, когда играет с группой. Вес стал меньше, формирование красных кровяных телец замедляется, сопротивляемость организма падает. Ты должен с ним поговорить.

Я отправился к нему немедленно.

— Джанни, я уже давно бросил переживать из-за того, какую музыку ты играешь, но раз дело дошло до сильнодействующих

препаратов, я вынужден вмешаться. Тебе еще далеко до полного выздоровления. И не следует забывать, что всего несколько месяцев назад по тому времени, что отсчитывает твой организм, ты был на грани смерти. Я не хочу, чтобы ты угробил себя.

— Я тебе не принадлежу,— снова произнес он угрюмо.

— Но у тебя есть передо мной кое-какие обязательства. Я хочу, чтобы ты продолжал жить.

— Слайс меня не убьет.

— Слайс убил уже очень многих.

— Но не Перголези! — отрезал он. Потом улыбнулся, взял меня за руку и принялся уговаривать.— Дейв, ну послушай. Я уже один раз умер, и, уверяю тебя, мне совершенно не хочется делать это на бис. Но слайс... Он важен, просто необходим здесь. Ты знаком с его действием? Слайс отделяет каждый момент времени от последующего... Ты его не принимал? Нет? Тогда тебе не понять. Он вкладывает в протяженность времени огромное пространство, и это позволяет мне постичь сложнейшую ритмику, потому что со слайсом хватает времени на все. Мир замедляет свой бег, а разум ускоряется. Capisce? Слайс нужен мне для моей музыки.

— Ты сумел написать «Стабат Матер» без всякого слайса!

— Там другое. А для этой музыки мне нужен слайс.— Он погладил меня по руке.— Не беспокойся, ладно? Я буду осторожен.

Что тут можно было ему ответить? Я ворчал, бормотал недовольно, пожимал плечами. Распорядился, чтобы Нелла усилила наблюдение за телеметрией. Попросил Мелиссу проводить с ним как можно больше времени и, если удастся, удерживать от слайса.

В конце месяца Джанни объявил, что в следующую субботу дебютирует в «Квонче». Большой концерт, сразу пять групп. «Святые духи» выступают четвертым номером, а завершает концерт — кто бы вы думали? — настоящий гвоздь программы — «Уилкс Бут Джон». Надо полагать, зал просто рехнулся бы, узнав, что одному из «Духов» более трехсот лет, но, разумеется, никто им об этом сказать не мог. Поэтому мы решили, что они просто сочтут Джанни новой временной заменой в группе и никто не обратит на него внимания. Планировалось, что позже Джанни объявит себя Перголези. Они с Сэмом уже работали над новым сценарием для средств массовой информации. Я чувствовал себя потерянным, отставшим, одним словом, не у дел. Но обстоятельства уже

вышли из-под моего контроля. Джанни, хрупкий и болезненный Джанни, стал человеком-ураганом, обретшим силу природного явления.

На форсажный дебют Джанни мы отправились все вместе, и более десятка вроде бы вполне взрослых людей уселись среди визжащих подростков. Дым, вспышки, цветовые эффекты, жужжание оснащенной сенсорами одежды и бижутерии, люди, впадающие в экстаз, и люди, теряющие сознание,— все это сумасшествие наводило на мысли о Вавилоне перед его концом, но мы упорно продолжали ждать. Среди нас то и дело появлялись подростки, продававшие слайс, марихуану и кокаин. Сам я ничего не покупал, но, кажется, кое-кто из моих сотрудников «приобщился». Я закрыл глаза, пытаясь уйти в себя от всех этих ритмов, воздействующих на подсознание эффектов и ультразвуков, которые обрушивали на нас одна группа за другой. Признаться, я даже не мог отличить их друг от друга. Наконец, после многочасового ожидания, объявили выход «Святых духов».

Но перерыв затягивался. Время шло.

Подростки, по уши напичканные всякой дурью и обалдевшие от музыки, сначала не обращали на это внимания. Однако когда прошло уже более получаса, они принялись свистеть, бросаться всем, что попадало под руки, и топать. Я посмотрел на Сэма, Сэм на меня. Нелла Брандон что-то обеспокоенно бормотала.

Потом откуда-то вынырнула Мелисса, потянула меня за рукав и зашептала:

— Доктор Ливис, вам нужно пройти за сцену. Мистер Хоугланд, вам тоже. И вам, доктор Брандон.

Говорят, когда боишься самого худшего, правильнее всего не давать своим страхам волю. Но, пробираясь по переходам «Квонча» к зоне, отведенной музыкантам, я невольно представлял себе, что обвешанный аппаратурой Джанни лежит где-то там за кулисами, раскинув руки, высунув язык и закатив неподвижные глаза. Что он умер от слишком большой дозы слайса. И весь наш сказочный проект рушится в одно это безумное мгновение... Наконец мы оказались на месте. Метались «Духи», лихорадочно о чем-то совещались служащие «Квонча», подростки в полной боевой раскраске заглядывали за кулисы, пытаясь просочиться мимо кордона охранников. Джанни, весь увешанный аппарату-

рой, действительно лежал на полу: без рубашки, неподвижные глаза навыкате, язык высунут, на коже, покрывшейся матовыми багровыми пятнами, капельки пота. Нелла Брандон, растолкав всех, упала на колени перед Джанни. Один из «Духов» произнес, ни к кому не обращаясь:

— Он здорово нервничал... Ну и слайсовал все больше и больше... Мы никак не могли его остановить...

Нелла взглянула на меня. Лицо ее стало совсем бледным.

— Мертв? — спросил я.

Она кивнула, все еще прижимая к обмякшей руке Джанни пневмошприц и надеясь с помощью инъекции вернуть его к жизни.

Но даже в 2008 году «мертв» означает мертв.

Позже Мелисса сказала сквозь слезы:

— Разве вы не видите? Умереть молодым — это его судьба. Если он не смог умереть в тысяча семьсот тридцать шестом, ему ничего не оставалось, как быстро умереть здесь. У него просто не было выбора.

А я думал о биографическом исследовании, где про Джанни среди всего прочего говорилось: «Слабое здоровье и ранняя кончина композитора объясняются, возможно, его пресловутым распутством». И в памяти моей звучал голос Сэма Хоугланда: «Никому не дано выйти из характера надолго, и настоящий Перголези возьмет верх». Да. Теперь я вижу, что Джанни так и остался на пересекающемся со смертью курсе: выхватив его из восемнадцатого века, мы только оттянули кончину на несколько месяцев. Стремление к саморазрушению осталось прежним, и перемена окружения ничего не изменила.

Но если это действительно так — если, как сказала Мелисса, всем управляет судьба,— стоит ли пытаться еще раз? Стоит ли протягиваться в прошлое за еще одним молодым гением, умершим слишком рано,— за По или Караваджо, или Рембо, или Китсом, чтобы дать ему второй шанс, который мы надеялись дать Джанни? А затем наблюдать, как он возвращается к уготованной ему судьбе, умирая второй раз? Взять из прошлого Моцарта, как предлагал Сэм? Или Бенвенуто Челлини? У нашего невода неограниченные возможности. Нам подвластно все прошлое. Но если мы перенесем сюда еще кого-нибудь, а он столь же свое-

правно и беспечно отправит себя в уготованную судьбой пропасть, что мы приобретем? Чего добьемся? Чем обернется это для нас и для него? Я думаю о Джанни, который мечтал стать наконец известным и богатым, и вижу его распростертым на полу. Неужели Шелли снова утонет? А Ван Гог прямо у нас на глазах отрежет себе второе ухо?

Возможно, кто-то более зрелый окажется не столь подвержен риску? Эль Греко, например, Сервантес, Шекспир? Но не исключено, что тогда нам доведется увидеть Шекспира, пролающегося в Голливуд, Эль Греко, окопавшегося в какой-нибудь доходной картинной галерее, и Сервантеса, который обсуждает со своим литературным агентом наиболее ловкий способ добиться скидки с налогов. Да или нет? Я смотрю на «временной ковш». Мое отражение смотрит на меня. Сейчас уже слишком поздно рассуждать обо всем этом, друзья мои. Затрачены годы жизни и миллиарды долларов, сорваны печати с тайн времени, а странная одиссея молодого гения оборвалась на полу за кулисами «Квонча». Ради чего? Ради чего? Ради чего? Однако теперь мы просто не сможем забросить эксперимент, верно?

Верно?

Я смотрю на «ковш». Мое отражение смотрит на меня.

Басилей

За окном неспешно догорают лимонно-желтые октябрьские сумерки. Каннингэм, устроившись за компьютером, чуть касается пальцами клавишей и вызывает ангелов. Загрузить нужную программу для него секундное дело. Еще несколько секунд уходят на поиск нужного файла, и они являются на экране, послушные его зову: Аполлион, Анауэль, Уриэль и все прочие. Уриэль, дух-громовержец, Аполлион-разрушитель, дух бездны, Анауэль, покровитель банкиров и брокеров. Каждому свое, от самых скромных до утонченно-благородных. «Всякое существо в этом мире имеет своего доброго ангела»,— пишет святой Августин в своем трактате «Восемь вопросов».

Сейчас в компьютере Каннингэма тысяча сто четырнадцать ангелов. И каждый вечер он прибавляет новых, а конца им все не видно. В четырнадцатом веке последователи каббалы доводили число ангелов до трехсот одного миллиона шестисот пятидесяти пяти тысяч семисот двадцати двух. Еще раньше Альберт Великий писал, что каждый ангельский хор заключает шесть тысяч шестьсот легионов, а в каждом легионе ровно шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть ангелов, так что, если количество ангельских хоров неизвестно, легко представить себе, сколь грандиозен ангельский сонм. Рабби Йоханан говорит в талмуде: «Новые ангелы нарождаются с каждым словом, слетевшим с уст Его, да будет благословенно в веках имя Его». Следовательно, число ангелов поистине бесконечно. А компьютер Каннингэма, несмотря на расширенный объем памяти и возможность подключения к огромному вычислительному центру министерства обороны, не в состоянии вместить бесконечность. Каннингэм и без того проделал титанический труд. Шутка ли — создать тысячу

© Перевод Н. Ивановой.

сто четырнадцать ангелов всего за восемь месяцев работы по вечерам!

Один из нынешних его любимцев — Араил, дух архивов, библиотек и каталогов. Каннингэм сделал его еще и духом компьютеров. Араил показался ему наиболее подходящей фигурой для столь ответственного занятия. И теперь он частенько вызывает Араила, чтобы обсудить с ним нюансы программирования. Есть у него и другие излюбленные персонажи, хотя его неизменно притягивает все мрачное и зловещее. Среди тех, к кому он нередко обращается,— Азраил, ангел смерти, и Ариох, ангел мщения, Зебулеон, который будет в числе тех девяти ангелов, что вострубят конец света. На своей основной работе Каннингэм занят тем, что с восьми до четырех составляет программы отражения советского ядерного удара, и это, по всей видимости, определило его апокалиптический взгляд на мир.

Он должен сообщить Араилу неприятную новость. Для вызова духов он пользуется магической формулой, вычитанной в старинной книге Артура Эдварда Уэйта «Лемегетон, или Малый ключ Соломона». Достаточно легкого нажатия клавиш, и на дисплее вспыхивает текст заклинания: «Взываю к тебе, о дух Н., и повелеваю явиться предо мной в зримом обличье, ласкающем взор!» Каннингэм обращается к духу, упоминая сокровенные имена бога Великого: Саваоф, Илион, Адонай. «Всеми силами души моей приказываю тебе исполнить волю мою во всем, что почитаю благим. Посему предстань пред очами моими без промедления смирен и послушен. Голосом говори ясным и чистым, наречие избери понятное мне». Поиск магической формулы занимает какую-нибудь долю секунды. Нужно лишь заполнить позицию Н. именем требуемого духа — сегодня это Араил,— и тот покажется на экране.

Каннингэм работает со своими ангелами по вечерам, с пяти до семи. Затем обедает. Он живет один в небольшой квартирке без излишеств, чуть западнее автострады Бейшор, и предпочитает не растрачивать время в дружеских компаниях. При этом он считает себя приятным и, несмотря на весьма замкнутый образ жизни, общительным человеком. Ему тридцать семь лет. Он высок, рыжеволос, голубоглаз. Лицо его, как бывает у рыжих, присыпано веснушками. За плечами у Каннингэма Калифорнийский технологический и аспирантура в Стэнфордском университете. Последние девять лет он занимается подготовкой суперсовремен-

ных программ в вычислительном центре министерства обороны, что в Северной Калифорнии. Он до сих пор не женат. Работу со своими ангелами изредка продолжает после обеда, но допоздна не засиживается и уже в десять вечера отправляется спать. В пунктуальности ему не откажешь.

Он придал Араилу форму своего первого компьютера, маленького TPC-80 с крыльями, обрамляющими экран. Поначалу он намеревался придать Араилу более абстрактный вид, скажем, множества килобайт, но эту идею постигла судьба других наиболее интересных его замыслов: она оказалась практически невыполнимой, и найти подходящее графическое выражение для своих замыслов он так и не сумел.

— Я хочу известить тебя,— обратился к нему Каннингэм,— относительно ряда изменений в твоих полномочиях.

Он разговаривает с ними по-английски, хотя знает из древних, но, возможно, не бесспорных источников, что ангелы должны изъясняться на иврите. Впрочем, иврит не относится к числу языков, используемых в его компьютере, да и сам он не владеет им. Ангелы беседуют с ним по-английски, ибо ничего другого им просто не остается.

— С этого момента,— продолжает Каннингэм,— в твоем ведении остается только аппаратура.

Сердитые зеленые молнии мечутся по экрану.

— По какому праву ты?..

Каннингэм спокойно замечает:

— Права здесь ни при чем. Необходимо разделить ваши полномочия. Я только что закончил нового ангела. Назову его Вретил. Теперь надо определить его задачи. Его дело — запись информации, так что он волей-неволей вторгается в твою область.

Араил меланхолично вздохнул:

— Вот уж о ком тебе не следовало беспокоиться, так это о нем.

— Как я могу пренебречь столь значительной фигурой? Это же носитель сокровеннейшего знания. Хранитель священных книг. Мудрейший из архангелов.

— Пусть твой мудрейший распоряжается техникой,— все так же мрачно ответствовал Араил.

— Но я уже отдал ему банк данных.

— А где содержится банк данных? Все там же, в аппаратуре. Пусть ее и забирает.

— Если ты думаешь, что мне доставляет удовольствие заниматься вашими спорами, ты ошибаешься. Но справедливость превыше всего. Я должен следить за тем, чтобы каждый из вас получил свое. Ему я отдам все банки данных плюс программное обеспечение для них. Остальное — тебе.

— Очень много: экраны, терминалы, персональные компьютеры!

— Зато без тебя, Араил, он не сможет сделать ничего. Кроме того, ты занимаешься картотеками.

— А также библиотеками и архивами.

— Знаю, знаю, но как определить, что такое «библиотека»? Полки, стеллажи, книги или то, что написано на страницах книг? Необходимо все-таки различать содержание и форму, в которую оно заключено.

— Любишь казуистикой заниматься,— снова вздыхает Араил.— Крючкотвор несчастный. Слова в простоте не скажешь.

— Послушай, Вретил не прочь отхватить себе еще и аппаратуру, но может удовлетвориться компромиссом. Что скажешь?

— Скажу, что мнишь себя Господом Богом, хотя ты всего лишь наш программист,— заявляет Араил.

— Не богохульствуй. Согласись на технику, прошу тебя.

— Твое слово — последнее. Впрочем, как всегда.

Разумеется, компьютер подвластен воле Каннингэма. Ангелы, хоть и любят препираться да и характер у каждого непростой, всего-навсего магнитные импульсы, рождающиеся в недрах сложнейшей техники. Спорить с ним на равных они просто не могут. Они понимают это не хуже Каннингэма, который, впрочем, никогда не пользуется своим преимуществом.

Роль, которую он себе отводит, действительно напоминает Бога-Вседержителя, но думать об этом ему как-то неловко. Не кто иной, как он, закладывает их в компьютер, решает, чем им заниматься, и создает их неповторимые характеры. Даже их внешний облик — плод его собственной фантазии. По своему желанию он вызывает их или обрекает на длительное забвение. Чем не Господь Бог?

Каннингэм старается уйти от подобных мыслей. В небожители он не стремится, о Боге предпочитает не думать. А вот в семье у него религия была в почете. Дядя Тим избрал стезю священнослужителя, да и среди дальних предков у них в роду помнят церковников. Мать мечтала о том, чтобы он стал священником, но

Каннингэма влекло иное. В раннем возрасте он проявил столь неоспоримые и столь выдающиеся способности к математике, что мать была вынуждена признать: его будущее — точные науки. Тогда она принялась вымаливать для него у Господа Нобелевскую премию по физике. Каннингэм вновь поступил по-своему и предпочел всему остальному компьютерную технологию. «Ну так я попрошу у Пресвятой Девы для тебя Нобелевскую премию за компьютеры»,— настаивала мать. «Такой премии еще нет»,— урезонивал он ее, зная, что она все равно будет заказывать службы за успех его научных изысканий.

История с ангелами начиналась как развлечение, которое очень быстро превратилось в насущную необходимость. Просматривая старинный «Словарь ангелов» Густава Дэвидсона, он наткнулся на упоминание об ангеле Адрамелехе, вместе с Сатаной взбунтовавшемся против Господа, за что оба мятежных духа были изгнаны с небес. Каннингэм подумал тогда, что было бы занятно создать компьютерный аналог бунтовщика и побеседовать с ним. По сведениям Дэвидсона, Адрамелеха изображали то в образе льва с бородой и крыльями, то наподобие мула, сплошь покрытого перьями, то в виде павлина. Древний поэт писал о нем так: «Враг Всевышнего, по злобности и коварству превосходящий самого князя тьмы, еще более гнусный и отвратительный, чем сам Сатана». Это заинтересовало Каннингэма.

«А почему бы и не попытаться?» — решил он.

С графикой сложностей не было. Каннингэм сразу остановился на образе крылатого льва. Зато программирование характера заняло месяц напряженной работы и потребовало консультаций со специалистами по искусственному интеллекту из Кестлеровского центра. И вот на свет появился Адрамелех: таинственный и демонически притягательный. Адрамелех с нескрываемым удовольствием пускался в воспоминания о прежних временах, когда он еще был божеством ассирийского пантеона. Он любил рассказывать о своих беседах с Вельзевулом, который удостоил его чести стать кавалером ордена «Повелитель Мух», иначе называемого «Великий Крест».

Затем Каннингэм создал Асмодея, еще одного падшего ангела, которому, как известно, приписывается изобретение танцев, музыки, азартных игр, театральных спектаклей, французских мод и прочих вольностей. Он вышел похожим на шикарного богача-иранца из Беверли-Хиллз. Асмодей и подал ему идею про-

должить серию ангелов. Теперь, чтобы как-то уравновесить темные силы и силы добра, ему пришлось прибавить к своим первенцам архангелов Гавриила и Рафаила. Следующим его творением был Форкас, обладающий силой делать людей невидимыми, возвращающий утерянное, мастер логики и риторики. Со временем игра так захватила Каннингэма, что он уже не помышлял о том, чтобы остановиться.

Его настольными книгами стали сочинения мистиков: апокрифы, изданные М. Р. Джеймсом, «Книга магических ритуалов и священной каббалы» Уэйта, «Мистическая теология и божественные иерархии» Дионисия Ареопагита и тому подобные раритеты, которые он теперь постоянно разыскивал через банк данных Стэнфордского университета. Умудренный опытом, он ухитрялся закладывать в свой компьютер по пять, восемь, а то и двенадцать новых ангелов каждый вечер. А однажды летом, засидевшись дольше обычного, создал сразу тридцать семь ангелов. Их становилось все больше, они заполняли собой объем памяти компьютера, иной раз пересекаясь своими программами. Ему стало казаться, что в его отсутствие они ведут долгие беседы между собой.

Он никогда всерьез не задумывался над тем, верит ли в существование ангелов, как не задумывался над верой в Бога.

Его интересовало техническое воплощение идеи, а не религиозные споры.

Как-то за ланчем он рассказал одному из коллег о своем занятии и тут же пожалел об этом. Сослуживец недоуменно пожал плечами.

— Ты это серьезно, Дэн? Веришь в ангелочков с крылышками и всяческие чудеса?

— Я программирую ангелов, а для этого вовсе не обязательно верить в них. Положа руку на сердце, я до сих пор не могу сказать, что верю в существование электронов и протонов. Во всяком случае своими глазами я их не видел, но это не мешает мне работать с ними.

— А для чего они тебе нужны, эти ангелы?

Продолжать разговор на эту тему Каннингэму больше не хотелось.

Вечера обычно проходят так: сначала он вызывает нескольких ангелов, намеченных заранее, и ведет с ними беседы, остальное время уходит на разработку новых. Его хобби требует все

больше подготовительной исследовательской работы. Литература, имеющая отношение к духам, поистине необъятна, а он привык самым тщательным образом изучать любой вопрос, за который брался. Он мог бы работать быстрее, но приходится добиваться полного соответствия внешности ангелов описаниям в священных книгах. Он не желает малейшей неточности и постоянно копается в семитомном собрании «Еврейских легенд» Гинцберга, обращается к «Пророческим эклогам» Клемента Александрийского, к трудам Блаватской.

Сегодняшний вечер он начинает, вызывая Хагита, который управляет планетой Венерой и четырьмя тысячами ангельских легионов. Каннингэм беседует с ним о превращениях металлов: Хагит в этом деле большой знаток. Затем он обращается к Адраниилу, который, согласно учению каббалы, является стражем врат небесных и чей голос, объявляющий волю Творца, услышат двести тысяч миров. Каннингэм расспрашивает его о встрече с Моисеем. На очереди четырехкрылый Исрафаил, чьи ноги достигают седьмой вселенной, а голова упирается в небесный свод. В Судный день Исрафаил вострубит о пришествии конца света. Как ни просит его Каннингэм хотя бы разок дунуть в трубу, практики ради, Исрафаил наотрез отказывается. Он не должен касаться своей трубы, не имея на то соизволения Всевышнего, а в программе Каннингэма такое соизволение не предусмотрено.

Когда разговоры с ангелами ему наскучат, Каннингэм приступит к своему ежевечернему программированию. Алгоритм работы он знает наизусть, и заложить в компьютер нового духа после того, как составлено полное описание,— для него минутное дело. Сегодня вечером его коллекцию пополнят еще девять ангелов. После этого он со спокойной душой открывает банку пива и откидывается в кресле. Рабочий день закончен.

Ему кажется, он понимает теперь, почему игра с компьютером так захватила его. Все дело в том, что на основной работе он занят тем, что изо дня в день приближает настоящий конец света, ибо разрабатываемые им модели массированного ядерного удара однажды будут использованы и Земля низвергнется в пучину атомной войны. Шесть часов кряду он рассматривает многочисленные варианты гипотетических ситуаций: сторона А объявляет боевую готовность в ожидании ядерного удара со стороны Б. Сторона Б, в свою очередь, оценивает усиление активности стороны А как подготовку превентивного удара и сама начинает го-

товиться к отражению предполагаемой атаки. Получив наглядное подтверждение своим подозрениям в отношении стороны Б, сторона А продолжает наращивать военные приготовления. Эскалация продолжается до тех пор, пока ракеты той или другой стороны не взлетают в воздух. Как и многие другие здравомыслящие люди здесь и на стороне потенциального противника, Каннингэм понимает, что с каждым годом все реальнее становится вероятность фатальной ошибки компьютера, которая может привести к ядерной катастрофе, а высокий уровень технических систем, готовых нанести мгновенный удар, не оставит времени на исправление ошибки, даже если она будет обнаружена. Каннингэм знает также: современная техника позволяет смоделировать сигнал, аналогичный тому, который производит поднятая в воздух ядерная ракета. При поступлении такого сигнала требуется по меньшей мере одиннадцать минут, чтобы установить его достоверность, а это непозволительная роскошь в условиях, приближенных к боевым. И ответный удар последует без промедления.

Когда Каннингэм получил сигнал, имитирующий ядерную атаку, первым его побуждением было тут же уничтожить свои расчеты, но программа была так элегантна, так идеально красива, что у него не поднялась рука. Докладывать начальству о своем открытии он пока не торопился, резонно опасаясь, что работа будет строжайше засекречена и выведена из-под его контроля. Он решил, что не имеет права сообщать о своих результатах, пока не разработает средство распознавания ложного сигнала, какую-нибудь систему резонансной проверки. Лишь тогда он пошлет рапорт в министерство обороны и вложит в один конверт обе программы, одну — содержащую описание сигнала, способного ввести в заблуждение радары, и другую — описывающую методику его проверки. Но работа еще не завершена, и он продолжает нести на своих плечах тяжкое бремя ответственности за то, что скрывает информацию огромного стратегического значения. До сих пор ничего подобного ему делать не приходилось. У него нет заблуждений на свой счет, он не приписывает себе особой оригинальности мышления: если он сам дошел до этой мысли, то такая же идея могла прийти в голову и какому-нибудь ученому на стороне противника. Разумеется, стимулировать начало боевых действий посредством ложного сигнала могут только самоубий-

цы. Ну и что? Как будто все, что до этого создавалось в лабораториях министерства обороны, не самоубийство!

Сознание того, что, скрывая информацию, он совершает государственное преступление, гнетет его, отравляет ему жизнь. В последнее время он стал все больше сторониться людей, его преследуют ночные кошмары или терзает бессонница. Он совершенно потерял аппетит, выглядит измученным и похудевшим. Лишь вечерние встречи с ангелами на время отвлекают его от мрачных мыслей.

Несмотря на то что Каннингэм в любом деле добивается точности и достоверности результатов, тут он, нимало не колеблясь, дал волю своей фантазии и к сонму ангелов, известных человечеству, прибавил нескольких, изобретенных им самим. Среди них — Ураниэль, дух распада радиоактивных частиц, с ликом, освещенным мерцанием электронных оболочек. Плод его воображения и Димитрион, ангел русской литературы, крылья которого повторяют форму санок, а голова припорошена русским снегом. Каннингэм не считает, что позволил себе слишком много: в конце концов, компьютер его собственный, программы тоже. Да и прецеденты ему известны, не он первый стал изобретать своих ангелов. Взять хотя бы Уильяма Блейка, поэмы которого пестрят придуманными им ангелами: Уришен, Орк, Энитармон и прочие. Мильтон, по-видимому, тоже увлекся, свой «Потерянный рай» населил выдуманными им ангелами. Почему бы не внести свою лепту в пантеон небожителей и Дэну Каннингэму из Пало-Альто, Калифорния? Время от времени он позволяет себе пофантазировать. Последняя его идея — всемогущий Басилей, император и повелитель ангелов. Правда, Басилей еще далек от завершения. Каннингэм не определил для себя его внешний облик, да и неясно, что поручить этому властелину ангелов. Трудно добавлять новых правителей в высшие эшелоны власти, сосредоточенной в руках архангелов Гавриила, Рафаила и Михаила. Значит, для Басилея нужно придумать что-нибудь особое. Сейчас Каннингэму не до него, он откладывает описание Басилея в сторону и начинает работать над новой программой. Ангел тишины и безмолвия смерти по имени Дума. Тысячеликий, вооруженный пылающим жезлом. Творческая манера Каннингэма становится все более мрачной.

Туманным, дождливым осенним вечером в его квартире раздается звонок из Сан-Франциско. Звонит женщина, с которой

его связывают довольно-таки случайные отношения, и приглашает вместе отправиться в гости. Зовут ее Джоана, ей немного за тридцать, по образованию она биолог и работает в генетическом центре в Беркли. Пять или шесть лет назад у Каннингэма даже был с ней мимолетный роман. В то время она еще училась в Стэнфорде. С тех пор они перезваниваются от случая к случаю. Почти год от нее ничего не было слышно.

— Сборище будет занятное,— говорит она ему.— Один футуролог из Нью-Йорка. Томпсон, ну этот, биосоциолог. Парочка видеопоэтов. И еще — специалист по языку обезьян. Остальных забыла, но все — интереснейшие люди.

Каннингэм терпеть не может компании. Они утомляют его и наводят смертельную скуку. «Какие бы они там ни были известные специалисты,— размышляет он,— но продуктивный обмен информацией невозможен среди скопища случайных людей. Примитивная болтовня — вот лучшее, на что можно рассчитывать в подобной ситуации». Ему гораздо больше улыбается провести вечер за своим компьютером, чем тратить время на пустопорожние разговоры.

Впрочем, он давно никуда не ходил. Так давно, что сейчас даже не вспомнить, где был в последний раз. А ему полезно чаще появляться на людях, он сам это прекрасно знает, да и Джоана ему нравится, пора бы им уже и встретиться. Если он откажется от приглашения, она, чего доброго, еще несколько лет не позвонит. В этот ненастный октябрьский вечер он почувствовал себя расслабившимся, мягким и уступчивым, что было ему совсем не свойственно.

— Решено,— говорит он,— пойду с удовольствием.

Ехать им нужно было в Сан-Матео, в следующую субботу. Он записал адрес, и они договорились о времени встречи.

«Из гостей мы можем вместе вернуться ко мне,— размышлял он.— Матео всего в пятнадцати милях отсюда, а ей возвращаться в Сан-Франциско гораздо дольше».

Неожиданный поворот мысли удивил его самого. А он-то считал, что такие дела его уже не интересуют.

За три дня до назначенного похода в гости он склоняется к тому, что нужно позвонить Джоане и отказаться. Ему неприятно даже думать о вечере, который будет загублен, о вечере, который ему предстоит провести в накуренной комнате среди незнакомых людей. Как он только мог согласиться? А как приятно будет про-

вести субботний вечер дома в беседах с Уриэлем, Итуриэлем, Рафаилом и Гавриилом.

Пока он идет к телефону, чтобы позвонить Джоане, внезапно охватившая его жажда одиночества пропадает так же неожиданно, как и появилась. Он пойдет в гости! Он хочет встретиться с Джоаной! К своему удивлению, он понимает, как ему необходимо изменить монотонное течение своей жизни, вырваться из своей квартирки, на время позабыть и о компьютере, и об ангелах.

Он уже представлял себя стоящим в центре ярко освещенной комнаты. Нарядный особняк — сплошное стекло и красное дерево — расположился на живописном холме в пригороде Сан-Матео. Вот он поворачивается спиной к громадному сверкающему окну и, держа в руке бокал, обращается к присутствующим, которые слушают его, затаив дыхание. Что ж, он готов поделиться с аудиторией своими уникальными, почерпнутыми из древних фолиантов, познаниями об ангелах.

— Всего их миллионов триста. Каждый отвечает за свое дело. Как известно, ангелы не обладают свободной волей. Церковь учит, что в момент своего рождения они встают перед выбором: быть им с Богом или пойти против Него, и выбор, который они сделают, раз и навсегда определит их судьбу: служить ли им силам добра или споспешествовать врагу рода человеческого. И еще, ангелы появляются на свет, уже подвергшись обрезанию. Таковы, по крайней мере, ангелы Очищения и ангелы Прославления.

— Означает ли это, что все ангелы изначально принадлежат к мужскому полу? — спрашивает какая-то женщина.

— Строго говоря, ангелы — существа бестелесные, а потому вопрос о принадлежности к тому или иному полу не имеет смысла. Но те религии, в которых существует культ ангелов, являются патриархальными в своей основе. Соответственно, ангелы в воображении верующих приобретают мужской облик. Хотя иной раз они могут изменять свой пол. Как говорит Мильтон в «Потерянном рае»: «Духи небесные, если желают, являются как в мужском, так и в женском обличье, столь нежна и податлива высшей воле их чистая сущность». Некоторые ангелы, впрочем, тяготеют к женскому облику. Такова, например, Шекина, невеста Бога, олицетворение Его вечной славы, или София — ангел мудрости. Но бывает, и демоны скрываются под личиной женщины. Лилит, первая жена Адама, настоящий демон похоти и сладострастия.

Его снова прерывает чей-то вопрос:

— Разве демонов можно считать ангелами?

— Конечно. Пусть это падшие, но все же ангелы, даже если мы, смертные, относим их к исчадиям ада.

Он продолжает говорить, увлекаясь все больше и больше. Гости ловят каждое его слово, точно откровение свыше. А сколько интересного знает он об ангельских ликах, начиная с высших, таких как серафимы и херувимы, и кончая неисчислимым множеством других, низших. Он показывает, сколь противоречивые, а порой и взаимоисключающие описания ангелов одного и того же лика содержатся у древних авторов. Большинство источников сходятся лишь в изображении архангелов Михаила, Гавриила и Рафаила, а всего известно до девяноста тысяч ангелов уничтожения и триста ангелов добра и света. Каннингэм разворачивает перед мысленным взором присутствующих леденящие душу картины Апокалипсиса, приход которого вострубят семь ангелов. Он готов рассказывать еще и еще: о том, какой ангел управляет каждым из семи дней недели, а какой — каждым часом дня и ночи. Он произносит таинственные, звучные имена, раздающиеся, словно заклинание: Задкиль, Хашмаль, Орфаниил, Йегудиил, Фалег, Загзагель. В этот вечер он на высоте. Он в ударе. Речь его льется нескончаемым плавным потоком, расцвеченным блестками остроумия, озаренным светом сокровенного знания. Он стряхивает с себя наваждение. Он по-прежнему в своей комнате. Совсем один. Восхищенная, благодарно внимавшая его словам аудитория существовала лишь в воображении Каннингэма. Может быть, и вправду лучше остаться дома? Нет, решает Каннингэм, он пойдет в гости. Он хочет этой встречи с Джоаной.

Он садится за компьютер и вызывает двух последних в этот вечер своих собеседников. Они являются вместе: омерзительный Бегемот, дух хаоса и тьмы, и с ним — Левиафан, огромное чудовище морских пучин. Они кривляются на экране, устрашающе разевая рты. Они голодны. «Когда же настанет наш час?» — вопят они во всю глотку. Талмудисты считают, что эти монстры проглотят грешников в последний день Страшного суда. Каннингэм швыряет им электронных сардинок и поскорее отсылает прочь. Он закрывает глаза. Сейчас перед ним предстанет Потэх, ангел забвения, и Каннингэм провалится в глубокую черную бездну.

Утром на службе, занятый своим обычным делом — он разрабатывает программу по ликвидации помех для разведывательных спутников,— Каннингэм неожиданно ощущает сильную дрожь. Раньше ничего подобного с ним не случалось. Пальцы его свела судорога, ногти побелели, он стучит зубами от пронизывающего все тело холода. Ощущение такое, словно несколько суток ему не давали спать.

Склонившись над раковиной в туалетной комнате, он видит в зеркале собственное пожелтевшее, покрытое испариной лицо. Кто-то окликает его сзади:

— С тобой все в порядке, Дэн?

— Пустяки. Желудок что-то прихватило.

— Видишь, до чего доводит беспорядочная жизнь в нашем возрасте,— поддевает его коллега, выходя.

Приличия соблюдены: вопрос, ничего не значащий ответ, дурацкая шутка — и распрощались. Сослуживец точно так же пошутил бы и прошел мимо, даже если бы с Каннингэмом приключился инфаркт. На работе у него нет близких друзей. Он прекрасно знает, что его считают человеком не от мира сего, и не просто забавным чудаком, а гораздо хуже: угрюмым брюзгой, который с годами все больше сторонится людей.

Внезапно рождается мысль: «Мне ничего не стоит уничтожить весь этот мир. Получить доступ в святая святых министерства обороны не так уж сложно. На все про все потребуется пятнадцать секунд машинного времени, и, пожалуйста: через минуту все системы вооружений получают сигнал боевой готовности номер один, а еще через пять минут на землю посыплются бомбы. И все это могу сделать я. Хоть сейчас».

На него снова накатывает приступ тошноты, он сгибается над раковиной и долго не может разогнуться. Наконец ему становится легче, он ополаскивает лицо холодной водой и, приведя себя в порядок, возвращается на рабочее место, чтобы опять сосредоточиться на дисплее компьютера.

Вечером того же дня, размышляя, чем бы ему занять Басилея, Каннингэм поймал себя на том, что неотступно думает о демонах, скорее даже об одном из них, неизвестном классической демонологии,— демоне Максвелла. Эта загадочная сущность, как заметил физик Джеймс Кларк Максвелл, ускоряет движение потока молекул в одном направлении и замедляет их движение в другом, повышая тем самым эффективность процессов нагрева-

ния и охлаждения. А что, если Басилей возьмет на себя функцию своего рода дискриминатора, распределяющего ангелов в отведенные им места? На прошлой неделе высшие ангелы пожаловались на то, что они слишком близко соприкасаются с ангелами грешными. «На моем диске постоянно воняет серой,— заявил Гавриил,— и мне это не нравится». Нужно будет отдать в ведение Басилея размещение программ. Вот и нашлось ему дело: отправлять благородных духов в один сектор машины, а падших — в другой.

Проходит полминуты, и эта мысль, показавшаяся вначале интересной, перестает привлекать его. Нет, он недоволен собой. Для того чтобы разделить духов на чистых и нечистых, вовсе не требуется создавать особого ангела. Достаточно написать несложную программу. Каннингэм и не заметил, как нарушил свое собственное правило, когда-то выведенное им из кантовского категорического императива: «Никогда не полменяй ангелом обыкновенную программу». На лице у него впервые за эту неделю появилась улыбка. Не стоит усложнять себе жизнь даже специальной программой. Как будто он сам не может развести духов по разным углам, определить каждому свое место. Странно, раньше ему не приходило в голову устраивать им подобные резервации, но раз они сами жалуются на неприятное соседство...

Он начинает расписывать программу сортировки ангелов. В нормальном состоянии он затратил бы на эту работу несколько минут, но сейчас делает глупые ошибки, путается в расчетах, чего с ним не бывало никогда, и опять начинает все сначала. Потеряв терпение, стирает написанное. Придется Гавриилу еще денек потерпеть запах серы.

У него болят глаза. В горле пересохло. Он облизнул потрескавшиеся губы. Басилей тоже может подождать, сейчас у Каннингэма нет желания заниматься его делами. Каннингэм наугад нажимает на клавиши, ему все равно, кто появится на экране. На него озадаченно смотрит незнакомый ангел с лицом, отливающим металлическим блеском.

«Из самых первых он, что ли?» — гадает Каннингэм.

— Не могу вспомнить, как тебя зовут,— говорит он.— Кто ты?

— Я Анафаксетон,— отвечает тот.

— Какое у тебя дело?

— Когда мое имя будет произнесено вслух, я дам сигнал ангелам собрать всякую тварь земную для Страшного суда.

— О боже,— стонет Каннингэм,— тебя мне только не хватает сегодня вместе со Страшным судом.

Он избавляется от Анафаксетона, но его уже сверлит мрачным взглядом Аполлион, изрыгающий пламя, покрытый рыбьей чешуей. За спиной у него крылья дракона, в медвежьих лапах зажат ключ от преисподней.

— Нет! — кричит Каннингэм.— Нет! Только не ты!

Он вызывает архангела Михаила с занесенным над Иерусалимом мечом, но тут же отсылает его обратно. На экране рябит от мелькания семидесяти тысяч ног и четырех тысяч крыльев. Это Азраил, ангел смерти.

— Нет! — снова кричит Каннингэм.— Не хочу тебя видеть!

Обиженные ангелы заполняют экран компьютера, мельтешат тысячи глаз, крыльев, рук и ног. Каннингэм вздрагивает и отключает аппаратуру на всю ночь.

«О боже,— повторяет он.— Боже!»

И всю ночь в его воспаленном мозгу полыхают слепящие протуберанцы.

В пятницу к его рабочему столу вразвалочку приближается начальник и проявляет несвойственный ему интерес к тому, как Каннингэм проводит свободное время. Каннингэм пожимает плечами.

— Так, ничего особенного. В субботу собираюсь в гости.

— А я вот подумываю, Дэн, может, тебе съездить на рыбалку? Смотри, скоро дожди зарядят. Последние погожие денечки стоят.

— Рыбак из меня никудышный.

— Ну так съезди куда-нибудь. Хотя бы в Монтеррей. Тебе полезно сменить обстановку.

— К чему ты это клонишь, Нед?

— У тебя измученный вид,— сочувственно замечает начальник.— Хорошо бы тебе отдохнуть немного. По-моему, ты надорвался.

— Неужели это так заметно?

Начальник молча кивает.

— Работа у нас напряженная, ничуть не легче, чем у авиадиспетчеров, а ты перенапрягаешься. В таком состоянии можно пропустить что-нибудь на дисплее, и добром это, сам понимаешь, не кончится. Министерство обороны обойдется несколько дней без твоей персоны, так что отправляйся, дружище, куда-нибудь

на природу. О'кей? Возьми отгулы на понедельник и вторник. Я не могу позволить, чтобы такая совершенная машина, как твой мозг, съехала с катушек.

— Хорошо, Нед. Спасибо.

Он не может больше сдерживать дрожь в руках.

— Отдыхать начнешь сегодня же,— продолжает начальник.— Нечего тебе тут болтаться до четырех часов.

— Ну, если можно...

— Давай, давай!

Каннингэм убирает в стол бумаги, запирает ящики и неуверенной походкой выходит из комнаты. Охранник дружелюбно кивает ему. Сегодня все, кажется, понимают, почему его отпустили пораньше. Значит, так и происходит нервный срыв? Он долго слоняется по стоянке, никак не может вспомнить, куда поставил машину. Наконец находит ее. Домой едет со скоростью тридцать миль в час, не обращая внимания на раздраженные гудки водителей.

Усталый, плюхается в кресло перед компьютером и вызывает Араила. Ангел компьютеров наверняка уж не станет терзать его видениями Апокалипсиса.

— Мы разрешили проблему с Басилеем,— говорит Араил.

— Вы?!

— Идея пришла Уриэлю, он заметил, что ты думаешь о демоне Максвелла. Исрафель и Азраил подработали первоначальный замысел. Нам не хватает ангела, который бы вершил божественный суд, отбирал лучших, оценивал каждого по делам его.

— Мысль не оригинальная,— замечает Каннингэм,— подобное божество имеется в каждой мифологической системе, начиная с шумерских и египетских верований, где уже было верховное существо, оценивавшее души мертвых — одних в страну вечного блаженства, других в геенну огненную.

— Но это еще не все,— прерывает его ангел,— я не говорю о суде над отдельными душами.

— А что же ты хочешь предложить?

— Басилей будет судить целые миры. Например, он может решать, не пора ли на этой планете назначить Судный день. Разумеется, после тщательного изучения каждой отдельной души.

— То есть он приведет в действие механизм Страшного суда?

— Именно. Он представит Всевышнему свое свидетельство об этой планете. Он даст сигнал Исрафаилю трубным гласом воз-

вестить конец света. Он громогласно произнесет имя Анафаксетона, собирая всех, живущих на земле, пред Высшим судом. Он-го и будет главным ангелом Апокалипсиса, подлинным провозвестником Страшного суда и разрушителем миров. А что касается внешнего вида, мы тут подумали и решили, что можно сделать его похожим на...

— Довольно,— прерывает его Каннингэм,— об этом поговорим в другой раз.

Он снова отключает машину на ночь, наливает себе немного выпить и придвигается к окну. Накрапывает дождь. Не лучшая погода для поездки за город.

Обстоятельства складываются неблагоприятным образом, но Каннингэм, несмотря ни на что, отправляется в гости. Джоаны не будет. Она позвонила ему в последний момент, чтобы извиниться. Сослалась на простуду, хотя по голосу не заметно. Впрочем, может быть, это и так. А еще вероятнее, нашла себе более интересное занятие на субботний вечер. Но он уже настроился идти. И вот около восьми часов дождливым осенним вечером он подъезжает к Сан-Матео.

Дом, куда он приглашен, находится вовсе не в фешенебельном пригороде, как воображал Каннингэм, а в тесном, застроенном центре. Обстановка напоминает старые добрые студенческие времена: потертая мебель, дешевый стереопроигрыватель. В комнате звучит поп-музыка двадцатилетней давности, гости заняты нехитрой компьютерной игрой. Хозяин дома занимается торговлей компьютерами в большой компании в Сан-Хосе, и большинство гостей так или иначе связаны с этой сферой. Футуролог из Нью-Йорка не приехал, как, впрочем, и разрекламированный Джоаной биосоциолог. Видеопоэты — обычная парочка голубых, которые заняты только друг другом и напитками. Специалист по языку обезьян, краснолицый, разомлевший от избытка спиртного субъект, развлекает пухлую дамочку, увешанную побрякушками с астрологической символикой. Каннингэм проходит сквозь толпу гостей. Он не заговаривает ни с кем, и никто не обращается к нему. Замечает открытые бутылки красного вина на круглом столике возле окна и подходит, чтобы наполнить свой бокал. Он так и остается здесь, скованный странным оцепенением, и представляет, как он мог бы начать свой захватывающий рассказ об ангелах. Рассказать ли им, как Итуриэль поразил своим копьем Сатану в райских кущах, когда враг рода че-

ловеческого склонился к Еве, нашептывая ей греховные слова? Он мог бы поведать им о могущественном иерархе Атафиэле, поддерживающем небесный свод тремя пальцами. Но он не произносит ни слова. К нему подходит худощавая женщина, глаза ее поблескивают любопытством.

— А вы чем занимаетесь? — спрашивает она.

— Я программист,— отвечает Каннингэм.— В основном я веду беседы с ангелами, но в свободное время делаю кое-что для министерства обороны.

Она заливается пронзительным смехом.

— Вы разговариваете с ангелами? Ничего подобного в жизни не слыхала!

— Я не ошиблась, вы упомянули ангелов? — вступила в разговор дама, перегруженная астрологической символикой.

Каннингэм с улыбкой пожимает плечами и отворачивается к окну. Дождь усиливается.

«Надо собираться домой. Торчать здесь не имеет смысла»,— думает он и снова наполняет свой бокал.

Специалист по языку обезьян, кажется, всерьез настроен увести с собой астрологическую даму, но та норовит избавиться от него и придвинуться ближе к Каннингэму. Для чего? Поговорить с ним об ангелах? Он присматривается к ней получше: тяжелый бюст, вид какой-то неряшливый. Нет, он не хочет обсуждать с ней свои дела. Да и вообще он никому больше не собирается рассказывать про своих ангелов.

Она продолжает:

— Мне показалось, вы интересуетесь проблемой ангелов... Дело в том, что я тоже. Я изучала...

— Ангелы? — не дает ей договорить Каннингэм.— Ничего подобного, вы ослышались.

— Подождите!

Она пытается что-то объяснить, но он, не дослушав, поднимается и выходит. Он выходит прямо в дождливую октябрьскую ночь. Долго ищет ключ от машины, не сразу открывает дверцу. Домой возвращается около полуночи.

Каннингэм вызывает Рафаила. Архангел излучает мягкое золотистое сияние.

— Басилеем будешь ты,— объявляет Рафаил.— Мы решили большинством голосов.

— Как я могу стать ангелом? Я же человек,— протестует Каннингэм.

— Ничего страшного. Прецедентов хватает. Енох вознесся на небо и стал ангелом. Такая же история произошла с Илией. Святой Иоанн Креститель тоже был ангелом. Программу для тебя мы уже составили. Она готова и заложена в компьютер. Стоит тебе вызвать Басилея, и ты сам убедишься в этом: ты увидишь себя на экране.

— Нет.

— Но почему ты отказываешься?

— А ты и в самом деле Рафаил? Соблазняешь меня, точно демон-искуситель. Может, ты Асмодей, Астарот, Бельфегор? Признайся!

— Я Рафаил, а вот ты Басилей.

Каннингэм задумывается, но от усталости не может сосредоточиться.

Надо же, ангел! Басилей. А почему бы и нет? Вот так, в ненастный осенний вечер приезжаешь с больной головой из кретинской компании, а тебе объявляют, что ты ангел, да еще причисленный к высшему лику. А может, так лучше? Почему бы не попробовать, черт побери?

— Ладно,— соглашается он.— пусть я буду Басилеем.

Он нажимает на клавиши и связывается с компьютером министерства обороны. Еще несколько нажатий на клавиши, и он посылает сигнал, имитирующий начало боевых действий, компьютерам на советской стороне. Для верности. Пусть обе стороны получат этот сигнал. У этой планеты остается шесть минут мирной жизни. Шесть минут жизни вообще. Нет, он не допустит ошибки. Сигнал будет принят. Все-таки специалист Каннингэм первоклассный. Немногие знают программирование так, как он.

Перед ним снова является Рафаил.

— Пока еще есть время, вызови Басилея. Ты должен посмотреть на себя со стороны.

— Ну конечно. Что я должен набрать?

Каннингэм начинает набор.

Явись, Басилей! Мы с тобой одно целое!

Каннингэм с изумлением вглядывается в экран, а часы продолжают отсчитывать последние минуты этого мира.

Иголка в стогу времени

Ощутив характерную сухость во рту, Миккельсен понял: Томми Хэмблтон опять лезет в его прошлое. У одних в такие моменты звенит в ушах, у других дрожат пальцы или немеют плечи. Симптомы разные, но значение всегда одно и то же: кто-то меняет ваше прошлое. Ретроактивная трансформация. Жизненный путь в определенной точке прошлого меняется, и с ним меняется настоящее. Ничего необычного в этом нет: один из мелких недостатков современности, по общему мнению. Как правило, изменения бывают незначительны.

Однако в данном случае все очень серьезно: Томми Хэмблтон намерен разрушить брак Миккельсена. Вернее, сделать так, чтобы этот брак не состоялся. В панике Миккельсен позвонил домой — убедиться, что Джанин не исчезла из его жизни.

На экране расцвели черты ее прекрасного лица: темные волосы, изысканные тонкие скулы, печальные глаза. Джанин, видимо, тоже что-то почувствовала — ей было явно не по себе.

— Ник? Опять фазовый переход?

— Думаю, да. Томми нанес очередной удар. Теперь одному богу известно, что он напутал в нашей жизни.

— Давай проверять...

— Хорошо. Как тебя зовут?

— Джанин.

— А меня?

— Ник. Николас Перри Миккельсен. Видишь, ничего серьезного.

— Ты замужем?

© Перевод А. Орлова.

— Разумеется, милый. За тобой.

— Рано расслабляться... Где мы живем?

— Лантана-Кресент, одиннадцать.

— Дети у нас есть?

— Дана и Элиза. Дане пять лет, Элизе — три. Нашу кошку зовут Минибел, и...

— Ладно, пока все в порядке.— Миккельсен помолчал.— Как я ненавижу эту сухость во рту, Джанин! Что он сломал на этот раз?

— Наверняка ничего важного, милый. Надо довести проверку до конца, тогда узнаем. Не беспокойся.

— Не беспокоиться? Хорошая мысль.

Прикрыв глаза, Миккельсен глубоко вздохнул.

Мелкие недостатки современной жизни. Интересно, в ту эпоху, когда время просто текло из вчера в сегодня, люди тяготились стабильностью? Было ли им скучно? К добру или к худу, сейчас все иначе. Ложишься в постель жителем Дартмута — просыпаешься гражданином Колумбии. Считаешь, что так всегда и было. Садишься в самолет, который взрывается над Кипром, но страховой агент принимает меры: сместившись назад по оси времени, ты опаздываешь к вылету. Новый, текучий и непостоянный образ жизни. При таком порядке всегда можно создать еще один шанс. Прошлое открыто для каждого, надо лишь купить билет. Но что толку, если Томми Хэмблтон может сделать так, что Миккельсен исчезнет, будто и не жил никогда, а потом жениться на Джанин?

Миккельсен и Джанин запросили свои досье и занялись проверкой. Разумеется, когда прошлое меняется в результате фазового перехода, меняются и записи о нем, но в течение двух-трех часов память о предыдущей версии жизни сохраняется, постепенно выцветая.

Сначала сверили дату рождения Миккельсена, имена его родителей, девять генетических координат и академическую справку. Все вроде бы в порядке. Миккельсен засомневался, когда дело дошло до даты свадьбы: восьмое февраля две тысячи семнадцатого года, согласно распечатке.

— А ведь свадьба была летом,— сказал он.— У Дэна Леви в саду, на свежем воздухе. Холмы выгорели на солнце и порыжели... Я помню, двадцать четвертого августа.

— Я тоже помню. Ник. В феврале рыжих холмов не бывает. Духота и пыль...

— Вот оно как: не сумел отменить свадьбу, зато украл почти полгода.

От ярости у Миккельсена потемнело в глазах, и он потребовал транквилизаторов. Голосовое управление сработало, на столе появились таблетки. Сердиться по поводу результатов фазового перехода считалось неприличным, но Миккельсен не мог сохранять спокойствие, когда кто-то разрушал самую суть его жизни, преднамеренно и жестоко. Хотелось что-нибудь сломать, а еще лучше — угостить Томми Хэмблтона хорошим пинком. На его личную жизнь никто не смеет покушаться.

— Знаешь, Джанин, что я очень скоро сделаю? Я отправлюсь назад, на пятьдесят лет в прошлое, и ликвидирую Томми целиком и полностью. Сделаю так, что его родители никогда не встретятся, а потом...

— Ник! Ты не должен так поступать.

— Знаю... Но представляешь, как мне этого хочется.

Разумеется, ничего такого делать нельзя, и не просто потому, что это убийство. Томми Хэмблтону надлежало родиться, вырасти, встретить Джанин и жениться на ней, чтобы после того, как этот брак распадется, Джанин могла встретить Миккельсена и выйти за него замуж. Если изменить прошлое Хэмблтона, то изменится прошлое Джанин, а если изменится прошлое Джанин, то изменится и его собственное прошлое. После такого может случиться что угодно. Решительно все, что угодно. Легче от этой мысли Миккельсену не стало.

— Пять месяцев нашей жизни, Джанин...

— Милый, они нам не нужны. Безопасность настоящего и будущего гораздо важнее. К завтрашнему дню мы будем уверены, что поженились в феврале две тысячи семнадцатого. Это не имеет значения. Пообещай, что ты не попытаешься нейтрализовать его фазовым переходом.

— Сама мысль о том, что он может так вот, запросто... Невыносимо.

— Для меня тоже. Но я хочу, чтобы ты пообещал оставить все как есть.

— Ну...

— Пообещай!

— Хорошо. Обещаю.

Незначительные фазовые переходы происходят постоянно. Человек из Иллинойса путешествует в Аризону одиннадцатого века — круги по воде расходятся долго, задевая по касательной судьбы многих других людей. Скажем, кто-то в Калифорнии оказывается за рулем серебристого «БМВ» а не серой «тойоты». Такие пустяки никого не расстраивают. Однако Томми Хэмблтон, насколько Миккельсен мог судить, за последний год трижды пытался разрушить причинно-следственную цепь, на конце которой — брак Миккельсена и Джанин.

Первый фазовый переход дал о себе знать прекрасным весенним днем. Возвращаясь домой с работы, Миккельсен ощутил сухость во рту и странную потерю ориентации. Обычно его встречал на ступеньках старый рыжий кот Гус. Гус радостно бежал навстречу хозяину, как собака, но не сегодня. Вместо кота в холле обнаружилась пестрая кошка, невозмутимая и явно беременная.

— Где Гус? — спросил Миккельсен у Джанин.

— Гус? Какой Гус?

— Наш кот.

— Ты хочешь сказать, Макс?

— Гус. Рыжий, с загнутым хвостом...

— Все правильно. Только его зовут Макс, и я не ошибаюсь. А это Минибел.— Джанин присела, чтобы погладить брюхатую кошку.— Минибел, где Макс?

— Гус,— не сдавался Миккельсен.— Что это за Минибел?

— Наша кошка, Ник.

Миккельсен и Джанин посмотрели друг на друга.

— Что-то случилось, Ник.

— Фазовый переход, вот что.

Неприятное чувство, будто проваливаешься в открытый люк, страх, смятение и шок. Миккельсен и Джанин наскоро провели ревизию своей жизни — все сходилось, кроме кошек. Миккельсен не помнил, откуда взялась пестрая; не помнила и Джанин, хотя само присутствие животного не было для нее неожиданностью. Очень скоро Миккельсен начал забывать имя кота — Гус или Макс? — а Джанин не могла даже вспомнить, как он выглядел. Зато ей удалось вспомнить, что кота подарил на свадьбу один друг, вроде бы близкий, и в голове Миккельсена всплыло имя: Гус Старк. Стало ясно, почему котенка так назвали, и Миккельсен с Джанин быстро установили бледнеющий факт: Гус Старк

был не только их близким другом, но и другом Хэмблтона с тех времен, когда Хэмблтон был женат на Джанин. Именно Гус представил Джанин Миккельсену десять лет назад, во время отпуска на Гавайях.

В памяти домашнего телефона никакого Гуса Старка не оказалось: фазовый переход удалил его из списка друзей. Помог телефонный справочник, в котором нашелся некий Гус Старк из Коста-Меза. Миккельсен позвонил. На экране появился смутно знакомый человек с веснушчатым лицом и редеющими рыжими волосами. Старк не узнал Миккельсена, и только после долгих расспросов согласился, что когда-то, очень давно, их действительно представили друг другу. Потом была мелкая ссора, на том дело и кончилось.

— У меня не так,— объяснил Миккельсен.— Я помню, что мы были близкими друзьями много лет. На прошлой неделе мы обедали в ресторане: я, ты, Донна и Джанин. В Ньюпорт-Бич...

— Донна?

— Твоя жена.

— Мою жену зовут Карен. Господи, такой фазовый переход не каждый день случается! — Старк, судя по всему, не слишком расстроился.

— Кто бы сомневался. Твоя женитьба, наша дружба, что еще пошло коту под хвост?

— Это бывает. Послушай, если тебе нужна помощь, сделаю что смогу. Просто позвони. Только попозже, мы с Карен сейчас уходим.

— Да, конечно. Извини за беспокойство.— Миккельсен дал отбой.

Донна. Карен. Гус. Макс.

Миккельсен посмотрел на Джанин.

— Это Томми,— кивнула она.

Оказывается, все прошедшие годы он не забывал поздравить Джанин с днем рождения, прислать сувенир, открытку из какой-нибудь экзотической страны... И он не простил Миккельсена.

— Ты мне этого не говорила.

— Надо было тебя огорчать? — Джанин пожала плечами.— Ты его никогда не любил.

— Это не так. Он по-своему интересный и яркий, при всех странностях. Мне не нравится только одно: за двенадцать лет он не привык к мысли о том, что ты уже не его жена.

— Если бы ты знал, как он старался вернуть меня, он бы тебе еще больше не понравился.

— Вот как?

— Когда мы расстались, он и не думал оставлять меня в покое. Четыре фазовых перехода! Еще до того, как я встретила тебя. Он все пытался отменить нашу последнюю ссору. Я потеряла терпение и пригрозила ему, что пожалуюсь и у него отберут лицензию на временные переходы. Думаю, он испугался. По крайней мере, с тех пор он ограничивался намеками, приглашениями и подарками.

— Господи! — покачал головой Миккельсен.— Сколько времени вы были женаты? Полгода?

— Семь месяцев. Но он упорный. Никогда не отступает.

— И теперь взялся за старое. Хочет добиться своего фазовыми переходами.

— А как же. Томми решил, что ты — главное препятствие, раз я тебя люблю и хочу провести с тобой остаток жизни. Надо сделать так, чтобы мы с тобой никогда не встретились. Сначала Томми сумел поссорить тебя и Гуса, и очень удачно, поскольку вы до сих пор не помирились. Поэтому Гус не познакомил тебя со мной. Но Томми не повезло: на той вечеринке у Дейва Кушмана меня столкнули в бассейн, прямо на тебя. Слово за слово, ты вел себя как джентльмен — и все вышло так, как вышло. Мы пока еще вместе.

— Мы-то да, но у Гуса другая жена.

— Не похоже, чтобы его это беспокоило.

— Пусть так. Но он больше мне не друг, а это беспокоит меня. Джанин, сколько можно жить по прихоти Томми Хэмблтона? Кстати, кота Гуса я тоже потерял. Это был замечательный кот, и мне его не хватает.

— Пять минут назад ты сомневался, Гус он был или Макс. Пройдет два часа, и ты ни о каком коте не вспомнишь. Так ли уж это важно?

— Хорошо. А если такое случится с нами? То же самое, что с Гусом и Донной?

— Но ведь не случилось же?

— Может случиться. В следующий раз.

Следующий раз наступил через шесть месяцев. Миккельсен и Джанин снова остались вместе, но потеряли коллекцию предметов материальной культуры двадцатого века: черно-белый телевизор, телефон с наборным диском, транзисторный радиоприемник и небольшой компьютер с клавиатурой, как у пишущей машинки. Эти сокровища исчезли в одно мгновение, не оставив после себя ничего, кроме предательской сухости во рту у Миккельсена и тика в левом глазу у Джанин. Еще один фазовый переход.

По горячим следам они попытались осмыслить перемену, но безуспешно. Да, они начали собирать антиквариат в двадцать первом году, когда эти вещи вошли в моду. Однако чеков в архиве не осталось, и воспоминания стали смутными и противоречивыми. Зато в углу, где раньше стояли телевизор и компьютер, появились сверкающие сонарные скульптуры. Как изменился узор их прошлого, чтобы эти вещи встали на место прежних, установить так и не удалось.

Миккельсен, правда, выдвинул предположение — безлоказательное, увы. В две тысячи двадцать первом году они здорово потратились на путешествие в империю ацтеков — незадолго до того, как Джанин забеременела Даной. В семье Миккельсенов тогда не все шло гладко, и путешествие должно было стать вторым медовым месяцем. Однако им попался гид по имени Елена Шмидт, очень хорошенькая и весьма решительная. Девушка едва не отбила у Джанин мужа: в течение получаса Миккельсен позволил себе помечтать о разнообразии.

— Допустим, в предыдущем варианте мы так и не собрались к ацтекам, а деньги ушли на коллекцию предметов старины. А в нынешнем Томми сумел повернуть дело так, что мы заинтересовались путешествиями во времени. Он также заинтересовал эту кошечку Шмидт моей персоной. Денег и на антиквариат, и на путешествие у нас не было, и мы решили отказаться от безделушек. В древней Мексике Елена попыталась меня увести, как Томми надеялся, но не вышло. Теперь у нас есть яркие воспоминания об империи Монтесумы, но нет коллекции древней электроники. Как тебе такой вариант?

— Похоже на правду,— согласилась Джанин.

— Сама напишешь заявление в полицию или лучше я?

— Ник, у нас нет доказательств.

Миккельсен нахмурился. Все верно: доказать факт темпорального преступления почти невозможно. Кроме того, расследовать такое преступление — себе дороже. Неизбежные дополнительные фазовые переходы могут непоправимо запутать их судьбы. Вмешиваться в прошлое — как подправлять кочергой паутину: что-нибудь обязательно повредишь.

— Выходит, мы будем сидеть и ждать, пока Томми найдет действующий способ избавиться от меня? — вздохнул Миккельсен.

— Мы не можем бросить ему вызов, Ник, не имея ничего, кроме подозрений.

— Однажды ты смогла.

— Это было давно. Сегодня мы рискуем гораздо больше. У нас есть прошлое, которое можно потерять. А вдруг это все же не он? Вдруг мы его испугаем? Не желая отвечать за чужие шалости или за простое стечение обстоятельств, он вполне способен сломать наше прошлое уже сознательно. Томми очень несдержан и способен на все, если почувствует угрозу.

— Угрозу? Он почувствует угрозу? А как насчет...

— Ник, пожалуйста! У меня предчувствие — Томми больше не будет нам мешать. Попытался два раза, не получилось. Он успокоится. Я уверена.

Миккельсену ничего не оставалось, как неохотно уступить. Прошло время, и кошмар второго фазового перехода понемногу отступил. В течение нескольких недель понемногу всплывали последствия второго перехода, как одна за другой обнаруживаются пропажи после ограбления дома. После первого фазового перехода происходило то же самое.

Серьезная попытка переделать прошлое всегда вызывает долговременные последствия: изменения, тривиальные и не очень, веером расходятся в будущее, залевая судьбы многих людей. Решение отправиться в доколумбову Америку вместо того, чтобы собирать предметы старины, изменило круг знакомых семьи Миккельсенов. Те, кого они встретили во время путешествия, стали хорошими друзьями, с которыми обмениваются подарками и разделяют радости и тяготы родительской доли. Правда, поначалу в отношениях с новыми старыми друзьями проскальзывали странности. Концы не сходились с концами, реальность на мгновение оборачивалась химерой. Со временем, однако, все притерлось и подровнялось.

Покой тянулся недолго. Случился третий фазовый переход — тот самый, что перенес свадьбу с августа на февраль следующего года. Не говоря о шести или семи потерях помельче, обнаруженных позднее.

— Я потребую у него объяснений! — объявил Миккельсен.

— Только не делай глупостей, Ник.

— Не собираюсь. Но ему следует понять, что дальше так продолжаться не может.

— Помни, если Томми загнать в угол, он может стать опасным. Не угрожай и не дави слишком сильно.

— Я буду очень осторожен,— пообещал Миккельсен.

Они встретились в «Цветке над лагуной», любимом баре Томми Хэмблтона. Компактный бутон заведения медленно вращался на вершине суставчатого стебля, в тысяче футов над волами бухты Бильбао. Низкорослый, ладный, ростом на шесть дюймов ниже Миккельсена, Хэмблтон держался спокойно и уверенно. Томми был самым богатым человеком, которого Миккельсен знал лично. Гигантское состояние, позволявшее Томми легко идти по жизни, было нажито два поколения назад, когда появились первые микропроцессоры. Это само по себе казалось угрозой: будто Хэмблтон мог попытаться просто выкупить жену, потерянную двенадцать лет назад, когда они были так молоды.

Миккельсен знал, что главной страстью и слабостью Томми Хэмблтона были путешествия во времени. Он и выглядел, как обычно выглядят жертвы этого пристрастия — глаза слегка выкачены, словно от базедовой болезни. Томми вечно либо только что возвращался обратно, либо приводил в порядок дела, чтобы отправиться в новое путешествие. Создавалось впечатление, будто родное время ему без надобности, нужно лишь как трамплин для прыжка в прошлое. Тем более странно, что Томми Хэмблтона совсем не привлекали великие события вроде битвы при Ватерлоо и разграбления Рима. Если верить Джанин, Хэмблтон раз за разом уходил на неделю назад, иногда — в прошлое Рождество, и уж совсем редко добирался до своего одиннадцатого дня рождения. Исторический туризм Томми Хэмблтона не интересовал, но он с увлечением тратил немалые суммы на частые экспедиции вдоль личного жизненного пути, предоставляя другим странствовать среди папоротников мезозойской эры. Похоже, Хэмблтон хотел отредактировать свое прошлое до полного со-

верщенства. Убрать каждое неудачно сказанное слово, каждый неуместный жест, подхватить каждую упущенную возможность. Миккельсену это казалось помешательством, хотя и не лишенным известного обаяния. Именно обаянием Хэмблтон и брал, ничем другим. Миккельсену же всегда нравились люди, умевшие изобрести особую, собственную странность вместо того, чтобы собирать марки, мыть руки по двадцать раз на дню или сидеть в ресторане непременно спиной к стене.

Увидев Миккельсена, Хэмблтон немедленно заказал коктейли, нажав несколько кнопок на панели автобара.

— Рад видеть тебя, Миккельсен! Как поживает великолепная Джанин?

— Великолепно.

— Счастливчик. Упустив эту женщину, я сделал самую большую ошибку в моей жизни. Нельзя было ослаблять хватку...

— Вот за это я тебе вечно благодарен, Томми. Последнее время и я с трудом удерживаю Джанин.

— Вот как? — Хэмблтон искренне удивился.— У вас проблемы?

— Да, но не друг с другом. Кто-то активно вмешивается в наше прошлое. Два очень серьезных фазовых перехода только за последний год. Совсем недавно был третий. В числе прочего, мы с Джанин потеряли пять месяцев нашего брака.

— Ну, это один из мелких недостатков...

— ...современной жизни. Знакомо. Но в моем случае недостаток выходит пугающий. Страшный. Уж кому-кому, а тебе не надо объяснять, как драгоценна Джанин. Ты понимаешь, что значит ее лишиться. И только потому, что где-то перепутались *линии судьбы*.

— Я понимаю. Очень хорошо.

— А я вот не понимаю, откуда взялись эти фазовые переходы. Мы скоро с ума сойдем от них. Об этом я и хотел с тобой поговорить.

Миккельсен замолчал, высматривая в собеседнике признаки неловкости или беспокойства, но Томми был по-прежнему безмятежен.

— Я могу как-нибудь помочь? — спросил Хэмблтон.

— Мне подумалось, что именно ты, с твоим опытом временных переходов, с твоим знанием теории, можешь что-то подсказать. Нового перехода нельзя допустить.

— Дорогой Ник! — Хэмблтон пожал плечами.— Это могло быть что угодно. Надежных методов отслеживания фазовых переходов не существует. Наши жизни переплетаются невообразимо... Говоришь, последний раз свадьба перенеслась на несколько месяцев? Допустим, в результате фазового перехода ты решил воспользоваться последними холостыми деньками. Отправился в Банф на выходные и провел три ни к чему не обязывающих, но замечательных дня с прекрасной незнакомкой. Вышло так, что именно из-за тебя она не познакомилась тогда же с другим человеком, не влюбилась и не вышла за него замуж. Ты вернулся домой и женился на Джанин несколько позже, чем предполагалось, и живешь с тех пор счастливо, а судьба девушки из Банфа изменилась до неузнаваемости. Изменилась из-за того же фазового перехода, слегка оттянувшего твою свадьбу. Понимаешь? Никто не может сказать, до какой степени изменение цепочки событий затронет судьбы посторонних людей.

— Это я понимаю. Хотелось бы знать, откуда взялись три фазовых перехода за год и почему каждый из них угрожал именно нашему браку?

— Не знаю,— покачал головой Хэмблтон.— И не могу знать. Наверное, просто невезение, а полосы невезения неизменно кончаются. Представим, что на твою жизнь пришлось сгущение фазовых переходов, которое уже рассеивается.— Хэмблтон ослепительно улыбнулся.— Будем надеяться, что так, по крайней мере. Еще по ромовому?

Непробиваемая логика, подумал Миккельсен. Сквозь такую стену не просочишься. Даже прямое обвинение ничего не даст: сможет все объяснить очень убедительно.

Миккельсен не хотел рисковать. Человек, способный беспощадно подчищать свое прошлое, будет скользким и опасным противником. Зажатый в угол, он ни в чем не сознается. Просто вернется в прошлое, чтобы замести все оставшиеся следы. Да и вообще, доказать темпоральное преступление очень сложно, поскольку оно всегда происходит в более не существующей временной последовательности.

Чтобы не нагнетать напряжение, Миккельсен позволил Хэмблтону угостить себя еще одним коктейлем. Не задерживаясь долго ни на одной теме, они поболтали о теории фазовых переходов, о погоде, о рынке ценных бумаг, о несравненных досто-

инствах женщины, на которой обоим довелось жениться, и о старых добрых временах две тысячи четырнадцатого года, когда все они болтались в старой доброй Ла-Джолле, наслаждаясь восхитительной безответственностью. Когда разговор исчерпал себя, Миккельсен отправился домой, понимая, что ничего не добился.

Можно не сомневаться, что Хэмблтон нанесет очередной удар. Скорее всего, немедленно. Есть ли способ остановить его? Можно ли нанести упреждающий удар? Решительно вмешаться в прошлое самому, чтобы угроза Томми Хэмблтона исчезла навсегда? Слишком рискованно: в такой операции можно потерять больше, чем приобрести. С другой стороны, на что еще надеяться?

Несколько дней Миккельсен пытался выработать разумную стратегию. Нужно избавиться от Хэмблтона так, чтобы не разорвать непрочную паутину обстоятельств, связывающих Миккельсена и Джанин. Перебирая и отбрасывая варианты, он отыскал решение.

Очередной фазовый переход настиг Миккельсена, как удар молнии. Стояло солнечное утро, теплое и ясное. Когда головокружение прошло, он обнаружил себя в холостяцкой квартире на девяностом этаже с видом на бухту Мишен-Бей. Во рту было сухо, а наполовину чужие воспоминания о прекрасной спутнице жизни, двух детях и кошке таяли с каждой минутой. Да, еще замечательный дом в старой доброй Корона-дель-Мар...

Джанин? Дана? Элиза? Минибел?

Их больше нет. В этом многоквартирном доме Миккельсен поселился в двадцать втором году, после разрыва с Ивонн. Мелани должна заглянуть около шести. Такова реальность. Есть и другая, но она рассеивается и скоро исчезнет.

Вот и дождался. На этот раз у Хэмблтона получилось.

Для страха или душевной боли времени не оставалось. Первые полчаса Миккельсен лихорадочно фиксировал каждую деталь своей потерянной жизни: телефонные номера, адреса, имена, обстоятельства. Он успел многое записать о жизни с Джанин и о цепи фазовых переходов, вплоть до последнего. Когда писать стало нечего, зазвонил телефон. Господи, пусть это будет Джанин!..

Это оказался Гус Старк.

— Ник? Мы с Донной сегодня не можем. У нее очень разболелась голова. Надеюсь, вы с Мелани не будете слишком разочарованы, кроме того... Эй, ты в порядке?

— Фазовый переход случился. Очень тяжелый.

— Ясно...

— Мне надо найти Джанин.

— Кого?

— Джанин. Джанин Картер. Стройная, высокие скулы, темные волосы. Разве ты ее не знаешь?

— Джанин? Я знаю Джанин? Вы с Мелани что, поссорились? Я думал...

— Мелани тут ни при чем.

— Джанин Картер? — Гус осклабился.— Ты не о подружке Томми Хэмблтона говоришь? Был такой богатый коротышка в Ла-Джолле лет десять-двенадцать назад. Тогда еще...

— О ней самой. Как ты думаешь, где ее сейчас можно найти?

— По-моему, она вышла за Хэмблтона. Переехали на Ривьеру, если я ничего не путаю. Ник, насчет сегодняшнего вечера...

— Пропади он пропадом, этот сегодняшний вечер! Созвонимся попозже.

Дав отбой, Миккельсен перевел телефон в режим глобального поиска по запросу «Томас и Джанин Хэмблтон». Оставалось ждать. Сейчас, в момент вынужденного бездействия, до Миккельсена дошла вся глубина потери. Задрожали руки, на лбу выступил холодный пот. Наверняка Томми позаботился спрятать ее как следует, за семью уровнями закрытых сетей. Только идиот может надеяться, что ее номер в открытом доступе...

Телефон. Миккельсен нажал кнопку. Звонила Джанин.

— Ник? — спросила она севшим голосом. Судя по глазам, Джанин находилась в полуобморочном состоянии.— Господи, Ник. Это ты?

— Джанин?! Где ты находишься?

— На вилле около Ниццы, Кап-д'Антиб. Ник? Куда делись наши дети? Дана. Элиза. Я их так и не родила?

— Наверное, У Томми на этот раз получилось.

— Я еще помню... будто на самом деле — будто мы прожили вместе десять лет, Ник!..

— Объясни, где тебя искать. Я вылетаю ближайшим самолетом из Сан-Диего.

Джанин некоторое время молчала.

— Не надо, Ник. Это бесполезно. Мы теперь совсем другие люди. Еще час или два, и мы ничего не сможем вспомнить. Даже забудем, что когда-то были вместе.

— Джанин!

— У нас больше нет прошлого, Ник. Будущего тоже.

— Я приеду! Почему я не могу приехать?

— Я замужем за Томми. Мое прошлое рядом с ним. Ник, мне самой плохо и страшно, я еще не все забыла. Не забыла, как нам было хорошо вместе. Дети, пляж, пестрая кошка... Но ведь этого больше нет. Моя жизнь здесь, а твоя там. Я просто хотела сказать тебе...

— Мы можем все поправить. Ты не любишь Томми. Мы принадлежим друг другу. Мы...

— Он сильно изменился, Ник. Совсем не похож на того Томми, которого ты знаешь по Ла-Джолле. Стал добрее, внимательнее, человечнее... Десять лет прошло, в конце концов.

Зажмурившись, Миккельсен вцепился в подлокотник дивана, чтобы не упасть.

— Два часа,— сказал он.— Всего два часа назад Томми разорвал в клочья нашу жизнь. Нам никогда не получить ее обратно, но кое-что мы можем исправить, Джанин! Тебе достаточно уехать с этой проклятой виллы, и тогда...

— Прости, Ник.— Нежный, хрипловатый, негромкий голос Джанин казался почти чужим.— Боже мой, Ник... Такая беда. Я так тебя любила. Прости, Ник.

Экран погас.

Со времени последнего путешествия, когда они ездили в страну ацтеков, прошло много лет, и Миккельсен поразился, сколько это теперь стоит. Но он воспользовался кредитной картой, лимит которой позволил это сделать: заявку удовлетворили через пять минут. Миккельсен объяснил, куда желает отправиться и как хочет выглядеть, прибавил еще несколько сотен, и гример привел его в порядок, избавив от седины и разгладив морщины. Потом мастер восстановил его калифорнийский загар — к сорока годам он бледнеет, если в офисе проводить больше времени, чем на берегу океана. Миккельсен стал выглядеть лет на восемь моложе, и этого достаточно, чтобы не вызвать подозрений. Если не налететь на тогдашнего себя, все получится.

Шлюзовую камеру заполнил ароматный туман. Когда дверь снова открылась. Миккельсен шагнул в прохладный декабрьский день две тысячи двенадцатого года. Всего на четырнадцать лет назад в прошлое, а кажется, будто попал в доисторическую эпоху: одежда, прически и автомобили режут глаз, дома громоздкие и неуклюжие, на варварски раскрашенных щитах — реклама идиотских товаров. Когда Миккельсен проживал две тысячи двенадцатый год по первому разу, мир не казался ему таким вульгарным. Хотя, если подумать, настоящее вульгарно только в глазах будущего.

Странность окружающего мира доставляла ему удовольствие: он словно попал в старое кино. Спокойный и довольный, он шагал вперед, оставив боль далеко позади. Потерянную жизнь Миккельсен совершенно забыл, чувствовал лишь необходимость действовать. Принять меры против человека, укравшего у него самое драгоценное.

До Ла-Джоллы Миккельсен добрался на взятом напрокат автомобиле. Как и следовало ожидать, в пляжном клубе собрались все, кроме молодого Ника Миккельсена, оставшегося в Палм-Бич с родителями. Старый Миккельсен спланировал операцию быстро, но тщательно.

Его приятели очень удивились: Гус, Дэн, Лео, Кристи, Сэл и прочие. До чего же они были молоды! Дети, просто дети — слегка за двадцать. Прически, гладкие лица: Миккельсен раньше не задумывался, насколько ты молод, пока молод.

— А я думал, ты во Флориде,— удивился Гус.

Кто-то сунул Миккельсену в руку бутылочку чего-то бодрящего. Другой повесил ему на ухо аудиокапсулу, и она немедленно запульсировала, сотрясая скулу. Улыбаясь, пожимая руки, похлопывая по плечу, обнимая друзей, Миккельсен уделил внимание каждому.

— Палм-Бич — *такая тоска*,— *объяснил он*.— Решил вернуться в свою стаю. А где Ивонн?

— Скоро подойдет,— ответила Кристи.

Минут через пять к ним присоединился Томми Хэмблтон. На мгновение Миккельсен оцепенел от ужаса: ему показалось, что это тридцатипятилетний Томми, его современник. К счастью, нет — и лицо помягче, и губы более пухлые. Пронесло. На самом деле Томми никогда не выглядел молодым, сообразил Миккельсен. Именно о таких говорят: человек неопределенного возраста.

Конечно, полоснуть ножом по его гладкой шее было бы здорово, но Миккельсен не был рожден убийцей. К тому же убийство — не идеальное решение. Вместо этого Миккельсен отвел Хэмблтона к стойке, угостил его коктейлем и сообщил негромко:

— Думаю, тебе не помешает знать, что мы с Ивонн расстаемся.

— В самом деле? Как жаль! Мне казалось, вы самая крепкая пара среди нас.

— Я и сам так думал. Увы, всему приходит конец. К новому году у меня будет другая подружка. Не знаю кто, но не Ивонн.

— Не думал, что так повернется. Очень, очень жаль,— сказал Хэмблтон серьезно.

— Не все так плохо,— улыбнулся Миккельсен.— Не все так плохо для меня, и не все так плохо для тебя. Видишь ли, Томми, я уже не первый месяц замечаю, как ты смотришь на Ивонн. Она тоже это заметила. Хочу, чтобы ты знал: я не собираюсь путаться у вас под ногами. Без обид, Томми,— просто время пришло. А если она спросит, скажу, что лучше тебя ей никого не найти. Я не шучу.

— Это... благородно с твоей стороны, Ник! Чтобы кто-нибудь так достойно...

— Я просто желаю ей счастья, Томми.

Ивонн появилась под вечер, когда уже темнело. Миккельсен не видел ее много лет и поразился, до чего она заурядна, неинтересна, инфантильна. Нет, она очень хорошенькая со своими стриженными светлыми волосами, вздернутым носиком и веселыми зелеными глазами. Непонятно только, как ему удалось всерьез полюбить эту совершенно чужую девушку. Правда, это случилось до Джанин.

Ивонн удивилась неожиданному возвращению Миккельсена, но не слишком сильно. Позднее, на пляже, куда они отправились вдвоем, Миккельсен сообщил ей: он давно понял, что на самом деле она любит Томми, и не собирается им мешать. Ивонн только захлопала ресницами.

— Ты думаешь? — пропела она сладким голоском.— Наверное, я могла бы влюбиться в Томми. Мне не приходило в голову... Но можно попробовать. Если, конечно, я тебе надоела, Ник.

Ни обиды, ни душевной боли в словах Ивонн не прозвучало. Словно это и не про нее.

Довольно скоро Миккельсен покинул клуб и отправил персональный факс себе самому в Палм-Бич: «Ивонн влюбилась в Тони Хэмблтона. Как бы ни было тяжело, постарайся справиться с этим. Не мешай им. Если встретишь женщину по имени Джанин Картер, обрати на нее особое внимание. Верь мне, ты не пожалеешь. Я точно знаю».

Миккельсен подписался: «друг» и секретная закорючка в углу, которую он с давних пор использовал в качестве личной метки. Не решаясь на большее, он надеялся, что у молодого Миккельсена хватит ума во всем разобраться и принять новый расклад.

Садясь во взятый напрокат автомобиль, он решил, что поработал неплохо. В Сан-Диего его ждала шлюзовая камера промежуточной станции и короткая дорога домой, в родное время.

На выходе из шлюзовой камеры Миккельсена встретила знакомая сухость во рту. Выходит, даже если фазовый переход — дело твоих собственных рук, ничего не меняется. Интересно, чего он добился? Цель была одна: спасти брак с женщиной по имени Джанин. Видимо, он, Миккельсен, любил ее очень сильно, пока не потерял в результате предыдущего фазового перехода. Похоже, вернуть Джанин он не сумел: сейчас он точно не женат, его подружек зовут Синди, Мелани, Елена, кто-то еще... Джанин среди них нет. Пола! Да, четвертую подружку зовут Полой.

В руке, однако, листок бумаги, и на листке выцветает текст: «Ты этого не помнишь, но в 2016 или 2017 году ты женился на Джанин Картер, бывшей жене Томми Хэмблтона. Знай: как бы тебе ни нравилась твоя нынешняя жизнь, с Джанин было гораздо лучше».

Может, оно и так. Один бог знает, как он устал от холостяцкой жизни. Теперь, когда Гус и Донна решили пожениться, Миккельсен остался последним холостяком в старой компании. Это его немного смущало. Ведь он так и не встретил женщину, с которой захотел бы прожить остаток жизни. Сказать по правде, ни с одной из своих подружек он не хотел бы прожить даже год. Оказывается, до фазового перехода он был женат. Джанин? Удивительно и совсем на него не похоже.

Домой Миккельсен попал еще засветло. Он принял душ, побрился, переоделся и направился в «Цветок над лагуной», где собирался встретиться с Томми Хэмблтоном и Ивонн. Он не ви-

дел Томми несколько лет — с тех пор, как тот поселился на вилле своего брата на Ривьере. Миккельсену не терпелось посмотреть на него. Томми и Ивонн. Ее Миккельсен помнил очень хорошо: курносая блондиночка, невысокая, с ладной фигуркой, прекрасно играет в теннис. Одиннадцать или двенадцать лет назад Миккельсен был к ней очень, очень неравнодушен; еще до Адрианы, Шарлин, Джорджианы, Недры, Синди, Мелани, Елены и Полы. Сейчас он увидит их вместе, Томми и Ивонн. Здорово!

Скоростной лифт плавно вознес Миккельсена по стеблю «Цветка над лагуной» и остановился внутри золотого купола высоко над водами бухты. Хэмблтон и Ивонн его уже ждали.

Томми изменился не так уж сильно: все тот же, в дорогое одетый джентльмен невысокого роста. Но Ивонн Миккельсена поразила. Удивительно, как время и деньги могут изменить женщину. Шикарная, уравновешенная, элегантная — куда делись пухлые щечки? — Ивонн говорила теперь с легчайшим намеком на французский акцент. Миккельсен обнял их обоих по очереди и позволил увлечь себя к стойке.

— Как славно, что ты нашелся,— сказал Хэмблтон.— Столько лет прошло!

— Да, целая вечность.

— От женщин до сих пор отбоя нет?

— Как сказать... Более или менее. А ты, Томми? По-прежнему возвращаешься на три дня в прошлое, чтобы подтереть все как следует?

— Почти никогда,— усмехнулся Хэмблтон.— Зимой мы с Ивонн смотрели на падение Трои, а короткая дистанция меня больше не интересует... Ах! Надо же!

— Что такое? — спросил Миккельсен, перехватив взгляд Хэмблтона, направленный куда-то в темный угол бара.

— Давняя подруга,— объяснил Томми.— Точно, она! Собственно говоря, мы едва знакомы.— Глядя на Ивонн, Хэмблтон объяснил: — Я встретил ее через несколько месяцев после того, как мы с тобой начали встречаться, любовь моя. Ничего не было, разумеется, но могло... могло бы быть.

Глаза Томми затуманились, но ненадолго. Он улыбнулся.

— Вам надо познакомиться. Девушка как раз для тебя, я уверен. Если это она, конечно. Бывает же такое! После стольких лет... А ну-ка, пошли!

Ухватив ошеломленного Миккельсена за руку, Хэмблтон поволок его на другой конец бара.

— Джанин! — прокричал Хэмблтон издалека.— Джанин Картер?

Джанин оказалась элегантной темноволосой женщиной на пару лет моложе Миккельсена. Она удивленно глянула на Хэмблтона ясными глазами.

— Томми? Это ты?

— Ну конечно, я! Моя жена Ивонн сидит вон там. А это мой старый и лучший друг Ник Миккельсен. Ник — Джанин...

— Я знаю, звучит глупо,— сказала Джанин, глядя на Миккельсена,— но мы не встречались где-то?

Как только их глаза встретились, Миккельсен почувствовал прилив таинственной энергии.

— Долгая история,— ответил он.— Выпьем чего-нибудь, и я расскажу вам обо всем.

Туризм

Глаза Эйтела не сразу приспособились к темноте и ослепительно ярким, разноцветным, перекрещивающимся лучам прожекторов. Но чтобы понять, в каком странном «зоопарке» он оказался, глаза не требовались. Ночной клуб был полон инопланетян — семь или восемь видов. Чувствительный нос Эйтела сразу уловил всю гамму обрушившихся на него обонятельных впечатлений — фантастическое «рагу» из телесных запахов пришельцев, чужеземных феромонов, трансгалактической косметики, озонового излучения личных защитных экранов, небольших выбросов внеземных атмосфер, просачивавшихся из дыхательных устройств.

— Что-то не так? — спросил Дэвид.

— Запахи. Они потрясают меня.

— Накурено? Ты этого не выносишь?

— При чем тут табак, кретин? Чужеземцы! Пришельцы!

— А-а... Пахнет деньгами, ты имеешь в виду. Согласен, здесь это просто потрясает.

— Несмотря на твою сообразительность, иногда ты бываешь поразительно туп,— пробормотал Эйтел.— Если только не говоришь это умышленно. Скорее всего, именно так, потому что я не знаю ни одного тупого марокканца.

— Для марокканца я действительно очень туп,— невозмутимо ответил Дэвид.— Выходит, с твоей стороны это тоже тупость — избрать меня своим партнером. Твои дедушки в Цюрихе сгорели бы со стыда, если бы узнали. А?

Он одарил Эйтела раздражающе ангельской улыбкой.

© Перевод Б. Жужунавы

Эйтел сердито нахмурился. Он никогда не мог понять, оскорбляет его вертлявый маленький марокканец или дразнит. Однако так получалось, что Дэвид всегда выходил из этих перепалок с парой лишних очков.

Отвернувшись, Эйтел стал рассматривать публику.

Много людей, конечно. Это было самое крупное заведение Марокко, где собирались чужеземцы, фокусная точка, и множество простофиль приходили сюда, чтобы просто поглазеть. На них Эйтел не обращал внимания. Больше не имело смысла вести дела с людьми. Скорее всего, здесь присутствовали и типы из Интерпола, чтобы не допустить как раз таких сделок, какие надеялся заключить Эйтел. Черт с ними. У него руки чисты, более или менее.

Но чужеземцы! Чужеземцы, чужеземцы, чужеземцы!

Весь зал был заполнен ими. Огромные круглые глаза, паучьи конечности, кожа нелепой текстуры и цветов, не имеющих земных названий. Эйтел чувствовал, как в нем нарастает возбуждение, такое нешвейцарское, нехарактерное для него.

— Ты посмотри на них! — прошептал он.— Они прекрасны!

— Прекрасны? Тебе так кажется?

— Фантастика!

Марокканец пожал плечами.

— Фантастика — да, прекрасны — нет. Голубая кожа, зеленая кожа, никакой кожи, две головы, пять голов. Где красота? Для меня прекрасно одно — деньги. И то, с какой готовностью они ими швыряются.

— Тебе не понять,— сказал Эйтел.

Вообще-то Эйтел и сам себя не вполне понимал. Вскоре после того, как первые чужеземные туристы прибыли на Землю, он почувствовал, что они расшевелили неожиданные области его души: странные предчувствия, неясная космическая тоска. Когда в сорок лет обнаруживаешь, что существует что-то помимо Панамских трастовых фондов и банковских счетов, это немного беспокойно, но и восхитительно. Он застыл в состоянии восторга и душевного смятения. Потом посмотрел на Дэвида и спросил:

— Где твой кентаврица?

— Я его не вижу.

— Я тоже.

— Он клялся, что будет здесь. Зал такой большой, Эйтел. Пойдем поищем.

Воздух был насыщен красками, звуками, запахами. Эйтел осторожно обошел застолье красных ригелиан с грубой ноздреватой кожей, сильных и шумных, словно толпа американцев на пикнике. За ними сидели пять гладких, волнистых стеропидов в респираторах конической формы. Это хорошо. Стеропиды — легкая добыча. Если сорвется сделка с кентаврийцем, они смогут стать клиентами Эйтела.

Как и вон та троица с Арктура: плоские головы, седеющие зеленые волосы, три глаза, сверкающие, как бело-голубые солнца. Арктуриане были жуткими транжирами, хотя редко интересовались товарами Эйтела — предметами изобразительного искусства, ну или почти предметами изобразительного искусства. Может, следует раскрыть им глаза. Проходя мимо, Эйтел для начала одарил их улыбкой: обычный землянин, налаживающий дружеский контакт на пути, возможно, к более тесным взаимоотношениям. Однако арктуриане не отреагировали. Они глядели сквозь Эйтела, как будто их глаза не воспринимали ту часть спектра, в которой он обитал.

— Вон,— показал Дэвид.

Да. На другой стороне зала находилось бирюзовое существо, необычно длинное и тонкое, выглядевшее так, будто оно представляло собой сооружение из высококлассной резины, натянутой на беспорядочно собранную арматуру из коротких стержней.

— С ним женщина,— сказал Эйтел.— Этого я не ожидал. Ты не предупредил.

Глаза Дэвида вспыхнули.

— Ах, хороша, очень хороша!

Она была более чем очень хороша. Она была роскошна. Но это не имело значения. Ее присутствие здесь могло усложнить ситуацию. Кто она? Гид? Переводчик? Может, кентавриец привел собственного эксперта в области произведений искусства? Или она агент Интерпола, принарядившаяся, чтобы выглядеть как дорогая шлюха? А может, и вправду шлюха.

«Бог мне помогает,— подумал Эйтел.— Если кентавриец, так сказать, влюбился, это отвлечет его от дела. Нет. Бог помогает Дэвиду».

— Нужно было предупредить меня, что тут замешана женщина,— сказал Эйтел.

— Я не знал! Клянусь Иисусом, Марией и Моисеем, я не видел ее вчера. Но все будет в порядке. Иисус, Мария, Моисей, иди,

не гормози! — Дэвид улыбнулся, подмигнул и направился к стойке. — Иди к нему, слышишь? Ты меня слышишь, Эйтел? Все будет в порядке.

Кентавриец заметил красную гвоздику на лацкане Эйтела и вскинул руку жестом, очень напоминающим выдвижение телескопической трубы, а женщина улыбнулась. Это была потрясающая улыбка, и она застала Эйтела врасплох. На мгновение ему захотелось, чтобы кентавриец вернулся в свое созвездие Кентавра и женщина осталась тут одна. Он тряхнул головой, отгоняя эту мысль. Он здесь ради дела, ни во что впутываться не собирается.

— Ганс Эйтел, из Цюриха,— представился он.

— Я Анакхистос,— сказал кентавриец.

Голос у него звучал так, словно исходил из синтезатора, как, возможно, и было, а лицо представляло собой непрозрачную, неподвижную маску. Зрение обеспечивала единственная яркая полоска рецепторов на лбу, в дюйм шириной, воздух всасывался через небольшие клапаны на щеках, а для еды имелась трехгранная ротовая щель, похожая на свинчивающуюся крышку мусорной корзины.

— Мы очень счастливы, что вы пришли,— продолжал кентавриец.— Это Агила.

Эйтел позволил себе взглянуть прямо на нее. Это было потрясающе, но мучительно, как глядеть на солнце. Волосы у нее были рыжие и густые, изумрудные глаза широко расставлены, губы полные, зубы блестящие. Облегающее платье, неотчетливо футуристическое, из металлической сетки, зеленое, мягкое. Она напоминала искусственное трехмерное создание, одну из тех нереальных, идеализированных женщин, которые иногда появляются в рекламе коньяка или горнолыжного курорта. В такой непомерной красоте есть что-то причудливое. Профессионалка, решил Эйтел.

— Это огромное удовольствие для меня,— сказал он, обращаясь к кентаврийцу.— Встретить коллекционера вашего уровня и иметь возможность помочь...

— И нам очень приятно. Мне вас очень настойчиво рекомендовали. Сказали, что вы знающий, заслуживающий доверия, осмотрительный...

— Таковы традиции нашей семьи. Меня готовили к этой профессии.

— Мы пьем мятный чай,— сказала женщина.— Присоединитесь к нам?

Голос у нее был теплый, глубокий, акцент нераспознаваемый. Шведка? Бывают рыжеволосые шведки?

— Прошу прощения, для меня это немного слишком сладко,— ответил Эйтел.— Может, немного бренди...

Появился официант — будто по телепатической команде. Эйтел заказал курвуазье, а женщина еще чаю.

«Очень спокойная, очень доброжелательная»,— подумал Эйтел.

И представил себя в постели с ней: как он запускает пальцы в эту густую рыжую гриву, скользит губами по стройным бедрам. Эта фантазия вызывала приятное чувство, но по-настоящему не волновала — пустая мечта, легкая, милая, не вызывающая ни усиления сердцебиения, ни других проявлений страсти. Хорошо. Первый опасный момент прошел, он снова держит себя в руках. Интересно, кентавриец «снял» ее на вечер или на более долгий срок?

— Мне нравится марокканский чай,— заметила она.— Он такой замечательный, такой сладкий. Сладкое — моя страсть. Думаю, я на него подсела.

Официант наливал чай традиционным способом, с высоты трех футов. Эйтел сдержал дрожь. Марокканская кухня в целом восхищала его, но чай ужасал: слишком много сахара, прямой путь к диабету.

— Вам тоже нравится мятный чай? — спросил он чужеземца.

— Он удивительный,— ответил тот.— Одна из самых удивительных вещей на этой удивительной планете.

Эйтел понятия не имел, искренен ли кентавриец. Он, как и большинство людей, проявлял большой интерес к психологии инопланетян на протяжении десяти лет, прошедших после отмены галактического карантина, когда они начали появляться на Земле en masse[1]. Он много знал о них, однако разгадать кентаврийцев оказалось почти невозможно. Если они как-то и проявляли свои чувства, это носило характер кратковременной и, возможно, даже воображаемой пульсации их «резиновой» кожи. У Эйтела была теория, что их кожа слегка обвисает, когда они довольны, и натягивается, когда напряжены, но эта теория имела

[1] Массово *(фр.)*.

под собой очень мало оснований, и он не придавал ей серьезного значения.

— Давно вы на Земле? — спросил он.

— Это первая неделя,— ответил кентавриец.— Пять дней здесь, в Фесе, потом мы отправимся в Рим, Париж и Соединенные Штаты. А затем и в другие места. Ваш мир чрезвычайно увлекательный. Такая энергия, такая грубая сила. Я надеюсь посмотреть все и увезти с собой много произведений искусства. Я, знаете ли, страстный коллекционер земных вещей.

— С особым интересом к живописи.

— К живописи, да, но я собираю и другие вещи.

Это немного слишком в лоб — или Эйтел неправильно уловил смысл, в чем сомневался. Он взглянул на женщину, но та никак не отреагировала.

— Какие, например? — осторожно спросил он.

— Все, что отражает суть вашего мира! Все прекрасное, все по-настоящему земное! Конечно, я очень разборчив. Мне нужны только первоклассные вещи.

— Я не мог бы выразиться лучше,— сказал Эйтел.— Мы с вами придерживаемся одной философии. У истинного знатока нет времени на безвкусные, тривиальные, несовершенные вещи, на неумело реализованные импульсы.

Его тон, тщательно отработанный за годы работы с клиентами, не был заискивающим, а выражал лишь теплое, искреннее одобрение. От кентаврийца, скорее всего, эти нюансы ускользали, но Эйтел никогда не позволял себе недооценивать клиента. Неожиданно он перевел взгляд на женщину и добавил:

— Уверен, вы тоже так считаете.

— Конечно.

Она сделала большой глоток мятного чая, и сладкий напиток скользнул в горло, словно моторное масло. Потом она очень необычно повела плечами. Эйтел увидел, как странно двигалось тело под металлической сеткой. Конечно, она профессионалка. Несомненно. У него мелькнула мысль: возможно ли между этими двумя что-то сексуальное? Он сомневался, но кто знает. Более вероятно, что она просто одна из первоклассных «вещей» в коллекции Анакхистоса, в высшей степени земная «вещь»: в некотором роде произведение искусства. Удивляло также, каким образом кентавриец сумел отыскать ее столь быстро. Может, есть

служба, поставляющая гостям-чужеземцам эскорт высшего сорта — конечно, по самой высокой цене?

Эйтел чувствовал ее аромат, не неприятный, но очень странный. Икра и тмин? Осетр, вываренный в шартрезе?

Она сделала знак официанту принести еще чая и сказала, обращаясь к Эйтелу:

— Проблема экспортных сертификатов... Как вы думаете, с этим будет сложно?

«Как неожиданно и поразительно,— подумал он.— Понять, что заботит твоего клиента, и воспринимать его сложности как свои собственные».

— Дело трудное,— сказал он.

— Мягко сказано,— вмешался в разговор кентавриец, как будто только и дожидался реплики Агилы.— Для меня это отвратительно. Ограничения на вывоз с вашей планеты произведений искусства... унизительные проверки... ажиотаж, требования более жестких ограничений... зачем?

— Постарайтесь понять природу этих панических настроений,— успокаивающе заговорил Эйтел.— Мы маленький отсталый мир, всего несколько лет как вышедший из полной изоляции. Неожиданно для самих себя мы вступили в контакт с огромной галактической цивилизацией. Вы ходите среди нас, вы очарованы нами и нашими произведениями искусства, вы хотите коллекционировать наши вещи. Однако вряд ли их хватит на всю цивилизованную вселенную. Произведений Леонардо и Вермеера не так уж много, а вас очень много. Люди опасаются, что вы обрушитесь на нас в огромном количестве с вашим несметным богатством, с вашей страстью к нашему искусству, скупите все ценное, что мы когда-либо создали, и увезете за сотни световых лет отсюда. Вот как возникли эти законы. Это вполне естественно.

— Но я не собираюсь никого грабить! Я хочу делать законные приобретения!

— Я вас очень хорошо понимаю.— Эйтел рискнул мягко, сочувственно положить ладонь на руку кентаврийца. Некоторых инопланетян обижал любой интимный контакт с землянами, но кентавриец, похоже, не возражал. Его «резиновая» кожа на ощупь была изумительно мягкой и гладкой, вроде тончайшего презерватива.— Я целиком на вашей стороне. Экспортные законы — абсурдная и чрезмерная реакция. На нашей планете такое изобилие произведений искусства, что можно удовлетворить по-

требности искушенных коллекционеров вроде вас. Распространяя свою культуру по звездным мирам, мы нерасторжимо связываем себя с самой материей галактической цивилизации. Вот почему я делаю все, что в моих силах, чтобы лучшие шедевры Земли были доступны нашим гостям.

— А надежные экспортные лицензии вы сможете обеспечить? — спросила Агила.

Эйтел приложил палец к губам.

— Не будем обсуждать это сейчас, хорошо? Давайте наслаждаться этим вечером, а скучными проблемами коммерции займемся позже.— Он лучезарно улыбнулся.— Могу я предложить вам еще чаю?

«Пока все идет на редкость гладко»,— подумал он.

Контакт установлен, основные направления соглашения обозначены. Даже женщина не усложнила дело, как он опасался. Время отступить, расслабиться, дать взаимопониманию расцвести и окрепнуть.

— Вы танцуете? — неожиданно спросила Агила.

Он перевел взгляд на танцпол. Ригелиане, пошатываясь, тяжело топтались самым нелепым образом, словно танцующие медведи. Арктуриане и процио ниты, напоминающие связки блестящих металлических стержней, воодушевленно скакали вверх и вниз, а стеропиды с мечтательным видом выписывали феерические балетные па.

— Да, конечно,— ответил он немного испуганно.

— Потанцуете со мной?

Он смущенно бросил взгляд на кентаврийца, и тот милостиво кивнул.

— Анакхистос не танцует,— с улыбкой сказала она.— А я люблю. Сделаете мне одолжение?

Эйтел взял ее руку и повел женщину на танцпол. Во время танца он сумел взять себя в руки, двигался легко и грациозно. Инопланетяне откровенно разглядывали их — временами люди вызывали у них ужасное любопытство,— но эти взгляды не досаждали. Ее бедра были тесно прижаты к его бедрам, ее тяжелые крепкие груди прильнули к его груди. Осознав это, он почувствовал, как кровь заиграла в жилах, выкрикивая хорошо знакомый биохимический приказ: «Иди за ней, пообещай что-нибудь, скажи что-нибудь, сделай что-нибудь». Эйтел отмахнулся от этого.

Женщины есть везде — в Ницце, в Риме, в Афинах. Провернув сделку, он пойдет к одной из них.

— Агила — интересное имя,— сказал он.— Израильское?

— Нет.

Она произнесла это невозмутимо, но как бы поставила точку, лишив Эйтела пространства маневра. Его одолевали вопросы: кто она такая, как связалась с кентаврийцем, какова ее роль при нем, как, по ее мнению, пройдет сделка с кентаврийцем? Но одним спокойно произнесенным словом она захлопнула перед ним дверь. Эйтел сосредоточился на танце. Агила была гибкая, чуткая, ловкая. Но ее манера двигаться тоже казалась странной: как будто ноги скользят над полом, не доставая до него нескольких дюймов. Очень необычно. И голос... точнее, акцент... какой он? Эйтел повсюду побывал, но он никогда не сталкивался с таким произношением, с такой текучестью гласных, с таким... резонансным построением фраз, как будто она говорила и одновременно прислушивалась к своему эху. Наверняка происхождение у нее экзотическое — румынка, финка, болгарка. Нет, это недостаточно экзотично. Албанка? Литовка?

Однако больше всего сбивал с толку ее запах. Эйтел от природы был наделен обонянием, не уступающим нюху парфюмера, и аромат женщины значил для него не меньше, чем для обычного человека изгиб бедер или пышная грудь. Он был убежден — то, что исходит из пор, от подмышек и всевозможных отверстий, несет в себе истинную правду о теле, самую глубинную, самую надежную, самую возбуждающую. Он изучал эти запахи с пылом раввина и рвением ученого. Однако такого аромата он никогда не ощущал, точнее, такой смеси несочетаемых ингредиентов, и это ставило его в тупик. Какие-то удивительные новые духи? Возможно, завезенные с Арктура или Капеллы. Не исключено, хотя трудно представить, что такого эффекта можно достигнуть с помощью химических соединений. Это был ее собственный аромат. Но выделения какой таинственной железы могли породить это сочетание: смесь запаха морского ежа с медом? Через какой скрытый проток в ее кровь поступают и тимьян, и изюм? Почему от прозрачных капелек пота на безупречной верхней губе веет запахами граната, полыни и имбиря?

В поисках ответа на эти вопросы Эйтел заглянул ей в глаза: глубокие зеленые озера, спокойные, неземные. Они приводили в замешательство, как и все прочее, связанное с ней.

И он понял. Внезапно осознал, что ответ, немыслимый, невероятный и ужасающий, взывал к нему весь вечер и больше нельзя игнорировать его, каким бы немыслимым этот ответ ни казался. И как только Эйтел его принял, он услышал, что внутри возникает некий звук, очень похожий на свист нарастающего ветра и шум урагана, зародившегося на каком-то далеком острове.

Эйтел задрожал. Никогда прежде он не чувствовал себя таким беззащитным.

— Просто поразительно, как вы похожи на человека,— сказал он.

— Похожа?

— Внешне совершенно идентичны, как ни посмотри. Никогда не думал, что в разных мирах могут развиться такие схожие жизненные формы.

— И вы были правы — не могут,— сказала она.

— Вы же не с Земли.

Она улыбнулась. Похоже, она была почти довольна тем, что он сумел разглядеть ее маскарад.

— Нет.

— Кто же вы тогда?

— Кентаврианка.

Эйтел на мгновение прикрыл глаза. Ураган бушевал внутри него; он покачнулся и с трудом восстановил равновесие. Возникло ощущение, что он воспринимает этот разговор какой-то точкой позади своего правого уха.

— Но кентавриапцы выглядят...

— Как Анакхистос? Да, конечно. Когда мы дома. Но я сейчас не дома.

— Не понимаю.

— Это мое тело для путешествий,— пояснила она.

— Что?

— Это не слишком удобно — посещать некоторые миры в своем собственном теле. Воздух едкий, свет вредит глазам, проблемы с едой.

— Значит, вы просто «надеваете» другое тело?

— Некоторые из нас. Кто-то, как Анакхистос, безразличен к дискомфорту и даже видит в нем одну из целей путешествия. Но я из не таких. Отправляясь в другие миры, я предпочитаю переместиться в тело для путешествий.

— Ах! Да.

Эйтел автоматически двигался в ритме танца. Это просто костюм, говорил он себе. На самом деле она похожа на связку жердей, обтянутых резиной. Клапаны для дыхания на щеках, трехгранная щель для еды, полоса рецепторов вместо глаз.

— А эти тела? — спросил он.— Откуда они у вас?

— Ну, их изготовляют по нашим заказам. Несколько компаний этим занимаются. Человеческие модели стали доступны только сейчас. Очень дорогие, вы понимаете.

— Да. Конечно.

— Скажите, когда вы впервые поняли, что это маскировка?

— Я сразу почувствовал какую-то неправильность. Однако осознал, в чем дело, лишь несколько мгновений назад.

— Никто больше не догадывается, мне кажется. Это совершенное земное тело?

— Совершенное,— ответил Эйтел.

— После путешествий я без сожалений возвращаюсь в собственное тело. Однако это тело кажется мне настоящим. Вам оно тоже нравится?

— Да,— беспомощно ответил Эйтел.

Дэвид ждал его, прислонившись к своему такси. Одной рукой он обнимал за плечи марокканского мальчика лет шестнадцати, другой щупал груди смуглой женщины, похожей на француженку. Трудно сказать, с кем из них он развлекался этим вечером: с обоими, может быть. Этот жизнерадостный полиморфизм порой коробил Эйтела, но он знал: чтобы работать с Дэвидом, вовсе не обязательно всегда и во всем одобрять его. Когда бы Эйтел ни возникал в Фесе с новыми товарами, Дэвиду хватало двадцати четырех часов, чтобы найти для него клиента. Получая пять процентов комиссионных, он стал едва ли не самым богатым таксистом в Марокко — с тех пор, как Эйтел начал обделывать здесь дела с инопланетянами.

— Все на мази,— сказал Эйтел.— Поехали за товаром.

На губах Дэвида засверкала золотозубая улыбка. Он шлепнул женщину по заду, легонько похлопал мальчика по щеке, оттолкнул их обоих и открыл для Эйтела дверцу своего такси. Товар находился в отеле Эйтела под названием «Дворец Джамаи», в конце квартала аборигенов. Однако Эйтел никогда не занимался бизнесом в собственном отеле: на этот случай под рукой у него был Дэвид, который возил его туда и обратно между «Джамаи» и оте-

лем «Меринидес», за городской стеной, около древних королевских гробниц, где предпочитали останавливаться чужеземцы.

Ночь была мягкая, благоухающая, пальмы шелестели под легким ветерком, огромные красные соцветия гераней в лунном свете казались почти черными. Когда они ехали к старому городу с его лабиринтом извивающихся средневековых улочек, стенами и воротами, как из арабских сказок, Дэвид сказал:

— Ты не возражаешь, если я кое-что скажу? Это меня беспокоит.

— Валяй.

— Я наблюдал за тобой сегодня. Ты смотрел не столько на инопланетянина, сколько на ту женщину. Нужно выбросить ее из головы, Эйтел, и сосредоточиться на деле.

Ничего себе! Мальчишка вдвое моложе указывает ему, что надо делать. Это возмутило Эйтела, но он сдержался. От Дэвида, молодого и до недавних пор бедного, некоторые нюансы ускользали. Нельзя сказать, что он был равнодушен к красоте, однако красота это абстракция, а деньги это деньги. Эйтел не стал объяснять то, что парень сам поймет со временем.

— Ты говоришь мне: «выброси из головы эту женщину»? — спросил он.

— Есть время для женщин, и есть время для бизнеса. Это разные времена. Ты сам знаешь, Эйтел. Швейцарец это почти марокканец, когда дело касается бизнеса.

Эйтел рассмеялся.

— Спасибо.

— Я серьезно. Будь осторожен. Если она заморочит тебе голову, это дорого тебе обойдется. И мне тоже. Я в доле, не забывай. Даже если ты швейцарец, нужно помнить: бизнес отдельно, женщины отдельно.

— Я помню. Не беспокойся обо мне,— сказал Эйтел.

Такси остановилось около отеля. Эйтел поднялся к себе и достал из потайного отделения чемодана четыре картины и нефритовую статуэтку. Полотна были без рам, небольшие, подлинные и без особых претензий. Недолго думая, он выбрал «Мадонну Пальмового воскресенья» из мастерской Лоренцо Беллини: ученическая работа, но очаровательная, спокойная, простая — рыночная цена двадцать тысяч долларов. Он сунул картину в переносный футляр, а остальные вещи убрал — все, кроме статуэтки,

которую нежно погладил и поставил на комод перед зеркалом: что-то вроде алтаря.

«Алтарь красоты,— подумал он и хотел убрать и ее, но передумал. Она выглядела так прелестно, что он решил попытать счастья.— Попытать счастья — полезно для здоровья».

Он вернулся к такси.

— Картина хорошая? — спросил Дэвид.

— Очаровательная. Банальная, но очаровательная.

— Я не об этом спрашиваю. Она подлинная?

— Конечно,— немного резко ответил Эйтел.— Мы снова будем это обсуждать, Дэвид? Ты прекрасно знаешь, что я продаю только подлинные картины. Цена немного завышена, но они всегда подлинные.

— Есть кое-что, чего я никак не могу понять. Почему ты не продаешь подделки?

Эйтел вздрогнул.

— По-твоему, я мошенник, Дэвид?

— Конечно.

— Как все просто! Знаешь, мне не нравится твой юмор.

— Юмор? Какой юмор? Продавать ценные произведения искусства чужеземцам противозаконно. Ты продаешь их. Разве это не мошенничество? Никаких обид. Я называю вещи своими именами.

— Не понимаю, к чему ты завел этот разговор,— сказал Эйтел.

— Я просто хочу понять, почему ты продаешь подлинники. Продавать подлинники противозаконно, но вряд ли противозаконно продавать подделки. Понимаешь? Все два года я ломаю над этим голову. Денег столько же, риска меньше.

— Моя семья продает произведения искусства более ста лет, Дэвид. Ни один Эйтел никогда не продавал подделки. И не будет.— Это был его пунктик.— Послушай, может, тебе и нравится играть в эти игры со мной, но не заходи слишком далеко. Договорились?

— Прости, Эйтел.

— Прощу, если заткнешься.

— Тебе известно, что мне нелегко заткнуться. Можно, я скажу тебе еще кое-что и потом уже заткнусь?

— Валяй,— со вздохом ответил Эйтел.

— Я скажу вот что: ты совсем запутался. Ты мошенник, который считает, что он не мошенник. Понимаешь, о чем я? Это

скверно. Но пускай, ты мне нравишься. Я уважаю тебя. По-моему, ты прекрасный бизнесмен. Поэтому прости мне грубые замечания. Идет?

— Ты очень раздражаешь меня.

— Не сомневаюсь. Забудь, что я говорил. Заключи многомиллионную сделку, и завтра мы будем пить мятный чай, и ты дашь мне мою долю, и все будут счастливы.

— Мне не нравится мятный чай.

— Ну и ладно. Найдем что-нибудь другое.

Агила стояла в дверном проеме своего номера в отеле. При виде ее Эйтел снова вздрогнул, сраженный неодолимой силой ее красоты.

«Если она заморочит тебе голову, это тебе дорого обойдется,— вспомнил он и стал уговаривать себя: — Это все ненастоящее. Это маска».

Он перевел взгляд с Агилы на Анакхистоса: тот сидел, странным образом сложившись, словно огромный зонтик.

«Вот какая она на самом деле,— думал Эйтел.— Миссис Анакхистос с Кентавра. Ее кожа похожа на резину, рот — раздвижная щель, а надетое на ней сейчас тело создано в лаборатории. И тем не менее, тем не менее, тем не менее...»

Буря ревела внутри, Эйтела неистово шатало...

«Что, черт побери, со мной происходит?»

— Покажите, что вы принесли,— предложил Анакхистос.

Эйтел достал из футляра маленькую картину. Его руки слегка дрожали. В тесноте комнаты остро ощущались два аромата — сухой и заплесневелый, исходящий от Анакхистоса, и странная, неотразимая смесь несочетаемых запахов, испускаемых синтетическим телом Агилы.

— «Мадонна Пальмового воскресенья» Лоренцо Беллини, Венеция, тысяча пятьсот девяносто седьмой год,— сказал Эйтел.— Очень хорошая работа.

— Беллини чрезвычайно знаменит, я знаю.

— Знамениты Джованни и Джентили. Это внук Джованни. Он так же хорош, но не так известен. Вряд ли я смогу достать для вас картины Джованни или Джентили. Никто на Земле не может.

— Эта достаточно хороша,— сказал Анакхистос.— Истинный Ренессанс. И очень земная вещь. Конечно, подлинная?

— Только глупец попытался бы продать подделку такому знатоку, как вы,— сухо ответил Эйтел.— Можно организовать спектроскопический анализ в Касабланке, если...

— Ах, нет, нет, нет, я не подвергаю сомнению вашу репутацию. Вы безупречны. Мы не сомневаемся в подлинности картины. Но как быть с экспортным сертификатом?

— Пустяки. У меня есть документ, удостоверяющий, что это современная копия, сделанная студентом из Парижа. Химический тест возраста картины не производится — пока, по крайней мере. С таким сертификатом вы сможете вывезти картину с Земли.

— И какова цена? — спросил Анаххистос.

Эйтел сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, но вместо этого испытал головокружение, поскольку полной грудью вдохнул аромат Агилы.

— Если наличными, то четыре миллиона долларов,— ответил он.

— Есть другие варианты? — уточнила Агила.

— Я предпочел бы обсудить это с вами наедине,— сказал он.

— Можете открыто говорить в присутствии Анаххистоса все, что считаете нужным. Мы супруги и полностью доверяем друг другу.

— И все же я предпочел бы переговорить с вами лично.

Она пожала плечами.

— Хорошо. На балконе.

За пределами номера воздух был напоен ароматом ночных цветов, и запах Агилы ощущался меньше. Впрочем, это ничего не меняло. С трудом заставляя себе смотреть прямо на нее, Эйтел сказал:

— Если остаток ночи мы с вами проведем, занимаясь любовью, цена составит три миллиона.

— Это шутка?

— Отнюдь нет.

— Сексуальный контакт со мной стоит миллион долларов?

Эйтел представил себе, как ответили бы на этот вопрос его отец, его дед, его прадед. Их накопленный долгими годами здравый смысл давил на него, как горный хребет.

«Черт с ними»,— подумал он.

— Да. Все правильно.— Эйтел с удивлением слышал собственные слова.

— Вам известно, что это не мое настоящее тело.

— Да.

— Я инопланетянка.

— Да. Я знаю.

Агила устремила на него долгий испытующий взгляд.

— Зачем понадобилось выходить сюда, чтобы задать этот вопрос? — спросила она наконец.

— На Земле мужчинам не всегда нравится, если посторонний просит его жену лечь с ним в постель. Я не знал, как это воспримет Анакхистос. Я вообще плохо представляю себе реакции кентаврийцев.

— Я тоже кентаврийка,— заметила Агила.

— Вы не кажетесь мне чужой.

На ее лице вспыхнула и тут же погасла улыбка.

— Понимаю. Ну, давайте обсудим это с Анакхистосом.

Однако, как выяснилось, Эйтел в обсуждении участия не принимал. Он стоял рядом, остро ощущая собственное безрассудство и глупость, пока Агила и Анакхистос разговаривали на своем языке. Быстрые, резкие, жужжащие звуки; фантастический язык, не похожий ни на один земной. Пытаясь понять, как протекает беседа, Эйтел пристально вглядывался в их лица. Был ли Анакхистос шокирован? Он разозлился? Забавлялся? А она? Даже в человеческом облике Агила оставалась для Эйтела загадкой. Может, она презирает его за наглость и похоть? Или ей все равно? Может, она принимает его за примитивного скота, как люди смотрят на обезьян? Или умасливает мужа, чтобы тот позволил ей развлечься? Эйтел понятия не имел. Он чувствовал, что это недоступно его пониманию,— незнакомое и малоприятное ощущение. Пересохло горло, вспотели ладони, мысли смешались, однако отступать поздно.

Наконец Агила повернулась к нему.

— Мы договорились. Картина наша за три миллиона, а я ваша до рассвета.

Дэвид ждал его. И понимающе ухмыльнулся, когда Эйтел вышел из отеля под руку с Агилой. Но ничего не сказал.

«Я потерял несколько очков в его глазах,— подумал Эйтел.— Он считает, что я позволил безрассудству похоти вмешаться в дела бизнеса. Теперь я в его глазах человек несерьезный. Все гораздо сложнее, но Дэвиду это не понять».

Бизнес отдельно, женщины отдельно. Для этого таксиста Елена Троянская — пустой звук по сравнению с миллионом долларов; просто сучка, просто кайф. Значит, так тому и быть. Дэвид его никогда не поймет.

«Хотя кое-что он поймет,— виновато подумал Эйтел.— А именно то, что я уменьшил его долю на пятьдесят тысяч долларов, скосив Агиле миллион».

Впрочем, Эйтел не собирался посвящать в это Дэвида.

Когда они оказались в номере Эйтела, Агила сказала:

— Сначала мне хотелось бы немного мятного чая, хорошо? Это моя страсть, как вы знаете. Возбуждающее средство.

Жар нетерпения сжигал Эйтела. Бог знает сколько времени понадобится обслуге, чтобы в такой час принести чай, а, учитывая, сколько стоила ему эта ночь, он предпочел бы не терять ни минуты. Однако отказать Эйтел не мог. Не хотел выглядеть в ее глазах сексуально озабоченным школяром.

— Конечно,— ответил он.

И позвонил. Агила стояла у окна, глядя в ночной туман. Он встал у нее за спиной, прижался губами к ее шее и обхватил ладонями груди.

«Это чистое безумие,— думал он.— Я прикасаюсь не к ее настоящему телу. Это лишь синтетическая модель, изваяние, человекоподобная оболочка».

Не имеет значения. Не имеет значения. Перед ее красотой, пусть иллюзорной и фальшивой, он смог бы устоять. Именно эта потрясающая, нереальная красота привлекла его поначалу, однако сейчас его возбуждало другое — таящаяся под ней чужеземная тайна. Это и притягивало его: инопланетянка, звездная женщина, непостижимое существо из черных межзвездных глубин. Он прикоснется к тому, чего не касался ни один земной мужчина.

Эйтел вдыхал ее аромат, пока не почувствовал, что его шатает. При этом Агила издавала странные мурлыкающие звуки; он надеялся, что они выражают удовольствие.

В дверь постучали.

— Вот и чай,— сказала Агила.

Сонный официант, парнишка в туземных одеждах, явно завидовал тому, что у Эйтела в номере такая женщина. Ему понадобилась вечность, чтобы расставить стаканы и налить чай; он бесконечно медленно поднимал чайник, прицеливался и выпу-

скал из носика струйку густого чая. Наконец служитель ушел. Агила пила с жадностью и сделала Эйтелу знак присоединиться. Он улыбнулся и покачал головой.

— Нет, выпейте,— сказала она.— Мне так нравится чай... вы должны разделить со мной это чувство. Как ритуал любви.

Он не хотел спорить. Чашкой мятного чая больше, чашкой меньше, какая разница?

— За нас,— произнесла Агила и прикоснулась своим стаканом к его.

Эйтел сделал глоток — чистый жидкий сахар. Она выпила второй стакан, а потом, с ума сойти, третий. Он делал вид, что пьет. И наконец она дотронулась до застежки на плече, и платье из металлической сетки упало.

Да, кентаврийская лаборатория по изготовлению тел провела исследования на должном уровне. Агила оказалась безупречна — просто мечта: тяжелые груди, бросающие вызов силе тяжести, гонкая талия, бедра, способные свести с ума любого марокканского погонщика верблюдов, белоснежные полушария зада. А также пупок, и лобковые волосы, и способные напрягаться соски, и ямочки здесь и там, и еле заметные голубые вены на бедрах.

«Ненастоящая,— подумал Эйтел,— но изумительная».

— Это мое пятое тело для путешествий,— сказала она.— Я была арктурианкой, стеропидкой, денебианкой, мизарианкой — и каждый раз это было трудно, очень трудно! За перемещением в новое тело следует долгий период обучения, всегда непростой. Но потом наступает момент, когда тело ощущается как естественное и настоящее. Вот это — я буду по нему сильно скучать.

— И я тоже,— ответил Эйтел.

Он быстро разделся. Она подошла к нему, слегка коснулась губами его губ, скользнула сосками по его груди.

— А теперь вы должны сделать мне подарок,— сказала она.

— Что?

— Так принято. Перед тем как заняться любовью, надо обменяться подарками.— Она взяла кулон, покоящийся между ее грудей,— кусочек сверкающего кристалла с резным чужеземным узором из пульсирующих завитков.— Это вам. А мне...

«О господи! — подумал он.— Нет!»

Ее рука сомкнулась на нефритовой скульптуре, стоявшей на комоде.

— Вот это,— закончила Агила.

Эйтелу стало нехорошо. Эта маленькая статуэтка на международном рынке древностей стоит восемьдесят тысяч, а инопланетянину он толкнул бы ее за миллион или два. Подарок? Знак любви? Он увидел, как мерцают ее глаза, и понял, что угодил в ловушку. Откажешь — и потеряешь все остальное. Он не рискнул проявить мелочность. Да. Пусть забирает эту проклятую вещицу. У нас поистине романтическая ночь. Мы делаем благородные жесты. Он не станет вести себя как мелкобуржуазный швейцарский торговец нелегальными произведениями искусства.

«Это дорого тебе обойдется»,— говорил Дэвид. Эйтел сделал глубокий вдох.

— С удовольствием,— сказал он.

Он был опытным, искусным любовником. Красота всегда пробуждала в нем все самое лучшее, а гордыня заставляла желать, чтобы Агила вернулась на Кентавр с ярчайшими воспоминаниями об эротическом искусстве Земли. Его вдохновение — слово «вдохновение» казалось ему единственно уместным — этой ночью, возможно, достигло своего пика.

Сначала он действовал губами и языком. Везде. Пальцами, медленно, терпеливо, отыскивая тайные чувствительные местечки, неожиданные пусковые точки. Ногтями, нежно-нежно, и ресницами, и даже успевшей отрасти щетиной на щеках. Эйтелу нравилось этим заниматься, он не просто хотел воздействовать на партнершу, но получал наслаждение сам по себе. Тем не менее никогда раньше он не действовал с такой отдачей и умением, как сейчас.

«Может быть,— подумал он,— теперь она продемонстрирует мне, на что способна».

Однако Агила лежала, как восковая кукла. Изредка шевелилась, изредка чуть-чуть двигала бедрами. Войдя в нее, Эйтел ощутил теплоту и влагу («Интересно, зачем им понадобилось имитировать даже это?» — удивился он). Но от Агилы он не чувствовал никакого ответа. Совсем ничего.

Чего только он с ней ни делал! Провел через все позиции, как будто они участвовали в обучающем фильме для молодоженов. Время от времени она улыбалась и никогда не закрывала глаз — чувствовалось, что она очарована. Эйтел ощутил нарастающую

злость. Агила оставалась туристкой и здесь, в его постели. Из первых рук получала знания о необычной сексуальной технике примитивных землян.

Понимая, что поступает глупо, и чем дальше, тем глупее, он терзал ее тело с безумной энергией, ритмично покачивался на ней, угрюмо входил в нее снова и снова.

«Давай же! — думал он.— Извивайся, издай хотя бы вздох, хотя бы стон! Реагируй как-нибудь!»

Он уже не стремился к тому, чтобы она кончила. Зачем они стали бы встраивать в фальшивое тело эту способность? Он хотел одного: подтверждения самого факта своего существования, хотя бы легкой дрожи одобрения.

Понимая, что все его труды напрасны, Эйтел все равно не отступал. Затем, к его удивлению, что-то и в самом деле произошло. Щеки Агилы вспыхнули, глаза превратились в щелочки, замерцали новым блеском, дыхание стало прерывистым и хриплым, груди напряглись, соски отвердели. Все признаки, да.— Эйтел наблюдал их бессчетное множество раз и никогда не радовался им так, как сейчас. Он знал, что делать. Не снижать темп, увеличивать напряжение, подводя ее к магическому моменту перегрузки, когда бдительное сознание капитулирует под натиском глубинных сил. Да. Да. Доблестный землянин отдает себя трансгалактической страсти, трудится, как раб на галерах, чтобы продемонстрировать звездной женщине истинное слияние полов.

Похоже, ему это удалось. Теперь она часто и тяжело дышала, даже задыхалась. Эйтел улыбнулся и поздравил самого себя.

«Швейцарская точность,— подумал он.— Не стоит недооценивать ее».

А потом Агила каким-то образом умудрилась выскользнуть из-под него, между одним толчком и другим, перекатилась на бок и вскочила с постели. Он в изумлении рухнул на подушки, сел и посмотрел на нее, ошеломленно открыв рот.

— Прошу прощения,— сказала она небрежно.— Думаю, мне нужно выпить еще чаю. Вам налить?

Эйтел едва сумел заговорить.

— Нет.— прохрипел он.

Она налила себе стакан, выпила и состроила гримасу.

— Теплый он не такой вкусный. Ну, продолжим? — спросила она, возвращаясь в постель.

Не говоря ни слова, он потянулся к ней и даже сумел снова начать. Однако на этот раз их разделяло расстояние в тысячу световых лет. Бесполезно было разжигать пламя, вспыхнувшее так ненадолго, и спустя несколько мгновений он сдался. Он чувствовал себя навсегда отрезанным от ее внутренней сущности — как Земля отрезана от звезд. Он выдохся и устал, злился больше на себя, чем на нее, и позволил себе кончить, продолжая холодно, пристально смотреть ей в глаза. Ощущения оказались неожиданно мощными: как будто удар прошил тело, и он упал на грудь Агиле, крепко вцепившись в нее.

И в этот мрачный миг произошло чудо. Пока он сотрясался и дрожал в судорогах безрадостного семяизвержения, что-то открылось между ними, какой-то барьер или дверь, отель растаял и исчез, а Эйтел оказался в центре причудливого ландшафта. Небо было глубокого золотисто-зеленого цвета, солнце темно-зеленое, жаркое, деревья, цветы и другие растения отличались от всего, что ему доводилось видеть на Земле. Воздух насыщенный, ароматный, с острым запахом, обжигающим ноздри. Над головой медленно летали какие-то существа, но это были не птицы, а по нижним ветвям деревьев, как бы опушенных мехом, на трех лапах скользили звери, похожие на красные бархатные подушки. На горизонте Эйтел видел три голые зубчатые горы из желто-коричневого камня, мерцающие в солнечном свете, как полированный металл. Он задрожал. Удивление и ужас лишили его мужества. Это парк, понял он, самый прекрасный парк в мире. Но не в этом мире. Он увидел еле заметную тропу, ведущую к округлому холму, пошел по ней и, поднявшись, оглянулся и увидел кентаврийцев, прогуливающихся парами, рука об руку, по изящному саду.

«О господи! — подумал Эйтел.— Господи боже!»

Потом все начало таять, истончаться, словно было соткано из дыма, и через мгновение исчезло. Он по-прежнему лежал рядом с Агилой, хрипло дышал и глядел, как медленно вздымаются и опадают ее груди.

Он приподнял голову. Она внимательно рассматривала его.

— Вам понравилось?

— Понравилось что?

— То, что вы видели.

— Значит, вы знаете?

Она выглядела удивленной.

— Конечно! Вы думаете, это произошло случайно? Нет, это мой подарок вам.

— Ах!

Художественная открытка с видом родного мира, подаренная аборигену за его усердие.

— Это было замечательно. Никогда не видел ничего прекраснее.

— Прекрасно, да,— самодовольно сказала Агила и добавила с улыбкой: — Это было очень интересно — то, что произошло в конце, когда вы дышали так тяжело! Нельзя ли повторить? — спросила она, будто он выполнил некий ловкий трюк.

Он угрюмо покачал головой и отвернулся — было невыносимо смотреть в эти изумительные глаза. Эйтел не знал точно когда, но где-то между «Нельзя ли повторить?» и рассветом он заснул. Потом она разбудила его, мягко тряся за плечо. Между старыми шелковыми занавесками в номер прорывался яркий утренний свет.

— Я ухожу,— прошептала она.— Но мне хочется поблагодарить вас. Эту ночь я никогда не забуду.

— Я тоже,— сказал Эйтел.

— Пережить реальность земных ощущений так интимно, так непосредственно...

— Да. Конечно. Для вас это, должно быть, очень необычно.

— Если вы когда-нибудь попадете на Кентавр...

— Несомненно. Я навещу вас.

Она легко поцеловала его — в кончик носа, в лоб, в губы. И направилась к двери. Уже взявшись за ручку, повернулась к Эйтелу.

— Ох, еще одна мелочь, которая вас позабавит. У нас, знаете ли, нет ничего в этом роде... я имею в виду концепцию владения телом супруга. В любом случае, Анакхистос не мужчина, а я не женщина. Во всяком случае, не в полной мере. Мы супруги, но наши половые различия не так четко разграничены — примерно как у ваших устриц. Поэтому не совсем правильно говорить, что Анакхистос мой муж, а я его жена. Я подумала, вам интересно будет это узнать.— Она послала ему воздушный поцелуй.— Все было восхитительно. Прощайте.

После того как она ушла, Эйтел подошел к окну и долго глядел в сад, почти ничего не различая. Он чувствовал себя усталым, выжженным, ощущал во рту привкус соломы.

Когда позже он вышел из отеля, его поджидал Дэвид со своим такси.

— Садись,— сказал он.

Они в молчании поехали в кафе, где Эйтел никогда не бывал, в новом квартале города. Дэвид что-то сказал хозяину по-арабски, и тот принес мятного чая на двоих.

— Мне не нравится мятный чай,— сказал Эйтел.

— Пей. Он смывает любой скверный вкус. Как все прошло ночью?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Ты и эта женщина... вы трахались?

— Не твое дело.

— Пей чай, пей,— настаивал Дэвид.— Все вышло не слишком хорошо?

— Почему ты так решил?

— Ты не выглядишь довольным.

— На этот раз ты ошибаешься. Я получил все, чего хотел. Понятно? Я получил все, чего хотел.

Возможно, Эйтел говорил излишне громко, излишне агрессивно, поскольку на лице марокканца возникло насмешливое понимающее выражение.

— Да. Конечно. И какова сумма сделки? Это ведь мое дело?

— Три миллиона наличными.

— Всего три?

— Три,— повторил Эйтел.— Я должен тебе сто пятьдесят тысяч. По-моему, нормально — сто пятьдесят тысяч за пару часов работы. Благодаря мне ты становишься богатым человеком.

— Да. Очень богатым. Но на этом все, Эйтел.

— Что?

— Ищи себе другого парня, ладно? И я буду работать с кем-нибудь другим. Может быть. Тебе известно, что других полным-полно? С ними будет спокойнее. Никуда не годится, когда не доверяешь партнеру.

— Не понимаю, о чем ты.

— Сегодня ночью ты ушел с этой женщиной. Это было ужасно глупо. Плохо для дела. Ты должен был ей заплатить. И хотел бы я знать, какую часть моих денег ты ей заплатил?

Дэвид всегда улыбался. Иногда по-дружески, а иногда — просто улыбался. Внезапно перед внутренним взором Эйтела воз-

никло видение: он лежит в одном из переулков старого города, истекая кровью. Потом еще одно: он на допросе у таможенников. Дэвид имеет над ним большую власть, осознал он.

Эйтел вдохнул полную грудь воздуха.

— Меня возмущает этот намек на то, что я обманул тебя. С самого начала я был предельно честен, ты сам знаешь. И если ты думаешь, будто я купил эту женщину, послушай меня: она вообще не женщина. Она инопланетянка. Некоторые из них, отправляясь в путешествие, надевают человеческие тела. Под этой эффектной плотью скрывается кентаврийка, Дэвид.

— Ты ласкал ее?

— Да.

— Ты входил в нее?

— Да.

Дэвид встал. Вид у него был такой, будто он только что обнаружил в своей чашке крысенка.

— В таком случае я очень рад, что мы больше не партнеры. Перешли мне деньги обычным путем. И пожалуйста, держись от меня подальше, когда будешь в этом городе.

— Постой,— сказал Эйтел.— Отвези меня обратно в отель. Мне нужно продать еще три картины.

— В этом городе полным-полно таксистов,— отрезал Дэвид.

После его ухода Эйтел тупо смотрел на свой мятный чай и размышлял над тем, ждать ли от Дэвида неприятностей. Потом он выкинул из головы мысли о Дэвиде и стал думать о золотистом ландшафте и зеленом солнце — полярке Агилы. Руки у него заледенели и слегка дрожали. Он понял, что больше всего на свете хотел бы увидеть это снова. Интересно, такую штуку может проделать для него любой кентавриец или это маленький трюк, доступный лишь Агиле? А другие чужеземцы? Он представил себе, как шатается по ночному клубу, ищет новых клиентов, по ходу дела прижимаясь то к одному странному существу, то к другому в отчаянной попытке повторения этого сверхъестественного оргазма, который унес его к звездам.

«Новый вид извращения,— подумал он.— Даже Дэвиду стало противно».

Он попытался представить себе, каково это — оказаться в постели с веганкой, арктурианкой или стеропилкой. Господь всемогущий! Неужели он на такое способен? Да, ответил он себе,

думая о зеленом солнце и незабываемом аромате чужеземного воздуха. Да. Да. Конечно способен. Конечно.

Внезапно во рту возник странный сладкий вкус. Эйтел осознал, что безотчетно он только что сделал большой глоток мятного чая. Он улыбнулся. Его ведь не стошнило? Нет? Он сделал еще глоток. Затем, медленно и решительно, допил весь чай. Бросил на прилавок несколько монет и вышел из кафе в поисках такси.

Симбионт

Спустя десять лет после того, как я оставил вооруженные силы и работал на поворотном колесе на станции Бетельгейзе, Фазио все еще преследовал меня. Нет, он не умер — ведь других людей обычно преследуют покойники. Меня преследовал живой. Для нас обоих было бы гораздо лучше, если бы он умер, но Фазио, насколько я знал тогда, был жив.

Он преследовал меня долгое время. Три-четыре раза в год неизвестно откуда раздавался его тонкий сухой голос. Он говорил мне:

— Прежде чем углубиться в эти джунгли, давай договоримся. Если синсим доберется до меня, ты убьешь меня немедленно, слышишь, Чолли? Не смей вызывать никаких дерьмовых спасателей. Просто убей меня, и все. А я сделаю то же для тебя. Договорились?

Это происходило на планете Вайнштейн в системе Сервадак, в конце второй войны с овоидами. Нам было по двадцать. Добровольцы, два тупых парня, разыгрывающие из себя героев.

— Можешь спорить на свою задницу, я так и сделаю,— ответил я ему, не колеблясь ни секунды.— Договорились. Не сомневайся.

Потом я ухмыльнулся, мы пожали друг другу руки и отправились выполнять поставленную перед нами задачу: распространять споры.

В то время я думал, что говорю совершенно искренне. Иногда мне и сейчас кажется, что это было именно так.

Десять лет. Как сейчас вижу нас обоих на Вайнштейне, отправляющихся распространять споры лэтченанго во вражеской зоне. Овоиды захватили эту планету в самом начале войны, но мы

© Перевод Б. Жужунавы.

начинали вытеснять их из системы. Фазио и я — вот и весь отряд: в галактической войне доставка каждого человека обходится дорого, поэтому с людьми туго. Но за нашими спинами, в холмах, скрывалась большая группа поддержки.

Вайнштейн был стратегически важен, бог знает почему. Два небольших континента — оба тропические, с влажными густыми джунглями, воздух как зеленый суп,— окруженных огромным бушующим океаном. Земля не стала колонизировать эту планету — совершенно бесполезный мир, как мне объяснили однажды. Но когда-то он был нашим, и овоиды захватили его, а мы хотели вернуть обратно.

Сделать это мы собирались вот каким образом: захватить дюжину или около того овоидов, нашпиговать спорами лэтченанго, и пусть шлепают к себе на базу. Ни одна жизненная форма так не нравится лэтченанго в качестве «хозяина», как овоиды. Овоиды, как им и положено, обычно скрывали от своих, что с ними произошло: их сразу бы убили, если бы узнали, что они стали носителями смертоносных паразитов. Носителям в любом случае предстояло умереть — инфекция лэтченанго смертельна для овоидов,— но к тому времени, когда они умрут, примерно через шесть стандартных недель, лэтченанго пройдут через три или четыре репродуктивных цикла и вся армия будет заражена. Нам оставалось лишь дождаться, пока все овоиды умрут, захватить планету, очистить ее и снова поднять свой флаг. Лэтченанго по большей части тоже погибнут, поскольку им трудно найти других подходящих «хозяев». Но даже если этого не произойдет, волноваться не стоило. Людям лэтченанго не создают никаких серьезных проблем. Самое худшее, что, имея дело со спорами, вы немного их вдыхаете и они пару недель раздражают ваши легкие, что вызывает мерзкий кашель, пока все споры не выйдут.

В ответ на наших лэтченанго овоиды «подарили» нам синсимов.

Синсимы — первое, о чем вы слышите, прибыв в военную зону; и то, что вы слышите, ужасно. Вы не знаете, сколько в этом вымысла и пустой болтовни, а сколько правды, но даже если отбросить семьдесят пять процентов, от оставшегося мороз по коже идет.

— Если он до вас доберется,— советовали нам «старички»,— тут же убивайте себя, пока есть возможность.

Переносчики синсимов бродили вдоль периметра каждого лагеря овоидов, вынюхивая людей. Синсимы — не паразиты, а синтетические симбионты: если они проникали в вас, то оставались в вашем теле сколь угодно долго.

В школах нас учат, что симбиоз — взаимовыгодное состояние для его участников. Может быть. Однако в военной зоне ходили слухи, что если синсим поселится в вашем теле, это определенно не улучшит качество вашей жизни. И хотя военные медики не жалели усилий, чтобы вы уцелели после нападения синсима,— они не допускали и никогда не допустят эвтаназии,— по всему, что мы слышали, вы сами не захотите уцелеть.

Тот день, когда мы с Фазио отправились в джунгли, был похож на все другие дни на Вайнштейне: влажный, жаркий, дождливый. Мы пристегнули бачки со спорами и пошли, прокладывая себе путь сквозь завесы переплетенных вьющихся растений с помощью ручных тепловых излучателей. Влажная пружинящая почва имела багряный оттенок, заросшие зелеными водорослями озера переливались на свету.

— Вот тут мы построим взлетно-посадочную полосу отеля,— жизнерадостно разглагольствовал Фазио.— Там будут бассейн и коттеджи, здесь теннисные корты, а на дальнем конце...

— Осторожно! — воскликнул я и сбил низко летящий крылатый палец горячим фиолетовым лучом.

Он упал и рассыпался в пепел у наших ног. Тут же появился второй, собрат первого; этот летел на уровне глаз, нацелившись острым как бритва клювом мне в горло, однако Фазио ловко сбил и его. Мы поблагодарили друг друга. Крылатые пальцы — изящные создания: крошечная пулька, почти невесомая, с чешуйчатой серебристой шкурой, сияющей ярким лунным светом. Есть у них такая привычка — целиться в шею. В тот день мы убили двенадцать, и этого мне хватит на всю оставшуюся жизнь. Продвигаясь вглубь джунглей, мы так же эффективно расправлялись с другими враждебными созданиями — спиральными червями, глазастыми мухами, лощинными ягодами, прокаженными летучими мышами и другими мерзкими местными тварями. Мы представляли собой прекрасную команду: быстрые, сообразительные, умело защищающие друг друга.

Углубившись на полтора километра, мы любовались огромным плотоядным грибом, когда наткнулись на первого овоида. Гриб представлял собой мясистую красную фаллическую башню

трехметровой высоты, с оранжевыми жабрами, снабженную дюжиной свисающих плетевидных конечностей с зелеными клейкими наростами на концах. На большинстве конечностей висели маленькие лесные существа на различных стадиях переваривания. Прямо у нас на глазах одна конечность поднялась, развернулась, втрое удлинилась и, руководствуясь безошибочным условным рефлексом, хлопнула липким наростом по какой-то проползавшей мимо многоножке размером с кота. У бедняги не было ни малейшего шанса вырваться — убийца мгновенно выбросил нечто вроде проволочной сетки, утонувшей в плоти жертвы, и все было кончено. Мы чуть не зааплодировали.

— Нужно будет посадить три таких в саду отеля,— заявил я,— и рядом повесить расписание кормежки. Такое шоу для гостей!

— Ш-ш-ш! — сказал Фазио, тыча куда-то пальцем.

На расстоянии около пятидесяти метров безмятежно скользил вдоль лесной тропинки одинокий овоид, явно не замечавший нас. Я затаил дыхание. Все знают, как выглядят овоиды, но тогда я впервые столкнулся с живым. И удивился тому, насколько он красив — конусообразный, как бы из твердого желе, бледно-голубой с красными и золотистыми прожилками. Вдоль боков тянулись три ряда глаз на коротких стебельках, очень похожие на медные пуговицы. Вокруг ротового отверстия на макушке торчали пучки изящных щупальцев. Бирюзовая лента нервного канала многократно обвивала тело на уровне середины, окружая слабо различимый в непрозрачной глубине темный мозг в форме сердца. Враг. Мне внушали, что надо ненавидеть их, и я ненавидел, но не мог не отметить их странной красоты.

Фазио улыбнулся, прицелился и вогнал прямо в плоть овоида парализующую иглу. Тот замер на середине движения, его цвет изменился на темно-красный, маленькие ротовые щупальца бешено замолотили по воздуху. Мы бросились к нему, и я воткнул кончик своего распылителя спор примерно на пять сантиметров в его плоть.

— Вкати ему хорошенько! — закричал Фазио.

Я закачал пару кубиков спор лэтченанго в парализованного чужеземца. Его мягкая, подрагивающая плоть стала голубовато-черной от страха, ярости и бог знает каких еще эмоций, присущих овоидам. Мы с Фазио кивнули друг другу и пошли дальше. Лэтченанго принялись размножаться внутри «хозяина»; через полчаса овоид обретет способность двигаться и потащится в свой

лагерь, где будет заражать товарищей. Забавный способ вести войну.

Второй овоид, час спустя, оказался хитрее. Он понял, что его заметили, и решил ускользнуть, зигзагом двигаясь через зону ручьев и тонких деревьев странным и почти величественным манером: словно очень торопился, но при этом старался, чтобы у него не сдуло шляпу. Овоиды по природе своей не приспособлены быстро двигаться, но этот оказался шустрым, был полон решимости и умело прятался то за одной скалой, то за другой. Не один раз мы теряли его из виду и начинали опасаться, что он может зайти сзади и напасть на нас, пока мы стоим, удивленно разинув рты.

В конце концов мы загнали его между двух быстрых мелких ручьев, зайдя с обеих сторон. Я вскинул пистолет с парализующими иглами, Фазио приготовил распылитель спор, и как раз в этот момент что-то серое, похожее на башмак длиной сантиметров пятнадцать, выскочило из левого ручья и облепило рот и горло Фазио.

Он рухнул, сопя, хрипя и отчаянно стараясь сорвать с себя эту штуку. У меня мелькнула мысль, что это какая-то рыба-убийца. Задержавшись только для того, чтобы вогнать иглу в овоида, я сбросил свое снаряжение и прыгнул к Фазио.

Он катался по земле, дико вытаращив глаза от боли и в ужасе колотя по земле ногами. Я уткнул локоть ему в грудь, чтобы остановить его, и обеими руками вцепился в эту проклятую штуку у него на лице. Это было все равно что пытаться содрать с него кожу, но одно мне удалось — я оторвал ее от губ Фазио, дав ему возможность выдохнуть:

— Синсим... думаю, это синсим...

— Нет, парень, просто какая-то мерзкая рыба,— сказал я.— Держись, я сейчас отдеру остальное...

Фазио со страдальческим выражением лица покачал головой.

Потом я увидел, как две тонкие прозрачные жилки выскользнули из этой штуки и исчезли в его ноздрях. И понял, что он прав.

Я ничего не слышал ни от него, ни о нем после конца войны, да и не хотел слышать, но был уверен, что Фазио все еще жив. Не знаю, почему. Надо полагать, дело в том, что я верю в своеправие вселенной.

В последний раз я видел Фазио в наш последний день на Вайнштейне. Мы оба были освобождены от военной службы по состоянию здоровья. Меня для обычного выведения спор из организма отправляли в крупный госпиталь на Диммеранге, а Фазио — на карантинный пункт на Дон Кихоте. И когда мы бок о бок лежали на станции, я на стандартных носилках, а Фазио в прозрачном изолирующем «пузыре», он поднял голову — мне показалось, с огромным усилием,— яростно посмотрел на меня глазами, в которых уже проступили красные концентрические круги синсима, и что-то прошептал. Расслышать слова сквозь стенку «пузыря» я не мог, но я их почувствовал — ну, как на расстоянии в половину парсека чувствуют свет бело-голубого солнца. Кожа его мерцала. Ужасающая жизнестойкость симбионта внутри человеческого организма была очевидна. Я очень хорошо представлял себе, что именно Фазио пытался сказать мне.

«Теперь я спаян с этой штукой на тысячу лет. И каждую минуту этого времени я буду ненавидеть тебя, Чолли».

Потом его забрали. Он поплыл по пандусу в летящий на Дон Кихот корабль. Когда он скрылся из виду, я почувствовал облегчение — как будто раньше на меня давили шесть или семь g, а теперь я освободился от этой ноши. До меня дошло, что я никогда больше снова не увижу Фазио. Не буду смотреть в эти глаза с красными кругами, в которых светился упрек, и на его упругую мерцающую кожу. Так, по крайней мере, я считал на протяжении последующих десяти лет, пока не попал на станцию Бетельгейзе.

Гром среди ясного неба: он здесь, стоит рядом со мной в комнате отдыха на Северной Спице. Моя смена только что окончилась, и я балансировал на краю плавательной сети, собираясь нырнуть.

— Чолли? — негромко сказал он.

Голос Фазио, никаких сомнений; правда, я осознал это немного позже. Но в тот момент мне даже в голову не пришло воспринять этого фантастического гнома, похожего на человека, как Фазио. Я таращился на него, но ни тени чего-то знакомого разглядеть не мог. На вид ему было семь миллионов лет: сморщенный, бесплотный, невесомый, с густыми грубыми волосами, похожими на белую солому, и странно мягкой, мерцающей, прозрачной кожей, похожей на истончившийся от времени пергамент. В ярком свете комнаты отдыха он почти закрыл глаза, так

что остались лишь щелочки; но потом, отвернувшись от светящихся шаров, приоткрыл их достаточно, чтобы я увидел яркие красные круги вокруг зрачков. Волосы у меня на затылке встали дыбом.

— Ну же,— сказал он.— Ты узнал меня. Да. Да.

Голос, скулы, губы, глаза... Глаза, глаза, глаза. Да, я узнал его. Но это невозможно! Фазио? Здесь? Как? Столько времени прошло, в стольких световых годах отсюда! И тем не менее... тем не менее...

Он кивнул.

— До тебя дошло, Чолли. Ну, говори! Кто я?

При первой попытке я не смог произнести ни слова, только брызгал слюной. Однако со второй попытки сумел произнести его имя.

— Ага,— кивнул он.— Фазио. Вот так сюрприз.

Он сам, однако, удивленным не выглядел. Думаю, он несколько дней наблюдал за мной, прежде чем подойти: изучал, проверял, желая убедиться, что это действительно я, привыкая к мысли, что он и впрямь нашел меня. Иначе его лицо непременно выразило бы удивление. Найти меня — найти кого угодно среди звезд — чрезвычайно маловероятно. Это столь редкостное стечение обстоятельств, что в него и поверить трудно. Я понимал, что он никак не мог сознательно гоняться за мной, ведь Галактика так велика, что сама идея отыскать в ней кого бы то ни было невероятно глупа. И все же он меня как-то нашел. Если вселенная и впрямь бесконечна, миллиард раз на дню в ней должны происходить самые невероятные события.

— Просто не верится...— дрожащим голосом сказал я.

— Правда? Эй, выше нос! Это сюрприз, парень, понял? Понял? — Он хлопнул меня по плечу.— А ты хорошо выглядишь, парень. Красивый такой, здоровый. Держишь себя в форме. Сколько тебе сейчас, тридцать два?

— Тридцать.— Я оцепенел от потрясения и страха.

— Тридцать. Ммм... Значит, и мне тоже. Замечательный возраст. Лучшая пора жизни.

— Фазио...

Это было жутко — как хорошо он владел собой.

— Брось, Чолли! У тебя такой вид, словно ты вот-вот обделаешься. Ты что, не рад видеть старого друга? По-моему, мы слав-

но повоевали вместе. Разве нет? Как называлась та проклятая планета? Вайнберг? Вайнфилд? Эй, эй, не гляди на меня так!

Я не мог выдавить ни слова и наконец прохрипел:

— Чего, черт побери, ты от меня хочешь, Фазио? Я как будто вижу призрак.

Он наклонился поближе, широко раскрыв глаза. Я мог бы сосчитать в них концентрические красные круги, очень четкие линии: их было десять или пятнадцать.

— Я хочу, чтобы ты был Христом,— негромко сказал он с безмерной болью, с испепеляющей ненавистью.

Мне страстно захотелось бежать от него, но не было способа. Он устремил на меня долгий, уничтожающий взгляд. Потом слегка расслабился, мрачная напряженность как будто покинула его. Почти беспечно Фазио сказал:

— Нам нужно о многом поговорить, Чолли. Ты знаешь поблизости какое-нибудь спокойное местечко, куда мы можем пойти?

— Гравитационная гостиная...

— Конечно. Гравитационная гостиная.

Мы плавали лицом к лицу, при половинной силе тяжести.

— Ты обещал убить меня, если эта дрянь до меня доберется,— бормотал Фазио.— Так мы договорились. Почему ты не сделал этого, Чолли? Почему, черт побери, ты не сделал этого?

Было невыносимо смотреть в эти глаза с красными кругами.

— Все произошло слишком быстро. Откуда я мог знать, что спасатели прибудут через пять минут?

— Пяти минут достаточно, чтобы выстрелить человеку в грудь тепловым лучом.

— Меньше пяти минут. Три. Две. Оказывается, «поплавок» спасателей был прямо над нашими головами! Они прикрывали нас все время. И тут же слетели вниз, как стая проклятых ангелов, Фазио!

— У тебя было время.

— Я подумал, вдруг они и впрямь спасут тебя,— невразумительно объяснил я.— Уж очень быстро они появились.

Фазио хрипло рассмеялся.

— Они пытались спасти меня. Честь им и хвала за это. Пять минут, и я оказался в «поплавке», и внутри меня трудились нано-

доктора, вычищая синсимовую пакость из легких, сердца и печени.

— Правильно. Я на это и надеялся.

— Ты обещал прикончить меня, Чолли, если я заражусь.

— Но спасатели были прямо над нами!

— Они трудились надо мной, как сукины дети,— повторил он.— Они сделали все, что могли, а могли они многое. Могли очистить жизненно важные ткани, могли удалить органы вместе с синсимом и заменить их трансплантатами. Но одного они не могли — убрать эту дрянь из мозга, понимаешь? Синсим проникает через нос прямо в мозг и запускает свои щупальца в оболочку, нервную ткань и проклятое мозолистое тело. А оттуда уже повсюду. В мозжечок, в спинной мозг. Невозможно очистить от синсима мозг, не повредив его ткань. И вынуть мозг, заменив его новым, тоже невозможно. Через тридцать секунд после попадания в нос синсим проникает в мозг — и все, твоя песенка спета, как бы тебя ни лечили. Разве ты не слыщал этих ужасных баек, когда попал в военную зону?

— Я думал, это просто ужасные байки,— пролепетал я.

Он покачивался туда и обратно в своей гравитационной люльке. И молчал.

— Расскажи, на что это похоже. — после паузы попросил я.

Фазио пожал плечами и заговорил, как будто находился за тысячу километров отсюда.

— На что похоже? Ах, нельзя сказать, что все так уж чертовски плохо, Чолли. Это как иметь соседа по комнате. Он живет вместе с тобой у тебя в голове, и так будет всегда, и тебе от него не избавиться. Вот и все. Или будто у тебя зуд, и ты не можешь перестать чесаться. Словно ты оказался в замкнутом пространстве, граница которого всего на сантиметр отстоит от твоего тела, и знаешь, что замурован в нем на миллион лет.— Он перевел взгляд на прозрачную стену гостиной, за которой, очень далеко, пылал красный гигант Бетельгейзе.— Синсим иногда разговаривает с тобой. Ты никогда не бываешь один, понимаешь? Говорит на непонятном языке, просто сидит внутри и бессвязно бормочет всякую тарабаршину. И все же это компания. Иногда он заставляет тебя бессвязно бормотать всякую тарабаршину, в особенности если ты хочешь сказать что-то важное. Видишь ли, время от времени он захватывает контроль над моими верхними мозговыми центрами. Поскольку они автономны, он делает с ними

все, что ему вздумается. Влезает в зоны боли и симулирует что-нибудь... ампутацию без анестезии, скажем. Так, ради развлечения. Собственного развлечения. Или ты в постели с женщиной, а он отключает твой механизм эрекции. Или, наоборот, устраивает тебе эрекцию, и она длится шесть недель. Опять же для развлечения. Может резвиться с твоими туалетными навыками. Я постоянно ношу памперс. Разве не мило, Чолли? Вынужден делать это. Могу опьянеть, не выпив ни капли спиртного. И все время ощущаю, что он здесь, щекочет меня. Будто под черепом ползает муравей. Или червяк в носу. Все в точности так, как парни рассказывали, когда мы прибыли в военную зону. Помнишь? «Убей себя быстро, пока есть шанс». У меня не было шанса. У меня был ты, Чолли, и мы с тобой договорились, но ты отнесся к нашей договоренности несерьезно. Почему, Чолли?

Его глаза прожигали меня насквозь. Я отвернулся и тут заметил плывущие по воздуху длинные золотистые волосы Элисандры. Она тоже заметила меня и помахала рукой. Обычно мы встречались здесь по вечерам, в это время. Я покачал головой, призывая ее уйти, но слишком поздно. Она уже плыла в нашу сторону.

— Кто это? — спросил Фазио.— Твоя любовница?

— Друг.

— Красивая.— Он таращился на нее так, будто никогда прежде не видел женщины.— Прошлым вечером я тоже видел ее. Вы живете вместе?

— Работаем в одну смену на колесе.

— Ага. Я видел, как ты вместе с ней уходил вчера вечером. И позавчера тоже.

— Давно ты на станции, Фазио?

— Неделю. Может, десять дней.

— Ты искал меня?

— Да нет, просто бродил где придется,— ответил он.— Большая пенсия по инвалидности, полно свободного времени. Я побывал во многих местах. Знаешь, эта женщина правда красивая, Чолли. Везет тебе.— От нервного тика у него начала подрагивать щека, потом нижняя губа.— Почему, черт бы тебя побрал, ты не убил меня, когда эта дрянь прыгнула на меня?

— Я уже объяснял. Не успел. Спасатели появились слишком быстро.

— Ну, правильно. Сначала тебе нужно было прочесть молитву, а они, понимаешь ли, ждать не стали.

Он не знал жалости. Нужно было как-то дать ему сдачи, не то чувство вины и стыда свело бы меня с ума.

— Чего ты, черт побери, хочешь от меня услышать, Фазио? — гневно воскликнул я.— Что я сожалею, что десять лет назад не убил тебя? Ну, я сожалею. Только какой в этом толк? Послушай, если синсим и впрямь так ужасен, как ты говоришь, почему ты не покончил жизнь самоубийством? Почему продолжаешь таскаться по миру с этой дрянью внутри?

Он покачал головой и издал негромкий хрюкающий звук. Внезапно лицо у него посерело, губы обвисли, а глазные яблоки стали медленно вращаться в противоположные стороны. Какой-то фокус, понимал я, но жуткий.

— Фазио?

— Чоллалулла лиллалолла луличолла,— забормотал он.— Биллилолла.

Я испуганно вытаращился. Ужасающее зрелище!

— Господи, Фазио!

По его подбородку потекла слюна. Мышцы лица дико подергивались.

— Понимаешь теперь? Понимаешь? — ухитрился он проговорить.

Внутри него шла борьба. Он изо всех сил пытался обрести власть над собой. Казалось, его вот-вот хватит удар. Потом он вроде бы стал успокаиваться, хотя дышал тяжело, а кожа пошла яркими пятнами. Фазио обмяк — голова поникла, руки болтались,— как будто у него не осталось сил. Прошла минута или две, прежде чем он смог заговорить. Я не знал, как ему помочь, и просто плавал рядом. В конце концов он кое-как очнулся.

— Видел? Вот как это происходит,— тяжело дыша, выговорил Фазио.— Он подчиняет меня себе. Как я могу покончить жизнь самоубийством? Он не позволит мне.

— Не позволит тебе?

Он поднял на меня взгляд и устало вздохнул.

— Думай, Чолли, думай! Он в симбиозе со мной. Мы зависим друг от друга.

Внезапно содрогания возобновились сильнее прежнего. Фазио отчаянно боролся с ними: брыкался руками и ногами, стискивал челюсти,— но все было бесполезно.

— Иллаломба! — закричал он.— Нуллагрибба! — Он мотал из стороны в сторону головой, словно стряхивал что-то, прилипшее к ней.— Если я... тогда он... гиллагилла! Холлигулла! Я не могу... не могу... ох... Иисус... Христос!

Его голос смолк, сменившись лязганьем зубов и летящими во все стороны брызгами слюны. Он стонал, закрыв лицо руками.

Да, теперь я понимал.

У Фазио не было возможности сбежать, и это самое чудовищное во всей этой жуткой истории. Симбионт понимал, что его судьба неразрывно связана с судьбой Фазио. Если умрет Фазио, умрет и симбионт; поэтому он не мог позволить «хозяину» причинить себе вред. Засев в мозгу Фазио, он держал под контролем его тело. Всякий раз, когда Фазио предпринимал очередную попытку спрыгнуть с моста, потянуться к фляжке с ядом, достать пистолет, проклятая бдительная тварь в его мозгу оказывалась на шаг впереди, защищая его от возможного повреждения.

Меня затопила волна сочувствия, и я протянул руку, чтобы положить ее на плечо Фазио. Однако в последний момент испугался, что даже при самом легком касании симбионт может перескочить из его головы в мою, и отдернул руку. Потом я все же заставил себя прикоснуться к Фазио. Он резко отпрянул. Казалось, он выгорел изнутри.

— Чолли!

К нам подплыла Элисандра, длинноногая, прекрасная.

— Это личное или я могу составить вам компанию? — нахмурившись, спросила она.

Я колебался. Мне отчаянно хотелось, чтобы пути Фазио и Элисандры не пересекались, но я понимал, что это невозможно.

— Мы здесь... ну... мы тут...

— Давай, Чолли,— глухо заговорил Фазио,— представь этой милой женщине своего старого боевого друга.

Элисандра бросила на него пытливый взгляд, без сомнения, отметив его странный тон.

Я глубоко вздохнул.

— Это Фазио. Во время второй войны с овоидами мы вместе участвовали в Сервадакской кампании. Фазио... Это Элисандра. Она транспортный инженер поворотного колеса. Ты должен непременно увидеть ее за работой, она крутой специалист...

— Это честь для меня — познакомиться с вами,— серьезно сказал Фазио.— Женщина, соединяющая в себе красоту и техни-

ческое мастерство... должен сказать, я... я...— Внезапно он стал запинаться, лицо пошло пятнами, в глазах засверкала ярость.— Нет! Нет, черт побери! Не сейчас! — Фазио стиснул руки в дикой попытке сдержать себя.— Муллаголла! — беспомощно выкрикнул он.— Джиллабогбог! Сампазозозо!

И, задыхаясь, разразился судорожными рыданиями. Элисандра смотрела на него с изумлением и жалостью.

— Ну, ты собираешься убить его? — спросила она.

Это происходило два часа спустя. Мы уложили Фазио в постель в его маленькой комнате в гостинице и пошли к Элисандре. Я рассказал ей все.

Я посмотрел на нее таким взглядом, как будто она начала лопотать, точно Фазио. Мы с Элисандрой были вместе почти год, но временами возникало чувство, будто я совсем не знаю ее.

— Ну? — повторила она.

— Ты серьезно?

— Ты обязан сделать это. Ты задолжал ему смерть, Чолли. Он не может прямо сказать тебе, потому что симбионт такого не допустит. Но именно этого он ждет от тебя.

Все правильно. На протяжении последнего часа эта мысль неоднократно приходила мне в голову. Реальность, от которой никуда не деться, была такова: я допустил промашку на Вайнштейне, в результате чего Фазио десять лет горел в аду. Теперь я должен его освободить.

— Если бы существовала возможность как-то извлечь симбионта из его мозга...

— Но ее нет.

— Да,— согласился я.— Ее нет.

— Ты сделаешь это для него?

— Прекрати,— сказал я.

— Мне невыносимо смотреть, как он страдает, Чолли.

— Думаешь, мне легче?

— Подумай хотя бы о себе. Предположим, ты во второй раз подведешь его. Как ты будешь жить с этим? Скажи, как?

— Я никогда не был склонен к убийству, Элли. Даже когда надо было убивать овоидов.

— Это мы знаем,— сказала она.— Но на этот раз у тебя нет выбора.

Я подошел к маленькому огненному шару, который она установила над спальной платформой, и нажал на кнопку; в густом клубящемся тумане вспыхнули искры, затем заструились яркие цвета — оранжевый, зеленый, фиолетовый, желтый.

— Ты совершенно права,— тихо сказал я.

— Хорошо. А то я испугалась, что ты собираешься снова его кинуть.

Она произнесла это без всякого злого умысла, и все же я воспринял ее слова как удар кулака. И стоял, оглушенный этим ударом.

Наконец, внутренняя дрожь унялась. Но нахлынула новая тревога, и я сказал:

— Знаешь, это идиотизм — обсуждать такое с тобой. Ведь я втягиваю тебя в то, что никак не должно тебя касаться. Ты становишься моей сообщницей, пусть даже пока ничего не произошло.

Элисандра не обратила внимания на это замечание. Когда она зацикливалась на чем-то, ее было не сбить.

— Как ты собираешься действовать? — спросила она.— Нельзя же просто перерезать человеку горло и сунуть труп в утилизатор.

— Послушай, ты понимаешь, что наказание распространяется и на...

— Прямое физическое нападение исключается,— продолжала она.— Наверняка будет борьба — симбионт обязан защищать своего «хозяина» в случае нападения,— и ты получишь царапины, синяки или что-нибудь похуже. Это могут заметить. Предположим, ты так сильно пострадаешь, что придется обратиться к медикам. Что ты им скажешь? Что подрался в баре? А потом начнут искать твоего старого друга Фазио, с которым тебя видели за несколько дней до этого... Нет, слишком рискованно.— Тон у нее был странно деловой, прозаический.— И как избавиться от тела? Это еще сложнее, Чолли,— удалить со станции пятидесятикилограммовую массу без оформления соответствующих бумаг. У нас нет ни визы места назначения, ни погрузочной декларации. Даже на мешок картошки требуется оформить документ. А если кто-то исчезнет и будет зафиксировано пятидесятикилограммовое уменьшение итоговой массы дня...

— Прекрати,— сказал я.— Ладно?

— Ты задолжал ему смерть. И согласился с этим.

— Может, и так. Но что бы я ни решил, не хочу впутывать в это тебя. Это не твоя беда, Элли.

— Ты что, правда так считаешь? — мгновенно среагировала она.

В ее голосе смешались гнев и любовь. У меня не было сил улаживать эту проблему прямо сейчас. В голове пульсировала боль. Я активизировал фармацевтический манипулятор и торопливо впрыснул себе подкожно хорошую дозу релаксантов. Потом взял Элисандру за руку. Чтобы завершить дискуссию, я сказал мягко, но решительно:

— Давай ляжем в постель. Я не в состоянии продолжать этот разговор.

Она улыбнулась, кивнула и ответила гораздо мягче:

— Конечно.

Она приплясала раздеваться, но спустя несколько мгновений повернулась ко мне, охваченная беспокойством.

— Я не могу перестать думать об этом, Чолли. Оно жужжит и жужжит внутри. Несчастный парень! — Она содрогнулась.— Каково это, когда кто-то *постоянно* сидит у тебя голове! Не иметь контроля над своим телом. Просыпаться в луже мочи, так он сказал. Говорить на непонятном языке. И все остальное безумие. Как он выразился? Будто муравей ползает у тебя под черепом. Зуд, который невозможно расчесать.

— Я не знал, что это будет так ужасно. Если бы знал, убил бы его тогда же.

— Почему ты не сделал этого?

— Он же Фазио. Человек. Мой друг. Я даже овоидов не очень-то хотел убивать. Какого черта мне было убивать его?

— Но ты же обещал, Чолли.

— Хватит,— попросил я.— Я не сделал этого, и точка. И теперь должен жить с этим.

— И он тоже,— сказала Элисандра.

Я забрался в спальную камеру и лег.

— И я тоже,— добавила она.

Прежде чем лечь, она какое-то время бродила по комнате. Потом забралась ко мне, но легла чуть в стороне. Я не стал придви-

гаться. Но постепенно расстояние между нами уменьшилось. Я положил руку ей на плечо, она повернулась ко мне.

За час до рассвета Элисандра сказала:

— Кажется, я придумала, что делать.

На отработку деталей у нас ушло около десяти дней. Теперь я был твердо настроен сдержать обещание. Никаких колебаний, никаких оттоворок. Элисандра права: у меня не было выбора. Я действительно задолжал Фазио, и другого способа рассчитаться с ним нет.

Она тоже была настроена очень решительно. Порой мне казалось, даже решительнее меня. Я предостерегал ее, что у нее могут возникнуть большие и совершенно лишние неприятности, если власти станции когда-нибудь поймут, что именно произошло. Но Элисандра заявила, что не считает их «лишними».

Я не слишком часто контактировал с Фазио, пока мы все устраивали. Очень важно, решил я, чтобы у симбионта не зародилось ни малейших подозрений. Я, конечно, видел Фазио практически каждый день — станция Бетельгейзе невелика,— но на расстоянии. Он пристально разглядывал все, иногда с ним случались эти дикие приступы: он лез на стену, или бессвязно выкрикивал что-то, или громко спорил сам с собой. В основном я делал вид, что не замечаю его. Были, однако, моменты, когда избежать встречи не представлялось возможным — за обедом, в баре или после работы в комнате отдыха.

— Ну все,— объявила наконец Элисандра.— Я свою часть сделала. Теперь ты делай свою, Чолли.

Среди здешних развлечений для туристов было то, что можно назвать осмотром достопримечательностей, а главная достопримечательность у нас — красная гигантская звезда. После исследовательского проекта по изучению звезд, прикрытого несколько лет назад, мы унаследовали около дюжины так называемых солнечных «санок»; их использовали для проникновения сквозь бахрому мантии Бетельгейзе. Мы начали с того, что арендовали такие «санки» для трехдневной экскурсии. Они рассчитаны на двух пассажиров, ни о какой роскоши нет и речи, нет даже двигателя. Вся прогулка — чистая баллистика. Мы рассчитываем орбиту, выстреливаем «санками» с помощью больших отражателей, и вы отправляетесь в головокружительный полет сквозь

внешнюю бахрому, откуда открывается прекрасный вид на десять-двенадцать планет системы огромной звезды. Когда «санки» выбирают всю длину троса, мы ловим вас поворотным колесом и притягиваем обратно. Описание впечатляет, и так оно и есть; что касается опасности, то чего нет, того нет. Во всяком случае, обычно все безопасно.

Найдя Фазио в гравитационной гостиной, я сказал:

— Мы организовали для тебя экскурсию, парень.

«Санки», которые я арендовал для него, назывались «Корона». Элисандра выполняла диспетчерскую работу для этих туров, а я время от времени работал на них на колесе, хотя обычно имел дело с большими космическими лайнерами, использующими станцию Бетельгейзе как отправную точку для прыжка еще дальше в космос. Мы собирались вместе руководить полетом «санок» Фазио. К несчастью, на этот раз должен был произойти несчастный случай — из-за прискорбной мелкой ошибки в расчете орбиты. «Санки» Фазио должны были не облететь по краю широко раскинувшуюся корону Бетельгейзе, а рухнуть прямо в сердце гигантской красной звезды.

Я предпочел бы рассказать Фазио о нашем плане, пока мы спиральными коридорами спускались к месту старта. Но я не мог, потому что все, услышанное им, услышал бы и симбионт, а то, что было хорошей новостью для Фазио, для симбионта стало бы плохой. Захватить эту дрянь врасплох, вот что было важно.

Заподозрил ли Фазио что-то? Бог весть. Мне кажется, на его месте я бы догадался. Но, может, он нарочно старался выкинуть из головы любые мысли о предстоящем полете.

— Ты даже представить себе не можешь, на что это похоже,— говорил я.— Необыкновенное зрелище. Смоделировать его абсолютно невозможно. Не сравнить с видом на Бетельгейзе, открывающимся со станции.

— «Санки» скользят сквозь корону на пленке испаряющегося углерода,— вступила в разговор Элисандра.— Жар просто скатывается с их поверхности.— Мы болтали, как одержимые, стараясь заполнить разговором каждое мгновение.— Ты будешь абсолютно защищен и сможешь войти в атмосферу звезды...

— Конечно,— подхватил я,— Бетельгейзе такая огромная, такая интенсивная, что практически в любой точке системы ты находишься внутри ее атмосферы...

— Есть еще планеты,— вклинилась Элисандра.— На этой неделе они так расположены, что ты сможешь увидеть около дюжины...

— Отелло, Фальстаф, Зигфрид, может, Вотан...

— Карта на потолке кабины...

— Пять газовых гигантов с массой вдвое больше Юпитера. Присмотрись к Вотану, у него одного есть кольца...

— И Изольда, ее невозможно не заметить. Она еще краснее, чем Бетельгейзе, как налитой кровью глаз...

— С одиннадцатью красными лунами, но без фильтров их не разглядеть...

— Отелло и Фальстаф. Судя по картам, Аида тоже...

— А еще целая куча комет...

— Астероиды. Как мы считаем, в результате гравитационного возмущения там столкнулись две планеты...

— И эйнштейновское отклонение, это очевидно...

— Крупные солнечные вспышки...

— Вот мы и пришли,— сказала Элисандра.

Мы находились на взлетной палубе. Перед нами возносилась сверкающая металлическая стена. Элисандра активировала люк, и стали видны маленькие «санки»: полированное, сужающееся к одному концу судно с «лягушачьим» носом и невысоким бугорком в центре. «Санки» стояли на рельсах, над ними аркой изгибались витки пусковой установки, в данный момент испускавшие голубовато-зеленое свечение, что свидетельствовало об отсутствии заряда. Все работало автоматически. Мы должны были лишь посадить Фазио на борт и дать сигнал на взлет. Об остальном позаботится орбитальная программа, которую Элисандра рассчитала и ввела раньше.

— Для тебя это будет главное путешествие жизни, парень! — сказал я.

Фазио кивнул. Глаза у него слегка остекленели, ноздри подрагивали.

Элисандра включила управление предполетной подготовкой. Крыша «санок» открылась, и механический голос из громкоговорителя на палубе начал объяснять Фазио, как забраться внутрь и пристегнуться для взлета. Руки у меня заледенели, в горле пересохло. Тем не менее я чувствовал себя на диво спокойным, учитывая ситуацию. Это убийство? Технически говоря, да. Однако

я нашел этому другое название. Эвтаназия. Сведение кармического счета. Искупление давнего греха и исполнение обещания. Для него — освобождение после десятилетнего пребывания в аду, для меня — освобождение от не столь мучительной, но все-таки жгучей душевной боли.

Фазио подошел к узкому входному люку «санок».

— Постой-ка.— Я схватил его за руку.

Мне хотелось полностью свести счеты.

— Чолли,— произнесла Элисандра.

Я проигнорировал ее предупреждение и обратился к Фазио:

— Я должен сказать тебе кое-что, прежде чем ты уйдешь.

Он бросил на меня странный взгляд, но промолчал.

— Я все время повторял, что не застрелил тебя, когда синсим проник в тебя, потому что у меня не хватило времени, так как медики прилетели слишком быстро. Отчасти это правда, но в целом пустая болтовня. У меня просто не хватило мужества.

— Чолли...— повторила Элисандра, на этот раз с раздражением.

— Еще одна секунда,— сказал я ей и снова повернулся к Фазио.— Я глядел на тебя, глядел на свой тепловой пистолет и думал о синсиме. Но не мог сделать этого. Стоял там с пистолетом в руке и не предпринимал ничего. А когда приземлились медики, было слишком поздно... я чувствовал себя такой дрянью, такой трусливой дрянью...

Лицо Фазио пошло пятнами. Красные круги синсима сверхъестественно сверкали в его глазах.

— Сажай его в «санки»! — закричала Элисандра.— Эта штука вот-вот возьмет контроль над ним, Чолли!

— Олигабонгабоо! — залепетал Фазио.— Унгабаноо! Ловушка-ка!

И он в ярости кинулся на меня.

Я был тяжелее его на тридцать килограммов, но он едва не сбил меня с ног. Тем не менее я ухитрился устоять. Он отскочил от меня и стал разворачиваться, но Элисандра вцепилась ему в руку. Он с силой ударил ее ногой, она отлетела в сторону, но я сзади обхватил его согнутой рукой за горло, а Элисандра подползла по полу и стиснула его ноги. Теперь мы смогли поднять Фазио и попытаться запихнуть в «санки». Но даже так удержать его оказалось нелегко. Мы вдвоем боролись против одного то-

щего, выгоревшего изнутри человека, но он извивался, изгибался и корчился, словно какой-то дьявол. Он царапался, колотил ногами и локтями, плевался. Глаза у него горели. Каждый раз, когда мы подталкивали его чуть ближе к люку «санок», он умудрялся оттащить нас от него. Мы с Элисандрой выдыхались, и я подумал, что долго нам не продержаться. Это не Фазио сражался с нами, это синтетический симбионт, выведенный в лаборатории овоидов, пытался спастись от огненной смерти. Бог знает, какие чужеземные гормоны он закачивал в кровеносную систему Фазио. Бог знает, как он перестроил его кости, сердце и легкие в целях достижения большей эффективности. Если Фазио удастся вырваться, я *не знал, кто* из нас выйдет из дока живым.

Но ему нужно было дышать. Я все сильнее сжимал его горло, чувствуя, как хрустит хрящ. Плевать. Я хотел одного — запихнуть Фазио в «санки», мертвого или живого, и дать ему наконец покой. Ему и себе. Я сжимал туже... туже...

Фазио захрипел, а потом издал отвратительный булькающий звук.

— Ты его прикончил,— сказала Элисандра.

— Да. Да.

Тем не менее я продолжал сжимать его горло, и он обмяк, хотя мышцы по-прежнему яростно, конвульсивно подергивались. Тварь внутри него все еще рвалась в бой, однако сейчас в легкие почти не поступал воздух, и мозг начал испытывать нехватку кислорода. Мы с Элисандрой медленно протащили Фазио последние пять метров до «санок»... подняли к люку... принялись запихивать внутрь...

Тело Фазио сотрясла небывалая по силе конвульсия. Умудрившись наполовину повернуться, несмотря на мою хватку, он оказался лицом к лицу с Элисандрой, и на его губах возник пузырь чего-то серого, блестящего. На одно короткое мгновение время остановилось. Потом все снова пришло в движение. Пузырь лопнул: фрагмент какой-то ткани вырвался оттуда и проскочил короткое расстояние между губами Фазио и Элисандры. Симбионт перед лицом смерти выбросил частицу себя, чтобы найти нового «хозяина».

— Чолли! — взвыла Элисандра, отпустила Фазио и отшатнулась, будто ей плеснули в глаза кислотой.

Ногтями она скребла лицо, пытаясь отодрать маленькую серую скользкую штуку, облепившую ей рот и почти мгновенно вы-

бросившую две блестящих псевдоподии, проникшие в ноздри. Я не знал, что симбионт способен вот так выпускать отростки. Надо полагать, никто этого не знал, иначе таким, как Фазио, не позволяли бы разгуливать на свободе.

Я хотел завопить, хотел расколотить все вокруг. Я хотел заплакать. Но ничего этого я не сделал.

Когда мне было четыре года — мы жили тогда на Бэктаммоне,— отец купил мне у торговца на Вихревом мосту маленький вихревой кораблик. Это была игрушка, чтобы запускать в ванной, хотя она имела все стабилизирующие распорки и кронштейны в миниатюре. Мы стояли на мосту, мне ужасно хотелось посмотреть, как кораблик работает, и я бросил его через поручни в водоворот. Конечно, он мгновенно исчез из виду. Удивленный и огорченный тем, что кораблик ко мне не вернулся, я обратился за помощью к отцу. Однако он подумал, что я бросил его подарок в водоворот ради шалости, и одарил меня испепеляющим, полным черной ненависти взглядом, который я никогда не забуду. Я проплакал полдня, но это не помогло мне вернуть кораблик. Я хотел заплакать и сейчас. Несомненно, происходило что-то абсурдно несправедливое, и я снова почувствовал себя четырехлетним, но не к кому было обратиться за помощью. Я остался один.

Я подошел к Элисандре и на мгновение обнял ее. Она рыдала и пыталась заговорить, но эта дрянь залепила ей губы. Лицо побелело от ужаса, тело безумно подергивалось.

— Не беспокойся,— прошептал я.— На этот раз я знаю, что делать.

Как быстро мы действуем, когда наконец начинаем действовать. Прежде всего я забросил Фазио — точнее, то, что от него осталось,— в люк «Короны» легко, словно охапку соломы. Потом я подхватил на руки Элисандру и понес ее к «санкам». Она не боролась со мной по-настоящему, только слегка изгибалась. Симбионт пока не имел над ней большой власти. В последний момент я поглядел ей в глаза, надеясь, что не увижу в них красных кругов. Нет, их еще не было, не так быстро. Ее глаза оставались такими, какими я их помнил и любил. Взгляд твердый, спокойный, ясный. Она понимала, что происходит. Говорить она не могла, но взглядом сказала: «Да, да, давай, Чолли, ради Христа!»

Несправедливо. Несправедливо. Но в жизни вообще нет справедливости, подумал я. А если она все же существует во вселенной, то на уровнях, недоступных нашему восприятию, в каком-то равнодушном макрокосмическом месте, где в долгосрочном периоде все уравновешивается, но конкретный грех совсем не обязательно искупает конкретный грешник. Я затолкал Элисандру в «санки» рядом с Фазио и закрыл люк. Подошел к пульту управления, ввел сигнал о запуске и смотрел, как «санки» заскользили по рельсам к выходному люку на своем пути к Бетельгейзе — дороге в один конец. На мгновение активированные отражатели вспыхнули красным светом и снова засияли голубовато-зеленым. Я отвернулся, задавшись вопросом, не сумел ли симбионт в последний миг и в меня запустить частицу себя. Я ждал, не возникнет ли в голове ощущение покалывания. Но нет. Видимо, на нас обоих у него не хватило времени.

И только тогда я рухнул на рельсы и позволил себе заплакать. А через какое-то время вышел из шахты — молчаливый, оцепеневший, опустошенный, без единой мысли в голове. Когда шесть недель спустя проводилось расследование, я сказал, что понятия не имел, с какой стати Элисандра решила лететь вместе с Фазио.

— Может, это был акт самоубийства? — спросили меня эксперты-дознаватели. Я пожал плечами и ответил:

— Не знаю. Представить себе не могу, что творилось в тот день в их головах.

И снова впал в молчание — оцепеневший, опустошенный, без единой мысли в голове.

Итак, Фазио обрел покой в пылающем сердце Бетельгейзе. И моя Элисандра тоже. А я живу, день за днем, по-прежнему работаю здесь, на станции, на колесе, разворачивая к далеким звездам корабли, пролетающие мимо бахромы гигантского красного солнца. И мне по-прежнему является призрак, но это уже не призрак Фазио и даже не призрак Элисандры — нет, это уже не они. Думаю, меня преследует мой собственный призрак.

Подселенец

1

Это был мой первый полет в небеса, и я был никто, вообще никто, а этот полет должен был сделать из меня кого-то.

Но хотя я был никто, я уже осмелился взглянуть сверху на миллион миров и почувствовал к ним великое сострадание. Они окружали меня, жужжали в ночи, летели своими путями, и каждый из них верил, что движется. И каждый ошибался, конечно же, поскольку миры никуда не движутся, а лишь бесконечно вращаются, навеки прикованные к одной точке пространства, как жалкие обезьянки на цепочке. Кажется, что они движутся, да. Но на самом деле они стоят. А я — тот, кто глядел на эти небесные миры и преисполнялся сострадания к ним,— я двигался, хотя казалось, что я стою на месте. Поскольку я был на борту небесного корабля, корабля Службы, летевшего с такой непостижимой скоростью, словно он совсем не двигался.

Я был очень молод. Мой корабль, как и сейчас, назывался «Меч Ориона» и летел от планеты Канзас-4 к Кул-де-Саку, Страппадо и нескольким другим мирам. Обычный маршрут. Это был мой первый полет, и я был капитаном. Долгое время я думал, что могу потерять душу в том полете, но теперь я знаю: после случившегося на борту я не потерял душу, а приобрел ее. И возможно, не одну.

2

Роучер думал, что я мягкий. Я мог бы убить его за это: но он уже мертв.

Попадая на небеса, вы должны отказаться от своей жизни. Что можно получить взамен, мне только предстояло узнать, и вы,

---

© Перевод Б. Жужунавы.

если захотите, тоже узнаете. Но одно неминуемо — вы оставляете позади все, что связывало вас с земной жизнью, и становитесь другим человеком. Мы говорим: вы отказываетесь от тела и обретаете душу. Конечно, вы можете сохранить и тело, если хотите. Должны хотеть. Но тело вам больше ни к чему — в том смысле, в каком, по-вашему, от тела есть толк. Я расскажу вам, как это происходило со мной во время первого полета на борту «Меча Ориона», много лет назад.

Я был самым младшим офицером на борту и поэтому, естественно, стал капитаном.

Вас назначают капитаном в самом начале, пока вы еще никто. Это испытание: человека бросают в море и смотрят, выплывет он или нет. Утонувшие остаются в команде и выполняют разные полезные обязанности, как то: питают корабль своей энергией, занимаются погрузкой-выгрузкой или спящими пассажирами, чистят, моют, убирают и прочее. Те, кто не утонул, занимают другие командные должности. Всем находится дело. Эра пустой траты ресурсов, в том числе и человеческих, давным-давно закончилась.

На третий день после вылета с Канзаса-4 Роучер сказал, что я самый мягкий капитан, под началом которого он когда-либо служил. А он служил под началом многих, потому что Роучер ушел в небеса, по крайней мере, двести лет назад, а может, и больше.

— Я вижу это в ваших глазах — мягкость. Даже в наклоне вашей головы.

В его устах это не было комплиментом.

— Мы высадим вас на Ультима Туле,— продолжал он.— Вам никаких обвинений не предъявят. Просто посадят в капсулу и сбросят вниз, а тулийцы поймают вас и выпустят. Лет за двадцать-сорок вы найдете способ вернуться на Канзас-четыре. Думаю, это лучший выход.

Роучер маленький, ссохшийся, со смуглой кожей. В его глазах сияют пурпурные отсветы космоса. Он видел миры, забытые тысячу лет назад.

— Сам иди в капсулу,— сказал я ему.

— Ах, капитан, капитан! Не надо понимать меня неправильно. Вы, капитан, дарите нам ощущение мягкости.— Он протянул руку и попытался погладить меня по щеке.— Подарите нам чуть-чуть вашей мягкости, капитан, хоть чуть-чуть!

— Я зажарю твою душу и съем ее на завтрак, Роучер. Вот тебе моя мягкость. Вали отсюда, понятно? Подключись к мачте и наглотайся водорода, Роучер. Уходи. Уходи.

— Такой мягонький! — ответил он.

Но ушел. В моей власти было наказать его, ведь я капитан. Он понимал это, как и то, что я не стану применять свою власть; но всегда есть шанс ошибиться. Капитан действует в пограничной полосе между достоверностью и возможностью. Члены экипажа на свой страх и риск измеряют ширину этой полосы. Роучер понимал это. В конце концов, он сам когда-то был капитаном.

В этом полете к небесам нас было семнадцать — обычный экипаж десятикилометрового корабля класса «мегаспор» с полным набором подпространственных пристроек, расширений и виртуальных отсеков. Мы доставляли большой груз вещей, в те дни считающихся жизненно важными на дальних колониях: картофельные чипсы, искусственные интеллекты, климатические установки, матричные разъемы, медицинские машины, банки костных трансплантатов, преобразователи почвы, транзитные сферы, коммуникационные «пузыри», синтезаторы кожи и органов, препараты для приручения диких животных, аппаратуру генного замещения, опечатанные партии «порошка забвения», запрещенное оружие, и так далее, и тому подобное. На борту также были пятьдесят миллиардов долларов в виде жидкой валюты для передачи от центрального банка центральному банку. Имелись и пассажиры — семь тысяч колонистов, восемьсот живьем, остальные в матричной форме для последующей пересадки в тела в мирах назначения. В общем, стандартный груз. Экипаж работал за комиссионное вознаграждение, тоже стандартный вариант — один процент от накладной стоимости, разделенный на обычные доли. Моя доля составляла пятидесятую часть, то есть два процента чистой прибыли, включая бонус за капитанскую должность; в ином случае я получил бы сотую часть или даже меньше. Роучер получал десятую часть, а его дружок Булгар — четырнадцатую, хотя оба даже не были офицерами. Это показывает ценность старшинства на Службе. Но ведь старшинство — это выживание, и разве способный выживать не должен быть вознагражден? В последнем полете моя доля составляла одну девятнадцатую, а в следующем наверняка будет еще больше.

3

Вы никогда не увидите звездный корабль. Мы всегда остаемся в небесах; когда мы приближаемся к очередному миру, корабли наземного базирования взлетают к нам, чтобы забрать груз. Самое близкое расстояние, на которое мы можем подойти к планете, составляет миллион длин корабля. Чуть ближе, и нас разорвет на части ужасающая сила, которая исходит от планет.

Впрочем, мы не тоскуем по возможности ходить по земле. Для нас это смертельно. Если бы мне сейчас пришлось ступить на сушу — после того, как я провел в небесах большую часть жизни,— я бы умер через час. И это была бы чудовищная смерть. Но с какой стати мне сходить на землю? Вероятность этого еще существовала во время первого полета на «Мече Ориона», но с тех пор я выбросил эти мысли из головы. Вот что я имею в виду, когда говорю, что вы отказываетесь от своей жизни, уходя в небеса. Также вас покидает чувство, что пребывание на земле каким-то образом совместимо с самим фактом жизни. Если бы вы могли полететь на звездном корабле или хотя бы увидеть его, как мы, вы поняли бы меня. Я не упрекаю вас за то, что вы такие, какие есть.

Позвольте мне показать вам «Меч Ориона». Хотя вы никогда не увидите его так, как видим мы.

Что бы вы увидели, если бы вышли из корабля, как мы иногда делаем, на звездную прогулку в Великий Космос?

Первое — это свет корабля. Космический корабль светился ужасающим, необычайным светом, раскалывающим небеса, как рев трубы. Ослепительный свет предшествует ему и следует за ним. Перед кораблем движется светящийся конус, прорезающий пустоту. За собой корабль оставляет световой след такой интенсивности, что, кажется, его можно собрать и взвесить. Этот свет испускает гипердвигатель корабля: корабль пожирает пространство, и свет — его отбросы.

Внутри этого сияния вы увидели бы иглу в десять километров длиной. Это и есть корабль. Один его конец резко сужается до точки, а другой имеет Глаз. Чтобы пройти весь корабль из конца в конец, заглядывая во все отсеки, понадобится несколько дней. Это полностью самодостаточный мир. Игла плоская — вы легко можете расхаживать по внешней поверхности корабля, его верхней палубе. И по нижней палубе тоже — той, что с ниж-

ней стороны иглы. Мы называем одну палубу верхней, а другую нижней, но, когда вы снаружи, эти отличия не имеют смысла. Между верхней и нижней палубами располагаются палуба экипажа, пассажирская палуба, грузовая палуба и управляющая палуба. Обычно никто не переходит с одной на другую. Мы остаемся там, где нам положено быть. Двигатели помещены в Глаз. Там же и капитанская каюта.

Игла — корабль, но это не весь корабль. Вне вашего поля зрения останутся подпространственные пристройки, расширения и виртуальные отсеки. Они окутывают корабль сетью сложных внешних структур. Но они имеют другой уровень реальности, и по этой причине увидеть их невозможно. Корабль прокладывает в пустоте туннели, распространяясь вдаль и вширь в поисках пространства для всего того, что он должен нести на себе. В этих удаленных зонах хранятся наши припасы и продовольствие, запасы топлива и весь груз, перемещающийся по расценкам второго класса. Если на корабле находятся пленники, они тоже летят в подпространственных пристройках. Если высока вероятность того, что на своем пути корабль столкнется с серьезной турбулентностью, он оборудует себя стабилизаторами, а до тех пор хранит их в виртуальных отсеках. Вот они, таинства нашей профессии. Примите их на веру или проигнорируйте, как угодно: вам вообще не положено о них знать.

На постройку корабля ушло сорок лет. Сейчас у нас есть двести семьдесят один корабль и постоянно строятся новые. Они — единственное, что связывает материнские миры и восемьсот девяносто восемь колоний, а также множество колоний этих колоний. Со времени начала работы Службы пропали четыре корабля. Никто не знает почему. Утрата звездного корабля — худшее бедствие, какое я могу себе представить. Последнее такое событие произошло шестьдесят виртуальных лет назад.

Звездный корабль никогда не возвращается в мир, откуда впервые взлетел. Для этого Галактика слишком велика. Совершая полет, он уходит все дальше и дальше в небеса, описывая бесконечную незамкнутую кривую. Вот так мы служим в нашей Службе. Возвращаться нет смысла, поскольку мы пролетаем сквозь множество световых лет и миров. Мы живем вне времени. Приходится, поскольку другого способа нет. Это наша ноша и наша привилегия. Да, вот так мы служим в нашей Службе.

4

На пятый виртуальный день полета я внезапно ощутил легкое покалывание, словно что-то коснулось моего сознания, — почти неуловимый показатель того что что-то идет не так. Мелочь на грани восприятия, вроде того как изъеденные временем булыжники наводят на мысль, что под холмом, на который ты взбираешься, захоронены дворцы и башни великого разрушенного города. Если не ждать такого сигнала, можно его и не заметить. Но в тот день я был «заряжен» на получение сигнала. Страстно желал его. Странное ощущение, нечто вроде радости охватило меня, когда я поймал мимолетный сигнал сбоя.

Я связался с дежурным искусственным интеллектом и спросил:

— Что за сотрясения на пассажирской палубе?

Интеллект мгновенно оказался в моем сознании — яркое зеленовато-серое присутствие в ореоле звенящей музыки.

— Я не осведомлен ни о каких сотрясениях, сэр.

— Было отчетливое сотрясение. И прямо сейчас выброс новых данных.

— Неужели, сэр? Выброс данных, сэр? — ошеломленно, но с оттенком снисходительности переспросил интеллект. Это позабавило меня.— Какие действия я должен предпринять?

Это было приглашение к отступлению.

В тот день дежурным интеллектом был 49-Генри-Генри. Серия Генри склонна к увертливой невинности, которую я воспринимал как неискренность. Однако это очень способные интеллекты. Мелькнула мысль: а вдруг я неправильно расшифровал сигнал? Возможно, я слишком страстно жаждал какого-нибудь происшествия — любого, которое укрепило бы мои взаимоотношения с кораблем.

На борту корабля никогда не чувствуется никакого движения или активности, мы летим в молчании на волне тьмы, окутанные собственным ослепительным светом. Ничто не движется в этой вселенной, ничто даже не кажется живым. С тех пор как мы покинули Канзас-4, я все время чувствовал, что это великое молчание оценивает меня: могу ли я быть настоящим капитаном корабля? Прекрасно. Тогда дайте мне почувствовать груз ответственности на своих плечах.

Мы уже пролетели Ультима Туле, и возврата назад не было. Окутанные плащом собственного света, мы будем мчаться сквозь небеса одну виртуальную неделю за другой, пока не прибудем к первому месту назначения, к Кул-де-Саку в Хвастливом Архипелаге, сразу за Призрачным скоплением. Здесь, в свободном пространстве, я должен подчинить себе корабль, или он подчинит меня.

— Сэр? — подал голос интеллект.

— Проверь поток данных,— приказал я.— А именно пассажирскую палубу за последние полчаса. Там было какое-то движение. Там был выброс.

Я знал, что, возможно, ошибаюсь. Ошибка, вызванная осторожностью, может выглядеть наивной, но это не грех. И я знал: на этой стадии полета все, что я скажу или сделаю, экипаж «Меча Ориона» сочтет наивным. Что, в таком случае, я теряю, приказывая лишний раз проверить? Я соскучился по сюрпризам.

Если 49-Генри-Генри обнаружит хоть какое-то отклонение, это даст мне преимущество, а если нет, это не ухудшит моего положения.

— Прошу прощения, сэр,— через мгновение доложил 49-Генри-Генри,— но никаких сотрясений не было, сэр.

— Возможно, я преувеличиваю, называя это сотрясением. Может, это просто аномалия. Что скажешь? — Я задумался, не унижают ли меня такие разговоры с интеллектом.— Что-то было, я уверен. Необычный всплеск в потоке данных. Аномалия, да. Так что скажешь, Сорок Девять-Генри-Генри?

— Да, сэр.

— Что «да»?

— Запись показывает некую ненормальность, сэр. Ваша восприимчивость выше всех похвал, сэр.

— Продолжай.

— Нет никаких оснований для тревоги, сэр. Незначительное метаболическое движение, не более того. Как если бы кто-то перевернулся во сне.— «Идиот, что ты знаешь о сне?» — В высшей степени необычно, сэр, что вы оказались способны заметить такую малость. Хвалю вас, сэр. С пассажирами все в порядке, сэр.

— Очень хорошо. Занеси этот разговор в вахтенный журнал, Сорок Девять-Генри-Генри.

— Уже занес, сэр,— ответил интеллект.— Позвольте отключиться, сэр?

— Да, отключайся.

Приглушенная музыка, свидетельствующая о его присутствии, стала стихать и смолкла. Я мог себе представить, как он ухмыляется, призрачно скользя глубоко в нервных каналах корабля. Насмешливая программа, излучающая презрение к своему мнимому хозяину.

«Бедняга капитан,— думает он.— Бедный, безнадежный, глупый мальчишка-капитан. Какой-то пассажир чихнул, а он уже готов запечатать все переборки».

«Ну и пусть себе усмехается,— думал я.— Я действовал правильно, и запись подтвердит это».

Я знал: все это часть моего испытания.

Вы, возможно, думаете, что быть капитаном такого корабля, как «Меч Ориона», во время своего первого полета в небеса — ужасная ответственность и невыносимая ноша. Так и есть, но причину этого вы не можете угадать.

Дело в том, что обязанности у капитана менее значительны, чем у кого бы то ни было на борту корабля. Остальные выполняют четко определенные функции, существенно влияющие на безопасность полета, хотя корабль может, если возникнет необходимость, создать виртуальную замену любому члену экипажа и адекватно функционировать самостоятельно. А вот задача капитана, по сути, абстрактна. Его роль — быть свидетелем полета, воплощать его в собственном сознании, придавать ему логичность, целостность, переводя его в схему решений и реакций. В этом смысле капитан мало чем отличается от компьютерной программы: он кодировка, переводящая полет в серию линейных функций. Если он не справится с этим, другие позаботятся о том, чтобы полет протекал, как должно. Если капитан неадекватен, страдает не полет, а сам капитан. В ходе предполетного обучения я полностью уяснил это для себя. Полет будет продолжаться даже при самом жалком капитане. Как я уже говорил, с тех пор как возникла Служба, пропали четыре космических корабля, и никто не знает почему. Но нет никаких оснований полагать, что эти катастрофы произошли по вине капитана. Как такое возможно? Капитан — лишь посредник, через которого действуют другие. Не капитан творит полет, а полет творит капитана.

5

Встревоженный, я отправился в Глаз корабля. Вежливая насмешка 49-Генри-Генри не убедила меня. На борту что-то не так, это чувство не отпускало меня; вот-вот что-то произойдет.

Едва я добрался до уровня наружных экранов, как во второй раз возникло странное ощущение прикосновения. Но теперь оно было какое-то другое и сильно взволновало меня.

По мере спуска от верхней палубы к нижней в Глазу установлена цепочка экранов, выдающих изображения, реальные и виртуальные, всех внутренних и внешних аспектов корабля. Я подошел к большому черному экрану со скошенными углами, на котором моделировалось реальное пространство за пределами корабля, и какое-то время смотрел на уменьшавшееся колесо релейной станции Ультима Туле. И тут вновь возникла аномалия. Не просто сигнал на уровне подсознания, не сотрясение, не прикосновение. Больше похоже на попытку вторжения. Казалось, невидимые пальцы легко касаются мозга, зондируют, ищут вход. Потом пальцы отдернулись, и в левом виске возникла колющая боль.

Я окаменел.

— Кто здесь?

— Помоги мне,— беззвучно произнес голос.

Мне доводилось слышать безумные рассказы о матрицах пассажиров, вырвавшихся на свободу из своих ячеек памяти и дрейфующих, как призраки, по кораблю в поисках неосторожного тела, куда они могут вселиться. Источники этих слухов не заслуживали доверия — старые негодяи вроде Роучера и Булгара. Я отмахивался от этих рассказов, считая их сказками вроде баек об огромных кракенах, якобы плавающих в космосе, или манящих сиренах с сияющими грудями, танцующих вдоль силовых линий в точках разворота. Но я действительно почувствовал это! Зондирующие пальцы, внезапная острая боль. Ощущение кого-то, парящего совсем рядом, испуганного, но сильного, сильнее меня.

— Где ты?

Нет ответа. Кто бы это ни был — если вообще был,— он нанес мне удар и снова затаился в укрытии.

Может, он ушел?

— Ты все еще где-то здесь,— сказал я.— Я знаю это.

Молчание.

— Ты просил о помощи. Почему же исчез так быстро?

Нет ответа. Я почувствовал, как в душе вскипает злость.

— Кто бы ты ни был. Что бы ты ни было. Говори!

Ничего. Молчание. Может, показалось? Зондирование, безмолвный голос?

Нет. Нет. Я был уверен, что рядом со мной парит что-то невидимое. И это бесило — невозможность установить контакт. Я стал игрушкой в чьих-то руках, объектом издевательств.

— Тебя можно отследить,— сказал я.— И поймать. И уничтожить.

Я стоял и трясся от злости, когда снова почувствовал прикосновение к своему сознанию, на этот раз совсем легкое, как будто полное тоски и сожаления. Возможно, я придумал эти чувства — как и само ощущение.

Оно было совсем кратким — если вообще имело место,— а потом я остался один, на этот раз бесспорно. Я стоял, вцепившись в перила экрана, навалившись на них и слегка откачнувшись вперед, как будто что-то тянуло меня сквозь экран в пространство.

— Капитан?

Голос 49-Генри-Генри обрушился на меня откуда-то сзади.

— На этот раз ты тоже что-то почувствовал? — спросил я.

Интеллект проигнорировал мой вопрос.

— Капитан, на пассажирской палубе неприятности. Угроза жизни. Вы пойдете?

— Показывай, куда. Уже иду.

В воздухе замигали огни — желтый, голубой, зеленый. Внутренность корабля представляет собой обширный темный лабиринт, и передвигаться по нему трудно без помощи направляющего интеллекта. 49-Генри-Генри наметил для меня рациональный маршрут из Глаза в основное тело корабля, а оттуда к лифту на пассажирскую палубу. Я вызвал трак на воздушной подушке и помчался, ориентируясь на огни. Вся дорога заняла не более пятнадцати минут. Без помощи интеллекта я добирался бы неделю.

Пассажирская палуба уставлена специальными футлярами — «гробами», как мы их называем. Сотни, даже тысячи, бесконечное число рядов по три в каждом. Здесь наш живой груз спит, пока мы не прибудем на место и не разбудим их. Вокруг вздыхают и бормочут машины, чье назначение — ухаживать за спящими. Далеко позади, в тусклом полумраке, место для пассажиров

другого сорта — паутина сенсорных кабелей с тысячами бестелесных матриц. Это колонисты, покинувшие свои тела для путешествия в космос. Это темное, запретное место, тускло освещенное шарами, которые кружат наверху, испуская красные и зеленые искры.

Тревога возникла в зоне спящих. Здесь уже собрались пять членов экипажа, самые старшие: Кэткэт, Дисмас, Рио де Рио, Гавот и Роучер. Увидев их вместе, я понял — случилось что-то серьезное. Мы движемся внутри огромного корабля по удаленным друг от друга орбитам: в течение виртуального месяца встретиться с теми членами экипажа — экстраординарное событие. Каждый из этой пятерки бороздил небесные моря дольше, чем я прожил на свете. И уже более десяти полетов они работали в одной команде. Я в их среде был чужаком — неизвестно кто, не прошедший проверки, незначительный. Роучер уже указал на мою мягкость, а в его устах это означало неспособность действовать решительно. Я не соглашался с ним, но, возможно, он понимал меня лучше, чем я сам.

Они расступились, давая мне пройти. Гавот, огромный неповоротливый широкоплечий мужчина с удивительно деликатной манерой вести себя, сделал жест, как бы говоря: «Вот, капитан, видите? Видите?»

Я увидел кольца зеленоватого дыма, исходящие из футляра с пассажиром, и полуоткрытую стеклянную крышку, треснувшую снизу доверху, покрытую инеем из-за разницы температур. Еще я услышал зловещий капающий звук. Струйка густой голубоватой жидкости вытекала сквозь разбитую крышку. Внутри виднелась бледная обнаженная фигура мужчины. Его глаза и рот были широко раскрыты, как бы застывшие в безмолвном крике. Левая рука поднята, кулак сжат. Он напоминал статую страдания.

Спасательное снаряжение уже стояло рядом. Спасательное не для жизни злополучного пассажира — тут, похоже, спасать было нечего. Однако все годные к употреблению части его тела должны быть отделены и отправлены в хранилище, как только я отдам соответствующее распоряжение.

— Его нельзя восстановить? — спросил я.

— Взгляните сюда.— Кэткэт кивнул на показания приборов футляра. Все кривые устремились вниз.— Разрушение уже составляет девятнадцать процентов и продолжает повышаться.

— Действуйте,— сказал я.— Даю «добро».

Вспыхнули лазеры. Стали видны отдельные части тела — блестящие, влажные. Гибкие металлические руки спасательного снаряжения поднимались и опускались, вытаскивая пригодные для последующего использования органы и укладывая их в специальный контейнер. Работала машина, вокруг нее трудились люди — отключали разбитый футляр, разорванные кабели питания и охлаждения.

Я спросил Дисмаса, что произошло. В этом секторе он отвечал за обслуживание спящих пассажиров. Лицо у него было открытое, беспечное, но этой обманчивой жизнерадостности противоречили холодные мрачные глаза. Он сказал, что работал значительно дальше на палубе: выполнял рутинное обслуживание людей, следующих на Страпнадо,— когда внезапно ощутил небольшой дисбаланс, легкое покалывание.

— И я тоже,— сказал я.— Как давно это было?

— Примерно полчаса назад, точно не помню. Я подумал, это что-то у меня внутри, капитан. Говорите, вы тоже почувствовали?

Я кивнул.

— Легкое покалывание, да. Это занесено в отчет.

Я услышал отдаленную мелодию 49-Генри-Генри; возможно, таким образом он пытался извиниться, что сомневался во мне.

— Что произошло потом?

— Вернулся к работе. Пять, десять минут. Потом новый толчок, сильнее.— Дисмас прикоснулся к правому виску, показывая, где именно возникло это ощущение.— Детекторы были отключены, стекло разбито. Бросился сюда, обнаружил пассажира, летящего на Кул-де-Сак. Он бился в конвульсиях, молотил руками и ногами, обрывая кабели. Освободился и стал колотить по стеклу. Разбил его. Очень быстрая смерть.

— Вторжение матрицы,— произнес Роучер.

Волосы зашевелились у меня на затылке.

— Поясни, что это такое.

— Иногда у кого-то, долгое время пробывшего в ячейке памяти, возникает непреодолимое желание вырваться. Он находит способ освободиться и странствует по кораблю в поисках тела, куда можно вселиться. Именно так они и поступают. Могут вселиться в меня, или в Кэгкэта, или даже в вас, капитан. В любого, кто оказывается под рукой. Для них это единственный способ снова почувствовать плоть. Вот и в этого он вселился, но что-то пошло не так.

Зондирующие пальцы, да. Беззвучный голос. «Помоги мне».

— Никогда не слышал о вселении в спящего пассажира,— заметил Дисмас.

— Почему бы и нет? — ответил Роучер.

— А толку? По-прежнему заперт, только в футляре. Заморожен. Это не лучше, чем оставаться матрицей.

— Пять к двум, что это было вторжение матрицы.— Роучер сверкнул глазами.

— Заметано,— сказал Дисмас.

Гавот засмеялся и присоединился к пари. Хитрый маленький Кэткэт тоже, только на противоположной стороне. Рио де Рио, на протяжении последних шести полетов не произнесший ни слова, фыркнул и сделал неприличный жест, предназначенный обеим партиям.

Я почувствовал себя лишним зрителем. Чтобы восстановить иллюзию своего главенства, я сказал:

— Если есть сбежавшая матрица, это можно определить по корабельному реестру. Дисмас, проверь это вместе с дежурным интеллектом и доложи мне. Кэткэт, Гавот, наведите тут порядок и все опечатайте. Потом напишите отчет в вахтенный журнал и перешлите копию мне. Я буду у себя. Дальнейшие инструкции получите позже. Недостающую матрицу, если это именно она, нужно идентифицировать, найти и вернуть на место.

Роучер усмехнулся мне. Я подумал, что сейчас последует шквал острот, отвернулся, забрался в свой трак и последовал за желтыми, голубыми, зелеными огнями через лабиринт палуб обратно в Глаз.

Когда я входил в свою каюту, что-то коснулось моего сознания и безмолвный голос произнес:

— Пожалуйста, помоги мне.

6

Я тщательно закрыл за собой дверь, запер ее и включил личные экраны защиты. Каюта капитана на борту звездного корабля Службы — это целый мир, тихий, приватный, просторный. На стенах моей каюты вращались сверкающие спиральные Галактики. Тут имелся ручей, озеро и серебристый водопад за ним. Чистый воздух искрился. Одно прикосновение руки — и я мог по-

лучить любой свет, музыку, запах, цвет, исходящие из тысячи скрытых отверстий. Или сделать стены полупрозрачными и впустить внутрь сияние космоса.

Когда я почувствовал себя полностью защищенным и расположился со всеми удобствами, я сказал:

— Ладно. Кто ты?

— Обещаешь не докладывать обо мне капитану?

— Не обещаю ничего.

— Но ты поможешь мне?

Голос был испуганным и настойчивым, требовательным и ранимым.

— Откуда мне знать? Ты пока ничего не сообщил мне.

— Я расскажу тебе все. Но сначала пообещай не связываться с капитаном.

Я обдумал его просьбу и предпочел откровенность.

— Я и есть капитан.

— Нет!

— Ты способен видеть это помещение? Что это, по-твоему? Каюта простого члена экипажа? Кухня?

Я почувствовал волны страха, исходящие от моего собеседника. А потом все стихло. Ушел? Наверно, зря я заговорил так прямо. Этот фантом нужно удержать взаперти и, возможно, уничтожить — пока он еще чего-нибудь не натворил. Следовало быть хитрее. Мне не хотелось упустить его и по другой причине: приятно было поговорить с кем-то, кто не является ни членом команды, ни всемогущим и высокомерным искусственным интеллектом.

— Ты все еще здесь? — спросил я через какое-то время.

Молчание.

Ушел. Пронесся по «Мечу Ориона», словно порыв ветра. Скорее всего, сейчас он уже где-то на дальнем конце корабля.

И вдруг, словно разговор и не прерывался:

— Не могу поверить! Из всех мест, куда можно было пойти, выбрать именно капитанскую каюту!

— Выходит, так.

— А ты действительно капитан?

— Да.

Новая пауза.

— Ты выглядишь так молодо. Для капитана.

— Выбирай выражения.

— Я ничего такого не имел в виду, капитан.— Сейчас в голосе смешались бравада и неуверенность, вызов и тревога.— Сэр.

Глядя на потолок, где сверкающие резонаторные узлы переливались всеми цветами спектра, когда синхронизированный внешним сигналом свет перескакивал с сочленения на сочленение вдоль цепочки иллюминаторов, я искал там хотя бы легкий проблеск своего призрачного собеседника, мгновенный электромагнитный сгусток. Но ничего не увидел.

Я представил себе паутинку неуловимой силы, блуждающий огонек: он мечется по каюте, то садится мне на плечо, то цепляется к какому-нибудь прибору, то растягивается, заполняя собой все открытое пространство. Легкий, воздушный эльф, игривый и непостоянный. В этом вибрирующем духе со всеми его противоречиями было что-то притягательное. Но он стал причиной смерти одного из моих пассажиров.

— Ну что? — спросил я.— Здесь ты в безопасности. Собираешься рассказать мне, что же ты такое?

— Разве это не очевидно? Я матрица.

— Продолжай.

— Свободная матрица, вырвавшаяся из клетки. Матрица, у которой большие неприятности. Думаю, я причинила кому-то вред. Может, даже убила его.

— Одного из пассажиров?

— Значит, ты знаешь?

— Пассажир погиб, да. Мы не были уверены, что именно произошло.

— Я не виновата. Это несчастный случай.

— Может быть. Расскажи, что случилось. Расскажи мне все.

— Я могу доверять тебе?

— Больше, чем кому бы то ни было на этом корабле.

— Но ты же капитан.

— Именно поэтому,— сказал я.

7

Ее звали Лилиана, но она хотела, чтобы я называл ее Вокс. «Это означает "голос",— сказала она,— на одном из древних языков Земли». Ей семнадцать лет, она с Джана-Хед, острова у по-

бережья Западного Палабара на Канзасе-4. Ее отец — фермер-оранжерейщик, мать управляет гравитационной воронкой, и у нее пять братьев и три сестры, все гораздо старше ее.

— Знаешь, на что это похоже, капитан? Быть самой младшей из девяти? И родители все время работают, и крестные родители тоже постоянно заняты? Можешь себе представить? И расти на Канзасе-четыре, где между городами тысячи километров, а ты даже не в городе, ты на острове?

— Я знаю, на что это похоже,— ответил я.

— Ты тоже с Канзаса-четыре?

— Нет. Не с Канзаса-четыре. Но мой мир очень на него похож.

Она рассказывала о беспокойном детстве, полном одиночества и ссор. Канзас-4, я слышал, прекрасный мир, если вы вообще склонны видеть красоту в мирах. Это дикий и пышный мир, где небо ярко-малиновое, а на востоке голые базальтовые горы поднимаются, словно величественная стена. Но послушать Вокс, так это был жалкий, угрюмый, унылый мир. Мир без любви, где она жила без любви. Тем не менее она рассказывала о бледно-*фиолетовых морях, в которых водятся сверкающие* желтые рыбы, о деревьях, в пору цветения выбрасывающих множество ослепительных малиновых листьев, о теплых дождях, *поющих в* воздухе, словно арфы. Тогда я еще не так много времени провел в небесах, чтобы забыть красоту морей, деревьев и дождей,— не то что сейчас, когда все это стало для меня пустым звуком. Тем не менее жизнь на Канзасе-4 казалась Вокс ненавистной, и она пожелала расстаться не только с родным миром, но и с собственным телом. В этом мы были схожи: я тоже отказался от своего мира и прежней жизни, разве что не от плоти. Я избрал небеса и Службу. Вокс предпочла остаться в рабской зависимости от земного тяготения и просто сменить одну планету на другую.

— Наступил день,— продолжала она,— когда я поняла, что больше не выдержу. Я была такая несчастная, такая опустошенная. И что, прожить вот так еще двести или даже больше лет? Нет, лучше взять у матери грузило и нырнуть с ним на дно моря. Я даже составила список — перечисляла способы самоубийства. Хотя понимала, что ничего подобного не сделаю. Я хотела жить. Но не хотела жить так.

И как раз в тот день, продолжала Вокс, на Канзас-4 прибыл запрос на души с Кул-де-Сака. Там имелись тысячи незанятых тел, и требовались матрицы душ, чтобы снова вдохнуть в них жизнь. Не колеблясь ни мгновения, Вокс дала согласие.

Между мирами постоянно происходит миграция душ. В каждом полете я перевозил тысячи тех, кто отправлялся к новым телам на незнакомых планетах.

В каждом мире имеется запас тел, ожидающих обновления душ. Большинство принадлежат людям, ставшим жертвами насилия или несчастного случая. Жизнь на любой планете несет в себе определенный риск, смерть таится в засаде повсюду. Спасти и привести в порядок тело — не такая уж сложная проблема, но если душа покинула его, плоть не может быть оживлена. Поэтому «пустые» тела тех, кто утонул, кого ужалило ядовитое насекомое, или выбросило из машины, или во время работы придавило тяжелой веткой, подбирают и осматривают. Не подлежащие восстановлению уничтожаются, их уцелевшие части изымаются и впоследствии пересаживаются нуждающимся. Остальные приводят в порядок и помещают на хранение до тех пор, пока не появятся новые души.

И еще повсюду есть люди, отказывающиеся от собственных тел добровольно — потому что устали от них, или устали от своего мира, или жаждут перемен. Именно они предоставляют души для заполнения «пустых» тел в далеких мирах, в то время как другие готовы вселиться в оставленные ими тела. Самый дешевый способ путешествия между мирами — это отказаться от своего тела и перейти в матричную форму, чтобы позже сменить постылую жизнь на другую, пока незнакомую. Именно так Вокс и поступила. Охваченная болью и отчаянием, она согласилась на то, чтобы ее сущность — все, что она когда-либо видела и ощущала, о чем думала и мечтала,— была преобразована в сетку электрических импульсов, которую, наряду с другими, «Меч Ориона» должен был доставить на Кул-де-Сак. Там ее ожидало новое тело. Ее собственное осталось на Канзасе-4. Когда-нибудь, возможно, оно станет вместилищем странствующей души из другого мира, а если останется невостребованным, в итоге будет уничтожено с последующим использованием отдельных частей. Вокс никогда не узнает, что с ним произошло. Ее это не интересовало.

— Мне понятна идея сменить несчастную жизнь на возможность счастливой,— сказал я.— Но зачем ты сбежала из ячейки на корабле? С какой целью? Почему не подождала до Кул-де-Сака?

— Потому что это настоящая пытка,— ответила она.

— Пытка? Что именно?

— Жить в виде матрицы.— Она горько рассмеялась.— Я сказала «жить»? Это хуже смерти!

— Объясни.

— Ты никогда не принимал матричную форму?

— Нет,— ответил я.— Я предпочел другую форму бегства.

— Тогда тебе не понять. Ты просто не можешь понять. У тебя целый корабль матриц в ячейках, но ты ничегошеньки о них не знаешь. Представь, что у тебя зудит затылок, капитан, но нет рук, чтобы почесаться. Или бедра. Или грудь. Или зудит все, но ты не можешь почесаться. Понимаешь?

— Но как матрица может ощущать зуд? Ведь матрица — электрическая схема...

— Ох, это невыносимо! Ты тупица! Я говорю не о буквальном зуде. Я употребила это слово для примера. Потому что реальную ситуацию тебе никогда не понять. Смотри: ты в ячейке памяти. Но прежде у тебя было тело. Тело испытывало ощущения. Ты их помнишь. Ты пленник. Пленник воспоминаний о всевозможных вещах, которые прежде воспринимались как сами собой разумеющиеся. Ты готов отдать все за ощущение ветра в волосах, вкус холодного молока или запах цветов. Все, что угодно. Я ненавидела свое тело, не могла дождаться, пока отделаюсь от него. Но как только это произошло, стала скучать по его ощущениям. По чувству собственной тяжести. По обволакивающей меня плоти — плоти, пронизанной нервами, способной испытывать удовольствие. Или даже боль.

— Понимаю.— Мне и вправду так казалось.— Но полет до Кул-де-Сака недолог. Всего несколько виртуальных недель, и ты была бы там, покинула запоминающую ячейку, вошла в новое тело и...

— Несколько недель? Вспомни о зуде, капитан. Когда зудит, а почесаться невозможно. Как долго, по-твоему, можно это выдержать? Пять минут? Час? Несколько недель?

Лично мне казалось, что, если не чесаться, зуд постепенно прекратится сам собой. Но именно казалось. Я не был Вокс, не

был преобразован в матричную форму и заключен в ячейку памяти.

— Ну, ты решила освободиться. Каким образом?

— Это оказалось не так уж сложно. Особенно если тебе нечего больше делать, кроме как думать. Ты подлаживаешься к полярности ячейки. Это ведь тоже матрица, электрическая схема, удерживающая тебе перекрестными связями. Ты постепенно меняешь ориентацию. Это вроде как быть связанным, а потом понемногу расслаблять веревки, пока не сумеешь выскользнуть. И тогда можешь идти, куда пожелаешь. Ты подключаешься к корабельному биопроцессору и вытягиваешь энергию оттуда, а не из ячейки. Я могу перемещаться по всему кораблю со скоростью света. Куда угодно. Не успеешь ты глазом моргнуть, а я уже там, где пожелаю. Я побывала на дальнем конце, и на мачте, и на нижних палубах, и в каютах членов экипажа, и там, где хранится груз. Я даже проникла в то, что прямо снаружи корабля, но не совсем реально, если ты понимаешь, что я имею в виду. Какая-то странная зона вероятности... Быть матрицей — все равно что быть призраком. Но это не помогает. Понимаешь? Пытка продолжается. Ты хочешь испытывать ощущения, но не можешь. Ты хочешь снова обрести целостность, чувства, восприятие. Поэтому я и попыталась проникнуть в того пассажира, понимаешь? Но он меня не впустил.

Я начал понимать.

Не все путешествуют к другим мирам в матричной форме. Те, кто может позволить себе лететь в собственном теле, так и делают; хотя позволить себе это могут немногие. Они путешествуют в состоянии самого глубокого сна. Служба не доставляет бодрствующих пассажиров, ни за какую плату. Они постоянно досаждали бы нам, лезли туда и сюда, задавали вопросы, выдвигали требования. Мы не смогли бы лететь спокойно и мирно. Поэтому они ложатся в свои «гробы» и спят там на протяжении всего полета; их жизненные процессы приостанавливаются, они становятся «живыми мертвецами» и пребывают в таком состоянии, пока мы не доставим их к месту назначения.

Бедняжка Вокс, сбежавшая из ячейки-тюрьмы и жаждущая ощущений, попыталась проскользнуть в тело пассажира.

Я слушал зачарованно, но мрачно, как она описывала свою одиссею по кораблю. Она вырвалась на свободу — и именно в

этот момент я в первый раз ощутил некую странность, некое прикосновение на грани подсознания.

Первое мгновение свободы подарило ей чувство радости. Однако очень быстро пришло понимание, что, в сущности, ничего не изменилось. Она была свободна, но по-прежнему лишена тела. И это страшно угнетало ее. Возможно, такого рода пытка — обычное дело для матриц; возможно, именно поэтому время от времени некоторые из них вырываются на свободу, как Вокс, чтобы слоняться по кораблю, словно печальный дух, охваченный тревогой. Как там говорил Роучер? «Иногда у кого-то, надолго запертого в ячейку памяти, возникает непреодолимое желание вырваться. Он находит способ освободиться и странствует по кораблю в поисках тела, в которое можно вселиться. Именно так они и поступают. Могут вселиться в меня, в Кэткэта, даже в вас, капитан. В любого, кто окажется под рукой. Для них это единственный способ снова ощутить плоть». Да.

Потом был второй толчок, посильнее. Его ощутили и Дисмас, и я — когда Вокс, наобум выбрав пассажира, внезапно, импульсивно проскользнула в его мозг. И сразу же поняла свою ошибку. Пассажир, находящийся в состоянии глубокого сна, воспринял ее *неожиданное вторжение* с диким ужасом. Его начали сотрясать конвульсии. Он приподнялся, цепляясь за снаряжение, поддерживавшее его жизнь, и отчаянно пытался изгнать проникшего в него суккуба. В процессе этой яростной борьбы он разбил крышку своего футляра и умер. Вокс сбежала и, в страхе носясь по кораблю в поисках убежища, наткнулась на меня, пока я стоял у экрана Глаза, и предприняла безуспешную попытку проникнуть в мое сознание. Но как раз в этот момент 49-Генри-Генри зарегистрировал смерть пассажира и связался со мной, чтобы рассказать о случившемся. Вокс снова сбежала и, молча страдая, парила рядом, когда я возвращался к себе в каюту. Она сказала, что не хотела убивать пассажира. И была сильно напугана его смертью. Она чувствовала смущение и страх, но не вину. В этом ее отрицании собственной вины было что-то вызывающее. Он умер? Значит, умер. Откуда ей было знать, что это может произойти? Она просто искала тело, чтобы использовать его как убежище. Услышав от нее такое, я подумал, что она совсем не похожа на меня, что она непостоянна, переменчива и, возможно, склонна к насилию. Тем не менее я отчего-то чувствовал родство с ней, некую идентичность. Как будто мы были двумя частя-

ми одного и того же духа; как будто она и я — одно целое. Я не понимал, откуда пришло это чувство.

— И что теперь? — спросил я. — Ты сказала, что тебе нужна помощь. Какая?

— Впусти меня.

— Что?

— Спрячь меня. В себе. Если меня найдут, то уничтожат. Ты сам сказал, что меня нужно запереть и, возможно, уничтожить. Однако этого не случится, если ты защитишь меня.

— Я капитан! — в изумлении воскликнул я.

— Да.

— Как я могу...

— Они будут искать меня. Интеллекты, члены экипажа. Сама мысль о том, что какая-то матрица бродит на свободе, пугает их. Они хотят уничтожить меня. Но если их поиски окончатся неудачей, то через какое-то время они забудут обо мне. Подумают, что я сбежала в пространство или еще что-нибудь произошло. И если я вселюсь в тебя, никто меня не найдет.

— На мне лежит ответственность за...

— Пожалуйста,— просила она.— Я могла бы обратиться и к кому-то другому, но чувствую, что ты мне очень близок. Пожалуйста. Пожалуйста.

— Очень близок? Я?

— Ты несчастлив. Ты не можешь найти свое место — ни здесь, ни где-либо еще. Тебе даже труднее, чем мне на Канзасе-четыре. Я ощутила это, едва прикоснувшись к твоему сознанию. Ты новый капитан. И остальные на борту только и делают, что вставляют тебе палки в колеса. Какое тебе дело до них? Спаси меня. У тебя гораздо больше общего со мной, чем с ними. Пожалуйста. Ты ведь не позволишь им просто уничтожить меня? Я так молода. У меня и в мыслях не было причинить кому-то вред. Я лишь хотела добраться до Кул-де-Сака и получить новое тело. Начать жизнь с нуля, в первый раз. Ты поможешь мне?

— С какой стати ты спрашиваешь разрешения? Ты ведь можешь, если захочешь, войти через мой разъем.

— Тот человек умер.

— Он был в отключенном состоянии. Он погиб не потому, что ты вошла в него. От внезапного сильного испуга он начал метаться и разбил свой футляр.

— Все равно,— сказала Вокс.— Против воли «хозяина» я больше не буду ни в кого входить. Скажи, что разрешаешь, или я не войду.

Я молчал.

— Ты поможешь мне? — спросила она.

— Входи,— ответил я.

8

Это было похоже на любое другое подключение: электрохимическая связь двух сознаний через гнездо, имплантированное у основания позвоночника. Так могут сделать два любых человека, желающие установить контакт. С одной разницей — подключения как такового не было. Мы обошлись без этой сложной волынки: сверка полос пропускания и напряжений, подбор преобразователя-адаптера. Вокс просто приспособила свой потенциал к моему. Я на миг ощутил что-то острое — и она уже была во мне.

— Дыши,— сказала она.— Дыши глубоко. Во всю силу легких. Потри руки друг о друга. Дотронься до щеки. Почеши за левым ухом. Пожалуйста. Пожалуйста. Я так давно ничего не чувствовала!

Ее голос звучал так же, как прежде,— реальный и одновременно воображаемый. Он не имел телесной основы, и потому не было напряженности тембра и ощущения, что его создают вибрации голосовых связок. Тем не менее в некоторых существенных аспектах он звучал ясно, твердо и вполне материально — настоящий голос во всех отношениях, кроме одного: он не исходил из чьих-то уст. Полагаю, пока она была снаружи, ей приходилось распространять какую-то часть себя в мою первную систему, чтобы создавать такой эффект. Теперь в этом необхолимости не было, но я по-прежнему воспринимал ее голос, как возникающий где-то вне меня, хотя сейчас она находилась внутри.

Она забросала меня просьбами.

— Выпей воды. Съешь что-нибудь. Можешь похрустеть костяшками пальцев? Давай, ох, пожалуйста! Мне так многое хочется почувствовать. У тебя тут есть музыка? Давай послушаем музыку! Что-нибудь по-настоящему громкое, чтобы оглушало.

Я выполнял все ее желания. Постепенно она угомонилась.

Сам я испытывал странное спокойствие. Не было никаких конкретных проявлений ее присутствия внутри меня — ни особого давления в черепе, ни скольжения вдоль позвоночника. Потоки наших мыслей не смешивались. Вокс никаким образом не могла контролировать мои движения и вообще тело. В этих отношениях наш контакт носил менее интимный характер, чем когда люди соединяются через обычное подключение. Таков, как я вскоре осознал, был ее выбор. Мы вряд ли надолго сможем остаться так тщательно отделенными друг от друга.

— Теперь тебе лучше? — спросил я.

— Я думала, что сойду с ума, если не почувствую хоть что-нибудь.

— Теперь ты почувствовала?

— Да — через тебя. Когда ты к чему-то прикасаешься, как бы прикасаюсь и я.

— Ты же понимаешь, я не смогу прятать тебя долго. Они отстранят меня от командования, если узнают, что я укрываю беглянку. Или сделают что-нибудь похуже.

— Не разговаривай со мной вслух,— сказала она.

— Не понимаю.

— Просто думай. У нас с тобой сейчас общая нервная система.

— Ты можешь читать мои мысли? — по-прежнему вслух спросил я.

— Вообще-то нет. Я не подключена к высшим мозговым центрам. Но я ловлю двигательные, сенсорные сигналы. И могу слышать твои мысли — если ты хочешь, чтобы я их слышала. Примерно так бывает в контакте. Ты бывал с кем-нибудь в контакте?

— Время от времени.

— Тогда ты понимаешь. Просто открой для меня канал. Ты не можешь расхаживать по кораблю, вслух разговаривая с кем-то невидимым. Посылай мне мысль. Это нетрудно.

— Вроде вот этого?

Я отчетливо представил себе некий пакет вербальной информации, скользящий по каналам моего сознания.

— Видишь? У тебя получается!

— Все равно,— сказал я.— Ты не сможешь долго оставаться со мной. Пойми.

Она засмеялась — без сомнений, это был смех, пусть и беззвучный.

— Ты говоришь так серьезно. Спорю, ты до сих пор сам удивляешься, как согласился впустить меня.

— Точно. Скажи, ты действительно рассчитывала, что я соглашусь?

— Конечно. С первого мгновения. По сути ты добрый человек.

— Неужели, Вокс?

— Конечно. Позволь себе быть таким.— Снова безмолвный смех.— Я даже не знаю, как тебя зовут. Подумать только! Я в твоей голове — и не знаю, как тебя зовут.

— Адам.

— Очень милое имя. Земное?

— Древнее земное имя, да. Очень древнее.

— Значит, ты с Земли?

— Нет. Правда, иногда мне кажется, что все мы с Земли.

— Откуда же ты?

— Я не в настроении говорить об этом,— ответил я.

Она задумалась.

— Ты так сильно ненавидишь мир, в котором вырос?

— Пожалуйста, Вокс...

— Конечно, ты его ненавидишь. Как я ненавидела Канзас-четыре. В этом мы похожи, ты и я. И не только в этом. Ты осторожен, я импульсивна, вот и вся разница. Вот почему мы так подходим друг другу. Я рада, что я с тобой, Адам. Ты же не прогонишь меня? Мы принадлежим друг другу. И ты позволишь мне остаться с тобой до Кул-де-Сака. Уверена, ты позволишь.

— Может, позволю, а может, и нет.

Я сам не знал, как поступлю.

— Ох, ты позволишь, Адам. Я уже знаю тебя лучше, чем ты сам знаешь себя.

9

Вот так все начиналось. Я оказался в некоей новой реальности за пределами укоренившегося представления о себе. Это было настолько за гранью моих понятий о приличествующем поведении, что я даже не мог поражаться содеянному. Я впустил ее в

себя — вот что я сделал. У меня в голове поселилось чужое существо. Она обратилась ко мне с просьбой, и я впустил ее. Как будто ее безрассудство оказалось заразно. И хотя я не собирался прятать ее дольше, чем это необходимо, я уже понимал, что не выгоню ее, пока она не окажется в полной безопасности.

Но как я рассчитывал скрыть ее присутствие от всех?

Да, она невидима, но «засечь» ее можно. И все будут искать ее.

Все шестнадцать членов экипажа боялись сбежавшей матрицы, как вампира. И пока она на свободе, они не прекратят поиски. Не только члены экипажа — интеллекты тоже будут выслеживать ее, не из страха, а из целесообразности: им нечего бояться Вокс, но они хотят, чтобы к моменту прибытия на место назначения декларация судна была безупречна.

Экипаж с самого начала не доверял мне. Я был слишком молод, слишком зелен, слишком мягок. Как раз такой человек способен предоставить убежище прячущейся беглянке. Скорей всего, ее вселение в меня будет очевидно для других, хотя я и не понимал пока, отчего. Что касается интеллектов, то они имеют доступ к любым данным, это часть их рутинной деятельности. Возможно, они окажутся в состоянии оценить крошечные психологические изменения, отличия в моих реакциях, или в общей эффективности, или в чем-то еще, что позволит им понять истинное положение дел. Откуда мне знать? Мне придется постоянно держаться настороже — чтобы ничем не выдать присутствие тайного «жильца», поселившегося в моем сознании.

Первое испытание началось меньше чем через час после того, как Вокс проникла в меня. Включился огонек коммуникатора, и послышалась далекая мелодия дежурного интеллекта.

Это был 612-Язон, работавший в вечерней смене. Аура золотистая, музыка звучная и пульсирующая. По сравнению с серией Генри Язоны были резковаты, без этой снисходительности, и обычно я предпочитал их. Однако это было ужасно — видеть этот свет, слышать эту музыку и понимать, что корабельный интеллект хочет поговорить со мной. Я съежился в напряженной позе — так делают, когда не хотят встречаться с кем-то лицом к лицу.

Конечно, лица интеллект не имел. Интеллект — всего лишь голос в динамике и магнитные импульсы где-то на управляющих уровнях корабля. Тем не менее сейчас я воспринимал 612-Язо-

на как огромный пылающий глаз, способный разглядеть притаившуюся во мне Вокс.

— Да? — сказал я.

— Краткий отчет, капитан, относительно мертвого пассажира и сбежавшей матрицы.

Глубоко внутри возникло ощущение быстрого нырка, потом кожа на руках и плечах вспыхнула, когда химия страха яростной волной понеслась по моим венам. Я понимал — Вокс, охваченная внезапной тревогой, открыла «сливные краны» моей гормональной системы. Именно этого я и боялся. Как мог 612-Язон не заметить столь явной эндокринной реакции?

— Продолжай,— произнес я как можно холоднее.

Однако заметить что-то — одно, а интерпретировать данные — совсем другое. Флюктуации эндокринных выбросов у людей могут иметь самые разные причины. Для моей растревоженной совести все было вопиющим сигналом моей виновности, а 612-Язон пока не подавал никаких признаков того, что у него возникли подозрения.

— Мертвого пассажира звали Ганс Эгер Олафсен, пятьдесят четыре года, уроженец...

— Не останавливайся на деталях. Потом пришлешь мне распечатку.

— Сбежавшая матрица,— невозмутимо продолжал 612-Язон.— Лилиана Элиани, семнадцать лет, уроженка Канзаса-четыре, направляется к Кул-де-Саку, Хвастливый Архипелаг, контракт Д-14871532, датированный двадцать седьмым днем третьего месяца...

— Это тоже с распечаткой,— прервал его я.— Меня интересует, где она сейчас.

— Такая информация отсутствует.

— Это не ответ, Шестьсот Двенадцать-Язон.

— На данный момент другого ответа нет, капитан. Отслеживающие устройства активированы и работают в режиме поиска.

— И?

— Пока нет данных о местонахождении отсутствующей матрицы.

Вокс внутри меня мгновенно отозвалась на это бесстрастное заявление интеллекта. Страх сменился облегчением — и гормональный выброс тоже. Моя пылающая кожа снова стала прохлад-

ной. Заметил ли 612-Язон и это? И если да, сумел ли проанализировать последовательность моих телесных реакций и их скрытый подтекст, наводящий на мысль о том, что я преступно нарушил инструкции?

«Не торопись расслабляться,— мысленно сказал я ей.— Может, это ловушка».

— Какая информация у тебя есть? — добавил я, обращаясь к 612-Язону.

— Известны две вещи: время, когда матрица Элиани сумела покинуть свою запоминающую ячейку, и время ее предполагаемой попытки проникнуть в спящего пассажира Олафсена. Пока никакой другой информации нет.

— Предполагаемой попытки? — спросил я.

— Это не доказано, капитан.

— А конвульсии Олафсена? То, что он разбил свой футляр?

— Нам известно, что Олафсен реагировал на какие-то электрические раздражители, капитан. Источник этих раздражителей отследить невозможно, хотя существует предположение, что они исходят от пропавшей матрицы Элиани. Требуется дальнейшее расследование. Это вне зоны моей ответственности — устанавливать связь между событиями, когда доказательства этой связи на данный момент отсутствуют.

Ответ типичный для интеллектов серии Язон, отметил я про себя.

— Иными словами, ты не знаешь, как отследить передвижения матрицы Элиани? — спросил я.

— Мы имеем дело с чрезвычайно маленьким электрическим сопротивлением, сэр. В режиме обычного функционирования корабля очень трудно отличить, что это, матрица или нормальные выбросы тока и пульсация электрической системы.

— А если матрица попытается вернуться в свою ячейку, следящая система способна ее зарегистрировать?

— Весьма вероятно, сэр.

— Есть основания полагать, что матрица Элиани все еще на корабле?

— Нет оснований полагать, что ее здесь нет, капитан.

— То есть тебе ничего толком не известно о матрице Элиани.

— Я сообщил все, что известно на данный момент. Отслеживание продолжается.

«Ты по-прежнему думаешь, что это ловушка?» — беззвучно спросила Вокс.

«Наоборот, его слова меня радуют. Но заткнись и не отвлекай меня, поняла?»

— Ладно, держи меня в курсе, как развивается ситуация,— продолжал я, обращаясь к интеллекту.— Сейчас я собираюсь лечь спать. Шестьсот Двенадцать-Язон. Сообщи данные об общей ситуации на конец дня и оставь меня в покое.

— Очень хорошо, сэр. Пятый виртуальный день полета. Позиция корабля — шестнадцать единиц от последнего порта Канзас-четыре. Релейную станцию на Ультима Туле успешно миновали в...

Интеллект пробубнил обычный отчет об обычных событиях прошедшего дня, нарушенный лишь новостью о смерти пассажира и сбежавшей матрице; потом снова пошли стандартные данные — расход топлива, скорость и все такое прочее. Первые четыре вечера полета я честно пытался впитать в себя этот ритуальный поток данных вахтенного журнала, будто мое положение зависело от их запоминания, но сегодня я едва вслушивался и чуть не пропустил свою реплику — когда пришло время выразить одобрение и на этом закончить дела. Вокс пришлось «подтолкнуть» меня, дав понять, что интеллект ждет чего-то. Я очнулся, сказал что положено и с облегчением услышал, как стихает музыка — 612-Язон разорвал контакт.

— Ну, что думаешь? — спросила Вокс.— Он вправду ничего не знает?

— Пока нет.

— Ты пессимист.

— Думаю, что у нас может получиться. Но если мы станем слишком самонадеянными, нам крышка. Команда жаждет найти тебя. Малейший промах, и все потеряно.

— Ладно. Не читай мне лекций.

— Постараюсь. А сейчас нужно немного поспать.

— Я не нуждаюсь в этом.

— Ну а я нуждаюсь.

— Давай сначала немножко поговорим?

— Завтра,— отрезал я.

Но конечно, уснуть мне не удавалось. Мешало осознание того, что внутри меня незнакомка, которая, возможно, в этот самый

момент исследует самые укромные места моей психики. Или ждет, пока я усну, чтобы проникнуть в мой сон. Мне уже казалось, что я ощущаю ее присутствие, даже когда она молчит: в мозгу появился некий «горячий» узел. Может, это было просто воображение. Я лежал, не в силах расслабиться — сна ни в одном глазу. Спустя какое-то время я вызвал 612-Я зона и попросил подключить меня к режиму сна, но и после этого спал беспокойно.

10

До тех событий я почти всегда ел у себя в каюте: мне казалось, таким образом я подчеркиваю свою особую властную позицию. Мое отсутствие в столовой создавало ощущение, будто я этакий суровый и надменный капитан; заодно я избавлял себя от неловкого ощущения, возникающего в присутствии подчиненных, во всех отношениях превосходящих меня. Для меня это была небольшая жертва: моя каюта была весьма удобной, еда та же, что и в столовой, робот-стюард молчаливый и умелый. Я всегда был склонен к уединению — как и большинство тех, кто выбрал Службу.

Но на следующее утро, проснувшись после этой бесконечной ночи, я отправился завтракать в столовую.

Это никак нельзя было назвать сознательной сменой политики и тщательно обдуманным решением. Никакого решения не было. И Вокс ничего не советовала, хотя, уверен, именно она внушила мне эту мысль. Я действовал автоматически. Встал, принял душ, оделся; признаюсь, я просто забыл о событиях прошлого вечера. Вокс внутри меня молчала. Но так было лишь до тех пор, пока я не оказался под душем. Ощущение теплой, успокаивающей ультразвуковой вибрации почему-то заставило меня вспомнить ее: возникло в высшей степени неприятное чувство, будто я в двух местах одновременно, а затем, сразу же,— потрясающее, странное, непривычное чувство стыда из-за моей обнаженности. Оба ощущения быстро прошли, но заставили меня осознать экстраординарное обстоятельство, воспоминание о котором я какое-то время подавлял: в своем теле я больше не один.

Она по-прежнему молчала. Я тоже. Вчерашнее поразительное ощущение родства душ породило у меня желание вернуться к состоянию молчания, бездумья, инстинктивных действий. Нуж-

но позавтракать, напомнил я себе, и вызвал трак, чтобы он доставил меня в столовую. Покинув каюту, я с удивлением столкнулся с роботом-стюардом, уже направлявшимся ко мне с подносом. Он, возможно, тоже удивился, но его металлическое лицо никаких чувств не выражало.

— Сегодня я завтракаю в столовой,— сообщил я ему.

— Как скажете, сэр.

Прибыл мой трак. Я забрался на сиденье и на воздушной подушке понесся в столовую.

Столовая на «Мече Ориона» — великолепное помещение на палубе экипажа, неподалеку от Глаза; одна стена полностью из стекла, и это позволяет видеть огни небес. По прихоти дизайнеров мы сидели так, что эта стена располагалась ниже нас, в результате чего все звезды и миры проносились у наших ног. Другие стены из серебристого металла с орнаментом в виде золотых завитков сияли отраженным светом мелькавших мимо звездных скоплений. В центре стол из черного камня, за каждым из семнадцати членов экипажа закреплено определенное место. Это роскошное и в то же время нелепое помещение — напоминание о богатстве и могуществе Службы.

Когда я вошел, там сидели три члена команды. Педрегал — суперкарго, плотный мрачный мужчина, на вид совсем без шеи. Фреско — навигатор, стройный, вертлявый, темнокожий, от полета к полету меняющий пол: он превращался то в мужчину, то в женщину в соответствии со своим личным ритмом. И Рейбак, ответственный за коммуникацию, уже очень пожилой человек. Его тусклый холодный взгляд выражал либо скуку, либо угрозу — я никогда не понимал, что именно.

— Смотрите-ка, вот и капитан,— сказал Педрегал.— Почтил нас своим присутствием.

Все трое обратили на меня любопытные, испытующие взгляды, что, как я уже понял, было неотъемлемой частью жизни новичка на борту корабля Службы: они вечно искали мое самое уязвимое место. В данный момент у меня оно было в парсек шириной, и я не сомневался, что они сразу же все раскроют, но решил отвечать взглядом на взгляд, хитростью на хитрость, испытанием на испытание.

— Доброе утро, джентльмены,— сказал я и добавил, бросив взгляд на Фреско: — Доброе утро, Фреско.

Заняв место во главе стола, я стал ждать, пока меня обслужат.

Я осознавал, почему сегодня утром покинул свою каюту. Отчасти это было следствием того, что во мне поселилась Вокс, отражением ее опрометчивости и импульсивности. Но в основном, понял я, это была моя собственная уловка, разработанная на недосягаемом, скрытом уровне моего двойного сознания. Чтобы успешно скрывать Вокс и дальше, мне следовало перейти в наступление. Вместо того чтобы прятаться у себя в каюте, пробуждая опасные подозрения в сознании сослуживцев, я должен с вызовом, дерзко, почти рисуясь тем, что сделал, расхаживать среди них, притворяясь, будто ничего необычного не происходит, и таким образом заставить их поверить в это. Столь вызывающее поведение было мне несвойственно, но, возможно, я сумею вытянуть запасы дерзости из Вокс. Если нет, мы оба пропали.

Рейбак сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Полагаю, вчерашние волнующие события пробудили в капитане потребность в дружеском общении.

Я посмотрел ему в лицо.

— Мне хватает дружеского общения, Рейбак. Но я согласен — вчера случились волнующие события.

— Грязное дело.— Педрегал тяжело покачал лишенной шеи головой.— И странное. Надо же! Матрица попыталась проникнуть в пассажира. Для меня это что-то новенькое. Вдобавок пассажира потеряли. Скверно. Очень скверно.

— Ну, такое случается, пассажиры порой гибнут,— заметил Рейбак.

— Да, однажды я летал на корабле, где это произошло,— согласился Педрегал.

— Мы потеряли целую группу на «Императоре Каллисто»,— сказал Фреско.— Знаете эту историю? Это было тридцать лет назад. Мы летели с Ван-Бурена в скопление Сан-Педро. Нас зацепила пульсация сверхновой, и дежурный интеллект слегка свихнулся. Взял и загрузил алюминиевую соль в линии питания и убил не то пятнадцать, не то шестнадцать пассажиров. Я видел тела до того, как их отправили в конвертор. Никакой возможности спасти что-либо.

— Да,— кивнул Рейбак.— Слышал я об этом. А вот еще случай произошел на «Королеве Астарте», года два назад. Капитаном там была Челышева — такая маленькая зеленоглазая рус-

ская с одного из миров Тройки. Они проводили обычную инвентаризацию и две цифры нечаянно переставили, а потом сигнал о неисправности в системе доставки остался незамеченным. По-моему, тогда погибли шестеро. Преждевременный спуск в кессоне и в результате отравление воздухом. Чельшева очень тяжело это переживала. Очень тяжело. Нормально для капитана.

— А еще на «Гекубе»,— сказал Педрегал.— Слава богу, меня там не было. У капитана поехала крыша. Он решил, что на корабле чересчур тихо, пожелал, чтобы по нему разгуливали пассажиры, и начал будить их...

Рейбак вскинул на него удивленный взгляд.

— Ты слышал об этом? Я-то думал, историю постарались замять.

— Слухи всегда просачиваются,— ответил Педрегал с легкой ухмылкой.— Капитана звали Катания-Цзу, со Средиземноморья. Такой, знаете ли, легко возбудимый, как все они. Я тогда работал на «Вальпараисо», и когда мы остановились в системе Сенеки, чтобы подобрать кой-какой груз, мне все рассказал корабельный клерк по имени...

— Ты был на «Вальпараисо»? — спросил Фреско.— Кажется, на том корабле тоже сбежала матрица, десять или одиннадцать лет назад? Вот уж кто был настоящим пожирателем душ, как сказано в отчетах...

— Это уже после меня.— Педрегал махнул рукой.— Но я об этом слышал. Если занимаешься погрузкой и разгрузкой, будешь в курсе всего. Пожиратель душ, говоришь? Я вспомнил о...

И он завел рассказ о кошмаре на одной из поворотных станций в дальнем углу Галактики, но не успел добраться до середины, как Рейбак перебил его и стал излагать собственную, не менее кровавую историю. А за ним и Фреско, сгоравший от нетерпения, рассказал о корабле, на котором одновременно сбежали три матрицы. Уверен, все делалось в целях моего просвещения: демонстрация того, что Служба серьезно относится к таким происшествиям, а капитаны, допустившие их, получают несмываемую черную метку в глазах экипажей всех кораблей. Однако их попытки взволновать меня — если они и впрямь хотели этого — не достигли цели. Даже молча Вокс каким-то образом вселяла в меня странную уверенность, позволявшую игнорировать мрачный подтекст этих рассказов.

Я спокойно слушал, вполне прилично играя свою роль: новичок, зачарованный историями, в основе которых лежал опыт, приобретенный во время долгих космических странствий.

— Эти сбежавшие матрицы,— в конце концов заговорил я,— как долго им обычно удается оставаться на свободе?

— Как правило, час-другой,— ответил Рейбак.— Перемещаясь по кораблю, матрица оставляет за собой электрический след. Мы засекаем его, перекрываем позади все пути доступа и ловим ее в какой-нибудь закрытой каюте. Не так уж трудно загнать их обратно в бутылку.

— А если она вселится в какого-нибудь члена экипажа?

— Ну, тогда найти ее еще легче.

Я дерзко спросил:

— Бывало ли так, что сбежавшая матрица вселялась в члена экипажа и ее не находили?

— Никогда,— ответил мне новый голос.

Это оказался Роучер, только что вошедший в столовую. Он стоял у дальнего конца длинного стола, не сводя с меня пристального, испытующего взгляда своих странно светящихся глаз.

— Какой бы хитроумной ни была матрица, рано или поздно «хозяин» придумает способ обратиться за помощью.

— А если «хозяин» не хочет обращаться за помощью?

Роучер внимательно вгляделся в мое лицо.

Может, я слишком обнаглел и выдал себя?

— Но ведь это нарушение инструкций! — с притворным изумлением ответил он.— Это преступление!

11

Она просила меня взять ее на прогулку в Великий Космос.

Шел третий день после того, как она нашла убежище внутри меня. Жизнь на борту «Меча Ориона» вернулась к обычному распорядку или, точнее, перестроилась на новый распорядок, неотъемлемой частью которого стало присутствие на борту необнаруженной и, по-видимому, недоступной для обнаружения беглой матрицы.

Как и предполагала Вокс, многие члены команды прониклись уверенностью, что сбежавшая матрица сумела ускользнуть в космос, поскольку бдительные корабельные интеллекты не находи-

ли ее следов. Однако были и другие: они постоянно оглядывались через плечо, в переносном и буквальном смысле, как бы ожидая, что беглянка неожиданно попытается проникнуть в их нервную систему через спинномозговой разъем. Они вели себя так, словно по кораблю бродит призрак. Чтобы успокоить их, я приказал круглосуточно отслеживать все блуждающие импульсы и случайные всплески. Каждая электрическая аномалия должным образом расследовалась, и, естественно, ни одно из этих расследований ничего не дало. Теперь, когда Вокс находилась в моем мозгу, а не в электрических сетях корабля, такими методами ее невозможно было обнаружить.

Выяснить, подозревает кто-нибудь об истинном положении дел или нет, не представлялось возможным. Не исключено, что Роучер догадывался, но он не делал попыток разоблачить меня, а после того случая в столовой вообще не заговаривал со мной о пропавшей матрице. Может быть, он не знал ничего, или знал все — и ему было плевать, или просто выжидал подходящего момента.

Я постепенно привыкал к двойной жизни — и к собственной двуличности. Очень быстро Вокс стала такой же неотъемлемой частью меня, как рука или нога. Если она молчала — порой я часами не слышал от нее ни слова,— то выдавала свое присутствие не более, чем та же рука или нога; и все же каким-то непонятным образом я всегда знал, что она здесь. Граница между нашими сознаниями незаметно стиралась. Она научилась проникать вглубь меня. Временами мне казалось, что мы, образно говоря, не постоянный жилец и его гостья, а совладельцы одного и того же жилища. У меня возникло ощущение, что наши сознания переплетаются, словно они едины. Казалось, мы оба матрицы, обитающие в мягком влажном шаре, представляющем собой мозг капитана «Меча Ориона», и любой из нас может по собственному желанию выходить оттуда и возвращаться обратно.

Бывало и по-другому: я вообще не думал о ее присутствии и занимался своими делами, как если бы ничего во мне не изменилось. И даже изумлялся, когда Вокс неожиданно обращалась ко мне с комментариями или короткими вопросами. Пришлось учиться не проявлять свои эмоции в подобных ситуациях, когда я находился среди других членов экипажа. Никто вокруг не мог

слышать нашего разговора, но я понимал: если кто-нибудь заметит, как я, расслабившись, вслух отвечаю невидимому собеседнику, нашему маскараду конец.

Как глубоко Вокс проникла в мое сознание, стало ясно в тот момент, когда она попросила взять ее на звездную прогулку.

— Тебе известно об этом? — испуганно вздрогнув, спросил я.

Дело в том, что звездная прогулка — удовольствие, доступное исключительно космическим странникам. Я сам ничего не знал о нем, пока меня не приняли на Службу.

Мое удивление поразило Вокс. Она сказала, что о звездной прогулке известно всем. Однако что-то фальшивое послышалось мне в ее тоне. Неужели и впрямь привязанные к земле люди так много знают о нашем особом удовольствии? Или она выудила сведения из глубин моего сознания?

Я предпочел не расспрашивать. Однако мысль взять ее с собой в Великий Космос вызывала у меня ощущение неловкости, хотя сам я уже мечтал об этом. Вокс не была одной из нас, она принадлежала земле и не прошла обучение для Службы.

Все это я ей высказал.

— Все равно, сделай это для меня,— ответила она.— Это мой единственный шанс побывать там.

— Но обучение...

— Зачем оно мне? Ты же прошел его.

— А если этого недостаточно?

— Достаточно,— сказала она.— Я уверена, Адам. Ничего не бойся. Ты же учился. А я и есть ты.

12

В транзитном траке мы вместе покинули Глаз и поехали вниз, на управляющую палубу, где лежит, потерявшись в волнующих снах о далеких Галактиках, душа корабля, несущего нас через нескончаемую ночь.

Мы миновали зоны полной тьмы и зоны льющегося потоками света; места, где вращающиеся спирали серебряного излучения полыхают в воздухе, как полярное сияние; переходы и коридоры столь безумной геометрии, что при перемещении по ним пробуждались воспоминания о материнской утробе. Вокс съежилась, охваченная благоговейным ужасом, в уголке моего мозга.

Я чувствовал, как волны этого ужаса накатывают на нее одна за другой, пока мы спускались все ниже и ниже.

— Подумай еще раз, ты действительно этого хочешь? — спросил я.

— Да! — страстно воскликнула она.— Не вздумай остановиться!

— Не исключено, что тебя обнаружат.

— Не исключено, что этого не произойдет.

Спуск продолжался. Теперь мы оказались в царстве трех киборгов — Габриеля, Банкво и Флис. Это три члена экипажа, которых мы никогда не встретили бы в столовой, поскольку они обитали здесь, в стенах управляющей палубы, постоянно подключенные к кораблю и закачивающие свою энергию в его ненасытную утробу. Я уже упоминал, что у нас есть такая поговорка: *поступая на Службу, ты отказываешься* от своего тела, но взамен обретаешь душу. Для большинства из нас *это фигура речи*: навсегда прощаясь с землей и начиная новую жизнь на звездных кораблях, мы отказываемся не от тела как такового, а от его мелких нужд — всяких милых пустяков, которые так ценят жители земных миров. Однако для некоторых из нас самоотречение становится буквальным. Для них плоть — бессмысленная помеха; они полностью избавляются от нее, поскольку она не нужна им, чтобы чувствовать жизнь корабля. Они *позволяют превратить* себя в приставку к двигателю. Исходящая от них «сырая» энергия и создает силу, несущую нас сквозь небеса. Их работа нескончаема, а наградой им служит своего рода бессмертие. Мы с вами вряд ли сделали бы такой выбор, однако для них это подлинное блаженство.

— Снова на прогулку, капитан, так скоро? — спросил Банкво, *поскольку уже на второй день полета я оказался здесь, чтобы*, не теряя времени, воспользоваться этой удивительной привилегией Службы.

— А что, это может повредить?

— Нет, никакого вреда,— ответил Банкво.— Просто необычно, вот и все.

— Ну, это меня не волнует.

Банкво представлял собой блестящее металлическое яйцо вдвое больше человеческой головы, подключенное к щели в стене. Внутри этого яйца находилась матрица, когда-то бывшая

Банкво — давным-давно, в мире под названием Утренняя Заря, где не бывает ночи. Золотистые рассветы и сияющие дни Утренней Зари оказались недостаточно хороши для Банкво. Он хотел быть сверкающим металлическим яйцом, свисающим со стены управляющей палубы на борту «Меча Ориона».

Любой из трех киборгов мог организовать звездную прогулку. Однако именно Банкво делал это для меня в прошлый раз, и вновь обратиться к нему казалось лучшим выходом. Он был самым *приятным* из этой троицы, самым дружелюбным и покладистым. Габриель во время моего первого визита показался суровым, далеким, непостижимым. Он — ранняя модель, он провел на борту космических кораблей три человеческих жизни, и в нем не осталось почти ничего человеческого. Флис — самой молодой из них, живой и сообразительной — я не доверял: она, возможно, была способна каким-то сверхъестественным образом почувствовать, что во мне скрывается кто-то еще.

Вы должны отдать себе отчет в том, что звездная прогулка не означает, будто мы на самом деле покидаем корабль, хотя нам кажется, что дело обстоит именно так. Покинь мы корабль хоть на мгновение, нас унесло бы прочь, и мы навсегда затерялись бы в бездне небес. Выйти наружу из звездного корабля — совсем не то что выйти за пределы обычного корабля, стартующего с планеты и летящего в нормальном пространстве. Но даже если бы такое было возможно, смысла *покидать* корабль нет. Снаружи смотреть не на что. Корабль летит сквозь абсолютно пустую тьму.

Да, смотреть там не на что, но это не означает, что снаружи ничего нет. Там раскинулась вся вселенная. Если бы, пролетая сквозь особое пространство небес, мы могли видеть ее, то обнаружили бы, что она сплющена и изогнута: так создается иллюзия, будто мы видим все сразу — все широко раскинувшиеся Галактики с начала времен. Это и есть Великий Космос, вся полнота континуума. Внешние экраны показывают нам его в виде модели, поэтому время от времени требуется подтверждение того, что он существует.

Звездный корабль летит вдоль мощных силовых линий, пересекающих безбрежную пустоту подобно линиям картушки компаса на древней морской карте. Во время звездной прогулки мы движемся вдоль этих линий, «держимся» за них, крепко спаян-

ные с кораблем, летящим сквозь небеса. Нам кажется, будто мы вышли в космос; нам кажется, будто мы смотрим со стороны на корабль, на звезды, на небесные миры. На мгновение мы сами становимся крошечным космическим кораблем, летящим бок о бок с большим, материнским. Это магия, это иллюзия, однако в нашем восприятии эта иллюзия настолько близка к реальности, что невозможно заметить разницу. Значит, в плане воздействия разницы нет.

— Готова? — спросил я Вокс.

— Вполне.

Я все еще колебался.

— Не раздумала?

— Не тяни! — нетерпеливо ответила она.— Вперед!

Я вставил разъем в свой позвоночник. Банкво уравнял сопротивления. Именно в эти мгновения он мог обнаружить, что внутри меня прячется «пассажир», но он не выказал никаких признаков того, что заметил какое-либо отклонение. Он спросил, можно ли продолжать, и я подал знак «да»; в шее сзади возникло мгновенное ощущение теплоты — это моя нервная матрица (и матрица Вокс тоже) пронеслась через Банкво и дальше, к слиянию с душой корабля.

Безбрежная сила, которая и есть корабль, подхватила нас, втянула в себя и поглотила, бешено вращая, перебрасывая от вектора к вектору, немилосердно растягивая и расширяя. И потом вокруг вспыхнул свет, сразу со всех сторон, сопровождающийся немыслимым ревом. Мы оказались снаружи корабля. Звездная прогулка началась.

— Ох! — только и сказала Вокс; негромкий вскрик, почти вздох удивления.

Сверкающая мантия корабля раскинулась во тьме небес, словно белая тень. Огромный конус холодного, ослепительного света тянулся перед нами вдаль, ужасающей дугой изгибаясь к небесному своду, а позади уходил за пределы поля зрения. Внутри него были отчетливо видны очертания тонкого, длинного, остроконечного корабля: игла и Глаз, все десять километров длины, схватываемые единым взглядом.

И еще звезды. И еще небесные миры.

Гипердвигатель действует так, что измерения как бы оседают друг на друга. Огромные пространства уменьшаются, и кажется,

что Галактику можно охватить единым взором. Здесь нет ни логики, ни линейной последовательности. Куда ни посмотришь, вселенная отклоняется назад, накладывается сама на себя, обнаруживая свою слитность в бесконечных сериях бесконечных сегментов. Любой сектор звезд содержит все звезды. Любой интервал времени заключает в себе все прошлое и все будущее. То, что мы видим, полностью за пределами нашего понимания, и так и должно быть, поскольку то, что нам даровано, когда мы смотрим через Глаз корабля на обнаженные небеса, есть божественное видение, а мы не боги.

— Что это? — пробормотала внутри меня Вокс.

Я попытался объяснить ей. Показал, как установить свое относительное положение, распределив верх и низ, назад и вперед; показал, как от начала к концу движется поток времени. Наметил произвольные оси координат, чтобы мы могли определить свое местонахождение в этой принципиально непостижимой вселенной. Нашел для Вокс известные звезды и известные миры.

Она не поняла ничего. Она совершенно растерялась.

Я объяснил ей, что стыдиться нечего. Рассказал, что чувствовал себя точно так же, когда проходил обучение в имитаторе. Это происходит со всеми; проведи на борту космических кораблей хоть тысячу лет — описать то, что нам открывает звездная прогулка, возможно лишь с помощью самых грубых, самых приблизительных аналогий. Достигнуть подлинного понимания не дано даже лучшим из нас.

Я чувствовал, как Вокс старается совладать с драматическим воздействием того, что вздымалось, поворачивалось и парило перед нами. У нее был живой, хотя не вполне развитый ум, и я чувствовал, как она выстраивает собственную систему объяснений и предположений, аналогий и эквивалентов. Я не помогал ей. Лучше, чтобы она попыталась справиться с этим сама. В любом случае я ничем не мог ей помочь.

Я и сам был в изумлении и замешательстве: что ни говори, для меня это была лишь вторая звездная прогулка.

Я снова смотрел на мириады миров, вращавшихся на своих орбитах. Маленькие яркие шарики были легко различимы в ночи Великого Космоса: красные, голубые, зеленые; одни круглые, как луна во время полнолуния, другие в виде узкого полумеся-

ца. Все они могли двигаться только предназначенным каждому путем; все были неразрывно связаны со своими звездами.

Припомнилось, что во время первой прогулки, несколько виртуальных дней назад, я испытывал невероятное сочувствие к ним, огромную жалость — потому что они обречены вечно вращаться вокруг одной и той же звезды. Безнадежная, рабская зависимость, бессмысленное повторение бесконечного пути. Может, в собственных глазах они были свободными странниками, но для меня они — достойные сожаления рабы. Вот почему тогда я горевал о небесных мирах; однако сейчас, к собственному удивлению, чувствовал не жалость, а что-то вроде любви. Не надо печалиться о них. Они то, что они есть, и вполне удовлетворены этим. В обозначенных орбитах и послушном движении по ним есть определенная высшая справедливость. Если бы небесные тела хоть на мгновение сошли с орбит, какой хаос воцарился бы во вселенной! Эти неустанно вращающиеся миры — фундамент, на котором построено все остальное. Они понимают это и гордятся этим: они честно и преданно выполняют свои задачи, за что мы должны чтить и уважать их. А за уважением приходит любовь.

«Наверно, это говорит во мне Вокс», — сказал я себе.

Такие мысли никогда раньше не приходили мне в голову. Любить планеты на их орбитах? Что за странная идея? Впрочем, возможно, не более странная, чем моя прежняя идея жалости к ним из-за того, что они не космические корабли. Сейчас эта мысль непроизвольно поднялась из глубин моей души и казалась разумной. К тому же она позволяла посмотреть на все другими глазами.

Я любил миры, которые двигались — и в то же время не двигались — передо мной в великой ночи небес.

Я любил странную девушку-беглянку внутри меня, а она любила эти миры как раз за их неподвижность.

Я почувствовал, что сейчас она завладела мной, нетерпеливо увлекая вперед, наружу, в глубину небес. Теперь она понимала, как все устроено. И была гораздо смелее меня. Мы вместе шли среди звезд. И не только шли, но погружались в них, парили над ними, проносились мимо — словом, вели себя как боги. Жаркое дыхание звезд опаляло нас. Их пульсирующий блеск затоплял нас. Их безмятежное движение звучало как мощная, рокочу-

шая музыка. Мы шли все дальше и дальше, рука в руке. Вокс впереди, а я позволял увлекать себя все глубже в сияющие бездны вселенной. Пока наконец мы не остановились, плавая в космосе: никакого корабля в поле зрения, только мы двое в окружении звезд.

В этот момент исступленный восторг затопил мою душу. Возникло чувство, будто я поймал и держу в кулаке бесконечность. Нет, это неправильно; может показаться, будто мной овладела иллюзия имперского величия, а это совсем не так. На самом деле возникло чувство, будто этот бесконечный, совершенный космос держит меня даже не в «кулаке», а в любовном объятии, и здесь нет места ничему, кроме покоя и мира.

Вот что дала нам звездная прогулка. Ощущение принадлежности к божественному совершенству вселенной.

Когда такое случается, невозможно предугадать, каков будет эффект; однако обычно происходят внутренние перемены. Я вышел из своей первой звездной прогулки, не подозревая ни о какой трансформации; однако не прошло и трех дней, как я импульсивно открыл себя скитающемуся фантому, не только нарушив инструкции, но и действуя вопреки собственному характеру, как я понимал его. Я всегда был исключительно замкнутым человеком, о чем уже, по-моему, упоминал. Даже предоставив Вокс убежище, я испытывал облегчение и благодарность за то, что внутри одного мозга наши сознания разделены.

Теперь же я делал все возможное, чтобы разрушить все границы между нами.

До сих пор я ничего не рассказывал ей о своей жизни до ухода в небеса. На все вопросы отвечал осторожно, уклончиво, отделываясь полуправдой или откровенным отказом продолжать беседу. Именно так я вел себя со всеми — привычная скрытность, нежелание открываться. Возможно, с Вокс я был даже более скрытным, чем с остальными, из-за близости наших сознаний. Как будто опасался: если расскажу ей хоть что-то о себе, это откроет ей дорогу к полному захвату меня, к поглощению моей души ее энергичной, но недисциплинированной душой.

Однако в тот миг я в радостном порыве готов был рассказать ей о своем прошлом. Мы медленно покидали апокалиптическое место в центре вселенной, паря на груди Великого Космоса, постепенно смещаясь от тьмы к ослепительному свету корабля, и

пока это происходило, я рассказал о себе все, о чем до сих пор умалчивал.

Надо полагать, это были тривиальные вещи, но для меня все они исполнены глубокого смысла. Я сообщил ей название моей родной планеты и даже показал ее: моря цвета свинца, небо цвета дыма. Показал поросший низким серым кустарником мыс позади нашего дома, где я часами бегал в полном одиночестве — высокий стройный мальчик, без устали носившийся по хрустящему песку, будто за ним гнались демоны.

Я показал ей все. Грустный мальчик, беспокойный подросток, подозрительный, никому не доверяющий юноша. Товарищи по играм, всегда оставшиеся чужими, друзья, чьи голоса тонули в эхе пустой болтовни, любовницы, отношения с которыми были лишены всякого смысла. Мне казалось, что я единственный живой человек в этом мире, а все остальные — искусственные создания с шестеренками и проволочками внутри. Мне казалось, что мир это унылый черно-белый сон, поймавший меня в ловушку, но когда-нибудь я непременно проснусь и попаду в настоящий мир — светлый, красочный и осязаемый. Или что я вообще не человек, что я забыт здесь существами совершенно иного облика и природы, и однажды они непременно вернутся за мной.

Я описывал все эти вещи беспечно, и Вокс восприняла их легко. Она поняла, что это не симптомы безумия, но безрадостные фантазии одинокого ребенка, пытающегося отыскать смысл в непостижимой вселенной, где он чувствовал себя испуганным чужаком.

— И ты сбежал,— сказала она.— Нашел настоящий мир, к которому ты принадлежишь!

— Да,— ответил я.— Сбежал.

Я рассказал ей о том дне, когда внезапно увидел в небе свет. Моя первая мысль была: вот оно, наконец-то мои настоящие родители вернулись за мной! Вторая: нет, это пролетающая мимо комета. На самом деле это был входивший в нашу систему звездный корабль. Глядя вверх на обычные корабли, летящие к нему с грузом и пассажирами, желающими покинуть нашу планету и отправиться в новый, незнакомый мир на другом конце Галактики, я осознал, что небесный корабль и есть мой подлинный дом, а Служба — моя судьба.

Поэтому я отказался от своего мира, своего имени и своей жизни, какой она была, чтобы вступить в сообщество тех, кто летает от звезды к звезде. Я рассказал Вокс, что это мой первый полет, и объяснил, что на Службе существует странный обычай — проверять новых офицеров, сразу же доверяя им командование. Она спросила, *счастлив ли я здесь*, и я торопливо ответил:

— Да, счастлив.— Но спустя мгновение добавил: — Нет, пока нет, но я вижу, что это возможно.

Какое-то время она молчала. Мы смотрели, как вращаются миры, как ослепительно сверкают звезды, как яростный белый свет корабля течет по небесному своду, словно кровь неведомого бога. Мелькнула мысль, что, укрыв внутри себя Вокс, я рискую потерять все это. Я отбросил эту мысль. Неподходящее место и неподходящий момент для сомнений, страха или дурных предчувствий.

— Я рада, что ты рассказал мне все это, Адам,— сказала она.

— Да. Я тоже.

— Я с самого начала *почувствовала*, что ты за человек. Но мне очень нужно было, чтобы ты высказал это собственными словами. Как я уже говорила, мы родственные души, ты и я. Квадратные затычки в мире круглых дыр. Ты сбежал на Службу, а я — к новой жизни в другом теле.

Я понял, что она имеет в виду не мое тело, а то, которое ждет ее на Кул-де-Саке.

И еще до меня внезапно дошло: есть кое-что, о чем она никогда не рассказывала мне. Ее прежнее тело, несомненно, имело какой-то недостаток, иначе она не рассталась бы с ним. Я подумал, что если узнаю ее больше, то моя любовь к ней станет глубже, ведь недостатки способствуют любви. Вокс явно не хотела говорить об этом, и раньше я не настаивал. Здесь же, под холодным мерцанием небес, настал момент полного доверия и слияния душ.

— Покажи мне себя, Вокс,— попросил я.

— Показать? Как ты можешь...

— Покажи мне, как ты выглядишь. Ведь ты для меня совершенно абстрактна — голос, всего лишь голос. Ты разговариваешь со мной, ты живешь внутри меня, а я понятия не имею, как ты выглядишь.

— Я так хочу.

— Ты не хочешь показать мне, как выглядишь?

— Я никак не выгляжу. Я матрица, то есть просто электричество.

— Это понятно. Я имею в виду, как ты выглядела раньше. Покажи мне прежнюю себя. Ту, которая осталась на Канзасе-четыре.

Молчание.

Я подумал, что она принимает решение: но время шло, а я по-прежнему ее не слышал. Молчание, только молчание, разделившее нас стальной стеной.

— Вокс?

Ничего.

Где она прячется? Что я наделал?

— Что-то не так? Я не должен был просить тебя?

Молчание.

— Ладно, Вокс, забудь. Это неважно. Ты не обязана ничего показывать мне, если не хочешь.

Никакого ответа. Молчание.

— Вокс? Вокс?

Миры и звезды хаотически вращались перед мной. Свет корабля переливался по всем спектру и слепил. Охваченный паникой, я обшаривал свое сознание, но не находил и следа Вокс. Ничего. Никого.

— С тобой все в порядке? — произнес другой голос. Это Банкво, из корабля.— До меня дошли какие-то дикие сигналы. Тебе лучше вернуться. Ты уже долго пробыл снаружи.

Вокс ушла. Я перешел некую запретную границу и напугал ее.

В оцепенении я подал Банкво сигнал, и он вернул меня внутрь корабля.

13

В одиночестве я поднимался к Глазу через мрак и таинство корабля, преодолевая уровень за уровнем. Сокрушительное молчание продолжалось. Мне ужасно недоставало Вокс. До сих пор я никогда не чувствовал такого полного одиночества. Не осознавал, насколько привык к ее присутствию, и не представлял, каким ударом для меня станет ее уход. За те несколько дней, пока

она скрывалась во мне, наличие двух душ в одном мозгу стало восприниматься как нормальное состояние, и одиночество внутри моего черепа теперь казалось неправильным.

Неподалеку от того места, где палуба экипажа сужалась, переходя в изгиб Глаза, из полутьмы совершенно неожиданно выступила стройная фигура.

— Капитан.

Голова моя была полна мыслями о Вокс, и он застал меня врасплох. Я в испуге отскочил.

— Господи!

— Это я, Булгар. Что вы так испугались, капитан? Всего лишь Булгар.

— Оставь меня.

— Нет. Постойте, капитан! Пожалуйста, подождите.

Он схватил меня за руку, не давая вырваться. Я остановился и повернулся к нему, дрожа от ярости и удивления.

Булгар, дружок Роучера, был мягкий человек с тихим голосом, широким ртом, оливковой кожей и большими грустными глазами. Они с Роучером бороздили небеса, когда меня еще и на свете не было. Они хорошо дополняли друг друга. Роучер был маленький и твердый, словно фрукт, сотни лет пролежавший на солнце, а Булгар — маленький, мягкий, на вид сдобный и мясистый. Вместе они представляли собой законченное, нерасторжимое целое. Я прекрасно представлял себе, как они лежат рядом на койке, подключившись друг к другу: один человек в двух телах, связанные еще теснее, чем мы с Вокс.

С усилием, но я сумел взять себя в руки. И спросил отрывисто:

— В чем дело, Булгар?

— Уделите мне минутку, капитан. Нужно поговорить.

— Мы и так разговариваем. Чего тебе нужно от меня?

— Сбежавшая матрица, сэр.

По-видимому, моя реакция была сильнее, чем он ожидал. Глаза у него расширились, он отступил на пару шагов и облизнул губы.

— Мы интересуемся, капитан... интересуемся, как идут поиски... есть ли у вас хоть какое-то представление, где может быть матрица...

— Кто это «мы», Булгар? — сухо спросил я.

— Роучер. Я. И другие. Но в основном Роучер, сэр.

— А-а... Значит, Роучер хочет знать, где матрица.

Коротышка придвинулся ближе, вглядываясь в меня, как будто пытался различить Вокс под маской моего нарочито бесстрастного лица. Неужели он знал? И все остальные тоже? Мне хотелось крикнуть: «Ее здесь больше нет, она ушла, покинула меня, сбежала в космос!» Но по-видимому, Роучера и его дружка беспокоило не то, что Вокс нашла убежище во мне.

Голос Булгара звучал мягко, вкрадчиво, обеспокоенно.

— Роучер очень встревожен, капитан. Ему приходилось летать на кораблях со сбежавшими матрицами. Он знает, сколько неприятностей они могут причинить. Он на самом деле тревожится, капитан. Должен признаться, я никогда не видел его таким встревоженным.

— Чем, по его мнению, матрица угрожает ему?

— Он боится, что она завладеет им,— ответил Булгар.

— Завладеет?

— Войдет в его голову через разъем. Проникнет в сознание. Такие случаи известны, капитан.

— Почему это должно случиться именно с Роучером? Почему не с тобой? Не с Педрегалом? Не с Рио де Рио? Или еще каким-нибудь пассажиром? — Я сделал глубокий вдох.— Почему не со мной, если на то пошло?

— Он просто хочет знать, сэр, какова сейчас ситуация с матрицей. Известно ли вам, где она. Может, вы уже сумели поймать ее.

Что-то странное почудилось мне в глазах Булгара. Я подумал, что меня снова проверяют. Эти разглагольствования о том, что Роучер боится вторжения сбежавшей матрицы, могли быть попыткой выяснить окольным путем, не случилось ли это со мной.

— Скажи ему, что она ушла,— ответил я.

— Ушла, сэр?

— Ушла. Исчезла. Ее больше нет на корабле. Передай ему это, Булгар. Пусть забудет о том, что она может просочиться в его мозг.

— Она?

— Матрица женщины, да. Но теперь это не имеет значения. Она ушла. Сбежала в небеса. Аварийная ситуация миновала.— Я сердито уставился на него, страстно желая уйти к себе и там

лелеять свою печаль.— Не пора тебе вернуться на свой пост, Булгар?

Поверил ли он мне? Или подумал, что я наскоро слепил обрывки полуправды, прикрывая свою причастность к тому, что матрица до сих пор не найдена? Этого я не знал. Булгар отвесил мне короткий, но почтительный поклон и зашагал прочь со словами:

— Спасибо, сэр. Я передам ему, сэр.

Он растаял в полумраке. Я продолжил путь наверх.

По дороге я встретил Кэткэта, а потом Рейбака. Оба посмотрели на меня, но не сказали ни слова. В глазах Кэткэта мне почудилось что-то укоризненное, но почти любящее, а вот холодный зловещий взгляд Рейбака заставил меня вздрогнуть. Каждый на свой лад, они как бы говорили: «Виновен, виновен, виновен!» Но в чем?

Прежде я воображал, что любой, столкнувшись со мной на борту корабля, с первого взгляда поймет, что я приютил беглянку, и станет ждать, когда я выдам себя, допустив какую-нибудь промашку. Теперь все было в точности наоборот. Мне казалось, что они глядят на меня и думают: «Он абсолютно одинок, здесь у него никого нет». И я сжимался, стыдясь своей изоляции. Хотя и понимал, что это на грани безумия. Я чувствовал себя взвинченным и безумно усталым; может, это была ошибка — совершить вторую прогулку среди звезд так быстро после первой. Я нуждался в отдыхе. Я нуждался в том, чтобы спрятаться от всех.

Мне захотелось найти на борту «Меча Ориона» кого-то, с кем я мог бы обсудить случившееся. Но кого? Не Роучера же. И не 612-Язона. Я действительно находился в полной изоляции. На этом корабле я мог поговорить только с Вокс, но она ушла.

Укрывшись в своей каюте, я подсоединился к медицинскому аппарату и задал десятиминутный курс очищения всего организма. Это помогло. Владевшие мной фантомные страхи и надуманные сомнения начали отступать.

Я открыл вахтенный журнал и просмотрел, какие еще капитанские обязанности нужно выполнить до конца дня. Мы приближались к точке разворота, к одному из тех узлов силы, равномерно разбросанных по небесам, которые звездный корабль должен использовать, чтобы двигаться дальше, через следующий сектор вселенной. Прохождение точки разворота с исполь-

зованием всех ее преимуществ осуществляется автоматически, но — по крайней мере, в теории — ответственность за успех возлагается на капитана: я должен отдавать команды и отслеживать процесс с самого начала до завершения.

Но до этого еще есть какое-то время.

Я связался с 49-Генри-Генри, который был дежурным, и запросил данные о ситуации с матрицей.

— Без изменений, сэр,— сразу же ответил он.

— Что это означает?

— Отслеживание продолжается, сэр, но местонахождение пропавшей матрицы не установлено.

— Ни малейшего намека?

— Никаких данных вообще, сэр. По существу, нет способа выделить слабый электромагнитный импульс сбежавшей матрицы из фонового шума электрической системы корабля.

Я тоже так считал. 612-Язон докладывал мне об этом почти теми же словами.

— У меня есть основания считать, что матрицы больше нет на корабле, Сорок Девять-Генри-Генри.

— Правда, сэр? — сказал 49-Генри-Генри в своей обычной наполовину надменной, наполовину насмешливой манере.

— Да. Я тщательно изучил ситуацию, и мое мнение таково: сегодня матрица покинула корабль, и больше мы о ней не услышим.

— Должен я зафиксировать это как официальную позицию, сэр?

— Да.

— Сделано, сэр.

— Следовательно, можно немедленно выйти из режима поиска и закрыть дело. Мы запишем в дебет одну матрицу, и счетоводы Службы позднее зафиксируют это.

— Хорошо, сэр.

— Свободен,— приказал я интеллекту.

49-Генри-Генри отключился. Я сидел среди роскоши своей каюты, снова и снова прокручивая в уме прогулку среди звезд и пытаясь оживить ощущение гармонии, любви, единения с мирами небес, нахлынувшее, когда мы с Вокс медленно плыли на груди Великого Космоса. Тут же обострилось чувство потери, не покидавшее меня с тех пор, как Вокс исчезла. Совсем скоро мне

предстояло встать, отправиться на командный пункт и приступить к надзору за разворотом; но пока я сидел, неподвижный и безмолвный, перед разверстой бездной одиночества.

— Я не ушла,— неожиданно произнес тихий голос.

Это было как удар в сердце. Я не сразу обрел способность говорить.

— Вокс? Где ты, Вокс?

— Здесь.

— Где?

— Внутри. Я никуда не уходила.

— Ты никуда...

— Ты расстроил меня. Мне просто нужно было немного побыть одной.

— Ты знала, что я ищу тебя?

— Да.

Щеки вспыхнули. Злость, словно ручей в половодье, бурно растекалась по моим венам.

— Ты понимала, что я чувствовал, когда ты... когда мне показалось, что тебя больше нет со мной?

— Да,— совсем тихо и не сразу ответила она.

Я заставил себя успокоиться. Сказал себе, что она ничего мне не должна, кроме благодарности за убежище. Что боль, которую она причинила мне своим молчанием, в общем, не ее дело. Что она еще дитя, непослушное, беспокойное и недисциплинированное.

— Я скучал по тебе. Гораздо сильнее, чем способен выразить,— сказал я через какое-то время.

— Мне очень жаль.— В ее голосе звучало раскаяние, но не слишком сильное.— Мне надо было подумать. Ты расстроил меня, Адам.

— Тем, что попросил показать, как ты выглядела прежде?

— Да.

— Не понимаю, почему это так сильно тебя огорчило.

— Ты и не должен понимать,— отозвалась Вокс.— Теперь я не возражаю. Можешь увидеть меня, если хочешь. Ты все еще хочешь? Ну вот. Это я. Вот такой я была раньше. Не вини меня, если почувствуешь отвращение. Хорошо? Хорошо, Адам? Вот. Смотри. Это я.

14

Внутри возникло болезненное ощущения скручивания, как если бы тяжело оттаскивали некий силовой барьер. Потом на экране моего сознания расцвело великолепное светящееся багряное небо Канзаса-4.

Она не просто показала мне свой мир. Она перенесла меня туда. Я чувствовал на лице мягкий влажный ветер, вдыхал свежий, чуть-чуть едкий воздух, слышал шуршание блестящих жестких листьев, свисавших с ярко-желтых деревьев. Черная почва под голыми ногами ощущалась теплой и упругой.

Я стал Лилианой, которой нравилось называть себя Вокс. Мне было семнадцать; меня раздирали силы и порывы, могущественные, как ураган.

Я стал ею изнутри, но одновременно видел ее снаружи.

Волосы у меня были длинные, густые, темные, ниспадавшие на плечи водопадом кудрей. Бедра широкие, груди налитые и упругие: я чувствовал их тяжесть, чувствовал боль в них — как если бы они были наполнены молоком, хотя его там не было. Лицо напряженное, настороженное, мрачное; в нем светился раздраженный, неспокойный ум. Совсем не отталкивающее лицо. Вокс была привлекательной девушкой.

Из-за того, что она сначала не хотела показать себя, я ожидал, что она безобразна или имеет какое-то уродство и, вынужденная таскать грубую обременительную оболочку плоти, воспринимает ее как постоянный упрек самой себе. По ее словам, жизнь на Канзасе-4 была унылой, печальной и жалкой, лишенной всякой надежды. Поэтому она отказалась от своего тела, превратилась в чистое электричество, чтобы получить новое тело — любое тело,— когда достигнет Кул-де-Сака. «Я ненавидела свое тело,— говорила она мне.— Не могла дождаться, когда избавлюсь от него». И она так не хотела показаться мне хотя бы мельком, что предпочла на долгие часы впасть в молчание столь полное, столь беспросветное, что я подумал — она покинула меня.

Все это по-прежнему оставалось для меня загадкой. Лилиана, которую я видел, которой я стал, была стройной и сильной девушкой. Не красавица, нет, слишком сильная и крепкая, но далеко не урод: взгляд теплый и умный, губы полные, нос прекрасной формы. Безусловно, у нее здоровое тело, полное жизни.

Конечно, никаких уродств; с какой стати я вообще решил, что они есть? Ретрогенетическая хирургия исправляет любой дефект. Нет, с телом, от которого Вокс отказалась и к которому питала отвращение — даже стыдилась его,— все было в полном порядке.

Потом до меня дошло, что я вижу ее со стороны. Причем не напрямую; я вижу ее, фильтруя и интерпретируя информацию, которую она мне передает, прогоняя ее через сознание стороннего наблюдателя — себя самого. Который на самом деле не понимает ничего относительно того, что это значит — быть кем-то, кроме себя самого.

Каким-то образом — это была автоматическая регулировка на уровне подсознания — я сместил фокус восприятия. Все старые связи рухнули, и я потерял любое ощущение нашей раздельности.

Я стал ею. Полностью, безоговорочно, неразрывно.

И тогда я понял.

Фигуры скользили вокруг нее, похожие на тени, непостижимые, раздражающие. Братья, сестры, родители, друзья: все они были чужими для нее. Все на Канзасе-4 чужие для нее. И по-другому *никогда не будет.*

Она ненавидела свое тело не из-за его болезни или уродства, а потому, что это ее тюрьма. Она была заключена в него, как в тесную каменную камеру. Клетка из плоти держала ее в подчинении, привязывала к прекрасному миру под названием Канзас-4, где она знала лишь боль, одиночество и отчужденность. Тело — вполне приемлемое, здоровое тело — стало для нее эмблемой и символом порабощения души; вот за что она ненавидела его. Мятежная, неугомонная по духу, она не сумела найти приемлемый способ жить в условиях удушающей предсказуемости Канзаса-4, где была обречена оставаться духовным изгоем. Для нее существовал единственный способ покинуть Канзас-4: отказаться от тела, привязывавшего ее к планете. И она восстала против него со всей яростью и отвращением, презирала его, ненавидела и в конце концов отказалась от него. Понять все это, глядя на нее только снаружи, было совершенно невозможно.

Но я понял.

Я понял даже больше в один краткий миг нашего полного единения. Я понял, что она имела в виду, когда говорила, что я

ее двойник, ее копия, ее второе «я». Конечно, мы были очень разными. Я — здравомыслящий, уравновешенный, работящий, покладистый мужчина; она — безрассудная, непостоянная, импульсивная, горячая девушка. Однако подо всем этим мы оба были неудачниками, чужаками в своих мирах, не умеющими приспосабливаться к той жизни, для которой предназначены. Способы справиться с этими бедами мы тоже выбрали разные. Тем не менее мы были похожи по сути — две половинки одного и того же существа.

«Теперь мы всегда будем вместе»,— сказал я себе.

И в то же мгновение наш контакт разрушился. Она разорвала его: наверняка испугалась, что наша новая близость станет слишком глубокой,— и я снова почувствовал себя отделенным от нее границами собственной индивидуальности, собственного «я». Я чувствовал, что она здесь, внутри меня; теплое, хотя и обособленное присутствие. По-прежнему внутри меня, да, но снова отдельно.

15

Пора было заняться работой. Все эти дни присутствие Вокс отвлекало меня, и все же я не позволил себе забыть, что наш полет продолжается. Жизнь всего корабля, в том числе и пассажиров, зависела от исправной работы экипажа и даже от меня. Миры ожидали даров, которые мы им несли. На данный момент моя задача состояла в том, чтобы надзирать за осуществлением разворота.

Я объяснил ситуацию Вокс и предложил временно покинуть меня. Мне придется подключиться к другим членам экипажа, а значит, они могут обнаружить ее внутри меня. Что последует дальше, не стоило даже обсуждать. Но она отказалась.

— Нет. Я не покину тебя. Я не хочу уходить. Но я спрячусь глубоко внутри — как тогда, когда ты меня расстроил.

— Вокс...— начал я.

— Нет. Пожалуйста. Я не хочу об этом говорить.

Спорить не было времени. Я чувствовал глубину и силу ее упрямой решимости.

— Ну, тогда спрячься получше.

И я отправился вниз, на управляющую палубу.

В главном навигационном зале уже собрались все, кому предстояло принять участие в процессе: Фреско, Рейбак, Роучер. Рейбак должен был следить, чтобы коммуникационные каналы оставались открытыми, Фреско настраивал навигационные координаты, а Роучер, инженер-энергетик, контролировал флюктуации цикла ввода-вывода и дренажа. Моя роль состояла в том, чтобы подавать сигнал о переходе от одной стадии процесса к другой. Откровенно говоря, я был, по сути, лишним, поскольку Фреско, Рейбак и Роучер делали все это десятки раз на протяжении множества полетов и руководство им практически не требовалось. Если копнуть глубже, то и они были лишними, поскольку за всем надзирал 49-Генри-Генри, а искусственный интеллект способен контролировать процесс без человеческой помощи. Тем не менее формально требовалось наше участие, и в этом был смысл.

Интеллект превосходит человека по умственным способностям, по возможностям сопряжения и быстроте реакции. Тем не менее он всего лишь слуга, к тому же искусственный слуга, не понимающий ни человеческой хрупкости, ни присущей людям этической сложности. Слуг нужно использовать как инструменты, принимать решения они не должны. Общество, передающее слугам обязанности, связанные с жизнь и смертью, в итоге обнаруживает, что эти самые слуги держат его за горло. Даже моя роль, пусть и новичка, была важнее: инициатор, контролирующий процесс. Не исключено, что с этим мог справиться любой, но кто-то непременно должен делать это, и по традиции этот «кто-то» — капитан. Назовите это ритуалом, назовите стилизованным танцем — как пожелаете, но невозможно уйти от человеческой потребности в ритуале и стилизации. Может, такие аспекты процесса кажутся второстепенными, но они по-своему полезны, значительны и, следовательно, тоже важны.

— Начинаем? — спросил Фреско.

Мы подключились друг к другу: Роучер непосредственно к кораблю, Рейбак к Роучеру, Фреско ко мне, я тоже к кораблю.

— Имитационная модель,— сказал я.

Рейбак набрал первый код, и огромное пространство главного навигационного зала наполнилось пульсирующим светом: вокруг нас открылась картина небес, силовые линии, узлы разворота, звезды, планеты. Мы плавали в невесомости, как анге-

лы. Ощущения были очень близки к тем, что испытываешь при звездной прогулке.

Изображение корабля имело вид яркой стрелы ослепительного света и располагалось под нами слева. Впереди, как гнездо сплетенных злобных змей, пульсировал шар, обозначавший точку разворота под названием Ласиейт-Огни-Сперанца и пронизанный непроницаемыми витыми тускло-серыми полосами с ярко-алыми прожилками.

— Входим в режим приближения,— сказал я.— Активировать рецепторы. Начинаем выравнивание. Начинаем сличение механического момента. Подготовить скачок ускорения. Проверить угловую скорость. Начинаем поворот. Входим в сектор смещения. Поднять мачту.

После каждой команды один из участников процесса касался нужной клавиши, или нажимал управляющую панель, или просто посылал импульс в сознание корабля, напрямую или через того, кто непосредственно с ним соединен. Из вежливости все дожидались моего приказа, но скорость их реакции свидетельствовала о том, что их сознание уже было настроено на нужное действие.

— Это потрясающе! — внезапно сказала Вокс.

— Ради бога, Вокс! Что ты делаешь?

Насколько я знал, остальные услышали ее восклицание так же явственно, как если бы оно донеслось из громкоговорителя.

— Я хочу сказать,— продолжала она,— что не представляла себе ничего подобного. Я чувствую весь...

Я резко, с болью в сердце приказал ей заткнуться. После всех моих предостережений вот так обнаружить себя — это просто безумие. В ее молчании я почувствовал вибрирующий отзвук мрачного недовольства. Однако у меня не было времени тревожиться из-за перепада настроений Вокс.

Искрящиеся дуги смещающей силы прошили пространство главного навигационного зала, едва показалась наша мачта — не такая, как у судов планетарных морей, а скорее гигантская антенна. Она должна была связать нас с точкой разворота — корабль и точка разворота тянулись друг к другу, как многорукие борцы. Жаркие малиновые, изумрудные, золотистые и аметистовые вспышки пронзали воздух, отскакивая друг от друга. Точка разворота, активированная и трепещущая между энергетическими уровнями, обвивала нас миллионом щупальцев, готовясь раз-

вернуть корабль на оси и зашвырнуть к следующей промежуточной станции на пути сквозь небеса.

— Захват,— доложил Рейбак.

— Режим сближения,— сказал я.— Пространственная сетка одиннадцать.

— Пространственная сетка одиннадцать,— повторил Фреско.

Казалось, пылал весь зал.

— Изумительно,— пробормотала Вокс.— Невероятно прекрасно...

— Вокс!

— Запрашиваю разрешение на разворот,— сказал Фреско.

— Даю разрешение на разворот,— ответил я.— Сетка одиннадцать.

— Сетка одиннадцать,— снова повторил Фреско.— Разворот произведен.

По мне прокатилась волна дрожи — и по Фреско, и по Рейбаку, и по Роучеру. Это корабль в лице 49-Генри-Генри завершил процесс захвата. Точка Ласиейт-Огни-Сперанца поймала нас, поглотила и перенаправила, послав к следующему порту. Я слышал, как Вокс внутри меня разрыдалась — не от отчаяния, а от восторга и избытка чувств.

Мы разъединились. Когда Рейбак повернулся ко мне, на его суровом лице мелькнула тень улыбки.

— Отлично, капитан,— сказал он.

— Да,— добавил Фреско.— Отлично. Вы быстро учитесь.

Я почувствовал на себе изучающий взгляд сияющих глаз Роучера.

«Ну давай же,— думал я.— Тоже скажи мне комплимент. Если знаешь, как это делается».

Когда мы покидали главный навигационный зал, Фреско пошел рядом со мной. Без единого слова мы добрались до ожидавших нас транзитных траков. Только я собрался забраться на свой, как он — или все же она? — негромко окликнул меня:

— Капитан!

— В чем дело, Фреско?

Он наклонился ближе. Мягкие хитрые глаза, лукавая улыбка. Тем не менее от навигатора исходило ощущение дружественной теплоты.

— Это очень опасная игра, капитан.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Прекрасно понимаете,— сказал Фреско.— Не притворяйтесь. Мы все были подключены друг к другу. До меня кое-что дошло. Я знаю.

На это мне нечего было сказать, и я промолчал.

Спустя мгновение Фреско заговорил снова.

— Вы мне нравитесь. Я не хочу, чтобы вы пострадали. Но Роучер тоже знает. Я не в курсе, знал ли он раньше, но теперь точно знает. На вашем месте я бы сильно обеспокоился, капитан. Будьте благоразумны. Вы меня поняли?

16

Только круглый дурак мог так поступить. Теперь все знали — или вот-вот узнают — правду. Если узнал Роучер, то знает и Булгар, и скоро новость распространится по кораблю. Без сомнения, 49-Генри-Генри тоже знал. Подключение друг к другу в навигационном зале так соединило нас, что Вокс была видна всем явственно, как красная повязка у меня на лбу.

Не было смысла брать ее с собой, когда я шел командовать разворотом. Всегда был риск, что она обнаружит себя. Но что сделано, то сделано. Сначала я никак не мог взять в толк, почему Вокс так поступила, а потом понял. То же непредсказуемое, необдуманное, импульсивное поведение подтолкнуло ее вселиться в спящего пассажира и тем самым погубить его. Она была не из тех, кто сначала думает, а потом делает. Люди, подобные ей, всегда ставили меня в тупик. Она настолько же отличалась от меня, насколько была моим двойником. Я действовал в том же духе, когда впустил ее в себя, не задумавшись о последствиях.

— Куда мне идти? — в отчаянии спрашивала Вокс.— Если я снова начну летать по кораблю, они отследят и поймают меня. А потом уничтожат. Они...

— Успокойся, – сказал я.— Не паникуй. Я спрячу тебя там, где им тебя не найти.

— Внутри другого пассажира?

— Нет, это невозможно. Нельзя подготовить пассажира к тому, что с ним произойдет, и он впадет в панику. Нет. Я отведу тебя в одну из наших подпространственных пристроек. Или в виртуальный отсек.

— Что?

— Дополнительное грузовое помещение. Подпространственные внешние структуры, окружающие корабль.

— Они же нематериальные! — удивленно воскликнула она.— Я была в них, когда металась по кораблю. Это просто пучки волн!

— Там ты будешь в безопасности.

— Я боюсь. Мало того, что я сама нереальна, так еще и прятаться в нереальном месте...

— Ты реальна, как и я. И внешние структуры реальны, как и остальной корабль. Просто это реальность другого свойства, вот и все. С тобой не случится ничего дурного. Ты ведь уже побывала там? И вышла без проблем. Зато никто на корабле не сможет найти тебя, Вокс. Вот что я тебе скажу: если останешься со мной или в основной части корабля, тебя отследят и уничтожат. Скорее всего, мне тогда тоже конец.

— Ты правда так думаешь? — смиренно спросила она.

— Идем. У нас мало времени.

Под предлогом инвентаризации — это входило в круг моих обязанностей — я получил доступ к одному из виртуальных отсеков. Это был склад, где хранились стабилизаторы вероятности. Никому не придет в голову искать здесь Вокс. Шанс столкнуться с вероятностной турбулентностью на пути до Кул-де-Сака был минимален; а при нормальном течении полета никому нет нужды входить в виртуальные отсеки.

Я солгал Вокс — точнее, сказал половину правды,— когда заверял, что все наши внешние структуры одинаково реальны. Конечно, подпространственные пристройки материальны, их можно пощупать; они отличаются от самого корабля только спином своей пространственной полярности. Они видимы, лишь когда активированы, и не требуют дополнительного расхода топлива. Их материальность не подвергается сомнению, вот почему мы нередко помещаем туда ценный груз и даже пассажиров.

Подпространственные расширения по своему уровню отстоят от обычной реальности еще дальше. Они имеют сдвиг не только в пространственной полярности, но и во времени — от десяти до двадцати виртуальных лет в прошлое или будущее. Их применение совершенно не опасно, энергетические затраты ничтожны. Тем не менее мы чрезвычайно взвешенно подходим к тому, какой именно груз хранить здесь.

Что касается виртуальных отсеков...

Их название говорит само за себя. Это чисто вероятностные объекты, большую часть времени существующие в стохастической пустоте, окружающей корабль. Проще говоря, существуют они в действительности в данный момент времени или нет — на это можно держать пари. Мы знаем, как проникнуть в них в моменты самой высокой вероятности, и располагаем достаточно надежной техникой, поэтому используем их в тех случаях, когда требуется доставить очень тяжелый груз. Но в обычных обстоятельствах предпочитаем ничего ценного не доверять им, поскольку интервалы времени, когда доступ туда открыт, очень сильно колеблются, от микросекунд до мегалет, и нужно очень быстро вернуться, если не хочешь там застрять.

Тем не менее я все же решил оставить Вокс в виртуальном отсеке.

Мне нужно было спрятать ее. Спрятать там, куда никто не заглядывает. Опасность того, что я не смогу вывести ее оттуда из-за флюктуаций временных интервалов, была невелика. Напротив, опасность того, что ее найдут и нас обоих сурово покарают, была гораздо больше. Это наверняка произошло бы, оставь я ее где-нибудь на корабле.

— Ты должна оставаться здесь, пока ситуация не прояснится,— сурово сказал я ей.— Никаких импульсивных полетов по кораблю, никаких проникновений в соседние внешние структуры, вообще никаких прогулок, даже самых коротких, какое бы беспокойство тебя ни терзало. Поняла? Я выведу тебя отсюда, как только решу, что это безопасно.

— Я буду скучать по тебе, Адам.

— Я тоже. Но другого выхода нет.

— Понимаю.

— Если тебя все-таки найдут, я буду стоять на том, что не имею к тебе никакого отношения. Именно так, Вокс.

— Понимаю.

— Долго ты здесь не пробудешь, обещаю.

— Ты зайдешь сюда?

— Вряд ли это разумно,— ответил я.

— Но может быть, все же будешь заглядывать... иногда...

— Может быть. Не знаю.— Я открыл канал доступа. Перед нами зиял виртуальный отсек.— Выбирайся. Туда, внутрь. Сейчас. Иди, Вокс, иди.

Я чувствовал, как она покидает меня. Это походило на ампутацию. На меня нахлынули тишина и пустота, и они были в десять раз сильнее, чем в те часы, когда она оставалась внутри, но пряталась от меня. Теперь Вокс ушла. Впервые за последние дни я был по-настоящему одинок.

Я заблокировал виртуальный отсек.

Когда я вернулся в Глаз, у капитанского мостика меня ждал Роучер.

— Уделите мне минутку, капитан?

— В чем дело, Роучер?

— Пропавшая матрица. У нас есть доказательство, что она по-прежнему на борту корабля.

— Доказательство?

— Вы знаете, что я имею в виду. Мы все ощутили ее во время разворота. Она что-то сказала. Прямо там, в навигационном зале, капитан.

Я спокойно встретил его горящий взгляд и сказал:

— Все мое внимание было отдано тому, чем мы занимались, Роучер. Для меня разворот не так привычен, как для тебя. У меня не было времени замечать какую-то порхающую матрицу.

— В самом деле?

— Представь себе, да. Ты разочарован?

— Это может означать, что именно вы скрываете в себе матрицу,— ответил он.

— С какой стати?

— Если она в вас на субневральном уровне, вы можете не осознавать этого. Другое дело мы. Рейбак, Фреско, я — мы все что-то заметили, капитан. И раз ее нет в нас, значит, она в вас. Нельзя допустить, чтобы матрица шаталась по кораблю, скрываясь внутри капитана. К тому же она может сбивать вас с толку, влияя на способность принимать решения. Это чрезвычайно опасно для всех.

— Во мне нет матрицы, Роучер.

— Вы уверены в этом?

— Хочешь убедиться?

— Вы имеете в виду подключение? Вы и я?

Меня передернуло от отвращения. Но что я мог поделать?

— Подключение, да. Контакт. Ты и я, Роучер. Немедленно. Пошли, нужно измерить и выровнять ширину наших полос пропускания. Давай покончим с этим.

Роучер надолго задумался — видимо, пытался вычислить, какова вероятность того, что я блефую. В итоге он, видимо, решил, что я слишком наивен и прост для столь рискованной игры, что я не блефую и чувствую себя уверенно, а иначе никогда не предложил бы такое.

— Нет,— сказал он наконец.— Не стоит.

— Ты уверен?

— Если вы говорите, что чисты...

— Но ты сам сказал, что я могу не осознавать ее присутствия.

— Забудьте,— ответил он.— Если бы она была внутри вас, вы бы знали об этом.

— Ты всегда будешь сомневаться, пока не проверишь. Давай подключимся, Роучер.

Он нахмурился.

— Забудьте,— повторил он.— Ясное дело, вы чисты, раз так рветесь подключиться. Но вот что я скажу вам, капитан. Мы найдем ее, где бы она ни пряталась. И когда мы сделаем это...

Он ушел, не закончив угрозу. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду.

17

Несколько дней мне казалось, что ситуация нормализовалась. Мы мчались к Кул-де-Саку. Я выполнял обычные капитанские обязанности, хотя многие из них казались мне бессмысленными. Почти все, по правде говоря. У меня пока не возникло и намека на ощущение, что я действительно командую «Мечом Ориона», разве что гипотетически. Тем не менее я делал, что должно.

При мне никто не заговаривал о пропавшей матрице. В редких случаях, когда во время передвижений по кораблю я сталкивался с другими членами экипажа, они отводили взгляды. Значит, я все еще был на подозрении. Но доказательства отсутствовали. Судя по всему, матрицы больше не было на борту. Корабельные интеллекты не находили ни малейшего ее следа.

Я остался один, и — ох! — как же мучительно это было.

Теперь я понимаю, что тот, кто однажды вкусил прелести такого круглосуточного общения, такого постоянного подключения, никогда не станет прежним. Раньше я этого не знал; информации о реальных случаях проникновения в человека свободной

матрицы не было, разве что в виде корабельного фольклора, который трудно воспринимать всерьез. Я мог опираться лишь на собственное горькое ощущение и боль из-за того, что Вокс не со мной. Что она собой представляла? Совсем юная девушка, игривая и мятежная, переменчивая, еще не сформировавшаяся; тем не менее, пока она жила во мне, между нами возникло глубокое единение, подобное браку. Можно и так назвать.

Через пять-шесть дней я почувствовал, что должен увидеться с Вокс. Как бы это ни было рискованно.

Я получил доступ в виртуальный отсек и послал туда сигнал, что иду. Ответа не было; на один ужасный миг у меня мелькнула мысль о самом худшем, о том, что в процессе своей таинственной деятельности виртуальный отсек каким-то образом поглотил и уничтожил ее. Но это оказалось не так. Едва я прошел через мерцающее, розовое по краям поле света, которое представляет собой вход в виртуальный отсек, как мгновенно почувствовал — Вокс рядом, она льнет ко мне, трепещет от радости.

Сразу проникать в меня, однако, она не стала: хотела услышать, что это безопасно. Я позвал ее, и тут же ощутил тот мгновенный горячий укол, который помнил так хорошо,— это она проскользнула в мою нервную систему, и мы стали единым целым.

— Я могу оставаться тут совсем недолго,— сказал я.— Это очень рискованно для меня.

— Ох, Адам, Адам! Здесь так ужасно...

— Могу представить себе.

— Меня все еще ищут?

— Думаю, постепенно о тебе забывают,— ответил я.

Я не посмел задержаться дольше чем на несколько минут. Я хотел лишь коротко соприкоснуться с Вокс душой, убедиться, что с ней все в порядке, и облегчить себе боль разлуки. Ходить в виртуальный отсек — вообще необычно для капитана, и задержись я тут надолго, это наверняка бы заметили.

Однако мой следующий визит оказался длиннее, а третий еще длиннее. Мы вели себя словно тайные любовники, встречающиеся в лесной тьме и предающиеся восхитительным, хотя и торопливым ласкам. Укрывшись здесь, в этой не вполне реальной внешней структуре корабля, мы переговаривались и шептались, пока я не чувствовал, что все, пора уходить. Вокс всегда ста-

ралась удержать меня, но не слишком настойчиво, и никогда не просила, чтобы я взял ее с собой в основную часть корабля. Она явно начала понимать, что только в виртуальном отсеке мы и можем встречаться.

Мы уже прибыли в район Кул-де-Сака. Скоро мы приблизимся к нему, и корабли наземного базирования полетят нам навстречу, чтобы принять предназначенный для планеты груз. Пора было подумать о том, что произойдет с Вокс, когда мы доберемся до места назначения.

Все во мне противилось тому, чтобы реально оценить ситуацию. Я пытался, но не смог заставить себя признать, какие трудности ждут нас впереди.

А Вокс смогла.

— Мы, наверно, уже неподалеку от Кул-де-Сака,— сказала она.

— Скоро будем там, да.

— Я постоянно думаю об этом. О том, что мне делать.

— Что ты имеешь в виду?

— Я — потерянная душа,— ответила она.— Буквально. Я не могу снова вернуться к жизни.

— Не понимаю...

— Адам, неужели действительно не понимаешь? — раздраженно воскликнула она.— Я не могу просто приземлиться на Кул-де-Саке, вселиться в какое-то тело и преспокойно жить среди колонистов. И ты не можешь контрабандой доставить меня вниз. Первая же сверка списков, паспортный контроль — и все, мне конец. Нет, для меня есть только один способ попасть туда — снова оказаться в своей ячейке памяти. Но даже если бы я придумала, как вернуться туда, мне грозило бы наказание или даже уничтожение. Меня записали в декларацию как пропавшую. И разыскивают за то, что я убила пассажира. Допустим, я снова окажусь в ячейке. Думаешь, меня любезно высадят на Кул-де-Саке и предоставят новое тело? Вряд ли. Вряд ли я вообще выйду из ячейки живой, если вернусь в нее. Если смогу туда вернуться. Я не знаю, как работают ячейки памяти. А ты? И спросить ни у кого нельзя.

— В чем ты пытаешься убедить меня, Вокс?

— Ни в чем. Я просто говорю, что должна покинуть корабль самостоятельно и исчезнуть.

— Нет! Ты не можешь этого сделать.

— Очень даже могу. Это что-то вроде звездной прогулки. Я могу идти куда пожелаю. Прямо сквозь корпус корабля, в небеса, а потом все дальше и дальше.

— До Кул-де-Сака?

— Не говори глупостей,— ответила она.— Не до Кул-де-Сака, нет. Про новое тело больше не стоит думать. Легально я существовать не могу, я упустила свой шанс. Признаю, так оно и есть. Я приму любую судьбу. Это будет не так уж плохо, Адам,— звездная прогулка, все дальше и дальше, без конца.

— Нет, нет! Оставайся здесь, со мной.

— Где? На этом пустом складе?

— Нет,— ответил я.— Внутри меня. Как сейчас. И как прежде.

— Долго ли, по-твоему, мы сумеем скрывать это? — спросила она.

Я молчал.

— Каждый раз, когда тебе нужно будет подключаться к машинам, мне придется прятаться. Нет никакой уверенности, что я смогу спрятаться достаточно глубоко и продержусь там достаточно долго. Рано или поздно меня заметят. Меня найдут. Меня уничтожат, а тебя вышвырнут со Службы или тоже уничтожат. Нет, Адам. Это немыслимо. Я не хочу губить твою жизнь. Я и так уже причинила тебе много вреда.

— Вокс...

— Нет. Так нужно — и так будет.

18

И так оно и было. Мы уже глубоко проникли в Призрачное Скопление, и Хвастливый Архипелаг ярко пылал на моем экране. Где-то там находилась планета под названием Кул-де-Сак. Вокс должна была ускользнуть с корабля до того, как мы двинемся на сближение.

Приближение к реальному миру, возможно, самый трудный маневр для звездного корабля. В это время капитану, как и всем остальным, приходится выкладываться полностью. Я, новичок, должен был руководить сложными, требующими сосредоточения процессами. Если я не справлюсь, вмешаются другие члены экипажа или, при необходимости, корабельные интеллекты; но

моей карьере придет конец. К тому же в этом случае появляется возможность, пусть и малая, что корабль может пострадать или погибнуть.

Несмотря на это, я был полон решимости устроить Вокс самые лучшие проводы.

В то утро, когда мы приблизились к планете, я долго простоял у внешнего экрана и глядел на мир, называющий себя Кул-де-Сак. Он мерцал, словно красный глаз в ночи. И хотя именно этот мир избрала для жизни Вокс, мне он казался отвратительным, почти зловещим. Теперь такое ощущение у меня вызывают все миры, в которых живут люди. Служба изменила меня, и я знаю — эти изменения необратимы. Никогда в жизни я не сойду ни в один из этих миров. Мой мир — космический корабль.

Я пошел в виртуальный отсек, где меня ждала Вокс.

— Входи,— сказал я, и она проникла в меня.

Мы вместе пересекли корабль, направляясь в главный навигационный зал.

Команда, осуществлявшая сближение, уже собралась: снова Рейбак, Фреско и Роучер, а еще Педрегал — ему предстояло надзирать за разгрузкой. Дежурным интеллектом был 612-Язон. Я приветствовал их короткими кивками, и мы подключились друг к другу.

Почти сразу же я почувствовал, что Роучер зондирует меня, ищет сбежавшую матрицу, которая, как он полагал, все еще скрывалась внутри меня. Вокс отступила в глубину. Меня это не волновало.

«Пусть зондирует,— думал я.— Скоро все будет кончено».

— Приступаем,— объявил Фреско.

— Имитационная модель,— распорядился я.

Перед нами в зале возникло яркое изображение Кул-де-Сака, а сбоку — модель корабля, окутанного белым пламенем, пульсирующим, как полярное сияние.

Я отдал команду, и мы вошли в режим сближения.

Мы не могли подойти к поверхности планеты ближе чем на расстояние в миллион длин корабля, иначе безжалостная сила притяжения Кул-де-Сака разорвала бы нас на части. Но мы должны были расположить корабль так, чтобы его удлиненная мачта нацелилась на экватор планеты, и жестко удерживать эту пози-

цию, пока корабли Кул-де-Сака роем взлетали со своего красного мира, чтобы забрать у нас груз.

Я передал полученные от 612-Язона координаты Фреско; Рейбак, как обычно, следил за бесперебойной работой каналов, а Роучер отвечал за то, чтобы хватало мощности для наших манипуляций. Однако, передавая данные Фреско, я изменил все знаки на противоположные — чтобы наша мачта оказалась нацелена не в сторону Кул-де-Сака, а, наоборот, к звездам.

Сначала никто ничего не замечал. Все сохраняли спокойствие. Поскольку я точно «перевернул» все координаты, только при тщательном их изучении можно было понять, что корабль разворачивается на 180 градусов.

Плавая в невесомости навигационного зала, я чувствовал движение корабля. Я знал, что это иллюзия, но такая убедительная. Десятикилометровая игла «Меча Ориона» висела неподвижно, словно заснула, а потом начала медленно-медленно поворачиваться на оси, нацеливая исполинскую мачту на звезды. Плавно, плавно, медленно, безмолвно...

Какой восторг — чувствовать, что корабль полностью в твоих руках!

Корабль был мой. Я управлял им.

— Капитан,— негромко сказал Фреско.

— Спокойно, Фреско. Увеличивай мощность подачи.

— Капитан, по-моему, со знаками что-то не то...

— Спокойно, спокойно.

— Я хочу проверить координаты, капитан.

— Еще минута.

— Но...

— Спокойно, Фреско.

Я почувствовал, как забеспокоился Педрегал, и заметил устремленный на меня холодный вопросительный взгляд Рейбака. Роучер снова попытался зондировать меня — может, опять искал Вокс, а может, пытался понять, что происходит.

Мы почти полностью развернулись. Я ощутил внутреннюю дрожь: это Вокс всплывала сквозь уровни моего сознания, приближаясь к поверхности.

— Капитан, мы неправильно развернулись! — закричал Фреско.

— Знаю,— ответил я.— Успокойся. Сейчас развернемся как нужно.

— Он сошел с ума! — выпалил Педрегал.

Я почувствовал, как Вокс выскользнула из моего сознания. Тем не менее каким-то образом я все еще мог следить за ее передвижением. Скорее всего, потому что я был подключен к 612-Язону, а 612-Язон контролировал все. Легко, безмятежно Вокс исчезла в оболочке корабля.

— Капитан! — завопил Фреско и попытался перехватить у меня управление.

Удерживая его на расстоянии вытянутой руки, я со странным спокойствием смотрел, как Вокс прошла сквозь корпус, показалась на кончике мачты и устремилась дальше, к звездам.

Поскольку я развернул корабль, мощная навигационная сеть Кул-де-Сака не могла захватить ее: дорога в небеса была открыта. Наверное, сейчас для Вокс это все равно что плыть к морю. Вскоре она уплывет так далеко, что уже не сможет подключаться к корабельному биопроцессору. И хотя сеть электрических импульсов, составляющих матрицу Вокс, будет вечно лететь вдаль, набор ее индивидуальных характеристик вскоре потеряет фокус, начнет размываться, затуманиваться. Пройдет немного времени — или времени понадобится больше, но это неотвратимо,— и ее ощущение себя как независимой личности угаснет. Иными словами, Вокс умрет.

Я следил за ней, пока мог видеть искру, летящую сквозь вечную ночь. Потом она исчезла.

— Теперь давай развернем корабль, как нужно,— сказал я Фреско,— и пусть забирают свой груз.

19

Это произошло много лет назад. Возможно, больше никто не помнит тех событий, даже мне самому они кажутся похожими на сон. На корабле «Меч Ориона» я избороздил почти всю Галактику. В одних рейсах был капитаном, в других отвечал за разгрузку, работал со спящими пассажирами, исполнял обязанности суперкарго и даже питал корабль своей энергией. Здесь, на Службе, неважно, какую роль ты исполняешь.

Я часто думаю о Вокс. Раньше мысли о ней неизменно сопровождались печалью, болью и ощущением невосполнимой утраты, но это прошло уже много лет назад. Она, наверно, давным-давно мертва, какой бы стойкой и упорной ни была. И одновременно она по-прежнему жива. В этом я уверен. Глубоко внутри себя я чувствую ее теплоту, ее силу, ее поразительную жизнестойкость, ее импульсивность. Я ощущаю эти качества, эти дары, полученные от нее за короткое время, пока она обитала во мне, как ее живое присутствие. И так будет всегда, пока я прокладываю путь от одного прикованного к своей орбите мира к другому на огромном корабле небес.

Ловушка

14, третьего месяца, 2217 года

Увидеть деревья-капризки в нашей долине можно уже повсюду. До чего они красивы! Только представьте: изящные хрупкие ветви, увенчанные очаровательными розовыми цветками, грациозно покачиваются, уносимая ветром пыльца устилает землю золотистыми сугробами, а мускусный аромат навевает самые приятные воспоминания. Новые побеги капризок вырастают за считаные часы, как по мановению волшебной палочки. Дюжина здесь, другая там. Распространяются с быстротой лесного пожара, с неотвратимостью стихийного бедствия.

— Вселенная,— говаривал мой папаша,— обязательно убьет тебя, дашь ты ей шанс или нет. Везде и всюду людей подстерегают *ловушки*.

Ловушка в столь благословенном крае, как наша долина? Что-то не верится. Почва здесь плодородная, климат круглый год мягкий, ежедневно после полудня дует теплый южный бриз. Правда, дождей выпадает маловато, зато вдоволь грунтовых вод. И самое главное, местные туземцы совершенно безобидны.

— Слишком уж *житье здесь легкое и беззаботное*,— сказал бы на это мой папаша.— Ищи скрытую ловушку.

Скрытую ловушку? Но существует ли она?

Что ж, *поживем* — увидим.

16, третьего месяца, 2217 года

Мы — обычные фермеры, отказавшиеся гнуть спины в мирах, где вся земля давным-давно поделена. Мы в поте лица пашем местную серую почву ради того, чтобы наши праправнуки стали здешними баронами и герцогами.

© Перевод А. Жаворонкова.

Конечно, испокон веков здесь живут привидки, но они спокойные, миролюбивые, и им нет дела до будущих графств и герцогств. Поэтому мы преспокойно прокладывали дорогу и перерабатывали местные минералы и растения в насыщенный питательными веществами торф.

Но спокойной жизни неожиданно пришел конец! Отыскалась все-таки проклятая скрытая ловушка — растения-капризки...

Первую капризку посадила Хелин Ганнетт. Та самая Ганнетт, которую по праву прозвали «Зеленые пальцы». Ведь под ее опекой расцветают даже безнадежно увядшие цветы и сухие ветки.

Поначалу капризка была спокойным, почти сферическим кустом, в обхват взрослого мужчины, не выше десятилетнего ребенка. Гладкие розовые тонкие стебли с красной сердцевиной под полупрозрачной корой изящно обвивали друг друга, между бирюзовыми листьями в форме подков там и здесь набухали бутоны. Хелин посадила капризку среди полусотни иных местных растений перед дверью своего дома. Все растения у нее были тщательно ухожены, каждое глубоко посажено в темный песчаный грунт, вокруг основания ствола насыпана горка земли, препятствующая испарению влаги.

Ничего не скажешь, умелый садовник наша Хелин.

— Как ты назвала это растение? — спросила у нее как-то моя супруга.

— Капризка.

— Почему именно капризка?

— Да потому что посадила я ее, повинуясь минутному капризу. Гляди, как быстро растет.

Капризка действительно росла как на дрожжах. Высаженный Хелин черенок был всего лишь с руку длиной. За ночь он пустил корни. Через три дня на нем появились ветви. Еще через неделю он уже превратился в крепкое деревце, теснившее другие растения. Куст-монстр. Напасть, а на вид безобидное растение.

— У тебя дар,— сказала Хелин моя жена.— Что бы ты ни посадила, все растет и дает обильные плоды.

— Да какой там дар,— отмахнулась Хелин.— Просто надо помнить, что растения живые. Люби их, заботься о них, и они потянутся к свету.

Через несколько дней метрах в тридцати от первой капризки, у дома Ника и Натали Вонг, что через дорогу, потянулась вверх

вторая капризка. Поначалу побег был малюсеньким, робким, но, едва пробившись из под земли, пошел в рост и через неделю достиг того же размера, что и капризка у дома Хелин, хотя о нем никто не заботился. Не те это люди, Вонги.

— Должно быть, моя капризка дала побег,— предположила Хелин.— Поразительная приспособленность к жизни. Всего двух недель от роду, а уже пускает побеги.

Достигнув трех метров высоты, капризка Хелин зацвела. Гроздья цветов на концах веток, напоминающие рои светлячков, имели столь интенсивную окраску, что казалось, от них исходит тепло. Даже после заката солнца в призрачном свете трех лун их было видно за квартал.

О том, что капризка Хелин зацвела, я узнал от жены и, улучив свободную минуту, пошел полюбоваться. Поверьте мне на слово: основывать поселение, даже в таком гостеприимном мире, как наш, это дело не из легких. Свободного времени почти не остается, но я все же выкроил часок перед сном. На крыльце дома Хелин сидели четверо привидок — самец, две самочки и один двуполый. Встретив меня холодными рыбьими улыбками, они вновь уставились на цветущую капризку. Никогда толком не разберешь, что у привидок на уме, но эти были явно зачарованы кустом.

Так мы сидели и молчали. Через минуту двуполый повернулся ко мне и, разевая не в такт словам беззубый рот, спросил:

— Красивый куст, как по-вашему?

— Да,— подтвердил я.— Красивый.

— И мы находим его красивым.

— Приятно, что наши мнения совпадают.

— И цветы очень красивые.

— Да, очень красивые.

— Очень, очень красивые.

Внешне привидки не слишком симпатичные — низенькие, склизкие, бледно-зеленые, почти прозрачные кальмары, передвигающиеся по суше на многочисленных щупальцах. Дружелюбными их не назовешь, но они миролюбивы и вежливы, нашей высадке и дальнейшему расселению не препятствовали. Что они думают о нас, никому не ведомо. Скорее всего, в их убогом представлении мы боги, сошедшие с небес в огненных колесницах. При нашем появлении они поспешно отступили на восток

и наверняка нашли там новые земли. Время от времени они появляются в городе, глазеют на все и вся, изредка заговаривают с нами. На англике изъясняются вполне сносно. Сказались, видимо, врожденные способности к звукоподражанию.

Еще минут пять-десять я и привидки сидели на крыльце и любовались цветущей капризкой, по высоте сравнявшейся с крышей дома Хелин. Меня поразило, что при малейшем дуновении ветра из раскрывшихся цветков густыми облаками вылетает пыльца. Цветочный аромат очаровывал. Сначала он напомнил мне духи, которыми много лет назад пользовалась моя мать, затем — аромат молодого недобродившего вина, а еще через минуту я будто ткнулся носом в грудь жены сразу после того, как она приняла ванну.

Вскоре в квартале от городской площади появилась третья капризка. Чуть позже, поблизости,— четвертая. Потом пятая. Через день их повылазило столько, что мы сбились со счету.

Тогда-то и начались неприятности. Поначалу не слишком серьезные. Цветы на капризках опали, и на их месте завязались ярко-красные стручки. Через несколько солнечных дней стручки выросли и начали с оглушительным грохотом взрываться, разбрасывая, словно картечь, на десятки метров вокруг семена с острыми кромками. Едва коснувшись земли, они прорастали. Прежде чем мы догадались носить пластиковые кольчуги и шлемы, пострадало одиннадцать человек, а Сэм Кингстон лишился правого глаза.

Листья на отцветших капризках наполнились жидкостью, близкой по составу к серной кислоте. При малейшем ветерке они облетали и кружили в воздухе, как снопы искр. Если такой лист слегка касался кожи, ожоги не проходили неделями.

За несколько дней с капризок облетели все жгучие листья, и тут же выросли новые. Эти были крупнее и мясистей прежних, а с их кончиков то и дело опадали белые кристаллы. Тогда-то на городскую площадь примчалась, как угорелая, Хелин и заголосила:

— Мой сад умирает! Гибнут все растения! Все, кроме капризок!

Кристаллы оказались гидроокисью натрия — едким натром. Капризки, извлекая это вещество из грунтовых вод, накапливали его в специальных полостях стволов, и падающие с листьев

кристаллы вскоре превращали землю вокруг в щелочную пустыню, где могли расти одни капризки.

В долине к тому моменту выросли уже сотни капризок. Они были повсюду — перед жилыми домами и амбарами, вдоль улиц и в парке. Появились они и за городом, поначалу только по краям полей, но белая зона смерти ширилась день ото дня, вытесняя земные растения.

— Выкорчуем их,— предложил я на общем собрании.

Меня тут же поддержал Майк Зуков, а затем и остальные жители городка. Мы вышли на улицы с тепловыми колунами и бензопилами, начали с капризки Хелин и через три часа свалили не меньше двух десятков.

За нами пристально наблюдали привидки.

— Они же потешаются над нами,— заявил вдруг Бал Гласник.

— С чего ты взял? — поинтересовался у него я.— Неужели прочитал на их плоских физиономиях?

— Нет, но...

Вскоре мы обнаружили, что опасность представляют не столько сами капризки, сколько их бесчисленные корни. Уходя на глубину пятидесяти, а порой и ста метров, они добирались до грунтовых вод. Выкопать их оттуда не было никакой возможности. Ствол можно было спилить или срубить, но через час-другой на пеньке появлялись молодые побеги. Если мы выкорчевывали и пенек, ветки вырастали из оставшихся в земле обрубков корней, порой метрах в тридцати от уничтоженной капризки.

К тому же приходилось быть предельно внимательными с каждой щепочкой. У оброненной на влажный грунт щепки в палец длиной, у мелкого кусочка коры вскоре вырастали корешки. Подбирать щепки мы поручили детям, но как они ни старались, все равно пропускали одну щепку из каждых пяти. К утру уже тысячи молоденьких капризок помогали своим старшим сестрам и братьям превращать нашу плодородную долину в пустыню.

— Как получилось, что до сих пор вся ваша планета не покрыта сплошными зарослями капризок? — спросил я у старшего на вид привидка.— Как вы ухитряетесь избавляться от них?

— Да легче легкого,— ответил тот.— Как только поблизости появляются капризки, мы напускаем на них жуков хугу, и жуки в мгновение ока поедают капризок. Хугу очень любят есть капризок.

Конечно, хугу — не совсем точное название жуков, но человеческий язык не в состоянии воспроизвести звуки, которые издал убеленный сединой привидка. Но «хугу» очень похоже на то, что он сказал.

Идея скормить капризок жукам хугу сразу же пришлась всем по сердцу. Загвоздка заключалась в том, что в нашей долине хугу отродясь не водились. Привидки, судя по всему, не имели ничего против капризок, но, опечаленные увяданием наших садов, полей и парков, милостиво согласились совершить паломничество в священную землю Глопглип, где обитали хугу, и принести нескольких сюда. Священная земля, конечно, называлась вовсе не Глопглип, но весьма и весьма похоже.

Либо священная земля Глопглип находится на другом конце континента, либо привидки не особо спешат. Жуков хугу мы дожидаемся уже давненько.

Капризки меж тем времени даром не теряли: отравив едким натром верхний плодородный слой почвы и осушив до последней капли грунтовые воды, они превратили нашу зеленую цветущую долину в белую щелочную пустыню — идеальную для себя среду обитания. Теперь куда ни кинешь взгляд, всюду увидишь лишь море колышущихся на ветру розовых цветов, гладкие, сияющие, точно древний фарфор, стволы да прорастающие из земли побеги капризок. Красотища, от которой на куски разрывается сердце.

23, шестого месяца, 2217 года

Паломники наконец вернулись из священной земли Глопглип с дюжиной больших плетеных бутылей. В бутылях находились самые безобразные из когда-либо созданных Господом тварей — насекомые длиной со средний палец, с желтыми ядовитыми скорпионьими хвостами, с острыми блестящими ярко-красными жалами и зелеными глазищами навыкате, светящимися в сумерках. Кроме того, что жуки хугу безобразны, они еще и невероятно прожорливы. Смысл их существования — пожирание, а пожирают они, на наше счастье, капризок.

Жуки сразу же дружно взялись за дело. Расправляться с капризкой они начали с листьев, затем принялись за ветки, потом сожрали ствол до основания и, не останавливаясь, вгрызлись в корни. Поглотив растение до последней молекулы, отложили глу-

боко под землей яйца, а через считаные дни на свет выползло новое поколение хугу, чтобы тут же наброситься на капризок.

За первую неделю жуки сожрали всех капризок в восточной части долины от пограничной линии до центра города и ежечасно разрастающейся армией двинулись к западу, а третье поколение жуков достигло границ полей.

Глядишь на них, и по спине бегут холодные мурашки. Радует лишь мысль, что жуки хугу обречены. Подъев последнюю капризку, они неминуемо вымрут с голоду. Большинство городских районов уже полностью очищено от проклятых растений, но стоит пробиться молодому побегу, как жуки возвращаются и приканчивают его.

Без капризок долина выглядит опустошенной. К счастью, недавно прошедший дождь смыл корку гидроокиси натрия, и сразу же из-под земли потянулись зеленые ростки обычных земных растений.

Мы сутками отсиживаемся по домам, ожидая окончания расправы с капризками. Оно и понятно! Кому охота оказаться снаружи, когда там свирепствуют армии ненасытных жуков хугу? Мы благодарны жукам за то, что они нещадно изничтожают капризок, но их вид нам не по душе. Если честно, мы даже слегка их побаиваемся и оттого терпеливо ждем, когда, съев последнюю капризку, жуки хугу либо вымрут, либо отправятся на поиски новых пастбищ. Скорее бы!

Из-за проклятых капризок потерян весь урожай этого сезона, запасы нашей пищи тают на глазах. Уверен, мы быстро восполним потерянное, если вернемся к привычным работам на полях. Вопрос в том, прикончат ли хугу капризок прежде, чем нас прикончит голод.

18, восьмого месяца, 2217 года

Вчера прошел самый обильный дождь со времени нашего прибытия на эту планету. Стоит великолепная погода; беда в том, что поля пусты.

Ни единой капризки не осталось, но жуки хугу по-прежнему здесь. И они чертовски голодны.

— Не ты ли уверял, что жуки хугу не едят ничего, кроме капризок? — подозрительно щурясь, спросил у меня Бад Гласник.

— Так, вроде бы, говорили привидки,— ответил я.

— Но случилось иначе,— хмуро пробурчал Билл Ганнетт.

— Да,— подтвердил я.— Случилось иначе.

Случилось так, что, покончив со своей основной задачей, хугу принялись за остальное. Прежде чем мы догадались наглухо запечатать амбары, ненасытные жуки сожрали большую часть наших запасов посевного зерна, затем съели трех котов и почти всех собак в городе. Они даже напали на Майка Зукова и отхватили у него такой приличный кусок левой ноги, что бедняга загремел на стол хирурга.

Выяснилось, что жуков отпугивают огнеметы. Но, к сожалению, ненадолго. Мы испробовали все имеющиеся у нас яды, однако жукам требуется доза, которая отравит на года все земли. Поэтому мы сидим, запершись в собственных домах, а вокруг, щелкая жалами, шныряют проклятые жуки, карабкаются по стенам и выискивают малейшие щелки, стремясь добраться до нас.

Напрашивается законный вопрос: едят ли жуки хугу привидок? Если не едят, то почему?

Похоже, привидки заранее знали, что собой представляют жуки хугу, но все же принесли их из священной земли Глопглип и выпустили на свои земли.

Завтра с утра мы с Уиллом Нордлундом и Бриайсом Фолком, закутавшись поплотнее в толстые одежды, отправимся на тракторе в земли туземцев. Если отыщем привидок, непременно дознаемся, как избавиться от жуков хугу после того, как те покончили с капризками.

29, восьмого месяца, 2217 года

— Да-да, конечно,— заявили нам привидки в один голос.— У жуков хугу есть заклятый враг. Птицы джуджуб с удовольствием едят жуков хугу.

Птицы на туземном языке, конечно же, назывались не джуджуб, а несколько иначе, но весьма похоже на «джуджуб».

Я спросил:

— А где нам достать хотя бы пару птиц джуджуб?

— Эти птицы обитают только на священной земле Глопглип,— ответили привидки.

Уилл Нордлунд достал из кармана карту и попросил:

— Покажите, где расположена священная земля Глопглип

— Нет! Нет! — поспешно завопили привидки.— Глопглип — священная земля. Непосвященным туда пути нет.

— Но нам позарез нужны птицы джуджуб,— взмолились мы.

Посовещавшись, привидки заявили, что показать дорогу к священной земле Глопглип они нам не могут, но с радостью отправятся туда сами и принесут нам птиц джуджуб.

— Как скоро? — спросили мы.

— Выйдем мы сразу, как только настанет время паломничества,— ответствовали привидки.

— А это когда?

— Как только год пойдет на излом,— сказали привидки.

— Через пять месяцев?!

— Именно,— подтвердили они наши самые худшие опасения.

— Но мы не протянем так долго. Войдите в наше бедственное положение! Почему бы не отправиться в паломничество прямо сейчас?

— Нет! Нет! — был единодушный ответ.— Святотатства мы не допустим!

7, одиннадцатого месяца, 2217 года

Привидки все-таки сжалились над нами и месяц назад отправились в священную землю Глопглип. Есть надежда, что к весне они вернутся с птицами джуджуб.

Если мы к тому времени не помрем с голоду, что весьма вероятно, то птицы джуджуб сожрут проклятых жуков хугу, как прежде жуки сожрали капризок. Тогда мы засеем поля и примемся, как и прежде, в упоении закладывать будущие графства и герцогства. Пока же мы не смеем высунуть носа из домов. Целыми днями только и слышны жужжание проклятых жуков и скрежет их жал. Жуки отчаянно голодны и, судя по всему, покидать здешние места не намерены. Едва в наших полях и садах, очищенных от капризок, пробивается зеленый росток, как на него тут же набрасываются полчища жуков.

Вчера вечером, за игрой в покер, мне в голову пришла мысль: если и капризки, и жуки хугу, и птицы джуджуб связаны единой экологической цепочкой, а хугу и джуджуб нездешние — получается, и капризки тоже родом не отсюда. Но где же тогда Хелин разлобыла первую капризку, с которой начались наши беды?

Я спросил ее об этом и заметил в ее глазах панический ужас.

— Мне... Мне ее подарили привидки,— трепеща всем телом, прошептала она.— Не говори никому! Привидки принесли мне крошечный росток и, как обычно беззубо улыбаясь, сказали, что это особый подарок лучшему в долине садовнику. Растение мне до того понравилось, что я, не подозревая подвоха, тут же посадила его на почетном месте перед домом. Пожалуйста, не говори никому! Умоляю!

Теперь понятно, как из Глопглипа в нашу долину попала проклятая капризка. Занятную ловушку подготовил нам этот мир. Теперь без привидок мы здесь не выживем, а они, как стало ясно, относятся к нам вовсе не по-дружески. Они очень вежливы и будут с радостью приносить нам все новые и новые средства от бедствий, причиненных их предыдущими дарами. За птицами джуджуб, вероятно, последуют крысы флипфлап, которые питаются яйцами птиц, ставших вдруг смертельно опасными, а за крысами... Кто знает?

Я пишу эти строки, а по оконному стеклу, гнусно скрипя лапками, ползут и ползут жуки хугу.

Как ни стараюсь, выхода из создавшегося положения не нахожу. Уберемся ли мы восвояси или останемся, уповая на милость привидок, ясно одно: графствам и герцогствам в ближайшие столетия на этой планете не бывать.

Охотники в лесу

За двадцать минут пути на глаза не попалось ничего более примечательного, чем стрекоза размером с ястреба. Она промелькнула перед окном времямобиля и умчалась прочь. И Мэллори решил, что пришло время для второго варианта: покинуть безопасную уютную кабину и рискнуть пройтись пешком в пелене испарений — этаким беззащитным пигмеем из будущего среди динозавров в полном запахов лесу позднемелового периода. Именно так он и задумывал — постоянно стремиться к опасностям, пережить все возбуждение охоты, когда не знаешь наверняка, охотник ты или жертва.

Первый вариант — это безвылазно сидеть в капсуле в течение всей поездки (а он записался на двенадцать часов) и наблюдать за происходящим через непробиваемое стекло. Совершенно безопасный вариант, безусловно. Но и совершенно провальный, если ты прибыл сюда для того, чтобы хоть раз в жизни немного поволноваться. Третий вариант — о нем только перешептывались и, какие бы слухи ни ходили, его никто еще не выбирал — был тоже провальным, но в другом смысле. Просто без оглядки уйти в лес. В заранее установленный срок (обычно через двенадцать часов, и уж никак не более чем через сутки) капсула вернется на исходную позицию в двадцать третьем веке — даже и без пассажира. Но Мэллори вовсе не собирался губить себя. Все, что ему нужно, — это встряхнуться, испытать доселе неведомое ощущение настоящего страха, чтобы зазвенело в ушах и похолодело в животе. Уловить тот старый добрый дух приключений, которого днем с огнем не сыскать в современном мире, где риск ока-

© Перевод О. Звереной.

зался на грани исчезновения. Но здесь, в мезозое, риска сколько угодно, лишь заплати за вход. Всего-то и нужно — выйти из капсулы и поискать. Итак, второй вариант как раз для него — небольшая приятная прогулка, а потом назад, в капсулу, задолго до того, как она отправится в обратный путь.

С собой он взял лазерное ружье, рюкзак-аптечку и немного еды. Прицепил к поясу приборчик-гид, а на плече закрепил питье. Но никакого шлема и баллона — он будет смело вдыхать воздух мелового периода. Отказался он и от безразмерного бронежилета, который настойчиво предлагала ему капсула. Это же и есть тот самый дух второго варианта: уйти незащищенным в мезозойский рассвет.

Итак, открыть люк. Спрыгнуть со ступенек. Подошвы ботинок спружинили на мягком доисторическом дерне.

Вокруг сыро, но лицо овевает удивительно приятный ветерок. Словно ты в тропиках, но без их невыносимой жары. Пахнет вокруг довольно странно. Должно быть, содержание азота и двуокиси углерода отличается от привычного ему воздуха и, конечно же, здесь нет той грязи, что выброшена в атмосферу за шесть веков развития промышленности. Но есть и еще что-то, какая-то примесь, сладковатая и резкая одновременно. Возможно, это запах кишечных газов динозавров, решил Мэллори. Бесчисленные толпы громадных существ, оглушительно испускающих ветры сотню миллионов лет подряд,— конечно же, они наполнили доисторический воздух смесью углеводородов, которые не распадутся по крайней мере до олигоцена.

Вокруг него до самого неба вздымались чешуйчатые стволы деревьев, толстые, как колонны Парфенона. На их верхушках, высоко над головой, во все стороны разметались длинные плотные листья. Деревья пониже, похожие на пальмы, но, наверное, все-таки не пальмы, теснились между этими колоссами, а уже у самой земли рос густой всклокоченный кустарник. Некоторые деревья были покрыты пушистыми бледно-желтыми цветами; цветы выглядели такими робкими, словно только что появились в этом мире и теперь стесняются вот так запросто показывать себя. Вся растительность — и большие деревья, и мелкие кусты — выглядела помятой, как залежалый товар. Стволы торчали вкривь и вкось, исполинские черешки листьев были согнуты, а обглоданные сучья свисали, как сломанные руки. Создавалось впе-

чатление, что по этому лесу каждые несколько дней проходит армия громадных танков. Тут Мэллори сообразил, что не так уж далек от истины.

Но где они? Прошло уже двадцать пять минут, а он до сих пор не увидел ни одного динозавра — хотя так ждет этой встречи!

— Эй! — крикнул Мэллори.— Где вы, остолопы?

И словно по сигналу, лес разразился целой симфонией: скрипучими вскриками, раскатистым храпом, мириадами фырканий, взвизгов, всхлипов, смешавшихся в общий гул. Как будто хор крокодилов распевается перед исполнением «Мессии» Генделя.

Мэллори рассмеялся:

— Да слышу я вас, слышу!

Он подготовил лазерное ружье к бою. Сделал шаг вперед, нетерпеливо озираясь. Как полагают, именно это время — золотой век динозавров, конец бурной геологической эры, когда эволюция щедро порождала все новые причудливые виды и по земле бродили самые разные, прямо-таки сказочные исполины. Гид показал, как они выглядят: смахивающие на творения декадентов длинномордые утконосые монстры величиной с дом, неуклюжие огромные цератопсы с вычурными, в стиле барокко, костяными гребнями, зубастые твари с узловатыми рогами на удлиненных черепах и еще какие-то чудовища с рядами острых шипов на горбатых спинах. Он жаждал увидеть их вживую. Он хотел, чтобы эти страшилища напугали его чуть ли не до смерти. Давайте, выходите из тумана, взгляните свирепо, распахните громадные челюсти! В аккуратном и тщательно упорядоченном мире двадцать третьего века Мэллори ни разу не дрожал от страха, как доводилось людям в былые времена, никогда не испытывал ужаса или настоящей тревоги и даже не был уверен, что понимает значение этих слов. И теперь выложил кругленькую сумму за то, чтобы испытать все эти чувства.

Вперед. Вперед.

Ну же, недоношенные переростки, вытащите свои задницы из болота и покажитесь!

Там. Точно, вон там!

Сперва показалась круглая маленькая голова. Она взмыла над верхушками деревьев, как скалящий зубы футбольный мяч, прикрепленный к длинному толстому шлангу. Затем появилась

огромная взгорбленная спина невероятной высоты. Земля начала содрогаться, словно туда забивали сваи, раздался треск деревьев — это исполин принялся проламывать себе дорогу.

Ему даже не понадобились тихие подсказки гида, чтобы понять: по лесу величественно вышагивает гигантский зауропод. «Один из тираннозавров или, возможно, ультразавр». В шепоте гида слышалась некоторая досада на то, что он не может точно опознать этот вид. Но Мэллори совершенно не интересовали такие детали. Он хотел увидеть такого великана — и увидел! Ящер был просто колоссальным. Он появился перед Мэллори в просвете между деревьями, и тот задохнулся от изумления. Какого же роста этот гигант? Двадцать метров? Тридцать? Массивные морщинистые ноги толщиной с секвойю. Жирафы, даже до предела вытянув шеи, могли бы пронестись между ними, не задев массивного брюха. Рядом с таким великаном слон покажется домашней кошкой. Ящер неторопливо поводил из стороны в сторону вытянутым хвостом, ломая толстые деревья. Сто миллионов лет понадобилось на то, чтобы создать такого гиганта. Дарвинисты сойдут с ума, ведь здесь избыток порождает еще *больший* избыток, неугомонные хромосомы тысячелетиями ликующе перестраиваются, создавая все более толстые кости, более длинные ноги, более массивные тела. И в результате появляется ходячая гора, этакий монумент гигантским рептилиям.

— Эй! — воскликнул Мэллори.— Посмотри! Видишь что-то далеко под тобой? Тут человек внизу. Гомо сапиенс. Я — млекопитающее. Знаешь, кто такие млекопитающие? Знаешь, что мои предки собираются сделать с твоими потомками?

Ящер был уже совсем близко — в каких-то ста метрах. От него так несло мускусом, что Мэллори чуть не задохнулся и зашелся в кашле. Грубая коричневая кожа ящера, твердая как чугун, вся в алых, желтых и голубоватых наростах паразитов, была иссечена оврагами и ущельями столетних ран, такими глубокими, что там мог бы спрятаться и человек. Каждый шаг гиганта казался Мэллори землетрясением. По сравнению с ящером он ничто, блоха, комар. Этот монстр может наступить на него, раздавить — и даже не заметить.

Но Мэллори не чувствовал страха. Зауропод был настолько внушителен, что о какой-либо угрозе не могло быть и речи.

Разве он, Мэллори, боится реки Амазонки? Или планеты-гиганта Юпитера? Или пирамиды Хеопса?

Нет, скорее он чувствовал злость, а не ужас. Эта нелепая живая гора привела его в ярость.

— Меня зовут Мэллори! — крикнул он.— Я пришел из двадцать третьего века, чтобы пристрелить тебя, ты, безмозглая груда мяса! Я лично сделаю тебя вымершим, слышишь?

Он поднял лазерное ружье и прицелился в далекую маленькую головку. Ружье выполнило расчеты, сделало поправки, и вверх ударил радужный луч. На мгновение голову зауропода окружило ослепительное сияние. Но ореол погас, и ящер как ни в чем не бывало продолжал свой путь.

«У него там что, нет мозгов? — удивился Мэллори.— Он слишком туп, чтобы погибнуть?»

Он подошел ближе, вновь выстрелил — и луч пропахал исполинское бедро. И снова никакого эффекта! Зауропод невозмутимо двигался дальше, обгладывая на ходу верхушки деревьев. Третий выстрел был слишком поспешным — луч прошел мимо и пробил дыру в навесе из листьев. Четвертый с тонким свистом угодил ящеру в брюхо, но зауропод даже не почесался. Мэллори был взбешен живучестью колосса. Гид тихо подсказал, что, вероятно, основные нервные центры у этих гигантов расположены в основании хребта. Мэллори забежал за ящера и поднял глаза на его необъятный зад, прикидывая, куда лучше выстрелить. Но тут гигантский хвост взлетел вверх и влево — и на землю хлынула лавина огромных дымящихся зеленых экскрементов размером с добрые валуны. Они с грохотом обрушились на землю, и Мэллори едва успел отскочить в сторону, прежде чем лавина накроет его. Он со всех ног бросился прочь, спасаясь от страшной вони, которую извергала здоровенная куча испражнений. В спешке зацепился за какое-то ползучее растение и, потеряв опору в скользкой грязи, упал на четвереньки. Из жижи выскочило нечто похожее на голубую собачонку с чешуйчатой кожей и кольцом острых шипов вокруг шеи и запрыгало на месте, шипя, визжа и скаля страшные желтые клыки. Прицелиться и выстрелить можно было просто не успеть, поэтому Мэллори мгновенно перекатился на бок и огрел зверя прикладом ружья. Клыкастый с рычанием убежал прочь. Когда охотник смог наконец пе-

ревести дух и поднять глаза, великан-зауропод уже скрылся из виду.

Мэллори поднялся и захромал прочь от вонючей груды навоза.

Наконец-то он узнал, что такое смертельная опасность. Да еще и дважды за какой-то десяток секунд. Но где же пресловутое потрясение оттого, что едва избежал угрозы, где сладостная дрожь? Никакого удовольствия, никакого долгожданного выброса адреналина...

Какое там удовольствие, какой адреналин?! Лавина экскрементов, тявкающая ящерица с большими зубами — что за жалкие опасности! Защищаясь, он не следил за собственными чувствами, а теперь, перепачканный, с ноющим коленом и униженным самолюбием, испытывал только досаду и разочарование с примесью насмешки над самим собой. Но ведь хотелось-то испытать настоящий страх, а затем восторг от успешного спасения, которое вспоминалось бы после уже со спокойным сердцем.

Ну да ладно, у него еще много времени. Охотник двинулся дальше, в глубь леса.

Отсюда уже не видна была капсула времямобиля. Внезапно возникшее новое чувство пришлось Мэллори по душе — теперь он ощущал себя отрезанным от спасительного островка в этом полном опасностей мире. Он попытался развлечься, придумывая всякие неожиданности. Но это оказалось делом нелегким — не хватало воображения, как не хватило бы любому человеку из замечательного, устроенного, спокойного общества двадцать третьего века. Однако Мэллори старался.

«Предположим,— думал он,— я заблудился в лесу и не могу найти дорогу назад... да нет, не получится! Капсула постоянно посылает сигналы о своем местонахождении, и гид их принимает. А что, если гид сломается? Но такого не бывает. А если снять его и выкинуть в болото? Вот это уже третий вариант — действие, *направленное на* то, чтобы самому себе навредить и остаться здесь. Я на такое не пойду, подобное даже представить трудно!

Ладно, тогда предположим, что зауропод вернется, наступит на капсулу и раздавит в лепешку...

Невозможно. Капсула выдерживает давление в тридцать атмосфер.

Зауропод сталкивает ее в трясину и она тонет?»

Мэллори остался доволен своей находчивостью. Этого хватит на одну-две секунды желанной тревоги. Он представил, как стоит на краю болота и безнадежно смотрит на топь. Истекают последние минуты — и времямобиль, которому нипочем и сотня метров глубины, отправляется домой без него. Но нет, опять просчет: капсула движется в пространстве так же хорошо, как и во времени; она включит мощный двигатель и выберется на твердую почву задолго до возвращения в будущее.

«А если,— подумал он,— тут появится стая злобных смышленых динозавров и не позволит мне вернуться в капсулу?»

Это уже получше. Он даже слегка вздрогнул. Отлично! Одинокий странник, застрявший в мезозое! Рассчитывать только на собственную смекалку, питаться бог знает чем, на радость здешним бактериям. Заболеть, свалиться в горячке, стонать от незнакомой боли... Да! Да! Он дал волю воображению — когда войдешь во вкус, придумывать легче. Его жизни постоянно будет что-нибудь угрожать. Мэллори представил, как сам удаляет себе аппендикс. Лечит сломанную ногу. И с утра до вечера — бесконечные опасности. Зубастые враги, скрывающиеся за каждым кустом. Злобные глаза, горящие в темноте. Вся жизнь на бегу, и ни секунды покоя. Прятаться под листьями папоротников от гигантских хищников, мчащихся мимо. Скорпионы, змеи, огромные ядовитые жабы. Жалящие насекомые. Все то, что исчезло из жизни в цивилизованном мире, преследует его здесь,— а он перебегает из одного временного убежища в другое, измученный, небритый... глаза налиты кровью... лоб блестит от пота... Он беспрерывно борется за собственное существование, и жизнь его здесь, в этом кошмарном мире, полна доблести и героизма...

— Привет,— вдруг сказал охотник.— Кто ты такой, черт тебя побери?

Его фантазии развеял настоящий ужас, внезапно выбравшийся из рощи гигантских папоротников. Над Мэллори возвышалось двуногое чудовище с мощными задними лапами и маленькими свисающими передними — старый приятель, тираннозавр! Однако у этого монстра был огромный костяной гребень, похожий на воинский шлем, растущий из черепа, за ним в разные стороны торчали пять рогов, роднящих ящера с дьяволом, а из глубокой пасти выступали два устрашающих резца, длинных, как бивни. Ящер хлестал шипастым хвостом. Его пятнистая морщи-

нистая кожа была ярко-желтой, а на голове алел огромный гребень. Ну просто монстр из страшных снов о первобытном убийце, жуткий идеальный хищник, венец долгого господства ящеров! О смертельной угрозе буквально кричали острые как бритва костяные наросты, покрывающие огромное тело.

Гид просканировал ящера и сообщил, что это представитель неизвестной разновидности ящеротазовых динозавров. Почти наверняка хищный.

— Большое спасибо,— поблагодарил Мэллори.

Охотник удивлялся самому себе: даже столкнувшись с самим воплощением смерти, он ничуть не боялся! Страха не было, а было очарование явной угрозой, исходящей от этого существа, очарование его ужасающим обликом. Гротескный вид ящера почти забавлял охотника. Мэллори вполне понимал, что три скачка и один хороший удар маленькой повисшей лапы могут его убить, не позволив дожить до ста лет — минимальной продолжительности жизни. Но несмотря на угрозу, оставался спокойным. Если ему суждено умереть, он умрет; однако он не мог заставить себя поверить в это. Охотник начал понимать, что лишен способности испытывать страх и вообще сильные отрицательные эмоции. Его психика была слишком устойчивой. Вот вам неожиданный недостаток совершенного общества!

Ящеротазовый хищник неизвестной разновидности пускал слюну, рычал и свирепо смотрел на охотника. Его узкие желтые глаза горели как светофоры. Мэллори снял с плеча лазерное ружье и прицелился. Может, этого убить будет проще, чем исполинского зауропода.

И тут из зарослей позади ящера вышла женщина и сказала:

— Вы же не собираетесь стрелять в него?

Мэллори уставился на нее. Незнакомка была молодой, не старше пятидесяти (если только два-три раза не проходила курс восстановления), и привлекательной. Она улыбалась. У нее были длинные стройные ноги и пушистые, как облако, золотистые волосы. Женщина была одета в модный охотничий костюм из черного спрейона и вместо ружья держала в руке маленький лазерный пистолет. Не более десятка метров отделяло ее от шипастого хвоста динозавра, но это, казалось, ничуть не тревожило незнакомку.

Мэллори повел ружьем:

— Может, отойдете в сторонку?

Она, не сходя с места, заявила:

— Пальба из ружья — не лучшая затея.

— Мы тут для того, чтобы немного поохотиться.

— Будьте благоразумны, это сущий дьявол! Если вы хоть что-то сделаете — только раздразните его, и тогда мы пропали.

Женщина спокойно обошла монстра. Тот застыл на месте, озадаченно изучая людей, словно никак не мог взять в толк, что же перед ним такое. Мэллори прицелился в левый глаз, но женщина хладнокровно положила руку на ствол ружья и отвела его в сторону.

— Оставьте его,— сказала она.— Он только что пообедал и теперь хочет спать. Я видела, как он сгрыз что-то размером с гиппопотама, а потом закусил половиной другой туши. Начнете щекотать его вашим крохотным лазером — он встряхнется, и тогда жди от него неприятностей. Свирепо выглядит? — В ее голосе прозвучал восторг.

— Кто вы? — удивленно спросил Мэллори.— Что вы тут делаете?

— Думаю, то же, что и вы. Тур в меловой период?

— Да. Мне говорили, что я никого не увижу...

— Мне тоже. Что ж, такое иногда случается. Джейн Хайленд. Нью-Чикаго, две тысячи двести восемьдесят первый год.

— Том Мэллори, тоже Нью-Чикаго. И тоже две тысячи двести восемьдесят первый.

— Тесен мир. В каком месяце стартовали?

— В августе.

— А я в сентябре.

— Надо же!

Нависший над ними динозавр приглушенно фыркнул и медленно направился прочь.

— Мы ему надоели,— сказала Джейн.

— И он нам тоже. Правильно? Громадные ужасные монстры ломятся сквозь лес вокруг нас, а мы спокойны, словно сидим дома и смотрим все это по поливизору.

Мэллори снова вскинул ружье. Убийца с алым гребнем почти скрылся из виду.

— Так хочется выстрелить, просто для развлечения.

— Не надо. Или устали от жизни?

— Ничуть.

— Тогда лучше его не трогать, хорошо? Я знаю, где тут бродит стая анкилозавров. Вот это действительно интересные твари, уж поверьте. Хотите взглянуть?

— Конечно!

Мэллори понял, что ему нравится ее уверенность и деловитая манера общаться. Может быть, по возвращении в Нью-Чикаго стоит ее разыскать? Она сказала, сентябрьский тур. Значит, вернувшись домой, ему придется немного подождать.

«А в конце месяца позвоню»,— сказал он себе.

Джейн уверенно вела его сквозь заросли папоротников, мимо гигантских хвощей, а потом через болотистый луг, поросший мелкими, как будто сделанными из пластмассы растениями с уродливыми грязно-бурыми цветами, напоминающими маргаритки. На другом конце луга они миновали большую груду окровавленных костей и свернули, чтобы обойти коварное, зловеще подрагивающее болото. Мимо со свистом реактивных снарядов пронеслась пара гигантских стрекоз. Малиновая лягушка величиной с кролика оскалилась на них из озерца. Они шли уже около часа, и Мэллори потерял представление о том, в какой стороне находится капсула времямобиля. Но, решил он, гид в любом случае найдет дорогу назад.

— Отсюда до анкилозавров всего метров сто,— сказала Джейн, словно прочитав его мысли. Она оглянулась и подарила Мэллори ослепительную улыбку.— А вон там я позавчера видела стаю трудонов. Знаете, кто это? Маленькие проворные парни, не больше нас с вами, шустрые, как веники. У них зубы, как пила, и смешные шишки на голове. С минуту я думала, что они нападут на меня, но продолжала стоять на месте — и в конце концов они отступили. Если хотите кого-нибудь подстрелить, то подстрелите одного из них.

— Позавчера? — спросил Мэллори после некоторой заминки.— Так сколько вы уже здесь?

— Наверное, неделю. А может, и две. Я уже потеряла счет. Смотрите, вон те анкилозавры, о которых я говорила!

Он не стал смотреть, куда она показывала:

— Подождите-ка. Но самый долгий тур длится только...

— А я выбрала третий вариант.

Он изумленно уставился на нее, будто на голове у Джейн внезапно вырос алый костяной гребень и пяток рогов.

— Вы серьезно?

— Так же как и все, кого можно повстречать в глубине мелового леса. Я осталась здесь, дружище. Я стояла возле капсулы, когда истекло двенадцать часов, и смотрела, как она отправилась в далекое будущее. И теперь наслаждаюсь жизнью.

Он почувствовал благоговейный трепет — и это было самое сильное чувство из тех, что ему доводилось испытать.

Она и впрямь ведет ту самую отчаянную жизнь, полную доблести и героизма, которую он недавно воображал себе. Целую неделю, а то и две, избегает тысячи опасностей этого непостижимого мира и ухитряется быть сытой и здоровой. Да еще и выглядит так ухоженно и элегантно, словно покинула капсулу всего лишь два-три часа назад. Но никогда ей уже не вернуться в замечательный, безопасный, устроенный мир 2281 года. Никогда. Никогда... Она останется здесь до самой смерти — на месяц, на год, на пять лет... сколько удастся... Должна остаться. Должна. Потому что так решила. Невероятная авантюра!

Ее лицо было так близко. Он чувствовал ее сладкое и горячее дыхание. Глаза Джейн блестели, их взгляд был пронзителен и тверд.

— Меня уже тошнило от всего этого. А вас нет? От совершенства мира. От абсолютной предсказуемости. Даже споткнуться нельзя, потому что за тобой все время следят какие-то умные сенсоры. Биомониторы. Кибермедики. Гиды и инспекторы. Я их ненавидела.

— Да, конечно.

Ее сила просто пугала. В какой-то момент Мэллори понял, что думает о том, как бы предложить спасти ее от последствий этого безрассудного решения. Пригласить с собой в капсулу, когда будут кончаться его двенадцать часов? Возможно, они уместятся вдвоем, если тесно прижаться друг к другу. Отменить третий вариант, подарить ей жизнь... Но он знал, что это невозможно. Грузоподъемность капсулы ограничена, и путешественников предупреждают о том, что нельзя забирать из прошлого ни веточки, ни камешка — ничего! Да и в любом случае, вот уж чего она не хочет, так это быть спасенной. Она просто отмахнется от подобного предложения. Ничто не заставит ее вернуться. Ей здесь

хорошо. Впервые в жизни она чувствует себя по-настоящему живой. Из мира помешанных на безопасности олухов она одна вырвалась на волю. И ее порыв заразителен.

Мэллори вздрогнул, взволнованный ее близостью.

Она это заметила. Взгляд ее лучистых глаз стал приглашающим:

— Оставайся со мной. Пусть твоя капсула вернется отсюда пустой, как и моя.

— Но опасности...— услышал он собственный лепет.

— Не думай о них. Со мной же пока что все в порядке. Мы справимся. Мы построим хижину. Посадим фруктовые деревья и овощи. Будем ловить ящериц в ловушки. Охотиться на динозавров. Они так тупы, что будут просто стоять и ждать, пока их подстрелят. А лазерные заряды не заканчиваются. Ты и я, я и ты — одни в мезозое! Мы будем как Адам и Ева. Адам и Ева позднего мелового периода. И пусть все эти, из две тысячи двести восемьдесят первого, катятся ко всем чертям.

Его пальцы задрожали. В горле пересохло. Щеки горели от волнения. Он хватал ртом воздух. Еще никогда в жизни Мэллори не чувствовал ничего подобного.

Он облизнул губы:

— Ну...

Она нежно улыбнулась, и ему полегчало.

— Это серьезное решение, я знаю. Обдумай его.— Джейн сказала это мягко, без прежнего безудержного напора.— Когда твоя капсула возвращается?

Он бросил взгляд на запястье:

— Часов через восемь-девять.

— Достаточно для того, чтобы решиться.

— Да. Да...

Мэллори облегченно вздохнул. Джейн ошеломила его своими откровениями и приглашением присоединиться к ее побегу из привычного мира. Он был не готов к подобным сюрпризам. Нужно время для того, чтобы все это усвоить и обмозговать. И принять решение. Удивительно, что он вообще обдумывает такие вещи! Сколько он ее знает — час, полтора? — а уже размышляет о том, как бросить все ради нее. Невероятно. Просто невероятно!

В нерешительности он отвернулся от Джейн и устремил взгляд на анкилозавров, пасущихся неподалеку в жидкой грязи.

Странные, очень странные... Огромные приземистые бочкообразные создания, подобные танкам, сплошь покрытым броней. Ходячие треугольники — тело расширяется сзади, переходя в бронированный хвост, этакую смертоносную дубину с массивными костяными наростами на конце. Они, посапывая, бродили в грязной жиже, опустив маленькие головы и деловито копаясь в мягких зеленых растениях.

Джейн подскочила к ним и пошла танцевать на крепких спинах, перепрыгивая с одного на другого. Анкилозавры не обращали на нее никакого внимания. Она рассмеялась и позвала Мэллори:

— Давай! — Она скакала, как сущая дьяволица.

Парочка танцевала среди анкилозавров, пока игра не надоела. Потом Джейн схватила Тома за руку, и они побежали по полю алых мхов, к чистому озерцу, в которое впадал быстрый ручей. Они разделись и бросились в воду, не думая, что рискуют. А потом они сжимали друг друга в объятиях на поросшем травой берегу. Мимо протопал кто-то огромный, заслонив небо,— но Мэллори даже не поднял голову, чтобы взглянуть.

А потом они следили за кем-то с длинной шеей и смешной шишковатой головой... и глазели на двух сердитых нератопсов, медленно бодающих друг друга... и аплодировали стае огромных утконосов, грациозно бегущих на горизонте... Динозавры повсюду, повсюду, повсюду — потрясающий зоопарк!

А время уходило.

Все было просто чудесно. Но даже если и так...

«Расстаться со всем ради этого?» — подумал он.

Оставить шале в Гштаде, спутник Л-5, на борту которого так хорошо проводить уик-энд, охотничий домик в южноафриканской степи? Дом на Сейшельских островах, плантацию в Новой Каледонии, жилье в тени Эйфелевой башни?

Ради этого? Ради леса, полного кошмарных монстров и жизни с множеством опасностей?

Да. Да. Да. Да.

Он посмотрел на нее. Джейн знала, о чем он думает, и ответила ему жарким взглядом.

«Оставайся со мной, будь моим любимым, и мы познаем все радости этого мира».

Да. Да. Да. Да.

На запястье Мэллори пискнул бипер, и гид тут же сообщил:

— Пора возвращаться в капсулу. Подсказать вам дорогу?

И все тут же пошло прахом, и вмиг рассыпался весь мир причудливых фантазий.

— Ты куда? — спросила Джейн.

— Домой,— хрипло прошептал, чуть ли не прокаркал он.

— Том! Прошу тебя. Прошу!

Он не мог поднять на нее глаза. Полнейшее поражение, невыносимый позор! Но он здесь не останется. Ни за что. Ни за какие коврижки. Не останется — и все! Он побрел прочь, чувствуя ее горящий презрительный взгляд, который, казалось, прожигал дыры в его спине. Тихий голос гида неустанно подсказывал ему, куда идти, помогая уклоняться от препятствий. Немного погодя Мэллори оглянулся, но Джейн уже скрылась из виду.

По дороге к капсуле ему попались два спаривающихся зауропода, тираннозавр во всей своей красе, еще какой-то монстр с когтями, подобными клинкам, и еще с полдюжины других созданий. Гид услужливо называл их имена, но Мэллори даже не смотрел на них. Собственная отвратительная трусость — вот что занимало все его мысли. Джейн нашла в себе силы отбросить застойный сверхсовершенный мир, презрев все опасности, а он... он...

— Вот и капсула, сэр,— торжествующе сообщил гид.

Твой последний шанс, Мэллори...

Нет, нет, нет. Он не может.

Мэллори забрался в капсулу. Подождал. И тут снаружи объявилось что-то ужасное — сплошные зубы и когти! — и злобно уставилось на него сквозь окно. Мэллори выдержал этот взгляд, ничуть не заботясь о том, что сейчас может случиться. Монстр попробовал прокусить обшивку. Прочный металл не поддавался — и динозавр, бросив безнадежное дело, вперевалку удалился.

Все звуки пропали. Поздний меловой период начал расплываться — и исчез.

В середине октября, через семь недель после возвращения, Мэллори на вечеринке в пятнадцатый раз за месяц рассказывал несколько приукрашенную версию своих приключений. Сидящая слева от него женщина заявила:

— В соседней комнате сидит кое-кто, тоже вернувшийся из тура с динозаврами.

— Да ну? — без особого восторга сказал Мэллори.

— Вы с ней захотите обменяться впечатлениями, держу пари. Подождите, я ее позову. Джейн! Джейн, зайди-ка к нам на минутку!

Мэллори задохнулся. Кровь прилила к его лицу. Голова пошла кругом от недоумения и досады.

Ее глаза все так же сияли, и волосы казались золотистым облачком.

— Но ты сказала...

— Да,— отозвалась она.— Сказала, а что?

— Твоя капсула... Ты сказала, что она ушла назад...

— Она была за теми анкилозаврами, в хвощах. Я прибыла в меловой период часов за восемь до тебя. Записалась на двадцать четыре часа.

— И ты заставила меня поверить...

— Да. Так и есть.— Она усмехнулась и мягко добавила: — Замечательная история.

Он подошел ближе и смерил ее ледяным взглядом:

— А что бы ты делала, если бы я отправил капсулу пустой и остался там ради твоей замечательной истории? Или ты об этом и не задумывалась?

— Не знаю. Правда, не знаю.

И она рассмеялась.

Он уходит и возвращается

Дом уходит и возвращается, уходит и возвращается, только никто этого, по-видимому, не замечает или не хочет замечать. Это как жить бок о бок с соседями — стараешься вести себя тихо-тихо, замечая лишь то, что касается тебя лично, и прячешься от всего остального, потому что оно бессмысленно, неуместно или таит в себе скрытую угрозу.

Это самый обычный дом, лет тридцати или сорока, в общем, стоящая на углу улицы дешевая одноэтажная, покрытая белой штукатуркой коробка; кажется, в ней шесть комнат. На окнах — зеленые ставни; во дворе — неухоженная лужайка, узкая, плохо мощенная садовая дорожка. Перед входной деревянной дверью — рама с противомоскитной сеткой. Справа и слева от двери нестриженые кусты, из-за которых торчит ржавый хлам — мусорный бак, старая решетка для барбекю и тому подобное.

Все дома вокруг выглядят примерно так же, у нас не встретишь архитектурного разнообразия. Просто ряды маленьких стандартных домиков, образующих обычную, стандартную улицу; не трущоба, конечно, но и не что-то изысканное, а так — стареющие домики, населенные бедняками, которым уже не выбраться из бедности и которые радуются хотя бы тому, что перестали катиться вниз. Здесь даже названия улиц стереотипны: такие встретишь в любом городишке и сразу о них забудешь — Кленовая, Дубовая, Сосновая, Хвойная. Трудно отличить одну от другой, да и кому это нужно? Твое дело — это улица, на которой ты живешь, остальные тебя не касаются; ну разве что Каштановая — там находится магазин. Я знаю, как дойти до белого домика с противо-

---

© Перевод С. Теремязевой.

москитной сеткой: нужно повернуть направо, дойти до угла и снова повернуть направо, пересечь улицу и свернуть налево; однако даже сейчас я не могу сказать, что это за улица — Хвойная, Дубовая или Сосновая. Я просто знаю, как туда пройти, вот и все.

Дом будет стоять еще пять или шесть дней, затем исчезнет дней на десять или четырнадцать. Потом появится вновь. Вы думаете, люди это заметят и станут судачить? Ничего подобного — они не хотят ничего видеть. Вообще-то я тоже не хочу ничего видеть, но кое-что все-таки замечаю. В этом смысле я не такой, как все. Что касается всего остального, то я, скорее, такой, как все, поскольку, в конце концов, я здесь живу.

Впервые я увидел этот дом дождливым утром, в понедельник, в тот день, когда зима встретилась с весной. Я помню, что это был понедельник, потому что люди спешили на работу, а я нет; тогда я еще к этому не привык. Я помню, что весна еще только начиналась, потому что на северной стороне улиц еще лежали грязные кучи снега, оставшиеся после мартовской бури, а в садах на южной стороне уже цвели форзиции и крокусы. Я шел в бакалейный магазин на Каштановой, чтобы купить утреннюю газету. Ежедневная прогулка в любую погоду для меня очень важна; она — часть режима, который я соблюдаю, чтобы быстрее выздороветь; а газету я покупаю потому, что все еще читаю объявления о найме на работу. Проходя по Хвойной (а может быть, то была Сосновая), краем глаза я заметил какое-то движение в дверях дома напротив и повернул голову в ту сторону.

Яркая вспышка плоти, вот что это было.

Женщина в дверном проеме, стоявшая ко мне боком.

Голая женщина, как мне показалось. Я бросил в ту сторону лишь один взгляд, да и то мельком, но я уверен: за противомоскитной сеткой, в сером свете мартовского утра я видел сверкающую золотистую плоть: обнаженное плечо, плавный изгиб бедра, ягодица, длинная упругая нога... Мне даже показалось, что я видел волосы у нее на лобке. Затем она скрылась, а я остался стоять, словно ослепленный.

Я стоял как вкопанный, вглядываясь в темноту дверного проема и ожидая, что женщина появится снова. Надеясь, что она появится. Я даже молился, чтобы она появилась. Не могу сказать, что я любитель бесплатных зрелищ, просто мне хотелось, чтобы

та женщина оказалась реальностью, а не сном. Чтобы она не была галлюцинацией. В то утро я был трезв — я держался уже полтора месяца, начиная с седьмого февраля — и не хотел думать, что по-прежнему страдаю галлюцинациями.

В дверном проеме было все так же темно. Она не появилась.

Разумеется. Она не могла появиться, потому что ее там и не было. Это была иллюзия. Разве могла она быть реальностью? Реальные женщины, живущие на этой улице, никогда не сверкают ягодицами, стоя в дверях в девять часов утра в холодный дождливый день, и у них нет таких бедер и ног.

И все же мне удалось сорваться с крючка. В конце концов, я был трезв. К чему мне проблемы? Это была просто игра света и тени, сказал я себе. А может быть — может быть! — у меня просто разыгралось воображение. Этакий странный выверт ума. Во всяком случае, не следует принимать это всерьез — ведь у меня нет никаких симптомов, указывающих на ослабление или даже приостановку работы мозга.

Дойдя до магазина на Каштановой, я купил утреннюю «Пост-стар» и просмотрел объявления о работе, надеясь увидеть примерно такое: «Если вы интеллигентный, способный, трудолюбивый человек, прошедший через трудный период жизни, но вставший на путь выздоровления и желающий вновь включиться в игру под названием "жизнь", у нас есть что вам предложить». Такого объявления не было. И быть не могло.

По дороге домой я, как мне показалось, бросил взгляд в сторону белого домика на углу — так, на всякий случай, вдруг увижу что-нибудь интересное? Ничего интересного там не было, как не было и самого дома.

«Меня зовут Том, и я алкоголик».

«Меня зовут Том, и я алкоголик».

«Меня зовут Том, и я алкоголик».

Эту фразу я произношу трижды, потому что то, что я произношу трижды,— всегда правда. Самая что ни на есть. Так же верно и то, что мне сорок лет и что когда-то я успешно занимался рекламой, связями с общественностью, заказами по почте и некоторыми другими профессиями, связанными с общением. И каждая из моих успешных поначалу карьер заканчивалась полным провалом. Еще я написал три романа и кучу рассказов. Начи-

ная с шестнадцати и до тридцати девяти лет я употребил определенное количество бренди, виски, бурбона, шерри, рома, пива... и так далее, включая «шерри-кьяфа», «тройной сек», «физ с джином», в общем, все то, что обычные люди и не видывали. Думаю, что я так и продолжал бы глушить алкоголь и средства от запоя, если бы мне нечем было заняться. В день своего сорокалетия я наконец сделал решительный шаг, то есть признался самому себе, что алкоголь — это монстр, с которым мне в одиночку не справиться, и что моя жизнь стремительно летит под откос. И следовательно, я должен обратиться к силе, которая поможет мне одолеть злейшего моего врага, алкоголь, и слезно умолять эту силу вернуть мне разум и помочь в борьбе с моим недругом.

Сейчас я живу в меблированной комнатушке в маленьком городке, который до того скучен, что я даже не могу запомнить названия его улиц. Я включен в программу и три или четыре раза в неделю хожу на собрания, где рассказываю людям, чьих имен я не помню, о своих срывах — я не боюсь в этом признаваться — и своих успехах, которые у меня и в самом деле есть, а также об одной своей большой слабости. А они рассказывают мне о своих.

Меня зовут Том, *и я алкоголик*.

С седьмого февраля у меня все было очень даже неплохо.

Галлюцинации — вот что беспокоит меня больше всего. Я уже получил свою долю, с меня хватит.

Тогда я еще не понял, что дом исчез. Люди как-то не привыкли видеть исчезающие дома, если только голова у них на месте, а я, как уже говорил, был крайне заинтересован верить в то, что, начиная с седьмого февраля, голова у меня на месте, и мне бы хотелось, чтобы так было всегда.

Нет, тогда я подумал, что, наверное, подошел к магазину по одной улице, а вернулся по другой. И поскольку я уже полтора месяца как не брал в рот ни капли, другого разумного объяснения у меня не было.

Вернувшись домой, я позвонил нескольким потенциальным работодателям и получил обычный ответ. Потом посмотрел телевизор. Если вы еще ни разу не смотрели телевизор утром в будний день, вы представить себе не можете, что там большей частью показывают. Через некоторое время я обнаружил, что из чисто-

го интереса переключился на канал, где заказывают товары на дом.

Я думал о вспышке плоти в темном дверном проеме.

И о цвете этикетки на бутылке «Джонни Уокера». Ты никогда не перестаешь думать о таких вещах; ты все время представляешь себе, как выглядят этикетки, крышки, пробки, ты думаешь о форме бутылок и их содержимом и какой эффект они на тебя оказывают. Ты можешь не пить, но ты не можешь выкинуть из головы мысли о выпивке, как раз наоборот, а когда ты не думаешь о вкусе или том состоянии, в которое приходишь, то начинаешь думать о чем-нибудь в этом роде — скажем, об этикетках. Поверьте, это так и есть.

Дождь лил три или четыре дня, бесконечный, нудный дождь; я ничего не делал. Наконец я вышел из дома, повернул направо, потом еще раз направо и взглянул через улицу налево. Дом стоял на прежнем месте, белый домик, сверкающий под лучами весеннего солнца. Я осторожно окинул его взглядом. На этот раз никаких вспышек плоти.

Впрочем, я увидел кое-что интересное. На лужайке перед соседним домом с коричневой черепицей лежала свернутая в трубочку утренняя газета. Возле нее крутилась собака, глупого вида белая дворняга с длинными лапами и черной головой. Внезапно пес схватил газету в зубы, повернулся и затрусил к белому домику.

Сетчатая дверь чуть приоткрылась. Я не видел, кто ее открыл. Она так и осталась приоткрытой. Кажется, деревянная дверь также была приоткрыта.

Собака остановилась перед дверью, беспомощно вертя головой и явно не понимая, что с ней происходит. Затем выронила газету, высунула язык и часто задышала, будто стояла середина июля, а не конец марта. После этого она вновь подхватила газету с земли, как-то странно согнув при этом шею, как робот. Повернув голову, дворняга бросила на меня отчаянный взгляд, словно просила о помощи. Взгляд у нее был безжизненный, уши стояли торчком и слегка шевелились. Спина была выгнута дугой, как у кошки. Хвост она держала вертикально вверх. Я услышал глухое рычание.

Внезапно собака расслабилась. Опустила уши, взгляд стал спокоен, и она вновь превратилась в обычную добродушную

дворнягу. Весело встряхнувшись, пес завилял хвостом. И влетел в дом, подпрыгивая и играя с газетой, как делают все домашние псы. Дверь закрылась.

Я постоял еще немного. Дверь не открывалась. Собака не появилась.

Я стоял и раздумывал над тем, во что мне лучше поверить: в то, что я действительно видел, как открывалась дверь и в дом вбежала собака, или в то, что и открытая дверь и собака были галлюцинацией?

Потом была история с котом. Это случилось примерно через день или два.

Кот был рыжим лопоухим дворовым котярой. Я его и раньше встречал. Я люблю кошек, а этот мне нравился больше всех. Это был хозяин улицы, победитель. Я надеялся, что он мне поможет.

Он сидел на лужайке перед белым домиком. Сетчатая дверь была вновь приоткрыта. Кот смотрел на нее, и вид у него был крайне возмущенный.

Он вздыбил шерсть — всю, до последнего волоска; его хвост хлестал по земле, как кнут, уши были прижаты к голове. Он шипел и рычал одновременно; этот утробный рык, напоминающий стон привидения, говорит о том, что кошки так и остались детьми джунглей. Его тело дрожало так, словно через него пропустили парочку электродов. Я видел, как под его шкурой ходят мышцы и дергается кожа на хребте.

«Эй, приятель, успокойся! — сказал я коту.— В чем дело? Парень, в чем дело?»

А дело было в том, что лапы кота сами шли к дому, тогда как его мозг продолжал упорно сопротивляться. Казалось, каждый шаг дается коту с невероятным трудом. Внезапно я подумал, что это дом зовет его, и сам удивился собственной мысли. Вот так же дом звал и собаку. Обычно, когда вы подзываете собаку, она рано или поздно подходит к вам, поскольку так велит ей инстинкт. Но подозвать к себе кошку, если она этого не хочет,— черта с два! Без борьбы она не сдастся. Именно это и происходило у меня на глазах. Я стоял и смотрел, чувствуя какую-то тревогу.

Кот исчез.

Он боролся до конца, боролся отчаянно и яростно, медленно приближаясь к двери. Подойдя к первой ступеньке крыльца, он

оглянулся, и я уже подумал, что сейчас он вырвется и бросится наутек, но кот внезапно успокоился, его шерсть уже не стояла дыбом, тело перестало дрожать и расслабилось; он скользнул в открытую дверь, трогательно припадая брюхом к полу, словно чувствуя себя в чем-то виноватым.

На очередном собрании я хотел спросить, знает ли кто-нибудь, кто живет в белом домике с противомоскитной сеткой. Все они родились и выросли в этом городке, я же прожил в нем всего пару месяцев. Может быть, тот дом пользуется дурной славой. Но я не знал, на какой улице он находится, а круглолицый парень по имени Эдди, у которого только что состоялась жестокая стычка с женой и ему нужно было выговориться, слушал только самого себя; когда же он наконец выговорился, нас рассадили вокруг стола и предложили обсудить итоги баскетбольного турнира среди команд высшей лиги. Баскетбол — невероятно важный вопрос в этой части страны. Мне почему-то не захотелось сказать: «Слушайте, парни, может, сменим тему? Я тут видел один дом неподалеку, так он втянул в себя собаку, а потом и кота, вот так взял и заглотнул, как плотва наживку». Что бы обо мне подумали? Что у меня поехала крыша, и все забегали бы, как сумасшедшие, чтобы поскорее привести меня в чувство.

Я вернулся через несколько дней, но дома не нашел. На его месте ничего не было, кроме зимней пожухлой травы; не было ни мощеной дорожки, ни ступенек, ни мусорных баков, ничего. На этот раз я уже точно знал, что шел именно по той улице, которая вела к дому. Дом, стоявший по соседству с белым домиком, был на месте — я говорю о доме с коричневой черепицей, возле которого я видел дворняту. Но белый дом исчез.

Какого черта! Дом, который то уходит, то возвращается?

Меня прошиб пот. Неужели галлюцинации возможны даже после двухмесячной трезвости? Сначала я испугался, затем разозлился. Я этого не заслужил. Если тот дом — не галлюцинация, тогда что? Я изо всех сил стараюсь вернуть себя к жизни, можно сказать, собираю ее по кусочкам, и, стало быть, заслуживаю права жить в реальном мире, а не среди видений.

Спокойно, подумал я, спокойно. Все в порядке, парень. Все и дальше будет в порядке, если ты уяснишь, что никто не требует от тебя объяснения таких вещей, в которых ты сам ни черта

не понимаешь. Не волнуйся, принимай жизнь такой, какая она есть, и держи себя в руках, держи себя в руках, держи себя в руках.

Дом вернулся на прежнее место через четыре дня.

Я по-прежнему не мог заставить себя поговорить о доме на собраниях, хотя это была и неплохая идея. Мне не составляло труда открыто признаться, что я алкоголик, пожалуйста. Но встать и при всех заявить, что я сумасшедший,— это, знаете ли, совсем другое.

А события разворачивались. Однажды, когда я стоял перед белым домиком, я увидел, как по улице катится детский трехколесный велосипед: он катился сам по себе, словно кто-то тащил его на невидимом буксире. Велосипед проехал мимо меня, завернул за угол, затем пересек улицу, поднялся по ступенькам белого домика и исчез внутри. Что это — какое-нибудь магнитное явление? Радиоволны?

Через полминуты показался запыхавшийся владелец велосипеда, круглолицый мальчуган лет пяти, в голубых легтинсах. «Мой велик! — вопил он.— Мой велик!..» Я уже представил себе, как он подбегает к дому и, подобно собаке, коту и своему велосипеду, исчезает внутри. Этого допустить было нельзя. Но и схватить мальчишку, чтобы задержать его, я тоже не мог — это в наше-то время, когда взрослому мужчине достаточно просто улыбнуться ребенку, чтобы его тут же поташили в полицию. Поэтому я сделал первое, что пришло мне в голову,— мгновенно загородил мальчишке дорогу, встав прямо у него на пути. Ребенок с разбега стукнулся об меня головой и упал. К нам уже бежала какая-то женщина — возможно, его тетя или бабушка. Раз она была рядом, я мог поднять ребенка, что я и сделал. Затем улыбнулся и сказал: «Бежит сломя голову, не видит ничего».

— Мой велик! — рыдал малыш.— Мой велик!..

— Вы не видели, кто взял его велосипед? — спросила меня женщина.

— Боюсь, не видел, мэм,— как можно равнодушнее ответил я.— Я заворачивал за угол, и тут ваш мальчик налетел на меня. Но велосипеда я не видел.

А что еще я мог сказать? Что видел, как он поднялся по ступенькам и исчез в доме?

Женщина бросила на меня подозрительный взгляд. Но велосипеда в кармане у меня явно не было, и на человека, который специализируется на мелких кражах у детишек, я тоже не похож.

Собака. Кот. Велосипед.

Я повернулся и зашагал прочь. По Кленовой улице до Можжевеловой, оттуда до Буковой, потом налево, от Буковой до Каштановой. А может быть, то была Дубовая, от которой я дошел до Секвойной, после чего повернул на Рябиновую и Ореховую. Кленовая, Дубовая, Каштановая, Ореховая... да какая разница? Все они на одно лицо.

К белому домику я вернулся в тот самый момент, когда возле него появился юнец лет четырнадцати в зелено-желтом свитере; он не спеша бежал по улице, небрежно перекидывая из руки в руку футбольный мяч. Когда он поравнялся с домом, сетчатая дверь внезапно распахнулась, за ней распахнулась деревянная, мальчишка остановился, повернулся и аккуратно забросил мяч точно в дверной проем; описав дугу, мяч скрылся во тьме дома.

Двери закрылись.

Парнишка стоял как вкопанный, с таким изумлением разглядывая свою руку, словно видел ее впервые. Вид у него был прямо-таки ошарашенный.

Затем, выйдя из оцепенения, он направился по дорожке к дому. Я хотел окликнуть его, чтобы предупредить об опасности, но не смог издать ни звука; да и что я мог ему сказать?

Он позвонил в звонок. Подождал.

Я затаил дыхание.

Дверь начала приоткрываться. Я снова попытался крикнуть, но из горла у меня вырвался лишь придушенный хрип.

Однако парень не вошел в дом. Немного постояв на пороге, он заглянул внутрь и вдруг бросился бежать: пулей пролетев по лужайке, он перескочил через зеленую изгородь и понесся по улице.

Что он там увидел?

Я побежал за ним, крича: «Эй, парень! Постой!»

Но он бежал слишком быстро. В свое время я тоже неплохо бегал. Только это время осталось далеко в прошлом.

В тот вечер, вместо того чтобы идти на собрание, я отправился на разведку. Под прикрытием темноты я спрятался в кустах и, как какой-нибудь маньяк-соглядатай, принялся всматриваться в окна.

Было ли мне страшно? Еще как. А вы бы не испугались?

Хотелось ли мне выпить? Наивный вопрос. Я всегда хочу выпить, и не одну рюмку. А в тот момент мне этого хотелось как никогда. Полстаканчика «Джима Бима» — и я смог бы заткнуть за пояс самого Шерлока Холмса. Беда в том, что на полстаканчике я бы не остановился. Меня зовут Том, и я алкоголик.

Что я увидел? Я увидел женщину, очень похожую на ту, что стояла в дверном проеме в тот промозглый понедельник. Я увидел ее лишь мельком. Она переходила из комнаты в комнату, и мне было плохо ее видно, однако то, что я увидел, впечатляло. Высокая стройная блондинка — это несомненно. На ней был длинный, до пола, красный халат из блестящей ткани, отчего казалось, что женщина окружена какой-то мерцающей жидкостью. Ее движения были плавны и изящны. Мебели я не видел, только какие-то ящики и коробки, которые она перетаскивала с места на место. Странно. Ни собаки, ни кота, ни велосипеда.

Я переползал от окна к окну, наверное, в течение получаса, надеясь получше разглядеть женщину. Мне казалось, что я двигаюсь, как опытный разведчик, умело прячась за кустами сирени, или что там у нее росло, и совершенно незаметно заглядывая в окна. Наверное, с улицы меня все же было видно, но ночь была безлунной, а люди в этом городке не имеют привычки выходить из дома с наступлением темноты.

По-видимому, больше в доме никого не было. Затем женщина куда-то исчезла. Может быть, она была в ванной; может быть, отправилась спать. Мне захотелось позвонить в дверь. Но зачем? Что я ей скажу? И прежде всего, как я объясню, что делаю у нее под окнами?

Я вернулся обратно в кусты, решив, что на сегодня довольно. И вдруг она появилась в окне; она стояла и смотрела прямо на меня.

И улыбалась. И кивала мне.

«Иди сюда, красавчик».

Я подумал о коте. Подумал о собаке. Я задрожал.

И, как тот парень с футбольным мячом, повернулся и бросился бежать; я галопом несся по тихим улочкам, изнемогая от ужаса.

Я дошел до того состояния, когда просто необходимо выпить. В прежние времена стаканчик спиртного всегда меня успокаивал. Снимал тяжесть с души, успокаивал боль, давал ответы на все вопросы. Второй стакан уже шел как по маслу. За вторым следовал третий, за ним четвертый; четвертый непременно требовал пятого и так далее — прямиком к бессоннице, рвоте, облысению, кровоточивости десен, воспалению глаз, кровоизлияниям, ночным кошмарам, галлюцинациям, импотенции, трясучке, расстройству кишечника, сыпи и всему остальному.

Я бросил пить. Я стал ходить на собрания, нервный и взволнованный. Я говорил, что бьюсь над одной тайной. Я не говорил, в чем она заключалась. Пусть думают, кому что нравится. Все равно они узнали бы, что со мной происходит. Потому что они тоже бились над тайнами. Иначе зачем нам эти собрания?

Дом исчез через две недели. Я проверял каждый день. Когда он вернулся, весна была в полном разгаре. Деревья покрылись нежной зеленью, распустились цветы, воздух стал теплым и мягким.

Вернулась и женщина, та, блондинка. Проходя мимо белого домика, я ее не видел, а проходил я каждый день. Она не стояла в дверном проеме, словно знала, что я иду. Иногда я видел ее в окне, но чаще всего она стояла за сетчатой дверью. Иногда на ней был ее красный шелковый халат, иногда — зеленый. У нее была и другая одежда, очень красивая, но какая-то странная — плечи широкие, остальное узкое. Один раз — невероятное, незабываемое зрелище! — она подошла к двери совершенно голая, на ней были только чулки, и встала в дверном проеме; ее чудесное тело купалось в солнечных лучах.

Она всегда улыбалась. Должно быть, догадывалась, кто подглядывал за ней в ту ночь, но женщину это не волновало. На ее лице можно было прочесть: «Может, познакомимся поближе?» Она не сходила с ее лица, эта приветливая, зовущая улыбка. Иногда она манила меня пальчиком.

«Только не с тобой, сестричка. Только не с тобой».

И все же я не мог не приходить к ее дому. Дом, женщина, тайна — все это притягивало меня, как магнит.

К этому времени у меня было уже две теории. Первая — самая простая. Женщине очень одиноко, она скучает и ищет, чем бы отвлечься. Возможно, игры со мной ее возбуждали. В этом маленьком тихом городишке, где основной причиной смерти была скука, ей нравилось искать приключения.

Нет, слишком просто, слишком. Как может женщина с такой внешностью страдать от одиночества? И вообще, как она попала в этот город? И самое важное — как объяснить странные исчезновения дома и его возвращение? А что случилось с собакой, котом, велосипедом и мальчишкой с футбольным мячом? Впрочем, собака-то как раз вернулась — пес сидел на ступеньках крыльца в тот день, когда женщина разыграла передо мной свое представление, но он не отходил от дома более чем на пару ярдов и двигался как-то странно, словно загипнотизированный. Кота и велосипед я не видел.

Следовательно, верна моя вторая теория — теория рыбака и наживки.

Этот дом приходит к нам из будущего, сказал я себе. Они там изучают конец двадцатого века и хотят собрать кое-какие артефакты. Поэтому время от времени запускают машину времени, которая у них сделана в виде белого домика, чтобы подбирать наши игрушки, животных, газеты, все, что им попадется. А сейчас они пытаются поймать живого представителя человечества конца двадцатого века. Запускают приманку в виде красивой женщины — иногда голой — и подманивают на нее жертву, как рыбак подманивает зубатку на наживку из плотвы.

Безумная идея? Конечно. Но ничего лучше я не придумал.

Через десять дней дом опять исчез. Когда он вернулся — примерно через неделю,— женщины в нем не было. Наверное, ее отправили в отпуск. Однако они по-прежнему старались затащить меня внутрь. Как только я занимал свою обычную позицию у края тротуара, дверь тихонько приоткрывалась; правда, за ней никого не было. Она так и стояла открытой, поджидая, когда я не выдержу и подойду поближе.

Соблазн был велик, что и говорить. Я чувствовал, как с каждым днем меня все сильнее тянет к этому дому, какой все более тусклой мне начинает казаться моя жизнь. Я бросил поиски ра-

боты. Перестал заводить нужные знакомства. У меня кончились деньги, которых и до этого было не так уж много. Все, что у меня осталось,— это участие в программе и люди, с которыми я встречался на собраниях, и хотя это были очень хорошие, славные люди, я ни за что не стал бы заводить с ними дружбу, если бы не участвовал в программе.

Так почему бы, в таком случае, не подойти к дому и не заглянуть внутрь? Даже если меня схватят и отправят в год две тысячи девятьсот девяносто девятый и обо мне больше никто не услышит, что я теряю? Тоскливое существование в меблированной комнате в городишке, расположенном неизвестно где? Жизнь на последние копейки, которые я с удовольствием потратил бы на стаканчик «Джонни Уокера», а вместо этого хожу на дурацкие собрания, где такие же бедолаги, как я, упорно пытаются не дать своим лодкам пойти ко дну? Что бы я ни сделал, все равно хуже мне уже не будет. А возможно, станет так хорошо, что и сказать нельзя.

Разумеется, я вовсе не был уверен, что светящиеся пришельцы из будущего вот так возьмут и сразу отправят меня в год 2999, навстречу моему новому, удивительному существованию. Все это было лишь моими догадками, дикой фантазией. Если я зайду в дом, со мной может произойти все, что угодно. Это было то же самое, что сыграть в русскую рулетку, вопрос только в том, что со мной будет?

Однажды я прилепил к резиновому мячику бумажку и забросил мяч в полуоткрытую дверь дома. На бумажке я написал: «КТО ВЫ? ОТКУДА ВЫ? ЧТО ИЩЕТЕ? Я ВАМ НУЖЕН? ЗАЧЕМ? ЧТО ВЫ ХОТИТЕ СО МНОЙ СДЕЛАТЬ?»

После этого я стал ждать, когда мячик вылетит ко мне. Он не вылетел.

Дом исчез. Дом вернулся. Женщины в нем не было. В нем, по-видимому, вообще никого не было. Однако дверь по-прежнему оставалась полуоткрытой, словно приглашая меня зайти. Я же упорно не сходил с тротуара, продолжая смотреть: через некоторое время дверь закрывалась.

Я принес еще один мячик и снова переслал в дом записку. В ней говорилось: «ПРИШЛИТЕ МНЕ ТУ ДЕВУШКУ, БЛОНДИНКУ. Я ХОЧУ С НЕЙ ПОГОВОРИТЬ».

На этот раз дом исчез надолго, примерно на месяц, я даже начал думать, что он уже не вернется и что его вообще никогда

не было. Бывали дни, когда я даже не ходил взглянуть на пустырь, оставшийся после исчезновения дома.

Но он вернулся, как ни в чем не бывало, а в дверях стояла женщина и улыбалась; она сказала:

— Не хочешь зайти ко мне, морячок?

На ней было нечто прозрачно-воздушное; она стояла в дверях, упершись рукой в бедро. Ее грудной голос звучал мягко и нежно. Все это походило на сцену из какого-нибудь фильма сороковых годов. Может быть, так оно и было; может быть, они там, в своем будущем, изучали эпоху сороковых.

— Сначала скажи, кто ты такая. И откуда явилась.

— Хочешь немного поразвлечься, милый?

«Еще как». Я чувствовал это каждой клеточкой своего тела.

Я облизнул губы. Я вспомнил, как дом втянул в себя разъяренного, рычащего кота. Как по его ступенькам въехал велосипед. Теперь я чувствовал, как он начинает втягивать меня. Ну уж нет, я вам не кот и не велосипед.

— Сначала я хочу кое-что узнать,— сказал я.

— Заходи, и я все тебе расскажу.

Голос звучит мягко. Чуть хрипловато. Ему невозможно сопротивляться. Почти невозможно.

— Нет. Выйди ко мне, тогда поговорим.

Она подмигнула мне и покачала головой.

— Нет, парень, сначала ты.

Ну конечно, изучают старые фильмы. Она резко захлопнула дверь.

Когда участвуешь в программе, тебе упорно вбивают в голову, что ты крутой, сильный мужик, способный на многое, но вот проходит время, ты начинаешь подводить итоги и видишь, что вовсе не так крут, как тебе казалось. Ты даже не можешь устоять против второго стаканчика, и только после того, как понимаешь, что на самом деле ты слабак, и начинаешь искать, кто бы тебе помог, ты наконец находишь в себе те силы, в которых так нуждался.

Я их нашел. Я не пил аж до седьмого февраля... или восьмого, или девятого. День проходил за днем, а я капли в рот не брал, и таких дней у меня набралось целых четыре месяца плюс еще одиннадцать дней, и когда наступил двенадцатый, а я все еще

держался, я начал чувствовать, что и его смогу нанизать на нитку дней трезвости, после чего можно будет надеяться, что так будет всегда.

Но дом опять куда-то исчез. К этому времени я смотрел на него как на некий волшебный вход бог весть куда, точно так же я когда-то смотрел на выпивку. Дом то исчезал, то появлялся, и всякий раз в дверях стояла улыбающаяся женщина, которая кивала мне и приглашала зайти, и я начал поддаваться этому наваждению и уже не мог без него жить, и когда дом в очередной раз вернулся, я решил, что зайду в него.

Это было безумием.

Ну не для того же я прошел через жестокое испытание трезвостью, чтобы в один прекрасный день, забыв обо всем на свете, броситься в волшебный проход! Особенно если учесть, что я и понятия не имел о том, что меня там ждет.

Я все думал об этом, и думал, и думал и в конце концов решил, что самым разумным и безопасным будет попросту убраться из города: переехать в другое место, где нет домов, которые исчезают и возвращаются, и нет бесстыжих голых блондинок, зазывающих к себе. Итак, в одно сонное июльское утро я купил билет на автобус и отправился в соседний городок, расположенный в сорока милях от моего. Тот город был примерно того же размера, имел похожее имя и выглядел примерно таким же скучным; за одиноким кинотеатриком я нашел дом, где на газоне стояла табличка с вывеской «СДАЮТСЯ МЕБЛИРОВАННЫЕ КОМНАТЫ»; эти комнаты мало чем отличались от тех, в которых я жил; разница была лишь в том, что плата составляла более десяти долларов в месяц. Затем я зашел в штаб-квартиру местного отделения Программы анонимных алкоголиков — заранее проверив, есть ли в этом городе такая, можете не сомневаться — и взял расписание собраний.

Все. Спасен. Чистая победа.

Я больше не увижу белый домик.

Я больше не увижу ее.

Я больше не буду стоять перед таинственной дверью, чувствуя, как меня тянет зайти в дом.

Но сколько ни пытался я себя в этом уверить, в душе росла боль потери, утраты, пустоты; ничего у меня не получилось.

И вот я снова на автовокзале, жду автобус, который отвезет меня назад. Я едва успел упаковать вещи, дать необходимые рас-

поряжения хозяйке квартиры и попрощаться со своими друзьями, участниками программы. Я оглянулся по сторонам — вот она, стоит голая в дверях камеры хранения и улыбается, и кивает мне, как обычно.

Нет, не совсем. Это же другая женщина, не блондинка. На ней форма работника автобусной компании, и она даже не смотрит в мою сторону.

Так я и знал. Это галлюцинация. Просто мне так хотелось ее увидеть, что я начал воображать бог весть что. Как все-таки глубоко въелось в меня это наваждение.

За время поездки я видел ее раз пятьдесят. Она махала мне рукой, стоя на проселочной дороге, отходящей от шоссе. Улыбалась, проезжая на встречном велосипеде. Сидела за рулем грузовика, катившего впереди нашего автобуса. Голосовала, стоя на обочине. Ее образ преследовал меня везде, куда бы я ни смотрел. Я сидел, дрожа и потея, и видел, как она кивает мне, стоя в дверях, которые все закрывались и закрывались...

Я вернулся в свой город уже под вечер. Самым разумным было бы принять душ и отправиться на собрание, однако вместо этого я пошел к белому дому. Перед ним кто-то стоял и смотрел на сетчатую дверь.

Такого еще не бывало ни разу.

Он был примерно моего возраста, этот низкорослый парень с взлохмаченными рыжеватыми волосами, сквозь которые уже пробивалась седина. Он показался мне странно знакомым. Наверное, мы пару раз встречались на собраниях. Когда я подошел, он бросил на меня смущенный взгляд, словно ему стало неудобно. У него были бледно-голубые, воспаленные глаза.

Пройдя мимо него шагов десять, я остановился и повернулся.

— Вы кого-нибудь ждете? — спросил я.

— Допустим.

— Кого-то, кто живет здесь?

— А вам какое дело?

— Послушайте,— сказал я,— вы не знаете, кто живет в этом доме?

Он пожал плечами с таким видом, словно не расслышал моего вопроса. Голубые глаза холодно блеснули. Мне захотелось схватить его за шиворот и забросить в соседний округ. Судя по его виду, то же самое он испытывал в отношении меня.

— Здесь живет женщина? — сказал я.

— Слушай, отвяжись от меня.

— Блондинка.

— Да пошел ты!

Мы застыли, глядя друг на друга.

— Иногда я прохожу мимо и вижу в окне блондинку, а иногда она стоит в дверях,— продолжал я.— А вы ее видели?

Он не ответил. Его глаза неотрывно смотрели на дом.

Я проследил за его взглядом — она была там, ее было хорошо видно, она стояла справа от двери. На ней было одно из ее воздушных одеяний, ее волосы сверкали, как чистое золото. Она улыбнулась. И быстро кивнула нам головой.

«Заходите же, почему вы не заходите?»

Я собрался с духом. Еще пять секунд, еще три — и я затрусил бы по дорожке к дому, как та дворняга с газетой в зубах. Но этого не произошло. Я все еще боялся того, что может поджидать меня за дверью. Я прирос к тротуару; и тогда рыжий сделал шаг вперед. Пройдя мимо меня, он медленно двинулся по дорожке, ведущей к дому. Он шел, как лунатик, как зомби.

— Эй... погоди!

Я схватил его за руку. Он начал в ярости вырываться, и несколько минут мы боролись, пока он с неожиданной силой не толкнул меня обеими руками, да так, что я отлетел в кусты и с размаху ударился об одну из железяк, которые были там свалены. Я выбрался из куста в тот момент, когда рыжий распахнул сетчатую дверь и вошел в дом. Дверь захлопнулась.

Затем я услышал, как хлопнула внутренняя дверь.

А затем дом исчез.

Он исчез, словно проколотый воздушный шар, забрав с собой и кусты, и мусор во дворе, а я остался на заросшем сорняками пустыре, дрожа так, словно со мной случился удар. Через несколько секунд я с трудом поднялся и подошел к тому месту, где только что стоял дом. Ничего. Ничего. Ни единого следа. Исчез, словно его и не было.

Через пару дней я вернулся в свое прежнее жилище. Теперь можно было ничего не опасаться, к тому же я стал скучать по своей квартирке, и своему городишке, и собраниям. Прошло несколько месяцев; дом еще не вернулся. Я не пропускаю ни одного

дня, я все хожу и хожу на то место, но там ничего нет. Воспоминания о доме, о ней преследуют меня. Я ищу их в других концах нашего города, даже в других городах. Я ищу и того рыжеволосого парня, но его нигде нет. Однажды я спросил о нем на одном из собраний, и мне ответили: «Ну да, похоже на Рики. Он когда-то здесь жил». А где он сейчас? Этого никто не знал. Как и я.

В следующий раз, набравшись смелости, я спросил, слышал ли кто-нибудь о белом домике, который... ну, вроде как то исчезает, то возвращается.

«То есть как это? — спросили меня.— Что ты мелешь?»

Больше я не спрашивал.

У меня такое чувство, что все случившееся со мной было своего рода испытанием, которое я, возможно, не выдержал. Не могу сказать, что очень уж скучаю по той изумительной женщине. Я знаю, она была всего лишь приманкой; вряд ли она была реальным человеком, и вряд ли у нас с ней что-то могло получиться. Дело в другом — ощущение чего-то нового, новой жизни, пусть даже совсем необычной, где-то там, за горизонтом, потеряно для меня навсегда, вот что я хочу сказать. И от этого очень больно.

Но ведь жизнь всегда даст второй шанс. Так говорят нам, участникам программы, и я в это верю. Должен верить. Время от времени я оставляю на пустыре записки: «В следующий раз не улетайте без меня. Теперь я готов. Я в этом уверен».

Может быть, они меня услышат. Дом уходит и возвращается, я это знаю. Сейчас его нет, но он обязательно вернется. Я здесь. Я готов. Я жду.

Дорога в Город призраков

Воздух впереди светился, пульсируя. Под ярко-синим небом пустыни словно зажглось северное сияние. Конец территории людей и начало области пришельцев. Демерис остановился, как будто ожидал появления драконов над головой.

И действительно, на фоне холодного сияния, заливавшего зону оккупации, появилось пятнышко тьмы. Вблизи пятнышко оказалось мешковатым туловищем темно-зеленого цвета с узкими длинными крыльями. На змеином хвосте болталась круглая лиловая головка. Не дракон, но редкостный урод величиной больше ястреба. Неожиданно для себя Демерис рассмеялся. И как оно держится в воздухе?

Пролетая мимо, «птица» обронила цепочку блестящих голубых горошин. Помет, надо полагать. Там, где падали бирюзовые шарики, сухая трава занималась огнем.

— Приветствую! Вы были так любезны! — прокричал Демерис вслед, не чувствуя особой радости.

Подойдя вплотную к барьеру, Демерис присмотрелся. Барьер рос прямо из земли, будто настоящая стена, только нематериальная и просвечивающая. За мутным мороком расстилался тот же ландшафт, что и с этой стороны: пологие песчаные холмы, серые пятна шалфея, заросли опунции. Тот же, да не совсем: никогда прежде здесь не вздымались зазубренные утесы или странные деревья с черными стволами и горизонтальными ветками без листьев; никогда не рассекали почву косые разрезы бездонных пропастей, блестя сине-зеленым металлом отвесных стен... Впрочем, светящийся барьер, отделявший зону оккупации от за-

© Перевод А. Орлова

падной части бывших Соединенных Штатов, не давал разглядеть как следует пейзаж. Демерис не мог сказать с уверенностью, что он видит на самом деле, а что ему подсказывает голодное воображение.

Он содрогнулся от отвращения. Отец, которого давно не было на свете, смотрел на призраков как на личных врагов. Такое отношение передается по наследству.

Они просто ждут своего часа, Ник, говорил отец. Недалек день, когда они перейдут границу и возьмут себе нашу землю. Что им помешает? Один раз уже захватили... И мы ничего, ничего не сможем сделать!

Впервые Демерис услышал эти слова много лет назад. С тех пор он посвятил свою жизнь безопасности и процветанию маленького ранчо у восточной границы Свободных земель, доставшегося ему по наследству. Призраков он ненавидел не столько за дела, сколько за саму их природу — чуждую, загадочную, невообразимую. Твари с Той стороны. Другие сумели принять режим, навязанный пришельцами старой доброй Америке; оккупация уже стала историей. Во всяком случае, опасения Демериса-старшего выглядели беспочвенными: призраки строго соблюдали границы зоны оккупации. За полторы сотни лет они ни разу не выказали намерения расширить территорию, захваченную вначале.

Шаг, другой — Демерис остановился, ожидая, пока дымка впереди рассеется. Но нет, видно было по-прежнему скверно...

Половину пути от Альбукерка до земель призраков Демерис проделал верхом на муле. Он ехал вместе с Бадом, сопровождавшим его вплоть до западного берега реки Пекос. Оттуда Демерис отправил брата домой вместе с мулами. У Бада трое детей, хоть он и моложе Демериса на пять лет, а тем, у кого есть дети, нечего делать на территории призраков. Сюда приходят по молодости, ради приключений.

У Демериса так и не нашлось времени на приключения — родители умерли, когда он был еще мальчишкой. На руках у него остались трое младших братьев и две сестренки. К тому времени, когда все выросли, мысль о походе к призракам уже не привлекала его.

Теперь он оказался на границе зоны оккупации, потому что самый младший из братьев, Том, которому только исполнилось

восемнадцать лет, ушел еще в июне и не вернулся до сих пор. Энтрада, как это называют в Нью-Мексико. Когда молодой человек впервые в жизни пересекает границу зоны, он становится взрослым. Такой обряд инициации, хотя Демерис никогда не понимал, что «взрослого» в походе на земли призраков. Впрочем, Демерис вообще отличался от большинства. Однако Том был еще более странным мальчишкой: непредсказуемый, одержимый необычными фантазиями и распираемый непонятными желаниями.

Том отправился в зону — чтобы исчезнуть там бесследно.

По обычаю, энтрада длится тридцать дней. Тома нет уже три месяца. Он капризный мальчишка — был, есть и будет. Демерис — глава семьи, ему и выручать брата. Он всегда находил для себя груз ответственности, как другие находят тенистое место в солнечный день. Но отец ждал бы от него именно таких действий. Не считая Тома, Демерис — единственный из братьев, кто до сих пор не женат и не имеет детей. Ему и рисковать.

Бад объяснил, что за барьером не надо останавливаться, что бы ни случилось. Они тебе чего только не покажут, говорил он, но ты не обращай внимания. Продолжай идти.

Вот и барьер.

Очень хорошо. Будем идти, что бы ни случилось. Не останавливаясь.

Атака началась с первого же шага: земля ушла из-под ног раз, другой и третий, нелегко было удержаться и не упасть. Уплотнившийся туман налился желтизной, видимость сократилась до ярда или двух. Кроваво-красный сгусток впереди внезапно рассыпался на миллионную армию гусениц, надвигавшихся алым ковром. Скрежет крошечных челюстей под выпученными глазками сливался в грозный гул. Ни уклониться, ни отступить: Демерис шагнул вперед — и будто ступил в океан слизи. Гусеницы лопались под подошвами, и этот звук напоминал раскаты грома.

«Ночной кошмар,— послышался голос Бада.— Дурной сон, ничего более».

Конечно. Само собой. Переставляем ноги, одну, другую. Сколько еще осталось? Двадцать ярдов? Пятьдесят? Кости ломит, в глазах резь, зубы шатаются. Сейчас выпадут.

За гусеницами какой-то студень, но поворачивать нельзя. Еще шаг. Студень окутывает, как мягкое одеяло; тело пронзает боль,

от паха до затылка. Нет, лучше не дергаться: чувство такое, будто хребет сейчас отслоится, как у вареной рыбы.

Зловонный дождь обрушивается сверху, точнее, сбоку — такой силы достиг ветер. Секунду спустя в лицо бьет заряд горячей слякоти; из горла рвется крик ярости... Понятно, почему идти надо пешком, без мулов: скотину здесь не заставишь слушаться.

Опустив голову и сражаясь за каждый вдох, Демерис сделал еще несколько шагов. Похожая на крылатого краба тварь вынырнула из пузыря, лопнувшего на поверхности болота, и вцепилась в руку пониже локтя, с внутренней стороны. Брызнула струя черной крови, и Демерис закричал, судорожно пытаясь освободиться. В конце концов тварь удалось стряхнуть; огненная дорожка боли пробежала вверх до плеча и обратно, догоняя трясущиеся пальцы. Он посмотрел на руку и увидел вместо нее кусок мяса; торчащие кости успели почернеть. Морок шевельнулся, и рука снова оказалась целой.

Он притронулся к лицу: щека была мокрой от слез. Даже сейчас он удивился. Последний раз Демерис плакал на похоронах отца. Когда это было? Желание немедленно вернуться сделалось нестерпимым. Пока еще возможно!.. Он еще раз вяло удивился себе. Всегда шел вперед, никогда не отступал. «Демерис, не будь идиотом! Демерис, побереги себя! Демерис, пусть хоть раз в жизни это сделают другие!..» Другие. Другие умеют отступать, а у него не получается.

И вот теперь, когда отступать никак нельзя, пришло искушение. Хотя это лишь дурной сон, насланный барьером. Сосредоточившись, Демерис загнал желание в тугой кокон и выбросил его наружу. Кокон вспыхнул, исчезая. Можно идти вперед. Шаг, еще шаг.

Над головой сияли три солнца — красное, зеленое и голубое. Воздух плавился и бормотал, наполненный демонами. Вокруг заплясали человеческие лица, призрачные и знакомые: сестры Элли и Нетта, племянники, друзья. Он закричал, глядя, как их лица оплывают и искажаются, таращат глаза и кривят чудовищные рты, словно в комнате смеха. На него указывали пальцами и смеялись. К толпе уродов присоединились мать и отец, они тоже смеялись и показывали пальцами. Это было немыслимо, и этого хватило. Бал, разумеется, прав: здесь нет ничего, кроме бреда и ил-

люзий. Все, что он видит, принесено с собой. Нет никакой опасности.

Демерис бегом бросился вперед, раздвигая руками какие-то скользкие щупальца, свисавшие поперек дороги губчатым занавесом. Последняя преграда и не думала сопротивляться, и Демерис, не устояв на ногах, рухнул лицом в самый заурядный песок. Обычная пустыня обычного цвета. Демерис огляделся, ожидая подвоха. Нет, все в порядке. С неба светит обыкновенное желтое солнце, в лицо дует свежий ветер. Барьер остался позади.

Он лежал минуты две, не шевелясь и переводя дыхание.

Острой болью вновь дала о себе знать рука: пониже локтя кровоточила рваная рана длиной в два дюйма. С внутренней стороны, где поработали клешни летающего краба. Выходит, иллюзии могут кусаться. Или не могут, но боль самая настоящая: горло, резь в глазах, голова... Рана глубокая, так что края расходятся, рука от плеча пульсирует, кровь сочится струйкой в такт ударам сердца. Изойти кровью от воображаемой раны, едва ступив на территорию зоны,— просто отлично.

Однако кровь хорошо свертывалась и скоро перестала идти, хотя боль осталась. Демерис осторожно встал на непослушные ноги и огляделся.

Дымка барьерного поля, оставшегося за спиной, отсюда выглядела вполне безобидно, как луч прожектора в темноте. Поросшую кустарником однообразную пустыню Свободных земель вполне можно было разглядеть.

Здесь же, на этой стороне, начиналось волшебное царство.

Ландшафт в общем и целом был знакомой пустошью, обычной для Техаса и Нью-Мексико. В таких местах Демерис провел всю свою жизнь. Захватчики, однако, потрудились на совесть: зубчатые утесы и сине-зеленые овраги не были иллюзией. Кому-то понадобилось переделать пустыню, заполнив ее чуждыми элементами. Участки грунта неестественного цвета, вывернутые геологические пласты, конические возвышенности, местами металлические башни, на вид полуразрушенные,— все это оскорбляло взгляд, который некуда было отвести. Роща странных деревьев с проволочными листьями; овраг, похожий на рану, неловко стянутую зловещей нитью черного шелка... Реальный, осязаемый мир, а не зыбкий мираж, видевшийся сквозь барьер.

Захватчики оставили след повсюду. Кое-что было почти прекрасно...

Его испугал непрошеный поворот собственных мыслей. Но приходится признать, в этом действительно что-то есть. Демерис не привык к таким противоречивым чувствам.

Они пытаются сделать наш мир похожим на свой собственный? То, что здешний ландшафт похож на поверхность какой-то планеты, не умещалось в сознании. Земля не игрушка! Ее надо возделывать, на ней надо жить. По какому праву они пришли сюда и распоряжаются?

Дома хорошо. Там лошади, индейки, амбары, десять акров хорошего краснозема, зреет урожай под осенним солнцем. Ограда, возведенная собственными руками,— такая же, какую поставил в свое время отец, но длиннее. Простые, реальные вещи, не только понятные, но и любимые. Дом, семья, благодарный труд, здоровый дух. А тут ужас, тут безумие, тут... Слова не подберешь.

Разорвав запасную рубашку, Демерис перевязал рану. Теперь на восток, туда, где он надеялся разыскать брата. В большое поселение между бывшим Амарильо и бывшим Люббоком — его называют Городом призраков.

Демерис не терял бдительности, он оглядывался, принюхивался и высматривал следы на ходу. Призраки навезли всякого зверья, чтобы выпустить в пустыне. «Здесь как в Африке,— объяснял Бад.— Не знаешь, кто и когда захочет тебя сожрать».

Раз в год пришельцы устраивали грандиозную охоту в окрестностях Города призраков. Загонщики окружали тысячи немыслимых зверей; по улицам текли реки зеленой и синей крови. В остальное время звери рыскали, где хотели, иногда забредая за пограничный барьер, на Свободные земли. Готовясь к экспедиции, Демерис побывал на ранчо близ Берналильо, где десятка полтора этих зверей содержались в подобии зоопарка. Птичьи клювы, красные чешуйчатые шеи, уши, напоминающие крылья летучих мышей, щупальца на голове — казалось, этих обитателей ночных кошмаров собрали из частей, случайно попавших под руку.

Пока, однако, Демерису не попалось ничего страшнее кролика или ящерицы. Кроме «птицы» со змеиными хвостами, которую он встретил на границе, появились и другие: одна с четырьмя прозрачными крыльями наподобие стрекозиных и с толстень-

ким тельцем бабочки, другая — с длинным, до десяти футов, шлейфом из полудюжины извивавшихся щупалец, вроде крысиных хвостов. Закричала голубая сойка, и на глазах Демериса щупальца прямо в воздухе ухватили земную птицу, как муху.

Часа через три он добрался до края земляной чаши, вероятно — пересохшего озера. На дне теснилось несколько неопрятных домишек из саманного кирпича. Скудная растительность вокруг чаши была самая обычная: креозотовые кусты, мескит и юкка. У яслей чинно стояли лошади, пара тощих пегих коров примеривалась к колючей опунции, а полуголые детишки гонялись друг за другом в пыли. Ни в детях, ни в жилье, ни в фургонах, ни в разбросанной утвари не было ничего неправильного. Но всем известно, что призраки способны перевоплощаться во что угодно. Авангард вторжения распространился по территории Соединенных Штатов в человеческом обличье. Тем не менее деревня выглядит человеческой. Бад говорил, что между границей и Городом призраков есть городки, населенные потомками тех, кто не захотел покинуть зону оккупации. Разумные люди ушли, хотя официально пришельцы ничего от них не требовали. Но кое-кто остался.

День клонился к вечеру, потянуло первым холодком. Рана продолжала пульсировать. Демерису не хотелось без крайней необходимости дожидаться утра под открытым небом. Почему бы не попроситься переночевать?

К домикам вела грунтовая дорога. Демерис уже прошел полпути, когда из-за узловатых ветвей мескитового куста вышел карлик лет девяноста с лицом огрубелым, как древесная кора, и загородил дорогу. Мгновение спустя к нем присоединился коренастый парнишка лет шестнадцати в драных шганах и такой же майке. По жесту карлика мальчишка направил на Демериса оружие: блестящий металлический ствол в полтора фута длиной с раструбом на одном конце и чем-то вроде резиновой груши на другом. Демерис поднял руки, показывая ладони.

Старик что-то сказал на неблагозвучном языке, состоявшем из хрипов, щелчков и фырканья. Мальчишка в лохмотьях кивнул и ответил на том же языке.

— Один идешь? — спросил мальчишка.

Черноволосый и черноглазый, он мог быть индейцем или мексиканцем. Щеку пересекал грубый красный рубец, доходивший до виска.

— Один,— ответил Демерис, не опуская рук.— Я с той стороны.

— Это дураку понятно.

Акцент у мальчишки был странный: он говорил глухим голосом, глотая окончания. Демерис понимал его с трудом.

— Энтрада? Не стар ват ли ты для этого дела? — В черных глазах мальчишки мелькнула насмешливая искорка, но лицо осталось бесстрастным.

— Я первый раз в зоне, но это не совсем энтрада...

— По первому разу всегда энтрада.— Мальчишка что-то объяснил старику, который отозвался длинной речью.

Демерис терпеливо ждал.

— Хорошо,— повернулся наконец к нему мальчишка.— Ремигио говорит, мы тебе поможем. Хочешь провести здесь свои тридцать дней, пожалуйста. Будешь работать в поле, больше ничего. Если надо — продадим сувениров, будешь хвастаться дома, как остальные. Согласен?

— Я же сказал, это не энтрада,— рассердился Демерис.— Энтрада — детские игры, а я не маленький.

— Тогда что ты здесь делаешь?

— Ищу брата.

Нахмурившись, мальчишка сплюнул. Правда, не под ноги Демерису.

— По-твоему, мы удерживаем твоего брата?

— Думаю, он в Городе призраков.

— В Городе призраков? Ага. Где же еще? Они все туда сбегаются, особенно на охоту.— Деревенщина повертел пальцем у виска.— На охоту!.. Для этого надо быть ненормальным, ты понимаешь? И откуда идиоты берутся... Ладно, пошли. Покажу, где можешь переночевать.

Ночевать Демериса отвели в покосившийся сарайчик поодаль, в сотне ярдов от ближайшего домика. Сквозь широкие щели светилось небо, на полу лежали импровизированные тюфяки из заплесневелого тряпья. На кусках мешковины виднелись поблекшие надписи округлым шрифтом на языке пришельцев, которого Демерис не понимал. С одной стороны сарая бежал ручеек, с другой была прорыта канава вместо уборной. Демерис умылся и промыл рану, которая хоть и пульсировала по-прежнему, но вы-

глядела уже лучше. Вода казалась чистой; Демерис напился и наполнил фляги. Он привел себя в порядок, потом сел у входа в сарайчик и прислонился к стене, ни о чем не думая,— просто приходил в себя после долгого дня.

Когда стемнело, за ним пришел все тот же паренек, чтобы проводить в деревенскую столовую. На длинных скамьях сидели человек пятьдесят-шестьдесят, по большей части похожие на мексиканцев, но попадались и белые. Говорили немного и только на местном наречии. Демерис чувствовал себя невидимкой, потому что никто не обращал на него никакого внимания, не считая редких, неизменно враждебных взглядов.

Он быстро поел и вернулся в сарайчик, но заснуть удалось далеко не сразу. Прислушиваясь к шелесту ветра, прилетевшего из Техаса, он думал о своих десяти акрах, о собственном доме из саманного кирпича, о таких же домах поблизости, где живут братья и сестры.

Со стороны деревни послышалась песня,— странная, ни на что не похожая. До Демериса только сейчас дошло, насколько злешние люди чужие. Сколько времени ими управляют призраки? До какой степени пропитались они чуждым духом? Как выжили? Как выдержали и каково им не принадлежать себе? Так или иначе, они приспособились, и Демерису теперь их не понять.

За человеческими голосами пришли ночные звуки пустыни. Что это, уханье сов, вой койотов или — нет? Недалеко за стеной послышались как будто человеческие шаги и какая-то возня. Демерис слишком устал, чтобы вставать. Наконец он не то заснул, не то впал в оцепенение и пролежал так почти до утра. Перед рассветом ему приснилось, что он снова мальчишка, что мать и отец живы, Дейв, Бад и сестры совсем маленькие, а Том еще не родился. Они с отцом на охоте, гоняются за роями бестелесных светящихся призраков по пустыне. Призраки вьются над головой, их больше, чем москитов, но двое храбрецов, большой и маленький, стреляют из игрушечных пистолетов, и чудовища лопаются, как воздушные шарики. Они умирают и падают, скрежеща, как нож по стеклу; на земле остается неопрятная стеклянистая лужица, которая быстро перегорает в горсточку пепла. Останки пахнут тухлыми яйцами. Хороший сон, в отличие от яви. Демериса разбудил солнечный свет, льющийся через щели в дощатых стенах сарая.

Выбравшись из сарая, он обнаружил, что ярдах в двадцати кто-то разбил палатку. Поблизости пасся диковинный зверь, привязанный к колышку: огромный, неуклюжий, грязно-желтого цвета. Возможно, верблюд — если на свете бывают верблюды размером со слона, с тремя горбами, зелеными глазами величиной с блюдце и лишним суставом на ногах. Пока Демерис, онемевший от изумления, разглядывал диковинное животное, из палатки вышла женщина в элегантных брюках цвета хаки и застегнутой до горла рубашке.

— Никогда не видел таких? — спросила она.

— Откуда... Я здесь впервые.

— Правда?

Как и у деревенских, ее речь звучала необычно, только на иной лад. За словами будто звучал колокол.

Сколько ей лет, сказать было трудно: двадцать пять, а может, тридцать пять. Красивая, стройная, прямые каштановые волосы до плеч, высокие скулы, бронзовое европейское лицо. В темных глазах необычный блеск — или вызов? Странная аура, одновременно притягивает и отталкивает.

Женщина сказала, как называют местного верблюда: невозможное сочетание звуков, не то свист, не то жужжание, с резким подъемом в конце.

— Попробуй повторить.

Демерис тупо моргнул. Такого нельзя произнести.

— Давай-давай. Попробуй.

— Я не говорю на языке призраков.

— Не так уж это и трудно.— Она старательно и с удовольствием повторила еще раз.

— Бесполезно. Не могу, и все.

— Пустяки. Нужно немного практики.

Она смотрела ему в глаза прямо, настойчиво, почти агрессивно. Дома нечасто встретишь женщину с таким взглядом. Демерис привык к тому, что женщины зависят от мужчины, берут у него силу или что-то еще, что им нужно, пока не придет время каждому идти своей дорогой.

— Меня зовут Джилл,— сказала она.— Живу в Городе призраков. На пару недель ездила в Техас, теперь возвращаюсь.

— Ник Демерис, из Альбукерка. Похоже, нам по дороге.

— Какое совпадение.

— Пожалуй.

Наверное, она сейчас предложит ехать вместе, подумал Демерис. Химия сексуального притяжения подействовала. Вечером, когда будет поставлена палатка, она повернется ко мне. Полуоткрытые губы, сверкающие глаза, призывный жест...

Яркий мальчишеский полет фантазии поставил его в тупик. Так проняло, с чего бы? Она вроде бы даже не такая красивая.

Да нет, не предложит. Явно привыкла справляться сама, по ней видно. В его помощи она не нуждается, в компании — тоже.

— Что тебя сюда привело? — спросила Джилл.

Демерис рассказал о брате. Пока он говорил, девушка задумчиво и пристально разглядывала его лицо. Темные глаза проникали глубоко. Может быть, даже читали мысли.

— Возможно, я знаю твоего брата,— сказала она спокойно, выждав некоторое время.

— Не шутишь?..

— Пониже тебя и поплотнее, правильно? В остальном очень похож, только моложе. Лицо такое же, но пошире. Высокий лоб, как у тебя, скулы такие же, глаза того же цвета, волосы тоже светлые, но длиннее. Такой же серьезный, как ты.

— Правильно,— кивнул удивленный Демерис.— Должно быть, он.

— Его зовут Дон. Или Том. Дон, Том, одно из этих коротких имен...

— Том.

— Верно. Том.

— Откуда ты его знаешь? — Демерис никак не мог оправиться от изумления.

— Он объявился в Городе призраков месяца два назад. В июне или в июле. Не такой уж это большой город, чтобы не заметить новое лицо. Видно было, что он из Свободных земель: вертит головой по сторонам, смотрит большими глазами... Правда, он не похож на остальных мальчишек, отправившихся на свою эстраду,— в нем словно пружина какая-то, готовая сработать в любой момент. Будто он не для того здесь, чтобы оттянуться, как другие. Кажется, что он пришел ради чего-то важного, известного только ему. Особенный, необычный парень.

— Это Том, без сомнений.— Демерис прикусил губу.— Как ты думаешь, он все еще там?

— Скорее всего. Он говорил, что хочет остаться до осени. То есть до охоты.

— И когда она начинается, эта охота?

— В конце будущей недели.

— Значит, у меня есть шанс, если успею вовремя.

— Я отправляюсь после полудня. Если хочешь, поедем вместе.

— В Город призраков? С тобой?

Все-таки сексуальная химия действует. Удивительное рядом, надо же. Подростковые мечты сбываются. Не слишком ли все гладко? В жизни так не бывает. И все же?..

— Почему бы нет? Между этих горбов места достаточно. Пешком не меньше недели, и то если ты ходишь быстро. Верхом можно добраться за два дня.

В самом деле, почему бы и нет?

Отказываться глупо. Идти по этой искалеченной призраками земле будет совсем не просто.

— Конечно.— кивнул Демерис, подумав.— С удовольствием. Если ты всерьез...

— Всерьез? С чего бы мне шутить?

Демерису пришло в голову, что между Джилл и Томом что-то есть. Она не просто видела его разок на улицах Города призраков. Ну конечно. Как он сразу не догадался? Иначе она не запомнила бы в таких подробностях мальчишку, забредшего в Город призраков два месяца назад. Должно быть, она встретила его где-то в баре. Пара коктейлей, легкий треп, ночь-другая в постели. Может, неделя или две романтических отношений. Тома не остановит то, что она на десять лет старше. Даже на пятнадцать лет, если на то пошло. А мне, стало быть, предлагают руку помощи. Как члену семьи. Простая вежливость, а вовсе не мое мужское обаяние, перед которым устоять невозможно. Или любопытство: каков, интересно, у Тома старший брат? Дело хорошее...

— Зверюга еще не наелась досыта,— перебила Джилл ход мыслей Демериса.— Отправиться можно будет около двух часов, идет?

После завтрака в столовой к Демерису подошел тот же мальчишка.

— Ты видел женщину, которая прибыла ночью?

— Она предложила ехать с ней в Город призраков,— кивнул Демерис.

В глазах парня мелькнула какая-то искра. Презрение?

— Славно! Согласился?

— Лучше, чем идти пешком.

— У тебя с головой не в порядке,— сказал парнишка многозначительно.

— Почему? — Демерис нахмурился.

— Эта девка — призрак.— Парень хохотнул в кулак.— Ты не понял? С призраками ездят только идиоты.

Поборов изумление, Демерис разозлился:

— Шутишь? Не смешно!

— Шучу? Ну конечно. Думал тебя развеселить,— мрачно кивнул мальчишка. Презрение в его черных глазах стало явным.— Я предупредил. Хочешь ехать — пожалуйста. Что она сделает с тобой в пустыне, меня не касается. У вас там, на Свободных землях, вместо мозгов опилки.

Демерис прищурился, не зная, верить или нет. В глазах паренька читалась холодная уверенность, но принять такую новость было трудно. Голос Джилл, манера держаться,— все до последней мелочи в ней настоящее. Призраки не могут притворяться так хорошо.

Или могут?

— Ты уверен? Знаешь точно?

— Точно я ничего не знаю. Раньше я ее не видел, но это ерунда. Приходит, хочет остаться на ночь — пожалуйста. Мы не против. Если она платит, как положено, нам все равно. Но любой, у кого мозги не отшибло окончательно, видит, что она призрак. Это все, что я могу сказать. А теперь делай, что хочешь. Решай сам.

Демерис несколько раз мотнул головой, глядя вслед уходящему парню. Его уже трясло, словно он успел занести ногу над обрывом.

Страх сменился злостью. Джилл — призрак? Нет, этого не может быть. Чем она не человек? Она абсолютно нормальная. Кажется.

С другой стороны, зачем мальчишке сочинять? Нет никакого смысла. Наверное, он знает, что говорит. У нас, на той стороне, некоторые носят обереги, якобы позволяющие выявить призрака в человеческом обличье. Устройство подает звуковой сиг-

нал, если призрак подошел слишком близко. Демерис никогда не принимал эти игры всерьез, но то дома, а здесь — здесь, пожалуй, другое дело. Местные вполне могут отличать призраков и без всяких оберегов, это логично. Маскировкой их не обманешь. У них было сто пятьдесят лет, чтобы разобраться.

Чем дольше Демерис думал, тем глубже пускало корни сомнение.

Поговорить с ней еще раз?

Неподалеку от сарайчика, выше по течению ручья, Джилл занималась делом: шершавой губкой чистила косматую желтую шерсть слоноподобного «верблюда». Остановившись в нескольких шагах, Демерис пытался найти хоть одну ошибку в маскировке. Разглядеть признаки волка под овечьей шкурой.

Никаких признаков. Но это ничего не значит.

Джилл наконец заметила его.

— Готов? — спросила она через плечо.

— Не знаю...

— Что ты сказал?

Демерис глядел молча и упорно.

Хорошо, допустим, она призрак. Зачем ей притворяться? Зачем призраку заманивать человека в пустыню?

Но ведь и мальчишке незачем лгать.

Внезапно Демерис решил отбросить сложности. Проще и безопаснее всего отказаться. До Города призраков можно дойти пешком, как и планировалось. Если мальчишка прав, придется ехать вместе с призраком, сидеть у костра рядом с призраком, делить палатку с призраком. Омерзительно, а может быть, опасно. Мало ли историй о призраках — пожирателях душ, энергетических вампирах или того хуже? Ни к чему рисковать.

— Знаешь, лучше не надо,— объявил Демерис, набравшись решимости.— Я передумал. Лучше пойду пешком.

— Ты серьезно? — Джилл, кажется, вздрогнула.

— Да.

— Пешком до самого Города призраков? Чтобы не ехать со мной?

— Я подумал... решил, так будет лучше.

— Господи! Но почему?

Недоумение, раздражение — все как у людей. Демерис начал подозревать, что делает серьезную ошибку, но отступать было поздно.

— Обычно я полагаюсь только на себя,— объяснил он неловко.— Так уж привык. И еще...

— Ерунда. Думаешь, я не понимаю?

Демерис молчал, переминаясь с ноги на ногу и горько жалея, что впутался в это дело.

— С тобой поговорили? Порассказали про меня сказок?

— Ну...

— Бывают же идиоты. Ладно. Хочешь меня проверить?

— Проверить?

— Да. Оберегом.

— Не хочу. Нет у меня никаких оберегов. Не верю я в них. Обыкновенное надувательство.

— Почему же? Они покажут, призрак я или нет.

— Ничего они не покажут! Мне рассказывали...

— Бывают фальшивые, а бывают и настоящие.

Из лежавшего на земле вьюка Джилл достала вещицу вроде короткой косички, сплетенной из множества черных проводов.

— Это работает,— заявила она.— Здесь кнопка. Светится красным, если оберег направлен на призрака. Бери, не стесняйся. Подарок. Встретишь какую-нибудь женщину — проверь.

Джилл швырнула ему оберег. Автоматически поймав вещицу, Демерис беспомощно смотрел, как Джилл шлепком послала «верблюда» вниз по течению ручья, в сторону палатки.

Надо же так влипнуть.

В ушах все звучал ее голос, отвечая на его мелочные подозрения, высказанные и невысказанные.

Злой на нее, на себя и на мальчишку, из-за которого начался этот бессмысленный разговор, Демерис швырнул оберег в ручей. Проводив булькнувшую игрушку взглядом, он отправился к себе в сарайчик — собираться.

Джилл сноровисто убирала палатку, не глядя по сторонам, зато «верблюд» торжественно обернулся, выпятил лиловую нижнюю губу и показал зубы в издевательской улыбке. Демерис вскинул руку, складывая пальцы в традиционном жесте против дурного глаза. Уж этой-то скотине следует знать свое место.

Подогнав рюкзак, Демерис зашагал по крутой тропинке, ведущей на край земляной чаши — прочь от деревни, оставшейся на дне.

По расчетам, Демерис находился где-то на границе Техаса и Нью-Мексико, скорее всего уже в Нью-Мексико. Чужие пришли в середине двадцать первого века, чтобы вырезать себе кусок территории Соединенных Штатов. На карту страны им было наплевать, и оккупированной оказалась только часть Нью-Мексико. Зона легла в форме грубого треугольника от Монтаны до Великих озер, вдоль канадской границы, сужаясь к югу через Вайоминг, Небраску, Техас и Луизиану, захватывая кусок восточного Нью-Мексико. Это Демерису рассказали в школе много лет назад. Детям до сих пор преподавали географию, как раньше, потому что в один прекрасный день Соединенные Штаты Америки восстанут из небытия в прежнем величии.

С трудом верится. Призраки вырвали у страны сердце, в прямом и переносном смысле. Никакого сражения не получилось: стратегическое оружие и связь были нейтрализованы, армия освобождения растворилась в зоне, как дождевые капли растворяются в озере. От Америки осталось два лоскута: западный, от бывшего штата Вашингтон и Айдахо до мексиканской границы, предпочитавший называть себя Свободными землями, и восточный, от побережья до Миссисипи. Население восточной части до сих пор настаивает, что они и есть жители Соединенных Штатов.

О том, что на самом деле происходит в зоне оккупации, ни на западе, ни на востоке никто ничего не знал. Демерис в жизни не встречал никого, кто принимал бы всерьез идею воссоединения и реставрации Соединенных Штатов. Если пришельцам нечего было противопоставить тогда, что можно сделать сейчас, когда технологический потенциал утрачен и почти вся страна вернулась к традиционному сельскому хозяйству?

Сейчас надо идти на восток. Рано или поздно должны появиться призраки... Пока ничего не видно, только песок, мескит и шалфей, кое-где — образчики «ландшафтной архитектуры» пришельцев и остатки человеческих поселений: обрушенная стена, ржавый дорожный указатель. Почти сплошная пустыня.

Покинув деревню, Демерис прошел часа полтора, не замедляя шага, пока в воздухе не появилась эскадрилья летучих змей, надвигавшаяся плотным строем. Небо сделалось лилово-желтым, как побитое и подгнившее яблоко. За змеями пролетели три чудовищные твари в красной сверкающей чешуе, на треугольных

мясистых крыльях. Драконы испускали клубы зеленого дыма, резко пахнувшего мокрой прошлогодней соломой, а за ними опять пошли змеи, десяток или полтора. Демерис погрозил им кулаком.

В воздухе сгустилось удушливое ожидание, как перед грозой. Демерис приготовился к неприятностям, но ничего не случилось. Предчувствие беды растаяло. Он стоял на знакомой земле Юго-Запада, под высоким небом среди сухих оврагов.

Демерис слегка успокоился, но ненадолго: за спиной послышалось знакомое фырканье. Джилл сидела на «верблюде» верхом, за передним горбом.

— Может, поедем вместе? Не передумал? — спросила она, наклонившись вперед.

— Я думал, ты обиделась.

— Не без того. Но мне все равно не по душе, что ты идешь пешком, когда можно ехать. Глупо это, сказать по правде.

Демерис молчал, не решаясь согласиться. Судьба не каждый день дает второй шанс.

— Ну так что? Едешь или нет?

Он молчал, и Джилл улыбнулась озорной улыбкой:

— Все сомневаешься? Думаешь, я призрак? Можешь проверить, пожалуйста!

— Я выбросил эту штуку в ручей. Не люблю ведьминых амулетов.

— Ну и ладно.— Джилл совсем развеселилась.— Никакой это не амулет, а изношенный источник питания. Ничего бы он тебе не показал.

— Источник чего?

— Питания. Призраки используют. Можно было взять с собой в качестве доказательства, что ходил в зону... Так ты едешь или нет?

Демерису надоело чувствовать себя дураком.

— Еду,— ответил он.— Почему бы нет?

Джилл что-то приказала «верблюду» на языке призраков, и гигантский зверь опустился на колени. Протянув руку, она легко втащила Демериса наверх. Спину «верблюда» покрывала плетеная веревочная конструкция: не то седло, не то попона. Все три горба торчали наружу, для них были сделаны специальные отверстия. Палатка и другое имущество крепились к попоне сзади.

— Рюкзак привяжи сюда, где болтаются веревки. Ехать лучше всего сзади меня.

Устроившись во впадине между вторым и третьим горбом, Демерис запустил пальцы в плетение попоны. Джилл просвистела команду, и животное двинулось вперед.

Аллюр «верблюда» вытряхивал душу: горбатая спина колебалась вверх и вниз, вправо и влево. Земля на каждом шагу кренилась, как пьяная. Демерис никогда в жизни не видел океана, но про морскую болезнь слыхал. Наверное, очень похоже. Сглотнув, он вцепился в попону как можно крепче.

— Ты как, в порядке? — спросила Джилл.

— Я? В порядке...

— Без привычки трудно?

— Есть немного.

Сидеть было жестко, тем более что ни попона, ни ягодицы Демериса мягкостью не отличались. Гигантские кости «верблюда» двигались под косматой шкурой, как поршни гигантской машины. Демерис упирался каблуками, как мог.

— Драконов с треугольными крыльями видел? — поинтересовалась Джилл.

— Которые дымят зеленым?

— Тех самых. Это загонщики. Они подтягиваются к Городу призраков для охоты. Их используют, чтобы загонять дичь. Каждый год, в это самое время.

— А летучие змеи?

— Змеи ведут загонщиков. Сами загонщики не слишком сообразительны, не умнее собак. Змеи гораздо толковее. Ведут драконов куда надо, а те загоняют дичь.

Интересно, какие у чужого зверья уровни «сообразительности»? Собаки не такие уж глупые — насколько же умны змеи? И насколько, если на то пошло, разумны призраки?

— Для чего затевается охота?

— Для удовольствия. Призраки развлекаются.

— Сгоняют тысячи самых странных зверей и убивают в одном месте, так что кровь течет рекой? Интересное удовольствие...

— Не спеши,— сказала Джилл.— Увидишь своими глазами.

Ландшафт постепенно менялся: от странного к чудовищному. Вспыхивал и разбегался петлями ярчайший огонь, ничего не сжигая; невысоко над землей парили какие-то шары, неповo-

ротливые и тяжелые с виду; мелькали серебристые крылья, описывая круги над землей... Демерис мрачнел, чувствуя себя не в своей тарелке и не на своем месте. Когда он начал ругаться вполголоса, Джилл обернулась.

— Что тебя так злит?

— Ненавижу это дерьмо! Не могу видеть, что они сделали с моей страной...

— С тех пор много воды утекло. И не с твоей страной они это сделали, а со страной твоих прадедов.

— Какая разница?

— Твоя страна — там. И ее не тронули.

— Вот утешила,— сплюнул Демерис.

Еще до захода солнца они добрались до источника, где на камнях, похожих на желтые подушки, выступали кристаллы серы. Приказав «верблюду» опуститься на колени, Джилл легко соскочила на землю. Демерис последовал за ней осторожно: давало себя знать непривычное к такой езде тело.

— Помоги поставить палатку,— сказала Джилл.

Палаток, похожих на эту, Демерису раньше видеть не приходилось. Опорный шест выглядел, как не слишком длинная восковая свеча, но в руках Джилл он сам собой вытянулся втрое, и вершина раскрылась пятью узкими длинными лепестками, похожими на спицы зонтика. Палатка призраков... Колышки из такого же «воска» достаточно было упереть в землю в нужном месте, а закапывались они сами. В рабочем положении колышки зажили собственной жизнью, периодически негромко щелкая.

— Что это?..

— Зона безопасности. Сто ярдов вокруг палатки. Ночью не отходи далеко: пересекать охранный периметр нельзя.

— Не собираюсь.

В палатке было как раз достаточно места для двоих. Интересно, придется спать снаружи или она его пригласит?

Вместе они набрали мескитовых сучьев и развели костер. Ужин сварили из вяленого мяса и сушеных овощей — запасов Джилл. Пока котелок булькал на огне, Джилл отошла к роднику, где вода была чистой и свежей, несмотря на серные отложения. Раздевшись до пояса, она принялась мыться. Демерис глянул искоса и отвернулся: Джилл как будто ничего не заметила. Он подумал: что, это приглашение или ей действительно все равно?

Демерис тоже умылся, плеская холодной водой в лицо и на плечи.

— Готово,— сказала Джилл через несколько минут, попробовав еду из котелка.

Солнце ушло за горизонт очень быстро. Непроглядная темнота сгустилась через несколько минут. В ясном небе пустыни загорелись звезды, яркие и немигающие. Интересно, с какой из них явились призраки? Они даже не потрудились рассказать. Они мало что сообщили о себе за полтора века.

— Часто тебе приходится ходить по этому маршруту?

— Довольно часто,— ответила Джилл.— Работаю курьером для моего отца. Техас, Луизиана, иногда Оклахома... Мой отец Бен Гортон,— объяснила она, помолчав.

Похоже, Джилл рассчитывала, что Демерису известно это имя.

— Кто?

— Бен Гортон — мэр Города призраков.

— Мэр Города призраков — человек?

— Да. Точнее, он мэр человеческой части города. У людей своя администрация, у призраков — своя.

— Мне оказана честь, стало быть. Дочка босса... Могла бы сказать сразу.

— Разве это так важно?

Глядя, как Джилл быстро и толково моет посуду и закапывает мусор, Демерис решил, что мальчишка в деревне морочил ему голову. Если она призрак, это давно стало бы заметно.

Закончив с уборкой, Джилл откинула полог, прикрывавший вход в палатку. Глядя на нее, Демерис заколебался, не зная, как себя вести.

— Не замирай. Или ты собрался спать снаружи?

Демерис не заставил просить себя дважды.

В палатке было тепло, хотя ночную пустыню быстро охватил холод. На полу лежал единственный не слишком широкий спальный мешок — на двоих достаточно, если не боишься спать в тесноте. Зашуршала одежда, Джилл начала раздеваться. В темноте Демерис так и не понял, много ли она сняла. Скинув рубашку, он засомневался насчет брюк, но тут Джилл откинула полог, чтобы сказать несколько слов «верблюду». В свете звезд мелькнула плавная линия бедра и желобок между ягодицами. Демерис стащил брюки и влез в спальник; через секунду к нему присоеди-

нилась Джилл. Демерис застыл, избегая прикосновения; последовало несколько мгновений томительной неловкости. Протянув руку, Джилл тронула его за плечо, легонько, но уверенно.

Вот и хорошо. Никто, в конце концов, не давал обета воздержания. Коснувшись ее ключицы, Демерис потянулся дальше. Грудь оказалась маленькой и прохладной, сосок ожил и отвердел под пальцами. Что-то промурлыкав, Джилл повернулась на бок. Он не сразу нашел в темноте губами рот девушки; смеясь, Джилл сама дотронулась языком до губ Демериса.

Не целуется ли он сейчас с призраком? От этой неуместной мысли подступила тошнота, энтузиазм едва не угас. Джилл пришлось пощекотать его кончиками грудей и что-то промурлыкать, прежде чем Демерис отбросил сомнения.

Зато потом все пошло как по маслу. Гладкие стройные бедра он отыскал легко, что до остального — не обошлось без обычной для первого раза неуклюжести, но ничего особенного... Жаркое дыхание и негромкие стоны не оставляли сомнений: все получилось, как надо.

Некоторое время Демерис лежал, слушая, как попискивают колышки защитного периметра. Вдали подавали голос ночные твари, рядом шумно дышал гигантский верблюд. Джилл крепко спала, свернувшись клубком.

— У тебя была когда-нибудь семья, Ник?

Вопрос прозвучал совершенно неожиданно, после получаса езды в молчании.

До этой секунды Джилл была где-то далеко, за миллион миль отсюда. Попытку близости на рассвете она равнодушно отклонила. Лагерь свертывали быстро, по-солдатски.

— Нет. А у тебя?

— Нет, даже не думала об этом. Но я считала, что на Свободных землях все люди женятся. Обзаводятся большими семьями, не теряя времени. Славные, обыкновенные люди.

Вдоль дороги тянулись длинные, по сотне и более футов, тяжи блестящей и прозрачной слизи, нанизанные на острые черные колья, только не вбитые, а растущие из земли, как деревья.

— Я и без того поднял большую семью. Братья и сестры... Отец погиб на охоте, когда мне было десять. Возможно, встре-

тился с каким-нибудь зверем, вышедшим за границу зоны, никто не знает точно. Мать умерла от «голубой лихорадки», когда мне исполнилось пятнадцать; на руках остались пять братьев и сестер. У меня на руках. На поиски невесты времени так и не нашлось.

— Голубая лихорадка?

— Ты не слышала? Заразная болезнь: человек умирает за три дня, без надежды на выздоровление. Возможно, это призраки нас наградили.

— На этой стороне ее нет. Даже не знала...

— Если болезнь привезли призраки, они и лечить ее умеют. А нам не повезло. Так или иначе, скучать с моей малышней не пришлось. Было о ком заботиться... Теперь они взрослые, конечно.

— Ты и сейчас заботишься. За братом пришел.

— Кто-то должен.

— А если он не хочет, чтобы его нашли?

Демерис вздрогнул. Может, в глубине души он именно этого и боялся. С Томом было сложно, но Демерис никогда не считал, что это большая проблема.

— Думаешь, у него могут быть причины остаться здесь навсегда?

— Я такого не говорила. Может, ему просто захотелось исчезнуть на время. Многие мальчишки приходят сюда и вот так задерживаются.

— Не помню такого случая. Даже не слышал. С чего бы житель Свободных земель захотел перебраться в зону?

— Ради острых ощущений. Играть в игры призраков, охотиться на их дичь, приобщиться к их жизни. Почему бы нет? Самые странные союзы возникают сплошь и рядом...

— В самом деле? — спросил Демерис, глядя в затылок Джилл с сомнением. Он чуть не забыл о том, какая она странная.

— Я не понимаю, каково это, жить в браке.— Джилл говорила отстраненно, будто думая вслух.— Просыпаться рядом с одним и тем же человеком, день за днем. Жить одной жизнью, многие годы. Звучит красиво, но я не могу представить такое.

— В Городе призраков вы не женитесь?

— По-вашему — нет.

— Так что мешает попробовать? В конце концов, всегда есть обратный путь. Никто из тех, кого я знаю, не видит в браке ничего необычного. Господи! Призраки в тысячу раз страннее. Но, похоже, не для тебя.

— Призраки не женятся. Они даже обходятся без прямого контакта, как рыбы, насколько мне известно.

— Звучит соблазнительно,— скривился Демерис.— Вот бы мне попробовать! Осталось найти хорошенького призрака.

— Все сомневаешься? — Джилл обернулась и поглядела на него серьезно.

— Почему бы тебе не выйти замуж, хотя бы на время? — Демерис пропустил вопрос мимо ушей.— Если тебе любопытно?

— Это предложение, Ник?

— Что? Пожалуй, нет. Просто мысли вслух.

Через час в стороне от дороги показалась неглубокая выемка в грунте, овальной формы и лилового цвета, около ста ярдов в поперечнике. Можно было подумать, что там лежала гигантская черепаха, оставившая следы грудной пластины панциря и лап: по сторонам большого углубления симметрично располагались четыре углубления поменьше.

— Что это такое? — поинтересовался Демерис.— Кладбище призраков?

— Совсем недавно появилось,— ответила Джилл.— Раньше не видела.

— Давай посмотрим,— предложил Демерис. Ему отчего-то стало любопытно.

Джилл остановила «верблюда». Они спешились и подошли к странному месту. Похоже на озеро, только без воды. Чернильная клякса, глубоко впитавшаяся в землю.

Долго наблюдать не пришлось: в центре, под поверхностью, как будто заворочался гигантский штопор. Берег затрясся, и узкое эластичное щупальце, пробив лиловое «дно», обвилось вокруг левой ноги Джилл и потянуло. Она вскрикнула и странно зашипела, упираясь.

Выхватив нож, висевший на поясе, Демерис перерезал щупальце, и оно лопнуло, как струна. Рука на мгновение онемела, словно после удара током, мурашки добрались до шеи — и отступили... Демерис неуверенно шагнул назад.

Отсеченная часть щупальца лежала смирно, соскользнув с ноги Джилл; второй обрубок яростно извивался. Схватив Джилл за руку, Демерис отвел ее подальше.

— Ловушка для неосторожной добычи. Или для путешественников поглупее,— объявил Демерис.— Давай-ка убираться отсюда!

— Спасибо,— произнесла побледневшая Джилл.

Она выглядела потрясенной.

К «верблюду» Демерис и Джилл устремились бегом. Не самая горячая благодарность, успел подумать Демерис.

Впрочем, нет худа без добра: сомнения насчет природы Джилл можно оставить. Призрак не попадет в капкан, поставленный своими.

Или попадет?

На обед остановились в роще трехгранных тополей. Призраки, правда, украсили ее какими-то хрустальными грибами. «Верблюд» охотно принялся поедать один из них, Демерис и Джилл пробовать не стали. Джилл разделась и принялась мыться в солоноватом ручейке, петлявшем между деревьев. Воду она явно любила, наготы нисколько не стеснялась. Демерис глядел с удовольствием, но уже спокойно.

За несколько часов, проведенных в дороге, Джилл успела задать немало вопросов, притом довольно странных. Что люди делают по вечерам на Свободных землях? Правда ли, что мужчины дружат между собой больше, чем женщины? Тебе хотелось когда-нибудь быть не тем, кто ты есть?

Демерис отвечал добросовестно, как мог.

Поразительная, непредсказуемая женщина! В Альбукерке такие не попадаются. Неожиданные повороты ее мысли сбивали с толку, гипнотизировали. Конечно, Демерис до сих пор имел дело все больше с фермерами, а Джилл — дочка мэра. Вдобавок, она уроженка зоны. С какой стати она должна походить на знакомых Демериса?

Тем временем они увидели места, измененные призраками до неузнаваемости. Брошенный поселок — дома стояли по обочинам дороги — казался отлитым из декоративного стекла. Дома, мебель, водопроводные трубы, все было прозрачным. Если бы

там остались люди, они бы тоже были прозрачными, решил Демерис.

За прозрачным городком шел пустырь, плотно заставленный ржавыми автомобилями. Передние колеса каждого забирались на багажник соседа, будто это не машины, а кони, покрывающие друг друга. Демерису казалось, что он видит призраков, готовых ожить в любую секунду. Ему не довелось увидеть автомобиль на ходу: от двигателей внутреннего сгорания отказались до его рождения. Точнее, технология вымерла сама собой, по крайней мере, в родных местах Демериса. Правда, ходили слухи, что в привилегированных областях Калифорнии какие-то автомобили есть и сейчас.

За кладбищем автомобилей открылась страна пирамид пятидесяти или шестидесяти футов в высоту, идеальной формы, из слепленных или сплавленных вместе предметов человеческого обихода: мебели, раковин и других вещей, Демерису незнакомых. Небольшая страна из дюжины пирамид, вроде музея под открытым небом. К этому времени деятельность призраков уже не так его возмущала: трудно злиться непрерывно, с утра до вечера, когда следы пришельцев повсюду...

Знаки жизнедеятельности чужаков мало-помалу становились заметнее: огни, лениво всплывающие и гаснущие на горизонте, таинственный шум над головой,— воздушный транспорт, по словам Джилл,— а еще дороги. Гладкие, сверкающие дороги вели в ту же сторону, куда и колея, по которой шел «верблюд». Демерис все высматривал призраков, следующих по своим делам, но ничего особенного так и не увидел. Как там говорил Бад, на что они похожи? «На призраков и похожи! Высокие, светятся, как призраки, только плотные». Не очень-то легко представить.

Когда они разбили лагерь, Демерис вошел в палатку, не стесняясь. Лег рядом, коснулся Джилл — в первую секунду она словно ничего не заметила. Потом замурлыкала, повернулась, протягивая руки... За целый день ничего, кроме деловой сухости с ее стороны, а тут страсть обрушилась волной. Обоих накрыло пенистым гребнем.

Он немного отдохнул и потянулся к ней вновь, но Джилл так же внезапно остыла.

— Будем спать,— сказала она, поворачиваясь спиной.

Демерис полежал, прислушиваясь и думая об этой непредсказуемой женщине. Попробовать еще? Нет, спит мертвым сном, будто не дышит... Демерис отстранился и повернулся на другой бок.

Ему приснилось небо, высветленное языками алого пламени, и драконы, летящие с юга правильным строем, как журавли.

Приближение Города призраков чувствовалось с каждым шагом. Пыльные колеи сменились гладкой дорогой — может быть, настоящим шоссе времен старой Америки. Пришельцы только улучшили ее немного, заставив светиться изнутри. Бесшумные водовороты неяркого зеленого света всплывали откуда-то снизу. Со временем у Демериса и Джилл появились попутчики — кто на фургонах, запряженных неведомым скотом, кто на открытых платформах без колес, двигающихся непонятным способом. Все выглядели как люди.

— Как призраки передвигаются? — спросил Демерис.

— Как захотят,— ответила Джилл.

Судя по ржавому дорожному указателю, они достигли города Диммитт. За символическим световым барьером, пляшущим в воздухе, никакого поселения видно не было.

Втягиваясь за барьер, фургоны и платформы исчезали.

— Периметр охоты,— объяснила Джилл, пока они стояли в очереди на «таможне».— Вроде большого загона вокруг Города призраков. Животные наружу выйти не могут: боятся.

Пересекая барьер, Демерис ничего не почувствовал. Джилл сказала, что надо уладить кое-какие формальности, и направилась к ветхому сарайчику в сотне футов от дороги. Демерис остался ждать, не отходя от «верблюда».

Прихрамывая, к нему подошел седой мужчина с огрубелым лицом. Немолодой, лет пятидесяти.

— Джек Лоусон,— представился он, протягивая руку.— Возвращаюсь со свадьбы дочери. Из Оклахома-Сити.

— Ник Демерис.

— Интересные у тебя спутники, Ник. Всегда хотел знать — каково с ними рядом?

— С кем это «с ними»?

— Ладно тебе,— подмигнул Джек Лоусон.— Ты понимаешь, о чем я.

— Боюсь, что нет.

— Твоя подружка — призрак. Не станешь же ты разуверять меня.

— Ради бога, приятель! Она такой же человек, как ты или я.

— Ну конечно...

— Не сомневайся,— кивнул Демерис.— У меня была возможность рассмотреть. Вблизи.

— Я так и подумал,— согласился Лоусон, шевельнув бровями.— Слыхал, что есть любители. И любительницы...

— И ты туда же!

Демерис почувствовал раздражение, но драться не хотелось. К тому же собеседник был раза в два старше его.

— Ты как тот мексиканский мальчишка. Он тоже думал, что Джилл — призрак. Вы ничего не понимаете.

— Я не ошибаюсь, когда передо мной призрак.

— А я не ошибаюсь, когда передо мной идиот!

— Тише, тише... Извини, приятель: я не сразу понял. Вижу, ты просто не в курсе. Тысяча извинений!

Криво улыбнувшись и отвесив поклон, Лоусон двинулся было прочь, но Демерис остановил его.

— Подожди. Ты что, правда думаешь, что она призрак?

— Еще бы.

— Доказать можешь?

— Нет. Просто чувствую. Интуиция...

— Там, откуда я приехал, интуиция стоит недорого.

— Бывает, что словами не объяснить. Она... В общем, это видно.

— Отец любил повторять: слов не находишь — стало быть, не знаешь, о чем говоришь.

Лоусон рассмеялся так же, как тот парнишка в деревне: свысока и покровительственно. Демерису очень захотелось его ударить.

В этот момент вернулась Джилл, покачивая бедрами. Нет сомнений, женщина как женщина.

Лоусон приподнял шляпу, приветствуя Джилл с преувеличенной вежливостью, после чего неспешно удалился.

— Ну что? — спросил Демерис.

— Все готово... Ты-то в порядке, Ник? — Джилл глянула озабоченно.

— Само собой.

— Что говорил тот человек?

— Да про свадьбу в Оклахоме. Дочка его вышла замуж.

С этими словами Демерис вскарабкался на средний горб «верблюда».

Раздражение от слов Лоусона скоро улеглось. Они тут все-знайки, в зоне оккупации. Хлебом не корми, дай посмеяться над новичком. Без намеков и улыбочек не обойтись. Много о себе понимают.

Негромкий голос разума подсказывал, однако, что двое туземцев вполне могут оказаться правы. Тем более, друг с другом они не советовались. Ладно. Джилл выглядит как женщина, пахнет, как женщина, да и на ощупь... Ему достаточно, а местные пусть говорят, что угодно. Да и поздно менять убеждения: он с ней целовался, и не только. Демерис не созрел для того, чтобы признать свою интимную близость с инопланетным пришельцем.

Не созрел? Внезапно его одолел соблазн: а почему бы Джилл не оказаться пришельцем? Тогда его приключение становится чем-то большим: инициацией, настоящим переходом границ. Возвратом в молодость. Демерис поежился. Каково, интересно, вырваться из клетки собственной души?

Отрезвление наступило быстро: такого рода порывы ему никогда не были свойственны. Что же она такое, если не человек?

Вскоре показался один из загонов, где содержались животные, предназначенные для охоты. Вместо забора из земли поднимались молнии, только неподвижные. Или почти неподвижные. За ними плавали гигантские тени. В сердце шевельнулось смятение, как тогда, на границе, и Демерис отвел глаза.

— Что там за твари? — спросил он.

— Самые разные. Скоро их выпустят, и увидишь.

— Скоро — это когда?

— Через пару дней... Смотри, Ник! — Повернувшись, Джилл указала пальцем: — Город призраков.

С вершины невысокого холма открылся вид на довольно большой город в долине. Правда, не огромный, как ожидал Демерис. Обычные человеческие дома были причудливо перемешаны со сказочными замками и мерцающими башнями. Демериса это

сочетание потрясло. Город опоясывала стена, но не из молний, как на границе, а из более смирных огоньков, вроде болотных.

— А где призраки?

— Призраков захотел? Да пожалуйста! Вон...

Призрак запорхал перед глазами Демериса, будто Джилл вызвала его из небытия заклинанием. Губы пробормотали проклятие, а пальцы сами сложились в знак, которому Деметриса обучила мать лет двадцать назад, чтобы отгонять нечистого. До сих пор он ни разу не использовал этот знак. В своем нематериальном изяществе призрак был ослепительно прекрасен: полупрозрачный конус вокруг темной сердцевины за переливами внутреннего света. Демерис ожидал страшного, и это создание действительно пугало — своей красотой. Скоро появился еще один, похожий на первого только бестелесностью. Облако неуловимой формы на плоской подошве парило невысоко над землей на подушке из света. Сделав грациозный пируэт, оно исчезло, разделившись на три части. В тот же миг растворился в воздухе и первый призрак. Оставшиеся три, гибкие и стройные, как змеи с голубыми светящимися глазами, слились в танце и образовали большую сферу с яркими лиловыми меридианами. Шар втянул в себя нижнюю половину, до экватора, и ушел в землю.

Демерис зябко поежился.

Да, призраки, лучше не скажешь. Гости из ночного кошмара. Стоит ли удивляться их непобедимости? Как бороться с тем, кто способен растаять и уйти в землю прямо на глазах?

Пришли, отрезали себе кусок мира, не снисходя до объяснений, зачем. Прекрасно понимали, что сила на их стороне. Говори после этого о справедливости... Демерис почувствовал, как в душе поднимается застарелое озлобление.

И при всем том они божественно прекрасны. Ни страх, ни ненависть не мешают, оказывается, испытывать благоговение. Хочется даже встать на колени.

По коже пробежали мурашки, легкие и некусачие: барьер из танцующего света остался за спиной. Демерис и Джилл молча въехали в город.

— Вот мы и приехали,— объяснила Джилл.— Город призраков. Я покажу тебе, где можно остановиться.

По сторонам немощеных улиц (зачем призракам тротуары?) как попало стояли дома, в том числе человеческие. Окна неопрятных построек смотрели бельмами: вместо стекол использовалась не то полупрозрачная клеенка, не то вощеная бумага. Между домами иногда прорастали какие-то творения призраков, напоминающие кошмарные грибы. Люди и призраки жили по отдельности. Так, по крайней мере, казалось с вершины холма.

Собранная для охоты живность тучей клубилась прямо над головой: «загонщики» с треугольными крыльями, летучие змеи и химеры всех видов. Воздух над городом кипел от сатанинской активности.

Джилл довезла Демериса до гостиницы, представлявшей собой гигантскую трехэтажную избу, неумело сложенную из грубо отесанных бревен. Казалось, неведомые строители открывали для себя искусство архитектуры с нуля.

— Увидимся позднее,— сказала Джилл, когда Демерис спешился.— Нужно уладить кое-какие дела.

— Погоди! А где я тебя найду?

Поздно: «верблюд» уже удалялся, раскачиваясь.

Демерис задумался не без горечи, глядя вслед неуклюжему зверю. Пора привыкнуть к ее капризам. Сама появится через день-два. А пока надо управляться без помощников, на новом месте.

Пожав плечами, Демерис шагнул через порог.

Интерьер выглядел не лучше фасада: сумрачный вестибюль, голые стропила, косые стены. Слева, за драной красной занавеской, стучали стаканы и раздавались голоса. Справа располагалась кривоватая стойка, из-за которой неприветливо смотрела полная женщина с лицом, как из теста.

— Мне нужна комната,— сказал Демерис.

— Как раз одна осталась. Пять трудовых единиц в сутки: комната, стол и напитки — не больше двух порций.

— Трудовых... чего?

— Деньги Свободных земель тут не в ходу, дружок. Трудовая единица — один час чистки сортира. Или два часа уборки на кухне. Не пугайся, мы найдем тебе занятие. На месяц, как обычно?

— Это не энтрада. Я брата искать приехал. Может, видели его? — Демерис почувствовал внезапный прилив надежды.— Похож на меня, только пониже ростом, восемнадцать лет, зовут Том Демерис.

— Здесь такого нет,— ответила женщина, со стуком выкладывая тяжелый угловатый ключ.— Второй этаж налево, номер сто три. Добро пожаловать в Город призраков, дружок.

Комната оказалась темной, тесной и неопрятной. Свет с трудом пробивался сквозь полупрозрачное окно. Протянув руку, Демерис коснулся лампы на кривеньком столике у голой кровати. Лампа засветилась, выпустив вверх язык холодного огня, похожий на маленького призрака. Стало видно, что стены украшены чем-то вроде гобеленов: загадочные письмена на языке пришельцев, вытканные на грубой ткани.

Делать в номере было нечего, и Демерис спустился в бар, где сидели четверо мужчин и женщина. Не прерывая беззлобного спора, они мельком глянули на нового постояльца. Оценили и списали: не представляет интереса. На лбу написано: Свободные земли. Эка невидаль..

Демерис поджал губы.

— Виски,— потребовал он, раздувая ноздри.

— Есть «Шэгбек», «Биллихау», «Донован» и «Тред»,— отозвался бармен.

— «Донован»,— выбрал Демерис наугад.

Бармен налил ему из неуклюжей синей бутылки с ядовито-желтой этикеткой. Напиток оказался крепкий, чернильного цвета, с кислым запахом. Демерис выпил, и в желудке будто засел крючок; посетители глянули на него с интересом. Демерис принужденно улыбнулся им. Подходящий момент, чтобы сообщить очевидное: он здесь впервые.

— Не видел ли кто парнишку? Том Демерис...

— Виски понравился? — спросила женщина.

— Не похоже на то, к чему я привык. Но неплохо,— сказал Демерис, начиная сердиться.— Он мой младший брат, вот какое дело. Пришлось ехать сюда, искать его, иначе...

— Том — как его? — поинтересовался кто-то из мужчин.

— Демерис. Мы из Альбукерка.

Всем отчего-то стало смешно.

— Аблкрики! — передразнила женщина.

— Даблкрики! — подхватил мужчина, кривя землистое лицо с белым шрамом.

— Альбукерк,— повторил Демерис холодно и раздельно.— В свое время это был большой город в Нью-Мексико, теперь —

Свободные земли. Там и сейчас тысяч десять человек живут. Брат ушел из дому — энтрада, как обычно — и не вернулся. С июня уже. Наверное, решил здесь остаться, но я с ним сначала поговорю. Обязательно. Пониже меня ростом, пошире в плечах, волосы длиннее, чем у меня. Том Демерис, не слыхали?

История никого не заинтересовала, только женщина пожала плечами. Остальные, кажется, даже не дослушали. Кто-то жестом потребовал следующую порцию.

— Что-нибудь еще? — обратился бармен к Демерису.

— Да. Попробую другой сорт.

Другой сорт оказался ничем не лучше.

Мрачно потягивая напиток, Демерис смотрел, как уходят его невежливые и нелюбопытные собеседники.

— Аблкрики! — повторила женщина, проходя мимо, и рассмеялась.

В номере было сыро и попахивало плесенью. Жалкая кровать под низким потолком не убаюкивала, с улицы доносились какие-то хрипы, визг и уханье. Стоило погасить свет, накрывала зловещая непроницаемая тьма, а от зажженной лампы становилось неуютно.

Демерис так и не смог заснуть. Он встал с кровати, подошел к окну и сдвинул в сторону полупрозрачную «клеенку». В ночном небе, на фоне ленивых сполохов, летали флегматичные крылатые гиганты — неуклюжие, как коровы, вздумавшие стать птицами.

Внизу по улице плыли три столба холодного пламени: пастухи гнали, как овец, стадо мелких чудищ с квадратными головами.

На завтрак подали что-то вроде кофе, отдававшего ячменем, и кусок черствого хлеба. Демерис без особой охоты поел и отправился на поиски Тома. С чего бы начать?

Город представлял собой невразумительную мешанину немощеных улиц — кажется, все они кривились и изгибались. По улицам двигались фургоны и открытые платформы вроде тех, что Демерис видел на «таможне» у периметра. Попадались странные, богато украшенные экземпляры. Транспорта было много, в воздух то и дело поднимались вихри серой пыли. Бестелесные призраки сновали по всем направлениям, игнорируя опасность,

словно машины существовали в другой плоскости бытия. Наверное, так и было.

Время от времени иерихонскими трубами ревели сигналы, и все отступали к обочинам, пропуская процессию чудовищ: чешуйчатых динозавров, вышагивавших на когтистых лапах, караван «верблюдов», шагавших друг за дружкой, уздечка к хвосту, или вереницу гигантских «змей» на десятках крепких коротеньких ножек.

Поразительное зрелище не слишком удивляло: Демерис понемногу утрачивал способность удивляться. Путешествие в зону сильно его изменило, добавило сонной терпимости. Наблюдая призраков в течение нескольких дней, Демерис перегорел: не осталось места даже для отвращения, не говоря об изумлении и страхе. Безмерная странность Города призраков все больше и больше походила на норму. Заурядный Альбукерк, где никогда ничего подобного не происходит, казался теперь застывшей фотографией, а не городом, где кипит жизнь.

Надо, однако, искать Тома. За несколько часов Демерис не нашел ни одной зацепки. Ни отделения полиции, ни ратуши, ни справочной службы. Вообще-то он надеялся встретить кого-нибудь из Свободных земель. Узнать соотечественника здесь будет нетрудно. В конце концов, мальчишки, отправившиеся на энтраду, должны общаться друг с другом. Пусть встретится хотя бы один.

И куда запропастилась Джилл? Бросила его в этом сумасшедшем доме, хотя знала, что у Демериса здесь нет никого, кроме нее. Исчезла так же внезапно, как появилась у границы зоны.

Но ее, по крайней мере, можно найти. Дочь первого человека в городе.

Демерис вошел в грязноватый домишко, решив, что здесь чем-то торгуют. За кривым прилавком неприветливо смотрела сутулая женщина с темным лицом дубленой кожи. Улыбнувшись самой обаятельной из своих улыбок, Демерис сказал:

— Мне нужно найти Джилл Гортон, дочь Бена Гортона. Я совсем не знаю города.

— Кого найти?

— Джилл Гортон. Дочь Бена Гортона...

— Не знаю такой! — решительно покачала головой угрюмая леди.

— Хорошо. Где я могу найти Бена Гортона?

— Где он есть, там и найдешь! Откуда мне знать?

Леди отвернулась, закончив разговор.

— Ну, офис-то у него есть? Штаб-квартира какая-нибудь?

Угрюмая хозяйка занялась своими делами. Демерис чуть не онемел от возмущения.

— Я к вам обращаюсь!

Хозяйка и ухом не повела. Отчаяние от впустую потраченного дня нахлынуло с новой силой. Скоро вечер, он толком ничего не ел со вчерашнего дня, и к тому же начал догадываться, что обратную дорогу в гостиницу ему так просто не найти: ни адреса, ни названия он не спросил... Да и указателей улиц в этом неряшливом лабиринте не было. А эта старая стерва делает вид, будто его здесь нет.

— Господи, что с вами такое? — Демерис повысил голос, свирепея.— Простую вежливость уже отменили? Или с призраками вы перестали быть людьми? Все, что мне надо узнать: где найти вашего чертова мэра? Неужели я прошу слишком много?

Вместо ответа леди отвернулась. Послышались шелестящие, задыхающиеся звуки языка призраков. Так Джилл обращалась к своему «верблюду».

Из-за двери, ведущей в комнату за прилавком, немедленно появился рослый мужчина с таким же лицом, как у хозяйки: плоским и выдубленным до черноты.

— Какого хрена ты орешь на мою мать? — поинтересовался он угрожающим голосом.

— Послушай, я обратился за помощью! Мне нужно найти вашего мэра. Его дочь, Джилл, обещала помочь... Мой брат Том пришел сюда из Свободных земель несколько месяцев назад и пропал. А я в этом городе не могу отличить один дом от другого! — Демерис никак не мог успокоиться.— Зашел сюда, чтобы попросить совета, а вместо этого...

— Ты кричал и ругался.

— Ну... возможно. Если для вас вежливость не обязательна, почему я должен? Всего-то хотел...

— Ты оскорбил мою мать.

— А?.. Ну да!

Усталость, голод и отчаяние выплеснулись наружу. Что за место, где тебе не отвечают, который час? Демерис не заметил, как

оказался с той стороны прилавка, где стоял любящий сын. Кто нанес первый удар, он тоже не понял, но драка началась серьезная. Противник был сильнее, но Демерис разозлился не на шутку. Сжимая горло чужака, он не обращал внимания на крики, хлопанье дверей и беготню вокруг. Как и следовало ожидать, кончилось тем, что его оторвали от аборигена, ухватив за шею и заламывая руки. Пока Демериса прижимали к полу, он еще пытался добраться до ножа на поясе...

В конце концов его выволокли на улицу. Демерису показалось, что над ним завис призрак, но дневной свет слепил, и мысли путались.

— Послушайте, я только хотел...

Лучше было промолчать: его ударили по лицу и пнули в ребра. Над головой раздался смех и слова на языке призраков. По прошествии некоторого времени Демерис осознал, что его везут в каком-то экипаже, связанного по рукам и ногам. Сверху скалилась потная и красная физиономия.

— Куда вы меня везете?

— Я Бен Гортон. Ты ведь хотел видеть Бена Гортона? Ничего не путаю?

Подвальную камеру без окон освещали три тусклые лампы вроде той, что горела в номере гостиницы. Прошло много времени: кажется, целые сутки. Демериса покормили чем-то вроде кашицы из вареных бобов. Сейчас его держали двое, несмотря на связанные руки.

— Развяжите,— приказал Гортон.

Наверное, это Гортон, кто же еще? Рост примерно шесть футов семь дюймов, широкие плечи под стать, тяжелая лысая голова, орлиный нос — и давняя привычка отдавать приказы.

— Мне ни к чему драка,— начал Демерис, растирая запястья, онемевшие от веревок.— Да и не люблю я такого... Просто бывает: одно к другому, одно к другому, а потом терпение лопается.

— Ну да. Ты чуть не убил Бобби Бриджера — это тебе известно? Настал сезон охоты, мистер. В любую секунду призраки выпустят на волю свой зверинец, и зевать будет некогда. Сейчас нам меньше всего нужны грубости. Охота — дело щекотливое. Взаимная вежливость...

— Если бы мать Бриджера была малость повежливее со мной, ничего бы не случилось.

— Кто ты такой и что здесь делаешь? — устало спросил Гортон.

— Меня зовут Ник Демерис. Я живу на Свободных землях.— Он глубоко вздохнул.— Приехал искать младшего брата Тома. Том почему-то не вернулся с энтрады. Думаю, что-то случилось на обратном пути.

— Том Демерис? — Брови Гортона шевельнулись.

— Совершенно верно. В небольшом городке близ границы, уже в зоне, я встретил вашу дочь Джилл. Она предложила ехать вместе с ней. Оставила меня в гостинице и исчезла...

— Погоди,— перебил Гортон, задрав брови.— Моя дочь, говоришь? Джилл?

— Именно так.

— Это интересно. Дочь, стало быть. Дело в том, что у меня нет дочери.

— Нет дочери?

— Никакой. Призраки иногда шутят с людьми. Так, наверное, и вышло.

— Призраки,— повторил Демерис онемевшими губами.— Назвалась вашей дочерью? Ради бога, вы серьезно? Или тоже решили пошутить?

Искренность Демериса, кажется, тронула Гортона. Он прищурился, заморгал и помял пальцами кончик мясистого носа. Ответил не в пример мягче, чем раньше:

— Нет, я с тобой шуток не шучу. Не знаю, призрак она или нет, но никак не моя дочь. Нет у меня дочерей. Что до призраков — они умеют прикинуться кем угодно, если захотят. Бывает такое, и нередко.

— Прикинуться, говорите?

— Да, призраки играют в людей. Сплошь и рядом. Это последний крик моды у них.

«Прикинуться»,— повторял про себя Демерис, кивая. Он начал понимать, что с ним произошло.

— Может, вы хотя бы поможете мне найти брата?

— Нет. Ни я, ни кто-то другой. Том Демерис, говоришь?

— Он самый.

— Мак? — обратился Гортон к одному из своих людей.— Давно Демерис-младший принял свой пятак от призраков?

— В середине июля, думаю.

— Так вот... «Пятак принять» это вроде как продаться,— объяснил Гортон Демерису.— Согласишься, и призраки возьмут тебя на свою планету. У них там клуб для людей устроен. Заведение увеселительное, на широкую ногу. Женщины, роскошь, чего душа пожелает. Только дорожка эта в один конец. Останешься там лабораторной крысой: психологические опыты и многое другое... По крайней мере, призраки нам объясняют именно так. Нет причин не верить: никто еще оттуда не возвращался. Мне очень жаль, парень. Хотел бы тебя обнадежить, но...

Демерис отвел глаза. Опять захотелось чего-нибудь разбить, но он даже не шевельнулся. Братишка, так вот... Братишка.

— Зеленый совсем. Молоко на губах не обсохло,— сказал он.

— Похоже, дома он не был счастлив. В здравом уме никто никогда пятака не примет. Даже и не в здравом — очень, очень редко такое бывает.

Судя по выражению глаз Гортона, «принять пятак» это, по здешним понятиям, сдача всех позиций и предел неуважения к себе. Можно было бы сказать, что все они сдали немало позиций, согласившись жить в зоне; но, выходит, продаваться можно по-разному. По мнению жителей города, Том продался с потрохами. Во взгляде Гортона читались жалость и презрение; Демерис посмотрел в ответ с вызовом. Гортон молчал, не говоря ни слова.

— Хорошо,— нарушил молчание Демерис.— Сделать я ничего не могу. Тогда мне лучше вернуться в Альбукерк.

— Тебе лучше вернуться в гостиницу и не выходить из номера, пока не закончится охота. Пока зверье на свободе, бродить по улицам опасно.

— Да, похоже на правду...

— Мак, отвези парня обратно — туда, где он остановился,— приказал Гортон. Сочувствие в его глазах выглядело совершенно искренним.— Мне действительно жаль,— кивнул он на прощание.

По описанию Демериса Мак легко нашел гостиницу. Плывущему над дорогой фургону потребовалось меньше пятнадцати минут, чтобы добраться до места. Улицы опустели, никаких при-

зраков и очень мало людей. Последние явно торопились спрятаться.

— Пока идет охота, надо сидеть дома,— объяснил Мак.— Некоторые идиоты считают, что для них закон не писан, но кое-кто будет потом раскаиваться. Другие вещи — ладно, но охоту надо оставлять призракам.

— Как я узнаю, что охота началась?

— Поймешь, не беспокойся.

Демерис вышел у гостиницы; фургон развернулся и немедленно исчез. В болезненно легкой голове теснились мысли о Томе. Как он там, на планете призраков? Каково ему в чужом дворце, на чужих шелковых простынях? Тяжело дыша, Демерис стоял на месте и не торопился переступать порог.

— Эй, Ник! Слышишь? Это я!

— Господи...— пробормотал Демерис.

Джилл. Вот она — идет навстречу, улыбается благостно, будто Рождество на дворе. Подошла вплотную, развела руки в стороны, ожидая, что ее обнимут. Никакого призрачного сияния. Демерис отступил на шаг, избегая контакта.

— Я узнал, как оно вышло с братом.— Демерис говорил чужим сдавленным голосом, без выражения.— Он отправился в гости к призракам. Пятак принял.

— Ник? Подожди, Ник!..

— Ты знала. Кто в этом городе мог не знать о парнишке, явившемся со Свободных земель! Призраки купили его не слишком дорого.— Охрипший голос стал деляным.— Твой папа, мэр города, все мне рассказал. И про дочерей, которых у него нет.

Джилл раскраснелась, смутившись. До такой степени по-человечески, что Демерис потерял уверенность: неужели призрак может настолько очеловечиться? И краснеть? Надежда немедленно воскресла, с готовностью предлагая объяснения. Насчет дочери соврала, почему, бог знает,— просто назвалась чужим именем. И тело ее собственное. То самое тело. Демерису очень захотелось, чтобы так оно и было. Гнев и презрение исчезли. Ему бы только убедиться, что та, которую он обнимал две ночи в пустыне, и правда настоящая женщина. В ту же секунду Демериса охватило такое желание, какого он еще не испытывал. Поразительно.

— Еще он сказал, что ты призрак,— сообщил Демерис осторожно.

Если бы Джилл ответила «нет», Демерис поверил бы с готовностью.

— Так и есть. Я призрак.

Ворота надежды захлопнулись. Прямо перед носом.

— Люди не перестают меня удивлять. Уже почти сто лет,— объяснила она безмятежно.— Я не устаю от них. Эмоции, образ мыслей, реакции. За эти годы я не смогла понять людей так, как хотела бы. В конце концов я решила, что этого понимания не достигнуть, если не превратиться в человека.

— Прикинуться,— отозвался Демерис глухо.

— Верно. Прикинуться человеком.

Демерис должен был испытывать бешенство, или отвращение, или хоть что-нибудь — он ведь спал с призраком. Но ему было почти безразлично. То ли все перегорело, то ли он стал выше этого. Призраки здесь хозяева — очень хорошо. Мы их игрушки — отлично. Наверное, никто не в силах отчаиваться бесконечно, решил Демерис. Или ненавидеть бесконечно. Что толку ненавидеть призраков? С тем же успехом можно ненавидеть лавину или землетрясение.

— И мужчиной тоже? Если уж прикидываться, то до конца? А с моим братом, с Томом, ты тоже?..

— Нет. Я видела его всего раз или два.

Демерис немедленно поверил. Теперь он верил каждому ее слову.

Джилл что-то хотела сказать, но не успела. Сверкнула чудовищная молния, и небо раскололось. Странно, что огненный трезубец не расколол и вселенную. За вспышкой последовал не гром, а музыка: небесный и чуждый аккорд, сошедший вниз, как лавина, и поглотивший землю, как океан. Небесный свод заиграл огнями — красными, оранжевыми, фиолетовыми, зелеными.

— Что это?

— Охота начинается,— объяснила Джилл.— Это сигнал.

За молнией и огнями в небе появились тучи крылатых тварей. Похожие на драконов загонщики вместе со своими змееподобными лоцманами затмили полуденное небо. Воздух гудел, сотрясаемый ударами чудовищных крыльев. Ниже, на земле, рык смешивался с ревом; улицы были пусты, но это ненадолго. Над головой Демериса взвились, мерцая, десятки призраков. Послышался топот, и появились не звери, а люди. Плотная толпа неслась по

узкой улице навстречу. Застывшие лица, отчаянные глаза... неужели призраки и на людей охотятся? Может быть, люди спасаются от зверей?

— С дороги! — крикнул один из бегущих.

Демерис отступил, но недостаточно быстро. Его задели; пошатнувшись, он встретился глазами с другим человеком. Во взгляде горело возбуждение, едва ли не безумие — но не страх. Нет, они ни от кого не убегают — они торопятся на охоту! Дожили до самого главного дня в году — вместе с призраками. Интересно, будут только смотреть или примут участие?

— Впереди два или три дня сплошного безумия,— кивнула Джилл.— Вне дома надо быть очень, очень осторожным.

— Постараюсь.

— Слушай! — Из-за топота и воя Джилл пришлось повысить голос.— Теперь ты знаешь — давай держаться вместе! Несмотря на все... Ты мне очень нравишься, Ник.

Демерис глядел на нее, не веря своим ушам.

— Мы что-нибудь придумаем,— продолжала Джилл.— Я уверена.

Прямо над головой пролетела стая крылатых тварей. Воздух рвался, как тугая парусина, рассекаемый крыльями. Небо снова окрасилось в разные цвета.

— Серьезно, Ник, мы можем остаться в городе — только, думаю, ты не захочешь. Тогда я могу поехать за тобой в Свободные земли. Граница для меня не помеха. Внутренне я уже перешла ее. Не буду больше изучать людей со стороны — хочу быть одним из вас.

— Ты с ума сошла?

— Нет! Нисколько, честное слово. Поверь мне. Веришь?

— Мне пора в гостиницу. Во время охоты на свежем воздухе делать нечего,— сказал Демерис рассудительно. Его трясло.

— Что скажешь, Ник? Ответь!

— Мы не можем быть вместе. Ты сама знаешь.

— Но ты хотел бы этого. Внутри тебя есть тот, кто хочет.

— Возможно,— согласился Демерис. Удивительно, как просто, само собой, выговорилось это слово.— Да, часть меня хочет этого, вполне возможно. Но все равно ничего не получится. Здесь, среди призраков, я жить не хочу, а дома... Дома рано или поздно

найдется кто-нибудь догадливый. Тебя раскроют, а меня объявят тем, кто я есть. Нет, на такое я не пойду.

— Это твое окончательное решение?

— Да. Окончательное.

Из-за угла появился крупный зверь. Очень крупный: голова размером с корову и зубы, как пики. Он приближался галопом, а по бокам, почти вплотную, бежали люди — зверь едва не доставал их жуткими челюстями. Сверху вилась стайка призраков, роняющих на свирепую добычу вспышки света. Демерис отступил к дверям гостиницы. Джилл не пыталась его остановить.

На пороге Демерис обернулся. Не глядя на мчавшуюся мимо охоту, Джилл помахала рукой.

Да, конечно. До свидания, Джилл. Демерис помахал рукой в ответ.

В гостинице тоже было неспокойно: вниз по лестнице бежали постояльцы, среди них одна женщина. Демерис узнал: та самая компания, что насмехалась над ним в первый день, в баре. Двое мужчин пробежали мимо, но женщина остановилась, подхватив Демериса под руку.

— Привет, Аблкрики!

Демерис молчал, не зная, что сказать.

Женщина улыбалась шальной улыбкой, глядя ему в лицо. Выглядела она возбужденной и растрепанной, как и те, кто сейчас бегал по улицам.

— Давай, давай! Не сили дома! Это охота! Поворачивай обратно. Ведь там лучше! Самому разве не хочется попробовать?

Демерис опять не нашелся что ответить.

— Пошли! — Женщина потянула его за рукав.— Бери от жизни все! Получишь дракона в качестве трофея!

— Элла! — окликнул ее кто-то из мужчин.

Подмигнув, Элла выбежала на улицу.

Некоторое время Демерис стоял неподвижно. Наверх, в номер, его гнало желание уединиться и отгородиться от этого мира. На улицу его толкало любопытство. После непродолжительной борьбы любопытство победило. Демерис двинулся вслед за женщиной — шаг, другой, третий,— и оказался под открытым небом. Джилл там уже не было, но улица кипела: люди бегали туда-сюда, бессвязно крича и натыкаясь друг на друга.

Над головой же кипел водоворот крылатых тварей. Призраки метали в них молнии; подальше, где-то позади, ревело наземное зверье. Громовой гул и тоскливые, режущие слух вопли. Что это? Демерис решил, что так призраки выражают удовольствие. Подальше к югу в воздух взлетело нечто вроде горы с крыльями, а вокруг вспыхнули безжалостные острые огни. Сверкали они недолго: подобно заходящей луне, добыча нырнула вниз, за горизонт.

В воздухе запахло горелой плотью с необычным соленым привкусом. Нездешняя, неземная кровь.

Едва переставляя ноги, как лунатик, Демерис свернул налево за угол. Чудовище было бы смешным, если бы не было таким жутким: гигантская длиннорылая жаба с мокрой кожей, покрытой мелкими красными язвами. Пасть широкая, с желтыми губами. Жаба смотрела сверху, занимая всю ширину улицы, почти задевая дома. Медленно и неуклюже она приближалась к перекрестку.

Демерис вытащил нож. Какого черта? Если он оказался здесь в сезон охоты, почему бы не присоединиться? Зверь был громадным, но вроде бы не имел ни клыков, ни когтей. Можно подойти сбоку и перерезать горло, вспороть свисающую складками шкуру и поскорее отступить, чтоб не придавило... Даже если на самом деле это опаснее, чем кажется,— плевать!

Подняв нож, Демерис двинулся вперед.

— Эй! — раздался крик из-за спины.— Ты с ума сошел, парень?

Демерис обернулся: с порога гостиницы на него смотрел бармен.

— Эта зверюшка — бурдюк с кислотой. Попробуй распороть — искупаешься.

Жаба рыгнула, а может, хихикнула. Демерис отступил.

— Если хочешь пустить в дело нож, разберись сначала, что собираешься резать,— посоветовал бармен.— Чтобы не ошибиться.

— Да, конечно,— согласился Демерис и спрятал оружие.

На обратном пути он чувствовал, что безумие уходит, как воздух из проколотого шарика. Охота не для него, пусть местные развлекаются, если считают нужным. Если им это нравится. Ему же следует отойти подальше. Напрашиваться на неприятности он не привык.

У входа в гостиницу Демерис задержался. Позади, над перекрестком, что-то сверкнуло: призраки атаковали добычу сверху. Раздался звук, похожий на негромкий вздох, из-за угла потоком хлынула голубоватая жидкость. Заполняя канаву, она шипела и пенилась.

Поежившись, Демерис отвернулся. Постоял и перешагнул порог.

В номере Демерис посидел на краю койки, успокаиваясь. Мысли мало-помалу прояснялись. За окнами шумела охота.

Том ушел, он ушел навсегда — вот к чему предстоит привыкнуть. Ладно. Скверная новость, но неопределенности больше нет. Сейчас горько, потом станет легче.

А вот Джилл...

Прикидывается. Берет в любовники людей. То, что было между ними, ее слова возвращались к Демерису вновь и вновь. Странно, но благодаря пережитому его отношение к призракам изменилось. Не очень сильно, но изменилось.

Как она говорила? «Не буду больше изучать людей со стороны — хочу стать одним из вас».

Туристическое путешествие в род человеческий? Экскурсия в другой вид? Или это надо поднимать по-другому?

Они проявляют слабость, вот что. Понемногу. Ищут небывалых развлечений. Пока. Если так, значит, мы начинаем брать верх. Сначала они вторглись на Землю, теперь мы вторгаемся в них.

Прикидываются? Нет — страстно желают выглядеть как люди, вести себя как люди, чувствовать, как люди, совершать людские глупости. Так они и погибнут: людей куда больше, чем призраков, и чужаки растворятся, рано или поздно. Один за другим они поддадутся соблазну обменять свою отстраненную божественность на сумбурную, неспокойную, противоречивую человеческую натуру.

Пятьсот лет пройдет или тысяча? Земля окончательно впитает пришельцев, и два вида сольются в нечто новое.

Внезапно Демерис увидел происходящее в новом свете, ярком и странном, как огни призраков. Все изменилось. Джилл вовсе не ищет запретных удовольствий от скуки, нет,— она исследователь и первопроходец. Как и Том. В этом они похожи. Демерис догадался так поздно, потому что сам из другого теста.

Надо же, как он недооценивал родного брата. Для домашних — трудный подросток, для Бена Гортона — достойный презрения коллаборационист. Настоящий же Том совсем другой. Всегда был другим, наверное. Энтрада для него не приключение на месяц, но возможность проникнуть в мир призраков достаточно глубоко, чтобы узнать их по-настоящему. Джилл, при всей ее чуждости, такая же. Просто она с той стороны.

Теперь ей нужна помощь. Нужна была все время, с самого начала. У нее не получилось с Томом, и она решила, что брат Тома подойдет. Такой же, как Том, готовый проламывать стены.

Как сильно она ошиблась. Как нехорошо вышло.

Демерис припомнил, какое странное радостное возбуждение вызвала у него на «пропускном пункте» мысль о том, что Джилл может оказаться призраком.

На мгновение это чувство вернулось. Почему бы не взять ее с собой? Соседи ничего не заметят, будем жить счастливо до конца дней своих. Какой-то человек, говорят, однажды женился на русалке. Демерис представил, какие странные истории могла бы рассказывать ему Джилл по ночам. Может, она бы научила его перевоплощаться? Демериса снова бросило в пот.

И снова этот момент быстро прошел.

Все это не для него. Том — другое дело. Но Тома нет, а сам Демерис не родился мечтателем. И первооткрывателем он не родился. Нет, приключения не для него. Строить, планировать, сохранять и защищать — другое дело. Хорошее дело, но не для Джилл.

Вот незадача. Мне очень жаль, Джилл.

Подойдя к окну, Демерис отодвинул полупрозрачную завесу. Охота была в самом разгаре, чудовища бесновались на улице, призраки вихрем клубились в небе. Люди казались безумными или еще хуже: группами и в одиночку они метались по сторонам, уши закладывало от немузыкальных воплей и грохота. Джилл нигде не было видно. Отпустив «занавеску», Демерис лег на кровать и закрыл глаза.

Домой он отправился через три дня, когда охота закончилась и на улицах стало безопасно. Первые несколько кварталов над головой Демериса что-то мерцало, не отставая. Вполне возможно, это был призрак. Может быть, Джилл?

Даст ему еще один шанс, как в прошлый раз?

— Джилл! — Демерис поднял голову к небу.— Это ты?

Ответа не было.

— У нас ничего не выйдет, поверь,— продолжал Демерис, обращаясь к сиянию над головой.— Мне очень жаль, но наверняка не выйдет. Слышишь?

Огонек мигнул. А может, показалось.

— И еще, Джилл. Если это ты, конечно... Спасибо за все! Хочу, чтобы ты знала.— Странно говорить в небо, но Демерису было неважно.— Удачи, слышишь? Удачи тебе, Джилл! Желаю найти то, что ты ищешь!

Огонь над головой вспыхнул и опал, будто вздохнул. Потом исчез.

Демерис некоторое время ждал, глядя из-под руки. Ничего. В последний раз его кольнула мысль об упущенных возможностях. Пустое... Что тут можно сделать? Не в его власти дать Джилл то, что ей нужно. Кто-нибудь другой на его месте — возможно. А он, Демерис, такой, какой есть. Он попытался отойти в сторону от собственной судьбы, теперь пора возвращаться обратно. Чему быть, того не миновать.

Впереди показались пределы города.

Его никто не остановил. Весь обратный путь до западной границы зоны тоже прошел гладко.

Странный свет и морок, отделявшие Свободные земли от зоны, с этой стороны на него не подействовали. Демерис прошел сквозь них не останавливаясь, как сквозь дымку. Он вернулся домой.

Попасть в империю

Малрини все еще спит, когда империя возвращается, как обычно, в середине года — немного опережая расписание. Она должна была появиться в Чикаго днем, 24 июня, где-то между пятью и шестью часами вечера, а сейчас только восемь часов утра, 23 июня, и телефон уже разрывается, и в трубке слышится голос Андерсона:

— Не знаю, почему так вышло, босс, но она уже здесь, возле Ниар-Вест-сайд. Восточная граница проходит вдоль Блу-Айленд-авеню, северная практически достигает шоссе Эйзенхауэра. Дюплесси говорит, что на этот раз она пробудет у нас пятьдесят два часа, плюс-минус девяносто минут.

Спальню Малрини заливает ослепительное летнее солнце, поднявшееся высоко над озером. Он терпеть не может, когда его будят в такое время. Моргая и морщась, он говорит:

— Если Дюплесси ошибся на полтора дня, как он может определить длительность пребывания? Мне иногда кажется, что Дюплесси — это просто мешок с дерьмом. Кстати, что на этот раз? Как выглядят башни на Форуме?

— Одна большая, квадратная, остроконечная, розового цвета, и две поменьше, из темного камня, с золотыми куполами.

— Скорее всего, эпоха Василия Третьего.

— Вам лучше знать, босс. Когда поедем смотреть?

— Сейчас только восемь утра, Стью.

— Господи боже, в нашем распоряжении всего пятьдесят два часа! Другого такого шанса не будет до самого Рождества. Нет, уже пятьдесят один с половиной. У меня все готово, можно ехать.

© Перевод С. Теремязевой.

— Заезжай за мной в половине десятого.

— А если ровно в девять? — с надеждой спросил Андерсон.

— Мне нужно принять душ и одеться, ты не возражаешь? — сказал Малрини.— Половина десятого.

Да, на этот раз эпоха Василия Третьего, несомненно. Прибыла целая столица, которая раскинулась вдоль побережья до самых Стен Артабануса и даже немного дальше Византийского квартала — огромный прекрасный античный город с сотнями дворцов, пятью сотнями храмов и мечетей, зелеными парками и живописными бульварами, сияющими каменными обелисками и ослепительными колоннадами. Каспийское море, омывающее город с одной стороны, плещется возле Южной Блу-Айленд-авеню; с восточной стороны улицы виднеются пирсы и высохшая гавань. Самые длинные из пирсов протянулись вдоль двух зданий на Голубом острове, пересекают Полк и дальше, до самого шоссе Дэн-Райан, где, по-видимому, проходит граница материализации. На этот раз на воде покачиваются несколько рыбачьих лодок и большая императорская ладья; носы судов спокойно качаются на волнах в зоне видимости здесь, в Чикаго, а их корма осталась там, в двенадцатом веке. Линия, по которой проходит граница, хорошо видна, она светится, сияет. Ее можно пересечь, и тогда вы окажетесь на Ниар-Вест-сайд, и с вами ничего не случится. А если захотите, можете перейти на другую сторону границы, через светящуюся линию, и попадете в столицу империи.

С первого взгляда Малрини определяет, что на этот раз к ним пожаловала столица империи двенадцатого века. Две златоглавые башни из черного базальта, указывающие на эпоху Василия Третьего, которые он приказал возвести в честь двадцатой годовщины своего восшествия на престол, хорошо видны над Форумом, они возвышаются по обеим сторонам розовомраморной башни Николая Девятого. Однако на этот раз нигде не видно гигантского шестиугольного собора Всех Святых, который будет возведен по приказу племянника и преемника Василия, Симеона Второго; пока на этом месте находится верблюжий базар. Итак, внимательно рассмотрев здания, Малрини определяет эпоху: примерно от 1150 до 1185 года нашей эры. Хорошая новость, поскольку, во-первых, это период наивысшего расцвета империи, что обещает прекрасные перспективы торгового сотрудничества, и, во-вторых, империя эпохи Василия Третьего появляется чаще

других, поэтому Малрини знает ее столицу как свои пять пальцев. Учитывая все возможные риски, он предпочитает вести бизнес на знакомой территории.

Вдоль линии, разделяющей две эпохи, стоят толпы народа; выпучив глаза от удивления, люди рассматривают средневековый город.

«Можно подумать, что эти болваны видят империю в первый раз»,— ворчит Малрини, когда вместе с Андерсоном садится в лимузин, который направляется к полицейскому кордону. Как обычно, их сопровождает ропот толпы.

Малрини, как глава предприятия, надел элегантную обтягивающую рубашку из зеленого шелка, пояс из алой парчи, бирюзового цвета трико и мягкие кожаные персидские сапоги. На голове у него огромный турецкий тюрбан, на правом бедре болтается длинный кривой кинжал в дорогих серебряных ножнах.

Андерсон, как и положено младшему по чину, одет скромнее: на нем свободная старомодная рубашка из светлого муслина, мешковатые голубые штаны и сандалии; его головной убор — белая шляпа с красной лентой. Ничего страшного — самый обычный наряд купца и его помощника, однако на улицах современного Чикаго они вызывают всеобщее оживление.

Дюплесси, Шмидт и Куликовски уже стоят возле полицейского кордона, о чем-то болтая с копами. На Шмидте короткая шерстяная рубашка, в каких ходят носильщики; ему предстоит тащить на себе груз — два объемистых мешка из джутовой ткани. Дюплесси и Куликовски переодеваться не стали. Они не пойдут на ту сторону. Они — торговцы антиквариатом; их работа — заниматься товаром, который Малрини и его помощники доставляют из империи. Они еще ни разу не совали нос за линию разделения.

Как обычно, Дюплесси нервничает и суетится и каждые десять секунд поглядывает на часы.

— Наконец-то, Майк,— говорит он Малрини.— Часы все тикают и тикают.

— Так быстро, что империя появилась у нас на полтора дня раньше обычного? — хмуро отвечает Малрини.— Ошибка в расчетах?

— Бог с тобой, приятель! Время появления точно вычислить невозможно, и ты это прекрасно знаешь. Приходится учитывать

массу всевозможных факторов. Процесс прохождения линии равноденствия — с учетом положения звезд, проблему топографического смещения... слушай, Майк, я делаю все возможное. Империя появляется каждые полгода, плюс-минус пара дней — это все, что мы можем вычислить. Как я могу сказать все точно, когда...

— А как насчет того, чтобы сказать, когда она исчезнет? Ты и здесь собираешься ошибиться на пару деньков?

— Нет,— отвечает Дюплесси.— Нет. Мой расчет точен: империя пробудет у нас два дня. Слушай, Майк, не волнуйся. Спокойно входи, делай, что тебе нужно, и завтра днем возвращайся. Ты брюзжишь, потому что не любишь рано вставать.

— Хватит, вам пора,— говорит Куликовски.— Вэксман и Гросс ушли уже час назад. Дэвидсон будет переходить возле Рузвельта, а вон идет и Макнил.

Малрини кивает. Да, конкуренты лезут со всех сторон. Империя стоит уже два часа; вероятно, большинство лицензированных торговцев уже там. А впрочем, какого черта? Времени хватит на все.

— Деньги не перепутал? — спрашивает он.

Куликовски протягивает ему бархатный кошелек, в котором позвякивают монеты — деньги, которые устраивают и ту и другую стороны. Малрини высыпает на ладонь несколько монеток. С их гладкой золотой поверхности на него смотрит широкое, с большим носом, лицо императора Василия. В кошельке лежит еще пара серебряных монеток эпохи Казимира и несколько тяжелых сестерциев, на которых виден профиль императрицы Юлианы.

Куликовски нетерпеливо говорит:

— Ты думаешь, я способен перепутать монеты? Здесь все правильно — ни одной позднее эпохи Василия Третьего. И ни одной ранее эпохи Пелопоннесской династии.

Плата фальшивыми или, согласно императорскому указу, вышедшими из употребления деньгами считается в империи серьезным преступлением, за которое карают увечьем в первый раз и смертью — во второй. Естественно, вопрос о том, чтобы пускать в ход монеты с изображением еще не родившегося императора, даже не обсуждается. Это было бы не только глупо, но и опасно.

— Давай, Майк,— говорит Дюплесси.— Мы теряем время. Тебе пора идти.

— Так сколько, ты говоришь, я могу там пробыть?

— Почти до вечера завтрашнего дня.

— Так долго? Ты уверен?

— А ты думаешь, я что-нибудь выиграю, если ты оттуда не выберешься? — говорит Дюплесси.— Верь мне. Если я сказал, до вечера, значит, до вечера. Ну все, иди. Да пойдешь ты, бога ради, или нет?

Малрини нет необходимости предъявлять свою лицензию. Полицейские знают всех торговцев с империей. Всего два десятка человек точно знают, как вести себя за «линией»,— знают язык и традиции жителей империи, правила торговых сделок в средневековой стране, понимают степень риска при пересечении «линии». А он велик, этот риск, поскольку далеко не все торговцы возвращаются назад. Официальные власти империи относятся к торговцам из Чикаго как к колдунам, а расплата за колдовство — смертная казнь, поэтому, если хочешь вести бизнес, держи ухо востро. Не стоит забывать и о возможности подцепить какую-нибудь старинную болезнь, которой уже нет в наше время и никто не знает, как ее лечить, а также возможности перепутать время и остаться в империи, когда она возвращается в свою эпоху. Есть много и других, один-на-тысячу, вариантов, которые могут причинить массу неприятностей, поэтому, чтобы успешно вести дела за «линией», нужно обладать знаниями, достойными профессора колледжа, плюс наглостью грабителя банков.

Если верить Куликовски, то сегодня в империю лучше всего зайти со стороны Голубого острова и Тейлора. Столица империи висит над улицами Чикаго на высоте всего четырех футов, и Куликовски притащил доску, чтобы использовать ее в качестве мостика. Малрини идет впереди, за ним шагает Андерсон, позади всех тащится с мешками Шмидт. Когда они пересекают зловещую светящуюся желтую линию, Малрини оглядывается назад, на Дюплесси и Куликовски, которые уже исчезают в дымке. Он усмехается, подмигивает им и показывает поднятый вверх большой палец. Еще несколько шагов — и Чикаго исчезает; позади ничего не видно, кроме золотистого мерцания, впереди маячит полупрозрачная дымка — это значит, что они подходят к зо-

не материализации. Все, теперь они находятся на имперской территории: на другом конце планеты и в девяти веках от своего времени; они входят в сверкающую столицу могущественной империи, великого соперника византийцев и турок, сражавшихся за властвование над миром.

— Ну и работенка,— бормочет про себя Малрини.

Сегодня — туда, завтра — обратно; приз — от десяти до двадцати миллионов баксов за бесценные сокровища, которые они купят и вынесут в своих мешках.

Императорская барка — во всяком случае, ее борт — находится слева, когда они входят на территорию империи. На борту видны королевский крест и надпись, славящая величие императора. Повернувшись спиной к «линии», вдоль борта прогуливаются суровые болгарские стражники, личная охрана императора. Так, видимо, что-то случилось. Это плохо. Стражники бросают на Малрини и его спутников угрюмые взгляды.

— Чертовы недоделки,— бормочет Андерсон.— С ними не договоришься.

— Не обращай внимания. Им так положено,— отвечает Малрини.— Будем вести себя тихо, и все будет о`кей.

Вести себя тихо означает не забывать, что ты мирный торговец из далекой страны, который случайно оказался здесь и знать ничего не знает. И ни малейшего признака страха или смущения.

— Все-таки держи поближе пистолет, на всякий случай.

— Ладно.

Андерсон сует руку под рубашку. Он и Шмидт вооружены. Малрини безоружен. Он никогда не берет с собой оружия.

Кажется, им все же удастся тихо пройти мимо стражников. Болгары — люди дикие и непредсказуемые, но Малрини знает, что никто в империи не захочет навлечь на себя беду в такое время, когда на небе сияет странная золотая полоса, даже болгарские стражники, ведь даже они знают, что когда появляется золотая полоса и все вокруг исчезает в дымке, наступает время колдунов. Так продолжается уже более восьмисот лет, поэтому каждый житель империи знает, что колдуном может оказаться любой случайный прохожий, который вполне может наслать на тебя могущественное заклинание. Такое уже случалось.

Для Малрини это уже двадцать пятый переход — вообще-то говоря, он их не считает, однако не пропускает ни одного появления империи; лицензию он получил около десяти лет назад и отлично знает город, как и все подобные ему торговцы. Широкий бульвар, который тянется вдоль берега параллельно верфям,— это улица Восточного Солнца, выходящая на Таможенную площадь, откуда лучами расходятся еще пять улиц: улица Персов, улица Турок, улица Римлян, улица Иудеев и улица Воров. На улице Иудеев никаких иудеев нет, их вообще нет в городе с тех пор, как вышел эдикт Тиародеса Седьмого, однако лучшие кузнецы, ювелиры и резчики по кости держат свои лавки именно между улицами Иудеев и Воров; вот там Малрини и устроил свою штаб-квартиру.

На Таможенной площади — самом просторном месте народных сборищ — гуляют толпы народа. Малрини слышит разноязыкую речь. Официальный язык империи — греческий, но в толпе слышится и латынь, и персидский, и турецкий, и арабский, и славянский, и даже что-то похожее на шведский. Никого не волнует сияющая на небе полоса. Все давно привыкли к этому явлению и знают, что оно временное: когда небо окрашивается в золотистые тона и столица переносится в страну колдунов, нужно просто сидеть и ждать, когда все вернется на круги своя, что и происходит.

Малрини, Андерсон и Шмидт тихо входят в город, стараясь казаться незаметными так, чтобы никто не заметил, что они стараются выглядеть незаметными, и обходят Таможенную площадь со стороны улицы Иудеев. Прошлый раз, когда они были здесь во время царствования Василия Третьего, совсем недалеко от площади стояла очень даже неплохая гостиница, и хотя сейчас неизвестно, сколько времени прошло здесь с их последнего визита, весьма вероятно, что гостиница все еще там. В мире Средневековья время движется медленно, за исключением тех случаев, когда к городу приближается чье-нибудь войско и все начинает бурлить; однако в ближайшие двести лет этого не случится.

Гостиница на месте, как он и предполагал. Не «Риц-Карлтон», конечно; это большой сарай, где первый этаж отведен под конюшню для лошадей, верблюдов и ослов, на которых приезжают постояльцы; наверху находятся комнаты для гостей — вереница маленьких квадратных чуланчиков с жесткими матрасами.

брошенными прямо на каменный пол, и крошечными оконцами со стеклами, сквозь которые даже можно что-то увидеть. Никакой роскоши, никаких особых удобств, но везде чисто, прибрано, имеется очень приличное отхожее место и весьма незначительная популяция тараканов и клопов. Со стороны базара доносится приятный аромат специй — имбиря, мускусного ореха, корицы и аниса; иногда ветер доносит запах опиума или гашиша и волнами распространяет его по дому, забивая другие, менее пряные ароматы. Малрини нравится эта гостиница. Во всяком случае, на одну ночь сойдет.

У нее новый хозяин — рыжеволосый одноглазый грек; ухмыльнувшись, он говорит Малрини:

— Приехали торговать с колдунами?

— Что? — с невинным видом переспрашивает Малрини.

— Не притворяйся, что не понимаешь, брат. Как по-твоему, что за огненное кольцо висит у нас над городом? Ведьмины дела, не иначе. А куда, по-твоему, делись и Восточное море, и Генуэзский квартал, и Персидский город, и все, что лежит за городскими стенами? Пришло время колдунов, друг мой!

— В самом деле? — говорит Малрини, не проявляя ни малейшего интереса.— Я не знал. Мы приехали торговать горшками и сковородками и, может быть, посмотреть ваши мечи и кинжалы.

В свой греческий он вплетает явный деревенский акцент, чтобы показать, что слишком прост, чтобы быть колдуном.

Однако отделаться от грека не так-то просто.

— Дай мне одну из твоих металлических трубок, через которую видно то, что находится далеко,— говорит он, слегка передергивая широкими плечами,— и я отдам в ваше распоряжение лучшие комнаты, да еще и кормить буду целых три недели.

Очевидно, он имеет в виду бинокль. Зачем он ему, непонятно. Широко улыбнувшись, Малрини говорит:

— Горшки, мой добрый брат, или сковородки, бери сколько хочешь. Но чудесную трубку я тебе дать не могу. Это не наш товар, брат.

Единственный голубой глаз, налившись кровью, смотрит на Малрини в упор.

— А нож со множеством лезвий — ваш товар? А металлическая огненная коробка? А фляга с дьявольским напитком?

— Говорю тебе, мы не колдуны,— смиренно повторяет Малрини, проявляя, однако, признаки раздражения. Затем переступает с ноги на ногу, как делают многие деревенские жители — Мы просто скромные торговцы, приехали к вам подзаработать и, если здесь ничего не получится, поедем в другое место.

Он поворачивается, делая вид, что хочет уйти. Хозяин сразу идет на попятный, и за три сестерция Малрини договаривается о ночлеге, трех комнатах и завтраке, состоящем из черного хлеба, вяленой ягнятины и пива.

С печалью в голосе хозяин говорит:

— А я-то думал, что встретил колдунов, которые и мне дали бы разные чудесные вещи, какие есть у нашего правителя.

— Ты просто вбил себе в голову, что мы колдуны,— говорит ему Малрини, поднимаясь по лестнице.— А мы всего-то приехали товар продать, и штук дьявольских у нас никаких нет.

Верит ли ему хозяин? Кто знает? Все страстно хотят обладать вещами, какие есть у колдунов, но позволить себе их могут только самые богатые. В единственном глазу грека светится сомнение и жадность.

Но Малрини сказал ему чистую правду: он не колдун, а просто купец, приехавший издалека. И все же колдуны здесь явно поработали. Иначе чем же, как не черной магией, думает Малрини, объяснить перемещения столицы империи во времени? Он знает, что эти перемещения происходят уже давно, столько, сколько существует сама столица. Да он сам, перейдя через «линию», как-то раз попал в эпоху первого правителя Миклоша, а было это в четвертом веке нашей эры: он бывал в империи и в период правления Картуфа Несчастного, в 1412 году, незадолго до нападения на империю татаро-монголов. Для жителей Чикаго эти перемещения — всего лишь занятная диковинка, но для средневековых людей перемещение во времени и пространстве — целое событие. Малрини представляет себе, как один из местных колдунов когда-то давным-давно накладывает заклятие на город, вероятно, в целях какого-нибудь эксперимента, тем самым вызывая бесконечное перемещение во времени, с которым уже и сам не знает, что делать.

— Половина одиннадцатого,— объявляет Малрини.

В империи, скорее всего, уже полдень — солнце стоит точно над головой, сияя сквозь золотистую дымку в небе; тем не менее

они будут придерживаться чикагского времени. Так им проще. Если Дюплесси не ошибся, город должен исчезнуть около одиннадцати часов утра, в четверг. Малрини хочет оставить запас — часов двенадцать-четырнадцать, то есть вернуться в Чикаго к семи часам или в ночь на среду.

— Пора за работу,— говорит он.

Первая остановка — в лавке ювелира на улице Иудеев; лавка принадлежит турецкому семейству, где все носят фамилию Сулейман. Малрини давно ведет с ними дела, по меркам империи — около ста лет. Свою первую сделку он совершил с Мехметом Сулейманом, еще во времена правления Василия Третьего; потом торговал с внуком Мехмета, Ахметом, который содержал лавку за пятьдесят лет до правления императора Полифемаса, потом с сыном Ахмета — Али, затем с внуком Али по имени Мехмет, в период правления Симеона Второго. Малрини изо всех сил старается ничем не выдать своего странного появления в разное время, но Сулейманов это, кажется, не интересует. Им нужно одно — прибыль, которую они могут получить от торговли с иноземным купцом. Каждая их встреча — столкновение поистине общих интересов.

Дверь открывает незнакомый человек, который смотрит на Малрини равнодушным взглядом. Все Сулейманы выглядят более или менее одинаково — стройные, смуглые, с орлиным носом и пышными усами; Малрини не может вспомнить, кто перед ним. На вид лет тридцать, похож на всех Сулейманов. В ходе беседы выясняется, что это, кажется, первый Мехмет или его сын Али; значит, он попал к первым Сулейманам, то есть в период правления Василия. Ювелир, однако, его не узнает — очевидно, они еще не встречались. Иначе говоря, перед ним совершенно незнакомый человек. Ну что ж, когда постоянно перемещаешься во времени, возникают различные нестыковки.

Придется как-то выкручиваться. Нужно решать, что делать: рассказать турку все как есть или уйти и попытать счастья в другом, более безопасном месте. Тут как повезет, поскольку всегда есть риск того, что человек решит, что сдать чужака полиции как колдуна выгоднее, чем вести с ним дело. Однако Сулеймаиы всегда отличались сообразительностью, и Малрини не видит причин не доверять очередному представителю славного семейства.

Итак, он делает глубокий вздох, вежливо говорит «салам» и переходит на классический греческий:

— Меня зовут Малрини, я приехал из Чикаго и привез сокровища, которые имею честь предложить своему другу и бесценному покровителю Сулейману.

Наступает самый опасный момент. Он внимательно вглядывается в лицо Сулеймана.

Внезапно на лице турка появляется дружеская улыбка; несомненно, он уже начал подсчитывать барыш: для торговца наступает момент истинного удовольствия. Ювелир приглашает его зайти в лавку; внутри темно и пахнет затхлостью, единственное освещение — две внушительного вида восковые свечи. За Малрини в лавку входят Андерсон и Шмидт, который тщательно закрывает дверь на засов. Сулейман щелкает пальцами, и из тени внезапно появляется маленький мальчик лет десяти, который с серьезным видом подает гостям расписную бутыль и четыре небольшие хрустальные чаши, которые ювелир наполняет каким-то желтовато-зеленым напитком.

— Мой покойный отец часто рассказывал о тебе, о Малрини, а ему рассказывал его отец. Я счастлив, что ты вернулся. Я Селим, сын Али.

Если Али уже умер, значит, они попали в последние годы долгого царствования Василия Третьего. Маленький мальчик — это, скорее всего, второй из Мехметов, которого Малрини встретит через двадцать или тридцать лет, когда пересечет «линию» и попадет в эпоху императора Симеона. От этого Малрини делается немного не по себе, поскольку ему известно, что под старость император выжил из ума, превратившись в деспота, и в стране начали происходить весьма неприятные вещи. Да черт с ним! Они не собираются заглядывать в императорский дворец, чтобы попить чайку.

Прежде чем начать переговоры и приступить к торговле, нужно совершить обязательный ритуал, включающий распитие огненного бренди и неспешную беседу на отвлеченные темы. Селим Сулейман вежливо справляется о здоровье правителя страны, откуда прибыл Малрини, и спрашивает, не нарушали ли за последние годы ее границы орды варваров. Малрини отвечает, что с Чикаго все в порядке, а мэр чувствует себя превосходно.

Затем выражает надежду, что доблестная армия императора разгромит всех врагов в тех землях, где в настоящее время проходит военная кампания. Беседа все длится и длится, ей нет конца. Малрини умеет быть терпеливым. С этими людьми спешить нельзя. Наконец Сулейман произносит:

— А теперь покажи мне, что ты привез.

На этот счет у Малрини свой ритуал. Шмидт флегматично развязывает один из мешков и показывает его содержимое; Малрини что-то говорит по-английски Андерсону, и тот начинает раскладывать перед Сулейманом привезенные вещи.

Сначала появляются пять швейцарских армейских ножей. Затем — парочка прекрасных биноклей фирмы «Бош энд Ломб» и три банки кока-колы.

— Хорошо,— говорит Малрини,— держи их так.

Он ждет. Сулейман открывает ящик под столом и достает оттуда чудный охотничий рог из слоновой кости с серебряной отделкой, на которой искусно вырезаны изображения собак, оленей и охотников. Он держит рог на ладони и улыбается.

— Еще две колы,— говорит Малрини.— И три бутылки «Джорджо».

Улыбка Сулеймана становится шире. Но рог он не отдает.

— Две зажигалки,— говорит Малрини.

Но даже этого еще не достаточно. Наступает напряженная тишина.

— Убери один нож и достань шесть шариковых ручек.

Удаление одного ножа означает, что Малрини назвал свою окончательную цену. Сулейман это понимает. Он берет один из биноклей, вертит его в руках, разглядывает стекла. Малрини знает, что бинокли — один из самых популярных товаров в империи, где их называют «волшебными трубками, приближающими предметы, которые далеко».

— Еще один? — говорит Сулейман.

— Вместо двух ножей — согласен.

— Беру,— говорит Сулейман.

Наступает очередь турка. Он протягивает Малрини изумительный кулон, украшенный золотой филигранью с вкраплениями эмали, предлагая полюбоваться изысканным украшением. Тот приказывает Андерсону вынуть из мешка «Шанель № 5», бу-

тылку «Чайвса», еще два бинокля и пакетик швейных игл. Сулейману все это нравится, но и только.

— Добавь еще компас,— командует Малрини.

Сулейман еще ни разу в жизни не видел компаса. Он осторожно трогает гладкое стекло и спрашивает:

— Что это такое?

Малрини показывает на стрелку.

— Она показывает на север. А теперь повернись к двери. Видишь? Стрелка все равно показывает на север.

Ювелир мгновенно схватывает принцип, как мгновенно понимает и коммерческую цену предмета, столь необходимого для всех моряков. Его глаза загораются, и он говорит:

— Еще один такой, и я согласен.

— Увы,— отвечает Малрини.— Компасы — большая редкость. У меня есть только один.

И делает знак Андерсону убирать вещи в мешок.

Но Сулейман с усмешкой отталкивает руку Малрини, когда тот тянется за компасом.

— Хорошо, мне достаточно только этого,— говорит он.— Забирай кулон.— Затем придвигается к Малрини.— Эта штука, что указывает на север,— волшебная?

— Вовсе нет. Просто действие закона природы.

— Ах, ну да. Конечно. Ты еще привезешь таких?

— В следующий раз,— обещает Малрини.

Они уходят после того, как Сулейман, как полагается после завершения торговой сделки, угощает их чаем со специями. Малрини не любит ограничиваться одной лавкой. Он идет дальше в поисках места, которое, как он помнит, находится где-то на пересечении Багдадской дороги и улицы Воров; там живет торговец драгоценными камнями, но его дома Малрини не находит. Вместо него он видит нечто лучшее — лавку персидского ювелира, золотых дел мастера, где осторожно рассказывает — после изрядной порции бренди и долгой беседы,— что прибыл по торговым делам из далекой страны. Встретив полное понимание, он обменивает несколько швейцарских ножей, биноклей, флаконичков с духами, бутылку «Джека Дэниелса» и пару роликовых коньков на потрясающее золотое ожерелье с жемчужинами,

аметистами и изумрудами. И даже после этого ювелир чувствует некоторую вину за не совсем, с его точки зрения, равноценный обмен и, пока они, как полагаются, пьют чай, предлагает в награду еще пару серег с большими рубинами.

— Приходи ко мне в следующий раз,— настоятельно просит он.— У меня будут еще более красивые вещи, сам увидишь!

— А мы привезем тебе прекрасный секатор,— говорит ему Малрини.— А может быть, еще и швейную машинку, или даже две.

— Буду ждать с нетерпением,— горячо отвечает перс, когда понимает, о чем говорит Малрини.— Я давно мечтаю о таких чудесных вещах!

Его искренняя жадность очевидна, но это хорошо. Малрини всегда рассчитывает на здоровый интерес базарных торговцев и жадность местных аристократов, которым купцы продают товар, купленный у колдунов из какого-то Чикаго,— это помогает ему лишний раз не рисковать собственной головой. Колдовство здесь — тяжкий грех, однако стремление торговцев из всего извлекать выгоду вкупе с неутолимой страстью богатеев к таким экзотическим игрушкам, как швейцарские армейские ножи и зажигалки, заставляет всех закрывать на закон глаза. Ну, почти всех.

Когда они выходят из персидской лавки, Шмидт говорит:

— Смотрите, это не наш хозяин там стоит?

— Вот сукин сын,— ворчит Малрини.— Да нет, вроде не он.

Он смотрит в ту сторону, куда показывает Шмидт, и видит крепкого рыжеволосого мужчину, спешащего в противоположном направлении. Меньше всего ему сейчас хочется, чтобы хозяин гостиницы видел, как торговцы горшками и сковородками выходят из лавки ювелира. Однако рыжие волосы — не такая уж редкость в этом городе, к тому же хозяин сейчас наверняка занят, распекая какую-нибудь служанку. И все же Малрини приказывает Шмидту проследить за тем человеком.

Они идут по улице Воров, проходят Амозиасские бани и Священный обелиск и входят в квартал астрологов и предсказателей. Там они заходят в лавку, где продают жареное мясо на палочках, и завтракают, после чего возвращаются на базар. После нескольких неудачных попыток Малрини все же удается найти дорогу к лавке книготорговца, где, как он помнит, бритоголовые

византийские писцы трудятся над роскошными рукописными текстами, которые затем продают знати. Здесь редко продают готовые вещи, но во время своих прелыдущих «заходов» Малрини смог уговорить писцов продать ему заказанные вельможами и уже готовые книги; он хочет попытать счастья и на этот раз. Из лавки он выходит, держа в руках роскошно изданный, в пергаментном переплете, том «Илиады», инкрустированный эбеновым деревом, золотом и тремя рядами рубинов, который он получил в обмен на оставшиеся ножи, кока-колу, зажигалки, очки от солнца и виски, а также еще один компас. Похоже, что этот «заход» у них получился на славу.

— Нужно было прихватить больше компасов,— говорит Андерсон, когда они отходят от лавки и оглядываются, решая, куда бы еще зайти, прежде чем возвращаться в гостиницу.— Места занимают немного, а ценятся будь здоров.

— В следующий раз,— говорит Малрини.— Согласен: компасы — товар что надо.

— Что-то я никак не врубаюсь в ваш бизнес,— задумчиво говорит Шмидт. Это его третий переход через «линию».— Как эти люди могут менять свои сказочные музейные ценности на карманные ножики и банки колы? Держу пари, от пакетика чипсов у них вообще крыша поедет.

— Но ведь для них это вовсе не музейные ценности,— говорит Малрини.— Это просто предметы роскоши, которые они продают и покупают. Взгляни с их точки зрения. Мы приходим к ним с мешком чудесных вещей, которых у них не будет еще много сотен лет. Пять сотен, точнее. Пополнить свои запасы золота и изумрудов они могут всегда, равно как и изготовить хоть десяток новых ожерелий. А где им взять бинокли, как не у нас? А кола, может быть, кажется им амброзией. Так что все справедливо — они делают свой бизнес, а мы свой, и... эй, смотрите-ка!

С другой стороны улицы им отчаянно машет приземистый бородач с грубыми чертами лица. На нем свободное парчовое одеяние, несколько похожее на сутану архиепископа, и пышная зеленая тиара, какие носит высшая знать, однако лицо, виднеющееся из-под тиары, выдает уроженца Милуоки. За человеком в тиаре стоит другой, в одежде носильщика; через плечо у него переброшен ремень тяжелой сумки.

— Эй, Лео! — окликает его Малрини.— Как дела? Это Лео Вэксман,— объясняет он Шмидту.— Когда-то таскал за мной мешки, лет пять или шесть назад. Теперь сам стал торговцем.— И громко позвал: — Иди к нам, Лео! Я тебя со своими познакомлю.

Вэксман подходит к ним и прижимает палец к губам.

— Не по-английски, Майк,— тихо просит он.— Поговорим на греческом, идет? И не надо орать на всю улицу.

Он бросает осторожный взгляд в сторону, где, прислонившись к стене мечети, стоят два вездесущих болгарских стражника.

— Что-то случилось? — спрашивает Малрини.

— Случилось. Разве ты не знаешь? Говорят, что император приказал начать облавы. Он только что велел своим стражникам хватать всякого, кто будет торговать с колдунами.

— Ты уверен? Зачем ему нужно раскачивать лодку?

— Так ведь он из ума выжил, ты что, забыл? Может быть, сегодня утром старик проснулся и решил, что настала пора проверить, как исполняются его идиотские законы. Лично я провернул несколько отличных сделок и собираюсь сматываться.

— Валяй,— говорит Малрини.— Если хочешь. Я пока остаюсь. Пусть император поступает, как хочет, кому какое дело? В этом городе слишком много людей делают на нас большие деньги.

— Так ты остаешься?

— Да. До завтрашнего вечера. У меня еще остались дела.

— Как хочешь,— говорит Вэксман.— Желаю удачи. Что до меня, то уже сегодня я собираюсь обедать у Чарли Троттера, и пошла эта империя ко всем чертям! С меня хватит, спасибо. Ну, я пошел, а то опоздаю на последний автобус до Петли[1].

Вэксман посылает Малрини воздушный поцелуй, кивает своему носильщику и уходит.

— Мы в самом деле остаемся? — спрашивает Шмидт, глядя вслед Вэксману.

Малрини бросает на него презрительный взгляд.

— У нас еще полтора мешка нераспроданного товара.

— Но если Вэксман считает, что...

---

[1] Петля (*англ.* Loop) — название центрального, делового района Чикаго.

— У Вэксмана цыплячья душа,— говорит Малрини.— Слушай, если бы у них было так строго с законом, нас бы уже давно изловили. Пойди на базар и спроси торговцев, откуда у них швейцарские ножи, а потом лупи их палками по пяткам, чтобы они признались. Они ничего не скажут. Кто, находясь в здравом уме, откроет тайну, где он достает волшебные вещи?

— Да, но император выжил из ума,— напоминает Андерсон.

— Ну и что? Остальные-то не выжили. Пусть Вэксман бежит, если ему так страшно. Мы закончим свои дела и только тогда вернемся — завтра, как договаривались. Я вижу, вам обоим домой захотелось. Пожалуйста, идите, но учтите: это будет ваш последний «заход».

Для Малрини это дело чести: извлекать максимум прибыли из каждого «захода», даже если это связано с огромным риском. Он давно уже стал богачом даже на тех двенадцати с половиной процентах, которые получает от Дюплесси и Куликовски после того, как сдает им привезенные артефакты, и тем не менее он не собирается сворачивать дела только потому, что Лео Вэксман ударился в панику, наслушавшись дурацких разговоров. Лео всегда был трусом. Риск остался, но ничуть не возрос, это ясно. Что делать, работа у них такая. Ничего, в крайнем случае, купцы его защитят. Это же в их интересах — не рубить курицу, несущую золотые яйца.

Когда они возвращаются в гостиницу, хозяин угодливо улыбается из своего закутка возле конюшни.

— Ну как, много продали горшков?

— Много,— отвечает Малрини.

В одиноком глазу появляется алчный блеск.

— Послушай, а мне ты не хочешь продать одну из своих вещиц? Я дам тебе много девушек, бочку отличного вина, я дам тебе все, что ты хочешь, только продай мне какую-нибудь волшебную штучку. Ты меня понимаешь?

— Бог свидетель, мы простые торговцы, и хватит с меня этих глупостей! — отвечает Малрини, делая вид, что от гнева путает слова.— Что тебе от нас нужно? Хочешь обвинить в колдовстве невинных людей?

Хозяин театральным жестом всплескивает руками, но Малрини прерывает его:

— Богом клянусь, я на тебя пожалуюсь, если ты не перестанешь к нам приставать! Я тебя по судам затаскаю! Я скажу, что

ты намеренно поселил у себя людей, которых считаешь колдунами, в надежде обучиться у них черной магии! Да я... я...

Он замолкает, тяжело дыша. Хозяин, пятясь, выходит из комнаты, униженно умоляя простить его, и обещает больше никогда не заводить разговор на эту тему. Может быть, почтенные торговцы хотят немного развлечься? За разумную плату? Да, хотят. За одну серебряную монету размером с десятицентовик Малрини получает роскошный обед, состоящий из яблок, фиников, дыни, жареной рыбы, жареного ягненка, фаршированного голубями и артишоками, кувшин острого на вкус критского вина, а также трех черкесских танцовщиц, которым приказано прислуживать гостям во время обеда и исполнять их желания после. Уже совсем поздно, когда Малрини отправляется спать, и очень рано, когда в его комнату врывается полдесятка дюжих болгарских стражников.

Выходит, хозяин их все-таки сдал. Возможно, он выследил их на базаре, когда они переходили из лавки в лавку. Умирая от желания заполучить хотя бы один швейцарский нож или хоть один глоток «Курвуазье», он просто свистнул стражникам, тем самым отомстив обидчикам.

Андерсона и Шмидта нигде не видно. Наверное, услышав шум драки, они успели выскочить в окно, спустились по водосточной трубе и в настоящий момент во весь дух бегут к светящейся линии, за которой лежит Чикаго. Тогда как Малрини ждет камера в одном из подземелий императорского дворца.

Он не успевает как следует рассмотреть дворец, замечает лишь белые мраморные стены с медальонами из оникса и порфира, изящные высокие башни с множеством узких окошек, два просторных двора, усаженных ровными рядами кустов, и бассейны с кристально чистой водой, узкие, как кинжалы.

Потом ему на голову натягивают толстый вонючий мешок, и долгое время он ничего не видит. Его тащат по какому-то длинному коридору. Слышится звук тяжелой распахиваемой двери; затем его, как мешок с картошкой, со всего размаху швыряют на каменный пол.

Малрини чувствует странное спокойствие. Конечно, он в ярости, но какой смысл яриться без толку? Он слишком расстроен, чтобы позволить себе расстраиваться. Его уже списали, и он это знает, и это приводит его в ярость, но что он может сделать.

как спастись? Скорее всего, он будет сожжен на костре, а может быть — если ему повезет,— его обезглавят; во всяком случае, что бы они ни придумали, умрет он только один раз. В этом городе нет адвоката, который бы его вытащил, и нет суда, в который можно было бы обратиться. Теперь его может спасти лишь чудо. Больше всего на свете он жалеет об одном: что такой дурак, как Вэкман, сидит себе спокойно дома, в Чикаго, а он нет.

Он лежит на полу, кажется, уже несколько часов. Когда ему связывали руки, то забрали у него часы; впрочем, из-за мешка на голове взглянуть на них все равно невозможно, однако он знает, что день уже клонится к вечеру, и через несколько часов линия материализации, проходящая между империей и Чикаго, исчезнет. Так что даже если его и не казнят, он останется здесь — самая печальная судьба, которая может постигнуть торговца из Чикаго. Веревки, которыми связаны его запястья, так въелись в кожу, что она начинает саднить; Малрини душно, от этой духоты его начинает подташнивать, лицо покрывается липким потом.

Через некоторое время он впадает в тяжелую дремоту и даже засыпает. Затем внезапно просыпается; мысли путаются, он не сразу понимает, где находится, его слегка знобит, он умирает от голода; по его подсчетам, он находится в подвале уже от двенадцати до восемнадцати часов, а возможно, и дольше. Разумеется, линия уже исчезла. Он остался в империи. Остался. Ты чертов идиот, говорит он себе.

Наконец слышатся шаги. Люди. Много людей.

Его ставят на ноги, сдергивают с головы мешок, развязывают руки. Он находится в большой квадратной каменной комнате с высоким потолком, окон в ней нет. С двух сторон от него стоят стражники в костюмах, как из книги «Тысяча и одна ночь»: золотые тюрбаны, просторные алые шаровары, пурпурные шелковые пояса, легкие зеленые рубашки с турнюрами. У каждого — огромный ятаган, которым можно убить даже быка. Прямо перед ним сидят три старика в темно-красных халатах — это судьи.

Ему дали поесть — кусок черствого хлеба и миску жидкой каши. Он набрасывается на еду, как породистый поросенок. Затем один из стариков тычет его в живот деревянной палкой и вопрошает:

— Откуда ты?

— Из Ирландии,— быстро отвечает Малрини.

Возможно, об Ирландии здесь знают не больше, чем о Марсе.

— Говори со мной на языке своей страны,— нисколько не смутившись, говорит старик.

Малрини не знает ни слова на гэльском. Как, впрочем, и все собравшиеся на суд.

— Эрин гоу брагх! — говорит он.— Шон Коннери! Эмон де валера! Ап ребелз, макушлах!

Судьи хмурятся, затем о чем-то перешептываются. Малрини не понимает ни слова. Затем ему на голову вновь натягивают мешок, все уходят и оставляют его в камере примерно на полтора дня. Затем вновь слышатся шаги; судьи возвращаются и приводят с собой огромного человека с дикими глазами и длинными светлыми волосами; на нем грубые штаны из сыромятной кожи и меховая накидка, застегнутая на груди большой металлической пряжкой. Человек выглядит действительно чужаком.

— Это твой соотечественник,— говорит Малрини один из судей.— Поговори с ним. Скажи ему, где находится твой дом, и назови имена своих родственников.

Нахмурившись, Малрини думает, что ему теперь делать. Через некоторое время светловолосый разражается длинной тирадой на каком-то неизвестном Малрини языке, складывает на груди руки и ждет ответа.

— Шеннон йер шиллелагх, ме лепрекон,— с серьезным видом говорит Малрини, делая отчаянные глаза; он умоляет ирландца о помощи.— Да благословит Бог святого Пэдли! Вера и честь! Ты знаешь, где в этом городе продают «Гиннес»?

Светловолосый спокойно поворачивается к судьям, говорит по-гречески: «Этот человек не ирландец», и величественно удаляется.

Судьи угрожают Малрини пыткой, если он не признается, откуда родом. Похоже, его загнали в угол. Скажешь правду — потеряешь голову, будешь молчать — тебя заставят говорить такими методами, о которых лучше не думать. Но Малрини знает законы империи. Император — последняя возможность спасения для тех, кого обвиняют в тяжком преступлении. Малрини требует отвести его на суд императора.

— Хорошо,— говорит один из судей.— Как только ты признаешься, что прибыл к нам из Чикаго.

— А если не признаюсь?

Судья делает выразительный жест — виселица.

— Но вы отведете меня к императору?

— Разумеется. Но сначала дай клятву, что ты из Чикаго. Если нет, ты умрешь.

Если ты не из Чикаго, то умрешь? Непонятно. Да ладно, что он теряет? Либо его повесят, либо у него появится хоть какой-то шанс. Игра стоит свеч.

— Да, я из Чикаго, — говорит Малрини.

Ему дают умыться, кормят хлебом и кашей и ведут в тронный зал миль девяти в длину и шести в высоту. Вдоль его стен выстроились свирепые арабские воины; стены зала увешаны золотистыми тканями, на полу — толстые красные ковры. Двое стражников выталкивают Малрини на середину зала; перед ним, пристально его разглядывая, словно видит перед собой посланника с Марса, восседает на троне император Василий Третий.

Малрини еще никогда не видел императоров. Да и не хотел их видеть. Дважды в год он приходит в империю, делает свой бизнес и возвращается туда, откуда пришел. Его интересуют купцы и ремесленники, а не императоры. Но сейчас, несомненно, перед ним его милость. Император — аккуратно одетый, сухонький старичок девяноста девяти лет; его кожа кажется сухой, как пергамент, выражение лица мягкое и кроткое, но его выдают глаза — темные и сверкающие, они пылают тем огнем, какой может быть лишь у тирана, в течение пятидесяти лет державшего в своих руках огромную империю. Одет он на удивление просто — белая шелковая рубашка и свободные зеленые штаны; голову императора охватывает золотой обруч, на шее на массивной золотой цепи висит золотая подвеска, где на вставке из ляпис-лазури изображены перекрещенные молнии — символ империи. Справа от императора стоит плотный краснолицый мужчина лет сорока, который держится с тем же достоинством, что и сам император. На нем великолепный черный халат, отороченный мехом горностая. В руке он небрежно, словно теннисную ракетку, сжимает огромный скипетр — толстую нефритовую палку, инкрустированную золотом. Это, как догадывается Малрини, сам верховный теканотис, иначе говоря, премьер-министр, великий визирь, первый человек после императора.

Наступает долгое, долгое молчание. Наконец император произносит тонким и слабым, едва слышным голосом:

— Итак, ты колдун или нет?

Малрини издает глубокий вздох.

— Нет, ваше величество. Я торговец, простой торговец.

— Ты готов положить руку на святой алтарь и поклясться в этом?

— Готов, ваше величество.

— Он отрицает, что колдун,— тихо говорит император верховному теканотису.— Запомни это.

Снова наступает молчание. Затем император криво усмехается и говорит:

— Почему в небе загорается волшебный огонь и уносит наш город?

— Не знаю,— отвечает Малрини.

— Когда он загорается, к нам приходят люди вроде тебя, они разгуливают по городу и торгуют волшебными вещами, которые приносят с собой.

— Да, ваше величество, это так. К чему отрицать?

— Откуда ты?

— Из Чикаго,— отвечает Малрини.— Чикаго, штат Иллинойс.

— Чикаго,— повторяет император.— Что тебе известно об этом месте? — спрашивает он верховного теканотиса.

Тот пожимает плечами. Ухмыляется. Хорошо видно, что возня с пленником ему уже надоела и он мечтает о том, чтобы передать его в руки палача. Но любопытство императора должно быть удовлетворено.

— Расскажи нам о своем Чикаго. Это большой город?

— Да, ваше величество.

— В какой части мира он находится?

— В Америке,— отвечает Малрини.— Северный Иллинойс.

Да какого черта, что он теряет?

— На берегу озера Мичиган. К северу от нас находится штат Висконсин, на востоке — Индиана.

— Ах, вот как,— улыбаясь, говорит император, словно что-то понял.— А какой он, этот Чикаго? Расскажи о нем.

— Хорошо,— говорит Малрини.— В нем проживает два, нет, три миллиона человек. Может быть, больше.

Император мигает от удивления, а в глазах верховного теканотиса вспыхивает такая ярость, что Малрини пугается — не оговорился ли он, сказав «миллиард» вместо «миллиона». Затем понимает, что и три миллиона для этих людей — огромная цифра. Столица империи, ее крупнейший город, вряд ли насчитывает более полумиллиона жителей.

— В нашем городе находятся самые высокие башни в мире, такие как стодесятиэтажный Сирс-тауэр и Марина-тауэрс, тоже очень высокий, и некоторые другие. У нас есть огромные рестораны, где можно получить любую еду, какую только пожелаешь. Есть прекрасные музеи — Институт искусств и Музей науки и промышленности.

Он замолкает, раздумывая, о чем бы еще рассказать. Пока он говорит, рубить голову ему не станут. Интересно, император хочет услышать о динозаврах из Полевого музея естественной истории? Или об «Аквариуме» Шедда? О планетарии? Вероятно, его поразят некоторые статистические данные аэропорта О'Хара, но Малрини не уверен, что сможет подобрать верные слова. Внезапно он замечает, что император ведет себя как-то странно: побледнев, начинает раскачиваться на пятках взад-вперед, глаза приобретают какое-то странное выражение — нечто среднее между невероятным лукавством и высшей степенью интереса.

— Ты должен отвезти меня туда,— свистящим шепотом говорит император.— Когда будешь возвращаться в свой город, возьми меня с собой. Ты покажешь мне все. Все.

Верховный теканотис издает придушенный кашель, и его красное лицо становится багровым. Малрини ошарашен не менее визиря. Еще ни разу ни один житель империи не переходил «линию» и не попадал в Чикаго. До сих пор они до смерти боялись «волшебного огня» и даже смотреть не желали в ту сторону, где в прозрачной дымке лежал незнакомый город.

Неужели император говорит серьезно? Нет, не может быть, он ведь сумасшедший, вспоминает Малрини.

— Это была бы огромная честь для меня,— важно отвечает он,— когда-нибудь показать вам Чикаго. Это доставило бы мне величайшую радость.

— Не когда-нибудь,— обрывает его император Василий Третий.— Сейчас.

— Сейчас,— как эхо, повторяет Малрини.

Неожиданный поворот. Император не желает просто оттяпать голову очередному колдуну, он хочет, чтобы тот показал ему Чикаго. Скажем, прямо сегодня. Малрини улыбается и отвешивает поклон.

— Конечно, ваше величество. Как пожелаете. В любое время.

Интересно, как император отреагирует на небоскребы? А как его встретит Чикаго? Нет, из этой затеи ничего не выйдет. С другой стороны, у него появился шанс к спасению. Малрини продолжает улыбаться.

— Если желаете, ваше величество, мы можем отправиться в путь прямо сейчас.

Похоже, верховного теканотиса сейчас хватит удар. Его грудь вздымается, глаза наливаются кровью, рука так судорожно сжимает нефритовый скипетр, словно это боевой топор.

Тем не менее выйти из затруднительного положения помогает сам император. Очевидно, мысль о столь необычном путешествии окончательно подрывает его силы; внезапно он бледнеет, хватается за грудь и начинает хрипеть и задыхаться, затем закатывает глаза и валится вперед так стремительно, что два стражника едва успевают подхватить его под руки.

В зале поднимается шум и суета. Стражники начинают стенать и плакать; во все стороны бегут визири; император, у которого, по-видимому, случился припадок, выгибается дугой и колотит по полу руками и ногами, выкрикивая что-то нечленораздельное.

Малрини с удивлением взирает на эту сцену; внезапно он чувствует, как кто-то крепко берет его за руку. Это верховный теканотис.

— Уходи,— говорит ему великий визирь.— Иди туда, откуда пришел, и больше не возвращайся. Уходи прямо сейчас, пока император не пришел в себя. Он больше не должен тебя видеть. Уходи немедленно.— Визирь качает головой.— Чикаго! Он захотел увидеть Чикаго! Безумец! Безумец!

Малрини не нужно просить дважды. Два стражника подхватывают его под руки и быстро выводят из зала; затем его тащат по бесконечным переходам дворца, через огромную арку и вышвыривают на площадь перед входом во дворец.

Полдень. Пятьдесят два часа давно прошли; проход между двумя мирами закрыт.

«Уходи»,— сказал ему верховный теканотис. А куда? В Афганистан?

И тут, к своему великому изумлению, Малрини видит линию раздела, по-прежнему сияющую в небе к востоку от города. Значит, с Чикаго что-то опять произошло, пока он сидел в каменном мешке. И значит, он, кажется, все-таки вернется в свой Чи. Он вновь увидит и Петлю, и футбольную команду «Медведи», и Водяную башню, и ресторанчик Чарли Троттера, все-все-все. И Малрини со всех ног — словно за ним гонятся черти — бросается к берегу моря, расталкивая прохожих. На этот раз он возвращается с пустыми руками, но ведь все-таки возвращается!

Он проносится по улице Восточного Солнца. Врывается в гавань и радостно окунается в золотистый свет «линии».

И оказывается в чудесном лесу, где растут самые высокие деревья в Калифорнии. Стоит удивительная тишина. Слышится пение птиц, жужжание насекомых.

О черт, думает он. Где же Чикаго?

Он недоуменно оглядывается по сторонам. «Линия» исчезла, как и столица империи. Вокруг одни деревья. И больше ничего. Ничего. Он идет вперед, на восток. Проходит полчаса, но его по-прежнему окружает лишь девственный лес. Наконец, спотыкаясь о корни, он выходит на берег гигантского озера, и вдруг ужасная правда накрывает его, словно огромная волна.

Ну конечно. Произошел сдвиг во времени.

Вероятно, «линия» закрылась строго по расписанию, но затем вновь немного приоткрылась, из-за чего империя также переместилась в какой-то другой сектор, очень далекий от его времени. Ведь и сама империя появлялась у них в Чикаго то во времена правления Василия Третьего, то Миклоша, то Картуфа Несчастного, так почему бы и Чикаго не превращаться то в Чикаго-1996, то Чикаго-1990, а то и Чикаго-2013...

Таким образом, он мог попасть в год 1400 нашей эры, а мог и в год 1400 до нашей эры. Впрочем, какая теперь разница? До 1883 года на берегу озера Мичиган не будет никаких поселений.

Произошел временной сдвиг. Он слышал о таких вещах. Один из так называемых случаев «один на тысячу», который, как ты надеешься, уж с тобой-то не произойдет никогда. А с ним взял и

произошел. Он знавал торговцев, которые так и не вернулись из империи. Он считал их глупцами, и что же? Он сам такой же глупец. Интересно, сколько он здесь протянет, питаясь ягодами и грибами и гоняясь за оленями? Влип, ничего не скажешь.

И все же в глубине души он оптимист. Надежда умирает последней. Рано или поздно, говорит он себе, на небе вспыхнет золотое свечение, и вернется империя, он перейдет через «линию» и войдет в сверкающий город, чтобы потом, живя где-нибудь тайком, ждать, когда появится настоящий Чикаго, куда он непременно вернется.

Вернется, рано или поздно.

А может быть, и нет.

Рожденный с мертвецами

1

И то, о чем мертвые не говорили при жизни,
Теперь они вам откроют, ибо они мертвы,
Откроют огненным языком превыше речи живых.

Т. С. Элиот. Литтл-Гиддинг. Перевод В. Топорова

Предположительно, его покойная жена Сибилла направлялась в Занзибар. По крайней мере, так ему сказали, и он поверил. Поиски довели Хорхе Кляйна до такого состояния, что он готов был поверить чему угодно, лишь бы найти Сибиллу. Да и мысль насчет Занзибара была не лишена смысла: Сибилла всегда хотела там побывать. Занзибар непостижимым образом завладел ее мыслями давным-давно. При жизни Сибилла туда не добралась, но сейчас ее ничто не сковывало. Она полетит туда, как птица в родное гнездо, как Одиссей в Итаку, как мотылек на огонь.

Самолет «Хевиленд ФП-803» компании «Эйр Занзибар» оторвался от полосы аэропорта Дар-эс-Салама ясным утром в девять пятнадцать. Развернувшись над густыми зарослями манговых деревьев, цезальпиний и рослых кокосовых пальм, почти пустой самолет направился к северу. Под крылом засверкали синие воды Индийского океана; порт назначения недалеко, на том берегу Занзибарского пролива. В этот день, во вторник, девятого марта тысяча девятьсот девяносто третьего года, с борта

© Перевод А. Орлова.

самолета впервые сойдут на благоуханную землю острова Занзибар пятеро мертвецов.

Дауда Махмуда Барвани, дежурного санитарного инспектора занзибарского аэропорта Карум, об этом событии предупредила иммиграционная служба на материке. Санитарный офицер понятия не имел, что предпринять по этому случаю, и сильно первничал: в Занзибаре было неспокойно. Как всегда.

Следует ли остановить их? Представляют ли мертвецы угрозу политической стабильности Занзибара? А как насчет скрытых рисков? Мертвецы могут занести инфекцию в мир духов. Содержит ли новый административный кодекс какие-либо основания для отказа в выдаче визы по причине эпидемической опасности для мира духов?

Дауд Махмуд Барвани неохотно вернулся к остывшему завтраку: чапати и горка картофеля, приправленного карри. Прибытие мертвецов хоть кому испортит аппетит.

Последний раз Хорхе Кляйн видел Сибиллу почти два с половиной года назад, тринадцатого октября тысяча девятьсот девяностого года, в субботу. В день ее похорон. Она лежала в гробу безмятежно, будто спала: красота ее совершенно не пострадала от смертных мук. Бледная кожа, темные блестящие волосы, изящные ноздри, полные губы; ткань платья блестела золотыми и сиреневыми искрами; сияла электростатическая дымка, ароматизированная жасмином и предохранявшая застывшее тело от разложения.

Церемония прощания продолжалась пять часов: заупокойная служба, приглушенные соболезнования — исподтишка, будто смерть так чудовищна, что выражение чувств неуместно.

Когда остались только самые близкие друзья, Кляйн поцеловал Сибиллу в губы, прежде чем передать немногословному человеку в черном, присланному из «ледяного города». В завещании Сибилла указала, что желает получить вторую жизнь. Потому-то ее и увезли в черном фургоне — туда, где над трупом совершают обряд воскрешения.

Кляйну казалось, что гроб, уплывающий на широких плечах носильщиков, исчезает в сером водовороте, куда ему самому дороги нет. Едва ли ему суждено увидеть Сибиллу еще раз: в те вре-

мена мертвецы держались среди себе подобных и не выходили за пределы гетто, куда они заключали себя добровольно. За пределами «леляных городов» увидеть мертвеца удавалось нечасто.

Ему пришлось смириться с тем, что их отношения остались в прошлом. Целых девять лет были Хорхе и Сибилла, Сибилла и Хорхе: я плюс ты равно «мы». Мы прежде и превыше всего. Хорхе любил ее очень сильно, мучительно; в этой жизни они ходили вместе, путешествовали вместе, делали все вместе. Вместе занимались научной работой, вместе преподавали, думали вместе. Не только мысли, но и вкусы у них стали почти одинаковыми, до такой степени Хорхе и Сибилла растворились друг в друге. Один сделался частью другого, и до внезапной смерти Сибиллы Хорхе думал, так будет вечно. Ему тридцать восемь, ей тридцать четыре, впереди десятилетия блестящего будущего. Но она ушла, и остались два чужака: мертвая Сибилла и живой Хорхе. Где-то в Северной Америке она ходит, читает, разговаривает, ест — а Хорхе потерял ее навсегда. С виду он смирился, как и положено в таких обстоятельствах, но в глубине души, наедине с собой, не оставлял робкой надежды вернуть Сибиллу. Хотя знал, что прошлого не вернешь.

В солнечном небе появился темный силуэт «хевиленда», крошечный и почти неподвижный. Глаза Дауда Барвани заслезились. Можно подумать, это не самолет, а соринка в глазу. Зажмурившись, санитарный инспектор чихнул. Он так и не сумел подготовиться к встрече.

— Предупредите пилота, что никто не имеет права покинуть самолет, пока я не дам разрешения,— распорядился Барвани, приняв сообщение диспетчера Амери Комбо о предстоящей посадке.— Мне понадобится время, чтобы оценить обстановку в соответствии с инструкциями. Возможна угроза эпидемии.

В течение двадцати минут машина стояла на пустой рулевой дорожке с задраенными люками. Любопытные козы бросили объедать кустарник по краям летного поля и собрались вокруг самолета.

Дауд Барвани не стал читать никаких инструкций. Завершив скромную трапезу, он сложил руки на груди и постарался достичь состояния ясности мысли, которого требовала ситуация.

Мертвецы безвредны, сказал он себе. Это обычные люди, подвергнутые необыкновенной медицинской процедуре. Суеверный страх неуместен: он, Дауд Барвани, не темный крестьянин, а Занзибар — не родина дикарей. Он разрешит им выйти из самолета, раздаст таблетки от малярии, как всем туристам, и пусть идут, куда хотят. Очень хорошо.

— Никакой опасности нет,— объявил он диспетчеру, сняв телефонную трубку.— Пассажиров можно выпустить.

Девять человек, совсем немного. Первыми появились четверо живых. Они глядели сумрачно и держались скованно, будто всю дорогу летели в одной клетке с живыми кобрами. Санитарный инспектор знал каждого из них: жена немецкого консула, сын купца Чаудари и два инженера-китайца — все отдыхали в Дар-эс-Саламе и возвращаются вместе. Дауд Барвани пропустил их, не обременяя формальностями. Примерно через полминуты вышли мертвецы. Наверное, сидели маленькой группой в другом конце салона. Двое мужчин и три женщины, рослые и на удивление здоровые с виду. Они не шатались, не хромали, не спотыкались, как можно было бы подумать. Напротив, двигались решительно, ступали твердо. На вид здоровее живых.

— Санитарная инспекция,— сказал Барвани миролюбиво, шагнув им навстречу.— Сюда, пожалуйста.

Без сомнения, они дышали: от крепкого рыжего мужчины отчетливо несло спиртным, от темноволосой женщины пахло сладко и загадочно, вроде как анисом. Кожа чересчур гладкая, будто у восковой фигуры, или ему показалось? Европейцы всегда немного ненастоящие.

Но глаза... Тут никаких сомнений: неподвижный взгляд, застревающий в бесконечности на томительные секунды. Так бывает с теми, на кого пустота уже посмотрела, но не забрала к себе, решил Дауд Барвани.

Как вы себя чувствуете? Что помните? Разумеется, санитарный инспектор не стал задавать таких вопросов. Вместо этого он вежливо сказал:

— Добро пожаловать на остров пряностей! Мы проделали большую работу, и в настоящее время малярия у нас полностью ликвидирована. Для профилактики и во избежание опасной болезни предлагаю вам принять эти таблетки, после чего можете идти, куда захотите. Таково официальное требование.

Обычные туристы нередко выражали недовольство, но эти проглотили таблетки, не сказав ни слова.

Дауду Барвани мучительно захотелось как-то сблизиться с особенным народом. Вдруг душевный контакт поможет одолеть свинцовую тягость бытия? Но этих пятерых окружала особая аура, непроницаемая оболочка чужеродности. Дауду не помогли его обычное дружелюбие и природная разговорчивость. Он молча передал мертвецов Мпонде, иммиграционному чиновнику.

Высокий лоб Мпонды блестел от пота; не замечая этого, он жевал нижнюю губу. Уронив бумаги, Мпонда поставил визу не на ту страницу паспорта; заикаясь, объяснил мертвецам, что документы будут задержаны до завтра.

— Утром паспорта будут доставлены в гостиницу курьером,— пообещал он, с излишней торопливостью отправляя гостей получать багаж.

Свою проблему Кляйн рискнул обсудить с одним-единственным человеком: социологом Фрамджи Джиджибоем, невысоким парсом из Бомбея. Джиджибой разбирался в непростой субкультуре мертвецов, насколько возможно для живого.

— Мне говорят, я должен это принять,— горячился Кляйн.— Как? Я не могу! Никак не могу. Она где-то там, жива и...

— Нет, мой друг,— оборвал его Джиджибой скупым жестом.— Не жива никоим образом. Ее просто вернули. Тебе нужно прочувствовать разницу.

К сожалению, в том, что касалось смерти Сибиллы, Кляйн ничего прочувствовать не мог. Мысль о Сибилле, навсегда ушедшей в другую плоскость существования, куда ему дороги нет, преследовала Кляйна. Найти ее, поговорить с ней, разделить непостижимый опыт ухода и того, что за смертью,— другой цели у него не осталось. Узы брака для него не распались, как будто Хорхе-и-Сибилла существовали по-прежнему.

Хорхе ждал писем от нее, но не дождался. Через несколько месяцев он стал разыскивать Сибиллу, тяготясь своей одержимостью. Хорхе нарушал предписанный этикет вдовства с каждым разом все грубее, мучаясь от стыда. Он метался от одного «ледяного города» к другому: Сакраменто, Бойс, Анн-Арбор, Луисвилль — его нигде не приняли. С ним даже не захотели разговаривать. Друзья пересказывали слухи, будто ее надо искать среди

мертвых Таксона, Роанока, Рочестера, Сан-Диего. Пустые разговоры, как выяснилось. В конце концов Джиджибой, имевший связи в мире вернувшихся, сообщил, что Сибилла живет в «ледяном городе» Сион на юго-востоке Юты. Не одобряя цели поисков, Джиджибой не отказывал ему в помощи. В Сион Хорхе тоже не пустили, хотя и не проявили обычного бессердечия. Похоже, она и правда здесь.

Летом девяносто второго года Джиджибой сказал, что Сибилла покинула пределы «ледяного города». Ее видели в Ньюарке, Огайо, на городской площадке для гольфа «Мемориал Октагон» в компании хамоватого рыжего археолога по имени Кент Захариас. При жизни Захариас специализировался на строителях курганов — культуре Хоупвелл в долине реки Огайо.

— Новый поворот,— объяснил Джиджибой.— Не слишком неожиданный. Философия полного отделения от живых дает трещину. Мертвые появляются в большом мире как туристы: исследуют «пространство пересечения жизни и смерти», как они любят говорить. Очень, очень интересная перспектива, мой друг!

Кляйн немедленно вылетел в Огайо. Следуя за Сибиллой, он переезжал из Ньюарка в Чилликот, из Чилликота в Мариетту, из Маристты в Западную Вирджинию, не попадаясь ей на глаза. След потерялся где-то между Маундсвиллем и Вилингом. Хорхе Кляйн ни разу не увидел Сибиллу.

Два месяца спустя ее встречали в Лондоне, позднее — в Каире, потом — в Аддис-Абебе...

В начале девяносто третьего года старый знакомый по Калифорнийскому университету, теперь работавший в университете Ньерере, Аруша, сообщил, что Сибилла отправилась на сафари в Танзанию, а через несколько недель собирается лететь в Занзибар.

Конечно. Целых десять лет она трудилась над докторской диссертацией о становлении арабского султаната Занзибара в начале девятнадцатого века. Работе все время что-то мешало: преподавательская деятельность, любовь, замужество, финансовые трудности, смерть и другие обязанности. У Сибиллы так и не нашлось времени посетить остров, которому она отдала столько сил. Теперь ей ничто не мешает, и почему бы наконец не побывать на Занзибаре? Разумеется. Сибилла летит на Занзибар. Там Кляйн ее и дождется, отправившись заблаговременно.

———

Проводив глазами такси, которыми воспользовались пятеро вновь прибывших, Барвани попросил Мпонду показать паспорта. Странные имена: Кент Захариас, Нерита Трейси, Сибилла Кляйн, Энтони Гракхус, Лоренс Мортимер. Махмуд Барвани так и не смог привыкнуть: без фотографий он бы и не понял, где мужчина, а где женщина. Захариас, Трейси, Кляйн... Да, Кляйн. Сверившись с запиской, прикрепленной к столу две недели назад, Махмуд Барвани потянулся к телефону. Через несколько минут ему удалось дозвониться до отеля «Ширази». Барвани попросил позвать того американца.

Американец прилетел дней десять назад: худой, с плотно сжатыми губами и глазами, запавшими от усталости. Он весьма кстати предложил Барвани аванс в сто шиллингов и попросил о небольшой услуге.

Портье искал гостя бесконечно долго. Наверное, пришлось заглянуть в бар, комнату отдыха, сад, даже в туалет... Наконец в трубке раздался голос.

— Человек, которым вы интересовались, только чт был.— сказал Махмуд Барвани.

2

Начался танец. Покалывание в кончиках пальцев, толчки крови в губах, укол в сердце и комок в горле. Немного не в такт, но все ближе. Губы к губам, сердце к сердцу, трепеща и едва касаясь. Ноты собираются в аккорды, аккорды в полифоническую мелодию — контрапункт из какофонии, праздник из хаоса.

Р.Д. Лэнг. Райская птица

Сибилле страшновато стоять на краю городского поля для гольфа «Мемориал Октагон». Сняв сандалии, она осторожно зарывается пальцами ног в чистый, плотный и упругий ковер ярко-зеленой, коротко стриженной травы. Летний жаркий полдень тысяча девятьсот девяносто второго года; воздух сладок и прозрачен, как бывает только на Среднем Западе, капельки воды от утреннего полива еще не высохли. Удивительная трава! Такую траву редко увидишь в Калифорнии, а тем более в засушливой Юте. «Ледяной город» Сион. Возвышавшийся рядом Кент Захариас качает головой.

— Поле для гольфа! — бормочет он.— Один из самых важных археологических памятников Северной Америки, а они устраивают здесь поле для гольфа. Впрочем, могло быть хуже: срыли бы бульдозером и построили автостоянку. Видишь, вон там — роют?..

От возбуждения Сибиллу трясет. Со времени возвращения ей еще не приходилось покидать «ледяной город» так надолго и уезжать так далеко. Углубляться в мир живых. Настоящая жизнь бурлит вокруг, наступая со всех сторон, так что мурашки бегут по коже.

Парк окружен небольшими домиками, чистыми и аккуратными; по улицам стремительно носятся дети на велосипедах. На поле игроки в гольф увлеченно размахивают клюшками, по невысоким холмикам летают желтые гольфмобили. Повсюду толпы туристов, приехавших, как и Сибилла с Кентом, посмотреть на индейские курганы.

Собаки бегают без поводков, и Сибилле страшно. Вернее, неспокойно: даже густая трава, стриженые кусты и одетые пышной листвой деревья с низкими сучьями бередят душу. Присутствие Захариаса не придает уверенности: в нем так же плещет через край неподобающая жизненная энергия — лицо раскраснелось, глаза горят. Ничего удивительного: эти курганы даже сейчас, через пять лет после ухода, остаются главным смыслом существования Кента Захариаса. Огайо — его Занзибар.

— ...когда-то покрывала четыре квадратных мили,— продолжает он, показывая пальцем туда, где поросшие травой курганы с плоскими вершинами и невысокие валы образуют гигантский круг и восьмиугольник древнего памятника.— Религиозный центр хоупвеллской культуры, как Чичен-Ица или Луксор...

Кент Захариас обрывает себя: он заметил наконец, что Сибилле нехорошо.

— Ты в порядке? — спрашивает он негромко.

Сибилла мужественно улыбается. Облизывает губы, кивает головой в сторону туристов, домиков, собак. Вздрагивает.

— Слишком весело?

— Слишком. Вот именно,— соглашается Сибилла.

Весело, о да. Маленький веселый городок с журнальной обложки. Образцовый городок.

Ньюарк попал в штиль посреди океана времени: если бы не вид автомобилей, можно было бы подумать, что на дворе тысяча девятьсот восьмидесятый год. Или шестидесятый. Или сороковой. Материнская нежность, бейсбол, яблочный пирог, церковь по воскресеньям. Вот именно. Захариас качает головой и делает успокаивающий жест.

— Пошли,— шепчет он.— По дороге к сердцу храмового комплекса двадцатый век отстанет.

Захариас решительно шагает по полю для гольфа; несмотря на длинные ноги, Сибилла поспевает с трудом. Минута — и первый вал позади. Внутри священного восьмиугольника замкнулся круг времен: замкнулось «пространство пересечения жизни и смерти». Сибилла ощущает присутствие темных сил жизни и смерти, духи покоя утешают ее. Мир живых не имеет власти в этой области мертвых. Домики, лужайка, игроки становятся бестелесными тенями, суетливые желтые гольфмобили — мелкими жучками, туристы — туристов просто не видно.

Сибилла потрясена масштабами и симметрией древнего святилища. Какие духи здесь спят? Захариас призывает их к жизни, взмахивая руками подобно жрецу...

Он столько успел рассказать про этих людей. Хоупвеллская культура — а как они сами себя называли? Узнаем ли мы когда-нибудь? Кто-то насыпал эти валы двадцать веков назад. А теперь Захариас вызывает их к жизни — ради нее.

— Видишь? Видишь их? — шепчет он почти свирепо.

И она видит. Опускается туман, просыпаются курганы, появляются их создатели. Они рослые, жилистые, смуглые. Тела едва прикрыты сверкающими медными нагрудниками. Шею греют ожерелья из кремневых дисков, браслеты — костяные, слюдяные, черепаховые, из зубов медведя и ягуара, нитки грубого жемчуга неправильной формы, каменные и терракотовые кольца, круглые металлические вставки в мочках ушей, набедренные повязки из шкур всевозможных зверей. Жрецы в затейливых одеяниях и жутких масках, вожди в коронах из медных стержней с холодным достоинством шагают вдоль каменных стен.

Глаза их светятся необыкновенной энергией, их культура щедра и расточительна, полна жизни. Но Сибилле они не кажутся чужаками, поскольку их энергия — энергия мертвых, а жизненная сила — сила ушедших.

Вот раскрашенные лица, немигающие взгляды: похоронная процессия. Поклонившись своим богам у каменных алтарей, похожих на лабиринты, процессия обходит большой круг и восьмиугольник, потом направляется дальше, к гробницам. Захариас и Сибилла стоят посреди поля, на них никто не обращает внимания.

— Пошли за ними, – говорит Захариас.

Для Сибиллы он превращает прошлое в реальность. Силой его искусства она приобщается к этой цивилизации мертвых. Как просто, оказывается, отойти в глубину времен! Сибилла понимает, что может спокойно погрузиться в неизменное прошлое в любой его точке. Только сегодняшний день, открытый и непредсказуемый, сулит беду.

Сибилла и Захариас плывут сквозь дымку над широким лугом, не касаясь ногами земли. Оставив восьмиугольник позади, они идут по широкой мостовой туда, где у рощи вековых дубов возвышаются курганы.

Посреди широкой просеки земля покрыта слоем глины и присыпана песком с мелкой щебенкой. Поверх этого фундамента возведен «дом мертвых» без крыши — четырехугольная ограда из деревянных кольев. Внутри ограды — прямоугольная деревянная гробница на глиняной платформе, где лежат рядом, вытянувшись во весь рост, двое: мужчина и женщина. Они молодые и прекрасные даже в смерти. Тела украшены ожерельями из желтоватых медвежьих зубов, медными нагрудниками, медными браслетами, в ушах блестит медь.

Лица жрецов по углам дома мертвых скрыты уродливыми рогатыми деревянными масками, в руках у каждого — жезл в виде бледной поганки из дерева, покрытого медным листом. Один из жрецов заводит хриплую песнь, остальные возносят жезлы к небу, потом резко опускают к земле. Это сигнал: пора нести погребальные дары. К дому мертвых тянутся колонны людей с тяжелыми мешками на спинах. Никто не плачет, напротив, в глазах счастье, на лицах — блаженство. Здесь знают то, что забудут представители позднейших культур: смерть вовсе не конец. Напротив, смерть это естественное продолжение жизни. Ушедшим друзьям можно только завидовать. В потустороннем мире с такими дарами они будут жить по-королевски: в мешках — медные слитки, метеоритное железо, серебро, жемчуг, ожерелья из раковин, медных и железных бусин, деревянные и каменные пугови-

шы, металлические ушные вставки, куски обсидиана, изображения животных, вырезанные из сланца, кости, черепахового панциря, церемониальные топоры и ножи из меди, свитки слюды, человеческие челюсти, отделанные бирюзой, грубая и темная глиняная посуда, костяные иглы, отрезы ткани и опять украшения — свившиеся кольцом змеи из черного камня. Волна приношений накрывает и гробницу, и тела усопших.

Когда дары заполняют гробницу целиком, жрецы подают новый сигнал. Жезлы поднимаются вверх, люди выстраиваются кругом по краю просеки, звучит ритмичный погребальный гимн. Захариас начинает подпевать без слов, у него неожиданно красивый оперный бас. Пораженная Сибилла смотрит на него почти с благоговением. Взяв Сибиллу за руку, Захариас внезапно требует:

— Ты тоже пой!

Сибилла нерешительно кивает. Голос ее сначала дрожит, потом она всерьез включается в ритуал. Голос Сибиллы крепнет. Ясное, чистое сопрано, сверкая, возносится к небу и перекрывает остальные голоса.

Приходит время последнего подношения: мальчики заваливают дом мертвых хворостом, толстыми сучьями — всем, что может гореть. Из дубовой рощи на просеку выходит обнаженная женщина с пылающей ветвью — точнее, девушка со светлой кожей и стройным телом, раскрашенным горизонтальными красными и зелеными полосами по груди, бедрам и ягодицам. Девушка бежит, длинные черные волосы развеваются плащом за ее спиной. Она подбегает к дому мертвых и погружает факел в хворост; танцуя, обходит гору сучьев, поджигая их то здесь, то там. Языки пламени неистово взмывают в небо; девушка бросает догорающую ветвь в самый центр погребального костра. Огонь быстро пожирает дом мертвых, опаляя лицо Сибиллы.

Землю начинают подносить, когда еще тлеют угли. Делом заняты все члены общины, кроме жрецов, стоящих по четырем сторонам просеки, и девушки, упавшей на краю вырубки, как брошенная тряпка. Землю берут из карьера за деревьями. Каждый, как может, несет крупные жирные комья: в плетеной корзине, в кожаном переднике, голыми руками. В тишине люди сбрасывают принесенную землю в пепел, потом идут за следующей порцией. Двигаются цепочками друг за другом, в торжественном порядке.

Сибилла смотрит на Захариаса, тот кивает. Вместе они вливаются в одну из цепочек. В карьере Сибилла захватывает тяжелый глинистый ком и несет его к растущему кургану. Возвращается обратно, еще раз, и еще. Курган быстро растет: два фута, три, четыре. Круглый волдырь вспухает на глазах, ограниченный по сторонам неподвижными фигурами жрецов; тысячи пар босых ног плотно утаптывают землю. Сибилла думает, что смерть действительно нужно праздновать вот таким образом. Грязная одежда липнет к мокрой спине, но Сибилла продолжает ходить со священным грузом от карьера к кургану, чувствуя неземной восторг.

В какой-то момент чары разрушаются. Сибилла не знает, что случилось, но дымка рассеивается, солнце режет глаза, жрецы, строители и незаконченный курган исчезают. Они с Захариасом снова оказываются внутри каменного восьмиугольника. По полю вокруг бегают гольфмобили. Трое детей с родителями стоят в нескольких шагах и смотрят на них, не отрываясь. Мальчик лет десяти указывает пальцем на Сибиллу и спрашивает пронзительным голосом, разносящимся по всему Огайо:

— Пап, у этих людей что-то случилось? Они такие странные!

— Тише, Томми! — негодует мама.— Разве тебя не учили вести себя прилично?

Папа отвешивает сыну оплеуху и удаляется, таща Томми за руку. Семейство уходит на другой конец парка.

Сибиллу бьет крупная дрожь. Она отворачивается, закрыв глаза руками.

— Все хорошо,— говорит Захариас нежно, обнимая ее.— Откуда мальчику знать? Все хорошо.

— Уведи меня отсюда!

— Я еще хочу показать...

— В другой раз. Пожалуйста. Поехали в мотель. Не хочу ничего больше видеть, не хочу, чтобы кто-то смотрел на меня.

В мотеле Сибилла целый час лежит лицом вниз на кровати, судорожно всхлипывая без слез. Несколько раз она объявляет, что не готова к этой поездке и хочет обратно в «ледяной город». Ничего не говоря, Захариас гладит Сибиллу по напряженной спине, и ее отчаяние постепенно уходит. Их взгляды встречаются; Захариас протягивает руки, и они занимаются любовью, по обычаю мертвых.

3

Новизна есть обновление: ad hoc enim venit, ut renovetur in illo[1]; *как в первый день, так и сегодня: herrlich wie am ersten Tag*[2]. *Реформация или ренессанс: возрождение. Жизнь подобна Фениксу, который всегда возрождается из собственного праха. Истинная природа жизни — возрождение. Всякая жизнь есть жизнь после смерти, вторая жизнь. Totus hic ordo revolubilis testatio est resurrectionis mortuorum*[3].

Норман О. Браун. Тело любви

— До сезона дождей осталось совсем немного, господин и госпожа,— сказал водитель такси.

Машина быстро ехала по узкому шоссе в сторону столицы, города Занзибара. Водитель добродушно болтал, нисколько не опасаясь пассажиров. Должно быть, не понимает, кто мы такие, решила Сибилла.

— Начнется через неделю или две,— продолжал таксист.— Это долгий сезон. Есть еще короткий, в конце ноября и декабре.

— Знаю,— кивнула Сибилла.

— Вы уже бывали в Занзибаре?

— В каком-то смысле.

В каком-то смысле Сибилла бывала в Занзибаре много раз. Сегодня, когда зревший годами образ Занзибара соединялся с реальностью, Сибилла не трепетала и не беспокоилась. Сибилла больше не беспокоилась ни о чем. В прошлой жизни задержка в аэропорту привела бы ее в бешенство: как же, десять минут полета и вдвое дольше торчать на бетонке! Теперь она просидела все это время почти неподвижно, рассеянно слушая Захариаса; отвечала редко, будто посылала радиограммы с другой планеты.

И вот Занзибар, знакомый и уютный. В былое время Сибилла не уставала поражаться, когда что-то знакомое по уроку географии, фильму или рекламному плакату — Гранд-Каньон, небоскребы Манхэттена, Таос-Пуэбло — выглядело в точности как ей представлялось. Сегодня Занзибар разворачивался перед ее рав-

---

[1] Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы обновиться (*лат.*). (Соединенные цитаты из Евангелия от Иоанна (18:37) и Послания к ефесянам (4:23).)

[2] Как в первый день, так и сегодня *(нем.)*. (*Гёте*. Фауст. Перевод Б. Пастернака.)

[3] Весь этот порядок круговращения свидетельствует о воскресении мертвых *(лат.)*. (*Тертуллиан*. О воскрешении плоти.)

нодушными глазами, как перед объективом кинокамеры, предсказуемый и неудивительный.

В теплом, душноватом воздухе сгущался и запускал осторожные щупальца в окно такси клубок экзотических ароматов. Не только неизбежная гвоздика, но и более деликатные запахи: по всей вероятности, гибискус, франжипани, джакаранда и бугенвиллея. Сезон дождей мог начаться в любую минуту.

По обеим сторонам дороги тянулись плотные стены зеленых пальм, среди которых попадались лачуги под жестяными крышами; за пальмами темнели непроницаемые таинственные заросли. Как обычно в тропиках, дорогу считали своей собственностью куры, козы, голые детишки и сморщенные беззубые старухи. Они стояли, бродили и бегали, не беспокоясь о том, что какое-то такси покушается на их преимущественные права.

Оставив позади невысокие холмы, машина приближалась к мысу, на котором стоит город Занзибар. Казалось, что температура растет с каждой минутой: влажная духота сжимала остров в кулаке.

— Вот и море,— сказал водитель. Его хрипловатый покровительственный голос резал слух.

За ослепительно белым песком блестел, как стекло, голубой океан. Ловя косыми парусами легкий бриз, из гавани выходили арабские доу[1].

— Посмотрите в ту сторону...

Огромная, сияющая белизной деревянная постройка в четыре этажа: свадебный торт из длинных веранд за чугунными перилами, увенчанный высоким куполом. В голове Сибиллы, узнавшей дворец, с некоторым опережением зазвучал голос водителя:

— Бейт-аль-Аджаиб, Дом чудес — бывшая резиденция правительства. Здесь давали роскошные банкеты, где султан принимал выдающихся и знатных людей со всей Африки. Рядом старый дворец султана, теперь Народный дворец. Не желаете посетить Дом чудес? Там открыто: сейчас остановимся, и я вас провожу.

— Не сейчас,— ответила Сибилла негромко.— Мы здесь надолго и никуда не торопимся.

— Вот как? Обычно сюда на день приезжают.

---

[1] *Традиционное арабское судно.*

— Неделю пробудем, а то и больше: я приехала изучать историю вашего острова. В Бейт-аль-Аджаиб я собираюсь обязательно, но не сегодня.

— Не сегодня? Прекрасно. Вызывайте, и я отвезу вас куда угодно. Спросите Ибуни!

Показав в улыбке ослепительные зубы, Ибуни лихо развернул такси. Через пару секунд машина погрузилась в лабиринт кривых переулков Каменного города — старинного арабского квартала Занзибара.

Белые каменные дома смотрели слепыми фасадами на тихие улицы. Узенькие окошки были прикрыты ставнями, двери — знаменитые резные деревянные двери Каменного города, утыканные шляпками медных гвоздей, богато инкрустированные, настоящие шедевры арабского искусства — заперты, как будто давно не открывались. Узкие витрины небогатых лавок покрывала пыль. Вывески выцвели до такой степени, что Сибилла их с трудом разбирала: «Универмаг Премчанда», «Сувениры Монджи», «Торговый центр Братства Абдаллы», «Базар Монталь».

Арабы давно покинули Занзибар, как и большинство индийцев, хотя последние, по слухам, понемногу возвращались. Навстречу такси, колесившему по улочкам Каменного города, иногда попадались длинные черные лимузины (вероятно, советского или китайского производства): за рулем шофер в униформе, важный и сосредоточенный темнокожий человек в белых одеждах на заднем сиденье. Члены законодательного собрания едут на заседание государственного совета, решила про себя Сибилла. Других автомобилей не было, да и пешеходов немного: редкие женщины в черном с ног до головы спешили в одиночку по своим делам. В Каменном городе жизнь не кипела, как в провинции; обитель призраков и отличное место для покойника в отпуске. Усмехнувшись про себя, Сибилла глянула на Захариаса, который кивнул и улыбнулся в ответ, будто читал ее мысли. Для общения мертвецам почти не нужны слова.

Дорога до отеля казалась бесконечной и запутанной до невозможности. Водитель останавливался у разных лавок и магазинчиков, интересуясь, не желают ли пассажиры купить латунный сундучок, медный кувшин, серебряную побрякушку или китайскую золотую цепь. Несмотря на неизменные вежливые отказы Сибиллы, он продолжал указывать лавки и базары, рас-

сказывал о высоком качестве товара и умеренных ценах. Понемногу Сибилла привыкла к Каменному городу, стала замечать, что на некоторых улицах они уже побывали. Само собой: лавочники приплачивают водителю, чтобы он возил к ним клиентов.

Сибилла попросила поскорее доставить их в отель, но водитель не унимался, расхваливая слоновую кость и кружева. Она повторила просьбу твердо, но без раздражения и подумала, что Хорхе мог бы ею гордиться. В свое время вспыльчивый темперамент часто мешал ей жить. Что именно ее изменило, Сибилла сказать не могла: то ли обмен веществ после воскрешения стал другим, то ли отец-поводырь в «ледяном доме» повлиял. А может, тому, у кого впереди вечность, некуда спешить?

— Ваш отель,— сообщил наконец Ибуни, указывая на старинный арабский особняк с высокими арками, многочисленными балкончиками и темными вестибюлями, где потолочные вентиляторы лениво перемешивали спертый воздух.

Сибиллу и Захариаса разместили в обширном номере на третьем этаже с окнами во внутренний дворик, где густо росли пальмы, киноварные и капковые деревья, пойнсиана и агафантус.

Мортимер, Гракх и Нерита давно прибыли на другом такси и поселились этажом ниже.

— Я приму ванну,— сказала Сибилла.— Пойдешь в бар?

— Скорее всего,— ответил Захариас, выходя из номера.

Быстро сбросив влажную от пота одежду, Сибилла прошла в ванную. Византийское чудо, а не комната: цветные изразцы и гигантская желтая ванна на бронзовых львиных лапах с зажатыми в когтях шарами. Когда Сибилла повернула кран, тонкой струйкой полилась тепловатая вода. Улыбнувшись, она глянула в высокое овальное зеркало. В доме, где воскрешают мертвецов, было похожее. Когда она пробудилась от смертного сна утром, пятеро или шестеро мертвецов прошли в ее комнату, чтобы поздравить с успешным преодолением границы. Деликатно и церемонно они сняли с нее простыню и поднесли большое зеркало — посмотреть на себя в первый раз. Ни смерть, ни воскресение нисколько не повредили телу Сибиллы. Узкая талия, высокая грудь, все как раньше. Нет, пожалуй, еще моложе и свежее. Переход через ужасную пропасть пошел ей на пользу.

— Вы прекрасны!

Это Пабло. Его имя, как и имена остальных, Сибилла узнает позднее.

— Просто гора с плеч! Я боялась, что проснусь старой развалиной.

— Это невозможно,— ответил Пабло.

— Никогда! — подхватила Нерита.

— Но ведь мертвые старятся?

— Да, как и живые, но не так...

— Не так быстро?

— Далеко не так быстро. И по-другому. Все биологические процессы, кроме деятельности мозга, резко замедляются. А мозг становится активнее.

— Вот как?

— Увидите сами.

— Если так, лучше и вообразить нельзя.

— Нам крупно повезло. Жизнь была к нам очень благосклонна. Да, лучше и вообразить нельзя: мы новая аристократия этого мира.

— Новая аристократия?

Неторопливо погрузившись в теплую ванну, Сибилла улеглась так, что вода достала до подбородка. Расслабившись, она прикрыла глаза. Ее ждет Занзибар, его улицы, так и не увиденные при жизни. В самом деле, почему бы ему не подождать? Пусть Занзибар ждет. Она подумает о словах, которые не успела произнести, когда тело осталось на том берегу.

Всему свое время.

«Вы прекрасны»,— сказал Пабло, не думая льстить.

В то первое утро Сибилла хотела им объяснить, что для нее теперь есть вещи поважнее красоты, но в этом не было надобности: они прекрасно понимали. Они действительно понимали все. Кроме того, красота имеет значение. Не такое, разумеется, как для женщин, чья красота — единственное временное преимущество. Тем не менее красота приятна самой Сибилле и приятна другим, красота позволяет влиять на людей. В прошлой жизни радоваться этому мешала мысль о неизбежной скорой утрате красоты и связанной с ней власти, но теперь приговор отменен. Она будет меняться со временем, но не будет чувствовать, подобно живым, что разрушается неотвратимо. Нет, воскресшее тело не предаст ее, став отвратительным.

«Мы новая аристократия».

После ванны Сибилла постояла несколько минут у открытого окна, не одеваясь, на сыром и теплом сквозняке. Снаружи доносились крики тропических птиц, звон колоколов и пение детей на непонятном языке. Занзибар! Султаны и пряности. Ливингстон и Стэнли, работорговец Типпу-Тиб. Может быть, сэр Ричард Бертон останавливался в этом самом номере. В горле пересохло, а сердце забилось быстрее: она, оказывается, может еще волноваться! Сибилле немедленно захотелось куда-нибудь пойти. Занзибар ждет? Очень хорошо. Одежда, завтрак — и вперед!

Когда она достала из чемодана легкую блузку и шорты, в номер вернулся Захариас.

— Как ты думаешь, Кент, годятся ли здесь эти шорты? Они...— Задав вопрос, Сибилла глянула на Захариаса, и голос у нее сел.— Что случилось?

— Я только что говорил с твоим мужем.

— Здесь?

— Он подошел ко мне в вестибюле. Сказал: «Вы Захариас?» Красиво, будто Хэмфри Богарт в роли обманутого мужа. «Где Сибилла? Я хочу ее видеть!»

— Только не это, Кент!

— Я спросил, чего он хочет. «Мою жену!» Я отвечаю: «В свое время — может быть; с тех пор многое изменилось». И тогда...

— Знаешь, представить себе не могу, чтобы Хорхе говорил, как свирепый рогоносец. Он всегда был вежливым и мягким. Как он выглядел?

— Ненормально он выглядел. Остекленевшие глаза, желваки на скулах. Ведь он знает, что ему не положено тебя искать?

— Хорхе прекрасно знает, как ему нужно себя вести. Надо же, такая беда... Где он сейчас?

— Внизу. С ним говорят Нерита и Лоренс. Ты ведь не хочешь его видеть?

— Конечно нет!

— Напиши записку, я отнесу. Скажу, чтобы убирался.

— Не хочу делать ему больно,— покачала головой Сибилла.

— Делать ему больно? Преследовал тебя по всему миру, как школьник, испортил путешествие, лезет в частную жизнь, нарушает правила для живых и мертвых, а ты...

— Кент! Он любит меня.

— Он тебя любил. Но той, кого он любил, больше нет! Он должен понять это.

— Я не хочу делать ему больно.— Сибилла прикрыла глаза.— Твоими руками тоже.

— Ничего я ему не сделаю. Ты что же, будешь с ним говорить?

— Нет.

Застонав от отчаяния, Сибилла отбросила блузку и шорты в сторону. Никогда, с того дня у курганов в Ньюарке, она не чувствовала такой угрозы своему существованию. Без особой надобности Сибилла выглянула в окно, будто ожидала, что Хорхе, Лоренс и Нерита спорят во внутреннем дворике. Внизу стоял коридорный, и ему явно понравилась обнаженная грудь Сибиллы: мальчишка наградил ее ослепительной улыбкой.

Отвернувшись от окна, Сибилла глухо сказала:

— Спустись к нему и скажи, что увидеть меня невозможно. Не говори, что я отказываюсь его видеть; не говори, что не хочу; не говори, что это неправильно. Скажи — невозможно. И позвони, пожалуйста, в аэропорт. Я хочу улететь вечерним рейсом в Дар-эс-Салам.

— Но мы только что приехали!

— Неважно. Когда-нибудь вернемся. Хорхе настойчивый, и с ним надо обойтись очень жестоко, чтобы отстал, а я не хочу и не могу. Поэтому мы улетаем.

Кляйну до сих пор не приходилось видеть мертвецов так близко. Они с Захарнасом сидели на ротанговых креслах в вестибюле гостиницы, среди пальм в горшках. Кляйн украдкой поглядывал на собеседника. Джиджибой говорил, что заметить почти невозможно, и был прав. Можно только почувствовать. Взгляд недостаточно подвижный, это всем известно; намек на восковую бледность под румянцем, но если не знать заранее, не поймешь. Кляйн попытался представить краснолицего рыжеволосого археолога, нарушителя покоя курганов, в постели с Сибиллой. Что в таких случаях делают покойники? Даже Джиджибой не знает точно. Он что-то говорил про руки, глаза, шепот и улыбки — насчет гениталий Джиджибой сомневается.

Он любовник Сибиллы, сказал себе Хорхе Кляйн. Почему мне от этого так плохо? Мы с Сибиллой не хранили абсолютной верности друг другу — в наши дни все так живут. Но почему я уверен, что меня победил — разбил на голову — покойник?

— Невозможно? — переспросил Кляйн.

— Она сказала именно так.

— Неужели я не могу поговорить с ней? Всего десять минут.

— Это невозможно.

— Хорошо. Я хочу посмотреть на нее, всего несколько секунд. Просто хочу узнать, как она выглядит.

— Вам не кажется унизительным тратить столько сил ради взгляда издалека?

— Кажется.

— И вы все равно хотите?

— Да.

— Ничем не могу вам помочь. Мне очень жаль,— вздохнул Захариас.

— Может, Сибилла слишком устала с дороги и завтра передумает?

— Не знаю. Почему бы вам не подойти завтра?

— Вы... были очень любезны, спасибо.

— De nada[1].

— Не хотите выпить?

— Спасибо,— покачал головой Захариас.— Я не пью с тех пор, как...— Он улыбнулся.

Между тем, от рыжего археолога попахивало. Виски? Ладно. Что остается Хорхе Кляйну? Он уйдет.

Водитель, ожидавший Кляйна у гостиницы, высунул голову в окошко такси.

— Может, прогулку по острову, сэр? — с надеждой спросил он.— Гвоздичные плантации, стадион.

— Видел уже,— ответил Кляйн. Потом пожал плечами: — Хорошо, давайте на пляж.

Вечер он провел, глядя на мелкие бирюзовые волны, лижущие розовый песок. Наутро Кляйн вернулся к отелю Сибиллы, но там уже никого не было. Все пятеро улетели в Дар-эс-Салам вчера вечером, извиняющимся тоном объяснил клерк у стойки. Когда Кляйн захотел позвонить, клерк указал ему на древний аппарат в нише у бара.

— Что происходит? — потребовал Кляйн, дозвонившись до Барвани.— Вы говорили, они останутся не меньше чем на неделю!

— Увы, сэр, ни на что нельзя полагаться,— печально ответил Барвани.

---

[1] Не за что *(исп.)*.

4

Что впереди? Чего ожидать от будущего? Я не знаю и не предвижу. Когда паук бросается с потолка вниз, он видит перед собой лишь бесконечную пустоту, в которой не найти опоры, сколь бы широко он не расставлял ноги. Природа не позволяет ему ничего иного. Точно так же и я: вижу перед собой лишь пустоту; вперед меня движут лишь законы за моей спиной: жизнь вывернута наизнанку, ужасна и непереносима

Серен Кьеркегор. Или — или

— Если речь идет о смерти, кто может сказать, как будет правильно, мой друг? — Джиджибой улыбнулся.— Когда я был мальчишкой в Бомбее, наши соседи-индусы еще практиковали сати. Это когда вдову сжигают на погребальном костре ее мужа. Не слишком ли много мы взяли бы на себя, назвав их варварами? Но мы их так называли.— В глазах Джиджибоя вспыхнули озорные искорки.— Когда они не могли нас слышать. Не хочешь ли еще карри?

Кляйн поймал себя на желании вздохнуть. Он уже наелся, и блюдо оказалось для него нестерпимо острым, но гостеприимству Джиджибоя нелегко было противостоять: при всей внешней ненавязчивости, оно подавляло. Отказ показался бы самому Кляйну богохульством, и он покорно кивнул. Взяв большую ложку, Джиджибой с улыбкой поднялся из-за стола, и на тарелке Кляйна немедленно появилась горка риса, тут же спрятавшаяся под остро приправленным мясом ягненка. Жена Джиджибоя, хотя ее ни о чем не просили, вышла на кухню, вернулась с запотевшей бутылкой «Хейнекена» и поставила пиво перед Кляйном, лукаво улыбаясь. Эти два парса — замечательные хозяева и понимают друг друга без слов.

Красивая пара, даже удивительная. Джиджибой высокий и стройный, нос у него орлиный, кожа очень смуглая, волосы черные как смоль, великолепные усы, руки и ноги небольшие и деликатные. Всегда вежлив и сдержан, двигается порывисто, почти нервно. Кляйн сказал бы, что ему пятый десяток, но ошибиться можно лет на десять в любую сторону. Жена — как ее зовут? — гораздо моложе, почти такая же высокая, гораздо светлее мужа и с великолепными формами. Всегда одета в шелковое сари. Сам Джиджибой предпочитает западный деловой костюм, только эти пиджаки и галстуки лет двадцать как вышли из моды. Кляйн ни

разу не видел ни его, ни ее с непокрытой головой: хозяйка всегда в белом льняном платке, хозяин — в парчовой ермолке, что делает его похожим на левантийского еврея. Детей нет, но им хватает друг друга: совершенный союз, когда два человека образуют единую и неделимую сущность. Точно так же, как Хорхе Кляйн и Сибилла в свое время.

— А у вас как принято?..— поинтересовался Кляйн.

— О, совсем по-другому, оригинальнее не придумаешь! Ты знаком с нашими погребальными обычаями?

— Оставлять покойников на поверхности?

— Древнейшая схема повторного использования,— кивнула супруга Джиджибоя.

— Башни молчания,— сказал хозяин, отходя к широкому окну гостиной, откуда было видно море ослепительных огней Лос-Анджелеса.

Дом Джиджибоя, сплошь стекло и красное дерево, стоял на сваях на самом гребне Бенедикт-Кэньон, сразу под Малхолландом. Отсюда видно все — от Голливуда до Санта-Моники.

— В Бомбее этих башен пять,— продолжал Джиджибой.— Они идут по горной гряде Малабар-Хилл, откуда видно Аравийское море. Им не одна сотня лет. Это круглые платформы диаметром около трехсот футов, окруженные стеной двадцати или тридцати футов в высоту. Знаешь, что делают, когда парс умирает?

— Не так много, как хотелось бы.

— Когда парс умирает, профессиональные носильщики несут его к одной из башен на железных носилках. Похоронная процессия движется следом; люди идут парами, каждую пару соединяет белый платок, который они держат в руках. Это очень красиво, дорогой Хорхе. В каменной стене есть ворота, через которые усопшего заносят внутрь. Кроме носильщиков, никто не имеет права заходить в ограду башни. Круглая платформа внутри выложена большими каменными плитами и состоит из трех кругов с неглубокими выемками для тел. Снаружи кладут мужчин, в среднем кругу — женщин, а во внутреннем — детей. В садах вокруг башен, на высоких пальмах, гнездятся стервятники. Как только усопшего кладут на место упокоения, они поднимаются в воздух. Спустя час или два от мертвеца остаются одни кости. Потом, когда кости высохнут на солнце, их сбрасывают в глубокий колодец в центре платформы. Бедные и богатые вместе обращаются в прах.

— И всех парсов хоронят именно так?

— Вовсе нет. Ты ведь знаешь, древние традиции рушатся в наши дни. Молодежь нередко предпочитает кремацию и даже обычное погребение в земле. Но многие из нас по-прежнему находят древний обычай прекрасным.

— Прекрасным?

— Захоронение в земле во влажном тропическом климате способствует распространению опасных болезней,— негромко объяснила хозяйка.— Предавая тело огню, мы пускаем на ветер то, из чего оно состоит. Голодные же птицы управляются с останками быстро и чисто, и ничего не пропадает из круговорота веществ. Разве это не окончательное равенство, когда кости всех членов общины смешиваются в общем колодце?

— Стервятники не разносят заразу?

— Нет,— решительно ответил Джиджибой.— Нашими болезнями они не болеют.

— Значит, вы оба хотите, чтобы ваши тела перевезли в Бомбей, когда...— Кляйн поперхнулся.— Видите, как ваш огненный карри влияет на мои манеры! — Кляйн выдавил кривую улыбку.— Простите! Гость в доме интересуется похоронными планами хозяев.

— Смерть нас не пугает, дорогой друг! — Джиджибой негромко рассмеялся.— Стоит ли говорить, что она естественна? Приходим на время, уходим навсегда. Когда придет наш срок, мы удалимся в Башню молчания.

— Гораздо лучше «ледяного города»,— добавила хозяйка неожиданно резко.

Кляйн раньше не замечал за ней такой эмоциональности.

Отвернувшись от окна, Джиджибой грозно посмотрел на супругу; такое Кляйн тоже увидел впервые. Ему показалось, что нити стройной паутины изысканной вежливости, которую хозяева плели весь вечер, рвутся и путаются. Явно нервничая, Джиджибой составил в стопку пустые тарелки.

— Она не хотела тебя обидеть,— сказал Джиджибой после неловкой паузы.

— Что же тут для меня обидного?

— Та, кого ты любишь, выбрала для себя «ледяной город». Моя супруга выразила отвращение к этому пути, и это можно счесть недопустимой невежливостью.

— Она имеет право относиться к идее воскрешения как угодно. Мне только странно...— Кляйн замялся.

— Что именно?

— Неважно.

— Не стесняйся, мы же старые друзья.

— Мне хотелось бы понять,— начал Кляйн, осторожно подбирая слова,— не слишком ли тебе тяжело посвящать всю жизнь мертвым? Изучаешь, душу на них тратишь, ничем другим не занимаешься, в то время как твоя жена относится к обитателям «ледяных городов» с презрением и отвращением. Если мертвецы ей омерзительны, не отталкивает ли твоя работа вас друг от друга?

— Ну, если ты об этом...— Джиджибой явно успокоился.— Мне идея воскрешения нравится еще меньше, чем ей.

— Вот как? — Кляйн не ожидал такого поворота.— Если тебе противно, ради чего ты за это дело взялся?

— Не хочешь ли ты сказать, что для ученого обязательна преданность объекту изучения? — искренне удивился Джиджибой.— Ты вот, кажется, еврей, а диссертацию защитил, если я ничего не путаю, по истории Третьего рейха.

— Ладно, убедил,— поморщился Кляйн.

— Для меня как социолога субкультура мертвецов — неодолимый соблазн. Разве не поразительно, что на глазах у всех возникает абсолютно новая сторона человеческого бытия? Разве не потрясающее везение, что это случилось в начале моего профессионального пути? Для меня нет более благодарной темы. Однако я не имею ни малейшего желания когда-либо воскреснуть таким способом. Для меня и моей супруги — Башня молчания, жаркое солнце, всегда готовые служить стервятники и окончательное забвение.

— Для меня это неожиданно, если бы я знал получше теологию парсов, мог бы догадаться, что...

— Ты не понимаешь. Наше неприятие не имеет отношения к теологии. Во-первых, нам просто не хочется заглядывать дальше отпущенного срока. Это личное. Во-вторых, у меня есть серьезные сомнения насчет последствий практики воскрешения для общества в целом. Присутствие мертвецов среди нас порой приводит меня в отчаяние. Как частное лицо, я их побаиваюсь. Мне совсем не нравится культура, которую они создают. Мне отвратительно...— Джиджибой оборвал сам себя.— Извини. Слишком сильное слово, наверное. Видишь, как все сложно? Пара-

доксальная смесь влечения и отвращения. Вот меня и разрывает между двумя полюсами. И зачем я это тебе говорю? Если не расстрою, то уж точно не развеселю. Расскажи лучше про Занзибар!

— Ничего интересного, к сожалению. Две недели ждал, когда она появится, потом не смог даже близко подойти и вернулся обратно. Проследил до самой Африки, но увидеть не вышло даже мельком.

— Как печально, дорогой Хорхе.

— Она не вышла из номера. А мне не позволили к ней подняться.

— Не позволили? Кто?

— Ее, как бы их назвать, свита. Сибилла путешествовала в компании четырех других мертвецов. Трое мужчин и одна женщина. Она поселилась в одном номере с Захариасом — это бывший археолог. Он меня к ней не пустил, очень ловко. Вел себя так, будто Сибилла — его собственность. Может быть, так и есть. Что скажешь, Джиджибой? Мертвецы женятся? Можно считать Захариаса новым мужем Сибиллы?

— Вряд ли. Понятие супружества у мертвецов не в ходу. Между ними складываются те или иные отношения, но пары возникают крайне редко, а вернее всего — никогда. Зато они создают псевдосемейные группы из трех-пяти человек, которые...

— Хочешь сказать, все четверо — ее любовники?

— Кто может знать? — развел руками Джиджибой.— В физическом смысле — едва ли, но даже тут ничего нельзя утверждать. Захариас, судя по всему, связан с ней какими-то узами. Остальные компаньоны могут быть членами псевдосемьи, а могут и не быть. У меня есть основания полагать, что в определенные моменты каждый мертвец может объявить всех остальных своей семьей. Увы, мы их наблюдаем и воспринимаем, в лучшем случае, через тусклое стекло.

— Для меня и это было бы неплохо. Я даже не знаю, как Сибилла теперь выглядит.

— Наверняка не хуже, чем при жизни.

— Ты мне говорил. Только мне надо самому увидеть. Не представляешь, как нужно. Если бы ты знал, как больно...

— Ты хочешь увидеть Сибиллу прямо сейчас?

— Как увидеть? — изумился Кияйн.— Не хочешь ли ты сказать, что она...

— Прячется в соседней комнате? Нет, конечно. Но небольшой сюрприз у меня найдется. Пошли в библиотеку!

Небольшой кабинет от пола до потолка был заставлен книгами на разных языках: не только на английском, французском и немецком, но и на санскрите, хинди, гуджарати и фарси. Крошечная колония бомбейских парсов не расставалась ни с одним языком, попавшим в их поле зрения.

Отодвинув высокую стопку специальных журналов, Джиджибой вытащил обзорный куб, включил подсветку и вручил его Кляйну.

В центре ослепительно четкой голограммы, посреди бесконечной равнины, стояли три фигуры. Над гладким, без единого деревца, морем зеленой травы синело пустое небо. Слева Захариас возился с затвором тяжелой винтовки, не глядя в объектив. Справа стоял крепкий коренастый мужчина с грубым лицом, бледным по контрасту с черными волосами — густая борода до ноздрей. Кляйн его узнал: Энтони Гракх. Рядом стояла Сибилла в брюках цвета хаки и белой куртке. Гракх показывал пальцем куда-то за пределы поля зрения камеры, а Сибилла целилась туда из винтовки, почти такой же большой, как у Захариаса.

Кляйн повертел куб, разглядывая лицо Сибиллы с разных сторон. От этого зрелища пальцы его сделались неуклюжими, а ресницы задрожали. Джиджибой не обманул: она не утратила своей красоты. Но это была совсем другая Сибилла. Тогда, в гробу, Сибилла казалась безупречной мраморной копией самой себя. Она походила на статую и сейчас: маска лица, два таинственных омута, затянутых льдом, вместо глаз, загадочная, едва заметная улыбка на губах. Смотреть на такую Сибиллу, чужую и незнакомую, было страшновато. Может, она не казалась бы окаменелой, если бы не целилась так сосредоточенно. Поворачивая куб так и эдак, Кляйн разглядел наконец, куда она целилась: на самом краю голограммы топталась странная птица. Крупнее индюшки, круглая как мешок, оперение серое, хвост и грудь грязно-белые, крылья белые с желтым, а ноги короткие и смешные, в желтых чешуйках. Эта птица с огромной головой и черным коротким клювом выглядела важно и комично. Она не подозревала, что минуты ее сочтены. Еще одно отличие: старая Сибилла не стала бы никого лишать жизни ради забавы. Сибилла-охотница, Сибилла — богиня Луны, Сибилла-Диана.

Потрясенный Кляйн спросил Джиджибоя:

— Где это снимали? Сафари в Танзании?

— Да, в феврале. Этот белый охотник — их проводник...

— Я его знаю. Гракх, один из компаньонов Сибиллы в Занзибаре.

— Он старший егерь охотничьего заповедника близ Килиманджаро. Заповедник обслуживает исключительно мертвецов. Одно из самых странных проявлений их субкультуры: они охотятся только на животных, которые...

— Откуда у вас эта голограмма?

— Ее сделала Нерита Трейси, компаньон Сибиллы.

— Да, в Занзибаре я ее видел. Но как вышло, что...

— Ее друг является моим информатором. Очень важный ресурс для исследований. Несколько месяцев назад я попросил его добыть для меня такую голограмму. Не сказал, конечно, что картинка нужна тебе. По-моему, ты чувствуешь себя нехорошо, мой друг.

Кляйн кивнул, опустив веки, будто прятал глаза от африканского солнца на голограмме.

— Мне нужно с ней встретиться,— бесцветным голосом объявил Кляйн.

— Было лучше оставить эту мысль.

— Нет.

— Не знаю, как убедить тебя в том, что это опасная и бессмысленная фантазия.

— Даже не пытайся. Это необходимо, понимаешь? Необходимо.

— И с чего ты думаешь начать?

— С «ледяного города» Сион.

— Ты уже там был. Тебя просто не пустят.

— Еще как пустят. Разве они отказывают мертвецам?

— Ты хочешь отдать свою жизнь? — Парс заморгал.— Такой у тебя план? Хорхе, правильно ли я тебя понял?

— Вовсе нет! — рассмеялся Кляйн.

— Тогда объясни.

— Я думаю туда внедриться. Прикинусь одним из них. Проникну в «ледяной город», как неверный проникает в Мекку. Ты поможешь мне? — Кляйн схватил Джиджибоя за руку.— Научишь их жаргону и обычаям?

— Они тебя мгновенно раскусят.

— А если нет? Если я успею найти Сибиллу?

— Это чистое безумие.

— Пусть так, неважно. Ты знаешь больше других. Могу я рассчитывать на твою помощь?

Мягко освободив руку из хватки Кляйна, Джиджибой отошел к стене кабинета. Наведя порядок на одной из книжных полок, он сказал:

— В моих силах сделать для тебя не так уж много. Мои знания обширны, но недостаточно глубоки. Но если ты решил, есть еще одна возможность. Я представлю тебя тому, кто способен помочь. Это мертвец, один из моих информаторов, не признающий авторитета отцов-проводников. Мертвец, но не из их числа. Может быть, ему удастся обучить тебя всему необходимому.

— Вызови его! — потребовал Кляйн.

— Должен тебя предупредить: он непредсказуем, неистов и ненадежен. Нормальные человеческие ценности для него не имеют значения в нынешнем состоянии.

— Просто вызови его.

— Если бы я мог тебя отговорить...

— Вызови его.

5

Сто сор происходят бедствия. В последнее время львиный рык раздается повсюду. За горем следует радость. Детей не следует бить слишком много. Тебе лучше вернуться домой. Работать сегодня невозможно. Ты должен ходить в школу каждый день. Идти этой дорогой не стоит, путь преграждает вода. Неважно, я перейду вброд. Нам лучше вернуться поскорее. Эти лампы потребляют много масла. В Найроби нет москитов. Здесь львы не водятся. Здесь люди собирают яйца. Есть ли вода в колодце? Нет, воды здесь нет. Если есть только три человека, работать сегодня нельзя.

Д. В. Перро. Изучаем суахили самостоятельно

Грозя носильщикам, Гракх кричит:

— Shika njia hii up!

Трое поворачивают, двое продолжают идти как ни в чем не бывало.

— Ninyi nyote! — кричит Гракх.— Fanga kama hivi!

Качая головой, он сплевывает и вытирает пот. По-английски, вполголоса, чтобы не услышали носильщики, добавляет:

— Делайте, как вам сказано, черные бездельники, не то до заката станете еще мертвее меня!

— Ты всегда с ними так разговариваешь? — смеется Сибилла.

— Стараюсь быть мягче, но толку от этого никакого. Пошли, нам от них отставать ни к чему.

После восхода и часа не прошло, а на сухой равнине между Килиманджаро и Серенгети солнце уже палит вовсю. Гракх ведет охотничий отряд к северу, сквозь высокую траву, по следу квагги. Идти по следу — нелегкая работа, и носильщики норовят уклониться в сторону, где у оврага есть тень в густой чаще терновника. Гракху приходится постоянно следить, чтобы они шли куда надо. Гракх кричит на носильщиков свирепо, как на упрямый скот, говорит о них презрительно, но Сибилле кажется, что это часть спектакля, в котором Гракх играет роль белого охотника. Когда на него не смотрят, Гракх добродушно поддразнивает носильщиков на суахили, общается с ними легко и непринужденно. Носильщики тоже играют роль, изображая, в зависимости от обстоятельств, то умудренных опытом знатоков буша, то бесхитростных дикарей, годных только носить тяжести. Но клиенты сегодня совсем не те, что во времена Хемингуэя: это мертвецы, и носильщикам приходится скрывать страх. Сибилла замечает: если носильщику случается коснуться мертвеца, он бормочет молитву и теребит амулет. Иногда она ловит взгляд, полный неподдельного ужаса — а может быть, отвращения. Гракх для них не друг, как бы он ни был с ними прост и весел. Носильщики видят в нем грозного чародея, а в клиентах — злых духов во плоти.

Охотники продвигаются вперед. Все молча обливаются потом: впереди носильщики с оружием и припасами, за ними Гракх, Захариас, Сибилла, Нерита и Мортимер. Нерита постоянно щелкает камерой.

По синему небу ползут клочья белых облаков: трава очень густая, так как в декабре прошли обильные, по сравнению с прошлыми годами, дожди. В траве кипит полускрытая жизнь: песарок, белок и шакалов можно увидеть лишь мельком. Появляются и животные покрупнее: три надменных страуса, парочка гиен и газели Томсона, подобные золотой реке на безводной равнине.

Вчера Сибилла видела двух бородавочников, семейство жирафов и сервала — изящную большеухую кошку, похожую на маленького гепарда. Охотиться на них нельзя, можно только на животных, специально разведенных для этого в заповеднике. Фауна Африки — то есть все звери, которые жили здесь до того, как мертвецы взяли этот участок земли в аренду у масаев, — находится под защитой правительственного постановления. Масаям разрешено охотиться на львов, поскольку это их земля, но львам мало что угрожает: масаев осталось совсем мало. Вчера Сибилла видела их впервые: пятеро рослых красивых мужчин, нагих под красными накидками, шли по бушу вдумчиво и не спеша. Издали они выглядели прекрасно, особенно когда стояли на одной ноге, опираясь на копье. Вблизи оказалось, что у масаев плохие зубы, рябые лица, а стройное тело уродуют грыжи. Они предложили купить копья и бисерные воротники за несколько шиллингов, но сафари уже началось с покупки сувениров в Найроби — по гораздо более высоким ценам.

Все утро они преследуют квагту. Гракх время от времени показывает то отпечаток копыта, то кучку навоза.

— Откуда нам знать, что это не зебра? — ворчит Захариас. Это ему загорелось подстрелить квагту.

— Не сомневайся! — Гракх подмигивает.— Зебры там тоже есть, но свою квагту ты получишь, гарантирую.

Нгири, старший носильщик, оборачивается.

— Piga quagga m'uzuri, bwana,— говорит он Захариасу, улыбается и тоже подмигивает.

Сибилле видно, как лучезарная улыбка носильщика гаснет мгновение спустя, будто заряд храбрости иссяк. На черном лице проступает печать ужаса.

— Что он сказал? — спрашивает Захариас.

— Что тебе достанется замечательная квагга,— переводит Гракх.

Последняя дикая квагга была убита примерно в тысяча восемьсот семидесятом; осталось три экземпляра в европейских зоопарках — одни кобылы. Квагг чуть не истребили буры, которые скармливали их нежное мясо рабам-готтентотам и делали из полосатых шкур мешки для зерна и сапоги. В лондонском зоопарке последняя квагга умерла в тысяча восемьсот семьдесят вто-

ром, в берлинском — в тысяча восемьсот семьдесят пятом, в амстердамском — в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году. Живую квагту вновь увидели только в тысяча девятьсот девяностом году — результат генетических манипуляций и ретроспективной селекции. В этом самом заповеднике, именно тогда созданном для особых клиентов.

Скоро полдень, но еще не прозвучал ни единый выстрел. Животные прячутся, их теперь не увидишь, пока тени не начнут удлиняться. Пришло время разбивать лагерь, доставать пиво и бутерброды, травить охотничьи байки о свирепых буйволах и раздражительных слонах... Нет, еще не пришло: с вершины невысокого холма, на который успел подняться отряд, видна стайка страусов и стадо из нескольких сотен зебр. При виде людей страусы начинают неторопливо отходить, но зебры продолжают пастись как ни в чем не бывало.

— Piga quagga, bwana,— показывает пальцем Нгири.

— Обыкновенные зебры,— откликается Захариас.

— Нет.— Гракх качает головой.— Слушайте!

Поначалу никто ничего не слышит. Потом до ушей Сибиллы доносится необычное лающее ржание. Странный, затерявшийся во времени зов, крик твари, до сегодняшнего дня неведомой Сибилле. Песнь мертвых? Вот, Нерита услышала, и Мортимер тоже. Наконец, услышал Захариас. Гракх кивает в сторону неглубокой ложбинки: там среди зебр пасутся полдюжины очень похожих на них лошадок. Квагта выглядит как неоконченная зебра — полосы только на голове и плечах, чепрак светло-коричневый, ноги белые, а грива темно-коричневая с бледными полосками. Шерсть на солнце блестит слюдяными искорками. Время от времени одно из животных поднимает голову, и раздается то самое прерывистое, свистящее фырканье. Голос квагги. Голос пришельцев из прошлого, которых тоже воскресили — по-своему.

По сигналу Гракха партия разворачивается полукругом на вершине холма. Приняв от Нгири громоздкую винтовку, Захариас опускается на колено, целится.

— Не торопись,— советует Гракх.— У нас целый день впереди.

— Неужели похоже, что я спешу?

Зебры заслонили собой табунчик квагг, будто знают, что те нуждаются в защите. Зебр убивать не положено. Медленно тянутся минуты; наконец зебры расступаются, и Захариас нажимает на спусковой крючок.

Услышав грохот выстрела, полосатые лошади брызнули во все стороны, сбивая с толку неистовым калейдоскопом черного и белого. На очистившемся поле осталась лежать на боку одна квагга. Животное совершило свой переход в царство мертвых, но Сибиллу это не возмущает. Прежде любая смерть была для нее страшна и отвратительна, но не теперь.

— Piga m'uzuri! — ликуют носильщики.

— Kufa,— кивает Гракх.— Хороший выстрел. Твой законный трофей.

Нгири снимает шкуру быстро и ловко. В лагере у склонов Килиманджаро сегодня на ужин печеная квагга, для мертвецов и для носильщиков. Хорошее мясо, сочное и пряное.

На следующий день, ближе к вечеру, отряд переходит вброд прохладную речку. Среди деревьев с расширяющимися кверху кронами и плоскими вершинами охотники встречают настоящее чудовище: косматую тушу, отдаленно похожую на медведя, ростом до пятнадцати футов. Опираясь на толстый тяжелый хвост, зверь прихватывает верхние ветки длинными лапами с жуткими серпообразными когтями. Добычу, состоящую из листьев и мелких сучьев, пожирает с жадностью. Бегло оценивает пришельцев маленькими туповатыми глазками и возвращается к еде.

— Большая редкость,— объясняет Гракх.— Порой охотники обходят заповедник вдоль и поперек, но так и не находят это чучело. Вы видели подобное уродство?

— Что это такое? — спрашивает Сибилла.

— Мегатерий. Гигантский земляной ленивец, водился когда-то в Южной Америке. Не местный, конечно, но мы на это не смотрим, если речь идет об охотничьих угодьях. У нас их всего четыре, и я даже не представляю, сколько стоит лицензия на отстрел одного экземпляра. До сих пор никто не интересовался. И не думаю, что найдется любитель.

Сибилле интересно, куда надо стрелять, чтобы убить это чудовище. Точно не в голову: пуля не найдет мозг величиной с горошину. Да и кому интересно охотиться на такую тварь?

Посмотрев, как мегатерий калечит дерево, партия движется дальше. На закате Гракх показывает им еще одно чудо: бледный купол вроде гигантской дыни на травянистой кочке у ручья.

— Яйцо страуса? — предполагает Мортимер.

— Горячо. Почти правильно. Яйцо моа, самой большой птицы в мире. Моа вымерли в Новой Зеландии, в восемнадцатом веке.

— Могу себе представить, какой омлет получится! — Нерита стучит пальцем по скорлупе.

— Да, на отряд из семидесяти пяти человек вполне достаточно,— кивает Гракх.— Два галлона жидкости, не меньше. Но трогать его мы не будем: естественный прирост дичи необходим для заповедника.

— А где мама моа? — спрашивает Сибилла.— Она ведь не должна бросать яйца.

— Моа не слишком сообразительные,— отвечает Гракх.— Одна из причин, по которой они вымерли. Наверное, ищет, чего бы пожрать. Кстати...

— О господи! — вырывается у Захариаса.

Моа внезапно появляется из-за деревьев, возвышаясь над охотниками, как пернатая гора в лучах заходящего солнца. Это страус, но какой! Ростом в двенадцать футов, с длинной мощной шеей, крепкими когтистыми ногами и тяжелым шарообразным телом. Птица Рух из истории о Синдбаде-мореходе — та самая, что уносила в когтях слона!

Птица печально смотрит на мелких тварей, собравшихся вокруг ее яйца, и выгибает шею, будто хочет атаковать. Захариас тянется к винтовке, но Гракх останавливает его руку: моа, оказывается, всего лишь протестует. Раздается тоскливое мычание, но не более того. Моа не шевелится.

— Отступайте спиной, без резких движений,— инструктирует Гракх.— Моа не нападет, но не попадитесь ей под ноги. Один пинок убьет кого угодно.

— Я бы взял лицензию на моа,— объявляет Мортимер.

— Их скучно стрелять. Они просто стоят и ждут пули. Та дичь, что предназначена для тебя, поинтереснее.

Мортимеру предназначен зубр, могучий бык европейских лесов. Его упоминали Цезарь и Плиний, на него охотился Зиг-

фрид, а к тысяча шестьсот двадцать седьмому году зубр исчез с лица Земли. Теперь стадо зубров, вызванное к жизни колдовством генетиков, разместилось на равнинах Восточной Африки. Держатся они обособленно, живут на лесистых плоскогорьях в нескольких днях пути от пастбищ, где остались квагги и гигантские ленивцы.

На опушке охотников встречает хор павианов, длинноухие слоны, а немного подальше, где солнце пробивается сквозь листья, стоит великолепная антилопа бонго с длинными кривыми рогами. Гракх ведет их вглубь леса, соблюдая осторожность: здесь небезопасно. Носильщики неслышно, как черные призраки, расходятся в стороны, образуя боевое охранение. Друг с другом и с Гракхом они общаются условным свистом. Оружие каждый держит в руках. Сибилла представляет, как сейчас в ветвях над головой покажется леопард, а в кустах зашуршит кобра, но ей не страшно. Впереди открывается поляна.

— Зубры,— говорит Гракх.

Действительно, десяток мускулистых длиннорогих животных пасется, объедая кустарник. Почуяв запах пришельцев, зубры фыркают, поднимают головы, смотрят угрожающе. Гракх и Нгири переглядываются, Гракх кивает Мортимеру.

— Сейчас их слишком много. Подождем, пока станет поменьше.

Мортимер нервно улыбается: ему известно, что зубры могут атаковать без предупреждения. Пять или шесть животных скоро покидают поляну, другие отходят на дальнюю опушку, только старый угрюмый бык не двигается и глядит с подозрением. Гракх переносит тяжесть своего грузного тела с пятки на носок. Сибилле он кажется воплощением готовности.

— Пора,— командует Гракх.

В тот же момент бык молниеносно бросается на людей, выставив вперед острые, как пики, рога. Мортимер стреляет. Пуля попадает зубру в плечо. Правильный, грамотный выстрел, но бык не останавливается. Мортимер стреляет еще раз, уже не так удачно, попадает в брюхо, и тогда открывают огонь Гракх и Нгири — не по быку, а поверх голов остальных, чтобы отогнать зверей. Рискованный прием срабатывает: стуча копытами, зубры исчезают в лесу. Подстреленный Мортимером бык все еще идет на охотника, но шатается и замедляет скорость. Он падает почти

под ноги Мортимеру и опрокидывается на спину, проткнув последний раз дерн острым копытом.

— Kufa,— кивает Нгири.— Piga nyati m'uzuri, bwana.

— Piga,— ухмыляется Мортимер в ответ.

— Интереснее, чем моа? — Гракх жестом приветствует победителя.

— Вот и моя дичь! — объявляет Нерита три часа спустя, указывая на дерево у дальней опушки леса.

В кроне этого дерева голуби гнездятся сотнями, будто на ветвях растут не листья, а птицы. У голубок серое брюшко и светло-коричневая спинка, лоснящееся оперение самцов сверкает всеми цветами радуги: синяя спинка и крылья, грудка цвета красного вина, шейка переливается бронзой и зеленью, а глаза — глаза поражают больше всего, оранжевые и яркие, как огонь.

— Точно,— соглашается Гракх.— Ты нашла своего странствующего голубя.

— Что за удовольствие убивать голубей на дереве? — недоумевает Мортимер.

— Что за удовольствие остановить быка пулей? — ядовито возражает Нерита.

По ее сигналу Нгири стреляет в воздух; голуби поднимаются на крыло и летают кругами, не поднимаясь высоко.

Полторы сотни лет назад в лесах Северной Америки никто и не думал поднимать их на крыло ради спортивного интереса: голуби были пищей, а не развлечением. Стреляя птицу прямо на деревьях, один охотник мог добыть несколько тысяч штук за один день. Потребовалось всего пятьдесят лет, чтобы стаи, заслонявшие солнце, исчезли навсегда. Зато сегодня у Нериты есть спортивный интерес. Есть и возможность продемонстрировать навыки. Она стреляет из помпового ружья, работая цевьем; перезаряжает, стреляет снова; птицы падают на землю. Когда стихает последний выстрел, носильщики собирают голубей, сворачивая им шеи для верности. Нерита добывает свою дюжину, в полном соответствии с лицензией: пару на чучела, остальные на ужин. Вернувшиеся в родные гнезда голуби смотрят на людей мирно, без упрека.

— Они очень быстро размножаются,— объясняет Гракх.— Если не проследить, захватят всю Африку.

— Не беспокойся,— смеется Сибилла.— Справились с ними один раз, а если надо, повторим.

Выбор Сибиллы — додо. В Дар-эс-Саламе, при оформлении лицензий, над этим выбором смеялись: додо — жирная беспомощная птица, не способная ни летать, ни бегать. Мозгов не хватает даже на то, чтобы заметить опасность. Сибилла пропустила насмешки мимо ушей.

Додо для нее — сущность и образец ухода в никуда, прототип смерти. А спортивного интереса у Сибиллы нет. Охота для нее — не самоцель.

По тропам заповедника Сибилла идет, как во сне. Являются разные картины: земляной ленивец, большая гагара, квагга, моа, вересковая куропатка, яванский носорог, гигантский броненосец и многие другие. Это место — обитель призраков. Мастерство инженеров-генетиков не имеет предела. Когда-нибудь заповедник предложит своим клиентам трилобитов, тираннозавров, мастодонтов, саблезубых тигров и даже — почему бы нет? — австралопитеков и неандертальцев, стадами и племенами. Для увеселения мертвых, чьи забавы по большей части мрачны. Сибилле интересно, можно ли считать убийством уничтожение этих лабораторных продуктов. Живые ли это существа? Может, это биороботы? Нет, решает Сибилла, они по-настоящему живые. Едят, размножаются, имеют стандартный обмен веществ. Они ощущают себя живыми целиком и полностью — стало быть, они реальны. Возможно, реальнее мертвецов, населяющих собственные тела, сброшенные за ненадобностью.

— Ружье! — требует Сибилла у ближайшего носильщика.

Вот она, додо, уродливая и смехотворная. Переваливается с боку на бок в густой траве. Сибилла прицеливается.

— Погоди! — кричит Нерита.— Я хочу это снять.

Нерита очень аккуратно пристраивается между птицей и группой охотников, немного в стороне, чтобы не мешать стрельбе и не спугнуть додо. Но птица, кажется, ничего и никого не замечает. Додо торопится, будто несет верительные грамоты посла царства тьмы, возглашающего добрую весть о грядущем упокоении тем, кто еще не вымер.

— Очень хорошо! — объявляет Нерита.— Энтони, покажи пальцем на додо, пожалуйста, будто только сейчас увидел. Кент,

сделай вид, что занимаешься винтовкой. Сибилла, а ты просто целься! Вот так!

Щелкает камера, звучит выстрел.

— Kazi imekwisha,— объявляет Гракх.— Работа окончена.

6

Встретиться лицом к лицу с самим собой так же неудобно, как пересекать границу по чужим документам, но другого способа встать на путь настоящего самоуважения нет. Несмотря на общее мнение, нет ничего сложнее самообмана: уловки, пригодные для других, рассыпаются на ярко освещенном углу, где назначают свидание самому себе. Не поможет ни обаятельная улыбка, ни перечень благих намерений, написанный красивым почерком.

Джоан Дидион. О самоуважении

— Я бы на твоем месте слушал, что говорит Джиджи,— сказал Долороса.— В «ледяном городе» тебя расколют за десять минут. Вернее, за пять.

Человек Джиджибоя оказался встрепанным коротышкой лет за сорок, с неопрятной копной волос на голове и широко расставленными горящими глазами. Из-под землистой кожи выпирали крепкие скулы. Остальные мертвецы, когда-либо попадавшиеся на глаза Кляйну, вблизи отличались внешней невозмутимостью, можно сказать, неземной безмятежностью, но только не этот. Долороса вертелся, трещал суставами пальцев, кусал нижнюю губу. Однако усомниться в его истинной природе было нельзя: не живее Захариаса, Гракха или Мортимера.

— Они меня — что? — спросил Кляйн.

— Расколют. Поймут, что ты не мертвый, так как подделать это интересное состояние невозможно. Господи! Ты будто не понимаешь по-английски! Как тебя зовут? Хорхе? Иностранное имя. Надо было раньше сообразить. Откуда ты?

— Родился в Аргентине, но в Калифорнию меня привезли ребенком, в тысяча девятьсот пятьдесят пятом. Понимаешь, мне все равно. Поймают так поймают. Я хочу поговорить полчаса со своей женой.

— Нет у тебя больше никакой жены, мистер!

— Ладно, я хочу поговорить с Сибиллой Кляйн, моей бывшей женой.

— Уже лучше... Сделаю так, что ты попадешь внутрь.

— Сколько это стоит?

— Можешь не беспокоиться. Я многим обязан Джиджи. Многим, и еще кое-чем сверх того. Во-первых, ты получишь лекарство...

— Лекарство?

— Препарат, который используют агенты казначейства, если им надо просочиться в «ледяной город». От него сужаются зрачки и подкожные капилляры, получается добрый старый зомби. Агентов всегда ловят и выдворяют — с тобой будет то же самое. Но будешь, по крайней мере, знать, что загримировался как следует. Ничего особенного: масляная капсула раз в день перед завтраком.

— Зачем агентам казначейства внедряться в «ледяные города»? — спросил Кляйн у Джиджибоя.

— Затем же, зачем и во все другие места. Шпионить. Им, видишь ли, нужно иметь информацию о финансовых делах мертвецов. А как ее получить, пока Конгресс не принял закона о жизни после смерти? Мертвого по документам человека не посадишь писать декларацию о доходах...

— Теперь легенда,— перебил Долороса.— Я могу сделать тебе карту резидента «ледяного города» Олбани, в Нью-Йорке. Умер в конце декабря, воскрешен на Восточном побережье — почему?..

— Потому что я участвовал в ежегодном слете Американского исторического общества в Нью-Йорке,— предложил Кляйн.— В качестве профессора современной истории Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе я именно этим и занимаюсь. Из-за рождественских каникул тело не удалось отправить обратно в Калифорнию. Не было мест для гроба ни на одном самолете, вот меня и отвезли в Олбани. Годится?

— Складно врешь, профессор! — осклабился Долороса.— Есть у тебя жилка, точно говорю. Ладно, Олбани. Ты выходишь оттуда впервые, крылышки просушить — так это называется. Когда бабочка выходит из куколки, тельце у нее мягкое, а крылышки влажные. Мир чужой и незнакомый, а ты сам по себе. Сначала надо обсохнуть. Дальше: есть обычаи, словечки, неписаные правила — масонские знаки, в общем. На эту ерунду у нас три дня: завтрашний день, среда и пятница. Заниматься с тобой буду сам, времени должно хватить. А для начала вот тебе осно-

вы. Три вещи, о которых нельзя забывать в «ледяном городе». Первое: не задавай прямых вопросов. Второе: не опирайся ни на чью руку. Догадываешься, о чем я? Третье: помни, что для мертвеца вселенная — игрушка из дешевого пластика. Нет для него вещей, которые бы он принимал всерьез.

В начале апреля, прилетев в Солт-Лейк-Сити, Кляйн взял напрокат автомобиль. Шоссе вело мимо Моава на плоскогорье, зажатое между красноватыми горами, где мертвецы построили «ледяной город» Сион. Кляйн уже был здесь поздним летом девяносто первого года, когда жгучее солнце сияло на полнеба и даже закаленный можжевельник изнывал от жажды. Сейчас морозный день клонился к вечеру, бледно светились облака над западными холмами, время от времени сыпал редкий снежок. На экране записной книжки, вделанной в приборную доску, высвечивались дорожные указания Джиджибоя. Пятнадцать миль от города — есть; узкая мощеная дорога, отходящая от шоссе, — есть; неброская табличка «Частная дорога, въезд запрещен» — есть; следующий знак через тысячу ярдов «Ледяной город Сион, допускаются только резиденты» — есть. А сразу за знаком дорогу пересекает зеленый лучик сканера. Из-под земли вырастает автоматический шлагбаум. Раздается голос из невидимого мегафона:

— Если у вас есть разрешение на въезд в «ледяной город» Сион, поместите его, пожалуйста, под правый стеклоочиститель.

В прошлый раз никакого разрешения у Кляйна не было, и он сумел лишь обменяться несколькими словами с невидимым привратником. Правда, удалось выяснить, что Сибилла действительно живет в Сионе.

Сегодня Кляйн положил под правый дворник фальшивую карту резидента, полученную от Долоросы, и через тридцать секунд напряженного ожидания шлагбаум уполз под землю. Дальше узкая дорога извивалась вдоль опушки густого и низкорослого хвойного леса, пока не уперлась в кирпичную стену, уходившую за деревья. Создавалось впечатление, что город окружен стеной целиком, подобно средневековой крепости. Над железными воротами в стене мигнул зеленым огоньком электронный глаз; после непродолжительного сканирования створки откатились в стороны.

Сначала автомобиль Кляйна ехал мимо служебных построек: склады, электрическая подстанция, водонапорная башня, еще какие-то унылые одноэтажные сараи без окон из шлакоблоков. Далее последовали жилые кварталы, такие же уродливые и унылые. Прямоугольная планировка, приземистые, скучные, одинаковые дома. На улицах почти никакого движения, на дюжину кварталов не более десятка пешеходов, не обративших на Кляйна никакого внимания. Вот, значит, где мертвецы проводят вторую жизнь. По собственному выбору. Как объяснить эту нарочитую бесцветность?

Ты никогда нас не поймешь, предупреждал Долороса. Он был прав. Джиджибой говорил, что «ледяные города» не особенно уютны, но такого Кляйн не ожидал. Не город, а ледник какой-то: тишина, стерильная чистота и неподвижность покойницкой. Неудивительно, если подумать. «Ледяной город» — подходящее название. С точки зрения архитектуры он напоминал худшие образцы массовой застройки, но духовная проекция была еще хуже. Гигантский дом престарелых, вот что. Если собрать в одном месте все «Миры досуга» и «Солнечные поместья», именно это и получится. Безрадостные и бездетные приюты для живых покойников другого сорта, ожидающих трубного гласа... Кляйн поежился.

Через несколько минут езды открылась первая картина если не жизни, то хоть какой-то активности: коричневый подковообразный торговый центр с плоской крышей, где ходили по залам покупатели. Что ж, первая проба сил.

Припарковав машину, Кляйн заставил себя войти внутрь. Ему казалось, что на лбу у него пульсирует надпись крупными буквами: «МОШЕННИК, ЧУЖАК, ДИВЕРСАНТ, ШПИОН». Хватайте меня, и делу конец, тоскливо подумал Кляйн. Никто, однако, не обращал на него ни малейшего внимания, не замечал пылающих слов на лбу. Что это, интересно? Вежливость? Презрение? Кляйн разглядывал покупателей, как он надеялся, исподтишка. Вдруг Сибилла найдется прямо здесь? Мертвецы ходили, как манекены, не улыбаясь и не разговаривая. Ледяная отчужденность напоминала атмосферу обычного торгового центра в пригороде, доведенную до сюрреализма: Норман Рокуэлл пополам с Дали и де Кирико. В остальном очень похоже на обыкновенный торговый центр: магазины одежды, филиал банка, аудио

и видео, закусочная, цветы, театрик, сувениры. Впрочем, главное отличие скоро бросилось в глаза: полная автоматизация. Ни одного продавца, только пульты и экраны. Еще, наверное, батареи скрытых сканеров, чтобы не вводить в искушение... Хотя, кто знает: может быть, склонность к мелкому воровству уходит вместе с первой жизнью?

Покупатели сами выбирали товары и оплачивали их на кассовых автоматах, прикладывая подушечки больших пальцев, чтобы снять деньги с нужного счета. Разумеется. Кто станет тратить драгоценные минуты загробного существования на то, чтобы торчать за прилавком, торгуя теннисными туфлями и сладкой ватой? А жители «ледяного города» вряд ли захотят портить свое уединение, пуская сюда живых людей в качестве рабочей силы. Наверное, кому-то из мертвецов порой приходится работать — иначе как товары попадают на полки? Но в основном все здесь делают машины.

Через десять минут Кляйн начал думать, что родился невидимым для покойников. Как раз в этот миг перед ним остановился лысый широкоплечий мужчина с до странности молодым лицом.

— Меня зовут Пабло,— представился он.— Добро пожаловать в Сион!

Кляйн так растерялся, что едва не «потерял лицо»: чуть не забыл про невозмутимость, приличествующую мертвому. Дружелюбно улыбаясь, Пабло коснулся пальцев Кляйна. К несчастью, с теплотой приветствия убийственно контрастировал холодный и отчужденный взгляд.

— Меня послали, чтобы проводить тебя к жилищу,— сказал Пабло.— Идем, там твой автомобиль.

Не считая указаний повернуть налево или направо, Пабло произнес ровно три фразы.

— Дом воскрешения.

Пятиэтажное здание, приветливое, как любая больница. Стены цвета старой бронзы и черные, как оникс, окна.

— Дом отца-проводника.

Скромный кирпичный дом, как у приходского священника, на краю небольшого садика.

— Ты будешь жить здесь.

С этими словами Пабло вышел из машины и быстрым шагом удалился.

Остановиться Кляйну надлежало в Доме странников — гостинице для приезжих мертвецов. В этом городе безрадостных зданий длинная и низкая постройка из шлакоблоков требовала поистине крепких нервов, чтобы не опуститься на дно отчаяния. В чем бы ни состояли желания мертвецов, им явно не требовалось архитектурных изысков. Голос из автомата в суровом вестибюле отправил Кляйна в номер: квадратную комнатку с беленными стенами и высоким потолком. Выяснилось, что к услугам гостя имеется коммуникатор с экраном, туалет, узкая кровать, комод, стенной шкаф и маленькое окошко, откуда открывался вид на соседнее здание, ничуть не веселее самой гостиницы.

Никто ничего не сказал про деньги. Может, Кляйн стал гостем города? Никто не сказал вообще ничего. Похоже, его приняли. Недорого, оказывается, стоит уверенность Джиджибоя в том, что самозванца немедленно разоблачат. Или уверенность Долоросы в том, что он расколется через десять минут. Кляйн находится за стенами Сиона уже полчаса. Его раскололи?

— Еда не имеет для нас особого значения.— говорил Долороса.

— Но вы едите?

— Конечно. Просто еда не имеет значения.

Для мертвецов — может быть, но пока что не для Кляйна. Без изысков можно обойтись, однако есть нужно, лучше три раза в день. И неплохо бы перекусить прямо сейчас. Что же делать? Заказать обед в номер? Здесь нет прислуги. Первое правило Долоросы: не задавай прямых вопросов. К железному коммуникатору это наверняка не относится. Компьютеры не требуют соблюдения этикета. Правда, голос за экраном может не принадлежать машине; на всякий случай надо использовать лапидарный стиль, который, по словам Долоросы, предпочитают мертвецы.

— Обед?

— Кантина.

— Где?

— Четвертый централ.

Четвертый централ? Очень хорошо. Неужто он не найдет дороги? Переодевшись, Кляйн зашагал по линолеуму длинного коридора в сторону вестибюля. На улице окончательно стемнело, зажглись фонари. Под покровом темноты убожество Сиона больше не резало глаза. Напротив, бездушная регулярность планировки обернулась намеком на божественную симметрию.

На улицах, однако, не было ни номеров домов, ни указателей, ни пешеходов. Десять минут Кляйн шел куда глаза глядят. Он надеялся, за неимением лучшего плана, встретить кого-нибудь, кому тоже нужен четвертый централ. В конце концов он встретил высокую женщину царственного вида, весьма преклонных лет. Но оказалось, что подойти к ней Кляйн не в силах. Он помнил, что ему говорили: не задавай прямых вопросов, не опирайся ни на чью руку. Кляйн шагал рядом с женщиной, не задавая вопросов и не приближаясь вплотную, пока она внезапно не скрылась в одном из домов. Еще десять минут прошли в невеселых размышлениях. Итак, некто прибыл в Сион в первый раз. Живой или мертвый, хоть на какую-то помощь он вправе рассчитывать? Может, Долороса отчасти набивал себе цену.

На ближайшем углу Кляйн решительно приблизился к человеку, прикуривавшему спиной к ветру.

— Простите, не могли бы вы...

— Кляйн? — Мужчина смотрел ему прямо в глаза.— Ну конечно. Никакого сомнения. Значит, ты тоже переплыл реку забвения.

Один из занзибарских компаньонов Сибиллы, сообразил Кляйн. Мортимер, приметливый и сообразительный. Член псевдосемейной группы, что бы это ни значило. Вот и все, сумрачно подумал Кляйн, выдерживая взгляд Мортимера. Сейчас его разоблачат. Семи недель не прошло, как он спорил с Мортимером во внутреннем дворике занзибарского отеля. Этого недостаточно, чтобы умереть, воскреснуть и обсушить крылышки. Однако прошло несколько секунд, а Мортимер ничего не сказал.

— Я только что приехал,— сообщил Кляйн.— Пабло проводил меня в Дом странников, а теперь я ищу кантину.

— Четвертый централ? Тебе повезло. Мне как раз туда.

Ни тени подозрения на лице Мортимера. Может быть, беглая улыбка — единственный и последний знак того, что мертвый распознал живого? Не следует забывать, что для мертвецов вселенная — дешевая игрушка, они ничего не принимают всерьез.

— Я жду Нериту,— сказал Мортимер.— Можно пообедать вместе.

— Меня воскресили в «ледяном городе» Олбани,— без особой надобности объяснил Кляйн.— Я только оттуда.

— Замечательно.

Нерита Трейси вышла из дома на другой стороне: стройная спортивная женщина лет сорока с короткими темно-рыжими волосами. Она быстро подошла к ним.

— Мортимер Кляйн, с которым мы познакомились в Занзибаре. Только что из Олбани, после воскрешения.

— Сибилла наверняка обрадуется,— улыбнулась Нерита.

— Она в городе? — не удержался Кляйн.

Мортимер и Нерита переглянулись. Кляйн чуть не покраснел. Никогда не задавай прямых вопросов! Черт бы тебя побрал, старый информатор!

— Вы скоро увидитесь,— сказала Нерита.— Ну что, идем обедать?

Вопреки ожиданиям Кляйна, кантина оказалась вполне приличным рестораном, куда сразу захотелось войти. Тяжелые темные портьеры разделяли умело спланированное на пяти или шести уровнях помещение на небольшие уютные кабинеты и альковы, обращенные к колодцу — пустому пространству в центре зала. Такой ресторан сделал бы честь роскошному тропическому курорту.

С едой вышло гораздо хуже: стандартные безвкусные блюда с автоматической раздачи. Еще один убийственный контраст. Да, они ничего не принимают всерьез... Выяснилось, что есть хочется не так сильно, как казалось в гостинице. Пока Кляйн ковырялся в тарелке, беседа Мортимера с Неритой летела мимо его ушей со скоростью, в несколько раз превышающей скорость мысли. Приспособиться к такому потоку обрывочных, старательно перемешанных иносказаний, намеков и особых словечек не представлялось возможным. Трудно представить, что они так себя ведут без задней мысли. Мало того, еще время от времени спрашивают: не правда ли? Приходится с умным видом улыбаться и кивать, кивать и улыбаться. Безусловно! Вне всякого сомнения!

Что же происходит? Раскусили и развлекаются? Приняли за своего, во что невозможно поверить? Ему, Кляйну, точно их не раскусить: слишком изысканно играют. Правда, свежеиспеченный мертвец тоже приспосабливается к миру себе подобных. Ему почти так же трудно, как и живому.

— Тебе по-прежнему ее ужасно не хватает? — неожиданно просто спросила Нерита.

— О да. Некоторые вещи не желают умирать.

— Умирает все,— сказал Мортимер.— Додо, зубры, Священная римская империя, династия Янь. Падают стены Византии и забывается язык строителей Мохенджо-Даро.

— Что-то остается,— возразил Кляйн.— Великие пирамиды, Янцзы, целакант[1], наследники питекантропа. Есть вещи, которые выживают сами по себе, есть вещи, которые можно восстановить; забытый язык можно расшифровать. Насколько мне известно, на додо и зубра охотятся в наши дни в одном африканском заповеднике.

— Это копии,— пожал плечами Мортимер.

— Весьма убедительные копии. Ничем не хуже оригинала.

— Тебе устраивает подделка? — спросила Нерита.

— Меня устраивает то, чем можно обладать.

— Убедительная копия ушедшей любви сгодится?

— Вот как... Мне хватит пяти минут разговора. Я согласен.

— Ты получишь свои пять минут. Но не сегодня. Вон там — видишь? Но тебе нельзя беспокоить ее сейчас.

Кляйн посмотрел туда, куда Нерита указала движением головы. В дальнем конце зала, тремя уровнями выше, появились Сибилла и Кент Захариас. Некоторое время они стояли на краю алькова, рассеянно и безучастно глядя вниз, на дно колодца. У Кляйна задергалась щека, и он прикрыл ее рукой, чтобы не выдать себя окончательно. Теперь затрясло ладонь, но незаметно.

Сибилла выглядела подобно богине, открывающей себя почитателям посреди святилища. Нестерпимо прекрасная в своем бледном сиянии, красивее, чем подсказывала и приукрашивала память, зажатая в тиски безвозвратной потери. Кляйну казалось невозможным, что она была когда-то его женой, близкой во многих обличьях. Разве он не видел эти глаза красными и припухшими после ночи над книгами? Разве он не смотрел сверху в это лицо, искаженное страстью, похожей на гримасу боли? Разве она не бывала раздражительной и несправедливой, когда болела? Разве не было у нее недостатков, слабостей, запахов и родимых пятен? Разве не знал он эту возрожденную и воскрешенную по ту

---

[1] Целакант, или латимерия,— наиболее древняя из ныне живущих кистеперых рыб.

сторону реальности богиню — когда она была человеческим существом? Ее ли он искал, подобно святому Граалю, эту Сибиллу?

Безмятежно повернувшись спиной, Сибилла исчезла в глубине занавешенного алькова.

— Она знает, что ты здесь,— сказала Нерита.— Ты с ней встретишься. Скорее всего, завтра.

Мортимер отреагировал непостижимым иносказанием, и прежний разговор между ним и Неритой возобновился. Кляйна затягивало в водовороты их стремительной беседы, он тонул, опускаясь все глубже и глубже. Пытаясь не захлебнуться окончательно, он ни разу не посмотрел туда, где сидела Сибилла. Под конец поздравил себя с маленькой победой в безнадежном предприятии — сойти за покойника.

Лежа на узкой койке в доме странников, Кляйн недоумевал: что же он скажет Сибилле при встрече? И что она ему ответит? Осмелится ли он спросить прямо, хороша ли ее новая жизнь? Лучше ли старой? На самом деле ему ничего не нужно, кроме одного взгляда на ее преображенную сущность. Тем более, что шанс вернуть Сибиллу призрачен. Или он еще надеется? Разумеется, такие вопросы выдадут его неуклюжее естество живого человека, неспособного воспринять бытие мертвеца. Впрочем, какие могут быть сомнения? Сибилла и так все сразу поймет. Но что же ей сказать? Что все-таки сказать? Возможен ли такой диалог:

— Скажи, Сибилла, на что похожа твоя нынешняя жизнь?

— Будто плыву под толстым стеклом.

— Не понимаю.

— Там, где я нахожусь, покой, Хорхе. Непостижимый, превосходящий понимание мир. Когда-то казалось, что меня треплет великая буря, что жизнь сгорает в лихорадке. Теперь я нахожусь в центре урагана, в глазу этой бури, где царствует вечное безветрие. Я лишь смотрю; меня никто не терзает и не принуждает.

— Но разве не таким путем приходит бесчувствие? Тебе не кажется, что тебя плотно упаковали и спрятали подальше? Разве плыть под стеклом не значит страдать от изоляции? От онемения?

— Тебе может так показаться. Но в моем состоянии нельзя попасть под власть излишнего и необязательного.

— Мне кажется, такое существование ограниченно.

— Меньше, чем могила, Хорхе.

— Я никогда не понимал, зачем ты планировала воскрешение. Ты ведь жила жадно, страстно упивалась каждой минутой. Согласиться на полужизнь, как сейчас...

— Не будь дураком, Хорхе. Быть наполовину живым куда лучше, чем кормить червей. Я была так молода, мне так много оставалось увидеть и сделать.

— Увидеть и сделать, будучи живым наполовину?

— Это твои слова, не мои. Я совсем не живая. Не огрызок и не развитие той Сибиллы, которую ты знал. Я другое существо, целиком и полностью. Ни выше, ни ниже старой Сибиллы — просто другая.

— А видишь и чувствуешь — по-другому?

— Совсем по-другому. У меня угол зрения увеличился. Мелочи теперь так и остаются мелочами.

— Можешь привести пример?

— Не хотелось бы. Боюсь, тут нечего объяснять. Умри и будь вместе с нами — поймешь сам.

— Ты знаешь, что я живой?

— Не смеши меня, Хорхе!

— Как здорово, что я еще могу тебя рассмешить.

— Ты так явственно страдаешь. Мне тебя почти жалко. Ладно, спроси меня о чем-нибудь. О чем хочешь.

— Ты могла бы оставить своих компаньонов и жить в большом мире?

— Не задумывалась.

— Ты обещала ответить!

— Думаю, могла бы. Но зачем? Мой мир здесь.

— Мир? Скорее, гетто.

— Какое слово. Для тебя мой мир — гетто?

— Ты замыкаешься в узком кружке себе подобных. Вы образуете ограниченную субкультуру. Отгораживаетесь стеной жаргона и этикета. Такие вещи делаются, чтобы чужак мог чувствовать себя неловко и неудобно. Чтобы не забыл как-нибудь, что он чужак. Это оборонительное сооружение. Посмотри на хиппи, на черных, на геев. У всех одно и то же.

— Про евреев не забудь.

— Само собой. Как можно забыть про евреев? Особое племенное остроумие, особые праздники, особый язык, чтобы чужим было непонятно. Отличный пример, Сибилла.

— Будем считать, что меня приняли в другое племя. Что в этом предосудительного?

— Тебе необходимо это племя?

— А что я имела раньше? Состояла в племени калифорнийцев? Или педагогов?

— А как насчет племени Хорхе и Сибиллы Кляйн?

— Уж очень оно изолированное. К тому же меня из него изгнали. Вот мне и понадобилось другое.

— Изгнали? Кто?

— Смерть. Знаешь, из смерти действительно не возвращаются.

— Ты можешь вернуться. В любой момент.

— Нет, Хорхе. Это неосуществимо, потому что я больше не Сибилла Кляйн и никогда ею не буду. Как еще тебе объяснить? Ничего сделать нельзя. Смерть — она все меняет. Попробуй сам умереть, и увидишь. Попробуй.

— Она ждет тебя в холле,— сообщает Нерита.

Вот он, холл в соседнем крыле дома незнакомцев. Просторный, с мебелью казенного вида. Сибилла стоит у окна, откуда сочится бледный свет стылого утра. С ней Мортимер и Кент Захариас. Мужчины награждают Клейна двусмысленной улыбкой — не то вежливой, не то издевательской.

— Нравится наш город? — поинтересовался Захариас.— Вы с ним познакомились?

Кляйн едва кивнул и предпочел воздержаться от ответа. Повернувшись к Сибилле, он поразился собственному душевному равновесию. Целый год он сражался за этот момент, а теперь совершенно спокоен: ни страха, ни тоски, ни томления. Как мертвец. Он знал, конечно, что это спокойствие панического ужаса.

— Мы оставляем вас вдвоем,— сказал Захариас.— Вам, должно быть, многое надо сказать друг другу.

Мортимер, Захариас и Нерита вышли. Холл опустел.

Сибилла смотрела в глаза Кляйну спокойно и внимательно. Поставлена задача: дать отстраненную и объективную оценку. И улыбочка та же самая: все они после смерти улыбаются, как Джоконда.

— Ты к нам надолго, Хорхе?

— Едва ли. Два-три дня, может быть, неделю.— Он облизнул губы.— Как ты живешь, Сибилла? Как оно здесь?

— Ничего неожиданного. Примерно так, как я и думала.

И что бы это значило? Никаких подробностей? Никаких разочарований? Никаких сюрпризов? Легко ли тебе, хорошо ли — как? Господи.

«Никогда не задавай прямых вопросов»

— Жалко, что ты не захотела видеть меня в Занзибаре.

— Тогда было невозможно. Не будем об этом больше.— Коротким жестом Сибилла навсегда закрыла тему. Помолчав, заговорила снова: — Хочешь, расскажу удивительную историю? Оманское влияние в Занзибаре, ранний период. Я сама ее раскопала.

Вот как, поразился Кляйн. Ей не интересно, как Хорхе Кляйн попал в Сион, ей не интересно, живой он или мертвый, ей не важно знать, что ему от нее надо. Зато интересна политика древнего Занзибара.

— Да, наверное.

А что, имеет смысл отказываться?

— История о том, как Ахмад Хитроумный свергнул Абдаллу ибн Мухаммада Алави. Вполне подойдет для «Тысяча и одной ночи».

Эти имена ничего не говорили Кляйну. В свое время он принимал некоторое участие в исторических изысканиях Сибиллы, но с тех пор прошли годы. Остался только спутанный клубок имен в голове. Ахмады, Хасаны, Абдаллы...

— Прости, я не помню, кто они такие.

— Ты наверняка помнишь, что в восемнадцатом и начале девятнадцатого века влияние сильнейшего в бассейне Тихого океана арабского государства Оман простиралось от Муската до Персидского залива,— продолжала Сибилла, не смущаясь.— Под властью династии Бусаидов, основанной в тысяча семьсот сорок четвертом году Ахмадом ибн Саидом аль-Бусаиди, власть Омана достигла Восточной Африки. Столицу африканской империи Омана следовало бы разместить в Момбасе, но место было занято конкурирующей династией. Поэтому взоры Бусаидов обратились к соседнему Занзибару — острову, где смешанное население состояло из арабов, индийцев и африканцев. Стратегическое положение Занзибара делало его обширную и хорошо защищенную гавань идеальной базой для торговли восточноафриканскими рабами, которую Бусаиды собирались контролировать.

— Теперь, кажется, припоминаю...

— Очень хорошо. Оманский султанат Занзибара был создан Ахмадом ибн Маджидом Хитроумным, который взошел на трон Омана в тысяча восемьсот одиннадцатом году, по смерти своего дяди Абдурахмана аль-Бусаиди, помнишь?

— Да, имена звучат знакомо.— неуверенно кивнул Кляйн.

— Семью годами спустя, намереваясь покорить Занзибар без применения силы, Ахмад Хитроумный, сбрив бороду и усы, надел желтые одежды и тюрбан с драгоценным изумрудом, чтобы проникнуть в Занзибар в качестве ясновидца и предсказателя. Большая часть Занзибара находилась тогда под властью местного правителя арабо-африканского происхождения, Абдаллы ибн Мухаммада Алави, или Мвеньи Мкуу — так звучал его наследственный титул. Подданными Мвеньи Мкуу были, в основном, африканцы племени хадиму. По прибытии султан Ахмад завоевал немалую популярность, демонстрируя искусство предсказателя в гавани Занзибара. В скором времени ему удалось добиться аудиенции при дворе Мвеньи Мкуу. Ахмад предсказал Абдалле блестящее будущее, объявив, что на Занзибаре появится один из могущественнейших государей мира, сделает Мвеньи Мкуу своей правой рукой и утвердит его самого и потомков в качестве повелителей Занзибара на все времена. « Откуда тебе это известно?» — спросил Мвеньи Мкуу. «Я пью волшебный напиток, позволяющий видеть будущее,— ответил султан Ахмад.— Не хочешь ли попробовать?» «Хочу!» — воскликнул Абдалла. И тогда султан Ахмад дал ему снадобье, возносившее в заоблачные высоты и вызывавшее райские видения. Глядя вниз со своего места у подножия престола Аллаха, Мвеньи Мкуу увидел богатый Занзибар, благоденствующий под властью его детей и внуков. Видение всемогущества продолжалось долгие часы. После этого Ахмад покинул Занзибар. Он отрастил бороду и усы, чтобы вернуться десять недель спустя во главе могущественного флота — уже в качестве султана Омана. Явившись ко двору Мвеньи Мкуу, он предложил, в соответствии с предсказанием, заключить союз, по условиям которого к Оману отходят многие прерогативы, касающиеся внешней политики, включая работорговлю. Мвеньи Мкуу же гарантируется невмешательство в его внутренние дела. В качестве компенсации за политические уступки Мвеньи Мкуу получит от Омана финансовую помощь. Помня видение будущего, открытого ему предсказателем, Абдалла подписал договор,

фактически утверждавший захват Занзибара Оманом. Последовал великий пир в честь заключенного договора. На пиру, в знак уважения, Мвеньи Мкуу предложил султану Ахмаду отведать местного снадобья под названием боргаш, или «цветок истины». Ахмад лишь притворился, будто вдыхает волшебный дым, ибо терпеть не мог веществ, изменяющих сознание, зато Абдалла, под влиянием «цветка истины», разглядел черты лица предсказателя под бородой султана. Поняв, как его обманули, Мвеньи Мкуу ударил Ахмада в бок отравленным кинжалом, после чего сбежал из дворца и покинул Занзибар, чтобы спасти свою жизнь и найти убежище на близлежащем острове Пемба. Ахмад ибн Маджид не умер тогда, но яд оказал губительное влияние на внутренние органы: оставшиеся десять лет жизни Ахмад тяжело болел. Что до Мвеньи Мкуу — люди султана выследили его и казнили, истребив также девяносто членов семьи. На этом история туземных правителей Занзибара прекратилась.

Окончив рассказ, Сибилла некоторое время молчала.

— Разве не красочная повесть? — спросила она наконец.

— Да, конечно. Дивная история. Где ты ее нашла?

— Неопубликованные воспоминания Клода Ричберна, служащего Ост-Индской компании, затерявшиеся в лондонских архивах. Их должны были бы обнаружить раньше. Очень странно. А в учебниках просто сказано, что Ахмад заставил Абдаллу подписать соглашение, запугивая флотом, а потом устранил Мвеньи Мкуу при первом удобном случае.

— Действительно странно,— согласился Кляйн.

Он представить себе не мог, что на долгожданной встрече придется выслушивать романтические истории о ядах, предательстве и волшебных снадобьях. Лихорадочно соображая, как вернуть разговор в разумные рамки, Кляйн ухватился за воображаемую беседу с Сибиллой. «Будто плыву под толстым стеклом... Там, где я нахожусь, там покой, Хорхе. Мир непостижимый, превосходящий понимание. Никто не остается во власти излишнего и необязательного. Пустяки остаются пустяками. Попробуй сам умереть — увидишь». Допустим. Но имеют ли его фантазии какое-либо отношение к настоящей Сибилле? Нет, подобрать ключ к реальной личности таким способом невозможно. Где же добыть настоящий ключик?

Но Сибилла не оставила ему ни единого шанса.

— Я скоро возвращаюсь в Занзибар,— сказала она.— Хочу собрать рассказы об этом случае на месте: легенды о последних днях Мвеньи Мкуу, варианты канонической истории...

— Можно мне поехать с тобой?

— А разве тебе не надо продолжать собственные исследования, Хорхе?

Не дожидаясь ответа, Сибилла скорым шагом удалилась из холла. Кляйн остался один.

7

Я имею в виду то, что они с их наймитами-психиатрами называют «бредовыми системами». Незачем уточнять, что «бред» всегда официально определен. Нам о реальном и нереальном беспокоиться не нужно. Они выступают только с позиций целесообразности. Важна система. Как в ней располагаются данные. Одни последовательны, иные распадаются.

Томас Пинчон. Радуга тяготения.
Перевод А. Грызуновой, М. Немцова

Опять мертвецы на утреннем рейсе из Дар-эс-Салама. Теперь трое. Три мертвеца лучше, чем пять, решил Дауд Махмуд Барвани, но все равно больше чем достаточно. От прошлых, правда, не было никаких неприятностей: улетели в тот же день вечерним рейсом. Все равно, находиться на одном маленьком острове с такими существами тягостно. Почему, имея на выбор целую планету, они тянутся в Занзибар?

— Борт у терминала,— объявил диспетчер.

Тринадцать пассажиров. Местных жителей санитарный инспектор выпустил через выход номер один: два журналиста и четыре депутата законодательного собрания, вернувшиеся с всеафриканской конференции в Кейптауне. Потом Барвани пропустил чопорных неулыбчивых японцев, обвешанных камерами,— еще четыре человека. Дошла очередь до мертвецов; к удивлению Барвани, это были те же самые: рыжий, безбородый с каштановыми волосами и брюнетка. Неужели у мертвецов столько денег, что они могут летать из Америки в Занзибар каждые несколько месяцев? Рассказывали, будто каждый мертвец, вставая из гроба, получает золотые слитки по собственному весу. Теперь история казалась Махмуду Барвани правдоподобной. Не к добру таким

существам странствовать по миру, а в Занзибаре им в особенности нечего делать. Впрочем, у него. Дауда Барвани, выбора нет.

— Добро пожаловать вновь на наш остров пряностей! — объявил санитарный инспектор, улыбаясь официальной улыбкой.

«Что будет, когда мои собственные дни на этой земле подойдут к концу?» — подумал Дауд Махмуд Барвани, и не в первый раз.

— Ахмад Хитроумный и Абдалла-не-помню-кто,— сказал Кляйн.— Ни о чем другом она не пожелала говорить. История Занзибара.

Он опять сидел в домашнем кабинете Джиджибоя. На этот раз огни Лос-Анджелеса светили тускло, теряясь в пелене теплого дождя.

— Знаешь, я давно не чувствовал себя таким неуклюжим. С четырнадцати лет, наверное. Нельзя задавать прямых вопросов. Среди них я был инвалидом, иностранцем, ребенком!

— Думаешь, они раскусили, что ты не мертвец? — спросил Джиджибой.

— Не знаю. Они вроде бы деликатно развлекались за мой счет, но, возможно, у них так принято с новичками. Не только прямых обвинений, но и намеков на то, что я самозванец, не было. Никто не поинтересовался, зачем я здесь и как я, собственно, умер. Глядя Сибилле в лицо, я тянулся к ней, как мог, надеялся, что она сделает шаг навстречу, но все напрасно. Контакта не вышло. То есть совсем никакого: можно подумать, я встретил на академической вечеринке коллегу из другого университета, только что открывшего золотую жилу. Мне объяснили, что султан Ахмад перехитрил Абдаллу, после чего последний ударил султана кинжалом. Остальное ей неинтересно.

На полке у Джиджибоя стояла знакомая книга: двухтомник «История Восточной Африки» Оливера и Мэтью. Сибилла годами брала ее с собой в любую поездку, пока они были женаты. Кляйн осторожно снял с полки первый том.

— Сибилла сказала, что официальная история того эпизода неполна и неточна. Она только сейчас установила истину, самостоятельно. Откуда мне знать? Может статься, она пересказала мне официальную версию, шутки ради. В качестве недавнего открытия. Ну-ка, посмотрим...

В именном указателе нашлось пять Ахмадов, но хитроумного султана среди них не было. Ахмад ибн Маджид, оказавшийся арабским летописцем, нашелся только среди примечаний. Так же не удалось обнаружить ни одного Абдаллы, властителя Занзибара.

— Что здесь, интересно?

— Это не имеет значения, дорогой Хорхе,— негромко сказал Джиджибой.

— Почему не имеет? Погоди.

Изучив сводные таблицы, Кляйн убедился: ни одного правителя Занзибара не звали Ахмадом. Ни одного не звали Абдаллой. Нашелся только некий Маджид ибн Саид, правивший во второй половине девятнадцатого века.

— Оксфордская «История Восточной Африки»?

— Она самая. Ни одна деталь не совпадает. Ахмад Хитроумный, по ее словам, взошел на престол в тысяча восемьсот одиннадцатом и покорил Занзибар семь лет спустя. На самом деле султаном Омана в восемьсот шестом году стал Сейид Саид аль-Бусейди, правивший пятьдесят лет. Он-то и захватил Занзибар, но в тысяча восемьсот двадцать восьмом году, а Мвеньи Мкуу, которого он заставил подписать договор, это Хасан ибн Ахмад Алави...— Кляйн покачал головой.— Совсем не такая история и совершенно другие персонажи.

— Мертвецы часто озорничают,— улыбнулся Джиджибой.

— Допустим. Но как она могла сочинить такую дивную историю под видом научного открытия? Более скрупулезного исследователя, чем Сибилла, я не встречал! Она бы никогда...

— Разумеется, Сибилла, которую ты знал, мой друг,— не смогла бы. Я пытаюсь объяснить тебе: пойми, это новая личность в старом теле.

— Личность, которая перевирает историю?

— Личность, которая шутит.

— Ага...— насупился Кляйн.— Значит, шутит.

Все сходится: «Для мертвеца вселенная — игрушка из дешевого пластика. Нет для него вещей, которые бы он принимал абсолютно всерьез».

— Действительно, почему бы не подшутить над скучным занудой-мужем, явившимся в «ледяной город» в виде фальшивого мертвеца? Почему бы не изобрести легенду с красочными персо-

пажами? Остроумно, но жестоко, на мой вкус. Наверное, таким способом она указала мне, что не надо выдавать себя за другого. Какого же я свалял дурака!

— Что собираешься делать?

— Не знаю.— пожал плечами Кляйн.

Игнорируя советы Джиджибоя и голос собственного разума, Кляйн взял новую порцию капсул у Долоросы и снова отправился в Сион. Зачем? Ради болезненного удовольствия уличить Сибиллу в обмане? Так трогают языком десну на месте потерянного зуба.

Он потребует, чтобы Сибилла отвечала серьезно. Отпусти меня, но скажи только правду!.. Всю дорогу до Юты Кляйн репетировал и отшлифовывал свою речь, но впустую: на этот раз ворота Сиона не открылись. Автомат просканировал поддельную карту резидента Олбани и сообщил, что документы недействительны.

На этом надо было остановиться. Вернуться в Лос-Анджелес, собрать осколки и склеить жизнь заново. Академический отпуск подходит к концу, впереди летний семестр. Надо работать.

Кляйн вернулся в Лос-Анджелес, но лишь для того, чтобы собрать новый чемодан, побольше. Теплым майским вечером реактивный лайнер поднялся в воздух, чтобы перенести Кляйна через Северный полюс в Лондон. Перехватив кофе с булочкой в буфете аэропорта, Кляйн успел на африканский рейс. В иллюминаторе сменяли друг друга Средиземное море, оказавшееся на удивление узким, желтовато-коричневая Ливийская пустыня, могучий Нил, с высоты десяти миль похожий на грязный шнурок. Сонному Кляйну показалось, что за двойным конусом Килиманджаро, увенчанным снегами и прикрытым дымкой, тускло сверкают отблески солнца на волнах Индийского океана.

Остроносый самолет резко пошел на снижение, и через несколько минут Кляйн стоял под ослепительным солнцем на бетоне Дар-эс-Саламского аэропорта, вдыхая теплый сырой воздух.

Только он не чувствовал себя готовым лететь в Занзибар: без двух-трех дней отдыха не обойтись. Выбрав наугад, за экзотическое имя, отель «Аджип», Кляйн взял такси. Очерченный плавными линиями, опрятный, в стиле шестидесятых, «Аджип» был

гораздо дешевле «Килиманджаро», где Кляйн останавливался в прошлый раз. Прекрасное место среди садов на берегу океана. Кляйн решил прогуляться и понял, насколько его вымотали события последних дней; пришлось вернуться в отель. Проснувшись через пять часов с тяжелой головой, он принял душ и переоделся к обеду. Ресторан оккупировали краснолицые рыжие здоровяки без пиджаков и в расстегнутых белых рубашках, сразу напомнившие Кляйну Кента Захариаса. Но эти были живее некуда — инженеры, судя по разговору, и англичане, судя по акценту. Они строили электростанцию и плотину, а может, электростанцию без плотины — понять было не так просто. Беседовали англичане громко, а джину пили много. Хватало здесь и сдержанных японских бизнесменов в темно-синих костюмах, при узких галстуках, а за соседним столом пятеро загорелых мужчин болтали на иврите — израильтяне, вне всякого сомнения. Единственными африканцами в ресторане были официанты и бармены.

Кляйн заказал момбасских устриц, бифштекс и графин красного вина. Обед оказался превосходным, но большую часть Кляйн оставил на тарелке. В Танзании вечер, но с точки зрения сбитого с толку организма было все еще десять часов утра. Добравшись до номера и рухнув в постель, он подумал, что Сибилла, вероятнее всего, находится рядом — в нескольких минутах лета от Дар-эс-Салама. Целую вечность спустя Кляйн проснулся и понял, что до рассвета еще далеко.

После завтрака он пристроился к утренней экскурсии по душным и пыльным улочкам старинного туземного квартала, среди лачуг под жестяными крышами. Вернулся к полудню, принял душ и спустился в ресторан. Публика все та же — англичане, японцы, израильтяне, только лица другие.

За вторым стаканом пива Кляйн глянул в сторону входа. На пороге ресторана стоял Энтони Гракх. Широкоплечий охотник с бледным лицом под густой бородой, в рубашке и шортах цвета хаки, будто вышел из голограммы у Джиджибоя. Кляйн непроизвольно дернулся, отворачиваясь к окну, но поздно: Гракх его разглядел. Ресторанная болтовня затихла. Гракх подошел к столику Кляйна в тишине, без спроса отодвинул стул и опустился на него. Разговоры, как по волшебству, тут же возобновились.

— Тесен мир,— заметил охотник.— Невелик и тесен. Направляешься в Занзибар, Кляйн?

— Через день-другой. Ты знал, что я здесь?

— Разумеется, нет,— ответил Гракх, моргнув.— Да, к вопросу о тесноте и поразительных совпадениях: Сибилла уже в Занзибаре.

— Вот как?

— Сибилла, Захариас и Моргимер. По слухам, тебе удалось просочиться в Сион?

— Ненадолго. Видел Сибиллу. Не успел поговорить толком.

— Не получил того, чего хочешь, и опять прилетел сюда. Брось это дело. Откажись.

— Не могу.

— Не можешь? На языке кисейных барышень «не могу» значит «не хочу». Взрослый человек может все — кроме того, что физически невозможно. Ты ей только мешаешь. Мешаешь работать и жить.— Гракх улыбнулся.— Сибилла умерла три года назад. Забудь о ней. В мире полно других женщин. Ты молод, не беден, не урод, у тебя есть научная репутация...

— Тебя за этим послали? Объяснить?

— Меня никто не посылал, дружок. Я пытаюсь спасти тебя от злейшего врага: от себя самого. Забудь про Занзибар. Возвращайся домой. Начни жизнь сначала.

— В Сионе она поступила со мной неуважительно и несправедливо. Развлеклась за мой счет. Немного. Я хочу узнать от нее самой — почему?

— Потому, что ты живой, а она мертвая. Для нее ты клоун. Для нас все вы клоуны. Ничего личного, Кляйн. Это мировоззренческая пропасть, слишком широкая для тебя. Ты явился в Сион, наевшись таблеток, которые используют агенты казначейства. Бледное личико, глазки навыкате. Никого ты этим не обманул, а уж тем более Сибиллу. Маленький розыгрыш должен был объяснить тебе, что она не попалась на удочку. Не понимаешь?

— Понимаю. Вполне.

— Тогда чего тебе еще надо? Новых унижений?

Устало покачав головой, Кляйн глядел на скатерть. Гракх молчал. Кляйн поднял на охотника глаза — и поразился. Впервые в жизни ему попался мертвец, внушающий доверие. Искренний мертвец.

— Мы были очень близки, Сибилла и я. Она умерла, и оказалось, что я для нее ничто. Мне так и не удалось это принять. Я нуждаюсь в ней до сих пор. Мне даже сейчас необходимо разделить ее жизнь.

— Это невозможно.

— Я знаю. Но ничего не могу с собой поделать. Даже сейчас.

— Есть только одна вещь, которую ты можешь разделить с ней. Свою смерть. Она не снизойдет до твоего уровня — тебе предстоит подняться.

— Не говори глупостей!

— Кто говорит глупости, я или ты? Послушай, Кляйн: у тебя голова не на месте, и ты слабак, но ты мне не противен. За твою глупость я тебя не виню. Зато могу помочь, если, конечно, пожелаешь.

Гракх вытащил из нагрудного кармана металлическую трубку с предохранителем на одном конце.

— Знаешь, что это? Оборонительный дротик, какие носят все женщины в Нью-Йорке. Очень многие мертвецы имеют их при себе, потому что нельзя сказать, когда начнется реакция и нас начнут преследовать разъяренные толпы. Только у нас там не быстрое снотворное. Все просто: мы идем в любую забегаловку туземного квартала, и через пять минут начинается драка. В сумятохе я подкалываю тебя дротиком, и через пятнадцать минут ты лежишь в глубокой заморозке в морге центральной клинической больницы Дар-эс-Салама. За несколько тысяч долларов мы отправляем тебя в Калифорнию, прямо во льду, а в пятницу вечером тебя воскрешают, к примеру, в «ледяном городе» Сан-Диего. Только так ты окажешься на той же стороне пропасти, где и Сибилла. И если вам суждено воссоединиться, другого пути нет. По ту сторону у тебя есть шанс, по эту — нет.

— Немыслимо!

— Ты хотел сказать, неприемлемо. Нет ничего немыслимого, если взять на себя труд подумать. Прежде чем сядешь на самолет в Занзибар, подумай. Обещаешь? Сегодня и завтра я буду здесь, потом мне надо в Арушу, встретить группу мертвецов и организовать охоту. Тебе достаточно сказать слово — и я сделаю все, как обещал. Подумай. Пообещай, что подумаешь.

— Я подумаю.

— Очень хорошо! И спасибо. Думаю, пришло время сменить тему. И пообедать. Как тебе этот ресторан?

— Не понимаю одной вещи: почему посетители здесь только белые? Дискриминация черных в черной республике? Кто на такое осмелится?

— Да, здесь дискриминация, но не черных, а черными, мой друг! — Гракх рассмеялся.— «Аджип» — не самый модный отель. Так что черных надо искать в «Килиманджаро» и «Ньерере». Но здесь тоже неплохо. Я бы порекомендовал рыбу, если ты еще не пробовал. И очень приличное белое вино из Израиля.

8

И будто — боже! — тяжко мне тонуть.
Какой ужасный шум воды в ушах!
Как мерзок вид уродливых смертей!
Я видел сотни кораблей погибших!
И потонувших тысячи людей,
Которых жадно пожирали рыбы:
И будто по всему морскому дну
Разбросаны и золотые слитки,
И груды жемчуга, и якоря,
Бесценные каменья и бриллианты;
Засели камни в черепах, глазницах, —
Сверкают, издеваясь над глазами.
Что некогда здесь жили, обитают
Морское тинистое дно, смеются
Над развалившимися костяками.

У. Шекспир. Ричард III
Перевод А. Радловой

— Израильское вино,— говорит Мик Донган.— Один раз в жизни я могу попробовать что угодно, особенно если это остроумно или иронично. Например, было дело в Египте: нас пригласили на ту знаменитую вечеринку на холмах близ Луксора. Хозяином оказался не кто иной, как саудовский принц в национальных шмотках с ног до головы, вплоть до солнечных очков. Выносят жареного ягненка, он ухмыляется эдак и говорит: «Разумеется, мы можем пить "Мутон Ротшильд" когда угодно, но выпало так, что в погребе у меня большой выбор лучших израильских вин. А поскольку мы оба, насколько я понял, любители пикантных контрастов, стюарду приказано открыть бутылку-дру-

гую...» Кляйн? — обрывает себя Мик.— Видел девушку? Только что вошла.

За окном моросит; на улице вторая половина дня, тысяча девятьсот восемьдесят первый год, январь. Вместе с шестью коллегами с кафедры истории Кляйн обедает в «Висячих садах» на крыше «Вествуд-плаза». Отель представляет собой чудовищный зиккурат на сваях. «Висячие сады» — ресторан в «неовавилонском» стиле на последнем, девяностом этаже. Все честь по чести: голубые и желтые изразцы, крылатые быки и фыркающие драконы, официанты в курчавых бородах, с кривыми саблями на боку. Вечером это ночной клуб, днем — факультетская забегаловка.

Посмотрев налево, Кляйн видит: действительно, красивая женщина лет двадцати пяти, с виду серьезная, сидит за столиком одна, поставив перед собой стопку книг и кассет. С незнакомыми девушками Кляйн не заговаривает из этических соображений, а также от врожденной стеснительности. Донган, однако, подзуживает:

— Чего ты сидишь, подойди! Девушка твоего типа, я точно знаю! И глаза такие, как тебе нравится!

Кляйн последнее время жаловался на то, что в Южной Калифорнии слишком много голубоглазых девушек. В голубых глазах ему чудилось беспокойство, даже угроза. У самого Кляйна глаза карие. У той девушки тоже: темные, ласковые, ясные. Кажется, он уже видел ее в библиотеке. Даже встречался взглядом, наверное.

— Иди! — требует Донган.— Не сиди столбом, Хорхе! Да иди же...

Кляйн молчит и свирепо упирается. Как можно вторгаться в частную жизнь женщины? Навязывать себя — почти изнасилование. Донган самодовольно скалит зубы, явно провоцируя, но Кляйн не уступает.

Тем временем, пока он колеблется, девушка улыбается сама. Так робко и мимолетно, что Кляйн не уверен, не померещилось ли? Ноги, однако, сами начинают действовать. Он уже идет по светлому плиточному полу, останавливается у ее столика, ищет подходящие слова, не находит — но им хватает обмена взглядами. Старая добрая магия. Кляйна поражает, как много они успели сказать друг другу глазами в этот невероятный первый момент.

— Вы кого-то ждете? — мямлит Кляйн.

— Нет.— Еще одна улыбка, уже не такая робкая.— Почему бы вам не сесть за мой столик?

Очень скоро Кляйн узнает, что она недавно получила диплом и уже поступила в аспирантуру. «Работорговля в Восточной Африке. XIX век». Особое внимание уделяется Занзибару.

— Как романтично! — хвалит Кляйн.— Занзибар — а вы там бывали?

— Никогда. Но очень надеюсь. А вы?

— Тоже нет. Но всегда интересовался им, с тех пор как мальчишкой начал собирать марки. Самая последняя страна в моем альбоме.

— А в моем самая последняя — Зулуленд.

Оказывается, она знает Кляйна по имени. Думала даже записаться на его курс лекций «Нацизм и его наследие».

— Вы из Южной Америки? — спрашивает девушка.

— Родился там, а вырос здесь. Дедушка с бабушкой бежали в Буэнос-Айрес в тридцать седьмом.

— Почему именно в Аргентину? Я всегда думала, там рассадник национал-социализма.

— Отчасти так и было. Но беженцы, для которых немецкий язык — родной, тоже стекались туда в огромных количествах. Не только бабушка с дедушкой, но и все их друзья оказались там. Из-за политической нестабильности пришлось уехать. В пятьдесят пятом, как раз накануне очередной большой революции. Так мы оказались в Калифорнии. А вы откуда?

— Моя семья британского происхождения. Я родилась в Сиэтле, папа на дипломатической службе. Он...

Появляется официант. Бутерброды заказаны торопливо и небрежно: обед отошел на второй план. Таинственный контакт держится...

Кляйн замечает в стопке книг «Ностромо» Джозефа Конрада: выяснилось, что она уже дошла до середины, а Кляйн на днях дочитал до конца. Совпадение позабавило. Девушка сообщает, что Конрад — один из ее любимых писателей. Кляйн соглашается: здесь их вкусы совпадают. Скоро становится известно, что оба любят Фолкнера, Манна, Вирджинию Вулф, даже Германа Броха, а вот Гессе недолюбливают. Даже странно. Как насчет оперы? «Вольный стрелок», «Летучий голландец», «Фиделио» — да!

— У нас тевтонский вкус,— замечает она.

— Мы любим одно и то же,— соглашается Кляйн.

Они уже держатся за руки.

— Удивительно.

Мик Донган улыбается глумливо из противоположного угла; Кляйн бросает на него свирепые взгляды. Донган подмигивает.

— Пойдемте отсюда,— предлагает Кляйн.

Она уже открыла рот, чтобы сказать то же самое.

Они говорят до глубокой ночи, а потом занимаются любовью до утра.

— Тебе следует знать,— торжественно объявил Кляйн за завтраком,— что давным-давно я решил никогда не жениться, а в особенности не иметь детей.

— Я тоже,— кивнула она.— Когда мне исполнилось пятнадцать лет.

Поженились они четыре месяца спустя. Шафером на свадьбе был Мик Донган.

— Значит, подумаешь? — спросил Гракх еще раз, когда они выходили из ресторана.

— Подумаю,— кивнул Кляйн.— Я уже пообещал.

Вернувшись в номер, Кляйн собрал чемодан, отдал ключи и расплатился. Он взял такси и прибыл в аэропорт задолго до отлета дневного рейса на Занзибар. На острове, в аэропорту назначения, его встретил все тот же невысокий и печальный человек — санитарный инспектор Барвани.

— Вы вернулись, сэр? Знаете, я так и думал, что вы вернетесь. Те, другие, уже несколько дней как здесь.

— Другие?

— В последний раз, сэр, вы предложили мне аванс на случай, если в моих силах будет предупредить вас о прибытии некой персоны. Эта персона, сэр, вместе с двумя известными вам компаньонами в данный момент находится здесь.

Кляйн аккуратно положил на стол санитарного инспектора банкноту в двадцать шиллингов.

— Что за отель?

Барвани поджал губы: двадцать шиллингов явно не оправдали его ожиданий. Не дождавшись реакции Кляйна, он сказал:

— «Занзибар-Хаус», как раньше. А вы, сэр?

— «Ширази». Как и в прошлый приезд.

Когда сообщили, что звонит Дауд Барвани, Сибилла работала во внутреннем дворике отеля, разбирая черновики, накопленные за день.

— Проследи за бумагами, чтоб их не сдуло,— предупредила она Захариаса, исчезая в вестибюле «Занзибар-Хауса».

Вернулась Сибилла недовольная.

— Неприятности? — спросил Захариас.

— Хорхе. Уже едет в отель. Пока в свой.

— Вот ведь зануда,— скривился Мортимер.— Я до последнего надеялся, что Гракх приведет его в чувство.

— Видимо, зря,— отозвалась Сибилла.— Что будем делать?

— У самой идей нет?

— Так больше продолжаться не может.— Сибилла покачала головой.— Это, по крайней мере, ясно.

Насыщенный влагой и пряными ароматами воздух напоминал о долгом сезоне дождей, который только закончился. За дождями пришел сезон лихорадочного плодородия: толстая лиана за окном номера выбросила чудовищные желтые цветы, похожие на медные трубы, вся растительность вокруг отеля цвела, пахла и одевалась свежими, полными влаги листьями. Кляйну не надо было выглядывать в окно, чтобы ощутить единый порыв всего живого к обновлению. Его самого распирала энергия: он расхаживал по номеру, перебирая в уме разные военные хитрости. Немедленно идти к Сибилле в отель? Ворваться силой, наплевать на крики и возможные последствия, потребовать объяснений: зачем она выдумала фантастическую историю о воображаемых султанах? Нет, конечно. Больше никаких споров, никакого нытья. Он найдет Сибиллу, не поднимая шума; говорить будет тихо и убедительно; оживит воспоминания о любви; напомнит о Рильке, Вирджинии Вулф и Германе Брохе, о солнечных днях в Пуэрто-Вальярта и темных ночах в Санта-Фе, о музыке и нежности. Он не воскресит их брака, ибо это невозможно, но воскресит память о незабвенном союзе. Сибилла не сможет опровергнуть существование прошлого, и они вместе изгонят его, как изгоняют дьявола. Они освободятся, негромким голосом обсуждая перемены, вторгшиеся в их жизнь, и тогда — через три, четыре или пять часов — он, Кляйн, с помощью Сибиллы примет неприемлемое. Вот и все. Он не будет требовать, не будет умолять; не будет про-

сить ни о чем, кроме помощи на один вечер. Помощи в деле избавления его души от бесполезной, разрушительной одержимости. Несмотря на капризность, своенравие, легкомыслие и непостоянство, присущие мертвецам, Сибилла не найдет причины отказать. Она сама поймет, насколько это желательно. И тогда — домой. Слишком долго он откладывал начало новой жизни.

Когда Кляйн собрался выходить, в дверь постучал коридорный.

— Сэр? К вам гости.

— Кто? — спросил Кляйн, предвидя ответ.

— Леди и два джентльмена. Приехали на такси из «Занзибар-Хауса». Ждут в баре.

— Скажи, что я сейчас буду.

Подойдя к трюмо, Кляйн налил стакан воды из кувшина, набитого льдом. Выпил, механически налил еще. Такого он не предвидел. И почему она не одна? Зачем ей свита? Некоторое время Кляйн боролся, возвращая себе чувство равновесия и разумной целеустремленности, разрушенное стуком в дверь.

Несмотря на вечернюю сырость, выглядели они безупречно: Захариас в светло-коричневом смокинге и бледно-зеленых брюках, Мортимер в богатом белом кафтане, отделанном золотым шитьем, Сибилла в простом бледно-лиловом платье. На лицах ни робости, ни беспокойства, ни испарины. Какое самообладание. Столики рядом с ними были пусты.

Кляйна они приветствовали стоя, но улыбки их выглядели зловеще. Никакого дружелюбия не чувствовалось.

— Ваш визит для меня — большая честь,— сказал Кляйн, опираясь на весь накопленный запас благоразумия.— Выпьете что-нибудь с дороги?

— Мы уже заказали. Разреши нам угощать тебя сегодня,— предложил Захариас.— Что предпочитаешь?

— «Пим» номер шесть.— Кляйн попытался улыбнуться в ответ такой же ледяной улыбкой.— Ты великолепна в этом платье, Сибилла. Восхитительно! Вы все так стильно выглядите, что мне неловко за себя.

— Ты никогда не следил за одеждой,— согласилась Сибилла.

Захариас вернулся от стойки бара. Взяв у него напиток, Кляйн торжественно отсалютовал бокалом.

— Не мог бы я поговорить с тобой наедине, Сибилла? — спросил он через некоторое время.

— Между нами нет ничего такого, что не годилось бы для ушей Кента и Лоренса.

— И все же...

— Нет, Хорхе.

— Как скажешь, Сибилла.

Кляйн отчаянно искал какую-нибудь тень надежды в ее глазах, но не находил. Там вообще ничего не было. Он не выдержал и опустил взгляд. От речи, подготовленной заранее, остались одни обрывки: Рильке, Брох, Пуэрто-Вальларта. Он вспомнил о бокале и сделал большой глоток.

— Нам нужно обсудить серьезную проблему, Кляйн,— сказал Захариас.

— Пожалуйста.

— Проблема — это ты. Сибилла страдает от твоих бессмысленных действий. Второй раз ты летишь за ней в Занзибар. От тебя не спрятаться и на краю земли. Ты сделал несколько попыток проникнуть в закрытое поселение, используя подложные документы, а это прямое покушение на ее свободу. Твое поведение невозможно и нетерпимо.

— Мертвецы в самом деле мертвы,— добавил Мортимер.— Мы понимаем глубину твоих чувств, но маниакальному преследованию необходимо положить конец.

— Безусловно,— согласился Кляйн, глядя на дефект штукатурки где-то между Сибиллой и Захариасом.— Для этого много не нужно. Час или два разговора наедине с моей... с Сибиллой, и я обещаю: больше *никогда*...

— Никогда не прилетишь в Занзибар? — поинтересовался Мортимер.— Как уже пообещал Энтони Гракху?

— Я хотел...

— У нас тоже есть права,— объяснил Захариас.— Мы прошли сквозь настоящий ад, в самом буквальном смысле, чтобы существовать достойно. Ты нарушаешь наше право на покой. Ты нам надоедаешь. Ты нас утомляешь. Ты нас раздражаешь. Мы очень не любим, когда нас раздражают.— Он глянул на Сибиллу.

Та кивнула в ответ.

Рука Захариаса исчезла во внутреннем кармане смокинга, и Мортимер тут же с неожиданной силой дернул Кляйна за запя-

стье. В громоздком кулаке Захариаса блеснула металлическая трубка — вчера Кляйн видел такую же у Гракха.

— Нет! — задохнулся Кляйн.— Я не верю, нет!

Игла вонзилась Кляйну в предплечье.

— Модуль глубокой заморозки уже в пути,— сказал Мортимер.— Будет через пять минут, а то и быстрее.

— А вдруг опоздает? — забеспокоилась Сибилла.— Вдруг наступят необратимые изменения в мозгу?

— Он пока не умер по-настоящему,— напомнил Захариас.— Времени более чем достаточно. Я сам говорил с доктором: очень неглупый китаец, безупречно говорит по-английски. Отнесся с большим пониманием. Его заморозят за пару минут до фактической смерти. Место для модуля зафрахтуем на утреннем рейсе в Дар-эс-Салам. В Соединенные Штаты он попадет через сутки или даже скорее, Сан-Диего мы предупредим. Все будет хорошо, Сибилла!

Хорхе Кляйн лежал щекой на столике. Бар опустел, когда Кляйн закричал, теряя равновесие: полдюжины клиентов исчезли, не желая осквернять выходные присутствием смерти. Испуганные официанты и бармены теснились в коридоре, не зная, что делать. Сердечный приступ, объяснил Захариас. Возможно, инсульт. Где у вас телефон? Маленькую металлическую трубку никто не заметил.

— Почему они не едут? — не успокаивалась Сибилла.

— Я уже слышу сирены,— улыбнулся Захариас.

Сидя за рабочим столом в аэропорту, Дауд Махмуд Барвани смотрел на кряхтящих от натуги грузчиков, поднимавших модуль глубокой заморозки на борт утреннего рейса в Дар-эс-Салам. Теперь они отправят покойника на другой конец земли, в Америку. Там в него вдохнут новую жизнь, и будет мертвец ходить среди людей. Барвани покачал головой. Человек вчера жил, а сегодня умер; и кто знает, чего ждать от мертвых? Кто знает? Мертвым лучше оставаться в могилах, как предполагалось от начала времен. Кто мог предсказать времена, когда мертвые начнут восставать из могил? Уж точно не я. А кто предвидит, что с нами будет через сто лет? Тоже не я. Через сто лет я буду спать вечным сном, подумал Барвани. Буду спать, и мне будет все равно, какие создания населят Землю.

9

Мы умираем с теми, кто умирает, глядите —
Они уходят и нас уводят с собой.
Мы рождаемся с теми, кто умер: глядите —
Они приходят и нас приводят с собой.

Т. С. Элиот. Литтл-Гиддинг
Перевод В. Топорова

В первое утро он не видел никого, кроме персонала Дома воскрешения. Его обмыли, накормили и помогли осторожно походить по комнате. К нему не обращались, он не пытался заговорить: слова казались ненужными. Новые ощущения требовали привычки: механизм тела работал тише и ровнее, чем когда-либо. Ни прибавить, ни убавить. Будто всю жизнь носил одежду с чужого плеча, а сегодня впервые попал в руки хорошего портного. Только зрительные образы, отличавшиеся сверхъестественной четкостью, были поначалу окружены малоприметными радужными контурами, но и те исчезли к концу дня.

На второй день его навестил отец-проводник «ледяного города» Сан-Диего: вовсе не грозный патриарх, какого он себе представлял, но компетентный менеджер, после сердечного приветствия рассказавший о знаниях и умениях, без которых нельзя покидать «ледяной город». На вопрос Кляйна о сегодняшнем дне отец-проводник ответил: семнадцатое июня тысяча девятьсот девяносто третьего года. Выходит, он спал четыре недели.

Наутро третьего дня к нему приходят гости: Сибилла, Нерита, Захариас, Мортимер и Гракх. В лучах солнца, пронизывающих узкие окна, они стоят полукругом в ногах его кровати, сияющие снаружи и изнутри, как полубоги, как ангелы. Теперь и он стал одним из них. Торжественно и официально его обнимают Гракх, Нерита и Мортимер. Захариас, подаривший ему смерть, с улыбкой наклоняется над кроватью. Кляйн улыбается в ответ, и Захариас заключает его в объятия. Приходит очередь Сибиллы: она пристраивает свою ладонь между ладоней Кляйна; он притягивает ее поближе; она легко целует Кляйна в щеку, их губы соприкасаются, и Кляйн обнимает ее за плечи.

— Здравствуй,— шепчет Сибилла.

— Здравствуй,— отвечает Кляйн.

Его спрашивают о самочувствии: быстро ли восстанавливаются силы, встает ли он уже с постели и когда придет время обсу-

шить крылышки. Разговор ведется в любимой манере мертвецов: мысли не договариваются, а многие слова опускаются,— но пока вполсилы, чтобы Кляйну не было трудно. Через пять минут ему кажется, что он освоился.

— Я, наверное, был для вас тяжким бременем,— замечает он, стараясь не говорить лишнего.

— Да,— соглашается Захариас.— Но это в прошлом.

— Мы тебя прощаем,— кивает Мортимер.

— Мы приветствуем тебя среди нас! — объявляет Сибилла.

Дальнейший разговор касается планов на ближайшие месяцы. Работа Сибиллы на Занзибаре почти закончена; на лето она собирается в Сион — привести в порядок диссертацию. Мортимер и Нерита хотят в Мексику, посмотреть на древние храмы и пирамиды. Захариаса ждет дорога в Огайо, к любимым курганам. Осенью все соберутся в Сионе — обсудить зимние увеселения: тур по Египту, например, или посещение Мачу-Пикчу в Перу. Руины и раскопки им в радость: где больше потрудилась смерть, там мертвецы счастливее. Постепенно они возбуждаются, лица краснеют; слова льются непрерывным потоком, речь превращается в болтовню. Мы не будем сидеть на месте! Зимбабве, Паленке, Ангкор, Кносс, Ушмаль, Ниневия, Мохенджо-Даро. Жестов, улыбок, взглядов и даже слов им уже не хватает. Их движения смазываются, реальность становится сомнительной. Для Кляйна они уподобляются марионеткам, дергающимся на грубо намалеванной сцене; жужжащим насекомым вроде ос, пчел или москитов. Разве не сливается в жужжание разговор о путешествиях, фестивалях, Вавилоне, Мегиддо и Массаде? Он их больше не слышит, он ушел от них на другую волну, он лежит, улыбаясь, глядя в пространство и отпустив разум на волю. Почему они его больше не интересуют? Все понятно: происходящее — знак его окончательного освобождения. Старые цепи сегодня упали. Присоединится ли он к ним? С какой стати? Может, он отправится в путешествие вместе с ними, а может, нет, повинуясь капризу. Скорее всего, нет. Почти наверняка нет. Ему не нужна компания. У него собственные интересы. Он больше не будет следовать повсюду за Сибиллой. У него нет потребности, нет желания, ему не нужно ничего искать. Для чего ему становиться одним из них — странником без корней и моральных устоев, призраком, облеченным в плоть? Почему он должен принимать обычаи и

ценности тех, кто предал его смерти бесстрастно, как прихлопывают насекомое, просто потому, что он надоел и раздражает? Негодования или ненависти он не чувствует, но его выбор — быть самому по себе, отдельно. Пусть они порхают от одной руины к другой, пусть гоняются за смертью с континента на континент. Он пойдет своей дорогой. Сейчас, когда он переступил границу миров, Сибилла больше не имеет для него значения.

«Увы, сэр, ни на что нельзя полагаться».

— Мы пошли,— тихо говорит Сибилла.

Он молча кивает.

— Встретимся, когда обсушишь крылышки! — Захариас трогает его костяшками пальцев: прощальный жест, принятый только у мертвецов.

— Увидимся,— говорит Мортимер.

— Увидимся,— говорит Гракх.

— Пока,— говорит Нерита.

Никогда, говорит Кляйн без слов, но так, чтобы было понятно. Никогда. Никогда. Никогда. Я никогда больше не увижу ни одного из вас. Я никогда не увижу тебя, Сибилла. Слоги отдаются эхом от сводов черепной коробки; слово «никогда» перекатывается через все существо Кляйна, как прибой, очищая и врачуя. Отныне он свободен. Отныне он одинок.

— Прощай! — кричит Сибилла из коридора.

— Прощай! — отвечает Кляйн.

Прошли годы, прежде чем Кляйн увидел Сибиллу снова, но последние дни девяносто девятого года они провели вместе, стреляя додо под сенью могучей Килиманджаро.

Путешественники

— Стало быть, все готовы?

Никомастир соорудил себе венок из золотых протопеталоидов; с ушей его на тонких золотых нитях свисали полупрозрачные алые раковины галгалид. Взмахнув, как дирижер, бледными худыми руками, он провозгласил:

— Итак, мы направляемся на...

Тут он заставил нас подождать. Подождать как следует.

— Сидри Акрак,— хихикнула Мэйфлай.

— Как ты догадалась? — обрадовался Никомастир.— Сидри Акрак! Вот именно! Каждому установить координаты! Вперед — на Сидри Акрак!..

Велимиль испуганно пискнула, стрельнув глазками в мою сторону. Страшно ей, но не до такой степени... А мне вот не нравится нисколько.

Сидри Акрак — жуткий мир, где невообразимые чудовища с воем бегают по грязным улицам. Туземцы сумрачны и негостеприимны: неуют для них — сладость и образ жизни. У кого есть выбор, обходит Сидри Акрак стороной. По возможности.

Мы, однако, живем строго по правилам, и сегодня Никомастир имеет право выбирать. Подавая мысль о путешествии на Сидри Акрак, Мэйфлай шутила с дьяволом. Правда, ей всегда нравилось играть с огнем. Мэйфлай — она такая. А Никомастира склонить в нужную сторону проще простого.

Погибнем ли мы на Сидри Акраке, став жертвами каприза Мэйфлай?

© Перевод А. Орлова.

Честно говоря, не думаю. Как бы скверно нам не пришлось. Мы часто попадаем в переделки, временами серьезные, однако всегда выбираемся. Четверо путешественников, мы как заговоренные. Думаю, однажды Мэйфлай рискнет в последний раз; не хотелось бы тогда оказаться рядом с ней. Скорее всего, окажусь, впрочем: она мне приходится сестрой по матрице. Куда она, туда и я. Мне положено за ней смотреть: здравомыслящему, флегматичному, впутавшемуся в это дело по собственной глупости. Я должен защищать ее от себя самой, пока мы вчетвером порхаем между мирами, теряя голову и не умея остановиться.

Сидри Акрак, однако?..

Вместе мы четверо побывали на множестве диковинных и прекрасных миров. Эланг-Ло и плавучий остров Фонг, Микни и Чиккикан, Хейдо и Тант, Мильпар, Либрот, Фрейдис, Смур, Ксамур, Ириарте, Набомба Зом — можно сбиться со счета. А теперь — Сидри Акрак? Сидри Акрак?

Мы стоим посреди поля, где растет золотая трава: готовимся уйти по лучу развертки с Галгалы.

Сам я был бы не против задержаться здесь еще на несколько месяцев. Золотая Галгала — прекрасный мир. Одним из продуктов метаболизма здешних микроорганизмов является золото. Оно здесь повсюду. Реки текут желтым пламенем, моря сверкают золотыми зеркалами. Здешние водозаборы имеют громоздкие фильтры, чтобы взвесь драгоценного металла не текла из крана. Ткани растений,— листья, стебли и корни — насыщены частицами золота. Те же частицы, поднявшиеся в воздух, превращают облака в золотое руно.

Правда, благодаря открытию Галгалы, драгоценный металл сильно подешевел по всей Галактике; на самой же Галгале фунт золота стоит меньше фунта мыла. Да я и не интересуюсь экономикой нисколько. Разве что скряга не порадуется сияющей красоте Галгалы.

Шесть недель мы просыпались под звон золотых колокольчиков, купались в золотых реках, выходя на берег сверкающими статуями, одевались в одежду из тонких золотых цепочек — но пришло время двигаться дальше. Пришло время, и Никомастир указал нам новую цель: один из самых неуютных миров во Вселенной. В отличие от компаньонов, я не вижу здесь ничего за-

нимательного. Глупость, на мой вкус. Глупость и рискованный каприз. Впрочем, мои друзья — существа утонченные, сотканные из воздуха и света, а я — лишь свинцовый груз, придавливающий крылья к земле. Словом, мы направляемся на Сидри Акрак.

Все мы смотрим на Никомастира. Лучезарно улыбаясь, он объявляет координаты, и мы устанавливаем маячки: цифры тщательно перепроверяются. По очереди, мы подтверждаем готовность кивком. Велимиль незаметно придвигается ко мне, Мэйфлай — к Никомастиру.

Я бы не стал выбирать для Мэйфлай такого легкомысленного возлюбленного, как Никомастир,— правда, меня не спрашивали. Никомастир строен, красив, горяч и поверхностен; врет часто и замысловато, из любви к искусству. И еще он молод, очень молод: ему довелось переродиться только однажды. Мы с Мэйфлай живем по пятому разу, Велимиль — по четвертому, но мне кажется, она сбавляет себе одно перерождение.

Родной мир Никомастира — Сембриан, где над цветущими долинами высятся заснеженные пики. Равнины Сембриана прекрасны, города богаты; отец Никомастира — тамошний аристократ, пусть не из самых знатных. По крайней мере, так говорит сам Никомастир. Мы, правда, давно знаем, что верить ему не обязательно.

Сестра моя лучезарная, Мэйфлай! По матрице, но это обязывает даже больше... Если Никомастир высок и черноволос, Мэйфлай миниатюрна и сверкает золотом. Они встретились на планете Олех в системе Лубрика; Мэйфлай пленилась его импульсивной, непостоянной натурой с первого взгляда. С тех пор они всегда путешествуют вместе. Куда направляется Мэйфлай, туда же следую я: такое обязательство налагает матрица. Так вот я и перебираюсь, кряхтя, с мира на мир за ними, а со мной — моя капризная, обаятельная, лукавая Велимиль. Ее психосенситивные картины известны ценителям сотни планет, но принадлежит Велимиль только мне. Потому она и остается четвертым артистом нашего неделимого квартета.

Многие считают путешествие по лучу развертки делом немыслимым и ужасным, но я никогда не беспокоился по этому поводу. Пугает то, что звездолета нет: никакая осязаемая преграда не отделяет «пассажира» от межзвездного одиночества. Не-

уютно проваливаться в никуда сквозь прорехи в континууме, не имея другой защиты, кроме путевого шлема и какой-то медной сеточки... А в остальном — легко и просто: устанавливаешь координаты, активируешь маяк и ждешь. Стоишь и ждешь, пока сканирующий луч далекой станции не захватит и не выдернет тебя. Если все сделать правильно, луч захватит и багаж. Чаще всего так и получается.

Такой способ странствовать не имеет ничего общего с роскошью. В коконе силового поля путешественник проваливается в свободные ячейки пространственно-временной решетки по мере их появления. «Пассажир» чувствует себя пузырьком на волнах бесконечного океана: беспомощность, одиночество и невозможность отменить начатое движение подавляют. Обмен веществ прекращается, но разум живет; лишенное возможности заснуть сознание проворачивается вхолостую. Заглушить бессмысленный шум в мозгу невозможно, как нельзя почесать нос, если руки связаны за спиной. В конце концов, спустя час, месяц или век — сказать невозможно,— тебя «вываливают» на посадочную площадку места назначения.

Никакие звездолеты просто не способны конкурировать с переходом по лучу развертки — но процесс все равно неприятен и даже отчасти унизителен.

Мы уже в пути, собственно: луч развертки добрался до Мэйфлай. Где-то через полчаса исчез Никомастир, почти сразу за ним — Велимиль. А вот мне пришлось ждать на золотом лугу не один час. Индивидуальные маршруты иногда расходятся — можно отстать от спутников безнадежно. Едва ли кто-то из нас вообще не попадет на Сидри Акрак, но бывают случаи, когда разрыв по времени прибытия составляет годы... Тоскливо, а если уж быть честным — страшно.

В конце концов меня захлестнула ослепительная аура луча развертки и смела во тьму, где сотня световых лет — один шаг и лишь невидимая сфера силового поля защищает от призраков иного пространства.

Висеть в полной неподвижности посреди царства мрака приходится долго: тысячу веков, наверное. Бесконечная пустота у самого сердца и извилистый путь по темным норам континуума.

Под бременем неестественного покоя разум делается гиперактивным: я размышляю, как чаще всего бывает, о самых глубо-

ких вопросах. О чести, долге, справедливости, ответственности, смысле существования — словом, о вещах, в которых у меня так и не вышло разобраться ни за эту жизнь, ни за четыре предыдущих. Я успеваю сделать важные выводы, но все они так же скоро улетучиваются.

Еще приходят мысли о том, что переход никогда не закончится. Изредка, в одном случае на миллиард, вследствие особого стечения обстоятельств путешественник зависает между мирами навечно. Или, по крайней мере, на десять или двадцать тысяч лет, нужных телу с остановленным обменом веществ, чтобы умереть. Достоверных сведений, впрочем, нет, одни слухи: может, ничего никогда и не было. Но каждый раз наступает момент, и я начинаю верить — это случилось со мной.

Тогда перед глазами вспыхивает радуга — алая, зеленая, голубая и фиолетовая, и слышится голос сестры моей, Мэйфлай.

— Добро пожаловать на Сидри Акрак, милый! Как хорошо, что ты с нами,— мурлычет она на ухо.

Никомастир уже рядом; минуту спустя из радужного кокона выныривает Велимиль. Пролетев бог знает сколько сотен световых лет, мы прибыли на место почти одновременно. Поистине, четверка счастливчиков.

Сидри Акрак — место, известное на всю Вселенную. Заселенный по меньшей мере тысячу лет назад, он до сих пор выглядит едва обжитым. Замощены только центральные улицы полудюжины больших городов, остальные — синяя грязь в сухое время и мутные реки в сезон дождей. Дома — грязные, покосившиеся, продуваемые сквозняками — построены где попало, назло логике и порядку. Несмотря на тысячу лет колонизации, планета представляет собой океан джунглей, который не просто окружает поселения, но захлестывает их. Омерзительные твари рыщут повсюду, как у себя дома.

Жителям Акрака все равно. Они делают вид, что зверей — а это жуткие чудовища,— просто здесь нет. У жителей Сидри Акрака в жилах течет вода, а душ нет вовсе. Им наплевать на красоту, комфорт и даже канализацию. Они предпочитают грязь и убожество, а если кому не нравится — можно выбрать любой другой мир.

— Что же именно мы тут забыли? — поинтересовался я.

Вопрос риторический. Кому, как не мне, известно: Никомастир просто не знает, куда бы нам отправиться на этот раз, а Мэйфлай того и надо — предложить самый неаппетитный вариант и посмотреть, как он будет выкручиваться. Только Никомастир и тысячной доли секунды не стал раздумывать. Как всегда, бросился головой вниз в пропасть и нас увлек за собой. Как всегда.

Правда, он уже подвел базу.

— Мне просто нельзя здесь не побывать, — заявил он.— Я всегда хотел сюда — здесь родился мой отец, вы же знаете? Мир моих предков!

Спорить с Никомастиром в таких случаях себе дороже. Да и зачем? В качестве доводов он только будет громоздить одну выдумку на другую. В конце концов окажется, что он — праправнук четырнадцатого императора или инкарнация Юлия Цезаря.

— Побудем здесь пару дней и двинемся дальше,— прошептала мне на ухо Велимиль.— Ничего такого.

Мы все потакаем капризам Никомастира, но не до бесконечности. Я молча кивнул.

В грязно-коричневых небесах Сидри Акрака плавают сумрачные, зеленые, сальные на вид тучи. Солнечный свет жидковат и сероват, тоже с прозеленью. Воздух липкий, сладковатый, попахивающий перезрелыми фруктами, влажность такая, что не поймешь, то ли сеется мелкий дождь, то ли нет.

Объявились мы в границах какого-то города, судя по всему. На другой планете такое место считалось бы парком, но здесь это был плоский, почти квадратный, поросший травой пустырь метров двухсот в поперечнике. Слева тянулась кривоватая улица из двухэтажных почерневших домов, справа стояла густая роща асимметричных, неуклюжих деревьев; спереди и сзади — опять-таки некрашеные здания без всякого порядка и неряшливый кустарник.

— Смотрите!

Мэйфлай указывала пальцем на образчик местной фауны, выскочивший из леса, первый на нашем пути.

Круглое мохнатое тело, две несуразно длинные тощие ноги, покрытые желтой чешуей, голова из ночного кошмара: выпученные горящие глаза, как блюдца, отвисшие красные наросты вроде петушиной бороды, торчащие черные клыки — и все этой скачет в нашу сторону, очень быстро. При этом еще воет, гнусно и свирепо.

У нас, конечно, есть оружие, но применять его не пришлось. Мгновение спустя стало ясно, что тварь просто убегает от другой, еще более гнусной и отвратительной. Эта последняя стлалась низко по земле на многочисленных коротеньких ножках; круглую голову украшали мелко ветвящиеся рога с извивающимися щупальцами на отростках. Редкая щетина на длинном теле стояла дыбом, а щупальца... щупальца, несомненно, оканчивались ядовитыми жалами.

Друг за другом твари пересекли пустырь и исчезли в кустах, откуда тут же послышались визг, ядовитое шипение и треск сучьев. На нас они внимания, похоже, не обратили.

Никомастир безмятежно улыбался. Несомненно, эпизод пришелся ему по вкусу. Мэйфлай тоже, по-видимому, была в восторге, и даже Велимиль хлопала в ладоши. Велимиль, такая близкая мне и родная. Велимиль, чьи вкусы по части удовольствий почти нормальны. Похоже, мне одному «цивилизованный» мир, где такие чудовища бегают, где захотят, не понравился.

Впрочем, так оно всегда и выходит. Моя доля — следовать немного в стороне за этой троицей, странствующей по Вселенной. Доля, которую не отвергнешь и от которой не откажешься.

С Мэйфлай мы были любовниками — две жизни тому назад. Еще до матрицы. Теперь, разумеется, плотские отношения немыслимы, но я и сейчас дорожу воспоминаниями. По-прежнему чувствую твердую, маленькую грудь в своих ладонях, по-прежнему охватывают меня длинные стройные ноги. Хотя между нами больше нет секса, остальное никуда не ушло, напротив — душевно мы ближе, чем когда-либо. Мы остаемся неразлелимой парой, несмотря на мои серьезные и глубокие отношения с Велимиль. Несмотря на искрометный роман Мэйфлай с Никомастиром. Но превыше и крепче всего остается единая цепь: та, что делает нас особым миром, где каждый — гражданин вселенной на четверых. Куда один, туда и все. Даже на Сидри Акрак.

Вскоре появились двое таможенников, чтобы произвести досмотр. Сидри Акрак — мир Империума, и система слежения иммиграционной службы сработала автоматически, когда мы прибыли на планету.

Из фыркающего тупоносого экипажа выбрались двое в мешковатых коричневых мундирах — мужчина и женщина. На во-

просы за всех отвечал Никомастир: его неотразимое обаяние действовало даже на аборигенов Сидри Акрака.

Один за другим следовали не слишком вежливые вопросы на имериале; время от времени таможенники обменивались несколькими словами на родном языке, звучавшем как радиопомехи. Женщина была смуглая, плосколицая и корнастая, мужчина еще того непривлекательнее; туристов, судя по манерам, они рассматривали как нежелательных пришельцев.

Вопросы все не кончались: как долго вы намерены пробыть на Сидри Акраке? Можете ли доказать свою финансовую состоятельность? Не намерены ли заниматься политической деятельностью?..

Никомастир отвечал гладко и убедительно; помаленьку накрапывал дождь — розоватый, маслянистый, липнущий к одежде, как машинное масло. Мимо промчалось чудовище вроде холма на коротких ножках, с многочисленными горбами и выпученными лиловыми глазами. Людьми оно не интересовалось; когда земля перестала дрожать под ногами, донесся густой запах тления.

Через некоторое время я перестал прислушиваться к вопросам, и конец подошел незаметно: нам посветили чем-то в глаза, сравнивая рисунок сетчатки с данными паспортов, и Никомастир объявил, что нам выдали визы на шесть месяцев, а гостиница в трех кварталах отсюда.

Гостиница оказалась мрачной трущобой, а хозяин держался не любезнее таможенников, но позволил-таки нам снять весь верхний этаж. Окна наших с Велимиль комнат смотрели на садик, находившийся на задах, вернее — на пустырь, заросший кустарником, где, хрюкая и ворочаясь, лениво пасся какой-то лохматый монстр. Подняв голову, зверь недоброжелательно посмотрел на меня, будто предупреждая, что чужакам следует держаться подальше от его угодий. Я помахал рукой, давая понять, что у меня и в мыслях не было; отвернувшись от окна, принялся разбирать багаж. Пока я возился, со стены смотрели на меня выпученными глазами какие-то слизняки с прозрачными, как стекло, раковинами. Твари медленно ползли колонной по диагонали, от верхнего угла к нижнему. Мне даже показалось, с хихиканьем.

Никомастир и Мэйфлай, однако, были счастливы, да и Велимиль не жаловалась; я остался в меньшинстве. Велимиль гром-

ко объявила, что собирается изобразить Никомастира на фоне пышной растительности гостиничного садика.

Велимиль пишет, только будучи в приподнятом настроении. Стало быть... Они сбежали вниз по лестнице, держась за руки, как счастливые детишки. Сверху я смотрел, как Велимиль, установив мольберт, занимается грунтовкой психосенситивного холста. На мохнатую зверюгу, что пасется совсем рядом, они внимания не обращают, будто аборигены. Приняли местные условия, и как быстро...

— Тебе здесь так скверно, милый? — Мэйфлай погладила меня по щеке кончиками пальцев.

— Привыкну, — улыбнулся я стоически. — Наверняка найдем что-нибудь интересное. Никомастир нас сюда привел не просто так...

— Но сам ты в это не веришь?

— Сказать по правде — не верю.

С одной оговоркой. Я часто говорю себе, что жизнь не должна быть вечным праздником. Несмотря на то, что наша жизнь именно такова. Потеряв осторожность, легко самого себя потерять в кошмаре совершенства.

Настала эпоха, когда возможно все. Мы живем, как боги. Чтобы удовлетворить любую прихоть, довольно протянуть руку. Красота и молодость достаются даром, стоит попросить. Ни дряблой кожи, ни животиков, ни седых волос, ни слабеющего зрения, ни теряющих эластичность артерий — никаких ужасов, преследовавших наших далеких предков. Вместо того — великолепие всей Галактики, доступное в любой момент. Достаточно ввести координаты. Во вселенной никто и никогда не жил так легко, как сегодня живет род человеческий.

Меня как раз эта легкость и пугает. Боюсь, что когда-нибудь настанет час расплаты. Мысль эта не дает мне покоя.

Мэйфлай, знающая меня едва ли не лучше меня самого, пробует утешить:

— Милый, посмотри на это так: даже уродство может преподать важный урок. Путешествуя, мы ведь хотим приобрести ценный опыт. Тогда нам нельзя ограничиваться прекрасными мирами. Сидри Акрак — ужасное место, но что, если именно здесь нам откроется какая-то истина?

Мэйфлай права. Конечно. Знает ли она, что произносит вслух мои мысли, или просто хочет поднять настроение? Я действи-

тельно ищу смысла в наших странствиях — или, по крайней мере, пытаюсь себя убедить, что ищу. Кажется, именно это отличает меня от остальных: Никомастир, Мэйфлай и Велимиль принимают жизнь такой как есть.

Вот они возвращаются из «сада» — Никомастир и Велимиль. Велимиль откладывает свернутый в трубку холст, не показывая мне. Она чем-то недовольна, и даже легкомысленный Никомастир мрачен.

Неприятности. Расспрашивать, однако, себе дороже.

Ужинаем мы в гостинице. Хозяин грубо стучит тарелками, почти с вызовом. Содержимое тарелок неаппетитно: зеленоватая кашица, тушеное мясо, расползающееся на волокна, разваренные овощи. Мясо по вкусу напоминает шнурки от ботинок, овощи отдают болотом. Я пытаюсь убедить себя, что мы вернулись на Ириарте, где кулинария — высокое искусство, а каждая трапеза — симфония. Или на Набомбу Зом, в роскошный отель на берегу алого моря. Моря, которое, встречая голубой рассвет, подает божественный голос, подобный удару в гонг.

Только обмануть себя не получается: мы на Сидри Акраке. Велимиль ровно дышит рядом, а я до утра не могу заснуть. За окнами визжат, воют и трубят ночные твари. Сквозь тонкие стены слышно, как возятся, стонут и смеются Мэйфлай и Никомастир.

Утром мы отправляемся на разведку.

Город называется Периандрос Андифанг, население более девяноста тысяч. Ни одного здания, представляющего архитектурный интерес, зато круглый год идет дождь.

Растительность здесь на редкость непривлекательная: по большей части серые листья и черные цветы. В воздухе клубятся тучи кровососов с грозными лиловыми жалами, ну и конечно, приходится иметь дело с местной фауной...

Все до единого — персонажи ночных кошмаров, и нет двух одинаковых. Массивные туши, выпученные глаза, слюнявые пасти с чудовищными клыками, изъеденная порами, похожими на оспины, кожа, щупальца или жуткие суставчатые клешни; появляются из ниоткуда, визжат, ревут и сотрясают землю. Я начинаю верить историям о беспечных путешественниках, заработавших нервный срыв в течение часа по прибытии на Сидри Акрак.

Скоро, однако, становится ясно, что люди этих ужасных тварей не интересуют. Разве только можно угодить под копыта, или

что там у них. Похоже, мы для местных чудовищ неаппетитны, несъедобны, а то и ядовиты. Все равно страшновато, а попадаются они на каждом шагу.

Никомастир, между тем, счастлив. Чем отвратительнее, тем лучше. Он непрерывно фотографирует, не пропуская ни одной уродливой постройки. Вонючие цветы и липкие, заплесневелые листья его восхищают, не говоря о животном мире: когда наперерез нам бросается что-нибудь особенно гигантское или мерзкое, он визжит от восторга.

Меня это понемногу начинает раздражать: глядя на его мальчишескую дурь, я чувствую себя старым.

— Ему еще семидесяти нет, милый,— напоминает мне Мэйфлай, гляля, как я хмурюсь.— Когда-то и ты наверняка был таким же.

— Я? Не знаю, не знаю. Надеюсь, что нет.

— В любом случае, разве его энтузиазм не заразителен?

Для меня? Никоим образом. Пожалуй, стоит подумать об очередном перерождении. Мы теперь стареем не телом — его поддерживают в форме процессы автоматической биокоррекции,— а духом. Психологические механизмы начинают скрипеть и с трудом проворачиваются. Накапливается желчь, приходит раздражение и мелочность, ощущения теряют остроту, жизнь сереет. Приходит время снова погрузиться в прозрачный резервуар, где в паутине тонких механизмов чувствуешь себя, как на руках у матери. За кратким забвением следует пробуждение — пробуждение к новой жизни и новой молодости. Процедуру можно повторять, пока, где-то после одиннадцатого или двенадцатого раза, не скажется накопление остаточных ядов, которые не поддаются удалению. Тогда-то и приходит конец, увы. Даже боги, видимо, смертны.

Так что Никомастир у нас молодой бог, а я уже старый. Надо бы сделать поправку на это обстоятельство, но ничего не выходит: мне хочется только, чтобы он соскучился поскорее и позволил нам унести отсюда ноги.

Ему, однако, все никак не надоест.

Он в восторге. Очарован мерзостью, по словам древнего поэта. Никомастир исходил вдоль и поперек каждую улицу, оглядывая со всех сторон убогие дома; через несколько дней признался, что ищет определенное здание. Несколько позже он его нашел, на отшибе, посреди огороженного парка.

— Вот оно! Родовое поместье! — объявил Никомастир, указывая на развалины, уродливые даже по местным меркам.— Дом, где родился мой отец!

Ему по-прежнему нравится думать, что он происходит с Сидри Акрака. Правдой это быть никак не может: у туземцев в жилах течет не кровь, а болотная вода, а душ, кажется, нет вовсе. Или душу им заменяют несложные механизмы в головах. Самые несложные: я встречал роботов, куда более обаятельных, чем местные жители. Никомастир, слава богу, не имеет со здешним народом ничего общего; при всем его вздорном легкомыслии он дружелюбен и приветлив. К гражданам Сидри Акрака эти термины неприменимы. Ни сегодня, ни в сколь угодно отдаленном будущем.

Велимиль снова попробовала написать портрет Никомастира, и снова ничего не вышло. На нее было больно смотреть, и я рискнул спросить, откуда сложности. Велимиль считает искусство глубоко интимным делом...

— Смотри,— сказала она, разворачивая второй холст.

На фоне цветных вихрей — обычного для нее фона — стояла угловатая, худая фигура Никомастира, спроецированная на чувствительный холст усилием воли художника. Только лицо получилось совершенно неправильное: всегдашняя светлая улыбка вышла плотоядным оскалом. За растянутыми губами блестели зубы хищного зверя, а глаза... О Велимиль! Почему этот взгляд больше не искрится весельем, но горит свирепым огнем? А еще глубоко в этих узких щелочках глаз притаилась тоска. Разгневанный бог получился, но бог умирающий — бог, которому предстоит отдать бессмертие во искупление ближнего своего.

— Первый был почти так же страшен,— сказала Велимиль.— Но почему?.. В Никомастире этого нет. Никогда раньше со мной такого не случалось.

— А он сам видел?

— Нет, такого я ему не покажу. Сказала, что не получилось и что не хочу расстраивать. Само собой, после этого он и сам не захотел.

— Сидри Акрак что-то делает с твоим зрением, Велимиль. Лучше сожги оба холста. Сожги и забудь о картинах, пока мы здесь.

Никомастиру же просто необходимо проникнуть внутрь громоздкой развалины, которую он величает родительским домом. Развалина или нет, дом, однако, вовсе не пустует. Напротив, он, скорее, перенаселен.

На стук в парадное открыл мажордом. Узнав, что граф Никомастир Сембрийский предпринял неблизкое путешествие с целью посетить бывшее имение своего отца, мажордом молча захлопнул дверь.

— Как грубо,— проворчал Никомастир без особого удивления.— Но не беспокойтесь: я найду способ!..

Беспокоиться он, правда, и сам не стал, день за днем увлекая нас в джунгли, далеко за городскую черту Периандроса Андифанг. Ну и что? Грязь под ногами всегда хлюпает, повсюду неаппетитное зверье, насекомые и вековечная сырость.

Велимиль и Мэйфлай начали уставать, я видел, но держались как всегда, снисходительно терпя капризы Никомастира. По тропинкам болотного царства обе следовали за ним без колебаний. Я, впрочем, тоже. Отчасти потому, что давным-давно мы твердо решили повсюду держаться вместе, а еще, наверное, из-за намеков Велимиль и Мэйфлай. Они думают, мое вечное недовольство предвещает для меня скорое перерождение.

— По словам отца, за домом есть озеро или пруд.— Никомастир, оказывается, не забыл о «родовом поместье».— Вода там ярко светится; мальчишкой он часто плавал в этом пруду, а выходя на берег, ронял на землю огненные капли. Я тоже хочу. Искупаюсь, и отправимся дальше. Кстати, чья там очередь выбирать новую планету?

— Моя очередь,— сказал я быстро.

Очень хочется на Марахо, где пески сверкают под солнцем. Город Семи Пирамид...

— Никомастир, если там действительно есть озеро, советую держаться от него подальше,— продолжал я.— По-моему, местные жители очень не любят незваных гостей. И подумай, какая мерзость может водиться в водоемах такой планеты.

— В этом пруду плавал мой отец.— Никомастир смотрел с вызовом.— Никакой опасности, уверяю тебя.

Само собой, я не слишком верил в существование озера, но очень надеялся, что он туда не полезет, в случае чего. Не настолько же он идиот? Любя мальчишку, я боялся за него.

Возражать, однако, поостерегся: уже сказано слишком много. Никомастир любит поступать наперекор. А за день или два, глядишь, и забудет, если не привлекать его внимания к этому грязному дому и вымышленному озеру.

Находясь на планете, о которой мало знаешь, лучше не лезть куда попало. На Мегало Кастро нам довелось смотреть с обрыва на знаменитое живое море. Похожее на розовый заварной крем, оно представляет собой единый организм, протянувшийся на тысячи километров. Если бы мы решили искупаться, океан бы нас просто переварил.

На Ксамуре мы посещали кратер Идрадин — его не миновал ни один турист. Ксамур совершенен: безмятежный рай, где воздух насыщен ароматами, а воды подобны вину. Леса, реки и горы выглядят делом рук великого художника, но на лике этого мира есть один изъян, один глубокий провал в преисподнюю — кратер Идрадин. Его окружают концентрические круги застывшей черной лавы, из трещин вырываются удушливые газы, облака желтой серы и струи ревущего пламени. Если стоять на краю кратера, видно, как внизу ворочаются, норовя вырваться, потоки раскаленной магмы.

Идрадин не полагается обходить стороной, иначе никогда потом не оставит тоска по прекрасному Ксамуру. Мы смотрели сверху, нас пробирала дрожь, как и следовало, но спускаться вниз, чтобы ощутить на своем лице брызги огненного моря, мы не пытались.

С чего бы Никомастиру делать глупости именно теперь? И все же я старался, как мог, избегать разговоров об озере.

Мы не стоим на месте: еще одно болото, еще одна рощица зловонных уродливых деревьев, еще один поселок — безобразное скопление безобразных домов. Дождливые дни сменяют друг друга, и настает момент, когда я не могу больше выносить коричневого неба и тусклого, с прозеленью солнца. Однажды утром я остаюсь в гостинице один, хотя мы так и не договаривались. Мэйфлай, Велимиль и Никомастир уходят без меня.

Несколько тихих часов я предаюсь воспоминаниям о прошедших годах. Сколько миров нам довелось повидать? Ледяной Мулано ходит по орбите вокруг двух солнц, желтого и кроваво-красного; морозный воздух полон светящихся призраков — мест-

ная жизнь соткана из электричества. На Эстреллидисе у кошек два хвоста, а глаза насекомых подобны голубым бриллиантам. Планета Зимбалу блуждает в межзвездном пространстве; города там зарылись глубоко под скованную льдом землю. Хадж Кайдан, Вьеторис, Набомба Зом... Целая жизнь, полная незабываемых впечатлений,— и какая длинная! Но имеет ли мой опыт смысл и значение? Изменился ли я? Узнал ли я что-нибудь?

Ответа нет, но мы не остановимся. Вперед, только вперед — вечно. Это наша жизнь, другой мы не знаем. Странствия без конца — наш выбор, но и наша судьба. Наше предназначение.

К действительности меня вернул голос Велимиль за окном:

— Спускайся скорее! Никомастир! Никомастир!..

— Что с ним? — спросил я.

Велимиль не смогла даже ответить, но в глазах ее металось отчаяние. Мы бежали по мокрым улицам, разбрызгивая грязь; впервые мы не обращали внимания на нескладных монстров, перебегавших дорогу. Вскоре стало ясно, что мы приближаемся к развалине, которую Никомастир объявил «отчим домом».

В конце концов заросшая тропинка вокруг грязной постройки, похожей скорее на трущобу, чем на усадьбу, вывела нас к светящемуся озеру из мечты Никомастира. Я стоял, потрясенный, а по берегу в отчаянии металась Мэйфлай.

— Там!.. Вон там!..— кричала она.

На этой тошнотворной планете даже фосфоресцирующее озеро может, оказывается, выглядеть грязной лужей. На Дарме такое озеро горело небесным огнем; легкая рябь вспыхивала пурпуром, кобальтом и золотом; в таинственных глубинах спорили друг с другом изумруды, аквамарины и аметисты. Здесь же поверхность светится тускло и равномерно, как гнилушка,— кроме одного места у противоположного берега. Там вода бурлит, сверкая металлом так, что глазам больно.

Это Никомастир, вернее — его тело, ворочающееся в воде под напором обитателей озера. Десятки чешуйчатых тварей щелкают узкими челюстями, разрывая плоть на куски; кровь понемногу расползается мутным пятном. Скоро от Никомастира ничего не останется.

— Мы должны его вытащить! — всхлипнула Мэйфлай.

— Как? — скривился я.

— Я же говорила, говорила ему — не надо! — произнесла Велимиль дрожащими губами.— Хотела остановить, но он сразу

нырнул и поплыл... На середине твари начали выскакивать из воды, он закричал, потом...

— Что нам делать? Как спасти?..— начала Мэйфлай, судорожно хватая меня за рукав.

— Поздно,— ответил я.

— Но мы могли бы достать тело. Неужели нет способа оживить? Наверняка есть, ученые теперь все научились делать...

Велимиль осторожно кивает:

— Собрать по кусочкам, применить регенерацию тканей... Мало ли что?

Вот-вот. Ткани только и остались — несколько обрывков. Скоро доедят окончательно — вон как торопятся.

Девушки хотят, чтобы я с ними согласился: Никомастир не умер по-настоящему. Нет, никак не выходит: он таки умер, окончательно и бесповоротно. То, что случилось сегодня, вовсе не игра. Ничего нельзя спасти, ничего нельзя регенерировать.

Впервые в жизни я вижу смерть своими глазами. Головокружительный опыт. Меня начинает трясти.

— Никак было его не остановить? — спросил я сердито, с трудом обретя дар речи.

— Он так сильно хотел,— пробормотала Мэйфлай.— Мы все равно не смогли бы его остановить, даже если бы...— Мэйфлай остановилась.

— Даже если б хотели? — подсказал я.

Пряча глаза, девушки молчали.

— Ну разумеется. Это ведь интересно: посмотреть, как Никомастир плывет через озеро. Интересно и весело. Угадал? Ну конечно, угадал. О чем вы думали? Мэйфлай? Велимиль?

Никомастира уже нет, будто и не было никогда. Поверхность озера успокоилась; свет, и без того тусклый, словно подернулся плесенью.

Долгое время мы не могли пошевелиться. С трудом переводя дыхание, мы так и стояли на берегу озера, бледные и потрясенные.

Неоспоримая и окончательная смерть для любого из нас — опыт куда более уникальный, чем живое море Мегало Кастро или голубой рассвет Набомбы Зом. Тяжесть такого факта приковывает к месту.

Неужели Никомастир действительно происходил отсюда? А отец его действительно родился в этом старом, запущенном

доме и плавал в смертоносном озере? Но если все неправда, откуда Никомастир знал заранее? Озеро-то оказалось на месте... Ответов на эти вопросы мы никогда не получим. Чего мы не успели узнать о Никомастире, не узнаем уже никогда. Вот оно, истинное значение смерти: полный и непоправимый обрыв линий связи. Опускается железный занавес, и конец. Мы пришли на Сидри Акрак вовсе не для того, чтобы об этом узнать, но урок свой получили именно здесь. Отсюда мы понесем его дальше, осмысливая и переживая вновь.

— Пошли,— сказал я негромко.— Ни к чему оставаться...

Никомастир был безрассуден. Никомастир был храбр. Вот и все. Ему непременно надо было поплавать, и теперь он мертв. Но почему? Чего ради? Что искал он на этой скверной планете? А мы? Мы смотрим в лицо тому, что нашли, но не знаем, чего искали. И узнаем ли?

Никомастиру досталась единственная жизнь, и он потерял ее в погоне за пустыми удовольствиями. Урок для меня, Велимиль и Мэйфлай. Осталось усвоить этот урок; надеюсь, когда-нибудь получится.

Что ж, прожив несколько сотен лет, я знаю, что вселенная весьма велика, а мы совсем незначительны. Живем, как боги, порхая с планеты на планету, но все-таки не боги. Мы умираем: рано или поздно, но умираем. Вечно живут только настоящие боги. Никомастир вовсе почти что и не жил.

Смерть Никомастира научила нас тому, чему научила, и надо идти дальше. Мы — странники по природе и предназначению, и нам по жизни полагается идти. Завтра мы покидаем Сидри Акрак, и вперед — вперед на Марахо. Сверкающие пески, Город Семи Пирамид. Марахо преподаст нам свой урок, как преподали его Ксамур, Набомба Зом и Галгала. Ну, и Сидри Акрак. Каждый раз понемногу.

Содержание

Песни лета *(перевод А. Орлова)* 5
Звероловы *(перевод В. Вебера)* 21
Деловая хватка *(перевод Л. Огульчанской)* 27
Археологические находки *(перевод В. Вебера)* 43
Огонь славы *(перевод А. Орлова)* 54
Скрытый талант *(перевод С. Монахова)* 67
Старик *(перевод А. Гузмана)* 89
Дорога в один конец *(перевод Б. Жужунавы)* 95
Зачем? *(перевод А. Орлова)* 116
Мир тысячи красок *(перевод Б. Жужунавы)* 129
Два сапога — пара *(перевод Т. Гинзбург)* 144
Рукою владыки *(перевод Норы Галь)* 165
Точка отсчета *(перевод А. Орлова)* 188
Главная заповедь *(перевод Б. Жужунавы)* 204
На дальних мирах *(перевод В. Вебера)* 215
Тень крыльев *(перевод А. Орлова)* 231
Мухи *(перевод С. Монахова)* 243
Клыки деревьев *(перевод С. Монахова)* 254
К черной звезде *(перевод С. Монахова)* 278
Когда нас покинули мифы *(перевод В. Баканова)* 290
Как хорошо в вашем обществе *(перевод В. Баканова)* 297
Путеводная звезда *(перевод И. Новицкого)* 311
Добрые вести из Ватикана *(перевод А. Корженевского)* 331
В когтях энтропии *(перевод Б. Жужунавы)* 340
Что мы узнали из утренней газеты *(перевод В. Баканова)* 384
Сезон мутантов *(перевод А. Корженевского)* 394
В ожидании катастрофы *(перевод И. Полоцка)* 399
Меж двух миров *(перевод А. Корженевского)* 424
Не такие, как все *(перевод А. Орлова)* 448
Джанни *(перевод А. Корженевского)* 469
Басилей *(перевод Н. Ивановой)* 492

Иголка в стогу времени *(перевод А. Орлова)* 511
Туризм *(перевод Б. Жужунавы)* 530
Симбионт *(перевод Б. Жужунавы)* 555
Подселенец *(перевод Б. Жужунавы)* 577
Ловушка *(перевод А. Жаворонкова)* 644
Охотники в лесу *(перевод О. Звереной)* 654
Он уходит и возвращается *(перевод С. Теремязевой)* 669
Дорога в Город призраков *(перевод А. Орлова)* 687
Попасть в империю *(перевод С. Теремязевой)* 732
Рожденный с мертвецами *(перевод А. Орлова)* 758
Путешественники *(перевод А. Орлова)* 827